РА 30 / Ч-49
ПСС т. V
СПб, 1906

Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго

Инс
со
72

PA
30
4-49

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ V.

СОВРЕМЕННИКЪ 1859.

Отдѣлъ „Политика".

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1906.

ф 8919

БИБЛИОТЕКА
Государ. ... Музея
№ 15275
5/VI 1936

Оглавленіе V тома.

Современникъ 1859 г.

Отдѣлъ „Политика“.

Стр.

№ 2 [1].—Итальянскій вопросъ.—Чувство, съ которымъ встрѣчены во Франціи слухи о войнѣ.—Брошюра „*Aurons-nous la guerre?*“—Колебанія, оставляющія всѣхъ въ недоумѣніи.—Побужденія къ войнѣ у Наполеона III и у Сардиніи.—Соображенія, заставляющія англичанъ идти противъ желаній Сардиніи.—Рѣчь сардинскаго короля.—Пренія о займѣ въ сардинской палатѣ депутатовъ.—Бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды.—Сардинскій заемъ.—Параллельность миролюбныхъ и воинственныхъ манифестацій во Франціи.—Рѣчи Наполеона III и Морни 7 и 8 февраля.—Нынѣшнее положеніе итальянскаго вопроса.—Парламентская реформа въ Англіи.—Отношеніе англійской журналистики къ Брайту.—Бредфордскій митингъ и билль Брайта.—Митингъ лондонскихъ характеровъ.—Проектъ Times'а.—Рочдельская рѣчь.—Билль министерства.—Событія на Іоническихъ островахъ.—Выборъ Александра Кузы въ Валахіи.—Изгнаніе Сулука 1

—**Приложеніе**:—А.—Письма „Итальянца“ изъ Times'а объ итальянскомъ вопросѣ и отвѣтъ этой газеты. 54

В.—Изъ преній объ адресѣ въ палатѣ общинъ (засѣданіе 3 февраля 1859 г.). Положеніе итальянскаго вопроса 58

С.—Билль Брайта, извлеченіе изъ его рѣчи на Бредфордскомъ митингѣ (по отчету Times'а) 63

D.—Статья Times'а о намѣреніи министерства отложить билль о реформѣ 72

Е.—Митингъ въ лондонской сити (по отчету газеты *Manchester Cuardian*). 74

№ 3.—Миролюбивыя манифестаціи во Франціи.—Выговоръ газетѣ *Presse*.—Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ, при дворѣ и въ сенатѣ.—Письмо къ Геду, статья Монитера и отставка принца Наполеона.—Посольство лорда Коули.—Общественное мнѣніе во Франціи и итальянскія фанатики.—Проекты перемѣнъ въ нынѣшней французской системѣ.—Положеніе итальянскаго вопроса около 3 (15) марта.—Компьенскія увѣренія Пальмерстона.—Парламентская реформа въ Англіи.—Министерскій билль.—Д'Израэли, какъ прогрессистъ.—Россель снова становится главою оппозиціи.—Прибытіе неаполитанскихъ плѣнниковъ въ Англію.—Можно ли назвать ихъ страдавшими не по собственной ихъ винѣ 78

—**Приложеніе**:—А.—Письмо Наполеона къ мистеру Геду; письмо мистера Геда въ редакцію газеты *Times* и отвѣтъ газеты 118

В.—Замѣчаніе и объяснительная статья изъ Монитера 5 марта съ отвѣтомъ газеты *Times* 121

С.—Отрывки изъ рѣчей лорда Джона Росселя и мистеровъ Робака и Брайта противъ билля о парламент-

[1] № 1 пришлось по нѣкоторымъ соображеніямъ помѣстить въ концѣ книги.

ской реформѣ, внесеннаго мистеромъ д'Израэли въ засѣданіе палаты общинъ 28-го февраля (по отчету газеты *Times*) 125
№ 4—Размышленія, выводимыя изъ сравненія условій русскаго, австрійскаго и сардинскаго займовъ.—Конгрессъ по итальянскому вопросу.—Распущеніе парламента въ Англіи.—Баварскія дѣла.—Почему не должно обвинять Пфортена.—Почему мы считаемъ Поэріо страдавшимъ по собственной винѣ. 131
—**Приложеніе**:—Статья газеты *Hитbug* о выгодахъ союза съ Франціею. . 161
№ 5.—Австрійскій ультиматумъ.—Нелѣпость австрійскихъ дѣйствій въ Сардиніи.—Состоитъ ли цѣль войны въ освобожденіи Италіи?—Положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 мая новаго стиля.—Выборы въ Англіи . . . 164
—**Приложеніе**:—А.—Взглядъ англичанъ на войну. 202
В.—О характерѣ выборовъ въ маленькихъ городахъ (статьи *Times'a* 26 и 27 апрѣля) 206
№ 6.—Причины нашей симпатіи къ австрійцамъ.—Сраженіе при Монтебелло и Палестро.—Битва при Маджентѣ.—Дѣйствія Гарибальди.—Тосканскія дѣла 209
—**Приложеніе**:—А.—Отрывки изъ Studien zur gegenwaertigen Lage Europa's, v. Karl Vogt. 251
В.—Извлеченіе изъ рѣчи Кошута по поводу итальянскаго вопроса, на митингѣ въ лондонской сити, 19 (7) мая (изъ *Times'a*). 267
№ 7.—Похвала миру. — Сраженія при Маджентѣ и Сольферино. — Причины слабости австрійской арміи.—Причина, по которой былъ заключенъ миръ 271
—**Приложеніе**:—А.—Битва при Маджентѣ по разсказу корреспондента *Times'a*, находящагося при австрійской главной квартирѣ. 321
В.—Письмо о дѣйствіяхъ Гарибальди. 324
№ 8.—Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французовъ за Виллафранкскій миръ.—Рѣчь императора въ Сенъ-Клу.—Негодованія во Франціи и Италіи.—Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ.—Урокъ для либераловъ. 328
№ 9.—Дѣла центральной Италіи. — Реформы въ Австріи. — Движеніе въ пользу единства Германіи 370
№ 10.—Пармская сцена 5-го октября.—Бездѣйствіе Сардиніи.—Возникновеніе нѣкоторой энергіи въ правительствахъ центральной Италіи.—Приближеніе вооруженной реакціи. — Очеркъ положенія дѣлъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи.—Заговоръ въ Турціи. 402
№ 11.—Европейскія дѣла.—Сѣверо-Американскіе штаты и Браунъ 436
—**Приложеніе**: I.—Письмо императора французовъ къ королю сардинскому (изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей). 443
II.—Временная конституція и постановленія для народа Соединенныхъ Штатовъ (то есть уставъ военнаго общества для освобожденія невольниковъ). 444
№ 12.—Ходъ дѣлъ въ центральной Италіи.—Отставка Гарибальди.—Конгрессъ.—Прочность австрійскаго порядка.—Безопасность венгерскаго движенія, общаго неудовольствія и финансоваго разстройства.—Отношенія Франціи къ Англіи. 447
№ 1.—Характеръ историческаго прогресса. — Обзоръ состоянія Западной Европы. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Парламентская реформа въ Англіи 484

ПОЛИТИКА.

Февраль 1859.

Итальянскій вопросъ.—Чувство, съ которымъ встрѣчены во Франціи слухи о войнѣ.—Брошюра «*Aurons-nous la guerre?*». —Колебанія, оставляющія всѣхъ въ недоумѣніи.—Побужденія къ войнѣ у Наполеона III и у Сардиніи.—Соображенія, заставляющія англичанъ идти противъ желаній Сардиніи.—Рѣчь сардинскаго короля. — Пренія о займѣ въ сардинской палатѣ депутатовъ.—Бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды.—Сардинскій заемъ.—Параллельность миролюбныхъ и воинственныхъ манифестацій во Франціи.—Рѣчи Наполеона III и Морни 7 и 8 февраля.—Нынѣшнее положеніе итальянскаго вопроса. — Парламентская реформа въ Англіи. — Отношенія англійской журналистики къ Брайту. — Бредфордскій митингъ и билль Брайта.—Митингъ лондонскихъ характеровъ. — Проектъ *Times'a.* — Рочдельская рѣчь. — Билль министерства.—Событія на іоническихъ островахъ.—Выборъ Александра Кузы въ Валахіи.—Изгнаніе Сулука.

Вся Западная Европа занята приготовленіями къ войнѣ. Мы не будемъ пересказывать слуховъ, носившихся еще съ половины прошлаго года, если не раньше. Читатель знаетъ, что всѣ эти толки казались неправдоподобными до той минуты, какъ французскій императоръ сказалъ австрійскому посланнику, во время торжественнаго представленія поздравленій съ новымъ годомъ отъ дипломатическаго корпуса, знаменитыя слова: „я жалѣю, что наши отношенія съ Австріею такъ дурны“. Офиціальная редакція, явившаяся черезъ нѣсколько дней во французскихъ газетахъ, нѣсколько смягчила фразу, замѣнивъ слова „такъ дурны“ словами „не такъ хороши, какъ были прежде“. Но и въ смягченномъ видѣ фраза выражаетъ близость войны. А дѣйствительно сказана она была въ той болѣе сильной формѣ, которую мы сообщили. Надобно прибавить, что слова эти были произнесены тономъ гораздо болѣе рѣзкимъ, нежели какимъ обыкновенно говоритъ французскій императоръ, и сопровождались одушевленнымъ жестомъ. Сцена, сдѣланная такъ неожиданно, въ такой офиціальной обстановкѣ, произвела на многочисленныхъ зрителей впечатлѣніе, напомнившее о подобной сценѣ, сдѣланной Наполеономъ I англійскому посланнику передъ разрывомъ Аміенскаго мира. Говорятъ, что военный министръ, маршалъ Вальянъ, подошелъ къ Гюбнеру и сказалъ: „Я полагаю, что послѣ этого я не долженъ подать вамъ руки“. Но только немногіе люди во Франціи приняли предвѣстіе войны съ такою готовностью, какъ этотъ воинственный членъ института. Курсы на парижской биржѣ сильно упали. Желаніе поддержать ихъ заста-

вило полуофиціальныя французскія газеты прибѣгать ко всевозможнымъ истолкованіямъ для успокоенія капиталистовъ; да и потомъ за каждымъ воинственнымъ словомъ или распоряженіемъ постоянно слѣдовали смягченныя объясненія и миролюбивыя статьи, для той же самой цѣли, для успокоенія биржи. Въ отношеніяхъ къ ней надобно полагать одну изъ причинъ колебаній, которымъ подвергалась, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, непосвященныхъ въ дипломатическія тайны, французская политика по вопросу о войнѣ. Но биржа, при всемъ своемъ расположеніи къ миру, мало довѣряла миролюбивымъ чувствамъ. Курсы фондовъ, особенно австрійскихъ, сардинскихъ и французскихъ, постоянно падали. Какъ велики потери, понесенныя капиталистами уже отъ однихъ слуховъ о войнѣ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. 31 декабря 3 проц. французскіе фонды на парижской биржѣ стояли на 72 франкахъ 90 сантимахъ (курсъ дѣйствительной продажи за наличныя деньги, безъ отсрочки); 31 января тотъ же курсъ былъ только 68 франковъ 35 сантимовъ; по количеству фондовъ, находящихся въ рукахъ публики, это пониженіе на 4 фр. 55 с. составляетъ потерю болѣе, нежели въ 400.000.000 фр. Другія кредитныя цѣнности во Франціи понизились въ такой же пропорціи. Еще больше поколебались сардинскія и австрійскія цѣнности. Около 10 января общую потерю на всѣхъ кредитныхъ цѣнностяхъ Западной Европы оцѣнивали уже въ $1^1/_2$ милліарда франковъ. Теперь она еще значительнѣе. Но что разорительно для людей, непосвященныхъ въ тайны, то самое служитъ въ огромную пользу счастливцамъ, узнающимъ о политическихъ перемѣнахъ раньше, чѣмъ они сдѣлаются извѣстны публикѣ. Говорятъ, что слова французскаго императора доставили много милліоновъ тѣмъ избраннымъ, которые наканунѣ новаго года знали, что скажетъ онъ барону Гюбнеру: сдѣлавъ въ огромномъ размѣрѣ спекуляцію на пониженіе фондовъ, они пріобрѣли громадные барыши. Пониженіемъ фондовъ отчасти объясняется отвращеніе къ войнѣ, столь сильно обнаружившееся въ цѣломъ французскомъ обществѣ. Число людей, имѣющихъ фонды государственнаго долга, всегда было во Франціи огромно; но со времени займовъ, произведенныхъ въ крымскую войну и раздававшихся самыми маленькими частями, оно учетверилось. До 1848 года облигаціи государственнаго долга были въ рукахъ 292.000 человѣкъ; въ началѣ 1857 года число лицъ, владѣвшихъ этими облигаціями, простиралось уже до 1.028.284 человѣкъ; съ того времени оно, конечно, еще увеличилось. Каждый изъ этихъ людей теряетъ часть своего капитала при пониженіи фондовъ; понятно, какъ должны они всѣ бояться войны, одинъ слухъ о которой отнялъ у нихъ же болѣе 6 франковъ изъ каждыхъ 100 франковъ. Нынѣшнее французское правительство само заботилось о увеличеніи числа владѣльцевъ ренты, интересъ которыхъ связанъ съ высокимъ курсомъ фондовъ и которые, слѣдовательно, должны противиться всякимъ смутамъ и рѣзкимъ политическимъ перемѣнамъ, понижающимъ курсъ. Привлекать небогатыхъ людей къ тому, чтобы каждую сотню франковъ, сбереженную отъ расходовъ, они промѣнивали на фонды,—это называлось демократизаціею ренты и должно было служить къ упроченію нынѣшней системы. Забота о демократизаціи ренты удалась; но вотъ, когда понадобилось начинать войну, весь тотъ милліонъ се-

мей, которыхъ должны были фонды сдѣлать защитниками нынѣшней системы, заговорилъ противъ войны, необходимой для нея. Вся промышленная и торговая часть французской націи также противъ войны, — это не требуетъ объясненія. Кромѣ офицеровъ, находящихъ славу и денежную выгоду въ войнѣ, вся Франція въ пользу мира, потому что трудно найти человѣка, интересы котораго не пострадали бы отъ его нарушенія. Общее мнѣніе такъ неуступчиво въ этомъ вопросѣ, что ни въ одномъ департаментѣ, ни въ одномъ городѣ до сихъ поръ не удалось устроить хотя какую нибудь манифестацію въ пользу войны, несмотря на всѣ усилія префектовъ. Этимъ настроеніемъ умовъ объясняется почему отъ времени до времени необходимымъ считаютъ допускать чрезвычайно сильныя печатныя протестаціи противъ войны: необходимо дѣлать уступки общественному мнѣнію. Однимъ изъ первыхъ протестовъ была статья Прево-Парадоля, въ Journal des Débats, 12 Января.

«Органы общественнаго мнѣнія (говоритъ газета, обыкновенно столь осторожная въ словахъ) не должны терять изъ виду, что отвѣтственность на нихъ лежитъ не только за то, что они говорятъ, но и за то, что они умалчиваютъ; не должны забывать, что именно за молчаніе, когда было бы полезно и можно прервать его, тяжелѣе всего подвергаться отвѣтственности. Если бы мы могли думать, хотя минуту, что намъ будетъ запрещено выразить общее мнѣніе о важномъ вопросѣ внѣшней политики, занимающемъ нынѣ всѣхъ, это принужденное молчаніе огорчило бы нашъ патріотизмъ, но не уронило бы нашей чести, и мы могли бы считать себя какъ бы избавленными отъ обязанности, невозможной для исполненія. Но мы не думаемъ, чтобы такъ было; мы убѣждены, напротивъ, что никому не можетъ быть непріятно, если мы, повинуясь нашей совѣсти, скажемъ правду о вопросѣ, касающемся важнѣйшихъ интересовъ Франціи.

«Мы вѣримъ искренности словъ правительства, что оно не ищетъ войны; но мы боимся, чтобы оно не было вовлечено въ нее и безъ желанія. Мы видимъ, что нѣкоторыя газеты (*Débats* намекаетъ главнымъ образомъ на *Presse* и *Constitutionnel*, изъ которыхъ первая служитъ органомъ принцу Наполеону, а вторая пользуется непосредственными внушеніями самого Наполеона III, сносящагося съ ея редакціею иногда даже мимо своихъ министровъ) расточаютъ правительству гибельные совѣты и стараются передать ему свои заблужденія. Ему представляютъ освобожденіе Италіи дѣломъ легкимъ; ему показываютъ за Альпами союзника, силу котораго преувеличиваютъ, и къ довершенію обмана изображаютъ ему остальную Европу въ такомъ видѣ, какъ будто бы она была расположена мирно смотрѣть, съ оружіемъ въ рукахъ, съ тайнымъ удовольствіемъ и эгоистическимъ ужасомъ на раздробленіе Австрійской имперіи.

«Мы увѣрены, что французское правительство, знающее состояніе Европы по крайней мѣрѣ не меньше, нежели его знаетъ образованная часть публики, не можетъ быть обмануто этими грубыми уловками, и ручательствомъ за то намъ служатъ мирныя увѣренія, недавно имъ данныя».

Далѣе Journal des Débats доказываетъ, что Австрія противникъ могущественный; что Пруссія и весь Германскій союзъ взялись бы за оружіе противъ Франціи, если бы Австріи стала грозить серьезная опасность; что Англія также приняла бы сторону Австріи.

Единственнымъ исключеніемъ (продолжаетъ Прево-Парадоль) служитъ Піэмонтъ, имѣющій свою частную выгоду въ войнѣ. Желая войны, онъ старается дѣйствовать на Францію и выказывать французское правительство въ

такомъ положеніи, будто бы оно уже запуталось до того, что не можетъ отказаться отъ войны.

«Вотъ вся политика враговъ мира. Она не глубока; но не въ первый разъ судьба народовъ была бы рѣшена непредусмотрительностію и дерзостью, при помощи случая. Что до насъ, мы вѣримъ миролюбивымъ объявленіямъ французскаго правительства; мы убѣждены, что оно не станетъ слушать тѣхъ, которые хотятъ поставить его въ безвыходное положеніе, принудить его дѣлать выборъ между его честью и національнымъ интересомъ; мы увѣрены, что оно не дозволитъ близорукимъ агитаторамъ подвергнуть опасностямъ судьбу Франціи.

«Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, мы исполняемъ нашу обязанность передъ правительствомъ и передъ обществомъ, говоря правду».

Journal des Débats отличается отъ всѣхъ другихъ независимыхъ европейскихъ газетъ совершенной дипломатичностью своего языка. Онъ всегда говоритъ: „мы увѣрены въ вашемъ желаніи“ вмѣсто „мы требуемъ отъ васъ“; „вы этого не сдѣлаете“; „вамъ даютъ дурные совѣты“ вмѣсто „у васъ дурныя мысли“. Но дипломатическій языкъ, при всей своей мягкости, вовсе не лишенъ ни силы, ни ѣдкости. Надобно только взвѣшивать его выраженія и мы найдемъ подъ увѣренностью—разрушеніе довѣрія, подъ любезностями—вражду, подъ деликатностями—сарказмъ. „Constitutionnel даетъ гибельные совѣты“,—но развѣ неизвѣстно каждому парижанину, что Constitutionnel пишется подъ диктовку императора? Сопоставленіе мнѣній Constitutionnel'я съ словами „мы вѣримъ увѣреніямъ въ миролюбіи правительства“ придаетъ этимъ послѣднимъ словамъ значеніе вовсе недвусмысленное. „Французское правительство, знающее состояніе Европы, конечно, не хуже, нежели знаетъ образованная часть публики, разумѣется, не думаетъ“—каковъ смыслъ этой фразы, когда правительство увѣряетъ, будто оно такъ думаетъ?

Статья Débats была понята всѣми; „мы не вѣримъ формальнымъ увѣреніямъ нашего правительства; оно ищетъ войны; оно хочетъ обмануть публику, обѣщая нейтралитетъ Германіи и Англіи; но обманъ слишкомъ грубъ. Правительство такъ запуталось, что жертвуетъ національными интересами для своей надобности“.

Но дипломатическій языкъ кажется слишкомъ мягкимъ для массы публики. Черезъ нѣсколько дней (20 января) явилась брошюра Феликса Жермена „Будетъ ли у насъ война—Aurons nous la guerre?“ Авторъ одинъ изъ журналистовъ Бонапартистской партіи, у которой никогда не бываетъ остановки за пышною лестью. Въ брошюрѣ много льстивыхъ фразъ, но посмотрите, въ какихъ страницахъ вплетены онѣ.

«Будемъ ли мы имѣть войну? да, если бы я остался одинъ выразителемъ полезныхъ истинъ. Нѣтъ, мы не будемъ имѣть войны, если Франція имѣетъ мужество думать вслухъ, если громадное большинство націи возвыситъ свой голосъ, потому что глава государства глубоко заинтересованъ въ томъ, чтобы выслушать его и послѣдовать ему. Единственное затрудненіе въ томъ, какъ довести до него истину; я признаюсь, что при нынѣшнемъ этикетѣ это не очень легко. Но все-таки надобно попытаться; дѣйствовать необходимо; каждаго изъ насъ коснутся послѣдствія преступнаго бездѣйствія, опасной апатіи.

«Въ своей рѣчи, при раздачѣ медалей на всемірной парижской выставкѣ 15-го ноября 1855 года, императоръ замѣтилъ: «Въ нашу цивилизованную эпоху даже самые

блестящіе успѣхи оружія — мимолетны. На дѣлѣ одерживаетъ послѣднюю побѣду непремѣнно общественное мнѣніе».

«Министры, сенаторы и депутаты, государственные совѣтники и префекты, поставленные въ центрѣ страны для изученія ея потребностей, для узнаванія ея чувствъ, ея желаній и ея опасеній, соберите и сравните свѣдѣнія, внимательно всмотритесь, кого радуютъ военные слухи и кого они удивляютъ, печалятъ и ужасаютъ,—сравните и судите, если смѣете, вы, ближайшіе, лучшіе друзья, вѣрнѣйшіе спутники Луи-Наполеона. Въ этомъ послѣднемъ испытаніи вы болѣе не усомнитесь сказать ему все; вы изложите въ своихъ донесеніяхъ все, что знаете; и, поднимаясь изъ круга въ кругъ, истина, разоблаченная отъ своей придворной маски, достигнетъ до подножія трона. Тотъ, кто занимаетъ тронъ, при свѣтѣ ея факела увидитъ, что народъ не повторяетъ своего прошедшаго и что второе изданіе первой имперіи—опасная химера, искушеніе, идущее изъ ада. Онъ увидитъ, что цивилизація и нравы Европы требуютъ мира. Узнавъ правду, императоръ своимъ точнымъ, яснымъ и всегда эмфатическимъ языкомъ разсѣетъ безпокойство и положитъ конецъ усиливающейся тревогѣ.

«Говорятъ, что Франція желаетъ войны. Ошибка, роковая ошибка! Ступайте, куда хотите, отъ кого хотите почерпайте свѣдѣнія. Проникните на чердакъ бѣдняка, на фабрики, въ избы поселянъ, въ мелочныя лавки и обширные магазины,—вездѣ, со всѣхъ сторонъ вы услышите одинъ голосъ, голосъ въ пользу мира. Со всѣхъ сторонъ получите вы увѣреніе, что Франція не только не вѣритъ въ своевременность войны, но, напротивъ, глубоко враждебна всѣмъ проектамъ заграничнаго вмѣшательства, что она впередъ осуждаетъ все, что было бы предпринято въ этомъ смыслѣ; и что, если бы правительство сдѣлало шагъ въ этомъ направленіи, она съ печалью потеряетъ вѣру въ искренность бордосскихъ словъ: «имперія—это миръ»;—Франція не станетъ вѣрить, что императоръ хочетъ мира. Жестоко обманутая, она съ трепетомъ станетъ смотрѣть на будущее, на которое недавно смотрѣла съ гордостью. Разочарованная, она обратится къ тѣмъ, которые говорили ей: «Вы желаете имперіи, — будетъ вамъ имперія; имперія—это война съ Европой». Въ своемъ прискорбіи она скажетъ: «это правда». И сама имперія,—какая судьба ждетъ ее среди этого всеобщаго разочарованія? Не обольщайте себя; сомнѣнія тутъ нѣтъ: изъ 36.000.000 французовъ болѣе 35 милліоновъ молятся о сохраненіи мира. Идея разыграть во второй разъ подвиги первой имперіи представляется Франціи анахронизмомъ и опрометчивостью безумія.

«Мысль вмѣшаться въ итальянскія дѣла, объявить войну Австріи, неоскорбляющей насъ, очевидно, принадлежитъ къ такому плану, исполненіе котораго пробудило бы всеобщую войну, и каждый возстаетъ противъ этой мысли, потому что, за исключеніемъ немногихъ опасныхъ фанатиковъ, никто не желаетъ подвергаться почти вѣрнымъ потерямъ.

«Франція боится шансовъ войны, потому что наши національные интересы не требуютъ ея. Нація отвергаетъ ее, потому что справедливо видитъ въ ней зародышъ коалиціи противъ насъ.

«Пусть клеветники Наполеона III убѣждаютъ его презрѣть столь многими соображеніями, требующими сохраненія мира для его личной безопасности. — Пусть они даже стараются принудить его къ совершенію ошибокъ, которыя довели до погибели первую имперію. Но что онъ слушаетъ этихъ коварныхъ внушеній, что онъ волнуетъ народъ извѣстіями о разрывѣ съ государствами, не оскорбляющими насъ, что онъ самъ добровольно возбуждаетъ недовѣріе, что онъ увеличиваетъ затруднительность коммерческаго положенія, и безъ того слишкомъ шаткаго, что онъ самъ подвергаетъ сомнѣнію достовѣрное, что осуществляетъ предсказанія своихъ враговъ, всегда увѣрявшихъ, что онъ не сдержитъ своего бордосскаго обѣщанія, что онъ согласенъ повторить басню *Bertrand et Raton* въ пользу Піемонта, что онъ самъ поднимаетъ въ Италіи вопросъ о національностяхъ, вопросъ, грозящій седьмою коалиціею, во главѣ которой будетъ стоять Англія, — это превосходитъ всякое вѣроятіе, спутываетъ всѣ мысли. Ощупываешь себя и осматриваешься, какъ будто бы давитъ тебя кошмаръ, и думаешь, что все это галлюцинація».

Этотъ языкъ очень силенъ. Однако же дали время разойтись цѣлому изданію брошюры въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; дали также разойтись почти всему второму изданію и запретили продажу брошюры уже тогда, когда некому было покупать ее, потому что всѣ ее имѣли въ рукахъ. Авторъ не подвергся никакимъ непріятностямъ.

Мало того, что дозволяютъ печатать подобные протесты въ Парижѣ,— даже провинціальныя газеты, которыя находятся обыкновенно еще подъ большимъ стѣсненіемъ, нежели столичныя, — и тѣ отваживаются говорить громко противъ войны. Вотъ отрывокъ изъ провинціальной газеты la France Centrale:

«Франція хочетъ мира. Въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Гибельное впечатлѣніе, произведенное словами императора австрійскому посланнику, объясняетъ положеніе дѣла. Эти слова, еще не заключавшія положительнаго объявленія войны, уже стоили государственному богатству Франціи болѣе милліарда франковъ. Мы не можемъ допустить мысли, что перспектива ужасныхъ бѣдствій, представляющаяся намъ, не возвратитъ въ ножны полуобнаженную шпагу; потому что мы не хотимъ предполагать безумства, совершеннаго помѣшательства. Нарушить съ непростительнымъ легкомысліемъ существующіе трактаты, вызвать европейскую коалицію, пробудить повсюду революцію, и все это рѣшительно безъ всякаго національнаго интереса, — это такая политика, слѣдовать которой, по нашему мнѣнію, французское правительство не отважится, особенно теперь, когда общественное мнѣніе высказалось столь сильнымъ и рѣшительнымъ голосомъ».

Какая судьба постигла дерзкую, ничтожную газету? Редакторъ и авторъ, вѣроятно, преданы суду, газета запрещена или по крайней мѣрѣ получила выговоръ? Ничего не бывало, газета спокойно продолжаетъ выходить, никто не преданъ суду и даже не получилъ выговора, и то же самое, такъ же безнаказанно говорятъ десятки другихъ провинціальныхъ газетъ, съ которыми, кажется, легче было бы справиться, нежели съ парижскими, потому что крутыя мѣры противъ этихъ безвѣстныхъ изданій надѣлали бы менѣе шума.

Отъ чего такая безнаказанная дерзость? Число виновныхъ слишкомъ велико и притомъ ихъ соучастники находятся между главными людьми правительства. Говорятъ, что большая часть министровъ противъ войны, говорятъ, что Валевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ, нѣсколько разъ отказывался подписать одну изъ нотъ вѣнскому двору; говорятъ, что не только большинство министровъ, но и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ сильно совѣтуютъ императору французовъ не рисковать войною, въ числѣ ихъ называютъ маршала Пелиссье; говорятъ, что ближайшіе друзья Наполеона, Персиньи и Морни, рѣшительно противятся войнѣ; говорятъ, что сама императрица французовъ, обыкновенно не вмѣшивающаяся въ политическія дѣла, упрашивала своего супруга оставить мысль о войнѣ. Все это только слухи и многіе изъ нихъ могутъ быть не совсѣмъ вѣрны, за то другіе едва ли не совершенно достовѣрны, напримѣръ, о противорѣчіи большинства министровъ войнѣ и о рѣшительныхъ совѣтахъ Персиньи въ пользу мира. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно то, что общественное мнѣніе во Франціи очень сильно возстаетъ противъ войны.

Неблагопріятно смотрятъ на нее и всѣ державы Западной Европы, ромѣ Сардиніи: нѣкоторыя изъ опасенія, что война привела бы ихъ къ

измѣненію нынѣшней политической системы,—таковы чувства Неаполя, папы и герцога Тосканскаго; другія потому, что онѣ расположены къ Австріи,—напримѣръ Баварія и нѣкоторыя изъ маленькихъ западно-нѣмецкихъ государствъ; третьи потому, что предполагаютъ вмѣстѣ съ вторженіемъ въ Ломбардію открытіе войны на Рейнѣ для расширенія французскихъ границъ на счетъ Германіи,—это опасеніе руководитъ чувствами Пруссіи и большей части второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Наконецъ всѣ члены Германскаго Союза чувствуютъ себя обязанными, по самымъ условіямъ союза, принять участіе въ войнѣ при нападеніи на Австрію. Вообще всѣ державы Западной Европы чувствуютъ, что трудно имъ будетъ не быть вовлеченными въ войну между двумя такими сильными соперницами, какъ Франція и Австрія, особенно, когда у той и другой есть еще союзницы изъ второстепенныхъ державъ. Если бы театръ войны могъ не перейти за предѣлы сѣверной Италіи, если бы все дѣло могло ограничиться борьбою за пріобрѣтеніе Ломбардіи Викторомъ-Эммануиломъ, отдаленныя государства Западной Европы и вѣроятно даже сама Пруссія могли бы оставаться хладнокровными зрительницами итальянскихъ битвъ. Но всѣ видятъ, что война, начавшись изъ-за одной провинціи, превратится въ вопросъ о жизни и смерти и для Австріи и для нынѣшней французской системы. Громадный размѣръ, который должна будетъ принять война при такомъ оборотѣ, грозитъ страшными потерями для всѣхъ государствъ Западной Европы.

Изъ всѣхъ западныхъ державъ особенно важно мнѣніе Англіи. Издавна владычествуетъ въ англійскомъ народѣ сочувствіе къ независимости Италіи, желаніе, чтобы Ломбардія и Венеція освободились отъ австрійскаго ига. Можно было бы разсчитывать, что это чувство заставитъ англичанъ одобрить намѣренія Сардиніи и Франціи. Нѣкоторые изъ Партіи графа Кавура разсчитывали даже на помощь Англіи. Органъ принца Наполеона, Presse, также высказывала эту надежду. Люди болѣе хладнокровные изъ желавшихъ начать войну полагали по крайней мѣрѣ, что Англія сохранитъ нейтралитетъ. Конечно, разсчитывали они, Англія не можетъ радоваться вѣроятному расширенію французскихъ границъ и во всякомъ случаѣ расширенію французскаго могущества; но какъ же свободный англійскій народъ объявитъ себя противъ освобожденія другого народа, какъ онъ скажетъ, что хочетъ поддерживать деспотизмъ австрійцевъ? Потому съ нетерпѣніемъ ждали отзыва англійской журналистики о словахъ, сказанныхъ императоромъ французовъ австрійскому посланнику. Задача для англійскихъ газетъ была дѣйствительно затруднительная; дня два онѣ колебались, не зная, какъ предугадать рѣшеніе общественнаго мнѣнія. Но оно скоро составилось, обнаружилось съ чрезвычайной силой и совершеннымъ единодушіемъ, и англійскія газеты начали единогласно выражать, развивать и усиливать его. Кромѣ одной только Morning-Post, состоящей въ прямыхъ отношеніяхъ къ французскому правительству, всѣ онѣ, безъ различія партій, заговорили противъ войны, объявляя, что Англія не можетъ остаться въ нейтралитетѣ Это произвело сильное дѣйствіе на французскую политику: разнорѣчіявъ ея проявленіяхъ становились все рѣзче по мѣрѣ того, какъ возрастало опасеніе имѣть противъ себя Англію. До сихъ поръ нельзя сказать, къ войнѣ или къ миру приблизилась

Европа въ полтора мѣсяца, прошедшіе послѣ знаменитой фразы новаго года. Едва ли есть въ Европѣ три человѣка, которые бы знали навѣрное хотя то, серьезны или нѣтъ приготовленія къ войнѣ во Франціи. Очень можетъ быть, что кромѣ императора французовъ знаетъ это графъ Кавуръ, но больше нѣтъ участниковъ въ тайнѣ. Самъ Викторъ-Эммануилъ напрасно похвалился бы, если бы сказалъ, что ему открыты всѣ планы его союзника и его перваго министра. А, можетъ быть, даже и графъ Кавуръ знаетъ не все. Персиньи и Валевскій имѣютъ свѣдѣнія развѣ немногимъ болѣе положительныя, нежели каждый изъ насъ. О другихъ дипломатахъ нечего и говорить: графъ Момсбери получилъ увѣренія; но какое значеніе можно придавать этимъ увѣреніямъ, онъ не можетъ рѣшить. Самые знающіе и проницательные дипломаты могутъ достовѣрно сказать только то, что „по ихъ предположенію“ императоръ французовъ очень „желалъ бы“ дѣйствительно начать войну. Это знаетъ и каждый изъ насъ. Но рѣшился ли онъ начать войну, это извѣстно ему, да развѣ еще графу Кавуру.

Изъ какихъ же столкновеній и причинъ возникаетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ стремленіе къ войнѣ, столь противное условіямъ нынѣшней промышленной эпохи? Главнѣйшее мѣсто тутъ занимаютъ отношенія нынѣшняго французскаго правительства къ общественному мнѣнію. Мы говорили въ прошедшій разъ, что тотчасъ же по окончаніи крымской войны вниманіе французскаго общества обратилось на вопросы внутренней политики. Мы приводили изъ французскихъ журналовъ отрывки, показывавшіе, какъ смѣлы и настоятельны становились требованія. Послѣ покушенія Орсини, въ началѣ прошлаго года, были приняты чрезвычайныя мѣры, отчасти для огражденія личной безопасности императора французовъ, еще болѣе для того, чтобы заставить молчать общественное мнѣніе. Но этого усиленнаго направленія нельзя было долго выдержать; а съ отмѣненіемъ исключительныхъ распоряженій, во второй половинѣ прошлаго года общественное мнѣніе заговорило сильнѣе прежняго. Мы разсказывали, какъ ему были дѣланы уступки, возможныя безъ отказа отъ основныхъ принциповъ нынѣшней системы, и какъ всѣ уступки оказывались недостаточными. Надо было чѣмъ нибудь отвлечь вниманіе общества отъ опасныхъ вопросовъ, и вотъ отсюда существенная необходимость войны, какъ средства къ развлеченію. Надобно отдать справедливость искусству, съ которымъ былъ выбранъ предметъ войны. Италія пользуется общимъ сочувствіемъ въ Европѣ, особенно во Франціи и Англіи. Изъ всѣхъ бѣдствій, угнетающихъ эту страну, самой возмутительной несправедливостью представляется занятіе австрійцами Ломбардо-Венеціанскихъ земель. Защищаемое дѣло имѣетъ въ свою пользу всѣхъ; врагъ, съ которымъ надобно будетъ бороться, имѣетъ всѣхъ противъ себя. Кромѣ Баваріи, Неаполя и маленькихъ итальянскихъ государствъ, нѣтъ правительства сколько нибудь расположеннаго къ Австріи. Общественное мнѣніе повсюду ненавидитъ ее. Въ войнѣ съ ней Франція должна была явиться только союзницею Сардиніи; и если война поведетъ къ завоеваніямъ, то надобно было предполагать, что увеличеніе Сардиніи не возбудитъ ни въ комъ опасеній или зависти; напротивъ, общественное мнѣніе самымъ сильнѣйшимъ образомъ было расположено въ пользу этого государства, такимъ блистательнымъ путемъ развивавшаго свои силы. Франція

обѣщала совершенное безкорыстіе, говорила, что всѣ завоеванія будутъ предоставлены Піэмонту. Правительства не должны были тревожиться; народы должны были привѣтствовать Францію, какъ освободительницу Италіи. Была еще особенная выгода въ такой политикѣ. Покушеніе Орсини вытекало единственно изъ вражды за холодность императора французовъ къ судьбѣ Италіи. Орсини говорилъ, что надобно императору французовъ сдѣлаться защитникомъ Италіи, что только этимъ онъ можетъ обезопасить свою жизнь.

Далѣе мы увидимъ, какое сильное вліяніе имѣли на мысли Наполеона III тѣ соображенія, которыя нашелъ онъ въ бумагахъ Орсини или узналъ изъ его изустныхъ объясненій. Теперь замѣтимъ только, что съ самаго января прошедшаго года представлялась ему непрерывная опасность отъ покушеній, подобныхъ Орсиніевскому заговору. Естественно было предполагать, что между итальянскими патріотами находится много людей, думающихъ подражать Орсини. Это соображеніе, основанное на характерѣ и положеніи итальянскихъ энтузіастовъ, подтверждалось разсказами о странныхъ случаяхъ, изъ которыхъ два, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ, мы передадимъ подлинными словами парижскаго корреспондента газеты Manchester Guardian:

«Ручаюсь за достовѣрность двухъ слѣдующихъ анекдотовъ. Недавно нѣкто графъ Л***., карбонари, былъ избранъ своими товарищами повторить дѣло Орсини. Онъ отказался. Черезъ пять дней, онъ былъ найденъ у дверей своей квартиры убитымъ. Въ груди его былъ кинжалъ. Около того же времени, молодой генуэзецъ *** получилъ подобное же назначеніе; также отказавшись исполнить это порученіе, онъ возвратился домой и застрѣлился, оставивъ письмо къ одному изъ своихъ ближайшихъ друзей съ объясненіемъ причины своего самоубійства. Мнѣ это разсказывалъ тотъ самый человѣкъ, къ которому было адресовано письмо,—онъ теперь здѣсь въ Парижѣ; онъ заслуживаетъ довѣрія».

Достовѣрность этихъ разсказовъ мы оставляемъ на отвѣтственности корреспондента англійской газеты; во всякомъ случаѣ довольно уже и того, что подобные разсказы ходятъ въ Парижѣ. Конечно, они хорошо извѣстны полиціи и самому императору французовъ, который дѣйствительно полагаетъ, что его жизнь подвергается опасности отъ итальянскихъ кинжаловъ. Отвратить такую опасность одно средство—явиться защитникомъ итальянской свободы: тогда друзья и подражатели Орсини изъ враговъ и убійцъ обратятся въ преданнѣйшихъ императору людей.

Оба эти соображенія—необходимость войны для отвлеченія французовъ отъ мысли о внутреннихъ дѣлахъ и необходимость защищать итальянскую національность для избавленія собственной жизни отъ покушеній, чрезвычайно сильны. Но война не популярна въ самой Франціи? Это не должно служить остановкою для рѣшительнаго правителя: противъ очарованія побѣдъ не устоитъ общественное мнѣніе не только во Франціи, которую особенно винятъ за эту слабость, но и ни въ какой другой странѣ: даже у англичанъ и сѣверо-американцевъ побѣда всегда имѣетъ на своей сторонѣ націю; а въ побѣдѣ сомнѣваться едва ли можно. Чтожъ тутъ смотрѣть на общественное мнѣніе? Оно будетъ измѣнено первой удачей и будетъ прославлять побѣдоносную войну.

У Сардиніи также есть побужденія къ войнѣ, вытекающія изъ личныхъ разсчетовъ. Савойскій домъ всегда стремился къ увеличенію своихъ владѣній.

Въ 1848 году очень значительное вліяніе на ходъ войны имѣло именно то обстоятельство, что Карлъ-Альбертъ имѣлъ въ виду собственно эту цѣль, а не какую нибудь другую, и дѣйствовалъ такъ, какъ требовали его личные интересы. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы, что король помогалъ учрежденію республики на своихъ границахъ, притомъ республики болѣе обширной, нежели его собственное королевство, и притомъ имѣя въ числѣ своихъ провинцій одну, самую богатую (Геную) съ явнымъ расположеніемъ къ республиканской формѣ и съ ненавистью къ туринскому владычеству. Карлъ-Альбертъ не могъ оказать ломбардцамъ пособія иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они присоединились къ сардинскому королевству. Сообразно съ этимъ былъ расчитанъ весь планъ его дѣйствій. Сынъ не могъ отказаться отъ наслѣдственной политики, имѣвшей такую выгодную цѣль. Теперь Викторъ-Эммануилъ и графъ Кавуръ желаютъ овладѣть всею сѣверною Италіею, чтобы сдѣлаться правителями первоклассной державы. Есть и другая причина. Постоянно готовясь къ завоевательной войнѣ, графъ Кавуръ содержалъ армію слишкомъ многочисленную для средствъ маленькой и небогатой Сардиніи. По уплатѣ издержекъ и контрибуціи за войну 1848 года, въ слѣдующіе годы государственный долгъ Сардиніи выросъ едва ли не вдвое противъ величины, къ какой доведенъ былъ войною. Въ началѣ прошлаго года онъ былъ выше 200 милліоновъ рублей серебромъ и составлялъ уже тяжесть, чрезвычайно обременительную для государства, доходы котораго не выше 35 милліоновъ, а съ каждымъ годомъ онъ долженъ былъ увеличиваться, если бы продлилось нынѣшнее положеніе дѣлъ. Поэтому для графа Кавура остается, или начать войну, чтобы поскорѣе достичь цѣли, стремленіе къ которой такъ обременительно для сардинскихъ финансовъ, или отказаться отъ воинственной политики, перестать грозить Австріи, замѣнить вражду къ ней отношеніями мирными, хотя бы и холодными. Перестать грозить Австріи значило бы, для нынѣшняго сардинскаго министерства, потерять главное основаніе своего существованія. Не опираясь на лѣвую сторону, требующую войны, графъ Кавуръ потерялъ бы большинство, долженъ былъ бы уступить власть правой сторонѣ, желающей мира. Надобно полагать, что не только въ парламентѣ, но и въ умѣ самого короля графъ Кавуръ лишился бы опоры, если бы перестал стремиться къ войнѣ. Извѣстно, по какому обстоятельству утвердилась парламентская форма въ Сардиніи. Карлъ-Альбертъ былъ чрезвычайно нерасположенъ къ ней до войны съ Австріею: но послѣ пораженія сардинской арміи Радецкимъ свободное политическое устройство осталось единственнымъ средствомъ поддерживать въ сардинскомъ народѣ расположеніе къ правительству и бодрость для новой войны, о которой не переставали думать. Эта форма должна была также служить сильнѣйшею приманкою для другихъ итальянскихъ областей, чтобы онѣ прониклись желаніемъ присоединиться къ Сардиніи (Сѣверная Италія), или признать ея гегемонію (Средняя и Южная Италія), чтобы вся Италія ждала своей свободы отъ Сардиніи. Для этой важной цѣли Карлъ-Альбертъ переломилъ свои чувства, свой характеръ и, чтобы сдѣлаться современемъ властителемъ могущественной, быть можетъ, перво-класной державы, рѣшился быть либеральнымъ конституціоннымъ королемъ. Какъ человѣкъ съ твердо-опредѣленною цѣлью, онъ выдерживалъ этотъ характеръ и ту же политику завѣщалъ сыну. Впрочемъ, мы вовсе не отрицаемъ

того, что кромѣ разсчета сильное вліяніе имѣетъ на сардинскую политику и патріотизмъ. Сардинское правительство вѣроятно въ самомъ дѣлѣ хочетъ независимости Италіи, покрайней мѣрѣ отъ австрійцевъ, если не отъ французовъ; но хочетъ ея съ тѣмъ условіемъ, чтобы очищенныя отъ иностранцевъ провинціи послужили къ увеличенію Сардиніи.

Итальянскіе патріоты, кромѣ маццинистовъ, легко принимаютъ это условіе изъ усердія къ національному дѣлу. Какими соображеніями руководятся эти люди и какими заключеніями стараются они склонить въ пользу сардинскаго завоеванія и французскаго вмѣшательства общественное мнѣніе другихъ странъ Западной Европы, не расположенныхъ къ нынѣшней войнѣ, читатель увидитъ изъ двухъ писемъ «Итальянца,» помѣщенныхъ въ Times'ѣ. Мы приводимъ въ концѣ этой статьи извлеченіе изъ краснорѣчивыхъ тирадъ неизвѣстнаго автора. Ненависть къ австрійскому вліянію вообще беретъ верхъ надъ всѣми другими чувствами у большинства образованныхъ итальянцевъ, такъ что они забываютъ даже разсчитывать, какія внутреннія учрежденія получила бы Италія, освобожденная отъ австрійцевъ нынѣшнею Франціею. А если имъ говорятъ, что французская помощь будетъ куплена введеніемъ нынѣшнихъ французскихъ формъ въ устройствѣ отнятыхъ у Австріи областей, они отвѣчаютъ, что все-таки французская администрація лучше австрійской, а тѣмъ болѣе папской и неаполитанской; а французскіе гражданскіе законы, независимые отъ формы правленія, превосходны. Потому, заключаютъ они, друзья свободы въ Западной Европѣ все-таки должны желать изгнанія австрійцевъ французами, и особенно должна сочувствовать этому свободная Англія. Что отвѣчаютъ англичане на такія соображенія, читатель увидитъ изъ отвѣта Times'а на второе письмо «Итальянца». Извлеченіе изъ этой статьи также переведено у насъ въ концѣ настоящаго обзора.

Намъ остается только показать основанія, которыми руководилось въ итальянскомъ вопросѣ общественное мнѣніе въ Англіи. О побужденіяхъ Австріи нечего говорить; они очевидны. Австрія играетъ въ этомъ дѣлѣ чисто - страдательную роль и хочетъ только сохранить нынѣшнее свое положеніе.

Англичане не думаютъ, чтобы въ случаѣ побѣды надъ Австріею французскія границы остались безъ перемѣны. Они полагаютъ, что или Сардинія уступитъ непосредственно французамъ часть Савойи въ благодарность за пріобрѣтеніе обширныхъ областей на востокѣ помощію Франціи, или, если такой обмѣнъ окажется неудобнымъ, то будетъ составлено изъ легатствъ и нѣкоторыхъ другихъ частей центральной Италіи довольно большое владѣніе для принца Наполеона, т. е. возникнетъ въ Италіи вмѣсто австрійскаго владѣнія французское. Во всякомъ случаѣ, полагаютъ они, Сардинія станетъ въ совершенную зависимость отъ Франціи. Какъ бы ни велики были пріобрѣтенія Виктора-Эммануила, хотя бы онъ кромѣ Ломбардіи и Венеціи получилъ большую половину центральной Италіи, все-таки, полагаютъ англичане, онъ обманется въ своей надеждѣ стать независимымъ государемъ могущественной державы. Напротивъ, онъ тогда будетъ едва ли не слабѣе, чѣмъ теперь. Австрія, конечно, не откажется отъ стремленія возвратить свои итальянскія провинціи; государство Виктора-Эммануила само по себѣ не бу-

детъ имѣть силъ для сопротивленія Австріи, слѣдовательно, станетъ въ совершенную зависимость отъ Франціи. Теперь Сардинія ведетъ дружбу съ Франціею добровольно, тогда будетъ существовать только по милости Франціи, только ея поддержкою. Такимъ образомъ англичане находятъ, что доброжелательство къ Сардиніи вовсе не ставитъ ихъ въ надобность одобрять войну, польза отъ которой будетъ для Сардиніи обманчива. Напротивъ, они полагаютъ, что именно изъ желанія добра Сардиніи должны удержать ее отъ войны. Точно такъ же понимаютъ они свои обязанности и относительно всѣхъ другихъ итальянцевъ, а въ особенности относительно ломбардцевъ и венеціанцевъ. Желая національной независимости Италіи, они также желаютъ ей и политической свободы, а французское вліяніе, по ихъ мнѣнію, было бы теперь для развитія внутреннихъ учрежденій въ сѣверной Италіи еще неблагопріятнѣе, нежели для ея національной независимости. Этимъ однимъ не ограничивается, по мнѣнію англичанъ, для внутреннихъ учрежденій Италіи невыгодность освобожденія чрезъ нынѣшнюю войну; другая опасность сѣверно-итальянскимъ областямъ и самой Сардиніи грозитъ отъ завоеванія. Теперь ломбардцы и венеціанцы могутъ желать присоединенія къ Сардиніи, потому что не видятъ другого средства избавиться отъ австрійцевъ; но Ломбардія и Венеція имѣютъ славную исторію; онѣ такъ высоко цѣнятъ себя, что для нихъ въ 1848 году была унизительна мысль сдѣлаться провинціями государства, по всему бывшаго далеко ниже ихъ въ прошлыя времена. Только теперь это чувство заглушено горькою необходимостью, да и то далеко не во всѣхъ ломбардцахъ и венеціанцахъ: подчиниться Сардиніи для очень многихъ и нынѣ кажется обидно, а едва австрійцы будутъ изгнаны, старинное чувство гордости воскреснетъ съ прежней силой, вновь пріобрѣтенными провинціями овладѣетъ желаніе или отдѣлиться отъ Сардиніи, или взять надъ нею рѣшительное первенство, стать самимъ метрополіею, а ее обратить въ свою провинцію. Послѣдствія такого порядка вещей ясны. Сардинія, по мнѣнію англичанъ, должна будетъ удерживать въ соединеніи съ собою Ломбардію и Венецію противъ ихъ воли, т. е. насильственными средствами; а свободныя учрежденія падаютъ при такихъ средствахъ, и потому, не говоря уже о вліяніи Франціи, даже сама Сардинія не могла бы предоставить очищеннымъ отъ австрійцевъ областямъ дѣйствительной внутренней свободы. Сардинія, продолжаютъ англичане, подверглась бы такой участи и по другой причинѣ. Мы видѣли источникъ вѣрнаго сохраненія парламентскихъ формъ въ Сардиніи: онѣ кажутся нужными, чтобы служить приманкою для Ломбардіи и Венеціи; онѣ только средство для достиженія совершенно другой цѣли, для расширенія границъ. Когда эта цѣль будетъ достигнута, когда Сардинія преобразуется въ Королевство Сѣверной Италіи, цѣль будетъ достигнута, стало быть, и средство перестанетъ быть нужнымъ. Тогда не будетъ побужденій оставлять и въ собственной Сардиніи парламентскія формы въ нынѣшней ихъ силѣ. Прежнія преданія, которымъ слѣдовалъ Карлъ-Альбертъ до 1848 года, снова возьмутъ верхъ, Кавуръ и ему подобные стѣснительные люди будутъ отброшены въ сторону, и возвратятся на сцену старинные министры Карла-Альберта и ихъ продолжатели. Есть и другая причина ожидать этой перемѣны во внутреннихъ учрежденіяхъ Сардиніи, послѣ завоеванія ломбардо-венеціанскихъ

областей. Тогда Сардинія станетъ въ полную зависимость отъ Франціи, и покровительствующая держава будетъ склонять ее къ принятію нынѣшнихъ французскихъ учрежденій, чтобы самой избавиться отъ непріятнаго сосѣдства съ парламентскими формами. Само собою разумѣется, что всѣ эти соображенія, справедливыя или несправедливыя, не представлялись бы уму англичанъ такъ сильно, если бы развитію подобнаго взгляда не содѣйствовало опасеніе, что война доставитъ Франціи рѣшительное господство надъ политикою всего континента Западной Европы, и что тогда, располагая силами гораздо громаднѣйшими, нежели теперь, Наполеонъ III перестанетъ дорожить союзомъ съ Англіею и даже можетъ серьезнѣе прежняго думать объ отмщеніи ей за своего дядю.

Мы изложили побужденія, которыми управлялась политика трехъ западныхъ державъ, имѣвшихъ особенное участіе въ ходѣ итальянскаго вопроса. Теперь намъ надобно сдѣлать перечень фактовъ, которые возникли изъ этихъ основныхъ обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что по дипломатическимъ удобствамъ въ оффиціальныхъ переговорахъ часто выставлялись на первый планъ предлоги, служившіе только благопріятными случаями для дѣйствій, вызываемыхъ причинами болѣе глубокими.

Такъ, напримѣръ, поводомъ къ разрыву Франціи съ Австріею съ перваго же раза былъ избранъ случай, не имѣвшій ничего общаго съ кореннымъ вопросомъ о Ломбардіи и Венеціи. Читатели знаютъ эту исторію. Сербы низвергли своего князя Александра Карагеоргіевича, пользовавшагося милостью Австріи, и призвали на престолъ снова Милоша, котораго и Австрія и Турція могли опасаться. Одаренный чрезвычайнымъ талантомъ возбуждать къ войнѣ и организовать народныя массы, Милошъ могъ казаться вреденъ австрійцамъ, потому что при первомъ удобномъ случаѣ сумѣетъ дѣйствовать на турецкихъ и австрійскихъ сербовъ. Еще не зная хорошенько, въ какой мѣрѣ сильна Скупштина, призывавшая Милоша, австрійцы и турки вздумали было искать предлога, чтобы разогнать ее, занять сербское княжество и помѣшать возвращенію Милоша. Австрійскій генералъ Коронини получилъ предписаніе идти въ Сербію, если турки потребуютъ его помощи. Это было бы нарушеніемъ парижскаго трактата, по которому ни одна держава не должна вмѣшиваться въ турецкія дѣла безъ согласія всѣхъ другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ. Когда императору французовъ представилась надобность объяснить причины своего неудовольствія на Австрію, онъ указалъ этотъ фактъ. Но Австрія дала объясненіе такого рода, что ея войска должны были вступить въ Сербію только по требованію турецкаго начальства; а турецкое начальство не могло потребовать ихъ помощи, не получивъ на то разрѣшенія изъ Константинополя; а Высокая Порта, конечно, никогда не хотѣла требовать помощи австрійскихъ войскъ, не объявивъ объ этомъ предварительно европейскимъ посланникамъ въ Константинополѣ и не получивъ ихъ одобренія. Такимъ образомъ Австрія говорила, что никогда не хотѣла нарушать парижскаго трактата одностороннимъ вмѣшательствомъ въ турецкія дѣла безъ согласія другихъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ. Франція продолжала утверждать, что приказаніе, данное Коронини все-таки не согласно съ трактатомъ; но между тѣмъ сербскія дѣла разъяснились. Австрійцы и турки увидѣли, что сербы единодушны и не дешево поддадутся чужому вмѣшатель-

ству. Неудовольствіе, возбужденное избраніемъ Милоша, надобно было заглушить въ себѣ и отложить мысль о вооруженныхъ дѣйствіяхъ противъ Сербіи. Благодаря этой невозможности, Австрія отвѣчала императору французовъ, что каково бы ни было приказаніе, данное генералу Коронини это приказаніе не имѣетъ никакихъ шансовъ быть исполненнымъ на дѣлѣ, остается безъ всякаго дѣйствія и, слѣдовательно, не заслуживаетъ никакого вниманія.

Первый предлогъ къ разрыву уничтожился. Тогда выставлено было на первый планъ другое дѣло. Наполеонъ III давно говорилъ, что содержаніе французскаго корпуса въ Римѣ непріятно для него, и давно требовалъ у папы реформъ, которыя, примиривъ народъ съ папскимъ правительствомъ, позволили бы ему остаться безъ иноземной поддержки. Австрія укрѣпляла папу въ сопротивленіи этимъ совѣтамъ. Кромѣ того, австрійскія войска занимали сѣверную часть Папской Области и французскій отрядъ не могъ выйти изъ Рима до ихъ удаленія, иначе австрійцы оставались бы безграничными господами всей Италіи. Теперь Франція стала громко жаловаться на такой порядокъ вещей, и переговоры до сихъ поръ идутъ главнымъ образомъ о состояніи центральной Италіи, о необходимости, по мнѣнію Франціи, австрійцамъ вывести свои войска изъ областей, не имъ принадлежащихъ, чтобы и Франція могла вывести свой отрядъ изъ Рима. Въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ, лучше всего читатели могутъ видѣть изъ преній въ англійскомъ парламентѣ объ адресѣ въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Мы представляемъ въ концѣ нашей статьи выписку изъ рѣчей Пальмерстона, Д'Израэли и Росселя по этому предмету. Съ соблюденіемъ дипломатической осторожности, всѣ трое говорятъ о дѣлахъ центральной Италіи, т. е. Папской Области, будто о существенномъ пунктѣ дѣла. Всѣ трое согласны, что занятіе Папской Области иностранными войсками—фактъ ненормальный, что желаніе императора французовъ вывесть свой отрядъ изъ Рима заслуживаетъ полнаго одобренія; но что дѣйствительно французамъ нельзя выйти изъ Рима, пока австрійцы не очистятъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, которые заняли за предѣлами своихъ Ломбардо-Венеціанскихъ Областей. Есть разногласіе въ томъ, какъ помочь этому дѣлу. Д'Израэли говоритъ, что вывесть теперь иностранныя войска изъ Папской Области нельзя, потому что вспыхнуло бы возстаніе противъ папскаго правительства. На этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, стоитъ Австрія. Но, прибавляетъ Д'Израэли, надобно вытребовать у папы согласія на такія реформы, которыя бы примирили народъ съ его правительствомъ. Это, безъ сомнѣнія, согласно съ словами Франціи. Лордъ Россель, напротивъ того, полагаетъ, что лучше всего было бы немедленно вывести войска, предоставить папскому правительству управляться съ своими дѣлами, какъ само знаетъ, и не жалѣть о немъ, если оно будетъ низвергнуто. Этого мнѣнія, сходнаго съ желаніями либеральной партіи въ цѣлой Европѣ, вѣроятно, ни одна держава не предъявляетъ при переговорахъ. Мы видимъ, какъ легко было бы Франціи и Австріи согласиться въ вопросѣ о центральной Италіи: англійское министерство, признавая справедливость и французскаго и австрійскаго мнѣнія, очень удобно соглашаетъ ихъ одно съ другимъ. Если бы мы не знали, что вопросъ о центральной Италіи служитъ только предлогомъ, за которымъ скрывается вопросъ о Ломбардіи и Венеціи,

а за вопросомъ о Ломбардіи и Венеціи находится надобность для нынѣшней французской системы заглушить войною заботу о внутреннихъ дѣлахъ,— если бы мы не знали всего этого, мы не могли бы понять, какъ можно выводить правдоподобность войны изъ разногласія по такому неважному дѣлу, какъ вопросъ о Папской Области.

Но, несмотря на всю осторожность англійскихъ ораторовъ, изъ которыхъ одинъ министръ теперь, а двое другихъ разсчитываютъ скоро сдѣлаться министрами и потому всѣ должны соблюдать дипломатическіе пріемы,— несмотря на всю серьезность, съ которой говорятъ они о Папской Области, будто о настоящемъ предметѣ спора, все таки проглядываетъ въ ихъ рѣчахъ сущность дѣла. Всѣ они согласны, что слѣдствіемъ войны было бы отнятіе итальянскихъ владѣній у Австріи. Даже и въ мирномъ разрѣшеніи спора, которое предлагаетъ Д'Израэли, видна неизбѣжность коснуться ломбардо-венеціанскаго дѣла. Въ предположеніяхъ Д'Израэли о конгрессѣ есть черты, показывающія, что дипломатамъ пришлось бы разсуждать на немъ и о сѣверной Италіи.

Въ 20 числахъ января (новаго стиля) разнеслись въ Парижѣ слухи, что конгрессъ, предлагаемый Англіею, имѣетъ въ самомъ дѣлѣ ближайшее отношеніе къ ломбардо-венеціанскимъ землямъ. Въ маѣ 1848 года, когда потеря итальянскихъ областей казалась неизбѣжною для Австріи, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ при лондонскомъ дворѣ, Гиммельауэръ, предлагалъ кончить войну тѣмъ, чтобы итальянскія провинціи получили особеннаго вице-короля и совершенно независимое управленіе съ конституціонною формою и остались соединены съ Австріею только номинальнымъ единствомъ въ лицѣ императора. Говорятъ, что англійское министерство предложило составить теперь конгрессъ для устройства итальянскихъ дѣлъ на такихъ основаніяхъ, что въ Парижѣ это предложеніе было принято и что теперь остается дѣло только за согласіемъ Австріи. Не знаемъ, дѣйствительно ли подобное предложеніе было сдѣлано изъ Лондона, но должны сказать, что это кажется намъ не совсѣмъ правдоподобнымъ. Австрія, навѣрное, должна была отвергнуть его: можетъ ли она безъ войны сдѣлать такія уступки, которыя почти равняются отказу отъ итальянскихъ областей, то есть самому худшему результату несчастливой войны? Лондонскій кабинетъ, желающій примиренія, поступилъ бы совершенно неосновательно, предлагая къ примиренію такіе способы, которые не могутъ не быть отвергнуты одною изъ двухъ спорящихъ сторонъ. Скорѣе можно думать, что въ Лондонѣ была мысль о конгрессѣ только относительно очищенія Папской Области отъ австрійскихъ и французскихъ войскъ (этотъ смыслъ дается словами Д'Израэли), а мысль о переговорахъ на основаніяхъ 1848 года возникла уже въ Парижѣ. Если бы удалось склонить Англію и другія державы согласиться на подобный конгрессъ, а Австрія отвергла бы его, то она выставлялась бы менѣе уступчивою, нежели Франція, которая могла бы тогда говорить, что она все сдѣлала для сохраненія мира, что вся Европа признавала умѣренность ея условій, но что Австрія не хотѣла мира. Такой оборотъ былъ бы очень выгоденъ для Франціи, и потому то, если мысль о конгрессѣ на основаніи предложеній 1848 года дѣйствительно была, то надобно полагать, что она вышла

не изъ Лондона, а изъ Парижа. Но все это только слухи и догадки: оставимъ ихъ и припомнимъ факты, которыми обозначались различныя колебанія итальянскаго вопроса.

Послѣ сильныхъ словъ, сказанныхъ императоромъ французовъ австрійскому посланнику, и еще болѣе сильнаго отвѣта на нихъ въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, первымъ воинственнымъ фактомъ была рѣчь Сардинскаго короля при открытіи Туринскаго парламента (10 января). Читателямъ извѣстны рѣшительныя слова Виктора-Эммануила:

«Господа сенаторы, господа депутаты! Горизонтъ, среди котораго встаетъ новый годъ, несовершенно ясенъ; несмотря на то, вы съ обыкновенной вашей ревностью займетесь парламентскими трудами. Ободряемые опытомъ прошедшаго, мы готовы съ рѣшимостью встрѣтить шансы будущаго. Это будущее должно быть счастливо, потому что наша политика основана на справедливости, на любви къ свободѣ и отечеству. Наша страна, небольшая по объему, пріобрѣла уже уваженіе въ совѣтахъ Европы, потому что она велика по идеѣ, ею представляемой, и симпатіямъ, ею внушаемымъ. Это положеніе не изъято отъ опасности, потому что, уважая трактаты, мы не остаемся безчувственны къ воплю страданія, доходящему до насъ изъ столь многихъ частей Италіи. Сильные нашимъ согласіемъ, уповая на нашу справедливость, мы ждемъ, разсудительно и рѣшительно, судебъ отъ Божественнаго Провидѣнія».

Тутъ ясно говорилось, что война близка, что Сардинія хочетъ стать въ ней представительницей Италіи, что Италія сочувствуетъ ей, проситъ ея помощи и будетъ имѣть ея защиту. Король прочелъ рѣчь свою твердымъ, сильнымъ голосомъ. Каждая изъ переведенныхъ нами фразъ перерывалась восторженными криками и апплодисментами сенаторовъ, депутатовъ и зрителей, толпившихся на трибунахъ.

Адресъ палаты депутатовъ въ отвѣтъ на эту рѣчь соотвѣтствовалъ восторгу, съ которымъ она была выслушана. Палата поручила составленіе адреса одному изъ ломбардскихъ эмигрантовъ, Корренти, чтобы ломбардцы и венеціанцы видѣли въ этомъ выборѣ залогъ симпатіи къ нимъ.

«Вы правы, государь, съ надеждою смотря на шансы будущаго для вашего народа (говорилъ адресъ). Вашъ голосъ, государь, вліятельный и уважаемый во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, великодушно выражающій состраданіе къ бѣдствіямъ Италіи, конечно, оживитъ воспоминанія о торжественныхъ обѣщаніяхъ, доселѣ остававшихся неисполненными, и поддержитъ въ народахъ твердую вѣру въ непреодолимую силу цивилизаціи и въ могущество общественнаго мнѣнія. Если эти отрадныя мысли и это воззваніе къ общественному разуму навлекли бы опасности или угрозы на вашу священную главу, нація, видящая въ васъ могущественнаго заступника за дѣло свободы въ европейскихъ кабинетахъ, знающая, что въ васъ и чрезъ васъ найдена наконецъ, столько вѣковъ бывшая утраченной, тайна итальянскаго единодушія,—нація, говоримъ мы, вся до послѣдняго человѣка окружитъ васъ и покажетъ, что она вновь научилась старинному искусству соединять повиновеніе солдата съ свободою гражданина».

Этотъ совершенно воинственный адресъ былъ встрѣченъ необыкновенно громкими апплодисментами и, говорятъ, даже министерская партія дивилась единодушному энтузіазму, выказанному палатой.

Но единодушный энтузіазмъ уже не проявлялся при двухъ слѣдующихъ важныхъ событіяхъ: бракосочетаніи принцессы Клотильды и утверж-

денія проекта о займѣ на войны. Принцъ Наполеонъ, пріѣхавшій въ Туринъ на другой день послѣ принятія адреса палатою депутатовъ, былъ встрѣченъ сардинцами, по разсказамъ однѣхъ газетъ, совершенно холодно, по разсказамъ другихъ, если не холодно, то безъ всякаго восторга. Онъ слишкомъ старъ для своей молоденькой невѣсты (принцу Наполеону 36 лѣтъ, а принцессѣ Клотильдѣ только 5 марта нынѣшняго года исполнится 16). Говорятъ, она долго не соглашалась, и, какъ ребенокъ, была убѣждена удивительными браслетами и тому подобными уборами, присланными ей отъ императрицы французовъ, а еще больше настояніями отца. Сардинцы чрезвычайно гордятся древностью своей династіи, которая едва ли не старше всѣхъ другихъ въ Европѣ, и находятъ, что для внука простыхъ корсиканцевъ слишкомъ большая честь получить руку ихъ принцессы. Притомъ носились слухи, что часть предполагаемыхъ завоеваній будетъ отдана принцу Наполеону, вмѣсто того, чтобы достаться Сардиніи. Все это слухи, но достовѣрно то, что въ высшихъ кругахъ сардинскаго общества бракъ былъ сильно осуждаемъ, а женихъ видѣлъ холодность.

Между тѣмъ приготовленія къ войнѣ производятся въ Сардиніи очень дѣятельно и уже понадобилось сдѣлать заемъ въ $12^1/_2$ милліоновъ руб. сер. на покрытіе издержекъ. Предложеніе о займѣ было, конечно, принято палатою депутатовъ; но правая сторона, постоянно бывшая противъ наступательной войны, уже отважилась снова возвысить голосъ. Одни изъ ея членовъ сказали, что одобряютъ заемъ, если война будетъ чисто оборонительная, если сама Австрія начнетъ ее; но не хотятъ нападенія на Австрію со стороны самой Сардиніи. Другіе пошли еще далѣе: они совершенно отвергли надобность займа.

«Я всегда былъ противникомъ политики министерства (сказалъ графъ Ревель), той политики, которая привела насъ къ нынѣшнему положенію. Не скажу, что мы не должны опасаться нападенія со стороны Австріи. Меня нельзя назвать другомъ Австріи, потому что есть доказательства моимъ чувствамъ. Я былъ министромъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы объявили Австріи войну, столь счастливо начатую, столь несчастно конченную. Я признаю, что мѣры, принимаемыя Австріею, могутъ внушать опасенія, потому необходимо намъ вооружаться. Мнѣ прискорбно разойтись на этотъ разъ съ моими товарищами (другими депутатами правой стороны, рѣшившимися вотировать противъ займа); но я не могу отказать правительству въ средствахъ защиты. Если оно употребитъ ихъ во зло, не моя будетъ вина; отвѣтственность упадетъ на него.

«Преданность къ отечеству одинакова во всѣхъ насъ, (сказалъ маркизъ Коста-де-Борегаръ, одинъ изъ савойскихъ депутатовъ),—я говорю это особенно отъ имени моихъ товарищей, депутатовъ Савойи, бывшей колыбелью нашей монархіи; но я не вѣрю въ нападеніе на насъ. Австрія слишкомъ осторожна, слишкомъ хитра, она никогда не выставитъ себя начинательницей войны. Притомъ и положеніе Италіи не таково, чтобы война была необходимостью. Общественное мнѣніе говоритъ противъ войны. Англія употребляетъ все свое вліяніе на сохраненіе мира. А между тѣмъ Піэмонтъ готовится къ войнѣ. Графъ Кавуръ хочетъ войны, и онъ не такой человѣкъ, чтобы отступить. Но наша судьба, судьба Савойской династіи, служитъ ставкою въ этой игрѣ. Онъ беретъ на себя тяжелую отвѣтственность. Я не хочу подвергаться ей вмѣстѣ съ нимъ. Я боролся противъ той опрометчивой политики, въ жертву которой принесли счастье нашей земли. Я не откажусь отъ своихъ убѣжденій, не сдѣлаю такой слабости (Браво! съ правой стороны). Это я говорю, какъ депутатъ всего Сардинскаго

королевства; какъ депутатъ Савойи, я скажу еще больше. Говорятъ, что война должна отдѣлить Савойю отъ остальной Сардиніи (Маркизъ Борегаръ намекаетъ на предположеніе, что Савойя будетъ отдава Франціи въ благодарность за пріобрѣтеніе ломбардо-венеціанскихъ областей для Сардиніи). Если это предположеніе, естественное слѣдствіе вашихъ итальянскихъ комбинацій, осуществится, то дай Богъ, господа, чтобы вы не пожалѣли о томъ, что разстались съ нами. Но мы всегда сохранимъ нашу симпатію къ Савойской династіи. (Аплодисменты раздаются на многихъ скамьяхъ).

«Я всталъ съ постели, чтобы бросить черный шаръ въ урну (сказалъ де-Вири). Я присоединяюсь къ моему почтенному другу, Коста-де-Борегару. Вы налагаете на Савойю... (Между депутатами начинается сильнѣйшее смятеніе, такъ что ораторъ не можетъ докончить своей фразы. Засѣданіе пріостановлено и де-Вири сходитъ съ каѳедры).

«Въ началѣ засѣданія, господа, президентъ убѣждалъ насъ быть единодушными (сказалъ графъ Соларо-де-ла-Маргарита, предводитель правой стороны). Мы съ восторгомъ принимаемъ такія слова всегда, когда дѣло идетъ о чести короны, о независимости страны. Никто не можетъ сомнѣваться въ нашей преданности къ нашей славной династіи. Но надобно знать, какая опасность грозитъ намъ. Положеніе Сардиніи печально: торговля въ упадкѣ, промышленность также, земледѣліе въ дурномъ положеніи, налоги тяжелы. Намъ всѣмъ извѣстна ревность, дѣятельность военнаго министра, но можетъ ли онъ думать, что числительность нашей арміи соразмѣрна съ громадностью войскъ, противъ которыхъ мы пошли бы? А мы сами можемъ ли подвергнуться нападенію? Австрія заключила заемъ, наполнила ломбардскія провинціи солдатами, придвинула войска къ нашимъ границамъ. Но думаетъ ли Австрія напасть на насъ?— вотъ вопросъ. Не нужно имѣть особенной политической проницательности, чтобы видѣть противное. Вѣнскій кабинетъ, всегда осмотрительный и осторожный, никакъ не поставитъ себя въ наступательное положеніе; онъ не хочетъ привлечь на себя французскія войска. Слова лорда Дерби, мистера Д'Израэли, подтверждаютъ мое мнѣніе. (Англійскіе министры сказали, что Австрія дала имъ обѣщаніе не начинать войны и что они увѣрены въ искренности этого обѣщанія; о подобномъ обѣщаніи Наполеона III лордъ Дерби сказалъ только, что Англія *хочетъ* вѣрить ему). Будемъ говорить, господа, откровенно. Если бы мы думали о развитіи нашихъ учрежденій, объ улучшеніи нашихъ финансовыхъ дѣлъ, если бы мы не старались разжигать страстей въ другихъ итальянскихъ областяхъ, мы не были бы въ такомъ положеніи, какъ теперь. Во мнѣніи цѣлаго свѣта мы будемъ зачинщиками войны. Народъ въ огромномъ своемъ большинствѣ желаетъ мира съ его благотворными слѣдствіями и особенно съ уменьшеніемъ налоговъ. Благоразуміе велитъ намъ не бросать перчатку на вызовъ тѣмъ, которые давно приготовились поднять ее. Я говорю не въ духѣ партіи, я говорю въ интересахъ нашей земли—всей Италіи. Подавъ голосъ въ пользу займа, я измѣнилъ бы своей совѣсти. Я отвергаю заемъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и прошу, чтобы пощадили нашу страну отъ новыхъ бѣдствій и чтобы не подвергали опасности нашу независимость».

Графъ де-ла-Маргарита и графъ Ревель по общимъ своимъ убѣжденіямъ представляются намъ достойными гораздо меньшаго сочувствія, нежели графъ Кавуръ. Но должно признаться, что въ настоящемъ случаѣ они смотрятъ на дѣло или по крайней мѣрѣ говорятъ о немъ гораздо прямѣе знаменитаго министра. Въ нѣкоторой части ихъ рѣчей есть даже полная справедливость. Сардинскій народъ дѣйствительно обремененъ налогами. Мы не рѣшимся сказать, что они говорятъ неправду, когда утверждаютъ, что большинство сардинскаго населенія, особенно земледѣльческій классъ, не раздѣляетъ воинственнаго энтузіазма. Корреспонденты англійскихъ газетъ увѣряютъ, что даже въ Ломбардіи земледѣльцы противъ войны.

Этимъ кончаются нынѣшнія извѣстія о Сардиніи. Она уже двинула свои

войска къ границамъ; австрійскія войска также подошли, и каждый день можетъ произойти схватка, послѣ которой военныя событія уже подойдутъ неудержимой чередой. Схватка можетъ произойти случайно, безъ приказанія или даже противъ желанія начальниковъ армій. Но приказанія ожидать надняхъ, повидимому, нельзя: Австрія никакъ не захочетъ нападать первая, а сардинское правительство не отважится начинать войну прежде, нежели будетъ знать навѣрное, что по первому же выстрѣлу пойдутъ на австрійцевъ французскія арміи. Этого обѣщанія, повидимому, еще не дано формальнымъ образомъ; напротивъ, Англія получила отъ императора французовъ увѣреніе, что онъ не подастъ помощи сардинцамъ, если они первые сдѣлаютъ нападеніе, а отъ французской помощи зависятъ сардинскія рѣшенія. Посмотримъ же, что дѣлалось послѣ новаго года во Франціи.

Неблагопріятное мнѣніе Германіи и особенно Англіи остановило на нѣсколько дней новыя проявленія воинственности. Въ правительственныхъ газетахъ статьи, провозглашавшія скорое начало похода, перемѣшивались съ другими, говорившими о вѣроятности мирной развязки. Монитёръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній также мирнаго характера. Слова, сказанныя на новый годъ, мало по малу были разъяснены такъ, что въ Вѣнѣ почли возможнымъ признать объясненіе удовлетворительнымъ. Австрійскій посланникъ на придворныхъ балахъ нѣсколько разъ бывалъ предметомъ особеннаго вниманія и любезности со стороны императора. Всѣ эти признаки миролюбія продолжаются до сихъ поръ, занимая биржу и публику три, четыре, даже пять дней въ недѣлю. Но зато постоянно растутъ и растутъ слухи о сильныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. Разъ въ недѣлю, два раза въ недѣлю бываетъ какое нибудь приказаніе прекратить или отсрочить какую нибудь военную работу; но это касается только частностей, а вообще приготовленія къ войнѣ усиливались съ каждымъ днемъ, по крайней мѣрѣ до начала февраля, когда стали говорить объ ослабленіи прежнихъ надеждъ на союзъ съ одною изъ могущественнѣйшихъ державъ Европы, и когда пренія объ адресѣ въ англійскомъ парламентѣ показали, что всѣ партіи англійскаго народа одинаково неблагопріятствуютъ намѣренію ослабить Австрію въ видимую пользу Сардиніи, на самомъ же дѣлѣ въ пользу Франціи. Вслѣдствіе двухъ этихъ фактовъ вдругъ усилились слухи о возможности мирной развязки. До какой степени они прочны, въ настоящую минуту нельзя еще рѣшить. Итакъ, пока мы только перечислимъ главные факты развитія французско-сардинской воинственности, заканчивая ихъ перечень послѣдними болѣе благопріятными миру извѣстіями, за важность которыхъ нельзя ручаться.

На другой день послѣ перваго свиданія принца Наполеона съ своею невѣстою, когда бракосочетаніе было рѣшено, графъ Кавуръ и генералъ Ньэль, любимецъ Наполеона III, сопровождавшій принца Наполеона, заключили какое-то условіе о тѣснѣйшемъ сближеніи Франціи съ Сардиніей. Разнеслись слухи, что это наступательный и оборонительный союзъ, формально подписанный. Монитёръ опровергъ это извѣстіе, но съ такою дипломатическою осторожностью, что нельзя было рѣшить, — подвергается ли отрицанію самое существованіе союза, или только подписаніе формальнаго договора извѣстной дипломатической формы, или даже только толкованіе,

ставившее принятіе такого договора императоромъ французовъ за непремѣнное и формальное условіе согласія сардинскаго короля на бракосочетаніе дочери. Общее мнѣніе было то, что отрицаніе надобно относить только къ послѣднему обстоятельству; что формальный договоръ по всей вѣроятности подписанъ, а во всякомъ случаѣ условіе о неразрывномъ союзѣ заключено въ той или другой формѣ, на словахъ или на бумагѣ, но въ сущности съ одинаковымъ значеніемъ. Можно полагать даже, что въ сущности все равно, хотя бы даже и на словахъ не было выражено вступленія двухъ державъ въ неразрывный союзъ,—самый фактъ бракосочетанія, безъ всякихъ переговоровъ, спеціально опредѣляющихъ значеніе брачнаго союза между двумя династіями, уже долженъ считаться для той и другой династіи достаточнымъ обезпеченіемъ неразрывнаго союза.

Почти одновременно съ днемъ бракосочетанія, Constitutionnel, личный органъ императора французовъ, воспользовался одною изъ безчисленныхъ статей англійской журналистики противъ войны, чтобы сдѣлать грозное исчисленіе громадныхъ армій, которыя Франція можетъ двинуть за границу. Daily News старалась доказать, что французская армія не такъ сильна, какъ думаютъ многіе; что во всякомъ случаѣ главная масса ея должна остаться внутри Франціи для наблюденія за Парижемъ и Ліономъ; что кромѣ того большой корпусъ необходимъ въ Алжиріи, и за этими вычетами едва ли останется для заграничнаго похода болѣе 130.000 человѣкъ. Constitutionnel, напротивъ, объявилъ, что 1 апрѣля Франція имѣла бы свободныхъ войскъ для заграничнаго похода около 400.000, а къ 1 іюня, съ призывомъ новаго контингента, 497.000 человѣкъ. Статья, написанная сдержаннымъ оффиціальнымъ языкомъ, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе, именно потому, что очевидно было ея высокое происхожденіе. Черезъ нѣсколько часовъ было всѣмъ извѣстно, что она прислана въ типографію Constitutionnel'я прямо изъ Тюльерійскаго дворца и была до такой степени личнымъ дѣйствіемъ императора, что даже не была показана министру иностранныхъ дѣлъ передъ отправленіемъ къ напечатанію.

Зато одновременно съ этимъ грознымъ манифестомъ, а прежде того, одновременно съ пріѣздомъ принца Наполеона въ Туринъ и съ слухами о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, были сдѣланы двѣ демонстраціи о миролюбивомъ расположеніи императора французовъ. Первая демонстрація, одновременная съ пріѣздомъ принца Наполеона въ Туринъ „Est-ce la paix? Est-ce la guerre?“ написанная дипломатическимъ языкомъ и приписывавшаяся графу Персиньи. Она склонялась въ пользу мирной развязки. Почти въ тотъ же день явилась брошюра „Aurons-nous la guerre?“ о которой мы говорили: допущеніе этого рѣзкаго протеста противъ войны усиливало догадки, внушаемыя брошюрою, въ которой предполагали участіе Персиньи. А когда принцъ Наполеонъ съ своею супругою возвратился въ Парижъ, на всемъ пути отъ станціи желѣзной дороги до дворца не было поставлено ни одного изъ многихъ тысячъ полицейскихъ клакеровъ, которые при всѣхъ подобныхъ случаяхъ обязаны выражать народный энтузіазмъ. Народъ, столпившійся по всей длинной дорогѣ, стоялъ въ совершенномъ молчаніи и не было произнесено ни одного крика въ привѣтствіе новобрачнымъ, олицетворявшимъ союзъ Франціи

и Сардиніи для войны. Холодный пріемъ со стороны французскаго народа былъ натураленъ; но удивлялись тому, что полиція не заботилась, по обыкновенію, выставить собственныхъ своихъ энтузіастовъ. Оффиціальнымъ объясненіемъ тому было: „правительство не хотѣло манифестаціи въ пользу войны и велѣло полиціи молчать". Впрочемъ, есть и другое объясненіе: боялись, что на крики полицейскихъ клакеровъ „да здравствуетъ Сардинія!" народъ будетъ отвѣчать криками: „да здравствуетъ миръ!"

Но вотъ приближалось и 7 февраля, день, назначенный для открытія сессіи законодательныхъ властей. Съ нетерпѣніемъ ожидали рѣчи, которую долженъ сказать при этомъ случаѣ императоръ французовъ. За три дня до рѣчи явилась брошюра Napoleon III et Italie, со всѣми признаками оффиціальнаго происхожденія. Она была писана, или, лучше сказать, только редижирована сановитѣйшимъ изъ придворныхъ писателей, виконтомъ ла-Героньеромъ, который нѣкогда былъ легитимистомъ, потомъ республиканцемъ, а теперь служитъ въ званіи бонапартиста. Говорили, что самъ императоръ доставилъ ла-Героньеру матеріалы для этого памфлета; что потомъ составленная изъ нихъ записка была читана и сильно передѣлана императоромъ, который собственноручно вставилъ въ нее нѣсколько длинныхъ мѣстъ, особенно выражавшихъ необыкновенную любовь императора французовъ къ Англіи. Самъ Мониторъ принялъ на себя трудъ подтвердить эти разсказы. Брошюра дѣйствительно должна была явиться выраженіемъ личнаго взгляда императора французовъ, предисловіемъ и коментаріемъ къ его рѣчи. Ее раскупили нарасхватъ, прочли съ жадностью, искали смысла въ каждомъ словѣ,—и не могли рѣшить, какой же смыслъ должна имѣть цѣлая брошюра? Въ самомъ дѣлѣ, очень трудно было понять ее. Черезъ день, черезъ два, загадка объяснилась. Еще во время допросовъ, сдѣланныхъ графу Орсини, Наполеонъ III былъ изумленъ силою и ясностью политическихъ соображеній его. „Я хотѣлъ васъ убить потому, что ваше бездѣйствіе мѣшаетъ освобожденію Италіи", писалъ Орсини, „теперь прибавляю, что ваша политика противна вашимъ собственнымъ выгодамъ. Вы упускаете изъ виду вотъ такіе-то и такіе-то факты. Обратите на нихъ справедливое вниманіе и вы увидите, что личная ваша польза требуетъ освобожденія Италіи„. Въ бумагахъ Орсини нашлись подробные историческіе очерки и мемуары о нынѣшнемъ состояніи разныхъ государствъ и объ ихъ дипломатическихъ отношеніяхъ, написанные въ подтвержденіе той общей мысли, что Франція должна освободить Италію и что если бы Наполеонъ III сознавалъ потребности своего положенія, онъ исполнилъ бы эту легкую обязанность. Еще тогда же, во время процесса Орсини, Наполеонъ III внимательно изучалъ эти записки. Въ концѣ прошлаго года онъ снова потребовалъ къ себѣ бумаги, оставшіяся послѣ Орсини, и, когда вышла брошюра, служившая предшественницей тронной рѣчи, люди, знакомые съ содержаніемъ орсиніевскихъ бумагъ, увидѣли, что брошюра составлена главнымъ образомъ изъ нихъ. Но въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ концѣ, были прибавлены мысли, вынуждаемыя дипломатическими отношеніями, сильною оппозиціею французскаго общества и даже большинства государственныхъ сановниковъ противъ войны. Сверхъ того, всѣ факты и и мысли, заимствованные изъ бумагъ Орсини, были обставлены

фразами въ духѣ правительственной французской журналистики. Такимъ образомъ брошюра имѣла двойственный характеръ. Изъ всѣхъ фактовъ и соображеній, изложенныхъ въ ней съ замѣчательною силою мысли, слѣдовало заключеніе: „Франція обязана начать войну для освобожденія Италіи“. Но вмѣсто этого заключенія было дано совершенно другое: „императоръ французовъ не хочетъ войны и постарается избѣжать ея“. По этой двойственности ея смысла, кому что угодно, тотъ именно то могъ видѣть въ ней— одинъ войну, другой миръ.

Точно такова же была и рѣчь, сказанная императоромъ французовъ 7 февраля, при открытіи засѣданій законодательнаго корпуса и сената. Германія истолковала ее въ смыслѣ мира; Сардинія и вся Италія въ смыслѣ войны. Англія нашла въ ней поровну и того и другого. Но каковъ бы ни былъ дѣйствительный смыслъ рѣчи, или хотя бы она не имѣла никакого опредѣленнаго значенія сама по себѣ, пріемъ, ей сдѣланный, былъ рѣшительною манифестаціею депутатовъ и публики въ пользу мира. Императоръ французовъ былъ встрѣченъ безъ того энтузіазма, съ которымъ привѣтствовали его въ прежніе годы депутаты, избираемые по назначенію правительства изъ преданнѣйшихъ ему людей. Когда Наполеонъ III вошелъ въ залу, одинъ изъ придворныхъ сановниковъ закричалъ: „да здравствуетъ императоръ!“ за нимъ повторили восклицаніе другіе присутствовавшіе, но далеко не всѣ; многіе депутаты не раскрывали губъ. Второй залпъ восклицаній былъ еще слабѣе; въ третій разъ послышались только немногіе голоса, оставшіеся безъ поддержки. Во время рѣчи, на лицѣ большей части депутатовъ выраженіе было холодное и принужденное. Когда въ началѣ рѣчи императоръ говорилъ, что безпокойство овладѣло Франціею безъ положительныхъ основаній для тревоги, на нѣкоторыхъ лицахъ явилась даже улыбка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, для приличія, рѣчь прерывалась апплодисментами; но особенно сильны были они только при словахъ, что императоръ останется вѣренъ своимъ бордосскимъ словамъ: „имперія — это миръ“, и не хочетъ возобновлять эпоху завоеваній. При предварительномъ обсужденіи рѣчи, почти всѣ министры были рѣшительно противъ войны. Даже носился слухъ, что они хотѣли подать въ отставку, когда во время церемоніи услышали изъ устъ Наполеона III рѣчь безъ тѣхъ болѣе рѣшительныхъ ручательствъ за миръ, которыя были внесены въ проэктъ рѣчи по ихъ настоянію. Неудовольствіе министровъ колебаніями французской политики между миромъ и войною такъ сильно, что носятся слухи, будто большинство министровъ хочетъ подать въ отставку. Разумѣется, это вздоръ, потому что не въ духѣ нынѣшняго порядка вещей и людей, служащихъ ему; но все-таки подобные толки свидѣтельствуютъ о сильной оппозиціи самого кабинета противу воинственной политики. Изъ пріема, сдѣланнаго рѣчи императора, обнаружилось, въ какомъ тонѣ президенту законодательнаго корпуса, графу Морни, надобно составить рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести на другой день 8 февраля н. ст., при открытіи перваго засѣданія законодателей. Депутаты совершенно оправдали слухъ о томъ, что возвратились изъ провинцій рѣшительными приверженцами мира, Нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли объявить въ парижскихъ салонахъ, что „насъ въ палатѣ есть 150 или 200 человѣкъ

такихъ, которые рѣшились ни подъ какимъ видомъ не допускать войны". Одному изъ такихъ геройствующихъ гражданъ собесѣдникъ англичанинъ замѣтилъ: „войны вы, разумѣется, никакъ не допустите, но безпрекословно дадите всѣ суммы, какихъ потребуетъ ея веденіе". Сконфузившійся гражданинъ пожалъ плечами и сказалъ: „вы правы". Въ самомъ дѣлѣ, депутаты приготовлялись сильно воспротивиться правительству въ вопросѣ о войнѣ; но, вѣроятно ихъ оппозиція ограничится салонными разговорами, а въ залѣ засѣданій будутъ они послушными дѣтьми. Однако же все-таки не годится раздражать ихъ, все-таки полезно угодить на словахъ ихъ чувствамъ, выразившимся очень недвусмысленно. Рѣчь Морни вся состоитъ изъ положительныхъ увѣреній въ непоколебимости мира. Президентъ законодательнаго корпуса проситъ депутатовъ „вѣрить словамъ императора, что миръ не будетъ нарушенъ"; объясняетъ имъ, что „множество другихъ соображеній должны также вести къ разъясненію безпокойствъ"; увѣряетъ, что „религія, философія, цивилизація, кредитъ, трудъ сдѣлали миръ первымъ благомъ новыхъ обществъ"; объясняетъ, что „нынѣ уже не тѣ времена, когда можно было легкомысленно проливать кровь народовъ", что нынѣ „большая часть затрудненій устраняется дипломатіей, или разрѣшается мирнымъ посредничествомъ". Онъ даже указываетъ имъ на фактъ совершенно „новый", именно на то, что „быстрыя средства къ сообщенію между народами и гласность создали новую европейскую державу" (мы переводимъ безъ всякихъ измѣненій: une puissanse européenne nouvelle), которой будто бы „всѣ правительства принуждены подчиняться"; и что эта „новая держава— общественное мнѣніе". Такая миролюбивая и просвѣщенная рѣчь возбудила восторгъ гораздо болѣе сильный, нежели какого ожидалъ и какого, быть можетъ, даже не желалъ краснорѣчивый авторъ ея. Между депутатами слышались толки: „Вотъ такую рѣчь намъ надобно было услышать отъ императора".

Брошюра Napoleon III et Italie была выраженіемъ личныхъ мнѣній императора французовъ,—это засвидѣтельствовалъ самъ Монитеръ; но протестація со стороны „новой державы", которую замѣтилъ Морни, не остановилась и передъ этимъ фактомъ: явилась брошюра Эмиля Жирардена, написанная въ опроверженіе брошюры ла-Героньера. Правительственная брошюра предполагаетъ достигнуть дипломатическимъ путемъ учрежденія независимой администраціи въ ломбардо-венеціанскихъ областяхъ, мечтаетъ о конфедераціи итальянскихъ государствъ подъ предсѣдательствомъ папы. Жирарденъ доказываетъ несостоятельности этой утопіи, служившей прикрытіемъ для видимаго отступленія съ военнаго пути. Въ правительственной брошюрѣ говорилось, что война самое тяжелое средство для освобожденія Италіи, и потому должно идти къ этой цѣли мирными переговорами. Жирарденъ говоритъ, что война— не только тяжелое средство, а просто средство ни къ чему негодное; что войною невозможно освободить Италію, что нашествіе не можетъ дать итальянцамъ свободы, а только подчинитъ ихъ французскимъ учрежденіямъ, которыя не легче австрійскихъ. Брошюра ла-Героньера увѣряла, что во всякомъ случаѣ Франція не хочетъ завоеваній. Жирарденъ говоритъ, что война, начинаемая не для завоеваній, есть нелѣпость. Вотъ заключеніе его брошюры:

«Война бываетъ или наступательная, или оборонительная.

«Если она ни то, ни другое, она вооруженное вмѣшательство. А не бывало никогда примѣра, чтобы вооруженное вмѣшательство достигало своей цѣли и не оказывалось ошибкой.

«Если война оборонительная, она оправдывается законностью.

«Если война наступательная, она извиняется побѣдою.

«Побѣда безъ завоеваній,—безсмыслица.

«Хотятъ ли вмѣшаться въ ссору римлянъ съ ихъ правительствомъ и отдать ломбардцевъ Піэмонту? Если такъ, мы говоримъ: «не воюйте».

«Хотятъ ли отмстить за Ватерлоо, возвратить Франціи лѣвый берегъ Рейна? Если такъ, мы говоримъ: «воюйте».

«Или война съ ея завоеваніями, или миръ съ его прогрессомъ».

Доказывая, что война со стороны Франціи должна быть непремѣнно завоевательною, Эмиль Жирарденъ ставитъ для войны цѣль, признаться въ которой никакъ не хотятъ, потому что сказать: „Франція хочетъ захватить часть Рейнскихъ провинцій Пруссіи и часть Баваріи“, значитъ вызвать противъ Франціи общую европейскую коалицію. Эмиль Жирарденъ объясняетъ Европѣ, что она никакъ не можетъ не вооружиться вся противъ Франціи, подъ какимъ бы предлогомъ ни начала Франція войну; онъ доказываетъ, что война не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ завоеваній; онъ объясняетъ Франціи, что вся Европа будетъ противъ нея, потому что непремѣнно предположитъ въ войнѣ завоевательную цѣль. Эта брошюра въ три дня имѣла три изданія, каждое въ огромномъ числѣ экземпляровъ.

Намъ остается теперь обозрѣть общее положеніе дѣлъ около 14 февраля (нашего стиля), когда мы пишемъ эту статью.

Военныя приготовленія производятся во Франціи, Сардиніи и Австріи съ величайшею дѣятельностью. Сардинская армія готова дать битву, хоть нынѣ же. Австрія усилила свою армію въ Италіи до 150.000 человѣкъ, такъ что сардинцамъ нельзя будетъ удержаться и нѣсколько дней, если они откроютъ войну до прибытія изъ Франціи очень сильныхъ подкрѣпленій. На угрозу Франціи, что къ 1 іюля она можетъ имѣть подъ ружьемъ около 700.000 человѣкъ, изъ которыхъ около 500,000 можетъ послать за границу, Австрія отвѣчала, что сама имѣетъ почти такое же число войскъ и въ случаѣ оборонительной войны будетъ имѣть союзницею всю Германію, которая выставитъ еще столько же войска, такъ что противъ французовъ двинется около 800.000 австрійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ. Франція готовитъ въ Тулонѣ и Марсели огромное число судовъ для перевозки войскъ въ Италію, усилила римскій гарнизонъ и, какъ говорятъ, собрала 80-тысячную армію на сардинской границѣ, для движенія по другой стратегической линіи, сухимъ путемъ, черезъ Альпы. Всѣ французскіе арсеналы кипятъ работою. Въ Венсенѣ отливается 650 пушекъ новой системы, такъ называемыхъ нарѣзныхъ орудій, столько же превосходящихъ обыкновенныя пушки, какъ штуцеръ простое ружье. Главная дѣятельность Англіи состоитъ въ дипломатическихъ переговорахъ для предотвращенія войны; но и Англія сильно вооружается. Болѣе всего старается она, конечно, объ усиленіи флота и укрѣпленіи своихъ береговъ. Но и для сухопутныхъ наступательныхъ дѣйствій она готовитъ средства. Довольно сказать, что, кромѣ всѣхъ другихъ, простыхъ и нарѣзныхъ орудій,

она приготовляетъ 200 эрмстронговыхъ пушекъ, которыя изобрѣтены, можно сказать, на-дняхъ и несравненно выше обыкновенныхъ нарѣзныхъ пушекъ, извѣстныхъ на континентѣ [1]).

Приготовленія къ войнѣ уже требуютъ займовъ во всѣхъ четырехъ государствахъ, приготовляющихся къ борьбѣ. Говорятъ, что англійское правительство сдѣлаетъ заемъ въ 10 или 12 милліоновъ фунтовъ (65—80 милліоновъ рублей), если вѣроятность войны не исчезнетъ въ скоромъ времени. Но это еще только предположеніе, а французское правительство уже ведетъ переговоры о займѣ въ 750 милліоновъ франковъ (185 милліоновъ рублей). Говорятъ, что оно согласно заключить его (по 3%) по курсу 60 франковъ. Это составило бы уже около 20% потери сравнительно съ курсомъ 31 декабря. Но Англія и Франція богаты, онѣ еще только думаютъ о займѣ; и Франція, вѣроятно, а Англія, безъ всякаго сомнѣнія, не встрѣтятъ неудачи въ полученіи нужныхъ имъ денегъ. Австрія и Сардинія бѣднѣе; обѣ онѣ уже теперь заключили займы, и Австрія, нѣсколькими днями предупредившая свою итальянскую соперницу, уже потерпѣла рѣшительную неудачу, которая навѣрное ждетъ и Сардинію. Заемъ былъ заключенъ съ фирмою лондонскаго Ротшильда и долженъ былъ производиться на лондонской биржѣ. Еще 3 января австрійскіе 5-процентные фонды стояли на $9^1/_2$; заемъ объявленный въ началѣ февраля былъ негоціированъ уже только по 80, да и по этому курсу не пошелъ. Несмотря на отсрочку въ подпискѣ, она не достигла предположенной цифры 6.000.000 фунтовъ (38 милліоновъ руб. сер.), — говорятъ, будто вся подписка не простирается выше $1^1/_2$ милліона фунтовъ; операція вѣроятно кончится большими убытками для Ротшильда. А если бы заемъ пошелъ, Австрія готовилась заключить еще новый заемъ на 4.000.000 фунтовъ. Сардинскій заемъ (2 милліона фунтовъ), также заключаемый въ Лондонѣ, еще не былъ объявленъ на биржѣ до того числа, за которое мы теперь имѣемъ извѣстія; но по всей вѣроятности его ждетъ участь столь же горькая. Сардинскіе фонды на лондонской биржѣ падаютъ съ новаго года еще сильнѣе австрійскихъ.

Въ этой трудности получать деньги на веденіе войны находится одно

---

[1]) По опытамъ, какіе произведены были въ послѣднее время въ Англіи, эрмстронгова пушка имѣетъ изумительную вѣрность и дальность выстрѣла: она бьетъ съ такою же точностью прицѣла, какъ штуцеръ. Въ мишень 9 дюймовъ въ квадратѣ, на дистанціи 450 саженъ, она попадаетъ третьимъ ядромъ. Лафетъ ея устроенъ такъ, что послѣ выстрѣла она сама собой приходитъ въ прежнее положеніе, такъ что вновь наводить ее не нужно,—второй выстрѣлъ безъ прицѣливанья бьетъ въ тоже самое мѣсто, какъ первый. Вѣрный прицѣлъ простирается на разстояніе 5 верстъ. Полная дальность выстрѣла простирается до 8 верстъ. Эти данныя относятся къ пушкѣ 12 фунтоваго калибра. Но заряжается она не ядрями, а продолговатыми кусками желѣза, такъ что при 12-фунтовомъ калибрѣ вѣсъ ея снаряда простирается до 2 пудовъ. Очень вѣроятно, что въ описаніи достоинствъ ея есть преувеличеніе; но что дѣйствительно она даетъ результаты далеко не достижимые для обыкновенныхъ нарѣзныхъ орудій, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Устройство ея содержится въ тайнѣ: извѣстно только, что она построена совершенно не по той формѣ, какъ нынѣшнія простыя или нарѣзныя орудія, и видомъ своимъ походитъ не на пушку, какія мы знаемъ, а на гигантское ружье. Если справедливо, что послѣ выстрѣла и слѣдующаго за нимъ отката она приводится самымъ механизмъ своего лафета въ прежнее положеніе, такъ что не нужно ее наводить вновь, это одно преимущество могло бы сдѣлать безсильными передъ нею не только простыя пушки, но и нарѣзныя орудія другихъ системъ.

изъ ручательствъ сохраненія мира, выставляемыхъ людьми не хотящими вѣрить въ войну. Къ сожалѣнію, деньги для начатія войны всегда умѣютъ находить, какъ бы трудно ни казалось это. Будутъ, пожалуй, дѣлать 5-процентные займы по курсу 50% или еще ниже, а все-таки начнутъ войну, если захотятъ. Вѣдь и по условіямъ нынѣшняго займа Австрія, записывая въ капиталъ долга 6 милліоновъ фунтовъ, должна была получить только 4 милліона,—иначе сказать; соглашалася давать $7^1/_2$% — это не остановило ее,—будутъ платить и по 10%, за этимъ дѣло не станетъ.

Другою надеждою на сохраненіе мира выставляются переговоры, которые ведетъ Англія съ враждующими державами. Въ какомъ положеніи находятся онѣ теперь? Публика знаетъ далеко не все, что есть, предполагаетъ многое, чего нѣтъ, и можетъ ручаться за совершенную достовѣрность только очень немногихъ свѣдѣній изъ числа тѣхъ, которыя доходятъ до нея. Но сколько извѣстно, дипломатическое положеніе вопроса около 15 февраля новаго стиля было слѣдующее: англійское министерство говоритъ, что оно получило отъ Австріи обѣщаніе не начинать войны, отъ Франціи обѣщаніе не помогать Піэмонту, если онъ начнетъ войну. Извѣстно, впрочемъ, что въ политикѣ каждый день являются непредвидѣнные случаи, изъ которыхъ каждымъ можно воспользоваться, чтобы не нарушая обѣщанія, сдѣлать не то, чего не хотѣлъ бы, а то, чего хочешь. Нападеніе можетъ быть сдѣлано такъ, что его легко будетъ выставлять вовсе не нападеніемъ, а только обороною. Для объявленія войны всегда можетъ быть найденъ предлогъ, не входившій въ число случаевъ, относительно которыхъ было дано обѣщаніе. Кто бы напримѣръ могъ ожидать, что вмѣсто ломбардо-венеціанскихъ областей поводомъ къ разрыву будутъ выставляться сербскія дѣла или состояніе Папской Области? Сербскія дѣла теперь сошли съ дипломатической сцены; въ какомъ же положеніи находится вопросъ о занятіи иностранными войсками Папской Области? Лондонскій кабинетъ посылалъ въ Парижъ, въ Вѣну и въ Туринъ ноты, убѣждавшія къ сохраненію мира. Говорятъ, что Англія объявляла Сардиніи свое намѣреніе поддерживать Австрію въ случаѣ войны; говорятъ, что графъ Кавуръ отвѣчалъ объявленіемъ невозможности для Сардиніи измѣнить свою прежнюю политику. Говорятъ, что вѣнскій дворъ, напротивъ того, отвѣчалъ выраженіемъ готовности вывести изъ легатствъ австрійскія войска, если того хочетъ Франція. Этотъ отвѣтъ, говорятъ, былъ сообщенъ изъ Лондона въ Парижъ; но какъ приняла его Франція, еще неизвѣстно въ ту минуту, когда мы пишемъ.

Итакъ, будетъ или не будетъ война? Мы уже говорили, что до сихъ поръ достовѣрно знаетъ это только императоръ французовъ, да развѣ еще графъ Кавуръ. Но говорятъ многое многіе. Англичане не хотятъ увѣрить себя, что войны не будетъ. Въ Сардиніи почти всѣ увѣрены, что война будетъ. Въ Германіи и Австріи половина людей, посвященныхъ въ тайны больше другихъ, полагаетъ, что Франція запугана австрійско-нѣмецкими силами; другая половина говоритъ, что Франція медлитъ начатіемъ войны только благодаря вліянію Англіи, но недолго будетъ медлить. Въ самой Франціи большинство дипломатическихъ людей утверждаетъ, что война отсрочена,—до мая мѣсяца, по словамъ однихъ, чтобы докончить вооруженія,—до конца ны-

нѣшняго года, по словамъ другихъ, чтобы пріобрѣсти болѣе союзниковъ, дождаться измѣненія англійской политики въ пользу войны, и въ томъ же смыслѣ переработать общественное мнѣніе во Франціи. Но почти всѣ прибавляютъ, что этою отсрочкою неуменьшается неизбѣжность войны, вытекающая изъ необходимости отвлечь французскую мысль отъ внутреннихъ дѣлъ.

Эта цѣль очень удачно достигается. Напрасно стали бы мы искать во французскихъ газетахъ нынѣшняго года того живого вниманія къ внутреннимъ вопросамъ, которое съ половины прошлаго года, каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю, все сильнѣе и сильнѣе выражалось журналистикою. Все вниманіе общества поглощено теперь итальянскимъ вопросомъ; внутреннія дѣла забыты.

И не только на Францію произвели такое дѣйствіе приготовленія къ войнѣ. И въ другихъ государствахъ Западной Европы этотъ вопросъ внѣшней политики сталъ на первый планъ, больше или меньше развлекъ общественное вниманіе и ослабилъ развитіе заботъ о внутреннихъ улучшеніяхъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили, какъ непріятна старымъ аристократическимъ партіямъ Англіи парламентская реформа, которая послужитъ къ усиленію въ парламентѣ людей, желающихъ вывести правительство изъ-подъ устарѣвшей опеки нобльменовъ. Мы говорили, что особенно непріятна реформа для тори, которыхъ ослабитъ она и скорѣе, и гораздо въ большей степени, нежели виговъ. Лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли вздумали-было воспользоваться слухами о войнѣ, чтобы замять непріятный внутренній вопросъ. Хорошимъ ли разсчетомъ для нихъ самихъ было бы это, мы увидимъ ниже. Но уловка не удалась, потому что виги иначе поняли шансы, представляемые отсрочкой, и для общей пользы, и своей, и своихъ старинныхъ противниковъ тори, поддержали требованія реформеровъ не откладывать дѣло въ долгій ящикъ. Однако же лорду Дерби,—вездѣ, гдѣ мы будемъ писать по принятому правилу „лордъ Дерби", читатель долженъ понимать „мистеръ Д'Израэли", потому что Д'Израэли истинный руководитель министерства, въ которомъ номинальнымъ главою считается лордъ Дерби,—удалось сдѣлать проволочку на цѣлыя двѣ недѣли, и вмѣсто того, что бы пренія о реформѣ могли бы начаться около 15 февраля (новаго стиля), теперь первое чтеніе билля, составленнаго правительствомъ, будетъ происходить 28 февраля. Такимъ образомъ въ настоящую минуту на сценѣ остается еще одна партія реформеровъ; она одна дѣйствуетъ, какъ одна дѣйствовала въ три предыдущіе мѣсяца, и наши извѣстія о ходѣ реформеннаго вопроса будутъ служить только продолженіемъ извѣстій, какія мы имѣли уже въ прошломъ мѣсяцѣ. Главнымъ лицомъ остается еще Брайтъ.

Читатель знаетъ, что живое движеніе реформенному дѣлу придалъ онъ своею рѣчью на Бирмингэмскомъ митингѣ, за которымъ, до конца прошлаго года, слѣдовало нѣсколько другихъ огромныхъ митинговъ въ большихъ городахъ Англіи и Шотландіи. Осенью прошлаго года старыя партіи никакъ не предполагали, чтобы вопросъ началъ принимать формы болѣе широкія, нежели какими хотѣли бы ограничить его нобльмены. Ихъ озлобленіе противъ человѣка, котораго считали они главнымъ виновникомъ такой бѣды, было безмѣрно; оно выразилось свирѣпыми нападеніями на Брайта отъ большей части газетъ большого формата, т. е. главныхъ газетъ. Надобно сказать въ объя-

сненіе дѣла нѣсколько словъ о характерѣ большихъ англійскихъ газетъ, относительно которыхъ обыкновенно говорится у насъ, какъ и на всемъ европейскомъ континентѣ, много фальшиваго.

Обыкновенно думаютъ, что англійскія газеты всѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ ультраторійскихъ, очень либеральны. Оно, если хотите, отчасти и такъ, если сравнивать ихъ съ баварскими, неаполитанскими и т. п. Тоже отчасти справедливо это мнѣніе и по ихъ отношенію къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ Пруссію или Францію, гдѣ рѣчь идетъ объ упроченіи или введеніи такихъ учрежденій, которыя давно уже стали въ Англіи дѣломъ столь же непоколебимымъ, какъ напримѣръ, у насъ цивилизованный обычай дѣлать визиты на новый годъ и на пасху. Какъ у насъ не найдется не только журнала или газеты, но не найдется ни одного отдѣльнаго писателя, ни даже какого бы то ни было человѣка, который бы сталъ отвергать законность и пользу нынѣшняго правила не держать женщинъ въ заперти, а допускать ихъ въ общество мужчинъ, такъ въ Англіи никто не говоритъ противъ печатнаго обсужденія всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ, противъ представительной формы, противъ митинговъ по общественнымъ дѣламъ. Мы хотимъ сказать, что по нѣкоторымъ вопросамъ англичане настолько же ушли впередъ противъ континента Западной Европы, насколько мы ушли впередъ отъ почтенныхъ людей, споравшихъ при Петрѣ Великомъ о томъ, дозволительно ли женщинѣ показываться на глаза имъ, добрымъ людямъ. Эти дѣла, въ которыхъ Англія опередила континентальную Европу, очень важны, въ томъ нѣтъ спора. Но допущеніе женщины въ общество также дѣло очень важное. Однако же никто не станетъ утверждать, чтобы мы уже достигли совершенства и отдѣлались отъ всѣхъ вопросовъ, замѣнивъ трепака, танцовавшагося мужчинами въ-одиночку, кадрилемъ, въ которомъ участвуютъ дамы; такъ точно и англичане, при всей прочности своихъ важныхъ пріобрѣтеній, еще далеко не достигли совершенства въ общественномъ устройствѣ, и есть въ ихъ жизни много чрезвычайно важныхъ вопросовъ, еще не получившихъ удовлетворительнаго рѣшенія. Относительно этихъ вопросовъ большая часть главныхъ англійскихъ газетъ,—вовсе не либеральны. За примѣрами далеко ходить нечего, ихъ можно взять изъ дѣла о парламентской реформѣ. На континентѣ Европы каждый знаетъ, что необходимою принадлежностью выборовъ должна быть баллотировка, что безъ нея чрезвычайно многіе люди станутъ подавать голосъ по уклончивымъ соображеніямъ, въ противность собственному убѣжденію, и стало быть выборъ останется болѣе или менѣе пустою формальностью. Въ Англіи изъ десяти или двѣнадцати большихъ газетъ только — три (Morning Star органъ Брайта, Morning Advertiser, органъ радикаловъ, и Daily News, органъ болѣе умѣреннаго отдѣла реформеровъ) соглашаются на баллотировку; а изъ трехъ главныхъ политическихъ журналовъ (Quarterly Review, органъ тори, Edinburgh Review, органъ виговъ, и Westminster Review, органъ либераловъ, склоняющихся къ радикализму), ни одинъ не принимаетъ ея. Точно также, какой бы цензъ ни считалъ наилучшимъ кто нибудь изъ насъ, жителей континента, все-таки каждый понимаетъ, что если въ одномъ округѣ избирателей одна тысяча, а въ другомъ десять тысячъ, и населенія второй округъ имѣетъ въ десять разъ больше перваго, то второй округъ долженъ

выбирать десять депутатовъ, а первый только одного. И тутъ опять изъ большихъ газетъ согласны на такую простую истину только тѣ же три, и изъ трехъ журналовъ только одинъ (Westminster Review). А на европейскомъ континентѣ никто не отвергаетъ ни баллотировки на выборахъ, ни пропорціональности числа депутатовъ съ числомъ избирателей и жителей.

Отчего же происходитъ такая странная нелѣпица во взглядѣ большинства англійскихъ газетъ на вопросы, повидимому, очень простые? Тутъ двѣ главныя причины. Во-первыхъ, англійскія учрежденія сложились такъ давно, что многое въ нихъ отъ измѣненія обстоятельствъ утратило смыслъ, а между тѣмъ вошло въ рутину. Отъ рутины, какъ извѣстно, очень трудно отказаться. Напримѣръ, подача голосовъ на выборахъ, черезъ записываніе именъ въ реестрѣ, ведетъ свое начало изъ тѣхъ временъ, когда баллотировки не знали. За неимѣніемъ этого лучшаго средства, ничего нельзя было сказать противъ выборовъ черезъ записку именъ. Теперь лучшее отвергается потому, что привыкли къ прежнему хорошему, образовавшемуся въ дурное съ теченіемъ времени. Англичане во многихъ случаяхъ похожи на человѣка, которому трудно понять, что апрѣль и понедѣльникъ надобно писать маленькой буквой, потому что онъ учился грамматикѣ еще въ тѣ времена, когда она велѣла писать эти слова большой буквой. Попробуйте растолковать такому господину, что онъ дѣлаетъ ошибку противъ ороографіи. „Нѣтъ, говоритъ онъ, я твердо знаю грамматику“. Въ томъ-то и бѣда, что грамматика съ той поры во многомъ исправилась.

Другая причина та, что почти всѣ англійскія газеты находятся въ зависимости отъ старыхъ партій, которыя въ свое время были хороши, а теперь обветшали. И газеты эти въ свое время были либеральныя, а теперь оказываются очень отсталыми, и главное—по необходимости враждебными всему, что грозитъ опасностью для старыхъ партій. Это случай совершенно въ томъ родѣ, какъ если бы до сихъ поръ продолжалъ существовать покойный Подшиваловъ и до сихъ поръ продолжалъ издавать свой, прекрасный по тогдашнему времени, журналъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, лучшимъ украшеніемъ котораго были стихи Хераскова.

Отчего же газеты съ отсталыми мнѣніями держатся такъ крѣпко? Причинъ на это много. Укажемъ только одну: власть до сихъ поръ была исключительно въ рукахъ старыхъ партій. Чего ищетъ читатель въ газетѣ? Ищетъ извѣстія о политическихъ новостяхъ и о намѣреніяхъ правительства или сильныхъ государственныхъ людей. Само собою разумѣется, всѣ эти свѣдѣнія вѣрнѣе и полнѣе всего получаются тѣми газетами, которыя служатъ органами для сильныхъ парламентскихъ партій, попеременно имѣющихъ власть. Притомъ до послѣдняго времени, до уничтоженія штемпеля, въ Англіи почти не было возможности являться новымъ газетамъ.

Но все это мы говоримъ въ объясненіе факта, почему большинство англійскихъ газетъ значительнаго объема держится очень отсталыхъ мнѣній; а собственно говоря, намъ нужно было указать только этотъ фактъ. Мы не думаемъ уменьшать достоинствъ англійскихъ газетъ: свѣжестью, подробностью и полнотою своихъ извѣстій, точностью и добросовѣстностью въ изложеніи фактовъ, просторомъ, какой даютъ онѣ всякому постороннему замѣчанію на свои

сужденія въ своихъ же столбцахъ, а главное прямотою языка онѣ возвышаются надъ континентальными газетами неизмѣримо. Даже въ лучшія времена французской журналистики, французскія газеты не равнялись въ этихъ качествахъ съ англійскими. Но мы теперь говоримъ только о широтѣ и свѣжести ихъ взгляда на тѣ вопросы, которые выходятъ изъ круга англійской рутины. Тутъ въ огромномъ большинствѣ ихъ не ищите ясности взгляда: обо всемъ томъ, что еще не принято въ англійскую рутину, изъ десяти газетъ восемь навѣрное держатся такихъ мнѣній, которыя даже въ Россіи каждый образованный человѣкъ называетъ отсталыми.

По этой отсталости, а главное по принадлежности большинства англійскихъ газетъ къ старымъ партіямъ, читатель можетъ предположить, съ какимъ ожесточеніемъ напали онѣ на Брайта, придавшаго сильное движеніе дѣлу, подрывающему прежнее исключительное владычество нобльменовъ надъ государственною жизнью. Люди рутины никогда не затрудняются выборомъ обвиненій противъ человѣка, кажущагося вреднымъ для рутины: эти обвиненія готовы къ употребленію для всякаго желающаго, по всевозможнымъ дѣламъ: со временъ Будды Шакьямуни всѣ люди, желавшіе улучшеній въ общественной жизни, подвергались обвиненіямъ въ сумасбродныхъ замыслахъ, въ утопизмѣ, въ возстановленіи сословія противъ сословія, въ намѣреніи ниспровергнуть отечественные законы, въ недостаткѣ любви къ отечеству, въ униженіи отечества передъ чужими землями, въ желаніи уничтожить собственность, въ разрушеніи общественнаго спокойствія, въ стремленіи подвергнуть родину смутамъ, мятежамъ и такъ далѣе. Разумѣется, къ Брайту прямо были приложены всѣ эти готовыя прикрасы. Мы приведемъ на выдержку нѣсколько милыхъ выраженій изъ Times'а, сильнѣйшей англійской газеты, которая, надобно замѣтить, очень нерасположена къ тори, слѣдовательно, еще не такъ горячится, какъ многія другія изъ значительныхъ газетъ. У насъ подъ руками Times съ начала нынѣшняго года. Беремъ же первый нумеръ и прямо попадаемъ на статью, выражающуюся такимъ манеромъ: „Демагогъ (т. е. Брайтъ), стремящійся разрушить основанія конституціи"; „его лживыя и возмутительныя пасквильныя рѣчи"; „Бирмингэмскій демагогъ"; „мистеръ Брайтъ, принципами котораго мы гнушаемся"; „его легкомысленныя клеветы направлены противъ всей собственности и образованности нашего отечества" (а кстати, о собственности, надобно замѣтить, что Брайтъ очень богатый человѣкъ); „принципы, имъ высказанные—принципы человѣка, стремящагося низвергнуть все зданіе политическаго общества. Ученіе, имъ проповѣдуемое, то самое ученіе, которое по исторіи и опыту оказалось разрушительнымъ для собственности, свободы и порядка"; „онъ извращаетъ мысли своихъ слушателей ложью и разжигаетъ страсти ихъ реторикою"; „онъ лицемѣрно называетъ себя защитникомъ простолюдиновъ, изрыгая площадныя пошлости"; „онъ говоритъ съ чернью, на невѣжество которой разсчитываетъ"; „эти дерзкія и злонамѣренныя лжи возбудили негодованіе и отвращеніе по всей Англіи, въ разсудительныхъ людяхъ всѣхъ сословій, отъ низшаго до высшаго"; „должно противиться дѣйствію яда, столь безчестно изливаемаго"; „гнуснѣйшее плутовство, плутовство демагога, который похищаетъ у людей смыслъ, становясь сводникомъ для страстей"; „это

возмутительная ложь“; „дѣло свободы подрывается, истина грубо насилуется, справедливость постыдно оскорбляется“. Эти любезные отзывы всѣ набраны нами съ одного только столбца Times'а, а столбцовъ на страницѣ этой газеты цѣлыхъ шесть, а страницъ въ каждомъ нумерѣ газеты восемь, — сколько же пріятностей о Брайтѣ могло помѣститься въ одномъ нумерѣ этой газеты?

Какъ должны быть переносимы такія оскорбленія, и чѣмъ могутъ быть опровергнуты такія обвиненія, это скажетъ намъ Кобденъ въ письмѣ, которымъ передъ отъѣздомъ въ Америку выражаетъ совершенное свое согласіе съ биллемъ Брайта:

«Наблюдая изъ моего уединенія за ходомъ дѣла, предпринятаго мистеромъ Брайтомъ, я пораженъ сходствомъ испытанія, которому онъ подвергается, съ тѣмъ, которому подвергался я въ первыя времена Лиги для отмѣненія хлѣбныхъ законовъ; то же самое искаженіе и побужденій и словъ, тотъ же самый лицемѣрный ужасъ относительно судьбы, какую готовитъ онъ монархической власти, церкви, аристократіи и собственности. Я терпѣлъ все это, какъ терпитъ теперь онъ; и если онъ будетъ твердо идти своимъ путемъ нѣсколько лѣтъ, пока его проектъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, станетъ закономъ,—въ чемъ нельзя сомнѣваться,—тогда онъ испытаетъ, какъ и я испыталъ, болѣе пріятную сторону своего дѣла. Когда каждый увидитъ, что вмѣсто всѣхъ предсказываемыхъ бѣдствій изъ его реформы проистекаетъ только увеличеніе безопасности, довольства и благосостоянія, тогда онъ найдетъ, что изъ десяти человѣкъ, выражающихъ нынѣ величайшій ужасъ къ нему, девятеро наперерывъ побѣгутъ поздравлять его съ успѣхомъ его дѣла. Мало того,—пожимая ему руку, они станутъ утверждать, что всегда были согласны съ нимъ въ принципахъ, и жалѣть только о томъ, что съ самаго начала они и онъ не поняли другъ друга. Эти двѣ полосы бываютъ въ судьбѣ всѣхъ тружениковъ политическаго прогресса, и нашъ другъ имѣетъ такъ много опытности подобнаго рода, что не будетъ ни удивленъ, ни огорченъ тѣмъ, что происходитъ нынѣ».

За что однако такія сильныя выраженія ужаса и ненависти? Чего требуетъ партія реформеровъ черезъ билль, предлагаемый Брайтомъ?

Послѣ нѣсколькихъ митинговъ, имѣвшихъ цѣлью поднять вопросъ, Брайтъ въ концѣ прошлаго года удалился на нѣсколько недѣль въ свой кабинетъ, чтобы въ совѣщаніяхъ съ другими главными людьми реформерской партіи приготовить билль для предложенія парламенту. Это дѣло многосложное, требующее статистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Когда билль былъ готовъ, Брайтъ объявилъ, что явится на митингъ въ Бредфордѣ 17-го января, чтобы изложить главныя основанія своего проекта. Въ приложеніи къ этой статьѣ мы помѣщаемъ обширное извлеченіе изъ бредфордской рѣчи, потому что она очень важна, показывая границы желаній, кажущихся для настоящаго времени практичными главнымъ людямъ той парламентской партіи, которая стремится къ реформѣ. Притомъ бредфордская рѣчь очень полно излагаетъ смыслъ всѣхъ тѣхъ подробностей вопроса, которыя мало извѣстны намъ, жителямъ континента; она интересна и потому, что можетъ служить образцомъ краснорѣчія, которымъ прославился и Брайтъ. Самыя замѣтныя качества этого оратора, наряду съ которымъ въ Англіи нынѣ можно поставить только Гледстона, ясность и простота. Предоставляемъ читателю познакомиться съ подробностями билля изъ рѣчи самого Брайта; здѣсь мы только укажемъ главныя черты его проекта.

Билль составленъ въ духѣ гораздо болѣе умѣренномъ, нежели какъ

можно было ожидать. Брайтъ въ опредѣленіи ценса и въ опредѣленіи нормы, ниже которой города должны потерять право имѣть особенныхъ депутатовъ, не хотѣлъ идти далѣе тѣхъ мнѣній, которыя приняты даже многими вигами. Но гораздо важнѣе, нежели пониженіе ценса кажется ему введеніе баллотировки вмѣсто открытой подачи голосовъ, и способъ распредѣленія между городами и графствами тѣхъ депутатовъ, которыхъ предполагаетъ онъ взять у слишкомъ маленькихъ городовъ. Въ этомъ онъ совершенно правъ: безъ баллотировки избиратели не будутъ самостоятельны; а если депутаты, взятые у маленькихъ городовъ, будутъ переданы графствамъ, то большіе города не получатъ надлежащаго участія въ составленіи Палаты Общинъ, и большинство депутатовъ по прежнему останется въ зависимости отъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ. Брайтъ предлагаетъ взять депутатовъ у городовъ, имѣющихъ менѣе 8.000 населенія, и оставить только по одному депутату городамъ, имѣющимъ отъ 8.000 до 16.000 населенія. Такимъ образомъ очищается 130 депутатскихъ мѣстъ. Изъ нихъ 104 предлагаетъ Брайтъ раздать большимъ городамъ, которые до сихъ поръ имѣли слишкомъ мало представителей. Самые большіе города (Манчестеръ, Ливерпуль, Глэзго и два изъ избирательныхъ округовъ Лондона, Финсбери и Мерильбонъ), имѣвшіе въ 1851 году, когда производилось послѣднее перечисленіе, каждый болѣе 316.000 населенія, а теперь имѣющіе каждый болѣе 400.000, получаютъ по 6 депутатовъ (до сихъ поръ они имѣли только по два, наравнѣ съ какимъ нибудь Гопитономъ, имѣющимъ менѣе 3.500 жителей). Другіе большіе города получаютъ также соразмѣрное своему населенію увеличеніе представителей; напримѣръ, Бирмингэмъ (232.000 жителей) долженъ имѣть четырехъ депутатовъ. Остальные 26 изъ освобождающихся депутатскихъ мѣстъ раздаются графствамъ, имѣющимъ наибольшее число жителей. Такимъ образомъ участіе въ составленіи парламента значительно уравнивается между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, впрочемъ такъ, что нѣкоторая выгода все-таки остается на сторонѣ сельскаго населенія, то есть большимъ землевладѣльцамъ подъ вліяніемъ которыхъ находятся фермеры и ихъ работники, все еще оставляется слишкомъ большое вліяніе на составъ Палаты Общинъ. Сельское населеніе будетъ имѣть по одному депутату отъ 55.000 человѣкъ, а 17 большихъ городовъ, взятые вмѣстѣ, будутъ имѣть по одному депутату на 62.000. Мы видимъ, что Брайтъ не вводитъ въ свой билль требованія той совершенной пропорціональности числа депутатовъ съ числомъ населенія, какая принята всѣми конституціонными государствами на континентѣ, принята въ Соединенныхъ Штатахъ, произошедшихъ отъ Англіи, и въ Австраліи, остающейся англійскою колоніею. Онъ довольствуется пока тѣмъ, что отстраняетъ слишкомъ нелѣпыя крайности въ прежнемъ распредѣленіи, совершенно не соотвѣтствовавшемъ числу жителей въ избирательныхъ округахъ.

Точно также онъ не требуетъ въ настоящее время, чтобы каждому взрослому человѣку данъ былъ голосъ (manhood suffrage), какъ это принято въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи, хотя въ теоріи признаетъ это справедливымъ. Онъ предлагаетъ только дать голосъ всѣмъ тѣмъ людямъ, которые живутъ собственнымъ хозяйствомъ и не получаютъ пособія изъ по-

дати въ пользу бѣдныхъ (household suffrage); а всѣ такіе люди участвуютъ, соразмѣрно своему состоянію, въ платежѣ подати для бѣдныхъ; потому Брайтъ требуетъ, чтобы данъ былъ голосъ всѣмъ внесеннымъ въ списки лицъ, платящихъ эту подать (rating suffrase). То или другое основаніе будетъ принято, все равно, потому что почти нѣтъ людей, которые стояли бы не въ одинаковомъ отношеніи къ тому и другому основанію избирательнаго права. Принять второе основаніе (голосъ по подати) кажется Брайту болѣе удобнымъ на практикѣ, потому что податные списки уже готовы и провѣрять ихъ легче, нежели вновь составить и провѣрять списки по первому основанію. Но если голосъ по хозяйству покажется націи и парламенту лучшимъ основаніемъ, нежели голосъ по подати, Брайтъ не имѣетъ противъ этого никакихъ возраженій. Принимая голосъ по хозяйству или по подати вмѣсто голоса по совершеннолѣтію, Брайтъ дѣлаетъ чрезвычайную уступку вигамъ и тори. Онъ простираетъ свою уступчивость къ предразсудкамъ старыхъ партій до того, что и голосъ по хозяйству или подати требуются имъ только для городовъ. Въ деревняхъ земледѣльческіе работники развиты меньше городскихъ и менѣе настоятельны въ своихъ требованіяхъ; потому Брайтъ находитъ, что духъ сельскаго населенія допускаетъ сдѣлать старымъ партіямъ еще большую уступку и предлагаетъ для деревень квартирный ценсъ въ 10 фунтовъ. (До сихъ поръ въ городахъ былъ квартирный ценсъ въ 10 фунтовъ, а въ деревняхъ въ 50 фунтовъ, то есть получалъ голосъ въ городахъ только тотъ, кто занималъ квартиру цѣною не менѣе 10 фунтовъ въ годъ; мы говорили въ прошлый мѣсяцъ, что такимъ ценсомъ исключались отъ выборовъ всѣ простолюдины).

Такія умѣренныя основанія на первую минуту изумили людей старыхъ партій. Самъ Times, сильнѣйшій противникъ Брайта, не могъ на первый разъ удержаться отъ похвалы ему за практичность и умѣренность, и объявилъ, что отвергать основаній Брайтова билля нельзя, а можно только спорить съ его подробностями для ихъ исправленія.

Но чувство, особенно чувство признательности или довольства умѣренностью противника, проходитъ скоро. Дня черезъ два газеты старыхъ партій снова поднялись противъ Брайта; сильная брань на него продолжается до сихъ поръ и конечно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока партія реформеровъ усилится въ парламентѣ на столько, что составитъ билль съ гораздо меньшими уступками старымъ партіямъ. Тогда конечно виги и тори заговорятъ: „вотъ, Бредфордскій билль Брайта былъ хорошъ и мы съ удовольствіемъ его принимаемъ; а нынѣ Брайтъ (или кто другой, если кто другой станетъ вмѣсто его предводителемъ реформеровъ) требуетъ ужасныхъ и гнусныхъ вещей: хочетъ погубить свободу, водворить въ Англіи мятежи“ и т. п. и т. д., по тому самому списку прикрасъ, который мы извлекли изъ перваго нумера Times'а за нынѣшній годъ, и который изготовленъ искони вѣковъ для примѣненія къ каждому человѣку, желающему улучшеній.

Но возобновившаяся брань далеко уже не такъ свирѣпа, какъ та, которая раздавалась до Бредфордскаго митинга, и съ каждою недѣлею газеты старыхъ партій дѣлаютъ новыя уступки, хотя, разумѣется, гомеопатическими дозами. Да и нельзя не дѣлать Брайтову биллю нѣкоторыхъ уступокъ. Онъ дѣйствительно гораздо умѣреннѣе, нежели ожидали старыя партіи Это одно.

Другое обстоятельство состоитъ въ томъ, что агитація въ пользу реформы быстро растетъ: недаромъ Брайтъ въ концѣ Бредфордской рѣчи говорилъ націи о необходимости поддерживать вопросъ о реформѣ; каждый день собирается по разнымъ городамъ Англіи и Шотландіи нѣсколько большихъ митинговъ, и всѣ они принимаютъ сильныя рѣшенія, выражающія согласіе съ основаніями, принятыми для реформы Брайтомъ. На дняхъ агитація перешла и въ Ирландію; а на восточномъ островѣ достигла уже очень значительныхъ размѣровъ. Третье обстоятельство, самое важное для удовлетворительнаго рѣшенія дѣла парламентомъ, заключается въ томъ, что выступаютъ на сцену тѣ отдѣлы реформерской партіи, которые идутъ гораздо далѣе Брайта, если не въ теоріи, то въ сужденіи о границѣ практическихъ требованій, осуществимыхъ въ настоящее время. Они говорятъ, что основанія Брайтова билля слишкомъ узки, что напрасно онъ сдѣлалъ такія большія уступки старымъ партіямъ. Въ приложеніи къ этому обзору мы помѣщаемъ отчетъ объ одномъ изъ такихъ митинговъ; онъ состоялъ изъ хартистовъ и главнымъ ораторомъ былъ Эрнестъ Джонсъ, знаменитый хартистскій агитаторъ. Митингъ происходилъ въ знаменитой Гильдейской Залѣ Лондонской Ратуши, — въ той залѣ, гдѣ происходятъ торжественнѣйшія церемоніи административной жизни города Лондона; гдѣ дается лордомъ мэромъ годичный обѣдъ министерству при окончаніи парламентской сессіи; гдѣ лордъ-мэръ принимаетъ королеву, когда, пріѣзжаетъ засвидѣтельствовать свое уваженіе хозяину своей столицы. Самъ лордъ-мэръ, хотя разумѣется вовсе не хартистъ, почелъ обязанностью предсѣдательствовать на митингѣ. Кстати, вотъ за это нельзя не отдать чести всѣмъ англичанамъ, въ томъ числѣ и англичанамъ старыхъ партій. До сихъ поръ читатели слышали насъ говорящими только о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ англійской общественной жизни. Мы не спѣшили хвалить ее, потому что отъ похвалъ ей никакъ не уйдешь, сколько ни брани ее. Подумаемъ хоть бы объ этомъ митингѣ. Собираются люди такого сословія, что большинство ихъ, по выраженію переведеннаго нами отчета, „очевидно не принадлежитъ къ числу избирателей“, т. е. не занимаетъ, даже въ Лондонѣ, гдѣ квартиры такъ дороги, квартиръ цѣною въ 60 рублей за годъ, или въ 5 рублей за мѣсяцъ. Эти люди собираются выразить свое согласіе на такія мнѣнія, которыхъ не раздѣляетъ даже Брайтъ, — а что за человѣкъ Брайтъ, видимъ по аттестату, выписанному у насъ изъ Times'а. Но эти люди — граждане города Лондона, и потому городское управленіе предлагаетъ ихъ собранію великолѣпную залу торжественныхъ церемоній, и глава городскаго управленія, великій сановникъ, уступающій въ оффиціальной важности развѣ тремъ - четыремъ главнѣйшимъ министрамъ, идетъ предсѣдательствовать на этотъ митингъ, чтобы блескомъ своего сана придать ему новое значеніе. Зато по окончаніи митинга эти хартисты вотируютъ ему благодарность съ громкими аплодисментами. Такъ вообще держитъ себя власть въ Англіи; за то люди всѣхъ мнѣній и желаютъ добра этой власти, и напримѣръ Эрнестъ Джонсъ, который по своимъ убѣжденіямъ въ милліонъ разъ демократичнѣе континентальныхъ мятежниковъ, дѣйствительно не имѣетъ и на умѣ, не только не скажетъ на словахъ, ничего противъ королевы, хоть могъ бы говорить о ней какъ ему угодно; и не только

не имѣетъ ничего противъ нея, напротивъ готовъ защищать ее въ случаѣ надобности,—впрочемъ мы забыли, что случая такого никогда не представится ему, потому что въ Англіи королева не имѣетъ ни одного врага; да и власть ея также.

Въ отчетѣ, который мы перевели, рѣчь Джонса изложена очень неудовлетворительно: слишкомъ коротко, безсвязно и довольно безтолково. Но лучшаго отчета мы не нашли въ газетахъ, бывшихъ у насъ подъ руками, а содержаніе рѣчи казалось намъ довольно важнымъ для читателя, потому что выражаетъ отношеніе хартистовъ къ вопросу о реформѣ. Мы перевели отчетъ цѣликомъ, чтобы познакомить читателя съ формою, въ которой происходятъ митинги.

Партія хартистовъ заключаетъ въ себѣ большинство тѣхъ англійскихъ простолюдиновъ, которые доросли до политическихъ убѣжденій. Почти не имѣя представителей въ парламентѣ, она „за дверями парламента", какъ говорятъ англичане, считаетъ своихъ членовъ милліонами и составляетъ главную поддержку для реформеровъ, имѣющихъ болѣе умѣренный оттѣнокъ. Только сочувствіе массы выноситъ на плечахъ черезъ парламентъ каждый важный вопросъ, хотя люди, ведущіе дѣло въ правительственной сферѣ, то есть, если мы говоримъ объ Англіи, въ журналистикѣ и въ парламентѣ, имѣютъ образъ мыслей далеко отстающій отъ желаній массы. Тѣ милліоны, поддержкою отъ которыхъ держатся и двигаютъ впередъ свое дѣло реформеры Палаты Общинъ, требуютъ въ составѣ парламента перемѣнъ гораздо большихъ, нежели какія предлагаетъ своимъ биллемъ Брайтъ. До половины января эти люди не выступали на сцену самостоятельнымъ образомъ. Теперь, какъ видимъ, агитація проникла въ глубину народной жизни уже на столько, что обняла эти низменные слои народонаселенія, и явились ораторы, служащіе прямыми выразителями чувствъ простолюдина; они говорятъ, какъ мы видѣли, что билль Брайта грѣшитъ излишней уступчивостью. Вотъ именно это предъявленіе желаній, идущихъ гораздо дальше, служитъ для старыхъ партій сильнѣйшимъ побужденіемъ по немногу претворять на милость свой гнѣвъ противъ Брайта.

Главная трудность при составленіи его билля была та, чтобы довести уступки старымъ партіямъ, именно до той границы, на которой проэктъ все еще можетъ пользоваться поддержкою самыхъ крайнихъ отдѣловъ партіи, желающей реформы; чтобы, увеличивая этою уступчивостью число защитниковъ билля въ нынѣшней Палатѣ Общинъ, сохранить ему единогласную поддержку всей массы народа; сдѣлать такъ, чтобы билль пробуждалъ сочувствіе въ массахъ, не пугая самыхъ умѣренныхъ либераловъ въ парламентѣ. Брайтъ умѣлъ сдѣлать это, какъ человѣкъ, имѣющій опытность и талантъ въ политической тактикѣ. Хартисты, хотя и думаютъ, что слѣдовало бы требовать нынѣ большаго, нежели требуетъ Брайтъ, все-таки объявляютъ, что они поддерживаютъ его; а умѣренность билля пріобрѣтаетъ ему такое сочувствіе въ среднемъ и отчасти высшемъ сословіи, что старыя партіи принуждены по немногу становиться къ нему снисходительными. Но само собою разумѣется, что старыя партіи все-таки отвергаютъ и отвергнутъ билль Брайта.

Да и какъ не отвергать? При всей своей мягкости, онъ все-таки подрываетъ ихъ могущество.

По словамъ самого Брайта, сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобы почти всѣ депутаты, отнимаемые у маленькихъ городовъ, были переданы большимъ городамъ, потому что только черезъ это установится въ Палатѣ Общинъ нѣкоторое равновѣсіе между числомъ представителей всей огромной массы англійскаго населенія и числомъ депутатовъ, посылаемыхъ въ парламентъ нѣсколькими сотнями лендлордовъ, которые, безусловно владычествуя въ Палатѣ Лордовъ, имѣли до сихъ поръ въ своемъ распоряженіи болѣе двухъ третей голосовъ въ Палатѣ Общинъ. Именно на эту часть Брайтова билля и возстаютъ старыя партіи самымъ сильнымъ образомъ. Противъ увеличенія числа избирателей онѣ говорятъ мало, готовы были бы простить Брайту баллотировку, но ни какъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что по его биллю число независимыхъ представителей націи въ Палатѣ Общинъ увеличится новыми 104 членами. Тутъ огорченіе старыхъ партій такъ велико, что Times могъ успокоить свое и ихъ негодованіе только составленіемъ своего особеннаго проэкта относительно распредѣленія депутатовъ: Times предлагаетъ очищающіяся депутатскія мѣста раздѣлить между большими городами и графствами почти по ровну. Брайтъ составилъ и обнародовалъ подробныя таблицы своего распредѣленія депутатовъ; противъ этихъ таблицъ Times выставилъ свои таблицы, столь же подробныя, такъ что парламентъ можетъ выбирать тотъ или другой планъ и пользоваться готовою работою Манчестерскаго фабриканта или Лондонской газеты.

О достоинствѣ работы Times'а а мы не будемъ говорить; она скопирована съ Брайтовыхъ таблицъ, которыя только передѣланы сообразно съ выгодами старыхъ партій; но любопытны два обстоятельства. При всей своей досадѣ на желаніе ослабить лендлордовъ, Times самъ беретъ изъ подъ ихъ вліянія очень большое число депутатовъ: изъ очищаемыхъ его таблицами депутатскихъ мѣстъ онъ отдаетъ 53 мѣста большимъ городамъ. Къ чему же служатъ проклятія противъ нововводителей, когда защитники старины также предлагаютъ нововведенія и въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ нововводители? Вся разница тутъ въ объемѣ нововведенія, т. е. во времени: по Times'у производится ровно половина того, что предлагаетъ Брайтъ, т. е. дѣло придетъ къ тому же, только не въ одинъ, а въ два пріема, т. е. понадобится на достиженіе полнаго результата вдвое больше времени; въ этомъ и вся разница между выигрышемъ и проигрышемъ дѣла партіею реформы. Ея пораженіе—половинная побѣда, съ нѣкоторою отсрочкою полной побѣды; побѣда рутинистовъ—половинное пораженіе съ нѣкоторою отсрочкою полнаго пораженія. Такъ идутъ дѣла на свѣтѣ вездѣ и всегда; къ чему идетъ дѣло, къ тому непремѣнно прійдетъ; важность лишь въ томъ, на сколько удастся затянуть его.

Надолго ли можно затягивать, это мы увидимъ, когда станемъ говорить о парламентскихъ засѣданіяхъ 3 и 7 февраля.

Но вообще,—надолго ли или не на долго—можно затянуть только одну какую нибудь сторону дѣла, и именно этой затяжкой одной стороны подвигается впередъ другая сторона того же дѣла, и невдогадъ бываетъ оста-

навливающему, что онъ самъ ускоряетъ движеніе непріятнаго ему дѣла. Въ чемъ состоитъ цѣль реформеровъ?—въ освобожденіи націи отъ опеки лендлордовъ. Въ чемъ состоитъ эта опека?—въ томъ, что законы даются черезъ Палату Общинъ старыми партіями. Зависимость законодательства отъ виговъ и тори была до сихъ поръ такъ велика, что ни одинъ важный законъ не составлялся иначе какъ руками предводителя одной или другой изъ старыхъ партій, именно той, которая пользовалась большинствомъ въ парламентѣ и держала своихъ предводителей министрами. Теперь Брайтъ, который ни вигъ и ни тори и которому очень далеко отъ надежды быть министромъ, составляетъ полный проэктъ важнѣйшаго закона. Какая дерзость! По старому обычаю, онъ долженъ былъ только предложить Палатѣ Общинъ, чтобы она выразила въ общихъ фразахъ, что по ея мнѣнію полезно было бы составить проэктъ закона о парламентской реформѣ. Если бы Палата приняла это предложеніе съ согласія министерства, министерство само занялось бы составленіемъ проэкта; если бы Палата приняла предложеніе противъ согласія министровъ, прежнее министерство пало бы, министрами сдѣлались бы предводители другой изъ старыхъ партій, которая поддержала предложеніе противъ своей соперницы, и эти новые министры занялись бы составленіемъ проэкта. Наконецъ, если бы Палата отвергла предложеніе, тѣмъ дѣло и кончилось бы, и проэктъ закона, мысль о которомъ отвергнута, никто не сталъ бы и составлять. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ проэкты важныхъ законовъ составлялись только министрами, т. е. предводителями двухъ старыхъ партій; изъ другихъ людей никто не принимался за это дѣло, потому что было бы напрасно приниматься. Теперь Брайтъ, ни вигъ, ни тори, берется за дѣло, составлявшее привилегію вигистскихъ и торійскихъ предводителей. Старыя партіи и ихъ газеты, и чуть ли не больше всѣхъ газетъ Times, были возмущены такою дерзостью. „Кто такой мистеръ Джонъ Брайтъ? Вѣроятно, это новая фамилія лорда Росселя или лорда Дерби; потому что если подъ именемъ мистера Джона Брайта не надобно разумѣть одного изъ этихъ лордовъ, то напрасно этотъ джентльменъ берется не за свое дѣло“. Негодованіе прекрасное, совершенно соотвѣтствующее рутинѣ. Но что же мы видимъ? Раздраженная дерзостью этого „мистера Джона Брайта“, газета Times выставляетъ противъ его проэкта свой проэктъ,—это что значитъ? Развѣ газета Times лордъ Россель или лордъ Дерби? Развѣ она предводительница одной изъ двухъ парламентскихъ партій?—Нѣтъ, она просто газета, т. е. по рутинному этикету, нѣчто безконечно ничтожнѣйшее, нежели самый плохенькій членъ Палаты Общинъ. Брайтъ все-таки „депутатъ замка Бирмингэма“, все-таки частица оффиціальной законодательной власти, а газета Times, по старымъ понятіямъ, которыя она защищаетъ, просто нуль. Вотъ до чего дошла старая Англія! Газета,—подумайте только, газета,—вѣдь по обычаямъ старыхъ партій не принято выражаться въ парламентѣ о газетахъ иначе, какъ презрительнымъ тономъ: „газеты ничего не знаютъ; газеты только спекулируютъ на невѣжество публики; онѣ пишутся только для невѣждъ; кто же изъ достопочтенныхъ лордовъ и джентльменовъ вѣритъ газетамъ“; и т. д.,—такъ вотъ это ничтожное для парламента существо—газета—составило законъ и требуетъ, чтобы парламентъ принялъ его! Это ни на что не похоже! Она

вырываетъ изъ рукъ министровъ дѣло, составлявшее исключительную привилегію министровъ. Какая же польза защищать рутину, если защитники нарушаютъ ее еще болѣе рѣзкимъ образомъ, нежели противники? По рутинѣ Брайтъ и Times—ничтожны. Дѣйствительное ихъ могущество огромно. Чего требуетъ Брайтъ? Того, чтобы новымъ интересамъ и силамъ было дано пропорціональное участіе въ законодательствѣ. Times говоритъ: это гнусно и нелѣпо; и самъ, тоже новая сила, хочетъ давать законы старымъ партіямъ парламента.

Важнѣйшимъ обвиненіемъ противъ Брайта послѣ Бредфордскаго митинга осталось одно: стремленіе отнять у немногочисленныхъ лендлордовъ перевѣсъ въ Палатѣ Общинъ надъ голосомъ англійской націи. Ихъ владычество надъ сельскимъ населеніемъ прикрывается тою фразою, что говорятъ не объ интересахъ лендлордовъ, а объ интересахъ земледѣлія или сельскаго населенія, какъ будто бы интересъ фермеровъ и простыхъ землепашцевъ одинаковъ съ выгодами лендлордовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ между желаніями этихъ двухъ сословій совершенная противоположность. Кромѣ того, по общему обычаю отрицать существованіе тѣхъ фактовъ, которые намъ непріятны, газеты старыхъ партій говорятъ, что въ народѣ нѣтъ стремленія къ реформѣ, что Брайтъ безсиленъ, что онъ не можетъ двинуться на Лондонъ съ толпою въ 100.000 человѣкъ изъ Манчестера или Бирмингэма, какъ угрожали двинуться агитаторы, требовавшіе парламентской реформы въ 1832 году. Чтобы отвѣчать на эти и другія обвиненія, Брайтъ явился на новый большой митингъ 28 января въ своемъ родномъ городѣ Рочделѣ [1]). Это былъ послѣдній большой митингъ, на которомъ онъ хотѣлъ говорить до открытія парламента, и естественно было ему избрать для послѣдней своей бесѣды съ англійскимъ народомъ, передъ парламентскою борьбою, свой родной городъ. Мы представляетъ здѣсь заключеніе его Рочдельской рѣчи, которая начинается обращеніемъ къ собравшимся людямъ, которые знаютъ его съ дѣтства, чтобы они сказали, какой онъ человѣкъ. „Меня называютъ, говорилъ онъ, врагомъ англійскихъ законовъ и свободы; вы засвидѣтельствуйте, правда ли это“. Митингъ отвѣчалъ слѣдующимъ рѣшеніемъ:

«Настоящій митингъ желаетъ выразить глубокое уваженіе, которое питаютъ къ мистеру Джону Брайту, члену парламента, жители его родины. Рожденный и воспитанный среди насъ, членъ семейства, знаменитаго своею гуманностью и заботливостью объ улучшеніи физическаго и умственнаго состоянія своихъ многочисленныхъ работниковъ, онъ рано обнаруживалъ въ защитѣ и веденіи мѣстныхъ интересовъ тѣ великіе таланты и ту высокую честность, которые потомъ, въ болѣе обширной сферѣ и по вопросамъ національной важности, доставили ему всесвѣтную и вѣчную извѣстность. Признавая эти заслуги, жители его родины собрались теперь, чтобы увѣрить его въ симпатіи, которую они чувствовали къ нему во время его скорби и временнаго изгнанія [2]), увѣрить его въ радости своей о его выздоровленіи и возвращеніи въ парламентъ и выразить свою пламенную надежду, что ему дано будетъ не только привести

---

1) Рочдель,—большой вновь возникшій мануфактурный городъ подлѣ Манчестера, съ которымъ онъ такъ близокъ, что оба города вмѣстѣ составляютъ, можно сказать, одинъ городъ.

2) То есть, когда, во время крымской войны, всѣ кричали, что онъ измѣнникъ отечеству; когда потомъ Манчестеръ отнялъ у него званіе своего депутата, и больной Брайтъ долженъ былъ на время уѣхать въ Италію.

къ счастливому окончанію великое дѣло парламентской реформы, ввѣренное его заботѣ, но и получить единственную награду, какой онъ желаетъ,—видѣть въ слѣдующіе годы, что эта реформа содѣйствовала водворенію мира, счастія и благосостоянія между его согражданами».

Начало Рочдельской рѣчи посвящено подробному техническому разбору тѣхъ спеціальныхъ возраженій, какія дѣлались газетами противъ разныхъ частей его билля, и разбору плана, предлагаемаго Times'омъ. Брайтъ перебираетъ всѣ газетныя обвиненія, особенно тѣ, которыя взводились на него сильнѣйшею изъ англійскихъ газетъ, Times'омъ. Но, говоритъ онъ, все-таки дай Богъ, чтобы газеты больше занимались этимъ дѣломъ; онѣ помогаютъ пробужденію общественнаго мнѣнія; и хотя онѣ говорятъ теперь противъ насъ, онѣ приносятъ намъ пользу, сообщая извѣстія публикѣ, и вы скоро увидите, что онѣ измѣнятъ тонъ, какъ уже начали измѣнять его, потому что общественное мнѣніе высказывается за насъ, а противъ него газеты не могутъ долго идти. За техническимъ разборомъ спеціальныхъ возраженій противъ подробностей билля, слѣдуетъ вторая половина рѣчи, относящаяся къ разясненію существеннаго вопроса,—къ разъясненію отношеній между городскимъ и сельскимъ населеніемъ и отношеній сельскаго населенія къ лендлордамъ, которые называютъ себя представителями сельскаго населенія. Мы переводимъ эту часть рѣчи по отчету, помѣщенному въ Times'ѣ.

«Я утверждалъ, что Палата Лордовъ собственно представительница большихъ землевладѣльцевъ, а не сельскаго населенія, не фермеровъ, не земледѣльцевъ. Если бъ это нуждалось въ подтвержденіи авторитетомъ, я сослался бы на лорда Маколея, который, будучи мистеромъ Маколеемъ, говорилъ во время преній о реформѣ 1832 года: «Наше рѣшеніе, рѣшеніе Палаты Общинъ, есть рѣшеніе націи. Рѣшеніе Лордовъ едва ли можно считать рѣшеніемъ даже сословія большихъ поземельныхъ владѣльцевъ, изъ которыхъ обыкновенно выбираются пэры и представителями которыхъ они въ сущности должны считаться». Вотъ именно это я и утверждалъ; именно то, что Палата Лордовъ представительница желаній, мнѣній,—если угодно предразсудковъ,—большихъ землевладѣльцевъ (аплодисменты). Теперь, станетъ ли кто спорить со мною, что всѣ интересы въ нашей странѣ,—свободной странѣ, имѣютъ одинаковое право на справедливое представительство въ парламентѣ и на справедливое законодательство отъ парламента? И если поземельная собственность имѣетъ огромный перевѣсъ въ одной изъ двухъ палатъ парламента, чего никто не отрицаетъ, то она не имѣетъ никакого права претендовать,—и мы просимъ ее обдумать это, пока есть время (аплодисменты), не имѣетъ никакого права претендовать на то, что должна имѣть также перевѣсъ и въ другой палатѣ. Эти споры, если только народъ вслушается въ нихъ, выведутъ народъ на хорошую дорогу. Они ведутъ, по крайней мѣрѣ, къ вопросу о равныхъ избирательныхъ округахъ [1]), ведутъ также къ вопросу о конституціонныхъ перемѣнахъ въ составѣ Палаты Лордовъ [2]) (такъ, такъ!),—вопросъ, котораго я теперь не хочу разсматривать и который еще не предложенъ публикѣ. Въ первой рѣчи своей, которую я говорилъ въ Бирмингэмѣ, я сказалъ, что вопросъ, на который слѣдуетъ вамъ обратить вниманіе при реформированіи Палаты Общинъ, вотъ въ чемъ: должны ли лорды и большіе поземельные собственники, съ которыми лорды связаны и представителями которыхъ служатъ, — должны ли *они* управлять англійскимъ народомъ черезъ Палату Общинъ, или черезъ Палату Общинъ долженъ управлять собою *самъ* англійскій народъ? (аплодисменты). А теперь я вамъ скажу, что въ этомъ вопросѣ споръ не

---

¹) Т. е. къ составленію билля на основаніи, предлагаемомъ хартистами.
²) Т. е. къ тому, чтобы члены Верхней Палаты избирались народомъ, какъ члены Палаты Общинъ.

между нами, жителями городскими, и сельскими жителями. Сельскіе жители,—это маленькіе собственники (*freeholders*), бывшіе опорою друзей свободы до реформы 1832 года. Да и сами фермеры не огорчаются нашими намѣреніями. Большіе собственники огорчаются,—это можетъ быть, но сельскій народъ вовсе не огорчается; да и какъ ему огорчаться? Посмотрите на политическое положеніе фермеровъ; для фермера выборы время не очень сладкое (такъ, такъ). Къ сожалѣнію, мы слишкомъ хорошо знаемъ, что заниматься политикой, составлять себѣ совѣстливыя убѣжденія, имѣть желаніе честно исполнять обязанность избирателя,—все это подводитъ фермера подъ такое замѣчаніе, отъ котораго недалеко до мученичества. Какъ вы думаете, доставятъ ли когда фермерамъ какую нибудь выгоду тѣ, которыхъ называютъ представителями поземельнаго интереса? Если фермеры когда нибудь пріобрѣтутъ свободу, если когда пріобрѣтутъ они что нибудь, напримѣръ, облегченіе въ налогахъ, справедливое распредѣленіе податей, отмѣну законовъ объ охотѣ, самостоятельность черезъ баллотировку (аплодисменты),—если они пріобрѣтутъ что-нибудь такое, то ужъ навѣрное не отъ депутатовъ поземельной собственности, а развѣ благодаря силѣ и союзу городскихъ жителей, любящихъ свободу и добывающихъ ее себѣ и другимъ (аплодисменты). Въ прошлые годы, какъ вы знаете, я сильно участвовалъ въ вопросѣ относительно законовъ объ охотѣ (аплодисменты). Я былъ членомъ комитета Палаты Общинъ по этому вопросу. Мы призывали въ комитетъ многихъ почтенныхъ фермеровъ. Я получалъ сотни писемъ отъ фермеровъ изо всѣхъ концовъ королевства. Какъ вы думаете, если бы депутаты отъ графствъ были въ самомъ дѣлѣ представителями фермеровъ, представителями землепашцевъ, продержались бы нынѣшніе законы объ охотѣ хотя одну сессію? (нѣтъ, нѣтъ). Фермеръ беретъ ферму, набитую звѣрями, которыхъ не смѣетъ онъ тронуть пальцемъ (хохотъ): это дичь для собственника фермы, и фермеръ, или его сынъ, не могутъ ходить по той самой землѣ, которую наняли, не подвергаясь подозрѣнію и шпіонству сторожа, приставленнаго владѣльцемъ смотрѣть за дичью. Поговорите съ какимъ хотите фермеромъ, каждый умный человѣкъ изъ нихъ скажетъ вамъ, что его интересъ и вашъ интересъ совершенно одинъ и тотъ же. Прежде землевладѣльцы обольщали его, будто ему полезенъ протекціонный тарифъ; теперь онъ знаетъ, что отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ было большою пользою для всѣхъ занимающихся земледѣліемъ (аплодисменты). Фермеръ, живущій своимъ трудомъ, какъ мы живемъ своимъ, знаетъ, что у него и у насъ одни интересы, одинаковое желаніе свободы, одинаковое желаніе, чтобы облегчить подати, чтобы въ правительствѣ была экономія; повѣрьте, онъ знаетъ, что все, чего можетъ по справедливости требовать, или уже требуетъ городское населеніе, всего этого огромная масса фермеровъ должна желать съ такою же силою и охотою, какъ и мы, горожане (аплодисменты). Но депутаты отъ графствъ, пока они остаются представителями большихъ землевладѣльцевъ, люди совершенно иные. Они правительственное сословіе. Они составляютъ правительство, они пользуются выгодами протекціи, получаютъ выгоду отъ государственныхъ издержекъ (такъ, такъ)! Какую жизнь предполагаемъ мы для нашихъ сыновей? Они будутъ работать на фабрикахъ или торговать. Но большіе землевладѣльцы смотрятъ не въ Манчестеръ, не въ Лидсъ, не въ Ливерпуль. не въ торговую и промышленную часть Лондона; ихъ младшіе сыновья ищутъ себѣ обезпеченія для жизни въ государственныхъ издержкахъ, на которыя расходуются 40 милліоновъ фунтовъ вашихъ податей, кромѣ денегъ, идущихъ на проценты долга (такъ, такъ)! Вотъ великое прокормленіе для младшихъ сыновей этого сословія (сильные аплодисменты). Я скажу фермерамъ съ этой эстрады, что изъ всѣхъ тысячъ горожанъ, съ которыми я говорилъ въ эти три мѣсяца, и изо всѣхъ сотенъ тысячъ горожанъ, читавшихъ въ газетахъ то, что я говорилъ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы не протянулъ руки каждому фермеру и не сказалъ бы ему: «вы сынъ труда, подобно мнѣ; вы живете въ землѣ, которая хочетъ имѣть свободы больше прежняго; вашъ интересъ въ томъ, чтобы правительство было хорошо и экономно, чтобы былъ миръ, были справедливые законы, было счастье въ народѣ; будьте моимъ другомъ и братомъ на вѣкъ, и доставьте эти блага всѣмъ намъ» (сильные аплодисменты).

«Теперь я спрошу васъ, стоитъ ли хлопотъ великая реформа, которую мы обсуждаемъ? стоитъ ли она борьбы, которую всегда долженъ вести народъ, желающій

получить или расширить свою свободу? Города Англіи должны рѣшить это, при помощи, какую можетъ дать имъ сельское населеніе. Мнѣ говорятъ, будто нынѣшній порядокъ такъ хорошъ, что народъ не думаетъ о парламентской реформѣ; но эти люди Западнаго конца Лондона, которые прогуливаются отъ роскошныхъ домовъ Гровенорь-Сквера до Полль-Молля, гдѣ дома еще роскошнѣй,—эти люди не знаютъ, что на сердцѣ у народа въ Йоркширѣ и Ланкаширѣ и во всѣхъ многолюдныхъ частяхъ королевства (такъ, такъ)! Въ эти три мѣсяца я видѣлъ больше людей, чѣмъ кто нибудь. Я знаю симпатію, выразившуюся къ этому вопросу. Я видѣлъ блескъ, огонь въ тысячахъ глазъ. Я знаю, думаетъ ли народъ объ этомъ вопросѣ (аплодисменты), и знаю, понимаетъ ли онъ, что ему нельзя не думать о немъ. Развѣ мы не самый трудолюбивый народъ на лицѣ земли, развѣ у насъ паровыхъ машинъ не больше, развѣ у насъ всякія машины не лучше, развѣ пути сообщенія у насъ не удобнѣе, развѣ земледѣліе и фабрики у насъ не болѣе производительны, развѣ всего, отъ чего развивается богатство, у насъ не больше, чѣмъ у всякаго другого народа на лицѣ земли? (аплодисменты). А все таки теперь, со всей нашей хваленой цивилизаціей и свободой, у насъ, я полагаю, теперь больше нищихъ-бѣдняковъ, нежели избирателей (такъ, такъ)! Каждые двадцать или двадцать-пять лѣтъ мы хоронимъ милліонъ такихъ нищихъ (такъ, такъ)! А все-таки ихъ выростаетъ вѣчно новый урожай. Вѣчно остается этотъ осадокъ общества, бѣдный, жалкій, въ которомъ до сихъ поръ не могли мы произвесть никакого замѣтнаго улучшенія. И этотъ милліонъ бѣдняковъ еще далеко не совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ существующихъ страданій. Когда человѣкъ разъ сдѣлался совершеннымъ бѣднякомъ, когда въ немъ заглохло отвращеніе отъ зависимости, когда онъ пересталъ чувствовать унизительность этого положенія и находитъ себя обезпеченнымъ на остатокъ своей жизни, или въ уоркгаузѣ, или въ какой нибудь лачугѣ, гдѣ попечители о бѣдныхъ даютъ ему пособіе,—онъ свободенъ тогда отъ безпокойства за будущее. Но оставимъ милліонъ этихъ нищихъ и взглянемъ на другой милліонъ людей подлѣ нихъ, на людей не потерявшихъ самоуваженія, имѣющихъ семейство и хозяйство, имѣющихъ у себя существа для нихъ дорогія, на этихъ людей, которые добываютъ свой насущный хлѣбъ со дня на день своими руками, которые, вотъ имѣютъ работу, хотя, можетъ быть, невѣрную, недостаточную и часто съ платой слишкомъ скудной, и чувствуютъ себя какъ будто немного на свободѣ, но вотъ, опять подавлены и увлекаются на самый край нищеты,—представьте страданія въ этихъ семействахъ, представьте борьбу съ жизнью у этихъ людей, эту борьбу, совершенно незнакомую намъ, людямъ другой обстановки (такъ, такъ)!—Представимъ же себѣ хоть ту неполную картину всего этого, о которой можемъ имѣть понятіе, и спросимъ себя: «какъ же все это существуетъ въ нашей землѣ, съ нашею великою силою производительности, съ нашимъ талантомъ собирать со всѣхъ поднебесныхъ климатовъ избытки всѣхъ народовъ для увеличенія роскоши и комфорта въ каждомъ англійскомъ домохозяйствѣ»? (сильные аплодисменты). Небо ли винить въ этомъ? Богъ ли забылъ быть милостивымъ? Или это человѣкъ своими преступленіями и ошибками произвелъ эти бѣдствія? Кто были ваши правители въ теченіе поколѣній? Кто расточалъ ваши деньги? Кто расточалъ вашу кровь? Для кого англійскій народъ трудился въ кровавомъ потѣ и лилъ кровь въ теченіе поколѣній? И какую получилъ награду? А вотъ какую, что теперь, въ 1859 году оскорбляютъ его и съ вельможеской надменностью говорятъ ему, что неприлично впускать его въ число избирателей нашей земли (такъ, такъ)! Вотъ, меня винятъ, что я говорю факты, непріятные для нашей аристократіи. Правила нами она долгій періодъ, и мы видимъ результатъ. А если я и сказалъ что нибудь противъ нихъ, они и ихъ защитники отмстили за себя полнымъ поруганіемъ надъ характеромъ великаго англійскаго народа, о которомъ они говорятъ, что не безопасно допускать его на выборы; и что если допустить его, то Англія будетъ страною смутъ и насилій, а не порядка и мира, какъ теперь. (Крики: дурно, дурно)!

«Такъ будемъ же помнить, что отъ реформы должны быть результаты; и если вы хотите какой нибудь важной перемѣны, то каковъ путь къ ея полученію? Вообще васъ принуждаютъ вести споръ до того, что шагъ остается до междуусобной войны. Это уже обратилось въ такую привычку, что управляющее сословіе не вѣритъ серьез-

ности вашихъ желаній, пока вы не дойдете до этого предѣла. Вотъ, они теперь говорятъ вамъ, что народъ не желаетъ реформы. Говорятъ: «вы не соберете ста тысячъ человѣкъ на Ньюголльской горѣ въ Бирмингэмѣ; вы не соберете безчисленныхъ множествъ народа въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ, съ угрозою, что если билль не будетъ принятъ въ теченіе недѣли, то они пойдутъ на Лондонъ». Разумѣется, нѣтъ. И я надѣюсь, что ничего такого не случится, потому что ничего такого не будетъ надобно (такъ, такъ)! Но если они колятъ намъ глаза тѣмъ, что этого еще нѣтъ, то ихъ слова доказательство, что въ нихъ есть мысль, можетъ быть безсознательная,—нѣтъ и сознательная,—что ничего важнаго не пріобрѣтала у насъ нація иначе, какъ доходя до самыхъ границъ насильственнаго дѣйствія. Мы все равно, что покоренный народъ, который борется противъ завоевателей; все равно, что ирландскіе католики, которые боролись противъ пришельцевъ поработителей, протестантовъ; все равно, что ломбардцы, которые хотятъ бороться противъ австрійцевъ. Когда вы получили реформу 1832 года, вы были на 24 часа отъ революціи. Когда вы получили отмѣну хлѣбныхъ законовъ въ 1846 году, вамъ помогалъ ужаснѣйшій голодъ, какого уже нѣсколько сотъ лѣтъ не бывало въ цивилизованныхъ странахъ. А теперь, если вамъ нужна реформа, какъ вамъ получить ее? Посмотрите на вопросы меньшей важности. Возьмите напримѣръ церковную подать [1]); это больше дѣло чувства, нежели денежной важности для кого нибудь. Это печать порабощенія, и потому мы не хотимъ носить ея (аплодисменты); но вотъ ужъ двадцать лѣтъ идутъ пренія о церковной подати въ Палатѣ Общинъ. Дѣло было и за 20 лѣтъ также ясно, какъ теперь; но подать не отмѣнялась. Возьмите также вопросъ о баллотировкѣ. Тотчасъ же послѣ реформы 1832 года произносились въ пользу баллотировки рѣчи столь же неопровержимыя по доказательствамъ, какъ и слѣдующія рѣчи. А баллотировка все еще не введена въ законъ. Палата Лордовъ и три четверти Палаты Общинъ, зависящія отъ нея, каждый годъ вотируютъ, какъ имъ пріятно. Нужды нѣтъ, что огромное большинство народа хочетъ извѣстнаго закона,—нѣтъ, чтобы провести какую нибудь важную реформу черезъ Палату Общинъ, вамъ нужно при нынѣшнемъ распредѣленіи депутатовъ такое большинство, которое обнимало бы весь народъ (аплодисменты). Пока сэръ Робертъ Пиль не отмѣнилъ хлѣбныхъ законовъ, мистеръ Вильирсъ ни разу не могъ получить больше 100 голосовъ въ Палатѣ Общинъ въ пользу ихъ отмѣны, а каждый знаетъ, что хотя 100 депутатовъ не составляютъ и третьей части Палаты Общинъ, между тѣмъ изъ шести человѣкъ жителей королевства пятеро въ то время уже давно осуждали хлѣбные законы (такъ, такъ). Вотъ доказательство, что Палата Общинъ теперь вовсе еще не представительница народа. Намъ нужно не то, чтобы вы передали великую политическую власть отъ большихъ землевладѣльцевъ большимъ купцамъ или мануфактуристамъ, но чтобы равномѣрно по всему королевству, всѣ интересы, всѣ мнѣнія, всѣ желанія выражались въ законодательной власти, чтобы депутаты, засѣдающіе въ парламентѣ, сознавали, что они представители не какого нибудь кружка, а великой націи, и когда это будетъ, вы увидите, что какъ мнѣніе будетъ рости и укрѣпляться въ націи, оно будетъ тихо, постоянно, всесильно возрастать въ Палатѣ Общинъ (аплодисменты). Вмѣсто того, чтобы за каждую перемѣну бороться съ вашимъ парламентомъ, будто съ чужеземнымъ завоевателемъ, мы хотимъ, чтобы одна душа была у парламента и у народа, чтобы корона и правительство были сильнѣе и почтеннѣе, а народъ счастливѣе и довольнѣе (такъ, такъ). Теперь спрашиваю васъ: неужели должно считаться дурнымъ имѣть такія мнѣнія и проповѣдывать такое ученіе? Напротивъ, не значитъ ли это продолжать труды отцовъ нашихъ и довершать ихъ дѣло? Виновенъ ли я въ возбужденіи сословія противъ сословія, когда я хочу уничтожить стѣну раздѣленія, производящую сословія и сдѣлать всѣхъ англичанъ братьями передъ закономъ нашей земли? (аплодисменты). Каковы были цѣли моей двадцатилѣтней политической жизни? Вы, жители моего роднаго города, знаете это (аплодисменты). Я призываю васъ свидѣтелями обо мнѣ (продолжительные аплодисменты. Публика машетъ платками). Я трудился серьезно и успѣшно въ союзѣ людей такихъ, какъ Вильирсъ, Кобденъ, Джибсонъ, Джорджъ

---

[1]) Которую люди всѣхъ исповѣданій платятъ англиканской церкви.

Уильсонъ и многіе другіе, которыхъ я не могу перечислить, но которые живутъ и вѣчно будутъ жить въ моей памяти (аплодисменты). Я трудился съ ними, чтобы дать народу насущный хлѣбъ, и теперь каждый годъ привозится къ вашимъ берегамъ на 20 милліоновъ фунтовъ съѣстныхъ припасовъ; а всего только 14 лѣтъ тому назадъ, вы не могли и слова сказать объ этомъ, не подвергаясь обвиненію въ измѣнѣ сословію вашихъ господъ (такъ, такъ)! Я трудился съ серьезными людьми, чтобы снять съ газетъ штемпель и ввести свободную журналистику; и я читалъ, что по уничтоженіи штемпеля появилось 300 дешевыхъ газетъ, ежедневно приносящихъ свѣдѣнія обо всемъ почти въ каждое семейство (аплодисменты). Я старался, но, грустно сказать, безъ успѣха, чтобы драгоцѣнный трудъ и еще драгоцѣннѣйшая кровь народа не расточались преступными правителями въ преступныхъ войнахъ,—и теперь сообразно, какъ мнѣ кажется, всему своему прошедшему, прошу для моихъ гражданъ того, что обѣщаетъ имъ конституція, того, чтобы Палата Общинъ была вѣрною и полною ихъ представительницею (аплодисменты). Это требованіе справедливое (аплодисменты). Прошу всѣхъ моихъ согражданъ сказать это требованіе не колеблющимся, не двусмысленнымъ голосомъ. Скажите, и васъ послушаютъ. Просите такимъ тономъ, чтобъ его нельзя было не понять, и ваше желаніе навѣрно будетъ исполнено. Если вы потомки великихъ предковъ, какъ говорятъ ваши историки, не обезславьте ихъ нынѣ. И если вы, какъ вы хвалитесь, наслѣдники свободы, то встаньте, заклинаю васъ, и вступите во владѣніе наслѣдствомъ вашимъ».

«(Мистеръ Брайтъ возвращается на свое мѣсто при громкихъ и продолжительныхъ аплодисментахъ)».

3-го февраля собрался парламентъ. Важнѣйшее мѣсто въ первыхъ преніяхъ его, т. е. въ преніяхъ объ адресѣ, или отвѣтѣ парламента на тронную рѣчь, долженъ былъ занять, разумѣется, итальянскій вопросъ. Министерство, которому реформа представляется очень горькою необходимостью, вздумало было избавиться отъ нея преніями о войнѣ и приготовленіяхъ къ ней. Но предводители виговъ, Пальмерстонъ и Россель, въ рѣчахъ своихъ объ адресѣ (въ засѣданіи 3-го февраля) сильно напали на тори за эту уловку. Въ газетахъ тѣ же насмѣшки, то же горькое осужденіе отразилось еще съ большею силою. Изъ переводимой нами въ приложеніи статьи Times'а читатели узнаютъ, почему виги и разсчетливая часть тори требуютъ скорѣйшаго начала преній о реформѣ. Они видятъ, что агитація растетъ съ каждымъ днемъ и что если отложить реформу до слѣдующаго года, то старыя партіи должны будутъ сдѣлать реформерамъ гораздо больше уступокъ, нежели теперь. Вотъ это истинная мудрость государственныхъ людей! Дѣло имъ очень непріятно, но оно требуется общественнымъ мнѣніемъ, стало быть надобно какъ можно скорѣе сдѣлать его, потому что каждою проволочкою только усиливалась бы требовательность и неудовольствіе, и каждый день отсрочки стоилъ бы въ результатѣ очень дорого для отсрочивающихъ. Виги и часть тори, поддерживавши въ этомъ случаѣ требованія реформеровъ, поступили чрезвычайно разсчетливо. Но трудно было ожидать, чтобы Дебри и Д'Израэли сдѣлали такую неловкость, какъ попытка отсрочить пренія о реформѣ до мая мѣсяца; они люди умные, и вѣроятно не сдѣлали бы такого промаха, если бы могли избѣжать его. Дѣйствительно, говорятъ, что билль о реформѣ былъ у нихъ готовъ, и они хотѣли внести его въ парламентъ въ первомъ же засѣданіи; но между ихъ товарищами есть дикобразы, которымъ Д'Израэли и Стенли не всегда успѣваютъ вбить въ голову неизбѣжность уступокъ общественному мнѣнію для избѣжанія гораздо большихъ потерь. Эти дикіе господа объя-

вили, что билль Д'Израэли слишкомъ либераленъ, что они не согласны на него. Лучше всего было бы лорду Дерби выгнать изъ кабинета такихъ компрометирующихъ его товарищей и замѣнить ихъ людьми болѣе разсудительными, какъ уже выгналъ онъ лорда Элленборо; но почему-то онъ не повторилъ своего хорошаго дѣла въ большемъ размѣрѣ, не выгналъ всѣхъ министровъ не согласившихся съ Д'Израэли и лордомъ Стенли,—вѣроятно, не достало характера. Такимъ образомъ прежній билль не годился, пришлось составлять новый. Но когда виги и большинство газетъ рѣзко осудили лорда Дерби за то, что билль у него не готовъ, реформеры въ засѣданіи Палаты Общинъ 7-го февраля потребовали, чтобы министерство поторопилось. Мистеръ Донкомбъ, радикалъ очень знатной и богатой фамиліи, былъ выбранъ реформерами для исполненія роли того безжалостнаго мужа, о которомъ упоминаетъ переведенная нами статья Times'а: „когда же ты кончишь свои вздохи? ты слишкомъ долго вздыхаешь“, сказалъ онъ мистеру Д'Израэли, какъ Рауль — Синяя Борода говорилъ своей женѣ, желавшей отсрочить тяжелую минуту. Депутаты старыхъ партій приняли его рѣчь съ большимъ огорченіемъ, перерывали ее криками „безпорядокъ, безпорядокъ!“ и тѣмъ выразили, какъ горько имъ глотать пилюлю, принятіе которой предписано общественнымъ мнѣніемъ. Но дѣлать было нечего, и мистеръ Д'Израэли объявилъ, что представитъ свой билль о реформѣ 28-го февраля. Къ чему же привела попытка отсрочить повиновеніе голосу общества? Лордъ Дерби хотѣлъ въ угодность своимъ нелѣпымъ товарищамъ отложить представленіе билля до четвертаго или пятаго мѣсяца сессіи, когда уже не осталось бы времени разсмотрѣть его, чтобы такимъ образомъ оттянуть рѣшеніе дѣла до слѣдующей сессіи, т. е. до слѣдующаго года. Это не удалось. Вмѣсто годичной проволочки успѣли сдѣлать проволочку на двѣ недѣли, а сами подверглись общему посмѣянію и выставили на показъ публикѣ свою слабую сторону: теперь всѣ увидѣли, что тори не хотятъ преній о реформѣ, а-все-таки принуждены начать ихъ, стало быть дѣйствуютъ не по доброму желанію, а противъ воли, изъ-подъ палки. Выгоденъ ли былъ, спрашивается теперь, ихъ образъ дѣйствій для нихъ самихъ? не слишкомъ ли дорого заплатили они за двѣ недѣли отсрочки?

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ дѣлъ современной исторіи,—итальянскаго вопроса и англійскаго реформистскаго движенія, довольно важное мѣсто между событіями нынѣшняго года занимаютъ агитація на Іоническихъ островахъ, переворотъ въ Сербскомъ княжествѣ, выборъ господаря въ Молдавіи и Валахіи и переворотъ въ Гаити.

Со времени учрежденія греческаго королевства, жители Іоническихъ острововъ постоянно требовали, чтобы Англія избавила ихъ отъ своего протекторства и позволила имъ присоединиться къ одноплеменной державѣ. Изъ этого иногда возникали смуты, которыя подавлялись насильственными мѣрами со стороны Англіи. Но все-таки Англія оставляла Іоническимъ островамъ представительную форму правленія и свободу слова. Правда, лорду коммиссару (генералъ-губернаторъ) была предоставлена очень обширная власть, такъ

что онъ могъ рѣшительно не слушать іоническихъ депутатовъ, но все-таки представительная форма и свобода печатнаго слова служили къ тому, что желаніе іонійцевъ и ихъ жалобы дѣлались извѣстными цѣлой Европѣ. Само самою разумѣется, что при такихъ условіяхъ англійское правительство не было притѣснительно для іонійцевъ. По всему видно, что во внутреннихъ дѣлахъ имъ была предоставлена довольно широкая свобода; но чувство національности нельзя было заглушить ничѣмъ, и въ прошломъ году іоническая палата депутатовъ снова приняла рѣшеніе, что іоническій народъ требуетъ присоединенія своего къ Греціи. Тогдашній лордъ коммиссаръ-Джонъ Юнгъ, посылалъ по этому случаю лондонскому кабинету нѣсколько записокъ, въ которыхъ главная мысль была та, что для Англіи лучше отказаться отъ хлопотъ съ Семью Островами, протекторатъ надъ которыми ей убыточенъ, и оставить за собою только военную позицію на островѣ Корфу, предоставивъ остальнымъ островамъ соединиться съ Греціею. Случайнымъ образомъ эти депеши, которыя правительство хотѣло хранить въ тайнѣ, были переданы въ редакцію газеты „Daily News“, и она напечатала нѣкоторыя изъ нихъ, полагая, что онѣ присланы съ согласія министерства. Узнавъ противное, редакція остановила обнародованіе остальныхъ депешъ, но и напечатанныхъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы министерству нельзя было не позаботиться объ іоническомъ дѣлѣ. Признаніе самого генералъ-губернатора, что Англіи слѣдуетъ отказаться отъ своего протектората, произвело сильное впечатлѣніе на публику, и надобно было что нибудь сдѣлать. Министръ колоній Бульверъ (извѣстный романистъ) находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ предводителемъ пилитовъ Гледстономъ, который съ прочими своими достоинствами соединяетъ славу отличнаго эллениста (недавно онъ издалъ большое сочиненіе о Гомеровыхъ поэмахъ) и очень расположенъ къ греческой націи. Надобно прибавить, что Гледстонъ человѣкъ очень гуманный, очень мягкаго характера и привлекателенъ въ обращеніи. Министерство думало, что такой человѣкъ можетъ примирить іонійцевъ съ англійскимъ протекторствомъ и придумать въ ихъ политическомъ устройствѣ улучшенія, которыя склонили бы ихъ забыть о Греціи. Разумѣется, такой важный государственный человѣкъ, какъ Гледстонъ, принималъ на себя только временное порученіе: предводители парламентскихъ партій считаютъ слишкомъ низкимъ для себя даже постъ генералъ-губернатора Остъ-Индіи; и если Гледстонъ согласился съѣздить на Іоническіе острова во время парламентскихъ вакацій, это надобно приписывать особенному желанію его сдѣлать что нибудь въ пользу грековъ.

Чрезвычайный верховный коммиссаръ дѣйствительно велъ себя съ іонійцами такимъ способомъ, который дѣлаетъ честь его характеру и лично пріобрѣлъ ему чрезвычайную популярность. Впрочемъ и прежній верховный коммиссаръ, смѣняемый Гледстономъ, лично пользовался справедливою любовью іонійцевъ. При отъѣздѣ его старикъ Дандоло, предводитель самыхъ пылкихъ своихъ соотечественниковъ, съ особенною силою возстающихъ противъ англійскаго протектората, сказалъ между прочимъ слѣдующее:

«Позвольте мнѣ, милордъ, въ минуту вашей разлуки съ нами возвысить свой голосъ, голосъ свободнаго и независимаго человѣка, которому теперь уже 70 лѣтъ,

который никогда, ни прямо, ни косвенно, ничего не искалъ для себя у правительства. Я хочу сказать важную правду, которая, будучи долгомъ справедливости относительно васъ, очиститъ насъ отъ упрека въ неблагодарности.

«Да, съ самаго пріѣзда вашего къ намъ, милордъ, я видѣлъ въ васъ любовь къ добру, желаніе и рѣшимость исполнять его. Когда я представилъ вамъ необходимость дать работу многочисленнымъ бѣднякамъ, вы, милордъ, согласились на мое желаніе и выпросили отъ вашего правительства значительныя суммы, которыя, вотъ уже два года, хранятъ и будутъ хранить бѣдныхъ людей отъ нужды. И когда я былъ членомъ мѣстной администраціи, болѣе всего былъ обязанъ я вашему содѣйствію тѣмъ, что могъ приносить пользу моей родинѣ; то, что я сдѣлалъ, должно быть обращаемо въ честь вамъ.

«Мое сердце трепещетъ отъ радости, когда я вспоминаю, что въ весь періодъ вашего управленія, вы, милордъ, не только не подвергли аресту ни одного человѣка, а, напротивъ, избавили многихъ изъ заключенія и возвратили изгнанниковъ ихъ семействамъ. Да, ни одна капля слезъ не лежитъ на вашей совѣсти, и если вы успѣли сдѣлать не все, чего хотѣли, вина тому не въ вашемъ сердцѣ».

Изъ этого можно заключать, что Іоническіе острова недовольны англійскимъ правленіемъ вовсе не за его жестокость или стѣснительность, а единственно по чувству національности.

Новый лордъ коммиссаръ созвалъ законодательное собраніе 25 января; въ первое же засѣданіе Дандоло предложилъ палатѣ депутатовъ выразить желаніе іоническаго народа соединиться съ Греціею. При громкихъ рукоплесканіяхъ оно было принято и назначенъ комитетъ для обсужденія дальнѣйшихъ мѣръ, нужныхъ для исполненія ихъ желанія; сначала они вздумали было сдѣлать воззваніе ко всѣмъ европейскимъ народамъ, но Гледстонъ замѣтилъ имъ, что это было бы напраснымъ нарушеніемъ законныхъ формъ, и послушавшись его доброжелательнаго совѣта (вовсе не приказанія или угрозъ), палата приняла составленную комитетомъ просьбу англійской королевѣ. Вотъ текстъ этого документа, интереснаго по своему благородному тону:

«Ея Величеству королевѣ Викторіи, всемилостивѣйшей королевѣ Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, защитницѣ вѣры и протектрисѣ Соединенныхъ государствъ Іоническихъ островов и проч.

«Прошеніе Іонической Палаты Депутатовъ.

«Да выслушаетъ милостиво Ваше Величество. Народъ Семи Острововъ, всегда сохранявшій мысль о своей національности и желавшій своего соединенія съ свободною Греціею, почтительно приближается къ вашему могущественнѣйшему престолу, чтобы положить на ступени его подлинное выраженіе своего вѣчно-пламеннаго желанія. Среди испытаній, постигшихъ племя эллиновъ, Іоническій народъ сохранилъ невредимо свою цивилизацію и удержалъ свою національность и независимость.

«Трактатъ, заключенный въ Парижѣ 5 Ноября 1815 года, безъ участія Іоническаго народа, и отдавшій этотъ народъ подъ британское протекторство, имѣлъ единственною своею цѣлію охраненіе маленькаго народа, который признанъ и объявленъ въ этомъ трактатѣ отдѣльнымъ, свободнымъ и независимымъ государствомъ. Къ этой цѣли направлены обязанности, принятыя по трактату покровительствующею державою, и политическія отношенія, возникшія изъ нихъ между Великобританіею и покровительствуемымъ народомъ. Но по учрежденіи Греческаго королевства исчезла причина, на которой основаны были эти отношенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ естественно возникло горячее желаніе Іонійцевъ къ политическому соединенію съ освобожденною частью націи, съ которою они неразрывно связаны происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, преданіями и безграничными пожертвованіями общему дѣлу.

«Изъ этого непреодолимаго чувства проистекали подавленныя манифестаціи девятаго Іоническаго парламента и единодушное желаніе, выраженное одиннадцатымъ парламентомъ 20 іюня 1857 года. Его Превосходительство верховный чрезвычайный коммиссаръ, котораго угодно было Вашему Величеству послать въ государство Семи Острововъ также получилъ подлинныя доказательства этого пламеннаго чувства и желанія всего Іоническаго народа.

«Исходя изъ этихъ соображеній, представители Іоническаго народа въ своемъ парламентскомъ засѣданіи 15 (27) января 1859 года единогласно объявили, что единственнымъ и единодушнымъ желаніемъ Іоническаго народа было и остается соединеніе всего государства Семи Острововъ съ Греческимъ королевствомъ.

«Іоническое собраніе, представляя это желаніе, проситъ Ваше Величество милостиво сообщить настоящее объявленіе другимъ Европейскимъ великимъ державамъ и при ихъ содѣйствіи исполнить [1]) священное и справедливое желаніе Іонійцевъ.

«Представители Іоническаго народа имѣютъ утѣшительную надежду, что божественная Милость, вооружившая нѣкогда десницу Британіи на защиту Эллинской націи, вдохновитъ и нынѣ Ваше Величество, чтобы вашею могущественною помощью эта нація могла достичь своего національнаго возстановленія и чтобы узы, возникающія изъ глубокой благодарности и непреложной симпатіи, привязывали сердца Эллинской націи къ престолу Вашего Величества.

Д. Фламбуріани, Президентъ.
Н. Луси, *І. Дусмани* — Секретари

Корфу $^{18}/_{30}$ января 1859 года.

Гледстонъ сообщилъ эту просьбу обыкновеннымъ законнымъ путемъ въ Лондонъ.

Разумѣется, англійское правительство отвѣчало на просьбу, что къ сожалѣнію оно не можетъ исполнить желаніе іонійцевъ. Но вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ Гледстонъ сообщилъ іоническому собранію свой проектъ о тѣхъ реформахъ, которыя могли бъ до нѣкоторой степени вознаградить іонійцевъ за невозможность удовлетворенія чувству національности. Его длинная записка, составленная въ духѣ дѣйствительной заботливости о благѣ Іоническихъ островов, предлагаетъ имъ отмѣненіе всѣхъ ограниченій, какими прежде была связана парламентская форма. Британское вліяніе будетъ совершенно отстранено отъ внутреннихъ дѣлъ Семи Острововъ; лордъ коммиссаръ сохранитъ по внутреннимъ дѣламъ только номинальную власть, потому что его распоряженія не будетъ имѣть силы безъ подписи министровъ, а министровъ онъ обязанъ будетъ смѣнять по требованію іоническаго парламента. Кромѣ того, если іоническій парламентъ недоволенъ имъ, то можетъ посылать обвиненіе противъ него къ королевѣ и отправлять депутата, который бы поддерживалъ это обвиненіе передъ королевою и англійскимъ парламентомъ. Мы видимъ, что Гледстонъ предлагаетъ іонійцамъ точно такую же свободу политическаго устройства, какую имѣетъ сама Англія, и совершенную независимость отъ Англіи во внутреннихъ дѣлахъ. Это первая половина его проекта, говорящая о томъ, что Англія можетъ уступить іонійцамъ; вторая часть записки объясняетъ, что, по мнѣнію Гледстона, іонійцы должны сами

---

[1]) „Это содѣйствіе предполагается нужнымъ потому, что протекторатъ учрежденъ парижскимъ трактатомъ, стало быть на отмѣну его, въ случаѣ согласія Англіи, потребовалось бы согласіе и другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1815 года.

сдѣлать для себя, и особенно эта половина проэкта показываетъ, какимъ искреннимъ доброжелательствомъ къ нимъ онъ проникнутъ. Онъ совѣтуетъ имъ измѣнить систему своихъ налоговъ и облегчить ихъ (налоги и вообще внутреннія дѣла были и прежде, какъ мы уже замѣчали, почти вполнѣ предоставлены на волю іонійцевъ). Чтобы уменьшить расходы, Гледстонъ совѣтуетъ іонійцамъ замѣнить бюрократію самоуправленіемъ; онъ объясняетъ имъ выгоды отъ пониженія тарифа и вообще говоритъ о томъ, какими законами и стремленіями могутъ развивать они у себя духъ гражданской свободы и облегчить положеніе массы населенія въ своемъ государствѣ.

Разумѣется, іонійцы приняли отказъ королевы на ихъ просьбу съ большимъ неудовольствіемъ, хотя конечно и не ожидали ничего, кромѣ отказа. На проектъ Гледстона палата отвѣчала, что отложитъ совѣщаніе о немъ и повидимому хочетъ отвергнуть его весь, съ объявленіемъ, что только присоединеніе къ Греціи можетъ соотвѣтствовать желаніямъ іоническаго народа.

Мы разсказали эти происшествія довольно подробно, потому что въ нихъ выражаются обѣ стороны нынѣшней англійской иностранной политики,— и сторона ненавистная и сторона благородная. Удерживать въ своей зависимости чужое племя, которое негодуетъ на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезнымъ для военнаго могущества и политическаго вліянія на другія страны,—это гнусно; но съ тѣмъ вмѣстѣ предоставлять этому народу полный просторъ въ управленіи своими дѣлами, сохранять у него свободу печатнаго слова и парламентскія формы, стараться развивать въ немъ тѣ гражданскія качества, которыми отличается сама Англія отъ континента, это черта совершенно иного рода. Разумѣется, изъ соединенія двухъ противоположныхъ стремленій, изъ смѣси порабощенія съ свободою, эгоизма съ доброжелательствомъ выходитъ нѣчто очень странное. Порабощены или нѣтъ іонійцы? Да, потому что только иноземное войско держитъ ихъ въ покорности нынѣшнему образу правленія; нѣтъ, потому что ни въ Сардиніи, ни въ Бельгіи, ни въ самой Англіи народъ не пользуется свободою больше той, какую даютъ англичане Семи Островамъ. Народъ свободно избираетъ своихъ представителей, эти представители даютъ законы для страны,—всѣ законы, всѣ правительственныя распоряженія свободно обсуждаются въ открытыхъ парламентскихъ преніяхъ и въ печати. Народъ свободно выражаетъ даже свое желаніе отдѣлиться отъ государства, къ которому принадлежитъ по политическимъ трактатамъ, и на это требованіе отвѣчаютъ ему краткимъ объясненіемъ невозможности такой перемѣны; не думаютъ о наказаніи, стараются смягчить отказъ гуманнымъ правленіемъ и придумываютъ, нельзя ли сколько-нибудь вознаградить за него расширеніемъ гражданской свободы. Такова политика англійскаго правительства, т. е. старыхъ партій. Но старыя партіи не англійскій народъ; это горсть людей, далеко отставшихъ отъ нынѣшняго развитія понятій въ англійской націи. Тѣ газеты, которыя не принадлежатъ старымъ партіямъ, прямо говорятъ, что Англія не должна держать въ своей зависимости чужой народъ, желающій быть независимымъ; онѣ требуютъ, чтобы Англія отказалась отъ протекторства надъ Іоническими островами. И даже въ старыхъ партіяхъ находятся люди, какъ Джонъ Юнгъ, сочувствующіе этому

взгляду, признающіе справедливость желанія освободиться отъ ихъ власти въ томъ народѣ, которымъ они посланы управлять. Вотъ какія черты Англіи обнаруживаются ходомъ вопроса объ Іоническихъ островахъ; и дѣло это, незначительное по малому объему той страны, о судьбахъ которой идетъ рѣчь, важно потому, что на немъ можно изучать духъ Англіи.

Іоническій вопросъ мало кого занималъ, кромѣ самихъ іонійцевъ и англичанъ. Но вниманіе цѣлой Европы было обращено на событія въ жизни двухъ другихъ небольшихъ племенъ, сербскаго и валахо-молдавскаго. Нашъ обзоръ уже такъ длиненъ, что сербскія событія, особенно любопытныя для насъ по нашему родству съ сербами, мы рѣшились изложить въ особенной статьѣ. Это тѣмъ удобнѣе, что съ прибытіемъ князя Милоша и распущеніемъ скупштины переворотъ, происшедшій въ Сербіи, повидимому завершился, и разсказъ о немъ вѣроятно останется уже законченнымъ цѣлымъ. Стало быть, намъ надобно только сказать нѣсколько словъ о валахо-малдавскихъ событіяхъ.

Россія сочувствовала желанію румунскаго племени соединиться въ одно государство. Симпатія легко переходитъ въ надежду. Во время парижскихъ конференцій въ нашей публикѣ была увѣренность, что дипломатическими переговорами осуществится стремленіе румуновъ составить одно государство. Какъ всегда, увѣренность эта оказалась самообольщеніемъ. Единство Молдавіи и Валахіи дано было только по имени; оно ограничивалось почти только одинаковостью знамени и правомъ этихъ двухъ провинцій учреждать центральную комиссію для обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ, касающихся обѣихъ областей. Въ каждомъ княжествѣ была оставлена особенная административная и законодательная власть, каждое должно было имѣть своего особеннаго господаря и свой отдѣльный парламентъ.

Собрались эти парламенты, должны были избрать господаря. Австрія и Турція употребляли всевозможныя усилія, чтобы не допустить въ парламенты людей національной партіи, желавшихъ соединенія, и насильственными средствами ввести туда своихъ кліентовъ, измѣнниковъ національному чувству. Однако же молдавскіе депутаты, собравшіеся раньше валахскихъ, выбрали господаремъ такого человѣка, на котораго вполнѣ могла положиться нація, желавшая соединенія, Александра Кузу. Это смутило Турцію и Австрію. Въ Константинополѣ хотѣли отказать въ утвержденіи молдавскому выбору, основываясь на томъ, что избранное лицо не удовлетворяетъ нѣкоторымъ условіямъ, опредѣленнымъ для господаря дипломатическою конвенціею 19 августа. Но вотъ собрался валахскій парламентъ; депутаты его были выбраны подъ вліяніемъ интригъ и насилій Турціи, поддерживаемой Австріею. Большинство ихъ состояло изъ людей, которые повидимому не сочувствовали національному желанію. Но мало по малу они прониклись его вліяніемъ, и въ рѣшительную минуту бывшіе интриганты и реакціонеры явились патріотами. Было множество разныхъ кандидатовъ на санъ господаря. У каждаго была своя партія между депутатами. Когда собрались депутаты, одинъ изъ претендентовъ, Бибеско, имѣвшій на своей сторонѣ временную администрацію (каймаканію) Валахіи, окружилъ войсками домъ засѣданій парламента, чтобы силою принудить депутатовъ избрать его, арестовавъ тѣхъ, которые стали бы гово-

рить противъ насилія. Но населеніе Бухареста оступило войска и потребовало, чтобы они удалились. Войска и ихъ начальники не захотѣли дѣйствовать оружіемъ противъ своихъ братьевъ, которымъ сочувствовали. Переговоры тянулись нѣсколько часовъ, наконецъ каймаканія принуждена была приказать войскамъ удалиться. Депутаты прежде всего занялись очищеніемъ своего собранія отъ тѣхъ членовъ, при выборѣ которыхъ было сдѣлано особенно много противозаконныхъ обмановъ или насилій. Изъ нихъ нѣсколько человѣкъ, увлекаясь энтузіазмомъ окружавшаго ихъ народа, сами отказывались отъ званія депутатовъ. Вечеромъ въ тотъ день (4 февраля) происходили частныя совѣщанія между депутатами, оставшіяся тайною для публики. Всѣ предчувствовали только, что на другой день должна рѣшиться судьба и Валахіи и Молдавіи: она зависѣла отъ того, согласенъ ли будетъ валахскій выборъ съ молдавскимъ

Едва открылось на другой день засѣданіе, депутатъ Боереско подошелъ къ президенту (митрополиту) и попросилъ его перейти съ депутатами изъ залы публичныхъ засѣданій въ сосѣднюю залу для выслушанія важныхъ вещей. Митрополитъ нѣсколько времени колебался, но долженъ былъ уступить; депутаты вышли въ особенную залу. Тутъ Боереско въ пламенной рѣчи изложилъ важность настоящей минуты, обязанность депутатовъ пожертвовать своими личными пристрастіями для того, чтобы явиться дѣйствительно представителями національной мысли. „Желаніе націи можетъ быть исполнено, сказалъ онъ, только въ такомъ случаѣ, если Валахія соединится съ Молдавіей, а для этого одно средство,—соединиться съ молдавскими братьями и провозгласить господаремъ того самаго человѣка, который уже выбранъ ими". Никто не могъ устоять противъ увлеченія. Одинъ за другимъ претенденты на санъ господаря всходили на каѳедру,—первый Голеско, за нимъ Гика, Кантакузенъ и другіе: каждый клалъ руку на Евангеліе и клялся подать голосъ за Александра Кузу. Восторгъ увлекъ всѣхъ депутатовъ; они закричали: „да здравствуетъ Куза!" Этотъ крикъ донесся до залы публичныхъ засѣданій и зрители, бывшіе на трибунахъ, повторяя его, побѣжали на площадь сообщить патріотическое рѣшеніе депутатовъ народу, толпившемуся на площади. Всѣ кричали: „ура!" и обнимались.

Депутаты возвратились въ залу публичныхъ собраній, началась баллотировка и на всѣхъ 64 избирательныхъ билетахъ, вынутыхъ изъ урны, было написано одно и тоже имя: Александръ Куза Молдавскій.

За два дня, за день, за нѣсколько часовъ до этого рѣшенія никто въ Бухарестѣ не ожидалъ его. Неописанный восторгъ овладѣлъ всѣмъ населеніемъ при удивительномъ извѣстіи.

Въ ту же минуту электрическій телеграфъ сообщилъ въ Яссы Александру Кузѣ просьбу Валахіи быть ея господаремъ. Напрасно временное правительство Валахіи, проникнутое турецко-австрійскимъ духомъ, говорило, что будетъ ждать изъ Константинополя инструкцій о томъ, какъ поступить ему. На другое утро вновь избранный господарь уже назначилъ новое министерство, которому безъ сопротивленія должна была передать власть каймаканія, потому что весь валахскій народъ былъ единодушенъ.

Можно вообразить себѣ изумленіе и гнѣвъ Константинопольскаго дивана при извѣстіи о валахскомъ выборѣ. Въ первую минуту турки заговорили, что это невозможно допустить, что надобно послать войска для низложенія Кузы въ обоихъ княжествахъ. Но скоро одумались, и сама Турція стала просить державы, уполномоченными которыхъ была составлена конвенція 19-го августа, чтобы назначена была новая конференція отъ всѣхъ этихъ державъ для разрѣшенія валахо-молдавскаго вопроса. Конференція скоро соберется. Франція уже рѣшила требовать, чтобы Куза былъ признанъ господаремъ Валахіи и Молдавіи и были измѣнены тѣ статьи прежней конвенціи, которыя оказались не согласны съ желаніемъ румуновъ и противорѣчатъ соединенію двухъ Дунайскихъ княжествъ подъ управленіемъ одного господаря. Большинство другихъ державъ, участвующихъ въ конференціи, будутъ требовать того же. Если не вспыхнетъ война между Франціею и Австріею до окончанія конференціи, рѣшеніе не подлежитъ сомнѣнію. Австрія и Турція должны будутъ уступить настояніямъ другихъ державъ и выборъ Александра Кузы въ обоихъ княжествахъ будетъ утвержденъ.

Страннымъ образомъ отражается общее направленіе событій даже въ такихъ отдаленныхъ краяхъ земли, о которыхъ и не думаетъ Европа. Лѣтъ десять тому назадъ читатели каррикатурныхъ журналовъ хохотали надъ картинками, представлявшими Сулука въ костюмѣ Наполеона I, подражаніемъ которому онъ гордился, подобно ему превратившись изъ президента республики въ императора. Послѣ того о Сулукѣ забыли. Но его неграмъ не было отъ того легче. Сулукъ рѣшительно хотѣлъ быть гаитскимъ Наполеономъ I. Онъ безпрестанно воевалъ съ сосѣднею республикою Сенъ-Доминиканскою и сильно притѣснялъ собственныхъ подданныхъ. Окружая себя блескомъ, онъ сочинялъ въ своей имперіи аристократію, жаловалъ своихъ слугъ титулами князей, герцоговъ, маркизовъ. Титулы великолѣпныхъ аристократовъ бывали иногда занимательны: былъ герцогъ Лимонадъ, былъ герцогъ Мармеладъ и т. д. Но каковъ бы ни былъ выборъ фамилій, этимъ герцогамъ и самому Сулуку для надлежащаго великолѣпія нужно было много денегъ; подданные разорялись и роптали; Сулукъ наказывалъ, какъ слѣдуетъ, недовольныхъ: изгонялъ ихъ, сажалъ ихъ въ крѣпости, казнилъ. Неудовольствіе расло и наконецъ не стало силъ переносить блистательное правленіе Фаустина I. Негритянскій генералъ Фабръ Жефраръ 22-го декабря (новаго стиля) прошедшаго года вышелъ изъ столицы Сулука Портъ-о-Пренса, на берегъ, сѣлъ въ лодку съ своимъ сыномъ и двумя товарищами и доѣхалъ до города Гонаива, сосѣдняго съ Портъ-о-Пренсомъ. Когда онъ вышелъ изъ лодки, къ нему подошли нѣсколько человѣкъ, у которыхъ было приготовлено пять лошадей, и они въѣхали въ городъ съ криками: Viva la république, viva la liberté [1])!

Никто ихъ не останавливалъ, они дошли такимъ образомъ до главной гауптвахты и приказали караульному барабанщику бить тревогу, потомъ

---

[1]) На Гаити говорятъ ломаннымъ французскимъ языкомъ.

*

поѣхали къ дому губернатора. По дорогѣ встрѣчались имъ политическіе преступники, осужденные Сулукомъ на каторгу и работавшіе въ разныхъ мѣстахъ города. Они освобождали ихъ. Къ нимъ приставали жители. Губернаторъ сначала колебался, потомъ и самъ присоединился къ Жефрару; съ нимъ перешли всѣ другіе чиновники. На слѣдующій день генералъ Жефраръ былъ провозглашенъ президентомъ Гаитской республики, а генералъ Сулукъ (такъ называли его въ оффиціальной прокламаціи) былъ объявленъ подлежащимъ суду за противозаконныя дѣйствія.

24-го декабря Жефраръ пошелъ къ Сенъ-Марку, укрѣпленному городу, комендантъ котораго со всѣмъ гарнизономъ принялъ его сторону. Теперь у Жефрара было цѣлыхъ два полка и крѣпость; оставаясь въ ней, онъ ожидалъ приближенія Сулука, а между тѣмъ сосѣдніе города одинъ за другимъ присоединялись къ новому правительству. Сулукъ собралъ войско и пошелъ на Жефрара, власть котораго признавалась уже всею сѣверною половиною гаитскаго государства; войско у Сулука было гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у Жефрара, но солдаты не хотѣли сражаться за него, потому онъ долженъ былъ отступить въ столицу. Жефраръ пришелъ вслѣдъ за нимъ и послалъ къ нему парламентера требовать отреченія, обѣщая пощадить его жизнь. Сулукъ сказалъ, что подумаетъ; но пока онъ думалъ, солдаты его положили оружіе. Узнавъ объ этомъ, Сулукъ немедленно занялся сочиненіемъ слѣдующей прокламаціи:

«Гаитяне! призванный волею народа къ управленію судьбами Гаити, я постоянно посвящалъ всѣ мои усилія и заботы благу моихъ подданныхъ и счастію отечества. Я надѣялся, что могу разсчитывать на привязанность тѣхъ, которые облекли меня верховною властью, но послѣднія событія не позволяютъ мнѣ сомнѣваться въ чувствахъ народа.

«Я такъ люблю отечество, что не колеблясь жертвую собою общему благу.

«Я слагаю свой санъ, единственнымъ желаніемъ имѣя то, чтобы Гаити могло быть такъ счастливо, какъ всегда желало мое сердце.

„Въ портъ-о-Пренсѣ. 15 января 1859 года, въ лѣто 55 независимости.

«Фаустинъ».

Прокламація, какъ видимъ, написана такъ, что сдѣлала бы честь европейскому перу.

Переворотъ совершился мирно, не пролито было ни одной капли крови. Президентъ возстановленной республики, Жефраръ, поступилъ съ Сулукомъ, столь заботившимся о благѣ своего народа, какъ нельзя милостивѣе. Онъ позволилъ Сулуку свободно сѣсть на корабль и ѣхать куда ему угодно. До отъѣзда на корабль онъ оказывалъ ему защиту отъ ненависти народа, хотѣвшаго растерзать Сулука; и для проводовъ его до корабля по улицамъ города прошелъ самъ, потому что безъ него Сулукъ не дошелъ бы живымъ до своего убѣжища.

На старость дней Сулукъ успѣлъ приготовить себѣ хорошее пропи-

таніе: въ разныхъ европейскихъ банкахъ у него лежитъ болѣе 3,000,000 руб. серебра.

Жефраръ освободилъ всѣхъ политическихъ преступниковъ, заключенныхъ Сулукомъ въ разныя крѣпости, и просилъ возвратиться всѣхъ изгнанниковъ. Онъ объявилъ Сенъ-Доминиканцамъ, что желаетъ хранить съ ними дружбу. До сихъ поръ дѣйствія его показываютъ человѣка благороднаго и безкорыстнаго. Онъ мулатъ, теперь ему около 50 лѣтъ. Онъ имѣетъ извѣстность хорошаго генерала, просвѣщеннаго и очень умнаго человѣка, и всегда пользовался большою любовью народа за гуманность характера и образа мыслей.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма „итальянца“ изъ Times'а объ итальянскомъ вопросѣ и отвѣтъ этой газеты.

1. Изъ перваго письма «итальянца».

«Милостивый Государь! Господствующее между англичанами мнѣніе объ Австріи чрезвычайно различно отъ того, какое мы, итальянцы, составили о ней по тяжелому опыту и близкому наблюденію: ваше мнѣніе проистекаетъ скорѣе изъ старинныхъ воспоминаній, нежели изъ дѣйствительныхъ фактовъ. Прежняя Австрія, наемная союзница Англіи во французскихъ войнахъ, была существенно Германскою державою, хотя имѣла владѣнія и внѣ Германіи. Владѣя Фландріею, она была близкою сосѣдкою Англіи и единственнымъ государствомъ, черезъ которое англійская армія могла быть проведена на континентъ.

«Весь этотъ порядокъ вещей измѣнился французскими революціями и раздѣломъ Польши. Бельгія заняла мѣсто Австріи на Шельдѣ, а протестантская Пруссія въ католическихъ архіепископствахъ на Рейнѣ. Границы Австріи отдалились на 500 англійскихъ миль, отъ устьевъ Рейна до самыхъ верховьевъ его, до Швейцаріи. Раздѣлъ Польши громадно увеличилъ пропорцію славянскихъ ея подданныхъ, которыхъ теперь въ ней вдвое больше, нежели нѣмцевъ. Нѣмцы теперь составляютъ въ ней всего только пятую часть народа. Австрію теперь справедливѣе можно назвать славянскимъ, нежели нѣмецкимъ государствомъ; и съ каждымъ днемъ она все болѣе подчиняется нравственному вѣсу Россіи.

«Когда Австрія увидѣла фантомъ панславизма, она удвоила свои усилія германизировать славянъ и венгровъ. Тогда Меттернихъ совершилъ два послѣднія дѣла своего министерства,—присвоеніе Кракова и Галиційскую рѣзню. Нѣмецкій языкъ былъ насильственно введенъ въ краковскій университетъ. Дѣла такого рода не легко забываются,—нѣтъ, они иногда не забываются. Такія же достохвальныя усилія хотѣли бы дѣлать для германизаціи Венгріи, но въ сердцѣ этой страны еще было свободное племя мадьяровъ, независимое отъ прямой нѣмецкой администраціи. Какъ Австрія заботилась о германизаціи, такъ венгры о мадьяризаціи. Славянскихъ и румунскихъ поселянъ насильственно принуждали говорить на этихъ двухъ языкахъ и такимъ образомъ научили ненавидѣть оба эти языка, предпочитая свой родной имъ обоимъ. Славяне начали обращать свои взоры на Россію, румуны на независимыя дунайскія княжества, имъ одноплеменныя.

«Въ 1848 году всѣ націи австрійской имперіи возстали противъ двухъ націй, уступавшихъ другимъ въ числѣ, но стремившихся къ господству, противъ нѣмцевъ и мадьяровъ, въ то самое время, когда эти двѣ націи переходили отъ стариннаго соперничества къ открытой враждѣ. Всѣ провинціи подверглись совершенному хаосу. Австрія искала спасенія себѣ въ утрированіи духа тѣхъ самыхъ національностей, ко-

торыя были пробуждены ея деспотическими распоряженіями и тяжелыми налогами, и которыя она уже не могла обуздать. Когда ясно обнаружилось безсиліе Австріи привести къ повиновенію своихъ подданныхъ, явилась Россія, не какъ простая союзница, а какъ высшая покровительствующая держава.

«Австрія могла бы, уступая справедливымъ требованіямъ различныхъ провинцій, дать каждой изъ нихъ право имѣть собственную администрацію, на своемъ языкѣ, по своимъ обычаямъ. Она могла бы устроить родъ монархической Швейцаріи съ населеніемъ въ 15 разъ больше и съ колоссальною силою въ оборонѣ. Она предпочла систему, въ которой честолюбіе наступательныхъ войнъ соединяется съ слабостью въ случаѣ обороны.

«Она заботилась только объ упроченіи единства, т. е. о господствѣ нѣмецкой части своего населенія. Она уничтожила прежнюю венгерскую конституцію, повергла мадьяровъ въ полнѣйшее рабство, съ неблагодарнымъ презрѣніемъ поработила тѣ самыя національности, которыя наиболѣе помогли ей противъ венгеровъ. Не для того проливали свою кровь храбрые славяне и румыны. Теперь нѣмецкое меньшинство сосредоточило на себѣ одномъ всю ту ненависть ихъ, которая прежде раздѣлялась между нѣмцами и венграми. Австрія отказалась и отъ единственнаго качества, которымъ могли искупаться ея недостатки. Прежде, хотя не было въ ней религіозной свободы, правительство строго наблюдало за католическимъ духовенствомъ. Но съ 1848 года іезуиты съ своими многочисленными аффиліаціями овладѣли правленіемъ, училищами, благотворительными учрежденіями. Они мѣшаютъ даже повышенію независимыхъ офицеровъ; они шпіонствуютъ за дѣйствіями каждаго, превращаютъ каждую исповѣдальню въ полицейскую караульную, стѣсняютъ протестантовъ въ бракахъ, въ воспитаніи дѣтей, даже въ самыхъ похоронахъ. Архіепископъ вѣнскій сдѣланъ кардиналомъ и главою папской инквизиціи надъ всѣмъ міромъ.

«Между тѣмъ провинціи, особенно Италія и Венгрія, на много лѣтъ были преданы въ руки жадныхъ, алчныхъ и мстительныхъ генераловъ. Повсюду каждый день наказывали плетьми, вѣшали, разстрѣливали; никакого удовлетворенія не было сдѣлано основательнымъ требованіямъ или настоятельнымъ необходимостямъ. Военныя контрибуціи, насильственные займы и двойные налоги, поглощаемые увеличивающимся долгомъ, казнокрадствомъ, расточительностью на шпіоновъ и монаховъ, оказываются недостаточны для содержанія огромныхъ гарнизоновъ и постройки укрѣпленій на всѣхъ границахъ и въ сердцѣ городовъ. Войска, собранныя въ одной провинціи, недостаточны для удержанія въ покорности населенія другой. Солдаты разныхъ націй, сходясь въ лагерѣ, дерутся между собою; иногда стрѣляютъ въ своихъ генераловъ, если они принадлежатъ къ враждебному племени. Таково мирное положеніе Австріи».

2. Изъ втораго письма «Итальянца».

«Милостивый Государь! Многіе англичане находятся подъ вліяніемъ ошибочной мысли, что Австрія владѣетъ своими итальянскими провинціями по наслѣдственному, достойному уваженія праву; они даже полагаютъ, что Пруссія и всѣ другія Германскія государства обязаны рядомъ непрерывныхъ преданій защищать Австрію во владѣніи этими землями. Я не буду входить въ вопросъ о правахъ Орлеанскаго дома и династіи Гонзага на герцогства Миланское и Мантуанское, права, которыя прежняя Австрійская династія (а не нынѣшняя Лотарингская фамилія) во-первыхъ не слишкомъ законнымъ образомъ присвоила себѣ, а во-вторыхъ до значительной степени передала Савойскому дому. Эти обветшалые вопросы совершенно уничтожены прекращеніемъ прежней Нѣмецкой имперіи.

«Потому я замѣчу только, что двѣ трети итальянскихъ подданныхъ Австріи составляютъ пріобрѣтеніе совершенно новое. Почти четыре милліона изъ нихъ принадлежатъ бывшему Венеціанскому государству, обнимавшему не только нынѣшнее Венеціанское королевство, но и землю на западъ отъ него, отъ Адидже до верхней Адды, вмѣстѣ съ бывшими Венеціанскими провинціями на восточномъ берегу Адріатическаго моря (Истрія, Далмація, Разуза и Каттаро), гдѣ итальянцы всегда жили въ брат-

ской дружбѣ съ храбрымъ славянскимъ племенемъ, съ потомками людей, ушедшихъ отъ турецкаго владычества. Кромѣ того по Вѣнскому трактату Австрія получила бывшій вольный епископскій городъ Тренто въ Тиролѣ, въ Альтеллинѣ, которая прежде принадлежала къ Швейцарской конфедераціи, и нѣсколько папскихъ округовъ на лѣвомъ берегу По; всѣ вмѣстѣ эти пріобрѣтенія имѣютъ около полумилліона жителей.

«Добровольное присоединеніе Далматскаго королевства къ Венеціанской республикѣ совершилось за много лѣтъ до вашего Вильгельма Завоевателя. Провинціи, которыми владѣла Венеція въ Ломбардіи, принадлежали ей уже въ 1547 году. Германіи вовсе не грозила опасностью Венеціянская власть въ этихъ земляхъ; напротивъ того, Венеціянская республика служила оплотомъ противъ турокъ. Венеція была такою защитою для неблагодарныхъ австрійцевъ, что до ея паденія въ 1797 году никогда французская армія не бывала въ Вѣнѣ; а послѣ того, когда Австрія завладѣла Венеціею, французы занимали Вѣну два раза, въ 1805 и 1809 году. И такъ Австрійцы должны признаться, что ихъ столица была безопаснѣе, имѣя своимъ авангардомъ Венеціянскую республику, нежели теперь, когда они должны защищаться сами.

«Тотъ способъ, какимъ Венеція, древнѣйшая свободная держава въ Европѣ, внезапно превращена была, 60 лѣтъ тому назадъ, изъ союзницы Австріи противъ французовъ въ добычу и жертву Австріи, этотъ маневръ—одна изъ постыднѣйшихъ сдѣлокъ въ исторіи. Отвѣтственность за это безнравственное дѣйствіе, окончательныя послѣдствія котораго еще неизвѣстны, тяжело лежитъ на Австріи, обманувшей венеціянскую аристократію, дѣйствовавшую за нее; тяжело лежитъ на Франціи, обманувшей молодыхъ энтузіастовъ, отворившихъ свои ворота арміи мнимыхъ друзей, для произведенія демократической реформы; тяжело лежитъ и на Англіи, получившей въ Іоническихъ островахъ, подъ именемъ протектората, часть добычи отъ разрушенія державы родственной ей по морю.

«Если бы Англія послѣдовала совѣтамъ своихъ благородныхъ согражданъ, подобныхъ лорду Гильдфорду, она могла бы, дѣйствительно, пріобрѣсть благороднѣйшій и выгоднѣйшій протекторатъ надъ двумя прекрасными племенами, населяющими Итальянско-Греческіе острова. Іоническіе острова, собственная Греція, Ѳессалія и Кандія, соединившись, чувствовали бы къ могущественной Англіи, защитницѣ ихъ свободы и возрожденія, такую же симпатію, какую обнаруживали къ Венеціи во время кандійской войны.

«20 апрѣля 1814 года, черезъ три недѣли послѣ капитуляціи Парижа, Евгеній Богарнье сдалъ Венецію австрійскимъ войскамъ, пользовавшимся помощью англійскаго флота. Черезъ недѣлю австрійцы вступили въ Миланъ. Англичане уже занимали Легорнъ и Геную. Англичане принимали на себя отвѣтственность во всѣхъ этихъ событіяхъ, которыми руководили; они участвовали во всѣхъ обѣщаніяхъ независимости, которыя тогда были торжественно даны итальянцамъ отъ имени союзниковъ. Даже для сохраненія своего вліянія надъ Италіею Англія могла бы обезпечить итальянцамъ трактатами независимость отъ иностранцевъ, свободу печати, свободу совѣсти и сохраненіе представительной формы, по крайней мѣрѣ той, какая была сохранена Наполеономъ.

«Но въ Италіи побѣда Англіи, пріобрѣтенная сокровищами и кровью лучшихъ сыновъ ея, была побѣдою папы, шпіонства и инквизиціи. Іезуиты вышли изъ своего гнуснаго гроба, чтобы развратить Италію и заразить всю Европу.

«Лучшіе и благоразумнѣйшіе люди съ грустью видѣли, на какую безславную жизнь осуждены они этою измѣною. Негодующимъ взоромъ они измѣряли великую разницу между прямымъ, хотя и военнымъ управленіемъ Наполеона, и унизительнымъ лицемѣріемъ безотвѣтственнаго деспотизма. Первоначальныя свободныя правительства, учрежденныя Бонапартомъ въ Миланѣ, Генуѣ, Римѣ, Неаполѣ, были также громко осуждаемы друзьями свободы, какъ и защитниками рабства и суевѣрія,—брань послѣднихъ сильно свидѣтельствуетъ въ ихъ пользу. Дѣло въ томъ, что старинныя итальянскія государства, преобразованныя Бонапартомъ въ демократическія республики, имѣя представительные парламенты, вдругъ достигли такой степени свободы управленія, слова,

печати и жизни, что очень скоро при нихъ истребился бы папизмъ, исчезли бы всѣ злоупотребленія, вся испорченность и изнѣженность. Это было возрожденіемъ итальянской жизни. Но скоро Наполеонъ, обольщенный принципами противными тѣмъ, на которыхъ основалась его власть, покинулъ путь прогресса и обратился къ одной грубой физической силѣ. Это было его первымъ, добровольнымъ отреченіемъ.

«Кажется страннымъ, что Наполеонъ, владѣя всею Италіею и зная, какою славою для него было возстановить полную ея независимость, вдругъ измѣнилъ свой путь и сталъ дѣйствовать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ присоединилъ къ Франціи, какъ простыя французскія префектуры, Туринъ, Геную, Парму, даже Флоренцію святилище итальянской литературы, Римъ, святилище итальянской исторіи. Быть можетъ онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ природу своихъ соотечественниковъ и боялся пробудить національную жизнь, чувствуя, что и на недолгое время нельзя будетъ удержать ее подъ иноземной опекою.

«Духъ Наполеона возстаетъ въ Италіи. Франціи не нужно переходить Альпы: она уже занимаетъ центръ Италіи; она чувствуетъ повидимому, что призвана исполнять первыя, благородныя и святыя мысли ея великаго императора. Неужели Англія не соединится съ ней на это безкорыстное дѣло, не захочетъ пріобрѣсти нашего уваженія, нашей благодарности и любви помощію намъ для прекращенія страданій, производимыхъ дурнымъ австрійскимъ и папскимъ управленіемъ?»

3. Отвѣтъ *Times'a* на второе письмо «Итальянца».

«По правилу выслушивать всѣ стороны, мы помѣстили второе письмо «Итальянца», убѣждающаго насъ помогать Франціи въ «безкорыстномъ дѣлѣ», въ положеніи конца преступленіямъ и безумствамъ «дурнаго австрійскаго и папскаго правительства». Мы народъ методическій, мы привыкли разсудительнымъ образомъ поступать даже въ вопросахъ о симпатіяхъ и національностяхъ; потому прежде нежели мы получимъ расположеніе помогать Франціи въ ея предполагаемой итальянской политикѣ, мы не безъ основанія можемъ просить доказательствъ на то, что французское правительство дѣйствительно одушевлено тѣми превосходными намѣреніями, которыя придаетъ ему вашъ пылкій корреспондентъ. Доказательства намъ кажутся едва ли не слабыми. Наполеонъ I въ 1797 году провинился, какъ оказывается, «въ одномъ изъ постыднѣйшихъ дѣлъ, о какихъ упоминаетъ исторія». Онъ предалъ Венецію Австріи и «обманулъ молодыхъ энтузіастовъ, отворившихъ ворота его арміи». Если таковы «благородныя и святыя намѣренія», осуществить которыя Франція считаетъ, по мнѣнію итальянцевъ, своею обязанностью, то можетъ быть онъ не ошибается; но такія намѣренія не должны ожидать себѣ никакой помощи отъ Англіи. Если же, какъ надобно скорѣе думать, «Итальянецъ» желаетъ видѣть въ насъ вѣру, что нынѣшнія намѣренія Франціи состоятъ въ томъ, чтобы, по примѣру Наполеона I, покрыть Италію демократическими республиками, мы желали бы нѣкоторыхъ доказательствъ на то. Правленіе французскихъ владѣній въ Италіи всегда слѣдовало формѣ правленія, существовавшаго въ самой Франціи, съ такою же прочностью, какъ полипъ принимаетъ цвѣтъ скалы, за которую держится. Пока во Франціи была республика, ея итальянскія завоеванія также были республиками; когда Франція сдѣлалась имперіею, республики стали королевствами. Теперь Франція управляется императоромъ. Можно ли предположить, чтобы вторая имперія захотѣла, въ противность примѣру первой, потерпѣть итальянскія республики, которыя были бы живою сатирою на нее? Папское и австрійское правленіе не нравится нашему «Итальянцу»; но какія черты превосходства надъ австрійскимъ правленіемъ можетъ онъ указать въ нынѣшнемъ французскомъ правленіи? Развѣ во Франціи больше свободы перу и слову, нежели въ Австріи? Развѣ личная свобода лучше обезпечена? Ему не нравится папское правленіе. Но Франція имѣетъ лагерь въ Римѣ. Способъ, какимъ она вошла въ него, десять лѣтъ тому назадъ, не предвѣщаетъ особенно хорошихъ шансовъ для демократической республики; а опора, которую она въ теченіе десяти лѣтъ даетъ своимъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ правительству папы, единственнымъ средствомъ къ укрощенію рим-

лянъ считающему содержаніе ихъ въ бѣдномъ и жалкомъ положеніи,—эта поддержка не ободряетъ насъ къ большимъ надеждамъ о происхожденіи хорошаго правленія изъ такого источника. Скорѣе мы думали бы, что Франція не готовитъ для Италіи ничего, кромѣ той правительственной системы, правленія перваго Наполеона, о которой нашъ корреспондентъ говоритъ такъ прекрасно. Изъ этого мы заключаемъ, что мы не призваны помогать Франціи, т. е. императору французовъ, въ ниспроверженіи нынѣшнихъ итальянскихъ правительствъ, потому что не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы его намѣренія простирались далѣе замѣны прежнихъ формъ новыми совершенно такими же».

B. Изъ преній объ адресѣ въ Палатѣ Общинъ (засѣданіе 3-го февраля 1859 года). Положеніе итальянскаго вопроса.

1. Изъ рѣчи лорда Пальмерстона.

«Судя по слухамъ, есть вѣроятность большой европейской войны, начинающейся столкновеніемъ въ Италіи между Франціею и Сардиніею съ одной стороны и Австріею съ другой; предметомъ войны будетъ, я полагаю, изгнаніе Австріи за итальянскія границы. Многіе думаютъ, и я въ томъ числѣ, что надобно чрезвычайно желать, въ интересахъ не только Италіи, но и самой Австріи, чтобы она не владѣла этими провинціями на югъ отъ Альповъ. Я не думаю, чтобы эти владѣнія увеличивали ея могущество. Я увѣренъ, что они ставятъ ее въ такое положеніе, которое дѣлаетъ ее предметомъ ненависти для многихъ и внушаетъ ей такую политику, отъ которой благоразумное правительство захотѣло бы удержаться. Но мы должны помнить, что она владѣетъ этими провинціями по трактату 1815 года (послѣ этого Пальмерстонъ говоритъ, что трактаты не могутъ быть произвольно нарушаемы). Нельзя было бы сказать, къ чему привело бы правило не признавать трактатовъ. Начинать войну нельзя легкомысленно. Легко начать ее; но невозможно сказать, каковы будутъ ея размѣры. Война между двумя такими могущественными державами, какъ Франція и Австрія, можетъ начаться изъ-за вопроса только о владѣніи Ломбардіею. Но сказать, какія державы могутъ напослѣдокъ быть вовлечены въ такой споръ, это выше человѣческой проницательности. Слѣдовательно тѣ, которые хотѣли бы возбудить или начать такую войну, должны были бы хорошенько взвѣсить отвѣтственность, лежащую на государственныхъ людяхъ. Начинать такую войну, значило бы вовлекать Европу въ бѣдствія, которыя трудно описать,—вовлекать по такой причинѣ, которая не въ состояніи оправдать подобной войны, хотя и представляется хорошею въ абстрактной теоріи. Но я долженъ также сказать, что если Австрія опирается на прочное договорное право относительно провинцій, данныхъ ей трактатами, въ которыхъ участвовали всѣ европейскія державы, то у ней нѣтъ этого права, когда она переходитъ за границы, опредѣленныя этими трактатами; занятіе другихъ частей Италіи, не принадлежащихъ ей, не оправдывается никакимъ договорнымъ правомъ. Я надѣялся бы, что хотя не будетъ войны (я вѣрю, что не будетъ войны), — я надѣялся бы, что эти предметы будутъ приняты въ соображеніе различными европейскими правительствами и будутъ приняты мѣры для прекращенія исключительнаго положенія вещей, которое возникаетъ изъ занятія папскихъ земель австрійскими войсками съ одной стороны и французскими войсками съ другой. Это положеніе вещей продолжается уже много времени. Оно—уклоненіе отъ нормальнаго положенія вещей. Оно не нарушаетъ никакого трактата, это правда; но оно и не узаконено никакимъ трактатомъ. Въ оправданіе говорятъ, что если бы чужеземныя войска были выведены, въ римскомъ и неаполитанскомъ государствахъ вспыхнула бы революція. Но я предложилъ бы средство лучшее, нежели занятіе земли иностранными войсками. Я предложилъ бы исправленіе недостатковъ, которые привели къ нему; пусть только эти правительства примутъ совѣтъ, данный имъ еще въ 1832 г. пятью великими державами; пусть они преобразуютъ свою систему, пусть они поло-

жать конецъ тираническимъ злоупотребленіямъ, угнетающимъ и ожесточающимъ народъ, и тогда не будетъ революціи, тогда занятіе иностранными войсками можетъ прекратиться, и внутреннее спокойствіе тѣхъ странъ перестанетъ быть въ опасности. Но если эти государства не положать конца нынѣшней системѣ, пусть они подвергаются ея послѣдствіямъ. Потому я присоединяюсь ко всѣмъ людямъ разсудительнаго ума, въ отвращеніи отъ этой войны, слухи о которой разнеслись повсюду, и выражаю надежду, что проницательность правителей и здравый смыслъ націй будутъ стремиться къ сохраненію европейскаго мира».

2. Изъ рѣчи д'Израэли.

«Мы откровенно сообщили Франціи и Австріи нашъ взглядъ на ихъ положеніе въ Италіи, бывшее поводомъ къ этому несчастному соперничеству и несогласію. Мы также признаемъ неудовлетворительное положеніе многихъ частей Италіи, какъ и благородный лордъ (Пальмерстонъ). Я думаю, что палата согласна съ благороднымъ лордомъ въ его порицаніи каждаго поступка, которымъ нарушились бы важные трактаты, ограждающіе спокойствіе Европы, какая бы держава ни поступила подобнымъ образомъ. Но благородный лордъ справедливо замѣчаетъ, и всѣ здравомыслящіе люди согласятся съ нимъ, что состояніе центральной Италіи чрезвычайно неудовлетворительно и что эта неудовлетворительность очень мало связана, или вовсе не связана съ важными трактатами, силу которыхъ благородный лордъ, подобно всѣмъ здравомыслящимъ людямъ, желаетъ охранить. Настоящее правительство давно замѣчало, и его предшественники также замѣчали неудовлетворительность въ положеніи дѣлъ центральной Италіи. Но въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ, возбудившихъ между иноземными державами недовольство ихъ положеніемъ? Причина въ томъ, что центральная Италія занята арміями двухъ великихъ военныхъ державъ Европы. Эти державы—Франція и Австрія, взаимное соперничество и недовѣріе которыхъ порождаетъ столько опасностей. При этихъ обстоятельствахъ, мы сообщили нашимъ союзницамъ, Франціи и Австріи,—и не только этимъ двумъ державамъ, но также и дворамъ туринскому, берлинскому и санктпетербургскому, что состояніе центральной Италіи неудовлетворительно, и чрезвычайно полезно было бы принять мѣры для устраненія давнихъ причинъ общественнаго неудовольствія и безпокойствъ для всей Европы. Но мы съ такой же откровенностью и твердостью выразили наше мнѣніе, что эти великіе и благодѣтельные результаты не могутъ быть достигнуты низверженіемъ существующаго порядка, основаннаго на договорахъ, а скорѣе обращеніемъ вліянія государствъ, заинтересованныхъ въ итальянскомъ вопросѣ, на улучшеніе состоянія центральной Италіи. Стараясь и во Франціи и въ Австріи отвратить недовѣріе, возникшее между ними, представляя имъ всѣ соображенія для сохраненія мира, мы также говорили этимъ двумъ великимъ державамъ объ обязанности ихъ замѣнить непріязненный споръ за военное владычество въ Италіи болѣе благороднымъ соревнованіемъ о содѣйствіи интересамъ Италіи и улучшеніи ея положенія. Мы указывали Франціи и Австріи, что особенность ихъ положенія,—одна изъ нихъ владѣетъ частью Италіи, другая занимаетъ древнюю столицу Италіи, обѣ онѣ старшія дочери католической церкви,—мы указывали имъ, что такая особенность положенія ставитъ первою обязанностью ихъ вступить въ совѣщаніе о томъ, не можетъ ли соединенное ихъ вліяніе склонить государей центральной Италіи къ такой политикѣ, которая устранила бы злоупотребленія и административные недостатки, признанные невыносимыми по общему мнѣнію. Мы не захотѣли присоединиться сами къ этимъ усиліямъ, не потому, чтобы желали уклониться отъ отвѣтственности или отъ исполненія высокихъ обязанностей, лежащихъ въ эту критическую минуту на всѣхъ великихъ державахъ, но намъ казалось, что вмѣшательство Англіи, протестантской державы, въ такія дѣла можетъ быть фальшиво истолковано, и что лучше будетъ, если результаты, которыхъ желаетъ и Англія, осуществятся соединеннымъ вліяніемъ Франціи и Австріи. Безъ сомнѣнія таже мысль руководила Пруссіею и Россіею. Но удерживаясь отъ прямаго вмѣшательства, не выступая на первый планъ, всячески убѣждая Францію и Австрію соединить свои усилія къ до-

стиженію великаго результата, къ улучшенію итальянскихъ правительствъ, мы также сказали, что еслибы результатъ ихъ совѣщаній былъ, по ихъ мнѣнію, столь важенъ, что другія великія державы, подписавшія трактатъ 1815 года, должны были бы согласиться съ ними для достиженія дальнѣйшихъ цѣлей, если бы, напримѣръ, Франція и Австрія почли необходимымъ и полезнымъ произвести какія нибудь территоріальныя перемѣны въ центральной Италіи, то мы съ полною готовностью стали бы помогать имъ нашимъ совѣтомъ и вліяніемъ для произведенія такого результата, и стали бы склонять другія державы, участвовавшія въ договорахъ 1815 года, присоединиться къ этому дѣлу и помогать ему. Я думаю, что этотъ образъ дѣйствій будетъ одобренъ Палатою. Мы не можемъ думать, и ни одинъ разсудительный человѣкъ не можетъ думать, чтобы улучшеніе или возрожденіе Италіи могло быть достигнуто превращеніемъ ея снова въ поле битвъ. Рекомендуемая нами политика представляется столь здравой, умѣренной и согласной съ мнѣніями всѣхъ разсудительныхъ людей, что я не отчаяваюсь увидѣть ее принятою, и потому, хотя я допускаю, что дѣла находятся теперь въ критическомъ положеніи, но не соглашусь еще съ благороднымъ лордомъ (Пальмерстономъ), что война, и можетъ быть общая европейская война, кажется теперь вѣроятною. Я сказалъ, что мы сдѣлали туринскому двору представленія въ томъ же смыслѣ и съ тою же откровенностью и полнотою, какъ Франціи и Австріи. Устройство Сардиніи таково, что необходимо и натурально вызываетъ сочувствіе въ свободномъ парламентѣ; и нѣтъ въ Италіи государства, къ которому англійскія чувства были бы такъ расположены, какъ къ Сардиніи, особенно въ послѣдніе годы. Мы всѣ надѣялись, что Сардинія будетъ орудіемъ нравственнаго и матеріальнаго улучшенія для Италіи, по отношенію къ свободѣ и въ другихъ отношеніяхъ; и я не покину поспѣшно надеждъ, казавшихся столь основательными и бывшихъ столь ободрительными для каждой благородной души; но я хотѣлъ бы внушить этому милому для насъ государству, что на пути, по которому оно идетъ, терпѣніе должно быть добродѣтелью, стольже необходимою и драгоцѣнною, какъ энергія и предпріимчивость, обнаруживаемыя Сардиніею; хотѣлъ бы внушить, что сохраненіемъ порядка, охраненіемъ своей политической свободы, пріобрѣтеніемъ опытности въ пользованіи этою свободою, опытности, увеличивающейся въ ней съ каждымъ годомъ, она вѣрнѣе достигнетъ своей конечной цѣли, т. е. возрожденія Италіи, нежели могла бы достичь союзомъ съ какою нибудь великою державою, которая могла бы на минуту придать ей искусственную силу, но вѣроятно только вовлекла бы ее въ ненатуральныя усилія, — а эти усилія могутъ кончиться ослабленіемъ маленькаго государства. Я обманулъ бы Палату, если бы сказалъ, что представленія нами сдѣланныя произвели уже дѣйствія столь полныя, какъ мы желали. Но они были сдѣланы откровенно, полно и свободно всѣмъ государствамъ Европы. (Тутъ Д'Израэли увѣряетъ, что одна изъ причинъ, по которымъ онъ надѣется на сохраненіе мира, состоитъ въ его довѣріи къ мудрости французскаго императора, искренно желающаго сохранить дружбу съ Англіей; онъ прибавляетъ, что слухи о намѣреніи Наполеона III при удобномъ случаѣ внезапно напасть на Англію, неосновательны, и что при нынѣшнемъ состояніи англійскихъ войскъ нападеніе на Англію было бы безразсуднѣе, нежели когда нибудь; потомъ заключаетъ): Мы не вступали ни въ какіе союзы; мы не дѣлали никакихъ конвенцій по итальянскому вопросу, но дали всѣмъ замѣшаннымъ въ него державамъ одинъ и тотъ же откровенный, дружескій и искренній совѣтъ. Нашъ совѣтъ имѣетъ двѣ цѣли: во-первыхъ сохраненіе мира, во-вторыхъ улучшеніе состоянія Италіи: и я не могу покинуть моего убѣжденія, что въ наше время, когда общественное мнѣніе, если не въ каждой странѣ всесильно, то въ каждой странѣ имѣетъ великую и благодѣтельную власть, военная борьба не будетъ начата изъ прихоти склоняющей къ нападенію, но что всѣ великіе государи, гдѣ бы ни стоялъ ихъ престолъ, въ Англіи или въ Германіи, поймутъ что есть слава выше военной славы и есть источникъ могущества болѣе вѣрный, нежели хвастовство военною силою». (Далѣе слѣдуютъ, въ томъ же смыслѣ, философскія разсужденія, съ явнымъ отношеніемъ къ Наполеону III).

3. Изъ рѣчи лорда Росселя.

«Есть въ тронной рѣчи предметъ, который долженъ служить не темою для будущихъ нашихъ разсужденій, какъ другіе предметы, которыхъ касается тронная рѣчь, но о которомъ, если надобно говорить, то надобно говорить нынѣ же; относительно этого предмета достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) желаетъ по возможности успокоить палату, но самъ чувствовалъ, что вовсе не могъ достаточно успокоить ее. Онъ сказалъ относительно возникновенія войны между двумя великими державами Европы, что усомнился бы сказать, что эта война вѣроятна, или что на миръ нѣтъ никакой надежды. Мнѣ кажется, что эти выраженія служатъ справедливою оцѣнкою нынѣшняго положенія дѣлъ, и что они вовсе не успокоительны. Я совершенно согласенъ почти съ каждымъ словомъ, сказаннымъ моимъ благороднымъ другомъ, депутатомъ Тайвертона (Пальмерстономъ) объ этомъ предметѣ. Я желалъ бы, чтобы въ 1815 году судьба сѣверныхъ провинцій Италіи была устроена какъ нибудь иначе. Я желалъ бы, чтобы, хотя въ послѣдніе годы, Австрія почла выгоднымъ отказаться отъ нѣкоторыхъ областей сѣверной Италіи. Но трактатъ, дающій ей эти области, принадлежитъ къ государственному праву Европы и не можетъ быть нарушенъ безъ прекращенія европейскаго мира. Потому я хотѣлъ бы надѣяться вмѣстѣ съ почтеннымъ джентльменомъ (Д'Израэли), что не будетъ легкомысленнаго нарушенія этого трактата. Но если бы нападеніе было сдѣлано съ цѣлью расширенія границъ, если бы Франція захотѣла присоединить къ себѣ какія нибудь области, а Сардинія увеличить свои владѣнія, отъ такихъ намѣреній нападеніе только сдѣлалось бы еще болѣе дурнымъ, нежели просто легкомысленное нарушеніе трактата. Я всегда чувствовалъ глубокую симпатію къ независимости и свободѣ Италіи; но я не могу сказать, чтобы дѣло итальянской свободы и независимости, по моему мнѣнію, получило пользу отъ такой войны, какую повидимому хотятъ начать. Въ старинные дни вигистскаго клуба часто провозглашался тамъ тостъ: «за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Когда мистеръ Кеннингъ сдѣлался иностраннымъ министромъ и былъ обѣдъ въ Гервичѣ, послѣ новаго выбора его въ депутаты, онъ также провозгласилъ тостъ: «за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ». Я также стою за дѣло гражданской и религіозной свободы въ цѣломъ мірѣ; но клянусь жизнью, я не вижу, какимъ образомъ это дѣло могло бы выиграть отъ такого нападенія, о которомъ теперь говорятъ. Мы не имѣемъ права подвергать нашему разбору форму правительства, принятую у сосѣдней націи. Придавая высокую цѣну миру, проникаясь тѣмъ господствующимъ мнѣніемъ, что миръ должно сохранить, французская нація показываетъ свое сужденіе о состояніи, въ которомъ она находится, и не намъ спорить съ нею о формѣ ея правительства. Но если это правительство хочетъ вторгнуться въ другую страну съ цѣлью улучшить въ ней форму правительства, то мы имѣемъ право спросить, выиграетъ ли свобода и независимость этой страны отъ такого нападенія. По всѣмъ этимъ причинамъ я долженъ осудить предполагаемую войну, какъ нарушеніе европейскаго мира, какъ чрезвычайно дурной примѣръ, колеблющій довѣріе ко всѣмъ трактатамъ, на которыхъ основанъ миръ Европы. Но мы не должны пытаться,—и ни дѣло мира, ни дѣло будущаго благосостоянія Европы, не получатъ никакой выгоды, если мы будемъ пытаться закрывать глаза, чтобы не видѣть тѣхъ важныхъ бѣдствій и страданій, которымъ подвергнута Италія. Съ перваго же года по заключеніи Вѣнскаго трактата, Австрія стала стремиться къ тому, чтобы управлять цѣлой Италіей; она своимъ вмѣшательствомъ отклоняла неаполитанскаго короля отъ введенія въ его королевство учрежденій, основанныхъ на принципахъ не похожихъ на принципы господствовавшіе въ Австріи; и когда, въ 1821 году, неаполитанскій народъ сдѣлалъ попытки, чтобы улучшить свои учрежденія и имѣть представительное собраніе, что было сдѣлано? Австрійская армія вошла въ Неаполь и 40,000 войска было поставлено въ этомъ королевствѣ, чтобы лишить неаполитанскій народъ тѣхъ учрежденій и законовъ, какіе онъ считалъ лучшими. Лордъ Кестэльри при этомъ случаѣ отъ имени британскаго правительства объявилъ,—это можно назвать протестомъ,—что британское правительство не можетъ одобрить

принципа, по которому было сдѣлано это вторженіе. Потомъ, когда пармскій народъ, страдавшій тогда подъ самымъ дурнымъ правительствомъ, подъ властью самой дурной аристократіи и самаго дурнаго духовенства въ цѣлой Европѣ, хотѣлъ улучшить свое положеніе, 12,000 австрійскаго войска вошли въ эту страну, чтобы не допустить народъ къ улучшенію своихъ учрежденій. Въ 1831 году опять было такое же вмѣшательство; правда, былъ данъ совѣтъ папѣ, но въ тоже время были употреблены насильственныя средства. Въ 1848 году тосканскій народъ, среди общаго хаоса и смятенія, господствовавшаго на континентѣ, сталъ недоволенъ своимъ кроткимъ правительствомъ и учредилъ республику; но скоро онъ раскаялся въ своей опрометчивой революціи, уничтожилъ республиканское правленіе и возстановилъ власть великаго герцога Тутъ мы увидѣли примѣръ того, что народъ по собственному согласію желалъ возвратиться къ той кроткой формѣ правленія, которую находилъ сообразнѣйшею съ своимъ довольствомъ и благосостояніемъ; но этимъ не удовольствовались. Большой австрійскій отрядъ вошелъ въ Тоскану и оставался тамъ нѣсколько лѣтъ, безъ всякой надобности и цѣли, кромѣ того, чтобы оскорблять этотъ кроткій и покорный народъ зрѣлищемъ чужеземнаго военнаго господства. И относительно центральной Италіи, о которой говорилъ достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли), надобно замѣтить, что соперничество Франціи было возбуждено именно этими австрійскими вмѣшательствами. Они были причиною того, что въ началѣ царствованія Луи-Филиппа было послано въ Анкону французское войско для противодѣйствія австрійскому вмѣшательству въ другихъ частяхъ Италіи. Въ 1848 году австрійскія войска также вмѣшались въ управленіе легатствами, и французскій отрядъ былъ немедленно посланъ въ Римъ и овладѣлъ Римомъ; и по словамъ почти всѣхъ тогдашнихъ оффиціальныхъ представителей Франціи, это было сдѣлано единственно потому, что Франція не могла допустить Австрію имѣть полную власть надъ Италіей. Но соперничество этихъ двухъ великихъ державъ имѣло результатомъ бѣдствія несчастнаго народа, надъ которымъ военной силой было поставлено правительство самое ненавистнѣйшее ему. Надобно замѣтить, что императоръ французовъ самъ написалъ письмо, въ которомъ указывалъ, какими средствами можно улучшить положеніе римскаго народа,—онъ совѣтовалъ ввести наполеоновскій кодексъ, свѣтскую администрацію и т. п. Но этотъ совѣтъ не былъ принятъ. Австрійское правительство во многихъ отношеніяхъ можно назвать просвѣщеннымъ. Но въ Болоньи и Анконѣ не австрійское правительство, тамъ только австрійское войско, а въ Римѣ французское войско; и этими войсками поддерживается въ Папской Области самое худшее правленіе, какое только существовало въ ней. Кто сомнѣвается въ этомъ пусть прочтетъ сочиненія о Папской Области. Я самъ слышалъ, какъ были разрушены всѣ попытки къ улучшенію. Народъ говорилъ: «дайте намъ свѣтскую администрацію и замѣните чиновниковъ-монаховъ свѣтскими чиновниками». Посланы были свѣтскіе чиновники, но люди такого рода, что бѣдный народъ сказалъ: «дайте намъ опять монаховъ, дайте намъ кардинала или кого угодно, лишь смѣните ихъ». Изъ этого выводятъ доказательство, что народъ не хочетъ свѣтскаго правительства. Такимъ же образомъ выводятъ, что народъ не желаетъ муниципальныхъ учрежденій. До французской революціи были муниципальныя учрежденія и народъ управлялъ многими изъ своихъ дѣлъ. Французы разрушили всѣ эти муниципальныя учрежденія, но замѣнили ихъ хорошею администраціею, или что называется просвѣщеннымъ деспотизмомъ. Съ 1852 года они не имѣютъ ни муниципальныхъ учрежденій, ни просвѣщеннаго деспотизма; они имѣютъ всевозможное взяточничество и притѣсненіе. Два года тому назадъ я читалъ Палатѣ достовѣрное свидѣтельство о томъ, что въ Папской Области сознаніе у преступниковъ вынуждается пыткою. Удивительно ли, что народъ, управляемый такимъ образомъ, при помощи иностранныхъ войскъ, недоволенъ правительствомъ и готовъ на все, лишь бы прекратилось нынѣшнее состояніе! Какъ же помочь этому? Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) говоритъ, что былъ поданъ совѣтъ, чтобы Австрія и Франція придумали мѣры, указали средства къ улучшенію судоустройства и администраціи. Совѣтъ очень хорошъ, но есть планъ, который лучше всякаго другаго: онъ состоитъ въ томъ, чтобы народу дали самому устроить свои законы. Я недавно читалъ брошюру Фарини. Синьоръ Фарини говоритъ: «По парижскому трактату жителямъ Молдавіи и Валахіи

дозволяется собраться для соображенія, какъ устроить свое правленіе. Почему бы намъ не позволить того же? Почему бы жителямъ Романьи не позволить собраться объявить, подъ какими законами они хотѣли бы жить»? Мнѣ кажется, что синьоръ Фарини совершенно правъ; и въ рѣчи королевы вы слышали объявленіе, что представители Дунайскихъ Княжествъ собрались и установили себѣ законы. Я убѣжденъ, что народъ центральной Италіи,—народъ, 500 лѣтъ славившійся въ литературѣ, 500 лѣтъ бывшій просвѣщеннымъ народомъ и потому далеко превосходящій жителей Дунайскихъ Княжествъ,—что этотъ народъ, если иностранныя войска будутъ выведены,—я убѣжденъ, что если это сдѣлается, то народъ Папской Области скоро установитъ такіе законы для своего правленія, результатомъ которыхъ будетъ общее довольство и благосостояніе. Позвольте жителямъ Болоньи, позвольте жителямъ Романьи составить для себя законы, и я увѣренъ, что затруднительность итальянскаго вопроса почти исчезнетъ. Я думаю, что въ такомъ случаѣ не было бы надобности въ кровавой войнѣ, отъ которой, не выиграетъ ихъ свобода и отъ которой, опасаюсь я, едва ли пріобрѣтутъ они независимость. Я согласенъ съ достопочтеннымъ джентльменомъ (Д'Израэли), съ моимъ благороднымъ другомъ (Пальмерстономъ) и со всею Палатою въ надеждѣ, что такое страшное бѣдствіе, какъ война, не посѣтитъ Европу. Я не могу вѣрить, чтобы была достаточная причина для нея. Вы сказали въ парижскомъ трактатѣ и сказали очень благоразумно, что не должно быть никакого вмѣшательства иноземной вооруженной силы въ дѣла Дунайскихъ Княжествъ, въ дѣла Сербіи, иначе, какъ по согласію на такое вмѣшательство всѣхъ державъ, бывшихъ участницами договора. Почему не сказать того же самаго о всѣхъ итальянскихъ государствахъ? Почему не сказать, что ни въ Церковную Область, ни въ Тоскану, ни въ Неаполь не должны вступать иноземныя войска иначе, какъ по согласію европейскихъ державъ? Я не думаю, чтобы какой бы то ни было планъ, составленный австрійскимъ правительствомъ, или французскимъ правительствомъ, для управленія Папскою Областью, могъ имѣть успѣхъ, потому что папское правительство имѣетъ довольно таланта и хитрости, чтобы разстроивать всякія новыя распоряженія и уклоняться отъ нихъ».

С. Билль Брайта, извлеченіе изъ его рѣчи на Бредфордскомъ митингѣ (по отчету Times'а).

«Я предполагаю, что мы всѣ реформеры; нѣтъ человѣка, который не былъ бы за парламентскую реформу. А если каждый за реформу, то зачѣмъ же мы предостерегаемъ народъ противъ обмана? Замѣчали ли вы разсужденія газетъ о реформѣ и образѣ нашихъ дѣйствій въ послѣдніе три мѣсяца? Я готовъ допустить, что выражался не всегда хорошо (нѣтъ, нѣтъ), но все-таки объясненія многихъ газетъ были внушены не честнымъ желаніемъ дружески указать ошибки, въ которыя могъ я впасть, а глубокимъ чувствомъ вражды. Замѣчали ли вы также паническій страхъ, овладѣвшій нѣкоторыми членами Палаты Лордовъ? Эти нобльмены воображаютъ, что нашъ народъ можно удержать отъ стремленія къ великой цѣли, приписывая мнѣ выраженія, которыхъ цѣль я ни мало не одобряю.

«Великій вопросъ, разсуждать о которомъ мы собрались, можетъ быть раздѣленъ на три части:

Во-первыхъ, какъ поступить относительно расширенія границъ избирательнаго права?

«Во-вторыхъ, надобно ли произвести какую нибудь перемѣну въ способѣ подачи голосовъ?

«Въ-третьихъ, какія мѣры надобно принять, чтобы взять депутатовъ отъ мѣстъ и населеній, совершенно неспособныхъ хорошо пользоваться правомъ выбора, и какимъ новымъ или старымъ большимъ городамъ, или промышленностямъ и населеніямъ должны быть потомъ переданы эти депутаты?

«Послѣдній вопросъ будетъ главнымъ предметомъ моей нынѣшней рѣчи; но прежде я долженъ также сказать по нѣскольку словъ о первомъ и второмъ.

«Главное мое возраженіе противъ нынѣшняго ценса въ томъ, что онъ исключаетъ отъ выборовъ многочисленнѣйшій классъ. Жильцы квартиръ въ 10 фунтовъ вообще не принадлежатъ къ сословію, получающему заработную плату. Предметомъ реформы 1832 года было—не дать голоса классу работниковъ. Я не осуждаю этотъ билль или его составителей; я не спорю, что онъ былъ великою мѣрою, какъ первый шагъ нашъ къ распространенію политическихъ правъ въ народѣ; но дѣло въ томъ, что онъ исключаетъ обширный классъ работниковъ, и я утверждаю, что такое исключеніе обида для всѣхъ другихъ честныхъ классовъ и громадная несправедливость къ тому классу, до котораго непосредственно относится. Нѣтъ необходимости, чтобы каждый имѣлъ голосъ; но необходимо, для удовлетворенія здраваго смысла и справедливости, чтобы избирательное право было распредѣлено безобидно и съ возможной соразмѣрностью между всѣми классами націи. Какъ достичь этой цѣли? Я думаю, что мы должны принять какой нибудь широкій и общій, всеобъемлющій принципъ. Я рекомендовалъ, чтобы участіе въ парламентскихъ выборахъ было дано всѣмъ, трудъ которыхъ облагается податью на пособіе бѣднѣйшимъ и безнадежно больнымъ людямъ. Я знаю, что въ Бредфордѣ многіе джентльмены расположены въ пользу того, чтобы голосъ былъ данъ каждому, имѣющему свое домашнее хозяйство. Я не вижу существенной разницы между этими двумя предложеніями, и если я не требую отъ каждаго, расположеннаго въ пользу голоса по хозяйству, идти со мною за голосъ по подати, то самъ я съ величайшимъ удовольствіемъ пойду съ нимъ за голосъ по хозяйству, который онъ предпочитаетъ. Единственная разница между этими двумя основаніями, сколько я могу видѣть, клонится въ пользу принимаемаго мною. Голосъ по хозяйству исключалъ бы каждаго, кто не имѣетъ особенной своей квартиры. Я предполагаю, что приверженцы голоса по хозяйству не желаютъ исключить отъ выборовъ людей, живущихъ на квартирѣ у своихъ друзей. Я принимаю, какъ я говорилъ прежде, тотъ цензъ, который Фоксъ и покойный лордъ Грей предлагали въ 1797 году, лордъ Дергемъ предлагалъ во время билля о реформѣ въ 1832 году и защищали почти всѣ важнѣйшіе реформеры послѣднихъ 60 лѣтъ. Я думаю, что если будетъ установленъ такой цензъ, то во всемъ королевствѣ будетъ чувствоваться невозмутимая увѣренность, что по крайней мѣрѣ въ этомъ вопросѣ парламентъ оказалъ полную справедливость всѣмъ классамъ народа. Я совершенно готовъ принять къ этому общему правилу всякія дополненія, для доставленія участія въ выборахъ лицамъ, желающимъ того, и я увѣренъ, что значительная часть лицъ, пользующихся теперь правомъ выбора, не будутъ вполнѣ довольны никакою мѣрою, которая была бы скупа на отличіе; драгоцѣнное для гражданъ свободной страны. Сильный авторитетъ (газета *Times*) говоритъ мнѣ, что отъ столь обширнаго распространенія ценса возникнетъ опасность. Я кратко опредѣлю дѣйствительную границу предлагаемаго расширенія. Я полагаю, что въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ рабочій классъ составляетъ особенно большую пропорцію населенія, число избирателей увеличится втрое. Но въ очень многихъ другихъ городахъ,—я полагаю во всѣхъ тѣхъ, которые не чисто мануфактурные города, число избирателей увеличится не больше, какъ вдвое; а взявъ вмѣстѣ всѣ города королевства, я думаю, что расширеніе будетъ почти въ два съ половиною раза сравнительно съ нынѣшнимъ числомъ избирателей. Могутъ сказать, что и это очень большое расширеніе, могутъ говорить: «кто знаетъ, что сдѣлаютъ новые избиратели». Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ? (хохотъ). Я совершенно увѣренъ, что изъ членовъ парламента нѣкоторымъ прійдется измѣнить тарифъ своихъ мнѣній, или они не попадутъ въ новый парламентъ (хохотъ и аплодисменты). Есть другіе члены, которыхъ полезно будетъ сохранить въ парламентѣ, но которые найдутъ свое положеніе въ немъ измѣнившимся. Но я полагаю, что вообще новыя избирательныя корпораціи будутъ дѣйствовать по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, которыми руководятся нынѣшніе избиратели. Или вы боитесь, что на улицахъ у васъ будутъ безпорядки? Вы слышали, что когда было предложено (въ 1832 году) дать двухъ депутатовъ городу Лидсу и установить десяти-фунтовый цензъ, былъ банкиръ, который объявилъ, что будетъ не безопасно имѣть банкъ въ этомъ городѣ и что, если это предложеніе будетъ принято, онъ долженъ будетъ перенести свой банкъ,—вѣроятно,

въ какую нибудь деревушку. Всѣ толки о безпокойствахъ отъ людей, имѣющихъ голосъ на выборахъ,—возникаютъ изъ незнанія, рѣшительно непонятнаго. Я всегда полагалъ, что голосъ на выборахъ—символъ нравственной силы, въ противоположность физическому насилію. Я всегда полагалъ, что когда человѣкъ имѣетъ право подать свой голосъ, то мысль о насиліи исчезаетъ изъ его ума и дубина выпадаетъ изъ его рукъ (аплодисменты). Но мнѣ говорятъ, что новые избиратели поглотятъ нынѣшнихъ избирателей. Одинъ изъ моихъ лондонскихъ друзей писалъ мнѣ: «возбуждаютъ мнѣніе или опасеніе, что вашъ цензъ поглотитъ лавочниковъ, и лавочники поднимаются противъ васъ». Но что говорили въ 1832 году? Говорили: не должно вводить въ цензъ лавочниковъ, потому что лавочники поглотятъ кого-то выше ихъ (хохотъ и аплодисменты). Я не думаю, чтобы булочники, бакалейщики и другіе лавочники въ Бредфордѣ или какомъ нибудь другомъ городѣ, составляли заговоръ для поглощенія людей съ большими капиталами, какъ напримѣръ оптовыхъ торговцевъ, мануфактуристовъ и т. д.; а если вы спуститесь по лѣстницѣ богатства, вы сойдете къ людямъ той же самой плоти, тѣхъ же фамилій, съ тѣми же интересами, тѣми же надеждами и опасеніями, къ людямъ читающимъ тѣ же газеты, узнающимъ изъ нихъ тѣ же факты. Вы можетъ быть не знаете, что при нынѣшнемъ цензѣ люди, занимающіе квартиры отъ 10 до 25 фунтовъ, составляютъ гораздо болѣе половины всѣхъ избирателей; но эти люди, съ цензомъ менѣе 25 фунтовъ, не дѣлали ничего такого, чтобы поглотить людей съ цензомъ выше 25 фунтовъ. И когда цензъ спустится до 3 фунтовъ, или до голоса по хозяйству, или по подати, я думаю, что подобное опасеніе окажется такою же совершенною нелѣпостью, какъ оказалось опасеніе отъ ценза, установленнаго реформою 1832 года.

«Есть еще вопросъ о цензѣ для графствъ. До сихъ поръ онъ былъ, какъ говорится, болѣе консервативнаго характера, чѣмъ цензъ въ городахъ. До реформы 1832 года онъ былъ основанъ на поземельной собственности; теперь онъ установленъ въ 50 фунтовъ наемной платы. Уже много лѣтъ предлагалось понизить его до той нормы, какъ въ городахъ. Я полагаю, что таково мнѣніе большинства настоящей Палаты Общинъ. Я думаю, что такой цензъ найдетъ много сочувствія и въ городахъ, и въ графствахъ. Я вовсе не намѣренъ защищать или предлагать такихъ мѣръ, которыя были бы далеко впереди общественнаго мнѣнія; напротивъ, я хочу идти наравнѣ съ нимъ и дѣйствовать согласно съ нимъ; потому буду совершенно доволенъ учрежденіемъ во всѣхъ графствахъ 10-ти фунтоваго ценза.

«Когда всѣ эти люди, не бывшіе избирателями, получатъ голосъ, важнымъ становится вопросъ, какъ они будутъ подавать голосъ: такъ ли, какъ подавался голосъ до сихъ поръ, или могутъ получить обезпеченіе и защиту отъ посторонняго вліянія и угрозъ черезъ введеніе баллотировки. Почти во всѣхъ странахъ, гдѣ есть представительная система, выборы производятся посредствомъ баллотировки. Помнится, я читалъ у какого-то историка Соединенныхъ Штатовъ,—надѣюсь, что никто не испугается ссылки на Соединенные Штаты (хохотъ), что свобода представительныхъ учрежденій зависитъ отъ баллотировки (аплодисменты). Люди богатые, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень храбры (хохотъ),—не нуждаются въ баллотировкѣ и не требуютъ ея; но почти всѣ тѣ, которые не богаты, считаютъ ее совершенной необходимостью, чтобы можно было имъ честно исполнять свою общественную обязанность на выборахъ (аплодисменты). Я думалъ бы, что скорѣе надобно принять во вниманіе мнѣніе тѣхъ, которые чувствуютъ необходимость баллотировки, нежели мнѣніе тѣхъ, для кого она всегда не будетъ важна. Опыты послѣднихъ 20 лѣтъ въ парламентскихъ выборахъ убѣдили меня, что я не доставлю никакой пользы моимъ согражданамъ, которые вновь получатъ право голоса, если право голоса будетъ имъ дано безъ защиты баллотировкою. Я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что баллотировка будетъ принята въ скоромъ времени (аплодисменты). Теперь въ Палатѣ Общинъ болѣе 230 членовъ, подававшихъ голосъ за баллотировку; и каждые выборы до новой парламентской реформы будутъ увеличивать это число; а выборы послѣ реформы, если бы даже было возможно парламенту принять реформу безъ баллотировки, очень сильно увеличили бы число такихъ членовъ; и я совершенно увѣренъ, и полагаю, что точно также увѣренъ

каждый разумный человѣкъ въ Палатѣ Общинъ, что теперь баллотировка почти въ рукахъ избирателей (аплодисменты).

«Перейдемъ теперь къ вопросу о распредѣленіи депутатовъ. Въ прежнихъ моихъ рѣчахъ я говорилъ объ этомъ только въ общихъ выраженіяхъ, потому что, вы сами увидите, никакихъ подробностей нельзя было сказать объ этомъ предметѣ, иначе какъ внимательно разсмотрѣвъ списокъ городовъ съ ихъ населеніемъ. Чтобы видѣть, у какихъ городовъ надобно взять депутатовъ, надобно было прежде сдѣлать внимательныя и подробныя изслѣдованія. Когда я ѣхалъ сюда, меня спросили, могу ли я сказать, каковъ будетъ билль правительства? Спрашивавшій меня объ этомъ былъ молодъ въ политикѣ. Я не посвященъ въ тайны министерства, но воспользуюсь случаемъ сказать, что ни одно изъ моихъ рѣшеній не было принято по чувству какой нибудь враждебности къ министерству лорда Дерби. Я знаю, что одна партія старается нанести уронъ другимъ и что почти каждое слово, сказанное человѣкомъ въ моемъ положеніи, можетъ быть перетолковано въ разныхъ смыслахъ; но опытъ учитъ меня, что когда идетъ вопросъ о правительственныхъ формахъ, когда надобно осуществить въ законѣ великій принципъ, то, если вы желаете имѣть на вашей сторонѣ правительство, сердце и совѣсть народа, необходимо вамъ идти дорогою независимою отъ обѣихъ партій, идти прямымъ путемъ не къ цѣлямъ партій, а къ великой цѣли, къ которой стремится ваша мысль и мысль націи (аплодисменты).

Такъ вотъ есть разные способы произвести распредѣленіе депутатовъ, если будетъ новое распредѣленіе. Во-первыхъ, правительство или кто нибудь другой можетъ предложить, чтобы всѣ маленькіе города, которымъ никто не хочетъ оставлять особенныхъ депутатовъ, все таки удержали право выбирать депутатовъ въ соединеніи съ двумя или тремя деревенскими приходами, населеніе которыхъ вмѣстѣ съ населеніемъ такого маленькаго города составило бы цифру довольно значительную. Въ такомъ случаѣ и не было бы перемѣщенія депутатовъ. Мы имѣемъ такіе опыты въ нѣсколькихъ городахъ. Есть маленькій городъ, въ которомъ по улицамъ растетъ трава; по сосѣдству на 5 или на 6 миль во всѣ стороны двѣ три деревушки, нѣсколько фермъ, на каждой по нѣскольку жителей, гдѣ нибудь лавочка мастера, дѣлающаго колеса и т. д.,—все это, сложенное вмѣстѣ, составляетъ парламентскій городъ и милордъ *N* или мистеръ *N*., который тутъ случится землевладѣльцемъ всего округа, одинъ составляетъ собою въ сущности всю избирательную корпорацію (хохотъ). Намъ не стоитъ и безпокоиться хлопотами о реформѣ, если мы желаемъ удовлетвориться биллемъ такого рода. Лучше ужь намъ оставаться при нынѣшнемъ [1]).

«Можно поступить съ маленькими городами другимъ образомъ. Можно соединить два или три вмѣстѣ, если они довольно близко, и тогда составится избирательная корпорація; болѣе многочисленная чѣмъ нынѣ, а въ тоже время опростаются нѣсколько депутатскихъ мѣстъ для раздачи по большимъ городамъ. Но такое группированіе имѣетъ большія неудобства. Каждый, кто былъ депутатомъ отъ корпораціи, состоящей изъ нѣсколькихъ городовъ, знаетъ эти неудобства. Въ каждомъ городѣ нужно имѣть особый комитетъ, и если несчастная система, имѣть повѣренныхъ адвокатовъ для управленія выборами, останется, то надобно имѣть въ каждомъ городѣ особеннаго повѣреннаго; а при всѣхъ этихъ хлопотахъ и издержкахъ окажется только, что вы связали вмѣстѣ три мертвыя тѣла въ надеждѣ сдѣлать изъ нихъ одно живое тѣло (хохотъ и аплодисменты).

«Есть еще другой способъ. Можно принять извѣстную норму и взять депутатовъ у всѣхъ городовъ ниже этой нормы; число такихъ маленькихъ городовъ будетъ велико, и депутатовъ, которыхъ вы возьмете у нихъ, вы раздѣлите между большими избирательными корпораціями: половину или три четверти изъ этого числа, или все это число депутатовъ вы можете отдать графствамъ; я долженъ полагать, что такой способъ парламентской реформы не будетъ удовлетворителенъ для массы людей, желающихъ реформы (аплодисменты). Мы очень хорошо знаемъ, что значитъ давать депутатовъ

---

[1]) Этотъ способъ и слѣдующіе способы, опровергаемые Брайтомъ, нравятся старымъ партіямъ.

графствамъ. Мы знаемъ, что черезъ это уничтожилась бы возможность дать депутатовъ тѣмъ большимъ городамъ, участіе которыхъ въ составѣ парламента слишкомъ мало по ихъ населенію, ихъ богатству, ихъ положенію и общей важности ихъ въ государствѣ. Реформа 1832 года дала 63 новыхъ депутата городамъ и, если не ошибаюсь, 65 графствамъ; и я полагаю, что съ той поры до нынѣшняго времени было между людьми, расположенными въ пользу реформы, всеобщее мнѣніе, что реформа 1832 года дала слишкомъ большое вліяніе графствамъ и землевладѣльческой партіи при распредѣленіи депутатовъ. Я прошу васъ и вашихъ согражданъ во всемъ королевствѣ наблюдать за этимъ пунктомъ самыми недремлющими глазами, немилосердно отвергать какой угодно билль, какого угодно правительства, какъ бы ни увеличивалось имъ число избирателей, какъ бы велики въ немъ ни были кажущіяся уступки, если онъ не распредѣлитъ депутатовъ, взятыхъ у маленькихъ городовъ, главнымъ образомъ между большими городами (аплодисменты). Въ этомъ вопросѣ о распредѣленіи депутатовъ именно и есть душа вопроса о реформѣ (новые аплодисменты). Если вы не станете смотрѣть за этимъ, вы будете обмануты, и когда билль пройдетъ, вы можетъ быть обернетесь назадъ и станете горевать, что вы не въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь (вниманіе). Я теперь думаю объяснить, и какъ можно короче, какъ бы я предложилъ поступить относительно ценса, границъ его расширенія, и какъ бы я рекомендовалъ сдѣлать съ распредѣленіемъ депутатовъ (аплодисменты).

«Билль 1832 года наложилъ руку на 56 городковъ и совсѣмъ отнялъ у нихъ депутатовъ; а прежде они выбирали 111 или 112 депутатовъ. Онъ наложилъ руку еще на 30 городковъ, изъ которыхъ иныхъ вы бы не нашли, если бы поѣхали въ тѣ мѣста взглянуть на нихъ (хохотъ). Такъ онъ наложилъ руку еще на 30 другихъ городковъ и взялъ у каждаго изъ нихъ одного изъ двухъ членовъ, и опросталъ еще два мѣста соединеніемъ трехъ или четырехъ городковъ. Всего опросталъ онъ 143 депутатскихъ мѣста. Вотъ, я предлагаю поступить по тому же правилу, какъ билль 1832 года, но ступить немножко дальше, впрочемъ, надѣюсь, ступить не дальше того, какъ требуется нуждами и желаніями нашей земли. По реформѣ 1832 года были взяты всѣ депутаты у городковъ съ населеніемъ меньше 2,000 человѣкъ; а изъ городковъ съ населеніемъ меньше 4,000 человѣкъ, избиравшихъ по два депутата, былъ взятъ одинъ депутатъ. Въ биллѣ, который былъ предложенъ лордомъ Джономъ Росселемъ, и который, какъ вы знаете, не прошолъ, предлагалось отнять всѣхъ депутатовъ у городковъ съ населеніемъ меньше 5,000 и взять по одному изъ двухъ депутатовъ отъ городковъ съ населеніемъ меньше 10,000. Мы всѣ недавно читали въ газетѣ, чрезвычайно хорошей и пользующейся великимъ вліяніемъ, статью, въ которой давался совѣтъ, какъ поступить теперь. Эта газета была въ послѣднее время не очень ласкова ко мнѣ, да и не очень справедлива,—я не прошу ничего кромѣ справедливости (аплодисменты). Газета *Times* совѣтовала вамъ подняться до 10,000 и взять депутатовъ у всѣхъ городовъ ниже этой линіи; этимъ получалось большое число депутатскихъ мѣстъ для дѣлежа между большими корпораціями. Хорошо. Мнѣ казалось, что мѣра лорда Росселя недостаточна, а поднимать линію такъ высоко, какъ совѣтуетъ *Times*, я не считалъ нужнымъ; и пересматривая таблицу числа избирателей, я нашелъ, что если вы дойдете до 8,000, то всего будетъ ниже этой линіи 56 городковъ, изъ которыхъ 25 посылаютъ по одному депутату, а 31 по два депутата; а всѣ 56 городковъ посылаютъ 87 депутатовъ. Таже статья *Times'а* совѣтовала не давать больше одного депутата городамъ до 25,000 жителей. Я сдѣлалъ свои предположенія не по этимъ совѣтамъ, потому что мнѣ не случалось видѣть статью, когда она была напечатана. Я предполагаю взять депутатовъ у всѣхъ городовъ до 8,000 жителей, потомъ идти до 16,000 и оставить только по одному депутату всѣмъ городамъ до этого числа. Это дастъ вамъ еще 34 депутатскихъ мѣста къ прежнимъ 87, и если вы прибавите еще 4 депутатовъ, потерянныхъ по парламентскому рѣшенію двумя подкупными городами Сентъ-Альбансомъ и Садбери, то вы получите отъ городковъ Англіи и Уэльса 125 опроставшихся мѣстъ. Я хочу объяснить вамъ, какъ надобно бы раздать эти мѣста, въ чемъ и состоитъ сущность дѣла.

(Брайтъ предлагаетъ распредѣлить депутатовъ такъ, чтобы города отъ 16 до

25,000 жителей, имѣющіе теперь по одному или по два депутата, сохранили нынѣшнее число; города отъ 25 до 54,000 жителей должны имѣть по два депутата; изъ нихъ многіе имѣютъ только по одному. Города отъ 54 до 135,000 должны имѣть по три депутата; отъ 135 до 270,000—по четыре депутата. Наконецъ пять самыхъ большихъ городовъ: Манчестеръ, Финсбери, Мерильбонъ, Ливерпуль и Глэзго, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ 1851 году болѣе 316,000 жителей, должны имѣть по шести депутатовъ. Читатель знаетъ, что Лондонъ, по отношеніи къ парламентскимъ выборамъ, раздѣленъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая въ этомъ случаѣ называется особеннымъ городомъ. Финсбери и Мерильбонъ—именно такія части Лондона. Третью часть Лондона, самую многочисленную, Тауэръ-Гемлестъ (болѣе 500,000 жителей), Брайтъ предлагаетъ раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ у каждой будетъ по четыре депутата. По отношенію къ парламентскимъ выборамъ, Лондономъ называется только одна часть этого города, именно Сити. Слишкомъ маленькіе города съ правомъ имѣть особенныхъ депутатовъ находятся почти только въ собственной Англіи съ Уэльсомъ и почти однимъ этимъ изъ трехъ королевствъ доставляются Брайту всѣ упраздняемыя мѣста. Эти упраздненныя мѣста онъ раздаетъ шотландскимъ большимъ городамъ точно также, какъ англійскимъ. Прибавляя число депутатовъ тѣмъ собственно англійскимъ графствамъ, въ которыхъ населеніе особенно велико, онъ по такой же пропорція увеличиваетъ число депутатовъ и отъ ирландскихъ графствъ. Мы опускаемъ много другихъ подробностей, относящихся въ частности къ тому или другому городу, къ тому или другому графству. Довольно сказать, что вообще Брайтъ предлагаетъ поставить равномѣрныя правила для Англіи, Шотландіи и Ирландія, чтобы всѣ три королевства пользовались, по участію въ составѣ Палаты Общинъ, одинаковыми правами, съ уничтоженіемъ прежней несправедливой неодинаковости. Во многихъ случаяхъ онъ не предлагаетъ окончательнаго рѣшенія, говоря, что мѣстнымъ жителямъ надобно предоставить выбрать изъ нѣсколькихъ способовъ распредѣленія тотъ, который найдутъ они удобнѣйшимъ).

«Я боюсь, что разсказъ о содержаніи этихъ списковъ былъ, по необходимости, утомителенъ («Нѣтъ» и аплодисменты), но этого перечня нельзя было избѣжать по той методѣ, которую поставилъ я себѣ для нынѣшнихъ объясненій съ вами. Можетъ быть иные скажутъ, что я предполагаю дать слишкомъ много депутатовъ тѣмъ городамъ, для которыхъ полагаю четырехъ или шестерыхъ депутатовъ. Но я принималъ въ соображеніе не только населеніе, но и цѣнность ихъ имущества и количество налоговъ. Приведу вамъ два или три факта. Я предлагаю дать Манчестеру и Ливерпулю по шести депутатовъ, всего обоимъ городамъ двѣнадцать депутатовъ. Въ 1857 году эти два города платили прямыхъ налоговъ 897,000 фунтовъ, а всѣ тѣ города съ населеніемъ меньше 8,000, у которыхъ я беру депутатовъ,—всѣ эти города, имѣвшіе 87 депутатовъ, сколько налоговъ платили они въ томъ же году? Всего только 221,000 фунтовъ (хохотъ и аплодисменты). Стало быть вчетверо меньше Манчестера и Ливерпуля. Возьмемъ всѣ города до 25,000 жителей. Всѣ они вмѣстѣ платили 857,000 фунтовъ, т. е. меньше Манчестера и Ливерпуля. Потому я не боюсь, чтобы тотъ, кто просмотритъ мои таблицы, упрекнулъ меня, что я даю слишкомъ большое вліяніе населенію или богатству вашихъ большихъ городовъ. Если кто нибудь скажетъ вамъ, что это будетъ вредно, или что это само по себѣ дурно и несправедливо, тотъ или вовсе не хочетъ представительной системы, или вовсе не понимаетъ ея (такъ, такъ!). Когда я предположилъ, или лучше, когда мнѣ предложили и я взялся, быть можетъ опрометчиво (нѣтъ!.. и громкіе аплодисменты), составить билль о реформѣ, я зналъ, какія тутъ представляются затрудненія. Я зналъ тогда, какъ знаю теперь, что при составленіи подобнаго плана нельзя найти неоспоримой нормы, точной нормы, на которой можно было бы остановиться и сказать: «вотъ это именно такъ слѣдуетъ, иначе быть не можетъ». Въ биллѣ 1832 года не было ни одного пункта, не представлявшаго повода къ спору, и каждый пунктъ дѣйствительно оспаривался; и въ биллѣ реформы 1859 года,—будетъ ли это мой планъ или планъ правительства,—каждый пунктъ точно также будетъ подлежать спору. Но я предлагаю своей родинѣ вопросъ не о томъ, сдѣлаете ли вы какія нибудь маленькія пере-

мѣны въ ту или другую сторону въ моемъ планѣ,—я предлагаю вопросъ только о томъ, считаете ли вы въ общихъ чертахъ этотъ планъ, который я составилъ, надъ которымъ я много думалъ, о которомъ я совѣтовался съ нѣкоторыми изъ разсудительнѣйшихъ друзей реформы въ нашей землѣ,—считаете ли вы годнымъ для нашей родины, въ общихъ его чертахъ, въ его цѣлости,—годится ли то, что онъ беретъ большія и свободныя избирательныя корпораціи и даетъ имъ приблизительно справедливую долю вліянія, такую долю вліянія въ великомъ національномъ совѣтѣ, на какую имѣютъ они право (сильные аплодисменты). Нѣкоторые скажутъ вамъ, и на дняхъ же вы прочтете во многихъ газетахъ (хохотъ), что я поступаю съ графствами не справедливо, не пропорціонально ихъ населенію и богатству. Вотъ я вамъ скажу въ немногихъ словахъ свое мнѣніе объ этомъ. За исключеніемъ трехъ или четырехъ графствъ, гдѣ другіе интересы разрослись такъ широко, что переросли землевладѣльческую власть, депутаты отъ всѣхъ другихъ графствъ, какъ вы знаете, просто депутаты землевладѣльцевъ. Это говоритъ о нихъ и лордъ Дерби. Когда-то онъ сказалъ вамъ, что если кто скажетъ ему, каковы политическія мнѣнія трехъ или четырехъ большихъ землевладѣльцевъ какого нибудь графства, онъ берется сказать вамъ, каковы политическія мнѣнія депутатовъ этого графства (хохотъ). Что тутъ спорить,—только спросите какого хотите фермера, они ли выбираютъ депутатовъ въ своемъ графствѣ? Фермеры знаютъ это лучше всѣхъ. И есть одна вещь, которой желаю я чуть ли не больше, чѣмъ всякой другой по этому дѣлу,—именно то, чтобы пришло время, когда честные, умные, постоянно улучшающіе наше земледѣліе англійскіе земледѣльцы стали бы также независимы въ подачѣ голосовъ на выборахъ, какъ соотвѣтствующій имъ классъ городскаго населенія (аплодисменты). Вы читали газеты, вы видѣли ходъ парламентскихъ преній, стало быть, вы не могли не замѣтить, что землевладѣльцы Палаты Общинъ по мнѣніямъ, образу дѣйствій, симпатіямъ и предразсудкамъ находятся въ очень близкомъ союзѣ съ землевладѣльцами Палаты Лордовъ. Вы знаете, что почти всѣ они—люди одного сословія, имѣютъ одинъ интересъ и служатъ представителями одного и того же рода собственности. Пэры—представители землевладѣльцевъ. Сколько пэровъ являются изъ Йоркшира представителями йоркширскихъ землевладѣльцевъ? Не умѣю вамъ сказать, но полагаю, что десяти пальцевъ у меня на рукахъ едва ли бы достало, чтобы сосчитать ихъ (хохотъ). Не скажетъ ли кто, что они не представители землевладѣльцевъ? Я уже предлагалъ этотъ вопросъ и жду отвѣта. Отъ кого же они представители, если не отъ землевладѣльцевъ? Или они представители торговцевъ? Скажите, есть ли въ Палатѣ Лордовъ торговцы? Они представляютъ землевладѣльцевъ. Я читалъ въ какой то газетѣ—не помню теперь, въ какой,—что они не представляютъ ни землевладѣльцевъ, ни кого другаго въ особенности, а всѣ интересы страны и что они сидятъ въ Палатѣ по древнему праву, котораго никто не можетъ отрицать. Я вовсе не отрицаю его, вовсе и не предполагаю тревожить ихъ. Есть у меня здѣсь выписка изъ замѣчательнаго парламентскаго акта, которая покажетъ намъ, чьими представителями служатъ пэры. Это актъ присоединенія Ирландіи къ Великобританіи. Онъ говоритъ: «Двадцать восемь свѣтскихъ лордовъ Ирландіи, избираемые пожизненно пэрами Ирландіи, въ Палату Лордовъ». Шотландскіе пэры также избираютъ 16 пэровъ въ парламентъ. Кого же они представляютъ, какъ не землевладѣльцевъ? (аплодисменты). Они имѣютъ въ своемъ представительствѣ ту огромную выгоду, что не сидятъ съ нами въ Палатѣ Общинъ,—я чуть было не сказалъ, жаль, что они не сидятъ съ нами (хохотъ), тогда по крайней мѣрѣ не возвращались бы они изъ изъ засѣданій въ 7 часовъ и пренія шли бы для нихъ не всегда такъ плавно, какъ въ ихъ ясной атмосферѣ. Они составляютъ особенную Палату одни, и что изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что представляя одинъ интересъ—только одинъ,—они имѣютъ безграничную силу въ защитѣ правъ и привилегій этого интереса; они имѣютъ въ десять разъ больше силы, нежели имѣли бы сидя съ нами въ Палатѣ Общинъ; вы не можете предложить никакого, даже самаго маленькаго, закона, безъ того, чтобы онъ не пошелъ черезъ нихъ, и по конституціи они имѣютъ такое же безусловное право отвергать всякій билль, какъ и сама Палата Общинъ. Вы недавно видѣли на яркомъ примѣрѣ, какъ они поступаютъ: онъ показываетъ, какая у нихъ власть. Я не поручусь,

что онъ показываетъ также и ихъ разсудительность. Корона предположила сдѣлать знаменитаго юриста пожизненнымъ пэромъ. Когда онъ пришелъ занять свое мѣсто въ Палатѣ, они его не допустили. Они начали составлять рѣшенія, назначать комитеты, просто возмутились противъ короны, и корона по совѣту министровъ, которые, кажется мнѣ, обнаружили тутъ малодушіе, уступила имъ и сдѣлала лорда Уэнслиделя не пожизненнымъ, а наслѣдственнымъ пэромъ, и черезъ это повредила своему праву назначать пожизненныхъ пэровъ. Но лорды не удовольствовались тѣмъ, что сказали коронѣ: «ты не можешь ввести въ нашу палату никого, иначе какъ съ принципомъ наслѣдственности». Они также обратились къ Палатѣ Общинъ и сказали: «хотя огромное большинство публики и огромное большинство васъ самихъ, джентльмены, давно желаетъ допустить въ вашу Палату барона Ротшильда, какъ доказываютъ ваши рѣшенія въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ, но, джентльмены, мы запрещаемъ вамъ это» (аплодисменты). Теперь, если графства требуютъ,—впрочемъ они еще не требовали, потому что я еще не видѣлъ большого митинга фермеровъ или земледѣльцевъ, и я не полагаю, чтобы при нынѣшнемъ положеніи вещей фермеры считали особенной выгодой для себя имѣть частые выборы или выбирать побольше представителей отъ своего графства,—но если бы графства потребовали бы и получили бы въ Палатѣ Общинъ пропорцію депутатовъ согласную съ ихъ населеніемъ, то придетъ время, и неизбѣжно придетъ, что города спросятъ: почему же одни только графства, одни большіе землевладѣльцы имѣютъ представителей въ Палатѣ Лордовъ? (сильные аплодисменты). Я не хочу поднимать этого вопроса, я настолько консерваторъ, что желаю сохранить существующія въ мое время учрежденія, пока они могутъ дѣйствовать безъ очевиднаго и серьезнаго время для государственныхъ интересовъ. Будемъ всячески стараться пожить еще съ Палатою Лордовъ; но дадимъ же себѣ дѣйствительныхъ представителей въ Палатѣ Общинъ (аплодисменты). А когда Палата Общинъ дѣйствительно будетъ вашею представительницею, то повѣрьте, лорды проснутся, протрутъ себѣ глаза и замѣтятъ, что во многихъ важныхъ случаяхъ они ошибались. Они не то что откажутся сами отъ себя, но будутъ смотрѣть на народные интересы и народныя симпатіи не тѣми глазами, какъ теперь; да и чувствовать эти интересы поживѣе, нежели теперь, и у васъ надолго будетъ согласіе съ Палатою Лордовъ въ законодательствѣ не меньше нежели прежде (аплодисменты).

«Разсматривая предложеніе мое, надобно намъ спросить у самихъ себя: правда ли, что нынѣшнее представительство очень неудовлетворительно? А если оно неудовлетворительно, то пришло ли время принять мѣры, чтобы сдѣлать его удовлетворительнымъ? Я думаю, вся нація согласна, что нынѣшнее представительство неудовлетворительно. Это говоритъ лордъ Эбердинъ. Это говоритъ лордъ Джонъ Россель. Это говоритъ лордъ Пальмерстонъ, о которомъ впрочемъ его друзья утверждаютъ, что онъ не считаетъ этого дѣла столь важнымъ, какъ другіе государственные люди. Это говоритъ даже лордъ Дерби. Вспомните же, что никогда не бывало у насъ въ Англіи болѣе четырехъ человѣкъ, которые считались годными кандидатами въ первые министры (хохотъ). Всѣ эти высокіе авторитеты сходятся въ мнѣніи, что представительство у насъ неудовлетворительно и что очень пришла пора сдѣлать въ немъ великое улучшеніе. А если пришла пора, такъ должны ли мы приниматься за дѣло, или только ворчать на принимающихся за него? Если мы не сдѣлаемъ его удовлетворительно, такъ лучше намъ и вовсе не приниматься за него. Постоянно тревожить эти вопросы вредно: прочность правительства имѣетъ большія выгоды, хотя бы форма его далеко не имѣла теоретическаго совершенства. Но каждое правительство можетъ быть низвергнуто, каждое государственное устройство можетъ быть разрушено, если постоянно потрясать его. Такъ, однако же намъ нужно такое правительство, которое народъ уважалъ бы, которому онъ довѣрялъ бы. Если вы не хотите получить хорошаго билля, то не нужно намъ вовсе никакого (аплодисменты). Дурной билль—я только повторяю слова, которыя сказалъ три мѣсяца назадъ, когда въ первый разъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ,—дурной билль становится революціоннымъ биллемъ; пустой билль можетъ и не быть революціоннымъ, но толку отъ него нѣтъ, а опасность бываетъ большая. Если будетъ принятъ дурной или пустой билль, вамъ опять придется начи-

нать требованія въ парламентѣ и пренія во всѣхъ концахъ страны, пока, наконецъ, всѣмъ опротивитъ возрастающій недостатокъ симпатіи между управляющимъ классомъ и ими. И тогда можетъ встрѣтиться случай, какой нибудь періодъ раздраженія, когда пэры и управляющій классъ могутъ подвергнуться обращенію гораздо менѣе мягкому, гораздо болѣе суровому, нежели то, что я предлагаю теперь (аплодисменты). Теперь, стоитъ ли мой билль того, чтобы хлопотать о немъ? Стоитъ ли онъ того, чтобы нація сдѣлала усиліе для его полученія? Когда я брался составить билль, я говорилъ, что буду стараться не объ его теоретическомъ совершенствѣ, а о томъ, чтобы онъ былъ осуществимъ, чтобы онъ удовлетворялъ надобностямъ нынѣшняго случая, чтобы самые умѣренные могли склониться къ поддержкѣ его и самые серьезные, самые горячіе могли удовлетвориться имъ. Я представляю вамъ теперь этотъ билль, потому что считаю такую мѣру необходимой, думаю, что ей слѣдуетъ пройти черезъ парламентъ, и думаю, что англійскій народъ такъ поддержитъ его, что парламентъ не откажетъ въ своемъ утвержденіи. Это дѣло въ рукахъ у городовъ Англіи: будутъ ли они составлять рѣшенія, подавать просьбы, будутъ ли они представлять своимъ депутатамъ, каковы ихъ желанія по этому великому вопросу? Разные журналисты рѣшили, что я не государственный человѣкъ. Я никогда не претендовалъ быть государственнымъ человѣкомъ. Я гражданинъ, одинъ изъ васъ (аплодисменты). Я безсиленъ въ этомъ дѣлѣ, если я одинъ. Лордъ Грей, при своемъ высокомъ санѣ, своихъ великихъ талантахъ, своей великой репутаціи, своемъ вліяніи на страну не могъ бы провести билль 1832 года, если бы народъ не потребовалъ въ одинъ голосъ, чтобы этотъ билль сдѣлался англійскимъ закономъ. Не предполагайте, что я останусь одинъ. Если народъ скажетъ свою волю, есть важные люди, симпатіи которыхъ съ нами,—они наблюдаютъ признаки временъ, ждутъ извѣстій о такихъ митингахъ, какъ вотъ этотъ, который будетъ имѣть большое вліяніе на ихъ рѣшеніе. Если есть большая армія, найдутся генералы и полководцы. Не сомнѣвайтесь, между аристократическими фамиліями найдется не одна такая, которая не измѣнитъ своей исторической репутаціи (аплодисменты). Пусть нація скажетъ свою волю, и слово ея навѣрное будетъ исполнено. Лично про себя я скажу, что три послѣдніе мѣсяца я былъ предметомъ многихъ порицаній и большой клеветы; но я перетерпѣлъ все это и прежде по другому дѣлу (аплодисменты). Въ послѣдній разъ передъ этимъ я говорилъ съ Бредфордскими людьми, когда былъ сотрудникомъ человѣка съ глубокою проницательностію, свѣтлымъ сужденіемъ, съ обширнымъ знаніемъ, съ убѣдительною рѣчью. Развѣ мы не подвергались тѣмъ же порицаніямъ, тѣмъ же клеветамъ? А все таки, развѣ мы не получили успѣха и развѣ теперь въ вознагражденіе за все, не имѣемъ мы той дорогой мысли, что нѣтъ на нашей родинѣ руки, отирающей трудовой потъ съ лица, работа которой не была бы облегчена и вознагражденіе которой не было увеличено черезъ тѣ непріятности, которыя мы съ радостью терпѣли? (аплодисменты). Въ своихъ рѣчахъ по этому дѣлу я не нападалъ ни на кого лично. Нашелся шотландскій лордъ, сказавшій большому обществу, что я подвергся наказанію Божію и страдаю разстройствомъ ума. Его друзья пусть скажутъ, можетъ ли онъ когда нибудь подвергнуться такому несчастію (хохотъ). Другой нобльменъ говоритъ, что я разрушитель собственности и измѣнникъ своему сословію. На подобныя слова я не отвѣчаю (аплодисменты). Есть нѣсколько великихъ людей и есть много хорошихъ людей въ рядахъ англійской аристократіи. Есть въ ней такіе люди, которые были бы знатны, хотя бы не было ни отличій, ни привилегій дворянству; но даже и ихъ добродѣтели не могутъ долго поддержать ихъ сословіе противъ опасной защиты, которой оно теперь подвергается (аплодисменты). Потому совѣтую имъ отозвать назадъ воителей, которые каждымъ своимъ подвигомъ обнаруживаютъ соединеніе наслѣдственной знатности съ умственной нищетой и недостатокъ джентльменскихъ привычекъ и правилъ между членами аристократіи (аплодисменты и хохотъ). Я не хочу задерживать хода этихъ великихъ преній личными спорами. Я отряхаю съ себя жалкихъ ругателей, которыхъ натура въ томъ, чтобы лаять и рычать на защитниковъ каждаго великаго и добраго дѣла (аплодисменты). Я обращаюсь къ великой націи въ великомъ дѣлѣ. Это не шутки,—я говорю, потому что убѣжденъ. Все мое краснорѣчіе только въ сердечной любви къ правдѣ, а

факты и доказательства мои доступны уму, говорятъ сердцу моихъ согражданъ (аплодисменты). Я безсиленъ, какъ отдѣльный человѣкъ; мои сограждане—нація, и всесильны; имъ и вамъ я вручаю исходъ и судьбу этого великаго вопроса.

(«Мистеръ Брайтъ возвращается на свое мѣсто при сильныхъ и продолжительныхъ аплодисментахъ»).

Д. статья Times'а о намѣреніи министерства отложить билль о реформѣ.

«Министерство намѣрено произвести любопытный опытъ надъ темпераментомъ публики; этотъ опытъ звучитъ въ англійскихъ ушахъ скорѣе литературнымъ, нежели политическимъ удовольствіемъ. Мы всѣ сочувствуемъ остроумной дамѣ, которая въ продолженіе тысячи ночей съ опасностью жизни развлекала своего владыку; намъ помнится, что еще живѣе сочувствовали мы положенію другой дамы, безпрестанно кричавшей: «сестра Анна, сестра Анна, не видишь ли ты чего-нибудь?» между тѣмъ какъ синебородый мужъ ея стоялъ надъ ней съ занесеннымъ кинжаломъ. Мы можемъ обѣщать себѣ много удовольствія отъ богатой изобрѣтательности мистера Д'Израэли и вѣрнаго такта главы министерства. Сколько разъ прійдется публикѣ услаждаться новыми разсказами о путешествіяхъ Синдбада, о приключеніяхъ новыхъ кривыхъ Календеровъ, или какого нибудь Бармекида, для отвлеченія насъ отъ мысли, что насъ морятъ политическою діэтою! Какъ часто будетъ являться на горизонтѣ облако пыли, за которымъ окажется стадо барановъ, или невинный караванъ! Если есть на свѣтѣ два человѣка, которые могли бы пріятно и не совсѣмъ безполезно оттянуть у націи три или шесть мѣсяцевъ своею болтовнею, мы знаемъ, кто эти люди. Но мы сомнѣваемся въ возможности подобнаго подвига для кого бы то ни было изъ смертныхъ артистовъ. Тяжба языка съ потребностью времени всегда проигранная тяжба. Старый парламентъ вашей молодости имѣлъ очень долгую отсрочку, цѣлыхъ 40 лѣтъ, и великіе авторитеты провозглашали, что скорбь смертная прошла и не будетъ реформы. Но это было только сорокалѣтнее странствованіе въ пустынѣ, и на сорокъ первый годъ пришла реформа и корнямъ и вѣтвямъ. Какъ она оборвала съ парламентскаго дерева гнилые города и искоренила гнилые принципы! Если бы нынѣшнее министерство могло оттянуть это печальное дѣло до послѣдняго года нынѣшняго столѣтія, оно почло бы это немалой пользой. Но ни метафоры, ни прежніе примѣры не даютъ успѣха. Если предъидущій подсудимый получилъ сорокъ лѣтъ отсрочки, изъ этого не слѣдуетъ, что нынѣшній подсудимый получитъ ее. Но правы ли мы, подозрѣвая министерство, что оно бьетъ на проволочку? Навѣрное правы. Оно говоритъ, что билль у него готовъ, и мы вѣримъ тому, вѣримъ также, что билль этотъ не понравился никому въ самомъ кабинетѣ, не говоря уже о людяхъ внѣ кабинета. И не удивительно. Дѣйствительная реформа, по всей вѣроятности, скорбная мѣра, которую только жестокая необходимость можетъ вынудить отъ страдальцевъ, которыхъ произведетъ она непремѣнно легіонъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ выборы въ гнилыхъ городахъ покупались и продавались. Ихъ можно было цѣнить подобно жалованью. И когда заговорили о реформѣ, поднялись громкія требованія о денежномъ вознагражденіи. Въ оправданіе себѣ такое требованіе могло ссылаться на присоединеніе Ирландіи, когда каждый продавецъ выборовъ въ ирландскихъ городахъ получилъ за согласіе плату деньгами, или чѣмъ нибудь стоющимъ денегъ. Теперь выборы въ маленькихъ городахъ тоже имѣютъ свою цѣну: они и теперь даютъ деньги, мѣста, власть, почетное положеніе въ обществѣ, связи, какъ давали прежде. И несчастные хозяева, наслѣдники и жители этихъ городовъ, занимавшіеся своимъ промысломъ, подвергаются такому же убытку, какъ въ прежнюю реформу подвергались владѣльцы Геттома и Ольдъ-Сарума. Ихъ много въ парламентѣ и они готовы защищать свою собственность отъ власти высшей и по выраженію лорда Пальмерстона, отъ власти низшей. Стало быть прежде всего—счетъ голосамъ. Безъ сомнѣнія такъ и сдѣлано, и вѣроятно этотъ счетъ внушилъ лорду Дерби разныя тяжелыя мысли.

«Но согласиться ли этотъ упрямый Рауль-Синяя Борода, англійскій народъ,

пойти на трехмѣсячную проволочку пустыми сказками о волшебныхъ лампахъ и крылатыхъ коняхъ? Это очень сомнительно. Рауль скоро скажетъ: «ты слишкомъ долго молишься, когда же ты кончишь?» Или, какъ мореходцы говорили Аріону: «когда же ты кончишь это слишкомъ длинное соло?» Если даже положить, что лордъ Пальмерстонъ или лордъ Джонъ Россель были бы довольны, что реформа откладывается до послѣдняго параграфа рѣчи, или до послѣдняго мѣсяца сессіи, есть къ несчастію другіе партнеры, у которыхъ ставка въ игрѣ больше. Если бы эти лорды перестали быть реформерами, или были бы оставлены безъ игры, они все-таки остались бы бы лордомъ Джономъ Росселемъ и лордомъ Пальмерстономъ, остались бы тѣмъ самымъ, чѣмъ были прежде. Но Джонъ Брайтъ—или реформеръ или ничто. Пока есть вода для его суровыхъ членовъ и дышитъ онъ волнами—онъ силенъ; отнимите у него воду и онъ умираетъ. У него нѣтъ прочнаго пьедестала, какой дается высокимъ аристократическимъ положеніемъ для потерпѣвшихъ неудачу политическихъ честолюбцевъ. Будьте увѣрены, что онъ не позволитъ легко отдѣлаться отъ себя. Да и зачѣмъ ему позволять? Пока министры откладываютъ въ долгій ящикъ свои предложенія, берегутъ ихъ будто кипу скандалезныхъ мемуаровъ запечатанными до третьяго поколѣнія, они оставляютъ мистеру Брайту и его друзьямъ поле битвы и нѣчто похожее на побѣду. Говорятъ, пары еще не разведены. Членъ министерской партіи, поддерживавшій адресъ, говорилъ своимъ избирателямъ, что никто не требуетъ реформы. «Такъ разводите же пары!» Вотъ пароль дня. И если въ слѣдующіе три мѣсяца не будетъ подброшено довольно дровъ подъ машину, то эти три мѣсяца будутъ непохожи ни на одинъ трехмѣсячный періодъ отъ сотворенія міра. Что тутъ говорить? агитація уже не за дверями парламента. Мистеру Брайту полная возможность предложить, не давая и одного дня отсрочки, что «такъ какъ, парламентская реформа много разъ уже откладывалась и такъ какъ нѣтъ достаточнаго основанія для дальнѣйшей отсрочки, то палата объявляетъ, что она не довольна отлагательнымъ методомъ правительства и желаетъ немедленно заняться важнѣйшимъ дѣломъ нынѣшней сессіи». Такое предложеніе будетъ благоразумно или неблагоразумно, это дѣло расчета; но министры, прежде чѣмъ спокойно объявили Палатѣ, что у нихъ есть хорошій проэктъ, но что они отлагаютъ его на три мѣсяца или больше, должны были бы удостовѣриться, что подобное предложеніе не имѣетъ шансовъ быть принятымъ Палатою. Путь, избранный министерствомъ, не тотъ, который обыкновенно ведетъ къ успѣху въ нашемъ хлопотливомъ мірѣ. Есть на свѣтѣ люди, которыхъ подвиги вѣчно находятся въ обѣщаніи; которыхъ розы вѣчно остаются бутонами; которыхъ лошади всегда все еще въ стойлѣ; которыхъ капиталъ не выходитъ изъ подъ замка; которые вѣчно занимаютъ у будущаго и вѣчно въ долгу. Испанія можетъ быть заплатитъ нѣкогда своимъ кредиторамъ и Мичиганскій штатъ выйдетъ изъ банкротства, но пока, годъ за годъ, они все остаются какими были, и отъ каждаго вѣрнѣе всего ожидать того, что онъ останется какимъ былъ. Люди, хвастающіеся своими будущими сочиненіями *promisores librorum*, составляютъ цѣлое племя, не занимающее виднаго мѣста въ литературѣ; но люди, хвалящіеся будущими великими законами, не менѣе многочисленны и смѣшны.

«Въ парламентѣ и внѣ парламента, мы теперь среди агитаціи. Напрасно говорить, что народу не слишкомъ нужна реформа. На десять миль отъ насъ кругомъ едва ли найдется человѣкъ, которому билетъ въ театръ не былъ бы пріятнѣе билета на участіе въ Лондонскихъ выборахъ. Билетомъ на выборы онъ пожалуй не воспользуется, а билетъ въ театрѣ онъ можетъ передать своему другу или первому встрѣчному трубочисту. Но если каждому лично для себя не дорого участіе въ выборахъ, если тутъ нѣтъ эгоистичныхъ побужденій, то остается общественный вопросъ, остаются всѣ побужденія, которыми движутся общественные вопросы. И развѣ нѣтъ на то причинъ? Во-первыхъ, вопросъ долго отсрочивался и предводители всѣхъ партій замѣшаны въ проволочкѣ. Далѣе, есть очень маленькій параграфъ въ рѣчи королевы, обѣщающій только, что вниманіе парламента будетъ обращено на законы о парламентскихъ выборахъ. Потомъ есть еще ничтожнѣйшее упоминаніе объ этой прискорбной темѣ въ министерскихъ рѣчахъ; потомъ осторожное объявленіе, что ничего не будетъ сдѣлано

до пасхи, или до той поры, пока страна будетъ приведена въ состояніе удовлетворительное, по мнѣнію правительства, Что это значитъ? Людей сажаютъ на діэту передъ опасной операціей. Что же, парламенту будетъ отрѣзана нога или вырванъ дурной зубъ? Подумаешь, что для лорда Дерби мысль о парламентской реформѣ была также страшна, какъ страшны были бы эти тяжелыя конституціонныя операціи. Но когда нервы будутъ болѣе спокойны, кровь менѣе взволнована и все тѣло въ лучшемъ положеніи, нежели теперь?

«Люди, которые безъ надобности откладываютъ мѣру, которую сами признаютъ необходимою, подвергаются отвѣтственности за то, какъ разрастется она въ это время. Проэктъ, изложенный публикѣ (Брайтомъ), не можетъ быть названъ слабымъ; самъ авторъ называетъ его сильною мѣрою. Но развѣ совершенно невозможно пройти въ дѣйствительности еще болѣе сильной мѣрѣ? Напротивъ, это возможно, потому что самые горячіе защитники каждаго изъ проэктовъ, предложенныхъ публикѣ, соглашаются. что ихъ планъ производитъ реформу еще не совершенно полную. Напримѣръ, планъ мистера Брайта не даетъ голоса земледѣльческимъ работникамъ. Посмотрите на массу строящихся зданій,—вы увидите сотню рабочихъ, трудящихся съ большимъ искусствомъ и прилежаніемъ, сильныхъ своею организаціею. Вѣроятно ни одинъ изъ нихъ не получилъ бы голоса, даже по проэкту мистера Брайта. Баллотировка также не составила бы части закона, если законъ будетъ принятъ скоро. Но дайте нѣсколько лѣтъ отсрочки; оставьте вопросъ въ рукахъ нашихъ реформеровъ, дайте имъ распространить убѣжденіе, что безъ нихъ ничего не сдѣлается, и они станутъ безусловными господами положенія. Мы вовсе не увѣрены въ томъ, что не увидимъ реформъ болѣе сильныхъ, нежели всѣ нынѣшніе проэкты, и что дѣло не побѣдитъ насъ всѣхъ. Важнѣйшія вещи дѣлаются въ одинъ день. Учрежденія старой Франціи, подобно Бастиліи, были низвергнуты въ одинъ день. Немного времени было нужно для возвышенія вознагражденія за вестъ-индскихъ невольниковъ до 20,000,000 фунтовъ. Если Палата Общинъ разъ приметъ сторону реформы подъ давленіемъ популярности и необходимости, она не будетъ тогда останавливаться на пустякахъ. Палата Лордовъ можетъ тогда не имѣть даже удовольствія слушать длинныя рѣчи, уступать краснорѣчію или доводамъ: ей придется, можетъ быть, принять билль въ молчаніи и даже въ отсутствіи; тогда будутъ знать, кого винить за это,—не насъ и даже не мистера Брайта. Мы требуемъ такой поспѣшности, которая бы дала обѣимъ Палатамъ время составить удовлетворительный законъ».

E. Митингъ въ лондонской Сити.

(По отчету газеты Manchester Guardian).

«Публичный митингъ избирателей лондонской Сити, созванный лордомъ меромъ по просьбѣ, имѣвшей множество подписей, происходилъ въ субботу 5 февраля въ Гильдейской Залѣ лондонской Ратуши (*Guildhall*). Митингъ былъ многочисленъ; большая часть присутствующихъ очевидно принадлежала къ сословію не участвующему нынѣ въ выборахъ. Президентствовалъ на митингѣ лордъ мэръ, открывшій засѣданіе ровно въ 2 часа.

«Лордъ мэръ началъ занятія митинга объявленіемъ, что согласно требованію, присланному къ нему, какъ главѣ избирательной корпораціи города Лондона, онъ нашелъ полезнымъ созвать митингъ избирателей для обсужденія вопроса о парламентской реформѣ. Милордъ мэръ заключилъ объявленіемъ, что первое рѣшеніе будетъ мотивировать мистеръ Эрнестъ Джонсъ.

«Мистеръ Эрнестъ Джонсъ, котораго приняли съ громкими аплодисментами, выступилъ на переднюю часть эстрады и сказалъ, что хотя лондонская Сити принимается за дѣло позднѣе другихъ городовъ, но зато многочисленный митингъ, собравшійся теперь, придаетъ сильное движеніе дѣлу истинной реформы, и онъ увѣренъ, что примиреніе сословій, къ достиженію котораго онъ ревностно стремился, получитъ болѣе

успѣха и въ будущемъ сдѣлается чѣмъ-то похожимъ на дѣйствительность. Рѣшеніе, которое онъ намѣренъ предложить, таково:

«По мнѣнію настоящаго митинга не будетъ удовлетворительно никакое расширеніе избирательнаго права, которое не дастъ надлежащаго участія въ политической власти всѣмъ сословіямъ общества». Онъ сказалъ, что желаетъ явиться адвокатомъ полнаго и надлежащаго допущенія рабочихъ классовъ къ участію въ выборахъ, при обсужденіи въ парламентѣ какого бы то ни было билля о реформѣ. Онъ сказалъ: «Я не желаю сказать ничего враждебнаго мистеру Брайту, но хочу двинуть его впередъ, чтобы онъ ввелъ въ свой билль право голоса для каждаго взрослаго человѣка, вмѣсто предлагаемаго имъ права голоса для каждаго платящаго подати. Мистеръ Брайтъ сказалъ, что по его биллю число настоящихъ избирателей увеличится въ два съ половиною раза, такъ что избирателей будетъ около двухъ съ половиною милліоновъ; но четыре милліона останутся еще безъ права голоса. На какомъ основаніи, спрошу я, эти четыре милліона должны остаться внѣ конституціоннаго права? Мистеръ Брайтъ сказалъ, что нѣкоторые члены англійскаго населенія ведутъ безпорядочную жизнь, находятся въ зависимости и не трудятся. Я согласенъ съ этимъ и не предполагаю, чтобы когда нибудь рѣшительно каждому человѣку было дано право голоса. Есть разряды людей, которые всегда должны остаться исключенными отъ выборовъ, такъ напримѣръ бродячее населеніе, а иначе организуются толпы, которыя станутъ участвовать въ нѣсколькихъ выборахъ въ одинъ день. Но четыре милліона, исключаемые биллемъ мистера Брайта, навѣрное не всѣ принадлежатъ къ разряду бродячаго населенія, описаннаго мистеромъ Брайтомъ. Скажутъ, что все это люди, находящіеся въ зависимости [1]. Нѣтъ, эти милліоны состоятъ главнѣйшимъ образомъ изъ работниковъ, а мистеръ Брайтъ самъ говорилъ, что работники не находятся въ положеніи людей зависимыхъ. Если же они и зависятъ, то отъ кого зависятъ кромѣ хозяина, у котораго работаютъ? Дайте сословію работниковъ голосъ и дайте ему баллотировку, и тогда вы сдѣлаете ихъ независимыми людьми (аплодисменты). Мистеръ Брайтъ находитъ въ биллѣ реформы 1832 года тотъ недостатокъ, что этотъ законъ перенесъ власть отъ одного класса къ другому и былъ нарочно составленъ такъ, чтобы исключить отъ выбора рабочіе классы. Не впадите же сами теперь въ подобную ошибку (аплодисменты). По предлагаемому мистеромъ Брайтомъ правилу, отъ участія въ выборахъ будетъ исключенъ каждый работникъ, за котораго платитъ подать въ пользу бѣдныхъ хозяинъ, если этотъ работникъ нанимаетъ квартиру дешевле 5 фунтовъ въ годъ. Это, по моему мнѣнію, дурная черта въ биллѣ мистера Брайта и результатомъ ея былъ бы излишній перевѣсъ большихъ городовъ надъ малыми, а городовъ вообще надъ деревнями (аплодисменты). Пока я живъ, я буду противиться такому несправедливому отнятію правъ у работниковъ, какъ у вольныхъ людей (аплодисменты).

«Во всѣхъ большихъ мануфактурныхъ городахъ фабриканты строятъ для работниковъ домики, и если кто изъ такихъ работниковъ потребуетъ, чтобы его внесли въ списокъ платящихъ подать на бѣдныхъ, чтобы черезъ это получить ему голосъ, такой работникъ не найдетъ себѣ мѣста ни на какой фабрикѣ. Стоитъ ли такое расширеніе избирательнаго права того, чтобы хлопотать о немъ? Можно ли возбудить сочувствіе и поддержку отъ среднихъ классовъ въ пользу такого предложенія (нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!). Чѣмъ скорѣе мистеръ Брайтъ узнаетъ, что такое основаніе избирательнаго права отвергается лондонскою Сити и англійскою землею, тѣмъ больше будетъ пользы для мистера Брайта и для всѣхъ, и тѣмъ больше будетъ вѣроятія, что мистеръ Брайтъ предложитъ націи какую нибудь хорошую и соотвѣтственную мѣру реформы (аплодисменты). Я знаю, мистеръ Брайтъ сказалъ, что у него нѣтъ силы дать голосъ этимъ четыремъ милліонамъ. Если у него нѣтъ силы сдѣлать это, почему онъ не обратился къ этимъ четыремъ милліонамъ? Призовите ихъ на помощь. Они такая сила, которой не могутъ воспротивиться никакіе нобльмены. Пусть мистеръ Брайтъ вызоветъ ихъ къ содѣйствію, и посмотримъ, могутъ ли какіе нибудь нобльмены устоять противъ такого могущества (аплодисменты). Если мистеръ Брайтъ не вызоветъ къ

[1] То есть, содержащіеся пособіями изъ подати, взимаемой въ пользу бѣдныхъ.

содѣйствію эти четыре милліона, стану вызывать ихъ я, и слабость органа, требующаго справедливости, не помѣшаетъ пріобрѣтенію права голоса этимъ милліонамъ, исключаемымъ изъ участія въ выборахъ (аплодисменты). Я говорю, что проектъ мистера Брайта въ нынѣшнемъ своемъ видѣ поведетъ только къ тому, что отъ аристократіи власть перейдетъ къ коттонократіи [1]). Я хочу такого билля, по которому голосъ человѣку давался бы на самомъ дѣлѣ, а не въ насмѣшку. Голосъ долженъ быть свободенъ, а онъ не будетъ свободенъ, если станетъ зависѣть отъ собственности другаго человѣка. Теперь, когда голосъ зависѣлъ отъ занятія извѣстной квартиры, онъ не былъ свободенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ занималъ квартиру на наемной фермѣ, или въ домикѣ, принадлежащемъ хозяину фабрики, гдѣ онъ работаетъ. Только при одномъ правилѣ будетъ дана справедливая свобода голоса отдѣльному лицу и справедливое участіе во власти тому собранію отдѣльныхъ лицъ, которое называется націею,—это въ томъ случаѣ, когда голосъ будетъ данъ каждому взрослому человѣку (сильные аплодисменты). Нѣкоторые скажутъ, что реформу, предлагаемую мистеромъ Брайтомъ, реформеры должны принять, потому что она поведетъ къ новой реформѣ. Но я скажу: нѣтъ (аплодисменты). Дать голосъ одному сословію съ исключеніемъ другаго, значитъ только крѣпче запереть дверь доступа рабочему классу къ полученію голоса. Еслибы правило мистера Брайта шло изъ хорошаго основанія, я принялъ бы его; но правило, выходящее изъ ошибочнаго основанія, все равно, что слишкомъ короткая веревка, брошенная утопающему человѣку, который не можетъ достать до нея руками. Партія мистера Брайта думаетъ, что она сильна, а мы слабы,—такъ мы не побоимся же сказать ей: господинъ Брайтъ и господа манчестерскіе люди, вашъ билль негодится, дайте намъ билль, который былъ бы лучше. (Такъ, такъ!—аплодисменты). Нашъ митингъ огроменъ, посмотримъ же, сколько здѣсь изъ насъ хотятъ, чтобы голосъ былъ данъ каждому взрослому человѣку. (Всѣ присутствующіе, за исключеніемъ одного или двухъ человѣкъ, поднимаютъ руки) [2]). Говорятъ, что Англіи угрожаетъ нашествіе. Не давайте обмануть себя крикомъ объ этой опасности. Дѣлаютъ такое умозаключеніе: «континентъ въ опасности, континентъ взволнованъ, потому необходимо намъ обсудить наши оборонительныя средства, прежде чѣмъ станемъ разсуждать о реформѣ; реформа должна подождать, пока мы распорядимся улучшеніемъ нашихъ оборонительныхъ средствъ». Нація много разъ уже попадала въ эту ловушку министерской хитрости; а я на такія отговорки отвѣчаю: «дайте голосъ народу нашей земли; дайте ему политическія права, чтобы ему было что защищать, и тогда никакой иностранецъ не отважится думать о нашествіи на наши берега». Если я успѣлъ склонить митингъ къ принятію моего предложенія, это будетъ важное дѣло; это будетъ плотиной отъ прилива шарлатанскихъ обмановъ, почти уже затопляющаго рабочіе классы Англіи (аплодисменты).

«Мистеръ Петеръ-Альфредъ Телоръ началъ говорить въ поддержку предложенія. Онъ сказалъ: «Я радъ, что имѣю случай возвысить голосъ на такомъ громадномъ митингѣ въ поддержку предоставленія голоса каждому взрослому человѣку. Я выбранъ кандидатомъ въ депутаты Ньюкэстля отъ людей, желающихъ тамъ, чтобы данъ былъ голосъ каждому взрослому человѣку». Мистеръ Телоръ продолжалъ говорить въ защиту такого ценса. «Но, прибавилъ онъ, выражая наши сильныя мнѣнія, намъ должно позаботиться о томъ, чтобы не вносить раздора въ станъ реформы (такъ, такъ!). Я не въ пользу *билля* мистера Брайта, но все, что мы нынѣ дѣлаемъ, послужитъ въ пользу *намѣреній* мистера Брайта. Этотъ почтенный джентльменъ всегда подробно объяснялъ, что лично онъ желаетъ дать голосъ каждому взрослому человѣку, но онъ прибавлялъ, что по правилу благоразумной политики онъ считаетъ нужнымъ, представляя билль Палатѣ Общинъ, представить такой билль, который могъ бы пройти черезъ нее (такъ, такъ!). Потому нынѣшній митингъ поможетъ

---

[1]) Коттонократы, или лорды хлопчатобумажныхъ фабрикъ—выраженіе уже вошедшее въ англійскій языкъ.

[2]) По англійскому обычаю выражать свое согласіе на предложеніе поднятіемъ руки.

мистеру Брайту, хотя почтенный депутатъ сдѣлалъ ту ошибку, что почелъ хорошею политикою требовать меньше, нежели ему нужно (такъ, такъ!).

«Лордъ мэръ предложилъ рѣшеніе митингу и объявилъ, что оно принято единогласно, по удостовѣреніи во мнѣніи митинга черезъ поднятіе рукъ *за* и *противъ*.

«Выраженіе благодарности лорду мэру за предсѣдательствованіе на митингѣ было принято съ громкими аплодисментами.

«Послѣ того митингъ разошелся».

Мартъ 1859.

Миролюбивыя манифестаціи во Франціи.—Выговоръ газетѣ *Presse*.—Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ, при дворѣ и въ сенатѣ.—Письмо къ Геду, статья Монитера и отставка принца Наполеона.—Посольство лорда Коули.—Общественное мнѣніе во Франціи и итальянскіе фанатики.—Проэктъ перемѣнъ въ нынѣшней французской системѣ.—Положеніе итальянскаго вопроса около 3 (15) марта.—Компьенскія увѣренія Пальмерстона.—Парламентская реформа въ Англіи.—Министерскій билль.—Д'Израэли какъ прогрессистъ.—Россель снова становится главою оппозиціи.—Прибытіе неаполитанскихъ плѣнниковъ въ Англію.—Можно ли назвать ихъ страдавшими не по собственной ихъ винѣ.

Въ прошедшій разъ, миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства приходилось намъ перечислять въ параллель съ его объявленіями и оффиціальными актами, имѣвшими воинственное направленіе; каждому дѣйствію его въ одномъ видѣ соотвѣтствовало, почти въ тотъ же день, какое нибудь дѣйствіе, имѣющее противоположный видъ; и мы заканчивали очеркъ только тѣмъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, что въ пять или шесть послѣднихъ дней, входившихъ въ нашъ обзоръ, именно во вторую недѣлю февраля (по новому стилю), миролюбивыя манифестаціи, повидимому, взяли верхъ надъ воинственными; но нельзя еще рѣшить, прочен ли такой оборотъ въ въ наружныхъ дѣйствіяхъ французскаго правительства, а можно только находить, что нѣкоторая продолжительность манифестацій въ этомъ смыслѣ довольно правдоподобна. Такое предположеніе европейскихъ газетъ оправдалось. До того числа, извѣстія о которомъ мы имѣемъ при составленіи нынѣшняго обзора (15 марта новаго стиля), всѣ наружныя дѣйствія и объявленія французскаго правительства были благопріятны сохраненію европейской тишины. Цѣлый мѣсяцъ миролюбивыхъ увѣреній и наружныхъ дѣйствій въ томъ же смыслѣ,—чего же ты хочешь больше Западная Европа? Ты слишкомъ требовательна и недовѣрчива, если тебѣ мало столькихъ оффиціальныхъ ручательствъ за ненарушимость твоего спокойствія.

Послѣ неопредѣлительно миролюбивой рѣчи французскаго императора при открытіи засѣданій законодательныхъ властей (7 февраля) и рѣшительно миролюбивой рѣчи графа Морни, президента законодательнаго корпуса, въ первомъ засѣданіи этого собранія (8 февраля), первою довольно яркою манифестаціею въ пользу мира былъ выговоръ, данный министромъ внутреннихъ дѣлъ газетѣ

Presse, за одну изъ воинственныхъ статей, которыя до той поры ежедневно появлялись въ ней безъ всякихъ непріятныхъ для нея послѣдствій. Статья эта ни мало не превосходила своимъ жаромъ прежнихъ декламацій; не стоитъ она вниманія ни въ какомъ отношеніи; но она послужила пробирнымъ камнемъ для проведенія черты мирнаго зеленаго цвѣта рукою Делангля,—какъ же намъ не присмотрѣться къ произведенію г. Леузонъ-Ледюка, получившаго честь, рубцомъ на своей спинѣ, свидѣтельствовать о сохраненіи европейскаго спокойствія?

По поводу одной книги объ исторіи Италіи за послѣднія десять лѣтъ, знаменитый знатокъ русской исторіи, г. Леузонъ-Ледюкъ, объявляетъ, что Италія излечилась отъ прежнихъ неопытныхъ мечтаній и получила теперь способность дѣйствовать противъ Австріи основательнѣе. Теперь, говоритъ онъ, Италія не такова, какъ въ 1848 и 1849 годахъ.

«Какъ перемѣнились времена! восклицаетъ правдолюбивый защитникъ Италіи. Къ Піэмонту теперь примыкаютъ даже тѣ, которые болѣе всѣхъ другихъ не довѣряли ему, отталкивали его отъ себя съ наибольшей энергіей. *Viva Verdi*,—этотъ символическій крикъ раздается съ одного конца полуострова до другаго,—блистательный симптомъ, если не единства, можетъ быть невозможнаго, то по крайней мѣрѣ общаго сословія, носящаго на своемъ знамени знаменательный девизъ: «независимость и свобода!» Самъ Маццини, этотъ нетерпѣливый агитаторъ, отказываясь отъ исключительности своей системы, присоединяется къ усиліямъ для достиженія общей цѣли. Оставимъ на минуту вопросъ о внутренней организаціи и остановимся на вопросѣ объ освобожденіи отъ иностранцевъ; онъ теперь самый настоятельный. Что значитъ этотъ всеобщій крикъ «*Viva Verdi*»! если не соединеніе къ освобожденію отъ иностранцевъ? Но, говорятъ, достаточны ли будутъ силы одной Италіи для этого? Единодушное возстаніе цѣлаго народа очень могущественный рычагъ. И не приписываютъ ли Австріи силу, которой она не имѣетъ? Вспомнимъ венгерскую войну, особенно вспомнимъ странный составъ Австрійской имперіи. Сколько въ ней самой такихъ элементовъ, которые могутъ развлечь ея силы! Одного движенія у этихъ венгровъ, или у этихъ славянъ, подобно итальянцамъ негодующихъ на габсбургскій скипетръ, было бы слишкомъ достаточно, чтобы принудить итальянскую армію Франца-Іосифа отступить, а кто не предвидитъ вѣроятности такого движенія? И развѣ Италія расчитываетъ только на свои силы для сверженія ига своихъ поработителей? Нѣтъ, она призываетъ на помощь всѣ благородныя націи. Мы боимся вмѣшательства,—почему же? Не должны ли мы скорѣе съ признательностью привѣтствовать представляющійся случай положить наконецъ предѣлъ этой болѣзни, мучащей Европу и задерживающей колесницу прогресса?

«Австрія повсюду поднимаетъ голову въ Италіи, она поднимаетъ голову и внѣ Италіи. Не Австрія ли уничтожила всѣ результаты парижскаго трактата? Не Австрія ли внушаетъ Турціи всѣ ея измѣны, всѣ ея преступленія? Не Австрія ли возмутила союзъ, соединявшій насъ съ Англіею? Война, которая избавитъ насъ отъ этого кошмара, не должна ли быть благословляема между всѣми войнами? Такова война, готовящаяся въ Италіи. Вотъ почему мы смотримъ на нее съ довѣріемъ и спокойствіемъ».

Что замѣчательнаго въ этой статьѣ? Развѣ то, что преднамѣренныхъ ошибокъ въ ней по крайней мѣрѣ столько же, сколько справедливаго. Итальянцы будто бы отсрочиваютъ вопросъ о внутренней организаціи до той поры, пока рѣшится дѣло національной независимости. Какое же ручательство въ томъ? Символическій крикъ viva Verdi! то есть: viva V(ictor) E(mmanuel) R(é) d'I(talia)—„да здравствуетъ Викторъ Эммануэль, король всей Италіи?“

Но, во-первыхъ, вся ли Италія повторяетъ этотъ крикъ? Кажется, онъ слышенъ только въ Ломбардіи и въ Моденѣ; Неаполь, Римъ и самая Венеція, даже и теперь не высказываютъ охоты склониться передъ Туриномъ. Да и въ Ломбардіи можно ли положиться на этотъ „блистательный симптомъ"? Кому не извѣстно, что первоначальный крикъ быстро смѣняется другими по мѣрѣ того, какъ развиваются событія? Въ 1848 году итальянское движеніе началось съ крикомъ „да здравствуетъ папа Пій IX!" А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно пришло къ тому, что Пій IX почелъ нужнымъ бѣжать изъ Рима; и чтобы возстановить его власть, Наполеонъ III, бывшій тогда президентомъ республики, почелъ за нужное послать противъ Рима французское войско, которое до сихъ поръ, вотъ уже цѣлыя десять лѣтъ, стоитъ въ Римѣ. Почему знать, что, возбудивъ итальянское движеніе теперь, какъ Пій IX возбуждалъ его одиннадцать лѣтъ тому назадъ, Викторъ Эммануэль не увидѣлъ бы себя въ необходимости возстановлять свою власть даже надъ наслѣдственными землями тѣмъ же средствомъ, какимъ возстановилось правленіе Пія IX въ Римѣ? Мы уже не говоримъ о Ломбардіи, или Венеціи, или Тосканѣ; но можетъ ли онъ разсчитывать и на преданность значительной части своихъ нынѣшнихъ подданныхъ, если имъ не будетъ нужно молчать о своихъ чувствахъ къ нему изъ опасенія отъ австрійцевъ? Генуя недавно была усмирена только формальною осадою. Теперь она встрѣтила Виктора Эммануэля съ тріумфомъ, но вѣдь это потому, что она хочетъ войны по воспоминанію о 1848 году, когда въ нѣсколько мѣсяцевъ она обогатилась торговлею съ Миланомъ, пока онъ былъ свободенъ отъ австрійцевъ. Она и въ 1848 году желала войны, однакожь это не помѣшало ей, въ свое время, выразить нежеланіе подчиняться Турину. Но теперь, говоритъ Леузонъ-Ледюкъ, самъ Маццини хочетъ помогать сардинскому королю и графу Кавуру. Такъ эта помощь важна? Такъ маццинисты дѣйствительно сильны въ Италіи? Это можно видѣть изъ неосторожныхъ словъ Леузонъ-Ледюка; но чтобы туринскій кабинетъ остался безопасенъ при такой помощи, этому трудно повѣрить. Нынѣ Маццини можетъ быть и не хочетъ мѣшать Кавуру, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы по изгнаніи австрійцевъ онъ не вздумалъ, вмѣстѣ съ генуэзцами, предъявить свои желанія.

Если бы выговоръ былъ данъ за преднамѣренныя ошибки, статья заслуживала бы его; но онъ данъ просто за воинственность. Миролюбивые идеалисты сообразили, что это еще первый выговоръ, данный какой нибудь газетѣ въ министерствѣ Делангля, который очевидно хочетъ прибѣгать къ такому средству только въ случаѣ крайней надобности; тѣмъ больше значенія получала эта экстренная мѣра: если уже Делангль сдѣлалъ выговоръ, значитъ война стала слишкомъ противна видамъ правительства.

Душевная безмятежность, вносившаяся во французское общество такимъ разсужденіемъ, была нѣсколько нарушена циркуляромъ того же самаго Делангля къ префектамъ. Въ немъ онъ говорилъ, „что они должны объяснять рѣчь императора не въ смыслѣ безусловно миролюбивомъ, что есть опасность, которая страшнѣе войны, именно то, когда умы, предавшіеся матеріальнымъ интересамъ (то есть мыслямъ о гибельности войны для народнаго благосостоянія), забываютъ о преданіяхъ чести и патріотизма",—иначе сказать, что

хотя Наполеонъ III хотѣлъ бы сохранить миръ, но національная честь требуетъ войны, и люди, думающіе иначе—самые вредные люди. Циркуляръ заключался приказаніемъ смотрѣть, чтобы провинціальныя газеты говорили въ такомъ тонѣ: „если же не въ силахъ газетъ одушевиться тѣмъ высокимъ языкомъ, какимъ императоръ говорилъ съ Европою, то достоинство ихъ требуетъ не ослаблять его дѣйствія толкованіями, обличающими эгоизмъ или малодушіе", — это значило, что газеты, не желающія склоняться въ пользу войны должны молчать. Этотъ циркуляръ, сдѣлавшійся въ Парижѣ извѣстнымъ (15 февраля), наканунѣ выговора, даннаго Press'ѣ, нѣсколько парализовалъ впечатлѣніе выговора; а еще больше ослабилось оно толкованіемъ о происхожденіи знаменитаго выговора. Говорили, будто бы австрійскій посланникъ сказалъ графу Валевскому, что выѣдетъ изъ Парижа, если не получитъ удовлетворенія за нападки Press'ы на Австрію; такимъ образомъ выговоръ оказывался только дипломатическою учтивостью.

Но эти два небольшія нарушенія миролюбивыхъ симптомовъ были послѣдними отголосками прежней воинственности, да и они оказались неимѣющими важности, какую имъ придали. Выговоръ не былъ просто дипломатическимъ оборотомъ: хозяинъ Press'ы Мильйо вѣроятно осязалъ его серьезность, потому что немедленно продалъ газету, „а то, чего добраго, говорилъ онъ, запретятъ ее". Принцъ Наполеонъ, до сихъ поръ ей покровительствовавшій, сказалъ хозяину, что не въ силахъ защитить ее отъ опасностей. Новый хозяинъ не захотѣлъ служить органомъ воинственной партіи и прежній редакторъ Геру долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, который хочетъ повести ее въ духѣ орлеанской партіи, питающей къ принцу Наполеону и его фамиліи тоже самое чувство, какое прежняя Presse имѣла къ Австріи. Да, расклеивается каждое маленькое дѣло у людей, противъ которыхъ повертывается счастіе въ главномъ дѣлѣ. Хотѣли обуздать вредную ревность союзника,—и что же вышло? органъ, принадлежавшій слишкомъ усердному союзнику, перешелъ въ руки врага. Дѣйствительно ли хотѣлъ Делангль сдѣлать серьезный выговоръ Press'ѣ, или только Валевскій оказывалъ черезъ него дипломатическое приличіе австрійскому посланнику, мы не знаемъ; но какъ бы то ни было, выговоръ получилъ очень серьезную силу. Совсѣмъ не такова была судьба циркуляра: онъ оказался безсильнымъ, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что имъ вовсе не хотѣли шутить. Провинціальныя газеты быть можетъ и замолчали на нѣсколько дней, но уже давно опять говорятъ противъ войны, чуть ли не сильнѣе прежняго.

Явилась оппозиція болѣе опасная, нежели газеты. Въ прошлый разъ мы упоминали о томъ, какъ сильно говорятъ депутаты въ салонахъ противъ войны. Теперь они начали говорить подобнымъ образомъ даже въ залѣ своихъ собраній,—мы ошиблись, еще не въ главной залѣ общихъ собраній, а только въ маленькихъ частныхъ залахъ, гдѣ собираются для комитетскихъ совѣщаній отдѣлы законодательнаго корпуса (бюро) или засѣдаютъ коммиссіи. Самымъ поразительнымъ случаемъ подобнаго рода была встрѣча бюджета. Вотъ какъ разсказываютъ это дѣло. Бюджетъ 1860 года показываетъ число арміи и расходы на нее почти въ такихъ же цифрахъ, какія были въ прошедшемъ году и утверждены для нынѣшняго года. Коммиссія законодательнаго корпуса

по финансовымъ дѣламъ, получивъ новый бюджетъ, объявила, что недоумѣваетъ, какимъ образомъ согласить эти цифры мирнаго положенія съ слухами о войнѣ. „Законодательный корпусъ можетъ заниматься только серьезными цифрами, сказала коммиссія, онъ не захочетъ утверждать такой бюджетъ, къ которому будутъ сдѣланы потомъ прибавки экстренныхъ кредитовъ на веденіе войны“. Поэтому, прежде нежели начать разсмотрѣніе бюджета, коммиссія потребовала у правительства объясненія о томъ, серьезны ли цифры бюджета. Коммиссіонеръ правительства для объясненій съ законодательнымъ корпусомъ по бюджету, Барошъ, долженъ былъ объявить, что цифры бюджета по искреннему убѣжденію правительства не потребуютъ прибавокъ, и что правительство увѣрено въ сохраненіи европейскаго мира.

Депутаты, начинающіе, какъ видимъ, наступательное движеніе, становятся съ каждымъ днемъ смѣлѣе,—т. е. на словахъ, отъ которыхъ еще далеко до дѣла. Даже бывшіе министры Наполеона III, лица самыя близкія къ нынѣшнему правительству, отъ прежней системы почтительныхъ возраженій переходятъ къ такому образу дѣйствій, котораго сами никакъ не одобрили бы мѣсяца за полтора или за два. Напримѣръ, вотъ что произошло между Персиньи и принцемъ Наполеономъ при той церемоніи, когда передавался въ архивъ императорской фамиліи документъ о бракосочетаніи принца Наполеона. Персиньи присутствовалъ тутъ, какъ членъ тайнаго совѣта. Зашла рѣчь о войнѣ. Принцъ Наполеонъ выразилъ пренебреженіе къ трактатамъ 1815 года, сказалъ, что надобно плевать на нихъ (they should le cast to the winds) и освободить Италію въ противность имъ; а если общественное мнѣніе, прибавилъ онъ, противно такой политикѣ, то не надобно смотрѣть на него. Персиньи перебилъ его словами, что подобный образъ мыслей вреденъ, не только для правительства, но и для всего общества; и что подобная политика была бы противна интересамъ Франціи. Потому, продолжалъ онъ громкимъ голосомъ, я всегда буду противиться ей всѣми силами. Разговоръ въ этомъ тонѣ тянулся довольно долго; словомъ сказать, на торжественной церемоніи произошла очень жаркая сцена въ противность всякому этикету.

Не только отдѣльные сановники, подобно Персиньи доказывавшіе, что имѣютъ мужество противорѣчить желаніямъ императора, когда то нужно для его собственной пользы; не только депутаты законодательнаго корпуса, между которыми есть десятка полтора людей независимыхъ, имѣющихъ нѣкоторое вліяніе на толпу своихъ товарищей, дѣлаютъ оппозиціонныя попытки,—даже въ сенатѣ, составленномъ самимъ императоромъ изъ самыхъ покорнѣйшихъ ему людей, начинаютъ слышаться рѣчи очень рѣзкія. По случаю бракосочетанія принца Наполеона надобно было увеличить его содержаніе. Это производится рѣшеніемъ сената (senatusconsult). Покорные члены не могли и думать о томъ, чтобы отвергнуть предложеніе о назначеніи принцу Наполеону требуемой прибавки въ 700,000 франковъ; а между тѣмъ непремѣнно хотѣли выразить свое неудовольствіе на принца. Какъ это сдѣлать? Двое изъ членовъ сената, Кастельбажанъ и Буасси, придумали средство: надобно предложить въ senatusconsult'ѣ измѣненіе такого рода, что 700,000 франковъ назначаются не принцу Наполеону, а просто предоставляются въ распоряженіе императора. Эта очень замысловатая протестація такъ понравилась

сенаторамъ, что наканунѣ преній Парижъ ожидалъ ея принятія большинствомъ сената. Но сами предводители оппозиціи испортили дѣло, слишкомъ понадѣявшись на доблесть своихъ товарищей. Рѣчи, ими сказанныя, были такъ рѣзки, что сенаторы перепугались; и когда дѣло дошло до подачи голосовъ противъ senatusconsult'а въ его первоначальномъ видѣ, оказалось противъ него только два голоса самихъ ораторовъ, а всѣ остальные члены сената благоразумно отступились отъ геройскаго замысла. Результатъ неблистательный; но каковъ бы онъ ни былъ, страшно уже самое появленіе оппозиціонныхъ попытокъ въ вѣрномъ сенатѣ. Потомъ по вопросу о бюджетѣ сенатская коммиссія бюджета точно такъ же требовала объясненій, какъ и коммиссія законодательнаго корпуса.

Можно вообразить себѣ, какъ силенъ ропотъ противъ войны, если даже сенатъ чуть-чуть было не вздумалъ попытаться быть его отголоскомъ. До сихъ поръ увѣряли, что по крайней мѣрѣ французская армія желаетъ войны единодушно. Было извѣстно, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ, напримѣръ Пелиссье, и Канроберъ, противъ войны: но говорилось, что они составляютъ исключеніе. Теперь всѣмъ извѣстно, что изъ генераловъ большая часть противъ войны; что между солдатами также мало охоты идти въ Италію. Только офицеры, особенно штабъ-офицеры, надѣющіеся скорѣе дослужиться до генеральскихъ эполетъ на поляхъ битвъ, желали бы идти въ походъ. Словомъ сказать, даже большинство арміи едва ли не противъ войны. Принцъ Наполеонъ и его прежній органъ, газета „Presse", увѣряли, что лишаясь прежнихъ приверженцевъ въ промышленномъ сословіи, правительство пріобрѣтетъ себѣ усердныхъ защитниковъ между прежними врагами-республиканцами и революціонерами. Эти партіи, ожидающія въ скоромъ времени благопріятнаго случая для рѣшительныхъ дѣйствій, въ послѣднее время держали себя очень осторожно и молчали. Ихъ молчаніе истолковывалось въ смыслѣ согласія. Но вотъ и эта надежда исчезла. Парижскіе республиканцы въ половинѣ февраля собирались у Карно и рѣшили, что они противъ войны. Черезъ нѣсколько дней былъ въ Лондонѣ митингъ французскихъ изгнанниковъ демократической партіи и также объявилъ себя противъ войны.

Положеніе вообще сдѣлалось въ самой Франціи еще гораздо затруднительнѣе, нежели какъ было въ январѣ мѣсяцѣ. Давно уже было извѣстно, что коммерческія палаты по всей Франціи хотятъ подавать просьбы о сохраненіи мира; онѣ имѣли на это слишкомъ много основаній. Не только фонды и другія кредитныя бумаги сильно падаютъ, производя повсюду разореніе, но и вообще торговля остановилась, заграничный отпускъ чрезвычайно уменьшился, фабрики не имѣютъ заказовъ, во всѣхъ торговыхъ городахъ множество банкротствъ. Но вздумали было остановить протестъ торговаго сословія простымъ запрещеніемъ. Черезъ нѣсколько дней оказалось, что запрещеніемъ нельзя утишить недовольство. Тогда самъ императоръ принялъ депутацію одного изъ торговыхъ городовъ и въ отвѣтъ на жалобы сказалъ: „Господа, успокойтесь, миръ не будетъ нарушенъ". (Rassurez vous, Messieurs, la paix ne sera pas troublée). Это было въ половинѣ февраля. Но послѣ того недовольство въ обществѣ расло; оппозиція сановниковъ становилась все сильнѣе; сенатъ совершилъ мужественное дѣло, выслушавъ, хотя съ испугомъ, рѣчи

противъ войны и ея представителя принца Наполеона, наконецъ законодательный корпусъ потребовалъ объясненій относительно бюджета и, не ограничиваясь этимъ, бюджетная коммиссія единодушно предложила сдѣлать новое, еще болѣе рѣзкое нападеніе. Она хотѣла предложить уничтоженіе новаго министерства Алжиріи и колоній, т. е. потребовать отставки принца Наполеона, бывшаго представителемъ воинственности въ совѣтѣ министровъ. Съ половины февраля вражда остальныхъ министровъ къ нему дошла до такой рѣзкости, что онъ три раза требовалъ отставки, т. е. предлагалъ императору выборъ между нимъ и остальными министрами, надѣясь, что его предпочтутъ имъ. Это было дѣйствительно правдоподобно по тѣмъ соображеніямъ, какія мы излагали въ предыдущей статьѣ: Франція можетъ противиться войнѣ, но война необходима для нынѣшней системы. Поэтому носились слухи объ удаленіи въ отставку министровъ, особенно сильно споривших съ принцемъ Наполеономъ. Но съ каждымъ днемъ ихъ положеніе усиливалось, и вотъ наконецъ, 5-го марта, къ общему изумленію, явилось въ Монитёрѣ оффиціальное увѣдомленіе, объявлявшее, что газеты, говорящія о войнѣ вовсе не должны считаться представительницами намѣреній правительства, потому что во Франціи нѣтъ цензуры, слѣдовательно правительство не отвѣчаетъ за мнѣнія журналистовъ. За этимъ увѣдомленіемъ слѣдовала статья, подробно объяснявшая, что Франція не дѣлаетъ никакихъ особенныхъ усилій ни въ арміи, ни во флотѣ. Франція обѣщала помогать Піэмонту, если на него нападетъ Австрія, больше не обѣщала и не хочетъ она ничего. Слухи объ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ—„выдумки, ложь и бредни“. Пѣхотные и конные полки остаются въ комплектѣ мирнаго штата. Покупка 4.000 лошадей для артиллеріи сдѣлана только для ремонта, чтобы привести ее къ нормальному мирному положенію. Работы въ арсеналахъ происходятъ только потому, что надобно исправить артиллерію и флотъ, и если построено нѣсколько новыхъ судовъ, то единственно для обыкновенныхъ сношеній съ Алжиріею или для провоза съѣстныхъ припасовъ въ Чивита-Веккію, или въ Александрію для кохинхинской экспедиціи; потому слухи о войнѣ нелѣпы; выдумываются злонамѣренными людьми; принимаются на вѣру глупцами. Конечно французскій императоръ наблюдаетъ за причинами могущихъ возникнуть несогласій; но разсмотрѣніе этихъ вопросовъ приняло дипломатическій характеръ и надобно думать, что они разрѣшатся мирнымъ соглашеніемъ. Въ то же самое время въ англійскихъ газетахъ явилось письмо императора французовъ къ одному изъ его англійскихъ друзей, мистеру Геду, съ увѣреніемъ въ симпатіи къ Англіи, о которой онъ вспоминаетъ съ глубокою любовью, потому что провелъ въ ней много лѣтъ изгнанія; императоръ всегда былъ поклонникомъ англійской свободы; жаль, что она, какъ все хорошее, имѣетъ крайности. Зачѣмъ она вмѣсто разъясненія истины употребляетъ всѣ усилія для ея омраченія? Только несправедливая вражда англійскихъ газетъ огорчаетъ императора, счастливаго, впрочемъ, тою мыслію, что онъ нашелъ такого добросовѣстнаго и безкорыстнаго защитника, какъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ. Къ этому письму было приложено письмо самого Геда, объяснявшаго, что дѣйствительно только злоязычіе англійскихъ газетъ мѣшаетъ упроченію союза Англіи съ повелителемъ полмилліона солдатъ. Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ эти документы въ томъ самомъ видѣ, какъ они

были напечатаны въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, съ отвѣтами на нихъ газеты Times, къ которой спеціально относилось примѣчаніе, слѣдовавшее въ Монитёрѣ за миролюбивою статьею, въ столбцахъ которой появлялись статьи Геда въ защиту Наполеона, и въ редакцію которой онъ обратился съ просьбою напечатать письмо Наполеона и его комментаріи.

Въ первыя минуты статья Монитёра, изумившая всѣхъ, всѣхъ убѣдила въ рѣшимости императора французовъ кончить дѣло миромъ. Но черезъ нѣсколько часовъ стали говорить, что она еще недостаточна, и тогда вздумали помѣстить въ Монитёрѣ вторую статью, которая бы разсѣяла остающіяся сомнѣнія. Но вечеромъ принцъ Наполеонъ вышелъ въ отставку и объявленіе объ этомъ, явившееся на другой день въ Мониторѣ, было сочтено достаточнымъ усиліемъ миролюбивыхъ увѣреній, такъ что для новой статьи почли излишнимъ слишкомъ высокое помѣщеніе въ Монитёрѣ, а отвели ей мѣсто въ Constitutionnel'ѣ.

Отставка принца Наполеона составляетъ важнѣйшую изъ миролюбивыхъ демонстрацій. Она успокоила многихъ, даже между такими людьми, которые не вѣрили Монитёру. Миролюбивыя французскія газеты заговорили сильнѣе прежняго, и никто имъ до сихъ поръ не мѣшаетъ доказывать, что война была бы безразсудствомъ со стороны французскаго правительства и гибелью для Франціи.

До сихъ поръ мы говорили о симптомахъ, происходившихъ внутри Франціи; теперь посмотримъ, какъ развивался итальянскій вопросъ въ сферѣ дипломатическихъ переговоровъ, и въ какомъ положеніи видятъ себя державы, вовлеченныя въ него Франціею.

Съ самаго начала Англія приняла очень сильное участіе въ раздорѣ Франціи съ Австріею, усиливаясь предупредить войну. Изъ объясненій англійскихъ министровъ въ парламентѣ мы знаемъ, что сенъ-джемскій кабинетъ посылалъ множество депешъ къ отдѣльнымъ дворамъ и нѣсколько циркуляровъ къ кабинетамъ парижскому, туринскому, вѣнскому и нѣкоторымъ другимъ. Общее содержаніе всѣхъ этихъ бумагъ состояло во-первыхъ въ томъ, что Англія совѣтуетъ враждующимъ державамъ сдѣлать взаимныя уступки; во-вторыхъ, и это было главное, она объявляла, что будетъ вооруженною рукою дѣйствовать противъ той стороны, которая первая нарушитъ миръ,—противъ Австріи, если нападетъ на Піэмонтъ Австрія; противъ Франціи, если Франція захочетъ помогать Піэмонту въ случаѣ его нападенія на Австрію. Отъ Австріи никто не ждетъ нападенія, потому очевидно, что дѣйствительный смыслъ грознаго запрещенія относится только къ Франціи. Мы разсказывали въ прошлый разъ, какъ подъ вліяніемъ этихъ увѣщаній, одинъ за другимъ исчезали предлоги къ войнѣ, выставлявшіеся Франціею. Развязалось мирнымъ образомъ сербское дѣло. Франція отыскала новую причину войны въ Папской Области; Англія опять устроила, что исчезъ и этотъ предлогъ: Австрія согласилась вывести свои войска изъ легатствъ, если Франціи дѣйствительно угодно вывесть изъ Рима свои войска. Появился было третій предлогъ,—избраніе Кузы общимъ господаремъ Валахіи и Молдавіи; но черезъ два—три дня исчезъ и онъ: было рѣшено устроить это дѣло посред-

ствомъ конференціи. Казалось бы не легко отыскать четвертый предлогъ, но нашелся и онъ: вдругъ разнеслись слухи, что парижскій посланникъ Англіи, лордъ Коули, черезъ Лондонъ ѣдетъ въ Вѣну посредникомъ по какому-то новому спорному вопросу. По какому же дѣлу онъ ѣдетъ, когда всѣ дѣла уже благополучно кончены? Нѣсколько дней господствовало недоумѣніе; наконецъ узнали, какія требованія привезъ онъ; узнали, что данъ отказъ на нихъ; узнали, что въ Вѣнѣ составлены другія предложенія; что получено на нихъ одобреніе Англіи; что отправлены они въ Парижъ и тамъ имѣютъ вѣроятность быть принятыми. Наконецъ узнали, что по итальянскому вопросу соберется конгрессъ въ Лондонѣ или Берлинѣ.

Эта четвертая французско-австрійская дипломатическая исторія занимала Европу одна, чуть ли не столько же времени, какъ всѣ три прежнія вмѣстѣ: съ половины февраля всѣ толкуютъ о посольствѣ лорда Коули и толки еще не кончились. Въ чемъ же дѣло?

Когда Австрія согласилась вывесть войска изъ Папской Области, то было открыто, что жалобы Франціи противъ нея, по итальянскимъ дѣламъ, не ограничиваются содержаніемъ ея гарнизоновъ въ нѣкоторыхъ земляхъ центральной Италіи, а проистекаютъ также изъ трактатовъ заключенныхъ ею съ Неаполемъ, Тосканою, Пармою, Моденою. Общее содержаніе трактатовъ состоитъ въ томъ, что австрійскія войска должны помогать этимъ правительствамъ въ подавленіи революцій, которыя могли бы вспыхнуть противъ нихъ; а въ вознагражденіе за такую опору итальянскіе правители обязались не дѣлать въ политическомъ устройствѣ такихъ измѣненій, которыя могли бы возбуждать зависть въ ломбардо-венеціанцахъ. Такимъ образомъ, говоритъ Франція, Австрія держитъ подъ своей зависимостью всю Италію, кромѣ Піэмонта; надобно уничтожить эти трактаты. И тутъ опять едва ли встрѣтилось бы серьезное затрудненіе, еслибы это требованіе не скрывало подъ собой новыхъ требованій въ случаѣ согласія на него со стороны Австріи. Трактатъ съ Неаполемъ не нуженъ для Австріи, потому что и безъ всякихъ обязательствъ неаполитанское правительство не имѣетъ никакой охоты давать конституцію; а если бы (чего никакъ нельзя предполагать) серьезно захотѣло дать ее, то никакіе трактаты не помогли бы Австріи противъ государства, имѣющаго болѣе 9,000,000 населенія, т. е. вдвое болѣе чѣмъ Сардинія, и при томъ довольно далекаго отъ австрійскихъ границъ. Что же касается до Пармы, Модены и Тосканы, ихъ привязанность къ Австріи и безъ письменныхъ обязательствъ достаточно прочна по династическимъ отношеніямъ. Изъ-за чего же было бы тутъ серьезно спорить? Но говорятъ, будто Австрія не согласна на отмѣненіе трактатовъ, въ сущности не очень важныхъ. Мы не будемъ останавливаться на догадкахъ о дипломатическихъ тайнахъ, т. е. о мелочныхъ подробностяхъ австрійскаго оффиціальнаго отвѣта: дѣло ясно и безъ всякихъ стараній проникнуть въ секреты. Во-первыхъ, вліяніе Австріи на Италію въ случаѣ отмѣны трактатовъ не изчезнетъ безъ замѣны другимъ иностраннымъ вліяніемъ: Піэмонтъ, руководимый Франціею и служащій ея орудіемъ, почти уже сдѣлавшійся ея вассаломъ, будетъ давать тонъ другимъ итальянскимъ правительствамъ и тонъ этотъ будетъ чисто французскій. По всей вѣроятности, Австрія согласилась бы предоставить

Неаполь, Тоскану и т. д. непринужденному влеченію ихъ сердецъ, но не такъ легко ей отдать Италію подъ вліяніе Франціи. Во-вторыхъ, — и въ этомъ сущность дѣла,—даже и такая уступка не прекратила бы ссору. За четвертымъ требованіемъ явилось бы пятое и т. д., пока вопросъ бы дошелъ до своего кореннаго смысла, до очищенія Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій Австріею съ предоставленіемъ ихъ Піэмонту и съ вознагражденіемъ Франціи за ея хлопоты, или присоединеніемъ Савойи, или основаніемъ вассальнаго французскаго королевства гдѣ нибудь въ Тосканѣ, или въ легатствахъ.

Такимъ образомъ не надобно придавать слишкомъ большой важности ходу оффиціальныхъ переговоровъ о томъ или другомъ вопросѣ, формально выставляемомъ впередъ. Всѣ они въ сущности не болѣе какъ препровожденіе времени въ приличныхъ разговорахъ, между тѣмъ какъ на душѣ у собесѣдниковъ мысли совершенно иного рода, о которыхъ нѣтъ ясныхъ упоминаній въ бесѣдѣ.

Дѣйствительно, мы видимъ, что предметы открытаго несогласія одинъ за другимъ отстраняются,—три уже отстранены; о четвертомъ думаютъ, что Франція и Австрія подошли очень близко къ согласію въ немъ и собирается конгрессъ для разрѣшенія дѣла мирнымъ путемъ. Въ самой Франціи, соотвѣтственно этимъ наружнымъ дипломатическимъ фактамъ и требованію французскаго общества, мирные симптомы взяли въ послѣднее время рѣшительный верхъ надъ военными манифестаціями; прусское правительство формально объявило въ своей палатѣ депутатовъ, что мирное разрѣшеніе возникшихъ затрудненій сдѣлалось правдоподобнымъ. А между тѣмъ надежды на сохраненіе мира теперь едва ли не меньше, нежели до громкихъ мирныхъ манифестацій, которыми ознаменовалось начало марта. Военныя приготовленія во Франціи, Сардиніи, Австріи, Англіи продолжаются съ энергіею, которая увеличивается ежедневно. Въ послѣднее время начала становиться въ оборонительное положеніе и Пруссія, увлекая за собою тѣ второстепенныя государства германскаго союза, которыя не предупредили ее въ этомъ направленіи.

Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь того, что мы говорили въ прошлый разъ о существенныхъ причинахъ угрожающей войны. Мы уже указывали, что онѣ лежатъ въ отношеніяхъ французскаго правительства къ общественному мнѣнію во Франціи и въ нѣкоторыхъ угрозахъ со стороны итальянскихъ энтузіастовъ. Въ дополненіе къ прежнимъ разсказамъ приведемъ нѣсколько случаевъ, сдѣлавшихся извѣстными съ половины февраля. Очень многимъ читателямъ они извѣстны изъ русскихъ газетъ, — но мы и не можемъ имѣть претензіи на сообщеніе новыхъ фактовъ, — газеты всегда будутъ предупреждать насъ въ этомъ отношеніи, и мы желаемъ только облегчать воспоминанія о газетныхъ извѣстіяхъ, приводя ихъ въ связь.

Говорятъ, что маршалъ Пелиссье имѣлъ въ Лондонѣ свиданіе съ Маццини будто бы затѣмъ, чтобы узнать, могутъ ли Франція и Сардинія разсчитывать на содѣйствіе его партіи при войнѣ. Но предполагается кромѣ этой и другая цѣль,—склонить Маццини, чтобы онъ убѣждалъ итальянскихъ революціонеровъ отказаться отъ орсиніевскихъ предпріятій, о которыхъ мы

говорили въ прошлый разъ. Въ дополненіе къ прежнимъ, разсказываютъ о двухъ новыхъ случаяхъ такого рода.

Въ итальянской газетѣ «Opinione» было краткое извѣстіе о какой-то адской машинѣ, посылавшейся въ Парижъ и захваченной таможнею. Съ другой стороны въ парижскихъ газетахъ было извѣстіе о томъ, что принцесса Матильда пріѣзжала къ префекту полиціи взглянуть на какіе-то старинные документы. Эти два отрывочныя обстоятельства парижскій корреспондентъ Daily News объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

«Дней десять тому назадъ (т. е. около 15 февраля н. с.), какъ я знаю изъ вѣрнаго источника, человѣкъ, казавшійся по наружности лакеемъ и одѣтый въ императорскую ливрею, явился на одну изъ станцій желѣзныхъ дорогъ въ Парижѣ и спросилъ три ящика, которыхъ ожидаетъ принцесса Матильда съ поѣздомъ, только-что пришедшимъ въ Парижъ, и на которыхъ должна быть надпись «оставить на станціи до востребованія». Ему сказали, что дѣйствительно прибыли такіе ящики, но только два. Онъ взялъ ихъ, повторивъ, что ожидали трехъ. На слѣдующій день прибылъ третій ящикъ съ такою же надписью. Конторщики желѣзной дороги прямо послали его въ домъ принцессы Матильды на улицѣ *Coursellеs*. Швейцаръ, выслушавъ исторію двухъ другихъ ящиковъ, сказалъ, что онъ ихъ не видѣлъ. Принцессѣ доложили о полученной посылкѣ, и она вышла въ залъ взглянуть на нее. Ящикъ вскрыли при ней и нашли въ немъ бомбы, точно такого же устройства какъ орсиніевскія, только нѣсколько поменьше размѣромъ. Разумѣется, стали страшно безпокоиться мыслею, что два другіе ящика, вѣроятно съ подобною же поклажею, скрываются гдѣ нибудь въ Парижѣ и находятся въ рукахъ заговорщиковъ. Въ этотъ вечеръ или въ слѣдующій было то, что императоръ ѣздилъ въ *Opéra Comique*, причемъ, какъ пишетъ и корреспондентъ одной изъ англійскихъ газетъ, были замѣчены чрезвычайныя предосторожности. Теперь я слышалъ, что при этомъ случаѣ было поставлено на бульварѣ два эскадрона кавалеріи,—количество войскъ совершенно безпримѣрное,—и что пространство около подъѣзда было совершенно очищено отъ народа на необыкновенно большое разстояніе. Причина этихъ предосторожностей теперь очевидна. Едва ли можно сомнѣваться, что принцесса Матильда была въ префектурѣ полиціи по дѣлу, имѣющему связь съ тревожнымъ открытіемъ, о которомъ я разсказываю. Быть можетъ,—впрочемъ объ этомъ еще нѣтъ слуховъ,—что она и ея слуги пріѣзжали взглянуть сходны ли съ полученнымъ ими ящикомъ какія нибудь два другіе, отысканные полиціею. Туринская газета *Opinione*, издающаяся подъ вліяніемъ французскаго правительства, кратко упоминала о ящикѣ съ бомбами, посланномъ на имя принцессы Клотильды. Но я почти совершенно могу ручаться, что достовѣрный разсказъ—тотъ, который передаю я».

Черезъ нѣсколько дней парижскій корресподентъ другой англійской газеты, Manchester Guardian сообщилъ объ этомъ дѣлѣ разсказъ, почти совершенно сходный съ приведенными нами, а въ другомъ письмѣ разсказалъ другой случай, который передаемъ его подлинными словами:

«Назадъ тому недѣли три произошло, говорятъ, загадочное обстоятельство, достовѣрность котораго я знаю. Въ Тюильрійскомъ саду былъ схваченъ и обысканъ человѣкъ, у котораго былъ револьверъ и двѣ или три ручныя гранаты, усѣянныя пистонами въ видѣ рожковъ, какъ на орсиніевскихъ гранатахъ. Разумѣется, его отвели въ тюрьму. Онъ называлъ себя итальянской фамиліей и имѣлъ итальянскій выговоръ. Онъ сказалъ, что можетъ дать полиціи важныя свѣдѣнія, потому что участвуетъ въ тайномъ обществѣ. Но два или три дня онъ былъ очень молчаливъ и наконецъ сталъ просить, чтобы ему дали товарища, говоря, что не можетъ и не хочетъ говорить ничего, пока его станутъ держать въ одиночномъ заключеніи. Ему данъ былъ товарищъ,

одинъ изъ людей, служившихъ при тюрьмѣ, что-то вродѣ архиваріуса или библіотекаря. Тогда итальянецъ раскрылъ или показалъ видъ, что раскрываетъ много тайнъ. Но на другой или на третій день допрашивавшіе чиновники возвратились и объявили ему, что по произведеннымъ дознаніямъ ни одно изъ его словъ не подтвердилось фактами и что ему надобно рѣшиться говорить правду. Онъ сказалъ, что объявитъ ее завтра. Его оставили на ночь въ покоѣ. Но въ четвертомъ часу утра онъ всталъ, взялъ бритву своего товарища и перерѣзалъ себѣ горло. Призванный докторъ нашелъ, что рана сдѣлана съ такою силою, что арестантъ долженъ былъ умереть въ нѣсколько минутъ. Эта исторія мало извѣстна публикѣ; хорошо извѣстна она немногимъ и тѣ различно ее истолковываютъ».

Съ перваго взгляда легко открыть множество поводовъ къ сомнѣнію въ достовѣрности обоихъ этихъ анекдотовъ. Особенно второй имѣетъ неправподобныя черты. Но люди довѣрчивые или мнительные находятъ много причинъ принимать ихъ за истину. Разсказъ туринской газеты, преданной императору французовъ, долженъ былъ явиться не иначе, какъ слѣдствіемъ невозможности опровергнуть слухъ. Посѣщеніе префектуры принцессою Матильдою плохо объясняется желаніемъ разсмотрѣть какіе-то старинные документы; чрезвычайныя предосторожности при посѣщеніи театра императоромъ были приняты конечно не безъ причины. Наконецъ слѣдующій разсказъ, который можно очистить отъ всѣхъ неправдоподоныхъ подробностей, сохранивъ только главную черту, именно арестованіе и самоубійство человѣка, пойманнаго съ орсиніевскими гранатами, служитъ естественнымъ продолженіемъ перваго разсказа, хотя сообщается совершенно другимъ корреспондентомъ. Такъ разсуждаютъ мнительные люди, прибавляя, что должны же быть на чемъ нибудь основаны хотя нѣкоторые изъ подобныхъ разсказовъ, ходящихъ по Парижу въ такомъ большомъ количествѣ.

Достовѣрно то, что итальянскіе фанатики любятъ говорить о томъ, что орсиніевскія попытки будутъ безпрестанно повторяться, пока Наполеонъ III не докажетъ на дѣлѣ своего желанія освободить Италію. Мнительные люди прибавляютъ, что посылка бомбъ, по сообщенному нами разсказу, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда сѣверная Италія прочла миролюбивыя рѣчи императора французовъ и графа Морни; когда разнеслись слухи, что Викторъ-Эммануэль написалъ императору французовъ письмо, жалуясь, что императоръ охладѣваетъ къ итальянскому дѣлу, и высказывая свое намѣреніе отказаться отъ престола, если это дѣйствительно такъ. При этихъ слухахъ, продолжаютъ мнительные люди, нѣкоторыя особенно горячія головы дѣйствительно могли почесть излишнимъ сохранять далѣе систему пощады, принятой всею ихъ партіею; могли подумать, что итальянскій вопросъ уже заглушенъ и пора имъ мстить за свое разочарованіе.

Подобныя размышленія составляютъ одну сторону дѣла; приведемъ два, три факта въ дополненіе къ тому, что говорили въ прошлый разъ о другомъ источникѣ войны, объ отношеніяхъ общественнаго мнѣнія къ внутренней политикѣ. Мы представляли нѣсколько доказательствъ тому, что въ концѣ прошедшаго года оно выражалось очень настойчиво и съ каждою недѣлею его настойчивость возрастала, и что приготовленія къ войнѣ служили средствомъ, чтобы обратить его отъ внутреннихъ дѣлъ на заграничныя; мы прибавляли, что на первое время эта фонтанель подѣйствовала, и что во французскихъ га-

зетахъ за январь вся энергія уходила на итальянскій вопросъ. Само собою разумѣется, что временное отвлеченіе стало терять свою силу, какъ только утратило первую новизну, и въ скоромъ времени тотъ самый предметъ, который долженъ былъ служить отвлеченіемъ, обратился въ новое поощреніе для возвратившейся настойчивости. Вотъ каково напримѣръ заключеніе статьи Journal des Débats о поѣздкѣ графа Коули въ Вѣну:

«Мы не можемъ видѣть французское правительство дѣлающимъ столь великія усилія для пріобрѣтенія этой прекрасной странѣ (Италіи) соединенныхъ благъ порядка и свободы, не обращаясь мыслью къ состоянію нашей страны и не чувствуя желанія, чтобы пришелъ для Франціи день, когда эти два блага стали бы нераздѣльны, когда мы могли бы наконецъ безопасно наслаждаться тѣми драгоцѣнными выгодами, которыя нынѣ съ такимъ усердіемъ хотимъ, какъ говоримъ, дать народамъ, навѣрное не превосходящимъ насъ ни блескомъ ума, ни разсудительностью, ни энергіею, ни славою. Какъ ни суровы были до сихъ поръ испытанія свободы въ нашей странѣ, мы не можемъ вѣрить, чтобы свобода должна была безсильно прозябать въ ней, какъ въ безплодной землѣ, и чтобы французская почва была рѣшительно неудобна для этого благороднаго растенія, столь же необходимаго нашимъ душамъ, какъ хлѣбъ и вино необходимы для нашего тѣла. Мы отвергаемъ безчеловѣчный каламбуръ, присуждающій Францію считать свободу только товаромъ на вывозъ, полезнымъ для другихъ и вреднымъ для ней самой; мы составляемъ себѣ о будущности нашей страны мысль болѣе возвышенную и болѣе отрадную».

Эта статья напечатана въ нумерѣ 3 марта.

Если осторожный Journal des Débats, всегда державшій себя такъ кромно, что не получалъ ни одного выговора, говорилъ такимъ языкомъ еще до уступки, сдѣланной противникомъ правительственныхъ желаній статьею Монитера, то не трудно отгадать, что другія газеты, менѣе дипломатичныя, говорили рѣзче; а послѣ статьи Монитера заговорили еще сильнѣе.

Мы видѣли въ Законодательномъ Корпусѣ и даже въ сенатѣ стремленіе къ оппозиціи. Обѣ корпораціи объявили свое недовѣріе къ бюджету; обѣ требовали у правительства положительныхъ увѣреній въ ненарушимости мира, говоря, что безъ этого не стоитъ и заниматься разсмотрѣніемъ бюджета; Законодательный Корпусъ требовалъ даже удаленія принца Наполеона изъ совѣта министровъ. и принцъ былъ удаленъ и увѣренія даны. Довольно ли всего этого. чтобы судить о томъ, какъ растетъ требовательность общественнаго мнѣнія? Нѣтъ, есть фактъ еще болѣе ясный. Вотъ подлинныя слова парижскаго корреспондента газеты l'Indépendance Belge въ письмѣ отъ 4 марта. Читатель знаетъ, какъ заботится эта газета о томъ, чтобы не подвергаться запрещеніямъ во Франціи, и какъ осторожно помѣщаетъ она парижскія извѣстія.

«Носится слухъ,— я не знаю, какого довѣрія онъ заслуживаетъ,—что въ комитетѣ министровъ обсуждался проэктъ закона въ измѣненіе нынѣшнихъ постановленій о журналистикѣ. Этотъ проектъ долженъ измѣнить нынѣшнее законодательство въ либеральномъ духѣ. Но вотъ что болѣе положительно: г. де-Персиньи, этотъ неутомимый династическій слуга наполеоновской монархіи, приготовляетъ проэктъ конституціи, которому старается пріобрѣсти большинство въ сенатѣ. Одно изъ основаній проэкта измѣненіе статьи, устанавливающей неотвѣтственность министровъ. Г. де-Персиньи хочетъ такой организаціи кабинета, по которой кабинетъ, дѣлаясь фактически-отвѣтственнымъ, становился бы въ тѣснѣйшую связь съ общественнымъ мнѣніемъ».

Предоставляемъ читателю самому выводить заключеніе о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ изъ этого извѣстія. Основная черта парламентскаго правленія состоитъ въ томъ, что министрами назначаются люди, пользующіеся большинствомъ въ собраніи представителей націи (напримѣръ, въ Англіи, Палата Общинъ, въ Пруссіи Палата Депутатовъ, во Франціи Законодательный Корпусъ), и такъ скоро большинство этого собранія перестаетъ поддерживать ихъ, выходятъ въ отставку, уступая мѣсто тѣмъ людямъ, на которыхъ указываетъ большинство. Въ этомъ состоитъ существенный смыслъ такъ называемой отвѣтственности министровъ. Она предполагаетъ, что министры дѣйствуютъ самостоятельно, и потому при парламентскомъ правленіи никогда не говорится формальнымъ образомъ о вліяніи на нихъ монарха для внушенія имъ того или другаго образа дѣйствій: предполагается, что это значило бы компрометировать представителя верховной власти, и предполагается, что онъ не участвуетъ въ столкновеніяхъ между разными партіями, безпристрастно отдавая предпочтеніе той, на сторонѣ которой общественное мнѣніе, выражающееся парламентскимъ большинствомъ. По нынѣшней конституціи этого нѣтъ во Франціи: всѣ дѣйствія министровъ предполагаются исполненіемъ личной воли императора и министры отвѣчаютъ за свои распоряженія ему, т. е. должны сообразоваться съ его желаніемъ, а не съ мнѣніемъ парламентскаго большинства, т. е. министры не обязаны отвѣтственностью передъ представителями націи: не ими вводятся въ кабинетъ, не ими выводятся изъ кабинета. Формальнымъ образомъ въ этомъ состоитъ различіе нынѣшней французской системы отъ той, какая была при Луи-Филиппѣ и какая существуетъ напримѣръ въ Англіи. Такимъ образомъ измѣненіе, предполагаемое Персиньи, имѣло бы тотъ формальный смыслъ, что Наполеонъ III принималъ бы въ своемъ государствѣ такое положеніе, какъ напримѣръ имѣетъ въ своемъ государствѣ королева Викторія. Конечно, отъ формальныхъ постановленій до дѣйствительнаго порядка дѣлъ очень далеко; ясно также, что при данномъ характерѣ и данной предшествовавшей исторіи нынѣшняго правительства подобная перемѣна въ немъ, не только на дѣлѣ, но и по формѣ, не болѣе какъ мечта. Не нужно также доказывать, что если бы ни личный характеръ, ни предшествующая исторія не противились такому измѣненію, оно дѣлалось бы невозможнымъ уже по основнымъ принципамъ существующихъ партій. Въ прежнія времена, и не дальше какъ напримѣръ въ дѣлѣ Монталамбера, защитники нынѣшней французской системы справедливо утверждали, что свободное парламентское правленіе возможно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существованіе династіи прочно и гдѣ политическія партіи спорятъ только о томъ, каковы должны быть министры, ни мало не желая перемѣны въ династіи. Министры и журналисты Наполеона III справедливо утверждали, что положеніе дѣлъ во Франціи не таково, что почти все общество примыкаетъ къ двумъ большимъ партіямъ орлеанистовъ и республиканцевъ, одинаково враждебныхъ нынѣшней династіи, и что въ этомъ состоитъ существенная разница Франціи отъ Англіи. Вспоминая эти справедливыя слова самого Наполеона III и его приверженцевъ, мы видимъ въ проэктѣ Персиньи только благонамѣренную утопію, которая не можетъ имѣть никакого фактическаго значенія. Но утопіи важны въ томъ отношеніи, что показываютъ направленіе мысли въ людяхъ, предающихся имъ,

показываютъ понятія этихъ людей о потребностяхъ своего положенія. Съ этой стороны очень занимателенъ проэктъ Персиньи, который постоянно былъ ближайшимъ изъ друзей Наполеона III и вполнѣ достоинъ этой неизмѣнной дружбы своею преданностью пользамъ императора французовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его проэктъ явился слѣдствіемъ бесѣдъ съ императоромъ французовъ.

Двойственность наружныхъ дѣйствій Франціи возникающая изъ особенности отношеній нынѣшней системы къ состоянію общественнаго мнѣнія, усиленнымъ образомъ отражается на Сардиніи, вовлеченной Франціею въ такое положеніе, которому нужно безотлагательное рѣшеніе. Матеріальныя средства Сардиніи не могутъ долго выносить усилій, требуемыхъ нынѣшними отношеніями. Не только англійская биржа оказалась нерасположенною къ сардинскому займу, но даже фирма Фульдъ, въ Парижѣ не согласилась принять на себя реализацію этого займа, хотя Фульдъ, будучи министромъ государства, покровительствующаго Сардиніи, долженъ былъ бы, скорѣе всѣхъ другихъ банкировъ, согласиться на такую услугу. Графъ Кавуръ принужденъ былъ для покрытія большей половины займа прибѣгнуть къ добровольной національной подпискѣ въ самой Сардиніи. Это удалось, но подписка была не слѣдствіемъ коммерческаго разсчета, который одинъ служитъ надежнымъ источникомъ финансовыхъ средствъ: она была только проявленіемъ энтузіазма, который вообще быстро остываетъ, а въ Сардиніи имѣетъ особенности, не совсѣмъ безопасныя для системы графа Кавура. Сардинскіе энтузіасты не хотятъ знать о причинахъ, принуждающихъ Францію и Піэмонтъ медлить объявленіемъ войны, и каждая миролюбивая манифестація Франціи раздражаетъ ихъ. Потому графъ Кавуръ принужденъ опережать иногда своими распоряженіями желанія императора французовъ, компрометировать его дипломатическіе обороты слишкомъ явнымъ раскрытіемъ общей своей и его непреклонной рѣшимости начать войну. Напримѣръ, послѣдніе нумера полученныхъ нами газетъ заключаютъ распоряженіе о призваніи подъ знамена того разряда сардинскихъ солдатъ, который, постоянно находясь въ отпуску, призывается къ службѣ только передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій. Этимъ распоряженіемъ графъ Кавуръ совершенно убилъ дѣйствіе, на которое была разсчитана статья Монитёра и отставка принца Наполеона. Точно также компрометируется французская дипломатика тономъ сардинскихъ газетъ, даже находящихся подъ вліяніемъ туринскаго министерства. Онѣ прямо говорятъ, что не придаютъ никакого значенія миролюбивымъ манифестаціямъ Франціи и что война не только неизбѣжна, но и никакъ не можетъ быть отсрочена, хотя бы на полгода. Слишкомъ неосторожные союзники раскрываютъ Европѣ даже то, о чемъ для выгоды Франціи слѣдовало бы до времени молчать. Напримѣръ, какой комментарій приложили они къ статьѣ Монитёра? Вотъ какой. Монитёръ говоритъ, что императоръ французовъ обѣщалъ только помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія отъ Австріи. Такъ, сказали сардинскія газеты, но что надобно подразумѣвать подъ этимъ? Уже то самое, что австрійцы собрали много войскъ въ Ломбардію, имѣютъ въ ней грозныя крѣпости и занимаютъ выгодныя стратегическія линіи, должно считаться нападеніемъ. Они грозятъ Піэмонту, стало быть Піэмонтъ, если захочетъ выбить изъ угрожающихъ позицій, будетъ только обороняться, а не нападать.

Графъ Кавуръ оффиціально сказалъ, что онъ самъ такъ думаетъ. Предоставляемъ читателю рѣшить, до какой степени могло быть пріятно для Франціи такое истолкованіе факта, обнародованнаго ею въ доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній. «Мы не хотимъ нападать, мы только обязались помогать Піэмонту защищаться», говоритъ Монитеръ. «Если мы нападемъ на австрійцевъ, мы будемъ только защищаться», объясняетъ Кавуръ. Графъ Кавуръ не дѣлалъ бы такихъ непріятныхъ для Франціи толкованій, если бы могъ удержаться отъ нихъ; но онъ теперь уже не самъ идетъ,—его ведетъ партія лѣвой стороны, на которую онъ опирается въ туринской палатѣ депутатовъ. Но и у этихъ людей, имѣющихъ наклонность къ республиканству и революціонерству, предводители вовсе не лишены политической опытности и навѣрное понимаютъ всю важность дипломатической уклончивости, которую разоблачаютъ и разрушаютъ; какъ же они рѣшаются выставлять тѣ стороны дѣла, которыя надобно бы скрывать, по расчету ихъ союзниковъ? Они уже находятъ, что можно пренебрегать желаніями этихъ союзниковъ; думаютъ, что же держать ихъ въ своихъ рукахъ. Съ половины февраля, не смотря на всѣ миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства, они прямо говорятъ о Наполеонѣ III: Non puo scaparsi — «Онъ не можетъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ». Впрочемъ одушевлены воинственнымъ жаромъ и надѣются выгодъ отъ нынѣшнихъ отношеній къ Франціи только тѣ итальянскіе революціонеры, у которыхъ энтузіазма болѣе, чѣмъ проницательности. Маццини не раздѣляетъ ихъ счастливой увѣренности и совѣтовалъ людямъ своей партіи держаться въ сторонѣ. Дѣйствительно, они уклоняются отъ воинственныхъ манифестацій и стараются удерживать народъ. Такая политика конечно основывается не на разговорахъ съ маршаломъ Пелиссье, если дѣйствительно маршалъ видѣлся съ Маццини: итальянскій агитаторъ въ дипломатическихъ соображеніяхъ вѣроятно проницательнѣе храбраго генерала. Вліянію Маццини приписываютъ то, что въ Римѣ строго сохраняется тишина, и римскій народъ такъ далекъ отъ мысли начинать возстаніе въ настоящее время, что папская полиція почла возможнымъ разрѣшить праздновать карнавала безъ всѣхъ стѣсненій, которымъ нужно было подчинять его во всѣ предъидущіе 10 лѣтъ, со времени возстановленія папской власти. Маццинисты говорятъ: «подождемъ».

Но далеко не всѣ способны къ разсчетливому терпѣнію. Со всѣхъ концовъ Италіи съѣзжаются въ Піэмонтъ пылкіе итальянцы, особенно средняго и высшаго сословій, чтобы сражаться за независимость и свободу отечества. Говорятъ, что въ концѣ февраля въ Сардиніи было уже до 10,000 такихъ волонтеровъ, ожидающихъ только объявленія войны, чтобы стать подъ знамена. Разумѣется, большинство ихъ—ломбардцы. До объявленія войны, Сардинія, связанная особой конвенціей съ Австріей, не можетъ принять ихъ въ свою службу. Но уже составляются изъ нихъ два особые легіона, изъ которыхъ однимъ командуетъ Гарибальди, такъ храбро защищавшій Римъ. Много разсказываютъ анекдотовъ о самоотверженности, съ какою эти благородные мечтатели идутъ въ Туринъ, воображая, что дѣло сардинской арміи — дѣло Италіи. Мы приведемъ только одинъ такой анекдотъ. Герцогство Пармское издавна занято австрійцами, хотя герцогиня, говорятъ, вовсе недовольна такимъ покровительствомъ. Въ концѣ февраля какой-то офицеръ, извѣстный

герцогинѣ своею преданностью къ ея династіи, подалъ въ отставку. Герцогиня удивилась и пригласила его къ себѣ для объясненія. „Какъ, вы покидаете насъ при настоящихъ обстоятельствахъ?“ сказала она. — „Ваше Высочество, мои чувства не измѣнились; но выше васъ для меня — Италія; я принадлежу ей, не гнѣвайтесь на меня. Я ѣду въ Туринъ, снимаю мои эполеты и поступаю рядовымъ солдатомъ въ корпусъ волонтеровъ, который теперь организуется тамъ“. Прибавляютъ, что сама герцогиня, тронутая его энтузіазмомъ, не нашла возраженій противъ этого. Корреспондентъ „Indépendance Belge“, разсказывающій объ этомъ случаѣ, говоритъ, что потомъ должны были распустить цѣлый баталіонъ пармскаго войска, который весь съ оружіемъ и всею аммуниціею хотѣлъ перейти въ Піэмонтъ.

Мы думаемъ, что всѣ эти благородные люди и вмѣстѣ съ ними графъ Кавуръ, патріотизму котораго мы также отдаемъ справедливость, жестоко ошибаются въ своихъ надеждахъ. Впрочемъ мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что войны не будетъ. Напротивъ, никогда не казалась она столь неизбѣжною, какъ теперь. Мы видѣли истинныя причины этой неизбѣжности; мы видѣли, что эти причины усиливаются съ каждымъ днемъ. Шансы столкновеній, которыя послужатъ поводами къ ея начатію, также увеличиваются съ каждымъ днемъ. Волненіе въ Ломбардіи растетъ. Народная манифестація въ Миланѣ при погребеніи молодаго графа Дандоло, извѣстнаго патріота, служитъ докательствомъ тому. Даже въ мирной Тосканѣ агитація такъ сильна, что считаютъ нужнымъ для ея успокоенія дать либеральную конституцію. Очищеніе Рима французскими войсками должно было служить къ тому, чтобы вспыхнуло возстаніе, чтобы римляне пошли противъ австрійцевъ, чтобы австрійцы разбили ихъ и пошли преслѣдовать ихъ къ Риму и тѣмъ нарушили бы недавній трактатъ и подали бы Піэмонту возможность провозгласить войну подъ именемъ собственной обороны. Партія принца Наполеона въ Парижѣ непремѣнно ожидала этого, и когда было объявлено, что французы выходятъ изъ Рима, она радостно говорила: „наконецъ-то занавѣсъ подымается“. Enfin voila la voile levée. Но совѣты Маццини до сихъ поръ удерживали римлянъ отъ волненій. Разумѣется, такой хранитель кажется для папскаго правительства не совсѣмъ надежнымъ, и пока оно будетъ въ состояніи призвать для своей защиты австрійцевъ, оно ищетъ другихъ защитниковъ. Говорятъ, что оно черезъ Христину, мать испанской королевы, проситъ прислать въ Римъ два полка испанцевъ; Неаполь, говорятъ, самъ предлагалъ такую услугу, но нынѣшнія неаполитанскія войска слишкомъ извѣстны своею отличною организаціею и стойкостью въ битвахъ: самъ неаполитанскій король былъ бы мало безопасенъ, еслибъ не было у него швейцарскихъ полковъ; потому и папское правительство, призывая испанцевъ, въ тоже время, нанимаетъ швейцарскій полкъ и вербуетъ ирландцевъ.

Нѣсколько новыхъ фактовъ произошло въ послѣдній мѣсяцъ и на сторонѣ противниковъ Піэмонта и Франціи. Нечего говорить о томъ, что Австрія усиливаетъ свою армію въ Ломбардіи. Constitutionnel преднамѣренно увеличивая эту цифру въ доказательство опасности, угрожающей Піэмонту, съ цѣлью предрасположить умы къ принятію нападенія со стороны Піэмонта за необходимую мѣру защиты, насчитываетъ въ Италіи 177.000 австрійскихъ

войскъ. Но интереснѣе тотъ фактъ, что подтвердились прежніе слухи, говорившіе, что Австрія не только отлично приготовилась къ войнѣ, но и нимало не боится ея, напротивъ увѣрена въ ея успѣхѣ. Молодой императоръ рѣшительно проникнутъ воинственностью и жалуется на своихъ осторожныхъ министровъ: говорятъ, еслибъ не совѣты стариковъ, онъ не сдѣлалъ бы никакой уступки, и война давно бы началась. Впрочемъ и осторожные министры высказываютъ соображенія слѣдующаго рода: „австрійскій императоръ, даже и потерявъ нѣсколько битвъ, даже и потерявъ итальянскія провинціи, все-таки останется австрійскимъ императоромъ; но нельзя сказать того же о вліяніи военныхъ неудачъ на судьбу Наполеона III. Стало быть рискъ войны не противъ насъ“.

Германія утвердилась въ мысли дѣйствовать единодушно. Всѣ второстепенныя государства соединяются съ Пруссіею, которая объявила, что строго исполнитъ обязанности, лежащія на ней какъ на членѣ германскаго союза. Если бы не угрожала опасность Рейну, германскій союзъ вѣроятно не принялъ бы участія въ войнѣ. Но никто не думаетъ, чтобы въ случаѣ итальянской войны могъ быть сохраненъ миръ на Рейнѣ. Если бы даже французы захотѣли ограничить театръ войны Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ, то каждому очевидно, что это не зависѣло бы отъ нихъ.

Пруссія объявила, что дѣйствуетъ въ совершенномъ согласіи съ Англіею, и Западная Европа раздѣлена теперь на два лагеря слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны Франція, Піэмонтъ, быть можетъ, Тоскана и либеральная партія во всѣхъ остальныхъ итальянскихъ областяхъ; съ другой стороны Австрія, Пруссія, всѣ другія нѣмецкія государства и Англія.

Въ Англіи очень можетъ быть, что на дняхъ произойдетъ перемѣна правительства, и вмѣсто кабинета лорда Дерби явится кабинетъ Росселя, или Пальмерстона, или, какъ многіе предполагаютъ, Росселя и Пальмерстона вмѣстѣ. Но если бы нынѣшнее министерство пало и если бы даже, — случай самый благопріятный для французскаго правительства, — главою министерства сдѣлался одинъ лордъ Пальмерстонъ безъ Росселя, все-таки во внѣшней политикѣ Англіи не произошло бы перемѣны, благопріятной для Франціи. Самъ Пальмерстонъ теперь далеко не тѣхъ мыслей, какія, по увѣренію приверженцевъ французскаго правительства, высказывалъ прошлою осенью, когда гостилъ у Наполеона III въ Компьенѣ. Послѣ своего паденія Пальмерстонъ вздумалъ было держаться правила „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись“. Онъ былъ низвергнутъ за излишнюю дружбу съ императоромъ французовъ, и долго думалъ потомъ снова войти въ кабинетъ, опираясь на эту дружбу. Его партизаны увѣряли, что только онъ одинъ въ состояніи поддержать дружбу Франціи съ Англіей, и носились слухи о разныхъ интригахъ со стороны Франціи въ Лондонѣ для возвращенія власти лорду Пальмерстону. Онѣ не удались, и тогда онъ былъ приглашенъ для дальнѣйшихъ совѣщаній въ Компьень, подъ предлогомъ охоты, которую онъ до сихъ поръ очень любитъ. Императоръ французовъ встрѣтилъ его съ такимъ почтеніемъ, какъ встрѣтилъ бы одного изъ сильнѣйшихъ государей Европы, и могущественный лордъ держалъ себя такъ непринужденно, какъ бы хозяинъ былъ чуть ли не его вассаломъ. Извѣстенъ анекдотъ о красной курткѣ. Однажды была устроена охота въ костюмахъ

какой-то старинной французской эпохи. Но лордъ Пальмерстонъ явился въ красной курткѣ, напоминавшей своимъ цвѣтомъ мундиръ англійскаго солдата, не обращая вниманія на распоряженія церемоніймейстера. Погода была ненастная. Кто-то выразилъ опасеніе, чтобы благородный гость не простудился въ своемъ легкомъ платьѣ. „Не безпокойтесь, отвѣчалъ крѣпкій старикъ: — это сукно хорошее. Подъ Ватерлоо, какой шелъ дождь, однакожь оно выдержало". Кому простили бы подобную выходку? Но съ лордомъ Пальмерстономъ были до крайности любезны. Теперь оказывается, что любезность была не даромъ: полгода тому назадъ главою оппозиціи былъ Пальмерстонъ; партія министерства была и тогда, какъ теперь, въ меньшинствѣ; лордъ Дерби держался только помощью Робака и Брайта: стоило примириться съ ними Пальмерстону, лордъ Дерби былъ бы низвергнутъ, главою министерства сдѣлался бы Пальмерстонъ. Не задолго передъ пріѣздомъ его въ Компьенъ Наполеонъ III видѣлся съ Кавуромъ (въ началѣ сентября) и тогда уже былъ рѣшенъ бракъ принца Наполеона и принцессы Клотильды, былъ составленъ союзъ для завоеванія Ломбардіи. Оставалось только обезпечить себѣ разрѣшеніе на это дѣло отъ Англіи, т. е. отъ Пальмерстона, имѣвшаго полную вѣроятность сдѣлаться первымъ министромъ не нынче—завтра. Дѣйствительно, лордъ Пальмерстонъ сказалъ, что не имѣетъ ничего противъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Тогда-то, говорятъ, императоръ французовъ окончательно задумалъ войну и немедленно началъ приготовленія къ ней, которыя предполагалъ онъ кончить къ апрѣлю мѣсяцу. Въ такихъ надеждахъ на лорда Пальмерстона была сдѣлана сцена новаго года австрійскому посланнику. Можно представить себѣ удивленіе и негодованіе въ Парижѣ, когда телеграфъ 3-го февраля принесъ рѣчь Пальмерстона объ итальянскомъ вопросѣ въ первомъ засѣданіи Палаты Общинъ. Пальмерстонъ, котораго предполагали обѣщавшимъ свое содѣйствіе, говоритъ, что нельзя допустить нарушенія трактатовъ, что Англія должна быть противъ той державы, которая отважилась бы нарушить миръ Европы; что не только помогать ей, но даже и сохранить нейтралитетъ Англія не можетъ, если французы вторгнутся въ австрійскія владѣнія. Вотъ что писали изъ Парижа вскорѣ послѣ этого разочарованія. Мы буквально приводимъ слова корреспондента газеты „Manchester Guardian".

„Вы можетъ быть улыбнетесь, узнавъ, что здѣшній придворный міръ въ неописанной ярости противъ лорда Пальмерстона, на котораго благоугодно ему сваливать всецѣлую вину за все происшедшее. Эти люди (и самъ императоръ) неистощимы теперь въ брани на великаго оратора, и распространяемыя ими изобрѣтенія очень занимательны. Они утверждаютъ, что увѣренія, данныя лордомъ Пальмерстономъ императору во время Компьенскаго свиданія, были истинною причиною того, что произошло теперь. Они утверждаютъ, что онъ жарче, нежели кто нибудь, говорилъ о надобности изгнать австрійцевъ изъ Италіи и что онъ совершенно обманулъ Наполеона III. Они не могутъ простить ему его рѣчи, и теперь нѣтъ такого браннаго слова, котораго бы они не прилагали къ человѣку, мѣсяцъ тому назадъ провозглашавшемуся отъ нихъ за идеалъ европейскаго государственнаго мужа".

Неужели лордъ Пальмерстонъ въ самомъ дѣлѣ обманулъ, оказался измѣнникомъ? Мы не имѣемъ къ нему особенной симпатіи, свидѣтельствомъ

тому характеристика его въ январскомъ обзорѣ и тѣ слова, которыя найдетъ читатель нѣсколькими страницами дальше въ этой статьѣ. Но надобно сказать, что въ итальянскомъ дѣлѣ лордъ Пальмерстонъ едвали могъ и хотѣлъ обманывать. А что себѣ онъ не измѣнилъ, это доказывается самою его рѣчью 3-го февраля. Въ ней онъ говоритъ, что пламенно желаетъ освобожденія Ломбардо-Венеціанскихъ областей отъ австрійцевъ, и даже прибавляетъ, что потеря этихъ провинцій была бы выгодна для самой Австріи. Значитъ, онъ не измѣнилъ своимъ Компьеньскимъ словамъ. Въ чемъ же дѣло? Лордъ Пальмерстонъ въ Компьенѣ конечно говорилъ объ изгнаніи австрійцевъ, предполагая освобожденіе занимаемыхъ ими областей, предполагая, что изгнаніе совершится или самими итальянцами, или союзомъ Франціи съ Англіею, которая не дозволитъ этому дѣлу обратиться въ простую замѣну одного иностраннаго господства другимъ. Разумѣется, когда дѣло было начато безъ согласія и участія Англіи, слѣдовательно не въ такихъ видахъ, на которые могъ соглашаться Пальмерстонъ, ему по необходимости пришлось смотрѣть на это дѣло иначе. Странно тутъ только одно: какимъ образомъ можно было предполагать, чтобы англичанинъ, и притомъ, каковы бы ни были недостатки его характера и его убѣжденій, все-таки честный человѣкъ, сталъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать въ томъ смыслѣ, какого ожидали? Тутъ объясненіе ошибки только одно: люди очень разсчетливые, но привыкшіе думать очень дурно о человѣческомъ характерѣ вообще, понимаютъ иногда невинныя слова въ низкомъ смыслѣ. Эта особеннаго рода наивность иногда вводитъ ихъ въ такое же заблужденіе и потомъ разочарованіе, какъ наивность благородства бываетъ причиною ошибокъ идеалистовъ. Субъективная точка зрѣнія, какова бы она ни была по своему нравственному характеру, вообще ведетъ къ ошибкамъ.

Едва ли не разрушается и другое предположеніе, на которомъ основывалась рѣшимость, принятая въ Компьенѣ, —предположеніе, что лордъ Пальмерстонъ будетъ главою оппозиціи въ то время, когда падетъ кабинетъ Дерби. Пальмерстонъ не менѣе Дерби противился бы нынѣшнимъ французскимъ планамъ, но все-таки онъ гораздо болѣе расположенъ къ мягкости относительно императора французовъ, нежели лордъ Россель; а теперь дѣла оборачиваются такъ, что Россель близокъ къ пріобрѣтенію прежняго своего положенія, изъ котораго на время былъ вытѣсненъ Пальмерстономъ. По вопросу о парламентской реформѣ прежній глава виговъ успѣлъ захватить и до сихъ поръ сохраняетъ первенство надъ Пальмерстономъ. Черезъ нѣсколько дней мы узнаемъ, успѣетъ ли Пальмерстонъ сдѣлаться рѣшителемъ битвы въ нижней палатѣ, или замысловатый планъ дѣйствій, имъ придуманный, дѣйствительно окажется неудачнымъ, какимъ кажется теперь; но до сихъ поръ лордъ Россель беретъ надъ нимъ явное преимущество. Такимъ образомъ вопросъ о реформѣ связывается съ перемѣною прежнихъ отношеній между предводителями либеральнаго большинства, и такое или иное его рѣшеніе можетъ имѣть вліяніе на ходъ общихъ вопросовъ европейской политики. Кромѣ этого интереса въ немъ раскрылась еще другая сторона, занимательная не для одной Англіи, а для цѣлой Западной Европы: онъ послужилъ очень вѣрнымъ испытаніемъ того, можно ли надѣяться на успѣшное веденіе историческихъ

задачъ людьми, увѣряющими, что несмотря на старомодность своихъ принциповъ, они серьезно хотятъ улучшеній. Тори, бывшіе столь щедрыми на либеральныя обѣщанія, превосходно выказали свою существенную натуру въ этомъ дѣлѣ.

Тори давно распускали слухи о своихъ превосходныхъ качествахъ и намѣреніяхъ. Прежде торійская партія дѣйствительно была враждебна прогрессу, безпрестанно твердилъ Д'Израэли:—но теперь мы уже вовсе не таковы, какими были прежде. Поддерживать злоупотребленія, угнетать народъ,—какъ это можно! Въ наше время стыдно и вѣрить такимъ глупымъ обвиненіямъ. Напротивъ, мы теперь стали самыми искренними друзьями народа. Пусть только онъ не слушаетъ злонамѣренныхъ либераловъ, а вѣритъ намъ. Мы одни искренніе друзья его. Мы можемъ и хотимъ сдѣлать для него гораздо больше, нежели всѣ эти пустые либералы и своекорыстные демагоги.

Вотъ наконецъ пришло время оправдать такія увѣренія. Злонамѣренные радикалы, думающіе только о своихъ выгодахъ, объ удовлетвореніи своему честолюбію и тщеславію, подняли вопросъ о реформѣ, и торійскій кабинетъ долженъ былъ составить проэктъ это улучшенія. Мы уже видѣли, съ какою готовностью принялся онъ за это дѣло, какъ хотѣлъ оттянуть его на цѣлый годъ и вмѣсто того выигралъ отсрочку на двѣ недѣли, выставивъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ свой настоящій характеръ. Но нѣтъ, это дѣло еще далеко не всѣхъ вразумило. Было извѣстно, что Д'Израэли, истинный представитель нынѣшняго торизма, давно, еще въ декабрѣ приготовилъ билль, но что нѣкоторымъ изъ второстепенныхъ членовъ кабинета онъ показался слишкомъ либераленъ и представленіе его въ Палату Общинъ замедлилось именно съ той цѣлью, чтобы образумить этихъ отсталыхъ людей. Объ основаніяхъ билля были распущены самые благопріятные слухи: говорили, что онъ чуть ли не превосходитъ либеральностью билль Брайта, который будто бы совершенно доволенъ имъ, находится въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ къ министерству и чуть ли не приглашается на совѣщанія къ Дерби, Д'Израэли и Стенли. Вотъ приблизилось и 28 февраля, день представленія билля въ парламентъ. Наканунѣ было объявлено, что двое изъ министровъ, бывшіе въ кабинетѣ представителями сельскихъ сквайровъ, т. е. самыхъ отсталыхъ тори, вышли въ отставку, потому что не одобряютъ билль. Стало быть предразсудкамъ отсталыхъ людей не сдѣлано никакой уступки, правительство непоколебимо удержало свои либеральныя основанія. Вотъ теперь-то Англія увидитъ, что консерваторы лучше понимаютъ и ревностнѣе исполняютъ народныя желанія, нежели эти самохвалы-радикалы. Но—нечего ждать до завтра,—они сами поспѣшили скорѣе познакомить публику съ своимъ прекраснымъ произведеніемъ: они предварительно сообщили основанія своего билля газетѣ Times, она изложила ихъ въ подробной статьѣ въ томъ же нумерѣ, который извѣщалъ объ удаленіи отсталыхъ министровъ. Позвольте однако, чтожь это такое? Судя по изложенію Times'а, билль не слишкомъ хорошо соотвѣтствуетъ народнымъ ожиданіямъ. Тутъ что нибудь не такъ. Вѣроятно, газета не умѣла понять, или исказила мысли торійскаго кабинета. Нѣтъ, лучше подождать до завтра. Вотъ завтра мистеръ Д'Израэли вноситъ билль и говоритъ очень ловкую рѣчь, продолжающуюся около четырехъ часовъ. Въ ней изложено все содержаніе билля,

объяснены его достоинства, доказано, что лучшаго ничего и сдѣлать невозможно. Въ чемъ же сущность этого прекраснаго произведенія? Ценсъ въ графствахъ понижается съ 50 ф. на десять, сравниваясь съ городскимъ ценсомъ. Прекрасно; но это было уже предложено Логъ-Кингомъ, и Палата Общинъ, принявъ его предложеніе, уже рѣшила, чтобы это пониженіе было однимъ изъ основаній каждаго билля о реформѣ. Но что предлагаетъ правительство для городовъ, относительно которыхъ оно не связано рѣшеніями палаты? Тутъ перемѣнъ никакихъ. Остается прежній ценсъ въ 10 ф. Но чрезвычайно большое достоинство придаетъ мистеръ Д'Израэли своему предложенію ввести въ дополненіе къ квартирному ценсу профессіональный ценсъ: священники, медики, адвокаты и люди другихъ ученыхъ званій должны имѣть голосъ, хотя бы и не занимали квартиру въ 10 ф.; хорошо, но много ли найдется медиковъ или адвокатовъ, которые занимаютъ квартиру цѣною менѣе 5 руб. сер. въ мѣсяцъ? Кромѣ того получаютъ право голоса всѣ имѣющіе болѣе нежели на 60 ф. капитала въ акціяхъ Остъ-Индской компаніи или въ сохранныхъ кассахъ; и это хорошо, но многіе ли изъ акціонеровъ Остъ-Индской компаніи занимаютъ квартиры менѣе 10 ф.? Всѣ эти уступки касаются только немногочисленныхъ отдѣльныхъ лицъ; что же сдѣлано вообще въ пользу городскихъ классовъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ права голоса? Вообще не сдѣлано ничего. Нѣтъ, этого нельзя сказать: прежде городскіе жители, владѣвшіе независимыми отъ феодальныхъ отношеній участками земли въ 40 шиллинговъ дохода, имѣли, какъ поземельные собственники, голосъ на выборахъ въ графствахъ. Теперь они лишаются этого права: если они не занимаютъ въ городѣ квартиру въ 10 ф., они остаются вовсе безъ голоса. Число такихъ людей болѣе 100 тысячъ. Въ этой оригинальной чертѣ виденъ истинный смыслъ торійской реформы: тори хотятъ удалить отъ деревенскихъ выборовъ всѣхъ самостоятельныхъ людей, мѣшавшихъ иногда полновластію лендлордовъ. Ихъ ревность къ истребленію злоупотребленій такъ велика, что они уничтожаютъ единственное противодѣйствіе, которое мѣшало безграничному произволу нѣсколькихъ человѣкъ надъ составомъ большинства Палаты Общинъ; они предлагаютъ усилить тотъ самый фактъ, который былъ главною причиною народнаго неудовольствія, увеличить то самое злоупотребленіе, противъ котораго должна быть направлена реформа. Таково-то расширеніе избирательнаго права, ими придуманное: оно состоитъ въ томъ, чтобы отнять право голоса болѣе, чѣмъ у 100,000 независимыхъ людей. А какъ пышны были слухи, распускавшіеся объ этой части билля! Не менѣе привлекательны были слухи и о другомъ важномъ условіи реформы,— о введеніи баллотировки. Говорили, что министерство предлагаетъ вводить баллотировку во всѣхъ тѣхъ округахъ, гдѣ согласятся на нее двѣ трети избирателей: какой либерализмъ! Нѣкоторые люди противъ баллотировки,— пусть ихъ подаютъ голоса открытымъ образомъ, черезъ записку въ реэстръ; но повсюду огромное большинство требуетъ баллотировки,—пусть оно распоряжается, какъ ему кажется лучше. Стѣсненія нѣтъ никому, вопросъ отдается на добрую волю каждаго, а между тѣмъ цѣль реформы достигается вполнѣ, потому что повсюду, гдѣ независимые избиратели составляютъ большинство, они введутъ баллотировку. Какъ же оправдались эти слухи? Билль рѣшительно отвергаетъ баллотировку—это правда; но за то онъ предлагаетъ нѣчто го-

раздо лучше: тотъ избиратель, которому далеко, или которому некогда идти въ избирательную контору записывать свое имя въ реэстрѣ, можетъ присылать формальную бумагу съ объявленіемъ, за какого кандидата подаетъ онъ голосъ; не правда ли, независимость голоса ограждается этимъ вполнѣ? Удивительное умѣнье удовлетворить потребностямъ націи! Но какъ ни высоки понятія о прогрессивности торійской партіи, внушаемыя этими двумя частями билля, третья часть, касающаяся распредѣленія депутатовъ, еще гораздо превосходнѣе всѣхъ предположеній, какія можно составить о ней по двумъ первымъ частямъ. Существуетъ до 150 ничтожныхъ городковъ, посылающихъ въ парламентъ до 250 депутатовъ, между тѣмъ какъ всѣ громадные города, въ которыхъ живетъ болѣе половины англійскаго населенія, не имѣютъ и пятой части этого числа представителей. Отстраненіе этой нелѣпости, распредѣленіе депутатовъ хотя сколько нибудь соотвѣтствующее распредѣленію населенію,—въ этомъ самое настоятельное требованіе здраваго смысла и огромнаго большинства націи. Что же предлагаетъ торійскій билль? Скрѣпя сердце, онъ беретъ по одному изъ двухъ депутатовъ отъ 15 городковъ и отдаетъ эти 15 мѣстъ тѣмъ изъ новыхъ большихъ городовъ, которые не имѣли до сихъ поръ ни одного представителя. Онъ такъ заботливъ объ этихъ маленькихъ запустѣлыхъ городкахъ, что ни одного изъ нихъ не лишаетъ представительства въ парламентѣ. И если несчастные 15 городковъ, подвергающіеся удару, будутъ имѣть вмѣсто двухъ депутатовъ только по одному, чтожь дѣлать?—прогрессъ имѣетъ свои суровыя требованія, а торійское министерство такъ искренно и горячо служитъ прогрессу.

Самъ Д'Израэли очень хорошо понималъ степень соотвѣтственности своего билля съ настроеніемъ умовъ, и его рѣчь была мастерскимъ произведеніемъ по мягкой изворотливости и благодушному смиренію, съ которымъ онъ оправдывалъ и извинялъ предлагаемый билль. При каждомъ словѣ онъ долженъ былъ думать о томъ, какъ бы увернуться отъ опасности раздражить большинство палаты, и исполнилъ эту трудную задачу съ удивительнымъ искусствомъ. За это мастерство въ нѣсколькихъ мѣстахъ ему апплодировали,—но именно только за мастерство затруднительнаго изложенія. Негодованіе за содержаніе рѣчи сильнымъ образомъ было выражено всѣми представителями либеральныхъ партій, особенно лордомъ Росселемъ, Робакомъ и Брайтомъ. „Это не реформа, это пародія надъ реформой", говорили они одинъ за другимъ. „Предлагать такой билль, значитъ смѣяться, надъ требованіями времени, значитъ оскорблять націю". Робакъ, говоря отъ имени реформеровъ, объявилъ, что министерство, измѣнившее условіямъ поддержки, которой пользовалось отъ нихъ, поплатится за это своимъ существованіемъ:

«Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ,—сказалъ онъ,—полагая, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричатъ: нѣтъ, нѣтъ). Достопочтенный джентльменъ думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, кѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричатъ: о, о!..). Я говорю прямо: достопочтенный

джентльменъ знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушною помощью, какую получалъ отъ насъ, и разсматривая билль, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко говорю, что на каждомъ шагу своего пути чрезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣчать оппозицію, упорную оппозицію отъ каждаго друга народа въ этой палатѣ» (аплодисменты).

Въ приложеніяхъ мы сообщаемъ отрывки изъ рѣчей Росселя, Робака и Брайта, для того, чтобы читатель могъ подробнѣе видѣть отношенія парламентскихъ партій по вопросу о реформѣ.

Въ тотъ день оставалось еще объясненіе или извиненіе нелѣпости билля Дерби: чтожь было дѣлать бѣдному лорду и его головѣ, т. е. министру Д'Израэли? Быть можетъ они одушевлены самыми хорошими намѣреніями, но ихъ товарищи по кабинету, представители отсталыхъ провинціаловъ, деревенскихъ сквайровъ, составляющихъ основу торійской партіи, не понимали требованій времени; люди просвѣщенные и прогрессивные, Д'Израэли и Дерби, по рукамъ и по ногамъ связаны этими дикарями, которымъ уже и нынѣшній билль кажется слишкомъ прогрессивенъ. Вѣдь вотъ уже и такъ вышли въ отставку двое министровъ, Генли и Вальполь, бывшіе въ кабинетѣ представителями деревенскихъ сквайровъ; эти невѣжественные люди, эти тупые обскуранты были причиной неудовлетворительнаго характера билля. Какъ жаль, что такіе прогрессивные люди, какъ Дерби и Д'Израэли, должны сообразоваться съ нелѣпыми понятіями этихъ дубоголовыхъ джентльменовъ, съ которыми, къ несчастію, должны поддерживать дружбу! Конечно, противъ такого разсужденія довольно натурально представляется вопросъ: какая же необходимость прогрессивнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, лорду Дерби и министру Д'Израэли, водить дружбу непремѣнно съ сословіемъ деревенскихъ сквайровъ, которыхъ они называютъ обскурантами, исполненными предразсудковъ? Развѣ свѣтъ клиномъ сошелся? Развѣ нѣтъ въ Англіи другихъ людей, на которыхъ могутъ опираться просвѣщенные государственные мужи? Развѣ лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли крѣпостные холопы этихъ господъ? Развѣ не по доброй волѣ няньчатся они съ ними, угождаютъ имъ? Или Англіи нѣтъ спасенья безъ деревенскихъ сквайровъ? Развѣ къ Англіи не прилагается поговорка: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишь дружбу, я буду знать каковъ ты самъ»? Если вы, милордъ и мистеръ, остаетесь въ близкихъ отношеніяхъ съ обскурантами, съ невѣждами, исполненными нелѣпыхъ сословныхъ предразсудковъ, если вы опираетесь на нихъ, значитъ у васъ самихъ лежитъ къ тому сердце— вотъ что можно было сказать на извиненіе нелѣпости поступковъ предразсудками людей, съ которыми будто бы нельзя ссориться, на которыхъ будто бы необходимо опираться. Изъ 28 милльоновъ жителей Соединеннаго Великобританско-Ирландскаго королевства, 27 съ половиною милльоновъ апплодировали бы и благословляли бы правительство, если бы оно вздумало не побояться огорчить этихъ сквайровъ, передъ которыми трепещетъ. Вѣдь эти сквайры,—незамѣтная горсть въ массѣ англійскаго населенія. Кто же виноватъ, если желаніе этой горсти людей, если ея одобреніе кажется лорду Дерби и мистеру Д'Израэли драгоцѣннѣе любви англійскаго народа? Кто виноватъ, если эта горсть людей заслоняетъ отъ нихъ цѣлую Англію? Что тутъ говорить,—лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли одержимы галлюцина-

ціей, у нихъ повреждено зрѣніе, у нихъ поврежденъ мозгъ, вотъ что говорили англійскія газеты въ то утро, которое слѣдовало за представленіемъ билля.

Но вотъ наступаетъ вечеръ, и снова засѣдаетъ Палата Общинъ и встаютъ одинъ за другимъ мистеръ Вальполь и мистеръ Генли, отставные министры, представители обскурантовъ, связывавшіе прогрессивное министерство лорда Дерби и мистера Д'Израэли. Они объясняютъ, почему именно вышли въ отставку, чѣмъ именно были недовольны въ биллѣ лорда Дерби. Оба говорятъ одно и то же: „Мы не хотѣли, чтобы для городовъ и для графствъ былъ одинаковый цензъ; для графствъ приняли цензъ въ 10 ф. До сихъ поръ всегда цензъ въ графствахъ былъ выше ценза въ городахъ. Теперь эта основная черта англійскаго устройства стирается. Мы на это не могли согласиться. Какой цензъ будетъ въ городахъ, это намъ все равно; но онъ долженъ быть непремѣнно ниже ценза, принимаемаго въ городахъ". Это говорятъ они оба. Мистеръ Генли дѣлаетъ прибавку такого рода: „Я думаю только о графствахъ. Какъ устроятся города, до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Вводите въ нихъ, пожалуй, хоть всеобщую подачу голосовъ, я объ этомъ не забочусь. Мнѣ нужно только одно, чтобы цензъ въ городахъ былъ ниже ценза въ графствахъ". Мистеръ Вальполь не раздѣляетъ этого совершеннаго равнодушія къ устройству избирательнаго права въ городахъ. Онъ говоритъ: „чтобы не сглаживать различія между графствами и городами, я предлагалъ понизить цензъ въ городахъ до 5 ф.", т. е. до такой границы, при которой нѣсколько сотъ тысячъ людей рабочаго сословія вошли бы въ число избирателей.

Такъ вотъ они — обскуранты! Такъ вотъ что противопоставляли они просвѣщеннымъ прогрессистамъ, Дерби и Д'Израэли! Они люди съ предразсудками, это правда—имъ непремѣнно нужно, чтобы оставалась разница между городами и графствами, какъ было въ старину. Но какъ легко было удовлетворить этому предразсудку! Онъ такъ невиненъ, что самъ Брайтъ не хотѣлъ его опасаться: въ проэктѣ предводителя реформеровъ также была сохранена разница по цензу между городами и графствами. За то, при удовлетвореніи этому наивному желанію, какъ легко было склонить обоихъ представителей деревенской отсталости на такое пониженіе ценза въ городахъ, которое бы удовлетворило общественному мнѣнію! Да чего склонять ихъ?... Одинъ самъ требуетъ такого пониженія; другой говоритъ: „дѣлайте какъ хотите". Если бы только захотѣли Дерби и Д'Израэли, они легко могли бы согласить предразсудки этой отсталой деревенщины съ потребностями времени въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ вопроса о реформѣ. Конечно также легко было бы имъ, если бы только они сами хотѣли, убѣдить массу своей партіи на отнятіе у запустѣвшихъ городковъ не 15, а 50 или 60 депутатовъ, и тогда, по всей вѣроятности, ихъ билль прошелъ бы; но они сами были, какъ видно изъ объясненій Генли и Вальполя, дальше отъ сочувствія потребностямъ времени, нежели простодушные люди, на которыхъ сваливаютъ они вину. Да и какъ быть иными людямъ, опирающимся на торійскую партію? Сельскіе джентльмены исполнены предразсудковъ—это правда; но предразсудки сохранились у нихъ инстинктивные, всосанные съ молокомъ матери,

наивные, натуральные, безсознательные. Сельскіе джентльмены занимаютъ въ англійскомъ обществѣ вредное положеніе—и это правда; но вѣдь не они сами добровольно избрали такое положеніе: они родились и выросли въ немъ; оно досталось имъ по наслѣдству, безъ участія ихъ воли. Кому Богъ не привелъ получить образованія, кому Богъ не привелъ имѣть отцомъ и матерью людей не вредившихъ обществу, тотъ можетъ, и при невѣжествѣ, и при вредныхъ сословныхъ предразсудкахъ, оставаться въ душѣ человѣкомъ честнымъ, добросовѣстнымъ и доброжелательнымъ. Только растолкуйте ему, что вы можете улучшить положеніе общества, не обижая его безъ надобности, онъ согласится на улучшеніе; только растолкуйте ему, что добросовѣстность требуетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ общественномъ устройствѣ, онъ согласится на перемѣны. Между его товарищами по положенію и по предразсудкамъ могутъ даже найтись многіе такіе, которые сами съ радостью будутъ содѣйствовать полезнымъ для общества перемѣнамъ, если только вразумятся, что перемѣна производится не изъ вражды къ нимъ, а изъ желанія пользы другимъ гораздо болѣе многочисленнымъ людямъ и цѣлому государству. Какъ бы ни было вредно для общества положеніе, занимаемое какимъ нибудь сословіемъ; какъ бы ни было исполнено нелѣпыхъ и вредныхъ предразсудковъ это сословіе,—все таки огромное большинство его, какъ и огромное большинство всѣхъ другихъ сословій, состоитъ изъ людей добрыхъ и хорошихъ. Но не таковы люди, основывающіе свою карьеру на предразсудкахъ другихъ и на вредныхъ сторонахъ существующаго порядка дѣлъ. Они держатся предразсудковъ и злоупотребленій не по наивности, не по незнанію, какъ тѣ темные люди, которые находятъ въ нихъ предводителей своимъ страстямъ, защитниковъ своимъ предразсудкамъ. Такимъ человѣкомъ, по разсчету основавшимъ свою карьеру на предразсудкахъ и злоупотребленіяхъ, мы считаемъ мистера Д'Израэли, истиннаго руководителя торійской партіи. Въ немъ не ищите ни наивности, ни незнанія. Онъ не хуже любаго хартиста понимаетъ, во что обходится обществу политическое преобладаніе лендлордовъ; онъ можетъ быть не меньше Диккенса хохочетъ въ душѣ надъ дикими предубѣжденіями сельскихъ сквайровъ; но онъ разсчиталъ, что между этими сквайрами мало людей умныхъ и образованныхъ, что онъ явится звѣздою между ними, если войдетъ въ ихъ ряды. Между реформерами сдѣлаться однимъ изъ первыхъ людей не такъ легко,—даже между парламентскими дѣятелями сколько великихъ талантовъ имѣютъ они: Робакъ, Мильнеръ, Джибсонъ, Брайтъ, Кобденъ и мало ли другихъ. Среди такихъ людей трудно отличиться. Да и какія выгоды могутъ они дать? Имъ далеко до того, чтобы быть канцлерами казначейства. Вотъ тори—другое дѣло! Тутъ истинное безрыбье, на которомъ и ракъ будетъ рыбой, и мистеръ Д'Израэли несравненнымъ геніемъ,—они будутъ нянчить его, они выведутъ его въ люди. Вѣдь у нихъ великая скудость въ умныхъ и образованныхъ людяхъ, которые умѣли бы говорить человѣческимъ языкомъ. А поднять могутъ они очень быстро и высоко,—вѣдь на половину годовъ бываетъ такихъ годовъ, въ которые они составляютъ министерство. „Умные люди, образованные люди! пожалуйте къ намъ, простякамъ и невѣждамъ. Вы будете нашими оракулами, мы подѣлаемъ изъ васъ своихъ канцлеровъ казначейства, своихъ ми-

нистровъ внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и всякихъ другихъ дѣлъ и бездѣлій". Умные люди, какъ и всякіе другіе люди, большею частію бываютъ честными людьми,—потому почти никто изъ нихъ не можетъ воспользоваться такимъ выгоднымъ приглашеніемъ. Между умными людьми, какъ и между всякими другими людьми, попадается иногда человѣкъ, думающій, что для совѣсти самое выгодное мѣсто—быть подъ пяткой; вотъ находится такой человѣкъ и навѣрное не замедлитъ оказаться, напримѣръ, канцлеромъ казначейства въ министерствѣ лорда Дерби, достопочтеннымъ мистеромъ Д'Израэли. А не прячь совѣсть подъ пятку, не защищай того, надъ чѣмъ смѣешься, не превозноси тѣхъ, кого презираешь, не покровительствуй тому, вредъ чего понимаешь,—и не оказался бы ты ничѣмъ; оставался бы довольно незамѣтенъ между множествомъ такихъ же умныхъ, какъ ты, людей, остающихся честными, и затмѣвался бы подобно имъ многими честными геніальными людьми, надъ неразсчетливостью которыхъ ты имѣешь теперь полное право издѣваться и которыхъ, при апплодисментѣ одурачиваемыхъ тобою простяковъ, ты поносишь, какъ враговъ „счастливой англійской конституціи", враговъ общества, враговъ неба и земли, на которой ты славно устроилъ свои дѣлишки, о которомъ ты очень рѣдко думаешь, да и то съ усмѣшкой, хотя говоришь очень часто съ слезами умиленія.

Все это хорошо,—то есть для мистера Д'Израэли; но дурно для консервативныхъ принциповъ, защищаемыхъ мистеромъ Д'Израэли, то, что мистеры Д'Израэли, привыкши хитрить и лицемѣрить, забываютъ нехитрую истину, понятную даже недалекимъ людямъ видавшимъ вблизи историческія событія, присматривавшимся вблизи къ общественной жизни: хитрость и лицемѣріе—это мелочныя пружинки, которыми можно изворачиваться съ успѣхомъ только въ мелочныхъ дѣлишкахъ личной выгоды; общественными силами эти годныя для личныхъ цѣлей средства сдѣлаться не могутъ, потому что огромное большинство общества честно и прямодушно, а отъ того и ходъ общественныхъ дѣлъ, двигаемый качествами общества, ломитъ всегда на прямки, дурно ли, хорошо ли, назадъ ли, впередъ ли, только всегда по большой столбовой дорогѣ, на которой все видно, ничего не прикроешь. Думая повести общественныя дѣла тѣми же средствами, какія пригодны только для личныхъ дѣлъ, эти люди не успѣваютъ ничего сдѣлать порядочнымъ образомъ, не умѣютъ удовлетворить никого, не умѣютъ даже понять никого, потому что слишкомъ привыкли думать только о себѣ. Себѣ они могутъ пріобрѣсть и богатство и почести, но государству не умѣютъ принести ничего кромѣ обѣдненія и униженія. Въ Англіи, гдѣ контроль газетъ и митинговъ хотя не такъ дѣйствителенъ, какъ воображаютъ англоманы, но все таки не совсѣмъ безсиленъ и очень полезенъ, нельзя такимъ людямъ упражнять надъ государствомъ свои способности слишкомъ свободно, и чуть-чуть подальше свернутъ они съ дороги, ихъ или вовсе сталкиваютъ, или ворочаютъ на дорогу подъ уздцы. Государству принести большаго вреда—нѣтъ имъ воли тамъ; но за то своей партіи часто успѣваютъ они удружить такъ, что любо смотрѣть: такъ скомпрометируютъ темныхъ простяковъ, выдвинувшихъ ихъ впередъ, что бѣдняки не знаютъ куда отъ стыда дѣваться, а иногда и вовсе загубятъ ихъ такъ, что уже никакъ нельзя бываетъ поправить дѣла. Успѣлъ ли

сочинить надъ своими бѣдными тори мистеръ Д'Израэли штуку въ размѣрѣ втораго рода и должны ли они ни за что ни про что потерять министерство, какъ увѣряютъ газеты, когда могли бы удержаться въ немъ еще довольно долго, это мы узнаемъ черезъ нѣсколько дней; но вѣрно теперь то, что осрамилъ онъ своимъ биллемъ торійскую партію до нельзя.

Презрительная досада овладѣла всею Англіею, когда она, поутру 1 марта, прочла въ газетахъ основанія, предлагаемыя для реформы мистеромъ Д'Израэли. Кромѣ одной газеты, принадлежащей министерству (Morning Gerald) и одной изъ пальмерстоновскихъ газетъ (Manchester Guardian) и Times'a, вздумавшаго сообразоваться съ тактикою Пальмерстона, о которой разскажемъ ниже, всѣ другія газеты на чемъ свѣтъ стоитъ осмѣяли хитрый проэктъ съ перваго же раза. Немедленно стали назначаться, во всѣхъ большихъ городахъ митинги для выраженія мнѣній о министерскомъ проэктѣ и съ каждымъ днемъ митинги растутъ, а рѣшенія ихъ все въ одномъ и томъ же смыслѣ, которому мы представимъ нѣсколько примѣровъ. Беремъ одинъ нумеръ Manchester Guardian 8 марта.

Митингъ въ Стренджвезѣ. Мистеръ Джозефъ Джонсонъ предложилъ объявить, что министерскій билль прискорбно обманываетъ основательныя ожиданія націи. Предложеніе принято единогласно.

Ольдгемъ. По просьбѣ со множествомъ подписей, лордъ-мэръ назначилъ на завтра митингъ для выраженія протеста противъ министерскаго билля.

Лидсъ. На митингѣ единогласно объявлено, что билль, предложенный министерствомъ, долженъ быть встрѣченъ рѣшительной и энергической оппозиціей всѣхъ либеральныхъ людей.

Векфильдъ. Послѣ многихъ частныхъ митинговъ назначенъ на завтра общій митингъ для совѣщанія о дѣйствительнѣйшихъ мѣрахъ противиться министерскому биллю.

Саутемптонъ, Нордвульвичь и Мерильбонъ. Назначены или происходили такіе же митинги.

Демонстрація въ Гайдъ-Паркѣ, въ Лондонѣ. Мистеръ Ментель предложилъ моцію: «министерскаго билля нельзя и называть биллемъ реформы; это не билль, а просто срамъ; намъ нуженъ хорошій билль, или не нужно никакого». Принято единодушно среди сильныхъ и продолжительныхъ апплодисментовъ.

Шеффильдъ. Мистеръ Фишеръ старшій предложилъ слѣдующее рѣшеніе: «билль, предложенный министерствомъ, не исправитъ недостатковъ нашей представительной системы, а размножитъ и увеличитъ ихъ; онъ возбудитъ чрезвычайно вредную вражду между жителями деревень и городовъ. Онъ не беретъ депутатовъ у маленькихъ зависимыхъ городковъ, не даетъ баллотировки, не даетъ голоса трудолюбивымъ и порядочнымъ людямъ рабочаго класса; эти недостатки дѣлаютъ его совершенно несообразнымъ съ потребностями націи». Принято единогласно.

Ньюкэстль. Мистеръ Джозефъ Ковъ предложилъ рѣшеніе. «По мнѣнію настоящаго митинга министерскій проэктъ реформы не удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ. Митингъ считаетъ этотъ проэктъ оскорбительнымъ для разума, вреднымъ для интересовъ рабочаго сословія англійской націи, и заслуживающимъ самой сильной и безусловной оппозиціи». Это предложеніе принято единогласно, а вмѣстѣ съ нимъ и рѣшеніе просить королеву объ удаленіи нынѣшнихъ министровъ.

Просимъ читателя замѣтить, что всѣ эти извѣстія взяты нами только изъ одного нумера газеты, т. е. доставлены только однимъ днемъ, и что эта газета держится политики Пальмерстона, который 8 марта еще хотѣлъ покро-

вительствовать министерскому биллю, и что наконецъ эта газета провинціальная, оставляющая безъ особеннаго вниманія тѣ части Соединеннаго королевства, которыя далеки отъ Манчестера. Были сотни митинговъ въ первой половинѣ марта и ни на одномъ изъ нихъ не было сказано о министерскомъ биллѣ ни одного, не только благопріятнаго, но и снисходительнаго слова. Всѣ единодушно рѣшали противиться министерскому биллю самымъ энергическимъ образомъ. На каждомъ митингѣ онъ служилъ предметомъ самыхъ горькихъ и презрительныхъ насмѣшекъ.

Уступая давленію общественнаго мнѣнія, двѣ изъ трехъ газетъ, защищавшихъ билль, уже измѣнили свой тонъ: Times говоритъ о биллѣ съ ѣдкой ироніей и Manchester Guardian вторитъ Times'у. Единственнымъ защитникомъ билля остается бѣдный Morning Gerald, органъ министерства.

Къ чему же привели всѣ реакціонныя хитрости, всѣ лицемѣрныя фразы? Только къ тому, что изобрѣтатели ихъ сдѣлались предметомъ насмѣшки сами, компрометировали ту партію, которую хотѣли защитить. Быть можетъ по крайней мѣрѣ угодили они тѣмъ обскурантамъ, на потворствѣ которымъ основываютъ свою карьеру? Нѣтъ, и того они не достигли. Органъ фанатическихъ тори, Press, объявляетъ, что она противъ билля. Какая же была выгода угождать этимъ реакціонерамъ? Они все-таки раздражены, а нація хохочетъ и негодуетъ.

Но мнѣніе націи и рѣшеніе парламента—двѣ различныя вещи, очень часто ни мало несходныя при нынѣшней системѣ выборовъ и нынѣшнемъ распредѣленіи депутатовъ. Каковъ же ходъ дѣла въ Палатѣ Общинъ? Реформеры противъ министерскаго билля, это не требуетъ объясненій. Изъ двухъ предводителей вигистской партіи, лордъ Россель, какъ мы видимъ, немедленно по внесеніи билля самымъ рѣшительнымъ образомъ объявилъ себя противъ него. Другой предводитель, лордъ Пальмерстонъ, вздумалъ слѣдовать политикѣ болѣе хитрой: онъ промолчалъ, чтобы въ рѣшительную минуту можно было ему присоединиться къ той сторонѣ, союза съ которой потребуетъ его выгода. Соединеніе Росселя съ реформерами показывало, что противъ билля будетъ почти ровно половина голосовъ или даже нѣсколько больше; но все-таки Пальмерстонъ полагалъ, что тѣ 70 или 80 голосовъ, которые слѣдуютъ за нимъ, могутъ по произволу спасти или низвергнуть министерство. Однакожь тактика эта, клонившаяся къ тому, чтобы сдѣлаться рѣшителемъ парламентскихъ преній, оказалась не совсѣмъ удачною. Приверженцы лорда Пальмерстона съ перваго же раза были недовольны тѣмъ, что онъ не высказался противъ билля. Въ слѣдующіе дни, по мѣрѣ того какъ агитація въ народѣ росла, партія Пальмерстона все сильнѣе убѣждалась, что защищать билль значило бы подвергать себя негодованію націи. По послѣднимъ извѣстіямъ, надобно полагать, что пальмерстоновскіе виги не будутъ поддерживать торійскаго билля. Читатель знаетъ, что парламентскія партіи стараются держать втайнѣ свой планъ дѣйствій до послѣдней минуты; потому, не смотря на множество извѣстій и предположеній о будущей судьбѣ министерскаго билля, она еще остается неизвѣстной: неизвѣстно, на что рѣшился Пальмерстонъ; неизвѣстно, какъ поступитъ министерство, если потерпитъ неудачу, которой надобно ожидать. Надобно только думать, что лордъ Пальмерстонъ думаетъ

принять въ вопросѣ о реформѣ либеральную роль для поправленія своей популярности и открытія себѣ дороги въ кабинетъ.

Удастся ли ему это, мы узнаемъ чрезъ недѣлю, при второмъ чтеніи билля. Но теперь пока видно только то, что излишняя тонкость значительно попортила его парламентское положеніе. До сихъ поръ предводителемъ оппозиціи былъ онъ. Лордъ Россель оставался на второмъ планѣ; но Пальмерстонъ промолчалъ 28 февраля и тѣмъ далъ лорду Росселю время снова выдвинуться впередъ. Предводитель оппозиціи теперь лордъ Россель. При второмъ чтеніи билля мы увидимъ, удастся ли Пальмерстону отбить у него это мѣсто, или надежда быть главою кабинета по низверженіи нынѣшняго министерства положительно отнята у него Росселемъ.

До сихъ поръ Россель, возстановившій свое прежнее значеніе рѣчью 28 февраля, дѣйствуетъ какъ предводитель оппозиціи. Онъ созвалъ къ себѣ, оставляя въ тѣни лорда Пальмерстона, либеральныхъ депутатовъ всѣхъ партій для совѣщанія о единодушномъ образѣ дѣйствій по вопросу о реформѣ. Пальмерстоновскихъ виговъ тутъ не было; но кромѣ депутатовъ, постоянно шедшихъ за Росселемъ, явились въ собраніе всѣ реформеры. Выслушавъ проэктъ Росселя, они объявили себя готовыми поддерживать его. Такимъ образомъ дѣла пошли по одной изъ тѣхъ трехъ дорогъ, вѣроятность и значеніе которыхъ мы объяснили въ январскомъ обзорѣ: реформеры и росселевскіе виги соединяются подъ предводительствомъ Росселя противъ тори. Что бы ни стали дѣлать пальмерстоновскіе виги, судьба торійскаго билля уже рѣшена этимъ соединеніемъ: онъ долженъ погибнуть.

Но его фактическая погибель, уже несомнѣнная, еще не равнозначительна паденію торійскаго министерства. Чтобы понять эти тонкости, надобно вникнуть въ обычаи англійскаго парламента.

Билль, вносимый въ Палату Общинъ, долженъ быть прочитанъ въ ней три раза; на каждое чтеніе требуется согласіе палаты. Согласіе на первое чтеніе обозначаетъ только то, что палата хочетъ заняться предметомъ, къ которому относится билль: тутъ нѣтъ еще вопроса о согласіи палаты съ духомъ вносимаго въ нее проэкта. При согласіи на второе чтеніе рѣшается, одобряетъ ли палата основные принципы билля. Если разрѣшено второе чтеніе, палата обращается въ комитетъ для разсмотрѣнія подробностей. Тутъ предлагаются различныя частныя поправки (amendment), относящіяся къ той или другой статьѣ. Послѣ всего этого проэктъ пересматривается коммиссіею для приведенія первоначальныхъ его опредѣленій въ соотвѣтственность съ принятыми поправками. Тогда палата, возвратившись къ обыкновенной формѣ засѣданій, выслушиваетъ поправленный билль и снова подаетъ голоса объ немъ. Все вмѣстѣ это называется вторымъ чтеніемъ билля. Чрезъ нѣсколько времени назначается третье чтеніе, при которомъ вопросъ идетъ и о принципѣ и о всѣхъ подробностяхъ билля въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ втораго чтенія. Такимъ образомъ первое чтеніе только формальность, дающая палатѣ время приготовиться къ подробному обсужденію билля при второмъ чтеніи. За то второе чтеніе бываетъ настоящимъ испытаніемъ предлагаемаго закона и въ немъ одномъ находятся три разные момента, изъ которыхъ на каждомъ билль можетъ погибнуть: палата можетъ, во-первыхъ, отказать ему

въ согласіи на второе чтеніе; во-вторыхъ при комитетскомъ совѣщаніи можетъ принять такія поправки, которыми совершенно измѣняется характеръ первоначальнаго проэкта; въ третьихъ, наконецъ, при общемъ чтеніи поправленнаго билля можетъ отвергнуть его. Если онъ миновалъ всѣ эти опасности, то при третьемъ чтеніи наступаетъ для него самое рѣшительное испытаніе: къ третьему чтенію собираются всѣ депутаты; каждая партія старается явиться на поле битвы въ самомъ полномъ составѣ, и тутъ окончательно оказывается, на чьей сторонѣ большинство палаты, если и при второмъ чтеніи оно не оказалось на сторонѣ противниковъ билля.

Ясно, что борьба имѣетъ двѣ различныя части. При подачѣ голосовъ о первомъ, второмъ и третьемъ чтеніи билля дѣло непремѣнно идетъ на чистоту. Не то при поправкахъ; поправка можетъ совершенно измѣнить первоначальный смыслъ проэкта, замѣнивъ смысломъ прямо противоположнымъ; а между тѣмъ, если билль внесенъ министерствомъ и если министры болѣе дорожатъ сохраненіемъ своихъ мѣстъ, нежели проведеніемъ своихъ идей, то они могутъ, замѣтя, что большинство будетъ на сторонѣ поправки, объявить, что не придаютъ ей особенной важности и потому согласны на нее. Есть и другой способъ, еще болѣе благовидный и еще менѣе добросовѣстный. Если совершенно враждебная прежнему биллю поправка сопровождалась такими рѣзкими рѣчами и предложена отъ такихъ непримиримыхъ враговъ, что министерство не находитъ возможности притвориться, будто не замѣчаетъ ея враждебности, оно выставляетъ противъ нея другую поправку, которая отличается отъ предложенной противниками только какимъ нибудь пустымъ словомъ. Наконецъ недавно тори открыли еще третье средство безвредно для своихъ министерскихъ мѣстъ выдерживать самыя враждебныя перемѣны въ своихъ билляхъ. При совѣщаніи о своемъ индійскомъ биллѣ торійское министерство объявило, что этотъ предметъ по своей національной важности выше несогласій между партіями; что министерство не хочетъ ничего болѣе, какъ только служить желаніямъ страны въ этомъ великомъ дѣлѣ, и какъ бы ни было оно рѣшено парламентомъ, министерство впередъ на все согласно. Этотъ методъ называется разрѣшеніемъ вопроса посредствомъ отдѣльныхъ постановленій объ отдѣльныхъ частяхъ его (by resolutions). Тутъ первоначальный билль долженъ разсматриваться по объявленію министерства не какъ проэктъ рѣшенія вопроса въ извѣстномъ духѣ, а просто какъ указаніе на подробности вопроса, безъ желанія настаивать на разрѣшеніе ихъ именно въ такомъ, а не другомъ духѣ.

Читатель видитъ, что всѣ эти способы не болѣе какъ хитрыя средства говорить „я доволенъ“, въ то время, какъ дѣлаютъ противъ моего желанія. Министерство, прибѣгающее къ нимъ, навлекаетъ на себя насмѣшку и презрѣніе, но успѣваетъ продлить свое существованіе, если большинство ему противное раздѣлено на партіи, еще не успѣвшія согласиться относительно распредѣленія министерскихъ мѣстъ между своими предводителями при низверженіи существующаго министерства. Не будучи готовы составить новый кабинетъ, эти партіи большинства терпятъ существованіе прежняго министерства и показываютъ видъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ его объясненію, что оно не принимаетъ во враждебномъ для себя

смыслѣ рѣшеній парламента, противныхъ его собственнымъ предложеніямъ. Именно такимъ образомъ съ перваго дня своего существованія до нынѣшняго числа держится торійское министерство. Но, разумѣется, всѣ эти увертки не болѣе, какъ формальность, допускаемая оппозиціею по ея несогласію относительно состава новаго кабинета. Если же соглашеніе оппозиціонныхъ оттѣнковъ будетъ устроено, тогда никакіе извороты не помогутъ министерству: оппозиція прямо принимаетъ рѣшенія, относящіяся не къ какому нибудь закону, а къ самому министерству, и предлагаетъ ему удалиться изъ кабинета. Но до этой невѣжливости дѣло рѣдко доходитъ. Министерству бываетъ извѣстно, успѣла ли оппозиція согласиться въ составѣ новаго министерства и если успѣла, то оно не будетъ прибѣгать ни къ какимъ хитростямъ, зная, что онѣ уже были бы безполезны, и первое рѣшеніе палаты, несогласное съ какимъ нибудь его предложеніемъ, хотя бы по самому пустому вопросу, откровенно истолкуетъ въ его настоящемъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ приказанія удалиться изъ кабинета. Читателю извѣстно, что тогда остаются двѣ дороги: министерство или немедленно повинуется парламенту, или испытываетъ свое счастье распущеніемъ прежняго парламента и созваніемъ новаго, голосу котораго оно уже не можетъ не повиноваться, потому что при выборахъ предполагался вопросъ: довольна ли нація существующимъ министерствомъ.

Мы излагали всѣ эти подробности парламентской тактики для того, чтобы читателю были ясны отрывочныя извѣстія, которыя будутъ приноситься ему газетами. Нынѣшній обзоръ нашъ будетъ напечатанъ вѣроятно до рѣшенія парламентской судьбы министерскаго билля о реформѣ, и мы хотѣли бы помочь читателю при соображеніи значенія будущихъ газетныхъ извѣстій по этому важному дѣлу; а теперь мы сообщимъ то, что уже сдѣлано по немъ, чего ожидаютъ въ настоящее время, т. е. около 15-го марта новаго стиля, и какъ думаютъ о вѣроятномъ исходѣ борьбы, которая начнется черезъ недѣлю (21-го числа).

Когда лордъ Россель, тотчасъ же по внесеніи билля Д'Израэли, высказался противъ него самымъ сильнымъ образомъ и когда реформеры, на собраніи, бывшемъ у лорда Росселя, рѣшились поддерживать стариннаго предводителя либераловъ, было рѣшено ими сосредоточить всѣ свои усилія въ парламентѣ на поддержку предложеній Росселя, и Брайтъ объявилъ въ Палатѣ Общинъ, что отлагаетъ представленіе своего билля. Такимъ образомъ событія приняли именно тотъ оборотъ, который мы предполагали вѣроятнѣйшимъ и объясняли въ январской книжкѣ. Мы говорили тогда (Соврем. Политика, № 1, стр. 123): „Билль Брайта не можетъ пріобрѣсти голосовъ „ни массы тори, ни массы виговъ: онъ будетъ слишкомъ прогрессивенъ для „нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это отдѣлить въ свою „пользу по двадцати или тридцати прогрессивнѣйшихъ людей изъ того и „другого лагеря, то есть ни въ какомъ случаѣ не могъ бы онъ имѣть у „себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ имѣть гораздо меньше, можетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для большинства нужно болѣе „300 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ служить, такъ сказать, только запросомъ, только средствомъ поднять цѣну согласія со стороны независимыхъ „либераловъ, на поддержку билля какой нибудь другой партіи. Итакъ серьез-

нымъ соперникомъ билля Дерби вѣроятно останется только билль Росселя". Мы прибавляли тогда, что реформеры, отъ присоединенія которыхъ къ Росселю или къ Дерби зависитъ большинство, вѣроятно будутъ имѣть болѣе наклонности дѣйствовать вмѣстѣ съ Росселемъ противъ Дерби. Въ продолженіи всего февраля носились слухи противные нашему предположенію, но вотъ теперь и оно оправдано фактомъ. Послѣ этого соединенія Брайта съ Росселемъ, Дерби увидѣлъ невозможность провести свой билль, но онъ (то есть Д'Израэли) придумалъ новую хитрость, вовсе не лестную для твердости министерскихъ убѣжденій, но казавшуюся ему единственнымъ средствомъ спастись отъ пораженія: узнавъ о союзѣ Росселя съ Брайтомъ, Д'Израэли объявилъ, что при второмъ чтеніи само министерство предложитъ въ своемъ биллѣ поправки на принципахъ болѣе широкихъ. Къ этому обращенію въ либеральное исповѣданіе слѣдовало бы прибѣгнуть еще до представленія билля; теперь трогательный либерализмъ былъ штукою нѣсколько запоздалою и Россель объявилъ въ палатѣ, что при второмъ чтеніи билля Дерби предложитъ слѣдующее рѣшеніе: „Палата Общинъ думаетъ, что несправедливо и неблагоразумно (politic) поступать по способу предложенному настоящимъ биллемъ съ существующимъ правомъ фригольдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что палата и нація неудовлетворятся никакимъ измѣненіемъ избирательнаго права, не вводящимъ въ графствахъ и городахъ расширенія права голоса въ размѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящею мѣрою". Принятіе этой моціи, встрѣченной апплодисментами палаты, въ сущности должно равняться отверженію билля Дерби, потому что она противна обѣимъ важнѣйшимъ чертамъ билля,—сохраненію десяти-фунтоваго ценса въ городахъ и отнятію ценса въ графствахъ у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ. Но министерству она оставляетъ возможность сказать, что ея принятіе, послѣ предложенныхъ самимъ министерствомъ поправокъ, не принимаетъ оно за прямое отверженіе своего билля, то есть за требованіе удалиться изъ кабинета. Но кромѣ того однимъ изъ реформеровъ будетъ предложено при второмъ чтеніи и прямое отверженіе билля. Теперь считаютъ, что это послѣднее предложеніе будетъ принято большинствомъ отъ 80 до 90 голосовъ. Надобно однакоже замѣтить, что отъ министерства еще зависитъ парировать этотъ ударъ собственнымъ предложеніемъ какихъ нибудь очень сильныхъ измѣненій въ первоначальномъ биллѣ. Очень можетъ быть, что такой маневръ останется не совершенно безуспѣшенъ. Точно также лордъ Пальмерстонъ при второмъ чтеніи билля, вѣроятно, сдѣлаетъ какой нибудь маневръ, чтобы возвратить себѣ роль предводителя оппозиціи, отнятую у него Росселемъ. Впрочемъ, кажется, что по вопросу о реформѣ это ему не удастся; но можетъ быть онъ пріищетъ какой нибудь другой вопросъ для достиженія своей цѣли.

Итакъ около 15-го марта новаго стиля положеніе дѣлъ было слѣдующее: министерскому биллю предстояло или быть отвергнутымъ, или получить отъ поправокъ характеръ совершенно противный его прежнему духу; во второмъ случаѣ торійское министерство полагаетъ объявить, что оно не принимаетъ этихъ поправокъ за враждебныя ему. Въ первомъ случаѣ, по правильнымъ парламентскимъ обычаямъ, оно должно было бы, или выдти въ отставку, или распустить парламентъ. Но при нынѣшнемъ распаденіи виговъ на двѣ партіи (Рос-

селя и Пальмерстона) и при отдѣльномъ существованіи независимой отъ нихъ партіи реформеровъ можетъ встрѣтиться невозможность къ составленію вигистскаго министерства, и въ такомъ случаѣ тори успѣютъ удержаться въ министерствѣ. Этотъ шансъ много зависитъ отъ Пальмерстона: повидимому Росселю трудно будетъ составить министерство безъ содѣйствія Пальмерстона. Примириться этимъ двумъ соперникамъ, прежнимъ друзьямъ, получившимъ другъ отъ друга страшные удары, очень трудно; но судя по газетнымъ слухамъ надобно полагать, что переговоры о примиреніи ведутся. Основаніемъ ихъ служитъ по видимому то, что партія Пальмерстона требуетъ у своего предводителя, чтобы онъ принесъ свое личное неудовольствіе на Росселя въ жертву общей выгодѣ виговъ. На дняхъ мы увидимъ, исполнятся ли ожиданія газетъ, предсказывающихъ примиреніе; а пока скажемъ только, что около 15-го марта, то есть за недѣлю до рѣшенія дѣлъ, предполагали, что Россель, опираясь на реформеровъ, чувствуетъ себя довольно сильнымъ составить министерство и безъ содѣйствія Пальмерстона. Разумѣется, всѣ отношенія могли совершенно измѣниться въ слѣдующіе дни, остававшіеся до 21-го числа.

Между тѣмъ какъ восточный островъ Ирландско-Великобританскаго королевства занятъ былъ этими преніями о реформѣ и различными ея шансами, въ одномъ изъ портовыхъ городовъ западнаго острова случилось дѣло, возбудившее общее вниманіе даже среди всѣхъ заботъ о реформѣ и слуховъ о войнѣ. Въ гавань Квинстона прибылъ 6-го марта американскій корабль съ неожиданными гостями, и газета Cork Examiner разсказала о немъ слѣдующія интересныя вещи.

«Сильное впечатлѣніе было произведено въ Квинстонѣ прибытіемъ американскаго корабля «*David Steward*», на которомъ были знаменитый Поэріо и его спутники, недавно выпущенные изъ неаполитанскихъ темницъ. Помилованіе ихъ сопровождалось изгнаніемъ, и перевезенные въ Испанію, они должны были быть отправлены въ Америку. Неаполитанскій корабль привезъ ихъ въ Кадиксъ, оттуда «*David Steward*» нанятъ былъ перевезти ихъ въ Нью-Іоркъ. Всѣхъ изгнанниковъ 69 человѣкъ, въ томъ числѣ жена и двое дѣтей изгнанника Маццео. 19 февраля они были посажены на этотъ корабль. Для 44 человѣкъ нашлись первоклассныя каюты; остальные были помѣщены во вторыхъ мѣстахъ. По отплытіи изъ Кадикса, «*David Steward*» плылъ около 200 миль подъ надзоромъ «Стромболи», неаполитанскаго военнаго парохода. Потомъ пароходъ удалился, оставивъ корабль при попутномъ вѣтрѣ по дорогѣ въ Америку. Но едва корабль очутился въ безопасности отъ пушекъ парохода, всѣ изгнанники явились къ капитану, протестовали противъ своего отправленія въ Америку и потребовали, чтобы ихъ отвезли въ какую нибудь англійскую гавань. Капитанъ, оставившій третью часть платы за перевозъ обезпеченіемъ въ исполненіи контракта, отвѣчалъ, что не можетъ нарушить его. Они повидимому убѣдились его доводами и успокоились на тотъ день; но поутру возобновили свое требованіе болѣе рѣшительнымъ тономъ Тутъ произошелъ случай романтическаго характера: въ Кадиксѣ нанялся служить на корабль молодой итальянецъ Раффаэлли Сеттембрини. До сихъ поръ онъ исполнялъ работу наравнѣ съ другими матросами; но когда пассажиры пришли во второй разъ къ капитану, онъ явился въ костюмѣ помощника штурмана галюэзскихъ пароходовъ: въ изящной синей блузѣ съ золотыми пуговицами и золотымъ околышемъ на шляпѣ. Дѣйствительно, онъ служилъ помощникомъ штурмана въ галюэзской пароходной компаніи. Оказалось, что онъ сынъ одного изъ важнѣйшихъ изгнанниковъ, Луиджи Сеттембрини. Услышавъ о томъ, на какихъ условіяхъ выпущенъ изъ темницы его отецъ, онъ отправился въ Испанію и, чтобы находиться вмѣстѣ съ отцомъ, придумалъ хит-

рость, о которой мы разсказали. Капитанъ корабля думаетъ, что цѣль у него была важнѣе, нежели простое желаніе увидѣть отца. Капитанъ думаетъ, что онъ былъ отправленъ лондонскимъ итальянскимъ обществомъ, чтобы помочь изгнанникамъ сдѣлать то, что они сдѣлали. Какъ бы то ни было, но его присутствіе придало новую настойчивость требованію пассажировъ. Они сказали, что у нихъ теперь есть морякъ и что если бы имъ пришлось отнять управленіе кораблемъ у капитана и экипажа, то они могутъ плыть безъ ихъ помощи. Они представили капитану, что находятся въ морѣ уже цѣлыхъ два мѣсяца, что многіе изъ нихъ старики, что здоровье всѣхъ ихъ болѣе или менѣе ослаблено десятилѣтнимъ заключеніемъ и потому долгое плаваніе было бы пыткою для всѣхъ ихъ и можетъ быть смертью для нѣкоторыхъ. Они утверждали также, что, будучи подъ американскимъ флагомъ, они свободные люди и что онъ не имѣетъ права везти ихъ туда, куда они не хотятъ. Эти аргументы подкрѣплялись превосходствомъ по физической силѣ,—изгнанниковъ было 66 человѣкъ мужчинъ, а экипажъ состоялъ только изъ 17, потому капитанъ уступилъ и направилъ корабль на сѣверъ. Пассажиры обращались съ нимъ ласково, но поставили надъ нимъ надзоръ, чтобы онъ не свернулъ корабля съ направленія къ гавани, въ которую они хотѣли плыть. Они направлялись въ Коркъ, но нѣсколько ошиблись въ направленіи и черезъ 14 дней прибыли въ Квинстонъ. Тотчасъ же они сошли на берегъ съ выраженіями живѣйшаго восторга отъ мысли, что теперь свобода ихъ ненарушима. Нѣкоторые изъ нихъ цаловали землю, на которой стали свободными людьми.

«Прибытіе пассажировъ въ Квинстонѣ — дѣло обыкновенное, не возбуждающее никакого вниманія. Но вѣсть о прибытіи этихъ пассажировъ разнеслась чрезвычайно быстро, и они стали предметомъ заботливѣйшаго вниманія. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что отъ долговременнаго заключенія зрѣніе у нихъ ослабѣло. Въ продолженіи путешествія, Поэріо, здоровье котораго очень разстроено, каждый день вставалъ съ постели, чтобы просидѣть нѣсколько часовъ на палубѣ. Ему 55 лѣтъ, но на видъ онъ кажется старше. Онъ не высокаго роста и плотнаго сложенія».

Изгнанники были встрѣчены въ Ирландіи и въ Англіи съ энтузіазмомъ. „Наши американскіе братья, приготовлявшіе почести для Поэріо и его спутниковъ, будутъ завидовать намъ, что пріемъ этихъ гостей достался на нашу долю“, восклицаютъ англійскія газеты. Составился комитетъ для открытія національной подписки въ честь новоприбывшихъ. Первые государственные люди всѣхъ партій поставили за славу себѣ руководить этимъ дѣломъ. Президентомъ комитета выбранъ лордъ Шефтсбери, лордъ Пальмерстонъ, лордъ Россель, Мильнеръ—Джибсонъ, Глэдстонъ, лордъ Гренвилль, лордъ Лендсдонъ, лордъ Дергемъ, лордъ епископъ лондонскій, лордъ Линдёерстъ, находятся въ числѣ членовъ комитета.

Поэріо и его товарищи были брошены въ темницы вслѣдствіе событія 1848 года; но ни Поріо, ни Сеттембрини, ни большая часть другихъ изгнанниковъ, прибывшихъ теперь въ Англію, ни мало не участвовали въ революціонныхъ движеніяхъ, вынудившихъ у Фердинанда II согласіе на конституцію. Они только пользовались популярностью, и потому самъ король почелъ нужнымъ обратиться къ нимъ, когда вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ исчезло довѣріе къ нему и онъ почелъ себя находящимся въ опасности. Онъ самъ просилъ Поэріо и другихъ принять управленіе дѣлами, чтобы спасти ему жизнь и престолъ. Вскорѣ потомъ обстоятельства измѣнились. Фердинандъ II почелъ возможнымъ обойтись безъ ихъ помощи и уничтожить конституцію. Если бы Поэріо и его товарищи могли полагать, что чѣмънибудь заслужили его гнѣвъ, они имѣли довольно времени уѣхать изъ Неа-

поля. Но они полагали, что Фердинандъ II, хотя и нашелъ полезнымъ возвратиться къ прежнему принципу управленія, смотритъ на нихъ, своихъ бывшихъ министровъ, какъ на людей, которымъ долженъ быть признателенъ за помощь въ трудныя для него времена. Такая мысль была заблужденіемъ излишней самонадѣянности. Фердинандъ II думалъ о нихъ совершенно иначе, и нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ поступилъ совершенно основательно, рѣшившись наказать ихъ за либеральныя мнѣнія. Правда, они не сдѣлали ничего преступнаго; но самый образъ ихъ понятій былъ преступенъ по неаполитанскимъ законамъ, возстановленнымъ по усмиреніи революціи. Правда, они не были революціонерами; но революціонеры довѣряли имъ, когда они были призваны къ управленію дѣлами. Безнаказанность такихъ людей конечно была бы противна прочности возстановленной системы, или по крайней мѣрѣ свидѣтельствовала бы, что эта система должна щадить своихъ противниковъ, слѣдовательно, сама не увѣрена въ своихъ силахъ. Если бы эти страницы попались на глаза французскимъ, англійскимъ, сардинскимъ или нѣмецкимъ либераламъ, мы подверглись бы отъ нихъ безпощадному порицанію; но что же дѣлать, надобно говорить то, что думаешь. Намъ кажется, что Фердинандъ II никакъ не могъ оставить Поэріо и его товарищей безнаказанными. Они были преданы суду; юридическихъ доказательствъ противъ нихъ не нашлось. Либералы чрезвычайно горячо кричатъ о беззаконности наказаній при совершенномъ недостаткѣ доказательствъ, такомъ недостаткѣ, что главнымъ документомъ обвиненія служило подложное письмо, написанное по распоряженію обвинителей какимъ-то господиномъ, получившимъ за то денежное вознагражденіе. Обвиняемые доказали подложность письма и генералъ-прокуроръ, бывшій обвинителемъ, признался, что документъ дѣйствительно фальшивый. Либералы чрезвычайно громко кричатъ, сказали мы, о незаконности осужденія при такихъ обстоятельствахъ; но мы думаемъ, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случахъ, либералы, останавливаясь на пустыхъ подробностяхъ, упускаютъ изъ виду сущность дѣла. Развѣ не бываетъ такихъ процессовъ, въ которыхъ убѣжденіе судей о виновности или невиновности подсудимаго составляется на основаніи впечатлѣнія, производимаго всею его жизнью, его личностью и совокупностью тысячи мелочныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ не составляетъ юридическаго доказательства, но которые всѣ вмѣстѣ производятъ нравственное убѣжденіе о его виновности или невинности? Притомъ, намъ кажется, что требовать уликъ противъ Поэріо, значило быть слишкомъ щепетильнымъ формалистомъ. Каждому было извѣстно, что онъ не одобряетъ правительственную систему, которой слѣдовалъ Фердинандъ II до революціи и по укрощеніи революціи; слѣдовательно онъ имѣлъ образъ мыслей враждебный господствующему порядку; слѣдовательно онъ былъ врагомъ правительства; слѣдовательно правительство было бы виновно передъ самимъ собою и передъ государствомъ, порядокъ въ которомъ должно было охранять, если бы оставило безнаказаннымъ своего врага и такою безнаказанностью ободрило бы людей, имѣющихъ вредный образъ мыслей. Поэріо и его товарищи могутъ быть, какъ частные люди, достойны всякаго уваженія по благородству характера, по талантамъ и т. д.; но какъ враги правитель-

ства они основательно могли быть подвергнуты смертной казни. Но правительство смягчило это наказаніе, замѣнивъ его заключеніемъ въ крѣпость. До сихъ поръ мы не видимъ въ этомъ дѣлѣ ничего противнаго основаніямъ существующаго въ Неаполѣ порядка; но дальнѣйшія дѣйствія неаполитанскаго правительства кажутся намъ уже несовершенно благоразумными. Помѣщеніе въ темницахъ, отведенное для осужденныхъ преступниковъ, было чрезвычайно дурно: тѣсно, мрачно, сыро, грязно. Они были содержимы въ цѣпяхъ, содержаніе имъ отпускалось чрезвычайно дурное. Вообще обходились съ ними также сурово, какъ съ какими нибудь убійцами пойманными на воровствѣ. Говоря по строгой правдѣ, и въ этомъ не было ничего собственно несправедливаго: по всей вѣроятности многіе другіе заключенные въ неаполитанскихъ темницахъ содержались точно также, хотя правительство и не имѣло къ нимъ личной непріязни. Но въ нашъ вѣкъ либеральные предразсудки очень сильны въ Западной Европѣ; притомъ и человѣколюбіе внушаетъ, что строгость напрасна тамъ, гдѣ не нужна. Намъ кажется, что Поэріо и его товарищи были бы достаточно наказаны за свой преступный образъ мыслей тюремнымъ заключеніемъ и безъ прибавленія цѣпей, грубаго обращенія и разныхъ лишеній. Впрочемъ мы не судьи въ этомъ дѣлѣ; судья въ немъ неаполитанское правительство, которое лучше насъ знало потребности своего положенія и вѣроятно не употребляло бы этихъ сильныхъ строгостей, если бы не были онѣ дѣйствительно нужными. Очень можетъ быть, что оно было совершенно право, когда утверждало, что нѣкоторая суровость необходима для обузданія злоумышленниковъ примѣромъ ихъ предводителей и соучастниковъ, и что эта строгость, быть можетъ и дѣйствительно тяжело ложащаяся на нѣкоторыхъ лицъ, спасительно дѣйствуетъ на множество людей, предостерегая ихъ отъ опрометчивыхъ поступковъ, — но не даромъ существуетъ пословица: „чужую бѣду по пальцамъ разведу". Глэдстонъ, не замѣчавшій у себя на родинѣ надобности въ подобныхъ мѣрахъ, не захотѣлъ, когда былъ въ Неаполѣ, понять грустной необходимости, возлагаемой на неаполитанское правительство обязанностью поддерживать порядокъ при множествѣ недовольныхъ. Онъ имѣлъ случай въ подробности изслѣдовать положеніе людей заключенныхъ въ неаполитанскія тюрьмы по политическимъ причинамъ и съ чрезвычайною силою изобразилъ его Европѣ. Эти извѣстія ужаснули западно-европейскихъ либераловъ, и общественное мнѣніе заговорило такъ сильно, что Франція и Англія должны были наконецъ разорвать дипломатическія сношенія съ неаполитанскимъ правительствомъ, когда оно не согласилось исполнить ихъ требованіе объ освобожденіи этихъ несчастныхъ людей, впрочемъ справедливо наказанныхъ за свои заблужденія, которыя не могъ не замѣтить даже Монтанелли, хотя и раздѣляетъ ихъ образъ мыслей. Самъ Монтанелли, напримѣръ, разсказываетъ, что когда Фердинандъ II, провозгласивъ конституцію, назначилъ министромъ Боццелли, одного изъ предводителей демократической партіи, этотъ демократъ упалъ къ ногамъ короля и вскричалъ: „Государь! если бы я зналъ васъ раньше, я не составлялъ бы заговоровъ",—а вотъ въ этомъ-то и состояла непростительная ошибка, за которую дѣйствительно былъ онъ достоинъ наказанія, постигнувшаго его въ послѣдствіи.

Но здоровье короля въ послѣднее время ослабѣло. Сколько извѣстно,

болѣзнь его ревматизмъ, въ соединеніи съ золотушными страданіями. Эта болѣзнь имѣетъ въ Неаполѣ какой-то особенный характеръ: она бросается на одну изъ ногъ, дѣлаетъ человѣка хромымъ, потомъ поднимается въ желудокъ и тогда становится смертельною. Король чувствовалъ себя правымъ, но все-таки размышленія, внушаемыя тяжелой болѣзнью, склонили его оказать милость заключеннымъ. Конечно, онъ основательно думалъ, что было бы опасно оставить ихъ въ Неаполѣ, но мы видѣли какъ разстроилось намѣреніе удалить ихъ въ Америку.

Мы высказали нашъ взглядъ на это дѣло, но безпристрастіе обязываетъ насъ и въ настоящемъ случаѣ, какъ всегда, привести мнѣніе противной партіи, понимающей дѣло иначе, и мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ статьи Times'а, предоставляя себѣ право показать неосновательность обвиненій, взводимыхъ ею на неаполитанское правительство.

«Мы должны нынѣ объявить, что Поэріо, Сеттембрини (говоритъ *Times*, 9 марта) и остальные неаполитанскіе каторжники, которыхъ везли въ Сѣверную Америку по приказанію умирающаго, но не раскаявающагося Фердинанда, презрѣли его милостью и съ чрезвычайнымъ ослѣпленіемъ и неблагодарностью не захотѣли принять прощеніе на условіяхъ, имъ предложенныхъ. Десять лѣтъ онъ считалъ нужнымъ держать ихъ въ цѣпяхъ, въ гнуснѣйшихъ тюрьмахъ, въ подземельныхъ подвалахъ, подвергая ихъ ужасамъ медленной смерти; но смерть, призываемая ими, не приходила. Они были наказаны по приговору суда, веденнаго такимъ образомъ, что изумлялась Европа,— такъ нагло было клятвопреступленіе, такъ возмутительны дѣйствія судей, такъ тверда ихъ рѣшимость произнесть осужденіе. Показанія шпіоновъ, представленіе подложнаго письма, отвергнутаго впослѣдствіи даже неаполитанскимъ генеральнымъ прокуроромъ,— таковы документы по ихъ дѣлу. Въ Англіи знаютъ, что Поэріо жестоко страдалъ, но почти всѣ знаютъ о немъ только по письмамъ Глэдстона о состояніи неаполитанскихъ тюрьмъ, и англійскій народъ еще не знаетъ, какая черная измѣна погубила этихъ несчастныхъ джентльменовъ, не знаетъ, какъ велики права ихъ на нашу симпатію. Они не заговорщики; они не имѣли никакого отношенія къ итальянскимъ заговорамъ. Но когда Европа была раздираема волненіями, въ возбужденіи которыхъ они не участвовали, то по просьбѣ своего короля они помогли ему установить конституціонное правленіе въ Неаполѣ. Торжественнѣйшимъ образомъ Фердинандъ призывалъ на себя погибель, если измѣнитъ данному слову. Но послѣ 15 мая [1]) онъ бросилъ на вѣтеръ всѣ обѣщанія. Несчастные джентльмены, которыхъ мы теперь съ гордостью называемъ нашими гостями, были виновны развѣ въ томъ, что повѣрили слову Фердинанда. За это преступленіе, котораго никто не захочетъ повторить, они были осуждены на десять лѣтъ страданій, какимъ подвергались очень немногіе люди, и пережили ихъ, чтобы разсказать свѣту. Чѣмъ больше мы будемъ изслѣдовать ихъ исторію, тѣмъ больше мы убѣдимся, что эти люди терпѣли невообразимое мученіе десять лѣтъ единственно за то, что имѣли безразсудство повѣрить Фердинанду и приняли участіе въ системѣ правленія, которую онъ клялся сохранить. Даже дыханіе клеветы никогда не касалось ихъ чистаго имени. События 1848 года произошли безъ всякаго возбужденія отъ нихъ. Фердинандъ, чтобы спасти свой престолъ и свою жизнь, бросился писать конституцію. Онъ лично и убѣдительно просилъ главныхъ между этими изгнанниками быть министрами его новаго правленія. Они исполнили просьбу. Черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ возможность пренебречь своими обѣщаніями и обязательствами. Онъ обратилъ пушки на своихъ подданныхъ, и на досугѣ было составлено

[1]) Когда неаполитанское національное собраніе было разогнано вооруженною силою, городъ Неаполь бомбардированъ и либеральное движеніе подавлено послѣ упорной битвы.

*

пошлое, ни на чемъ не основанное обвиненіе въ заговорѣ противъ государственныхъ людей, оказавшихъ ему пособіе для сохраненія ему престола въ часъ его тяжкой бѣды. Жертвы его тираніи и вѣроломства теперь между нами. Чувство, гораздо сильнѣйшее всѣхъ политическихъ расчетовъ, призываетъ насъ почтить такихъ людей».

Статья написана, какъ видимъ, очень сильно и даже краснорѣчиво; но, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что ни честность Поэріо, Сеттембрини и другихъ, ни краснорѣчіе англійскаго журналиста не могутъ вознаградить за недостатокъ яснаго взгляда на сущность дѣла, — недостатокъ одинаково замѣтный и въ бѣдныхъ страдальцахъ, и въ ихъ защитникѣ. Они, кажется, не понимаютъ теоріи неотъемлемыхъ правъ. Мы говоримъ, напримѣръ, что негръ—невольникъ, ступившій на англійскую или русскую землю, дѣлается свободнымъ человѣкомъ, хотя бы владѣлецъ имѣлъ на него самые неоспоримые документы и хотя бы даже онъ самъ добровольно продался въ рабство этому господину. Такъ постановляютъ англійскіе и русскіе законы, потому что выше всѣхъ документовъ и обязательствъ и обѣщаній ставятъ въ этомъ случаѣ неотъемлемое право человѣческой личности, объявляя недѣйствительными всякіе договоры и факты, противные этому праву. Англичанину извинительно, но неаполитанцу непростительно не знать, что также безусловна теорія неотъемлемыхъ правъ того рода власти, какой существуетъ въ Неаполѣ. Обѣщанія и дѣйствія, противныя этимъ неотъемлемымъ правамъ, могутъ быть вынуждаемы обстоятельствами у человѣческой слабости, но такія уступки по самому принципу теоріи недѣйствительны и, если такъ можно выразиться, противозаконны, и по смыслу теоріи должны быть уничтожаемы. Когда Фердинандъ возстановилъ свою прежнюю власть, ему не о чемъ было жалѣть, не въ чемъ раскаяваться, кромѣ развѣ того, какъ жалѣть о грустномъ стеченіи обстоятельствъ, вынудившихъ уступки, и раскаяваться въ минутномъ отступленіи отъ ненарушимой теоріи. Потому выраженіе „нераскаявающійся“ въ отношеніи къ нему совершенно неумѣстно. Онъ по совѣсти можетъ сказать, что правъ передъ Поэріо и его товарищами. Также неумѣстна дерзкая иронія надъ условіями, съ которыми было соединено освобожденіе этихъ преступниковъ: развѣ правитель не имѣетъ обязанности заботиться о спокойствіи своего государства? Развѣ онъ не обязанъ принимать мѣръ нужныхъ для того? Фердинандъ находилъ, что для внутренняго спокойствія Неаполя было бы вредно дозволить жить тамъ Поэріо и его товарищамъ. Онъ былъ правъ передъ собою, освобождая ихъ на такомъ условіи, чтобы они удалились въ страну, гдѣ были бы безвредны для Неаполя. Онъ руководился милостью, но и самая милость должна быть благоразумна. Десяти-лѣтнія страданія преступниковъ были ужасны,— но что же дѣлать? Притомъ, чѣмъ возмущается краснорѣчивый защитникъ преступниковъ? Тѣмъ обстоятельствомъ, что тюрьмы не были устроены съ комфортомъ. Но неужели онъ не понимаетъ, что комфортъ въ тюрьмѣ совершенно неумѣстенъ, да еслибъ и былъ умѣстенъ, то почти ничѣмъ не облегчилъ бы страданія преступниковъ? Тяжесть тюремнаго заключенія состоитъ именно въ томъ, что заключенный лишенъ свободы и никакой комфортъ не можетъ чувствительнымъ образомъ уменьшить этой тяжести, никакое отсутствіе ком-

форта не можетъ значительно увеличить ее. Вниманіе къ тому, хороша или дурна была тюрьма, въ которой сидѣлъ Поэріо, кажется намъ такою же ничтожною щепетильностью, какъ вниманіе къ тому, соблюдено ли титулованіе по рангу на адресѣ получаемаго кѣмъ нибудь письма. Вопросъ въ томъ, заслуживали ли заключенія наказанные имъ люди, т. е. были ли они тяжкими преступниками? Да, потому что не исполнили лежавшей на нихъ по неаполитанскимъ законамъ обязанности защищать форму правленія, существовавшую до революціи. Съ этой точки зрѣнія, мы должны сказать, что вся статья Times'а кажется намъ слѣдствіемъ неяснаго пониманія неаполитанскихъ учрежденій, точно также, какъ образъ дѣйствій, за который пострадали Поэріо и его товарищи, мы считаемъ ошибочнымъ, и полагая, что онъ былъ очень вреденъ для Неаполя, должны сказать, что они сами были виноваты въ своихъ несчастіяхъ, совершенно заслуженныхъ. Мы грустимъ о тяжести этихъ страданій, мы высоко уважаемъ личныя достоинства и благородство характера несчастныхъ страдальцевъ, — но, повторяемъ, они сами были виноваты въ томъ, чему подверглись.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письмо Наполеона къ мистеру Геду; письмо мистера Геда въ редакцію газеты „Times“ и отвѣтъ газеты.

1. Редактору газеты «*Times*».

Милостивый государь! Нѣсколько дней тому назадъ я вырѣзалъ изъ столбцовъ вашей газеты и нашелъ полезнымъ послать къ императору французовъ, о которомъ англійская пресса говоритъ, что онъ непремѣнно хочетъ войны, три письма, въ которыхъ я защищалъ его и которыя были напечатаны вами.

Посылаю вамъ копію записки, при которой они были отправлены, и провѣренный переводъ письма, полученнаго мною въ отвѣтъ. Спокойныя и великодушныя чувства его относительно Англіи, я увѣренъ, будутъ оцѣнены и одобрены вашими безчисленными читателями всѣхъ сословій и мнѣній во всѣхъ странахъ свѣта. Для нихъ всѣхъ должно быть очевидно, что если бы англійская пресса, согласно съ желаніемъ британской націи, только приняла, а не отталкивала руку дружбы, постоянно протягиваемую Англіи съ самаго его избранія французскимъ народомъ, императоромъ Наполеономъ III, нынѣ повелѣвающимъ полумилліономъ солдатъ, то соединенныя силы, энергія и богатство двухъ державъ могли бы обезпечить Европѣ неоцѣненныя блага «мира, превышающаго всякій разумъ».

Остаюсь, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Ф. Б. Гедъ.

Господину Моккару, личному секретарю императора, въ Парижѣ.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ имѣетъ честь просить мистера Моккара вручить прилагаемыя бумаги его величеству императору Наполеону III.

«*Дворецъ Тюильри, 1-го марта.* Любезный мой сэръ Фрэнсисъ, благодарю васъ за то, что вы собрали и прислали мнѣ различныя статьи, помѣщенныя вами въ англійскихъ газетахъ, ибо такимъ образомъ вы дали мнѣ случай изъявить вамъ всю мою признательность за чувства, которыя вы не побоялись добровольно выразить въ мою пользу. Я увидѣлъ въ этомъ—и это меня очень тронуло—новое доказательство, что старые друзья мои въ Англіи меня не забыли и знаютъ, что я всегда сохранялъ къ англійскому народу то уваженіе и сочувствіе, какія питалъ къ нему во время изгнанія моего посреди васъ. Даже теперь, когда я пишу къ вамъ, я вспоминаю, какъ о чемъ-то счастливомъ, о томъ времени, когда, будучи изгнанникомъ, я видѣлся съ вами въ Англіи. Вѣдь человѣкъ вмѣстѣ съ перемѣной судьбы мѣняетъ и радость, и горе свое. Въ былое время меня поглощала только скорбь изгнанія; теперь передо мною

заботы управленія, и одна изъ величайшихъ состоитъ, конечно, въ томъ, что меня дурно понимаютъ и невѣрно судятъ обо мнѣ именно тѣ, которыми я всего болѣе дорожу и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи. Такъ, я нахожу весьма естественнымъ, что партіи, которымъ я былъ обязанъ противодѣйствовать, выказываютъ ко мнѣ недоброжелательство и изыскиваютъ всѣ средства вредить мнѣ; но не могу понять, почему англичане, которыхъ я всегда былъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ союзникомъ, безпрестанно нападаютъ на меня въ своихъ газетахъ самымъ недостойнымъ и несправедливымъ образомъ, ибо, говоря по совѣсти, для меня непостижимо, какой они могутъ имѣть интересъ въ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Еслибъ я у себя вздумалъ дѣйствовать такимъ образомъ, то впослѣдствіи былъ бы поставленъ въ невозможность подавить страсти, мною возбужденныя. Я всегда питалъ большое уваженіе къ свободѣ англійскаго народа; но глубоко сожалѣю о томъ, что свобода, какъ и все хорошее, имѣетъ свои крайности. Зачѣмъ она, вмѣсто разъясненія истины, дѣлаетъ все, что только можно, для ея затемненія? Зачѣмъ, вмѣсто поощренія и развитія благородныхъ чувствъ, распространяетъ она недовѣрчивость и вражду? Итакъ, посреди всѣхъ этихъ лживыхъ происковъ, я счастливъ тѣмъ, что нашелъ защитника, который, руководствуясь одной любовью къ истинѣ, рѣшился возвысить противъ нихъ свой добросовѣстный и безкорыстный голосъ. Примите, любезный мой сэръ Фрэнсисъ, увѣреніе въ дружественныхъ моихъ чувствахъ

«*Наполеонъ*».

Отвѣтъ газеты *Times*.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ былъ почтенъ отъ императора французовъ благодарственнымъ письмомъ за свое усердіе къ императорскому дѣлу. Это письмо онъ посылаетъ намъ, а мы представляемъ его читателямъ. Черезъ него сэръ Фрэнсисъ Гедъ болѣе прежняго убѣдился, что Наполеонъ III есть достойнѣйшій и искреннѣйшій властелинъ, желающій только одного того, чтобы жить въ мирѣ со всѣми націями и особенно съ Англіей. Сэръ Фрэнсисъ Гедъ считаетъ это письмо побѣдоноснымъ оправданіемъ своихъ собственныхъ мыслей и увѣренъ, что мы не будемъ долѣе представлять собою помѣху тому прочному союзу предмета его обожанія съ англійскимъ народомъ, который такъ сильно будетъ содѣйствовать счастію человѣчества. Мы жалѣемъ, что неспособны раздѣлять увѣренность, внушаемую нашему корреспонденту письмомъ императора. Если бы судьба міра зависѣла только отъ прекрасныхъ словъ, она скоро была бы рѣшена. Къ счастію люди смотрятъ не на одни слова, а также и на дѣла, и общія мѣста о мирѣ и союзѣ будутъ производить мало впечатлѣнія, пока арміи остаются собранными для нападенія на сосѣда и увеличивается число военныхъ кораблей въ видахъ имѣть послѣ того войну съ другимъ сосѣдомъ.

Разбирая письмо Наполеона III, мы не имѣемъ намѣренія припоминать событій хорошо извѣстныхъ каждому. Карьера повелителя французовъ—предметъ исторіи, и Европа знаетъ путь, которымъ онъ вошелъ на престолъ. Даже сэръ Фрэнсисъ Гедъ, хотя его душа очевидно распростерта въ поклоненіи монарху, личнымъ знакомствомъ котораго онъ почтенъ, требуетъ съ нашей стороны хорошаго обращенія съ нимъ только на томъ основаніи, что императоръ простиралъ къ намъ руку дружбы и что онъ повелѣваетъ полумилліономъ солдатъ. Мы согласны разсматривать вопросъ исключительно на этихъ основаніяхъ. Французскій императоръ могущественный властелинъ и увѣряетъ Англію въ своей дружбѣ. Обязываютъ ли насъ эти причины забывать о томъ фактѣ, что, получивъ полное распоряженіе надъ своимъ отечествомъ, онъ поступалъ съ слабѣйшими государствами высокомѣрно и оскорбительно, и что нынѣ онъ грозитъ Европѣ такимъ дѣломъ, которое можетъ стать общею европейскою войною? Жалобы императора, высказанныя въ его письмѣ, конечно были бы достойны уваженія, если бы имѣли хотя какое нибудь основаніе. Онъ говоритъ, что перемѣна судьбы только измѣнила его радости и печали. «Прежде мнѣ являлись только скорби изгнанія,

теперь ясно вижу я прискорбія власти, и одно изъ величайшихъ моихъ прискорбій то, что я вижу себя предметомъ ложныхъ мнѣній и сужденій со стороны тѣхъ, кого я наиболѣе уважаю и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи». Намъ кажется, что послѣ событій послѣдняго года, послѣ адресовъ французскихъ полковниковъ, послѣ открытія Шербургскаго порта и статуи Наполеону I, послѣ преслѣдованія Монталамбера за похвалу англійскимъ учрежденіямъ и послѣ отказа принять британское посредничество въ пользу древнѣйшей нашей союзницы Португаліи по дѣлу корабля *Charles et Georges*,—это обращеніе къ англійской чувствительности нѣсколько не своевременно. Мы утѣшаемся мыслью, что каковы бы ни были печали нашего союзника, отчужденіе англичанъ отъ него не можетъ занимать важнаго мѣста между ними. Послѣ опытовъ, представленныхъ послѣдними мѣсяцами, тщеславіемъ было бы съ нашей стороны предположеніе, что мнѣніе англичанъ имѣло бы особенную цѣну для императора французовъ, если бы не казалось оно нужнымъ для руководства мнѣніями французскаго народа. Императоръ удивленъ, что англійская пресса говоритъ противъ него, «потому что по совѣсти, говоритъ онъ, я не вижу для нея никакой выгоды въ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Если бы въ своей странѣ я вздумалъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, мнѣ потомъ невозможно было бы удержать страсти, которыя возбудилъ бы я». Надобно замѣтить, что это старинный аргументъ самаго сэра Фрэнсиса Геда. Во-первыхъ предполагается, что каждое слово о настоящемъ правительствѣ возбуждаетъ общественное мнѣніе противъ Франціи. Во-вторыхъ дается намъ предостереженіе, что императоръ, когда бы ему ни вздумалось, можетъ поднять противъ насъ французскій народъ. Но великій и единственный вопросъ для Англіи и для другихъ странъ состоитъ въ томъ, можетъ ли даже самая терпѣливая и неизмѣнная учтивость отвратить нападеніе, которымъ грозитъ имъ французское правительство. Еслибы несомнѣнно было, что миръ Европы можетъ быть купленъ молчаніемъ, мы все-таки еще подумали бы, стоитъ ли покупать его такою цѣною; но когда оказывается, что подобная робость только можетъ поощрять къ нападенію, то и это жалкое искушеніе изчезаетъ. Сколько можно судить, бывшія и нынѣшнія наши несогласія съ Франціею были произведены не смѣлостью газетъ или какихъ нибудь парламентскихъ ораторовъ, а угодливостью нашихъ государственныхъ людей. Европѣ кажется, что натянуто-похвальныя выраженія, въ которыхъ всегда говорятъ объ императорѣ наши бывшіе и настоящіе министры, обозначаютъ страхъ предъ его могуществомъ и сознаніе нашей слабости. Мы не ставимъ этого языка въ вину англійскимъ политическимъ людямъ; фразеологія въ парламентѣ совершенно искуственная, и мы знаемъ, что когда министръ говоритъ «нашъ августѣйшій союзникъ» или «этотъ проницательный государь», то эти выраженія совершенно равносильны тому, какъ онъ своего политическаго противника называетъ своимъ «достопочтеннымъ другомъ». Но континентъ не понимаетъ этихъ тонкостей; и если онъ теперь расположенъ твердо воспротивиться притязаніямъ французской имперіи, то его надежды на англійскую помощь внушаются тономъ народа, а не тономъ нашихъ оффиціальныхъ правителей.

Но что намъ разсуждать о вѣроятностяхъ, когда можно указать на фактъ. Австрія имѣетъ всѣ качества, какія желалъ бы придать каждой державѣ Наполеонъ III, и ея газеты были постоянно идеаломъ, въ родѣ того, какой представляетъ намъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ. Императоръ «глубоко жалѣетъ, что свобода, подобно всему хорошему, можетъ имѣть свои излишества». Онъ спрашиваетъ, «зачѣмъ, вмѣсто обнародованія истины, она употребляетъ всѣ усилія на ея помраченіе? зачѣмъ она, вмѣсто того, чтобы развивать и ободрять благородныя чувства, распространяетъ недовѣріе и ненависть?» Чтожь, если свобода въ Англіи дѣлала такой грѣхъ, она была невинна въ Австріи. Когда англійскія газеты, въ противность императорскимъ парижскимъ газетамъ, «употребляли всѣ усилія на помраченіе истины», австрійскія газеты неуклонно удерживались цензурою въ границахъ учтивости. Во все продолженіе царствованія императора Наполеона, австрійскій императоръ обращался съ нимъ учтиво и уважительно; по его внушенію Францъ-Іосифъ сталъ врагомъ царя Николая, такого государя, котораго онъ привыкъ считать благодѣтелемъ и почти отцемъ. Обмѣнивались учтивости между вѣнскимъ и парижскимъ дворами; давались ордена; было устроено дружеское

свиданіе въ Штутгардтѣ и не было никакихъ причинъ предусматривать какой нибудь раздоръ. Кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ различій во мнѣніи объ устройствѣ турецкихъ провинцій, не возникало потомъ никакихъ случаевъ несогласія. Характеромъ внутренняго французскаго управленія австрійцы никогда не огорчались. Вѣнскіе государственные люди чуть ли не первые привѣтствовали возстановленіе такъ называемаго «порядка», и съ той поры до настоящаго времени они зорко наблюдали за своими газетами, строго запрещая даже тѣ робкія размышленія, которыя дозволялись сѣверонѣмецкимъ газетамъ. Каковъ же былъ результатъ? Принесло ли все это какую нибудь пользу Австріи? Были ли, хоть на одинъ часъ, ради всего этого, отсрочены приготовленія французскаго императора, или поколебался ли онъ, хоть на минуту, въ своей рѣшимости найти причину къ ссорѣ? Въ войнѣ съ Австріею, въ союзѣ съ Сардиніею, въ предложеніи независимости итальянскому народу, онъ увидѣлъ путь къ увеличенію личнаго и семейнаго могущества и почти два года неотступно подготовлялъ свои планы. Кто помнитъ, какъ сначала разнеслись тихіе слухи по Италіи, какъ они смѣнились маленькими замѣчаніями австрійскому посланнику въ Парижѣ и какъ вдругъ, когда все было готово, былъ поднятъ занавѣсъ перваго января,—кто помнитъ это, можетъ судить, насколько могутъ измѣнять намѣреніе императора Наполеона самыя усердныя заботы о его смягченіи.

Потому, не смотря на письмо, вызванное сэромъ Фрэнсисомъ Гедомъ, англичане будутъ продолжать судить о европейскихъ дѣлахъ. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія обижать императора, или его династію, или народъ его избравшій. Очень можетъ быть, что онъ съ нѣкоторымъ доброжелательствомъ вспоминаетъ о странѣ, гдѣ провелъ много лѣтъ и пріобрѣлъ знакомства, поддерживаемыя до сихъ поръ. Быть можетъ, что онъ не желаетъ зла Англіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не требуютъ того его расчеты. Но образъ его дѣйствій, принципы его правленія и, наконецъ, насильственность его иностранной политики и его безмѣрныя вооруженія породили недовѣріе, которому мы только служили органомъ. Наполеону III еще остается исполнить два собственныя свои изреченія, которыя теперь свѣтъ начинаетъ повторять только въ ироническомъ смыслѣ. Онъ сказалъ намъ, что «имперія—это миръ» и что «свобода должна увѣнчать зданіе имперіи». Пусть онъ покажетъ свою вѣрность этимъ принципамъ и ему не нуженъ будетъ защитникъ передъ англійскимъ народомъ.

В. Замѣчаніе и объяснительная статья изъ Монитера 5 марта съ отвѣтомъ газеты «Times».

1. Замѣчаніе, статья и возраженіе изъ Монитера.

«Общественное мнѣніе въ иностранныхъ государствахъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ нынѣшнемъ положеніи журналистики во Франціи. Вообще полагаютъ, кажется, что газеты подвержены предварительной цензурѣ, и такимъ образомъ имъ придаютъ значеніе, неимѣющее основанія. Правительство не оказываетъ на газеты никакого предупредительнаго вліянія. Итакъ публика всячески должна остерегаться выводовъ, основанныхъ на образѣ выраженій журналовъ. Всякій разъ, какъ представляется важный вопросъ или совершается значительный фактъ, правительство обращается прямо къ націи черезъ посредство оффиціальнаго журнала. Такой долгъ оно всегда возлагало на себя и тѣмъ совѣстливѣе будетъ исполнять его при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда общественное мнѣніе болѣе чѣмъ когда либо вводится въ заблужденіе».

«Положеніе дѣлъ въ Италіи, хотя ужь не новое, приняло въ послѣднее время въ глазахъ публики особенно-важный характеръ, который, разумѣется, не могъ не поразить императора; ибо глава великой державы, какова Франція, не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ вопросовъ, касающихся европейскаго порядка. Исполненный благоразумія, недостатокъ котораго могъ бы быть ему поставленъ въ вину, онъ прямодушно заботится о разсудительномъ и справедливомъ рѣшеніи, какого могутъ ожидать

эти щекотливыя и трудныя задачи. Императору нечего скрывать, не отъ чего отрекаться ни въ заботахъ ни въ союзахъ своихъ. Французскій интересъ преобладаетъ надъ его политикой и оправдываетъ его бдительность. При неосновательной, будемъ надѣяться, тревогѣ, взволновавшей умы въ Піэмонтѣ, императоръ обѣщалъ сардинскому королю защищать его противъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій Австріи; онъ не обѣщалъ ничего болѣе, и всѣ знаютъ, что онъ сдержитъ слово. Развѣ это мечты о войнѣ? Съ которыхъ поръ перестали считать сообразнымъ съ правилами благоразумія предвидѣніе болѣе или менѣе близкихъ затрудненій и взвѣшиваніе всѣхъ послѣдствій ихъ? Мы указали на то, что есть дѣйствительнаго въ мысляхъ, обязанностяхъ и расположеніи императора; все, что прибавлено преувеличенными газетными статьями— выдумки, ложь и бредни. Говорятъ, что Франція дѣлаетъ значительныя вооруженія. Это обвиненіе ни на чемъ не основанное. Нормальный составъ войскъ на мирной ногѣ, принятый императоромъ два года назадъ, не превзойденъ. Артиллерія покупаетъ четыре тысячи лошадей для того, чтобы достигнуть предѣла, положеннаго уставомъ. Пѣхотные полки простираются до двухъ тысячъ человѣкъ, кавалерійскіе до девятисотъ. Говорятъ также, что нашимъ арсеналамъ придано необычайное движеніе. Но забываютъ, что мы должны перемѣнить всѣ наши артиллерійскіе снаряды и преобразовать весь флотъ нашъ. Это послѣднее предпріятіе, на которое мы давно рѣшились, чтобы поставить флотъ нашъ въ нормальное положеніе, ежегодно утверждается Законодательнымъ Корпусомъ; и не смотря на самую похвальную дѣятельность, для совершенія этихъ работъ потребуется еще нѣсколько лѣтъ. Наконецъ тревожатся приготовленіями нашего флота. Всѣ эти приготовленія ограничиваются вооруженіемъ четырехъ фрегатовъ для перевозки войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжиріи во Францію, и четырехъ смѣшанныхъ транспортныхъ судовъ, предназначаемыхъ для удовлетворенія разнымъ потребностямъ, а именно для войскъ нашихъ въ Чивита-Веккіи и доставленія черезъ Александрію продовольствія экспедиціи нашей въ Кохинхинѣ.

«Вотъ факты. Они должны вполнѣ успокоить искренніе умы насчетъ намѣреній, приписываемыхъ императору, ниспровергнуть увѣренія людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы бросать тѣнь сомнѣнія на самыя прямодушныя мысли и отуманивать самыя ясныя положенія. Не пора ли спросить себя, когда кончатся эти смутные и нелѣпые слухи, распространенные газетами изъ конца въ конецъ Европы, съ цѣлью указывать общественному легковѣрію на воинственные планы императора французовъ и возлагать на него одного отвѣтственность въ тревогахъ и вооруженіяхъ Европы? Кто же можетъ имѣть право столь оскорбительнымъ образомъ вводить умы въ заблужденіе и столь неосновательно встревоживать интересы? Гдѣ слова, гдѣ дипломатическія ноты, гдѣ дѣйствія, свидѣтельствующія о желаніи возбудить войну ради страстей, ею удовлетворяемыхъ, или славы, ею доставляемой? Кто видѣлъ солдатъ, кто считалъ пушки, кто исчислилъ запасы, прибавленные, цѣною столькихъ издержекъ и съ такой поспѣшностью, къ нормальному и уставному положенію Франціи на мирной ногѣ? Гдѣ чрезвычайные наборы, преждевременные призывы рекрутъ? Когда призывали къ службѣ людей, срокъ отпуска которыхъ подлежитъ возобновленію? Кто можетъ указать наконецъ хоть бы на самые ничтожные элементы этихъ общихъ обвиненій, которыя выдумываются злонамѣренными людьми, разносятся по свѣту легковѣрными и принимаются на вѣру глупцами? Конечно, императоръ, какъ мы уже говорили, наблюдаетъ за различными причинами несогласій, могущими показаться на горизонтѣ. Свойство всякой разсудительной политики стараться предотвращать событія или вопросы, способные нарушить порядокъ, безъ котораго нѣтъ ни мира, ни мирныхъ сдѣлокъ. Серьезнымъ дѣламъ нуженъ не отдыхъ, а необходимы безопасность и ручательство за будущее. Такая предусмотрительность не есть волненіе или вызовъ. Изучать вопросы не значитъ создавать ихъ, и отклонять отъ нихъ свои взоры и вниманіе, не значило бы ни уничтожать, ни рѣшать ихъ. Впрочемъ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ вступило на дипломатическій путь, и ни изъ чего нельзя заключить, чтобы исходъ ихъ не былъ благопріятнымъ для упроченія общаго мира».

2. Отвѣтъ газеты *Times*.

Подобно языческому Юпитеру, иногда покрывавшему небо грозными тучами, которыя потомъ онъ, тотъ же самый Юпитеръ, съ такою же скоростью разгонялъ, императоръ Наполеонъ, такъ долго устрашавшій насъ слухами о приближеніи войны, теперь благоволитъ успокоивать насъ словами мира и тишины. И пора было, очень пора. Перспектива чрезвычайно благоденственнаго года отчасти уже разрушена и болѣе двухъ мѣсяцевъ уже отнята у друзей цивилизаціи и прогресса повсюду разлившимся страхомъ европейской войны. Когда немногія слова такъ легко могли разсѣять страхъ, которымъ былъ обнятъ міръ, намъ естественно жалѣть, что они такъ долго оставались несказанными и что мы были оставлены блуждать въ совершенномъ мракѣ, который могъ быть такъ быстро и безслѣдно разсѣянъ однимъ лучемъ свѣта, подобно Розенкрейцерскому пламени горящаго въ священномъ бюро Монитера. Мы не охотники до подобныхъ шутокъ и никакъ не предполагали, чтобы у императора французовъ было такъ много серьезнаго юмора. Мистифировать цѣлый континентъ — это шутка гигантскаго размѣра, такого размѣра, что перестаетъ быть шуткой. Читая римскую исторію, невольно бываешь пораженъ, замѣчая какую-то соотвѣтственность между безмѣрными преступленіями цезарей и громаднымъ театромъ, на которомъ они совершались; и фальшивая тревога, въ которую была ввергнута Европа на два мѣсяца, произведена была въ размѣрѣ достойномъ ея виновника. Но, слава Богу, періодъ неосновательнаго страха кончается. Веселый джентльменъ, перерядившійся привидѣніемъ, чтобы попугать насъ, снова надѣлъ свой обыкновенный костюмъ, и ужасная маска уже не потрясаетъ нашихъ нервовъ. Костюмировка была очень страшна, но теперь мы знаемъ, что дурнаго умысла въ ней не было, и потому успокоились. Можемъ увѣрить императора французовъ, что ни одинъ плѣнникъ, попавшійся въ руки мухамеданъ, не прислушивался къ проповѣди корана, подъ занесенными на него кинжалами, и ни одна прекрасно-волосая саксонка, стоя въ двухъ шагахъ отъ палача, не слушала миссіонеровъ Карла Великаго съ такимъ искреннимъ и горячимъ желаніемъ обратиться, какъ слушаемъ его теперь мы, когда онъ, чрезъ посредство Монитера, усердствуетъ убѣдить насъ, что мы совершенно ошибались, предполагая нѣкоторое время, будто бы есть хотя малѣйшая вѣроятность нарушенія европейскаго мира. Ни въ комъ никогда не бывало такого пылкаго желанія повѣрить.

Поэтому съ несомнѣннѣйшимъ довѣріемъ мы принимаемъ слова неоффиціальной части Монитера, которая, какъ кажется, всегда особенно предназначалась для оффиціальныхъ сообщеній, что тонъ французскихъ газетъ никакъ не надобно смѣшивать съ тономъ правительства, и что хотя онѣ, не подвергаясь предостереженіямъ и выговорамъ, могли дышать воинскимъ пламенемъ, но что все таки мы не должны изъ-за этого питать ни малѣйшаго сомнѣнія въ сохраненіи мира, пока само правительство не объявитъ о началѣ военныхъ дѣйствій. Это ученіе очень успокоительно; оно въ одинъ мигъ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ тѣхъ печальныхъ опасеній относительно близкой войны, какія могли быть внушены недавними статьями *Presse*'ы, *Pays* и *Siécl*'я и, можетъ быть, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Мы проникнуты сильнѣйшимъ желаніемъ отречься отъ нашихъ ересей. Намъ восхитительно вѣрить, «что наши безпокойства были неосновательны» и что когда мы чуть-чуть не были готовы къ предложеніямъ менѣе лестнымъ, императоръ французовъ былъ и остается только «благоразуменъ, искрененъ и бдителенъ»; и что «онъ обѣщалъ помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія на него отъ Австріи, но не обѣщалъ ничего болѣе». Мы готовы со стыдомъ и сокрушеніемъ сердца признаться, что принимая «предусматриваніе затрудненій и взвѣшиваніе послѣдствій» за нѣчто довольно близкое къ дѣйствію, мы ошибались, и съ печалью мы научаемся, что черезъ такое предположеніе мы провинились «въ мечтательности, лживости и безумствѣ». Мы соглашаемся, что ошиблись, принявъ за постановленіе вооруженныхъ силъ на военное положеніе ту армію, тотъ флотъ и тѣ запасы, какіе императоръ опредѣлилъ въ предположеніяхъ глубокаго мира; и что покупка 4,000 лошадей для артиллеріи ни мало не выходитъ за границы мирнаго

штата и составляетъ самое натуральнѣйшее дѣло для государства, единственная цѣль котораго состоитъ въ успокоеніи тревожащихся сосѣдей. Подобно намъ, Франція имѣетъ надобность измѣнить характеръ своей артиллеріи; подобно намъ, она имѣетъ надобность перестроить свой флотъ. Какъ могли мы шорохъ, производимый въ ея арсеналахъ этими чисто мирными трудами, смѣшивать съ громомъ и шумомъ, предвѣщающимъ бѣдствія приближающейся войны? Кто можетъ претендовать на Францію за постройку четырехъ фрегатовъ для перевозки ея войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжиріи во Францію и кто можетъ клеветать на четыре смѣшанныя транспортныя судна, предназначенныя для надобностей по сношеніямъ съ Чивита-Веккіею и для продовольствія кохинхинской экспедиціи? Какъ могли мы «нагонять тучи на столь ясное положеніе» и придавать публичность тѣмъ «неопредѣлительнымъ и нелѣпымъ слухамъ», которые «общественному легковѣрію представляютъ» императора французовъ, будто бы серьезно занимающимся приготовленіями къ войнѣ? Мы смиренно покоряемся выговору Монитера и желаемъ единственно того, чтобы императоръ благоволилъ доказать своими дѣйствіями также убѣдительно, какъ доказалъ уже своими словами, что наши опасенія были напрасны и бездѣльны. Мы не станемъ входить въ споры для опроверженія хотя одного какого нибудь изъ его словъ. Пусть только онъ сдѣлаетъ ихъ справедливыми въ будущемъ, и мы совершенно согласны, чтобы онъ считалъ ихъ справедливыми въ прошломъ. Мы не желаемъ побѣдъ въ спорахъ; намъ не нужно ничего, кромѣ мира, и если по какой нибудь строптивости нашего ума этотъ миръ окажется, какъ говоритъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ, «превышающимъ всякое разумѣніе», мы все-таки не станемъ изъ-за этого возражать ему. Будетъ ли угодно императору французовъ сказать, что онъ замышлялъ войну, но что представленіями своихъ законодательныхъ властей, своихъ министровъ и своего народа онъ былъ убѣжденъ промѣнять войну на миръ; или угодно ему стараться убѣдить насъ, что страхи, волновавшіе всю Европу, и сильнѣе всѣхъ остальныхъ частей Европы волновавшіе собственную его державу, просто «сбивчивыя и неосновательныя галлюцинаціи», все равно мы окажемся одинаково податливыми на вѣру ему, если только онъ озаботится, чтобы по крайней мѣрѣ будущее явилось въ точности соотвѣтствующимъ его мнѣнію о прошедшемъ. Не будемъ предлагать никакихъ вопросовъ, не будемъ возбуждать никакихъ мрачныхъ воспоминаній; памфлеты, рѣчи и циркуляры мы погрузимъ въ рѣку забвенія, глубже книги чародѣя Просперо, трижды счастливые, если въ замѣнъ этихъ или какихъ нибудь другихъ уступокъ мы можемъ получить увѣренность, что миръ Европы останется ненарушеннымъ. Намъ представляется, не отъ того ли произошла наша ошибка, что мы не умѣли составить себѣ достаточно великолѣпнаго и воинственнаго понятія объ истинномъ характерѣ мира и не успѣли понять, какъ похожъ этотъ миръ на войну въ большихъ военныхъ монархіяхъ. Нельзя найти лучшаго примѣра этому сходству, какъ то, что въ самое время работы во французскихъ арсеналахъ надъ замѣненіемъ нынѣшнихъ пушекъ новыми, болѣе сильными, но гораздо болѣе легкими, оказалось необходимымъ купить вдругъ 4,000 новыхъ лошадей для новыхъ баттарей. Мы постараемся воспитать въ себѣ болѣе воинственныя понятія о мирѣ, бдительности, предусмотрительности и искренности и всѣхъ другихъ прекрасныхъ вещахъ, обѣщаемыхъ Монитеромъ; и когда мы перевоспитаемъ себя, быть можемъ мы сдѣлаемся способнѣе воздавать справедливость настоящимъ намѣреніямъ и будущимъ планамъ Франціи.

Но мы увѣрены, что можно простить насъ за желаніе, чтобы новый родъ мира, изобрѣтенный императоромъ, былъ сдѣланъ нѣсколько менѣе убыточенъ для его сосѣдей, и чтобы Франція возжелала сидѣть подъ виноградникомъ своимъ и смоковницею своею, пожиная жатвы свои и источая въ точилѣ елей изъ маслинъ своихъ, прекративъ громадные сборы разрушительныхъ снарядовъ, которые, хотя безъ сомнѣнія много содѣйствуютъ увеличенію ея внутренняго мира и счастія, развитію ея благосостоянія и улучшенію ея финансовъ, но возлагаютъ чрезвычайно тяжкое и неудобоносимое бремя подобныхъ приготовленій на насъ, ея менѣе счастливыхъ и менѣе богатыхъ сосѣдей и союзниковъ. Мы съ восхищеніемъ слышимъ, что она прилежитъ къ мирнымъ искусствамъ, но нашъ низкій меркантильный духъ внушаетъ намъ желаніе,

чтобы она могла прилежать къ нимъ съ меньшею потерею денегъ, кредита и безопасности.

C. Отрывки изъ рѣчей лорда Джона Росселя и мистеровъ Робака и Брайта противъ билля о парламентской реформѣ, внесеннаго мистеромъ д'Израэли въ засѣданіе Палаты Общинъ 28-го февраля (по отчету газеты Times).

I. Изъ рѣчи лорда Росселя.

«Я совершенно понимаю, что правительству очень затруднительно было предложить билль о народномъ представительствѣ. Я соглашаюсь также, что слыша въ первый разъ предлагаемый проэктъ, трудно судить о его подробностяхъ, безъ нѣкоторой отсрочки для ихъ разбора. Но въ словахъ достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) есть двѣ вещи, о которыхъ я долго думалъ, о которыхъ я теперь же могу судить, и слова достопочтеннаго джентльмена объ этихъ вещахъ, признаюсь, исполнили меня очень сильнаго неудовольствія. Первая изъ этихъ вещей относится къ фригольдерамъ [1]), которые теперь имѣютъ право голоса въ графствахъ (Браво!). Эти собственники теряютъ голосъ въ графствахъ. Это представляется мнѣ очень значительнымъ и опаснымъ нововведеніемъ (Браво!). Этимъ правиломъ отнимается голосъ у 90 или 100 тысячъ лицъ, пользовавшихся такимъ правомъ въ теченіе 400 лѣтъ (Браво!). Предлагается, безъ всякаго ихъ согласія, безъ всякаго изслѣдованія, лишить ихъ этого права голоса безцеремоннымъ рѣшеніемъ парламента. (Браво!). Но я считалъ это право не однимъ изъ недостатковъ нынѣшней системы, нуждающихся въ исправленіи, а напротивъ оно всегда казалось мнѣ вещью чрезвычайно хорошею (аплодисменты). При реформѣ 1832 года, когда нѣкоторые пэры хотѣли принять прошедшій черезъ Палату Общинъ билль реформы съ извѣстными измѣненіями и одно изъ этихъ измѣненій было въ томъ, чтобы фригольдеры, живущіе въ городахъ, не имѣли голоса въ графствахъ, я прямо объявилъ лорду Грею, что если билль возвратится въ Палату Общинъ съ этимъ измѣненіемъ, то я предложу отвергнуть это измѣненіе и буду рисковать судьбою цѣлаго билля изъ-за этого одного измѣненія (аплодисменты). Многія изъ этихъ лицъ по новому биллю лишились бы всякаго участія въ выборахъ, потому что изъ людей, имѣющихъ свободную собственность въ 40 шиллинговъ дохода и живущихъ въ городахъ, только тѣ имѣютъ голосъ въ городахъ, которые занимаютъ квартиры въ десять фунтовъ. Это одно изъ предложеній достопочтеннаго джентльмена, возбуждающихъ во мнѣ сильное неудовольствіе. Другая часть проэкта, представляющаяся мнѣ очень опасною, не какое нибудь новое предложеніе, а просто умолчаніе. Мнѣ давно казалось, что въ рабочихъ сословіяхъ нашего отечества есть очень многочисленный разрядъ лицъ совершенно способныхъ быть хорошими избирателями. Относительно всѣхъ этихъ лицъ достопочтенный джентльменъ не говоритъ ничего (аплодисменты). Да, если билль о реформѣ долженъ удовлетворить націи, то я долженъ сказать, что есть значительная часть общества, права которой не удовлетворяются нынѣшнимъ законодательствомъ; это, великое сословіе рабочихъ людей (Браво!). Они все больше и больше интересуются политическими дѣлами, они становятся все болѣе и болѣе способными судить о нихъ, и чувствуя себя способными имѣть голосъ, они недовольны тѣмъ, что остаются лишены этой привилегіи (аплодисменты). Если билль о реформѣ долженъ дать удовлетвореніе націи, то масса рабочихъ людей въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ должна получить голосъ, и черезъ ихъ допущеніе къ выборамъ конституція сдѣлается болѣе прочна. Я думаю, что вы лишите себя этой прибавочной силы, если вы оставите ихъ исключенными отъ выборовъ. Эти двѣ вещи въ

---

[1]) *Freeholders*, маленькіе собственники изъ простаго народа, участки которыхъ находятся внѣ феодальной зависимости отъ лендлордовъ, большихъ землевладѣльцевъ изъ аристократическихъ фамилій.

словахъ достопочтеннаго джентльмена пробудили во мнѣ большое неудовольствіе. Относительно другихъ статей билля я теперь не хочу говоритъ ничего; но о всемъ вообще вопросѣ скажу, что если вы не рѣшились дать націи болѣе значительнаго удовлетворенія, если вы не хотите сдѣлать болѣе дѣйствительной перемѣны, то лучше не дѣлать никакой перемѣны (сильные апплодисменты). Я понимаю, что нація можетъ продолжать разсужденіе объ этихъ дѣлахъ еще нѣсколько времени, не производя никакихъ перемѣнъ. Но я не понимаю того, чтобы парламентъ предложилъ націи, или, лучше сказать, наложилъ на націю противъ ея воли билль, содержащій много перемѣнъ, но не содержащій никакого постановленія въ пользу честнаго и тяжко работающаго человѣка (тори кричатъ: о, о!... оппозиція апплодируетъ). Если вы не дадите удовлетворенія тѣмъ, которые имѣютъ право быть удовлетворены, то повѣрьте, вашъ билль не представляется мнѣ улучшеніемъ нынѣшнихъ законовъ о представительствѣ (апплодисменты); но важнѣе всего то, что онъ не представляется мнѣ консервативною мѣрою. Я могу понять, что консервативный министръ говоритъ: «это дѣло о представительствѣ было уже устроено прежними законами и мы не предполагаемъ измѣнять его, потому что намъ не кажется нужнымъ улучшеніе въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей»; но чтобы консервативный министръ предлагалъ отнятіе голосовъ у 90 или 100 тысячъ человѣкъ и не соглашался дать голосъ рабочимъ сословіямъ, —этого я не въ состояніи понимать» (сильные апплодисменты).

2. Изъ рѣчи Робака.

«Перемѣна сама по себѣ зло. (Хохотъ). Перемѣна въ законодательствѣ извинительна только тогда, когда перемѣна клонится къ лучшему; а мое обвиненіе противъ предложенія достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) состоитъ въ томъ, что это перемѣна, которая ведетъ къ худщему (о, о! съ одной стороны; съ другой апплодисменты). Почему былъ внесенъ въ 1831 году билль реформы 1832 года благороднымъ лордомъ (Росселемъ)? Онъ былъ внесенъ потому, что правительственная сила была въ рукахъ только у одного класса, именно у земледѣльческой аристократіи (браво!). Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) самъ сказалъ, что цѣлью этого билля было дать власть среднему сословію. И дѣйствительно, онъ ее далъ ему. Вспомните же, какъ вело себя рабочее сословіе при этомъ случаѣ (апплодисменты); что говорили работники? Они говорили: «Билль, внесенный благороднымъ лордомъ, не дастъ намъ власти; но мы имѣемъ такое довѣріе къ вамъ, наши согражданe средняго сословія, что мы поможемъ вамъ побѣдить оппозицію землевладѣльческой аристократіи, дадимъ вамъ силу пріобрѣсть голосъ для вашего сословія». Безъ рабочаго сословія тогда не прошелъ бы билль о реформѣ (браво!). Оно тогда держало себя такъ, что я никогда этого не забуду. Оно держало себя такъ, что среднее сословіе не должно никогда забыть этого (апплодисменты). Теперь отъ имени рабочихъ классовъ нашей земли я обращаюсь къ среднему классу Англіи и говорю ему: въ 1832 году вы пріобрѣли себѣ власть помощью работниковъ, и я призываю васъ, какъ серьезныхъ, какъ честныхъ, какъ благородныхъ людей, не пренебречь теперь интересами тѣхъ, которые помогли вамъ тогда (браво!).

«Билль достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) не дастъ ни йоты власти рабочему сословію нашей земли (апплодисменты). Это билль отнимающій голоса, а не дающій голоса. Онъ отнимаетъ голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ, и не даетъ никому участія во власти. Возьму въ примѣръ тотъ городъ, представителемъ котораго имѣю я честь быть (Шеффильдъ). Въ этомъ городѣ живетъ нѣсколько тысячъ людей, имѣющихъ нынѣ голосъ въ графствахъ. Каждый изъ этихъ людей лишится голоса въ графствѣ, не получая въ вознагражденіе голоса въ городѣ. Потому вашъ билль ничего не даетъ ему, а отнимаетъ у него голосъ въ графствѣ (апплодисменты). Къ чему же это клонится? Разумѣется къ чему,—къ усиленію власти землевладѣльческой аристократіи (апплодисменты). Въ этомъ и состоитъ цѣль представленнаго билля. Я скажу достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) вотъ что: я и многіе депутаты, сидящіе на нашей сторонѣ залы, съ полнымъ одобреніемъ нашихъ избира-

телей давали правительству полную и неизмѣнную поддержку. Но я увѣренъ, что не проживу и 24 часовъ, какъ уже получу отъ моихъ избирателей извѣщеніе, что нѣтъ ихъ желанія, чтобы я продолжалъ поддерживать правительство (сильные апплодисменты). Почему же такъ? Вотъ почему. Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ, полагая, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричатъ: нѣтъ, нѣтъ!). Достопочтенный джентльменъ думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, кѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричатъ: о, о!...) Я говорю прямо: достопочтенный джентльментъ знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушной помощью, какую получалъ отъ насъ. И разсматривая билль, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко говорю, что на каждомъ шагу своего пути черезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣтить оппозицію, упорную оппозицію каждаго друга народа въ этой палатѣ» (апплодисменты).

3. Изъ рѣчи Брайта.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ мы вообще находимъ, что когда люди предпринимаютъ дѣло, къ которому неспособны по натурѣ или наклонностямъ, то не достигаютъ они особеннаго успѣха (хохотъ и апплодисменты). Достопочтенный джентльментъ (Д'Израэли) могъ бы составить для парламентской реформы билль гораздо лучшій того, который внесенъ имъ; но ему привелось въ этомъ дѣлѣ быть представителемъ партіи, которая всегда упорно противилась всякому расширенію политическихъ правъ народа (апплодисменты). Я очень сожалѣлъ, что онъ и его друзья согласились заговорить объ этомъ вопросѣ и предъявить претензію на его разрѣшеніе. Я думаю, что они были отчасти правы, когда упрекали покойнаго великаго министра (Роберта Пиля), будто онъ поступилъ дурно, взявшись за дѣло, которое слѣдовало бы ему предоставить своимъ противникамъ (отмѣна хлѣбныхъ законовъ); но онъ по крайней мѣрѣ говорилъ, что совершенно убѣдился въ справедливости новыхъ принциповъ, которые сталъ защищать. Достопочтенный джентльменъ и его друзья еще не говорили намъ ничего такого, изъ чего могли бы мы заключить, что они подверглись подобному обращенію въ новую вѣру (браво!). Соображая то, что я назову незнакомствомъ достопочтенныхъ джентльменовъ, сидящихъ на министерской сторонѣ палаты, съ мнѣніями о настоящемъ вопросѣ, господствующими въ городахъ, я думаю, что отъ нихъ нельзя было ожидать, чтобы они внесли или стали поддерживать проэктъ въ такомъ духѣ, какого нація ожидаетъ отъ правительства, принимающагося за вопросъ о реформѣ. Кто ихъ просилъ объ этомъ биллѣ? (браво!). Я ни разу не слышалъ, чтобы какой нибудь джентльменъ министерской стороны палаты сердился на своихъ предводителей за то, что они не хлопочатъ о реформѣ. Я ни разу не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ ихъ приверженцевъ внѣ парламента говорилъ на публичныхъ митингахъ въ пользу перемѣнъ парламентскаго устройства. Я никогда не читалъ въ ихъ газетахъ статей въ пользу парламентской реформы. Да, еслибы достопочтенные джентльмены той (министерской) стороны палаты не думали, что выгода ихъ партіи требуетъ билля о реформѣ, то имъ лучше показалось бы обойтись безъ него (браво!). Но есть въ нашей землѣ сословіе—нѣтъ, не сословіе, а огромная часть націи, которое теперь требуетъ, и уже 25 лѣтъ требовало исправленій въ биллѣ реформы 1832 года. Въ чемъ же собственно состояла ихъ жалоба на этотъ билль? Развѣ они не говорили единогласно, что билль 1832 года составленъ такъ, чтобы оставить безъ голоса огромную часть націи? (браво!). Они говорили, что люди, живущіе заработною платою, вообще не занимаютъ квартиръ цѣною въ 10 ф., и что потому опредѣлять цензъ въ 10 ф. значило опредѣлять черту, необходимо исключавшую ихъ отъ выборовъ и дѣлать ихъ паріями. Билль 1832 года поставилъ всю массу рабочихъ классовъ въ такое положе-

ніе. Я не жалуюсь на этотъ билль, но я имѣлъ бы полнѣйшее презрѣніе,—нѣтъ, не скажу презрѣніе,—я совершенно отчаялся бы въ рабочихъ классахъ нашихъ, еслибы подумалъ, что они останутся довольны такимъ положеніемъ (аплодисменты). Повинуясь великому требованію людей, лишенныхъ голоса, представителями которыхъ мы служимъ, вы предлагаете билль, и ваши газеты стали въ послѣднее время говорить намъ, что вы сдѣлались реформерами и что вы отобьете хлѣбъ, по выраженію вашихъ газетъ, у благороднаго лорда, представителя лондонской Сити (Росселя), своимъ проэктомъ. Вотъ внесенъ этотъ билль, и когда онъ завтра утромъ разойдется по всѣмъ частямъ королевства, каждый изъ этихъ трудящихся, содержимыхъ въ рабствѣ людей, платящихъ подати и исполняющихъ другія обязанности гражданина, увидитъ, что какъ оставилъ его паріей билль 1832, такъ оставляется онъ паріей и по биллю 1859 года. Какими способами достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) предлагаетъ расширить избирательное право? Онъ даже и не претендуетъ, что этими способами рабочіе классы получатъ голосъ (браво!). Во-первыхъ, онъ даетъ голосъ каждому, кто, нанимая комнаты въ чужой квартирѣ, платитъ 8 шиллинговъ въ недѣлю [1]). Это не относится къ рабочимъ классамъ (браво!). Далѣе, дается голосъ каждому, имѣющему университетскую степень. Изъ этихъ людей не очень многихъ въ Англіи можно считать принадлежащими къ рабочимъ классамъ (хохотъ) [2]). Священники, которымъ билль даетъ голосъ, уже и теперь имѣютъ голосъ [3]), и претензія упоминать о нихъ въ биллѣ, просто претензія и больше ничего (браво!). Затѣмъ слѣдуютъ джентльмены занимающіеся адвокатствомъ и джентльмены занимающіеся медициной. Затѣмъ слѣдуютъ учителя имѣющіе свидѣтельство отъ комитета народнаго просвѣщенія [4]). Но къ чему такая исключительность? Развѣ кромѣ этихъ джентльменовъ, ходившихъ на экзаменъ, нѣтъ другихъ преподавателей, на которыхъ достопочтенный джентльменъ могъ бы распространить право голоса (браво!). Я стыдился бы явиться передъ моими согражданами съ предложеніемъ такого пустаго, до обидности пустаго расширенія избирательнаго права (аплодисменты). Далѣе слѣдуетъ движимая собственность. Получаютъ голосъ лица, имѣющія 10 фунтовъ годичнаго дохода отъ принадлежащихъ имъ облигацій государственнаго долга, банковыхъ акцій, акцій Остъ-Индской компаніи и желѣзныхъ дорогъ, и лица, имѣющія 60 фунтовъ въ сохранныхъ кассахъ. Чтобы быть оригинальнымъ, достопочтенный джентльменъ отступилъ отъ цифры, назначавшейся благороднымъ лордомъ (Росселемъ), который опредѣлялъ ее въ 50 фунтовъ, и даже въ этомъ неважномъ случаѣ онъ не хотѣлъ дойти до той, какъ намъ казалось, недостаточной либеральности, которая была въ биллѣ благороднаго лорда. Вникнемъ въ это правило о сохранныхъ кассахъ. Пусть палата представитъ молодаго человѣка, который скопилъ 60 фунтовъ и положилъ ихъ въ сохранныя кассы. Если онъ вздумаетъ жениться, онъ вынетъ эти 60 фунтовъ и найметъ квартиру въ 6 или 7 фунтовъ. Женитьба укрѣпляетъ узы, привязывающія его къ родинѣ; онъ имѣетъ теперь новую причину любить порядокъ и повиновеніе законамъ; но по биллю онъ теряетъ голосъ и переходитъ въ разрядъ парій (браво!).—Всѣ эти способы расширенія избирательнаго права,—просто обольщеніе; цѣль ихъ только то, чтобы казалось, будто бы вы что-то даете, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ вы дрожите отъ страха при мысли, не дали ли вы въ самомъ дѣлѣ чего нибудь (аплодисменты). Благородный лордъ (Россель) указалъ на другую статью, которая уже одна, безъ всѣхъ остальныхъ, рѣшительно погубила бы билль; это отнятіе голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ (браво!). Мы понимаемъ это очень хорошо, и я полагаю, достопочтенные джентльмены (министерской стороны)

---

[1]) То есть 20 ф. въ годъ. Прежній цензъ въ 10 ф. относился только къ людямъ, занимающимъ отдѣльныя квартиры.

[2]) Надобно вспомнить, что дѣло идетъ объ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, воспитаніе въ которыхъ стоитъ такъ дорого, что доступно только дѣтямъ богатыхъ семействъ.

[3]) Потому, что едва ли какой нибудь священникъ въ Англіи занимаетъ квартиру цѣною меньше 10 фунтовъ.

[4]) Открывать школу и заниматься преподаваніемъ можетъ въ Англіи всякій, безъ всякаго документа на степень преподавателя; и конечно далеко не у каждаго есть охота хлопотать о полученіи такого документа.

также понимаютъ очень хорошо (браво!). Это вознагражденіе для нихъ за пониженіе ценса въ графствахъ до 10 фунтовъ (браво!). Никогда еще вамъ не предлагалось такого дряннаго или такого опаснаго вознагражденія. Благородный лордъ говорилъ, что этимъ отнимается голосъ у 100,000 человѣкъ; а я съ нѣкоторыми друзьями, предвидя такое предложеніе, вздумалъ разобрать по классамъ избирателей двухъ городовъ. Вотъ списокъ городовъ Манчестера и Сальфорда съ раздѣленіемъ избирателей на классы, чтобы видѣть, каково будетъ дѣйствіе внесеннаго теперь билля. Въ Манчестерѣ считается 2,918 человѣкъ, имѣющихъ голосъ въ южномъ округѣ Ланкастерскаго графства. Изъ нихъ 1,195 человѣкъ имѣютъ голосъ въ Манчестерѣ, занимая квартиры въ 10 фунтовъ; эти 1,195 человѣкъ должны потерять голосъ въ графствѣ. 298 человѣкъ живутъ въ городѣ, но не имѣютъ тамъ голоса; они совершенно перестанутъ быть избирателями. Таже пропорція и въ Сальфордѣ. Значитъ, изъ 100 городскихъ фригольдеровъ 40, если не больше, совершенно теряютъ голосъ (браво!). Въ этомъ отношеніи билль не расширяетъ, а сокращаетъ право. Я вполнѣ увѣренъ, что Палата Общинъ никогда не приметъ такого постановленія (браво!). Я думаю, что невозможно придумать никакой мѣры, которая пробудила бы большее неудовольствіе въ націи и сильнѣе поколебала бы ея довѣріе,—не скажу: къ благородству, просто скажу: къ здравому смыслу парламента. И цѣль всего этого,—сдѣлать выборы въ графствахъ еще болѣе исключительными, чѣмъ прежде. Кажется, вы ничего столько не боитесь, какъ хорошихъ, и особенно свободныхъ избирательныхъ корпорацій въ графствахъ. Палатѣ можетъ быть не извѣстенъ тотъ замѣчательный фактъ, что во многихъ англійскихъ графствахъ уже давно число избирателей не увеличивается, или даже положительно уменьшается. Въ одиннадцати графствахъ съ 1837 до 1852 года число избирателей уменьшилось на цѣлыхъ двѣ тысячи. Это происходитъ отъ затруднительности покупать свободные участки и отъ увеличенія объема фермъ. Итакъ въ вознагражденіе джентльменамъ, которые сидятъ на его сторонѣ, мнѣнія которыхъ, если онъ будетъ слѣдовать имъ, погубятъ его (хохотъ), достопочтенный джентльменъ хочетъ уничтожить въ графствахъ 100,000 голосовъ. Среднее сословіе требовало реформы, но оно хочетъ гораздо лучшаго распредѣленія избирательной силы (браво!), а достопочтенный джентльменъ съ смѣлостью, рѣшительно интересною (хохотъ), говоритъ среднему сословію, что его желаніе щедро исполняется, потому что, благодаря фанатизму нашего отечества, только одинъ англійскій городъ избираетъ католика, и потому онъ сохранилъ депутата городу Эронделю [1]) (хохотъ). Зналъ ли достопочтенный джентльменъ съ кѣмъ онъ говорилъ, когда онъ, выставляя Эрондель, обижалъ такіе города, какъ Ливерпуль и Манчестеръ, и даже и не упомянулъ о Глэзго? (браво!). Но вѣдь все это будетъ хорошо понято людьми, которые завтра прочтутъ газеты. Лучше было бы достопочтенному джентльмену держаться старинной практики своей партіи и противиться реформѣ, нежели составлять подобный проэктъ, который въ массѣ англійскаго населенія не возбудитъ ничего кромѣ досады и негодованія. Благородный лордъ (Россель) думаетъ, что этотъ проэктъ не консервативенъ; проэктъ, касающійся парламентскаго устройства, не можетъ быть консервативенъ, когда только портитъ, ничего не улучшая (браво!). Какъ ни сильно требую я парламентской реформы, но я знаю, что мало важности въ томъ, теперь, или черезъ четыре, или черезъ пять лѣтъ будетъ проведенъ законъ о реформѣ. Не нынѣ—завтра, время еще будетъ. Но когда правительство берется за такой вопросъ, оно не должно являться въ тысячу разъ менѣе консервативнымъ, нежели мы. Достопочтенный джентльменъ упоминалъ о моемъ

---

[1]) Д'Израэли говорилъ, что маленькіе города выбираютъ депутатовъ, служащихъ представителями такихъ интересовъ, которые не найдутъ себѣ представителей въ большихъ городахъ. Напримѣръ, говорилъ онъ, городокъ Эрондель имѣющій только 2,750 жителей и только 130 избирателей, постоянно выбираетъ католика, потому-то и надобно сохранить маленькія избирательныя корпораціи. Это любимый аргументъ защитниковъ нелѣпой неравномѣрности въ распредѣленіи депутатовъ. Эрондель избираетъ католика конечно потому, что находится въ полной зависимости отъ сосѣдней фамиліи лендлордовъ католическаго исповѣданія.

проэктѣ,—онъ очень старъ; я предлагаю то, что предлагали въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣтъ многіе государственные люди; защищали знаменитые государственные люди во время прежней реформы. Я не имѣю возраженій противъ сравненія моего проэкта съ проэктомъ достопочтеннаго джентльмена. Онъ говоритъ, что не принимаетъ въ соображеніе населенія и богатства. Но если не обращать вниманія на населеніе и богатство, то для чего нужна парламентская реформа, и парламенты, и министры, и канцлеры казначейства [1]) (хохотъ). Достопочтенный джентльменъ говоритъ, что основывается на интересахъ. Но что такое интересы? Вѣроятно они состоятъ въ потребностяхъ и мнѣніяхъ народа, и достопочтенный джентльменъ избралъ самый дѣйствительный способъ,—я благодаренъ ему за это,—узнать мнѣніе народа объ этомъ великомъ вопросѣ. Я не желаю бурныхъ политическихъ преній или гнѣвныхъ споровъ (браво!) ни въ парламентѣ, ни внѣ парламента. Я надѣялся, что опытъ 1831 и 1832 годовъ научилъ правительство, берущееся за этотъ великій вопросъ, необходимости рѣшить его на широкомъ и прочномъ основаніи. Я надѣялся, по прежнимъ словамъ достопочтеннаго джентльмена, что онъ такъ и поступитъ; потому что я не могъ вѣрить, чтобы очеркъ билля, явившійся въ одной изъ газетъ (*Times*), былъ вѣрнымъ изложеніемъ правительственнаго проэкта. Я надѣялся, что достопочтенный джентльменъ «отобьетъ у меня хлѣбъ» биллемъ столь широкимъ, полнымъ и достойнымъ поддержки отъ націи, что я буду въ состояніи всею душою одобрять этотъ билль, а не буду принужденъ, какъ принужденъ теперь, просить у Палаты позволеніе представить другой билль объ этомъ предметѣ; чѣмъ больше вы будете разсматривать мой билль, тѣмъ болѣе будете убѣждаться, что онъ основанъ на принципахъ реформы 1832 года и конституціи и что онъ несравненно консервативнѣе,—для будущихъ пятидесяти лѣтъ, нежели проэктъ, который портитъ все, раздражитъ огромныя массы людей и не устроитъ порядочнымъ образомъ ничего (браво!).

---

[1]) Читатель знаетъ, что Д'Израэли канцлеръ казначейства.

Апрѣль 1859.

Размышленія, выводимыя изъ сравненія условій русскаго, австрійскаго и сардинскаго займовъ.—Конгрессъ по итальянскому вопросу.—Распущеніе парламента въ Англіи.—Баварскія дѣла.—Почему не должно обвинять Пфортена.—Почему мы считаемъ Поэріо страдавшимъ по собственной винѣ.

Россія заключила съ англійскимъ домомъ Томсона Бонера и комп. заемъ въ 12 милліоновъ фунт., въ трехъ-процентныхъ облигаціяхъ по курсу 67.

Эти немногія слова внушатъ много занимательныхъ размышленій человѣку, слѣдившему за биржевыми извѣстіями въ послѣдніе мѣсяцы.

Прежде всего онъ припомнитъ условія займовъ, заключенныхъ въ послѣднее время Австріею и Сардиніею.

Австрія заключила 5% заемъ по курсу 80; этотъ заемъ не пошелъ: его облигаціи продаются на три и даже на четыре процента ниже 80, и все-таки не находятъ покупателей.

Сардинія заключила также 5% заемъ по курсу 77; да и тотъ пошелъ, благодаря, не столько коммерческому разсчету, сколько разгоряченному патріотизму самихъ сардинцевъ.

67 по 3%,—это, въ переводѣ на 5%, значило бы $111^2/_3$.

80 и 77, по 5%,—это, при переводѣ на 3% облигаціи, значило бы 48 и $46^1/_5$.

Отчего такая громадная разница условій въ пользу нашего займа?

Отвѣтъ ясенъ для каждаго: разница въ условіяхъ происходитъ отъ разницы въ назначеніи денегъ, получаемыхъ черезъ эти займы. Австрія и Сардинія занимаютъ деньги на войну; Россія на усиленіе фонда, обезпечивающаго кредитные билеты. Деньги, получаемыя нами черезъ заемъ, получаютъ употребленіе въ высокой степени производительное: служатъ къ улучшенію нашей монетной системы, то есть къ улучшенію національнаго быта, содѣйствуютъ развитію производительныхъ силъ государства; казна занимаетъ деньги у капиталистовъ, чтобы раздать ихъ, такъ сказать, взаймы всему населенію государства, которое употребитъ ихъ на уплату своихъ долговъ, на основаніе промышленныхъ предпріятій, на введеніе лучшаго порядка въ свою торговлю, на лучшее устройство своихъ земледѣльческихъ работъ. Каждый рубль, полученный государствомъ за 3%, пойдетъ на дѣла, дающія народу облегченіе или прибыль въ 8, въ 10, въ 15 или 20%. Это хоро-

шій коммерческій оборотъ; каждый разсчетливый человѣкъ одобряетъ такіе обороты и съ увѣренностью даетъ на нихъ деньги, потому что, получая ихъ, должникъ доставляетъ ему развитіемъ своего благосостоянія вѣрнѣйшій залогъ въ исправной расплатѣ съ нимъ. Такими займами не ослабляется, а возвышается кредитъ государства, потому что они свидѣтельствуютъ о заботливомъ государственномъ хозяйствѣ.

Да, очень замѣчательны условія нашего нынѣшняго займа. На лондонской биржѣ, которая конечно будетъ служить главнымъ помѣщеніемъ ему, наши 5% облигаціи стоятъ нынѣ на $110^1/_2$ 111. Извѣстно, что новый заемъ всегда негоціируется по курсу нѣсколько ниже того, какой имѣютъ прежнія облигаціи; эта разница въ цѣнѣ есть необходимая уступка, служащая отчасти вознагражденіемъ для банкирскихъ домовъ, берущихъ на себя хлопоты о распродажѣ облигацій, отчасти приманкою для покупщиковъ. Но съ другой стороны, надобно замѣтить, что по разнымъ биржевымъ причинамъ, которыя объяснять было бы слишкомъ долго, облигаціи низшаго процента имѣютъ курсъ нѣсколько болѣе высокій, нежели какой должны были имѣть по пропорціи съ облигаціями высшаго процента того же государства, если государство имѣетъ долгъ съ разными процентами. Напримѣръ, французскіе фонды на парижской биржѣ 19 марта (новаго стиля) продавались на наличныя деньги по слѣдующей цѣнѣ: $4^1/_2$% облигаціи 94 фр. 50 сант.; пропорціонально этой цѣнѣ 3% облигаціи должны были продаваться по 63 фр.; но дѣйствительно онѣ продавались по 68 фр. 10 сант. Эта сравнительная высота французскихъ 3% фондовъ уже слишкомъ зависитъ отъ чрезмѣрной игры, производящейся исключительно на нихъ. На лондонской биржѣ русскими облигаціями игра не производится, и потому пропорціональная разница въ цѣнѣ между 3% (новыми) и $4^1/_2$% (прежними) нашими облигаціями не должна быть такъ значительна, какъ между соотвѣтствующими французскими фондами, и относительную высоту 3% фондовъ, по сравненію съ $4^1/_2$%, нельзя полагать болѣе $2^1/_2$ на 100. Послѣдніе курсы нашихъ $4^1/_2$% фондовъ, на лондонской биржѣ были 100. По этой пропорціи 3% должны бы имѣть цѣну около 70. Заемъ произведенъ, какъ мы знаемъ, по 67,—это составляетъ уступку около 3 на 100,—уступка чрезвычайно малая, если мы примемъ въ соображеніе значительный размѣръ займа и особенно одновременное съ нимъ требованіе займовъ другими державами, предлагающими гораздо большую уступку и гораздо выгоднѣйшія для банкировъ условія. Франція, напримѣръ, на своей биржѣ предлагала въ послѣднее время уступку отъ 7 до 8 на 100; объ Австріи и Сардиніи мы уже не говоримъ: австрійскіе фонды передъ займомъ стояли на 91 и 92, а заемъ не пошелъ даже по 80, и 23 марта австрійскіе 5% фонды на лондонской биржѣ стояли на 75.

Мы надѣемся, что читателю эти цифры не покажутся сухими: въ нихъ очень много смысла, яснаго и поразительнаго. Чтобы оцѣнить политику, которой держались разныя державы со времени возникновенія слуховъ объ итальянской войнѣ, довольно будетъ сравнить нынѣшніе курсы ихъ фондовъ съ тѣми, какіе были на лондонской биржѣ въ концѣ декабря, передъ самымъ началомъ сардинско-французскихъ угрозъ.

Фонды.	Курсъ въ концѣ декабря 1858.	Курсъ 23 марта н. с. 1859.	Величина упадка.
Англійскіе 3%-ные	96¾	96¼	½%
Русскіе 4½%-ные	100	100	0
Французскіе 3%-ные	72,90	68,65	4,25%
Сардинскіе 5%-ные	94	82	12%
Австрійскіе 5%-ные	95	75	20%

Англія и Франція находятся относительно кредита въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, нежели три другія великія державы: Австрія, Пруссія, Россія въ случаѣ большихъ займовъ должны обращаться къ иностраннымъ капиталистамъ, преимущественно въ Лондонъ или Амстердамъ; Англія и Франція обходятся въ этихъ дѣлахъ безъ чужаго содѣйствія, собственными силами. Нѣтъ надобности говорить, что Англія далеко превосходитъ силою своего кредита самую Францію: парижская биржа едва можетъ удовлетворять потребностямъ французскаго рынка и французской казны; лондонская биржа служитъ источникомъ денегъ для всѣхъ нуждающихся державъ, не только Европы, но даже Америки. Высота англійскихъ фондовъ, далеко превосходящая цѣну даже голландскихъ и датскихъ облигацій, показываетъ чрезвычайную прочность англійскаго государственнаго кредита. Но даже англійскіе фонды нѣсколько поколебались отъ приготовленій къ войнѣ. Упадокъ ихъ, совершенно незначительный, свидѣтельствуетъ объ увѣренности англійской публики въ миролюбивомъ расположеніи своего правительства; упадокъ французскихъ фондовъ, очень сильный, показываетъ какимъ обремененіемъ для государства считаетъ французское общество войну. Еще сильнѣе поражены сардинскіе фонды; но особенно страшно упали австрійскіе: капиталисты знаютъ, что Сардинія въ случаѣ войны стала бы вести ее главнымъ образомъ на счетъ Франціи; Австрія должна была бы доставать деньги на войну сама, и потому ея финансовое положеніе гораздо затруднительнѣе, нежели положеніе Сардиніи. Три державы, являющіяся главными дѣятельницами въ походахъ, грозящихъ Европѣ, понесли уже въ своемъ кредитѣ потерю пропорціональную прежней его твердости. Англія была бы въ войнѣ только союзницею Австріи, да и по своему положенію не могла бы подвергнуться никакой прямой опасности. Но извѣстно, что она не могла бы не принять участія въ войнѣ, и несмотря на всю ея финансовую силу, ея фонды нѣсколько опустились. Только русскіе фонды остались непоколебимы, только они одни сохранили въ мартѣ ту самую высоту, какую имѣли въ декабрѣ. Это отъ того, что Россія умѣла удержаться отъ обязательствъ, которыя должна была сдѣлать Англія: она можетъ, въ случаѣ войны, сохранить нейтралитетъ, и вотъ этой-то счастливой возможности она обязана непоколебимымъ сохраненіемъ своего кредита [1]).

[1]) Тоже самое надобно сказать и о другихъ державахъ, которымъ счастливое положеніе дало возможность также, какъ Россіи, не принимать участія въ угрожающей войнѣ. Вотъ лондонскіе курсы фондовъ этихъ державъ:

Фонды.	13 декабря.	23 марта.
Датскіе 3%-ные	84,7	84,7
Голландскіе 4%-ные	100,2	100,2

Только тѣ державы, которыя не принуждены участвовать въ войнѣ, и не должны опасаться, что она приблизится къ ихъ предѣламъ, были такъ счастливы, что сохранили свои фонды на прежней высотѣ.

Непоколебимость нашихъ фондовъ на иностранныхъ биржахъ свидѣтельствуетъ о характерѣ той политики, которой мы держались среди затруднительныхъ столкновеній, волновавшихъ Европу въ нынѣшнемъ году. Подобно Англіи, мы старались предотвратить войну; но мы были счастливѣе Англіи отдаленностью своею отъ предполагаемаго театра войны, и возможность нейтралитета для насъ, не существующая для Англіи, выразилась сохраненіемъ нашихъ фондовъ въ такой твердости, которая не могла удержаться даже за англійскими.

Дѣйствительно, Россія умѣла идти самымъ надежнымъ путемъ въ недавнихъ политическихъ столкновеніяхъ: подобно Англіи она старалась предупрѣдить ихъ; но будучи свободнѣе Англіи удержаться отъ всякаго участія въ угрожающей войнѣ, она имѣла возможность дѣйствовать съ успѣхомъ болѣе счастливымъ, нежели Англія: мы знаемъ теперь, что конгрессъ, который остается послѣднимъ средствомъ предотвратить войну, составляется вслѣдствіе предложеній Россіи. Англія старалась достичь подобнаго результата, но ея голосъ не могъ имѣть такого вліянія, какъ голосъ Россіи, потому что сама она была по несчастію запутана въ эти раздоры. Оставаясь чужда имъ, Россія, какъ видимъ, внушаетъ теперь болѣе уваженія и довѣрія къ себѣ, нежели самая Англія. Будемъ же надѣяться, что какимъ бы путемъ ни пошли событія въ Западной Европѣ, мы съумѣемъ удержаться въ томъ счастливомъ положеніи, которое успѣли сохранить до сихъ поръ среди всѣхъ заискиваній, просьбъ, предложеній и обѣщаній. Мы понимаемъ, что какъ бы выгодны ни казались обѣщанія, никогда, никакими выигрышами, не могутъ быть вознаграждены пожертвованія, которыхъ стоило бы участіе въ войнѣ. Мы понимаемъ, что какъ бы ни были справедливы наши сочувствія, какъ бы основательны ни были наши антипатіи, выше всѣхъ симпатій и антипатій должна быть для насъ забота о благѣ собственнаго нашего государства. Мы можемъ не любить австрійцевъ, можемъ желать добра Сардиніи; но мы знаемъ, что выигрышъ для Сардиніи отъ войны—дѣло еще загадочное, а потери и пожертвованія, которыхъ стоило бы участіе въ войнѣ, могутъ быть высчитаны уже и теперь, до ея начала, или лучше сказать, даже не могутъ быть вычислены,—такъ огромны были бы онѣ. Погибель двухъ, трехъ или больше сотъ русскихъ людей, жизнь которыхъ такъ необходима для ихъ семействъ, производительный трудъ которыхъ такъ полезенъ для націи; разстройство финансовъ, которые, слава Богу, приведены теперь въ порядокъ; ослабленіе или совершенное прекращеніе всѣхъ добрыхъ начинаній, разстройство торговли и промышленности, на много лѣтъ разрушеніе возникающаго благосостоянія,—вотъ результаты, къ какимъ привело бы насъ участіе въ войнѣ, мысли о которой мы, къ нашему счастію, умѣли отвергать. Вся Сардинія не стоитъ такихъ пожертвованій. „Но мы были бы рады наказать австрійцевъ за ихъ поступки съ нами въ крымскую войну, за тѣ притѣсненія, какимъ подвергаютъ они славянъ своего государства и какія поддерживаютъ надъ славянами въ Турціи“. Все это такъ; мы не можемъ не желать добра славянамъ, а что касается до австрійцевъ, то не только мы, но и никто въ Европѣ не питаетъ къ нимъ особеннаго расположенія. Но благоразуміе выше всего. Досада и презрѣніе выражались бы слишкомъ

неудовлетворительно, если бы выражались такъ, чтобы приносить вредъ самому досадующему. Мы не любимъ австрійцевъ — это такъ, но искать войны, которая, какъ ни вредна была бы австрійцамъ, все же не дешево обошлась бы и намъ, это дѣло совершенно иное. Объ этомъ не было бы нужды и распространяться, если бы корреспонденты французскихъ газетъ не принуждали насъ положительно заявить мнѣнія русскаго общества своими, Богъ знаетъ, откуда взятыми извѣстіями о какихъ-то будто бы воинственныхъ желаніяхъ русскаго общества. Беремъ наудачу одну изъ этихъ газетъ, еще очень разсудительную въ сравненіи съ другими. Вотъ чѣмъ начинается новѣйшее письмо ея здѣшняго корреспондента:

«Слухи о войнѣ здѣсь, какъ и у васъ, по временамъ замолкаютъ (пишетъ корреспондентъ *Indépendance Belge* изъ Петербурга 2 (14) марта, но съ тою разницею, что здѣсь общественное желаніе вовсе не таково, какъ у васъ: оно не въ пользу мира. Русскіе согласятся на все, съ большою охотою согласятся на все, лишь бы только получить возможность помѣряться съ австрійцами. Отъ ожиданія, отъ неувѣренности, даже отъ боязни видѣть это желаніе обманутымъ, оно усиливается съ каждымъ днемъ; это чувство,—повторяю свои прежнія слова,—распространено во всѣхъ сословіяхъ». (*Indépendance Belge* 25 марта).

Это чувство распространено во всѣхъ сословіяхъ русскаго общества! Мы также принадлежимъ къ одному изъ сословій русскаго общества, но вовсе не имѣемъ такого желанія; мы встрѣчаемся съ людьми изъ другихъ сословій и ни въ комъ не замѣчаемъ такого желанія. Кто желаетъ войны, въ самомъ дѣлѣ? Желаютъ ли крестьяне или мѣщане, чтобы явилась надобность въ усиленныхъ рекрутскихъ наборахъ; или желаютъ купцы, чтобы разстроилась торговля и пострадали всѣ промышленныя предпріятія; или желаютъ помѣщики, чтобы блокированы были наши порты, чтобы прекратился отпускъ хлѣба, сала и всѣхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній за границу? Ни въ одномъ изъ этихъ сословій мы не замѣчали такихъ удивительныхъ желаній. Конечно, мы съумѣемъ приносить нужныя пожертвованія; съумѣемъ подчинить заботы о своемъ благосостояніи государственной необходимости, но только дѣйствительно нужныя пожертвованія, только для государственной необходимости. Если бы кто нибудь вздумалъ нападать на насъ, мы съумѣли бы отплатить за нападеніе. Но приносить ненужныя пожертвованія для удовольствія другихъ,—это было бы неразсчетливо; начинать войну безъ необходимости не желаетъ наше общество, благодарное правительству за его миролюбивую политику, приносящую намъ столько выгодъ.

Но, продолжаютъ французскія газеты, могутъ быть предложены выгодныя условія для участія въ войнѣ. Что отвѣчать на это? И надобно ли отвѣчать? Извѣстна прочность тѣхъ союзовъ, въ которыхъ есть временная надобность приглашающему на союзъ, если приглашающій всѣми прежними своими дѣйствіями уже доказалъ, что всегда имѣетъ въ виду исключительно собственныя выгоды. Впрочемъ, кому интересно узнать объ этомъ больше, тотъ найдетъ въ приложеніи переводъ статьи изъ газеты „Humbug".

Наконецъ указываютъ на бѣдственное положеніе австрійскихъ славянъ. Говорить откровенно объ этомъ предметѣ—дѣло не легкое у насъ, потому что огромное большинство честныхъ людей, въ благородномъ сочувствіи къ

нашимъ одноплеменникамъ, забываетъ объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ, которое, какъ намъ кажется, должно удерживать отъ желанія прямыхъ вмѣшательствъ въ ихъ отношенія. Быть можетъ, иные насъ назовутъ противниками славянъ, защитниками австрійскихъ нѣмцевъ, за то, что мы укажемъ на это обстоятельство и попробуемъ вывести изъ него заключеніе о томъ, до какой степени была бы полезна австрійскимъ славянамъ наша помощь. Но мы просимъ людей, сочувствующихъ славянамъ, вникнуть въ наши слова хорошенько, — намъ кажется, что эти слова внушены намъ именно любовью къ славянамъ.

Славяне—наши одноплеменники, это правда; они гордятся нами, а мы любимъ ихъ, и это правда; но не должно забывать, что вотъ уже цѣлую тысячу лѣтъ они и мы жили отдѣльно другъ отъ друга, въ условіяхъ совершенно различныхъ, и потому пріобрѣли гражданскія привычки и общественныя потребности далеко не во всемъ одинаковыя. Не даромъ говорятъ, что русская исторія самымъ рѣзкимъ образомъ отличается отъ исторіи всѣхъ другихъ европейскихъ племенъ, въ томъ числѣ даже и славянскихъ. Государственныя учрежденія получили и сохраняютъ у насъ форму ни мало не похожую на все то, что когда нибудь существовало или существуетъ въ Западной Европѣ. Западные славяне, смотря на насъ издали, могутъ не замѣчать нашихъ особенностей. Но мы должны знать себя лучше и должны понимать, могутъ ли наши формы соотвѣтствовать жизни и потребностямъ народовъ, участвовавшихъ въ европейской исторіи, которая такъ долго совершенно не касалась насъ.

Мы ни мало не виноваты въ томъ, что отстали отъ другихъ европейцевъ; но не подлежитъ спору то, что народные нравы у насъ грубѣе, нежели въ Западной Европѣ. Возьмемъ факты изъ самыхъ простыхъ и близкихъ отношеній. Русскій мужъ еще не отвыкъ отъ того, чтобы бить жену; отецъ и мать вмѣстѣ еще не отвыкли отъ того, чтобы женить сына или отдавать дочь замужъ, не освѣдомляясь объ ихъ согласіи. У другихъ европейцевъ такіе факты представляются только рѣдкими исключеніями, противорѣчащими общимъ обычаямъ народа. Своимъ языкомъ чехъ можетъ быть очень близокъ къ намъ, но по своему обращенію съ женою и дѣтьми онъ гораздо ближе къ нѣмцу, испанцу и какому хотите другому европейцу, нежели къ намъ. Отъ народныхъ нравовъ зависятъ формы общественной жизни. Мы приведемъ только одну черту общественнаго устройства. Чехи успѣли уже давно забыть о тѣхъ формахъ общежитія, которыя связаны съ крѣпостнымъ правомъ; у насъ оно только теперь уничтожается и результаты его еще долго будутъ оставаться очень сильными въ нашемъ общежитіи. Поэтому надобно думать, что наша жизнь совершенно не соотвѣтствуетъ потребностямъ и привычкамъ западныхъ славянъ. Если они думаютъ иначе, они ошибаются по незнанію. Если мы сами думаемъ иначе, мы доказываемъ только то, что забываемъ объ особенностяхъ нашей жизни, или не умѣемъ цѣнить ихъ по достоинству. Наши казанскіе татары могутъ говорить нарѣчіемъ очень близкимъ къ языку бухарцевъ и киргизовъ, но они привыкли жить совершенно иначе, нежели ихъ восточные соплеменники, и надобно думать, что разница нравовъ поставила между ними преграду, разрушеніе

которой не могло бы быть полезно для казанскихъ татаръ. Конечно, этотъ примѣръ вовсе не можетъ служить параллелью; но мы хотѣли только сказать, что западные славяне участвовали въ европейской исторіи гораздо долѣе и гораздо ближе, чѣмъ мы, и потому пріобрѣли нравы и требованія, соотвѣтствующихъ которымъ мы не находимъ у себя.

Конечно, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что ихъ настоящее положеніе хорошо, или жалобы ихъ на Австрію несправедливы. Въ сочувствіи къ бѣдствіямъ австрійскихъ славянъ мы не уступимъ никому. Но мы желали бы только, чтобы сами славяне хладнокровнѣе разсуждали о средствахъ улучшить свое положеніе, а главное, чтобы они точнѣе изучали нашу жизнь съ ея особенностями. По географическому положенію самыми естественными посредниками въ такомъ изученіи должны служить поляки. Теперь читателю, можетъ быть, хотя до нѣкоторой степени, извѣстны основанія, по которымъ и самое горячее сочувствіе къ австрійскимъ славянамъ не представляется для насъ побужденіемъ одобрять вызовы французскихъ газетъ къ войнѣ съ Австріею. Не изъ особеннаго расположенія къ австрійскимъ нѣмцамъ, а изъ заботливости о судьбѣ самихъ славянъ мы находимъ, что они должны разсчитывать исключительно на свои силы для произведенія улучшеній въ своемъ бытѣ.

Читателю можетъ казаться, что всѣ наши соображенія относительно войны запоздали. Многіе ожидаютъ теперь мирнаго разрѣшенія всѣхъ дипломатическихъ затрудненій отъ конгресса, который долженъ собраться по итальянскому вопросу. Но мы остаемся при прежнихъ нашихъ объясненіяхъ объ истинныхъ причинахъ войны; въ этихъ причинахъ не произошло ни малѣйшаго измѣненія, стало быть всѣ дипломатическіе фазисы этого дѣла представляются намъ касающимися только формъ и оставляющими безъ перемѣны сущность отношеній. Посмотримъ, что будетъ дѣлать конгрессъ; и если Сардинія въ союзѣ съ Наполеономъ III удержится отъ войны, мы скажемъ, что конгрессъ успѣлъ совершить неимовѣрно трудный подвигъ.

Мы не считаемъ особенно полезнымъ дѣломъ перечитывать длинныя депеши, въ которыхъ обыкновенно очень тонко излагаются мелочи и совершенно умалчивается сущность дѣла; точно также едва-ли есть особенная надобность тратить время на угадываніе дипломатическихъ комбинацій и проэктовъ, содержимыхъ въ секретѣ: то, что есть въ нихъ дѣйствительно важнаго, бываетъ обыкновенно извѣстно всѣмъ, а то, что остается секретомъ, относится почти всегда только къ формамъ, которыя не измѣняютъ сущности дѣла, каковы бы ни были. Такъ, два мѣсяца тому назадъ, мы не считали нужнымъ изслѣдовать, дѣйствительно ли заключенъ и въ какой формѣ заключенъ письменный трактатъ о союзѣ между Франціею и Піэмонтомъ на случай войны; мы полагали, что письменное условіе существуетъ, а въ какой формѣ и подъ какимъ заглавіемъ писано оно—это все равно; прибавляли даже, что еслибъ и не существовало особеннаго документа, установляющаго такой союзъ, опять таки было бы все равно, потому что сущность союза была бы изложена и гарантирована въ какихъ нибудь нотахъ, не принадлежащихъ по своему заглавію къ такъ называемымъ трактатамъ. Намъ также не казалось полезнымъ напрягать усилія для отгадыванія формаль-

ныхъ оговорокъ, подъ которыми Франція обѣщаетъ вооруженную помощь Сардиніи, потому что оговорки и условія перетолковываются такъ или иначе, исполняются или не исполняются сообразно съ отношеніями и событіями, извѣстными рѣшительно каждому читающему хотя бы Санктпетербургскія или Московскія Вѣдомости. Напримѣръ, все равно, оборонительный и наступательный или только оборонительный союзъ заключенъ на бумагѣ: если будетъ выгодно подать помощь, то и наступательная война окажется оборонительной, а если невыгодно, то и въ оборонительной войнѣ окажутся обстоятельства, уничтожающія приложимость договора. Мы говорили, что сущность дѣла при договорѣ и безъ договора, и при всякой формѣ договора остается одна и таже, извѣстная всѣмъ: Піэмонтъ хочетъ войны, французское правительство хочетъ помогать ему и дѣйствительно будетъ помогать, если не возникнутъ событія, которыми уничтожилась бы надобность и возможность той политики, которую Наполеонъ III обнаружилъ на церемоніи 1 января; это равнодушіе къ дипломатическимъ тайнамъ оправдалось теперь фактами. Франція наконецъ призналась, что союзъ существуетъ, но что онъ только оборонительный; а съ тѣмъ вмѣстѣ слову оборонительный придается такое значеніе, что если Піэмонтъ двинетъ свои войска въ Ломбардію и австрійцы будутъ принуждены обороняться, то все-таки будетъ объявлено, что Піэмонтъ ведетъ войну не наступательную, а только оборонительную: если такъ истолковываются формальныя условія трактатовъ, то не все ли равно, какъ если бы не существовало никакихъ условій и никакихъ трактатовъ, а дѣйствія сообразовались бы только съ отношеніями и выгодами? Въ сущности оно такъ и бываетъ. Мы упоминаемъ о нашихъ прежнихъ словахъ вовсе не для хвастовства проницательностью или предусмотрительностью: хвастаться намъ тутъ никакъ нельзя, во-первыхъ потому, что не мы сами изобрѣли соображенія, оказавшіяся вѣрными, а только нашли ихъ въ газетахъ, считающихся хорошими въ Западной Европѣ; во-вторыхъ, и газетамъ этимъ не было нужды въ особенной проницательности для представленія принятыхъ нами соображеній, естественно вытекающихъ изъ всѣхъ фактовъ новой политической исторіи. Мы только хотѣли привести примѣръ, которымъ оправдывался бы излагаемый нами теперь взглядъ на значеніе собирающагося нынѣ конгресса въ развитіи итальянскаго вопроса.

Мы хотимъ сказать, что и отъ этого конгресса, какъ ни важенъ кажется онъ, не должно ожидать сильнаго вліянія на ходъ событій, а тѣмъ менѣе надобно придавать особенную важность тѣмъ изъ относящихся къ нему подробностей, которыя еще не обнародованы. Корреспонденты газетъ могутъ представлять догадки и споры объ этихъ частностяхъ, но подобные толки пригодны только для занятія разговорами отъ нечего дѣлать.

Напримѣръ, гдѣ соберется конгрессъ? Въ Баденъ-Баденѣ, Брюсселлѣ, въ Ахенѣ, какъ говорили прежнія извѣстія, или въ Карльсруэ, какъ утверждаютъ послѣднія извѣстія? Намъ кажется, что этимъ должны интересоваться только лица, которымъ надобно будетъ ѣхать въ городъ, избранный мѣстомъ конгресса; да и для нихъ вопросъ важенъ только въ томъ отношеніи, имѣетъ ли городъ этотъ хорошія гостинницы съ удобными квартирами, хорошъ ли климатъ въ городѣ и представляются ли въ его окрестностяхъ пріятные пей-

зажи для прогулокъ. Какія лица будутъ уполномоченными на конгрессѣ? Дѣйствительно ли сами министры иностранныхъ дѣлъ съѣдутся на совѣщаніе или вмѣсто нихъ будутъ засѣдать какіе нибудь другіе дипломаты? И это все равно: какъ бы то ни было, конгрессъ будетъ составленъ изъ уполномоченныхъ очень высокаго сана, т. е. будетъ имѣть очень высокую оффиціальную торжественность. Но можетъ быть важнѣе вопросъ о томъ, составится ли конгрессъ только изъ уполномоченныхъ пяти великихъ державъ или будутъ допущены въ товарищи къ ихъ уполномоченнымъ уполномоченные Сардиніи? И если будутъ допущены сардинскіе уполномоченные, то съ полнымъ делиберативнымъ или только съ консультативнымъ голосомъ? И въ послѣднемъ случаѣ, будетъ ли данъ консультативный голосъ и другимъ итальянскимъ государствамъ? Или конгрессъ, составляемый исключительно пятью великими державами, предложитъ итальянскимъ государствамъ образовать отдѣльную конференцію, мнѣнія которой будутъ спрашиваться конгрессомъ, когда онъ почтетъ нужнымъ?— Обо всемъ этомъ спорятъ, какъ однажды при насъ очень образованные люди горячо спорили о томъ, надобно ли писать „Житомиръ“ или „Житоміръ“? Положительно утверждаютъ, что Франція требуетъ, а Австрія отвергаетъ допущеніе Сардиніи шестою державою въ конгрессъ съ делиберативнымъ голосомъ. Но что Франція хочетъ этого, а Австрія не хочетъ, это каждый изъ насъ могъ бы знать и самъ, хотя бы ни слова не говорилось о томъ въ газетахъ. Чѣмъ рѣшится это разнорѣчіе и другіе спорные пункты, рѣшительно все равно: хотя бы голосъ на конгрессѣ былъ данъ не только Сардиніи, но также Испаніи, Португаліи, Швеціи и даже княжествамъ Вальдекскому и Книпгаузенскому, все-таки ходъ переговоровъ будетъ исключительно зависѣть отъ расположеній пяти великихъ державъ; и наоборотъ, хотя бы Сардиніи не дали, не только делиберативнаго, но и консультативнаго голоса, все-таки каждая изъ пяти великихъ державъ будетъ сообразоваться въ своихъ расположеніяхъ съ силами и наклонностями тѣхъ второстепенныхъ государствъ, которыя замѣшаны, или могутъ быть замѣшаны въ это дѣло.

Но кромѣ вопросовъ о формѣ конгресса есть споры о томъ, каковы будутъ предметы его совѣщаній и къ чему могутъ привести эти совѣщанія въ томъ случаѣ, если Франція и Піэмонтъ найдутъ удобнымъ отказаться отъ разрѣшенія вопроса вооруженною рукою. Тутъ опять все существенное ясно изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, а все составляющее дипломатическую тайну, вовсе не важно. Австрія согласилась участвовать въ конгрессѣ,—изъ этого видно, что суду конгресса будутъ подлежать, по его формальнымъ условіямъ, только итальянскія государства, а не сама Австрія: если бы конгрессъ собирался за тѣмъ, чтобы рѣшить, должна ли Австрія сохранить свои итальянскія провинціи, или должна возвратить имъ независимость, Австрія не согласилась бы на конгрессъ. И такъ конгрессъ собирается формальнымъ образомъ для разсмотрѣнія внутренняго положенія Папской Области, Тосканы и Модены, отчасти Неаполя и Пармы. Начнутъ разсужденіями о томъ, какія надобно сдѣлать улучшенія въ администраціи этихъ государствъ, чтобы правительства ихъ пріобрѣли расположеніе своихъ подданныхъ и могли держаться на своихъ ногахъ, не опираясь на австрійскіе и французскіе штыки. Угодно ли знать, къ чему приведутъ эти совѣщанія? Подвергнутымъ обсужденію правительствамъ

даны будутъ совѣты двоякаго рода: во-первыхъ, исправить недостатки ихъ законодательства и администраціи, во-вторыхъ усилить и преобразовать военную силу для охраненія порядка при новыхъ законахъ и улучшенной администраціи. На первые совѣты итальянскія правительства дадутъ отвѣтъ, что вполнѣ имъ сочувствуютъ, но что, къ сожалѣнію, разныя неблагопріятныя обстоятельства препятствуютъ ихъ исполненію въ настоящее время; второй совѣтъ они также одобрятъ и по возможности исполнятъ его. Конгрессъ рѣшитъ, что такъ какъ второе дѣло, т. е. сохраненіе порядка, составляетъ основу перваго, т. е. законодательныхъ улучшеній, то французскія и австрійскія войска должны быть выведены изъ итальянскихъ герцогствъ, изъ легатствъ, изъ Рима и Чивита-Веккіи, когда домашнія правительства этихъ земель устроятъ свои войска до надлежащей степени, и совѣтъ этимъ правительствамъ ускорить по возможности такое дѣло послужитъ заключеніемъ совѣщаній и рѣшеній конгресса по этому предмету.

Но ограничатся ли занятія конгресса этимъ предметомъ?—Ни мало. Правда, по формальнымъ основаніямъ, принятымъ для конгресса Австріею и Франціею, безъ сомнѣнія, опредѣлено, что не должно быть рѣчи о внутреннихъ дѣлахъ Австріи и Піэмонта, потому что оба эти государства—державы самостоятельныя, не нуждающіяся въ чужой помощи для охраненія порядка, стало быть вмѣшательство другихъ державъ въ ихъ внутреннюю политику было бы нарушеніемъ этикета, принятаго такъ называемымъ международнымъ правомъ. Но это все равно. Сардинія и Франція отъ имени Сардиніи будутъ жаловаться на Австрію, Австрія на Сардинію. Обѣ стороны будутъ сваливать одна на другую необходимость вооруженій, сдѣланныхъ ими. Австрія будетъ говорить, что политика нынѣшняго сардинскаго кабинета противна спокойствію Европы, т. е. будетъ косвеннымъ образомъ предлагать замѣну Кавура предводителями правой стороны, которые сами по себѣ могутъ быть совершенно честны, но опираются на іезуитовъ и абсолютистовъ. Сардинія будетъ требовать въ управленіи ломбардо-венеціанскими провинціями такихъ измѣненій, при которыхъ Австріи не было бы надобности содержать въ Италіи сильную армію. Австрія на это будетъ отвѣчать, что сдѣлала все, что могла, что ни въ Ломбардіи, ни въ Венеціи нѣтъ недовольныхъ, а напротивъ всѣ очень довольны австрійскимъ правленіемъ, а что если есть между 5 милліонами ея итальянскихъ подданныхъ какихъ нибудь сотни двѣ недовольныхъ, то это люди безпокойнаго характера, дурныхъ мыслей, неблагонамѣренные интриганты и честолюбцы, которыхъ никто изъ миланцевъ и венеціанъ не слушаетъ, и что сильную армію въ Италіи должна содержать она вовсе не по недовольству своихъ итальянскихъ подданныхъ, а только для огражденія себя отъ честолюбивыхъ замысловъ Піэмонта. Австрія имѣетъ 700,000 войска, стало быть вывести ее на иной путь нельзя иначе, какъ силою оружія. Съ Піэмонтомъ было бы можно справиться и такъ называемымъ моральнымъ принужденіемъ, но онъ опирается на Францію, стало быть и его нельзя словами сбить съ его увѣреній, что перемѣнить политику ему невозможно и что впрочемъ его политика совершенно миролюбива. Что же тутъ будетъ дѣлать конгрессъ? Разнорѣчіе такъ и остается разнорѣчіемъ; конгрессъ разойдется, склонивъ враждующія державы развѣ къ тому, чтобы та и другая сторона обѣщались не начинать военныхъ дѣйствій и отвести свои

войска на нѣсколько миль отъ границы. Только и сдѣлаетъ конгрессъ по этому вопросу, въ которомъ и заключается сущность дѣла. Впрочемъ напрасно мы говоримъ, что онъ сдѣлаетъ это,—это уже сдѣлано: обѣщанія не начинать войну даны съ обѣихъ сторонъ и посланы, или на дняхъ будутъ посланы приказанія тѣмъ или другимъ войскамъ отступить отъ границы. Стало быть въ сущности все уже сдѣлано, что могъ бы сдѣлать конгрессъ. Или нѣтъ, мы опять ошибаемся: онъ можетъ потребовать возобновленія и усиленія, какъ миролюбивыхъ обѣщаній, такъ и приказаній объ отступленіи. Особенно послѣднее, вѣроятно, понадобится: извѣстно, что генералы по какой-то странности не всегда слушаются приказаній передаваемыхъ военными министрами по желанію министровъ иностранныхъ дѣлъ. Напримѣръ, австрійскому генералу Шварценбергу и прусскому генералу Йорку въ 1812 году много разъ приказывали дѣлать такъ, а они все-таки дѣлали иначе.

Словомъ сказать, конгрессъ—просто отсрочка, на которую Австрія согласилась для того, чтобы не сказали, будто она отвергаетъ пути къ примиренію, а Франція для того, чтобы занять чѣмъ нибудь время до тѣхъ поръ, пока Франція сообразитъ, удобно ли ей начинать войну, или, если она уже рѣшила это, то пока она кончитъ свои вооруженія и устроитъ свои отношенія къ другимъ державамъ такъ, какъ ей хочется.

Всѣ эти отношенія остаются совершенно въ прежнемъ видѣ, кромѣ развѣ той перемѣны, что три великія державы, являющіяся посредницами, тѣснѣе сблизились между собою. Но мы выражаемся объ этомъ фразою вовсе не положительною: чтобы говорить навѣрное, нужно было бы точнѣе, нежели мы знаемъ, знать взглядъ одной изъ великихъ державъ на политику Франціи въ настоящую минуту. Вотъ это единственный неизвѣстный навѣрное пунктъ дѣла, а многое отъ него зависитъ, потому что если бы между тремя державами было то же согласіе, существованіе котораго извѣстно о двухъ изъ нихъ, именно объ Англіи и Пруссіи, то шансы мира нѣсколько увеличивались бы.

Впрочемъ и тутъ мы ошибаемся. Настоящее расположеніе нейтральныхъ державъ извѣстно съ достаточной точностью, и говоря о томъ обстоятельствѣ, отъ котораго увеличивались бы шансы мира, можно только желать его въ будущемъ, потому что, если бы совершенное согласіе между нейтральными державами существовало теперь, этотъ фктъ не могъ бы скрываться и двухъ недѣль: газетныя извѣстія обнаружили бы его тотчасъ же, а пренія въ англійскомъ парламентѣ черезъ нѣсколько дней подтвердили бы достовѣрность слуховъ. Но этого нѣтъ, а напротивъ несомнѣнные признаки показываютъ, что нейтральныя державы держатся въ различныхъ положеніяхъ относительно распрей между Франціею и Австріею.

Потому надобно думать, что согласіе на конгрессъ еще не уменьшаетъ вѣроятность войны. Такой взглядъ на положеніе дѣлъ подтверждается и состояніемъ курсовъ: они не поднимаются, или поднявшись тотчасъ же падаютъ; это значитъ, что западныя биржи мало вѣрятъ въ близость примиренія. Другимъ свидѣтельствомъ рѣшимости на войну служитъ то, что Франція не останавливаетъ своихъ вооруженій, напротивъ въ послѣднее время сдѣланы распоряженія, еще прямѣе прежнихъ указывающія на близость войны. Французскія войска сосредоточиваются на югѣ все въ большемъ количествѣ. Говорятъ, что теперь въ Ліонѣ и въ

окружности его расположено до 120,000 человѣкъ, которые могутъ быть собраны въ одну массу въ теченіе 12 часовъ. Изъ Алжиріи продолжаютъ перевозить во Францію самыя отборныя боевыя войска; между прочимъ привезены тюркосы, стрѣлки изъ алжирскихъ туземцевъ, нѣчто въ родѣ прежнихъ зуавовъ. До сихъ поръ тюркосы не были выводимы изъ Алжиріи, и надобно полагать, что ихъ не стали бы тревожить попапрасну. Наконецъ надобно замѣтить, что во всѣхъ французскихъ пѣхотныхъ полкахъ формируются теперь четвертые баталіоны. О томъ, что продолжаются вооруженія въ Сардиніи и соотвѣтственныя имъ вооруженія въ Австріи, не надобно и говорить.

Словомъ сказать, у Франціи и у Сардиніи остаются прежнія побужденія къ войнѣ, стало быть вѣроятность войны остается прежняя. Въ какомъ-то салонѣ Гизо очень мѣтко характеризовалъ необходимость воинственной политики для нынѣшней французской системы словами: „c'est une impossibilité inévitable"—„это неизбѣжная невозможность". Дѣйствительно, вести войну противъ желанія націи, войну, въ которой союзницами Австріи будетъ Пруссія, Англія и вся Германія, и притомъ такую войну, которая разбудитъ въ Италіи принципы, противоположные основаніямъ нынѣшней французской системы—это очевидная невозможность; но въ то же время безъ войны обойтись нельзя, она представляется единственнымъ средствомъ продлить существованіе нынѣшней системы. Положеніе очень затруднительное, и какъ выйдетъ изъ него Франція, мы не знаемъ. Правда, есть выходъ,—устраненіе изъ французской жизни элементовъ, своимъ противорѣчіемъ съ ея потребностями ведущихъ ее на войну, которая бы своимъ шумомъ заглушила противорѣчія. Есть причины думать, что этотъ выходъ ближе, нежели обыкновенно полагаютъ. Усилія нейтральныхъ державъ могутъ отсрочить войну на три, на четыре мѣсяца; тогда будетъ поздно начинать походъ и Франція можетъ сказать, что, твердо рѣшившись на войну, она откладываетъ ее до весны. Это будетъ средствомъ продолжить шумъ внѣшней политики, т. е. уклониться на нѣкоторое время отъ невозможности, соединенной съ неизбѣжностью; это многіе находятъ правдоподобнымъ. Но если бы случилось такъ, то въ теченіе года могли бы исчезнуть изъ французской жизни элементы, ведущіе къ войнѣ, потому что ихъ недолговѣчность обнаруживается. Если же нѣтъ,—война остается неизбѣжностью. Близости измѣненія, о которомъ мы говоримъ, вѣрятъ не многіе; но случиться ему не такъ трудно, какъ пологаютъ поверхностные наблюдатели. Мы возвратимся къ этому предмету впослѣдствіи, а теперь обратимся къ событіямъ во внутренной политикѣ другой державы, которая споритъ съ Франціею за политическое преобладаніе въ Западной Европѣ.

Теперь (26 марта) мы еще только по телеграфическимъ депешамъ знаемъ, что англійское министерство, потерпѣвъ пораженіе по вопросу о реформѣ, объявило, что распуститъ парламентъ. Мы еще не имѣемъ подробныхъ извѣстій о томъ, какія позиціи приняты были разными партіями въ послѣднюю минуту борьбы и въ какомъ положеніи каждая изъ нихъ увидѣла себя по окончаніи битвы. Мы можемъ пока довести разсказъ о формальныхъ дѣйствіяхъ въ залѣ Палаты Общинъ только до дня подачи голосовъ о предложеніи Росселя; свѣдѣнія наши о развитіи внутренней стороны этого во-

проса кончаются еще двумя или тремя днями ранѣе, но если мы принуждены отложить до слѣдующаго раза многія подробности, которыя были бы очень умѣстны здѣсь, то все-таки можемъ уже довольно отчетливо понимать положеніе дѣлъ, о которомъ сообщены отрывочныя извѣстія телеграфическими депешами.

Читатель знаетъ, что торійское министерство держалось только помощью независимыхъ либераловъ, которые получали отъ него больше уступокъ, нежели имѣли отъ Пальмерстона; знаетъ также, что когда въ рѣшительномъ дѣлѣ, въ биллѣ о реформѣ, Дерби и Д'Израэли выказали наконецъ свою натуру, т. е. отсталость и обскурантизмъ, независимые либералы, въ лицѣ Робека, объявили, что лишатъ ихъ своей поддержки, если они не покаются въ своихъ грѣхахъ. Читатель знаетъ также, что предводителемъ парламентской оппозиціи противъ билля явился Россель, оттѣснивъ Пальмерстона на второй планъ. Независимые либералы, какъ мы говорили, обѣщали ему поддержку, чтобы отвергнуть торійскій билль. Теперь видно, что послѣ того между Росселемъ, т. е. партіею чистыхъ виговъ, и Брайтомъ, т. е. независимыми либералами, велись переговоры о томъ, что дѣлать послѣ пораженія торійскаго министерства. Брайтъ указывалъ сущность этихъ переговоровъ, когда на митингѣ въ Манчестерѣ (17 марта) объявлялъ, что лордъ Россель можетъ, если ему угодно, сдѣлаться главою министерства, но что необходимымъ условіемъ къ тому ставится для него принятіе въ кабинетъ новыхъ людей, составленіе такого кабинета, который бы не имѣлъ исключительнаго аристократическаго характера, до сихъ поръ принадлежавшаго всѣмъ безъ исключенія англійскимъ кабинетамъ. Это значило, требовать отъ Росселя слишкомъ далекаго отступленія отъ аристократическихъ обычаевъ. Черезъ нѣсколько времени вигамъ нельзя будетъ обойтись безъ такой уступки, но теперь они не согласились на нее, не захотѣли впустить въ кабинетъ Брайта и Робека за то Брайтъ и Робекъ не отворили имъ самимъ двери въ кабинетъ. Это одно изъ трехъ обстоятельствъ, объясняющихъ развязку битвы. Не смотря на всѣ взаимныя огорченія, которыя Россель и Пальмерстонъ наносили другъ другу, Россель все-таки предпочелъ, разорвавъ переговоры съ Брайтомъ, начать переговоры съ своимъ соперникомъ между вигами. И тутъ дѣло не удалось, чего и слѣдовало, разумѣется, ожидать: Россель и Пальмерстонъ оба были первыми министрами, оба хотятъ вступить въ кабинетъ не иначе, какъ первыми министрами. Исторію ихъ переговоровъ довольно забавно изложилъ The Weekly Magazine въ шутливомъ стихотвореніи „Политическое сліяніе", The Political Fusion:

«Пальмерстонъ сказалъ Росселю:—Джонъ, мы слишкомъ долго оставались врагами; вотъ теперь есть намъ обоимъ случай послужить отечеству и королевѣ,—не себѣ самимъ послужить,—въ насъ нѣтъ такихъ низкихъ мыслей. (Тутъ онъ подморгнулъ). Мы не ищемъ власти, Джонъ.

Тогда Россель сказалъ Пальмерстону:—Одобряю твою мысль; соединившись, мы легко столкнемъ лорда Дерби съ должности; разумѣется, мы сдѣлаемъ это не изъ желанія получить мѣсто; такого своекорыстія мы стыдились бы. (Тутъ онъ тоже подморгнулъ). Единственная наша цѣль быть полезными отечеству.

— Хорошо, сказалъ Пальмерстонъ, схвативъ руку Росселя:—наконецъ-то мы

поняли другъ друга, и я горжусь тѣмъ. На это Россель сказалъ Пальмерстону: — Мы тотчасъ же устроимъ эту штуку и въ минуту выгонимъ дербистовъ.

— А кто же будетъ первымъ министромъ, сказалъ Пальмерстонъ:—значитъ я?— Ну вотъ, поспѣшно возразилъ Россель.—Я рѣшительно не вижу, почему же ты; развѣ я хуже тебя?—Гораздо лучше меня ты, Джонъ, но министромъ внутреннихъ дѣлъ ты будешь чрезвычайно дѣльнымъ.

— Нѣтъ, ты, милый Пальмерстонъ, самая яркая звѣзда въ иностранной политикѣ. Не скромничай, мой другъ; весь свѣтъ знаетъ это. Такъ вотъ, я буду первымъ министромъ, а ты занимайся иностранными дѣлами.—Ну нѣтъ, братъ, погоди, возразилъ Пальмерстонъ.

И могъ бы произойти изъ этого жаркій споръ, но Пальмерстонъ быстро вытащилъ изъ кармана пенни и бросилъ вверхъ.—«Рѣшотка», сказалъ Россель. Проигрышъ или выигрышъ выпалъ ему—это мы скажемъ, когда они войдутъ въ кабинетъ».

Отъ исторической истины отступаетъ этотъ разсказъ только чѣмъ, что Россель и Пальмерстонъ не придумали разрѣшить спорнаго пункта посредствомъ орлянки. До послѣдней минуты Пальмерстонъ оставался враждебенъ Росселю и на этомъ основывалась надежда Дерби получить отъ него защиту. Это было вторымъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ развязку дѣла.

Впрочемъ не надобно обольщаться этими насмѣшками и вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ споръ, напримѣръ, между Росселемъ и Пальмерстономъ за то, кому быть первымъ министромъ, относится исключительно или главнымъ образомъ къ личному честолюбію. Оно можетъ играть тутъ свою роль, но просторъ для него не великъ: за тѣмъ и за другимъ предводителемъ стоитъ партія, политику которой онъ обязанъ проводить; эта партія рѣшаетъ, какъ долженъ дѣйствовать ея предводитель во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и его личное честолюбіе служитъ, какъ и его таланты, только орудіемъ къ осуществленію извѣстной политики. Общая политика кабинета опредѣляется мнѣніями перваго министра, т. е. той партіи, которая дѣйствуетъ черезъ него. Переговоры шли о томъ, которому изъ двухъ отдѣловъ вигистской партіи взять перевѣсъ надъ другимъ, и могутъ ли они примириться на столько, чтобы одинъ отдѣлъ видѣлъ исполненіе своихъ основныхъ убѣжденій въ дѣйствіяхъ другаго. Если бы партіи сошлись въ своихъ убѣжденіяхъ, онѣ заставили бы своихъ предводителей примириться или отвергли бы ихъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ будетъ примѣръ того, какъ личныя желанія предводителя партіи должны смиряться передъ требованіемъ партіи, представителемъ которой онъ служитъ. Если нельзя считать личное честолюбіе важнымъ двигателемъ даже во взаимныхъ отношеніяхъ партій, столь мало разнящихся по убѣжденіямъ, какъ пальмерстоновскіе и росселевскіе виги, то еще гораздо менѣе участіе личнаго честолюбія въ борьбѣ или переговорахъ партій, существенно разнящихся между собою по убѣжденіямъ, какъ напримѣръ тори и виги или виги и независимые либералы. Само собою разумѣется, что если Россель, т. е. его отдѣлъ виговъ не согласился дать Брайту и Робеку тѣхъ мѣстъ въ кабинетѣ, которыхъ они требовали, тутъ вопросъ былъ не о томъ, что нѣкоторымъ значительнымъ вигамъ, по личному разсчету, непріятно было отдать другимъ людямъ министерскія мѣста, кандидатами на которыя считали они себя,— еслибъ онѣ лично и подчинялись такому своекорыстію, партія умѣла бы укротить его, или обратить непокорныхъ въ совершенное ничтожество. А у

Робека или Брайта личное честолюбіе уже совершенно исчезаетъ передъ торжествомъ принципа: Кобдена или Брайта ввести въ кабинетъ, это все равно и для Кобдена и для Брайта; тутъ дѣло не въ томъ, я или ты получаешь личное возвышеніе, а только въ томъ, что получаетъ правительственную силу принципъ, защищаемый обоими. Точно также, если бы, напримѣръ, велись переговоры между вигами и тори, важность была бы не въ томъ, Дерби или Д'Израэли требуетъ себѣ извѣстнаго мѣста, а только въ томъ, дается ли извѣстное мѣсто, все равно,—тому или другому изъ нихъ. При всемъ своемъ честолюбіи Д'Израэли долженъ былъ бы совершенно забыть тутъ личный вопросъ.

Къ литературномъ дѣламъ мы нѣсколько привычнѣе, нежели къ политическимъ, и потому характеръ подобныхъ сближеній, переговоровъ и разрывовъ мы можемъ до нѣкоторой степени объяснить сравненіемъ ихъ съ литературными случаями. Положимъ, напримѣръ, что основывается новый журналъ; положимъ, что его редакторомъ дѣлается человѣкъ такъ называемыхъ западническихъ мнѣній. Если онъ приглашаетъ къ участію въ журналѣ кого нибудь изъ славянофиловъ, это значитъ не то, что между ними существуютъ личныя хорошія отношенія, а только то, что журналъ по обстоятельствамъ времени хочетъ защищать такіе принципы, которые выше предметовъ несогласія между обѣими партіями, напримѣръ, гласность, или освобожденіе крестьянъ, или улучшеніе судоустройства, и не будетъ обращать почти никакого вниманія на тѣ предметы, въ которыхъ двѣ партіи не согласны. Если кто нибудь изъ славянофиловъ принимаетъ предложеніе, это значитъ, что вся партія его одобряетъ образъ дѣйствія, предполагаемый журналомъ. Само собою разумѣется, мы предполагаемъ приглашающаго редактора и приглашаемыхъ сотрудниковъ людьми дѣльными, пользующимися значительнымъ положеніемъ въ своей партіи: о людяхъ ничтожныхъ никто не хлопочетъ, никто ихъ не приглашаетъ и никто не принимаетъ приглашеній, дѣлаемыхъ ими. Посмотримъ же теперь, могутъ ли имѣть личные разсчеты важное мѣсто въ такомъ дѣлѣ. Что было бы, напримѣръ, еслибы сотрудникъ славянофилъ согласился участвовать въ журналѣ не для проведенія мыслей, которымъ сочувствуетъ его партія, а только по денежнымъ выгодамъ или по тщеславію, т. е. если бы онъ принялъ участіе въ журналѣ безъ одобренія своей партіи. Люди, сочувствующіе славянофиламъ, не сочувствовали бы тогда журналу; сотрудникъ былъ бы безполезенъ для журнала, т. е. игралъ бы въ немъ жалкую роль; даже его тщеславіе было бы разочаровано, и онъ скоро бы отказался, если бы еще раньше того редакторъ не отказалъ ему, какъ человѣку безполезному. Такимъ образомъ, даже тутъ, въ дѣлѣ маловажномъ по сравненію съ управленіемъ національною политикою, личныя отношенія и разсчеты не могутъ имѣть важнаго значенія передъ интересами принциповъ. Нѣчто подобное, только въ гораздо значительнѣйшихъ размѣрахъ, бываетъ сущностью переговоровъ между важными людьми политическихъ партій въ Англіи при составленіи министерства.

Быть можетъ мы слишкомъ заботились о разъясненіи отношеній, изъ которыхъ возникли два обстоятельства, имѣвшія вліяніе на развязку преній по биллю о реформѣ. Мы хотѣли показать, что въ переговорахъ между Росселемъ и Брайтомъ, между Росселемъ и Пальмерстономъ

о составленіи новаго министерства, дѣло шло не о личныхъ отношеніяхъ, а собственно о степени вліянія, какое должны имѣть на политику составлявшагося кабинета различные политическіе принципы. Если одинъ требовалъ себѣ и своимъ приверженцамъ извѣстныхъ мѣстъ въ кабинетѣ, другой не находилъ возможнымъ пожертвовать этими мѣстами, желая оставить ихъ за собою и своими кандидатами,—лица тутъ были только представителями принциповъ; вопросъ объ извѣстныхъ мѣстахъ для лицъ былъ вопросомъ о степени вліянія принциповъ извѣстной партіи на политику. Быть можетъ, читателю не было надобности въ нашихъ объясненіяхъ, чтобы не ошибаться въ этомъ и не предполагать силы личныхъ отношеній и разсчетовъ тамъ, гдѣ говорится у насъ о лицахъ. Фамилія тутъ служитъ только для краткости выраженія вмѣсто словъ „партія, имѣющая такія-то убѣжденія и выбравшая своимъ органомъ такого-то человѣка“. Третье обстоятельство, имѣвшее вліяніе на развязку дѣла, будетъ ясно для каждаго безъ всякихъ объясненій.

При неизвѣстности того, войною или миромъ разрѣшится итальянскій вопросъ, и въ Англіи, какъ повсюду, люди совершенно одинаковыхъ мнѣній обо всемъ могутъ думать различно о степени вѣроятности того или другого рѣшенія. Это зависитъ отъ степени оптимизма или пессимизма въ характерѣ и отъ степени личнаго знакомства съ европейскими дипломатическими отношеніями. Если предполагать, что война не только неизбѣжна, но и не будетъ отсрочена на три-четыре мѣсяца, а вспыхнетъ на дняхъ, то конечно англичанинъ не долженъ желать распущенія парламента, потому что присутствіе парламента вовсе не ослабляетъ правительство, или, по англійскому выраженію „корону“, какъ у насъ многіе полагаютъ по совершенному незнанію, а напротивъ — чрезвычайно усиливаетъ могущество „короны“. Королева Викторія и ея королевство не имѣли бы и половины того могущества, какимъ теперь обладаютъ, если бы у нихъ не было парламента. У насъ все думаютъ только о томъ, что парламентъ стѣсняетъ министерство, или по англійскому выраженію „правительство“ и „администрацію“. Напротивъ. Повелѣніе, подписанное Наполеономъ III, не имѣетъ во Франціи десятой части той дѣйствительной силы, какъ повелѣніе, принятое королевою Викторіею въ Англіи. Для людей, обманываемыхъ формами, это кажется странно; но стоитъ только подумать о сущности дѣла и мы увидимъ, что оно такъ, и непремѣнно должно быть такъ. Фульдъ или Валевскій очень часто въ душѣ не желалъ бы исполненія тѣхъ мѣръ, исполненіе которыхъ поручается имъ. Какъ же будутъ исполнены эти мѣры? Обыкновенно исполняются онѣ безъ усердія, часто искажаются, еще чаще исполняются только для формы, такъ что на дѣлѣ производится вовсе не то, о чемъ отдано приказаніе и объ исполненіи чего подается отчетъ на бумагѣ. Франція въ значительной степени имѣетъ право называться бумажнымъ царствомъ. Подумаемъ только о томъ, какому ослабленію, искаженію и пренебреженію должно подвергаться тамъ въ исполненіи каждое дѣло, проходя по разнымъ инстанціямъ, сверху внизъ, когда самъ министръ часто дѣлаетъ подъ рукою все возможное для ослабленія мѣры, когда изъ 87 префектовъ половина враждебна въ душѣ министру, другая половина считаетъ

себя умнѣе его, и когда всѣ они знаютъ, что даже самъ министръ требуетъ исполненія только на бумагѣ, и когда наконецъ каждый префектъ находится къ исполнителямъ, своимъ подчиненнымъ, въ такомъ же положеніи, какъ министръ къ префектамъ, т. е. долженъ дѣйствовать черезъ людей, ни мало не сочувствующихъ ни ему, ни предмету его приказаній. Правительство дѣйствуетъ въ потемкахъ, не зная, на кого можетъ положиться, и въ большей части случаевъ не имѣетъ усердныхъ исполнителей, не имѣя въ тоже время и средствъ удостовѣриться, дѣйствительно ли приказанія исполняются. Ничего подобнаго, никакой подобной путаницы и безсилія, нѣтъ при парламентѣ. Каждое распоряженіе принимается цѣлою партіею, т. е. безчисленнымъ множествомъ людей во всѣхъ классахъ общества, какъ личное дѣло каждаго изъ нихъ; и каждый изъ нихъ всячески содѣйствуетъ надлежащему его исполненію. Обязательство въ этомъ уже напередъ дано ими, еще до обнародованія рясоряженія и дано оно съ дѣйствительнымъ желаніемъ дать и исполнить его. Опора парламента такъ сильна, что правительство или „корона“ замѣтно ослабѣваетъ даже въ тѣ короткіе промежутки, которые бываютъ между сессіями парламента. Два или три мѣсяца тому назадъ „корона“ удостовѣрилась, что ея повелѣнія исполняются усердно и добросовѣстно; но этого краткаго періода бываетъ достаточно, чтобы она утратила часть той основательной самоувѣренности, которая сообщалась ей присутствіемъ парламента. И только, когда онъ соберется снова, чувствуетъ она возвращеніе своей прежней силы.

Шумъ производятъ вообще только тѣ дѣла, относительно которыхъ мнѣніе не установилось; въ чемъ всѣ согласны, о томъ не бываетъ длинныхъ разговоровъ. Потому и до нашего слуха доходятъ только тѣ дѣла парламентской жизни, въ которыхъ парламентъ раздѣленъ на партіи; но не должно забывать, что кромѣ этихъ шумныхъ дѣлъ происходитъ множество другихъ гораздо важнѣйшихъ, о которыхъ никто не споритъ, въ которыхъ „корона“ не слышитъ отъ парламента ничего, кромѣ единодушнаго одобренія и искреннихъ обѣщаній его сильной помощи. Читатель можетъ вспомнить, какъ парламентъ отвѣчалъ на изложеніе дѣйствій „короны“ по итальянскому вопросу: члены всѣхъ партій въ одинъ голосъ сказали „да, совершенно такъ; каждый изъ насъ дѣйствовалъ бы точно также, мы всѣ содѣйствуемъ „коронѣ“ и чтобы ей ни понадобилось, она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка“. Объ этомъ случаѣ мы узнали, потому что имъ интересуется не одна Англія, но и весь континентъ; но каждый день рѣшаются съ такимъ же согласіемъ дѣла, не касающіяся до другихъ державъ и важныя только для самой Англіи. Напримѣръ, всѣ суммы, нужныя правительству, вообще получаются безъ всякаго затрудненія.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Мы видѣли, что въ присутствіи парламента правительство гораздо сильнѣе и смѣлѣе, нежели въ тѣ промежутки, когда оно не можетъ ежедневно удостовѣряться въ сочувствіи представителей націи. Поэтому люди, ожидающіе войны на дняхъ, не хотѣли бы поставить вопросъ о реформѣ такъ, чтобы отъ него произошелъ перерывъ въ засѣданіяхъ парламента; хотѣли бы придать ему такой мягкій оборотъ, чтобы министерству не было надобности распускать нынѣшній парламентъ и

назначать новыя выборы; а распущеніе парламента представлялось однимъ изъ шансовъ, возникающихъ отъ принятія большинствомъ такихъ предложеній, на которые министерство не изъявило своего согласія. Такіе люди были и между вигами и между тори; но тори и безъ того подавали голосъ за министерство; виги все-таки должны были поддерживать предложеніе, клонящееся къ замѣненію торійскаго министерства ихъ собственнымъ. Потому вліяніе на способъ подачи голосовъ могло оказываться отъ этого обстоятельства только между независимыми либералами. Когда разстроились ихъ переговоры съ Росселемъ, т. е. вступленіе ихъ самихъ въ кабинетъ, они остались равнодушными къ вопросу о перемѣнѣ министерства, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшились подать голосъ за торійское министерство только для того, чтобы правительство не оставалось безъ помощи парламента въ столкновеніяхъ по итальянскому вопросу. Важнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ Робекъ.

Имѣя въ виду три обстоятельства, изложенныя нами, можно довольно ясно понимать причины, которыми была приведена развязка дѣла, противная, и желаніямъ министерства, и желаніямъ по крайней мѣрѣ двухъ третей членовъ Палаты Общинъ.

Въ парламентскихъ преніяхъ прежде всего обнаружилось вліяніе послѣдняго изъ обстоятельствъ, замѣченныхъ нами. Еще задолго до собранія парламента, на шеффильдскомъ митингѣ по вопросу о реформѣ, Робекъ, депутатъ Шеффильда, уже выразилъ свое мнѣніе, что итальянскій вопросъ своею затруднительностью долженъ въ совѣщаніяхъ парламента взять верхъ надъ дѣломъ о реформѣ. Онъ полагалъ даже, что парламентъ, развлеченный войною, не успѣетъ заняться реформою. Война не вспыхнула такъ рано, какъ онъ опасался, но все-таки онъ думаетъ, что со дня на день надобно ждать ея, и потому присутствіе парламента необходимо для «короны». Когда приблизился срокъ, назначенный для преній о предложеніи Росселя, которымъ могло быть министерство низвергнуто или принуждено распустить парламентъ, Робекъ почелъ своею обязанностью сдѣлать усиліе для предотвращенія такой необходимости. За три дня до начала преній о предложеніи Росселя онъ сказалъ, что хочетъ обратиться съ совѣтомъ къ лорду Росселю и къ министерству. Образъ дѣйствій, принятый лордомъ Росселемъ, сказалъ онъ, долженъ повести къ перемѣнѣ министерства или распущенію парламента.

«Перемѣна министерства при нынѣшнихъ обстоятельствахъ,—продолжалъ онъ,—можетъ произвесть страшныя бѣдствія на континентѣ; распущеніе парламента можетъ произвесть немедленный взрывъ войны. Почему такъ, позвольте мнѣ объяснить. Европа не понимаетъ Англіи. Она подумаетъ, что отъ распущенія Палаты Общинъ всѣ партіи разстроились въ своихъ отношеніяхъ и что исчезло могущество общественнаго мнѣнія въ Англіи, а миръ въ Европѣ держится силою англійскаго общественнаго мнѣнія (апплодисменты). Если только Европа подумаетъ, что сила эта исчезла, на другой же день возникнетъ хаосъ и кровопролитіе въ цѣлой Европѣ (браво!). Сильно занятый этими соображеніями, я прошу благороднаго лорда (Росселя) оставить тотъ путь, по которому онъ хотѣлъ идти. Отъ него зависятъ теперь судьбы нашей земли, и путь, имъ избранный, можетъ навлечь на насъ неисчислимыя бѣдствія».

Потому Робекъ просилъ Росселя поступить теперь такъ, какъ онъ поступилъ въ прошедшемъ году въ индійскомъ вопросѣ. Индійскій билль Дерби,

также какъ теперь вопросъ о реформѣ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ большинствѣ палаты. Чтобы дать министерству возможность избѣжать формальнаго порицанія палаты, Россель предложилъ ей, прежде нежели займется она этимъ биллемъ, обсудить, независимо отъ него, важнѣйшія стороны дѣла, чтобы министры могли составить новый билль сообразно этимъ рѣшеніямъ. Такимъ образомъ законъ былъ составленъ въ смыслѣ большинства, противнаго первоначальнымъ идеямъ министерства, а министры все-таки избѣжали формальнаго столкновенія съ большинствомъ, и не нужно было имъ ни выходить въ отставку, ни распускать парламентъ. Робекъ просилъ Росселя и теперь поступить подобнымъ образомъ, т. е. 21 марта, въ день назначенный для втораго чтенія билля, предложить парламенту вмѣсто преній о биллѣ заняться составленіемъ отдѣльныхъ рѣшеній по главнымъ пунктамъ вопроса. Россель не согласился, но министерство чрезвычайно ободрилось несогласіемъ Робека на образъ дѣйствій Росселя. Оно получило надежду, что онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими независимыми либералами, будетъ вотировать противъ Росселя, и что, благодаря этому отпаденію, Россель останется въ меньшинствѣ.

Потому министерство отказалось отъ мысли объ уступчивости, которой хотѣло держаться. Оно предполагало, пользуясь неудачей Росселя и Пальмерстона въ составленіи условій, при которыхъ они оба могли бы войти въ кабинетъ, объявить, что какія бы поправки ни были сдѣланы при комитетскомъ совѣщаніи въ его биллѣ, оно ни одной изъ этихъ поправокъ не приметъ за существенно враждебную. Виги, не имѣя возможности составить кабинета, должны были бы принять такое объясненіе, и торійское министерство, не подвергнувшись формальному порицанію, удержалось бы въ кабинетѣ. Теперь тори сдѣлались отважными. Они предположили, что если объявятъ свое намѣреніе считать принятіе Росселевой поправки за прямое порицаніе своему биллю, то большинство отвергнетъ эту поправку, потому что слѣдствіемъ ея при такомъ объявленіи было бы или паденіе министерства или распущеніе парламента. Но было извѣстно, что виги не могутъ составить новаго кабинета, стало быть необходимо оставаться прежнему кабинету за недостаткомъ другаго, стало быть изъ двухъ шансовъ остается только одинъ, именно распущеніе парламента; а именно этого опасаются нѣкоторые независимые либералы, стало быть подадутъ голосъ противъ Росселя.

Настало 21 марта. Всѣ, кто могъ, явились въ Палату Общинъ посмотрѣть на ходъ борьбы. Палата Лордовъ, хорошо чувствующая не слишкомъ большую важность свою, посидѣла въ своей залѣ всего съ небольшимъ часъ и поспѣшила кончить свои блѣдныя пренія, чтобы всею массою посмотрѣть на истинныхъ владыкъ Англіи въ Палатѣ Общинъ. Лордовъ пришло столько въ Палату Общинъ, что недостало имъ мѣстъ въ назначенной для нихъ галлереѣ. Каждое засѣданіе начинается представленіемъ просьбъ, такъ что лорды успѣли видѣть весь спектакль; просьбъ было множество, и все по вопросу о реформѣ, и все противъ министерскаго билля. Рѣдкій депутатъ явился безъ такого приношенія президентскому столу. И торійскіе депутаты несли, бѣдняжки, эти смертоносныя для нихъ посылки отъ своихъ избирателей. Вотъ всталъ Россель. Брайтъ и независимые либералы привѣтствовали

его громкими апплодисментами; не отступившись отъ своего предложенія, онъ помогалъ ихъ дѣлу сильнѣе, нежели самъ предполагалъ, какъ мы увидимъ. Пальмерстоновскіе виги не апплодировали теперь, да и въ продолженіе рѣчи апплодировали рѣдко, только изъ приличія. Послѣ длиннаго разбора основныхъ постановленій министерскаго билля, онъ заключилъ: „словомъ сказать, я долженъ объявить прямо, что билль, предложенный Палатѣ, я считаю мѣрою самаго вреднаго, оскорбительнаго и опаснаго характера“. Раздались продолжительные апплодисменты. Объяснивъ, почему предложилъ только поправку ко второму чтенію, а не прямое отверженіе билля [1]), онъ продолжалъ: „да, безполезно передавать въ комитетъ этотъ билль; и замѣчанія, сдѣланныя моимъ уважаемымъ другомъ (Робекомъ), не заставляютъ меня измѣнять своего образа дѣйствій. Онъ говорилъ, что если мы остановимъ ходъ министерскаго билля, результатомъ этого можетъ быть распущеніе парламента,— я не пугаюсь этого. Я думаю, что при вопросѣ, отъ котораго зависитъ судьба наша и нашихъ потомковъ, останавливаться страхомъ распущенія или какой нибудь опасности, угрожающей нашимъ иностраннымъ дѣламъ, было бы совершенно недостойно насъ (браво!). Если наше рѣшеніе будетъ противно проэкту министровъ, пусть они поступаютъ, какъ имъ покажется лучше. Если они почтутъ полезнымъ распустить парламентъ, чтобы узнать мнѣніе народа объ этомъ вопросѣ, то,—не знаю, какъ другіе, а я не побоюсь этой аппеляціи (апплодисменты). Пусть они выставятъ свой билль на всѣхъ избирательныхъ эстрадахъ Англіи и посмотрятъ, какой отвѣтъ имъ будетъ данъ (браво, браво!). И если агитація возрастетъ отъ этого, если общіе выборы породятъ требованія обширнѣйшія нынѣшнихъ, отвѣтственность за то будетъ на министрахъ, а не на насъ (апплодисменты). А по отношенію къ опасно-

---

[1]) Противъ этого способа дѣйствій было много порицаній со стороны тори. Они говорили, что если билль, по мнѣнію Росселя, дуренъ, то надобно было прямо отвергать его, а не предлагать поправку къ предложенію о второмъ чтеніи. Россель отвѣчалъ на это, что въ биллѣ есть кое-что хорошее, именно пониженіе ценса въ графствахъ, но существенный характеръ его дуренъ. Предлагать простое отверженіе значило бы вмѣстѣ съ дурнымъ отвергать и хорошее; притомъ простое отверженіе не указывало бы, что именно дурно въ биллѣ. Предложеніе, мною сдѣланное,—говорилъ онъ,—прямо указываетъ это дурное и положительно опредѣляетъ, каковъ долженъ быть характеръ билля, требуемаго Палатою. Читатель помнитъ, что предложеніе Росселя было: „Палата Общинъ думаетъ, что несправедливо и неблагоразумно (*politic*) поступать по способу, предложенному настоящимъ биллемъ, съ существующимъ правомъ фригольдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что Палата и нація не удовлетворятся никакимъ измѣненіемъ избирательнаго права, не вводящимъ въ графствахъ и городахъ расширенія права голоса въ размѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящею мѣрою“. Съ формальной стороны Россель достаточно оправдалъ свой образъ дѣйствій; но существенная причина тутъ была другая: предложеніе, сдѣланное Росселемъ, скорѣе могло получить большинство, нежели простое предложеніе отвергнуть билль. Пальмерстонъ и его друзья могли бы сказать, что предпочитаютъ извѣстное, вѣрное, хотя не совсѣмъ хорошее, совершенной неизвѣстности; могли бы сказать: вы отвергаете билль, но чѣмъ же вы хотите его замѣнить? Теперь у нихъ не было этого предлога отдѣлиться отъ Росселя. Притомъ предложеніе оставляло министрамъ формальную возможность оставаться на мѣстахъ, не распуская парламентъ. Этимъ отчасти предупреждалось возраженіе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя принуждать министровъ къ отставкѣ или распущенію парламента; можно было сказать: если они сдѣлаютъ то или другое, значитъ они не считаютъ обстоятельствъ слишкомъ опасными, и во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна ложиться на нихъ.

Были и другія возраженія противъ тактики Росселя, о которыхъ мы не упоминаемъ и которые онъ также разбираетъ въ своей рѣчи.

сти, что вспыхнетъ война, признаюсь, меня очень удивляетъ слышать и видѣть въ печати, что присутствіе лорда Мальмсбери въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ служитъ обезпеченіемъ мира [1]) (хохотъ). Я вовсе не имѣю вражды къ лорду Мальмсбери; но когда слышу, что его присутствіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ служитъ обезпеченіемъ мира, я спрашиваю себя: гдѣ же такой простякъ, который повѣритъ этимъ словамъ? (браво, браво! хохотъ). Остается еще одно замѣчаніе. Говорятъ, что я руковожусь интересами партіи, или своими личными. Я считаю своею обязанностью не обращать вниманія на такія обвиненія, а идти путемъ, который мнѣ кажется полезнѣйшимъ для отечества (браво, браво!). Никто не станетъ спорить, что много лѣтъ я принималъ искреннее участіе въ этомъ вопросѣ."—Лордъ Россель въ нѣсколькихъ словахъ припомнилъ исторію своихъ усилій по дѣлу парламентской реформы, и заключилъ рѣчь словами: „имѣя такія убѣжденія, я не могу не думать, что билль, теперь предложенный, на каждомъ шагу долженъ встрѣчать оппозицію, пока наконецъ онъ будетъ отвергнутъ. Я долженъ дѣйствовать такъ, оставляя безъ вниманія всѣ обвиненія, какимъ могу подвергнуться (аплодисменты). Объ этомъ великомъ вопросѣ реформы я могу сказать, что я защищалъ его, когда былъ молодъ, и не измѣню ему теперь, когда сталъ старикомъ" (громкіе аплодисменты).

Лордъ Россель доказалъ, что министерскій билль въ дѣлѣ парламентскаго устройства составляетъ не шагъ впередъ, а шагъ назадъ, и потому долженъ быть отвергнутъ. Для отвѣта предводителю оппозиціи министерство выбрало того изъ своихъ членовъ, который пользуется наилучшею репутаціею; всталъ сынъ лорда Дерби, молодой лордъ Стенли, котораго торійская партія считаетъ лучшею своею надеждою. Надобно замѣтить, что лордъ Стенли самый либеральный человѣкъ въ торійской партіи, стало быть лучше всѣхъ понималъ, что дѣло, которое пришлось ему защищать, не совсѣмъ хорошо. Говорятъ, что онъ вовсе не одобряетъ билля, составленнаго его отцемъ и Д'Израэли. Вѣроятно онъ защищался бы не совсѣмъ удачно и тогда, еслибъ не случилось происшествія, совершенно не предвидѣннаго; но небывалый въ парламентскихъ лѣтописяхъ случай окончательно разстроилъ молодаго оратора. Мы предоставимъ одной изъ англійскихъ газетъ разсказать это курьёзное происшествіе, замѣтивъ предварительно, что голосъ лорда Стенли отличается очень высокими нотами, въ родѣ сопрано.

«Иногда сидишь цѣлый вечеръ въ комнатѣ, не зная, что гдѣ нибудь въ углу виситъ клѣтка съ пѣвцомъ. Пожилые хозяева дома ведутъ рѣчь, не возвышая голоса, и птичка сидитъ спокойно; но вдругъ вбѣгаетъ въ комнату юноша, полный жизни и веселья, кричитъ, смѣется, вноситъ веселость, споръ и шумъ. Веселость заразительна, и Филомела вдругъ заливается неудержимымъ потокомъ оглушительной радости и симпатіи. Чѣмъ громче вы говорите, тѣмъ пронзительнѣе становятся ноты птички, пока

---

[1]) Торійское министерство не такъ рѣшительно въ дипломатическихъ дѣлахъ, какъ было бы министерство виговъ; притомъ лорда Мальмсбери осуждаютъ за излишнее расположеніе къ императору Французовъ, а главное онъ вовсе не отличный дипломатъ. Англичане думаютъ, что если бы Англія съ самаго начала сильнѣе высказалась противъ требованій Сардиніи и Франціи, то опасность войны уже миновала бы.

наконецъ безперые двуногіе остаются побѣждены и безгласны передъ непокорнымъ маленькимъ пѣвуномъ.

«Ребенокъ въ Палатѣ Общинъ,—какое нелѣпое сочетаніе словъ! Да, настоящій ребенокъ въ Палатѣ Общинъ, крикливый ребенокъ... съ такимъ голосомъ, которымъ покрывается всякій другой голосъ, который внушаетъ вниманіе къ себѣ собранія этихъ серьезныхъ людей, и наконецъ по прошествіи первой минуты изумленія вызываетъ взрывъ хохота у консерваторовъ, виговъ и радикаловъ, у протестантовъ и католиковъ, у оранжистовъ и ультрамонтанцевъ, у всѣхъ безъ различія. Это былъ случай безпримѣрный въ исторіи Палаты Общинъ. Гуси кричали и ослы ревѣли въ этой палатѣ, но ребенокъ!.. Пусть истолкователи знаменій займутся этимъ предзнаменованіемъ. Надобно ждать великихъ событій.

«Я говорилъ, что лордъ Джонъ сѣлъ и всталъ молодой лордъ Стенли. Голосъ его былъ настроенъ высоко и поднимался все выше. Вѣдь тутъ былъ лордъ Дерби, онъ смотрѣлъ на сына, не могъ скрыть родительской гордости, не могъ скрыть и значительной дозы родительскаго безпокойства. Палата слушала и возбудилось вниманіе даже юнѣйшаго члена толпы высокоуважаемыхъ слушателей. Въ ту минуту, какъ замеръ и малѣйшій шорохъ, а голосъ оратора поднялся до высочайшихъ нотъ гнѣвнаго упрека, пронзительный звукъ, въ одну ноту съ высокою трелью оратора, пронесся изъ галлереи дамъ. Это былъ ребенокъ!.. У французовъ есть поговорка *le ton va plus loin que le mot*. Этотъ ребенокъ не былъ членомъ вѣрноподданной оппозиціи ея величества; онъ не былъ виновенъ въ увлеченіи духомъ партій; онъ не хотѣлъ изгнать мистера Д'Израэли и ввести лорда Росселя; онъ не хотѣлъ губить свое отечество, низлагать королеву и водворять республику; но слова президента были строги. Ребенокъ инстинктивно понялъ, что какой-то господинъ упрекаетъ его въ капризѣ и неприличіи, и онъ огорчился несправедливымъ упрекомъ, и онъ расплакался.

«Въ первую минуту изумленіе подавило всѣ другія чувства. 600 паръ глазъ направились къ позолоченной рѣшоткѣ, за которой сидятъ дамы. Не могу вамъ сказать, надъ чѣмъ хохотала Палата: надъ смущеніемъ ли мама, или надъ очевидной причиной невиннаго крика, или надъ перемѣной, происшедшей въ молодомъ ораторѣ. Палата смѣялась; но смѣялся ли церемоніймейстеръ палаты? смѣялся ли тотъ членъ палаты, который узналъ въ крикѣ сыновній голосъ и видѣлъ церемоніймейстера медленно встающаго съ креселъ съ грознымъ видомъ и идущаго на галлерею, съ рукою стискивающею эфесъ шпаги и съ похвалами памяти добраго царя Ирода? Будемъ надѣяться, что молодой депутатъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, побѣжавшій за гнѣвнымъ церемоніймейстеромъ, былъ отецъ ребенка и что не произошло несчастія; будемъ надѣяться, что разстроенная и дрожащая мама, бѣжавшая по корридору, спрятавъ ребенка подъ шаль, не встрѣтила гнѣвнаго джентельмена со шпагою.

«Но молодой министръ... Палата хохотала, а что дѣлалъ лордъ Стенли? Съ прискорбіемъ я долженъ сказать, что онъ совершенно растерялся. По словамъ однихъ, онъ думалъ, что младенческій крикъ былъ чревовѣщательскою пародіею его «*si* выше линеекъ»; другіе говорятъ, что лордъ Джонъ велѣлъ принести этого ребенка, съ инструкціею ущипнуть его при самомъ патетическомъ пассажѣ. Что справедливо, мы не знаемъ; но перемѣна въ молодомъ ораторѣ была мгновенная: его убила маленькая птичка, вскрикнувшая за дамскою рѣшоткою. Его голосъ упалъ на полторы октавы; его декламація потеряла всю пылкость и увѣренность».

Въ самомъ дѣлѣ, разнесся слухъ, что убійственный ребенокъ былъ сынъ лорда Джона Росселя. Это курьезное совпаденіе довершило эффектъ писка. Только на другой день объяснилось, какимъ образомъ упало такое обвиненіе на лорда Джона, невиннаго въ злосчастіи своего противника: фамилія матери ребенка была Джонсъ, Jones'baby—въ произношеніи это трудно отличить отъ John's baby, и каждый понялъ эти слова о лордѣ Джонѣ вмѣсто неизвѣстной мистриссъ Джонсъ.

Отъ этого ли пустого случая, или отъ того, что лордъ Стенли самъ плохо вѣрилъ въ свое дѣло, его рѣчь была неудачна; но въ ней заключалось важное объявленіе: онъ сказалъ палатѣ, что министерство почтетъ принятіе предложенія Росселя за прямое отверженіе билля. Эта рѣшимость была вызвана предложеніемъ, которое сдѣлалъ Робекъ три дня тому назадъ. Она поддержана была потомъ рѣчами нѣсколькихъ независимыхъ либераловъ, между прочимъ Горсмена, располагающаго нѣсколькими голосами, и новою рѣчью самаго Робека. Она поддерживалась также упорнымъ молчаніемъ, которое сохранялъ лордъ Пальмерстонъ.

Четыре засѣданія уже продолжались пренія, а лордъ Пальмерстонъ все еще держался упорнаго молчанія. Очевидно, онъ выжидалъ случая, который доставилъ бы ему возможность сдѣлать маневръ противъ Росселя и спасти министерство отъ пораженія; но случая такого не представлялось и, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ наконецъ говорить за предложеніе Росселя, какъ требовали его приверженцы. Досада слышалась въ каждомъ его словѣ; онъ излилъ ее на министерство, своимъ нелѣпымъ образомъ дѣйствій заставившее его помогать сопернику. Лордъ Пальмерстонъ мастеръ на сарказмы. Онъ осыпалъ ими министерство. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ: мнѣ очень не хотѣлось дѣйствовать заодно съ Росселемъ, но дѣла приняли такой оборотъ, что я долженъ поддерживать его предложеніе и сказать моему благородному другу: „ваша поправка мнѣ кажется прекрасной“.—Зная чувства оратора къ его благородному другу и досаду на невозможность дѣйствовать противъ поправки Росселя, Палата захохотала и раздались ироническіе апплодисменты: они ободрили Пальмерстона, видѣвшаго, что депутаты хорошо понимаютъ саркастическій тонъ его словъ, и онъ продолжалъ: „я полагаю, что ваша поправка достигаетъ своей цѣли, и совершенно готовъ поддерживать ее сильнѣйшимъ и искреннѣйшимъ образомъ“, — депутаты опять наградили ловкій юморъ хохотомъ. И такъ Пальмерстонъ объявилъ, что принужденъ подать голосъ за Росселя. Исполнивъ эту обязанность, онъ далъ волю своей досадѣ на министерство, неразсчетливо объявившее, что принимаетъ предложеніе Росселя за прямое порицаніе. Брать назадъ это формальное увѣреніе, повторенное нѣсколько разъ, было уже поздно, и лордъ Пальмерстонъ могъ только съ самыми язвительными насмѣшками доказать, что такая храбрость была неумѣстна для министерства, смиренно переносившаго множество непріятныхъ рѣшеній Палаты. Судя по вашей прежней терпѣливости, говорилъ онъ министрамъ, я думаю, что вы поступите вотъ какъ: и объяснялъ Палатѣ, какъ желали бы поступить они, но уже не могутъ послѣ своего храбраго объявленія. „Предложеніе, безъ сомнѣнія, будетъ принято; что же тогда сдѣлаютъ министры? Слухи носятся различные. Говорятъ, что министры подадутъ въ отставку. Я этому не вѣрю“. Палата громко захохотала надъ этимъ яснымъ намекомъ на готовность тори переносить всякія униженія отъ Палаты, лишь бы усидѣть на своихъ мѣстахъ. „Я думаю, что они измѣнили бы своей обязанности, если бы подали въ отставку. Я не прошу ихъ подавать въ отставку“. Палата опять захохотала надъ ловкимъ намекомъ и на жалкій промахъ министровъ и на собственныя чувства оратора, который дѣйствительно желалъ бы удержать въ министерствѣ тори, чтобы не впускать

въ кабинетъ Росселя. „Я скажу имъ, какъ говорилъ Вольтеръ о какомъ-то министрѣ, заслужившимъ его немилость: я не накажу его, я не пошлю его въ тюрьму, я приговорю его остаться на своемъ мѣстѣ“,—и лордъ Пальмерстонъ сталъ насмѣшливо доказывать, что министры не должны принимать немилость Палаты за порицаніе, а должны вести до конца вопросъ о реформѣ, какъ бы ни передѣлывала Палата ихъ несчастный билль. „Другіе говорятъ, продолжалъ Пальменрстонъ, что министры распустятъ парламентъ,—это было бы нелѣпостью со стороны консервативнаго министерства: неужели оно допуститъ, чтобы во всѣхъ избирательныхъ совѣщаніяхъ подвергнули разбору основанія британской конституціи?“—лордъ Пальмерстонъ сталъ доказывать, что распущеніе парламента было бы гибельно для тори, потому что выборы усилили бы въ новой палатѣ партію, желающую радикальной реформы. Палата хохотала надъ объясненіемъ того, что тори принуждены принять мѣру самую невыгодную для нихъ, самую пріятную для Брайта. „Но нѣтъ, этого не будетъ“, продолжалъ Пальмерстонъ, и насмѣшливо перетолковывалъ слова министровъ, отыскивая въ нихъ готовность переносить всякія неудачи, лишь бы сохранить свои мѣста.

Послѣ такой рѣчи бѣдные тори уже не имѣли никакой возможности отказываться отъ своего объявленія, что не могутъ перенести принятіе росселевой поправки: Пальмерстонъ слишкомъ ясно и язвительно объяснилъ, что такая терпѣливость была бы теперь рѣшительной низостью. Они должны были неподвижно ожидать своей участи.

На этомъ фазисѣ борьбы останавливаются подробныя извѣстія, полученныя нами. Пренія продолжались еще нѣсколько дней, но положеніе партій достаточно опредѣлилось въ тѣ дни, о которыхъ мы уже разсказали. Послѣ рѣчи Пальмерстона было ясно, что предложеніе Росселя будетъ принято. Ошибочная надежда на противное заставила министровъ сдѣлать геройское усиліе, чтобы угрозою распущенія палаты отвлечь отъ Росселя нѣсколькихъ членовъ, колебавшихся между отвращеніемъ отъ ихъ билля и опасеніемъ оставить Англію безъ парламента въ минуту, когда вспыхнетъ война. Разрывъ переговоровъ Брайта съ Росселемъ о состовленіи министерства увѣрилъ ихъ, что Брайтъ не будетъ настойчиво требовать ихъ удаленія изъ кабинета. Неудача попытки виговъ примирить Пальмерстона съ Росселемъ заставила ихъ надѣяться на покровительство Пальмерстона. Къ ихъ несчастью, Пальмерстонъ нашелъ, что спасти ихъ уже невозможно послѣ ихъ излишней храбрости, и могъ только съ насмѣшкою показать имъ, какимъ путемъ они могли бы спастись, но, что возвратиться на этотъ путь имъ уже невозможно. Имъ оставалось только или выйти въ отставку, или распустить парламентъ.

Но выйти въ отставку они могли только тогда, если бы готово было новое министерство занять ихъ мѣсто въ кабинетѣ. Неудача переговоровъ между тремя отдѣлами оппозиціи не дала составиться новому министерству, стало быть оставался только одинъ исходъ—распущеніе парламента.

Ничего лучшаго не могъ желать Брайтъ. Новые выборы необходимо должны усилить въ парламентѣ партію серьезныхъ реформеровъ, и кому бы ни досталось счастье сдѣлаться первымъ министромъ при новомъ парламентѣ, Росселю или Пальмерстону, и тотъ и другой принуждены будутъ въ новомъ

парламентѣ принять для реформы основанія болѣе широкія, нежели какія были возможны при Палатѣ, распускаемой теперь.

Слухи о войнѣ и разсказы о ходѣ вопроса парламентской реформы — каждый разъ однѣ и тѣже темы!—нѣтъ ли чего нибудь новаго? Ничего такого, что интересовало бы Европу; все вниманіе западнаго континента сосредоточено на итальянскомъ вопросѣ, а люди, которые смотрятъ на вещи серьёзнѣе и ждутъ чего нибудь хорошаго не отъ шумныхъ столкновеній между такими противниками, изъ которыхъ ни одному нельзя сочувствовать и желать побѣды,—люди, которые ждутъ добра только отъ развитія національнаго сознанія и улучшенія внутренняго законодательства, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ на успѣхи реформистскаго движенія въ Англіи, которая и своими внутренними учрежденіями и своимъ внѣшнимъ могуществомъ имѣетъ такое сильное вліяніе на судьбу западнаго континента. Одинъ предметъ для пустыхъ толковъ, другой для серьёзной мысли,—кромѣ того, нѣтъ ничего особенно занимательнаго ни для болтуновъ, ни для людей разсудительныхъ. Всѣ другія текущія событія такъ мелки, что каждымъ изъ нихъ можетъ интересоваться, да и то не слишкомъ сильно, развѣ та страна, въ которой оно происходитъ. Напримѣръ, въ Германіи занимательнаго такъ мало, что сами нѣмцы отводятъ душу только тѣмъ, что увѣряютъ самихъ себя въ необыкновенной силѣ Германіи, если она станетъ дѣйствовать единодушно: тогда, увѣряютъ нѣмцы, мы закидаемъ французовъ шапками. Иные даже припѣваютъ какую-то пѣсню о Блюхерѣ, который будто бы въ 1814 году завоевалъ Парижъ. Такимъ патріотамъ и храбрецамъ другіе нѣмцы, болѣе разсудительные, замѣчаютъ, что вопросъ о закидываніи французовъ шапками зависитъ отъ того, каковы будутъ французы и въ какихъ кокардахъ кончатъ они свою войну съ австрійцами, если война начнется. Они полагаютъ, что стоитъ только французамъ перемѣнить кокарды, и нѣмцы не найдутъ нужнымъ закидывать ихъ шапками, а начнутъ подражать французской модѣ. Въ доказательство они приводятъ состояніе нѣмецкихъ государствъ,—состояніе въ самомъ дѣлѣ странное. Послѣдній случай, въ которомъ выразилась эта странность, произошелъ на дняхъ въ Баваріи. Впрочемъ не думайте, чтобы въ Баваріи произошло что нибудь новое,—нѣтъ, тамъ въ десятый или двадцатый разъ повторилось тоже самое, что случается уже много лѣтъ.

Какъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, такъ и въ Баваріи уже давно господствуетъ реакція. Какъ вездѣ, такъ и тамъ она довольно долго господствовала, не встрѣчая сильнаго сопротивленія. Наконецъ силы общественнаго мнѣнія стали пробуждаться, и палата допутатовъ, урѣзанный остатокъ такъ называемыхъ „пріобрѣтеній борьбы“ (Errangenschaften) 1848 года,—пріобрѣтеній, надобно замѣтить, довольно мизерныхъ, и борьбы, надобно замѣтить, не слишкомъ-то важной,—эта палата депутатовъ стала просить о замѣнѣ реакціоннаго министерства Пфортена какимъ нибудь другимъ, которое не было бы орудіемъ іезуитовъ и ихъ братіи. Пфортенъ распустилъ палату. Новые выборы еще усилили противное обскурантамъ большинство. По правиламъ конституціоннаго порядка, существующаго въ Баваріи, Пфортенъ долженъ былъ выйти въ отставку, потому что на вопросъ, имъ самимъ предложенный: кого одобряетъ нація—большинство палаты или его, министра Пфортена?—выборы

отвѣчали, что нація согласна съ палатою во мнѣніи о пользѣ отставки его, г. Пфортена. Онъ разсудилъ поступить иначе, и опять распустилъ палату, чтобы не покидать пріятнаго министерскаго кресла. Выборы прислали еще сильнѣйшее большинство противъ него въ новую палату. Хоть бы тутъ ему одуматься и не компрометировать короля. Нѣтъ, интересы короля и націи никакъ не могутъ сравниться съ пріятностью занимать министерское мѣсто, и палата опять была распущена, чтобы министру Пфортену не покидать своего мѣста. Вся эта исторія коротко разсказывается на бумагѣ а на дѣлѣ она тянулась цѣлыхъ четыре года. Въ четыре года конечно успѣло накопиться много раздраженія такого жолчнаго, что даже баварское пиво не могло смягчить сердца добродушныхъ своихъ любителей. Новые выборы были еще враждебнѣе прежнихъ и вотъ, въ концѣ января нынѣшняго года, собралась новая палата, въ которой, если не считать 25 чиновниковъ, было всего только 15 министерскихъ депутатовъ противъ 105, осуждавшихъ упрямство Пфортена. Думали, что теперь по крайней мѣрѣ онъ опомнится и пойметъ, что не слѣдуетъ ему компрометировать короля для сохраненія своей должности. Какъ судило огромное большинство палаты, т. е. избирателей, о способѣ дѣйствій Пфортена, ясно высказывалось даже въ самыхъ пустыхъ дѣлахъ. Напримѣръ, депутатъ Фёлькъ предложилъ измѣнить нѣкоторыя статьи уголовнаго кодекса. Комитетъ палаты, которому поручено было разсмотрѣть предложеніе, составилъ докладъ слѣдующаго рода: „Предложеніе основательно и заслуживало бы одобренія; но теперь подобными вопросами заниматься безполезно, потому что настоящее положеніе дѣлъ только переходное. Министерство по несогласію съ прежней палатой, распустило ее, выборы возвратили палату съ усиленнымъ большинствомъ противъ министерства. Есть конституціонно-монархическія государства, въ которыхъ, разумѣется само собою, при подобномъ случаѣ министерство выходитъ въ отставку. У насъ не такъ; потому разногласіе между правительствомъ и представителями націи можетъ еще продолжиться. Однако же оно такъ серьёзно и благо страны такъ страдаетъ отъ его продолженія, что сама собою должна явиться въ скоромъ времени потребность помочь этому дѣлу. А пока продолжается разнорѣчіе, не слѣдуетъ ни ожидать, ни желать, чтобы палата возвращалась къ дѣлу, прерванному въ мартѣ прошлаго года“.

Подобное чувство было выражаемо палатою депутатовъ рѣшительно при каждомъ случаѣ. Но министерство держалось системы не показывать вида, что понимаетъ желаніе представителей націи, и наконецъ палата принуждена была формальнымъ образомъ объяснить свои отношенія къ министерству и чувство порицанія, съ которымъ смотритъ на него все государство. Случай къ тому былъ поданъ итальянскимъ вопросомъ. Пфальцскою провинціею Баварія граничитъ съ Франціею и должна была принять мѣры предосторожности противъ угрожающаго вторженія французовъ въ Западную Германію. Надобно было назначить суммы для вооруженій. Согласіе на экстренные кредиты, требуемые министерствомъ, почитается въ конституціонныхъ государствахъ одобреніемъ политическихъ принциповъ министерства, если не сопровождается никакими особенными замѣчаніями о степени согласія палаты съ общимъ характеромъ управленія, получающаго ея поддержку въ этомъ частномъ случаѣ. Палата измѣнила бы своимъ убѣжденіямъ, если бы оставила возможность

истолковывать свой патріотизмъ, не отступающій передъ пожертвованіями, въ смыслѣ сочувствія къ министерству, и потому она приняла слѣдующій адресъ къ королю, соединяющій выраженіе почтительной преданности къ его лицу съ указаніемъ на ошибки реакціонеровъ, вредящихъ ему своимъ властолюбіемъ.

„Указывая на приближающуюся опасность войны, ваше величество требовали денежныхъ средствъ, нужныхъ для защиты государства. Палата депутатовъ дала ихъ. Она никогда не побоится жертвъ, требуемыхъ отечествомъ. Что бы ни готовила судьба народу, Баварія въ неразрывномъ союзномъ единствѣ съ другими братними племенами Германіи будетъ подъ Виттельбахскимъ знаменемъ [1]) держать себя соотвѣтственно обязанностямъ, возлагаемымъ на нее славою прошедшаго и трудностями настоящаго. Одного не достаетъ Баваріи— не достаетъ того, что даетъ крѣпость во дни опасности: она лишена благотворнаго единодушія. При министерствѣ, которое, забывая королевскія слова „свобода и законность“, потеряло невознаградимые годы европейскаго мира и внутренней тишины безъ серьёзной заботы объ исполненіи обѣщанныхъ реформъ, при министерствѣ, которое словомъ и дѣломъ поколебало вѣру въ чистое и нелживое пониманіе государственнаго устройства и возбудило противъ себя на борьбу силу общественнаго мнѣнія,—при такомъ министерствѣ для представителей народа не легка была задача дать изъ національныхъ средствъ милліоны, требуемые для вооруженій противъ враговъ. Соглашаясь на это пожертвованіе, палата депутатовъ считала неизбѣжнымъ долгомъ открыто изложить причины своего рѣшенія. Нѣтъ мысли, отъ которой была бы она такъ далека, какъ отъ намѣренія выразить этимъ согласіемъ одобреніе существующей министерской системы или хотя бы смягчить выраженіе своего недовѣрія къ тѣмъ, которые служатъ олицетвореніемъ этой системы. Палата согласилась на требованіе потому, что отечество для нея выше всего, и всякая другая мысль должна замолкнуть, когда его священные интересы, его честь и его права требуютъ необходимыхъ жертвъ. Палата согласилась потому, что среди печальнаго расположенія умовъ остается непоколебимою опорою для надеждъ, основою для народнаго благоденствія неискоренимая вѣра въ конституціонную вѣрность, въ патріотическое расположеніе вашего величества, чувства котораго представляютъ единственный залогъ лучшаго будущаго и ручательство въ патріотическомъ употребленіи средствъ, данныхъ патріотизмомъ. Никакая теорія не заставитъ баварскій народъ перестать чтить величество вашего трона, недосягаемо возвышающееся надъ перемѣною принциповъ отвѣтственныхъ министровъ [2]). Никакое омраченіе въ этой атмосферѣ, лежащей между королемъ и

---

[1]) Читатель знаетъ, что въ Баваріи царствуетъ Виттельбахская династія.

[2]) Читатель знаетъ, что конституціонный порядокъ возлагаетъ на министровъ обязанность не компрометировать короля и династію вовлеченіемъ королевскаго имени въ споры съ оппозиціею. Читатель также знаетъ, что недобросовѣстные министры, ставящіе свое властолюбіе выше интересовъ короны, постоянно нарушаютъ это правило, соблюденіе котораго необходимо для непоколебимости довѣрія націи къ монарху. Каждый разъ, когда они не могутъ защитить своихъ дѣйствій доводами государственной пользы, они прикрываются личною волею государя, какъ недобросовѣстные секретари прикрываютъ свои продѣлки подписью начальника, которому представляютъ дѣло въ искаженномъ видѣ или вовсе умалчиваютъ о важнѣйшихъ сторонахъ дѣла. Такъ дѣйствовали Гизо, Мантейфель, такъ дѣйствуетъ и Пфортенъ. Читатель видитъ, что слова палаты относятся къ этому способу дѣйствій, равно недобросовѣстному передъ королемъ и государствомъ, вредному для государства, опасному для династіи.

народомъ, не можетъ затемнить блеска короны, священныя права которой, служащія основаніемъ порядка, также неприкосновенны народу, какъ его собственныя права. Наслѣдованная отъ предковъ вѣрность вашему величеству, всемилостивѣйшему королю и государю, и вашему высокому дому явится непоколебимою при всѣхъ обстоятельствахъ, пока между Гартовымъ хребтомъ и Рейномъ, между Рёнбергомъ и Фихтельбергомъ и прародительскими Альпами будутъ жить баварскіе люди".

Этотъ адресъ былъ принятъ палатою 15 марта, и министерство тотчасъ же рѣшилось поступить по прежней системѣ: оно частнымъ образомъ объявило депутатамъ, что распуститъ палату, и для этого просило ихъ поспѣшить окончаніемъ текущихъ дѣлъ. Добродушная баварская вѣрность выказалась и въ этомъ испытаніи: чтобы не останавливать отправленій административнаго механизма продолженіемъ борьбы, палата съ патріотическимъ усердіемъ поспѣшила окончить дѣла, нужныя для правильнаго хода управленія, и по ихъ окончаніи, 26 марта, была распущена. Въ декларацін о распущеніи парламента (Landtagsabschied) Пфортенъ заставилъ короля, польза котораго требовала бы невмѣшательства въ споры партій, отвѣчать палатѣ общимъ суровымъ порицаніемъ. „Прискорбіемъ исполняетъ насъ (было написано въ королевской декларацін) взглядъ на ходъ и характеръ совѣщаній палаты, въ которыхъ до такой чрезмѣрности превзойдена всякая граница" [1]). Но депутаты хорошо чувствовали, что жестокій выговоръ принадлежитъ не королю, а только Пфортену, потому что только министру, а не королю, могъ быть непріятенъ ихъ адресъ, весь наполненный увѣреніями въ томъ, что своекорыстная политика министра, пренебрегающаго пользами династіи для удовлетворенія своему властолюбію, не мѣшаетъ палатѣ и націи сохранять преданность къ королю и надежду на него. Палата хотѣла показать это, кончивъ свое засѣданіе, по выслушаніи обиднаго порицанія, все-таки громкими восклицаніями „да здравствуетъ король!" повторенными три раза. И не только въ оффиціальномъ собраніи своемъ палата выказала это чувство: оппозиціонное большинство депутатовъ, собравшись на дружескій обѣдъ передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена, также встрѣтило тѣми же громкими криками, повторенными три раза, тостъ за здоровье короля.

Мы разсказывали баварскія событія, строго держась взгляда и отчасти выраженій нѣмецкихъ газетъ, переводимыхъ нашими газетами; не знаемъ, нуждаются ли читатели въ замѣчаніи, что упреки, которыми осыпаютъ эти газеты Пфортена, также неосновательны, какъ похвалы англійскихъ газетъ Поэріо и его товарищамъ, переданныя нами въ прошедшій разъ. Мы получили отъ нѣкоторыхъ очень уважаемыхъ нами людей упреки за жесткое сужденіе объ ошибкахъ Поэріо. Мы рады этому порицанію,—во первыхъ потому, что оно показываетъ благородную силу чувства въ людяхъ, его дѣлающихъ,—

---

[1]) Мы старались передать въ русской фразѣ грамматическую странность нѣмецкаго выраженія, но оно въ подлинникѣ еще несообразнѣе съ духомъ новаго языка, нежели въ переводѣ: *in welchen so sehr alles Mass überschritten worden ist*. Излишняя старомодность и канцелярская рутина понятій отразилась въ каждомъ звукѣ этого оборота, принадлежащаго XVII вѣку.

во вторыхъ потому, что оно даетъ намъ случай исправить недостатки изложенія, бывшіе причиною страннаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ нашихъ замѣчаній нѣкоторыми высокоцѣнимыми отъ насъ людьми. Напрасно они полагаютъ, что основаніемъ нашихъ сужденій о Поэріо были его принципы. Одобряемъ ли мы эти принципы, или нѣтъ,—вовсе не въ томъ дѣло. Смѣшно было бы разсудительному человѣку сурово порицать кого нибудь за убѣжденія, несогласныя съ его собственными; а если человѣкъ, съ которымъ мы не соглашаемся въ убѣжденіяхъ, имѣетъ честныя намѣренія, то жестко осуждать его за несогласіе съ нами было бы даже неблагородно; а если наконецъ сумма разногласій притомъ еще незначительна передъ суммою понятій одинаковыхъ въ томъ и другомъ образѣ мыслей, то рѣзкость осужденія изъ-за этихъ несогласій была бы просто фанатизмомъ, натуральнымъ и извинительнымъ только въ критическія минуты, а не при спокойномъ сочиненіи, болѣе или менѣе вялой и безцвѣтной статейки,—качества, которыя мы сами совѣтуемъ замѣтить нашимъ порицателямъ въ нашихъ статейкахъ, которыми, право, не стоитъ обижаться по причинѣ ихъ пустоты,—была бы даже тупоумною пошлостью, которая неизвинительна ни при какихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ; мы говорили не про убѣжденія, не про образъ мыслей,—мы говорили только про образъ дѣйствій. Каковы бы ни были намѣренія Поэріо, онъ нанесъ много вреда, надѣлалъ слишкомъ много бѣдъ своему отечеству. И хотите ли знать, отчего надѣлалъ онъ столько бѣдъ родинѣ, которую конечно горячо любилъ, для блага которой жертвовалъ жизнью и пожертвовалъ всѣмъ личнымъ своимъ счастьемъ? Это потому, что онъ дѣйствовалъ не логически. Онъ вообразилъ, что становится англійскимъ министромъ, тогда какъ онъ былъ въ Неаполѣ. Людовикъ IX не могъ бы исполнить дѣла, которое, какъ увѣряютъ насъ историки наши, исполнилъ Петръ Великій. Государственный человѣкъ полезенъ только тогда, когда его характеръ и его образъ дѣйствій сообразенъ съ обстоятельствами. Кто не понимаетъ, что ему надобно дѣлать въ данномъ положеніи, или не хочетъ дѣлать того, что необходимо, тотъ лучше пусть не становится въ это положеніе, пусть оставитъ мѣсто дѣйствовать другимъ, пусть отойдетъ въ сторону и ждетъ, пока другіе, быть можетъ менѣе чистые, если не менѣе благородные, удовлетворятъ потребностямъ времени; и когда будетъ сдѣлано ихъ руками то, къ чему неспособенъ былъ онъ, когда положеніе очистится и успокоится,—пусть только тогда принимаетъ онъ власть и вноситъ въ ея дѣйствія свою кротость и свою довѣрчивость къ людямъ. Если вы не хотите грязнить своихъ сапогъ, сидите дома, пока грязные дворники чистятъ улицу, душная пыль которой превращена въ грязь грозою. Это время чистки неудобно для прогулокъ чистоплотнымъ людямъ: они только будутъ мѣшать людямъ, у которыхъ чистоплотность не доходитъ до пренебреженія къ исполненію дѣлъ, нужныхъ для приведенія въ порядокъ тротуаровъ. Аполлонъ не принимался за очищеніе Авгіасовыхъ конюшенъ: это дѣло могъ исполнить только Геркулесъ, во всю свою жизнь только однажды вздумавшій пощеголять въ чистой рубашкѣ, да и то передъ самой кончиной, по совершеніи всѣхъ своихъ двѣнадцати подвиговъ.

Но возвратимся къ Пфортену. Мы не говоримъ о томъ, каковы его

убѣжденія; мы говоримъ только о томъ, что онъ дѣйствительно исполняетъ роль, играть которую призванъ. Если роль хороша, не онъ заслуживаетъ похвалы; если она дурна, тяжесть порицанія не должна обрушиваться на него. Быть можетъ онъ нарушаетъ форму; быть можетъ палата депутатовъ имѣетъ за себя формальную справедливость, указывая въ своемъ адресѣ на несоблюденіе извѣстныхъ формальныхъ условій; мы хотимъ сказать, что быть можетъ Пфортенъ говоритъ то, чего по формѣ ему не слѣдовало бы говорить. Но какже изъ-за формы не хотятъ замѣчать сущности дѣла? Въ сущности Пфортенъ говорилъ правду, а правдивость всегда похвальна, и если иногда несогласна съ принятыми приличіями, то бываютъ случаи, въ которыхъ человѣкъ не властенъ соблюдать условныя приличія. Представимъ напримѣръ такое обстоятельство. Поваръ подаетъ на столъ не то кушанье, которое поручалъ ему приготовить господинъ; господинъ начинаетъ сердиться: извинительно ли повару сказать, что госпожа (которая держитъ мужа подъ башмакомъ) приказала ему изготовить не то блюдо, котораго желалъ господинъ? Конечно, прислуга не должна посѣявать сплетенъ и возбуждать несогласій между мужемъ и женой; но вѣдь слова повара не сплетня, а правда, и несогласіе не возбуждается ими, потому что они сами только необходимый результатъ уже существовавшаго несогласія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Статья газеты Humbug о выгодахъ союза съ Франціею.

Русскій баснописецъ Крыловъ, переводя басни изъ Лафонтена, часто передѣлывалъ ихъ, и очень удачно. Между прочимъ, есть у него небольшой разсказъ, который называется «Левъ на охотѣ». Начало басни извѣстно: левъ пригласилъ нѣсколькихъ другихъ звѣрей на охоту, съ тѣмъ условіемъ, что добыча будетъ раздѣлена поровну между всѣми союзниками. Но когда была поймана первая добыча, очень жирный и вкусный олень, левъ взялъ его всего себѣ, сказавъ остальнымъ членамъ компаніи: «неужели вы думаете воспользоваться чѣмъ нибудь тамъ, гдѣ я?» Это есть и у Лафонтена; но русскій поэтъ продолжаетъ разсказъ слѣдующимъ образомъ. На другой день левъ встрѣтилъ медвѣдя и сказалъ ему: «пойдемъ охотиться вмѣстѣ; я вчера былъ на охотѣ вмѣстѣ съ леопардомъ, но теперь поссорился съ нимъ: онъ товарищъ ненадежный, а твоя честность и сила привлекаютъ меня. Добычу мы раздѣлимъ поровну».—«А какъ ты раздѣлилъ ее съ бывшими своими товарищами вчера?—спросилъ медвѣдь. Ихъ примѣръ научаетъ меня, какихъ выгодъ можно ожидать отъ содѣйствія тебѣ. Если мнѣ понадобится идти на охоту, я умѣю охотиться и одинъ; а если вздумаю взять товарищей, возьму по крайней мѣрѣ такихъ, о которыхъ не ходитъ въ нашемъ лѣсу слуховъ, подобныхъ исторіи твоей вчерашней охоты» [1]).

Эту басню знаменитаго русскаго поэта мы совѣтовали бы прочесть тѣмъ, которыхъ нынѣ приглашаютъ участвовать въ войнѣ, обѣщая имъ удивительныя выгоды. Мы, англичане, люди прозаическіе, не будемъ соперничать въ талантѣ изобрѣтательности съ авторами обольстительныхъ обѣщаній,—нашъ практическій умъ способенъ только разсказывать о дѣйствительныхъ фактахъ.

Въ 1853 году Англія не имѣла никакой разумной причины ссориться съ Россіей. У насъ было очень много дѣлъ въ своемъ быту: чувствовалась потребность дать права простолюдинамъ, которые оставались, по выраженію мистера Д'Израэли, паріями; чувствовалась потребность исправить наши гражданскіе законы, и особенно устройство гражданскихъ судовъ, при которомъ тяжбы продолжаются иногда по 30 или больше лѣтъ; чувствовалась потребность смягчить наши уголовные законы, слишкомъ отзывающіеся средневѣковымъ варварствомъ; надобно было подумать о средствахъ пріобрѣсти расположеніе ирландцевъ, платившихъ намъ справедливымъ недовѣріемъ за долговременныя угнетенія. Словомъ сказать, домашняго дѣла было у насъ на рукахъ столько, что разсудительные люди, среди столькихъ собственныхъ заботъ, не стали бы впутываться въ чужія дѣла. Но была у насъ одна слабость, и ею искусно воспол-

[1]) Любопытно было бы взглянуть на англійскую книжку, изданную подъ именемъ перевода басенъ Крылова. Кажется, что переводчикъ слѣдовалъ примѣру одного русскаго ученаго, который въ спорахъ читаетъ на память изъ антіохійскихъ или трулланскихъ постановленій цѣлыя страницы, о которыхъ и во снѣ не снилось почтеннымъ людямъ, писавшимъ эти постановленія.

зовались тѣ, которые нуждались въ нашемъ содѣйствіи для своихъ личныхъ выгодъ. Намъ стали говорить о чрезмѣрномъ усиленіи русскаго флота, будто бы грозящаго сдѣлаться опаснымъ соперникомъ нашему преобладанію на моряхъ. Мы поддались этимъ внушеніямъ, дѣйствовавшимъ на чувствительную струну нашего сердца. Мы начали войну, потому что намъ обѣщано было владычество на моряхъ. Но мы хотѣли вести войну серьезно. Не того хотѣлъ нашъ союзникъ. Онъ заключилъ миръ въ то самое время, когда для достиженія результата, обѣщаннаго намъ отъ него, нужно было продолжать войну самымъ энергическимъ образомъ. Онъ говорилъ, что надобно освободить востокъ отъ русскаго господства; что надобно лишить Россію того мѣста, которое занимала она въ европейской политикѣ. Соотвѣтствовали ли условія парижскаго мира этимъ обѣщаніямъ? Уступки, сдѣланныя Россіею, не имѣли никакой важности. Она сохранила Крымъ и севастопольскую гавань, то есть всѣ средства опять имѣть господство на Черномъ морѣ, если только захочетъ этого. Мы слышимъ, что покореніе кавказскихъ горцевъ приходитъ къ концу, т. е. Россія становится госпожею надъ азіатскими провинціями Турціи. Она теперь сильнѣе на востокѣ, нежели была до войны. Такую ли цѣль войны указывали обѣщанія нашего бывшаго союзника? Балтійскій флотъ Россіи теперь гораздо сильнѣе, нежели прежде. Франція говорила намъ, что должно разрушить Кронштадтъ, уничтожить Свеаборгъ, овладѣть Петербургомъ. Хотѣла ли она этого? нѣтъ, мы знаемъ теперь, что нашъ флотъ былъ приведенъ въ Балтійское море только для того, чтобы играть кукольную комедію и чтобы его бездѣйствіе выставило насъ посмѣшищемъ для цѣлой Европы. Если бы мы были на Балтійскомъ морѣ одни, мы могли бы сдѣлать что нибудь, вѣроятно могли бы сдѣлать довольно многое; но союзники наши связывали намъ руки. Они принудили насъ стоять передъ Кронштадтомъ тѣми соломенными чучелами, надъ которыми смѣются даже дѣти. Благодаря нашимъ союзникамъ, дѣйствія наши противъ Свеаборга ограничились фейерверкомъ. Намъ позволено было только навлечь на себя ненависть и презрѣніе ничтожными высадками въ какихъ-то финляндскихъ деревняхъ и отнятіемъ нѣсколькихъ чухонскихъ лодокъ. Таковы были двѣ первыя наши кампаніи на Балтійскомъ морѣ. Мы наконецъ поняли, что въ третью кампанію мы должны дѣйствовать одни, если хотимъ сдѣлать что нибудь. Мы сдѣлали приготовленія, нужныя для этого. Но въ Парижѣ были приняты мѣры, чтобы всѣ наши вооруженія остались безполезными. Еще хуже было въ Крыму. Всю честь осады Севастополя присвоили себѣ французы и смѣялись надъ нашей храброй арміей, которой предоставлена была труднѣйшая и обширнѣйшая часть осадныхъ работъ. Мы и здѣсь увидѣли, наконецъ, что война ведется вовсе не серьезно; ведется такъ, чтобы не принести никакихъ результатовъ. Убѣдившись, что французская армія не хочетъ пользоваться пріобрѣтенными выгодами, что цѣлый годъ потерянъ подъ Севастополемъ совершенно безполезно, что по занятіи Севастополя, когда было бы нужно энергическое наступленіе, французы стоятъ сами и держатъ насъ въ бездѣйствіи,—мы поняли, что нужно намъ и на югъ послать такія силы, которыя могли бы дѣйствовать безъ помощи, или, лучше сказать, противъ тайной воли нашихъ союзниковъ. Полтора года, благодаря нашей довѣрчивости, война велась такъ, что Англію, которая принесла пожертвованій не меньше Франціи, выставляли на позоръ Европѣ наши союзники, какъ державу безсильную, неимѣющую ни арміи, ни даже порядочнаго флота. Мы поняли, наконецъ, чему были мы обязаны такимъ посрамленіемъ: всѣ наши приготовленія были разсчитаны на то, что мы будемъ имѣть серьезныхъ союзниковъ, а на дѣлѣ оказалось, что союзники думаютъ не о достиженіи серьезныхъ результатовъ, а только о хвастовствѣ, и пользуясь нашей довѣрчивостью, нашими богатыми средствами, присвоиваютъ всю честь подвиговъ себѣ, хотя безъ насъ не могли бы ровно ничего сдѣлать, систематически отнимая у насъ всѣ случаи выгоднаго употребленія нашихъ силъ, располагая и собственныя дѣйствія такъ, чтобы вся война была пустымъ хвастовствомъ. Понявъ это, мы приготовились, къ веснѣ 1856 года, выставить армію и флоты, которые могли бы дѣйствовать независимо отъ обманчивыхъ плановъ нашихъ союзниковъ; мы хотѣли смыть съ себя пятно безсилія, наложенное на насъ союзниками, хотѣли показать, что если въ первые полтора года войны Англія не могла ничего сдѣлать, такъ это потому,

что она была обманута союзниками, воевавшими только изъ хвастовства и для хвастовства и не допускавшими до дѣйствія насъ, хотѣвшихъ дѣйствовать серьезно. Союзникъ замѣтилъ это и поспѣшилъ заключить миръ, своевременный для него, потому что его тщеславіе было уже удовлетворено войною, слишкомъ преждевременный для насъ, полагавшихъ для войны серьезную цѣль.

Какую же пользу принесло намъ то, что мы повѣрили обѣщаніямъ, дававшимся передъ войною? Безъ нашей помощи Франція не могла бы начать войны; потому намъ обѣщали все, чѣмъ могли льстить намъ. Но война имѣла только одну цѣль,—отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ, польстить ихъ тщеславію военными лаврами, похвалиться передъ Европою, что Франція стала могущественнѣйшею военною державою. Цѣль эта была достигнута, чего же больше? Непріятель остался невредимъ: онъ попрежнему господствуетъ въ западной и центральной Азіи; флотъ его сталъ могущественнѣе прежняго; къ чему же была война? Развѣ къ тому, что, пользуясь ей, Франція усилила свой флотъ, чего не могла бы сдѣлать, если бы не обманула насъ своимъ союзомъ, и теперь, развивъ свои силы благодаря нашему ослѣпленію, грозитъ намъ, своимъ союзникамъ.

Да, много мы слышали отъ нея льстивыхъ комплиментовъ; много получали выгодныхъ обѣщаній, когда были нужны ей. Она говорила тогда, что хочетъ сокрушить Россію, какъ теперь говоритъ, что хочетъ сокрушить Австрію; она говорила намъ, что исполнитъ всѣ наши желанія. Мы повѣрили и были одурачены.

О настоящемъ и будущемъ мы, какъ люди практическіе, совѣтуемъ судить по прошедшему. Кто, вступая въ прежніе союзы, имѣлъ единственной цѣлью загребать жаръ чужими руками и обманывать довѣрчивыхъ союзниковъ, которыхъ потомъ унижалъ и съ которыми немедленно начиналъ ссориться, какъ только успѣвалъ достичь своей личной цѣли, тотъ и съ новыми союзниками, вѣроятно, желаетъ поступить точно также.

Исторія англо-французскаго союза поучительна не для однихъ насъ.

Мы истратили 150 милліоновъ фунтовъ, мы пренебрегли нашими домашними полезными дѣлами, мы обременили наши финансы новымъ долгомъ, мы пожертвовали десятками тысячъ лучшихъ дѣтей нашей родины,—и потомъ оказалось, что все это было нужно только для того, чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ, польстить ихъ военному тщеславію и унизить насъ самихъ.

Май 1859.

Австрійскій ультиматумъ.—Нелѣпость австрійскихъ дѣйствій въ Сардиніи.—Состоитъ ли цѣль войны въ освобожденіи Италіи?—Положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 мая новаго стиля.—Выборы въ Англіи.

Обзоръ нашъ въ апрѣльской книжкѣ былъ писанъ въ то время, когда только что были получены первыя извѣстія о согласіи французскаго и австрійскаго правительствъ на составленіе конгресса по итальянскому вопросу. Радость, произведенная этою неожиданною новостью въ людяхъ, понимавшихъ всю вредность угрожавшей тогда войны, была такъ велика, что заставила ихъ на нѣсколько дней забыть о несовмѣстимости истинныхъ причинъ войны съ какимъ бы то ни было разрѣшеніемъ вопроса мирными путями; въ томъ, что конгрессъ соберется, никто не сомнѣвался, и почти всѣ были увлечены надеждою на то, что результатомъ конгресса будетъ миръ. Противъ этого увлеченія мы говорили довольно подробно, доказывая, что какъ бы ни велись и о чемъ бы ни велись совѣщанія конгресса, онъ никакъ не можетъ уменьшить неизбѣжность войны и можетъ развѣ только послужить средствомъ оттянуть объявленіе войны мѣсяца на два или на три, пока Франція кончитъ свои приготовленія къ войнѣ.

Если бы статья наша составлялась днями пятью позже, намъ не было бы нужды много говорить въ подтвержденіе нашей мысли о безсиліи конгресса: въ газетахъ уже явились положительные факты, показывавшіе, что конгрессъ дѣйствительно служитъ для Франціи только средствомъ выиграть нѣсколько времени; еще два или три дня,—и можно уже было довольно вѣрно предсказывать, что конгрессъ не только не рѣшитъ вопроса, но и вовсе не соберется. Около 7 апрѣля новаго стиля, всѣ разсудительные люди уже замѣчали это по характеру, въ какомъ велись переговоры о составленіи конгресса. Видно было, что одна изъ враждующихъ сторонъ хорошо поняла намѣренія другой и требуетъ передъ созваніемъ конгресса такихъ гарантій миролюбія, дать которыхъ никакъ не могла другая сторона. Мы не будемъ слѣдить за всѣми подробностями переговоровъ о конгрессѣ,—эта исторія теперь уже устарѣла, да и въ свое время не имѣла дѣльнаго значенія, какъ мы тогда же доказывали; упомянемъ только для связи событій о послѣднемъ

фазисѣ переговоровъ, изъ котораго непосредственно вышло объявленіе войны со стороны Австріи. Послѣ множества разныхъ споровъ о разныхъ предварительныхъ условіяхъ для созванія конгресса, Австрія наконецъ предложила, чтобы еще до созванія конгресса была обезоружена Сардинія, потому что иначе громъ оружія могъ бы ежеминутно прервать совѣщанія конгресса, говорила она. Это предложеніе, присланное въ Лондонъ для сообщенія другимъ державамъ, Англія немедленно объявила справедливымъ по намѣренію, но неделикатнымъ по исключительной формѣ: было бы обидно для Піэмонта требовать отъ него, чтобы онъ одинъ обезоруживался, когда двѣ другія, гораздо сильнѣйшія державы, его сосѣдки, остаются вооруженными, говорила Англія; но дѣйствительно, для успѣха совѣщаній конгресса нужно, чтобы ихъ тишина не нарушалась возможностью вооруженныхъ столкновеній; потому предварительнымъ условіемъ должно быть обезоруженіе, но не одного Піэмонта, а всѣхъ трехъ вооружающихся державъ, т. е. и Австріи, и Франціи. Австрія немедленно отвѣчала, что она согласна, и есть вѣроятность думать, что этотъ новый оборотъ, приданный Англіею первоначальному предложенію Австріи, былъ сдѣланъ сообразно плану, предварительно условленному: предложеніе обезоружиться являлось изъ Лондона въ Парижъ съ бо́льшимъ вѣсомъ, нежели какой имѣло бы, происходя прямо изъ Вѣны. Франція отвѣчала такимъ способомъ, который ясно показывалъ, что въ Парижѣ господствуетъ непреклонная рѣшимость воевать: ваше предложеніе совершенно справедливо, отвѣчали изъ Парижа въ Лондонъ, и Франція думаетъ, что тѣ державы, которыя вооружились, т. е. Австрія и Сардинія, должны обезоружиться; но ко Франціи это требованіе не примѣняется, потому что Франція не вооружалась; она только занималась приведеніемъ своей арміи и флота въ комплектъ по мирному положенію. Въ сущности этимъ отвѣтомъ былъ рѣшенъ послѣдующій образъ дѣйствій Австріи. Но если есть врагъ слабый, то почему не свалить на него ту вину, которая должна бы относиться къ другому врагу, болѣе сильному? Сардинія имѣла эту привилегію слабыхъ, принимать на себя удары, вызываемые поступками сильныхъ. На первый разъ она отвѣчала, что не хочетъ обезоруживаться, но немедленно одумалась и послала въ Лондонъ второй отвѣтъ, говорившій, что она согласна на обезоруженіе. Этотъ второй отвѣтъ былъ уже изъ Лондона сообщенъ въ Вѣну, когда тамъ рѣшились послать въ Туринъ знаменитый ультиматумъ. Повидимому, не было и причины обиднымъ образомъ предлагать требованіе обезоружиться державѣ, уже принявшей принципъ обезоруженія; но въ Вѣнѣ хотѣли имѣть предлогъ къ объявленію войны и потому просто не приняли въ соображеніе второй отвѣтъ Сардиніи, т. е. согласіе, а основались только на первомъ отвѣтѣ, т. е. на отказѣ. Отъ 19 (7) апрѣля было изъ Вѣны послано приказаніе Гіулаю переслать къ Кавуру письмо Буоля, требовавшее немедленно обезоруженія Сардиніи, съ прибавленіемъ, что Австрія даетъ трехдневный срокъ на отвѣтъ и что всякій уклончивый отвѣтъ приметъ, какъ необходимость начать военныя дѣйствія. Этотъ ультиматумъ былъ привезенъ графу Кавуру барономъ Келлербергомъ въ $5^1/_2$ часовъ вечера 23 (11) апрѣля. Срокъ ожиданія кончался въ $5^1/_2$ часовъ вечера 26 (14) апрѣля. Сардинія отвѣчала отказомъ покориться обидному требованію; этотъ отвѣтъ былъ

врученъ послу Гіулаю въ $5^1/_2$ часовъ, и вечеромъ того же дня австрійцы перешли черезъ Тичино. Война началась.

Дерзкій ультиматумъ разгнѣвилъ противъ Австріи всѣ нейтральныя державы и общественное мнѣніе цѣлой Европы. Пруссія, Россія, Англія протестовали противъ такого крутого образа дѣйствій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Газеты цѣлой Европы разразились негодованіемъ на безразсудную наглость Австріи. Императоръ французовъ торжествовалъ: австрійскій кабинетъ не могъ сдѣлать ничего, болѣе соотвѣтствовавшаго видамъ Тюильри. Вся дипломатическая тактика Наполеона стремилась къ тому, чтобы выставить передъ Европою Австрію зачинщицею войны, и теперь сама Австрія исполнила его желаніе, даже превзошла его надежды: онъ надѣялся только показать, что былъ поставленъ неуступчивостью Австріи въ необходимость начать войну, а теперь сама Австрія начинала ее. Но если Австрія рѣшалась на поступокъ, такъ сильно компрометировавшій ее въ дипломатическомъ отношеніи, она имѣла много причинъ пренебречь этимъ невыгоднымъ впечатлѣніемъ. Ускоряя объявленіе войны, она могла выиграть довольно много въ отношеніи финансовомъ и чрезвычайно много въ отношеніи военномъ. Изложимъ эти соображенія, заставившія ее пожертвовать соблюденіемъ дипломатическихъ формъ, которыми она всегда такъ дорожила.

Первою причиною, спѣшить началомъ войны, было финансовое положеніе Австріи. Мы излагали въ предъидущихъ обзорахъ ходъ итальянскаго вопроса. Изъ фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ, ясно было, что Франція, во что бы то ни стало, рѣшилась найти предлогъ къ войнѣ съ Австріею и никакія уступки не могли избавить Австрію отъ войны, очевидно необходимой для Наполеона III. Въ половинѣ апрѣля (новаго стиля) Австрія совершенно кончила свои вооруженія и промедленіе уже не могло усилить ни числа ея войскъ, ни ея крѣпостей: то и другое было доведено до полной силы, какая только возможна. Между тѣмъ содержаніе арміи, вполнѣ приведенной на военную ногу и уже занявшей всѣ позиціи, требуемыя войною, ежедневно стоило Австріи полумилліона гульденовъ (около $2^1/_2$ милліоновъ руб. сер. въ недѣлю). Денежные запасы казны подходили къ концу. По самымъ благопріятнымъ разсчетамъ представляется, что около 15 апрѣля Австрія имѣла обыкновенныхъ финансовыхъ средствъ уже не болѣе, какъ только на содержаніе своей арміи въ теченіе 45 дней. Объявленіе войны открывало ей путь изворотиться въ этой финансовой крайности средствами невозможными въ мирное время. Двигая свою армію въ Піэмонтъ, она сваливала съ себя на сардинскія земли бремя ея продовольствія. Кромѣ того, она получала предлогъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ въ собственныхъ финансовыхъ дѣлахъ. Мы видѣли, что обыкновенные займы совершенно ей не удавались. Объявленіе войны немедленно сопровождалось наложеніемъ на вѣнскій банкъ насильственнаго займа въ 200.000.000 гульденовъ (125 милліоновъ руб. сер.), достаточнаго по австрійскому разсчету на покрытіе издержекъ первой кампаніи.

Еще гораздо важнѣе были военныя выгоды, пріобрѣтаемыя немедленнымъ объявленіемъ войны. Франція желала еще мѣсяца два продлить переговоры, потому что ея вооруженія далеко не были кончены. Съ половины апрѣля каждый потерянный день приближалъ ту минуту, когда непріятель можетъ

явиться на войну съ полною готовностью. Что будетъ, должны были разсуждать австрійскіе министры, если мы не разорвемъ переговоровъ? Франція дотянетъ время до конца мая или начала іюня, успѣетъ спокойно ввести въ Сардинію свои войска, приготовленныя къ битвѣ, устроитъ операціонную линію близъ ломбардской границы, и объявивъ войну, въ два дня займетъ Миланъ превосходными силами. Чтобы предупредить это, надобно воспользоваться временемъ, когда мы совершенно готовы, а Франція еще не готова къ начатію военныхъ дѣйствій, пока ея войскъ нѣтъ еще въ Сардиніи. Имѣя предъ собой только сардинцевъ, австрійцы могли быстро двигаться впередъ и въ пять или въ шесть дней похода занять такія позиціи, которыми почти отнималась у французовъ возможность помочь сардинцамъ. Сардинская армія одна была бы совершенно смята австрійцами. Ей оставалось бы, или запереться въ Алессандріи, или даже отступить въ Генуя. Блокировавъ Алессандрію, австрійцы могли легко занять всѣ горные проходы изъ генуэзскаго побережья въ піэмонтскую долину. Пусть тогда прибывало бы сколько угодно французскихъ войскъ въ Генуя: австрійцамъ было бы легко остановить ихъ въ альпійскихъ ущельяхъ. Заперевъ сардинцевъ въ Алессандріи, или отбросивъ ихъ въ Генуя и занявъ горные проходы лѣвымъ крыломъ своей арміи, правымъ крыломъ австрійцы черезъ два или три дня занимали бы Туринъ и Сузу и овладѣвали бы путемъ изъ Франціи въ Сардинію черезъ Монъ-Сени и другими проходами черезъ Савойскія Альпы. Сѣть сардинскихъ желѣзныхъ дорогъ была бы въ ихъ рукахъ; они имѣли бы въ своихъ рукахъ всѣ дефиле, черезъ которыя должны проходить въ Италію французскія войска; почти безъ всякихъ усилій и рѣшительно безъ всякаго риска они могли въ одну недѣлю овладѣть почти всѣмъ Піэмонтомъ, уничтожить или запереть сардинскую армію и, сокрушивъ одного врага, имѣли бы на рукахъ только однихъ французовъ, которымъ едва ли было бы возможно проникнуть въ Піэмонтъ безъ страшныхъ пожертвованій черезъ Савойскія и Генуэзскія Альпы, захваченныя австрійцами.

Эти чрезвычайныя выгоды рѣшительно перевѣшивали собою то неудобство, что нападеніемъ на Піэмонтъ Австрія выставляла себя, какъ зачинщицу войны. Успѣхъ кампаніи стоитъ того, чтобы перенести нѣсколько дипломатическихъ протестацій. И притомъ раздраженіе нейтральныхъ державъ было только формальностью. Англія и Пруссія все-таки хорошо знали, что Австрія не сама начинаетъ войну, а вынуждена къ ней Франціею. Удовлетворивъ дипломатическому приличію протестомъ, эти державы не замедлили бы высказать свое прежнее расположеніе въ пользу Австріи и объявили бы, что хотя Австрія не права по формѣ, но права по сущности дѣла.

Такимъ образомъ, когда прошла первая минута недоумѣнія, возбужденная австрійскимъ ультиматумомъ, нейтральная Европа согласилась, что видимая дерзость была въ сущности слѣдствіемъ очень вѣрнаго и разсудительнаго соображенія. Но если Австрія дѣйствовала совершенно согласно съ своими выгодами, рѣшившись разорвать переговоры, то ея дальнѣйшія дѣйствія показали, что она рѣшительно не умѣла поступать сообразно условіямъ того положенія, стать въ которое рѣшилась. Мы видѣли, на чемъ былъ основанъ весь планъ, отъ чего зависѣлъ весь успѣхъ. Основаніемъ всему служилъ

тотъ фактъ, что около 20 апрѣля не было еще ни одного французскаго солдата въ Сардиніи. Цѣлью всего дѣла было то, чтобы кончить кампанію прежде чѣмъ французы присоединятся къ сардинцамъ: первѣйшимъ условіемъ успѣха въ этомъ была всевозможная быстрота. Что же мы видимъ? Война рѣшена апрѣля 19-го, военныя дѣйствія едва начинаются 29-го. Миланъ соединенъ съ Вѣною электрическимъ телеграфомъ, и такъ ультиматумъ могъ быть полученъ Гіулаемъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ былъ составленъ въ Вѣнѣ. Туринъ соединенъ съ Миланомъ желѣзною дорогою, кромѣ одного небольшаго перерыва около границъ, верстъ въ пятнадцать, и посланный Гіулая могъ быть въ Туринѣ черезъ четыре часа. Трехъ или четырехъ часовъ очень достаточно, чтобы король могъ созвать министровъ и сказать „да“ или „нѣтъ“ на сообщенное ему требованіе. Еще четыре часа на возвратный путь, и если ультиматумъ былъ отправленъ изъ Вѣны 19 апрѣля въ 5 час. вечера, австрійскія войска могли перейти черезъ Тичино 20 числа въ 6 или 7 час. утра и 25 числа кончить дѣло съ сардинскою арміею, а 26 уже занимать проходы изъ Савойскихъ Альпъ въ Піэмонтъ. Но австрійцы, отступивъ отъ дипломатическихъ формъ своею рѣшимостью послать ультиматумъ, не могли, кажется, рѣшиться на отступленіе отъ канцелярскаго порядка въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Имъ казалось необходимо, чтобы приказаніе объ ультиматумѣ было доставлено Гіулаю не телеграфическою депешею, а какимъ нибудь курьеромъ, и благодаря этой церемонности австрійскаго кабинета въ сношеніяхъ съ своимъ главнокомандующимъ, посланный Гіулая явился въ Туринъ только 23 числа, т. е. ровно четырьмя сутками позже того, какъ слѣдовало бы ему явиться. По причинамъ, рѣшительно непонятнымъ, вмѣсто трехъ часовъ данъ былъ сардинцамъ срокъ для отвѣта въ цѣлыхъ трое сутокъ, — и вотъ уже была потеряна цѣлая недѣля, и, благодаря австрійскому канцелярскому порядку, французы успѣли явиться въ Генуѣ и въ Сузѣ въ ту самую минуту, какъ австрійцы только еще собирались переходить черезъ Тичино. Но австрійцамъ вѣроятно казалось, что еще мало времени потеряно ими: они отыскали причину потерять еще трое сутокъ. Англія предложила возобновить при ея посредничествѣ переговоры съ Франціею на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ велись они черезъ лорда Каули еще до принятія русскаго предложенія о конгрессѣ. Австрія согласилась отложить движеніе своей арміи черезъ Тичино, пока Англія получитъ отвѣтъ отъ императора французовъ на это предложеніе. Такая отсрочка рѣшительно непостижима. Ультиматумъ былъ посланъ, конечно, только потому, что Австрія совершенно убѣдилась въ безполезности переговоровъ, въ томъ, что они только служатъ для Франціи средствомъ выиграть время, пока французскія вооруженія будутъ совершенно кончены. Послѣ этого совершенной нелѣпостью представляется промедленіе, принятое Австріею. Наполеонъ отвѣчалъ, что согласенъ возобновить переговоры только на томъ условіи, если Англія совершенно ручается за ихъ удачу и готова объявить войну Австріи, когда Австрія не успѣетъ помириться съ Франціею. Само собою разумѣется, Австрія не могла принять переговоровъ, единственнымъ результатомъ которыхъ была бы ссора ея съ Англіею, и получивъ извѣстіе объ условіяхъ, предлагаемыхъ Франціею, отказалась отъ посредничества. Тогда, вечеромъ 29 ап-

рѣля, двинулась черезъ Тичино вся австрійская армія, которая до той поры оставалась на ломбардскомъ берегу, пославъ только нѣсколько слабыхъ отрядовъ въ Сардинію. Наполеону было теперь очень легко предлагать для переговоровъ невозможныя условія: десятидневная отсрочка, данная ему австрійскою медленностью, была достаточна для введенія въ Сардинію такого числа войскъ, чтобы не нуждаться въ дальнѣйшихъ отсрочкахъ для открытія кампаніи. Французы и сардинцы превосходно воспользовались временемъ, которое дано было имъ нелѣпою медленностью врага.

Въ тотъ самый день, какъ пріѣхалъ въ Туринъ баронъ Келлербергъ, было созвано чрезвычайное засѣданіе сардинской палаты депутатовъ и графъ Кавуръ, изложивъ состояніе дѣлъ, потребовалъ у палаты полномочій королю на время войны. Съ патріотизмомъ, который никогда не измѣняетъ никакому парламенту въ подобныхъ случаяхъ, палата не стала даже и совѣщаться о требованіи правительства. Немедленно былъ назначенъ комитетъ для составленія доклада, черезъ полчаса былъ готовъ докладъ и тотчасъ же, большинствомъ 110 голосовъ противъ 24, былъ принятъ законъ, предложенный Кавуромъ. По этому закону королю на время войны предоставляется диктаторская власть. Въ тотъ же день, 23 (11) апрѣля, сардинская армія получила распредѣленіе нужное для начала похода. Самъ король принялъ команду надъ арміею, которая стала сосредоточиваться между крѣпостями Казале и Алессандріею, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ ожидать прибытія французовъ. Австрійцы начали дѣйствовать такъ поздно, и потомъ дѣйствовали такъ вяло, что сардинцы спокойно простояли въ своей крѣпкой позиціи, не подвергаясь ровно никакимъ опасностямъ, пока черезъ Геную прибыло къ нимъ столько французскихъ войскъ, что нападеніе со стороны австрійцевъ на союзную армію, защищаемую пушками Алессандріи, сдѣлалось невозможно.

Гораздо болѣе усилій нужно было французамъ, чтобы прибыть въ Піэмонтъ съ тою удивительною быстротою, которая заслужила имъ полную похвалу отъ всѣхъ европейскихъ спеціалистовъ. Извѣстіе о рѣшимости Австріи послать ультиматумъ, то есть напасть на Сардинію, сдѣлалось извѣстно французскому правительству по крайней мѣрѣ въ тотъ же самый день, какъ былъ написанъ ультиматумъ, если не сдѣлалось извѣстнымъ еще раньше, пока оно составлялось. Да и нельзя было не знать объ этомъ 20 числа французскому правительству, если 21 знали англійскія газеты. Замѣчательна не та быстрота, съ которою французское правительство получило нужныя свѣдѣнія, а та энергія, съ которою оно стало доканчивать свои приготовленія къ походу, какъ только узнало о рѣшительномъ оборотѣ дѣла. 23 числа, въ тотъ день, когда австрійскій ультиматумъ былъ сообщенъ графу Кавуру, было уже снаряжено въ походъ нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которые 19 числа еще не предполагали двинуться ранѣе двухъ или трехъ недѣль. 26 числа, когда австрійскій авангардъ перешелъ Тичино, французы уже высаживались въ Генуѣ и спускались въ Сузу, съ Савойскихъ Альпъ. Переѣздъ моремъ едва ли былъ труденъ, потому что въ Марсели давно уже были собраны огромныя транспортныя средства; но чрезвычайно замѣчательна поспѣшность, съ какою французскія войска умѣли сѣсть на корабли и выйти на берегъ. До какой степени доведена была заботливость французскаго воен-

наго начальства о быстромъ совершеніи всѣхъ эволюцій, нужныхъ для перевозки арміи моремъ или сухимъ путемъ, можно видѣть изъ того, что французскіе солдаты были заранѣе обучаемы томy, какъ входить въ вагоны желѣзныхъ дорогъ и выходить изъ нихъ самымъ быстрымъ и правильнымъ образомъ.

Дивизіи, отправлявшіяся сухимъ путемъ, должны были совершить дорогу очень трудную. Въ концѣ апрѣля проходы въ Савойскихъ Альпахъ еще покрыты снѣгомъ. 4,000 рабочихъ было употреблено на очищеніе пути черезъ Монъ-Сени, но все-таки войскамъ пришлось перенести очень тяжелыя затрудненія. О томъ, какъ много долженъ былъ терпѣть отъ холода и тяжелаго пути солдатъ, можно вообразить, зная, что умеръ отъ перехода черезъ Монъ-Сени генералъ Буа, начальствовавшій первою дивизіею, вступившею въ Сузу. Были примѣры, что французскіе отряды дѣлали въ одинъ день 45-ти-верстовой переходъ черезъ Монъ-Сени съ его утомительнымъ подъемомъ и утомительнымъ спускомъ.

Но каковы бы ни были трудности похода, эти войска уже вступали въ Туринъ 30-го апрѣля поутру, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ главныя силы австрійцевъ перешли сардинскую границу. Гораздо большая часть французскихъ войскъ переправилась въ Сардинію моремъ, какъ потому, что этотъ путь легче, такъ и потому, что сардинская армія, соединиться съ которой они спѣшили, находилась около Алессандріи, которая гораздо ближе отъ Генуи, нежели отъ Сузы.

Извѣстіе о наступленіи австрійцевъ было получено въ Туринѣ и въ Генуѣ нѣсколько раньше, нежели вѣсть о приближеніи союзниковъ. Послѣ мучительной неизвѣстности, успѣютъ ли французы прійти во время, чтобы спасти столицу и армію Сардиніи, первыя французскія колонны были встрѣчены жителями съ неописаннымъ восторгомъ. Солдаты, вступившіе въ Туринъ, воткнули съ французской граціозностью букеты цвѣтовъ въ дула своихъ ружей и сами были засыпаны цвѣтами съ балконовъ и изъ оконъ.

Быстро прибывали въ Сузу новые отряды одинъ за другимъ, еще быстрѣе приходили въ генуэзскую гавань одна эскадра за другою, каждая привозя французскій десантъ. Около 5-го мая, когда австрійцы наконецъ собрались приблизиться къ Алессандріи, изъ Генуи къ сардинской арміи пріѣхали уже болѣе 40.000 французскихъ солдатъ. Около 7-го числа болѣе 80,000 французовъ уже были въ Піэмонтѣ. Австрійцы слишкомъ запоздали переходомъ черезъ Тичино; но если бы, хотя потомъ, умѣли вознаградить потерянные дни, вѣроятно еще успѣли бы что нибудь сдѣлать, потому что на первый разъ французы перевозили только солдатъ, безъ лошадей, безъ пушекъ, безъ обоза. Но австрійцы не торопились и французы имѣли время снабдить свою пѣхоту конницею и артиллеріею. Мы уже прочли въ телеграфическихъ депешахъ, что 12-го мая императоръ французовъ прибылъ въ Геную и 13-го (1) въ Алессандрію; это значитъ, что онъ уже переслалъ въ Италію все то количество войскъ, какое считаетъ нужнымъ имѣть тамъ, что перевезены туда и пушки и всѣ военные запасы, которые предназначались къ отправленію для начала похода. Наполеонъ III не явился бы на театръ войны раньше, нежели приготовлено все нужное для блистательнаго наступленія. Австрійцы сами уже увидѣли, что время слабости противниковъ

прошло и что пора имъ отступать. Снова перейти въ наступленіе случится имъ, вѣроятно, еще не слишкомъ скоро. Посмотримъ же, что они успѣли сдѣлать въ первую недѣлю кампаніи, пока шансы были для нихъ благопріятнѣе, чѣмъ будутъ во все продолженіе остальнаго похода. Мы находимъ, что самое лучшее понятіе объ этомъ можемъ дать читателямъ, переведя изъ Times'а 6-го мая статью, написанную или спеціалистомъ, или по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ спеціалистами.

«Австрія, повидимому, хочетъ убѣдить свѣтъ, что если была очень поспѣшна въ своей дипломатикѣ, то готова вознаградить за такую, непривычную ей, поспѣшность медленностью своей стратегіи. Она удивила Европу и озадачила важныхъ, невинныхъ и довѣрчивыхъ англійскихъ министровъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ такую минуту, когда они полагали, что она ждетъ мирнаго разрѣшенія всѣхъ своихъ затрудненій; она явилась съ внезапною угрозою, съ трехдневнымъ срокомъ и съ немедленнымъ открытіемъ похода, и мы всѣ думали, что кратковременною выгодностью обстоятельствъ она хочетъ воспользоваться для нанесенія рѣшительнаго удара. Она имѣла 190,000 человѣкъ въ Ломбардіи и Венеціи, изъ нихъ 120,000 были придвинуты къ самымъ берегамъ пограничной рѣки. Командиръ этой арміи, смотря черезъ маленькую рѣчку, могъ видѣть почти весь театръ своихъ будущихъ дѣйствій. Направо, изчезая въ отдѣленіи, встаютъ вершины Альпъ; налѣво, менѣе громадныя вершины Монферратскихъ и Аппенинскихъ горъ обозначаютъ границу мѣстности, въ которую онъ думалъ вторгнуться. Но между сѣверною и южною горными террасами разстилается, прямо впереди его, далекій горизонтъ равнины, идущей между этими горами, подобно заливу. По срединѣ равнины извивается По, прославленная поэзіею и исторіею. Съ сѣвера и съ юга, съ Альпъ на правой рукѣ и съ Аппенинскаго хребта на лѣвой рукѣ и съ отдаленныхъ Коттійскихъ Альпъ, возвышающихся прямо передъ нимъ въ концѣ горизонта и отдѣляющихъ его отъ Франціи, текутъ маленькія рѣчки, будто блестящія ребра, входящія въ спинной хребетъ Піэмонта, образуемый рѣкою По. Въ горныхъ округахъ, налѣво, стоятъ сардинскія крѣпости; значительнѣйшая изъ нихъ, Алессандрія, расположена почти у входа въ Монферратскую землю, а за нею, на берегу моря, лежитъ Генуя. Гористая страна направо, подымающаяся къ Симплону, къ Розѣ и къ Большому Сенъ-Бернару, почти не защищена искусствомъ; а прямо передъ собою, по всей плоской равнинѣ рѣки По, нашъ австрійскій генералъ не находитъ ни одного укрѣпленія, способнаго обороняться хотя одинъ часъ. Только извивается по этой равнинѣ большая рѣка и текутъ въ нее справа и слѣва небольшія рѣчки. Есть тутъ маленькіе неукрѣпленные города, напримѣръ: Новара, Мортара и Верчелли, составляющіе треугольникъ; но нѣтъ никакой задержки между нимъ и Туриномъ, лежащимъ въ концѣ этой равнины. Вся Европа думала, что Туринъ будетъ цѣлью австрійцевъ; что, получая отвагу отъ громаднаго превосходства въ силахъ, они хотятъ маскировать сильной арміей крѣпость Алессандрію и Казале и весь южный горный округъ, надъ которымъ господствуютъ эти крѣпости, и что съ остальными силами они быстро двинутся прямо впередъ, безъ остановки пойдутъ до самаго королевскаго дворца въ Туринѣ. Занятіе вражеской столицы въ началѣ войны принесло бы славу, и была бы стратегическая выгода овладѣть сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которая теперь ставитъ въ непосредственное сообщеніе французовъ, высаживающихся въ Генуѣ, съ французами, переходящими черезъ Монъ-Сени въ Сузу. Владѣя Туриномъ и желѣзными дорогами, находящимися въ Туринѣ, австрійскій генералъ разрѣзалъ бы двѣ французскія арміи и спокойно владѣлъ всею Сардиніею, кромѣ только одной горной Монферратской области.

«Завладѣть Туриномъ было такъ важно для удачнаго начала игры, что Австрія дѣйствительно могла пренебречь моральной невыгодой, если спѣшила войной за тѣмъ, чтобы пріобрѣсть такую важную физическую выгоду. Но по какимъ-то причинамъ,— очень можетъ быть, что эти причины очень уважительны, но если онѣ существуютъ,

то не было надобности спѣшить разрывомъ переговоровъ,—по какимъ-то причинамъ Австрія не воспользовалась ни своимъ выигрышемъ во времени, ни своимъ превосходствомъ въ силахъ. Ея армія медленно переступила черезъ рѣку и стала на плоскую равнину, лежавшую передъ нею. Постепенно, съ большою медлительностью, она заняла два города, Новару и Мортару,—Новару правымъ флангомъ, Мортару лѣвымъ,—и потомъ подвинулась на нѣсколько верстъ далѣе до Верчелли; тутъ она остановилась, стала дѣлать рекогносцировки, а между тѣмъ прибывали нагруженные войсками корабли въ Геную и длинныя колонны французской пѣхоты спускались съ Монъ-Сени. Быть можетъ, австрійцевъ задержали дожди, отъ которыхъ разлились маленькія рѣчки и испортились дороги; быть можетъ, революціи въ Пармѣ и въ Тосканѣ внушили имъ осторожность или нерѣшительность, а быть можетъ и то, что австрійцы считали выгоднѣйшимъ впустить всѣхъ французовъ черезъ море и черезъ Альпы въ Піэмонтъ, дать имъ собрать всѣ силы,—быть можетъ австрійцы думали, что лучше разомъ прикрыть всѣхъ ихъ въ этой равнинѣ, изъ которой некуда будетъ убѣжать французамъ, и придавить всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Мы не можемъ отгадывать ихъ побужденій и критиковать ихъ стратегіи; но мы можемъ видѣть, что, пробывъ семь дней на сардинской землѣ, они подвинулись отъ границъ не далѣе 50 верстъ.

«Съ прямаго пути австрійцы повертываютъ на югъ, т. е. направляются болѣе къ Монферратскому хребту, нежели къ Альпійскому. На пути встрѣчается имъ одинъ изъ изгибовъ По, и 4-го мая они перешли эту рѣку въ Камбіо, близь города Салы, какъ будто намѣрены были двинуться на Алессандрію; далѣе вверхъ по рѣкѣ, у Фрассинето, близь Казале, крѣпости, способной держаться нѣсколько времени, другой австрійскій корпусъ пытался перейти черезъ рѣку, но послѣ каннонады, продолжавшейся 15 часовъ, онъ былъ отбитъ съ нѣкоторымъ урономъ.

«Какую цѣль могли имѣть эти движенія? Если бы австрійцы продолжали двигаться по сѣверному берегу По, они шли бы на Туринъ. Но тутъ на дорогѣ встрѣчается Дора, маленькая рѣчка, текущая изъ Альпъ и впадающая въ По; берега этой рѣки укрѣплены сардинцами, воспользовавшимися медленностью австрійцевъ. Перешедши на другой берегъ По, австрійцы совершенно обошли эту позицію, потому что они теперь на южномъ берегу, а Дора впадаетъ въ По съ сѣвера. Но въ чемъ состоитъ ихъ намѣреніе: хотятъ ли они идти на Туринъ, или на Алессандрію—трудно рѣшить».

Дѣйствительно, трудно рѣшить, что хотѣли дѣлать австрійцы. Одни предполагаютъ, что они думали дойти до Турина; другіе думаютъ, что они хотѣли обратиться на Алессандрію; третьи полагаютъ что они хотѣли отрѣзать Алессандрію отъ Генуи. Но все равно, что бы ни хотѣли они сдѣлать. Потеря времени разстроила всѣ ихъ планы. Отъ границы до Турина верстъ около 100. Верстахъ въ 50 отъ границы лежитъ Алессандрія, находящаяся на западъ и нѣсколько на югъ отъ Турина, верстахъ въ десяти на югъ отъ По. Австрійцы прошли половину дороги до Турина, такъ что поровнялись съ Казале, и Алессандрія оставалась у нихъ уже нѣсколько назади. Но пока они медлили, стояли и производили рекогносцировки, сардинская армія, стоявшая между Алессандріею и Казале (Казале нѣсколько ближе къ Турину, нежели Алессандрія), получила такія сильныя подкрѣпленія отъ французовъ, что австрійцамъ нельзя было ни напасть на нее, ни продолжать свое движеніе на Туринъ. Они постояли еще нѣсколько времени; непріятель усилился новыми французскими отрядами, и теперь австрійцы отступаютъ и гдѣ остановится ихъ отступленіе—трудно сказать. По послѣднимъ извѣстіямъ французско-сардинскія войска уже начали наступленіе подъ личною командою императора французовъ и австрійскія войска оттѣснены уже почти до самой границы. Такимъ образомъ движеніе впередъ принесло имъ развѣ только ту

пользу, что они прокормили двѣ недѣли своихъ солдатъ сардинскимъ хлѣбомъ и собрали нѣсколько контрибуцій. Это нелѣпое начало похода не предвѣщаетъ для нихъ ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ—неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ оттѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ Пескьерѣ и особенно Мантуѣ.

Приводятъ двѣ причины для оправданія чрезмѣрной медленности въ ихъ наступленіи. Сардинцы, отступая передъ непріятелемъ, испортили дороги: на каждыхъ 100 метрахъ (45 саженяхъ) они копали черезъ дорогу довольно глубокіе рвы; кромѣ того, рубили стоявшія по дорогамъ деревья и сваливали ихъ на дорогу; наконецъ, они прорвали плотины и шлюзы каналовъ, которыя проведены по всей западной части Піэмонта для орошенія полей, и затопили подъ водою цѣлыя обширныя мѣстности. Погода также заступилась за сардинцевъ: съ 1 мая (19 апрѣля) пошли проливные дожди, продолжавшіеся нѣсколько дней, и рѣчки выступили изъ береговъ Но такихъ затрудненій все-таки еще мало для объясненія медленности, съ которою австрійцы подавались впередъ. Какъ бы ни были испорчены дороги, все-таки можно было пройти по нимъ въ цѣлую недѣлю больше того пространства, которое въ одинъ день переходили французскіе отряды по Альпійскому хребту, гдѣ дорога и хуже, и несравненно труднѣе. Чрезмѣрному затопленію полей отъ спущенныхъ каналовъ нельзя вѣрить—Піэмонтъ не Голландія, и навѣрное было бы австрійцамъ гдѣ пройти, еслибы они хотѣли; а если поля были такъ затоплены, что идти было нельзя, то все равно нельзя было проходить и по 8 верстъ въ день, если нельзя было проходить по 25 верстъ. Нѣтъ, кажется, надобно сказать, что, пропустивъ благопріятное время для исполненія своего плана, австрійцы сами не знали, что имъ дѣлать.

Мы пишемъ почти черезъ мѣсяцъ по объявленіи войны Австріею Сардиніи, а между тѣмъ, собственно говоря, не произошло никакихъ громкихъ военныхъ событій, и хотя надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неловкостью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ сардинцами, но въ военной части извѣстій за прошлый мѣсяцъ мало интереснаго. До сихъ поръ людямъ, интересующимся итальянскими дѣлами, политическія догадки доставляли больше предметовъ къ размышленію, нежели военныя событія. Война началась; есть сильная вѣроятность, что австрійцы въ первый же походъ потеряютъ всю землю въ Италіи до Вероны и Мантуи; но въ чемъ же существенная цѣль войны, чего надобно ожидать въ случаѣ успѣха французовъ? Это мы отчасти можемъ видѣть изъ предшествовавшихъ войнѣ переговоровъ и сужденій, произносимыхъ самими французами о цѣляхъ ихъ политики.

Конгрессъ не состоялся; но его собранію предшествовали переговоры и нѣкоторыя основанія будущаго устройства дѣлъ въ Италіи были одобрены Франціею.

Нѣкоторые думаютъ, что Франція, подобно Сардиніи, не можетъ удовлетвориться ничѣмъ, кромѣ совершеннаго отнятія итальянскихъ владѣній у Австріи. Это несправедливо. Вотъ четыре основанія, принятыя самою Франціею для переговоровъ на предполагавшемся конгрессѣ.

I. Средства обезпечить сохраненіе мира между Австріею и Сардиніею.

II. Оставленіе римскихъ владѣній иностранными войсками, ихъ занимающими, и изслѣдованіе, какія реформы должны быть введены въ италіянскія государства.

III. Будетъ предложена комбинація для замѣны особенныхъ трактатовъ между Австріею и италіянскими государствами.

IV. Распредѣленіе территоріальныхъ владѣній и трактаты 1815 года останутся неприкосновенными.

Изъ этого мы видимъ, что Франція соглашалась на сохраненіе за Австріею всѣхъ ея нынѣшнихъ итальянскихъ владѣній. Само собою разумѣется, что въ случаѣ успѣшнаго похода требованія Франціи возрастутъ, но нѣтъ имъ никакой необходимости возрастать непремѣнно до совершеннаго отнятія всѣхъ итальянскихъ владѣній у Австріи. Тутъ можетъ быть множество среднихъ степеней, опредѣляемыхъ размѣромъ успѣховъ и силою расположенія въ императорѣ французовъ къ прекращенію войны послѣ нѣсколькихъ славныхъ побѣдъ. Всякія условія возможны послѣ того, какъ Франція соглашалась оставлять за австрійцами всѣ ихъ нынѣшнія владѣнія. Если Франція найдетъ удобнымъ кончить войну оставленіемъ у Австріи венеціанскихъ владѣній до Гардскаго озера, до Минчіо и Мантуи, а отъ Ломбардіи заставитъ ее отказаться, Франція назоветъ это великою услугою дѣлу итальянской независимости. Если у австрійцевъ будетъ отнято и гораздо меньше, напримѣръ только западная часть Ломбардіи до Адды и озера Комо, и это будетъ также названо великою услугою итальянской независимости. Читатель понимаетъ нашу мысль. Впрочемъ, мы ничего не предсказываемъ; мы говоримъ только, что императоръ французовъ вовсе не обязанъ продолжать войну до тѣхъ поръ, пока заставитъ Австрію отказаться отъ всѣхъ владѣній въ Италіи; мы говоримъ только, что онъ можетъ заключить миръ съ Австріею на какихъ ему угодно условіяхъ, и каковы бы ни были условія, все-таки онъ можетъ сказать, что сдѣлалъ для Италіи болѣе, нежели обѣщался сдѣлать передъ началомъ войны: не станемъ забывать, что онъ соглашался оставить за Австріею всѣ ея владѣнія въ Италіи.

Но удовлетворятъ ли итальянцевъ какія бы то ни было условія мира, кромѣ совершеннаго отнятія у Австріи всѣхъ Ломбардо-Венеціанскихъ земель? Люди бываютъ наклонны къ излишней требовательности отъ своихъ помощниковъ или покровителей; но въ такомъ случаѣ всегда бываетъ можно уличить ихъ въ неблагодарности и неблагоразуміи, напомнивъ имъ, какъ скромны были ихъ желанія въ началѣ дѣла. Есть въ Италіи партія, непринимающая никакихъ сдѣлокъ, всегда требовавшая непремѣнно только того, чтобы ни одинъ клочокъ итальянской земли не принадлежалъ иностранцамъ; это маццинисты. Но императоръ французовъ опирается не на этихъ республиканцевъ, а на людей умѣренной или такъ называемой конституціонной партіи въ Италіи. Эта партія передъ войною вовсе не шла въ своихъ требованіяхъ до такой революціонной неуживчивости съ австрійцами, какъ маццинисты. Она объявляла, что удовольствуется гораздо меньшими пріобрѣтеніями. Самымъ точнымъ выраженіемъ ея тогдашнихъ требованій надобно считать программу

разрѣшенія итальянскаго вопроса, съ которою въ началѣ апрѣля былъ отправленъ въ Лондонъ повѣренный отъ конституціонной партіи центральныхъ итальянскихъ государствъ. Мы приводимъ здѣсь свѣдѣнія, сообщаемыя объ этомъ важномъ фактѣ парижскимъ корреспондентомъ Times'а, въ письмѣ его отъ 9 апрѣля (28 марта).

«Въ Лондонъ пріѣхалъ повѣренный отъ конституціонной партіи въ центральной Италіи съ предложеніями, производящими замѣчательное впечатлѣніе на людей, которымъ онъ сообщалъ ихъ. Въ числѣ значительныхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ совѣщанія, находятся лорды Пальмерстонъ, Кларендонъ и Джонъ Россель, а къ нынѣшнему времени онъ вѣроятно склонилъ и лорда Мальмсбери раздѣлять такой же взглядъ. Секретъ его успѣха заключается въ слѣдующемъ: онъ предлагаетъ средство вполнѣ удовлетворить итальянцевъ, оставляя неприкосновенными вѣнскіе трактаты. Онъ объявляетъ, что центральная Италія и Піэмонтъ оставляютъ, какъ несбыточное желаніе, всякое требованіе выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи и Венеціи. Конечно, они не перестаютъ желать этого, но этого нельзя достичь безъ войны, а конституціонная партія вовсе не желаетъ видѣть французовъ въ Италіи. Теперь она ограничиваетъ свои желанія тѣмъ, чтобы австрійцы и французы вывели свои войска изъ всѣхъ итальянскихъ владѣній, нынѣ занимаемыхъ ими не на основаніи трактатовъ. Она требуетъ, чтобы Австрія, владѣющая частью Италіи единственно по вѣнскому трактату, была обязана строго ограничиваться предѣлами этого трактата и не простирала своей власти на другія государства. Иначе сказать, они говорятъ австрійцамъ: «Ограничивайтесь вашимъ берегомъ По, и оставьте насъ въ покоѣ въ нашихъ земляхъ». Многіе говорили, что вліяніе Маццини въ Италіи ослабѣло, совершенно исчезло. Конституціонная партія подтверждаетъ теперь это; она объявляетъ, что имѣетъ полную организацію и готова принять на свою рѣшительную отвѣтственность управленіе государствами центральной Италіи по удаленіи австрійцевъ, ручаясь за то, что не будетъ ни насилій, ни кровопролитія. Она только требуетъ того, чтобы австрійцы удалились изъ тѣхъ частей Италіи, которыя заняты ими не по вѣнскому трактату, и обязались никогда не возвращаться въ эти земли, потому что безъ такого обязательства австрійцы вѣчно будутъ возбуждать волненія, чтобы имѣть предлогъ воротиться.

«Важнѣйшій фактъ во всемъ этомъ то, что Сардинія, въ лицѣ синьора д'Азеліо отъ имени графа Кавура, совершенно согласна съ этою программою. Синьоръ д'Азеліо говоритъ, что Сардинія имѣетъ свои особенныя неудовольствія противъ Австріи, но что они не важны сравнительно съ условіями, на которыя согласна вся Италія. Конституціонная партія говоритъ, что это умѣренное требованіе можетъ быть исполнено безъ войны, и что если дѣла будутъ устроены на этомъ основаніи, она будетъ совершенно довольна, предоставляя успѣхамъ времени и разума и вліянію сосѣднихъ либеральныхъ учрежденій произвести перемѣну въ положеніи Ломбардіи. Но, прибавляетъ она, конечно, она будетъ стремиться пріобрѣсть все, что можетъ, если война вспыхнетъ».

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ относительной силѣ маццинистовъ и конституціонистовъ. Конституціонисты думаютъ, что они сильнѣе, маццинисты могутъ думать тоже самое о себѣ,—не въ этомъ дѣло, какъ думаетъ конституціонная партія о своихъ силахъ, а въ томъ, чего она хотѣла, на что она соглашалась передъ войною. Относительно ея чувствъ мы выводимъ изъ ея программы, присланной въ Лондонъ, два заключенія. Во-первыхъ, конституціонная партія въ Италіи имѣла сомнѣніе въ томъ, благопріятны ли будутъ для либеральныхъ учрежденій и независимости Италіи результаты войны, которую Францція хотѣла начать противъ австрійцевъ. Эти сомнѣнія были такъ велики, что конституціонная партія центральной Италіи и

Піэмонта готова была пожертвовать ломбардо-венеціанцами австрійцамъ, лишь бы избавить Италію отъ опасности со стороны французовъ. Этотъ фактъ мы припомнимъ впослѣдствіи. Во-вторыхъ,—и это теперь для насъ главное,—конституціонная партія всего только за нѣсколько дней до начала войны говорила, что „ея требованія могутъ быть совершенно удовлетворены“ даже при сохраненіи за австрійцами всѣхъ ихъ нынѣшнихъ владѣній. Только съ этою партіею хочетъ до сихъ поръ дѣйствовать Франція за одно, только ея содѣйствіе она принимаетъ, только ея потребности признаетъ справедливыми; мы спрашиваемъ теперь, какое право будетъ она имѣть жаловаться на неудовлетвореніе своихъ желаній, если Франція найдетъ неудобнымъ лишать австрійцевъ хотя бы одного селенія въ Ломбардіи? А если Франція уменьшитъ австрійскія владѣнія хотя какимъ-нибудь маленькимъ округомъ, императоръ французовъ можетъ назвать это уже великодушнымъ превышеніемъ требованія самихъ итальянцевъ. „Но конституціонная партія не отказывалась отнять у австрійцевъ все, что можно будетъ отнять, если вспыхнетъ война“. — Такъ, этими самими словами ей и будутъ отвѣчать, если война кончится какими нибудь не важными потерями для австрійцевъ. „Что могли мы отнять у австрійцевъ, не подвергая Францію чрезвычайнымъ усиліямъ и бѣдствіямъ слишкомъ упорной войны, то мы и отняли у нихъ, — скажутъ французскіе дипломаты; — требовать совершеннаго отказа ихъ отъ итальянскихъ владѣній, значило бы слишкомъ обременять Францію и итальянскую войну обращать въ обще-европейскую; этого Франція не обѣщала сдѣлать и не могла сдѣлать“.

„Но самъ императоръ французовъ въ своей прокламаціи объявилъ, что война должна имѣть своимъ результатомъ совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи“. Нѣтъ, понимать прокламацію его непремѣнно въ такомъ смыслѣ—значитъ видѣть въ ея выраженіяхъ только такое значеніе, какое пріятно неопытному въ дипломатическихъ истолкованіяхъ читателю, и не замѣчать, что тѣ же самыя выраженія могутъ допускать и другое толкованіе, далеко не столь тѣсное. Мы попробуемъ показать, что можно сдѣлать изъ этихъ фразъ, въ случаѣ надобности. Въ длинной прокламаціи собственно только два мѣста, опредѣляющія конечную цѣль войны; мы посмотримъ, что могутъ сдѣлать изъ нихъ обоихъ дипломаты, въ случаѣ надобности.

„Австрія довела положеніе дѣлъ до такой крайности, что должно или ей владычествовать до Альпъ, или Италіи быть свободной до Адріатическаго моря“. Неопытный умъ можетъ видѣть въ этомъ положительную рѣшимость отнять у Австріи все, до самой Венеціи. Но очень легко истолковать эти слова иначе. Во-первыхъ, необходимость изгнанія австрійцевъ ставится слѣдствіемъ ихъ собственной политики, непримиримо враждебной Піэмонту, — „Австрія довела вещи до такой крайности“, и освободить Италію до Адріатическаго моря необходимо потому, что иначе Австрія „завладѣетъ всею землею до Альпъ“—то есть, Піэмонтомъ. Но что, если Австрія докажетъ, что она отказывается отъ вражды противъ Піэмонта? Что, если она согласится на такія условія мира, что существованіе Піэмонта будетъ ограждено отъ предполагаемой опасности? Тогда исчезаетъ одна половина дилеммы, стало быть исчезаетъ надобность и въ другой половинѣ. Если не

будетъ опасности, что Австрія станетъ расширять свои владѣнія, не будетъ надобности и изгонять ее изъ Италіи.

Нейтральныя державы теперь убѣждены, что Австрія никогда не хотѣла присвоивать себѣ ни вершка піэмонтской земли,—почему знать, что Франція не убѣдится въ этомъ, когда почтетъ удобнымъ склониться къ такому убѣжденію?

Итакъ, прокламація ставитъ изгнаніе австрійцевъ въ зависимость отъ факта (опасность для Піэмонта), который можетъ быть съ согласія Австріи устраненъ множествомъ разныхъ способовъ; напримѣръ: обязательствомъ Австріи не нападать на Піэмонтъ; уступкою какихъ нибудь округовъ, отнимающихъ стратегическія линіи для наступленія въ Піэмонтъ изъ Австрійскихъ владѣній; срытіемъ какихъ нибудь пограничныхъ укрѣпленій; обязательствомъ не держать въ Ломбардіи болѣе 100,000 войска (какъ и не держала Австрія до начала нынѣшняго года) и т. д. Нельзя исчислить всѣхъ комбинацій, которыми можетъ уничтожиться надобность изгонять австрійцевъ изъ Италіи.

Мы видимъ, какъ легко при нѣкоторой опытности въ дипломатическихъ изслѣдованіяхъ найти, въ случаѣ надобности, что первое изъ выраженій, опредѣляющихъ цѣль войны, вовсе не исключаетъ возможности оставить за австрійцами часть ихъ владѣній или и всѣ ихъ владѣнія въ Италіи, смотря по внушенію обстоятельствъ. А на этомъ одномъ выраженіи почти исключительно и опираются всѣ толки, будто бы полное изгнаніе австрійцевъ поставлено непремѣнною цѣлью войны. Въ самомъ дѣлѣ, второе выраженіе прокламаціи гораздо менѣе опредѣлительно:

„Цѣль этой войны—то, чтобы Италія снова принадлежала самой себѣ (rendre l'Italie à elle-même), а не то, чтобы замѣнить одно господство надъ нею другимъ". Тутъ сущность мысли заключается просто въ засвидѣтельствованіи того, что Франція не хочетъ завоеваній въ Италіи, что она не хочетъ занять въ ней того положенія, какое нынѣ занимаютъ австрійцы. Но само собою разумѣется, что исполненіе желаній зависитъ отъ обстоятельствъ, и въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за этимъ выраженіемъ, мы имѣемъ указаніе на факты, которые могутъ принудить Францію,—конечно, съ прискорбіемъ, отступить отъ образа дѣйствій, стремленіе къ которому выражено приведенною у насъ фразою:

„Мы идемъ въ Италію не возбуждать безпорядки, не потрясать власть святѣйшаго отца, нами возстановленную". Но что же, если бы оказалось, что итальянцы наклонны къ произведенію „безпорядковъ"?—Ясно, что Франція стала бы удерживать ихъ отъ такого гибельнаго заблужденія,—этимъ именно и занималась до сихъ поръ Австрія. Вся политика ея въ Италіи направлена была исключительно къ предупрежденію „безпорядковъ". Власть папы должна остаться непоколебимою; но что, если окажется въ римлянахъ желаніе колебать ее? Франція принуждена будетъ охранять папу отъ недоброжелательства его подданныхъ.

Такимъ образомъ, самая прокламація довольно точно показываетъ, что Франція въ Италіи главною своею заботою будетъ имѣть пресѣченіе безпорядковъ и народныхъ волненій; она предоставитъ итальянцамъ ту степень незави-

симости, какая можетъ остаться у нихъ безъ нарушенія законнаго порядка; условія мира съ австрійцами поставляются въ зависимость отъ прекращенія опасности для Піэмонта, и мы видѣли, что опасность эта можетъ быть устранена множествомъ разныхъ способовъ, не требующихъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Только людямъ, слишкомъ расположеннымъ видѣть въ чужихъ словахъ смыслъ, какой пріятенъ для нихъ, и не привыкшимъ вникать въ характеръ дипломатическаго языка, можетъ казаться, что императоръ французовъ связываетъ себя въ своей прокламаціи какими нибудь обязательствами, кромѣ обѣщанія не допускать въ Италіи безпорядковъ, какъ не допускали ихъ австрійцы, и поддерживать власть папы, какъ поддерживалъ ее до сихъ поръ. Если у кого остается сомнѣніе въ этомъ, оно можетъ окончательно разсѣяться соображеніемъ смысла рѣчей, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ по поводу итальянскаго вопроса, и соображеніями относительно дѣйствій французскаго коменданта въ Римѣ.

Много разъ мы указывали на существенную причину неизбѣжности войны, находя ее въ отношеніяхъ нынѣшней французской системы къ общественному мнѣнію. Система эта чувствовала необходимость отвлечь вниманіе націи отъ внутреннихъ вопросовъ громомъ побѣдъ и упрочить себя возобновленіемъ своей военной славы. Политика эта въ значительной степени оправдалась успѣхомъ. Мы видѣли, что съ начала нынѣшняго года толками о войнѣ заглушились требованія внутреннихъ реформъ, такъ быстро усилившіяся въ концѣ прошлаго года. Мы говорили также, что ропотъ разсчетливыхъ людей на обременительность задуманной войны будетъ заглушенъ энтузіазмомъ воинственной націи, когда война будетъ объявлена. И дѣйствительно, массою простолюдиновъ въ Парижѣ и въ другихъ большихъ городахъ овладѣлъ восторгъ, какъ только была объявлена война. Мы могли бы не вѣрить, если бы только французскія газеты говорили о народномъ восторгѣ; но изъ англійскихъ и даже нѣмецкихъ газетъ видно, что простолюдины большихъ городовъ и особенно Парижа дѣйствительно увлечены мыслью о славѣ, какую пріобрѣтетъ Франція, освободивъ Италію. Разсказы газетныхъ корреспондентовъ несомнѣнно подтверждаются двумя фактами. Число волонтеровъ, поступающихъ на время войны, если и не такъ громадно, какъ увѣряютъ оффиціальныя газеты, то все же очень значительно. Одинъ Парижъ далъ ихъ болѣе 15,000 (оффиціальныя газеты говорятъ о 25,000). Въ другихъ большихъ городахъ наберется почти такое же число. Еще важнѣе тотъ фактъ, что императоръ отважился послать изъ Парижа въ Италію и свою гвардію, и большую часть гарнизона. Это показываетъ, что правительство стало пользоваться значительною степенью популярности и могло ослабить предосторожности противъ возстанія въ столицѣ.

Правда и то, что простолюдины, совершенно незнакомые съ дипломатическими тонкостями, понимаютъ характеръ войны совершенно не въ такомъ свѣтѣ, какой придаетъ войнѣ правительство и въ какомъ видятъ ее люди, болѣе свѣдущіе въ дипломатическомъ языкѣ. Парижскіе простолюдины и вся французская армія думаютъ, что война имѣетъ революціонный характеръ; потому и восторгъ, ею возбужденный въ солдатахъ и въ работникахъ, уже принялъ оттѣнокъ, изъ котораго должны возникнуть столкновенія,

когда фцкты покажутъ простолюдинамъ и солдатамъ, что они ошибались. Толпы волонтеровъ и работниковъ ходятъ по улицамъ Парижа съ революціонными пѣснями, которыхъ не слышно было съ 1850 года. Войска, садившіяся на корабли въ Марсели, также пѣли революціонныя пѣсни. Во французскомъ лагерѣ въ Піэмонтѣ, надъ всѣми криками въ честь императора и въ честь Италіи господствуетъ Марсельеза. Съ криками „да здравствуетъ императоръ!" часто смѣшиваются крики „да здравствуетъ республика!" Конечно, не надобно придавать этому республиканскому и революціонному характеру простонароднаго энтузіазма слишкомъ большой важности и должно ожидать, что военная дисциплина успѣетъ подавить тѣ его проявленія, которыя были бы для нынѣшней системы опаснѣе простаго пѣнія. Можно даже думать, что въ случаѣ успѣшнаго хода войны личный энтузіазмъ къ императору, доставившему случай для побѣдъ, возьметъ верхъ надъ нынѣшнимъ республиканскимъ оттѣнкомъ воинственности. Но какъ бы то ни было, надобно замѣтить фактъ, который можетъ быть источникомъ затрудненій для нынѣшней системы, если не будетъ подавленъ быстрыми побѣдами.

Заблужденія простолюдиновъ не раздѣляются, какъ мы сказали, людьми опытными въ политической жизни, а восторгъ отъ ожидаемой славы не заставляетъ образованные классы общества забывать объ интересахъ, которымъ война неблагопріятна. Республиканская партія не предполагаетъ, чтобы война имѣла цѣлью дѣйствительное освобожденіе Италіи, а буржуазія скорбитъ объ упадкѣ фондовъ. Этимъ объясняется чрезвычайно холодный пріемъ военныхъ предложеній въ Законодательномъ Корпусѣ и смѣлость рѣчей, сказанныхъ нѣкоторыми изъ членовъ его. Засѣданія Законодательнаго Корпуса въ первый разъ со времени второго декабря становятся интересными. Опираясь на недовольствѣ большинства депутатовъ, въ которыхъ прежніе разсчеты о выгодахъ приверженности къ нынѣшней системѣ смѣняются разсчетами о вѣроятномъ разореніи отъ войны, малочисленные республиканцы Законодательнаго Корпуса начинаютъ говорить довольно рѣзко. Мы приведемъ здѣсь отрывки изъ писемъ парижскаго корреспондента Times'а и отчеты Монитёра о нѣкоторыхъ рѣчахъ, сказанныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ.

Мы говорили о быстротѣ, съ какою французское правительство сдѣлало военныя распоряженія при первомъ извѣстіи объ австрійскомъ ультиматумѣ. Не теряя времени, внесло оно въ Законодательный Корпусъ и проэкты тѣхъ декретовъ, которые должны быть принимаемы съ согласія законодательной власти. Первые два предложенія состояли въ томъ, чтобы увеличить призываемый подъ знамена контингентъ 1858 года отъ прежней цифры 100,000 до 140,000 человѣкъ и дать правительству полномочіе заключить заемъ въ 500,000,000 франковъ. Вотъ какъ парижскій корреспондентъ Times'а разсказываетъ о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 26-го апрѣля, когда были сдѣланы эти предложенія.

«Графъ Морни, управляющій мудрыми совѣщаніями представителей Франціи, явился въ половинѣ втораго въ простомъ фракѣ. Относительно орденовъ онъ принялъ скромность. Изъ находящейся у него полудюжины ихъ, онъ удовольствовался на этотъ разъ только лентою и звѣздою Почетнаго Легіона. Скоро явился г. Барошъ, замѣчательный по своему мундиру президента государственнаго совѣта, богато вышитому

золотомъ, по лентѣ и по звѣздѣ,—за свои гражданскія заслуги онъ также получилъ «звѣзду мужества». Передъ г. Морни стоитъ столъ съ богатою позолотою, съ инкрустаціями и съ конторкою, имѣющею завидное отличіе служить хранилищемъ мыслей его высокопревосходительства. Ниже стоитъ длинный столъ, за которымъ сидятъ коммиссары правительства: одинъ изъ нихъ теперь г. Барошъ. Приблизилась рѣшительная минута; г. Морни позвонилъ въ колокольчикъ во второй разъ и водворилось глубокое молчаніе. Президентъ возвѣстилъ о прибытіи министра иностранныхъ дѣлъ; г. Валевскій вошелъ въ залу и сѣлъ за столъ коммиссаровъ. Затруднителенъ вопросъ, чей мундиръ богаче вышитъ,—г. Валевскаго или г. Барша: оба они находятся въ золотой скорлупѣ. Но мнѣ кажется, что г. Валевскій, какъ сенаторъ, имѣетъ право носить одинъ или два золотые жгута лишнихъ противъ г. Бароша, какъ президента государственнаго совѣта. Впрочемъ, оставляю этотъ вопросъ до дальнѣйшихъ изслѣдованій; довольно сказать, что оба они чрезвычайно великолѣпны. Изъ львовъ, дельфиновъ, коршуновъ, орловъ и другихъ орденовъ, данныхъ г. Валевскому европейскими государями, на выставкѣ не было ни одного, кромѣ ленты и звѣзды Почетнаго Легіона. Съ удовольствіемъ свидѣтельствую объ этой общей умѣренности.

«Президентъ объявилъ, что министръ имѣетъ нѣчто объявить палатѣ. Г. Валевскій всталъ и началъ читать по тетради. Сообщеніе содержало только исторію итальянскаго вопроса и начиналось описаніемъ безпокойства, произведеннаго въ началѣ года вооруженіями Австріи и накопленіемъ войскъ въ ломбардо-венеціанскихъ земляхъ съ намѣреніемъ напасть на Піэмонтъ. Сколько я разслышалъ, министръ не упомянулъ ни о словахъ, сказанныхъ императоромъ французовъ австрійскому посланнику въ новый годъ, ни о пломбьерскихъ планахъ, ни о намѣреніи, приписываемомъ Піэмонту, при помощи Франціи выгнать австрійцевъ изъ Ломбардіи. Умалчивая обо всѣхъ этихъ фактахъ, какъ обстоятельствахъ неважныхъ, онъ изложилъ ходъ переговоровъ до австрійскаго ультиматума относительно обезоруженія Піэмонта. Разумѣется, министръ выказывалъ умѣренность желаній и плановъ императора и сильно отрицалъ всякіе планы честолюбія или завоеванія. Палата слушала молча. Къ концу сообщенія, въ мѣстахъ о желаніи императора сохранить миръ, два раза послышался шопотъ семи или восьми голосовъ *très bien! très bien!*—по окончаніи рѣчи десятка два голосовъ повторили тоже восклицаніе и десятка два паръ рукъ захлопали. Большинство палаты сидѣло молча и неподвижно.

«Тогда г. Барошъ прочелъ изложеніе причинъ проэкта закона объ увеличеніи послѣдняго сто-тысячнаго контингента прибавкою еще сорока тысячъ рекрутъ. Прочтенъ былъ также проэктъ закона о разрѣшеніи правительству сдѣлать заемъ въ 500 милліоновъ франковъ.

«Тогда всталъ г. Морни и прочелъ краткій адресъ къ палатѣ. Онъ убѣждалъ депутатовъ «пренебречь при настоящихъ обстоятельствахъ всѣми матеріальными интересами для патріотизма, смотрѣть не назадъ, а впередъ», и т. д. Увѣщаніе пренебречь матеріальными интересами для болѣе благородной цѣли, исходя отъ столь уважаемаго авторитета, безъ сомнѣнія произвело надлежащее впечатлѣніе. Нѣкоторые депутаты улыбнулись, въ знакъ согласія и одобренія, какъ я полагаю. Послѣ этой самоотверженной рѣчи нѣсколько человѣкъ изъ депутатовъ закричали: *Vive l'empereur!* и стали апплодировать. Апплодисменты были вовсе не общіе и расположеніе палаты не походило на энтузіазмъ.

«Надобно не оставить безъ вниманія то, что два министра, избранные для представленія сообщеній и для поддержанія ихъ своимъ краснорѣчіемъ, съ самаго начала до самаго конца противились войнѣ. И г. Валевскій, и г. Фульдъ, прочитавшій сенату такое же сообщеніе, какъ г. Валевскій Законодательному Корпусу, глубоко скорбѣли о направленіи, принятомъ дѣлами».

Разсмотрѣвъ проэкты въ своихъ отдѣленіяхъ (бюро), Законодательный Корпусъ собрался на другой день (27 апрѣля) для совѣщаній въ публичномъ засѣданіи объ увеличеніи контингента. Ораторомъ оппозиціи явился въ

этотъ день республиканецъ Эмиль Оливье. Рѣчи, произносимыя въ Законодательномъ Корпусѣ, печатаюся только въ извлеченіяхъ, составляемыхъ оффиціальнымъ порядкомъ подъ наблюденіемъ президента, назначеннаго императоромъ. Потому можно судить, до какой степени смягчается и даже совершенно измѣняется въ этихъ извлеченіяхъ смыслъ словъ, несогласныхъ съ желаніями президента. Но и по блѣдному извлеченію, представленному Монитёромъ, читатель можетъ видѣть, въ чемъ состоялъ смыслъ словъ Оливье. Вотъ буквальный переводъ изъ протокола, помѣщеннаго въ Монитёрѣ.

«Г. Эмиль Оливье говоритъ, что вотъ уже четыре мѣсяца общественное мнѣніе взволновано. Всѣ съ безпокойствомъ спрашиваютъ себя, сохранитъ Франція миръ или начнетъ войну? Ораторъ жалѣетъ, что въ теченіе этого долгаго времени французы получали свѣдѣнія о ходѣ дѣла только изъ преній англійскаго или сардинскаго парламентовъ, и французскому Законодательному Корпусу предложенъ этотъ вопросъ только уже по фактическомъ его разрѣшеніи.

«Въ настоящую минуту Италія одушевлена всеобщимъ желаніемъ: ея нація желаетъ изгнанія иностранцевъ, соединяется подъ знаменемъ Піэмонта и призываетъ Францію. Такое чувство, по мнѣнію оратора, совершенно основательно. Съ 1815 года австрійское правительство не ограничалось нарушеніемъ обѣщаній, данныхъ отъ его имени миланцамъ и венеціанцамъ, оно постоянно угнетало всю Италію. На минуту блеснулъ Италіи лучъ надежды; она отвергла даже руку, протягиваемую ей французской республикой, надѣясь, что будетъ обязана своимъ освобожденіемъ только самой себѣ. Эта надежда ее обманула.

«На жалобы итальянскаго народа, на протестаціи, сдѣланныя отъ его имени графомъ Кавуромъ передъ парижскимъ конгрессомъ, всегда отвѣчали только однимъ возраженіемъ, указаніемъ на трактаты 1815 года, на эту «территоріальную конституцію Европы», по выраженію лорда Пальмерстона.

«Какъ надобно смотрѣть на трактаты 1815 года? Были высказываемы очень различныя мнѣнія объ этихъ, слишкомъ знаменитыхъ дипломатическхъ сдѣлкахъ. Во Франціи никто не отваживался защищать ихъ, даже изъ тѣхъ людей, которые считали необходимымъ сохранять ихъ. Одни говорили, должно проклинать ихъ, но уважать ихъ; другіе, какъ знаменитый манифестъ (Ламартина), говорили: должно отрицать юридическую силу трактатовъ 1815 года, но уважать ихъ фактическое существованіе. Всѣ признавали, что эти трактаты должны считаться не столько договорами, сколько приговорами, произнесенными противъ Франціи. Ораторъ объявляетъ, что онъ и его друзья дѣлаютъ существенное различіе между разными территоріальными опредѣленіями трактатовъ 1815 года. Постановленія, направленныя противъ Франціи, они отличаютъ отъ тѣхъ, которыми нарушены права національностей менѣе сильныхъ. Достопочтенный членъ мало скорбитъ о томъ, что не расширяются границы Франціи. Призваніе Франціи не въ томъ, чтобы расширять свои границы. Ораторъ и его друзья осуждаютъ устарѣлую завоевательную политику. Не матеріальныя, а нравственныя завоеванія должна дѣлать Франція; для націй, какъ и для частныхъ людей, истинное величіе состоитъ въ безкорыстіи.

«Но есть, по мнѣнію оратора, въ трактатахъ 1815 года такія постановленія, которыя должны быть энергически отвергаемы; это тѣ постановленія, которыя направлены противъ національностей, не столь сильныхъ, какъ Франція, и въ особенности тѣ двусмысленныя постановленія, которыя повергли Италію, какъ жертву, къ ногамъ Австріи. Когда былъ возбужденъ итальянскій вопросъ, достопочтенный членъ и его друзья хотѣли думать, что во мнѣніи самаго правительства трактаты 1815 года перестали существовать по отношенію къ Италіи; на этомъ пути они готовились оказывать ему самую рѣшительную, страстную, неослабную помощь; но въ ту минуту, когда надобно принять окончательное рѣшеніе, возникло въ умѣ оратора сомнѣніе и онъ желалъ бы, чтобы правительство разсѣяло это сомнѣніе. Онъ далекъ отъ мысли

упрекать правительство за то, что оно не торопилось вступать въ войну; понятно, что глава государства колеблется передъ рѣшеніемъ отнять у націи блага мира. Но онъ былъ печально удивленъ слыша вчера, что г. министръ иностранныхъ дѣлъ подтверждаетъ слова, сказанныя съ англійской трибуны, что французское правительство соглашалось вести переговоры на основаніи трактатовъ 1815 года,—этихъ трактатовъ, которые разорвала сама Австрія своими особенными договорами, своими дипломатическими и военными вмѣшательствами, продолжительными занятіями чужихъ земель военною силою. Правительство могло не возбуждать вопроса; но, возбудивъ его, оно не должно было соглашаться на переговоры, которые могли упрочить трактаты 1815 года и возвратить имъ силу, ими потерянную.

«При такомъ положеніи вещей ораторъ спрашиваетъ, что хотятъ дѣлать въ Италіи. Итальянскіе походы могутъ имѣть разный характеръ. Французское вмѣшательство можетъ произвесть освобожденіе Италіи; но оно можетъ также привести только къ договору въ родѣ Кампоформіосскаго, или оказаться новою римскою экспедиціею. Намѣренія правительства не объяснены. Въ этой неизвѣстности, ораторъ и его друзья считаютъ нужнымъ опасаться, что, предпринимая настоящую экспедицію, правительство имѣетъ только одну цѣль, пріобрѣтеніе военной славы, хочетъ воспользоваться Италіею, а не принести пользу ей. Они не хотятъ выражать довѣріе къ правительству, подавая голосъ за предложенный законъ; они не хотятъ, отвергая законъ, принимать такой видъ, какъ будто бы измѣняютъ Италіи и становятся на сторонѣ австрійцевъ; потому они удерживаются отъ подачи голоса. Сердце ихъ за Италію, но они ожидаютъ отъ правительства объясненія, что нынѣшняя война начинается для пользы Италіи.

«Въ заключеніе ораторъ говоритъ, что, судя по оффиціальнымъ извѣстіямъ, война начинается при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Чѣмъ бы она ни кончилась, онъ свидѣтельствуетъ, что онъ и его друзья останутся вѣрны преданію своихъ отцевъ, преданію тѣхъ гражданъ героевъ, которые въ дни великой опасности умѣли охранять, подъ предводительствомъ Гошей и Марсо, отъ оскверненія иностранцами священную землю отечества».

Немного нужно догадливости, чтобы понять изъ этого извлеченія, какимъ рѣзкимъ неодобреніемъ была проникнута рѣчь Оливье. Онъ говоритъ, по выраженію Монитёра, что французская нація въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ узнавала факты только изъ преній англійскаго и сардинскаго парламентовъ; но въ Монитёрѣ часто печатались оффиціальныя статьи, излагавшія ходъ дѣла и намѣренія французскаго правительства, — ясно, что Оливье не считаетъ достовѣрнымъ ни одного слова этихъ статей. Онъ жалѣетъ, по выраженію Монитёра, что четыре мѣсяца правительство не предлагало Законодательному Корпусу итальянскаго вопроса и сообщаетъ ему объ этомъ дѣлѣ, когда оно уже рѣшено,—ясно, что ораторъ говорилъ о пренебреженіи правами Закодательнаго Корпуса, а права эти понималъ такъ, что правительство было обязано не дѣлать ничего важнаго безъ его согласія. Ораторъ думалъ, по выраженію Монитёра, что правительство хочетъ вести войну для уничтоженія трактатовъ 1815 года относительно Италіи, т. е. для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, но въ рѣшительную минуту въ немъ пробудилось сомнѣніе, — ясно, онъ говорилъ, что никогда не вѣрилъ въ намѣренія правительства освободить Италію, а теперь имѣетъ въ рукахъ доказательства основательности своего невѣрія. Это доказательство доставлено словами англійскаго министра, что Франція соглашалась вести переговоры на основаніяхъ трактатовъ 1815 года. Но Монитёръ также излагалъ основанія переговоровъ, и ясно, что Оливье выставляетъ разнорѣчіе Монитёра съ истиной, доказанной преніями англійскаго парламента; онъ говоритъ, что Монитёръ скрывалъ

факты, излагалъ дѣло въ ложномъ видѣ; но теперь Валевскій и Барошъ говорили согласно съ Монитёромъ,—ясно, какой характеръ придаетъ Оливье ихъ словамъ. По выраженію Монитёра, онъ былъ бы радъ, если бы объяснилось его сомнѣніе,—ясно, онъ требовалъ у министровъ отчета въ противорѣчіи оффиціальныхъ изложеній съ фактами; Валевскій подтвердилъ факты, обнаруженные англійскимъ парламентомъ: это значитъ, Валевскій былъ принужденъ сознаться, что до сихъ поръ лгалъ. Наконецъ, въ предпослѣднемъ параграфѣ рѣчи, несмотря на всѣ искаженія, сдѣланныя протоколомъ въ словахъ Оливье, смыслъ остался такъ рѣзокъ, что не требуетъ поясненій. Можно идти въ Италію за тѣмъ, чтобы освободить ее, можно идти за тѣмъ, чтобы поработить ее больше прежняго, говоритъ Оливье въ этомъ параграфѣ. Зачѣмъ посылаютъ туда теперь французовъ, продолжаетъ онъ, можно знать по результатамъ римской экспедиціи. Исторія этой экспедиціи извѣстна: когда она отправлялась, Наполеонъ III, бывшій тогда еще президентомъ республики, говорилъ, что цѣль экспедиціи спасти Римъ отъ австрійцевъ, а кончилась экспедиція тѣмъ, что французы поддерживаютъ въ Римѣ правительство, которое угнетаетъ римлянъ хуже, нежели австрійцы угнетаютъ ломбардцевъ. Послѣдній параграфъ протокола заключаетъ въ себѣ мысль самую горькую: „война начинается при счастливыхъ условіяхъ, но мы готовы защищать Францію отъ вторженія иностранцевъ“, говоритъ Оливье. Ясно, что это значитъ: Оливье говорилъ, что самыя счастливыя обстоятельства разрушаются коварствомъ излишней хитрости, которое наконецъ должно возстановить противъ себя всю Европу; Европа увидитъ, что Ломбардія была только предлогомъ для завоевательной политики; Европа увидитъ, что должна защищать сама себя, а не Австрію, составится новая коалиція и повторятся событія 1813 и 1814 годовъ. Кажется, этого было бы довольно; но имена Гоша и Марсо, упоминаемые Монитёромъ, свидѣтельствуютъ о мысли еще болѣе рѣзкой: безъ сомнѣнія, Оливье противопоставлялъ этихъ республиканскихъ генераловъ Наполеону I и указывалъ на то, что европейская коалиція, которая легко побѣдитъ императорскую Францію, можетъ быть побѣждена только республиканскою Франціею.

Къ такимъ-то рѣчамъ въ Законодательномъ французскомъ Корпусѣ открывается теперь возможность; большинство, составленное изъ людей, до сихъ поръ восторженно хвалившихъ нынѣшнюю систему, вдругъ охладѣло къ ней и дозволяетъ возвышать голосъ немногимъ республиканцамъ, находящимся въ Законодательномъ Корпусѣ; мало того, что оно позволяетъ имъ говорить,—вѣроятно, оно слишкомъ сочувствуетъ имъ за протестъ противъ намѣреній императора, если самъ графъ Морни, президентъ Законодательнаго Корпуса, принужденъ былъ терпѣть рѣчь Эмиля Оливье.

Но зачѣмъ догадки о чувствахъ большинства, такъ недавно бывшаго преданнымъ нынѣшней системѣ? Холодность, съ которою принимаетъ оно сообщенія и объясненія правительства, достаточно свидѣтельствуетъ о его чувствахъ. Но опять, зачѣмъ мы говоримъ о заключеніяхъ, выводимыхъ изъ молчанія и холодности? Бывшіе панегиристы правительства уже не довольствуются молчаніемъ; черезъ два дня послѣ преній о контингентѣ происходили пренія о займѣ, и вотъ что разсказываетъ парижскій корреспондентъ

Times'а о засѣданіи Законодательнаго Корпуса 29 апрѣля. Въ предисловіе къ его разсказу мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: слова Плишона онъ буквально беретъ изъ протокола, напечатаннаго въ Монитёрѣ, и беретъ далеко не все рѣзкое, сохраненное изъ нихъ даже Монитёромъ. Можно по этому судить, какова въ дѣйствительности была рѣчь этого депутата, до сихъ поръ восхищавшагося второю имперіею.

«Большое удивленіе было возбуждено свободою, съ которой говорили противъ войны многіе члены, до сихъ поръ бывшіе раболѣпными приверженцами (*servile followers*) правительства, и просторомъ, который былъ дозволенъ ихъ рѣчамъ вицепрезидентомъ Законодательнаго Корпуса г. Шнейдеромъ, предсѣдательствовавшимъ въ этотъ день. Если бы болѣзнь не помѣшала быть въ засѣданіи президенту, г. Морни, то, вѣроятно, не было бы такого простора. Особенно энергиченъ былъ языкъ г. Плишона. Онъ началъ тѣмъ, что не чувствуетъ никакой симпатіи къ большей части мнѣній г. Оливье, республиканскаго депутата, говорившаго въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій, но соглашается съ нимъ въ одной мысли,—въ той мысли, что «невыносимо для страны, столь долго имѣвшей всю полноту политической жизни, терпѣть такое положеніе, что факты, относящіеся къ ней, она должна узнавать отъ иностранцевъ». Еще невыносимѣе, прибавилъ онъ, что вопросы, отъ которыхъ зависитъ будущность страны, завязываются и рѣшаются безъ всякаго участія Законодательнаго Корпуса. «Я подалъ голосъ за увеличеніе нашихъ военныхъ силъ (продолжалъ г. Плишонъ), потому что наши войска уже перешли границу, стало быть мы обязаны поддерживать честь французскаго знамени и поздно намъ разсуждать. Но еслибы вопросъ не былъ уже рѣшенъ безъ насъ; еслибы я могъ разсматривать, имѣетъ ли Франція какую нибудь надобность вмѣшиваться въ эту войну, я сказалъ бы: нѣтъ. Я вотировалъ съ прискорбіемъ, потому что имѣлъ глубокое убѣжденіе, что правительство безъ надобности впутало нашу страну въ войну, исполненную риска и опасности, для результатовъ, по крайней мѣрѣ невѣрныхъ, чтобы не сказать болѣе. Изъ сообщеній, сдѣланныхъ правительствомъ, рѣшительно не видно, чтобы австрійская политика въ Италіи подвергала опасности честь или спокойствіе Франціи, или равновѣсіе Европы». Далѣе онъ замѣтилъ, что политическое положеніе Италіи вовсе не ново; что со времени возникновенія этого положенія было во Франціи много разныхъ правительствъ и ни одно изъ нихъ не находило это положеніе столь важнымъ для интересовъ Франціи, чтобы завязывать войну для его прекращенія. Онъ спросилъ, будетъ ли эта война революціонная или политическая, должна ли она быть отрицаніемъ или продолженіемъ политики, внушившей римскую экспедицію? Будетъ ли цѣлью ея только изгнаніе австрійцевъ, или независимость и единство Италіи? Онъ спросилъ, какъ далеко хочетъ идти правительство и на чемъ оно думаетъ остановиться? «Каждому видны, заключилъ г. Плишонъ, жертвы, которыхъ будетъ стоить Франціи эта война; но никто не видитъ, какую выгоду Франція получитъ отъ нея. Да, ничего не можетъ она получить отъ нея, кромѣ развѣ пустой славы,—это будетъ единственнымъ вознагражденіемъ ея за кровь ея дѣтей». Г. Плишону отвѣчалъ г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта. Онъ сказалъ, что Франція воюетъ потому, что на нее напали. Франція объявила, что если австрійцы нападутъ на Піэмонтъ, она обязана защищать его. Другихъ причинъ къ войнѣ нѣтъ. Послѣ того всталъ просить слова г. Жюль Фавръ, знаменитый республиканскій адвокатъ.

Рѣчь Жюля Фавра занимала важнѣйшее мѣсто въ засѣданіи 29 апрѣля; мы приводимъ вполнѣ всю часть протокола, въ которой излагаются его слова. Читатель замѣтитъ какой смыслъ должно было имѣть въ дѣйствительности замѣчаніе президента, предшествовавшее словамъ Жюля Фавра. Президентъ просилъ палату слушать спокойно съ увѣренностью, что ораторъ не скажетъ ничего оскорбительнаго для чувствъ палаты; это служило напоминаніемъ ора-

тору, что позволеніе говорить дается ему подъ условіемъ соблюдать осторожность въ словахъ. Но въ благодарности президенту, которой начинаетъ Жюль Фавръ, содержится прямой отказъ скрывать свои мысли. Потомъ онъ возстаетъ противъ Плишона,—это за то, что Плишонъ высказывалъ боязнь войны съ революціоннымъ характеромъ. Жюль Фавръ доказываетъ, что если война не будетъ имѣть революціоннаго характера, то не зачѣмъ начинать ее; и вся его рѣчь состоитъ въ развитіи двухъ мыслей, одинаково враждебныхъ нынѣшней системѣ; онъ доказываетъ, что война необходимо должна была бы имѣть революціонный характеръ; потомъ доказываетъ, что правительство хочетъ вести ее въ консервативномъ духѣ съ единственной цѣлью упрочить свое существованіе славою побѣдъ, безъ всякаго намѣренія улучшить положеніе Италіи. Но прочтемъ изложеніе самой рѣчи, представленное Монитёромъ.

«Г. Жюль Фавръ требуетъ рѣчи.

«Г. Президентъ, давая рѣчь г. Жюлю Фавру, проситъ палату слушать его не перерывая. Искусство, съ которымъ г. Фавръ владѣетъ рѣчью, должно служить палатѣ ручательствомъ за то, что рѣчь оратора будетъ сообразна съ важностью обстоятельствъ; потому г. президентъ проситъ палату слушать эту рѣчь, не перерывая.

«Г. Жюль Фавръ благодаритъ Г. Президента за доброжелательную мысль его замѣчанія, но требуетъ полной независимости своимъ объясненіямъ. Онъ постарается не оскорбить палату ни однимъ изъ своихъ словъ. Если онъ принимаетъ участіе въ настоящемъ преніи, онъ дѣлаетъ такъ по убѣжденію, что это преніе необходимо, и требуетъ болѣе глубокаго разъясненія.

«Ни мало не одобряя нѣкоторыхъ словъ, произнесенныхъ г. Плишономъ, ораторъ понимаетъ ихъ. По мнѣнію достопочтеннаго члена, очевиднѣйшею истиною принимается то, чтобы война могла являться совершенно оправданной, чтобы ея причина была ясно указана и цѣль ея ясно опредѣлена.

«Достопочтенный членъ указываетъ не несообщеніе извѣстій, какъ на нѣчто очень замѣчательное. Онъ не можетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ Франція могла быть ввергнута въ войну, которая можетъ обнять всю Европу, и представители страны могли быть не призваны своевременно къ выраженію своего мнѣнія. Но если Законодательному Корпусу не дано было направлять ходъ событій, если теперь онъ не имѣетъ права отказывать нашей арміи въ средствахъ съ блескомъ явиться на театрѣ дѣйствій, то члены палаты имѣютъ право спрашивать о причинѣ и о цѣли войны.

«Свѣдѣнія, сообщенныя правительствомъ, не бросили особеннаго свѣта на вопросъ. Правительство промолчало послѣ рѣчи г. Оливье. А между тѣмъ при настоящихъ обстоятельствахъ объясненія должны казаться необходимыми Г. Министръ иностранныхъ дѣлъ прочелъ палатѣ изложеніе событій, но по мнѣнію оратора въ этомъ объясненіи нѣтъ откровенности относительно одного пункта, и этотъ недостатокъ откровенности кажется ему ошибкою и опасностью.

«Въ настоящее засѣданіе г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что война теперь начата и трактаты разорваны. Ораторъ спрашиваетъ, не нужно ли въ такомъ случаѣ самымъ точнымъ образомъ опредѣлить положеніе дѣлъ. Каждый членъ палаты желаетъ, чтобы война была счастлива и кратковременна. Но для этого надобно, чтобы она воспламенила сердца, а для этого нужно, чтобы необходимость ея была доказана всѣмъ, чтобы всѣмъ была показана святость и нравственность ея причины.

«Документъ, прочитанный г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, говоритъ, что Франція постоянно желала мира, что она и теперь желаетъ его, что она вела переговоры для этой цѣли. Ораторъ протестуетъ противъ этихъ выраженій. Г. президентъ государственнаго совѣта сказалъ, что Франція сражается только потому, что на нее напали; но, по мнѣнію оратора, война имѣетъ цѣль болѣе высокую. Воевать для соб-

ственной защиты,—такая политика невозможна для Тюильри. Правительство должно умѣть лучше держать знамя Франціи. По убѣжденію оратора, французское правительство хотѣло войны и готовило ее. Отвѣтственность за войну должна лежать на правительствѣ.

«Достопочтенный членъ проситъ возвратиться мыслью годъ назадъ. Ничто не показывало тогда, что миръ будетъ нарушенъ. Тюильрійскій кабинетъ выразилъ свою заботливость объ Италіи среди этого совершеннаго спокойствія; онъ высказалъ тогда мысль, что надобно произвесть реформу въ нѣкоторыхъ итальянскихъ государствахъ, и возставалъ противъ возрастающаго существованія Австріи. Положеніе, принятое французскимъ правительствомъ, его слова, допускаемыя имъ статьи и брошюры, все это встревожило Австрію за владычество въ Италіи, все это показывало, что трактаты 1815 г. колеблятся въ своемъ основаніи.

«По мнѣнію оратора, такой образъ дѣйствій необходимо долженъ былъ имѣть двоякое послѣдствіе: глубоко взволновать Италію и встревожить вѣнскій кабинетъ, т. е. заставить его усилить стѣснительныя мѣры, которыми онъ обременялъ Италію. 40 лѣтъ Австрія господствуетъ въ Италіи насиліемъ, терроризмомъ, инквизиціею, полиціею, ссылками, конфискаціею, многочисленными крѣпостями, которыя она считаетъ неприступными и которыми ограждаетъ она свою непопулярность. Она думала, что, увеличивъ силу средствъ разрушенія и порабощенія въ этой благородной и несчастной странѣ, она восторжествуетъ надъ всѣмъ. Она подавила все, кромѣ сердецъ: сердца ускользнули отъ тиранства, и непримиримостью своей вражды протестуютъ противъ нарушенія вѣчныхъ законовъ, на которыхъ основываютъ они свой протестъ. Но, прибавляетъ ораторъ, насиліе бываетъ только фактомъ временнымъ и никогда не можетъ основать прочнаго правительства.

«Притомъ же явилось для Франціи затрудненіе, о которомъ не думали уполномоченные Вѣнскаго конгресса, затрудненіе въ тысячу разъ опаснѣйшее всѣхъ тайныхъ обществъ, поражающихъ во мракѣ. Австрія подвергается явной опасности отъ развитія свободы передъ лицомъ деспотизма. Потому Австрія почувствовала необходимость вести противъ Піэмонта глухую вражду. Но Піэмонтъ имѣетъ за себя святость и справедливость своего дѣла и нравственную поддержку во всѣхъ благородныхъ людяхъ. Его молодой король составляетъ гордость своего народа и хочетъ отмстить за смерть своего благороднаго, славнаго и несчастнаго отца. Помощникомъ піэмонтскаго короля находится государственный человѣкъ, возвеличенный мыслью, что онъ долженъ освободить Италію, что это должно быть дѣломъ его жизни, — государственный человѣкъ, написавшій на знамени Піэмонта девизъ: «независимость Италіи», т. е. изгнаніе австрійцевъ.

«Ораторъ спрашиваетъ, правда ли, что тѣ волненія, которыя въ настоящую минуту обнаруживаются въ Италіи, движеніе, которое разливается въ ней и которое уже низвергло шаткій тосканскій престолъ,—правда ли, что эти волненія одобряются Тюильрійскимъ кабинетомъ? Французское правительство услышало жалобы итальянцевъ и сдѣлалось ихъ эхомъ; оно недавно укрѣпило договоромъ и брачнымъ союзомъ старинныя связи между Франціею и савойскимъ домомъ. Правительство въ своей политикѣ было вѣрно преданіямъ Франціи и ораторъ убѣжденъ, что Франція будетъ могущественна только тогда, когда Италія будетъ свободна и обновлена. Разбивать цѣпи рабства, изгонять властителей, умѣющихъ господствовать только насиліемъ, таково, по мнѣнію достопочтеннаго члена, призваніе Франціи.

«Ораторъ знаетъ, что была рѣчь о конгрессѣ, на которомъ дипломаты думали мирно разрѣшить эти вопросы; дипломаты способны на все, но эта надежда ихъ всегда казалась оратору химерою. Конгрессъ невозможенъ, если на немъ нѣтъ Піэмонта; а если является на немъ Піэмонтъ, удаляется съ него Австрія. Но, удаляясь, она губитъ себя, потому что удаляется отъ цивилизаціи и человѣчества.

«И такъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только войною, потому ораторъ считаетъ необходимостью, чтобы въ точности была извѣстна политика и цѣль Франціи. Причиною войны служитъ угнетеніе Италіи, оно вредно для Франціи. Чтобы отстранить этотъ вредъ, рѣшена теперь война и эта война не должна имѣть никакой другой

цѣли, какъ независимость Италіи. Это говоритъ Піэмонтъ въ своей прокламаціи, и нашъ союзникъ не можетъ быть обманутъ.

«Потому оратору кажется, что невозможно имѣть сомнѣній относительно цѣли войны. Но онъ не можетъ удержаться отъ воспоминанія, относящагося къ 1849 году, къ эпохѣ римской экспедиціи. Въ 1849 году онъ имѣлъ нѣкоторое опасеніе за результатъ экспедиціи. Члены тогдашняго правительства отвѣчали ему, ручаясь своимъ словомъ, что не будетъ сдѣлано никакихъ покушеній противъ свободы; а между тѣмъ извѣстно, что произошло. По мнѣнію оратора, результатомъ римской экспедиціи было возстановленіе правительства, которое ненавистно жителямъ Церковной Области и которое всѣ кабинеты признаютъ дурнымъ.

«Чтобы устранить всякую неизвѣстность, ораторъ проситъ г. президента государственнаго совѣта сказать ему, ошибается ли онъ въ истолкованіи истинной причины и цѣли войны. По мнѣнію оратора, Франція обнажила мечъ за независимость Италіи и не должна влагать его въ ножны, пока остается хотя одинъ австріецъ на итальянской землѣ. Если правительство находитъ, что мысль оратора слишкомъ обширна, онъ проситъ отвѣчать ему на вопросъ: обнаружившееся волненіе уже низвергло престолы австрійскихъ вассаловъ; намѣрено ли правительство возстановлять ихъ? Если правительство кардиналовъ будетъ низвергнуто, то будутъ ли проливать кровь римлянъ для возстановленія этого правительства?

«По мнѣнію оратора, это невозможно. Ему не кажется даже, чтобы правительству нужно было давать объясненія объ этомъ. Довольно будетъ и того, если правительство промолчитъ. Дилемма теперь такова: или надобно измѣнить Италіи и Піэмонту, или надобно освободить Италію, т. е. изгнать изъ нея австрійцевъ. Ораторъ хочетъ думать, что если правительство не отвергнетъ прямо политику втораго рода, то оно принимаетъ ее. Ограничивать роль Франціи войною чисто оборонительною, это значило бы косвеннымъ образомъ дѣлать Францію союзницею Австріи, упрочивать австрійское господство и отдавать Италію на жертву всѣмъ бѣдствіямъ реакціи.

«Ораторъ убѣжденъ, что никто не можетъ желать такого результата; потому онъ убѣжденъ, что французы теперь идутъ на освобожденіе Италіи и что независимость ея составляетъ цѣль войны. Достопочтенный членъ прибавляетъ, что во внутренней политикѣ не можетъ быть никакого примиренія между нимъ и правительствомъ, пока Франція остается угнетена нынѣшнею системою.

«Г. Барошъ, президентъ государственнаго совѣта, говоритъ, что такое выраженіе не должно быть терпимо. Франція не угнетена нынѣшнею системою; напротивъ, Франція поднята нынѣшнею системою.

«Г. Президентъ замѣчаетъ, что г. Жюль Фавръ, произнося употребленное имъ выраженіе, забылъ, что нынѣшнее правительство было одобрено нѣсколько разъ поразительнымъ согласіемъ неизмѣримаго большинства націи.

«Г. Жюль Фавръ говоритъ, что единственнымъ его намѣреніемъ было честно выразить его мысль о войнѣ. Если Франція и правительство думаютъ о войнѣ также, какъ онъ, то какъ бы велико ни было его несогласіе съ правительствомъ во внутренней политикѣ, онъ будетъ энергически поддерживать правительство противъ внѣшнихъ враговъ».

Даже по этому искаженному извлеченію видно, что Жюль-Фавръ говорилъ съ самой ѣдкой ироніей. Даже Мопитёръ не съумѣлъ скрыть фразы о неестественности порядка, при которомъ Франція могла быть ввергнута въ войну безъ согласія своихъ представителей. Требовать отъ правительства объясненій послѣ того, какъ оно своимъ молчаніемъ подтвердило слова Оливье, — требовать послѣ этого новыхъ объясненій и все-таки доказывать, что война, вѣроятно, будетъ ведена для освобожденія Италіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ напоминать о римской экспедиціи, — это значило горько смѣяться. Наконецъ, рѣзкое выраженіе объ угнетеніи Франціи при нынѣшней системѣ

свидѣтельствуетъ о такой смѣлости рѣчи, какую рѣдко позволяли себѣ ораторы и въ Палатѣ Депутатовъ при Луи-Филиппѣ. Какъ ни скрашиваетъ Монитёръ слова, сказанныя Жюлемъ Фавромъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Бароша, все-таки видно, что Барошъ и президентъ не могли заставить его взять назадъ свое выраженіе; и даже по изложенію Монитёра видно, что заключеніе рѣчи о согласіи республиканцевъ съ внѣшнею политикою правительства имѣло смыслъ сарказма.

Заключимъ обзоръ фактовъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ войною во Франціи, письмомъ парижскаго корреспондента Times'а о дѣйствіи, произведенномъ въ Парижѣ прокламаціею императора французовъ.

«Прокламація императора французовъ, явившаяся вчера въ «Монитерѣ», кажется публикѣ слабымъ, но старательнымъ подражаніемъ прокламаціи первой имперіи. Она представляется такою близкою копіею всѣхъ этихъ манифестовъ, сначала производившихъ трескъ, а потомъ потерявшихъ всякую эффектность, что есть люди, указывающіе на нее какъ на свидѣтельство того, что въ прежнія времена было больше умственной свѣжести и оригинальности. Дѣйствительно, нынѣшняя прокламація вовсе не лестнымъ для себя образомъ напоминаетъ о бюллетеняхъ и прокламаціяхъ генерала Бонапарте къ его полу-голодной и полу-нагой арміи, устремлявшейся съ альпійскихъ снѣговъ на плодоносныя ломбардскія долины; напоминаетъ его «приказы» послѣ Лоди, Арколе или Кампо-Форміо, его адресы къ французскому народу при выступленіи въ каждый новый походъ. Одинъ депутатъ изъ Бургони замѣтилъ, что нынѣшняя прокламація точно также относится къ тирадамъ Наполеона I, какъ стаканъ дешеваго вина, разбавленнаго водою, къ рюмкѣ настоящаго шамбертенскаго. Но попадаются люди, которые находятъ, или по крайней мѣрѣ говорятъ, что она очень краснорѣчива. Объ этомъ можете судить, какъ хотите, но она не прошла безъ замѣчаній со стороны людей, читающихъ ее на улицахъ. Они замѣчаютъ съ изумленіемъ (хотя трудно сказать, на какомъ основаніи они изумляются), что она не упоминяетъ ни о сенатѣ, ни о Законодательномъ Корпусѣ, ни о государственномъ совѣтѣ,—ни объ одномъ изъ такъ называемыхъ *grands corps de l'Etat*, «великихъ государственныхъ учрежденій», какъ будто бы они и не существовали въ правительственномъ механизмѣ, не имѣли въ немъ ни нравственнаго, ни матеріальнаго, ни финансоваго значенія. Упоминая объ императрицѣ и наслѣдномъ принцѣ, прокламація ввѣряетъ этихъ августѣйшихъ особъ принцу Іерониму, «брату перваго императора», «храбрости войскъ, остающихся во Франціи», національной гвардіи и вообще народу, но ни слова не говоритъ «Монитеръ» ни о сенатѣ, ни о депутатахъ.

«Министры также «блистаютъ своимъ отсутствіемъ» въ этомъ торжественномъ адресѣ къ французскому народу. Но это менѣе удивительно, если справедливъ слухъ, что кабинетъ распался, что его члены увольняются въ отставку или посылаются въ армію съ напутствіемъ: «идите туда, гдѣ ждетъ васъ слава». Дѣйствительно, говорятъ, что г. Валевскій и г. Фульдъ желали сопровождать императора,—достовѣрно ли это, не умѣю сказать. Государственный министръ и министръ иностранныхъ дѣлъ болѣе всѣхъ членовъ кабинета надѣялись и желали сохраненія мира. Но, съ ироническою хитростью, именно г. Фульдъ и г. Валевскій были избраны для произнесенія воинственныхъ воззваній къ сенату и депутатамъ. Это напоминало о «бѣсѣ проповѣдникѣ» испанской комедіи, въ которой бѣсъ Люзбель принужденъ за наказаніе надѣть костюмъ францисканскаго монаха и проповѣдывать въ луккскихъ церквахъ въ защиту ордена, который онъ особенно ненавидѣлъ и которому особенно вредилъ. Старательность Люзбеля, желающаго поскорѣе кончить обязанность, ненавистную ему, отчаянныя усилія его выдать свое уничиженіе за усердіе, принужденная горячность его проповѣди,—все это было повторено на нашихъ глазахъ. Потому вовсе не удивительно, что прокламація не упоминаетъ о нынѣшнихъ министрахъ, и холодность, съ какою были приняты депутатами важныя сообщенія послѣднихъ дней, можетъ служить объясне-

ніемъ оффиціальному молчанію о депутатахъ. Сенатъ, говорятъ, оказался удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи. Сенатъ и въ первой французской имперіи былъ угодливѣе Законодательнаго Корпуса. Но не должно забывать, что въ часъ несчастія Наполеонъ I именно на сенатъ изливалъ свои горчайшіе сарказмы. Къ сенаторамъ онъ обращался съ упрекомъ за то, что они никогда не имѣли мужества сказать ему истину, безъ сопротивленія и возраженія принимали каждое его распоряженіе, каждое его желаніе. Слова о «неисправимыхъ людяхъ старыхъ партій, постоянно соединявшихся съ врагами отечества», обращены на легитимистовъ и орлеанистовъ и составляютъ, надобно думать, лучшее средство пріобрѣсть ихъ сочувствіе.

«О томъ, выходятъ ли, остаются ли министры, публика, повидимому, мало заботится,—перемѣны интересны только для нихъ самихъ и для желающихъ занять мѣста отставленныхъ. Изъ упоминанія о принцѣ Іеронимѣ должно бы, кажется, слѣдовать, что по крайней мѣрѣ двое или трое изъ нихъ должны быть отставлены. Друзья принца Іеронима говорятъ, что онъ мало вѣритъ въ ихъ преданность царствующей династіи».

Прокламацію императора французовъ мы не приводимъ здѣсь, потому что она слишкомъ извѣстна читателю по газетамъ. Но кому угодно вообще ближе познакомиться съ характеромъ и степенью правдивости военно-дипломатическаго краснорѣчія, тотъ можетъ прочесть двѣ слѣдующія прокламаціи австрійскаго главнокомандующаго. Вотъ что говоритъ Гіулай жителямъ Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій, выступая въ походъ противъ Сардиніи:

«Оскорбленія, наносимыя изъ піэмонтскихъ владѣній императорской фамиліи безумной партіей, противной порядку и закону, и упорство, съ которымъ она отвергаетъ всякія слова миролюбія и примиренія, истощили долготерпѣніе нашего Августѣйшаго Императора и Государя и заставили его прибѣгнуть къ силѣ оружія на побѣдоносную защиту закона и справедливости.

«Волею нашего Государя, я назначенъ главнокомандующимъ арміей и гражданское управленіе Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ соединено въ моихъ рукахъ съ военной властью на время войны съ той минуты, какъ наши царственные орлы и наши славныя знамена переходятъ за ломбардскія границы.

«Энтузіазмъ, съ которымъ ваши молодые люди стали въ ряды императорской арміи, добровольное усердіе, съ которымъ вы удовлетворили нуждамъ нашей храброй арміи, чувство долга, одушевляющее васъ,—все это служитъ для меня ручательствомъ за сохраненіе тишины и общественнаго порядка, не взирая на всѣ ухищренія революціонной партіи».

Конецъ прокламаціи, по выраженію Гоголя,—уже не такъ занимателенъ. Онъ говоритъ о томъ, что для огражденія ломбардцевъ, столь усердныхъ къ австрійскому императорскому дому, отъ злонамѣренныхъ людей, оставляется въ Ломбардіи достаточное число войска. Эта заботливость объ огражденіи усердныхъ ломбардцевъ отъ всякой бѣды со стороны ненавистныхъ имъ коварныхъ злоумышленниковъ носитъ на себѣ характеръ высокой заботливости о благѣ Ломбардо - Венеціанскаго королевства. Но скажите, возвышался ли когда нибудь самъ авторъ Монте-Кристо до такой восхитительной поэзіи, какою проникнуты переведенныя нами строки объ увѣренности Гіулая въ энтузіазмѣ, съ которымъ ломбардскіе юноши бѣгутъ становиться подъ славными знаменами Австріи?...

Но, можетъ быть, читателю интересно точнѣе узнать кроткія добродѣтели Гіулая, находящагося въ столь чувствительныхъ отношеніяхъ къ ломбардо-венеціанцамъ. Отеческая любовь его къ ломбардо-венеціанцамъ доста-

точно характеризуется однимъ анекдотомъ. Однажды Гіулай замѣтилъ Радецкому, помощникомъ котораго былъ, что онъ слишкомъ неосторожно ѣздитъ по миланскимъ улицамъ, потому что какой нибудь итальянскій патріотъ можетъ выстрѣлить въ него. „Не бойтесь, сказалъ Радецкій, они въ меня не будутъ стрѣлять: вѣдь они знаютъ, что послѣ моей смерти главнокомандующимъ сдѣлаетесь вы“.

Но не съ одними ломбардцами Гіулай говоритъ совершенно по душѣ, съ полной откровенностью и правдивостью. Столь же прекрасна и его другая прокламація, къ сардинцамъ. Вы, читатель, быть можетъ полагаете, что только французы идутъ въ Ломбардію освободителями,—вы совершенно ошибаетесь: австрійцы также идутъ въ Сардинію за тѣмъ, чтобы освобождать ее. Вы не знали этого; такъ вотъ же вамъ подлинная прокламація австрійскаго главнокомандующаго.

«Піэмонтцы!

«Переходя ваши границы, мы направляемъ наше оружіе не на васъ.

«Наше оружіе грозитъ партіи безпорядка, которая слаба числомъ, но сильна своею дерзостью, и которая насиліемъ своимъ угнетаетъ васъ, возстаетъ противъ всякаго миролюбиваго слова и нарушаетъ права другихъ итальянскихъ государствъ и Австріи.

«Если вы встрѣтите императорскихъ орловъ безъ ненависти и сопротивленія, они принесутъ вамъ порядокъ, тишину и умѣренность; мирный гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что свобода, честь, законы и собственность будутъ неприкосновенны и священны.

«Мое слово служитъ вамъ ручательствомъ, что человѣколюбіе императорскихъ войскъ нисколько не уступаетъ ихъ храбрости.

«Какъ выразитель великодушныхъ намѣреній моего Августѣйшаго Императора и Государя, я, вступая на вашу землю, провозглашаю и повторяю вамъ обѣщаніе: наша война не есть война противъ народовъ и національностей, но противъ дерзкой партіи, которая подъ обманчивою маскою свободы лишила бы всѣхъ насъ свободы, если бы Богъ нашего оружія не былъ бы и Богомъ правосудія.

«Когда наши противники будутъ побѣждены, когда порядокъ и миръ будутъ возстановлены, вы, называющіе насъ нынѣ врагами, вы тогда назовете насъ вашими освободителями и друзьями».

Наполеонъ III называетъ себя освободителемъ, и Гіулай называетъ себя также освободителемъ, — какъ разобрать, кто изъ нихъ лучшій другъ свободы? Но этотъ вопросъ намъ нѣтъ никакой надобности рѣшать. Мы только излагаемъ факты, да и то, какъ видитъ читатель, почти только чужими словами.

Не знаемъ, многіе ли сардинцы повѣрили Гіулаю, но французскимъ прокламаціямъ вѣритъ множество итальянцевъ. Ближе всего должны быть знакомы съ обѣщаемою свободою римляне, которые уже 10 лѣтъ пользуются правительствомъ, находящимся подъ защитою французскаго войска, и теперь снова ограждаемымъ отъ всякой опасности прокламаціями и многими изустными и письменными увѣреніями французскаго правительства. Но римляне вздумали было воображать, что они итальянцы, и что такъ какъ французы пришли освобождать всю Италію до самаго Адріатическаго моря, то слѣдовательно освобожденіе относится и къ нимъ. Начало своему освобожденію принялись

полагать' они очень идиллическое, именно, ограничились на первый разъ тѣмъ, что раза два собрались подъ окнами генерала Гойона, командующаго французскимъ войскомъ въ Римѣ, и герцога Граммона, французскаго посланника въ Римѣ, и кричали: „да здравствуетъ императоръ!" —„да здравствуетъ Франція!" — „да здравствуетъ Италія!" Намѣренія у нихъ, какъ видимъ, не были слишкомъ человѣкоубійственны или анархичны, но все-таки поступки ихъ нарушали порядокъ, и потому генералъ Гойонъ, вышедши на балконъ, сказалъ народу, махавшему шляпами и платками въ честь ему и Франціи: „Прекрасно, прекрасно, но довольно, довольно!" Послѣ этихъ словъ, столь же ясныхъ, сколь краткихъ, генералъ ушелъ съ балкона, а кардиналъ Антонелли, то же защитникъ свободы, прислалъ полицію, которая арестовала нѣсколькихъ человѣкъ; а на другое утро, въ предупрежденіе дальнѣйшихъ нарушеній порядка и свободы, явилась прокламація Гойона, которая менѣе чувствительна и возвышенна, чѣмъ всѣ прокламаціи, занимавшія насъ до сихъ поръ, но въ которой за то, съ похвальной ясностью, изображены истинныя качества итальянской свободы съ точки зрѣнія Гойона.

«Штабъ-квартира.

«Римъ 26-го апрѣля 1859 года.

«Въ городѣ произошли мирныя, но публичныя манифестаціи. Какова бы ни была наша симпатія къ чувствамъ, ими выражаемымъ, но мы не можемъ допустить ихъ возобновленія. Всякая публичная манифестація, подъ какимъ бы знаменемъ и по какому бы побужденію ни происходила, нарушаетъ порядокъ, и слѣдствіемъ ея всегда бываютъ мѣры, печальныя для тѣхъ, кого онѣ постигаютъ.

«Законъ воспрещаетъ всякія столпленія на улицахъ и повелѣваетъ, чтобы въ случаѣ нужды они были разгоняемы силою.

«Назначенный сюда по приказанію нашего императора, чтобы помогать досточтимому Святѣйшему Отцу облегченіемъ его правительству способовъ сохранять порядокъ, я обязанъ, какъ командиръ вооруженной силы, наблюдать за соблюденіемъ закона. Какъ бы ни прискорбна была эта обязанность, мы неукоснительно исполнимъ ее при всякихъ обстоятельствахъ. Но я надѣюсь, что понятливость и благоразуміе Римскаго народа облегчатъ мнѣ исполненіе моего долга. *Гойонъ*».

Въ этой прокламаціи каждое слово дышетъ самою чистѣйшею правдою, тутъ нѣтъ ни тѣни притворства, генералъ Гойонъ никого не хочетъ вводить въ заблужденіе, и изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, онъ одинъ обращается къ своей публикѣ съ словами, вполнѣ заслуживающими довѣрія. Его образъ дѣйствій мы считаемъ наилучшимъ поясненіемъ того, каковы будутъ для итальянцевъ результаты французскихъ побѣдъ въ Италіи при нынѣшней системѣ.

Если бы нынѣшняя система французскаго правительства хотѣла допускать въ Италіи „безпорядки", въ Римѣ и въ Неаполѣ давно бы произошли перевороты, подобные тому, какой совершился въ Тосканѣ. Стоило бы французамъ сказать въ Римѣ, что они не будутъ стрѣлять по народу, если онъ выразитъ свои чувства, и Римъ давно низложилъ бы папу, и 25.000 римскаго войска пошли бы на усиленіе сардинско-французской арміи. Стоило бы французамъ послать одинъ батальонъ войска въ Неаполь, и тамъ была бы провозглашена конституція, или было бы учреждено временное правительство, и 50.000 неаполитанцевъ пошли бы помогать сардинцамъ. По всей южной

границѣ Ломбардо-Венеціанскихъ владѣній явились бы итальянскія войска, возстаніе въ нѣсколько дней охватило бы эти владѣнія; австрійскіе отряды, оставшіеся тамъ, бѣжали бы въ Мантую и Верону, а вступившая въ Піэмонтъ армія, отрѣзанная отъ всѣхъ сообщеній, должна бы просто положить оружіе. Въ двѣ недѣли, вся кампанія была бы кончена; французамъ осталось бы только блокировать три-четыре крѣпости, и если бы Австрія не заключила мира, черезъ мѣсяцъ она не существовала бы, потому что и Вѣна, и Пештъ, и Аграмъ, и Прага ждутъ только случая, чтобы разсчитаться съ преемниками Виндишгреца за обманы и свирѣпости. Если бы императоръ французовъ хотѣлъ собственно того, чтобы освободить Италію отъ австрійцевъ, такая политика съ его стороны была бы неизбѣжна. Но цѣль его совершенно не такова. Онъ хочетъ собственно того, чтобы увеличить свою военную славу, не допуская безпорядковъ въ Италіи. Потому Неаполь остается спокоенъ, и Римъ принужденъ оставаться спокойнымъ, и только Флоренція, относительно которой французы не успѣли принять никакихъ мѣръ, не была удержана отъ переворота.

Съ самаго начала нынѣшняго года, люди умѣренной конституціонной партіи старались убѣдить австрійскаго эрцгерцога Леопольда II, царствовавшаго въ Тосканѣ, что если онъ хочетъ сохранить свой престолъ, ему необходимо сблизиться съ Піэмонтомъ и провозгласить себя защитникомъ итальянской независимости. Само собою разумѣется, что онъ отвергалъ эти совѣты; онъ говорилъ, что величайшая уступка, на какую онъ можетъ рѣшиться, будетъ сохраненіе нейтралитета между Австріею и Піэмонтомъ. Неудовольствіе въ народѣ увеличилось, но Леопольдъ II былъ нѣсколько лучше другихъ итальянскихъ государей, держащихся австрійской стороны, потому лично ему не угрожала никакая опасность со стороны народа, роптавшаго только на его политику. Особенно опаснымъ казался народу генералъ Феррари, главнокомандующій тосканскихъ войскъ, который прежде находился въ австрійской службѣ и пропитался тамъ антинаціональнымъ направленіемъ. 24-го апрѣля, когда во Флоренціи получено было извѣстіе объ австрійскомъ ультиматумѣ, жители начали сильнѣе прежняго говорить, что стыдно было бы измѣнять національному дѣлу. Въ этотъ день (пасхальное воскресеніе) хотѣли просить герцога, когда онъ пойдетъ изъ церкви во дворецъ, чтобы онъ отставилъ Феррари. Но потомъ стали говорить, что самъ герцогъ увидитъ эту необходимость, и первый день Пасхи прошелъ безъ демонстрацій. Въ понедѣльникъ разыгрывалась во Флоренціи лоттерея, на которую сходится множество народа изъ окрестностей; но спокойно прошелъ и этотъ день, хотя Феррари сдѣлалъ поступокъ, какъ бы нарочно вызывавшій къ возстанію. Братъ одного изъ офицеровъ тосканскаго войска отправлялся волонтеромъ въ Піэмонтъ; офицеръ поѣхалъ провожать брата въ Ливорно и обнималъ его при прощаніи. Феррари велѣлъ схватить этого офицера и заковать въ цѣпи; но всѣ другіе офицеры объявили, что вооруженной силой освободятъ заключеннаго. Феррари освободилъ его и тѣмъ кончилось дѣло. Сами австрійцы признаются, что жители Тосканы держали себя съ удивительнымъ самоотверженіемъ, все еще надѣясь, что герцогъ пойметъ свои обязанности къ Италіи. 26-го апрѣля срокъ австрійскаго ультиматума кончился; австрійцы готовились

перейти Тичино, французы прибыли въ Геную. Флорентинцы увидѣли, что невозможно болѣе медлить. Офицеры и солдаты тосканской арміи начали говорить, что не могутъ измѣнить отечеству и не захотятъ рѣзать народъ. На улицахъ показались трехцвѣтныя итальянскія кокарды. Повсюду слышались крики: „да здравствуетъ Италія!" 27-го апрѣля всѣ улицы были наполнены народомъ, но особенно толпился онъ передъ герцогскимъ дворцомъ. Въ цитадели Св. Георгія, господствующей надъ Флоренціей, еще съ августа мѣсяца хранился запечатанный конвертъ. 27-го апрѣля, поутру, въ половинѣ девятаго, эрцгерцогъ Карлъ, сынъ Леопольда, отправился въ цитадель, созвалъ офицеровъ, распечаталъ передъ ними конвертъ и прочелъ содержавшуюся въ немъ бумагу. Она заключала приказаніе бомбардировать Флоренцію, написанное генераломъ Феррари, съ подробными распоряженіями о томъ, какъ производить бомбардировку. Эрцгерцогъ Карлъ спросилъ, много-ли въ крѣпости зарядовъ и сколько орудій можетъ быть наведено на городъ. Комендантъ цитадели отвѣчалъ, что онъ и его товарищи готовы защищать великаго герцога и его семейство, еслибъ членамъ династіи лично угрожала опасность, но не могутъ стрѣлять по народу за то, что онъ выказываетъ чувство національности, раздѣлять которое сама армія считаетъ долгомъ чести. Герцогъ, убѣдившись, что армія не хочетъ начинать междоусобную войну и истреблять городъ, долженъ былъ отказаться отъ проэкта бомбардировки. Жители Флоренціи, собравшіеся на площади передъ дворцомъ, послали къ Леопольду депутацію, которая убѣждала его, что единственнымъ средствомъ сохранить престолъ своей династіи остается ему отреченіе въ пользу старшаго сына Фердинанда, которому народъ еще можетъ довѣрять, между тѣмъ какъ самому герцогу никто уже не вѣритъ послѣ событій 1849 года. Герцогъ отвѣчалъ, что не откажется отъ власти, и послалъ за маркизомъ Лаятико, однимъ изъ главныхъ людей умѣренной національной партіи, чтобы поручить ему составленіе министерства въ либеральномъ духѣ. Но, посовѣтовавшись съ своими друзьями, маркизъ отвѣчалъ, что необходимо отреченіе великаго герцога въ пользу старшаго сына. Герцогъ и тутъ не согласился, и сталъ готовиться къ отъѣзду. Все это было 28-го числа, поутру; около четырехъ часовъ герцогъ уѣхалъ съ своимъ семействомъ. Толпы народа молча пропускали поѣздъ, не произнося ни одного оскорбительнаго слова. Въ половинѣ осьмаго, вечеромъ, муниципальное начальство города Флоренціи обнародовало, что должно было принять на себя заботу объ учрежденіи новой администраціи, по удаленіи герцога со всѣмъ семействомъ. Временное правительство, назначенное городскимъ начальствомъ, объявило, что Тоскана ввѣряетъ свою судьбу королю сардинскому, вручаетъ ему диктаторскую власть на время войны и проситъ его прислать коммиссара для управленія дѣлами. Сардинскій король отвѣчалъ, что принимаетъ на себя только завѣдываніе военными дѣлами для борьбы съ австрійцами. Вооруженія въ Тосканѣ производятся очень дѣятельно и она усиливаетъ 15-ти тысячнымъ корпусомъ сардинскую армію. Леопольдъ съ своимъ семействомъ безъ всякихъ затрудненій выѣхалъ за границу и теперь находится въ Вѣнѣ.

Часть герцогства Моденскаго, лежащаго между Сардиніей и Тосканой (Масса и Каррара), также послѣдовала примѣру Тосканы и присоединилась къ Піэмонту въ военномъ отношеніи. Въ остальной части Моденскаго герцогства народъ долженъ былъ оставаться спокойнымъ, потому что слишкомъ близко находятся

сильные австрійскіе отряды въ ломбардскихъ областяхъ и въ Феррарѣ. Приближеніе австрійцевъ возстановило власть герцогини Пармской, которая была принуждена дня на два удалиться изъ своихъ владѣній.

Въ Неаполѣ продолжается тревожное ожиданіе потрясеній, которыя должны послѣдовать за смертью Фердинанда II, лежащаго теперь въ медленной и мучительной агоніи.

Таково было положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 (1) мая. Война до сихъ поръ сохраняла чисто политическій характеръ; императоръ французовъ рѣшительно не хочетъ возбуждать революціонныхъ движеній, и гдѣ можетъ, какъ напримѣръ въ Римѣ, поддерживаетъ существующій порядокъ противъ недовольныхъ. Онъ не довѣряетъ ни народному энтузіазму, ни волонтерамъ, и до сихъ поръ могъ остаться вѣренъ своей мысли, выставлять только солдатъ противъ австрійскихъ солдатъ. Если борьба будетъ сохранять такой характеръ, австрійцы могутъ очень долго тянуть ее, владѣя Вероною, Леньяно, Мантуею и Пескьерою. Четырехугольникъ, образуемый этими крѣпостями, изъ которыхъ особенно сильны Верона и Мантуя, находится въ самомъ центрѣ ихъ итальянскихъ владѣній. Выбить ихъ изъ него будетъ дѣломъ очень труднымъ, если и предположить, что они, потерявъ нѣсколько сраженій, принуждены будутъ отступить до Минчіо и Аддидже въ нынѣшій походъ.

Если война продолжится болѣе одного кратковременнаго похода,—въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, — то нѣтъ ей возможности не распространиться далеко за предѣлы Италіи. Нейтральныя державы, при нынѣшней дипломатической системѣ, по необходимости будутъ съ каждымъ мѣсяцемъ ближе и ближе втягиваться въ этотъ водоворотъ, пока онъ совершенно увлечетъ ихъ. Въ Западной Европѣ важны въ военномъ отношеніи только Пруссія съ Германскимъ союзомъ, который теперь совершенно подчиняется ея руководительству, и Англія.

О томъ, какую роль въ войнѣ будетъ играть Германія, едва ли надобно говорить. Она будетъ противъ Франціи. Вопросъ объ этомъ только вопросъ о времени и поводѣ открытія военныхъ дѣйствій. И Пруссія, и всѣ второстепенныя державы Германскаго союза уже приготовили свои войска къ выступленію въ походъ,—разумѣется, не противъ Австріи. Германія можетъ выставить на Рейнъ 500,000 войска, кромѣ гарнизоновъ, которые останутся въ крѣпостяхъ по западной границѣ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о войнѣ въ Англіи, но самымъ краткимъ образомъ можно опредѣлить намѣренія Англіи двумя словами: она чрезвычайно желала бы сохранить нейтралитетъ, но предчувствуетъ, что должна будетъ взяться за оружіе для собственной защиты, и въ такомъ случаѣ будетъ вести войну самымъ энергическимъ образомъ. Эти двѣ черты вопроса очень живо и полно выражены въ рѣчахъ, которыя Брайтъ и Робекъ сказали на выборахъ своимъ избирателямъ. Брайтъ выставляетъ первую черту нынѣшняго англійскаго взгляда на войну—гибельность войны, желаніе сохранить миръ, если бы это было возможно, проклинаетъ тѣхъ, кто заставитъ Англію взяться за оружіе. Робекъ говоритъ о томъ, что какъ бы то ни было, война неизбѣжна, и когда она начнется, Англія страшно накажетъ тѣхъ,

кто нарушилъ ея спокойствіе. Мы помѣщаемъ въ приложеніи эти замѣчательныя рѣчи.

Но вотъ коротенькій отчетъ изъ Times'а объ успѣхѣ митинга, который былъ созванъ въ Гайдъ-Паркѣ однимъ изъ немногихъ простодушныхъ и довѣрчивыхъ людей, воображающихъ, что война начата для освобожденія Италіи. Читатель увидитъ изъ этихъ строкъ, какой успѣхъ имѣютъ подобныя мысли въ Англіи.

«Вчера вечеромъ многочисленный митингъ былъ собранъ въ Гайдъ-Паркѣ, съ цѣлью предложить адресъ къ императору Наполеону для выраженія симпатіи императору за образъ дѣйствій, принятый имъ въ итальянскихъ дѣлахъ. Этотъ митингъ былъ созванъ докторомъ Уэббомъ, который и предсѣдательствовалъ. Предсѣдатель, открывая совѣщаніе сказалъ, что онъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ радикаловъ въ королевствѣ. Изложивъ митингу причину, по которой онъ созванъ, докторъ Уэббъ прочелъ адресъ императору, выражавшій одобреніе ему за образъ дѣйствій, принятый имъ для освобожденія итальянцевъ отъ австрійскаго тиранства. Мистеръ Ментель (одинъ изъ главныхъ людей радикальной партіи въ Лондонѣ) сказалъ тогда рѣчь, объяснявшую, что онъ не вѣритъ императору французовъ. Потомъ мистеръ Ментель предложилъ поправку, осуждающую адресъ доктора Уэбба къ императору. Поправка была положена на голоса и принята единодушно, а предложеніе доктора Уэбба послать адресъ къ императору французовъ было отвергнуто».

Мысль о томъ, что, при желаніи сохранить миръ, Англія вынуждена будетъ воевать противъ Франціи, давно замѣчалась въ англійскихъ государственныхъ людяхъ всѣхъ партій, тори, виговъ и радикаловъ, Дерби, Пальмерстона и Робека, и высказывалась газетами, которыя въ результатѣ всегда остаются руководительницами событій; но съ особенною силою вспыхнула эта мысль при слухѣ о союзѣ между Россіею и Франціей. Никакія увѣренія министровъ въ томъ, что слухи о русско-французскомъ союзѣ неосновательны, не помогли дѣлу. Англичане остались при мысли, что Франція задумываетъ напасть на Англію, отнять у ней владычество на моряхъ и ищетъ или уже нашла союзниковъ. Эта мысль имѣетъ рѣшительное вліяніе на ихъ расположеніе. Давно уже производились вооруженія, теперь они приняли гигантскій размѣръ, передъ которымъ ничтожны кажутся всѣ вооруженія, сдѣланныя въ крымскую войну.

Начались уже и дипломатическія столкновенія съ Франціею, предшествующія войнѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна протестація англичанъ противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойскія Альпы. По трактатамъ 1815 года австрійскія владѣнія въ Италіи были увеличены собственно съ тою цѣлью, чтобы Австрія вмѣстѣ съ Піэмонтомъ служила оплотомъ противъ попытокъ Франціи къ новому завоеванію Италіи. Чтобы еще больше укрѣпить оборону, было постановлено, что часть Савойи, служившая въ то время обыкновеннымъ путемъ изъ Франціи въ Италію, при всякихъ войнахъ должна оставаться нейтральною и охраненіе ея нейтралитета было поручено Швейцаріи. Когда разнеслись слухи о намѣреніи французовъ идти черезъ Савойю, Швейцарія встревожилась и потребовала объясненій у французскаго правительства. Но противъ Швейцаріи Франція дѣйствительно не имѣетъ пока никакихъ замысловъ и потому Швейцарія могла получить объ-

ясненіе, совершенно успокоившее ее. Всѣ недоразумѣнія были уже устранены, когда французскія войска пошли черезъ Савойю, и притомъ шли они по такимъ частямъ этой области, которыя Швейцарія признала не входящими въ границу нейтральности; итакъ она не имѣетъ ни малѣйшей претензіи на движенія французскихъ войскъ черезъ Савойю. Послѣ этого казалось бы, что Англіи еще гораздо менѣе надобности вмѣшиваться въ это дѣло; однако же она протестовала противъ перехода французскихъ войскъ черезъ Савойю, какъ противъ нарушенія нейтральной земли. Этотъ фактъ очень важенъ: онъ показываетъ, что Англія уже пріискиваетъ причины къ объявленію войны при первомъ случаѣ, когда ей покажется, что пора предупреждать опасность, которая, какъ убѣждены англичане, грозитъ имъ.

Императоръ французовъ замѣчаетъ, какъ сильно недовѣріе Англіи къ его намѣреніямъ, и употребляетъ всѣ усилія, чтобы возстановить доброе согласіе съ ней. Мы не будемъ перечислять всѣхъ маленькихъ и большихъ любезностей, которыя онъ оказываетъ ей съ этою цѣлью, — отъ приказанія освободить отъ карантинныхъ формальностей какого-нибудь англичанина, спѣшащаго черезъ Францію воротиться домой съ Востока, до назначенія посланникомъ въ Лондонъ Персиньи, который считается въ Англіи самымъ жаркимъ приверженцемъ англо-французской дружбы. Замѣтимъ только, что въ Тюльери опять начали осыпать похвалами лорда Пальмерстона, котораго недавно такъ бранили, и говорить, что когда онъ сдѣлается министромъ, разрывъ между Англіею и Франціею будетъ невозможенъ.

Говорить такимъ образомъ, предполагать, что иностранная политика Пальмерстона отличалась бы отъ политики Дерби и Мальмсбери чѣмъ нибудь, кромѣ развѣ большей твердости, значитъ не понимать, что тори и виги расходятся между собою только по вопросамъ внутренней политики, а въ иностранной политикѣ держатся совершенно одинаковыхъ началъ. Если бы лордъ Пальмерстонъ замѣнилъ лорда Мальмсбери, иностранная политика Англіи ни мало не измѣнилась бы.

Но падетъ ли торійское министерство, замѣнится ли министерствомъ Росселя и Пальмерстона? Это по прежнему зависитъ отъ того, какъ почтутъ нужнымъ дѣйствовать радикалы нъ новомъ парламентѣ, который соберется 31 мая. Въ прошедшій разъ мы довели разсказъ о внутреннихъ событіяхъ англійской исторіи до послѣднихъ дней преній о второмъ чтеніи билля парламентской реформы. Мы говорили, какими комбинаціями и обстоятельствами было рѣшено пораженіе торійскаго министерства въ прошедшемъ парламентѣ и какими надеждами было обмануто министерство, поставившее вопросъ такъ круто, что не могло избѣжать распущенія парламента, потерпѣвъ пораженіе. Намъ остается представить разсказъ о томъ засѣданіи, которымъ была рѣшена судьба министерства и парламента. Это засѣданіе было исполнено интереса, и мы переводимъ письмо лондонскаго корреспондента газеты Manchester Guardian, любопытное и въ томъ отношеніи, что читатель довольно подробно можетъ познакомиться изъ него съ нѣкоторыми обычаями англійскаго парламента.

«Палата ожидала замѣчательной рѣчи отъ мистера Д'Израэли, и не ошиблась. Сначала онъ говорилъ о технической сторонѣ вопроса, излагалъ свой билль и защищалъ его. Палата постепенно наполнялась. Герцогъ Кембриджскій, графъ Карлэйль и

многіе другіе пэры явились въ залѣ, а между тѣмъ ораторъ начиналъ говорить о личныхъ вопросахъ и одушевлялся страстью. Вотъ онъ извергаетъ громы на своихъ противниковъ сильнымъ, отдающимся по всей залѣ голосомъ; вотъ голосъ его обращается въ звучный шопотъ, достойный мистриссъ Сиддонсъ въ роли лэди Макбетъ. Когда онъ говоритъ объ услугахъ, оказанныхъ странѣ министерствомъ лорда Дерби, его голосъ дрожитъ отъ волненія. Тутъ онъ складываетъ на груди руки и говоритъ глухимъ сдержаннымъ тономъ человѣка, рѣшившагося подавлять свое волненіе и негодованіе, какъ Отелло передъ сенатомъ. И вдругъ, съ театральнымъ порывомъ, онъ протягиваетъ руку, указываетъ на лорда Росселя и громкимъ голосомъ съ бурными жестами, будто Цицеронъ, обвиняющій Катиллину, объявляетъ, какъ человѣкъ и какъ министръ, что образъ дѣйствій благороднаго лорда производитъ вредное вліяніе на государственныя дѣла. Всѣ эти жесты и быстрые переходы отъ *forte* къ *pianissimo*, эти заученныя модуляціи, трагическіе переливы голоса, различныя позитуры были до того театральны, что не производили должнаго впечатлѣнія. Въ нихъ не было натуральности. На сценѣ былъ замѣчательный актеръ, владѣвшій всѣмъ, кромѣ верховнаго искусства скрывать искусственность. Однако же рѣчь достопочтеннаго джентльмена перерывали довольно мало, хотя большинство слушателей не соглашалось съ многими изъ его словъ и хотя зрѣлище такого человѣка, какъ мистеръ Д'Израэли, рыдающаго съ замираніями голоса о чемъ бы то ни было, напоминало зрителямъ не столько о трагедіи, сколько о балаганномъ фарсѣ. Съ ловкою деликатностью показавъ своимъ слушателямъ, что распущеніе парламента будетъ слѣдствіемъ противнаго министерству рѣшенія, онъ сѣлъ среди криковъ одобренія, производимыхъ энтузіазмомъ 300 джентльменовъ съ голосами, развитыми псовою охотою [1]).

«Президентъ предлагаетъ вопросъ. Герцогъ Кэмбриджскій и другіе пэры позорно изгоняются изъ палаты. Песочные часы переворачиваются, колокола по зданію звонятъ съ неистовымъ усердіемъ и депутаты устремляются въ залу [2]).

«Президентъ провозглашаетъ «молчаніе» и герольдмейстеръ палаты затворяетъ двери, и каждый членъ, находящійся въ залѣ, уже пойманъ и долженъ подать голосъ, а каждый членъ, оставленный за запертою дверью, долженъ писать къ своимъ избирателямъ объ несчастномъ случаѣ, по которому онъ опоздалъ минутою къ подачѣ голосовъ. Депутаты толпятся у рѣшотки своихъ мѣстъ, какъ рой пчелъ, а въ галлереѣ зрители набиты, какъ сельди. Президентъ предлагаетъ вопросъ, столь мало понятный публикѣ, «чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ» [3]).

---

[1]) Читатель знаетъ, что псовая охота служитъ любимымъ наслажденіемъ сельскихъ сквайровъ, составляющихъ главную опору торійской партіи.

[2]) Въ англійскомъ парламентѣ болѣе, нежели въ какомъ нибудь другомъ, находится членовъ, которые не охотники слушать рѣчей, и пока ораторы аргументируютъ, они прохаживаются по корридорамъ, разсуждая о разныхъ предметахъ, или сидятъ въ библіотекѣ и другихъ комнатахъ зданія, занимаясь своими дѣлами, а въ залу собраній являются только къ тому времени, когда нужно подавать голоса. Чтобы дать имъ время собраться, оставляется нѣсколько минутъ между предложеніемъ вопроса и подачею голосовъ. О предложеніи вопроса дается вѣсть по всему зданію звономъ колокольчика, а промежутокъ времени измѣряется песочными часами. Когда этотъ срокъ кончился, затворяются двери, ведущія отъ депутатскихъ мѣстъ въ корридоры.

[3]) Техника, по которой предлагаются въ англійскомъ парламентѣ вопросы, довольно многосложна, такъ что во многихъ случаяхъ большинство англійской публики не поняло бы, въ чемъ дѣло и почему оно ведется такимъ порядкомъ, еслибы газеты не переводили эту технику на вразумительный языкъ. Теперь дѣло шло слѣдующимъ порядкомъ: пренія начались по предложенію Д'Израэли прочесть во второй разъ билль; по парламентской формѣ это выражается слѣдующими словами: канцлеръ казначейства предполагаетъ, „чтобы билль былъ прочитанъ во второй разъ въ палатѣ“. Это составляетъ основной вопросъ преній и по немъ направляется ходъ подачи голосовъ. Лордъ Россель предлагаетъ вмѣсто этого свое рѣшеніе, смыслъ котораго тотъ, что билль министерства не удовлетворителенъ. На техническомъ языкѣ это выражается такъ: „депутатъ лондонской Сити предлагаетъ палатѣ выпустить въ предложеніи всѣ слова, стоящія послѣ *чтобы*, и замѣнить ихъ слѣдующими словами...“ Итакъ, прежде всего палата должна рѣшить, выпустить ли изъ основнаго вопроса всѣ слова послѣ *чтобы*.

Джентльмены съ высокими грудями и псово-охотничьими голосами воззываются обыкновенною формою: «Вы, говорящіе «да»,—говорите «да!» Они не просто говорятъ «да», они ревутъ его, рычатъ его». Президентъ говоритъ: «Вы, говорящіе «нѣтъ»,—говорите «нѣтъ!» Если бы 330 подполковниковъ съ голосами Стентора скомандовали пли! взрывъ крика не могъ бы быть сильнѣе. Самый тонкій слухъ затруднился бы рѣшить, въ которомъ отвѣтѣ крикъ былъ громче. Президентъ, быть можетъ подозрѣвая на чьей сторонѣ большинство, сказалъ: «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «нѣтъ». Въ отвѣтъ раздалась обычная фраза съ громовымъ крикомъ: «большинство на сторонѣ «да». Тогда президентъ сказалъ: «да» идутъ направо, «нѣтъ» идутъ налѣво. Считать «да» будутъ мистеры»... конецъ фразы былъ заглушенъ шумомъ и хаосомъ [1]).

«Собраніе раздѣлилось на два медленные потока, устремившіеся въ противоположныя стороны. Медленно шли слабые, больные, дряхлые члены, принесенные съ постелей въ палату по холодному ночному туману, смѣнившему бурю съ снѣгомъ, бывшую въ тотъ вечеръ. Тихо шли они, разсуждая о рѣчи Диззи [2]), о заслоняющемъ собою всѣ другія заботы распущеніи парламента и о большинствѣ въ пользу лорда Джона. Медленно проходилъ каждый передъ секретаремъ и счетчиками, потому что спереди и сзади задерживала его толпа; сосредоточенна и важна была внимательность господъ счетчиковъ при исполненіи ихъ обязанности въ такомъ важномъ случаѣ. Воротясь въ палату, «да» образовали почти непроходимую толпу у рѣшотки, а «нѣтъ» столпились около кресла президента. Каждый съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждетъ результата. Наконецъ два джентльмена проходятъ черезъ толпу, стоявшую у рѣшотки; одинъ изъ нихъ, сэръ Уильямъ Джоллифъ, счетчикъ «да», подходитъ къ президенту, шепчетъ ему число «да» и потомъ возвращается къ своему предводителю. Лицо Диззи безстрастно; но сэръ Уильямъ не достигалъ совершенства въ этой школѣ. «Мысли его можно прочесть на лицѣ его», по словамъ поэта. Лицо его печально, и мы видимъ, что онъ считаетъ своихъ побѣжденными. Онъ знаетъ число только своей залы, но по безпримѣрному многолюдству присутствовавшихъ депутатовъ, онъ полагаетъ, что въ засѣданіи было больше 600 членовъ, а онъ не насчиталъ въ своей залѣ и половины этого числа. Бѣдный сэръ Уильямъ, онъ убитъ духомъ и не можетъ скрыть этого! Вотъ по немногу пробиваются чрезъ толпу своихъ счетчики противной стороны и шепчутъ секретарю. Секретарь пишетъ и передаетъ бумагу собирателю депутатовъ оппозиціи [3]). Правительство побито. Поднимается страшный гулъ въ палатѣ. Тсъ,

---

Если она рѣшитъ, что ихъ должно выпустить, тогда она должна будетъ рѣшать, постановить ли на мѣсто словъ, предложенныхъ Д'Израэли и уже отброшенныхъ, слова, предлагаемыя Росселемъ. Ясно, что въ настоящемъ случаѣ эта вторая подача голосовъ будетъ имѣть только формальное значеніе, потому что желать выпущенія словъ Д'Израэли могли только тѣ, которые хотѣли замѣнить ихъ словами Росселя. Итакъ существенную важность имѣла въ настоящемъ случаѣ только первая подача голосовъ о рѣшеніи, „чтобы слова, предложенныя къ выпущенію, остались въ вопросѣ", т. е. о томъ, удерживается-ли основное предложеніе Д'Израэли, „прочесть билль во второй разъ", или отвергается.

[1]) Первый способъ подачи голосовъ въ англійскомъ парламентѣ состоитъ въ томъ, что президентъ проситъ согласныхъ съ предложеніемъ сказать „да", потомъ несогласныхъ сказать „нѣтъ"; судя по силѣ звука, онъ говоритъ потомъ, на которой сторонѣ большинство голосовъ. Если сторона, которую онъ объявляетъ меньшинствомъ, сомнѣвается въ вѣрности его догадки, или просто хочетъ, чтобы извѣстны были въ точности силы ея и силы ея противниковъ, она протестуетъ, и тогда президентъ назначаетъ подачу голосовъ „раздѣленіемъ" (*division*). Тогда депутаты, принимающіе предложеніе, выходятъ изъ залы засѣданій въ боковую залу на одну сторону, депутаты, отвергающіе предложеніе—въ боковую залу на противоположной сторонѣ. На той и другой сторонѣ бываетъ по два счетчика (*tellers*); они записываютъ имена, пересчитываютъ ихъ и подаютъ списки президенту.

[2]) Фамильярное прозвище, вмѣсто Д'Израэли; Пальмерстона фамильярно зовутъ Памъ: лорда Джона Росселя—Джонни.

[3]) *Whipper-in*. И министерская партія, и оппозиція имѣютъ по одному такому члену, спеціальная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы всячески заботиться собирать какъ можно болѣе депутатовъ своей стороны въ тѣ засѣданія, когда рѣшаются важныя дѣла. Онъ разсылаетъ циркуляры съ просьбами

тише... объявляются цифры. «Да», на правой сторонѣ—291, «нѣтъ», на лѣвой сторонѣ—330. Раздаются апплодисменты такіе, какъ будто бы 330 подполковниковъ пожалованы кавалерами Бани и получили крымскую медаль изъ рукъ ея величества.

Тишина отчасти возстановлена и президентъ предлагаетъ подачу голосовъ о рѣшенія лорда Росселя. Поднимается мистеръ Уильдъ, продавецъ ландкартъ, имѣющій магазинъ на Черингъ-Кроссѣ,—у него есть поправка въ пользу баллотировки. Начинается сцена крика и смятенія, одна изъ тѣхъ сценъ, какія едва ли можно видѣть гдѣ нибудь, кромѣ Палаты Общинъ,—сцена, которая возбудила бы въ насъ насмѣшку, или даже презрѣніе, еслибы мы прочли, что она происходила въ конгрессѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Среди страшнаго вопля можно разслышать крики: «прочь, прочь! на голоса, на голоса!» Нѣсколько минутъ палата хохотала, когда мистеръ Генри Беркли, очевидно, по совѣту лорда Джона Росселя, встаетъ требовать себѣ нѣкоторой опеки надъ вопросомъ о баллотировкѣ въ палатѣ и представляетъ, что мистеръ Уильдъ повредитъ этому вопросу, требуя подачи голосовъ о немъ несвоевременнымъ образомъ, въ такую минуту, когда палата нетерпѣливо хочетъ подавать голоса о предложеніи лорда Росселя и пожать плоды побѣды. Но шумъ и смятеніе увеличиваются; достопочтенный депутатъ Бристоля (Беркли), ощущая, что его убѣжденія не могутъ быть въ одно время слышны стенографамъ и достопочтенному депутату города Бодмина (Уильду), сидящему позади его, обращается задомъ къ президенту, лицомъ къ нему и ораторствуетъ передъ достопочтеннымъ джентльменомъ съ замѣчательною энергіею жестикуляціи, при хохотѣ палаты, которая не можетъ разслышать ни слова. Мистеръ Мильнеръ Джибсонъ является помощникомъ мистеру Беркли [1]).

«Бѣдный мистеръ Уильдъ представлялъ въ эту минуту комическую картину: онъ сидѣлъ угрюмый, озлобленный, упорный, но не совсѣмъ довольный собой. Мистеръ Брайтъ, сидѣвшій прямо впереди него, обернулся назадъ и, кажется, испытывалъ надъ нимъ силу интимныхъ убѣжденій. Локъ Кингъ и другіе крайніе либералы подошли къ мистеру Уильду и тоже упрашивали его взять назадъ свое предложеніе; но онъ сидѣлъ неподвижно, и страшенъ былъ шумъ и гвалтъ. Мильнеръ Джибсонъ объявилъ, что уйдетъ изъ залы, не подавъ голоса, если достопочтенный членъ не отступится отъ требованія подачи голосовъ о баллотировкѣ.

«Тогда всталъ мистеръ Кле и, засунувъ палецъ за верхнюю пуговицу жилета, въ величественной позѣ ожидалъ, пока пронесется крикъ недовольства, привѣтствовавшій его появленіе, какъ проносится по нивѣ дыханіе вѣтра. Онъ сказалъ: «Сэръ (крики неудовольствія, на время которыхъ умолкаетъ достопочтенный джентльменъ), я думаю (новые крики неудовольствія и новая пауза), я думаю (новые крики, идущіе *crescendo*)». Нѣтъ возможности продолжать. Достопочтенный джентльменъ, покидая свою ораторскую позитуру, скороговоркою предлагаетъ отсрочить преніе. Встаетъ сэръ Джонъ Шелли и подполковниковъ съ голосомъ Стентора оказывается слишкомъ 500. Такихъ громкихъ криковъ «не нужно» рѣдко удается слышать.

«Буря достигла страшной силы. Можетъ ли лордъ Джонъ укротить ее? Онъ

непремѣнно явиться въ палату такого-то числа, ѣздитъ къ лѣнивымъ, ободряетъ больныхъ и тому подобное. Какая энергія нужна для его занятій, обозначается его именемъ *Whipper-in*, которое буквально надобно было бы перевести „человѣкъ, загоняющій плетью“.

[1]) Уильдъ, очевидно, одинъ изъ людей, одержимыхъ ревностью не по разуму: изъ усердія къ баллотировкѣ, онъ своею поправкою едва не погубилъ самого предложенія лорда Росселя и едва не спасъ министерства. Въ прошлой палатѣ, большинство было противъ баллотировки, и заставить подавать голоса о ней, значило заставить многихъ либераловъ подать голосъ вмѣстѣ съ министерскою партіею. Беркли президентъ общества, требующаго введенія баллотировки при выборахъ и въ парламентѣ, имѣетъ роль представителя своей партіи (независимыхъ виговъ и радикаловъ) по этому вопросу. Мильнеръ Джибсонъ, какъ извѣстно читателю, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ реформеровъ, потому и онъ старается спасти свою партію отъ нелѣпой выходки Уильда. Голоса, требовавшіе подачи голосовъ о предложеніи Уильда, конечно, принадлежали торійскимъ депутатамъ,—они надѣялись, что пораженіе баллотировки заставитъ многихъ либераловъ упасть духомъ и вообще разстроитъ ряды ихъ противниковъ.

дѣлаетъ попытку, встаетъ и усиливается сказать что-то палатѣ. Глухой могъ бы быть тутъ наилучшимъ стенографомъ. Всѣ видятъ, что губы благороднаго лорда движутся, что онъ жестикулируетъ, но этой пантомимой ограничивается все доступное чувствамъ зрителей. Когда увидѣли, что нельзя отвратить подачи голосовъ, мистеръ Брайтъ, мистеръ Беркли и другіе друзья баллотировки встаютъ и идутъ изъ залы, но и тутъ несчастная судьба преслѣдуетъ ихъ: песочные часы бѣгутъ и послѣдняя песчинка упала, а далеко еще не вся толпа ретирующихся депутатовъ успѣла скрыться изъ залы. Депутаты нетерпѣливо кричатъ: «время кончилось» и президентъ былъ принужденъ дать знакъ къ закрытію дверей. Со времени битвы подъ Ватерлоо, когда покойный сэръ Джемсъ Макдональдъ, съ другимъ храбрымъ воиномъ желѣзной силы, руками вытолкнули за ворота Гугумонскаго замка французовъ и заперли за ними ворота, не бывало примѣровъ такого сильнаго мужества, какое было выказано герольдмейстеромъ по командѣ президента: «затворите и заприте двери!» Толпа депутатовъ стремилась въ залу, толпа депутатовъ стремилась изъ залы, когда герольдмейстеръ, схватившись за дверь, разрѣзалъ пополамъ этотъ сонмъ, и осталась въ залѣ половина хотѣвшихъ выдти и не попала въ залу половина хотѣвшихъ войти [1]).

Подаются голоса о предложеніи мистера Уильда. «Вы, говорящіе «да»—говорите «да!» Слабъ отвѣтъ: «Вы, говорящіе «нѣтъ»—говорите «нѣтъ!» Не наполнилась ли палата волами васанскими?—иначе какъ бы могъ подняться такой ревъ? Разумѣется предложеніе мистера Уильда отвергнуто; отворяются двери, и толпа врывается снова въ залу. Опять неистово звонятъ колокола и члены спѣшатъ, толкая другъ друга, чтобы не остаться запертыми въ корридорахъ при подачѣ голосовъ о рѣшеніи лорда Росселя. Президентъ говоритъ: «мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да». 50 недовольныхъ тори возражаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ» [2]). Президентъ отражаетъ аттаку. «Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да». Дѣло становится серьезнымъ, министры оборачиватся и бросаютъ умоляющіе взгляды на своихъ приверженцевъ На этотъ разъ только 25 голосовъ восклицаютъ: «большинство на сторонѣ «нѣтъ!»—«Мнѣ кажется, большинство на сторонѣ «да», говоритъ президентъ въ третій разъ. Молчаніе такое, что слышенъ былъ бы полетъ мухи. Президентъ говоритъ: «Большинство на сторонѣ «да». Поправка лорда Росселя, о которой шли такіе долгіе, упорные споры, торжественно принята палатою, и каждый посматриваетъ на канцлера казначейства. Среди многозначительнаго молчанія онъ предлагаетъ отсрочить засѣданіе до понедѣльника, и тѣ депутаты, которые не раздавлены каретами, въ безчисленномъ

---

[1]) Приверженцы баллотировки, зная, что не будутъ имѣть большинства, поспѣшили изъ залы затѣмъ, чтобы имѣть право сказать: мы не участвовали въ подачѣ голосовъ, потому что она была несвоевременна; и чтобы можно было имъ возобновить вопросъ въ другой разъ, когда они успѣютъ расположить въ пользу баллотировки колеблющихся депутатовъ. Такъ дѣйствительно и сдѣлалъ Беркли. Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій онъ выбралъ такую благопріятную минуту, что баллотировка была отвергнута только большинствомъ трехъ голосовъ. Такое слабое меньшинство противъ баллотировки Беркли справедливо назвалъ великимъ успѣхомъ своего дѣла.

[2]) Прежде предлагается вопросъ, оставить-ли въ предложеніи Д'Израэли слова, противъ которыхъ предложена поправка Росселемъ; тори должны были отвѣчать „да", т. е. оставить слова Д'Израэли. Большинство рѣшило, что ихъ должно выпустить. Теперь спрашивается, внести-ли въ рѣшеніе слова, предложенныя Росселемъ, и тори должны отвѣчать „нѣтъ". Но сущность дѣла, какъ мы говорили, уже рѣшена первою подачею голосовъ; очевидно, большинство будетъ на сторонѣ Росселя и въ этомъ вопросѣ, потому выгода тори требуетъ уже не доводить дѣла до подачи голосовъ раздѣленіемъ: еслибы сосчитать голоса, то оказалось бы, что большинство усилилось послѣ первой побѣды присоединеніемъ колебавшихся членовъ прежняго меньшинства. И въ англійскомъ парламентѣ, какъ повсюду, есть люди, которые всегда присоединяются къ побѣдителямъ, хотя бы прежде и возставали противъ нихъ. Парламентская тактика требовала отъ торійской партіи маскировать то, что она теперь не можетъ имѣть и тѣхъ 291 голоса, которые были на ея сторонѣ въ началѣ засѣданій. Но какъ Уильдъ едва не погубилъ либераловъ излишнимъ усердіемъ, такъ между тори явились теперь такіе же вредные ревнители.

множествѣ движущимися у подъѣзда, пошли домой, глубоко размышляя и весело болтая о занимательныхъ эпизодахъ засѣданія».

Мы говорили, что торійское министерство, потерпѣвъ пораженіе, рѣшилось распустить парламентъ, надѣясь, что общественное мнѣніе не захочетъ видѣть министерскій кризисъ наканунѣ войны и что въ новомъ парламентѣ тори получатъ большинство. Кромѣ нерасположенія англичанъ мѣнять министровъ во время войны или приготовленій къ войнѣ, тори надѣялись на благопріятный исходъ выборовъ потому, что ожидали помощи себѣ отъ всѣхъ тѣхъ маленькихъ мѣстечекъ, у которыхъ парламентская реформа должна отнять представителей. Для множества такихъ мѣстечекъ выборы служатъ просто источникомъ дохода, и тори надѣялись, что любовь къ собственному карману заставитъ многія изъ нихъ, прежде бывшія за виговъ, замѣнить прежнихъ депутатовъ своихъ торійскими депутатами, которые будутъ защищать прежнія злоупотребленія. Но еще больше, нежели на благопріятное расположеніе этихъ городковъ, тори надѣялись на прямую покупку ихъ избирателей. Тотчасъ же, какъ рѣшено было распустить парламентъ, торійскіе богачи собрались, чтобы составить подписку „на покрытіе издержекъ по выборамъ", то есть на покупку маленькихъ городовъ. Въ нѣсколько минутъ подписка дошла до 100,000 фунтовъ,—гораздо болѣе полумилліона руб. сер. Подкупы были возведены при нынѣшнихъ выборахъ торическою партіею до размѣровъ неслыханныхъ, колоссальныхъ. Мы въ приложеніи переводимъ изъ Times'а нѣсколько статей, которыя дадутъ читателю понятіе о великости скандала и впечатлѣніи, произведенномъ на англійское общество этимъ наглымъ безстыдствомъ.

Но результаты выборовъ не совсѣмъ отвѣчали огромности средствъ, употребленныхъ на подкупъ. Тори все-таки не успѣли пріобрѣсти большинства въ новомъ парламентѣ,—напротивъ либеральныя партіи имѣютъ въ новомъ парламентѣ большинство отъ 60 до 70 голосовъ. Сколько можно судить по нынѣшнимъ извѣстіямъ о характерѣ либеральной половины Палаты Общинъ, чистыхъ виговъ, безусловно идущихъ за Росселемъ или Пальмерстономъ, будетъ въ ней нѣсколько меньше, нежели въ прежней палатѣ, всего около 220 человѣкъ, а радикаловъ, независимыхъ либераловъ и манчестерцевъ, группирующихся около Брайта и Робека, нѣсколько больше прежняго, всего около 150 человѣкъ. Тори будутъ имѣть около 280 голосовъ. Эти цифры еще не совсѣмъ точны, потому что до сихъ поръ подробные разсчеты сдѣланы только по общему распредѣленію голосовъ между министерствомъ и оппозиціею всѣхъ оттѣнковъ вмѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ, ясно, что ходъ дѣлъ въ Палатѣ Общинъ будетъ по прежнему зависѣть отъ тактики Брайта и Робека, съ тою только разницею, что въ новомъ парламентѣ ихъ прямое вліяніе будетъ нѣсколько сильнѣе прежняго. Падетъ ли министерство Дерби или нѣтъ, это главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ нихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Взглядъ англичанъ на войну.

1. Отрывокъ изъ рѣчи Брайта къ жителямъ Бирмингэма 28 апрѣля. (По Times'у).

Выборъ кандидатовъ происходилъ въ залѣ Городскаго Совѣта; въ 11 часовъ вечера были отворены двери залы, вмѣщающей до 7000 человѣкъ, и она наполнилась въ нѣсколько минутъ. Сэръ Рэтклифъ, мэръ бермингэмскій, предсѣдательствовалъ въ собраніи. Когда мистеры Чольфильдъ [1]) и Брайтъ явились на эстрадѣ, ихъ привѣтствовали апплодисментами, продолжавшимися по крайней мѣрѣ 10 минутъ. Мистеръ Экленд, напротивъ, былъ освистанъ съ тою же энергіею.

Мистеръ Чольфильдъ первый обратился къ избирателямъ. Послѣ него сталъ говорить мистеръ Брайтъ. Онъ былъ принятъ съ восторженными и продолжительными апплодисментами. Сказавъ нѣсколько словъ о своихъ убѣжденіяхъ, о необходимости реформы и ея цѣли, онъ продолжалъ:

«Я говорю, что англійское правительство разорительно, дерзко и публично расточало плоды народнаго труда. Если бы не было такъ, то почему же мы имѣли бы теперь національный долгъ въ 800 милліоновъ фунтовъ, за который вѣчно должны платить каждый годъ 30 милліоновъ фунтовъ процентовъ, почему же мы имѣли бы надобность ежегодно собирать до 70 милліоновъ фунтовъ податей? Развѣ управлять нами такъ затруднительно? Развѣ нужны огромныя арміи и огромные флоты, безчисленная полиція и колоссальныя издержки на то, чтобы сохранить порядокъ въ нашей землѣ? (крики «нѣтъ!» и апплодисменты). Можно ли указать хотя на одного работника ланкастерскихъ фабрикъ, хотя на одного земледѣльца, хотя на кого нибудь изъ всѣхъ людей, живущихъ трудомъ своихъ рукъ, и сказать, что онъ сталъ богаче, лучше или безопаснѣе, благодаря невѣроятнымъ нашимъ расходамъ въ послѣднія сто лѣтъ? (апплодисменты). Съ парламентомъ, составленнымъ такъ, какъ составленъ теперь вашъ парламентъ, нѣтъ у васъ должнаго обезпеченія за экономію. Знаете ли вы чудовищный фактъ, что нынѣ, завтра и послѣзавтра 47 городковъ, общее населеніе которыхъ не превышаетъ населеніе Бирмингэма, выбираютъ — не двухъ депутатовъ, какъ вы, а 72 депутатовъ въ Палату Общинъ (крики «это стыдъ!» и апплодисменты). Это не представительное правленіе! Предположите, что кто нибудь изъ вашихъ хозяевъ взялъ деньги на плату работникамъ и далъ имъ по одному шиллингу за цѣлую недѣлю, а все остальное какому нибудь привилегированному десятку. Правда, онъ роздалъ всѣ деньги и форма платежа соблюдена,

[1]) Бирмингэмъ посылаетъ въ парламентъ двухъ представителей. Чольфильдъ, вмѣстѣ съ Брайтомъ бывшій депутатомъ Бирмингэма въ прошломъ парламентѣ, имѣетъ убѣжденія одинаковыя съ Брайтомъ. Виги и тори соединились противъ Брайта и выставили своимъ кандидатомъ Экленда.

но тѣ, которые получили только по шиллингу, разумѣется, скажутъ, что не дано имъ полнаго вознагражденія за ихъ трудъ, и результатомъ будетъ неудовольствіе, отвращеніе, голодъ и нищета,—такъ и здѣсь. Депутаты выбираются и кто нибудь выбираетъ ихъ, лордъ Нѣкто, сквайръ Нѣкто. Виги и тори дѣйствуютъ по одной системѣ; и если вы введете моего почтеннаго товарища и меня въ слѣдующій парламентъ, то со всѣхъ сторонъ будемъ мы окружены десятками депутатовъ, всѣ избиратели которыхъ, взятые вмѣстѣ, не составляютъ такого числа, какъ тотъ одинъ городъ, представителями котораго мы будемъ (апплодисменты). Надобно сказать еще о баллотировкѣ. Когда я вижу, что теперь дѣлается,—не въ большихъ городахъ, подобныхъ Бирмингэму, а въ маленькихъ городкахъ,—когда я посмотрю, какія приготовленія дѣлаются къ выборамъ, какъ подавляется самостоятельность въ избирателяхъ, какъ о каждомъ независимомъ избирателѣ производятъ обыскъ, не долженъ ли онъ кому нибудь, не оказалъ ли ему кто нибудь услуги, не можетъ ли кто нибудь привлечь его обѣщаніями или запугать, чтобы этими средствами подѣйствовать на его голосъ,—когда я посмотрю на это, то чувствую, что многіе избиратели въ маленькихъ городахъ захвачены въ такіе тиски, что если осталась въ ихъ груди искра чести, они должны считать себя униженными и пристыженными на всю жизнь (апплодисменты). Едва ли есть на свѣтѣ такая земля, имѣющая представительную систему, въ которой не была бы принята баллотировка. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ австралійскихъ колоніяхъ, во Франціи, въ Бельгіи и въ Сардиніи, выборы производятся баллотировкою. Могутъ сказать, что баллотировка не спасла Францію отъ военнаго деспотизма, или была употреблена орудіемъ при введеніи его въ этой странѣ. Но я скажу вамъ, что пусть будутъ у васъ американскія учрежденія, или нынѣшнія ваши учрежденія, или тѣ, какія прежде существовали во Франціи,—вообще, пусть будетъ какая угодно форма вашего правленія, но если среди васъ находится 400.000 вооруженныхъ людей, единственное ремесло которыхъ война, которые отдѣлены отъ гражданскаго быта, которые живутъ не въ домахъ, а палаткахъ или казармахъ, то не будетъ безопасности,—нѣтъ, и на полгода не будетъ безопасности ничему, заслуживающему имя гражданской свободы (апплодисменты). Я стыдился бы недостатка логики въ своей головѣ, еслибъ сказалъ, что военный деспотизмъ во Франціи поддерживается или произведенъ всенароднымъ выборомъ. Еслибы право голоса было бы такъ ограничено, какъ при Луи-Филиппѣ, или еще больше ограничено, и явился бы человѣкъ, по какому нибудь наслѣдству, или по личнымъ качествамъ получившій приверженность полумилліона солдатъ, все равно исчезло бы все похожее на свободу (браво, браво!). Перехожу теперь, джентльмены, къ вопросу величайшей важности. Я слышу, что получено изъ Лондона извѣстіе величайшей и печальнѣйшей важности для Европы и для человѣчества. Война, которая четыре мѣсяца приближалась потаенными, но не укрывавшимися ни отъ слуха, ни отъ зрѣнія, шагами, появилась наконецъ во всей своей демонской ужасности.

„Смотрите, стоитъ на горѣ этотъ гигантъ: закрываютъ солнце его развѣвающіеся волосы, пропитанные кровью. Сверкаетъ въ его злодѣйскихъ рукахъ смертоносное орудіе; сожигаетъ глазъ его все, на что устремится“.

See where the giant on the mountain stands,
    His blood-red tresses deepening in the sun,
With death-shot glowing in his fiery hands,
    And eye that scorches all it glares upon

(апплодисменты). Таково чудовище, являющееся теперь на горизонтѣ, грозящее опустошить, залить кровью, наполнить невыразимыми страданіями города и села безчисленныхъ милліоновъ европейскаго населенія. Что намъ должно сдѣлать? Судя по прошедшему, я знаю, что мы станемъ дѣлать. Мы станемъ сначала посредничать тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста посредничеству. Мы станемъ немножко одобрять однихъ, немножко стращать другихъ. Понемногу мы впутаемся въ дѣла одной стороны такъ, что другая станетъ обвинять насъ во враждѣ и коварствѣ. А тутъ, какое нибудь страшное дѣло будетъ совершено одною изъ воюющихъ сторонъ. Оно будетъ выставлено передъ нами

въ истинномъ или грубопреувеличенномъ видѣ. Если ваше правительство расположено къ войнѣ, въ лондонскихъ журналахъ найдутся люди, которые будутъ разукрашивать и искажать всѣ факты и разжигать васъ воззваніями иногда къ вашимъ благороднымъ страстямъ, иногда къ низкимъ страстямъ, пока наконецъ наша страна, эта жемчужина изумруднаго моря, которая одна безопасна среди всѣхъ бурь и грозъ, волнующихъ и мучащихъ міръ, будетъ увлечена къ тому, чтобы вмѣшаться въ борьбу, и англійская кровь, и англійскія сокровища будутъ проливаться, какъ проливались прежде по всѣмъ полямъ Европы, гдѣ выигрываются или проигрываются битвы (аплодисменты). Говорятъ, что у насъ есть договоры съ Бельгіей и что если кто станетъ обижать это маленькое королевство, то надобно послать англійское войско на защиту его столицы и его государя. Я не заключалъ такихъ договоровъ, не заключали и вы; и я говорю, что министръ, который хочетъ втянуть Англію въ эту войну, становится виновникомъ въ гнуснѣйшемъ предательствѣ передъ англійскою короною и англійскимъ народомъ (аплодисменты). Но всѣ вы ничего не знаете о намѣреніяхъ вашего правительства. Вы ничего не знаете о переговорахъ. Парламентъ ничего не знаетъ о нихъ. Намъ совершенно неизвѣстно, какія обязательства мы дали тому, кто владычествуетъ въ Парижѣ, или тому, кто владычествуетъ въ Вѣнѣ. Я думаю,—и рекомендую это мнѣніе джентльменамъ другихъ партій,—я думаю, что если бы англійскій народъ имѣлъ справедливое участіе въ составленіи Палаты Общинъ, то по всей вѣроятности наши иностранныя дѣла велись бы съ большею открытостью, съ большимъ прямодушіемъ, съ большею добросовѣстностью и намъ было бы менѣе опасности, проснувшись въ то или другое утро, увидѣть, что наша благородная страна, со всею своею промышленностью, всѣмъ своимъ просвѣщеніемъ, всею своею нравственностью, всею своею религіозностью ввергнута въ ужаснѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ преступленій, изъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій (аплодисменты). Еще одно слово по вопросу о войнѣ. Я никогда не отрицалъ, нѣсколько зная человѣческую натуру, зная нѣсколько человѣческую исторію, и никогда не стану отрицать, что иногда человѣческому глазу и человѣческому сердцу кажется, будто есть кажущаяся необходимость брать на себя отвѣтственность за военныя бѣдствія (аплодисменты). Но, какова бы ни была, когда нибудь, кажущаяся необходимость войны, пусть каждый изъ насъ держитъ себя такъ, чтобы передъ лицемъ Бога, знающаго всѣ тайны каждаго сердца, могъ быть чистъ въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ при подобныхъ случаяхъ (браво, браво!). Война, по своей натурѣ, разрушительна и анархична; не можетъ быть свободы въ Европѣ, не можетъ быть невозмутимаго или прочнаго мира въ Европѣ, пока великія державы содержатъ 3 или 4 милліона вооруженныхъ людей во время глубокаго мира (аплодисменты). Даже у насъ, въ Англіи, что можетъ быть анархичнѣе и разрушительнѣе войны? Вспомните о войнѣ, въ которую мы были ввязаны съ 1793 до 1815 г. Это былъ періодъ ужаснаго страданія; это былъ также періодъ полнаго деспотизма. Не было тогда свободы выраженію мнѣній, не было свободы печатному слову, не было свободы никому, кромѣ развѣ того, кто хотѣлъ превзойти своихъ сосѣдей безумнымъ пристрастіемъ къ войнѣ. И потомъ опять, съ 1815 до 1828, не было свободы въ Англіи, или было почти столько же свободы, сколько теперь у нашихъ сосѣдовъ—французовъ. Изъ года въ годъ было все тоже: тяжелое страданіе, упадокъ промышленности, нищета въ народѣ, постоянные заговоры, тайныя общества, вспышки возмущеній, всяческія опасности для законнаго порядка. Все это было натуральнымъ и неизбѣжнымъ плодомъ той гигантской и дурной войны, которую вели наши правители 25 лѣтъ (крикъ «нѣтъ», заглушенный аплодисментами). И вотъ опять война. За этою войною—государственный долгъ; за этимъ государственнымъ долгомъ—увеличеніе налоговъ; за этими налогами—недовольство и всякія опасности въ будущемъ; вотъ что будетъ, если вы позволите вашему правительству хоть на одинъ часъ вмѣшаться въ вооруженный споръ, начинающійся теперь (аплодисменты). Въ Палатѣ Общинъ одинъ изъ министровъ имѣлъ наглость упрекнуть меня, что я говорю во вредъ англійской коронѣ. Меня тутъ не было; но теперь я бросаю ему въ лицо его клевету (долгіе аплодисменты). Англійская корона никогда не подвергнется опасности отъ счастливаго и довольнаго народа (аплодисменты). Посмотрите на другія націи и на исторію прошедшаго: когда корона

была срываема съ чьей нибудь головы, когда престолъ былъ низвергаемъ, когда королевское семейство блуждало въ изгнаніи, это бывало не результатомъ справедливой, милостивой и мирной политики, это было наказаніемъ, ниспосылаемымъ отъ Бога на нарушителей его закона, на презрителей его заповѣдей. Недалеко назадъ надобно возвращаться, всего только на пять лѣтъ, чтобы найти объясненіе этимъ словамъ. Вы помните прославляемую осаду Севастополя; вы помните страданія англичанъ, чтобы не говорить мнѣ о страданіяхъ французовъ, русскихъ, турокъ и сардинцевъ. Вы помните, что однажды, когда русскіе аттаковали наши войска, только чудомъ англійскія войска спаслисъ отъ совершеннаго истребленія. Вы помните, раздраженіе общественнаго мнѣнія. Вы помните громы могущественнѣйшей изъ вашихъ газетъ. Вы помните черныя мысли, которыя проносились въ умѣ каждаго, когда одна за другою приходили къ вамъ эти вѣсти; помните, какъ люди спрашивали себя, что будетъ съ нашими несчастными солдатами и съ честью Англіи. Предположите же, что случилось то, что едва не случилось, и никто еще не объяснилъ, какъ могло не случиться. Я спрашиваю, кто поручился бы, что при тогдашнемъ расположеніи умовъ сохранился бы порядокъ въ Англіи, хотя на одинъ день, и что не получили бы наши законы удара несравненно болѣе тяжелаго, нежели всѣ опасности, о какихъ помнитъ кто-нибудь изъ насъ (крики «нѣтъ», «да!» и аплодисменты. Нѣтъ, конечно нѣтъ, опасность прошла. Люди забываютъ бурю, едва не потопившую ихъ, едва поставятъ ногу на твердую землю. Но я говорю вамъ, что изъ такихъ событій происходитъ національное неудовольствіе, анархія, паденіе законовъ и совершенная гибель самыхъ уважаемыхъ династій (аплодисменты).

2. Отрывокъ изъ рѣчи Робека въ Шеффильдѣ по окончаніи выборовъ (по отчету Times'а).

«Прежній парламентъ былъ распущенъ не по государственной надобности, а для частной выгоды (аплодисменты). Въ нынѣшнее время, когда судьба міра рѣшается, не нужно ли вамъ было имѣть твердое и сильное правительство, дѣйствующее отъ вашего имени? (браво! браво!) Но лордъ Дерби и его министерство распустили парламентъ, хотя мы всѣ видѣли угрожающую опасность, и Англія теперь лишена правительства [1]). Что же произошло? Каждому, сколько нибудь знакомому съ политикой, было, ясно, что въ прошедшую субботу [2]) европейскіе деспоты узнали, что получили свободу дѣйствовать по своимъ желаніямъ, и мы всѣ предсказывали, что непосредственнымъ результатомъ этого будетъ война. Что же вышло? мы знаемъ теперь, что въ тотъ же самый день австрійскій ультиматумъ былъ посланъ въ Сардинію. Итакъ, вышла война и поля Италіи обольются кровью. Зачѣмъ же это? Началась война, и что теперь дѣлать Англіи? Друзья мои, мы должны будемъ требовать произведеній вашего труда, чтобы защищать васъ, вашихъ женъ и дѣтей, и великое имя Англіи (аплодисменты). Не знаю, что скажетъ на это мой товарищъ [3]), потому что онъ одинъ изъ тѣхъ довѣрчивыхъ людей, которые очень полагаются на разсудительность людей. Сколько я знаю, онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ называютъ друзьями мира (хохотъ). Я тоже другъ мира; но между моимъ другомъ и мною та разница, что, по моему мнѣнію, при нынѣшнемъ расположеніи народовъ, Англія должна обнаруживать готовность къ страшному отпору, если хочетъ сохранить миръ (аплодисменты). Не пришло еще то время, чтобы считали хорошимъ, когда ударятъ васъ по щекѣ, подставлять другую щеку (хохотъ). Если кто ударитъ меня, я поквитаюсь съ нимъ (хохотъ и громкіе аплодисменты). И если Англія хочетъ остаться въ мирѣ, пусть она готовится къ войнѣ

---

[1]) Робекъ хочетъ сказать, что министры не знаютъ, одобряетъ ли нація ихъ образъ дѣйствій и какого образа дѣйствій она хочетъ, потому остаются совершенно безсильны, когда нѣтъ парламента.

[2]) Т. е. 23 апрѣля, когда парламентъ былъ распущенъ.

[3]) Другой депутатъ Шеффильда, Гедфильдъ, подобно Брайту говорящій, что война не извиняется ничѣмъ, никогда, кромѣ необходимости отражать врага, вторгающагося въ наше отечество. Гедфильдъ, подобно Робеку—радикалъ.

(браво!). Если за границей будутъ знать, что малѣйшее нарушеніе неприкосновенности англійскихъ владѣній или англійской территоріи повлечетъ за собою немедленное и страшное наказаніе, тогда Англія будетъ безопасна. Но если бы когда случилось, чтобы въ нашемъ Британскомъ каналѣ побѣдоносно плавали французскій и русскій флоты, что было бы съ вашей торговлею, съ вашей безопасностью, что было бы съ могуществомъ Англіи, съ цивилизаціею человѣчества? Но чтобы эти флоты не могли побѣдоносно приплыть въ Британскій каналъ, это будетъ одною изъ первыхъ моихъ заботъ. Нѣтъ вещи, которой бы я не сдѣлалъ, нѣтъ билля, за который я не подалъ бы голосъ, чтобы сохранить господство англійскаго флота въ Британскомъ каналѣ (громкіе апплодисменты).

B.

О характерѣ выборовъ въ маленькихъ городкахъ (статья Times'a 26 апрѣля).

«Лордъ Дерби—горячій приверженецъ свободной торговли. Каковы бы ни были его мнѣнія о другихъ пунктахъ либеральной программы, въ этомъ пунктѣ отреченіе отъ прежнихъ заблужденій у него открытое, окончательное, полное. Подъ управленіемъ прежнихъ жестокихъ противниковъ Пиля мы получаемъ свободную торговлю во всемъ, даже въ продажѣ голосовъ. Побѣда полновѣснѣйшему кошельку! Начинается битва гиней, какъ начинается битва императоровъ. Идутъ въ продажу маленькіе городки британскихъ острововъ. «Кто купитъ, кто не купитъ? Купите, купите! даемъ 15 фунтовъ за избирателя! Идетъ, 15 фунтовъ,—это дешевле пареной рѣпы!» Избиратели покупаются съ аукціона Керльтонскимъ клубомъ [1]). Жаль, что нельзя намъ зажать ротъ аукціонеру. Натурально негодованіе на человѣка, продающаго право первородства за блюдо чечевицы; но мы не должны забывать, что покупщикъ въ этомъ гадкомъ торгѣ хуже продавца. Искуситель хуже искушаемаго, хитрый лоснящійся змѣй гнуснѣе безразсудной красавицы Евы. Такой фактъ, какъ предпринятая теперь покупка маленькихъ городковъ политической партіей, идущей наперекоръ націи, можетъ привести къ заключенію, что эти маленькіе городки — язва, которую надобно безстрашной рукой вырѣзать изъ нашей избирательной системы. Лордъ Дерби и его друзья предпринимаютъ такую покупку. Лордъ Дерби выложилъ свои деньги на столъ. Сумма красива и велика, соотвѣтствуетъ своему предмету и достойна его. Герцогъ Боклью слѣдуетъ за нимъ съ достойнымъ такого примѣра пожертвованіемъ; другіе консервативные магнаты не измѣняютъ своему предводителю, и составляется груда золота, чтобы купить власть надъ правами англичанъ. Страннымъ можетъ казаться на первый разъ, что отъ поведенія немногихъ избирателей, какими нибудь десятками разсѣянныхъ по 40 или 50 ничтожнымъ городкамъ, зависитъ политика нашего великаго государства; но это фактъ, и безполезно съ гнѣвомъ отрицать его. Отъ большинства въ Палатѣ Общинъ зависитъ управленіе нашею страною; выборы маленькихъ городовъ рѣшаютъ, на какой сторонѣ будетъ большинство. Батальонъ не армія, но батальонъ можетъ быть поставленъ такъ, что отъ его вѣрности и мужества можетъ зависѣть судьба арміи. У лорда Дерби достало ума понять это. Его разсчетъ могъ бы быть вѣренъ, еслибъ онъ не забылъ сообразить негодованія, какое пробуждается этимъ въ обществѣ. Если ему не удается исполнить на практикѣ свою теорію, ему будетъ худо, а если удастся, то будетъ еще хуже. Мы терпѣливый народъ; не любимъ политическихъ смятеній, хотя вѣчно споримъ о политикѣ. Но есть вопросъ, въ которомъ будутъ совершенно согласны 999 англичанъ изъ 1000. Они не будутъ спокойно смотрѣть на то, что ихъ отечество покупается и продается за 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Привиллегія управлять Англіею должна цѣниться дороже.

---

[1]) Керльтонскій клубъ центральный избирательный комитетъ торійской партіи.

«Смотрите зорко!» такой долженъ быть лозунгъ каждаго избирателя и даже не избирателя, во время выборовъ. Вся баттарея подкуповъ будетъ направлена на маленькіе города. Мы не можемъ надѣяться остановить ея огонь, но наши усилія могутъ по крайней мѣрѣ лишить этотъ огонь успѣха. Есть у насъ трибуналы въ избирательныхъ комитетахъ Палаты Общинъ, а рѣшенія комитетовъ вообще принимаютъ цвѣтъ общественнаго мнѣнія. Если оно будетъ говорить, что грубое плутовство совершено надъ страной, что предводители политической партіи, лишенные внутренней силы, но занимающіе министерскія мѣста, обдуманно составили планъ подкупать избирателей, сдѣлали для этого большую подписку, употребили хитрыхъ и опытныхъ агентовъ, то комитеты будутъ строги къ повѣркѣ выборовъ. Правда, что открыть подкупъ не всегда будетъ имъ легко, потому что подкупъ обращенъ въ науку и профессора ея хитрѣйшіе люди нашего времени. Они посвятили всю энергію своего ума, всѣ усилія своей жизни на открытіе способовъ прикрывать передачу взятки отъ подкупающаго къ подкупаемому. Они трудились надъ этою проблемою, какъ Ньютонъ трудился надъ проблемою тяготѣнія. Наше спасеніе въ томъ, что есть другая часть общества, обратившая всѣ усилія своего ума, всю свою энергію на преданіе преступниковъ суду. Это только особенная форма вѣчной борьбы между мошенниками и полиціей, а побѣда въ результатѣ не останется за мошенниками».

(Статья Times'а 27 апрѣля).

«Не на большіе города направлены могущественнѣйшія усилія денегъ и происковъ. Нѣтъ, сотня городовъ, скуднѣйшихъ населеніемъ и самыхъ зависимыхъ по своему положенію, служатъ полемъ настоящей битвы. Выберите тѣ городки, у которыхъ дѣйствительно хорошій билль реформы долженъ отнять депутатовъ, и знайте, что именно въ этихъ городкахъ рѣшается великій конституціонный вопросъ. Къ этимъ милымъ мѣстамъ стремятся политическія сердца. Въ эти почтенныя мѣстности текутъ обильныя рѣки денегъ. Но есть въ нынѣшнихъ выборахъ, превосходящихъ всѣ прежніе развитіемъ плутовства, то утѣшительное обстоятельство, что они очень своевременно раскрываютъ чудовищное зло, лѣкарствомъ отъ котораго должна служить реформа. Въ прокламаціи королевы лордъ Дерби объяснилъ причину къ распущенію парламента. Но быть можетъ еще большей благодарности заслуживаетъ онъ за то, что выставляетъ теперь на видъ всѣмъ характеръ существующей парламентской системы. Честь англійскаго джентльмена съ такимъ упорствомъ переживаетъ періодическое соприкосновеніе съ политическимъ подкупомъ, что въ два года мы почти забываемъ, какъ рождается на свѣтъ Палата Общинъ. Люди любятъ забывать то, о чемъ непріятно вспоминать. Но теперь, какъ только сойдется Палата Общинъ, ей представится вопросъ о томъ, какъ она составилась, и она будетъ хорошо знать положеніе дѣла.

Непріятно указывать на отдѣльные случаи, но исторіи объ избирателяхъ въ маленькихъ городахъ, разносящіяся теперь въ публикѣ, конфузятъ даже крѣпкую совѣсть высокихъ политическихъ людей. Ничѣмъ не насыщаются нѣкоторые изъ этихъ городковъ, собирающихъ теперь, какъ они полагаютъ свою послѣднюю жатву. Вытянувъ всѣ деньги у кандидата, они прогоняютъ его, чтобы замѣстить болѣе богатою жертвою; производятся два и три побора, каждый въ увеличенномъ размѣрѣ противъ прежняго. Избиратели раздѣлены на разряды десяти-фунтовыхъ, двадцати-фунтовыхъ и пятидесяти-фунтовыхъ, и въ каждомъ разрядѣ ставится за долгъ амбиціи не брать меньше того, сколько слѣдуетъ. На нашихъ страницахъ много избирательныхъ адресовъ и рѣчей, но въ большей части случаевъ это только благопристойное прикрытіе для сдѣлокъ вовсе не высокаго характера. Кандидатъ издаетъ прокламацію и ходитъ по собраніямъ, говоря рѣчи. Но существенное дѣло производится между тѣмъ въ заднихъ комнатахъ людьми, которые не говорятъ рѣчей и едва упоминаютъ о политическихъ мнѣніяхъ. Этимъ нешумнымъ путемъ производится торгъ, неуступающій своимъ размѣромъ дѣламъ англійскаго банка. Нынѣшніе выборы будутъ стоить издержекъ,—преступныхъ и гибельныхъ издержекъ,—въ цѣлый милліонъ фунтовъ стерлинговъ. О такихъ фактахъ нечего много разсуждать. Каждый изъ нихъ замѣняетъ цѣлые томы до-

казательствъ. Краснорѣчивый ирландскій проповѣдникъ вмѣсто того, чтобы сказать проповѣдь о пожертвованіяхъ на сиротскую школу, взошелъ на каѳедру и только указалъ на небо, на несчастныхъ сиротъ, на тарелку для сбора и сошелъ съ каѳедры; и никогда еще не бывало такого сбора. Такъ и теперь, когда будетъ вопросъ о реформѣ, не нужно будетъ говорить, нужно будетъ только указать однимъ словомъ на общеизвѣстные факты. Будемъ же благодарить лорда Дерби за картинное поясненіе нашего конституціоннаго порядка. Нынѣшніе выборы—альбомъ сценъ въ духѣ реформы. Трагическая муза Шекспира изобразила сцену французскихъ пировъ и англійскихъ молитвъ въ ночь наканунѣ Азенкурской битвы. Мистеръ Чарльзъ Кинъ пояснилъ это изображеніе двумя эффектными картинами. Лордъ Дерби принялъ на себя санъ трагической музы и представилъ намъ картину выборовъ въ наглядное поученіе, что чѣмъ скорѣе и чѣмъ радикальнѣе преобразуемъ мы такой парламентъ—тѣмъ лучше».

Іюнь 1859.

Причины нашей симпатіи къ австрійцамъ.—Сраженія при Монтебелло и Палестро.— Битва при Мадженте. —Дѣйствія Гарибальди.—Тосканскія дѣла.

Нашъ разсказъ объ итальянской войнѣ въ прошедшій разъ былъ доведенъ только до прибытія императора французовъ въ Алессандрію 14 (2) мая; и хотя до той поры не было еще ни одной битвы, даже ни одной сколько нибудь замѣчательной стычки, но уже не трудно было предугадывать участь кампаніи, и, повторяя соображенія безпристрастныхъ газетъ, мы говорили: „надобно думать, что участь начавшагося похода рѣшена неловкостью австрійцевъ, не успѣвшихъ помѣшать соединенію французовъ съ сардинцами“ („Современникъ“ № V, „Политика“, стр. 171); „нелѣпое начало не предвѣщаетъ для нихъ (австрійцевъ) ничего особенно хорошаго. Будутъ ли они защищаться на Тичино, будутъ ли защищать Миланъ—неизвѣстно. Но съ битвами или безъ битвъ, все равно, они скоро будутъ оттѣснены до линіи рѣки Минчіо, гдѣ найдутъ опору въ крѣпостяхъ — Пескьерѣ и особенно Мантуѣ“ (стр. 170). Теперь это соображеніе уже исполнилось болѣе чѣмъ наполовину; мы знаемъ, что австрійцы уже отступили далеко за Миланъ, занятый французами, и въ то время, когда читатель будетъ перелистывать эти страницы, онъ вѣроятно уже прочтетъ въ телеграфическихъ депешахъ, что австрійцы оттѣснены до самаго Минчіо. Дѣлать такія предсказанія очень легко, и хвалиться ихъ исполненіемъ нечего; нужно только слѣдовать соображеніямъ тѣхъ газетъ, у которыхъ лучшіе корреспонденты и у которыхъ есть политическій тактъ. Мы напоминаемъ объ исполненіи нашихъ прежнихъ словъ только съ цѣлью увѣрить читателя, что онъ можетъ считать не пустымъ обольщеніемъ тѣ соображенія о характерѣ, ходѣ и результатахъ итальянской войны, которыхъ мы держимся. Если эти соображенія оправдались фактами въ той части своей, которая наиболѣе подвержена случайностямъ, это можетъ быть нѣкоторымъ ручательствомъ за то, что оправдаются событіями и тѣ стороны ихъ, въ которыхъ случай имѣетъ гораздо меньше силы. Если ходъ войны оказался дѣйствительно таковъ, какой надобно было предполагать по указаніямъ достовѣрнѣйшихъ публицистовъ Западной Европы, то можно быть увѣреннымъ, что эти публицисты не ошибались и въ своихъ

указаніяхъ на характеръ войны и на то, какіе результаты она дастъ, если сохранитъ нынѣшній свой характеръ.

Итакъ мы просили бы читателя, не увлекаясь обольстительными надеждами, какія внушаютъ побѣды, припомнить то, что мы говорили въ февральской, мартовской и майской книжкахъ объ истинномъ характерѣ нынѣшней войны и о цѣляхъ, которыми должна ограничиться она по разсчетамъ могущества, нашедшаго нужду поднять итальянскій вопросъ. Въ нынѣшній разъ мы не станемъ повторять всего, что говорили прежде; не будемъ вновь доказывать, что сила, поднявшая войну и могущая окончить ее, когда захочетъ, руководится вовсе не желаніемъ освободить Италію, а только потребностью упрочить себя пріобрѣтеніемъ военной славы; не будемъ говорить о томъ, что эта цѣль вовсе не одинакова съ восторженными надеждами патріотовъ, которые пока еще не получили прочнаго ручательства въ согласіи французской политики съ ихъ планами; не будемъ говорить, что совершенное изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи вовсе не должно считаться единственною возможною развязкою французско-сардинскихъ побѣдъ и что, напротивъ, существуетъ множество другихъ комбинацій, которыми можетъ удовлетвориться Франція и которыя вовсе не соотвѣтствуютъ гипотезамъ, созданнымъ довѣрчивостью многихъ благородныхъ людей въ Италіи, во Франціи и у насъ. Повторять въ четвертый или въ пятый разъ то, что уже много разъ доказывалось съ большою подробностью, было бы слишкомъ скучно: притомъ мы рисковали бы напрасно огорчать тѣхъ читателей, которые оставались не согласны съ нами: они теперь увлечены благородною радостью отъ вѣсти о бѣгствѣ австрійскихъ мучителей изъ Ломбардіи; въ восторгѣ прекрасной симпатіи, они не захотятъ хладнокровно думать о тѣхъ грустныхъ фактахъ, на которыхъ основано наше недовѣріе и которые затмѣваются теперь блескомъ побѣдъ. Мы только просимъ ихъ не осуждать насъ за то, что мы не въ состояніи забыть прошедшаго и не можемъ вѣрить словамъ людей, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо познакомили насъ съ собою своими дѣлами въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Мы помнимъ, что говорилось въ 1849 году и что было сдѣлано въ томъ же 1849 году и въ слѣдующіе за нимъ годы. Прокламація къ жителямъ Милана кажется намъ слишкомъ похожей на множество прокламацій, съ которыми обращалась та же сила къ жителямъ Рима, а прежде того къ самимъ французамъ. Читатели, несогласные съ нами, не хотятъ помнить прошедшаго и не захотѣли бы слушать насъ, если бы мы стали говорить объ немъ. А тѣ, которые согласны съ нами, сами помнятъ то, забвеніе о чемъ приготовляетъ другимъ горькую необходимость скоро раскаяться въ нынѣшней довѣрчивости.

Не будемъ же говорить о томъ, къ чему ведетъ Италію нынѣшняя война, если характеръ этой войны не измѣнится отъ новыхъ катастрофъ; займемся только приведеніемъ въ связь газетныхъ извѣстій о ходѣ войны. Онъ былъ блистателенъ для французовъ и сардинцевъ и свидѣтельствуетъ о нелѣпости австрійцевъ. По крайней мѣрѣ послѣднее обстоятельство пріятно тѣмъ, что умственная сторона дѣла соотвѣтствуетъ его нравственному достоинству. Гнусные притѣснители, австрійцы, оказываются съ тѣмъ вмѣстѣ пошлыми, бездарными, просто глупыми. Къ сожалѣнію, эта гармонія нравственныхъ

качествъ съ умственными замѣтна только въ австрійцахъ. Въ другихъ лагеряхъ мы почти только и видимъ или людей честныхъ, но дающихъ себя въ обманъ, или людей, умѣющихъ очень хорошо обдѣлывать свои дѣла при помощи обманываемаго благородства, людей, которые умѣютъ хорошо дѣлать, но дѣлаютъ только дурное.

Нелѣпость австрійцевъ обнаружилась къ нашему удовольствію и радости, конечно, всѣхъ нашихъ читателей еще поразительнѣе, нежели какъ мы надѣялись въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Мы полагали, что прибытіе императора французовъ въ Генуя 12-го мая (новаго стиля) обозначаетъ уже совершенную готовность французскихъ войскъ въ Италіи къ начатію наступательныхъ дѣйствій. Онъ и самъ ожидалъ найти все нужное перевезеннымъ, устроеннымъ, приготовленнымъ къ походу: онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же по прибытіи начать посылать въ Парижъ бюллетени о побѣдахъ. Но его отъѣздъ изъ Парижа, обманувшій насъ, былъ слѣдствіемъ ошибки въ его собственныхъ предположеніяхъ. Онъ могъ начать наступательныя дѣйствія не ранѣе, какъ черезъ двѣ съ половиною недѣли послѣ своего пріѣзда. Около 13-го (1) мая французская пѣхота была дѣйствительно готова къ открытію кампаніи, но не была готова ни кавалерія, ни артиллерія, безъ которыхъ нечего было дѣлать и пѣхотѣ. Такимъ образомъ австрійцы имѣли еще около трехъ недѣль лишняго времени, для того, чтобы что нибудь сдѣлать на свободѣ. Они не умѣли ничего сдѣлать и въ этотъ срокъ, далеко превосходившій наши прежнія ожиданія. Они стояли, они ходили, они собирали реквизиціи, они укрѣпляли позиціи, которыя оставляли безъ боя, они поглядывали на непріятельскія позиціи, которыя можно было взять безъ боя, и не брали ихъ; одинъ только разъ вздумали было что-то сдѣлать, но и тутъ распорядились самымъ пошлымъ образомъ, такъ что не только дали побить себя, но вдобавокъ и обмануть себя. Это было при Монтебелло. Читатель знаетъ, что австрійцы были тутъ побиты, но можетъ быть онъ не знаетъ, что по ихъ собственному объясненію они дали эту битву для разузнанія расположенія французско-сардинскихъ войскъ, а въ результатѣ она послужила къ тому, что они не знали, гдѣ имъ ждать нападенія отъ непріятеля.

Съ 26-го (14) апрѣля до 20-го (8) мая цѣлый мѣсяцъ свободнаго времени австрійцы потеряли за-даромъ, потерявъ прежде того еще цѣлую недѣлю тоже нелѣпымъ образомъ. 21-го мая они вздумали наконецъ что нибудь сдѣлать, —и придумали сдѣлать сильную рекогносцировку на своемъ лѣвомъ флангѣ, чтобы узнать расположеніе праваго фланга французскихъ войскъ. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ австрійскій главнокомандующій. По правдѣ говоря, вѣроятно была тутътакже надежда захватить врасплохъ французскую дивизію, которая стояла слишкомъ далеко отъ другихъ. Дѣйствительно, дивизію эту захватили они врасплохъ, такъ что должны были бы непремѣнно уничтожить ее; но вмѣсто того сами были ею побиты, такъ что стыдно было имъ и признаваться въ своемъ человѣко-убійственномъ намѣреніи, и за лучшее почли они говорить только о невинной мысли произвесть рекогносцировку. Подробности объ этомъ дѣлѣ извѣстны теперь съ достаточной точностью; но оно потеряло свою занимательность послѣ страшной битвы при Маджентѣ, потому разсказъ нашъ можетъ быть короткій.

*

Обѣ враждебныя арміи, около 20-го (8) мая, стояли растянувшись каждая верстъ на сто. Часть французско-сардинскихъ войскъ была на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу По, часть на правомъ (южномъ). Австрійскія войска тоже стояли по обѣ стороны рѣки. На сѣверъ отъ По границею между врагами служило теченіе рѣки Сезіи, на югѣ естественной границы не было. Главною позиціею австрійцевъ была тутъ Страделла, составляющая ключъ къ обладанію надъ тою частью По, которая находится между Павіею и Піаченцою. Французскія войска стояли, между прочимъ, около Вогеры, которая лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Страделлы. „Мы хотѣли узнать, говоритъ Гіулай, какъ велики силы французовъ въ этомъ пунктѣ". Съ этою цѣлью былъ посланъ по дорогѣ къ Вогерѣ корпусъ Стадіона, имѣвшій до 25,000 человѣкъ. Первые непріятельскіе аванпосты встрѣтилъ онъ въ деревнѣ Кастеджіо: тутъ стоялъ отрядъ сардинской конницы, имѣвшій всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Сардинцы защищались очень храбро, сдѣлали нѣсколько геройскихъ аттакъ, но принуждены были отступить по той же вогерской дорогѣ въ деревню Монтебелло, гдѣ находилось около 500 человѣкъ французской пѣхоты подъ командою полковника Камбреля. Эта горсть людей вмѣстѣ съ сардинскими кавалеристами нѣсколько часовъ выдерживала битву, пока генералъ Форе, начальствовавшій дивизіею, расположенною въ тѣхъ мѣстахъ, собиралъ своихъ людей и поспѣшно посылалъ ихъ баталіонъ за баталіономъ на подкрѣпленіе аванпостному отряду. Отъ Вогеры къ Монтебелло идетъ желѣзная дорога, и это дѣло было первымъ сраженіемъ, въ которомъ вагоны привозили солдатъ прямо на поле битвы. Деревня Монтебелло нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Австрійцы очень твердо выдерживали бой, пока онъ ограничивался перестрѣлкою. Наконецъ, французы пошли въ штыки,—въ этомъ способѣ битвы австрійцы оказались довольно плохи,—и забавно читать письмо одного изъ ихъ офицеровъ, который презрительно говоритъ, что такой „безчеловѣчный маневръ", какъ рукопашный бой на штыкахъ, „не нравится австрійскимъ войскамъ, непривыкшимъ къ этому варварству",—увѣряемъ читателя, что эта фраза ни мало не прикрашена, а буквально взята изъ письма ученаго и гуманнаго австрійца. Штыками французы окончательно утвердились въ Монтебелло, и австрійцы отступили въ Кастеджіо. Французы не могли преслѣдовать ихъ, потому что были гораздо слабѣе числомъ.

Изъ этого мы видимъ, что въ тактическомъ отношеніи побѣда была далеко не полная. Французы успѣли сбить австрійцевъ со второй позиціи; но въ первой позиціи, отнятой въ началѣ боя, австрійцы спокойно остановились, не преслѣдуемые побѣдителями. Зато нравственное дѣйствіе перваго серьезнаго дѣла было довольно велико: французы и сардинцы увѣрились, что при равномъ числѣ сражающихся австрійцы не могутъ устоять противъ нихъ. Любопытными чертами боя были также два обстоятельства. При Монтебелло въ первый разъ дѣйствовали новыя французскія нарѣзныя пушки, и французы говорятъ, что ихъ страшному дѣйствію болѣе всего обязаны побѣдою. Съ другой стороны тутъ же было въ первый разъ испытано искусство знаменитыхъ тирольскихъ стрѣлковъ, и австрійцы увѣряютъ, что венсенскіе стрѣлки далеко уступаютъ этимъ отборнымъ мастерамъ своего дѣла.

Само собою разумѣется, что тотъ и другой фактъ одинаково оспариваются противниками: французы говорятъ, что въ тирольскихъ стрѣлкахъ нѣтъ ничего особенно хорошаго; австрійцы пишутъ, что французскія нарѣзныя пушки принесли имъ мало вреда. Надобно думать, что обѣ стороны правы, хваля свое оружіе, и обѣ только хотятъ уменьшить страхъ опасности въ своихъ рядахъ, отвергая дѣйствительность непріятельскаго огня. Такъ думать заставляетъ страшный уронъ, понесенный обѣими сторонами. Со стороны французовъ было въ дѣлѣ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ выбыло изъ строя около тысячи; число австрійцевъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ, было отъ 12-ти до 15-ти тысячъ, изъ нихъ выбыло изъ строя болѣе 1,250 человѣкъ. Сраженіе длилось не очень много времени, и военные люди находятъ, что такая сильная пропорція убитыхъ и раненыхъ (около восьмой части людей, бывшихъ въ дѣлѣ) была почти безпримѣрна въ подобныхъ стычкахъ прежнихъ войнъ. Ее надобно приписать, во французскихъ войскахъ, штуцерамъ тирольскихъ стрѣлковъ, а въ австрійскихъ—дѣйствію нарѣзныхъ пушекъ. О небывалой прежде мѣткости выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ свидѣтельствуетъ и непропорціональная потеря въ корпусѣ офицеровъ въ обоихъ отрядахъ. Изъ четырехъ полковыхъ командировъ и двухъ генераловъ, бывшихъ въ дѣлѣ, французы лишились одного генерала и трехъ полковыхъ командировъ; изъ шести человѣкъ уцѣлѣло только двое, да и то не совсѣмъ, потому что генералъ Форѐ также получилъ легкую рану.

Еще довольно важное обстоятельство состоитъ въ томъ случайномъ совпаденіи мѣстностей, что центромъ первой битвы въ нынѣшнемъ походѣ сдѣлалась деревня Монтебелло, при которой въ 1800 году Ланнъ одержалъ блистательную побѣду надъ австрійцами. Это дѣло служило вступленіемъ къ сраженію при Маренго, и отъ такого воспоминанія въ десять разъ усиливался эффектъ, произведенный нынѣшнею схваткою во французахъ и сардинцахъ.

Но едва ли не любопытнѣе всего въ этомъ дѣлѣ то безцеремонное хвастовство, съ которымъ обѣ стороны уменьшали число своихъ и увеличивали число непріятельскихъ войскъ, участвовавшихъ въ сраженіи. Французы говорили, что ихъ было всего только 5,000, или даже только 3,000, или даже только $2^1/_2$ тысячи противъ 25,000 австрійцевъ. Цифра 5,000 находится даже въ оффиціальныхъ отчетахъ, хотя каждому легко сосчитать по нумерамъ полковъ и баталіоновъ, что сражалось болѣе 8,000 французовъ, и хотя достовѣрно, что австрійцевъ сражалось не болѣе 15,000, а вѣроятно менѣе, и другія части корпуса Стадіона не участвовали въ битвѣ. Гіулай, напротивъ, говоритъ, что 8,000 австрійцевъ сражались противъ 40,000 французовъ и удержались въ своей позиціи; 40,000 противниковъ набираетъ онъ очень просто, считая весь корпусъ Бараге-д'Илье, которому принадлежитъ дивизія Форѐ; онъ могъ бы также легко показать и 250,000 противниковъ, стоило бы только считать всю французско-сардинскую армію. Какіе же Роландовскіе подвиги, кого ни послушать, Форѐ или Гіулая! Съ одной стороны 5,000 французовъ на голову разбили 25,000 австрійцевъ, съ другой стороны 8,000 австрійцевъ не были побѣждены 40,000 французовъ. Прелестно здѣсь согласіе въ опредѣленіи пропорціи: и по французскому, и по австрійскому отчету одинаково полагается одинъ свой солдатъ противъ пятерыхъ непріятелей.

Но если Гіулай не могъ перещеголять французовъ въ этомъ отношеніи, онъ оставилъ ихъ далеко за собою тѣмъ отраднымъ самодовольствіемъ, съ какимъ излагаетъ Европѣ свое понятіе о результатѣ дѣла. Французы, оттѣснивши противниковъ, полтора раза превосходившихъ ихъ числомъ, кричали, что одержали полную побѣду,—тутъ нѣтъ еще ничего страннаго. Но Гіулай чуть не съ наслажденіемъ говоритъ, что сраженіе, въ которомъ сильный отрядъ его былъ разбитъ, совершенно соотвѣтствовало его намѣренію и удовлетворило его желанію. „Мы, говоритъ онъ, хотѣли заставить противниковъ выказать свои силы, и достигли въ этомъ успѣха". „Times" очень не дурно подсмѣивается надъ такимъ тупоумнымъ усиліемъ утаить шило въ мѣшкѣ.

„Если кому нибудь угодно, говоритъ Times, потратить цѣлое утро совершенно понапрасну, пусть онъ проповѣдуетъ здравый смыслъ знаменитому медику или полководцу. Для этихъ людей задача не въ успѣхѣ,—успѣхъ пустая случайность,—а въ томъ, чтобы дѣйствовать по правиламъ искусства. Фортуна—капризница беретъ города и спасаетъ жизнь; правила искусства вѣчны и безспорны. Уморивъ 30 паціентовъ правильнымъ лѣченіемъ, докторъ идетъ въ кабинетъ, беретъ книгу, читаетъ ее и съ удовольствіемъ говоритъ себѣ, что не ошибся въ симптомахъ и что его рецепты всѣ были secundum artem. Его паціентъ воспользовался всѣми благами нынѣшняго совершенства науки и умеръ надлежащимъ образомъ. Чего же вамъ больше? Австрійскій генералъ яснымъ образомъ принадлежитъ къ той же школѣ. Онъ подвигается съ цѣлымъ корпусомъ и аттакуетъ позицію, на которой несомнѣннымъ образомъ долженъ найти сильнѣйшій отпоръ. Потерявъ 1,500 человѣкъ и такимъ образомъ „исполнивъ цѣль рекогносцировки" и „принудивъ непріятеля выказать всѣ свои силы", онъ отступаетъ въ совершенномъ порядкѣ и пишетъ ученую реляцію. Что мы станемъ говорить съ людьми, у которыхъ принципы до такой степени различны отъ нашихъ?"

Само по себѣ, сраженіе при Монтебелло не имѣло никакихъ результатовъ. Но оно принесло союзникамъ большую пользу тѣмъ, что утвердило австрійцевъ въ мысли, будто французы хотятъ держаться большими силами на южномъ берегу По и думаютъ начать наступленіе по дорогѣ отъ Вогеры къ Страделлѣ, чтобы перейти въ Ломбардію черезъ По между Павіею и Піаченцою. Блистательный отпоръ, данный ими австрійцамъ на правомъ берегу По, прикрылъ передвиженіе, которое сдѣлали они черезъ нѣсколько дней, перешедши черезъ По гораздо выше австрійской его части и сосредоточивъ свои силы на сѣверномъ берегу По, на дорогѣ изъ Верчелли въ Миланъ, посредствомъ отступленія къ Казале,—движеніе, которымъ рѣшена была судьба похода.

Около 20-го мая французы далеко еще не были готовы къ началу похода, и потому около полуторы недѣли не было никакихъ важныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ союзной арміи. Не раньше 30 (18) числа одинъ изъ отрядовъ ея встрѣтился съ австрійцами,—но за то уже тутъ каждый день стали совершаться дѣла, одно другого важнѣе, и къ 5-му іюня (24 мая), въ одну недѣлю была кончена первая половина кампаніи: въ 5 дней (съ 30-го мая до 3-го іюня) австрійцы были принуждены уступить двѣ оборонительныя линіи (Сезію и Тичино), на укрѣпленіе которыхъ было потрачено

ими такъ много труда; въ 6-й день (4-го іюня) произошло генеральное сраженіе, на 7 день было ясно, что вся Ломбардія до Минчіо и Аддидже освобождена отъ поработителей, и что быстрота, съ которою произойдетъ очищеніе разныхъ ломбардскихъ областей и городовъ австрійцами и занятіе ихъ французами, зависитъ уже только отъ быстроты, съ какою способна двигаться назадъ одна армія, двигаться впередъ другая.

Читателю извѣстны главные факты этой чрезвычайной поспѣшной катастрофы: 30 и 31-го мая сардинцы два раза разбили сильные австрійскіе отряды у Палестро; 1-го іюня австрійцы отступали за Тичино съ крайнею торопливостью; 2-го іюня союзники подошли къ Тичино; 3-го іюня переправились черезъ него; 4-го (23 мая) разбили австрійскую армію у Мадженты. Чтобы ясны были подробности этихъ дѣлъ, надобно намъ прежде всего ближе познакомиться съ театромъ ихъ.

Мы уже говорили, что въ послѣдней половинѣ мая австрійскія войска, бывшія на сѣверной сторонѣ По, постепенно отступая, очистили большую половину сардинскихъ земель, занятыхъ ими въ началѣ похода, и сосредоточились въ четырехъ-угольникѣ между рѣками Сезіею, Тичино, По и городомъ Новарою. Сезія и Тичино идутъ съ сѣвера на югъ почти параллельно, немного расходясь въ южной части своего теченія, передъ впаденіемъ въ По. Сезія образовала западную, Тичино восточную часть расположенія австрійской арміи; на сѣверѣ австрійцы сильными отрядами стояли до шоссе и желѣзной дороги, которыя бокъ-о-бокъ идутъ въ этихъ мѣстахъ, ведя изъ Турина въ Миланъ. Важнѣйшій пунктъ въ этой части ихъ, между Сезіею и Тичино—городъ Новара, гдѣ потерпѣли сардинцы окончательное пораженіе въ 1848 году. На западномъ берегу Сезіи, очищенномъ австрійцами, стоитъ на этой же желѣзной дорогѣ (и шоссе) городъ Верчелли, еще въ половинѣ мая занятый сардинцами, а нѣсколько южнѣе село Палестро. Южную границу четырехугольника составляетъ По. Въ южной сторонѣ широта четырехъугольника, занятаго австрійцами, составляетъ верстъ 40, въ сѣверной части верстъ 30 по прямому направленію, длина четырехъугольника отъ По до Миланской дороги (Новары) тоже верстъ 40.

Ясно, какой смыслъ имѣло это расположеніе. На югѣ австрійцы защищали По, на сѣверѣ миланскую дорогу; они думали, что союзникамъ трудно будетъ выбить ихъ изъ этого положенія, защищаемаго съ фронта рѣкою Сезіею; а по отступленіи съ Сезіи у нихъ оставалась другая защита, рѣка Тичино.

Ясно также, какой смыслъ имѣли битвы 30 и 31 мая при Палестро, и битва 4 іюня при Маджентѣ:—первыми двумя сардинцы сбили австрійцевъ на югъ съ миланской дороги между Сезіею и Тичино, третьею битвою союзники очистили себѣ дорогу отъ Тичино до Милана, отбросивъ австрійцевъ къ югу. Но какъ произошли эти битвы и наступательныя движенія союзниковъ, имъ предшествовавшія? Какимъ образомъ было произведено движеніе для сосредоточенія растянутыхъ до той поры отъ Верчелли, черезъ Алессандрію, до Вогеры союзныхъ войскъ между Сезію и Тичино, въ средней части ихъ теченія отъ Борго-Верчелли до Новары, т. е. по дорогѣ изъ Турина и Верчелли въ Миланъ? Какимъ образомъ совершился этотъ бли-

стательный фланговый маршъ, которымъ вся союзная армія обошла правый (сѣверный) флангъ непріятельскаго расположенія? Извѣстія французскихъ, сардинскихъ и бельгійскихъ газетъ объ этомъ маневрѣ чрезвычайно сбивчивы и отрывочны, притомъ такъ, что одинъ и тотъ же же корреспондентъ въ двухъ письмахъ сообщаетъ несообразные между собою клочки извѣстій, изъ которыхъ одно противорѣчитъ другому. Какъ ни старались мы составить изъ нихъ сколько нибудь связный разсказъ, все-таки выходило что-то дикое. Напримѣръ, по всѣмъ извѣстіямъ оказывалось, будто бы двойное сраженіе при Палестро, 30 и 31 мая, было дано при самомъ переходѣ через Сезію, какъ будто бы тутъ сардинцы въ первый разъ хотѣли проникнуть за эту рѣку; а между тѣмъ, по письмамъ тѣхъ же самыхъ корреспондентовъ видно было, что сардинская дивизія Чальдини еще съ 21 мая стояла на восточной сторонѣ Сезіи. Какимъ образомъ она вновь являлась переходящею черезъ Сезію, 30 мая, если перешла черезъ нее 21 и не была послѣ того тревожима австрійцами? И зачѣмъ австрійцы перепустили ее такъ свободно 21 мая? Какъ они могли 30 мая защищать переходъ черезъ рѣку, который былъ уже давно отнятъ у нихъ, или, лучше сказать, уступленъ ими почти безъ боя 21 мая? И какимъ образомъ, 31 мая, сардинцы, въ началѣ второго боя, являются отступающими къ Палестро, если бой начался тѣмъ, что австрійцы прямо подступили къ этой деревнѣ, чтобы выбить изъ нея непріятеля, еще не ходившаго дальше нея? И какую связь имѣли эти сардинскія битвы на среднемъ теченіи Сезіи съ движеніями главныхъ союзныхъ силъ, которыя вдругъ являются, 1 іюня, уже довольно далеко на востокъ за Палестро, близко къ Тичино, когда предполагается по всѣмъ извѣстіямъ, что австрійцы еще оспариваютъ переходъ черезъ Сезію?—всѣхъ этихъ и многихъ другихъ безсвязностей и противорѣчій никакъ нельзя было объяснить по извѣстіямъ континентальныхъ газетъ. Наконецъ, мы получили тѣ нумера Times'a, въ которыхъ помѣщены письма корреспондента этой газеты изъ Верчелли, отъ 31 мая, и изъ Палестро, отъ 1 іюня. Онъ одинъ оказывается наблюдателемъ, умѣвшимъ узнать дѣло и разсказать его порядочнымъ образомъ; у него одного факты изложены связнымъ и понятнымъ образомъ. Потому, отбрасывая всѣ нелѣпые разсказы другихъ газетъ, приходящихъ сюда раньше англійскихъ, мы просто переводимъ его письма. Думая, что вставлять въ нихъ клочки изъ другихъ извѣстій, съ перваго раза оказывавшихся безтолковыми, значило бы только портить разсказъ корреспондента Times'a, мы ограничиваемся лишь тѣмъ, что въ выноскахъ прибавляемъ нѣкоторыя поясненія. Такимъ образомъ читатели, если и будутъ лишены множества эффектныхъ картинъ съ громкими фразами, которыми изобилуютъ континентальныя газеты, то покрайней мѣрѣ будутъ въ состояніи ясно понимать ходъ дѣла.

Верчелли, 31 мая.

«По обѣщанію, пользуюсь первой интересной минутой, чтобы писать вамъ. Не ожидайте, чтобы это первое письмо мое было длинно, потому что хлопотать нужно очень много, осматривать очень многое, и очень мало остается времени на то, чтобы обдумать и писать. Тайна нынѣшней необыкновенной дѣятельности, столь сильно противорѣчащей тишинѣ послѣдняго мѣсяца, объясняется двумя словами: союзныя арміи

кончили свои приготовленія и двигаются впередъ, двигаются съ такою быстротою и энергіею, которая заставляетъ умолкнуть нетерпѣливыхъ, ожидавшихъ битвы за битвою и побѣды за побѣдою черезъ 24 часа послѣ того, какъ генуэзцы и туринцы привѣтствовали восторженными криками прибытіе первыхъ французскихъ войскъ.

«Безспорно, мы должны быть очень благодарны австрійцамъ, которые дали намъ кончить всѣ эти приготовленія, не думая мѣшать нашимъ дѣламъ ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ движеній, вродѣ наступленія къ Монтебелло и маленькихъ стычекъ на Сезіи.

«Были люди, улыбавшіеся при мысли, что императоръ лично принимаетъ командованіе арміею. Они должны были бы посмотрѣть на мѣстѣ, какъ собиралась эта великолѣпная армія, какъ снабжалась она всѣмъ нужнымъ, какъ принимались всѣ мѣры для огражденія ея, въ случаѣ покушенія непріятеля помѣшать приготовленіямъ; они долны были бы посмотрѣть, какъ эта армія съ безпримѣрною быстротою перенеслась въ назначенное мѣсто и, вѣроятно, они перестали бы улыбаться. потому что все это произведено самимъ императоромъ; онъ все организуетъ, онъ управляетъ и руководитъ. Одинъ фактъ самымъ яснымъ образомъ покажетъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Не далѣе, какъ четыре или пять дней тому назадъ главныя силы французовъ были расположены отъ Вогеры по южному берегу По къ Алессандріи, Валенцѣ и Казале, а нынѣ эта масса, за исключеніемъ одной гвардіи, перешла Сезію, и все движеніе совершилось безъ всякой запутанности, безъ всякихъ промаховъ и съ такимъ великимъ искусствомъ, что до третьяго дня общее мнѣніе полагало, что движеніе арміи произойдетъ по совершенно другому направленію, именно къ востоку. Это убѣжденіе было такъ сильно, что всѣ вѣрили нарочно распущенному слуху, будто бы главная квартира императора будетъ перенесена въ Вогеру. Сборы императора выѣхать изъ Алессандріи много содѣйствовали такому успѣху.

«Только третьяго дня и вчера движеніе приняло свой истинный характеръ. До той поры главною задачею было—принять оборонительное положеніе и ввести въ линію французскую армію. Понять, какую массу составляетъ армія, имѣющая болѣе 100.000 человѣкъ, такъ же трудно, какъ пріобрѣсти ясное понятіе о великости суммы въ нѣсколько милліоновъ. Это можно узнать, только увидя глазами; самое живое воображеніе не можетъ сравниться съ дѣйствительностью. И надобно знать, что всѣ военные запасы и большую часть всего продовольствія надобно перевозить изъ Франціи, т. е. надобно перевозить сотни тысячъ тоннъ багажа, артиллеріи, аммуниціи и понтоновъ. Необходимо было сдѣлать все это безъ всякаго замѣшательства, потому что малѣйшая запутанность замедлила бы всѣ приготовленія страшнымъ образомъ. И вотъ французскія войска, по мѣрѣ того какъ прибывали, посылались на разныя позиціи, чтобы остановить всякое покушеніе со стороны австрійцевъ. Такимъ образомъ французская армія постепенно расположилась по южному берегу По, отъ Кастеджіо, Вогеры, Кастельнуово и Сале до Бастильяно; Алессандрія и Тортона были базисами ея расположенія; а піэмонтская армія занимала линію отъ Валенцы до Казале и, по отступленіи австрійцевъ, до Верчелли.

«Первою задачею было получить переходъ черезъ Сезію, одну изъ тѣхъ широкихъ, болотистыхъ рѣкъ, которыми пересѣкаются долины верхней Италіи. Черезъ нее былъ только одинъ мостъ въ Верчелли, построенный на прекрасныхъ каменныхъ аркахъ. Онъ служилъ вмѣстѣ и для желѣзной дороги, и для большаго шоссе, ведущихъ въ Новару. Австрійцы, отступая, взорвали двѣ арки этого превосходнаго моста; поправка ихъ на глазахъ австрійцевъ была бы дѣломъ слишкомъ долгимъ и труднымъ и, конечно, слишкомъ привлекла бы ихъ вниманіе на этотъ пунктъ. Потому сардинская дивизія Чальдини получила приказаніе перейти Сезію въ бродъ; это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ болѣе недѣли тому назадъ. Чальдини утвердился въ Борго-Верчелли, первомъ значительномъ мѣстечкѣ по дорогѣ въ Новару [1]). Послѣ того немедленно поправили мостъ, и такимъ образомъ учредили свободное сообщеніе между

---

[1]) Борго-Верчелли лежитъ верстахъ въ трехъ на востокъ отъ Сезіи и нѣсколько сѣвернѣе города Верчелли, стоящаго на западномъ берегу рѣки.

обоими берегами рѣки. Масса сардинской арміи постепенно сосредоточилась въ этомъ пунктѣ и французскіе отряды заняли позиціи, оставленныя австрійцами [1]).

«Третьяго дня (29 — 17 мая) самъ король перенесъ свою главную квартиру изъ Казале въ Борго-Верчелли за Сезію. Французскіе инженеры къ этому времени уже построили еще другой мостъ для облегченія перехода, и французскія войска начали переправляться черезъ рѣку. Въ этомъ ихъ движеніи съ праваго крыла на лѣвое важную роль играла желѣзная дорога, и надобно сказать, что для перваго опыта примѣнить желѣзныя дороги къ военнымъ дѣйствіямъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, этотъ маневръ былъ блистателенъ [2]). Войска, которымъ нужно было бы пять или шесть дней тяжелаго похода, въ пять или шесть часовъ достигли къ мѣсту своего назначенія. Это имѣло еще и ту выгоду, что войскамъ, шедшимъ по обыкновенной дорогѣ, оставался просторный путь, между тѣмъ какъ шоссе загромоздилось бы, если бы всѣ войска шли по немъ; не говорю о томъ, что огромная масса войскъ, перевезенная по желѣзной дорогѣ, избавилась отъ утомленія форсированныхъ маршей.

«Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство, избавленіе отъ форсированнаго марша, было для французской арміи менѣе нужно, чѣмъ для всякой другой. Еслибъ не огромность ея массы, можно бы подумать, что она составлена изъ отборныхъ солдатъ. Большая часть солдатъ, люди служившіе довольно долго; вообще они имѣютъ отъ 25 до 30 лѣтъ; по ихъ свободной и твердой поступи вы узнали бы въ нихъ опытныхъ служакъ, если бы и не блистали повсюду въ ихъ рядахъ крымскія медали.

«Вчера вечеромъ (30 мая) значительная часть французскихъ войскъ, предназначенныхъ къ переходу черезъ Сезію, была уже на восточномъ берегу рѣки и съ той поры безъ перерыва идутъ другія войска черезъ мосты. Пѣхота, кавалерія, артиллерія, зарядные ящики, аммуниція, обозъ французскій и сардинскій, идутъ сплошною цѣпью, перерываясь только на тѣ минуты, когда ѣдутъ съ той стороны лазаретныя дроги съ ранеными, своими и непріятелями; каждый сторонится передъ этимъ поѣздомъ. Поразительнѣе всего въ союзныхъ войскахъ спокойный и веселый духъ, господствующій несмотря на частыя затрудненія и невзгоды, неизбѣжныя въ подобныхъ обстоятельствахъ.

«Вчера, въ годовщину битвы при Гоито, когда Піэмонтцы, 11 лѣтъ тому назадъ, совершили блистательный переходъ черезъ Минчіо (30 мая), было назначено начать наступленіе.

«Сардинцамъ была предоставлена честь идти впередъ подъ личнымъ предводи-

---

[1]) Изъ этого ясно, что австрійцы просто не обращали вниманія на движенія Чальдини, упорствуя въ своемъ предположеніи, что главныя силы союзниковъ непремѣнно должны начать наступленіе къ Ломбардіи по прямой линіи отъ своего первоначальнаго расположенія, т. е. по южному берегу По до ломбардской границы, и пытаться вторгнуться въ Ломбардію прямо черезъ По въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта рѣка служитъ границею Сардиніи, т. е. между Павіею и Піаченцею. Въ этой мысли, конечно, укрѣпляло ихъ то обстоятельство, что до послѣдней минуты главная квартира императора французовъ оставалась въ Алессандріи; это свидѣтельствовало, по ихъ мнѣнію, что французская армія не измѣняетъ своего расположенія. Были даже, какъ мы прочли уже, нарочно распускаемы слухи, что главная квартира переносится въ Вогеру, т. е. по прямой дорогѣ изъ Алессандріи къ пограничной части рѣки По. Движеніе Чальдини вѣроятно считали австрійцы просто диверсіею, дѣлаемою для того, чтобы отвлечь ихъ вниманіе съ юга на сѣверъ.

[2]) Отъ Алессандріи, верстахъ въ десяти—пятнадцати вдоль по южному берегу По, идетъ желѣзная дорога къ ломбардской границѣ. Тортона лежитъ на этой дорогѣ верстахъ въ двадцати на востокъ отъ Алессандріи; Вогера верстъ на пятнадцать на востокъ отъ Тортоны. Почти прямо на сѣверъ, съ небольшимъ уклоненіемъ на западъ, отъ Алессандріи идетъ въ Верчелли также желѣзная дорога, переходящая черезъ По въ Казале, гдѣ была до 29 мая главная квартира сардинскаго короля. Казале лежитъ отъ Алессандріи верстахъ въ 30 на сѣверъ; Верчелли еще верстъ на 20 далѣе къ сѣверу, такъ что все разстояніе по желѣзной дорогѣ отъ Алессандріи до Верчелли составляетъ верстъ 50, а отъ Вогеры верстъ 80. Итакъ, французы уѣхали отъ австрійцевъ съ южнаго берега По по желѣзной дорогѣ на западъ до того мѣста, гдѣ переправа черезъ По была свободна, и потомъ повернули, также по желѣзной дорогѣ, къ сѣверу.

тельствомъ короля. Вы знаете изъ реляцій, что послѣ упорнаго сопротивленія они овладѣли деревнями Палестро, Казалино и Винзаліо, лежащими по дорогѣ къ Мортарѣ [1]). Двѣ пушки и до трехъ сотъ плѣнниковъ (въ томъ числѣ раненые) были трофеями побѣды. Слава ея вполнѣ принадлежитъ сардинцамъ, потому что хотя значительныя силы французскихъ войскъ были уже за Сезіею, но не участвовали въ сраженіи. Сардинцы вполнѣ заслуживали этой чести, потому что по всѣмъ разсказамъ сражались очень храбро. Упорность, съ какою отбивались австрійцы, надобно въ значительной степени приписать характеру мѣстности, чрезвычайно благопріятному для обороны. Представьте себѣ низменную поляну, пересѣченную рвами и небольшими насыпями и поросшую лѣсомъ, достаточно густымъ для того, чтобы прикрыть обороняющихся и не давать наступающему мѣста развернуть силы. Деревни построены изъ кирпича и дикаго камня, такъ что каждый домикъ въ нихъ легко обращается въ крѣпостцу, а каждая изъ многочисленныхъ фермъ, разсѣянныхъ по всѣмъ направленіямъ, составляетъ крѣпкую позицію. Не можетъ быть мѣстности болѣе удобной для задержки наступающаго непріятеля.

«Довольно любопытно то, что первая линія австрійскихъ войскъ состояла изъ итальянцевъ и большая часть плѣнниковъ, захваченныхъ вчера, ломбардцы. Ихъ заперли въ церковь и они служатъ предметомъ большаго любопытства.

«Французскіе солдаты боятся теперь только того, чтобы австрійцы не отняли у нихъ случая подраться въ открытомъ полѣ. Это опасеніе объясняется непостижимыми движеніями австрійцевъ, которые дали французамъ полную свободу кончать приготовленія. Быть можетъ они хотятъ драться на позиціи, которую сами выберутъ, а быть можетъ, что они обмануты внезапнымъ движеніемъ французовъ на Сезію, зная послѣ сраженія при Монтебелло, что французы сосредоточены на южномъ берегу По. Вѣрнѣе всего предполагать, что обѣ причины вмѣстѣ заставляютъ ихъ отступать. Извѣстно, что третьяго дня главныя силы австрійцевъ были еще на южномъ берегу По. Едва послѣдніе ряды французовъ вышли изъ Вогеры, какъ слышался уже тамъ стукъ австрійскихъ барабановъ. Третьяго дня австрійцы заняли Вогеру и сожгли ее.

«Несомнѣнно то, что австрійцы медленно отступаютъ передъ сардинцами по направленію къ Мортарѣ [2]) и что они также безъ сраженія отступаютъ къ Новарѣ».

Палестро, 1-го Іюня (20 мая).

«Вамъ извѣстны реляціи о двухъ удачныхъ дѣлахъ, которыми сардинцы третьяго дня и вчера начали свое наступленіе, и для васъ, вѣроятно, будетъ интересно услышать подробности объ этихъ блистательныхъ сраженіяхъ, которыми сардинцы открыли походъ. По своему размѣру эти дѣла едва могутъ называться сраженіями, но блескомъ своимъ ни мало не уступаютъ они дѣлу при Монтебелло, а результатомъ навѣрное превосходятъ его.

«Вы помните, что по мѣрѣ того, какъ австрійцы отступали съ Доры, до которой дошли было ихъ аванпосты, сардинская армія занимала позиціи, покидаемыя непріятелями [3]). На Сезіи, довольно значительной рѣкѣ, австрійцы остановились и укрѣпили всѣ слабые пункты переправы черезъ нее, какъ будто бы рѣшившись обо-

---

[1]) Изъ этого мы видимъ, что первое сраженіе при Палестро было слѣдствіемъ наступленія союзниковъ уже съ восточнаго берега Сезіи далѣе къ Тичино, а не возникло изъ того, какъ говорили другія газеты, будто бы австрійцы не перепускали союзниковъ черезъ рѣку. Дѣйствительно, какъ могли австрійцы 30 мая защищать Сезію противъ города Верчелли, когда оба берега рѣки въ этихъ мѣстахъ были уже заняты сардинцами 21 мая.

[2]) Мортара лежитъ верстахъ въ 20 на востокъ отъ Верчелли и также верстахъ въ 20 прямо на югъ отъ Новары, то есть отъ прямой дороги изъ Турина и Верчелли въ Миланъ. Новара на сѣверѣ и Мортара въ средней части четырехъугольника, который занимали австрійцы, лежатъ почти на одинаковомъ разстояніи между Сезіею и Тичино.

[3]) Дора течетъ почти параллельно съ Тичино и Сезіею верстъ на 35 къ западу отъ Сезіи, такъ что отъ ея устья остается до Турина по прямому пути верстъ 30. Австрійцы начали отступать съ Доры около 13-го (1-го) мая.

роняться на этой линіи. Линія Сезіи вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ неприступнымъ позиціямъ, на которыхъ горсть людей можетъ останавливать цѣлыя арміи; но все-таки, подобно другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ По, она представляетъ значительныя выгоды обороняющемуся. Какъ всѣ рѣки сѣверной Италіи, она течетъ широкимъ русломъ, пересѣченнымъ маленькими островами и отмелями, а берега ея покрыты густыми рядами деревьевъ, дающими хорошую защиту.

«Въ Верчелли переходитъ черезъ Сезію дорога въ Новару и другая дорога въ Мортару; въ этомъ городѣ сходятся и двѣ желѣзныя дороги, одна, ведущая съ юга къ Лаго-Маджіоре, а другая изъ Сардиніи въ Миланъ. Потому Верчелли, будучи ключемъ сообщеній между Сардиніею и Ломбардіею, составляетъ важный стратегическій пунктъ въ странѣ, которая вся пересѣчена рвами и канавами, устроенными для орошенія полей.

«Отступая изъ Верчелли, австрійцы разрушили единственный мостъ, служившій и для шоссе, и для желѣзной дороги (одна сторона была оставлена для шоссе, по другой шла желѣзная дорога). Взорвавъ двѣ среднія арки моста, австрійцы разорвали важнѣйшую линію сообщеній съ Новарою и всею мѣстностью между Тичино и Сезіею.

«Десять дней тому назадъ, какъ вы знаете, дивизія Чальдини перешла въ Борго-Верчелли, деревню, которая находится по дорогѣ въ Новару, миляхъ въ двухъ (верстахъ въ трехъ) отъ Сезіи. Съ той поры она стояла тутъ, не будучи ни мало тревожима австрійцами, расположенными въ сосѣднихъ деревняхъ.

«30-го мая было назначено оттѣснить австрійцевъ съ ихъ позицій по дорогѣ къ Мортарѣ. Съ дороги изъ Верчелли въ Новару отдѣляются на правой рукѣ двѣ вѣтви, идущія на разстояніи около одной мили (полторы версты) одна отъ другой. Одна изъ этихъ вѣтвей отдѣляется съ большой дороги при деревнѣ Борго-Верчелли. Обѣ онѣ идутъ почти параллельно между собою въ юго-восточномъ направленіи и, наконецъ, соединяются въ Роббіо, миляхъ въ десяти (верстахъ въ шестнадцати) отъ тѣхъ пунктовъ, изъ которыхъ выходятъ [1]. Миляхъ въ двухъ отъ начала этихъ вѣтвей стоятъ на нихъ,—на одной деревня Палестро, на другой деревня Винзаліо; обѣ эти деревни, находящіяся почти другъ противъ друга, были заняты австрійскими авангардами и укрѣплены баррикадами; въ каждой деревнѣ стояло 1.500 человѣкъ и половина батареи.

«Какъ при переходѣ черезъ Сезію, такъ и теперь, движеніемъ для оттѣсненія австрійцевъ командовалъ самъ король. Дивизія Чальдини была раздѣлена на двѣ колонны, которыя одновременно пошли, одна на Палестро, другая на Винзаліо.

«Чтобы понять вамъ трудности, съ которыми должны были бороться сардинцы, я долженъ описать вамъ ту мѣстность. Вся страна на востокъ отъ Сезіи составляетъ одну массу хлѣбныхъ и рисовыхъ полей, раздѣляемыхъ насыпями, сдѣланными для проѣздовъ, и канавами отъ 3 до 4 футовъ глубины, для орошенія. Межи этихъ участковъ густо усажены деревьями, большею частью тополями и платанами, а самыя поля густо усажены шелковичными деревьями. Послѣ проливныхъ дождей хлѣбъ имѣлъ роскошный ростъ и вообще стоитъ теперь вышиною по крайней мѣрѣ отъ 5 до 6 футовъ, доставляя, такимъ образомъ, превосходное прикрытіе для стрѣлковъ. Рисовыя поля, напротивъ, до сихъ поръ всѣ остаются подъ водою; для ровнаго распредѣленія воды и управленія орошеніемъ сдѣланы маленькія насыпи отъ одного до двухъ футовъ вышиною, идущія по полямъ зигзагами, сообразно съ наклоненіемъ мѣстности. По такому-то округу идутъ двѣ дороги, образуемыя искусственными насыпями и возвышающіяся иногда футовъ на 20, а иногда и больше надъ уровнемъ окружающихъ полей и надъ дорожками, которыя идутъ по полямъ и отъ фермы къ фермѣ почти на одномъ уровнѣ съ полями. По этимъ маленькимъ дорожкамъ до сихъ поръ проходъ еще труденъ послѣ весеннихъ дождей. Изъ этого очерка, безъ котораго невозможно составить понятія о ходѣ битвы, вы можете видѣть, какъ затруднительно было на-

---

[1]) Роббіо стоитъ на дорогѣ изъ Верчелли въ Мортару, нѣсколько ближе къ Мортарѣ, нежели къ Верчелли.

ступленіе и какія выгоды были для обороны. Во-первыхъ, совершенно невозможно было сколько нибудь развернуть силы и воспользоваться числительнымъ превосходствомъ. Во-вторыхъ, артиллерію можно было ставить только на двухъ шоссе,— остальная мѣстность не позволяетъ провезти пушку; а ширина шоссе такова, что нельзя поставить на немъ больше двухъ пушекъ. Наконецъ, какъ бы для засвидѣтельствованія сардинской храбрости, положеніе обѣихъ деревень само по себѣ очень крѣпко. На ружейный выстрѣлъ передъ ними течетъ канализированная рѣчка Боджеа-Бузеа. Эта быстрая рѣчка имѣетъ, по крайней мѣрѣ, 15 футовъ ширины и 5 глубины. Кромѣ моста на каждомъ изъ двухъ шоссе, другихъ мостовъ черезъ нее нѣтъ. Передъ деревнями мѣстность имѣетъ легкій подъемъ, начиная съ 300 ярдовъ (125 саженъ) отъ мостовъ, а потомъ вдругъ, обрывисто, подымается на высоту отъ 20 до 30 футовъ. На этомъ крутомъ пригоркѣ построены деревни, а самыя шоссе, для которыхъ такой отвѣсный подъемъ былъ бы невозможенъ, прорѣзаны сквозь возвышеніе, будто бы широкія желѣзныя дороги, и съ обѣихъ сторонъ возвышаются надъ ними отвѣсныя крутизны прорѣза. При входахъ въ обѣ деревни австрійцы устроили баррикады. Подобно всѣмъ итальянскимъ деревнямъ, оба села выстроены исключительно изъ дикаго камня и кирпича; главныя улицы въ нихъ почти совершенно прямыя; по этимъ улицамъ идутъ шоссе. Тутъ стоитъ церковь старинной постройки съ высокой колокольней, которая въ военное время прекрасно служитъ для открытія непріятеля, приближающагося по прямому шоссе. Дворы домиковъ кругомъ обнесены постройками, оконъ въ нихъ мало, да и тѣ очень не велики, такъ что каждый домикъ составляетъ маленькій редутъ, запершись въ которомъ мужественный противникъ можетъ дорого продать побѣду нападающему.

«Когда колонна, шедшая по правому шоссе, приблизилась къ Палестро, отдѣленіе 16-й батареи выѣхало впередъ и стало бомбардировать деревню, а баталіонъ берсальеровъ и одинъ баталіонъ 15-го линейнаго полка были посланы въ обходъ на право отъ шоссе по одной изъ маленькихъ дорожекъ и черезъ поля, чтобы напасть на деревню съ лѣваго фланга непріятеля. Къ тому времени, какъ эта колонна подходила къ первымъ домикамъ, непріятель съ фронта началъ колебаться отъ артиллерійскаго огня. Какъ только это было замѣчено, другой баталіонъ 15-го линейнаго полка двинулся скорымъ шагомъ. Этою двойною аттакою деревня была очищена отъ австрійцевъ, они отступили за деревню на кладбище, очень обширное и окруженное стѣною. Они поставили нѣсколько пушекъ на шоссе за деревнею, на одной линіи съ кладбищемъ, чтобы стрѣлять по сардинцамъ, когда они двинутся за деревню. На срединѣ села, на шоссе стоитъ церковь и шоссе въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ поворотъ; потому, когда австрійцы были вытѣснены изъ деревни, сардинцы въ деревнѣ не терпѣли вреда отъ пушекъ, поставленныхъ непріятелемъ на шоссе за деревнею. Чтобы заставить замолчать эти орудія, сардинцы поставили свои пушки у самой церкви; но австрійцы быстро подбили ихъ. Тогда сардинцы выставили другое отдѣленіе 16-й батареи; оно скоро заставило непріятеля прекратить огонь. Немедленно послѣ этого австрійцы удалились, и піэмонтцы остались владѣтелями деревни, захвативъ довольно много плѣнныхъ.

«Деревня Винзальйо по своему положенію болѣе крѣпка и страшна при оборонѣ; но сардинцы встрѣтили тамъ меньше сопротивленій. Она была также взята штыками, а пороху сардинцы истратили тутъ мало. Эта деревня была очищена австрійцами нѣсколько раньше Палестро, и едва сардинцы успѣли выбить ихъ съ кладбища у Палестро, по узкой дорогѣ изъ Винзальйо въ Палестро прибыли двѣ австрійскія пушки съ прикрытіемъ—непріятель еще надѣялся найти своихъ въ этой деревнѣ. Какъ только сардинцы замѣтили приближеніе этихъ орудій, они послали изъ Палестро отрядъ, который безъ затрудненія взялъ ихъ, потому что прислуга, обрѣзавъ постромки, ускакала. Эти двѣ пушки были первыми, взятыми въ нынѣшній походъ. Онѣ были въ тотъ же вечеръ отосланы въ Верчелли.

«Дивизія Чальдини стала на ночь въ Палестро. Вечеромъ пришелъ 3-й полкъ зуавовъ, бывшій въ Крыму, а теперь отданный императоромъ въ распоряженіе короля сардинскаго.

«Такъ совершалась годовщина битвы при Тичино. На другое утро (31 мая), часовъ въ девять замѣчено было, что австрійцы приближаются повидимому съ намѣреніемъ отбить у сардинцевъ позицію, потерянную наканунѣ. Хотя колокольня церкви въ селѣ довольно высока, но благодаря характеру мѣстности, описанному мною, ихъ приближеніе не могло быть открыто, пока они не подошли очень близко, а еще меньше можно было разгадать ихъ планъ. За деревнею земля покрыта преимущественно хлѣбными полями, между тѣмъ какъ въ мѣстности, пройденной сардинцами до деревни, господствуютъ рисовыя поля. По сосѣдству съ деревнею на поляхъ деревьевъ мало, стало быть мѣстность благопріятнѣе для того, чтобы развертывать силы въ боевую линію.

«Австрійская канонада противъ деревни продолжалась уже нѣсколько времени; но все еще нельзя было угадать ихъ истиннаго плана. Вдругъ съ праваго фронта сардинцевъ, на той канализированной рѣчкѣ, о которой я упоминалъ, показался большой непріятельскій отрядъ съ двумя батареями. Теперь ясно стало, что австрійцы хотятъ ни больше, ни меньше, какъ отрѣзать передовой сардинскій отрядъ отъ Сезіи. Какъ только это было замѣчено, сардинцы, двинувшіеся главными своими силами впередъ за деревню противъ австрійцевъ, послали съ крайняго праваго своего фланга полкъ зуавовъ и два свои батальона (одинъ 9-го, другой 18-го линейнаго полка) противъ непріятеля, показавшагося на рѣчкѣ. Одушевленные братскимъ соревнованіемъ, эти храбрецы бросились на позицію, занятую австрійцами на правомъ ихъ флангѣ и, несмотря на страшный картечный огонь, встрѣтившій ихъ, сдѣлали великолѣпную аттаку на австрійскія пушки. Имъ надобно было пройти около 400 ярдовъ (175 саженъ) подъ убійственными непріятельскими выстрѣлами, и правда, что изъ ихъ рядовъ было вырвано огнемъ много людей; но жаръ ихъ не остылъ и, сдѣлавъ по одному выстрѣлу, они бросились въ штаки. Аттака была такъ стремительна, что тирольскіе стрѣлки, выдвинутые цѣпью впереди батарей, не успѣли отступить, а прибѣжали къ батареямъ перемѣшанные съ сардинцами и зуавами. Восемь пушекъ и много плѣнныхъ были результатами этой блистательной аттаки. Изъ восьми пушекъ пять очутились въ рукахъ у зуавовъ, три у сардинцевъ; но стремительность нападенія была такъ мгновенна, что невозможно и разобрать, какая пушка кѣмъ была взята. Кромѣ этихъ восьми пушекъ, отъ 800 до 900 плѣнныхъ и раненыхъ попалось въ руки союзниковъ. Число убитыхъ пропорціонально этой цифрѣ. Первая забота обратилась, натурально, на раненыхъ и справедливость требуетъ сказать, что австрійцы, которымъ судьба опредѣлила быть ранеными и попасть въ плѣнъ, не могутъ жаловаться на обращеніе союзниковъ съ ними. Такая заботливость должна производить на этихъ бѣдняковъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что, кажется, между ними была распространена мысль, будто бы союзники способны поступать съ плѣнными самымъ дурнымъ образомъ. Поэтому, напримѣръ, былъ случай, что австрійскій солдатъ, раненый подъ Вогерою въ животъ и въ голову, четыре дня прятался въ погребѣ, не ѣвши и не пивши и перевязывая свои раны носовымъ платкомъ.

«Какъ серьезна была битва, можно судить по числу раненыхъ, привезенныхъ со вчерашняго дня и все еще продолжающихъ прибывать въ Верчелли. Это темная сторона войны. Бѣдняки переносятъ свою судьбу очень мужественно, но невозможно равнодушно видѣть ихъ блѣдныя лица, раздробленные члены, ихъ окровавленное платье и слышать стоны, вырывающіеся у нихъ противъ воли.

«Австрійскіе плѣнники возбуждаютъ здѣсь, натурально, большое любопытство. Не знаю, быть можетъ нарочно на передовыхъ позиціяхъ были поставлены самые молодые солдаты, но какъ бы то ни было, почти всѣ плѣнные просто мальчики. Не удивительно, что они не устояли противъ возмужалыхъ піэмонтцевъ и притерпѣвшихся къ военнымъ трудностямъ зуавовъ. Любопытно также, что большинство ихъ, принадлежавшее къ полку Вимпфена, набранному въ славянскихъ провинціяхъ на адріатическомъ берегу, говоритъ по-итальянски. По всей вѣроятности, австрійцы хотѣли показать, что могутъ вполнѣ полагаться на свои итальянскіе полки».

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, вотъ еще отрывокъ изъ письма другаго (туринскаго) корреспондента Times'а.

«Туринъ 2 апрѣля. (23 мая).

«Король сардинскій выказалъ тутъ (при Палестро) неудержимую храбрость, которой онъ отличается. Онъ самъ водилъ войско въ аттаку на батарею, какъ будто простой капитанъ, желающій поскорѣе получить майорскіе эполеты. Его отвага пріобрѣла ему любовь зуавовъ, они провозгласили его своимъ товарищемъ и наградили чиномъ капрала зуавской службы. «Онъ можетъ быть доволенъ, мы его выбрали единодушно», говорятъ они: il doit être content, il a été élu à l'unanimité. На первый разъ это хорошо, и примѣръ короля безъ сомнѣнія имѣлъ хорошее дѣйствіе на армію; но мѣсто главнокомандующаго не въ головѣ батальона, идущаго въ аттаку, и Викторъ Эммануэль долженъ помнить, что его смерть запутала бы положеніе дѣлъ и могла бы повредить интересамъ, которые и теперь, по мнѣнію многихъ, не совершенно ограждены отъ опасности [1]). Говорятъ, императоръ французовъ сказалъ ему, что онъ долженъ болѣе щадить свою жизнь, если хочетъ быть королемъ итальянскимъ. Но характеръ короля рѣшительно боевой, и я увѣренъ, что онъ находитъ положительное наслажденіе въ экзальтаціи схватки и въ запахѣ австрійскаго пороха, вспыхивающаго у него подъ носомъ. Достовѣрнѣйшіе изъ здѣшнихъ разсказовъ о битвѣ при Палестро свидѣтельствуютъ, что австрійцы ниже своихъ противниковъ въ дѣйствованіи штыкомъ, и не могутъ устоять противъ этого оружія во французскихъ или піэмонтскихъ рукахъ. Фактъ то, что изъ привезенныхъ теперь сюда австрійскихъ раненыхъ огромное большинство имѣющихъ рану штыкомъ получили ее сзади. Кажется, робость овладѣваетъ ими въ рѣшительную минуту схватки. Нѣкоторые изъ итальянцевъ, взятыхъ въ плѣнъ при Палестро, разсказываютъ любопытныя подробности объ итальянскихъ солдатахъ австрійской арміи. Говорятъ, что итальянцы были поставлены въ первую линію, а позади ихъ кроаты. Когда союзники подошли, одинъ изъ солдатовъ (это передаетъ его товарищъ, солдатъ той же роты) замѣтилъ офицеру, что грустно имъ, итальянцамъ, быть принужденными сражаться въ Италіи противъ итальянцевъ. У офицера въ рукахъ была обнаженная шпага и онъ отвѣчалъ на неосторожное замѣчаніе тѣмъ, что закололъ солдата. Потомъ онъ обратился къ ротѣ и сказалъ, что если они не будутъ исполнять своей обязанности, кроаты, стоящіе за ними, будутъ стрѣлять по нимъ. Разумѣется, имъ оставалось только сражаться, и вѣроятно, они «исполнили свою обязанность», если справедливо говоритъ плѣнный, что изъ 165 человѣкъ, составлявшихъ его роту, осталось въ живыхъ только 16. Впрочемъ, я уже писалъ вамъ прежде, что итальянцы въ австрійскихъ войскахъ сражаются отчаянно. Но сдѣлавъ первый залпъ, солдаты этой роты подняли на штыки офицера, заколовшаго ихъ товарища. Другія итальянскія роты падали на землю, пропуская сардинцевъ далѣе. Таковы разсказы плѣнниковъ, и надобно сказать, что они носятъ на себѣ печать истины. Австрійцы, разумѣется, будутъ оспаривать ихъ справедливость, но такое опроверженіе едва ли должно имѣть много вѣсу».

Разсказы англійскихъ корреспондентовъ, переведенные нами, имѣютъ не одно то достоинство, что очень яснымъ образомъ знакомятъ насъ съ обстоятельствами битвъ при Палестро, совершенно безтолково разсказываемыхъ континентальными газетами. Они также одни только представляютъ настоящее отношеніе между участіемъ сардинскихъ и французскихъ войскъ въ одержанной побѣдѣ. По французскимъ и бельгійскимъ извѣстіямъ вся честь второй, рѣшительной битвы предоставляется исключительно зуавамъ, и выходитъ, будто бы сардинцы были почти уже разбиты австрійцами, когда подоспѣлъ на выручку къ нимъ третій полкъ зуавовъ, который притомъ былъ будто бы направленъ на помощь къ нимъ самимъ императоромъ, видѣвшимъ

[1]) Корреспондентъ намекаетъ па опасность, грозящую самостоятельности Италіи не отъ однихъ враговъ, но и отъ союзниковъ. Мы увидимъ, что многіе итальянцы боятся французовъ.

пораженіе своихъ союзниковъ. Все это оказывается чистымъ вздоромъ. Мы видимъ, что третій полкъ зуавовъ еще въ предъидущіе дни былъ отданъ императоромъ въ распоряженіе сардинскаго короля и поступилъ въ составъ отряда, которымъ командовалъ Викторъ-Эммануэль. Полкъ этотъ вовсе не подоспѣвалъ на выручку Богъ знаетъ откуда, а просто съ начала битвы былъ поставленъ сардинскимъ королемъ на правомъ флангѣ. Посланъ былъ онъ противъ австрійцевъ, пошедшихъ въ обходъ деревни, не по какой нибудь особенной причинѣ, не потому, чтобы только онъ одинъ могъ исполнить аттаку, слишкомъ трудную для сардинцевъ, какъ предполагается по французскимъ отчетамъ; нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ пошли, ни на шагъ отъ него не отстали, въ одинъ мигъ съ нимъ добѣжали до непріятельской батареи, взяли ее и смяли австрійцевъ два сардинскіе батальона, и если ему пришлось участвовать въ блистательной аттакѣ вмѣстѣ съ сардинцами, такъ это просто потому, что онъ стоялъ на правомъ флангѣ, около котораго пошли въ обходъ австрійцы; а на какой пунктъ будетъ произведено главное наступленіе австрійцевъ, это, какъ мы видимъ, рѣшительно не было извѣстно до той самой минуты, какъ началась аттака сардинско-зуавскимъ правымъ флангомъ. Вовсе не видно и того, чтобы на другихъ пунктахъ сардинцы уступали непріятелю; напротивъ, австрійское наступленіе съ фронта оказывается только фальшивою аттакою; служа единственно для замаскированія обхода съ праваго фланга, фронтальное наступленіе и не должно было имѣть особенной энергіи, а по французскимъ извѣстіямъ представляется, будто бы до того мѣста, гдѣ аттаковали ихъ зуавы, австрійцы дошли, гоня передъ собою сардинцевъ, сбитыхъ ими съ позиціи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они достигли этого мѣста особеннымъ отрядомъ, посланнымъ въ обходъ и ни мало не гнавшимъ сардинцевъ ни съ какого пункта. Словомъ сказать, весь ходъ дѣла искаженъ съ тою цѣлью, чтобы вся честь побѣды принадлежала однимъ зуавамъ, а сардинцы являлись бѣдствующими, почти разбитыми. Точно такую же несправедливость къ сардинцамъ мы видимъ во французскихъ отчетахъ и о дѣлѣ при Монтебелло. Сардинская кавалерія почти забыта въ нихъ, и если упоминается, то какъ будто только съ цѣлью внушить, что она спаслась отъ истребленія единственно отступленіемъ подъ защиту французскаго аванпоста, командуемаго Камбрелемъ; между тѣмъ собственно ея блистательнымъ аттакамъ были обязаны французы тѣмъ, что слабый отрядъ ихъ могъ удержаться до прибытія подкрѣпленій; а что она не искала защиты, доказывается тѣмъ, что она постоянно возобновляла аттаки до тѣхъ поръ, пока потеряла почти всѣхъ своихъ лошадей. Возвращаясь ко второму дѣлу при Палестро, мы выставимъ одинъ фактъ, положительно доказывающій, что въ знаменитой аттакѣ на правомъ флангѣ сардинцы дѣйствовали ни чуть не хуже зуавовъ: изъ восьми пушекъ, взятыхъ быстрымъ натискомъ, три оказались въ рукахъ у сардинцевъ и только пять у французовъ. Эта пропорція трофеевъ совершенно соотвѣтствуетъ числительности тѣхъ и другихъ войскъ. Зуавскій полкъ имѣлъ три батальона, сардинцевъ было два батальона, и по числу взятыхъ пушекъ оказывается, что всѣ батальоны дѣйствовали въ натискѣ совершенно ровно. Участіе сардинскихъ войскъ въ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ союзниками, вообще уменьшается систе-

матически во французскихъ извѣстіяхъ. Такъ, напримѣръ, почти совершенно замаскировывается въ нихъ тотъ общій фактъ, что сардинцами была исполнена главнѣйшая часть плана, который имѣлъ результатомъ очищеніе западной Ломбардіи отъ австрійцевъ. Пока французы бездѣйственно стояли на южномъ берегу По, на долю сардинцевъ досталось произвести то наступленіе по миланской дорогѣ, слѣдствіемъ котораго была побѣда при Маджентѣ. Сардинцы должны были перейти Сезію, устроить мосты на ней для перехода остальныхъ частей войска; они вообще были авангардомъ въ общемъ планѣ кампаніи и подвергались сильнѣйшему риску. Да и самыя сраженія при Палестро, данныя при исполненіи этой трудной задачи, лишаются своего значенія по французскимъ отчетамъ, между тѣмъ какъ собственно они очистили французамъ дорогу въ Ломбардію.

Не успѣвъ остановить наступленіе сардинцевъ къ Тичино и увидя, что за ними уже очень близко идутъ всѣ французскія силы, австрійцы начали быстро очищать пространство между Сезіею и Тичино, потому что только за Тичино могли соединиться съ тѣми своими силами, которыя стояли на южномъ берегу По и теперь были двинуты для общаго отпора врагу, направившему свое нападеніе не съ той стороны, какъ ждали австрійцы. Кажется, только 1 іюня они убѣдились, что союзники обманули ихъ искуснымъ передвиженіемъ главныхъ силъ на сѣверъ; они догадались объ этомъ планѣ уже тогда, какъ онъ былъ исполненъ, и должны были чрезвычайно торопиться, чтобы непріятель не захватилъ ихъ отрядовъ разбросанными. Они отступали съ такой поспѣшностью, что бросали въ сардинскихъ городахъ не только запасы провіанта и оружія, но часто и свои кассы съ звонкой монетой. Союзники шли за ними всего только въ нѣсколькихъ часахъ пути и черезъ четыре дня по начатіи наступленія уже переходили черезъ Тичино у Буффалоры, Турбиго и другихъ деревень, расположенныхъ вдоль рѣки около желѣзной дороги и шоссе, ведущихъ изъ Новары въ Миланъ. Переправа не обошлась безъ сраженій, и между прочимъ было дѣло у переправы въ Турбиго (3 іюня); но читатели знаютъ, что эти схватки были только прелюдіею къ генеральному сраженію 4-го іюня при Маджентѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сардинской границы на миланскомъ шоссе. Остановимся здѣсь на минуту, прежде чѣмъ станемъ говорить объ этомъ сраженіи, и обратимъ свое вниманіе на австрійцевъ: до сихъ поръ мы все говорили только о дѣйствіяхъ союзниковъ, и было бы обидою съ нашей стороны австрійцамъ не поговорить подробно и о нихъ, а мы ни за что въ свѣтѣ не хотимъ оскорблять это образцовое правительство; не даромъ про насъ говорятъ очень многіе, что мы держимъ сторону австрійцевъ: мы охотно сознаемся, что чувствуемъ къ нимъ слабость; да и какъ не симпатизировать намъ при нашихъ убѣжденіяхъ съ восхитительной австрійской системой? Да, мы смотримъ на австрійцевъ съ умиленіемъ восторга за то, что всему свѣту являются они въ истинномъ видѣ. Какъ въ древности говорили о грекахъ, что всѣ ихъ дѣла и мысли всѣмъ извѣстны въ настоящемъ видѣ,—res graecorum nuda est,—такъ можно теперь сказать объ австрійцахъ, и объ однихъ австрійцахъ, что никто не ошибается на ихъ счетъ. Попробуйте сказать что нибудь о французской, объ англійской, о какой угодно другой внутренней или внѣшней политикѣ,—сотни и тысячи благороднѣйшихъ людей набросятся на васъ за недостатокъ вѣры въ честность, благо-

родство, въ добрыя намѣренія, въ прекрасныя цѣли, въ восхитительные результаты; вы будете названы грязнымъ скептикомъ, клеветникомъ, жолчнымъ фанатикомъ и т. д. Съ одними австрійцами дѣло не таково. Тутъ скажите только: „австрійская политика своекорыстна, реактивна, гнусна",—всѣ съ вами соглашаются. Неужели же недостойны признательности австрійцы за то, что ими одними не обольщенъ никто? Это объективная причина нашего глубокаго сочувствія къ австрійцамъ: невозможно не уважать дѣла, не производящаго ошибки ни въ чьемъ умѣ. Есть и субъективная причина у насъ любить австрійскую политику: она служитъ едвали не единственнымъ предметомъ, въ мнѣніи о которомъ сходимся мы со множествомъ людей, очень строго осуждающихъ наши мнѣнія почти о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ бѣлаго свѣта. Только говоря объ австрійцахъ, они могутъ хотя на минуту примиряться съ нами и признавать, что еще осталась въ насъ хотя слабая искра нѣкотораго человѣческаго чувства. Скажите же, читатель, какъ намъ не любить австрійцевъ?—вѣдь безъ нихъ исчезло бы единственное зеркало, въ которомъ черты наши отражаются благородными и прекрасными.

Перенесемтесь же въ австрійскій лагерь и посмотримъ, что надобно сказать о дѣйствіяхъ благороднаго и человѣколюбиваго Гіулая, полтора мѣсяца тому назадъ рыцарски пошедшаго освобождать сардинцевъ. Надобно, къ сожалѣнію, признаться, что и съ той поры, какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать оборонительнымъ образомъ, умственное достоинство его распоряженій столь же мало соотвѣтствовало высокому нравственному достоинству его дѣла, какъ и въ ту пору, пока онъ могъ дѣйствовать наступательно. Мы желали бы скрыть это, но не можемъ: запасы, оружіе, деньги, оставленныя австрійцами при торопливомъ отступленіи, слишкомъ ясно обнаруживаютъ, что австрійскіе генералы вмѣстѣ съ своимъ Гіулаемъ не умѣли ничего сдѣлать, какъ слѣдуетъ и заблаговременно. Они укрѣплялись на Сезіи и перепустили сардинцевъ черезъ эту рѣку безъ боя. Кротость похвальна; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было изнурять своихъ солдатъ работами для устройства укрѣпленій? Пропустивши врага тамъ, гдѣ слѣдовало остановить его, они принялись сражаться съ нимъ на мортарской дорогѣ. Отважность также похвальна; но зачѣмъ было сражаться, имѣя въ тылу Тичино? Военные люди говорятъ, что, имѣя въ тылу рѣку, переходъ черезъ которую труденъ, сражаться не слѣдуетъ. Какъ только союзники ворвались, или, лучше сказать, безпрепятственно вошли въ знаменитый, надоѣвшій и намъ и, вѣроятно, читателямъ четыреугольникъ между Сезіею и Тичино, каждому и французскому, и австрійскому офицеру было ясно, что австрійцамъ остается только отступить за Тичино. Или они сражались затѣмъ, чтобы задержать наступленіе и порядочнымъ образомъ убраться, куда имъ слѣдуетъ? Но нѣтъ, они удовольствовались тѣмъ, что пять батальоновъ отняли восемь пушекъ у какого-то ихъ отряда, разсудили, что останавливать союзниковъ не стоитъ, и пошли назадъ такъ торопливо, что не успѣли вывезти съ собою даже своихъ денегъ, и притомъ не бумажекъ, а настоящихъ металлическихъ денегъ, которыми такъ небогаты. Чтожь это такое за нелѣпица? Но объ этомъ хорошо говоритъ Times. Статья его, написанная еще до полученія точныхъ свѣдѣній объ искусномъ передвиженіи союзниковъ съ юга на сѣверъ, удѣляетъ часть своего приговора и французамъ;

но по дружбѣ къ австрійцамъ мы скажемъ, что всѣ сужденія англійской газеты должны теперь достаться исключительно въ ихъ пользу: французскіе генералы доказали послѣ того, что, кромѣ ружей и пушекъ, имѣютъ и достаточную долю ума.

«Дѣлайте, что хотите (говоритъ Times),—трубите въ трубы, бейте въ барабаны, размахивайте знаменами,—оглушайте шумомъ, ослѣпляйте блескомъ, война все-таки страшное и отвратительное дѣло, стоящее въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми религіозными ученіями, всѣми нравственными чувствами, всѣми потребностями и стремленіями цивилизаціи. Войною мы еще связаны съ гнуснымъ прошедшимъ, съ временами невыразимаго варварства и звѣрства, безконечныхъ и безплодныхъ страданій рода человѣческаго. Когда цивилизованные люди берутся за оружіе для взаимнаго истребленія, какъ мало различія между ними и дикарями, какъ похожимъ становится XIX вѣкъ, видѣвшій возникновеніе французской имперіи, на V вѣкъ, видѣвшій паденіе Римской имперіи! Но какъ ни отвратительна бываетъ война всегда, никогда не являлась она въ формѣ болѣе ужасной, нежели та, какую имѣетъ теперь на итальянскомъ полуостровѣ. Кажется, какъ будто бы принята теорія Гоббза, и война сочтена естественнымъ состояніемъ человѣчества, слишкомъ долго подавлявшимся трусливою и ничтожною однообразностью мира. Иначе, какъ бы могло, съ перваго дня нынѣшняго года, внезапно оказаться невозможнымъ положеніе вещей, продолжавшееся 45 лѣтъ? Война представляется еще ужаснѣе отъ своего сближенія съ величайшими пріобрѣтеніями новой цивилизаціи. Рѣзня при Монтебелло поддерживалась непрерывными поѣздами желѣзной дороги, подвозившей свои грузы прямо на мѣсто человѣческой бойни, какъ подвозятъ быковъ, барановъ и телятъ на бойню, питающую Лондонъ. Оскверненная наука обращена въ орудіе для истребленія того самаго существа, умомъ котораго создана она, и тайны, вырванныя терпѣливымъ и долгимъ трудомъ мысли изъ тайниковъ, не хотѣвшей выдать ихъ природы, обращены на уничтоженіе прекраснѣйшаго ея творенія. Враждебныя толпы встрѣчаются съ свирѣпостью, которой могли бы позавидовать Гунны и Вандалы, а извѣстія о каждой подробности рѣзни разносятся прекраснымъ механизмомъ электрическаго телеграфа и пульсъ, въ которомъ бьется жизнь природы, съ вѣрностью и быстротою невѣдомой бичу людей въ прежнія времена, сообщаетъ всѣ обстоятельства разрушенія.

«Но этотъ контрастъ между гнусными средствами и цѣлями войны и благородными силами, порабощенными ихъ осуществленіемъ, еще не такъ возмутителенъ, какъ легкомысленная, напрасная растрата жизни, замѣчаемая нами въ нынѣшней борьбѣ. Сдѣлавшись болѣе ученою, война утратила нѣсколько своей прежней дикости, и со временъ великаго Наполеона стала игрою, въ которой побѣда должна принадлежать скорѣе высшему уму, нежели отчаяннѣйшей храбрости. По мнѣнію Наполеона и нашего Веллингтона, генералу нужно имѣть болѣе гражданскихъ, нежели чисто военныхъ качествъ, чтобы вести войну успѣшно; и оба они своими успѣхами были болѣе обязаны удивительной вѣрности своихъ соображеній, нежели храбрости своихъ войскъ, какъ ни велика была она. Ихъ арміи совершали упорныя битвы, въ которыхъ много страдали; но бились и страдали онѣ для достиженія важныхъ стратегическихъ цѣлей, а не для того только, чтобы прославиться храбростью, или перебить много людей у непріятеля. Солдатъ чувствовалъ, что его побѣда необходима для выполненія плана, осуществленіе котораго ведетъ къ тому, чтобы предать въ его власть непріятельскую армію или столицу. Герцогъ Веллингтонъ хотя и выигралъ много побѣдъ, но любилъ хвалиться тѣмъ, что никогда не начиналъ ни одной стычки, т. е. никогда не жертвовалъ кровью своихъ солдатъ на дѣла, неимѣвшія прямой связи съ результатомъ похода. Смотря на вещи, происходящія въ Италіи, мало мы увидимъ слѣдовъ тѣхъ правилъ, какія были оставлены для руководства будущихъ полководцевъ этими великими мастерами военнаго искусства. До сихъ война представляла намъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, дававшихся, кажется, съ тою единственною цѣлью, чтобы истреблять людей другъ у друга. Отыскивать непріятеля повсюду, гдѣ можно найти его,

бросаться въ стычку, стоять въ ней съ бульдоговскимъ мужествомъ и потомъ отойти, не получивъ и не желавъ получить никакой выгоды, кромѣ «нанесенія большой потери непріятелю»,—это кажется высочайшею мудростью, доступною нынѣшнимъ полководцамъ. Возьмите, напримѣръ, сраженіе при Монтебелло, въ которомъ было погублено громадное число людей, такое громадное число, что до изобрѣтенія нарѣзнаго оружія такое кровопролитіе было бы достаточно для рѣшенія судьбы похода, или для взятія крѣпости, господствующей надъ цѣлою провинціею. Бывала ли когда нибудь такая напрасная и безпредметная рѣзня? Австрійцы хотѣли узнать, какъ велики силы французовъ въ извѣстномъ направленіи, и узнавъ это, напирали все впередъ, съ полной увѣренностью, что додвигаются наконецъ до такихъ силъ, превосходствомъ которыхъ будутъ оттолкнуты назадъ. Они знали это столь же твердо, какъ мальчикъ, бросающій камень въ прудъ, знаетъ, что камень дойдетъ до дна, и остановится на немъ. Но для удовлетворенія ребяческому желанію превратить рекогносцировку въ нападеніе, не могшее имѣть успѣха, принесено было въ жертву больше людей, чѣмъ стоила Альмская побѣда, и лишены были жизни эти люди безъ малѣйшаго результата.

«Тоже самое можно сказать о сраженіяхъ при Палестро. Сколько мы знаемъ, ни на минуту нельзя имѣть мысли, что австрійцы станутъ серьезно защищать всю линію передъ Тичино, когда французско-сардинская армія двинется для занятія этой линіи. Но Палестро нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; австрійцы дрались за него съ сардинцами съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ будто за Эйлауское кладбище, или Бородинскій редутъ, или за Гугумонскую ферму подъ Ватерлоо. Спрашивается, что же выиграно этою битвою? Австрійцы должны отступать, того требуетъ планъ ихъ кампаніи. Въ тылу у нихъ почти неприступная линія Минчіо между Гардскимъ озеромъ и Мантуанскими болотами, и по всѣмъ соображеніямъ не слѣдуетъ имъ останавливаться для рѣшительнаго отпора, пока нѣтъ на ихъ сторонѣ ровно никакого преимущества. А если такъ, то кровь, пролитая подъ Палестро, пролита понапрасну и ничего не пріобрѣтено уменьшеніемъ силы одной арміи, которое куплено такимъ же уменьшеніемъ силы другой арміи. Генералы съ обѣихъ сторонъ дѣйствуютъ, кажется, по совѣту, даваемому Филидоромъ молодымъ игрокамъ: «чаще мѣняйтесь шашками, говоритъ онъ, потому что это очищаетъ шахматницу и даетъ просторъ игрѣ». Военное искусство должно было бы имѣть другой способъ дѣйствія; слишкомъ легко достичь въ немъ совершенства, если оно учитъ только нападать на непріятеля при всякомъ случаѣ и наносить себѣ, вмѣстѣ съ другими, всевозможный вредъ. По сравненію съ такой тактикой достойно славы вторженіе Гарибальди въ австрійскія владѣнія, хотя оно и опрометчиво, хотя оно и оставлено безъ поддержки: если онъ рисковалъ погубить себя и своихъ спутниковъ, то по крайней мѣрѣ у него была цѣль дѣйствительно важная. Мильтонъ говоритъ, что англо-саксонскія битвы столько же заслуживаютъ памяти въ исторіи, какъ битвы коршуновъ съ воронами. То же самое можно сказать о рядѣ битвъ, въ которыхъ единственной цѣлью было кровопролитіе, въ которыхъ тысячи были убиты не для исполненія какого нибудь обдуманнаго плана, а просто въ удовольствіе драчливости двухъ армій, генералы которыхъ повидимому неспособны сдержать свое взаимное ожесточеніе до той поры, когда созрѣетъ планъ дѣйствій съ ненапраснымъ пролитіемъ крови. Впрочемъ веденіе войны соотвѣтствуетъ ея началу. Начата она безъ всякой основательной причины, ведется она съ циническимъ презрѣніемъ человѣческой жизни, достойнымъ деспотическихъ государствъ, измѣряющихъ свое благосостояніе и могущество не числомъ рукъ, которыя могутъ заниматься въ нихъ полезною дѣятельностью, а объемомъ, до котораго могутъ они развить средства рѣзни и разрушенія въ рядахъ своихъ многочисленныхъ армій».

Эта статья была напечатана въ Times'ѣ еще 2 іюня (21 мая), когда не было извѣстно, что сраженія при Палестро были слѣдствіемъ общаго наступленія, предпринятаго союзниками; по вздорнымъ телеграфическимъ депешамъ казалось тогда, что движеніе сардинцевъ за Сезію не вытекало изъ

общаго плана, а было чисто дѣломъ удальства. Потому-то авторъ статьи осуждаетъ за безсмысленное кровопролитіе полководцевъ обѣихъ сторонъ. Теперь мы знаемъ, что дѣйствія французско-сардинскихъ полководцевъ были обдуманы и только слова ихъ депешъ, нелѣпо эффектныхъ, отнимали на время у ихъ поступковъ характеръ благоразумія. Теперь, когда ходъ дѣла сталъ точнѣе извѣстенъ, мы видимъ, что и подъ Палестро, какъ подъ Монтебелло, только бездарность австрійскихъ предводителей производила рѣшительно ненужную для нихъ рѣзню.

Провожая австрійцевъ изъ сардинскихъ владѣній, мы должны сказать нѣсколько словъ въ объясненіе неправдоподобныхъ увѣреній, которыми отвѣчали они на крики о грабительствахъ и свирѣпостяхъ, будто бы произведенныхъ ими въ Піэмонтѣ. Теперь нѣтъ надобности говорить, что слухи эти дѣйствительно были очень преувеличены. Само французское правительство почло нужнымъ напечатать оффиціальное предупрежденіе своимъ газетамъ, чтобы онѣ перестали съ неразсчетливой радостью выдавать за истину всѣ выдумки о каннибальствѣ австрійскихъ солдатъ. Оно разсчло, что излишнее пристратіе къ пустымъ сплетнямъ въ результатѣ повредитъ дѣлу самихъ союзниковъ во мнѣніи Европы. Но быть можетъ, французское правительство не заслуживаетъ довѣрія? Мы не станемъ спорить противъ этого, а припомнимъ только, что само сардинское правительство сняло съ австрійскихъ кораблей эмбарго, наложенное на нихъ по оффиціальному объявленію за грабительство австрійцевъ въ Сардиніи. Снявъ эмбарго, оно показало, что увѣрилось въ несправедливости этихъ слуховъ. Въ первый разъ поколебалась вѣра въ нихъ письмами англичанина, корреспондента Times'а, допущеннаго австрійскимъ правительствомъ находиться при главной квартирѣ австрійской арміи. Странное, кажется, дѣло: всѣ австрійскія газеты и само правительство увѣряло Европу, что слухи о грабежѣ несправедливы; никто не вѣрилъ. Написалъ какой-то англичанинъ, никому неизвѣстный, Богъ знаетъ какихъ нравственныхъ качествъ, и ему повѣрили больше, нежели всѣмъ австрійскимъ командирамъ.

Но возвратимся къ слухамъ объ австрійскомъ грабительствѣ въ Сардиніи. Когда союзники вступили въ области, оставленныя непріятелемъ, корреспонденты французскихъ газетъ, слѣдовавшіе за арміею, сами убѣдились, что необходимо отказаться отъ прежнихъ сплетень, и начали писать, что австрійцы не дѣлали съ сардинцами ничего предосудительнаго. Мало по малу откровенность дошла до того, что мы прочли въ Indépendance Belge слѣдующія строки, конечно очень лестныя для австрійцевъ, но еще болѣе утѣшительныя для ломбардцевъ, которые теперь съ восторгомъ встрѣчаютъ французовъ:

«Проведя три дня въ странѣ на востокъ за Тортоною [1]), я собралъ, пишетъ французскій офицеръ, подробности о контрибуціи, наложенной австрійцами на занятые ими города. Все дурное, разносившееся слухами, почти совершенно исчезаетъ, кромѣ нѣсколькихъ изолированныхъ фактовъ, которые надобно приписать исключительно бродягамъ. На мой взглядъ австрійцы не переступали границъ военнаго права, совершенно позволяющаго жить на счетъ непріятельской страны. Мое мнѣніе раздѣляется здѣсь (т. е. во французскомъ лагерѣ) всѣми. Навѣрное мы не видѣли бы большаго грѣха, если бы стали точно также поступать въ Австріи».

---

[1]) Т. е. въ мѣстности, которую долго занимали австрійцы.

По разсказамъ англійскихъ корреспондентовъ французскіе офицеры употребляютъ иногда въ этомъ аргументѣ вмѣсто слова „Австрія“ слово „Ломбардія“. Но что еще будетъ въ Ломбардіи, мы услышимъ, а пока знаемъ только, по свидѣтельству того же французскаго офицера, что дѣло производится иногда его товарищами и въ Сардиніи нѣсколько по примѣру австрійцевъ. Нѣсколькими строками выше переведеннаго нами мѣста, мы въ томъ же письмѣ читаемъ:

«Не знаю, понятно ли вамъ, что такое значитъ расположеніе войскъ по квартирамъ? Скажу вамъ о немъ два слова, потому что дѣло это непривычное для французской арміи, которая со времени послѣднихъ войнъ всегда располагалась только на бивуакахъ. Квартированіе по деревнямъ состоитъ вотъ въ чемъ. Отрядъ приходитъ, вступаетъ на дворъ фермы; начальникъ отряда ищетъ помѣщенія: овины, конюшни, амбары—запертые и отпертые—все годится, на чемъ есть кровля. (Итакъ, замокъ на дверяхъ амбара не служитъ помѣхой?). Берутъ у фермера всю солому, нужную для постилки людямъ. Располагаются въ этихъ амбарахъ, овинахъ, конюшняхъ и каждый устраиваетъ себѣ постель. Правда, что потомъ даютъ крестьянину квитанціи для уплаты ему за то, что взято; но всегда ли даютъ ихъ? Невозможно, чтобы при квартирномъ расположеніи болѣе 100,000 человѣкъ не потерпѣлъ убытка какой нибудь бѣднягa. Правда, что этотъ бѣдняга порядкомъ вознаграждаетъ себя, дорого продавая вино, яйца, птицу и проч. (Но если, какъ видно, не всегда даютъ даже квитанціи, по которымъ заплатитъ казна, то всегда ли дадутъ деньги изъ своего кармана?). Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ такое безцеремонное хозяйничество, увидѣлъ, какъ солдаты, не обращая ни на что вниманія, берутъ охапки соломы, у меня поворотилось сердце,—но что же дѣлать, надобно же солдату имѣть постель».

Если у автора письма на первый разъ поворотилось сердце, то вѣроятно не отъ однѣхъ охапокъ соломы, иначе нервы у него были бы уже слишкомъ чувствительны. Но все равно, всегда ли французы платили сардинцамъ и будутъ платить Ломбардцамъ за птицу, вино и т. д.; всегда ли будутъ они выдавать имъ идиллическія квитанціи за солому и дѣйствительно ли Ломбардія тоже должна входить въ составъ той Австріи, гдѣ, по мнѣнію французскаго лагеря, не будетъ большаго грѣха поступать французамъ точно также, какъ австрійцы поступали въ Сардиніи,—дѣло идетъ теперь не о французахъ, а объ австрійцахъ, симпатія къ которымъ въ насъ замѣчена многими и сознана теперь нами самими. Признаемся, источникомъ похвальной гордости служитъ намъ то, что теперь сами противники австрійцевъ свидѣтельствуютъ о безукоризненномъ поведеніи нашихъ друзей въ сардинскихъ областяхъ. Но слѣдуетъ ли изъ безупречности ихъ поведенія по кодексу французскаго офицера, чтобы жителямъ занятыхъ ими областей дешево обошлось посѣщеніе Гіулая—освободителя? Въ цѣлыхъ округахъ не осталось ни хлѣба, ни скота, ни птицы, ничего, такъ что жители будутъ голодать до слѣдующей жатвы (въ Италіи впрочемъ при лѣтнемъ знoѣ діэта полезна, да и до жатвы осталось недолго); въ три года едва ли успѣютъ они снова обзавестись скотомъ и въ десять лѣтъ можно еще будетъ съ перваго взгляда узнавать тѣ мѣстности, въ которыхъ побывали гости. Да, намъ, читающимъ газеты, война сходитъ съ рукъ очень удобно, а нашимъ знакомымъ, служащимъ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ, она иногда бываетъ даже пріятна, потому что даетъ прибавку жалованья; но поселянину она не обходится дешево даже при австрійскомъ поведеніи войскъ, совершенно соотвѣтствующемъ французскому идеалу.

Вся восточная часть Піэмонта теперь разорена; если безпорядочныхъ грабительствъ не было, все-таки всѣ средства страны поглощены реквизиціями; какимъ же образомъ могли быть придуманы австрійцами дикія сказки, будто бы сардинскіе поселяне принимали ихъ съ радостью, точно въ самомъ дѣлѣ Гіулай съ товарищами идетъ освобождать ихъ? Самая нелѣпая выдумка должна же привязываться къ какому нибудь дѣйствительному обстоятельству. Объясненіе этой видимой нелѣпости мы опять также находимъ въ письмахъ одного изъ корреспондентовъ Times'а. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ изъ Гарласко 28 и 30 мая.

«Въ одномъ изъ моихъ первыхъ писемъ отсюда (изъ восточной части Сардиніи), я говорилъ, что поселяне вовсе нерасположены были къ войнѣ, а готовы, пожалуй, къ соціалистской революціи, ненавидя своихъ господъ, богатыхъ собственниковъ, живущихъ въ Туринѣ и въ Миланѣ. Одна изъ австрійскихъ газетъ сочиняетъ изъ этого, будто бы народъ здѣсь расположенъ къ Австріи. Нѣтъ, я могу увѣрить васъ, что поселяне Ломеллинской провинціи (земли между Сезіею и Тичино) не любятъ ни австрійцевъ, ни французовъ, ни своего правительства. Они имѣютъ только одно чувство—ненависть ко всѣмъ «проклятымъ господамъ» (maladetti signori). Они думаютъ, что богатые— «богатыми» называютъ они всѣхъ, неработающихъ руками, — имѣютъ выгоду отъ войны и приносятъ ей въ жертву поселянъ и ихъ интересы. Видя, какъ легко могло бы быть произведено здѣсь соціалистское возмущеніе, я не могу вѣрить словамъ Туринскаго бюллетеня № 32, говорящаго, что австрійцы старались возмутить бѣдный классъ жителей въ Страделлѣ и Вогерѣ противъ богатыхъ... Стараются поколебать довѣріе къ моимъ письмамъ, представляя меня приверженцемъ австрійцевъ. Увѣряю васъ, мое все сердце лежитъ, какъ должно лежать сердце каждаго англичанина, къ *итальянскому народу*, масса котораго должна пострадать отъ этой войны, на которой бы сторонѣ ни осталась побѣда, и пусть лучше отпадетъ у меня правая рука, чѣмъ напишу я хотя одно слово во вредъ итальянскому народу, для выгодъ кого бы то ни было, французскаго ли императора, сардинскаго ли короля или австрійскаго императора... Я боюсь, что общественное устройство въ Сардиніи едва ли сообразно съ конституціоннымъ порядкомъ. Огромное большинство народа находится въ слишкомъ большой зависимости отъ немногихъ богачей, въ числѣ которыхъ есть миланскіе аристократы. Кромѣ того, какъ вы знаете, въ Сардиніи есть сильная реакціонная партія, вовсе не ограничивающаяся однимъ какимъ нибудь сословіемъ. Я встрѣчалъ, кромѣ священниковъ, также и фермеровъ, сельскихъ старшинъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ ней. Аргументъ одного изъ нихъ былъ такъ простъ, что я повторю его вамъ. E troppo cara, la libertà, сказалъ этотъ патріотъ: «слишкомъ дорога она, свобода». Прежде онъ платилъ въ казну только 150 франковъ, а теперь подати съ него постепенно возвысились до 400 франковъ».

Многіе, быть можетъ, осудятъ насъ за эти выписки. Но что же дѣлать, если мы думаемъ, что въ нихъ высказана правда? Здѣсь не мѣсто подробно излагать нашъ взглядъ на политику Кавура; скажемъ въ двухъ словахъ, почему мы не питаемъ къ нему энтузіазма, за недостатокъ котораго иные осуждаютъ насъ. Намъ кажется, что онъ дался въ обманъ, и скоро будетъ въ томъ раскаяваться, если еще не раскаялся и теперь, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ признакамъ. Намъ кажется, что для освобожденія Италіи было бы полезнѣе ждать обстоятельствъ не столь опасныхъ, какъ нынѣшняя комбинація. Кромѣ того, намъ кажется, что въ ожиданіи войны съ Австріею не слѣдовало бы обременять сардинскій народъ слишкомъ высокими налогами для содержанія слишкомъ огромной арміи, которая даромъ истощала государство въ теченіе многихъ лѣтъ,—имѣя только готовые кадры, легко было при наступленіи

надобности организовать сильную армію въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ напримѣръ сдѣлала Пруссія въ 1813 году. Мы думаемъ, что Кавуръ заставлялъ до сихъ поръ сардинскій народъ слишкомъ дорого платить за нынѣшніе подвиги, польза отъ которыхъ для Италіи еще очень сомнительна, и что наконецъ онъ далъ обмануть себя, сдѣлался теперь орудіемъ въ рукахъ, которыя отбросятъ его, когда извлекутъ изъ него себѣ пользу, далеко не соотвѣтствующую желаніемъ Кавура и итальянскихъ патріотовъ. Нѣкоторыя подтвержденія этому взгляду читатель найдетъ на слѣдующихъ страницахъ, между прочимъ въ разсказѣ о тосканскихъ дѣлахъ. Теперь мы обращаемъ вниманіе читателя только на фактъ, объясняющій, почему австрійцы были приняты сардинскими поселянами безъ негодованія, такъ что могли выдумать, будто бы сардинскіе поселяне сочувствуютъ имъ, угнетателямъ Италіи. Итальянскіе землевладѣльцы при всемъ своемъ патріотизмѣ забыли, какъ мы видимъ, позаботиться о томъ, чтобы облегченіемъ повинностей примирить съ собою поселянъ, живущихъ на ихъ землѣ, графъ Кавуръ тоже забылъ, что для внушенія массѣ населенія привязанности къ правительству мало прекрасныхъ рѣчей и вѣрности патріотическимъ стремленіямъ образованныхъ сословій: нужно также облегчить народъ отъ лежащихъ на немъ тягостей; а графъ Кавуръ удвоилъ эти тягости для содержанія огромной арміи въ мирное время, когда еще не было въ ней надобности. Впрочемъ, мы совершенно напрасно вдавались въ этотъ эпизодъ объ отношеніяхъ къ народу политики, столь симпатичной благороднымъ стремленіямъ всѣхъ образованныхъ сословій: какое кому дѣло до того, лучше или хуже стало массѣ? У насъ, образованныхъ людей, потребности не тѣ, какъ у грубой массы, озабоченной только добываніемъ для себя, а болѣе для насъ, матеріальныхъ средствъ къ жизни, и нашимъ потребностямъ стремленіе политики Кавура удовлетворяетъ прекрасно. Возвращаемся же къ разсказу о войнѣ.

Мы оставили союзниковъ въ то время, когда, отбивъ непріятеля у Палестро, они продолжали наступленіе къ Тичино. На каждомъ шагу ихъ изумленіе возрастало, потому что они находили самыя выгодныя для обороны позиціи оставленными непріятелемъ безъ всякой попытки задержать на нихъ наступающія колонны. Это впечатлѣніе очень живо передается читателю письмами того же корреспондента Times'а, которому обязаны мы единственными хорошими отчетами о двухъ битвахъ при Палестро. Продолжаемъ пользоваться его разсказомъ:

«Новара, 4 іюня (23 мая).

«Это письмо прійдетъ къ вамъ, когда вы по оффиціальнымъ реляціямъ конечно уже будете знать, какимъ непонятнымъ образомъ дѣйствовали австрійцы. Они оставили Мортару безъ сопротивленія, отступая по дорогѣ къ Павіи, къ Виджевано и къ броду при Аббіате-Грассо [1]). Французы перешли Тичино въ двухъ мѣстахъ—у Буффалоры, на шоссе отсюда въ Миланъ, и у Турбиго. Не только не было сопротивленія; но оба моста были оставлены почти невредимыми, что значительно облегчило союзникамъ переправу. Это страннѣе всего, что мы видѣли до сихъ поръ, потому что, если отступленіе и скрываетъ какой нибудь глубоко обдуманный планъ [2]), котораго мы еще не

[1]) Виджевано лежитъ на дорогѣ изъ Мортары въ Миланъ, на сардинской сторонѣ Тичино, Аббіате-Грассо по той же дорогѣ далѣе, уже въ Ломбардіи. На дорогѣ изъ Мортары къ Павіи лежитъ Гарласко, гдѣ и была главная австрійская квартира.

[2]) Читатель увидитъ, что потомъ этотъ планъ объясняется.

можемъ разгадать, то едва ли можно себѣ вообразить планъ, который требовалъ бы облегчать наступленіе для непріятельской арміи. Надобно прибавить, что обѣ переправы, шоссе къ которымъ идетъ по болотамъ, представляютъ важныя выгоды для обороны. Но что страннѣе всего, давъ союзникамъ безпрепятственно пройти черезъ оба эти дефиле, они вдругъ показались вчера у Турбиго, миляхъ въ двухъ за рѣкою и около мили за каналомъ Naviglio Grande, образующимъ вторую линію обороны, почти столь же сильную. Тутъ произошла стычка, которую иные раздуваютъ въ цѣлую битву [1], въ которой будто бы очень сильно фигурировали тюрки; а между тѣмъ, по правдоподобнѣйшимъ разсказамъ, это была не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ стычекъ, которыя происходятъ теперь каждый день, чуть не каждый часъ, и въ которыхъ сотни три-четыре безвредныхъ выстрѣловъ обмѣниваются между стрѣлками съ обѣихъ сторонъ, да нѣсколько ядеръ перебрасываются съ одной стороны на другую. Реляція говоритъ о взятіи семи пушекъ и нѣсколькихъ сотъ плѣнныхъ; но реляціи въ нынѣшней кампаніи у французовъ еще въ сто разъ хвастливѣе, чѣмъ были въ Крыму. Достовѣрно одно: союзники утвердились за Тичино безъ битвы, достойной называться битвою и укрѣпляются за рѣкою тверже и тверже съ каждою минутою.

«Несмотря на то, что австрійцы отступаютъ непостижимымъ образомъ, мы беремъ всѣ предосторожности противъ внезапнаго нападенія, и это необходимо, потому что австрійцы рѣдко не бываютъ въ виду у насъ. Такая чрезвычайная и постоянная бдительность должна бы, кажется, изнурять войска, дѣлающія большіе переходы. Странно сказать, утомленія въ нихъ вовсе нѣтъ, больныхъ почти вовсе нѣтъ, и въ жизнь свою я не видѣлъ арміи, которая глядѣла бы такою здоровою. На всѣхъ этихъ усиленныхъ маршахъ я, сколько помню, не видѣлъ ни одного усталаго: каждый идетъ молодцомъ, чтобы не смѣялись надъ нимъ товарищи. Духъ въ солдатахъ веселый, и каждый день сильнѣе разгорается въ нихъ охота разъ помѣряться съ непріятелемъ. Это одушевленіе не ограничивается одними отборными войсками, зуавами или берсальерами,—имъ одинаково одушевлены всѣ войска, и я жду, что они изумятъ противника, когда столкнутся съ нимъ.

«Когда же это будетъ? Вопросъ становится проблематичнѣе съ каждымъ днемъ. Непріятель не держался на Сезіи, не принялъ битвы въ Мортарѣ; теперь ясно, что онъ не хочетъ защищать и линію Тичино [2]. На всѣхъ этихъ линіяхъ австрійцы надѣлали полевыхъ укрѣпленій, и не въ двухъ—не въ трехъ мѣстахъ, а повсюду, гдѣ только мѣстность представляла для нихъ выгоду. У обоихъ мостовъ черезъ Тичино возведены укрѣпленія. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія, что они хотѣли крѣпко держаться въ странѣ, которую заняли, и по необходимости приходишь къ мысли, что какая нибудь особенная причина заставила ихъ измѣнить первоначальный планъ. Вы помните, при началѣ войны говорилось, что мысли Гіулая, командира австрійской арміи въ Италіи, и Гесса, начальника главнаго штаба императора, не одинаковы. Гіулай думалъ дѣйствовать наступательно и перейти за Тичино; Гессъ, говорятъ, хотѣлъ дѣйствовать чисто оборонительно. Принятъ былъ планъ Гіулая; но оказалось теперь, что онъ плохъ, потому очень можетъ быть, что теперь стали слѣдовать плану Гесса.

«Есть еще другое объясненіе неожиданному отступленію. Эта причина, которая если не одна заставила принять оборонительную систему Гесса, то значительно содѣй-

---

[1]) Почему этотъ австрійскій отрядъ явился, только уже перепустивъ непріятеля безпрепятственно черезъ обѣ крѣпкія линіи обороны, мы знаемъ изъ донесеній Гіулая. Войска тутъ были не тѣ, которыя отступали отъ Палестро и Мортары, а новый отрядъ, спѣшившій по желѣзной дорогѣ изъ Милана на встрѣчу союзникамъ; онъ былъ силою въ 7,000 человѣкъ. Онъ не успѣлъ встрѣтить союзниковъ раньше, въ дефилэ или на *Naviglio Grande*. Прекрасно; но что же дѣлали войска, бывшія подъ Палестро еще 31 мая въ числѣ 20,000? Кажется, они могли бы задержать непріятеля и, въ теченіе трехъ дней, они могли бы получить подкрѣпленія съ юга. Но нѣтъ, они отступали безъ оглядки.

[2]) Дѣйствительно, онъ не защищалъ ее, а сразился Богъ знаетъ зачѣмъ нѣсколькими верстами далѣе, послѣ того, какъ выдалъ безъ боя врагу эту сильную линію обороны.

ствовала его принятію, состоитъ въ блистательномъ движеніи, которымъ союзники въ нѣсколько дней совершенно обошли правое крыло австрійцевъ и принудили ихъ отступать. Они замѣтили это движеніе только четыре дня тому назадъ [1]) и едва имѣли время убраться. Кажется, только появленіе французовъ въ Новарѣ было для нихъ первымъ указаніемъ другаго плана: до той поры и не воображали, какой сюрпризъ имъ готовится. Приведемъ въ доказательство одинъ фактъ. Недалеко отъ Новары уланы захватили австрійскаго часоваго, тирольскаго стрѣлка, который и не предполагая, что непріятель близко, положивъ въ сторону ружье, спокойно занимался починкою своихъ штановъ, которые снялъ для этого дѣла.

«Не знаю, не посылали ли австрійцы въ передовую линію только свои худшія войска, но какъ бы то ни было, въ сраженіяхъ, происходившихъ до сихъ поръ, они не поддержали репутаціи австрійской арміи. При Монтебелло корпусъ, силу котораго они сами считаютъ въ 20,000, былъ прогнанъ одною французскою дивизіею и нѣсколькими эскадронами сардинцевъ. При Палестро, во второй день, были въ дѣлѣ, какъ извѣстно, цѣлыя двѣ дивизіи и онѣ, съ потерею 8 пушекъ и 1,000 плѣнныхъ, были прогнаны одною сардинскою дивизіею Чальдини и полкомъ зуавовъ. Эти факты могутъ объясняться лишь предположеніемъ, что или одни плохія войска были выставлены впередъ, или духъ австрійской арміи не такъ высокъ, какъ увѣряли ея защитники.

«Кажется, что союзническая манера боя производитъ на нихъ сильное дѣйствіе: одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ самъ признавался, что стремительная аттака въ штыки, безъ остановки для стрѣльбы, кошачья гибкость, съ которою союзные солдаты переходятъ всѣ затрудненія и пробѣгаютъ на батарею сквозь картечный градъ, совершенно разстроиваютъ австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, такъ что солдатъ нельзя удержать въ порядкѣ. Это очень правдоподобно, потому что изъ 8 пушекъ, взятыхъ при Палестро, четыре взяты заряженными,—фактъ, говорящій самъ за себя. Неудивительно, что австрійцы теряются отъ изумленія при этой стремительности: они всегда воображали какимъ-то этикетомъ правильнаго боя стрѣлять, пока есть патроны; имъ кажется, что только варвары, непонимающіе деликатности, могутъ съ перваго же раза прибѣгать къ такому отчаянному способу неучтиваго боя».

«Турбиго, 4 іюня».

«Вотъ мы на ломбардской почвѣ! Черезъ одиннадцать долгихъ лѣтъ сардинская армія снова переходитъ этотъ Рубиконъ Италіи и Викторъ-Эммануэль на дорогѣ къ Милану. Берега Тичино представляютъ въ эту минуту одну изъ великолѣпнѣйшихъ картинъ, какія только можно вообразить: армія движется по странѣ, какъ будто созданной быть самою эффектною обстановкою. Отъ Новары до деревни Галліате [2]) вы ѣдете по пыльной дорогѣ между роскошными хлѣбными полями, опоясанными монотоннымъ и меланхолическимъ рядомъ ивъ, перерѣзанныхъ рядами суровыхъ и также скучныхъ тутовыхъ деревьевъ; ивы и тутовыя деревья посажены такъ тѣсно, что портятъ перспективу на Альпы и закрываютъ васъ, такъ что видна вамъ только длинная линія солдатъ, фуръ и муловъ, шагающихъ по прямой, пыльной дорогѣ. Такъ вы добираетесь до деревни Галліате, которая нѣсколько вознаграждаетъ васъ за тяжелый путь, который вы совершили, проталкиваясь сквозь толпу, затопляющую дорогу и покрывающую васъ пылью. Вы бродите по извилистымъ улицамъ деревни съ причудливыми итальянскими домами, изъ которыхъ почти у каждаго, надъ широкою дверью со

---

[1]) Дѣйствительно, по письмамъ другаго корреспондента *Times'a*, находящагося въ главной квартирѣ австрійцевъ, мы знаемъ, что еще 31 мая тамъ ожидали наступленія главныхъ французскихъ силъ прямо черезъ По, или по дорогѣ отъ Вогеры на Страделлу, на правый флангъ австрійцевъ, гдѣ и были сосредоточены главныя ихъ силы, или на центръ, черезъ Валенцу. Дѣйствительно, только появленіе французовъ въ Новарѣ, 1 іюня, вывело ихъ изъ этого заблужденія.

[2]) Верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ главнаго миланскаго шоссе и верстахъ въ пяти не доходя Тичино.

сводомъ, нарисованъ покровительствующій ему святой. За деревнею вы опять на монотонной дорогѣ, по прежнему окруженной хлѣбными полями. Деревья тутъ гораздо рѣже и Альпы открыты передъ вами во всемъ своемъ величіи. Но вамъ не время дивиться на гигантскія горы, потому что все ваше вниманіе занято самой дорогой, по которой вамъ надобно лавировать съ вашими лошадьми, охраняясь отъ упрямыхъ муловъ и скрипучихъ фуръ, съ ихъ carretieri, которые еще упрямѣе и безтолковѣе животныхъ, имъ подвластныхъ. Правда, вы избавились бы отъ всей непріятной тѣсноты, своротивъ въ сторону; но вамъ стыдно портить поля, пощаженныя самимъ непріятелемъ.

«Вамъ нетерпѣливо хочется увидѣть Тичино; вы поглядываете впередъ и сквозь зелень деревьевъ начинаютъ проглядывать на гаризонтѣ колокольни. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ ихъ становится больше, вы различаете колокольни Турбиго, Бобекетты, Куджіоне и Буффалоры, встающія у подножія Альпъ; но все еще нѣтъ Тичино. Вдругъ вся сцена перемѣняется. Хлѣбныя поля, неотступно тянувшіяся по дорогѣ, исчезаютъ съ обѣихъ сторонъ и вы находитесь среди высокаго кустарника изъ дубовыхъ и каштановыхъ деревцевъ; ваше вниманіе отвлечено отъ дороги пестрою толпою французскихъ и сардинскихъ офицеровъ: они сошли съ лошадей—ѣдятъ, пьютъ, курятъ и отдыхаютъ; маркитанты суетятся удовлетворить голоднымъ желудкамъ, пересохшимъ горламъ; поселяне, разинувъ рты отъ удивленія, стоятъ и смотрятъ; шумъ увеличивается лошадьми, которыхъ проводятъ подъ уздцы, или спутываютъ. Двухъэтажный домъ налѣво съ надписью «Dogana Sarda» (сардинская таможня), говоритъ вамъ, что вы достигли конца вашего пути, что вы на берегахъ Тичино. Но вы еще не видите его. Вы дѣлаете нѣсколько шаговъ,—и стоите на обрывѣ той возвышенной плоскости, которую до сихъ поръ принимали за долину, и панорама Тичино раскрывается передъ вами. Во всей этой части теченія Тичино съ обѣихъ сторонъ опоясанъ высокой плоскостью, которая, по капризнымъ изгибамъ этой капризнѣйшей изъ рѣкъ, то подходитъ къ берегу, то отступаетъ отъ него, иногда подходя почти къ самой водѣ, въ другихъ мѣстахъ отдаляясь отъ рѣки болѣе чѣмъ на милю. У ponte di Turbigo, гдѣ рѣка раздѣляется на три рукава, одинъ рукавъ течетъ у самаго подножія террасы, спускъ съ которой такъ отвѣсенъ, что дорога должна дѣлать большой изворотъ сперва направо, потомъ налѣво, чтобы дойти до каменнаго моста, ведущаго черезъ рѣку. Русло рѣки имѣетъ здѣсь совершенно не такой видъ, какъ въ ея низовьяхъ. Два маленькіе рукава здѣсь разведены по каналамъ, болота замѣняются роскошною массою молодыхъ дубовъ и каштановъ, которые въ иныхъ мѣстахъ пересѣкаются хлѣбнымъ полемъ, и его нѣжная зелень съ желтоватымъ отливомъ рельефнѣе оттѣняетъ густую зелень лѣса. На противоположной сторонѣ третьяго и главнаго рукава изъ-за деревьевъ, плотно покрывающихъ тотъ берегъ, выглядываетъ караульный домъ. По постепенно возвышающейся мѣстности лѣса тянутся до края горизонта, гдѣ смѣшиваются съ зеленью Альпъ, великолѣпно окаймляющихъ картину. Среди массы зелени разбросаны деревни Турбиго, Бобекетта, Каджіоне и Буффалора, стоящія почти въ одинъ рядъ на террасѣ, опоясывающей Тичино съ ломбардской стороны. Длинные караваны солдатъ всѣхъ родовъ оружія, артиллеріи, понтоновъ, фуръ, телѣгъ, муловъ, обозныхъ лошадей,—эти караваны, столь утомлявшіе глазъ на длинной прямой линіи шоссе, здѣсь придаютъ новую очаровательность картинѣ, то скрываясь, то появляясь по извилинамъ дороги.

«Но теперь военное время, и живописность картины скоро заслоняется другими чувствами и мыслями; армія перешла рѣку и утвердилась за ней, не встрѣчая до сихъ поръ сопротивленія, о которомъ стоило бы упоминать. Вечеромъ 2-го іюня первыя французскія войска показались на берегу Тичино, здѣсь, у Турбиго, и у Буффалорскаго моста. Въ Буффалорѣ широкій каменный мостъ былъ найденъ, если не совершенно невредимымъ, то уцѣлѣвшимъ на столько, что возможно было нѣкоторое сообщеніе черезъ него. Австрійскіе инженеры повидимому торопились, такъ что не нашли досуга взорвать его; только нѣкоторыя изъ ихъ минъ подѣйствовали и сдвинули нѣсколько камней. Въ Турбиго не было такой большой дороги, какъ у Буффалоры, и въ два послѣдніе года существовалъ тамъ только наплавной мостъ,—плашкоутный, существовавшій прежде, былъ сорванъ рѣкою и послѣ того не возобновлялся. На противномъ берегу стояли австрійскіе стрѣлки съ нѣсколькими пушками; но союзные стрѣлки

и артиллерія скоро заставили ихъ молчать; понтонная команда принялась наводить мостъ и только изрѣдка тревожилъ ее свистъ нѣсколькихъ пуль, такъ плохо направленныхъ, что ни одинъ человѣкъ изъ понтонной команды не былъ раненъ. Разъ или два выѣзжали впередъ австрійскіе уланы и тоже безвредно стрѣляли, пока одинъ изъ нихъ свалился съ лошади отъ пули здѣшняго стрѣлка. Когда мосты были готовы (на другой день къ вечеру), войска бросились черезъ нихъ и утвердились на другомъ берегу. Оттуда тотчасъ же стали подвигаться по дорогѣ, которая ведетъ лѣсомъ къ каналу [1]). На ломбардской сторонѣ дорога отъ рѣки слегка поднимается до Турбиго, стоящаго на краю террасы. Австрійцы, отступившіе отъ рѣки безъ сопротивленія, заняли позицію на этой террасѣ, защищаемой съ фронта каналомъ. У нихъ были пушки, обстрѣливавшія дорогу, и насыпаны были полевыя укрѣпленія. Такимъ образомъ австрійцы стояли на одной изъ тѣхъ грозныхъ позицій, которыя дорого обходятся нападающему. Какъ въ Палестро, дѣло было покончено съ-разу, стремительною аттакою. Тюрки, алжирскіе туземцы, блистательно овладѣли позиціею, захвативъ семь, по другому счету девять пушекъ, Австрійцы останавливали нашихъ послѣ того на маленькомъ кладбищѣ по дорогѣ въ Бобекетту, въ третій разъ въ этой деревнѣ. Съ каждымъ разомъ сопротивленіе было слабѣе и вообще болѣе походило на шутку. Союзники хотѣли не заниматься истребленіемъ этого незначительнаго отряда, а скорѣе идти впередъ по миланской дорогѣ; потому бѣгущихъ преслѣдовали не очень горячо; говорятъ, что взято въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ. По разсказамъ поселянъ, австрійцы бѣжали въ совершенномъ разстройствѣ, бросая ружья, ранцы, все, что могло задерживать ихъ на бѣгу. Я говорилъ съ мѣстными жителями; по ихъ словамъ, австрійцевъ было до 6,000 и они пришли изъ Милана.

«Нынѣ утромъ французскіе аванпосты находились въ Санъ-Мартино противъ Буффалоры. У Буффалорскаго моста непріятеля не было, и вся окрестность при появленіи союзниковъ была погружена въ мертвое молчаніе. Буффалора еще занята австрійцами, которымъ представляетъ превосходную позицію. Будутъ ли они защищаться на ней сильнѣе, чѣмъ здѣсь, это надобно еще видѣть. Обманутые быстрымъ движеніемъ союзниковъ съ крайняго праваго фланга отъ Вогеры, на крайній лѣвый флангъ къ Верчелли, они не успѣли поспѣть къ Турбиго и защищали его только нѣсколькими тысячами солдатъ, пришедшихъ изъ Милана. Если они будутъ противиться у Буффалоры, это будетъ значить, что они успѣли собрать тутъ нѣсколько войскъ, наслаждавшихся деревенскимъ воздухомъ на По и спавшихъ въ Мортарѣ.

«4-го іюня, вечеромъ.

«Едва кончилъ я мое письмо къ вамъ, какъ послышались пушечные выстрѣлы со стороны Буффалоры. Съ прибрежной террасы ясно виденъ дымъ каждой пушки; но пробраться туда нѣтъ никакой возможности сквозь массы движущихся туда войскъ. До сихъ поръ успѣлъ узнать я слѣдующее: гвардейскіе зуавы и гренадеры, ушедшіе впередъ другихъ войскъ по этому направленію, аттаковали позицію при Буффалорѣ, занятую австрійцами въ большихъ силахъ, иные говорятъ до 40,000 человѣкъ. Несмотря на такое превосходство противниковъ, французы, которыхъ было четыре полка, всего отъ 6 до 7,000 человѣкъ, послѣ упорнаго боя и сильной потери успѣли штурмомъ взять позицію, когда подошли къ нимъ австрійцы. Сраженіе продолжалось до поздней ночи».

«Турбиго, 5-го іюня, 11 часовъ утра.

«Дѣло при Буффалорѣ было самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ въ нынѣшнюю кампанію; оно имѣло размѣры большаго сраженія [2]). Планъ состоялъ въ томъ, чтобы напасть на эту позицію, очень крѣпкую, не съ одного только фронта, но также съ

---

[1]) Къ тому каналу *Naviglio Grande*, который идетъ параллельно рѣкѣ, верстахъ въ двухъ отъ нея; о немъ говорилось въ первомъ письмѣ.

[2]) Авторъ называетъ битву 4-го іюня сраженіемъ при Буффалорѣ, потому что у этой деревни началось оно; но теперь его называютъ битвою при Маджентѣ, потому что боемъ у этой деревни рѣшена была побѣда.

лѣваго фланга, отъ Турбиго. Въ движеніи колонны, шедшей отъ Турбиго, произошло замедленіе и результатомъ было, что когда гвардейскіе гренадеры и зуавы,—всего только четыре полка,—аттаковали непріятеля, то оказалось, что они одни аттакуютъ цѣлую армію въ позиціи сильной отъ природы и еще болѣе усиленной полевыми укрѣпленіями. Не оробѣвъ отъ этого, они все таки шли впередъ. Но у непріятеля было такое превосходство въ числѣ, что, отражая аттаку, онъ могъ въ тоже время произвести наступленіе другими войсками и даже взять одну изъ нарѣзныхъ пушекъ. Однакоже, несмотря на всѣ свои усилія, онъ наконецъ не могъ устоять и былъ оттѣсненъ. Въ то время, какъ ему приходилось отступать, подошла и колонна съ лѣваго фланга.

«Я теперь ѣду на мѣсто сраженія и пишу вамъ эти немногія строки, чтобы дополнить свѣдѣнія объ этой битвѣ, находившіяся въ моемъ вчерашнемъ письмѣ».

На этомъ, самомъ любопытномъ, мѣстѣ останавливается корреспонденція, напечатанная въ тѣхъ нумерахъ Times'а, которые мы теперь имѣемъ. Сравнивъ переведенный нами разсказъ съ тѣми реляціями и письмами о дѣйствіяхъ союзниковъ съ 28 мая до 3 іюня, которыя можно находить въ другихъ газетахъ, читатель не осудитъ насъ за то, что мы не хотимъ теперь и пользоваться ими для продолженія подробнаго очерка кампаніи съ того мѣста, на которомъ останавливаются письма корреспондента Times'а. Читатель, вѣроятно, одобритъ нашу рѣшимость, лучше повременить мѣсяцъ, чтобы продолжать изложеніе по превосходному, очень полному и совершенно дѣльному источнику, чѣмъ представлять публикѣ во второй разъ клочки той безтолковой декламаціи или реляціоннаго хвастовства, которымъ можно пресыщаться во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ и которое оставляетъ въ головѣ только недоумѣніе о томъ, какъ же въ самомъ дѣлѣ происходило дѣло, передаваемое съ очевидной вздорностью и явными противорѣчіями въ одномъ и томъ же источникѣ. Читатель, конечно, уже пробѣжалъ и реляцію Гіулая о сраженіи при Маджентѣ, и отчетъ объ этой битвѣ, составленный въ главной французской квартирѣ; пусть онъ самъ скажетъ, много ли онъ понялъ изъ этихъ донесеній, въ которыхъ техническая темнота служитъ составителямъ только къ прикрытію ошибокъ съ своей стороны и къ монотонному восхваленію храбрости каждаго отряда, каждой колонны, чуть не каждаго оберъ-офицера. Также сбивчивы и письма французскихъ корреспондентовъ. Нѣмецкія газеты, получаемыя здѣсь, всѣ наполнены нестерпимымъ чванствомъ тупоумія, думающаго, что можно обманывать Европу самохвальствомъ даже послѣ очищенія всей восточной Ломбардіи. Другихъ нѣмецкихъ газетъ, болѣе достовѣрныхъ, мы не имѣемъ въ рукахъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы путать читателя натянутыми догадками о настоящемъ ходѣ дѣла, лучше отложимъ продолженіе разсказа до слѣдующаго раза и представимъ здѣсь только самый краткій перечень фактовъ, начиная съ 4 іюня.

Сраженіе при Маджентѣ произошло, какъ видимъ изъ приведеннаго нами разсказа, оттого, что союзники слишкомъ уже понадѣялись на себя: да и трудно было удержаться отъ увлеченія вѣрностью своихъ комбинацій и презрѣніемъ къ противнику послѣ безтолковости, обнаруженной австрійцами при наступленіи союзниковъ отъ Верчелли къ Буффалорѣ. Планъ генеральнаго сраженія былъ составленъ, когда еще очень немногіе изъ союзныхъ корпусовъ успѣли придти на линію, съ которой наступленіе могло идти безпрепятственно

и сообразно съ диспозиціей. Какъ всегда бываетъ при слишкомъ многосложныхъ диспозиціяхъ, распредѣляющихъ движенія на слишкомъ далекое пространство, планъ битвы оказался неудобоисполнимымъ отъ множества непредвидѣнныхъ препятствій. Изъ всѣхъ войскъ, назначенныхъ къ аттакѣ, оказались въ свое время на своемъ мѣстѣ только четыре гвардейскіе полка, при которыхъ находился и самъ императоръ французовъ. Потомъ сраженіе тянулось, чуть ли не наудачу, до той поры, пока Макъ-Магонъ подоспѣлъ на помощь стѣсненнымъ французамъ, пошедши не туда, куда предписывала идти разстроившаяся диспозиція, а на тотъ пунктъ, куда оказалось нужнымъ явиться по его собственному вѣрному соображенію. Въ дѣлѣ участвовала половина всей австрійской арміи и нѣсколько менѣе половины союзныхъ войскъ: остальные корпуса союзниковъ или не подоспѣли, или попали не въ тѣ мѣста, куда слѣдовало, а австрійцы еще не успѣли къ 4 іюня подвести къ миланской дорогѣ всѣхъ своихъ силъ съ юга. Надобно полагать, что союзники погрѣшили излишнею самоувѣренностью и тѣмъ спасли австрійцевъ отъ полнаго пораженія, которое бы ждало ихъ, еслибъ начало битвы было отложено союзниками на нѣсколько часовъ, пока всѣ корпуса ближе придвинутся къ непріятелю. Но совершенно нелѣпо поступили австрійцы, остановивъ половину своихъ силъ для генеральнаго сраженія въ такомъ пунктѣ, куда еще не могли придти другіе корпуса ихъ. Союзники одержали побѣду вовсе не блистательную въ тактическомъ отношеніи,—австрійцы отступили въ полномъ порядкѣ, какъ видно изъ того, что потеряли только четыре пушки, сами успѣвъ отбить одну у побѣдителей. Но стратегическія и особенно нравственныя послѣдствія этой неполной побѣды были огромны: союзники удержали за собою миланскую дорогу, оставивъ непріятелю свободу движеній только въ южной части восточной Ломбардіи. Черезъ два дня союзники были въ Миланѣ, который еще во время битвы самъ освободилъ себя отъ австрійскаго гарнизона, слишкомъ ослабленнаго посылкою подкрѣпленій на поле сраженія. Чтобы не быть отрѣзанными отъ своихъ крѣпостей на Минчіо и Аддидже, австрійцы теперь поспѣшно отступаютъ, бросая безъ защиты даже такія крѣпости въ юго-восточной Ломбардіи, какъ Павія и Піаченца. Съ этой рѣшительностью въ первый разъ является смыслъ въ ихъ дѣйствіяхъ. И дѣйствительно, послѣ сраженія при Маджентѣ бездарный Гіулай наконецъ отставленъ и теперь командуетъ арміею Гессъ, котораго считаютъ очень хорошимъ генераломъ. Что успѣетъ онъ сдѣлать, мы увидимъ, а теперь онъ по крайней мѣрѣ спасъ армію отъ истребленія, которое грозило бы ей, еслибъ она дала себя отрѣзать отъ Мантуи. Опасность эта была повидимому близка: такъ надобно думать, судя по тому, что 8 іюня корпусъ Бараге д'Илье уже аттаковалъ австрійцевъ при Мариньяно съ явнымъ намѣреніемъ отбить ихъ къ югу отъ мантуанской дороги. Онъ взялъ эту позицію; но австрійцы были уже дальше на востокъ, и, кажется, достигнутъ своего знаменитаго четырехъугольника на юго-востокѣ Гардскаго озера. До той поры, пока австрійцы станутъ за линіею Минчіо, а союзники соберутся выбивать съ нея непріятеля, всѣ слѣдующія военныя дѣйствія не будутъ имѣть почти никакого существеннаго интереса, хотя могутъ имѣть эффектные эпизоды, если австрійцы вздумаютъ безъ пользы и безъ толка давать еще какое нибудь большое сраженіе, не доходя до Минчіо. Прогнаніемъ австрійцевъ съ Тичино судьба всей Ломбардіи рѣшена: далѣе до

самой Мантуи нѣтъ такихъ позицій, въ которыхъ была бы вѣроятность удержаться имъ. Итакъ, съ интересомъ неизвѣстности надобно ждать теперь только уже того времени, когда начнется борьба на Минчіо; сущность всей части кампаніи до этой минуты впередъ извѣстна: съ битвами или безъ битвъ, австрійцы остановятся въ своемъ отступленіи не прежде, какъ у Мантуи.

Какъ ни громка побѣда при Маджентѣ, какъ ни увлекательно подѣйствовало на массу публики занятіе Милана союзниками, но гораздо съ большею любовью останавливаемся мы на удивительныхъ подвигахъ волонтеровъ Гарибальди въ сѣверной Ломбардіи, и если бы мы могли, эту часть военныхъ событій мы изложили бы съ наибольшею подробностью, и тутъ не было бы того холоднаго недовѣрія къ людямъ и намѣреніямъ, за которое осуждаютъ болѣе насъ счастливые способностью видѣть бѣлымъ черное или по крайней мѣрѣ довольно запачкавшееся отъ слишкомъ охотнаго прикосновенія къ смолѣ. Мы считаемъ дѣйствія волонтеровъ Гарибальди заслуживающими самаго точнаго изученія не по одному только уваженію къ этимъ истинно благороднымъ людямъ, жертвующимъ собою не изъ видовъ честолюбія, не по личнымъ разсчетамъ, дѣйствительно по искреннему желанію освобожденія отечеству, а не чего нибудь другаго,—нѣтъ ихъ судьба приковываетъ къ себѣ наше заботливое вниманіе и потому, что собственно только ихъ сила могла бы служить неизмѣнною опорою для независимости Италіи. Съ той самой поры, какъ австрійцы дали французамъ время прійти на помощь сардинцамъ, было ясно, что австрійцамъ нечего ожидать въ Италіи, кромѣ пораженій. Вопросъ давно уже не въ томъ, удастся ли союзникамъ выгнать австрійцевъ изъ Италіи, если они захотятъ; вопросъ только въ томъ, захотятъ ли этого французы, или удовольствуются блескомъ побѣдъ и заключатъ съ противниками миръ столь же безубыточный для нихъ, какъ парижскій миръ; а если и вовсе не позволятъ австрійцамъ владѣть ни однимъ футомъ земли въ Италіи, то захотятъ ли оставить ей независимость, или найдутъ удобнѣйшимъ иначе распорядиться ея судьбою. Кому интересна война собственно по этому вопросу, тотъ видитъ, что одна только сила войскъ подвластныхъ единственно этому принципу національной независимости можетъ представляться ручательствомъ за нее. До сихъ поръ чистыми представителями этой идеи въ военныхъ силахъ можно съ достовѣрностью считать только волонтеровъ и потому-то интереснѣе всего теперь вопросъ о вліяніи, какое могутъ пріобрѣсти они себѣ на рѣшеніе дѣла своею числительностью, военными качествами и степенью участія въ изгнаніи австрійцевъ. Исторія отряда Гарибальди составляетъ не только самую чистую, но и самую важную для сущности дѣла часть похода. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы ничего не знаемъ объ отрядѣ Гарибальди, кромѣ того, что онъ дрался геройски, что онъ къ несчастью слишкомъ еще малочисленъ и не можетъ еще имѣть большаго вѣса въ совѣщаніяхъ союзниковъ, наконецъ, что есть ясные признаки взаимнаго нерасположенія между союзниками и Гарибальди. Слуховъ о дѣйствіяхъ Гарибальди носилось много, но почти всѣ они были очень сбивчивы и всѣ до сихъ поръ лишены подробностей. Сообщимъ хотя то немногое, что теперь извѣстно.

Гарибальди двинулся въ сѣверо-западную гористую часть Ломбардіи,

пограничную съ Швейцаріей, еще въ тѣ дни, когда Чальдини только что перешелъ Сезію, за цѣлую недѣлю до начала наступленія со стороны союзниковъ. Онъ имѣлъ отъ 4.000 до 5.000 волонтеровъ, которыхъ выбиралъ самъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что люди у него были на подборъ, крѣпкаго сложенія, способные переносить всѣ лишенія и дѣлать изумительные переходы по труднымъ, гористымъ дорогамъ. Въ той части Ломбардіи, куда вступалъ онъ (Вальтеллине), населеніе отличается, если не особенною ненавистью къ австрійцамъ,—въ этомъ отличиться передъ другими ломбардцами было бы трудно,—то особенною воинственностью, которая объясняется и сосѣдствомъ свободной Швейцаріи, и гористымъ мѣстоположеніемъ. Въ 1848 году они продолжали упорно бороться противъ австрійцевъ, когда вся остальная Ломбардія была уже покорена и всякая надежда на успѣхъ сопротивленія и на сардинскую помощь исчезла. Еще въ началѣ кампаніи, какъ только австрійцы увели свои главныя силы въ Сардинію и когда еще не было никакой надежды на скорое появленіе союзниковъ въ Ломбардіи, городъ Комо [1]) возсталъ противъ австійцевъ. Разумѣется, возстаніе было тотчасъ же усмирено прибытіемъ сильнаго австрійскаго войска и наказано наложеніемъ огромной контрибуціи. Этотъ удивительный примѣръ отважнаго самопожертвованія показываетъ, что въ желаніи присоединиться къ Гарибальди у жителей Вальтеллине не могло быть недостатка. Но они не имѣли оружія, которое было строжайшимъ образомъ отобрано австрійцами въ 1848 году; то, которое успѣли они спрятать въ землѣ, уже стало негоднымъ отъ ржавчины. Союзникамъ было это хорошо извѣстно. Почему же у Гарибальди не было запасовъ оружія для раздачи жителямъ? Ломбардцамъ не посылали того, что всего необходимѣе было для успѣха начинаемаго ими дѣла. Еще изумительнѣе та странность, что самому Гарибальди не дали ни лошадей, чтобы имѣть ему хотя маленькій отрядъ кавалеріи, не дали даже ни одной пушки, хотя у союзниковъ есть такія легкія орудія, что два человѣка могутъ переносить ихъ на рукахъ по мѣстамъ, недоступнымъ для лошадей. Отрядъ въ 5.000 человѣкъ, не имѣющій ни одной пушки,—это дѣло ни съ чѣмъ несообразное. Какъ объяснить такую безпечность союзниковъ о Гарибальди, о его волонтерахъ, о жителяхъ Вальтеллине? Чтобы понять это, нужно только прочесть прокламацію, которую Гарибальди издалъ при вступленіи своемъ въ Ломбардію:

«Ломбардцы, вы призываетесь къ новой жизни и должны отвѣчать на призывъ, какъ отвѣчали ваши отцы у Понтиды и у Леньяно. Врагъ все тотъ же: свирѣпый, безжалостный, убійца и грабитель. Ваши братья во всѣхъ провинціяхъ поклялись побѣдить или умереть съ вами. Мы должны отмстить за притѣсненія, оскорбленія, порабощеніе двадцати поколѣній, мы должны оставить нашимъ дѣтямъ наслѣдіе, чистое отъ оскверняющаго господства иноземныхъ солдатъ. Викторъ Эммануэль, котораго національная воля избрала нашимъ верховнымъ вождемъ, посылаетъ меня къ вамъ организовать васъ на патріотическія битвы. Я умиляюсь сердцемъ отъ святой обязанности, мнѣ ввѣренной, и горжусь тѣмъ, что буду предводительствовать вами.

---

[1]) Лежащій верстахъ въ 35 по прямому направленію отъ сардинской границы, на самой границѣ Швейцаріи.

«Къ оружію же! Конецъ порабощенію. Кто можетъ держать въ рукахъ ружье и не возьмется за него, тотъ измѣнникъ!

«Дѣти Италіи, соединившись и освободившись отъ иноземнаго владычества, съумѣютъ возвратить ей мѣсто между народами, назначенное ей Провидѣніемъ».

Гарибальди не одобряетъ ломбардцевъ указаніемъ на великодушную помощь императора французовъ, а говоритъ только о Викторѣ Эммануэлѣ и сардинцахъ; о французахъ нѣтъ у него ни слова. Натурально, что французы не очень заботились о поддержаніи генерала, своимъ молчаніемъ слишкомъ ясно опредѣляющаго свой взглядъ на ихъ роль въ Италіи. Есть положительныя извѣстія о взаимномъ нерасположеніи итальянскихъ волонтеровъ и французскаго военнаго начальства. Надобно прибавить, что когда Гарибальди двинулся въ Ломбардію, было объявлено, что вслѣдъ за нимъ двинется сильный корпусъ союзныхъ войскъ для поддержки возстанія. Но это условіе не исполнилось, и до послѣдней минуты Гарибальди былъ предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ, хотя невозможно было и ожидать, чтобы онъ не погибъ, имѣя противъ себя въ тѣхъ мѣстахъ болѣе 25.000 австрійцевъ, къ которымъ шелъ еще корпусъ Кламъ Галласа, состоявшій изъ 40.000 человѣкъ. Положимъ, что корпусъ Ніэля, который обѣщали послать въ Вальтеллине, оказался нуженъ для дѣйствій по миланской дорогѣ; но все-таки, кажется, можно было бы изъ 200 или 250 тысячъ союзныхъ войскъ отдѣлить нѣсколько тысячъ для поддержанія столь важнаго дѣла, какъ экспедиція Гарибальди, не ослабляя арміи, дѣйствовавшей на Сезіи. Соображая все это, трудно удержаться отъ заключенія, что погибель Гарибальди не слишкомъ огорчила бы главную квартиру французской арміи.

Впрочемъ, каковы бы ни были обстоятельства и мысли, по которымъ Гарибальди не получилъ артиллеріи, не получилъ оружія для раздачи жителямъ и оставленъ былъ безъ всякой поддержки среди враговъ въ пять разъ и потомъ въ десять разъ превосходившихъ его числомъ, онъ противъ всякаго ожиданія нашелъ въ Ломбардіи не погибель, а блистательные успѣхи. 22 (10) мая онъ вступилъ въ Ломбардію черезъ Арону (на южномъ концѣ Лаго-Маджіоре) и двинулся на Варезе, ближайшій ломбардскій городъ въ верстахъ двадцати по прямому направленію отъ сардинской границы. На дорогѣ онъ разбилъ австрійцевъ, и 23 числа занялъ Варезе. Черезъ нѣсколько часовъ приблизился къ городу австрійскій корпусъ въ 5.000 человѣкъ съ артиллеріею, которой не было у Гарибальди. Укрѣпивъ городъ баррикадами, онъ оставилъ въ немъ нѣсколько сотъ человѣкъ своихъ волонтеровъ, жители вооружились, какъ могли, а самъ Гарибальди съ главными силами ушелъ изъ города. Австрійцы подступили къ Варезе, но въ эту минуту Гарибальди напалъ на нихъ съ такой стороны, откуда они никакъ не могли его ожидать, разбилъ и разсѣялъ ихъ, и овладѣлъ всеми пятью пушками, которыя были у непріятеля. Быстро двинулся онъ потомъ на востокъ, въ Комо (на юго-западномъ концѣ озера Комо, верстахъ въ двадцати отъ Варезе), по дорогѣ также билъ австрійцевъ, занялъ Комо, двинулся далѣе на востокъ. Между тѣмъ австрійцы стягивали въ ту сторону свои войска, оставшіяся въ Ломбардіи; изъ арміи, стоявшей въ Сардиніи, былъ посланъ свирѣпый Урбанъ, славившійся между австрійцами искусствомъ въ партизанской войнѣ, съ отрядомъ

отборныхъ австрійскихъ головорѣзовъ. Погибель Гарибальди казалась неизбѣжна, и нѣсколько разъ разносились слухи, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, оттѣсненъ, то къ швейцарскимъ, то къ тирольскимъ границамъ. Какими маршами и побѣдами успѣвалъ онъ уходить отъ австрійцевъ или отбрасывать ихъ, все это до сихъ поръ еще неизвѣстно хорошенько, потому что извѣстія слишкомъ отрывочны и разногласны; видно только, что волонтеры Гарибальди дѣлали изумительные переходы, имѣли иногда по три стычки въ одинъ день и повсюду били австрійцевъ, гонявшихся за ними. Тяжелѣе всего должны были пройти для нихъ тѣ дни, когда огромный корпусъ Кламъ-Галласа, шедшій на подкрѣпленіе Гіулаю, находился въ тѣхъ мѣстахъ. Это было въ послѣднихъ числахъ мая. Всѣ походы и побѣды Гарибальди теперь остаются еще не разсказанными съ достовѣрностью въ газетныхъ извѣстіяхъ. Извѣстно только, что постепенно поднялъ онъ всю сѣверо-западную часть Ломбардіи и что результатомъ всѣхъ маршей и сшибокъ оказалось, 4 іюня (23 мая), въ день битвы при Маджентѣ, совершенное торжество волонтеровъ: войска Урбана, разбитыя и разсѣянныя, поспѣшно отступали въ этотъ день на югъ, а Гарибальди, преслѣдуя ихъ, занималъ уже Бергамо 8-го числа, когда союзники вступили въ Миланъ, далеко въ тылу Милана, на желѣзной дорогѣ изъ Милана къ австрійскимъ крѣпостямъ. Этотъ результатъ показываетъ, какой оборотъ приняла бы война, еслибы Гарибальди не былъ оставленъ союзниками рѣшительно безъ всякой помощи. Имѣй онъ войска нѣсколько больше, онъ отрѣзалъ бы австрійцамъ отступленіе къ Мантуѣ и Веронѣ, и вся австрійская армія, бывшая въ Сардиніи, отброшена была бы на югъ и была бы взята въ плѣнъ. Но Гарибальди не хотѣли давать подкрѣпленія и потому онъ могъ только показать, что въ состояніи сдѣлать итальянскіе волонтеры при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

За недостаткомъ связныхъ извѣстій о подвигахъ Гарибальди, по крайней мѣрѣ, переведемъ изъ „Indépendance Belge“ письмо одного француза, жителя Комо, о тѣхъ сценахъ, которыя удалось ему видѣть. Если изъ него не получимъ мы никакого понятія объ общемъ ходѣ дѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, даетъ оно оживленную картину одного изъ тѣхъ моментовъ, которыми былъ наполненъ этотъ блистательнѣйшій эпизодъ нынѣшней кампаніи, и нѣсколько обрисовываетъ впечатлѣніе, производимое Гарибальди на своихъ и на враговъ.

«Комо, 30 (18) мая.

«Милый братъ!

«Я думаю, ты очень тревожишься за меня; спѣшу успокоить тебя, сказать, что всѣ мы живы и цѣлы. Но какія испытанія мы пережили! Событія смѣнялись въ нашемъ бѣдномъ городѣ съ поражающею быстротою.

«Я писалъ тебѣ, съ какимъ восторгомъ энтузіазма было принято здѣсь объявленіе войны Австріи. Мы, здѣшніе французы, составляющіе маленькій комитетъ, отпраздновали его достойнымъ образомъ, такъ что полиція пронюхала и около двухъ недѣль мы не могли собираться. Мы жили въ постоянномъ стѣсненіи, едва осмѣливались спрашивать другъ у друга о дѣйствіяхъ нашей арміи. По одному нумеру парижской газеты, ускользнувшей отъ взгляда таможенныхъ, мы знали, что 200,000 нашихъ защищаютъ Піэмонтъ отъ вторженія Гіулая, и больше ничего не знали. Наше любопытство стало

сильно возбуждаться, когда нашъ гарнизонъ, часто смѣняющійся, сталъ безпрестанно выходить изъ города и возвращаться назадъ, иногда съ добычею и ранеными.

«Дѣло отчасти объяснилось именемъ Гарибальди, которое шопотомъ произносили австрійскіе офицеры, говоря между собою. Австрійцы ходили искать его; онъ сильно безпокоилъ ихъ. На солдатъ одно его имя наводило суевѣрный ужасъ: говорили, что его не беретъ никакое оружіе, говорили даже, что пули сплющиваются, ударяясь о его лицо.

«Десять дней тому назадъ австрійскій отрядъ вышелъ утромъ, вѣроятно для рекогносцировки; къ восьми часамъ солдаты воротились, тяжело дыша отъ изнуренія, покрытые пылью, убитые духомъ, многіе изъ нихъ побросали оружіе. Они кричали: запирайте ворота! Ворота заперли. Отсталые солдаты тѣснились на подъемномъ мосту, съ воплями ужаса. Имъ не отперли воротъ. Они бросались на колѣна, ползали по землѣ; — запершіеся остались неумолимы.

«Въ одинъ мигъ весь гарнизонъ построился въ ряды; въ десять часовъ, отъ Вольтской площади пошелъ за городъ. Дошедши до форта, генералъ передумалъ и послалъ только патруль. Съ мучительною тревогою ожидали его возвращенія. Онъ воротился уже къ вечеру, не видѣвъ ничего, кромѣ ранцевъ и ружей, побросанныхъ бѣжавшими австрійцами.

«Тревога была поднята цѣпью застрѣльщиковъ; имъ показалось, будто они замѣтили непріятеля въ засадѣ. Они торопливо отступили къ своей колоннѣ, стрѣляя изъ ружей. Паническій страхъ овладѣлъ солдатами и они неудержимо побѣжали назадъ въ городъ.

«Генералъ въ тотъ же день отдалъ подъ военный судъ несчастнаго поручика, командовавшаго отрядомъ. Его ночью разстрѣляли во рву. Но, увѣряютъ, что онъ дѣйствовалъ хорошо.

«Можешь вообразить, въ какомъ безпокойствѣ былъ весь народъ. По утру, послѣ небольшой манифестаціи, явились на стѣнахъ афиши. Онѣ призывали ломбардцевъ къ оружію, обѣщая, что Гарибальди не замедлитъ прійти къ нимъ на помощь. Полиція разорвала эти прокламаціи и стала производить домовые обыски; они продолжались трое сутокъ. Я успѣлъ спрятать свои пистолеты и охотничье ружье, спрятать и женевскую газету, которую получалъ черезъ контрабанду. Но эти предосторожности только увеличили общее волненіе. Епископъ уѣхалъ изъ города; многіе жители также.

«Еслибъ не мои торговыя дѣла, признаюсь, я тоже уѣхалъ бы. Но бросить фирму значило бы потерять все состояніе.

«Я тебѣ говорилъ, что у насъ, французовъ, былъ устроенъ клубъ. Въ 11 часовъ вечера мы собирались поочередно другъ у друга, отдѣленіями человѣкъ по 10, чтобы не возбуждать подозрѣній. Карбонари изъ Варезе сдѣлали намъ тайныя приглашенія. Они предлагали намъ присоединиться къ обществу Giacomi, вѣтви котораго идутъ до самаго Милана. Я настаивалъ, чтобы принять приглашеніе. Комитетъ отказался, боясь шпіоновъ, отчасти и потому, что многіе изъ Giacomi нашего города ему не нравятся.

«Черезъ агента варезскихъ карбонари мы узнали, что Гарибальди думаетъ вторгнуться въ нашу провинцію; мы сильно ободряли его передать смѣлому генералу точныя свѣдѣнія объ австрійскихъ силахъ; у насъ эти свѣдѣнія были изъ вѣрныхъ источниковъ. Онъ отправился, взявъ ихъ, и потомъ я узналъ, что этому извѣщенію мы были обязаны своимъ освобожденіемъ. Гарибальди не потерялъ времени.

«Въ четвергъ (26 – 14 мая) мы были задолго до разсвѣта пробуждены ужаснымъ шумомъ. Солдаты ходили по улицамъ, перекликаясь; звенѣлъ рожокъ, барабаны били тревогу, артиллерія скакала по улицамъ, всадники носились въ галопъ. Въ однихъ домахъ закрывались ставнями, въ другихъ отворяли двери, въ третьихъ жители бросились въ погреба, приготовляя тамъ себѣ убѣжище. Потомъ повсюду водворилась неподвижность.

«Мертвое молчаніе господствовало въ городѣ. Проснувшись, мы увидѣли на каждомъ перекресткѣ часоваго; курки у ихъ ружей были взведены. Мой приказчикъ вышелъ отворить магазинъ—часовой прицѣлился въ него съ ругательствомъ. Бѣдняга

воротился домой, дрожа всѣмъ тѣломъ и упалъ на стулъ. Я успокоилъ его. Онъ воображалъ себя уже убитымъ. Съ трудомъ я допытался у него, что съ нимъ такое.

«Когда онъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло, я вооружился бутылкою водки и отправился парламентеромъ къ австрійцу. Онъ подпустилъ меня, услышавъ, какое приношеніе назначено ему. По-нѣмецки я знаю плохо, но при помощи выразительныхъ знаковъ часоваго понялъ, зачѣмъ онъ тутъ поставленъ.

«Жителямъ запрещается открывать окна и двери и выходить изъ домовъ,—въ того, кто ослушается, велѣно стрѣлять.

«Приказъ былъ формальный. Черезъ нѣсколько времени его обнародовали. Кромѣ этого, я могъ узнать отъ своего австрійца только то, что его товарищи пошли аттаковать Гарибальди въ Варезе.

«Накануне былъ слухъ, что австрійцы разбиты. Я не зналъ, что думать. Мы съ женою провели день въ большой тревогѣ.

«Вечеромъ, въ Плинскія ворота прискакалъ адъютантъ, взялъ на почтовомъ дворѣ свѣжую лошадь и, выпивъ стаканъ французскаго вина, поскакалъ въ Камерлату, мимо нашихъ оконъ. Запрещеніе выпускать жителей изъ домовъ было нѣсколько ослаблено. Въ 11 часовъ, громкая военная музыка вывела жителей изъ ихъ оцѣпенѣнія. Передъ нашими глазами прошла цѣлая бригада съ кавалеріею и аммуниціонными ящиками. Она пошла на Варезе.

«Солнце начинало выходить, какъ послышалась страшная канонада со стороны Варезе. Каждый выстрѣлъ мучительно отзывался въ груди нашей. Около десяти часовъ, пришли рысью болѣе сорока муловъ,—они везли раненыхъ. Безпокойная рысь увеличивала страданія раненыхъ, съ каждымъ шагомъ у нихъ вырывался мучительный стонъ. Такая необыкновенная поспѣшность ихъ перевозки показалась мнѣ признакомъ пораженія. Дѣйствительно, мулы съ ранеными прошли по длинной улицѣ, не останавливаясь у лазарета. Раненыхъ увозили въ главную квартиру.

«Въ половинѣ перваго часа, въ окрестностяхъ показались бѣгущіе солдаты. Они прятались. Пушечные выстрѣлы раздавались уже только изрѣдка; но ружейный огонь былъ очень силенъ, судя по непрерывнымъ отголоскамъ отдаленныхъ выстрѣловъ.

«Около трехъ часовъ выстрѣлы приблизились. Эскадронъ гусаръ въ безпорядкѣ прискакалъ на Piazza Nuova; онъ пытался снова построиться; двѣ или три лошади взбѣсились. Замѣшательство увеличилось. Одна изъ лошадей, съ боками окровавленными отъ шпоръ, бросилась стремглавъ по Миланской улицѣ, другія понеслись за нею; эскадронъ разсѣялся весь. Не прошло четверти часа, какъ стали входить черезъ Варезское предмѣстье 2000 человѣкъ, покрытыхъ пылью, потомъ, кровью, почернѣвшихъ отъ пороховаго дыма. Они возвращались отъ Борго-Вико. Хотѣли привести ихъ въ порядокъ. Но голосъ начальниковъ былъ безсиленъ, новые бѣглецы врывались въ эту толпу, и вся смѣшанная масса валила въ Камерлату.

«Едва миновалъ этотъ потокъ людей, оставляя за собою раненыхъ, ранцы, оружіе, какъ большой колоколъ каѳедральной церкви зазвучалъ набатнымъ звономъ,—одна за другою, стали звонить всѣ колокольни страшнымъ призывомъ, глухіе и медленные звуки котораго говорили:

«Вооружайтесь! Вооружайтесь!

«Еслибъ ты видѣлъ, милый братъ, какъ нѣмой городъ оживился, будто въ судорожномъ пароксизмѣ, при знакомыхъ звукахъ! Не видѣвъ, нельзя понимать этихъ чудесъ!

«Будто волшебствомъ появлялось оружіе изъ потаенныхъ ящиковъ, будто изъ земли возникали люди, разливались по улицамъ, и черезъ часъ 10.000 поселянъ бросались навстрѣчу Гарибальди. Онъ проскакалъ галопомъ черезъ городъ. Я не могъ увидѣть его въ этотъ разъ, но я съ удивленіемъ смотрѣлъ на людей, слѣдовавшихъ за нимъ, на этихъ черныхъ демоновъ, съ тяжелыми карабинами, прыгающими у нихъ за плечами. Они бѣжали съ быстротою, которой нельзя было бы ожидать отъ людей столь утомленныхъ, послѣ шестичасоваго сраженія.

«Бой возобновился у станціи Миланской желѣзной дороги.

«Тутъ выстрѣловъ почти не было, и работа покончилась быстро. Австрійцы по-

бѣжали. Въ 6 часовъ, генералъ торжественно вступалъ обратно въ городъ съ 5000 своихъ героевъ. Какое зрѣлище!

«Отбитыя у непріятеля пушки были убраны цвѣтами. Раненыхъ мы разобрали по домамъ и стали ухаживать за ними, какъ за родными дѣтьми. У насъ съ тещею также есть раненый: повѣрь, онъ не пожалуется на насъ.

«Я видѣлъ Гарибальди только мелькомъ. Онъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ, у него львиная голова на атлетическомъ станѣ. Его длинная черная борода, всклоченная, неразчесанная; его блестящіе глаза, сверкающіе молніею; его черная войлочная шляпа съ развѣвающими черными перьями; его красный плащъ, завязанный на шеѣ,—все это производитъ необыкновенное впечатлѣніе. Всѣ увѣряютъ, что онъ человѣкъ очень деликатный, очень любезный съ женщинами, очень строгій къ своимъ волонтерамъ, еще болѣе строгій къ самому себѣ, до чрезвычайности умѣренный въ образѣ жизни, экзальтированный и холодный въ одно и тоже время. Своей маленькой арміи онъ внушаетъ безграничное довѣріе, съ которымъ равняется только ужасъ, внушаемый имъ непріятелю. Онъ всегда первый въ битвѣ, онъ скачетъ на своемъ конѣ въ ряды непріятельскихъ батальоновъ, спрыгиваетъ съ него, чтобы взять ружье пѣхотинца, дерется въ рукопашномъ бою, какъ простой солдатъ, постоянно подавая примѣръ самой рѣдкой храбрости и самаго изумительнаго хладнокровія.

«Разсказываютъ, что, ведя своихъ солдатъ въ битву, онъ говоритъ имъ:

«Дѣти мои, васъ одинъ противъ пятерыхъ. Передъ вами смерть; за вами ружья товарищей, которые убьютъ, какъ собаку, перваго, кто отступитъ. У насъ нѣтъ пушекъ; надобно взять ихъ. Пусть насъ убьютъ, но въ смерти дѣло, а надобно, чтобы Италія была свободна: вотъ ваша единственная награда!»

«Его 6000 человѣкъ, выбранныхъ изъ 30.000 волонтеровъ, которыхъ представляла ему Италія, таковы, что онъ можетъ дѣлать съ ними чудеса.

«Этотъ человѣкъ, столь похожій на атамана разбойниковъ, будетъ великимъ полководцемъ, если австрійская пуля не остановитъ его на дорогѣ.

«Вечеромъ этого радостнаго дня, мы всѣ иллюминовали свои домы. Въ городѣ былъ праздникъ: какая радость, какое веселье! Мы угощаемъ этихъ храбрецовъ, какъ родныхъ.

«Они уже уходятъ отъ насъ. Но Комо свободенъ, въ немъ уже нѣтъ австрійцевъ. Въ шесть лѣтъ, какъ я покинулъ Францію, я не испытывалъ подобной радости».

Еще недавно, только одни мадзинисты въ Италіи сомнѣвались въ томъ, что война имѣетъ своею цѣлью совершенное освобожденіе Италіи отъ всякаго чужеземнаго владычества. Мадзини писалъ еще при самомъ началѣ похода:

«Италія жаждетъ національнаго единства. Цѣль Луи-Наполеона не можетъ быть такова. Кромѣ Ниццы и Савойи, уже уступленныхъ ему Піэмонтомъ въ уплату за союзъ, онъ ищетъ также имѣть случай къ тому, чтобы воздвигнуть престолъ въ южной Италіи для Мюрата и престолъ въ центральной Италіи для своего двоюроднаго брата, принца Наполеона. Римъ и часть римскихъ областей должны остаться подъ свѣтскою властью папы, Италія будетъ раздѣлена на четыре государства. Два изъ нихъ прямо будутъ находиться подъ управленіемъ чужеземцевъ; косвеннымъ образомъ Франція будетъ господствовать надъ всею Италіею, потому что папа съ 1849 года сталъ подвластенъ Франціи, а сардинскій король по узамъ благодарности и по слабости силъ станетъ французскимъ вассаломъ».

Но тогда очень немногіе помнили о своихъ прежнихъ опасеніяхъ; при объявленіи войны австрійцамъ, восторгъ овладѣлъ всѣми итальянцами, воцарились самыя радостныя ожиданія повсюду, отъ Венеціи до Неаполя. Мы знаемъ, какъ они были приведены къ разумному порядку въ Римѣ генераломъ Гойономъ; многія обстоятельства, относящіяся къ Гарибальди, заставляютъ думать, что возникновеніе итальянской силы, независимой отъ союзниковъ, встрѣчаетъ препятствія и въ сѣверной Италіи. Но любопытнѣе всего въ этомъ

отношеніи ходъ дѣлъ въ Тосканѣ. Мы знаемъ, что тотчасъ послѣ переворота, тосканцы просили сардинскаго короля принять на время войны диктаторскую власть надъ ихъ страною, но что онъ отказался отъ этого, согласившись только назначить отъ себя командира для тосканскихъ войскъ. Онъ выбралъ генерала Уллоа, неаполитанца, отличившагося при защитѣ Венеціи въ 1848 году; войска рвались нетерпѣніемъ идти противъ австрійцевъ—ихъ оставляли въ праздности, и дисциплина упала отъ бездѣйствія и недовольства, такъ что наконецъ въ разныхъ отрядахъ обнаружились попытки неповиновенія. Прибытіе французскихъ войскъ возстановило дисциплину; но вмѣстѣ съ войсками прибылъ въ Тоскану принцъ Наполеонъ и его появленіе пробудило живѣйшее опасеніе въ тосканцахъ, еще до начала войны слышавшихъ, что ему предназначается получить владѣніе въ центральной Италіи, которое предполагается составить изъ Тосканы и легатствъ. Онъ издалъ прокламацію, служившую косвеннымъ отвѣтомъ на опасенія жителей, увѣрялъ въ ней, что пріѣхалъ въ Тоскану единственно для веденія войны; но прежнее безпокойство продолжалось и нашло себѣ новую пищу во множествѣ странныхъ обстоятельствъ. Чтобы читатель не приписалъ намъ желанія представлять вещи въ темномъ свѣтѣ, мы не будемъ сами разсказывать фактовъ, а только переведемъ одно изъ писемъ флорентинскаго корреспондента „Times'а“.

«Флоренція, 30 (18) мая.

«Дѣла въ Тосканѣ имѣютъ зловѣщій видъ, возбуждающій тревожныя опасенія во всѣхъ мыслящихъ людяхъ. Тутъ, очевидно, дѣйствуютъ какія-то таинственныя интриги. Вчера было освященіе знаменъ тосканской арміи. Энтузіазмъ вновь оживлялъ всѣхъ, горящихъ желаніемъ присоединиться къ сардинцамъ,—энтузіазмъ, который и былъ главною причиною тосканской революціи. Предполагали, что освященіе знаменъ будетъ послѣднимъ возможнымъ предлогомъ удерживать солдатъ въ праздности и что немедленно послѣ церемоніи всѣ они, вмѣстѣ съ новоприбывшими французами, пойдутъ на Пистойю черезъ Апеннины, или по какому нибудь другому направленію для содѣйствія французско-итальянской арміи. Но теперь намъ холодно говорятъ, что пока еще не предполагается никуда двигать тосканскихъ войскъ, что едва ли будетъ двинутъ хотя одинъ солдатъ до 30 іюня, такъ что мы имѣемъ въ виду еще мѣсяцъ полнаго бездѣйствія французско-итальянскихъ силъ, простирающихся по крайней мѣрѣ до 45,000 человѣкъ.

«Съ 21 апрѣля до сихъ поръ, до 30 мая, тосканскія войска оставались здѣсь неподвижно, хотя каждый человѣкъ въ цѣлой Тосканѣ и въ цѣлой Италіи желалъ, чтобы они пошли противъ австрійцевъ; предлогомъ было то, что ихъ надобно организовать, что надобно принять въ ихъ ряды волонтеровъ. Но организація до сихъ поръ привела только къ диз-организаціи. Цѣлый мѣсяцъ бездѣйствія, отсутствіе дисциплины деморализировали тосканскихъ солдатъ до такой степени, что теперь они стали пригоднѣе буйствовать, чѣмъ сражаться. И я уже писалъ вамъ, что они сдѣлались бы источникомъ большихъ тревогъ и опасностей для родины, еслибъ не прибыли французы. Теперь мы опять слышимъ, что они остаются здѣсь и «организуются». Еще мѣсяцъ и, Богъ знаетъ, сколько слѣдующихъ мѣсяцевъ Тоскана не будетъ участвовать въ національной войнѣ.

«Шопотомъ говорятъ здѣсь, въ чемъ ключъ къ этой тайнѣ. Императоръ, желая избавиться отъ своего кузена, принца Наполеона, потерпѣвъ неудачу въ намѣреніи дать ему занятіе въ Алжиріи, предназначилъ ему престолъ въ Италіи; и если не представится ничего лучшаго, то ему будетъ дано великое герцогство Тосканское, или королевство Этрурійское, или королевство центральной Италіи. Отсюда образова-

ніе отдѣльнаго французскаго корпуса подъ его командою, отсюда прокламаціи, увѣряющія, что императоръ не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ въ Италіи для себя и своего семейства. Конечно, сардинское правительство, или по крайней мѣрѣ графъ Кавуръ, должны были участвовать въ этихъ проэктахъ, и потому-то отказъ Виктора-Эммануэля отъ диктаторства, предлагавшагося ему Тосканою, поразилъ ужасомъ всѣхъ итальянскихъ патріотовъ, заставилъ всѣхъ думать, что не безъ причины дѣлается такое отступленіе отъ всѣхъ условленныхъ между итальянцами плановъ— отступленіе, еще рѣзче выставляющееся совершенно другимъ образомъ дѣйствій сардинскаго правительства относительно Массы и Каррары, Пармы и теперь Ломбардіи. Мыслящіе люди полагаютъ, что всѣ эти провинціи будутъ соединены въ королевство сѣверной Италіи, а Тоскана оставляется въ сторонѣ, чтобы стать удѣломъ французскаго принца. Но скоро обнаружилось въ дѣйствіяхъ сардинскаго правительства что-то похожее на желаніе воротиться назадъ. Оно отказалось отъ диктаторства, предлагавшагося сардинскому королю, и дало Тосканѣ совѣтъ самой управлять своими дѣлами, но вдругъ, двумя недѣлями послѣ этого, т. е. двумя недѣлями слишкомъ поздно, оно извѣщаетъ тосканцевъ, что король принимаетъ протекторство и приглашаетъ временное правительство передать верховную власть въ руки сардинскаго коммиссара Буонкомпаньи.

«Но онъ не произвелъ никакой перемѣны въ дѣлахъ: Буонкомпаньи человѣкъ неспособный къ энергическимъ мѣрамъ. Вмѣстѣ съ министрами, членами академіи изящной словесности, онъ занимается прежними идилліями о велико-герцогскихъ оранжереяхъ, гуманныхъ кодексахъ и муниципальномъ устройствѣ,—дѣлахъ прекрасныхъ, но совершенно несвоевременныхъ, не обращая никакого вниманія на настоятельныя потребности страны и на единственное дѣло, которымъ должна была бы заниматься Тоскана, на національную войну, такъ что Тоскана и при сардинскомъ коммиссарѣ, какъ до него, остается совершенно безъ управленія. Тоскана имѣла и солдатъ и деньги для національной арміи, но одинъ мѣсяцъ такого пустаго управленія довелъ войско до деморализаціи и буйства, а государственные финансы разстроилъ такъ, что теперь понадобился заемъ въ 30.000,000 лиръ, когда 27 апрѣля нашли въ государственной кассѣ 18,000,000 наличными деньгами.

«Сардинскому правительству не удалось, поправить своего прежняго отказа, потому что выборъ его упалъ на неспособнаго человѣка; но очевидно, что оно старается возвратить потерянное вліяніе на Тоскану. Недавно сюда былъ присланъ секретарь графа Кавура, Константино Нигра; онъ изъ числа двухъ или трехъ людей, которымъ графъ Кавуръ ввѣряетъ свои тайны, которыхъ считаетъ способными исполнить глубоко обдуманные планы. Меня увѣряютъ, что Нигра пріѣзжалъ сюда дѣйствовать противъ принца Наполеона; онъ входилъ въ тѣсныя сношенія съ людьми, имѣющими вліяніе на тосканцевъ, и всячески старался оживить партію итальянскаго единства, господствовавшую въ Тосканѣ 27 апрѣля. Но онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Духъ сепаратизма развился здѣсь; самъ Кавуръ произвелъ его, когда посовѣтовалъ своему королю отказаться отъ диктатуры. Правда, есть въ Тосканѣ національная партія, желающая единства Италіи, и большинство молодежи всѣхъ сословій принадлежитъ къ ней; но эта партія теперь упала духомъ и подавлена.

«Единственная серьезно-важная сторона во всемъ этомъ,—тотъ фактъ, на который обращаю я ваше вниманіе и къ которому подводилъ рѣчь, быть можетъ слишкомъ длинно,—тотъ фактъ, что императоръ Наполеонъ и графъ Кавуръ уже не имѣютъ единодушія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тосканскимъ дѣламъ. Я не то говорю, чтобы графъ Кавуръ считалъ возможнымъ или полезнымъ прекратить самостоятельное существованіе Тосканскаго государства, и не то я говорю, чтобы для него не все равно было, династія Бонапарте или какая другая династія будетъ царствовать въ Тосканѣ, если Тоскана не сольется въ одно государство съ остальною Италіею. Всѣ эти вопросы о будущемъ устройствѣ Италіи такія задачи, разрѣшеніе которыхъ очень трудно и должно быть въ значительной степени предоставлено случаю и непреоборимому ходу событій. Существенное желаніе Кавура и его партіи въ томъ, чтобы исполнилось обѣщаніе, данное имъ императоромъ: «подъ скипетръ савойскаго дома

будетъ соединено королевство съ 12,000,000 населенія». Если въ вознагражденіе за такую важную услугу Франція захочетъ посадить принцевъ изъ дома Бонапарте на престолы центральной и южной Италіи, графъ Кавуръ не имѣетъ ничего сказать противъ этого, потому что сѣверное королевство кажется ему достаточно сильнымъ для обезпеченія независимости всего полуострова. Но графъ Кавуръ и его друзья недовольны, во-первыхъ, неосторожною торопливостью, съ которою принцъ Наполеонъ идетъ къ своей цѣли, обнаруживая политику, отъ которой громко отказывались главныя лица союза, преждевременно возбуждая подозрѣніе и неудовольствіе европейскихъ государствъ; во-вторыхъ, недовольны они тѣмъ, что, думая только о достиженіи своей цѣли, онъ обрекъ на бездѣйствіе тосканскую армію. Итальянцы болѣе всего боятся, и справедливо боятся, чтобы участіе ихъ въ войнѣ не было заслонено громадными французскими силами, приглашенными на помощь. Каждый итальянецъ, котораго выведутъ они въ поле, служитъ лишнимъ аргументомъ въ защиту ихъ требованія стать независимымъ народомъ. Имъ очень тяжело уже то, что піэмонтская армія раздробляется на бригады и дивизіи, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ вмѣстѣ съ цѣлымъ французскимъ корпусомъ, и не дано ей дѣйствовать самостоятельно, всей вмѣстѣ, на одномъ пунктѣ. Еще тяжеле для нихъ, что они лишены помощи 18 или 20,000 регулярнаго, хорошо обученнаго тосканскаго войска, которое или вовсе не явится на поле битвы, или будетъ считаться только частью пятаго корпуса французской арміи. Очевидно, графъ Кавуръ самъ навлекъ на себя это горе своимъ слишкомъ скорымъ согласіемъ на планы императора французовъ въ пользу принца Наполеона; но не менѣе справедливо и то, что сардинскій король, даже и отказываясь отъ диктаторства, принялъ на себя командованіе всѣми тосканскими войсками; и хотя неразсудительно было воображать, что страна, находящаяся въ революціонномъ состояніи, можетъ имѣть военное правительство различное отъ гражданскаго правительства; хотя Кавуръ былъ очень несчастливъ въ выборѣ командиромъ тосканскихъ войскъ Уллоа, боеваго генерала, а не администратора, и своего коммиссара Буонкомпаньи, человѣка, умѣющаго говорить и писать, но не дѣйствовать; но должно сказать, что утрата тосканскихъ войскъ для итальянскаго дѣла не входила въ программу, о которой условливались графъ Кавуръ и императоръ французовъ, и служитъ однимъ изъ предметовъ неудовольствія между ними.

«Какъ бы ни было, а пока графъ Кавуръ и національная партія побѣждены здѣсь, Константино Нигра уѣхалъ изъ Тосканы безъ всякаго успѣха. Буонкомпаньи жалуется на рѣзкость манеръ принца Наполеона. Генералъ Уллоа ждетъ удаленія отъ команды. Между тѣмъ вчера я видѣлъ среди тысячи знаменъ итальянское трехцвѣтное знамя съ императорскимъ орломъ по срединѣ. Оно было мастерской отдѣлки, его поднимали, чтобы оно развивалось выше,—и поднимали не безъ намѣренія».

Мы не утверждаемъ, чтобы бездѣйствіе тосканскихъ войскъ производимо было именно только вліяніемъ принца Наполеона, которому исключительно приписываетъ его авторъ письма; читатель видѣлъ, что изъ всего сказаннаго и переведеннаго нами выше, открывается этому другая причина, болѣе сильная; вообще нежеланіе французской политики пользоваться чисто народными силами для побѣдъ надъ австрійцами; желаніе по возможности не допускать никакихъ перемѣнъ въ прежнемъ порядкѣ дѣлъ, кромѣ тѣхъ измѣненій, которыя могутъ быть нужны для личныхъ цѣлей.

Если бы эта статья не была такъ длинна, мы могли бы найти новое подтвержденіе такому взгляду въ отношеніяхъ Франціи къ Неаполю, гдѣ 21-го (9) мая умеръ Фердинандъ II и вступилъ на престолъ его сынъ, Францискъ II, съ которымъ Франція примирилась, не вытребовавъ отъ него никакихъ измѣненій во внутренней политикѣ, хотя Неаполитанскій порядокъ дѣлъ, если и отличался чѣмъ отъ австрійскаго порядка въ Ломбардіи, то

развѣ только къ худшему. Но мы сами сказали, что въ Неаполѣ съ новымъ царствованіемъ не произошло пока никакихъ перемѣнъ, стало быть и ничего особеннаго важнаго, ничего такого, о чемъ не было бы удобно отложить рѣчь до будущаго времени. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ все вниманіе Европы до того было поглощено войною, что было бы даже несвоевременно требовать отъ читателя терпѣнія слушать подробные разсказы о другихъ дѣлахъ.

Что же произошло новаго въ отношеніяхъ другихъ европейскихъ державъ къ войнѣ? Въ Германіи съ каждою недѣлею усиливается движеніе, требующее вмѣшательства Нѣмецкаго Союза въ пользу Австріи. У насъ имѣютъ привычку сваливать на всѣхъ людей цѣлой націи и на всѣ ея партіи узкіе національные предразсудки, которыми повсюду увлекается толпа,—мы говоримъ не о простолюдинахъ, а собственно о классахъ, въ которыхъ сосредоточивается общественное мнѣніе, которые заняты политическими дѣлами, читаютъ газеты и обнаруживаютъ вліяніе на ходъ дѣлъ,—эта толпа, повсюду служащая игрушкою своекорыстія и интриги. Теперь она въ Германіи кричитъ о необходимости защищать итальянскія владѣнія Австріи, кричитъ о томъ, что для всѣхъ нѣмцевъ постыдно, если изгонятъ изъ Италіи нѣкоторыхъ нѣмцевъ, угнетающихъ Италію. У насъ многіе обвиняютъ за это всѣхъ нѣмцевъ. Чтобы показать, что нѣмцы, возвысившіеся надъ пошлыми понятіями, господствующими не въ одной Германіи, судятъ объ этомъ дѣлѣ точно также, какъ судятъ о подобныхъ дѣлахъ возвысившіеся надъ предразсудками люди всѣхъ другихъ націй, мы приводимъ въ приложеніи большіе отрывки изъ брошюры Карла Фохта объ итальянскомъ вопросѣ. Изъ нихъ читатель увидитъ, что этотъ нѣмецъ смотритъ на дѣло съ такимъ безпристрастнымъ благородствомъ, лучше котораго ничего нельзя представить благородному человѣку ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ самой Италіи. Его горячность къ дѣлу освобожденія Италіи простирается до того, что онъ даже осуждаетъ ту итальянскую партію, принципы которой ближе всего подходятъ къ его собственному. Она не вѣритъ союзникамъ: онъ, убѣждая своихъ соотечественниковъ не помогать противникамъ союзниковъ, выставляетъ ее въ дурномъ свѣтѣ, лишь бы усилить въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, что они не должны мѣшать изгнанію австрійцевъ изъ Италіи сардинцами и ихъ союзниками.

Нѣкоторые ожидаютъ возстанія въ самой Австріи, особенно въ Венгріи. Говорятъ, что Кошутъ отправляется съ нѣсколькими стами венгерцевъ поднимать своихъ соотечественниковъ и что онъ думаетъ проникнуть въ Венгрію черезъ Дунайскія Княжества. Не знаемъ, правда ли, что онъ уже думаетъ, будто настала благопріятная минута для такой попытки. Но дѣйствительно, странно было бы, если бы венгры не воспользовались нынѣшнею войною для возстановленія своей свободы. Кошутъ уже приготовлялъ къ этому Европу рѣчами, которыя произносилъ на англійскихъ митингахъ. Въ приложеніи мы переводимъ извлеченіе изъ одной его рѣчи. Оно слишкомъ коротко и безцвѣтно; но мы выбрали все-таки лучшее изъ тѣхъ, какія были у насъ подъ руками.

Изъ этого извлеченія читатель можетъ видѣть между прочимъ, что даже Кошутъ не надѣется отъ Англіи для угнетенныхъ національностей австрійской имперіи ничего, кромѣ нейтралитета. Самое благопріятное для

нихъ было бы уже то, если бы Англія не стала прямо помогать австрійцамъ. Изъ такого признанія самого Кошута мы можемъ убѣдиться, какъ неосновательны надежды людей, полагающихъ, что перемѣна министерства можетъ привести Англію къ союзу съ Франціею и Сардиніею въ итальянскомъ вопросѣ. Война принесла уже тотъ вредъ Англіи, что вывела на мѣсто перваго министра лорда Пальмерстона, не очень расположеннаго къ внутреннимъ улучшеніямъ, отнявъ первенство между вигами у Росселя, который гораздо либеральнѣе своего бывшаго противника и нынѣшняго друга. Большимъ и почти невѣроятнымъ счастьемъ было бы, еслибъ она не отозвалась подобнымъ образомъ и на судьбѣ остальныхъ европейскихъ народовъ и въ томъ числѣ даже самыхъ итальянцевъ. Будущаго предугадать нельзя. Очень возможно и то, что какія нибудь непредвидѣнныя событія измѣнятъ ея характеръ и вмѣсто ожидаемыхъ нами разочарованій всѣмъ, увлекающимся надеждами, поведутъ измѣненное дѣло къ хорошимъ результатамъ. Но при томъ характерѣ, съ какимъ началась война и какой сохраняетъ она до сихъ поръ, мы не должны ожидать отъ нея ничего, кромѣ разоренія верхней Италіи, неискупаемаго никакими важными пріобрѣтеніями ни въ національной независимости, ни въ развитіи внутреннихъ учрежденій;—ничего, кромѣ погибели нѣсколькихъ сотъ тысячъ сардинцевъ и французовъ и вдвое большаго числа австрійцевъ въ битвахъ и еще большаго тѣхъ и другихъ въ военныхъ госпиталяхъ отъ тифа, изнурительной лихорадки и другихъ принадлежностей войны. „Чтожь, хорошо и то по крайней мѣрѣ, что перебьютъ много австрійцевъ", скажетъ иной.—Да, если бы 20.000 человѣкъ, выбывшіе изъ строя у Гіулая подъ Мадджентою, были австрійцы; но австрійцы—эта не существующая нація, только командуетъ войсками, а эти войска, въ которыхъ солдатъ бьютъ десятками тысячъ, состоятъ на половину изъ единоплеменныхъ намъ славянъ, а другую половину составляютъ итальянцы, венгерцы и наконецъ честные, простодушные нѣмцы Вѣны и Инспрука, которые точно также порабощены австрійцами, какъ и венгерцы, и итальянцы, и славяне. Австрійцы только руководители арміи... и на убой за сохраненіе своего владычества повсюду ведутъ они людей ни мало не виновныхъ въ томъ коварствѣ и угнетеніи другихъ людей, которое служитъ основною чертою истиннаго австрійца. Австрійцы, это понятіе не такъ просто, какъ думаютъ наивные люди, представляющіе себѣ его въ географическомъ смыслѣ. Это такое же міровое понятіе, какъ поселянинъ, горожанинъ, портной, или какъ обскурантъ, либералъ, прогрессистъ, реакціонеръ. Австрійцы есть и въ Англіи, и въ Пруссіи, и во Франціи, и Австрія также мало населена австрійцами, какъ Англія, Пруссія или Франція.

Да, мы едва не забыли, что при нынѣшнемъ своемъ характерѣ война ведетъ къ одному вѣрному результату: упроченію власти Наполеона III. Французы уже начали питать къ нему энтузіазмъ за то, что онъ „озаряетъ блескомъ побѣдъ французское оружіе". Кажется, не надобно также прибавлять, что если война не измѣнитъ своего характера, онъ будетъ безусловно владычествовать во всей Италіи, какъ до сихъ поръ владычествовалъ въ Римѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Отрывки изъ Studien zur gegenwaertigen Lage Europa's v. Karl Vogt.

I. Австрія, стр. 39—58.

При вопросѣ объ Австріи прежде всего надобно подумать о томъ, правда ли то, что Австрія—нѣмецкая держава, существенные интересы которой лежатъ въ Германіи, или, напротивъ, она держава чуждая Германіи и стоитъ только одной ногой въ ней? Цифры отвѣчаютъ на это лучше словъ. 37,000,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 16,000,000 славянъ, 8,000,000 нѣмцевъ, 6,000,000 венгровъ и почти 6,000,000 итальянцевъ,—неужели это нѣмецкое государство? неужели это нѣмецкое населеніе? неужели тутъ могутъ преобладать нѣмецкіе интересы? Только самое пошлое тупоуміе, только подкупленное перо можетъ утверждать это. По справедливому выраженію Броха [1]), «Австрія государство, не имѣющее въ своемъ цѣломъ никакой натуральности: она конгломератъ различнѣйшихъ земель и клочковъ земель; она не имѣетъ естественныхъ прочныхъ границъ, напротивъ того перерѣзана внутри естественными границами, раздѣляющими ея составныя части; у ней почти нѣтъ морскихъ береговъ, или лучше сказать за исключеніемъ Далматскаго прибрежья, не имѣющаго никакой роли при нынѣшнемъ положеніи вещей, и за исключеніемъ Итальянскихъ провинцій, о которыхъ идетъ споръ, у ней вовсе нѣтъ морскихъ береговъ: она не владѣетъ даже устьемъ единственной своей большой рѣки; она просто смѣшеніе—не націй, а отрывковъ различныхъ народовъ, которые никакъ не могутъ имѣть естественной связи, не подходятъ другъ къ другу, не имѣютъ одинаковыхъ интересовъ, которые напротивъ взаимно отталкиваются другъ отъ друга, ненавистны одинъ другому, которые удерживаются вмѣстѣ только насиліемъ, но въ которыхъ уже пробудилось сознаніе ихъ національностей и необходимости измѣнить такое положеніе».

Со времени подавленія послѣдней революціи всячески увѣряли Европу, что старая Австрія, сгорѣвши въ пламени, возродилась изъ пепла, какъ фениксъ, съ молодымъ императоромъ. Администрація, юстиція, полиція, внѣшняя политика и внутреннія тенденціи, все въ ней измѣнилось, говорятъ намъ. Если вѣрить вдохновеннымъ статьямъ господина Германа Оргеса, опредѣленнаго состоять при австрійской главной квартирѣ въ Ломбардіи корреспондентомъ *Allgemeine Zeitung*,—если вѣрить его статьямъ, то нѣсколько орѣховыхъ скорлупъ, находящихся на Адріатическомъ морѣ, составляютъ важный зародышъ могущественнаго флота, который скоро чуть ли не будетъ соперникомъ англійскому. Много лѣтъ замазывали обманчивымъ пластыремъ язвы, глубоко въѣвшіяся въ австрійскій организмъ, но теперь съ приближеніемъ войны они раскрылись въ отвратительной наготѣ. Намъ говорили о цвѣтущихъ финансахъ, но

---

[1]) Замѣтимъ, что Брохъ также нѣмецъ и брошюра его напечатана по-нѣмецки.

теперь по продажѣ желѣзныхъ дорогъ, горныхъ заводовъ, по продажѣ послѣдней рубашки, при ежегодномъ дефицитѣ болѣе 50,000,000 въ мирное время, при употребленіи почти всѣхъ доходовъ на содержаніе арміи въ мирное время, послѣ передѣлки монеты для пріобрѣтенія нѣсколькихъ крейцеровъ,—теперь является изумительный результатъ, что даже Ротшильдъ, хотя и считается австрійскимъ генеральнымъ консуломъ, не принялъ на себя новаго займа, а только взялъ его на коммиссію, что, не смотря на низкій курсъ и высокій процентъ за коммиссію, онъ успѣлъ вмѣсто 150,000,000 помѣстить только 25,000,000 и потерпѣлъ въ Англіи полное фіаско. *Allgemeine Zeitung* печатала много статей, стараясь показать затруднительность финансоваго положенія Сардиніи и постоянное возрастаніе государственнаго долга Франціи. Пусть все это будетъ такъ; положимъ, что Франція истощена и что Піэмонтъ близокъ къ нищенской сумѣ; но легче ли отъ этого финансовое положеніе Австріи? Когда три банкрота колятъ глаза другъ другу, уплачиваются ли тѣмъ ихъ долги? Но мы можемъ еще спросить, въ состояніи ли Австрія сдѣлать то, что теперь дѣлаетъ Піэмонтъ и что сдѣлала Франція въ крымскую войну,—въ состояніи ли она сдѣлать національный заемъ? Піэмонтскій заемъ былъ покрытъ въ нѣсколько дней, и сама Австрія значительно участвовала въ его покрытіи капиталами своихъ итальянскихъ провинцій. Посмотрѣли бы мы, много ли милліоновъ нашла бы Австрія въ своей землѣ и сколько баценовъ получила бы она изъ другихъ земель, если бы попробовала сдѣлать національный заемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она пыталась сдѣлать истинно-добровольный насильственный заемъ. Землевладѣльцы, чиновники, капиталисты, всѣ, кто не дошелъ до нищенства, должны были давать по мѣрѣ своихъ доходовъ. Всяческими средствами старались набрать деньги, и все-таки не собрали и половины той суммы, какая была нужна. Обмѣнъ бумажныхъ денегъ, о которомъ протрубили, какъ о признакѣ благосостоянія австрійскихъ финансовъ, былъ пустымъ обольщеніемъ, это теперь доказано, и никто не былъ имъ обманутъ, хотя вся эта продѣлка была разсчитана только на обманъ. Неужели можно назвать обмѣномъ бумажныхъ денегъ, когда въ день только два часа продолжается выдача мелкихъ суммъ; а для обмѣна крупныхъ суммъ нужно подавать извѣщеніе за нѣсколько дней и притомъ объявлять свое имя! Разумѣется, никто не пойдетъ на такой обманъ, зная, что иначе подвергся бы полицейскимъ подозрѣніямъ и преслѣдованіямъ. Когда Наполеонъ I хотѣлъ подорвать англійскій банкъ, банкъ только на одинъ день прибѣгъ къ тому, что выдавалъ деньги счетомъ, а не вѣсомъ, какъ прежде. Австрійская касса 365 дней въ году находится въ такомъ же, или, вѣрнѣе сказать, въ гораздо худшемъ положеніи. Такимъ образомъ мы видимъ, что Австрійская имперія, совершенно истощивъ свои финансовыя силы, находится на краю банкротства, къ которому и прибѣгнетъ, если война затянется, какъ уже прибѣгала прежде. Знающіе финансовые люди пишутъ изъ Вѣны, будто бы и къ войнѣ стремились только за тѣмъ, чтобы она послужила благовиднымъ предлогомъ для банкротства.

Что касается до внутренней администраціи, никто въ мірѣ насъ не увѣритъ, будто бы сдѣлано въ ней что нибудь хорошее. Самые ничтожные органы австрійскаго правительства сознаются теперь въ этомъ. Даже полуоффиціальные корреспонденціи принуждены сознаваться, что прежніе панегирики были пустословіемъ. Въ *Allgemeine Zeitung*, 27 февраля, одинъ изъ этихъ полуоффиціальныхъ корреспондентовъ изъ Вѣны писалъ: «Да, мы глубоко сожалѣемъ, что австрійское правительство оставляетъ внутренній организмъ государства какимъ-то трупомъ, что оно не организуетъ провинціальныхъ представительныхъ собраній и черезъ это лишаетъ государство возможности имѣть центральное представительное собраніе; мы думаемъ, что и многія правительственныя лица не менѣе насъ жалѣютъ объ уклоненіи отъ идей Стадіона и Шварценберга. Это дурная сторона нашего положенія, но все-таки наше право (то есть на Италію) остается ненарушимымъ. Мы лишены средства выражать нашъ патріотизмъ съ возвышеннаго центра; но это не относится къ вопросу, о которомъ теперь идетъ дѣло. Либеральна или не либеральна, конституціонна или не конституціонна теперь Австрія, федеративное устройство имѣетъ она или централизована—не о томъ теперь рѣчь. Дѣло не въ томъ, чтобы измѣненіемъ внѣшней политики проложить до-

рогу болѣе свободному внутреннему развитію государства, вопросъ не о томъ, какова внутренняя организація нашей державы,—дѣло идетъ о цѣлости и о незапятнанной чести нашего отечества». 21 февраля онъ пишетъ: «Мы очень желали бы быть спокойными относительно организаціи нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Основаніемъ тутъ долженъ служить императорскій патентъ 31 декабря 1851 г.; мы хотимъ исполненія этого декрета, но тутъ возобновляется вопросъ: что же исполнено изъ опредѣленій этого патента? Мелочныя реформы въ нашемъ судопроизводствѣ сдѣлали изъ него что-то нелѣпое, несоотвѣтствующее ни старому, ни новому принципу; оно не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользовались наши прежніе законы. Полумѣры и временныя мѣры потрясли законы въ самыхъ основаніяхъ. По вопросамъ о представительныхъ собраніяхъ, о вѣротерпимости, о муниципальномъ устройствѣ, о торговомъ и промышленномъ законодательствѣ не рѣшено еще ничего. Истинную опасность для Австріи мы видимъ не во внѣшнихъ, а во внутреннихъ ея дѣлахъ».

Нужны ли послѣ этого еще свидѣтельства?

Патентъ 31 декабря 1851 года, о которомъ говоритъ вѣнскій корреспондентъ, самъ былъ источникомъ того, что увеличилось внутреннее распаденіе Австріи. Жезломъ побѣдоносной реакціи онъ стиснулъ разныя національности, которыя прежде пользовались хотя призракомъ отдѣльной жизни. Въ изнеможеніи, послѣдовавшемъ за революціей, національности были подавлены безъ сопротивленія. Но теперь чехи, поляки, венгры, южные славяне чувствуютъ, какъ угнетены они ярмомъ централизаціи, повсюду накипаетъ неудовольствіе, которымъ очень легко воспользоваться искусному врагу, чтобы обезоружить Австрію. Будутъ ли служить источникомъ силы для имперіи восточныя провинціи, Венгрія, Славонія, если необходимость войны заставитъ противника помочь недовольнымъ деньгами, оружіемъ, аммуниціею и даже отрядами войска? Въ Кроаціи былъ наказанъ полкъ, не хотѣвшій идти въ походъ; въ Піэмонтѣ съ каждымъ днемъ увеличивается число австрійскихъ дезертировъ,—это ли признаки энтузіазма къ единству Австрійской имперіи? При такихъ признакахъ распаденія нужно только искусно помочь недовольству, чтобы вся имперія развалилась. Франція въ этомъ отношеніи тверда, и каково бы ни было ея правительство, не найдется въ ней партіи, которая возмутилась бы въ союзѣ съ иностранцами. Объ Австріи напротивъ смѣло можно сказать, что въ каждой изъ ея не-нѣмецкихъ провинцій скрывается зерно возмущенія, грозящаго разрушеніемъ цѣлому государству, и что это зерно ждетъ только оплодотворяющаго дождя, чтобы возникнуть изъ земли тысячами отпрысковъ.

Габсбургская династія всегда жила не покровительствомъ народамъ и національностямъ, а ихъ подавленіемъ; она постоянно вела съ хитростью и успѣхомъ гибельную игру, подавляя одинъ народъ другимъ и въ неразборчивости средствъ никогда не уступала бонапартизму. Ламбесса или Мантуя и Шпильбергъ, Каенна или висѣлица, на которой умерли венгерскіе генералы,—тотъ и другой методъ, по нашему мнѣнію, одинаковы. Стремленіе подавить національности принуждаетъ Австрію постоянно изнурять свои собственныя силы; она должна держать такую армію, которая совершенно поглощаетъ всѣ ея финансовыя средства; она должна отовсюду призывать искателей счастія, чтобы они командовали этою безродною арміею. Правду говорили, что Австрія находилась въ лагерѣ Радецкаго. Она и теперь только въ армейскомъ лагерѣ, въ постоянномъ военномъ положеніи противъ своихъ собственныхъ народовъ, постоянно занимаетъ свои области военнымъ образомъ. Кромѣ лагеря, Австрія не существуетъ нигдѣ.

Всѣ австрійско-баварскія, всѣ ультрамонтанскія и реакціонныя скрипки разыгрываютъ теперь мотивъ «Австрія нѣмецкое государство». Насъ это ни мало не удивляетъ. Нѣмецкій духъ, нѣмецкое происхожденіе, нѣмецкій союзъ, нѣмецкое призваніе Австріи,—Габсбургскій домъ всегда прибѣгалъ къ этимъ фразамъ, когда грозила опасность его не-нѣмецкимъ провинціямъ. Тогда онъ ласкалъ Германію. Австрія уже давно подготовляла то настроеніе, которымъ теперь хочетъ пользоваться. Годъ тому назадъ одинъ изъ моихъ друзей писалъ мнѣ: «Нигдѣ въ цѣлой Германіи нѣтъ теперь такого нѣмецкаго патріотизма, какъ въ вѣнскомъ высшемъ кругу. Нѣмецкое единство—это аксіома, о которой толкуютъ каждый день. Но что думаютъ эти люди

на самомъ дѣлѣ, лучше всего можно видѣть изъ словъ Меттерниха, за вѣрность которыхъ я ручаюсь: «Я никогда не согласился бы на созваніе нѣмецкаго парламента— сказалъ на дняхъ сѣдой дипломатъ:—я до послѣднихъ силъ боролся бы противъ него; но когда его созвали и дали ему законную власть, то какимъ образомъ можно было пренебрегать его произведеніемъ,—имперскою конституціею, этого я не понимаю».

Послѣ того подкупныя перья начали выставлять нѣмецкой и заграничной публикѣ нѣмецкую политику Австріи въ полномъ ея великолѣпіи, наводя нѣмцевъ на ту мысль, что они должны не жалѣть ни денегъ, ни крови для Австріи. Теперь, когда опасность приблизилась, армія австрійскихъ агентовъ при всѣхъ большихъ и мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ всячески убѣждаетъ нѣмецкія правительства принимать военныя мѣры. Графъ Буоль по всей Германіи разсылаетъ циркуляры, въ которыхъ чисто нѣмецкій характеръ Австріи выставляется съ такою ясностью, какъ будто бы она не имѣла ни владѣній, ни интересовъ внѣ Германіи. Въ чемъ же доказательства нѣмецкаго направленія Австріи? На чемъ основываться, чтобы увѣриться въ нѣмецкомъ патріотизмѣ Австріи, въ ея энергіи, благоразуміи и проницательности? На чемъ основывается теперь она, обращаясь къ патріотизму общаго нѣмецкаго отечества и «съ увѣренностью ожидая отвѣта своихъ высокихъ братьевъ по союзу», какъ выражается графъ Буоль въ циркулярѣ 5 февраля? На своемъ образѣ дѣйствій въ нѣмецкомъ сеймѣ до революціи 1848? На своихъ заслугахъ въ дѣлѣ преслѣдованія нѣмецкой мысли? На несказанныхъ бѣдствіяхъ, которымъ подвергла Германію, помогая мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ бросать въ темницу каждаго, у кого было хотя малѣйшее стремленіе къ единству и свободѣ, сковывать печатное слово, лишать всякаго значенія представительныя собранія и повсюду возбуждать племя противъ племени, народъ противъ народа, правительство противъ правительства? Или при своемъ воззваніи Австрія можетъ сослаться на свое поведеніе во время революціи, на то время, когда своими интригами она разрушала всѣ попытки къ основанію нѣмецкаго единства, раздувала старую вражду, привела кроатовъ опустошить свою собственную столицу, населенную нѣмцами, и наконецъ устроила то, что вмѣсто единства возникъ раздоръ хуже прежняго и плодомъ всѣхъ усилій Германіи остался прежній гибельный нѣмецкій сеймъ? Или при своемъ воззваніи къ единству и патріотизму Германіи можетъ она сослаться на свое поведеніе послѣ революціи? На свои дѣйствія въ національномъ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ дѣлѣ? Въ этомъ ли нѣмецкое направленіе, которое «всегда выказывала Австрія»? Напротивъ, не представляютъ ли всѣ дѣйствія Австріи въ Германіи непрерывнаго ряда преступленій противъ единства, чести, безопасности, свободы, могущества и величія Германіи?

Въ новой Австріи есть еще особенная черта, которая должна въ самомъ основаніи разрушить всякое довѣріе къ этой державѣ. Эта черта—заключеніе и исполненіе конкордата, который повергнулъ государство къ ногамъ ультрамонтанской партіи, уничтожилъ въ Австріи свободу совѣсти, ввелъ въ ней возмутительнѣйшую религіозную нетерпимость, предалъ исключительно въ руки фанатической партіи воспитаніе и преподаваніе. Послѣ австрійскаго конкордата эта партія мрака подняла голову въ цѣлой Европѣ. Съ той поры она повсюду стала предъявлять неслыханныя притязанія, и цивилизаціи не одного государства, а цѣлаго міра, снова сталъ грозить врагъ, противъ могущественныхъ нападеній котораго она можетъ удержаться только самымъ крайнимъ напряженіемъ силъ. Такое дѣло должна защищать Германія,—Германія, единственнымъ палладіумомъ которой противъ совершеннаго упадка было до сихъ поръ право свободнаго изслѣдованія, должна жертвовать деньгами и кровью, чтобы спасти Австрію и чтобы спасенная Австрія отняла у нея и это послѣднее утѣшеніе, свободу мысли и совѣсти? О, нѣтъ, лучше намъ во второй разъ быть завоеванными! Отъ иностраннаго ига навѣрное освободилъ бы насъ свободный порывъ духа, воспитаннаго и укрѣпленнаго свободою мысли и совѣсти, какъ спасъ въ 1813 году.

О томъ, какъ Австрія управляетъ своими не-нѣмецкими провинціями, намъ не нужно тратить много словъ. Можно до небесъ превозносить австрійское управленіе въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, можно доказывать, что оно лучшее правительство на цѣломъ полуостровѣ, не исключая даже піэмонтскаго; что итальянскіе под-

данные императора пользуются даже излишними льготами,—все это ни мало не относится къ сущности вопроса. Если бы австрійцы были ангелами на землѣ и осыпали благодѣяніями Ломбардію, все-таки они ненавистны ломбардцамъ; стало быть возраженія противъ ихъ владычества въ Ломбардіи сохраняли бы всю свою силу. Какъ произошла эта ненависть: выражается ли ею негодованіе національнаго самосознанія на вѣковое угнетеніе итальянцевъ нѣмцами; коренится ли она въ новыхъ воспоминаніяхъ о прокламаціи герцога Іоанна въ 1809 году, когда онъ обѣщалъ итальянцамъ свободу и національную независимость, или о прокламаціяхъ Нюджента въ 1813 году; или она просто племенной предразсудокъ,—это рѣшительно все равно. Это постоянное сопротивленіе, эта вѣчная оппозиція, не дающая ни минуты покоя австрійскому правительству, эти постоянные заговоры, вспыхивающіе то тамъ, то здѣсь,—все это не дѣло одного заговорщика или немногихъ недовольныхъ, напротивъ, это выраженіе глубокой ненависти, вѣдрящейся въ народѣ, ненависти, которая успокоится только тогда, когда исчезнетъ ея причина.

Венгрія находится въ такомъ же положеніи, какъ Ломбардія. 6 милліоновъ воинственнаго, рыцарскаго народа, въ теченіе вѣковъ сохранявшаго свою самостоятельность, не могутъ быть почеркомъ пера подведены подъ безразличный уровень «подданныхъ Австрійской имперіи». Запертая со всѣхъ сторонъ, не имѣя прямой связи ни съ цивилизованнымъ свѣтомъ, ни съ моремъ, Венгрія въ своей политической оппозиціи показываетъ не непрерывныя конвульсіи, какъ Италія, а отрывочные взрывы, но зато страшно сильные, которые каждый разъ приводятъ монархію на край погибели.

Бросимъ также взглядъ на внѣшнюю политику Австріи. Кричали прежде и теперь начинаютъ кричать, что Австрія предназначена распространить на востокѣ цивилизацію, возвратить Дунай нѣмецкой торговлѣ, быть можетъ германизировать весь востокъ. Но исполнила ли она хотя какую нибудь долю этой задачи? И если Австрія имѣетъ эту задачу, то какой другой путь есть къ ея достиженію, кромѣ поддержки и усиленія національностей, населяющихъ берега Дуная, чтобы онѣ вошли въ нравственный и матеріальный союзъ съ нѣмцами? На комъ, если не на Австріи, лежала прямая обязанность быть защитницею Дунайскихъ княжествъ? Если бы справедлива была болтовня нѣмецкихъ профессоровъ, что Австрія имѣетъ задачею распространить нѣмецкую цивилизацію на востокѣ, она должна была бы примкнуть въ этомъ дѣлѣ къ Франціи. Вмѣсто того Австрія служитъ источникомъ смутъ на востокѣ и все ея стремленіе до сихъ поръ состояло въ томъ, чтобы развлекать силы восточныхъ племенъ внутренними смутами, чтобы отнять у нихъ возможность сблизиться съ австрійскими провинціями.

Въ другихъ итальянскихъ государствахъ Австрія всегда была только полицейскимъ притѣснителемъ, который поддерживалъ ненавистныя народу системы, штыки котораго всегда были готовы, справедливо и несправедливо, по всякому поводу и безъ всякаго повода, поддерживать угнетеніе. Фактически она господствовала въ цѣлой Италіи и постоянно была занята хлопотами усмирять то здѣсь, то тамъ порывы народнаго неудовольствія. Съ династическо-австрійской точки такое положеніе, конечно, было необходимостью. Освобожденіе другихъ частей Италіи повредило бы ея господству въ Ломбардіи. Для сохраненія своихъ владѣній она должна была быть палачемъ въ остальной Италіи, а эта роль принуждала ее подавлять желѣзной рукой всякую жизнь въ ломбардскомъ народѣ.

Нельзя служить двумъ господамъ, а наивные люди думаютъ, что Австрія можетъ вполнѣ служить тремъ господамъ: Германіи, Италіи и Востоку. Когда грозятъ ея итальянскимъ владѣніямъ, она кричитъ: «помогите, я чисто-нѣмецкая держава!» Если колеблется ея положеніе на Востокѣ, она кричитъ: «помогите, иначе вспыхнетъ революція въ Италіи и Германіи!» Если требуютъ, чтобы она поддерживала своимъ могуществомъ нѣмецкое дѣло, она говоритъ, что занята на Востокѣ и въ Италіи; если нужно поддерживать нѣмецкіе интересы на Востокѣ, она говоритъ, что у ней связаны руки Италіею. У ней, какъ у Фильгешрейя въ комедіи Гольбейна, всегда ужасно много хлопотъ съ тѣмъ, чего не нужно дѣлать, и всегда ей некогда дѣлать того, что нужно. Такая жалкая политика необходима въ интересахъ династіи, которая хлопо-

четъ только о своемъ господствѣ и всячески старается подавить народную жизнь.

Обратимъ вниманіе еще на одну сторону вопроса, на уваженіе къ трактатамъ, которые теперь выставляются палладіумомъ европейскаго устройства. Австрійское правительство твердитъ о своемъ уваженіи къ святости договоровъ. Страненъ такой языкъ въ устахъ единственнаго правительства, которое до сихъ поръ видимо нарушало договоры. До сихъ поръ всѣ другія державы хранили ихъ, только Австрія разорвала ихъ.

II. Италія (стр. 66—79).

При настоящемъ кризисѣ главное вниманіе Европы обращено на Италію. По низверженіи Наполеона, Италія была «географическимъ понятіемъ», въ которомъ владычествовала Австрія. Въ Сардиніи господствовала Австрія, въ Пармѣ, Моденѣ, Тосканѣ—Австрія, въ Церковной Ѳбласти—Австрія, въ Неаполѣ—Австрія. Почти со всѣми этими государствами заключила она договоры, дающіе ей право вооруженнаго вмѣшательства при каждомъ малѣйшемъ случаѣ, и она, какъ нельзя полнѣе, пользовалась этимъ правомъ. Даже на тотъ случай, когда Парма и Піаченца присоединятся къ Сардиніи, Австрія выговорила себѣ сохраненіе крѣпости Піаченцы съ округомъ земли на 2000 туазовъ, считая отъ гласиса. Съ Моденою заключила она наступательный и оборонительный трактатъ, по которому «можетъ вводить въ Моденскія владѣнія и находящіяся въ нихъ крѣпости императорскія войска всякій разъ, когда потребуютъ того интересы общей защиты, или военное благоразуміе» и даже вообще «въ случаѣ событій, внушающихъ опасеніе за тишину и порядокъ». Такой же договоръ заключенъ съ Пармою. Договоръ съ Тосканою идетъ еще далѣе: онъ говоритъ даже о томъ случаѣ, когда вообще «будетъ угрожать война итальянскому полуострову». Въ Церковной Области Австрія успѣла на вѣнскомъ конгрессѣ пріобрѣсти себѣ, несмотря на протестаціи папскаго правительства, право имѣть гарнизоны въ Феррарѣ и Комаккіо. Съ Неаполемъ въ 1815 году былъ заключенъ подъ именемъ наступательнаго и оборонительнаго союза договоръ, по которому Австрія завоевала это государство; Неаполь обязался сохранить безъ перемѣны установленную въ немъ Австріею форму правленія. Австрія въ замѣну обязалась охранять блага внѣшняго мира и совершеннаго внутренняго спокойствія и съ этой цѣлью вспомогательный неаполитанскій корпусъ отданъ подъ команду австрійскаго генерала.

Извѣстно, какъ Австрія воспользовалась этими трактатами. Когда Неаполь въ 1820 году принялъ конституцію, Австрія двинула свои войска, возстановила прежнюю форму правленія, стала гонять неаполитанцевъ сквозь строй и занимала Неаполитанское королевство своими войсками цѣлыхъ шесть лѣтъ. Въ мелкихъ итальянскихъ государствахъ она также не ограничивалась правомъ содержать гарнизоны. Куда ни вступали австрійскіе генералы, они захватывали въ свои руки администрацію и уголовный судъ, диктатуру надъ дѣлами и словами; австрійцы казнили патріотовъ, жители должны были исполнять австрійскія предписанія. Такимъ образомъ Австрія была фактически владѣтельницею всей Италіи, потому что ни одно изъ правительствъ полуострова не могло бы удержаться собственной силой. Развѣ могъ бы держаться собственной силой Неаполь или папское правительство, гнусность котораго видятъ самые заклятые ультрамонтанцы? Развѣ можно считать Тоскану и маленькія герцогства самостоятельными государствами, способными держаться собственной силой? Если бы они могли держаться сами, Австрія не стала бы теперь держаться за договоры съ ними съ силою отчаянія, подобно утопающему, хватающемуся за соломинку, не стала бы дѣлать изъ нихъ вопроса о жизни и смерти для цѣлой имперіи; эти договоры были бы ненужными клочками бумаги, и не послала бы она 200,000 солдатъ защищать ихъ. Дѣло понятно каждому. Въ тотъ самый день, когда поутру европейскія державы объявятъ, что ни одна изъ нихъ, ни Францiя, ни Австрія, ни Россія, ни Англія, ни Баварія, ни Сардинія не могутъ вводить своихъ войскъ въ эти государства и что не могутъ они держать иностранныхъ наемныхъ солдатъ,—вечеромъ того же дня, утромъ котораго будетъ принято и исполнено это рѣшеніе, папа, неаполитанскій король, ве-

ликій герцогъ тосканскій, герцоги и герцогини съ своими пожитками, приживателями и приживалками побѣгутъ за границу, кому куда ближе. Но въ тотъ же день на ломбардо-венеціанской границѣ явится сосѣдкою австрійцевъ революція.

Таково было бы несомнѣнное положеніе дѣлъ въ Италіи, если бы только предоставить ее самой себѣ и очистить отъ иностранныхъ штыковъ.

Только одно государство осталось бы непоколебимо среди общаго волненія, могло бы уменьшить свою армію, поставить ее на мирное положеніе. Это государство— Піэмонтъ, бывшій прежде политическимъ спутникомъ Австріи, а теперь по принятіи національной политики сдѣлавшійся злѣйшимъ ея противникомъ. Положимъ, что въ основаніи этой политики кроется мысль о династическомъ возвеличеніи сардинскаго дома, что Сардинія хочетъ дать Италіи только независимость отъ иностранцевъ, а не внутреннюю свободу; но все-таки несомнѣнно то, что эта политика соотвѣтствуетъ теперь національному настроенію итальянскаго народа. Правда, что для достиженія своей цѣли Піэмонтъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, далеко превышающія его средства. Финансы его обременены чрезмѣрными долгами; доходы его израсходованы надолго впередъ; съ какимъ-то хвастовствомъ, неумѣстнымъ для такого маленькаго государства, Сардинія принимала участіе въ войнѣ, чтобы пріобрѣсти себѣ дружбу Франціи и Англіи и уваженіе Россіи. Но развѣ эти усилія были совершенно напрасны и не вознаграждены многими пріобрѣтеніями? Развѣ производительныя средства страны не увеличились въ чрезвычайной степени, развѣ не построены шоссе и желѣзныя дороги, не улучшено и не преобразовано внутреннее управленіе, не развита и не укрѣплена политическая жизнь? И развѣ всѣ эти усилія не были устремлены къ цѣли дѣйствительно благородной,—къ тому, чтобы освободить угнетенное племя отъ иноземнаго ига?

Извѣстная партія старается возбудить сомнѣніе въ способности итальянскаго племени управлять самимъ собою; но каковы бы ни были недостатки итальянскаго характера, все-таки этому племени, какъ и всякому другому, принадлежитъ право располагать своею судьбою, какъ само оно хочетъ. 35 лѣтъ тому назадъ вся Европа сочувствовала борьбѣ грековъ съ турками за свою свободу. Неужели итальянцы заслуживаютъ сочувствія менѣе грековъ? Кто дѣйствительно знаетъ, видѣлъ собственными глазами эти два племени, тотъ ни на минуту не усомнится, которое изъ нихъ заслуживаетъ больше симпатіи. Надъ греками рабство тяготѣло долѣе и сильнѣе, въѣлось въ нихъ глубже. Но возвратимся къ итальянскому народу. Мы признаемъ въ немъ много недостатковъ, порожденныхъ, развитыхъ, привитыхъ долгимъ внутреннимъ и внѣшнимъ угнетеніемъ; но мы признаемъ въ немъ съ другой стороны пламенный патріотизмъ, неутомимо возобновляющій свои усилія для освобожденія Италіи; мы видимъ въ немъ быстроту пониманія и соображенія, свидѣтельствующую о великихъ умственныхъ способностяхъ, которыя при первой возможности снова могутъ обнаружиться такимъ же блистательнымъ образомъ, какъ прежде. Въ характерѣ итальянскаго народа мы видимъ множество превосходныхъ качествъ, множество благородныхъ зачатковъ, которые теперь подавляются, но тѣмъ не менѣе существуютъ и способны къ развитію. Аргументы, противопоставляемые освобожденію итальянцевъ, тѣже самые, которыхъ мы наслушались отъ противниковъ эманципаціи евреевъ: это все тѣ же аргументы, которые всегда выставлялись угнетателями противъ каждаго народа, стремившагося къ независимости. Фальшивый кругъ, по которому вѣчно строятся силлогизмы при подобныхъ вопросахъ, повторяется и здѣсь. «Освобожденіе должно совершиться тогда, когда народъ созрѣетъ до него; теперь онъ еще не созрѣлъ, и потому долженъ оставаться въ рабствѣ.» Но въ рабствѣ онъ никогда не созрѣетъ, будетъ отвѣчать защитникъ освобожденія: его недостатки порождены и развиты рабствомъ. Уничтожьте причину и исчезнетъ послѣдствіе. Дайте народу въ его независимости почву, на которой могъ бы онъ развиваться нормальнымъ образомъ, и онъ разовьется гармонически, сообразно своей натурѣ, и будетъ приносить благородные плоды вмѣсто волчцовъ и терній, порождаемыхъ нынѣшнею почвою рабства. Мы спросимъ далѣе, кто долженъ опредѣлить норму, по которой должно измѣряться право народа на свободу?—Поработитель?—но его собственный узкій интересъ вѣчно будетъ заставлять

его говорить, что эта норма еще не достигнута и, продолжая свое притѣсненіе, онъ съ каждымъ днемъ будетъ уменьшать возможность къ достиженію нормы. Это все равно, что обѣщать человѣку извѣстную должность, если онъ пріобрѣтетъ извѣстныя познанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещать ему посѣщать школу, въ которой онъ только и можетъ пріобрѣсть эти знанія.

Партія угнетателей Италіи, выставляющая эти возраженія и подавляющая національныя стремленія, находитъ себѣ контрастъ въ другой партіи, которая въ абстрактномъ абсолютизмѣ своихъ революціонныхъ стремленій кажется мнѣ столь же уклоняющеюся отъ истины, какъ и противная ей партія. Я говорю о такъ называемой партіи мацциниcтовъ, идеаломъ которыхъ служитъ единая и нераздѣльная итальянская республика, которая написала на своемъ знамени абстрактный девизъ «*Dio e Popolo*» и отвергаетъ, какъ предательство національному дѣлу, всякое переходное состояніе между нынѣшнимъ положеніемъ и республикою. Намъ кажется, что эта партія страдаетъ двумя главными недостатками: непониманіемъ національнаго характера и невѣрностью въ разсчетахъ о томъ, какія силы нужны для достиженія цѣли. Историческое развитіе и направленіе народныхъ чувствъ безъ сомнѣнія указываютъ на федеративное устройство Италіи, а не на централизованную республику съ единственною столицею Римомъ. Намъ кажется, что полное государственное единство въ Италіи — все равно, съ республиканской или монархической формой, — можетъ быть установлено только при помощи страшнаго внутренняго деспотизма и при пролитіи цѣлыхъ рѣкъ крови въ междоусобныхъ войнахъ. Но должны ли идти итальянцы этимъ путемъ, разумѣется, мы должны предоставить ихъ собственному разсужденію и обстоятельствамъ будущаго.

Еще опаснѣе этой тенденціи кажется намъ то, что революціонная партія ошибается въ своихъ силахъ, считая ихъ слишкомъ большими, и поэтому отвергаетъ всякое соединеніе съ партіею федеральнаго направленія для достиженія окончательной цѣли, даже нападаетъ неумолимымъ образомъ на тѣхъ, которые соединяются съ нею для достиженія ближайшихъ цѣлей. Можно очень подробно высчитывать милліоны, эмфатически говорить о непреоборимой силѣ революціи и народныхъ ополченій и о томъ, что регулярныя войска не такъ сильны въ битвахъ, какъ вообще думаютъ; но что бы мы ни говорили, сила все-таки остается силой, и мы знаемъ, что организація силы придаетъ ей такое могущество, до котораго не возвышается неорганизованная сила. А единственная организованная сила, которая теперь можетъ служить въ Италіи національному дѣлу, есть сардинская армія и остальная народная сила должна сгруппироваться около нея, чтобы получить возможность дѣйствовать; а въ настоящее время сардинская армія можетъ служить только дѣлу независимости и конституціонной монархіи, а не дѣлу республиканской свободы. Надобно ли отталкивать ее отъ себя зато, что она не пойдетъ далѣе этой границы? Мы думаемъ совершенно иначе; и если даже предположить, что по завоеваніи независимости республиканская партія для достиженія полнѣйшей свободы должна была бы обратиться противъ своей прежней союзницы, — даже предположивъ это, мы все-таки думаемъ, что она не должна отвергать теперь союза съ нею.

Итакъ, мы напутствуемъ самыми искренними желаніями стремленія Италіи, усилія Піэмонта; и теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, мы желаемъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, какъ въ 1848 году выражали «измѣнническое» желаніе, чтобы Радецкіе были побиты. Мы глубоко скорбимъ, что нѣмецкая сила, нѣмецкая кровь будетъ приноситься въ жертву гнилому дѣлу; мы употребимъ всѣ усилія уничтожить возможность возобновленія подобныхъ событій въ будущемъ; но теперь мы считаемъ пораженіе Австріи въ Италіи неизбѣжною необходимостью, къ которой ведетъ неумолимая судьба. Австрія сурово упрекаетъ піэмонтское правительство, піэмонтскій народъ за то, что они прибѣгаютъ къ войнѣ и революціи; но развѣ не то же дѣлали испанцы въ 1812 и мы сами въ 1813 году? Мы теперь снова восторженно прославляемъ національное нѣмецкое возстаніе, низвергнувшее Наполеона. Но развѣ въ 1813 году Пруссія играла относительно нѣмецкихъ государствъ, связанныхъ договорами съ Наполеономъ, не ту же самую роль, какую теперь Піэмонтъ играетъ относительно Ломбардо-Венеціанскаго королевства и мелкихъ итальянскихъ государствъ? Пруссія тогда тоже съ отверстыми

объятіями принимала дезертеровъ и за одинъ разъ приняла, напримѣръ, 10,000 саксонцевъ; она явно покровительствовала заговорамъ и возстаніямъ въ земляхъ тѣхъ нѣмецкихъ государей, которые были союзниками иностраннаго поработителя; Пруссія тоже нарушала тогда договоры, соблюдать которые клялась; она всячески подготовляла возстаніе, а между тѣмъ формально отреклась отъ всего, что дѣлала втайнѣ, до той поры, когда пришло время сбросить маску. И развѣ она была достойна порицанія?— нѣтъ, она была права! Фальшивость, заговоръ, измѣна, нарушеніе договоровъ, все это смыто высотою цѣли со скрижалей исторіи, на которыхъ остались только сіяющія слова: «освобожденіе народа отъ иноземнаго ига». Ножъ и ядъ испанца, боровшагося противъ французовъ, блистаютъ теперь славою, потому что онъ хотѣлъ независимости своей націи.

III. Второстепенныя нѣмецкія государства (стр. 90—100).

По различію мѣстоположенія и вѣроисповѣданія, по историческимъ отношеніямъ племенъ и семейнымъ связямъ царствующихъ династій, въ мелкихъ государствахъ нѣмецкаго союза владычествуютъ очень различныя вліянія, изъ которыхъ часто происходятъ даже долгія неудовольствія между правительствомъ и народомъ. Совершенно подчинена австрійскому вліянію особенно Баварія, имѣющая столько же охоты, но гораздо менѣе средствъ, играть изъ себя великую державу, какъ и Сардинія, которую баварскій органъ, *Allgemeine Zeitung*, ежедневно упрекаетъ за это стремленіе.

Какъ есть спутники у Австріи, такъ есть они и у Пруссіи. Мекленбургъ—Прусская Баварія, Баденъ—Прусская Саксонія. Берлинъ кажется второй отчизной для мекленбургскихъ герцоговъ, а мекленбургскій феодализмъ кажется идеаломъ для померанскаго дворянства. Шверинъ и Стрелицъ находятся подъ косвеннымъ управленіемъ Пруссіи, какъ Мюнхенъ подъ управленіемъ Австріи. Баденскій престолъ обязанъ своимъ возстановленіемъ прусскому войску, а нынѣшній герцогъ тѣсно связанъ съ прусскою династіею родственными связями. Такимъ образомъ въ Баденѣ такое же положеніе, какъ въ Саксоніи. Дворъ идетъ съ Пруссіей, но народъ не раздѣляетъ этой симпатіи.

Совершенно преданы прусскому интересу Гессенъ-Касель, Брауншвейгъ, Ольденбургъ; болѣе преданы Австріи Виртембергъ, Гессенъ-Дармштатъ, Нассау и Ганноверъ. Тѣ нѣмецкія государства, которыя, во время отказавшись отъ союза съ Наполеономъ, сохранили полученное отъ него расширеніе границъ, еще живо помнятъ, какъ трудно было имъ на вѣнскомъ конгрессѣ защититься отъ прусскаго стремленія къ единству Германіи, и въ правительствѣ каждаго изъ этихъ государствъ сохраняется желаніе возобновить прежнюю игру при удобномъ случаѣ и вести ее на счетъ слабѣйшихъ сосѣдей. Каждый маленькій министрикъ, управляющій государствомъ величиною въ одинъ прусскій округъ, воображаетъ себя такимъ тонкимъ дипломатомъ, который въ случаѣ политическихъ переворотовъ съумѣетъ спасти независимость своего государства и даже увеличить его; потому всѣ эти господа при началѣ кризиса стараются примкнуть къ сторонѣ, обѣщающей больше выгодъ.

Въ Австріи никто не предполагаетъ желанія увеличить свои владѣнія на счетъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, а Пруссія, какъ всѣмъ кажется, не можетъ избѣжать такого стремленія. Особенно Ганноверъ считаетъ чрезвычайно опасными для себя слишкомъ дружескія объятія сосѣда и потому теперь онъ торопится съ манифестаціями, служащими выраженіемъ не патріотизма, а просто недовѣрія къ Пруссіи.

Объ остальныхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ едва ли стоитъ говорить. Запрещаетъ ли Нассау вывозъ лошадей, пишетъ ли оперы герцогъ Саксенъ-Кобургскій,—это, по нашему мнѣнію, не будетъ имѣть важнаго вліянія на ходъ европейскихъ дѣлъ. Эти маленькія фигурки европейскаго маскарада появляются на сценѣ и исчезаютъ съ нея, не возбуждая особеннаго вниманія ни въ комъ, кромѣ своихъ подданныхъ, число которыхъ, какъ мы знаемъ, не очень велико.

Надобно сказать нѣсколько словъ и о Нѣмецкомъ Союзѣ вообще. Едва ли нуженъ былъ такой сильный толчекъ, какъ нынѣ, чтобы снова показать всю бѣдствен-

ную глубину нѣмецкаго паденія, показать, что единство Германіи не болѣе, какъ иллюзія, питаемая въ сердцѣ народа, но постоянно уничтожаемая правительствами отдѣльныхъ государствъ и ихъ сепаратизмомъ. Неспособный сдѣлать ни шага впередъ, нѣмецкій Сеймъ снова явился соотвѣтствующимъ той цѣли, для которой созданъ дипломатами, снова явился препятствіемъ къ единству, машиною для подавленія всякаго національнаго чувства, всякаго стремленія къ свободѣ въ нѣмецкомъ народѣ. Какова бы ни была дорога, по которой слѣдуетъ идти Германіи въ настоящемъ кризисѣ, несомнѣнно то, что Германія, какъ одно цѣлое, должна была бы энергически идти опредѣленнымъ путемъ; а между тѣмъ теперь злополучный нѣмецкій Сеймъ, злополучный Нѣмецкій Союзъ, бродитъ, какъ пьяный кругомъ дорожнаго столба и напрасно усиливается разобрать, по какой дорогѣ ему идти. И можно ли ожидать чего нибудь инаго? Можетъ ли существовать единство интересовъ въ союзѣ государствъ, изъ которыхъ главныя необходимо увлекаются интересами, чуждыми союзу? Союзъ не можетъ соотвѣтствовать своей цѣли, пока въ немъ есть члены, не принадлежащіе къ нему, такіе члены, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ союза. Именно таково положеніе Нѣмецкаго Союза. Развѣ не членъ его король Голландіи по своей провинціи Люксенбургу? и развѣ выгода Голландіи не требуетъ того, чтобы держать запертыми для нѣмцевъ устья Рейна и всячески подавлять торговлю Германіи? Развѣ не членъ Нѣмецкаго Союза король датскій по Гольштейну и Лауэнбургу? и развѣ не запираетъ устья Эльбы датская таможня? Кто скажетъ, что Данія, имѣющая голосъ на нѣмецкомъ Сеймѣ, руководится нѣмецкими интересами? И развѣ Пруссія не связана Познанью? и развѣ ея нѣмецкая область, Восточная Пруссія, не оставлена внѣ союза? Развѣ большая часть австрійскихъ областей не находится внѣ союза? и развѣ не должна поэтому Австрія необходимо имѣть интересы, враждебные Нѣмецкому Союзу? Перечисленіе этихъ уродливостей доказываетъ, что Нѣмецкій Союзъ рѣшительно не имѣетъ условій, нужныхъ для живаго существованія, и станетъ живымъ тѣломъ только тогда, когда избавится отъ наростовъ, чуждыхъ нѣмецкой національности: только тогда составитъ онъ крѣпкое однородное цѣлое, имѣющее одинъ интересъ, одну политическую мысль.

О внутреннемъ устройствѣ нѣмецкаго полицейскаго союза, осужденнаго на политическое безсиліе, мы не хотимъ и говорить: говорить объ этомъ, значило бы даромъ тратить слова. Мы укажемъ только на одно обстоятельство, что въ критическія минуты, подобныя настоящей, нѣмецкій народъ получилъ бы громадную силу отъ центральнаго собранія своихъ представителей, въ которомъ велись бы совѣщанія о политическомъ положеніи. Изъ пошлаго раздора и безсилія нѣмецкія правительства въ опасныя времена всегда спасались только тѣмъ, что призывали на помощь силу народа; но каждый разъ народное довѣріе бывало обмануто по ихъ избавленіи изъ бѣды. Теперь снова наступаетъ такой періодъ обольщенія; снова призываютъ на помощь народную силу, признавая, что надобно произвесть великія реформы; и снова народъ будетъ обманутъ, какъ былъ обманутъ прежде. Побѣдивъ непріятеля, снова откроютъ, что нѣтъ необходимости исполнять данныя обѣщанія. Я никогда не приписывалъ себѣ дара прорицанія, но долженъ вспомнить, что въ 1848 году я говорилъ съ трибуны: «нѣмецкій народъ обманули въ 1813 году Калишскою прокламаціею, снова обманули его въ 1830 и въ третій разъ обманутъ въ 1848 году». Это предсказаніе исполнилось, и судя по тому способу, какимъ ведется теперь политическое движеніе, надобно сказать, что и въ нынѣшній разъ произойдетъ такой же обманъ, и за движеніемъ послѣдуетъ еще большее униженіе. Вытащите Австрію изъ бѣды, пожертвуйте вашими силами для сохраненія гнилаго мира, обманчивой тишины, для поддержанія этого противоестественнаго государства, которое безъ вашей помощи развалится,—сдѣлайте это, и вы не замедлите вкусить плоды вашего безумія и легковѣрія. По своему обычаю Австрія и въ нынѣшній разъ «изумитъ свѣтъ колоссальностью своей неблагодарности». Когда вы ее спасете, она найдетъ, что Нѣмецкій Союзъ организованъ совершенно удовлетворительно, чтобы служить ей орудіемъ, и въ чувствѣ этой удовлетворительности, всяческими интригами и насиліями постарается оставить Нѣмецкій Союзъ въ нынѣшнемъ его видѣ и отстранить всякую реформу, въ какомъ бы то ни было смыслѣ.

Вопросъ теперь не о томъ, защищаться ли намъ противъ внѣшняго врага,—онъ не нападаетъ на насъ, не угрожаетъ намъ, его нѣтъ, развѣ мы сами сочинимъ его,—нѣтъ, вопросъ въ томъ, поддерживать ли намъ нынѣшнее гнилое положеніе, укрѣплять ли его намъ своею кровью на вѣковое униженіе и ослабленіе отечества.

IV. Вопросъ о войнѣ для Германіи (стр. 101—125).

Каково отношеніе Нѣмецкаго Союза къ Австріи въ случаѣ итальянской войны, пока эта война будетъ ограничиваться не нѣмецкими провинціями Австріи, не касаясь нѣмецкой границы? Отвѣтъ на это совершенно простъ. Если граница Нѣмецкаго Союза будетъ перейдена непріятелемъ, союзъ обязанъ всѣми силами вооружиться на ея защиту; если же союзныя земли останутся неприкосновенными, то отъ Союза совершенно зависитъ, защищать или не защищать область одного изъ союзниковъ, находящуюся внѣ союза. Это ясно сказано въ 47 статьѣ союзнаго акта.

Итакъ дѣло зависитъ единственно отъ того, надобно ли считать опасностью для союзныхъ земель, когда австрійцы будутъ сражаться съ піэмонтцами и французами въ долинахъ По, Минчіо и Аддидже, надобно ли въ этомъ случаѣ ограничиться только мѣрами для собственной защиты, или идти далѣе и помогать Австріи? Дѣло стоитъ внимательнаго изслѣдованія: крики газетъ и нѣкоторыхъ палатъ такъ запутали и исказили вопросъ, что надобно распутать его. Крикъ поднятъ такой, что подумаешь, будто дѣло идетъ не о войнѣ на По, а о войнѣ на Рейнѣ; что арміи направляются во Францію не на югъ, а на сѣверъ и востокъ; что идутъ онѣ помогать не сардинцамъ, а голландцамъ и бельгійцамъ, вторгающимся въ Германію. Австрія мѣняетъ свой цвѣтъ, какъ хамелеонъ. Еще въ декабрѣ флагъ ея былъ черный съ желтымъ, чисто австрійскій, а теперь подкупленныя въ Германіи газеты намазали на немъ такую широкую красную полосу, что онъ сталъ похожъ на трехцвѣтный нѣмецкій флагъ, такъ долго бывшій подъ запрещеніемъ; а если нынѣшнее колебаніе продлится еще нѣсколько мѣсяцевъ, то можно ожидать, что красный цвѣтъ возметъ рѣшительный перевѣсъ въ австрійскомъ знамени и нѣмецкій народъ съ удивленіемъ увидитъ, что Австрія всегда желала возстановить франкфуртскій парламентъ. Вѣдь *Allgemeine Zeitung* уже посылаетъ рукою любезные поцалуи нѣмецкимъ изгнанникамъ. Нелѣпость провозглашаемаго теперь принципа лучше всего можно выказать, примѣнивъ къ не-нѣмецкимъ областямъ другихъ членовъ союза то понятіе, какое хотятъ заставить принять насъ. Королевство Датское, королевство Голландское находятся къ Германіи точно въ такомъ же отношеніи, какъ Австрія: меньшая часть ихъ областей и ихъ населенія принадлежитъ къ Нѣмецкому Союзу; другая, большая часть, не принадлежитъ Германіи; ихъ интересы противоположны интересамъ Нѣмецкаго Союза; большинство жителей въ государствѣ, какъ одномъ цѣломъ. не принадлежитъ къ нѣмецкой національности. Но въ этомъ отношеніи Голландія и Данія все-таки поставлены выгоднѣе, чѣмъ Австрія, потому что въ нихъ господствующее большинство по крайней мѣрѣ родственно съ нѣмцами. Теперь мы спросимъ каждаго изъ честныхъ нѣмцевъ, обольщаемыхъ лживостью подкупныхъ газетъ: чувствуетъ ли онъ за собою обязанность спѣшить на помощь Голландіи или Даніи, если непріятель будетъ грозить ихъ областямъ, не входящихъ въ Нѣмецкій Союзъ? Въ Гольштейнѣ нѣмцы храбро сражались и были побѣждены и продолжатъ теперь тяжелую парламентскую борьбу, потому что Данія хочетъ уничтожить различіе между своими областями и уничтожить самостоятельность нѣмецкихъ герцогствъ. Развѣ не то же сдѣлала Австрія? развѣ она также не сбила въ одну кучу нѣмцевъ и словаковъ, чеховъ и венгровъ, поляковъ и итальянцевъ, и притомъ еще безъ конституціи, безъ народнаго представительства.

Итакъ положеніе совершенно одинаково. Предположимъ теперь такой случай: по поводу Зундской пошлины, гарантированной Даніи трактатами, Сѣверная Америка, Англія и Россія нападаютъ на Данію; станутъ ли увѣрять насъ, что поднялась бы вся Германія и послала бы свои войска защищать датскіе острова? Разумѣется, кто заговорилъ бы объ этомъ, былъ бы объявленъ за сумасшедшаго. Но, говорятъ намъ,

опасность грозитъ нѣмецкимъ землямъ:—истинная цѣль французовъ на Рейнѣ. Если такъ, защищайте Рейнъ, твердо объявите, что нарушеніе неприкосновенности этой границы будетъ объявленіемъ войны Нѣмецкому Союзу, приготовьте, если хотите, войска. Это будетъ умно, если только ваши опасенія основательны. Но держитесь же строго въ границѣ союзныхъ обязанностей, не переступайте ни на шагъ дальше ихъ. Развѣ Нѣмецкій Союзъ обязанъ постоянно напрягать свои силы для защиты провинцій, до которыхъ ему нѣтъ надобности, которыя только навлекаютъ на него ежеминутныя опасности и внушаютъ нѣкоторымъ членамъ Союза стремленія противныя его интересамъ? Время намъ, если не теоретически, то практически рѣшить этотъ вопросъ. Съ вѣнскаго мира еще ни одному солдату не нужно было браться за ружье для защиты отъ иностраннаго нападенія областей, принадлежащихъ къ Союзу. Но Союзъ долженъ былъ воевать противъ одного изъ своихъ членовъ, короля Датскаго. Пруссія вела войну въ своей области, не принадлежащей къ Нѣмецкому Союзу—въ Познани; Австрія вела ожесточенную войну въ своихъ областяхъ, не принадлежащихъ къ Союзу—въ Венгріи и Италіи. Кто страдалъ отъ всѣхъ этихъ битвъ и войнъ? Страдали нѣмецкія области, Нѣмецкій Союзъ. Всѣ столкновенія происходили отъ не-нѣмецкихъ областей и господство надъ этими областями было для Нѣмецкаго Союза только причиною растраты крови и денегъ, источникомъ слабости и внутренняго разстройства.

Если мы не воспользуемся нынѣшнимъ случаемъ для измѣненія такого порядка дѣлъ, мы будемъ терпѣть попрежнему; а этотъ порядокъ дѣлъ не измѣнится, пока Нѣмецкій Союзъ будетъ по рукамъ и по ногамъ скованъ прикованными къ нему нѣмецкими областями, и отъ этихъ оковъ покрыты ранами его члены. Эти нѣмецкія области—вѣчныя фонтанели, вытягивающія изъ него жизненные соки, покрывающія его гнойными язвами. Эти наросты дикаго мяса не укрѣпляютъ, а разслабляютъ Германскій Союзъ, и истинно нѣмецкая, истинно національная политика первою задачею своею должна поставить осуществленіе единственнаго разумнаго принципа, говорящаго: никакой союзъ не долженъ имѣть владѣній, не принадлежащихъ къ союзу.

Въ послѣднее время дѣлали много воззваній къ нѣмецкому сердцу. Мы сдѣлаемъ воззваніе къ нѣмецкой головѣ, которая пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ въ свѣтѣ. Уловить благопріятную минуту для осуществленія своей цѣли,—вотъ главная задача политической практики. Отъ умѣнья уловить эту минуту зависитъ успѣхъ дѣла. А по нашему мнѣнію, пора бы намъ убѣдиться изъ опыта, что въ спокойное время политическаго застоя не удавалось намъ произвести ни малѣйшаго измѣненія въ бѣдственномъ положеніи Германіи, что только во времена внѣшнихъ или внутреннихъ невзгодъ, войны или революціи, нѣмецкія правительства удостоивали обѣщать отстраненіе этихъ бѣдствій, но брали назадъ свои обѣщанія, какъ только переставала опасность грозить имъ. Преобразованіе Нѣмецкаго Союза, его тѣснѣйшее сплоченіе должно служить единственнымъ ручательствомъ за неприкосновенность его границъ. Всѣ остальныя полумѣры будутъ только жалкимъ замазываніемъ щелей, раскрывающихся все шире и шире подъ обманчивою замазкою. Потому и теперь, когда бѣдствіе низвергается на Австрію, намъ надобно воспользоваться этою благопріятною минутою, чтобы преобразовать Нѣмецкій Союзъ, установить его на новыхъ основаніяхъ. Вмѣсто патріотическихъ возгласовъ, вмѣсто наивной довѣрчивости, съ которою отлагаютъ всякое улучшеніе внутреннихъ отношеній до будущаго времени, до того времени, когда пройдетъ бѣда,—вмѣсто этой смѣшной довѣрчивости мы требуемъ мужественной твердости, твердаго стремленія къ нашей собственной, ясно-сознанной цѣли; мы требуемъ, чтобы партія, которой дорого единство Германіи, поставила это единство условіемъ для нѣмецкихъ правительствъ; чтобы она объявила, что пришло время дать дѣйствительное существованіе Нѣмецкому Союзу и ограничить его тѣми провинціями, въ которыхъ населеніе дѣйствительно составляютъ нѣмцы, тѣми областями, у которыхъ интересъ одинъ и тотъ жé. Если серьезно захотѣть этого, легко теперь достичь этого. А если мы отложимъ реформу до окончанія войны, то безъ особеннаго пророческаго дара можно предсказать, что единство Германіи снова останется мечтою до пришествія новыхъ бѣдъ.

«Но договоры!—говорятъ мнѣ.—Договоры должны быть охраняемы. Надобно

поражать того, кто нарушитъ ихъ. На этихъ договорахъ основанъ европейскій миръ. Горе тому, кто ихъ нарушитъ!»—Но мы напрасно усиливаемся считать эти договоры ненарушенными. Напрасно мы искали въ вѣнскомъ и парижскомъ трактатахъ Бельгійскаго королевства,—оно существуетъ только по нарушенію этихъ договоровъ, нарушенію, жертвою котораго былъ одинъ изъ членовъ Нѣмецкаго Союза, голландскій король, защищать котораго не думалъ никто, въ томъ числѣ и Нѣмецкій Союзъ. А король голландскій точно такой же членъ Союза, какъ императоръ австрійскій, и владѣніе Бельгіею было гарантировано ему тѣми же трактатами и съ такою же торжественностью, какъ императору австрійскому владѣніе итальянскими провинціями; и все-таки Бельгія отторглась отъ него въ противность договорамъ и, надобно замѣтить, отторглась только благодаря также французскому вмѣшательству. Если бы Франція не положила на вѣсы свою шпагу, то Голландія навѣрное подавила бы Бельгію.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Мы уже говорили, что ихъ нарушала и сама Австрія. Въ вѣнскомъ трактатѣ мы находимъ Краковскую республику. Австрія прибрала ее къ своимъ рукамъ, несмотря на вялыя протестаціи Франціи и Англіи, и теперь мы находимъ только австрійскій провинціальный городъ Краковъ безъ всякаго слѣда самостоятельности.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

Во Франкфуртскомъ парламентѣ засѣдали депутаты Шлезвига, Восточной Пруссіи; и Германскій Сеймъ, и Франкфуртскій парламентъ торжественно объявили, что эти области принадлежатъ къ Германскому Союзу. По договорамъ 1815 года, напротивъ, онѣ не принадлежатъ къ нему.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми?

По договорамъ 1815 года родъ Бонапарте навѣки изгнанъ изъ Франціи и всѣ державы обязались изгонять его изъ Франціи, если будетъ нужно вооруженною силою. Всѣ державы оффиціально признали и продолжаютъ признавать новую Французскую имперію.

Договоры 1815 года гарантируютъ, что Швейцарія должна сохранить то устройство, какое получила въ 1815 году. Швейцарскій народъ совершенно измѣнилъ это устройство. Всѣ державы признали этотъ переворотъ.

Чтожь послѣ этого, трактаты 1815 года можно назвать ненарушенными и ненарушимыми.

Полноте же лицемѣрить!

Мы знаемъ теперь, какъ произошли эти трактаты; мы знаемъ, какія пружины тутъ дѣйствовали, и знаемъ жалкій результатъ ихъ, такъ называемое европейское равновѣсіе, которое ежеминутно колеблется и ничего не уравновѣшиваетъ. Даже Гизо, этотъ закоснѣлый доктринеръ, признается въ своихъ мемуарахъ, что эти трактаты были бѣдствіемъ для Европы.

Трактаты, подобно законамъ, служатъ выраженіемъ извѣстной эпохи, бываютъ произведеніемъ извѣстнаго отношенія партій или государствъ, которое можетъ быстро измѣняться. На вѣнскомъ конгрессѣ дѣйствовали только династическіе интересы и дипломатическія взятки. Но послѣ того народная жизнь шла впередъ гигантскими шагами, и она, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, требуетъ новаго выраженія, новой одежды для тѣла, въ которомъ движется. Сознаніе національности повсюду развивается неудержимо, и раньше или позже разорветъ цѣпи, наложенныя на національности трактатами.

Въ движеніи, глубоко взволновавшемъ теперь Германію и усиливающемся съ каждымъ днемъ, прекрасная и возвышенная сторона является въ искаженіи нечистыми элементами. Возвышенную сторону движенія составляетъ національное чувство, потребность единства, сознаніе необходимости для Германіи имѣть самостоятельную политику. Возвышенную сторону его составляетъ сближеніе при мысли объ угрожающей опасности, хотя бы мнимой, требованіе общихъ мѣръ, которое отчасти возникаетъ изъ народа, къ

которому почти равномѣрно примкнули всѣ политическія партіи, между тѣмъ какъ правительства неохотно поддаются господствующему направленію. Это движеніе свидѣтельствуетъ, что событія 1848 года не остались безъ энергичнаго слѣда; оно показываетъ, что потребность единства, тождественная въ Германіи съ потребностью свободы, находитъ отголосокъ въ сердцѣ народа.

Въ этомъ отношеніи мы совершенно сочувствуемъ нынѣшнему движенію; мы призываемъ къ соединенію силъ противъ всякаго нападенія на Германію. Но мы не хотимъ, чтобы этотъ призывъ служилъ средствомъ для своекорыстныхъ цѣлей; мы хотимъ сорвать маску съ лицемѣровъ, показать имъ, что умѣемъ различать искреннюю потребность отъ преступной спекуляціи на народное довѣріе.

Мы видимъ, что подъ этимъ движеніемъ скрывается нечистый элементъ ультрамонтанизма. Съ той поры, какъ Австрія отказалась отъ принциповъ Іосифа II и засіяла на черножелтомъ небѣ звѣзда конкордата, взоры всей ультрамонтанской партіи обращены на Австрію; изъ Австріи получаетъ она свои лозунги, австрійскіе обскуранты управляютъ ею въ Баваріи, Верхней Швабіи, Вестфаліи. Въ католическихъ земляхъ сильнѣе всего развилось нынѣшнее движеніе. Манифестаціи виртембергской палаты депутатовъ были возбуждены двумя депутатами изъ Верхней Швабіи. Слишкомъ знаменитый Кеттелеръ, епископъ майнцскій, увѣщеваетъ своими пастырскими посланіями католическое духовенство поддерживать нѣмецкое движеніе. Всѣ ультрамонтанскіе агитаторы твердятъ, что Германія одно и тоже съ Австріей, Австрія одно и тоже съ папою, и призываютъ защищать Германію, для того, чтобы защитить конкордатъ.

Какая забота о Германіи у этихъ исчадій Рима? Они просто дѣйствуютъ въ пользу конкордата, посредствомъ котораго господствуютъ надъ Австріею и хотятъ господствовать надъ Германіею. Пусть нынѣшнее движеніе защититъ Австрію отъ иноземнаго нападенія, поддержитъ и укрѣпитъ ее, и вы увидите, что оно будетъ обращено въ пользу ультрамонтанской партіи, увеличитъ вліяніе Австріи, а Австрія будетъ дѣйствовать въ пользу ультрамонтанской партіи и нѣмецкій Сеймъ снова будетъ служить орудіемъ для подавленія свободы совѣсти. Можетъ ли быть такова наша цѣль? можемъ ли мы хотѣть сами налагать на себя руки, отдаваться во власть врагу рода человѣческаго? Намъ твердятъ о непримиримыхъ врагахъ Германіи—французахъ. Въ каждомъ нумерѣ «*Allgemeine Zeitung*» проповѣдуется о нихъ; но нѣтъ ни одного слова о томъ гнусномъ чудовищѣ, которое хочетъ погибели всего рода человѣческаго. Разумѣется, «*Allgemeine Zeitung*» не станетъ говорить о немъ, она его союзница, или вѣрнѣе сказать, она его рабыня. Но мы еще не продавались ему и не хотимъ погибели свободной мысли; мы должны предостерегать отъ черныхъ фигуръ, вмѣшивающихся въ нынѣшнее движеніе; мы должны разоблачить ихъ и спросить нѣмцевъ, неужели они хотятъ слѣдовать по пути, по которому желаютъ вести ихъ эти черные люди; мы должны спросить нѣмцевъ, не лучше ли намъ приберечь свои силы и свое одушевленіе для лучшаго дѣла?

Мы видимъ также, что поднимается изъ исторической тины старинное французоѣдство съ оребячившимся отъ старости Арндтомъ и Петромъ Пустынникомъ тевтономаніи Яномъ; они снова начинаютъ пѣть старую пѣсню о нѣмецкомъ Рейнѣ. Поднимается даже крикъ о завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи, какъ нѣмецкихъ земель, и, чего добраго, не нынче—завтра появится какой нибудь ученый господинъ съ силлогизмомъ, совершенно основательнымъ: Карлъ-Великій былъ нѣмецъ, слѣдовательно и всѣ земли, которыми онъ владѣлъ, должны быть возвращены къ Германіи. Но шутки въ сторону. Французы мечтаютъ о рейнской границѣ; но отъ мечты до осуществленія далеко, и разсудительные люди хорошо понимаютъ, что надежда на осуществленіе французской мечты можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока Германія имѣетъ 34 различныхъ правительства и пока главнѣйшія изъ этихъ правительствъ, господствующія на нѣмецкомъ Сеймѣ, имѣютъ существенные интересы внѣ Нѣмецкаго Союза. Когда будетъ существовать истинная Германія съ единствомъ интереса и твердой организаціей, рейнская граница будетъ совершенно безопасна.

Принципъ національности драгоцѣненъ для насъ; но принципъ свободнаго рѣшенія народомъ своей судьбы, — еще драгоцѣннѣе. Эльзасъ—нѣмецкая страна, и можно

жалѣть о томъ, что раздробленность Германіи была причиною потери этой провинціи. Но не должно забывать, что должно пройти много поколѣній прежде, чѣмъ эта страна захочетъ присоединиться къ Германіи. Я много разъ по-долгу живалъ въ Эльзасѣ, у меня есть близкіе друзья во всѣхъ его городахъ, во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ политическихъ партіяхъ; и никогда, даже въ эпоху самой горячей борьбы противъ французскаго правительства или въ защиту нѣмецкихъ нравовъ и языка отъ вторженія французскихъ элементовъ, никто изъ нихъ не слыхалъ въ цѣломъ Эльзасѣ ни малѣйшаго желанія отдѣлиться отъ Франціи и присоединиться къ Германіи. Стоитъ только намекнуть объ этомъ, и умолкаютъ всѣ жалобы на невыносимое бремя податей, на несносный чиновничій деспотизмъ, па французскую надменность и шарлатанство. Это можетъ быть печальнымъ свидѣтельствомъ о томъ, каково состояніе Германіи; но никто не можетъ отрицать истину этого свидѣтельства. Такое настроеніе умовъ въ Эльзасѣ можетъ служить для насъ примѣромъ того, какое глубокое чувство возбуждается въ народѣ сознаніемъ своей принадлежности къ единому и великому цѣлому.

Наконецъ основною причиною нынѣшняго движенія я нахожу нашъ старый наслѣдственный грѣхъ, наслѣдованное нами еще отъ кимвровъ и тевтоновъ расположеніе стремиться за Альпы и господствовать въ Италіи. Эта ошибка въ теченіе многихъ столѣтій, съ самыхъ Среднихъ вѣковъ губила наши лучшія силы, истощала нашу кровь. Отъ усилій господствовать въ Италіи,—да, только отъ этихъ усилій погибло политическое могущество нѣмецкой націи: а все еще мы не исцѣлились отъ этой старой болѣзни. Въ доказательство мы приведемъ отрывокъ изъ письма, помѣщеннаго въ *Allgemeine Zeitung,* 6 марта. «Впечатлѣнія, производимыя на нѣмца путешествіемъ въ Ломбардію, различны, смотря по различію въ настроеніи его мыслей. Мы вынесли изъ Италіи совершенно не такія впечатлѣнія, какъ г. Витте [1]); главнѣйшее изъ нихъ то, что нѣмецъ въ Ломбардіи чувствуетъ себя членомъ владычествующей націи; это чувство такъ рѣдко, оно такъ мало пробуждается въ другихъ посѣщаемыхъ нами странахъ, что становится вдвойнѣ радостно для насъ, тѣмъ болѣе, что служитъ свидѣтельствомъ моральнаго превосходства нашей націи». Поздравляемъ васъ, надменный глупецъ, съ вашимъ сердечнымъ наслажденіемъ отъ владычества надъ рабами. У васъ сіяетъ лицо пошлымъ восторгомъ отъ мысли порабощать другихъ. Мы не раздѣляемъ этого чувства, мы не понимаемъ наслажденія, съ которымъ плантаторъ топчетъ ногами негра; мы не хотимъ быть ни порабощенными, ни поработителями.

Опомнимся же отъ этого гогенштауфенскаго сумасбродства и габсбургскаго идіотства. Есть хорошая французская поговорка: *il faut laisser l'Allemagne aux Allemands*—«оставьте Германію нѣмцамъ», — будемъ же имѣть мужество сказать: оставимъ Италію итальянцамъ. Мы еще не выбили изъ своей головы средневѣковаго варварства; отбросимъ его, подобно другимъ средневѣковымъ нелѣпостямъ, и будемъ благодарить небо, если закроется могила, въ которой до сихъ поръ каждый годъ, каждый день, каждый часъ, хоронили мы нѣмецкую силу, нѣмецкое богатство и нѣмецкое политическое могущество.

V. заключеніе (стр. 126—134).

Безъ войны не разрѣшатся вопросы, поднимающіеся нынѣ со всѣхъ сторонъ, не удовлетворятся стремленія дать Европѣ болѣе разумное устройство. Безъ войны Германія не можетъ получить болѣе плотнаго единства, отвязаться отъ своихъ не-нѣмецкихъ приставокъ и пріобрѣсти такимъ образомъ политической силы; Италія также не можетъ безъ войны достичь того, чтобы составить національную федерацію и свергнуть австрійское иго; не можетъ и Венгрія достичь осуществленія своего стремленія къ самостоятельности; не могутъ южные славяне и румуны достичь національной орга-

[1]) Витте, прусакъ, помѣстилъ въ одной изъ прусскихъ газетъ рядъ писемъ изъ Италіи, проникнутыхъ тою мыслью, что насильственное владычество австрійцевъ въ Ломбардіи дѣйствуетъ самымъ грустнымъ образомъ на нѣмцевъ съ благороднымъ образомъ мыслей.

низаціи. Безъ войны, безъ совершеннаго истощенія противящихся тому державъ, невозможно такое преобразованіе и потому спокойствіе Европы не установится, пока не будутъ разрѣшены эти вопросы. Война должна начаться не нынѣ, завтра. Конгрессъ можетъ лишь отсрочить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, но не устранить ее.

Итакъ мы ожидаемъ войны и думаемъ, что она будетъ гораздо лучше нынѣшняго тревожнаго положенія, отъ котораго національное богатство страдаетъ больше, нежели страдало бы отъ войны. Но кто же будутъ противники и какихъ результатовъ можно ожидать, если война вспыхнетъ, какъ теперь предполагаютъ, по вопросу объ итальянскихъ провинціяхъ Австріи? На одной сторонѣ будутъ Франція и Піэмонтъ, на другой Австрія. Обѣ стороны имѣютъ хорошія войска, хорошихъ генераловъ, почти одинаковое число жителей, и потому война будетъ упорна, быть можетъ нерѣшительна. Австрія самое упрямое изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ. Постоянно побѣждаемая Наполеономъ, она постоянно выводила новыя арміи и переживала новыя пораженія. Въ оборонѣ она всегда была также упорна, какъ французы неудержимы въ наступленіи.

Война можетъ имѣть три случая. Во-первыхъ, если Австрія будетъ побѣждена она потеряетъ всѣ Ломбардо-Венеціанскія земли и будетъ отброшена за Тальяменто. Можетъ ли быть результатъ благопріятнѣе этого? Мы хотимъ независимости Италіи, мы убѣждены, что возвращеніе Италіи естественныхъ границъ будетъ залогомъ спокойствія въ Европѣ, какъ теперь служитъ для Европы источникомъ волненій. Промышленный классъ долженъ обратить вниманіе на наши слова. Онъ боится революцій; революція перестанетъ грозить Германіи только тогда, когда Германія будетъ отдѣлена альпійскою стѣною отъ Италіи.

Но, говорятъ намъ, вмѣсто австрійцевъ станутъ господствовать въ Италіи французы. Франція увеличится, почерпнетъ новыя силы въ этой войнѣ, и Германія снова должна будетъ бояться за свою рейнскую границу. Мы отвѣчаемъ: Франція достигнетъ побѣды только съ крайнимъ напряженіемъ силъ, и пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ она оправится отъ этого истощенія. Италія долго еще будетъ занята внутренними вопросами, если сдѣлается самостоятельной, и Луи-Наполеонъ ограничится тѣмъ, что возвратитъ ей независимость. Потому и въ этомъ случаѣ союзъ съ Италіею вовсе не увеличитъ силу Франціи въ наступательной войнѣ. Но, говорятъ намъ, Луи-Наполеонъ не удовольствуется освобожденіемъ Италіи, онъ хочетъ завоеваній. Мы этому не вѣримъ. У насъ есть примѣръ противнаго въ крымской войнѣ, и мы остаемся тѣмъ спокойнѣе, что послѣ нѣсколькихъ хорошихъ битвъ другія державы навѣрное не останутся праздными зрительницами и вмѣшаются въ дѣло, чтобы не дозволить Франціи слишкомъ расширить своихъ границъ.

Но предположимъ, даже, что, противъ всякой вѣроятности, Франція оставила бы за собою какія нибудь области на югѣ или на сѣверѣ Италіи. Неужели могущество Франціи увеличилось бы отъ этого пріобрѣтенія? Посмотрите на Римъ. Французовъ въ Римѣ ненавидятъ точно такъ же, какъ австрійцевъ въ Ломбардіи. Между римлянами и ими не установилось ничего, похожаго на дружбу, ни одна партія не сочувствуетъ имъ, всѣ желаютъ ихъ удаленія. Если бы Франція захотѣла явиться въ Италіи завоевательницею, она стала бы въ Италіи точно въ такое же отношеніе, какъ Австрія. Ея силы безплодно истощались бы на охраненіе завоеванныхъ областей; при малѣйшемъ поводѣ въ нарушенію мира она стала бы трепетать за эти провинціи, какъ трепещетъ Австрія; въ случаѣ войны, ей постоянно грозило бы возстаніе, а ея оборонительная линія страшно растянулась бы, такъ что трудно было бы ей защищаться. Да, съ самой узкой нѣмецкой точки зрѣнія, надобно было бы желать, чтобы французскій волкъ схватилъ въ пасть итальянскую кость, о которую притупились бы его зубы. Итакъ мы не боимся французскихъ завоеваній въ Италіи, хотя въ интересѣ самой Италіи вовсе не желаемъ ихъ.

Предполагаемый второй случай, что побѣдятъ австрійцы. Мы твердо убѣждены, что нынѣшняя французская система не можетъ пережить пораженія; она должна была бы или упасть отъ революціи, или совершенно измѣниться, допустивъ расширеніе внутренней свободы. Та и другая перемѣна была бы выгодна для Европы и Германіи.

Предположимъ наконецъ третій случай, что война будетъ тянуться нерѣшительнымъ образомъ, и обѣ противныя стороны должны будутъ напрягать всѣ свои силы въ долгой борьбѣ. Каковъ былъ бы результатъ? Франція истощилась бы; Австрія разорилась бы, ей грозило бы распаденіе, она была бы принуждена опереться на Германію и сдѣлать ей всѣ уступки, требуемыя нѣмецкими интересами. Такимъ образомъ внѣшній врагъ и внутренній врагъ сдѣлались бы равно безсильны и безвредны.

Но пора намъ высказать выводъ. Мы видѣли, что Австрія опаснѣйшій внутренній врагъ Германіи, мы видѣли, что будущность Германіи можетъ улучшиться только отъ раздробленія Австріи. Мы видѣли, что Европа только тогда пріобрѣтетъ спокойствіе, нужное для ея внутренняго развитія, когда уничтожатся противоестественныя отношенія, установленныя трактатами, замѣнившись естественнымъ распредѣленіемъ національностей по государствамъ. Мы убѣдились, что принципъ національности составляетъ теперь требованіе европейскаго мира. Мы убѣдились, что пришло время, когда Германія можетъ пріобрѣсти себѣ національное устройство, если только будетъ дѣйствовать разсудительно, и при этомъ условіи можетъ пріобрѣсти политическую самостоятельность въ Европѣ. Мы видѣли, что каковъ бы ни былъ исходъ борьбы между Австріею и Франціею, во всякомъ случаѣ онъ будетъ выгоденъ для внутренняго развитія и политической будущности Германіи.

Таковы наши выводы.

Неужели же мы пожертвуемъ всѣми своими интересами въ безсмысленномъ ослѣпленіи и фальшивомъ патріотизмѣ? неужели мы сами усилимъ и возвеличимъ нашего внутренняго врага, чтобы онъ тѣмъ сильнѣе вредилъ намъ впослѣдствіи? Неужели католическіе обскуранты убѣдятъ насъ истощить всѣ наши силы для того, чтобы отравить нашу будущность, отнять у себя возможность свободнаго развитія, потерять драгоцѣннѣйшее наше благо—свободу мысли и совѣсти? Гдѣ же та разсудительность, за которую прославляли нѣмецкій народъ, которая всегда была и достоинствомъ и недостаткомъ его?

Никакой договоръ не долженъ останавливать народа отъ устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ сообразно съ его желаніями. Такъ сдѣлала Бельгія, такъ сдѣлала Швейцарія, такъ сдѣлала Франція,—неужели одна Германія не имѣетъ ни права, ни силы поступить такимъ же образомъ?

Пусть всѣ газеты, пусть всѣ палаты, пусть каждый нѣмецъ требуетъ преобразованія Нѣмецкаго Союза. Государства Нѣмецкаго Союза не должны имѣть никакихъ провинцій внѣ Германіи. Нѣмецкій Союзъ долженъ имѣть представительное правленіе и быть однимъ политическимъ цѣлымъ въ иностранной политикѣ. Одинъ народъ, одно государство, одна армія.

Если мы достигнемъ этого, если мы успѣемъ соединиться, намъ не будутъ страшны тогда никакіе внѣшніе враги. Намъ проповѣдуютъ теперь политику страха. Безъ помощи Австріи, вы потеряете Рейнъ, говорятъ намъ. Помогайте Австріи на По, чтобы она помогла вамъ на Рейнѣ. Но мы говоримъ: пусть соединятся нѣмцы. Если мы соединимся, намъ не нужно будетъ бояться никого въ свѣтѣ; а пока мы раздроблены, пока мы связаны съ чехами, поляками, венграми, кроатами, итальянцами, мы будемъ побѣждаемы всякимъ врагомъ.

В. Извлеченіе изъ рѣчи Кошута по поводу итальянскаго вопроса, на митингѣ въ лондонской Сити, 19 (7) мая. (Изъ *Times'a*).

Г-нъ Кошутъ былъ встрѣченъ громкими и продолжительными апплодисментами и сказалъ:

«Туча, собиравшаяся болѣе 40 лѣтъ и переполненная электричествомъ, наконецъ начала извергать громы. При такомъ положеніи дѣлъ Англія должна занять положеніе безпристрастнаго нейтралитета и строгаго вмѣшательства. Если она своимъ вмѣшательствомъ не придастъ искаженнаго направленія естественному ходу событій, то я жду отъ начавшейся теперь войны пользы для націи, которой принадлежатъ всѣ стремленія моего сердца. Такое ожиданіе происходитъ не отъ минутнаго увлеченія, оно

основано на той безспорной аксіомѣ, что бѣдствіе угнетающаго представляетъ шансъ избавленія угнетенному. Францъ Іосифъ вовлеченъ въ войну: думая объ относительномъ положеніи воюющихъ сторонъ и о стратегическихъ необходимостяхъ, которыя должны развиться въ продолженіи войны, я прихожу къ заключенію, что скоро освобожденіе будетъ возможно для нѣкоторыхъ изъ числа національностей, угнетаемыхъ Австріею. Эго угнетеніе составляетъ величайшее изъ европейскихъ бѣдствій и безъ его уничтоженія могутъ быть только придумываемы разныя искусственныя комбинаціи для временнаго прикрытія нелѣпости политическаго устройства Европы, но не возможно мирное и прочное устройство европейской политической системы. Британское правительство дало торжественное обязательство, что не вмѣшается въ войну ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ и будетъ держаться строгаго нейтралитета. Это хорошо, но я долженъ выразить желаніе, чтобы принципъ нейтралитета получилъ характеръ прочнаго правила, не подверженнаго случайнымъ отклоненіямъ, а для этого необходимо общественному мнѣнію высказаться яснѣе, чтобы не осталось сомнѣнія о смыслѣ, какой англичане хотятъ придать нейтралитету. Нейтралитетъ—общее выраженіе; онъ долженъ получить опредѣлительный смыслъ, который будетъ имѣть только тогда, когда ясно будетъ, на чьей сторонѣ стало бы англійское правительство въ томъ случаѣ, если бы не осталось нейтральнымъ. Я не читалъ ни одного оффиціальнаго или полуоффиціальнаго объявленія, которое показывало бы, что Англія сочувствуетъ Франціи; но читалъ много такихъ объясненій, изъ которыхъ оказывалось, что для нынѣшняго правительства выборъ былъ только между нейтралитетомъ или союзомъ съ Австріею. Говорилось также, что Англія останется нейтральною, но будетъ слѣдить за тѣмъ, какой оборотъ примутъ событія, а между тѣмъ вооружаться, чтобы можно ей было отразить нападеніе на свои границы. Но на Англію не нападетъ никто, если она сама не впутается въ войну. Между тѣмъ, мы имѣемъ признаки для того, чтобы предугадывать, чего хочетъ англійское правительство; намъ говорятъ, что если французскій флотъ вступитъ въ Адріатическое море, то интересъ Англіи требуетъ воспротивиться ему; что если французы нападутъ на Венецію, то интересъ Англіи требуетъ защитить ее. Отъ чего же защитить? Отъ великаго несчастія быть освобожденной изъ подъ австрійскаго деспотизма? Есть предразсудки, которые вовлекутъ Англію въ войну, если она не отвергнетъ ихъ. Изъ этихъ предразсудковъ главные происходятъ отъ ошибочнаго пониманія итальянскаго вопроса, отъ уваженія къ трактатамъ 1815 года, отъ дипломатической фразы объ ограниченіи театра войны опредѣленною мѣстностью и отъ величайшей изъ всѣхъ политическихъ ошибокъ—отъ мнѣнія, будто существованіе Австрійской имперіи необходимо для сохраненія европейскаго равновѣсія. Итальянскій вопросъ возникаетъ не просто отъ дурнаго управленія, онъ не таковъ, чтобы его можно было устранить своевременною уступкою или реформою. Это вопросъ о національности, и потому сущность его практическаго разрѣшенія состоитъ въ совершенномъ и окончательномъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, такъ, чтобы имъ нельзя было туда воротиться. Потому сдѣлки тутъ невозможны. Или австрійцы должны быть окончательно изгнаны изъ Италіи, или итальянскій вопросъ будетъ появляться вновь. Только истребленіемъ итальянцевъ можетъ упрочиться австрійское господство въ Италіи, а народъ, состоящій изъ 26,000,000 нельзя истребить. Въ доказательство того, что это вопросъ о національности, надобно вспомнить, что въ 1846 году жители Папской Области, при всей невыносимости своихъ частныхъ страданій, объявляли, что вопросъ о ихъ правительствѣ - дѣло второстепенное. Общій итальянскій вопросъ, говорили они, составляетъ главную сторону дѣла, и главное ихъ неудовольствіе противъ папскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно поработило себя Австріи. Поэтому въ 1848 году вся Италія соединилась противъ австрійцевъ, и когда независимость была предложена Ломбардіи, миланцы объявили, что не хотятъ отдѣлять своей судьбы отъ судьбы Венеціи. Они сражались не за Ломбардію, а за Италію. Поэтому и піэмонтцы, хотя своей судьбой и были довольны, съ радостью подверглись опасностямъ, страданіямъ и пожертвованіямъ великой войны. Республиканцы присоединились къ королю, написавшему на своемъ знамени «независимость Италіи». Тоскана подчинилась сардинскому монарху и французы встрѣчены съ

восторгомъ. Во всѣхъ переговорахъ, предшествовавшихъ объявленію войны, была со стороны британскаго правительства та ошибка, что оно смотрѣло на это дѣло, не какъ на вопросъ о національности, а какъ на такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ безъ изгнанія австрійцевъ, если только они обяжутся не входить во внутреннія дѣла другихъ государствъ полуострова.

О трактатахъ 1815 года надобно сказать, что исторія слѣдующихъ 44-хъ лѣтъ была непрерывнымъ протестомъ противъ этихъ трактатовъ. Всѣ ихъ статьи, благопріятныя для свободы, нарушались континентальными правительствами, и Англія не мѣшала этому; неужели теперь она возьмется за оружіе, чтобы защищать неприкосновенность этихъ трактатовъ въ пользу Австріи, которая годится только для того, чтобы распространять мракъ и увѣковѣчивать рабство?

Теперь надобно перейти къ тому, что дипломаты называютъ ограниченіемъ войны. Это выраженіе значитъ, что война не должна переходить за границы Италіи. Но если австрійцы отступятъ за Тальяменто, которымъ Ломбардія отдѣляется отъ ихъ другихъ владѣній, то неужели французы и сардинцы не должны преслѣдовать ихъ, и неужели Австрія, ведя войну, должна пользоваться всѣми выгодами нейтралитета?

Какой выводъ изъ этихъ соображеній? Безполезно разсуждать о томъ, что должна будетъ дѣлать Англія, если французы вторгнутся въ рейнскую Германію, потому что императоръ французовъ вовсе не хочетъ раздражать Германію и Англію. Истинный вопросъ въ томъ, должны ли англичане своею кровью и своими деньгами гарантировать Австріи привилегію нейтралитета въ ея областяхъ, лежащихъ внѣ Италіи? Должны ли англичане бросаться въ ужасы войны для защиты Австріи отъ военныхъ дѣйствій, которыя, не нарушая народнаго права, могутъ предпринять противъ нея противники? Если англичане не хотятъ этого, они не должны довольствоваться неопредѣленными общими фразами, а должны внушить своему правительству, что ограничится ли война бассейномъ По, или распространится на другія австрійскія области, Англія все равно не должна принимать въ ней участія. За что англичанамъ защищать Австрію? Ее называютъ вѣрною союзницею Англіи; она была на постоянной пенсіи Англіи, въ ея бездонный карманъ постоянно бросались милліоны, собираемые съ англійскаго народа; но исторія не говоритъ, чтобы Англія получала какія нибудь выгоды отъ нея.

Говорятъ, будто цѣлость Австрійской имперіи необходима для сохраненія политическаго равновѣсія. Я не буду разсматривать этой кабалистической абракадабры «политическое равновѣсіе», этого Молоха, которому такъ долго приносили въ жертву справедливость, политическую нравственность и свободу націй; я только скажу, что искуственныя государства, лишенныя органическаго единства и гармоніи, служатъ не къ предупрежденію, а къ возбужденію войны. Противъ чьего перевѣса должна служить оградою Австрія? Если бы Австрія не владѣла Италіею, не было бы итальянскаго вопроса. Австрія не оплотъ европейскаго равновѣсія, она Дамокловъ мечъ, грозящій спокойствію Европы. Пусть она исчезнетъ въ пучинѣ вѣчной погибели, разверзающейся для нея, и тогда, если и будутъ частные перевороты, то не будетъ уже нарушаться спокойствіе всей Европы. Націи, собранныя въ искуственную массу, называемую Австріей, имѣютъ значительные элементы могущества, но ошибочно заключать изъ этого, что Австрійская имперія могущественна. Если всѣмъ этимъ націямъ будетъ дозволено возвратить свою національную самостоятельность, они дѣйствительно составятъ оплоты для независимости Европы. Но въ настоящее время Австрія не оплотъ Европы, а слабѣйшій пунктъ Европы.

Говорятъ, что если бы итальянцы или другія угнетенныя націи дѣйствовали однѣ, Англіи не было бы нужды вмѣшиваться, но вмѣшательство французовъ измѣняетъ дѣло. Говорятъ, что императоръ французовъ дѣйствуетъ только съ честолюбивыми цѣлями и что для національностей нѣтъ выгоды мѣнять одного господина на другаго. Я отвѣчаю на это, что почти не было примѣровъ, когда бы народъ пріобрѣталъ свободу безъ помощи иностранцевъ. Самой Англіи помогали при возвращеніи свободы 15,000 голландскихъ солдатъ и голландскій флотъ изъ 500 вымпеловъ, съ которыми пришелъ на помощь ей Вильгельмъ Оранскій. Постоянно были вмѣшательства противъ

свободы; но Англія никогда не вооружалась, чтобы остановить ихъ; неужели она теперь начнетъ войну, чтобы остановить вмѣшательство, происходящее въ пользу свободы? По какимъ побужденіямъ императоръ французовъ началъ эту войну, я не знаю; но я знаю, что было бы противно его выгодамъ и потому не входитъ въ его намѣренія. Его выгодамъ было бы противно стремленіе къ завоеваніямъ, потому что оно послужило бы погибелью для него, какъ послужило погибелью для Наполеона I. Если вслѣдствіе событій, возникающихъ изъ этой войны, откроется моему отечеству возможность возвратить себѣ независимость, неужели я долженъ былъ бы совѣтовать венграмъ отвергнуть независимость только потому, что ее предлагаетъ имъ Бонапарте? Нѣтъ, Венгрія такъ далека отъ Франціи и настолько сильна, что не можетъ сдѣлаться французскимъ департаментомъ. А если итальянцы, получивши черезъ французское вмѣшательство возможность организоваться и вооружиться, не съумѣютъ въ случаѣ надобности защититься отъ своихъ друзей, то они покажутъ, что не заслуживали свободы.

Іюль 1859.

Похвала миру.—Сраженіе при Мадженте и Сольферино.—Причины слабости австрійской арміи.—Причина, по которой былъ заключенъ миръ.

Итакъ, миръ!—миръ, заключенный съ такою быстротою, или лучше сказать, торопливостью, что долго не могли опомниться отъ этого внезапнаго, скоропостижнаго факта люди, вѣрившіе въ серьезность войны, то есть девять человѣкъ изъ десяти, читающихъ газеты и разсуждающихъ о политикѣ. Даже и мы, бывшіе изъ числа тѣхъ немногихъ, которые съ самаго начала утверждали, что дѣло ведется только для развлеченія французовъ побѣдоносными фейерверками и должно прекратиться немедленно по „увѣнчаніи французскаго оружія" достаточнымъ числомъ „лавровъ",—даже и мы, сознаемся, не предполагали, чтобы наше мнѣніе оправдалось такъ скоро, чтобы такъ поспѣшно обращены были силою совершившагося факта къ принятію нашего взгляда люди, которые не отстали отъ наивной привычки измѣрять вѣроятности будущаго только благородствомъ собственныхъ желаній, а не искать мѣрила для результатовъ извѣстнаго дѣла въ характерѣ, въ потребностяхъ и намѣреніяхъ дѣятелей, отъ которыхъ зависитъ судьба дѣла. Надѣемся, теперь перестанутъ осуждать насъ за то, что мы оставались холодны, недовѣрчивы, не полагались на прокламаціи, не ждали отъ войны ничего, кромѣ бойни на поляхъ сраженій, ампутацій и тифа въ госпиталяхъ, тріумфальныхъ процессій въ Парижѣ, да увѣнчанія лаврами французскаго оружія.

Да, миръ, по которому Австрія остается владычицею Венеціи, владѣтельницею крѣпостей на Адидже и Минчіо, дающихъ военное господство надъ всей сѣверной Италіею,—миръ, по которому единство Италіи создается въ формѣ итальянской конфедераціи подъ предсѣдательствомъ папы, то есть, подъ формою еще безсильнѣйшею, нежели нѣмецкій союзъ,—миръ, по которому членомъ этой конфедераціи становится Австрія, то есть, ненормальное тяготѣніе ея надъ другими итальянскими государствами посредствомъ тайныхъ трактатовъ и незаконнаго занятія крѣпостей войсками, — шаткое господство это замѣняется открытымъ, нормальнымъ господствомъ надъ ними, посредствомъ законной формы, гарантируемой Европою,—миръ, по которому Сардинія получаетъ область, не довольно большую для того, чтобы дать ей

силу стоять одной противъ Австріи, но достаточно большую для того, чтобы Австрія не могла забыть этой потери и постоянно искала случая возвратить ее, имѣя готовый ключъ къ тому въ своихъ крѣпостяхъ на Минчіо и Адидже, то есть, такой миръ, по которому Сардинія изъ безопаснаго и потому самостоятельнаго государства становится вассальнымъ владѣніемъ Франціи, у которой безусловнымъ послушаніемъ должна покупать милостивое покровительство, служащее для нея защитою отъ Австріи,—итакъ миръ, по которому къ прежнему игу, австрійскому, присоединяется еще новое иго, французское.

Да, таковъ исходъ борьбы, воодушевлявшей пылкими надеждами людей, слишкомъ довѣрчивыхъ въ своемъ благородствѣ. Признаемся, даже мы, не ожидавшіе отъ войны, предпринятой императоромъ французовъ, ничего хорошаго, не ждали такого результата. Онъ превзошелъ самыя грустныя наши опасенія. Нельзя было ждать, чтобы судьба Италіи улучшилась; но по крайней мѣрѣ можно было думать, что она не станетъ хуже. Успѣхи союзниковъ будутъ или быстры и рѣшительны, или нѣтъ; кажется, этими двумя положеніями истощалась вся область возможнаго. Въ послѣднемъ случаѣ австрійское иго остается тяготѣть надъ Италіею; въ первомъ оно замѣняется французскимъ преобладаніемъ,—что жь, это не хуже, даже нѣсколько лучше. Кажется, умозаключеніе было непогрѣшительно; но воля, располагавшая событіями, устроила такъ, что вышло нѣчто неправдоподобное. Успѣхи союзниковъ были неимовѣрно быстры, страшно рѣшительны—и исполнилась часть дилеммы, говорившая, что въ этомъ случаѣ Италія подпадаетъ французскому господству; но не исполнилась та часть, которая говорила, что владычество Австріи падаетъ въ этомъ случаѣ—нѣтъ, оно не упало. Рука, поражавшая австрійцевъ, постаралась сама поддержать ихъ; воля, вздумавшая избрать поводомъ къ войнѣ освобожденіе Италіи, нашла удобнѣйшимъ замѣнить простое иго—сложнымъ, такъ сказать двухъ-этажнымъ игомъ: первымъ пластомъ оставила она лежать надъ Италіею Австрію; но на Австрію и Италію вмѣстѣ положила она тяжесть французскаго ярма. Прежде, для того, чтобы Италія могла стать свободною, довольно было, чтобы на нѣкоторое время какими нибудь обстоятельствами связаны были руки у Австріи; тѣ, которые опасались, что нынѣшняя война не освободитъ Италію, а только замѣнитъ австрійское господство французскимъ, могли думать, что довольно будетъ какого нибудь переворота во Франціи для паденія этой новой зависимости. Теперь, благодаря условіямъ, устроено такъ, что ни то ни другое уже не достаточно для освобожденія Италіи. Теперь, если ослабѣваетъ Австрія, это ведетъ только къ усиленію французскаго господства; если Франція потеряетъ силу или охоту тяготѣть надъ Италіею, это ведетъ только къ усиленію господства Австріи. Отлично устроилось дѣло: вмѣсто одного якоря, державшаго Италію въ состояніи неподвижной неволи, теперь держится она въ такомъ положеніи на двухъ якоряхъ. Такая развязка превосходитъ даже наши ожиданія; и признаемся, мы не чувствуемъ особенной радости, говоря людямъ, осуждавшимъ наше маловѣріе: видите теперь, господа, мы говорили правду,—мы говорили даже меньше, нежели оказалось теперь грустною правдою.

А между тѣмъ вѣдь имѣли же эти люди какія нибудь данныя для своей надежды? Да, имѣли, и данныя эти никогда не подлежали ни малѣйшему

сомнѣнію. Да, разумѣется, могъ всякій кому было угодно, основываясь на безспорныхъ данныхъ, ожидать отъ войны совершеннаго изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, могъ ожидать даже разрушенія всей Австріи и Богъ знаетъ какъ много другихъ прекрасныхъ вещей. Да, разумѣется, Франція имѣла достаточно силы, чтобы прогнать австрійцевъ за Тальяменто, за Дунай и за какую угодно границу. Да, разумѣется, Австрія постоянно находится „въ моментѣ распаденія", по выраженію Петруши въ „Родственникахъ". Все, чего ожидали благородные наивные люди, было не только возможно исполнить, было даже очень легко исполнить,—да мы и не знаемъ вообще, есть ли какая нибудь хорошая вещь, какая нибудь истинная потребность какого нибудь народа или просвѣщенныхъ людей въ какомъ нибудь обществѣ, которую бы трудно было исполнить, если бы только находилась, въ комъ нужно, серьезная охота къ исполненію такихъ вещей. Мало ли чего нѣтъ! Ошибка наивныхъ людей только въ томъ и состоитъ, что они судятъ о другихъ людяхъ по себѣ, предполагаютъ свою охоту,—предполагаютъ по крайней мѣрѣ возможность появленія такой охоты въ другихъ, которые не имѣютъ, — и, это главное, не могутъ имѣть ея. Мало ли чего нѣтъ! Въ Испаніи, напримѣръ,—въ той самой странѣ, гдѣ находился Авксентій Иванычъ Поприщинъ, и о которой онъ открылъ, что она собственно не Испанія, а Китай—попробуйте, говоритъ, написать „Китай", то и выйдетъ Испанія,—въ этой странѣ существуютъ, какъ извѣстно, двѣ провинціи, или такъ называемыя по старинному обычаю, потерявшему всякій смыслъ, два королевства, — Кастилія и Аррагонія; въ обѣихъ провинціяхъ есть большія дороги, а на большихъ дорогахъ есть разбойники, которые живутъ нарушеніемъ законовъ о собственности и личной неприкосновенности, или, если позволите такъ выразиться, занимаются грабежомъ, а при случаѣ надобности совершаютъ и убійства. Прекрасно,—то есть то, что есть тамъ разбойники и они занимаются грабежомъ и убійствомъ, это очень дурно, а „прекрасно" мы сказали къ тому, что намъ удалось очень хорошо положить основаніе разрѣшенію вопроса; впрочемъ и то что существованіе разбойниковъ, грабежа и убійствъ дурная вещь, это думаемъ мы съ вами, читатель, а сами кастильскіе и аррагонскіе разбойники находятъ, что это очень и очень недурно,—они даже полагаютъ, что они очень хорошіе и честные люди, гораздо честнѣе насъ съ вами,—если хотите узнать, какъ они доказываютъ это, можете прочесть у Шиллера въ трагедіи die Räuber, и въ безчисленныхъ другихъ книгахъ. По всей вѣроятности, вы даже читали многія изъ книгъ, излагающихъ эту шутку. Но вѣроятно вы не читали одной препотѣшной нѣмецкой брошюры: Die kastilisch-arragonische Räuberfrage, der liberal-gemässigten Weltanschauung gemäss dargestellt und gelöset, von einem Freunde der gesetzlichen Freiheitsentwickelung, то есть „Вопросъ о кастильско-аррагонскихъ разбойникахъ, изложенный и разрѣшенный сообразно либерально - умѣренному міросозерцанію другомъ законнаго развитія свободы" (только нѣмецкій умъ способенъ придумывать такія заглавія). Что же предлагаетъ авторъ? Онъ предлагаетъ воспользоваться раздорами, какіе существуютъ между шайками, и склонить кастильскихъ разбойниковъ къ очищенію аррагонской области отъ злодѣевъ, ее безпокоящихъ. Занявшись такимъ благороднымъ дѣломъ, говоритъ онъ, сами кастильскіе разбойники исправятся и перестанутъ гра-

бить кастильцевъ. Оно, если хотите, очень основательно. Если, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что въ кастильскихъ разбойникахъ пробудится охота наблюдать за безопасностью аррагонскихъ дорогъ, то безъ всякаго сомнѣнія исполнятся заботы всѣхъ благомыслящихъ людей въ Аррагоніи, Кастиліи и въ цѣлой Испаніи о прекращеніи ужаснаго зла, угнетающаго бѣдныя эти страны. Но, простите насъ, благородный читатель: мы улыбались, читая брошюру, проникнутую превосходнѣйшими намѣреніями. Съ улыбкою мы закрыли ее—и на оберткѣ увидѣли напечатанныя мелкимъ шрифтомъ слова, которыхъ не замѣтили сначала: von der toledanischen Universal-Räuberbekehrungsgesellschaft approbirt und zum praktischen Gebrauch adoptirt,—то есть „одобрено и принято для практическаго употребленія толедскимъ обществомъ повсемѣстнаго обращенія разбойниковъ". Когда мы прочли эти слова, мы забыли улыбаться, нами овладѣла грусть, досада, негодованіе: какъ, это не мечта отдѣльнаго наивнаго фантазера, это принято цѣлымъ обществомъ людей, вѣроятно очень почтенныхъ и располагающихъ, какъ видно, средствами для практической дѣятельности! Боже мой, чего же добраго можетъ ждать бѣдная Кастилія, бѣдная Аррагонія, вся Испанія, пока находится въ ней цѣлая толпа людей, серьезно принимающихъ благородную теорію почтеннаго „друга законнаго развитія свободы?"—Да, только тутъ мы поняли, почему Испанія вообще находится въ такомъ жалкомъ состояніи. Отчего же наша улыбка, отчего наше грустное негодованіе? Неужели мы не хотимъ прекращенія разбоевъ? Или мы не увѣрены, что раньше или позже разбои въ Испаніи дѣйствительно прекратятся? О, нѣтъ, добрые люди: мы не сомнѣваемся даже въ томъ, что ихъ можно было бы прекратить въ Испаніи очень легко и скоро, какъ прекращены они въ другихъ странахъ, мы не думаемъ только того, чтобы кастильскими разбойниками могло нынѣ или когда нибудь овладѣть стремленіе къ исполненію нашего съ вами желанія, добрые люди, господинъ „другъ" и проч., и господа члены „общества для" и проч. Мы полагаемъ, что для осуществленія этого желанія необходимо принять мѣры, которыхъ никакъ не желаютъ, никогда не могутъ желать разбойники,—и что эти мѣры не могутъ быть проведены иначе, какъ силами какихъ нибудь другихъ людей и сословій, не имѣющихъ ничего общаго ни съ кастильскими, ни съ аррагонскими, ни съ какими другими разбойниками. Впрочемъ, насъ совершенно справедливо упрекаютъ за нелѣпость уклоненій отъ предмета и неумѣстность произвольныхъ эпизодовъ, нимало неидущихъ къ дѣлу. Вотъ, напримѣръ, и теперь мы видимъ, что написали цѣлыя полуторы страницы, что называется ни къ селу ни къ городу, и что даже невозможно извлечь изъ этихъ страницъ никакого порядочнаго смысла. Ну, да что дѣлать,—не всякое лыко въ строку. Вы, читатель, простите намъ невоздержность, заставившую насъ передать вамъ курьезное впечатлѣніе отъ забавной нѣмецкой брошюры, а мы съ своей стороны готовы простить кому угодно, что угодно. А впрочемъ, нѣтъ,—не вѣрьте, нѣтъ, мы чувствуемъ, что не въ силахъ ни прощать, ни забывать. Какая, однакоже, безсвязная разбросанность въ нашемъ изложеніи: начали мы смѣяться надъ собою за одно отступленіе и вдались въ другое, а сами не замѣтили, что еще первое отступленіе не кончено; ну, да все равно: въ немъ нѣтъ смысла, стало быть нѣтъ бѣды, что нѣтъ и конца;—вѣдь въ

самомъ дѣлѣ, скажите, что интересное можно выжать изъ нашего эпизода о вздорной нѣмецкой брошюрѣ? Возвратимся же наконецъ къ дѣлу.

Мы начали было говорить о томъ, что люди, ожидавшіе отъ нынѣшней войны изгнанія австрійцевъ изъ Италіи, разрушенія Австріи и тому подобныхъ вещей, основывались на нѣкоторыхъ данныхъ, рѣшительно не подлежащихъ сомнѣнію: на превосходствѣ военныхъ силъ французскихъ надъ австрійскими и на готовности почти всѣхъ австрійскихъ областей отпасть отъ государства, которое давитъ ихъ противоестественнымъ единствомъ. Мы говорили, что по нашему мнѣнію эти люди ошибались только въ одномъ,—въ предположеніи, будто сущность дѣла состоитъ въ этихъ данныхъ. Они забывали, что есть еще два элемента, отъ которыхъ зависитъ, до какой степени допустится осуществленіе результата, который могъ бы быть произведенъ дѣйствіемъ этихъ данныхъ, при предоставленіи полнаго простора ихъ дѣйствію. Столь несправедливо забываемые элементы теперь напомнили о себѣ видоизмѣненіемъ, какой придали результату войны,—это воля императора французовъ и стремленія европейской дипломатіи. Собственно нельзя и сказать, что люди, ожидавшіе неисполнившагося результата, забывали о нихъ—мы такъ выразились только для краткости,—по настоящему слѣдовало бы сказать, что они не хотѣли только думать о возможности неодинаковости между стремленіями этихъ чисто практическихъ элементовъ съ одной стороны и съ другой—идеальными воззрѣніями на судьбу Италіи и на желанія австрійскихъ провинцій. Италія должна быть свободна; національности, подавляемыя австрійскимъ противоестественнымъ единствомъ, должны получить самостоятельность;—Франція имѣетъ силу сдѣлать это; слѣдовательно сдѣлаетъ. Поставлять вопросъ такимъ образомъ значитъ быть наивнѣйшимъ идеалистомъ. Вопросъ былъ не въ силахъ Франціи, а въ томъ, найдетъ ли императоръ французовъ удобнымъ отнимать у Австріи всѣ ея итальянскія владѣнія, и захотятъ ли тѣ внѣшнія силы, поддержкою которыхъ лѣпится на свѣтѣ австрійское государство, отнять отъ него подпорки, которыя до сихъ поръ мѣшали распаденію порывающихся распасться частей этого противоестественнаго существа, прозябающаго искусственною жизнью въ интернаціональной теплицѣ политическаго равновѣсія и дипломатическаго консерватизма. Мы думали, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать „нѣтъ". Другіе называли насъ закоснѣлыми, отсталыми скептиками и вредными охладителями благородныхъ стремленій за то, что мы не вѣрили въ основательность ихъ соображеній о свободѣ Италіи, паденіи Австріи, торжествѣ принципа національностей и другихъ благодатныхъ послѣдствіяхъ нынѣшней войны. Императоръ французовъ и европейскіе дипломаты показали теперь, кто изъ насъ справедливѣе понималъ ихъ характеръ.

Мало ли чего нѣтъ! О, если бы императоръ французовъ руководился желаніями и совѣтами многочисленныхъ друзей, которыхъ пріобрѣлъ въ лагерѣ своихъ прежнихъ ненавистниковъ посылкою войскъ въ Италію, тогда, конечно, было бы легко исполниться ихъ надеждамъ. Но императоръ французовъ очень хорошо понимаетъ, что новые друзья его—приверженцы, вовсе не надежные для него: онъ и они смотрятъ на свѣтъ совершенно различными глазами, имѣютъ несогласимые между собою политическіе принципы, и потому онъ не можетъ ожидать себѣ ничего добраго отъ этихъ временныхъ друзей: нынѣ

*

желали они ему побѣдъ надъ австрійцами,—это хорошо; но только допусти онъ ихъ взять себя за руку, и завтра они объявятъ, что не выпустятъ эту руку изъ своихъ рукъ и поведутъ его за нее туда, куда ему вовсе не хочется идти. Потому натурально, что онъ не находитъ полезнымъ для себя слишкомъ хлопотать объ исполненіи ихъ желаній. Притомъ у него, какъ мы сказали, есть свои особенныя надобности, и если онѣ противорѣчатъ желаніямъ людей, которые вчера были и завтра опять будутъ его врагами, то натурально, что онъ долженъ пожертвовать этими чуждыми ему желаніями для соблюденія собственнаго интереса. Такъ и оказалось при заключеніи мира. Мы всегда предрекали такую развязку дѣла, и можемъ теперь сказать только, что сущность поднятой нынѣшнею весною войны выказалась фактами еще съ большею силою, нежели какъ мы ожидали. Изгнать австрійцевъ изъ Италіи и разрушить Австрію было гораздо легче, нежели предполагали даже мы, рѣшительно отвергающіе всякую внутреннюю устойчивость въ тѣхъ элементахъ, на которыхъ Австрія созидаетъ свое могущество, а война кончилась быстрѣе и выгоднѣе для Австріи, нежели полагали опять—таки даже мы, всегда утверждавшіе, что императоръ французовъ не имѣетъ намѣренія ни заходить слишкомъ далеко въ ея веденіи, ни наноситъ Австріи серьёзнаго вреда. Гораздо легче, нежели мы думали, можно было императору французовъ сдѣлать все, чего надѣялись европейскіе либералы, и гораздо меньше онъ сдѣлалъ, нежели было уже въ его власти сдѣлать даже ровно безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій. Изъ сопоставленія этихъ двухъ сторонъ дѣла кажется ясно слѣдуетъ, что дѣйствительно не было и не могло быть въ немъ желанія не только самому сдѣлать, но и допустить другихъ сдѣлать что нибудь похожее на результаты, какихъ ожидали отъ войны западно—европейскіе либералы. Это служитъ стотысячнымъ подтвержденіемъ тому простому правилу житейскаго благоразумія, что не слѣдуетъ предполагать въ человѣкѣ желаній и намѣреній, которыхъ не можетъ онъ имѣть по своему положенію и взгляду на вещи, и что стало быть не слѣдуетъ ожидать отъ него исполненія такихъ желаній. Кажется, вещь очень ясная, а между тѣмъ чуть ли не вся исторія состоитъ только въ безпрерывномъ нарушеніи этой простой житейской истины благородными людьми, которые искони вѣковъ массою помогали людямъ, не имѣвшимъ съ ними ничего общаго, постоянно отдавали свои силы на совершеніе дѣлъ, по совершеніи которыхъ говорили: „какъ жаль! вышло совсѣмъ не то, чего мы надѣялись! Если бы мы знали, что такъ кончится, мы не стали бы и помогать. Ахъ, какъ мы обманулись! Жаль, очень жаль!“—Да, очень жаль, потому что именно только вашимъ легковѣріемъ, вашимъ ослѣпленіемъ торжествовало зло. Сами по себѣ, дурные люди безсильны: ихъ мало на свѣтѣ, безъ помощи честныхъ людей они могли бы заниматься развѣ только мелкимъ плутовствомъ, кражею носовыхъ платковъ изъ кармановъ. Изъ кого состоитъ масса, выводящая злыхъ людей въ такія положенія, на которыхъ они могутъ подавлять все благородное, убивать всякую истину, всякое добро,—изъ кого состоитъ масса, выводящая ихъ въ эти положенія и поддерживающая ихъ въ такихъ положеніяхъ? Изъ васъ она состоитъ, благородные довѣрчивые люди. Зачѣмъ же вы такъ наивно обольщаетесь словами, обѣщаніями, увѣреніями? Зачѣмъ вы такъ простодушно забываете про-

шедшее человѣка, забываете его характеръ, потребности его положенія, несогласныя съ вашими потребностями, его взглядъ на вещи, противоположный вашему,—зачѣмъ вы такъ ребячески забываете все, о чемъ велитъ помнить разсудокъ, лишь только какой бы то ни было эгоистъ вздумаетъ загребать жаръ вашими руками? Помните ли, какъ русскіе города отворяли ворота Батыю, увѣрявшему, что пришелъ съ любовью и льготами? Вы вѣчно дѣлаете тоже самое; нѣтъ, вы дѣлаете хуже. Батый имѣлъ свою силу, а ваши враги становятся гибельны для васъ только тою самою силою, которую вы даете имъ. Вы виновники всего зла, которое терпятъ люди. Слова наши жестоки; вы—благородные люди, вы истинно желаете добра, можно ли такъ горько укорять васъ? Такъ, вы честны и хороши, но черезъ ваше непростительное легковѣріе гибнетъ все, чего желаете вы сами, черезъ васъ вѣчно страдаютъ народы. Научитесь же хотя сколько нибудь опытомъ, будьте осмотрительнѣе, не ввѣряйтесь и не увлекайте другихъ ввѣряться людямъ, которые не могутъ ни понимать, ни желать добра, не будьте ихъ помощниками на собственную вашу гибель.

Впрочемъ, къ чему мы говоримъ все это? Развѣ историческій опытъ научалъ когда нибудь благоразумію тѣхъ, которые не успѣли житейскою наблюдательностью научиться ему, доживъ до усовъ и бороды, или даже до сѣдыхъ волосъ? Нѣтъ, видно большинство людей всегда будетъ готовымъ орудіемъ на чужую и свою бѣду въ рукахъ интригантовъ, всегда готово будетъ вѣрить каждому, кто захочетъ обманывать. Оставимъ же безплодную дидактику и станемъ разсказывать голые факты, которые сами по себѣ поучительнѣе всякой дидактики; впрочемъ, и разсказывать ихъ скучно, тяжело, когда впередъ знаешь, что они почти никого, почти ничему не научатъ. Нынѣ рыба поймана на одну удочку, а завтра все-таки пойдетъ на другую.

Мы говорили, что изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи оказалось дѣломъ гораздо болѣе легкимъ, нежели какъ можно было предполагать, даже при самомъ невыгодномъ понятіи о военной силѣ Австрійской имперіи. Австрійцы оказались въ военномъ дѣлѣ просто неспособными ни къ чему, кромѣ того, чтобы быть битыми. Даже и тамъ, гдѣ не было повидимому никакой возможности не одержать имъ побѣду, они съ неимовѣрною оригинальностью успѣвали устроить дѣло такъ, что оставались побиты. Находить себѣ пораженіе тамъ, гдѣ никакая другая армія не могла бы потерпѣть его, это оказалось ихъ спеціальностью, въ которой достигли они чрезвычайнаго мастерства. Мы разсказывали о первой половинѣ похода въ прошедшей книжкѣ и остановились на краткихъ извѣстіяхъ объ отступленіи австрійцевъ послѣ сраженія при Маджентѣ, обѣщаясь привести въ нынѣшній разъ подробный разсказъ объ этой битвѣ. По прежнему, мы будемъ пользоваться письмами, которыя получалъ „Times“ отъ своего корреспондента при главной квартирѣ союзниковъ, потому что изъ всего напечатаннаго до сихъ поръ, эти письма составляютъ самый подробный и лучшій матеріалъ для исторіи нынѣшняго похода. По прежнему, мы просто переводимъ ихъ, чтобы не надѣлать ошибокъ и путаницы, прибавляя къ нимъ клочки изъ другихъ источниковъ, не столь точныхъ и связныхъ.

Послѣднее изъ переведенныхъ нами въ прошедшей книжкѣ писемъ корреспондента Times'а, находящагося при союзной арміи, заключало краткій очеркъ битвы при Маджентѣ, набросанный наскоро въ первыя минуты по окончаніи битвы. Переводимъ теперь слѣдующія письма того же корреспондента, излагающія ходъ сраженія самымъ подробнымъ образомъ. Читатель замѣтитъ, что этимъ обстоятельнымъ разсказомъ совершенно подтверждаются впечатлѣнія, производившіяся первымъ короткимъ очеркомъ: планъ битвы дѣйствительно былъ составленъ союзниками въ такую минуту, когда различные корпуса ихъ арміи находились еще слишкомъ далеко отъ боевой линіи; диспозиція обнимала собою цѣлые десятки верстъ и грѣшила многосложностью. Отряды, двигавшіеся по ней иногда за цѣлыя двадцать верстъ къ полю сраженія, разумѣется, не могли явиться на столь отдаленные пункты съ математической точностью, какую предполагала диспозиція, и потому въ первую половину сраженія подвергались страшной опасности тѣ французскіе полки, которые должны были начать нападеніе собственно съ той цѣлью, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ другихъ пунктовъ, на которыхъ должны были явиться другіе сильнѣйшіе отряды для нанесенія рѣшительнаго удара. Эти отряды, совершившіе слишкомъ далекій обходъ, были задержаны отдаленностью и трудностью пути гораздо дольше, чѣмъ предполагала диспозиція, и такимъ образомъ австрійцы едва не истребили французскаго корпуса, открывшаго битву. Храбрость отборныхъ солдатъ этой первой колонны и сообразительность Макъ-Магона, догадавшагося отступить отъ диспозиціи сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, избавили императора французовъ отъ пораженія, даже доставили ему побѣду. Но ошибки диспозиціи, составленной французскимъ штабомъ, все-таки спасли австрійскую армію отъ совершенной погибели: она отступила съ поля сраженія въ порядкѣ и не былъ отрѣзанъ ей путь отступленія къ Мантуѣ,—а надобно полагать, что союзники могли бы отрѣзать ей отступленіе, если бы повременили начатіемъ битвы до той минуты, пока успѣютъ придвинуть свои войска къ непріятелю на надлежащее разстояніе. Начинаемъ нашъ переводъ.

«Ponte di Magenta. 5 іюня.

«Въ тотъ самый день, когда союзники придвинулись къ переходу черезъ Тичино у Турбиго, 2 іюня, другая колонна была послана по главному новарско-миланскому шоссе къ Ponte di Buffalora. Гвардіи была предоставлена честь первой перейти рѣку. Дивизія вольтижоровъ, командуемая генераломъ Каму, пошла на Ponte di Turbigo, а дивизія гвардейскихъ гренадеровъ и зуавовъ, командуемая генераломъ Вимпфеномъ, двинулась къ Ponte di Buffalora. Этотъ мостъ составляетъ большую дорогу изъ Турина въ Миланъ, потому владѣть имъ было чрезвычайно важно для обѣихъ сторонъ. Чтобы обезпечить его за собою, австрійцы, пока еще были въ фортификаціонномъ расположеніи духа, устроили на сардинской сторонѣ моста страшное предмостное укрѣпленіе (tête de pont) на высотахъ Сенъ-Мартино, у гостинницы этого имени. Земледѣліе, столь дорожащее каждымъ вершкомъ земли въ этой богатой равнинѣ, прекращается съ приближеніемъ къ Тичино и къ Сенъ-Мартинской гостинницѣ. Вмѣсто хлѣбныхъ и рисовыхъ полей, является тутъ поле, поросшее дикою травою и отчасти кустарниками. Вся окрестность, сколько видитъ ее глазъ, составляетъ непрерывную равнину, по которой далѣе тянутся опять рисовыя поля съ рядами деревьевъ. Единственное возвышеніе—небольшой холмъ въ половинѣ мили на сѣверъ; у подошвы его

течетъ одинъ изъ канализированныхъ рукавовъ Тичино. Недавно построенная проселочная дорога идетъ подлѣ самаго холма, пересѣкаетъ рукавъ каменнымъ мостомъ и, круто поворачивая у самаго берега на югъ, выводитъ на шоссе къ Буффалорскому мосту. Этотъ маленькій мостъ на проселочной дорогѣ былъ взорванъ австрійцами и такимъ образомъ отрѣзанъ одинъ изъ путей къ Буффалорскому мосту. На главномъ шоссе было построено очень сильное предмостное укрѣпленіе; начинаясь передъ крутымъ спускомъ съ террасы къ рѣкѣ, оно обнимаетъ желѣзную дорогу, идущую направо отъ шоссе, обнимаетъ Сенъ-Мартинскую гостинницу и рядъ таможенныхъ зданій, построенныхъ подлѣ нея, потомъ идетъ въ видѣ длинной куртины футовъ на полтораста къ сѣверу до отдѣльнаго зданія, служившаго прежде караульнымъ домомъ; у него построенъ другой редутъ, соотвѣтствующій сдѣланному на другомъ концѣ укрѣпленія; весь этотъ рядъ укрѣпленій снабженъ рвомъ, брустверомъ и амбразурами для пушекъ и занимаетъ площадь болѣе половины квадратной мили (болѣе версты). Сообщаю вамъ это подробное описаніе, для того, чтобы показать, какъ твердо хотѣли австрійцы держаться на піэмонтской сторонѣ Тичино: вы видите, что не по доброй волѣ должны были они оставить укрѣпленіе, надъ которымъ столько трудились.

«Какъ бы то ни было, съ приближеніемъ союзниковъ они покинули это укрѣпленіе и ушли за рѣку, оставивъ на сардинской сторонѣ 15 пушекъ. Въ этомъ пунктѣ (Ponte di Buffalora) ведетъ черезъ Тичино великолѣпный мостъ, построенный на аркахъ изъ огромныхъ гранитныхъ камней такой крѣпости, чтобы могли служить онѣ для желѣзной дороги. Отступая, австрійцы хотѣли взорвать мостъ и заложили мину во второмъ быкѣ отъ ломбардскаго берега, чтобы разрушить мостъ между второю и третьею арками. Мина была взорвана и разрушила верхнюю часть быка; но арки, лежавшія на немъ, вмѣсто того, чтобы упасть въ рѣку, — только опустились на нижнюю часть быка и теперь лежатъ на ней. Онѣ расшатались, но все еще оставались такъ крѣпки, что можетъ проходить по нимъ не только пѣхота и кавалерія, но даже обозъ и артиллерія. Между камнями образовались щели, но ихъ покрыли досками и мостъ служитъ хорошо.

«Когда явились первыя колонны союзниковъ и заняли мостъ, въ тотъ же день была сдѣлана рекогносцировка на небольшое пространство къ Ponte di Magenta на ломбардской сторонѣ, гдѣ каналъ Naviglio Grande идетъ параллельно съ рѣкою. Мостъ былъ найденъ занятымъ австрійцами, которые обнаружили себя нѣкоторыми пушечными выстрѣлами изъ орудій, поставленныхъ на шоссе и на желѣзной дорогѣ, идущихъ тутъ не вдалекѣ другъ отъ друга. Когда другая колонна перешла рѣку у Турбиго въ достаточномъ числѣ войскъ для содѣйствія нападенію на правый флангъ непріятеля у Буффалоры и Мадженты, генералъ Вимпфенъ вчера, 4 іюня, въ десять часовъ утра получилъ приказаніе двинутся впередъ съ гвардейскими полками зуавскимъ и 3 гренадерскимъ. Единственною цѣлью этого движенія было прикрыть наведеніе другаго моста черезъ Тичино. Вимпфенъ дебушировалъ по шоссе только съ своею бригадою и двумя пушками гвардейской конной артиллеріи. Исходнымъ пунктомъ движенія съ моста служили четыре крѣпкіе каменные домика, въ которыхъ жили шоссейные сторожа и инженеры. Дорога идетъ тутъ прямою линіею къ Маджентскому мосту (ponte di Magenta), ведущему черезъ каналъ; Маджентскій мостъ находится въ трехъ киллометрахъ (около 3 верстъ) отъ Тичино (Буффалорскаго моста). Шоссе между этими пунктами идетъ по чрезвычайно высокой насыпи, возвышающейся почти вездѣ отъ 20 до 30 футовъ надъ прекрасно орошенными полями, которыя, очевидно, были прежде русломъ рѣки во время разливовъ и ограждены отъ затопленій уже человѣческимъ искусствомъ. Каналъ Naviglio Grande, построенный для оплодотворенія этой низменности, идущей внизъ по Тичино до Аббіате Грассо, даетъ воду для орошенія полей, на которыя проведенъ маленькими насыпями въ нѣсколько футовъ шириною; эти насыпи служатъ межами и усажены, по обыкновенію, неизбѣжными ивами и тополями.

«Насыпь, по которой предполагаютъ положить желѣзную дорогу, выходитъ прямо съ Буффалорскаго моста, точно также какъ и насыпь шоссе; эта насыпь желѣзной дороги идетъ отъ моста направо прямою линіею, но потомъ, не доходя полумили (три четверти версты) до канала, круто поворачиваетъ налѣво и переходитъ черезъ каналъ

всего только въ 150 ярдахъ (65 саженъ) отъ шоссе. Самый каналъ выходитъ изъ Тичино у Оледжіо и Форнаменто и идетъ по такой линіи, гдѣ мѣстность на ломбардской сторонѣ уже нѣсколько возвышается, такъ чтобы уровень воды въ немъ былъ достаточенъ для орошенія низменностей. Эта линія нѣкотораго возвышенія мѣстности очевидно образовала берегъ прежняго русла рѣки, съуженной теперь трудомъ человѣка; у Маджентскаго моста подъемъ съ низменности на эту линію очень крутъ. По всему пространству отъ Буффалоры, лежащей налѣво отъ шоссе, до Маджентскаго моста и Робекко, лежащаго направо отъ шоссе, этотъ подъемъ имѣетъ среднюю высоту покрайней мѣрѣ отъ 60 до 70 футовъ и покрытъ виноградниками, расположенными въ нѣсколько крутыхъ террасъ, возвышающихся одна надъ другою. Деревня Буффалора лежитъ около мили ($1^1/_2$ версты) налѣво отъ шоссе и остается на лѣвой рукѣ нѣсколько позади васъ, когда вы дойдете до Маджентскаго моста. Каналъ и край возвышенности, въ которой прорѣзанъ онъ принимаютъ у Буффалоры направленіе болѣе на востокъ, и когда вы подниматесь на высоту, то вы увидите, что каналъ и обрывъ высоты идутъ полукругомъ налѣво отъ васъ, отъ Буффалоры къ шоссе. На правой рукѣ они идутъ прямо къ насыпи, приготовленной для желѣзной дороги, и потомъ отходятъ отъ рѣки по направленію къ Робекко.

«Если мое описаніе достаточно ясно, то вы увидите, что эта позиція, которую заняли австрійцы, имѣетъ характеръ гигантской куртины, которая прикрывается Буффалорою, какъ бастіономъ. Подступами къ этой грозной позиціи служатъ: налѣво дорога къ Буффалорѣ, въ центрѣ главное шоссе, идущее прямо отъ ponte di Buffalora къ Маджентскому мосту, а направо насыпь желѣзной дороги. Футахъ въ 300 (саженяхъ въ 40) позади этой позиціи идетъ каналъ, имѣющій футовъ 30 въ ширину и крутые берега, отвѣсная высота которыхъ гораздо меньше высоты подъема съ низменности на террасу, гдѣ находится австрійская позиція и въ которой прорѣзанъ каналъ. Всѣ три дороги постепенно поднимаются на половину высоты всего уступа террасы, а другая половина высоты прорѣзана для нихъ, такъ что по обѣ стороны пути поднимается стѣною. И на главномъ шоссе и на насыпи желѣзной дороги земля для подъема пути съ прибрежной низменности взята изъ прорѣза, сдѣланнаго въ самой террасѣ, и такимъ образомъ шоссе и полотно желѣзной дороги идутъ какъ будто въ два широкія окна, имѣющія одну высоту съ насыпями. Эти два широкіе прорѣза, почти квадратные, похожи на два редута, гигантскими брустверами которымъ служатъ окраины террасы. Для довершенія сходства австрійцы, занимавшіе вершину высотъ и прикрывавшіе свои резервы за этою вершиною, устроили банкеты, на которыхъ поставили свою пѣхоту. Насыпь желѣзной дороги была перегорожена баррикадою въ томъ мѣстѣ, гдѣ входитъ прорѣзомъ въ террасу и тутъ поставлены были пушки, обстрѣливавшія весь путь по насыпи къ тому мѣсту. На главномъ шоссе, гдѣ входитъ оно въ прорѣзъ террасы, были поставлены только двѣ пушки. Въ обоихъ мостахъ черезъ каналъ были заложены мины, чтобы взорвать ихъ въ случаѣ надобности.

«Такова позиція, противъ которой двинулся генералъ Вимпфенъ съ 3 гренадерскимъ полкомъ (подъ командою полковника Ліетмана), поддерживаемымъ двумя пушками конно-гвардейской артиллеріи и гвардейскими зуавами. Эта колонна шла по главному шоссе, а второй гренадерскій полкъ одновременно съ нею шелъ по лѣвой дорогѣ прямо на деревню Буффалору. Эти колонны, посланныя аттаковать австрійскую позицію съ фронта, были встрѣчены непріятельскою артиллеріею; французская конная артиллерія сильно и очень успѣшно отвѣчала на этотъ огонь, какъ показываютъ трупы лошадей и людей, остающіяся на дорогѣ и теперь, послѣ того какъ цѣлыя сутки хоронятъ убитыхъ.

«Несмотря на опасность идти противъ такой страшной позиціи съ такими ничтожными силами, колонна, направлявшаяся по главному шоссе, уже готова была начать аттаку на высоты, съ которыхъ непріятельская артиллерія могла вредить наведенію моста, когда пришелъ приказъ остановиться и отойти. Планъ былъ въ томъ, чтобы обойти позицію съ ея праваго фланга корпусомъ генерала Макъ-Магона, который наканунѣ перешелъ рѣку у Турбиго и теперь долженъ былъ двинуться на Буффалору и Мадженту. Гренадеры и зуавы были отведены назадъ изъ-подъ непріятельскихъ

выстрѣловъ и ждали, пока пушечный и ружейный огонь на ихъ лѣвомъ флангѣ покажетъ, что корпусъ Макъ-Магона дошелъ по назначенію и завязалъ бой. Эти выстрѣлы послышались около полудня. Тотчасъ же отданъ былъ приказъ снова двинуться впередъ и храбрая колонна пошла. Чтобы не слишкомъ подвергать людей огню, третій гренадерскій полкъ былъ сведенъ съ насыпи направо, на поля, и безостановочно шелъ впередъ батальонными эшелонами, несмотря на градъ ядеръ, осыпавшій его съ фронта и съ фланга, и на затруднительность прохода по мягкому грунту, пересѣченному канавами. Гренадеры несли большія потери, но это только одушевляло ихъ быстрѣе идти впередъ. Мѣстность бокъ-о-бокъ съ насыпью желѣзной дороги, по лѣвой сторонѣ ея, была избрана пунктомъ аттаки. (Я говорилъ, что желѣзная дорога и шоссе подходятъ на нѣсколько десятковъ ярдовъ другъ къ другу на той мѣстности, гдѣ врѣзываются въ террасу). Подъемъ тутъ былъ еще круче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и чрезвычайно удобенъ для защиты; но этотъ пунктъ менѣе подвергался фланговому огню слѣва, который слишкомъ вредилъ бы колоннѣ, если бы она пошла по шоссе.

«Когда войска подошли къ самой террасѣ, составляющей тутъ уголъ отъ пересѣченія насыпью желѣзной дороги, былъ данъ приказъ ударить въ штыки, и гренадеры, сбросивъ свои ранцы, въ одну минуту взобрались на крутой подъемъ, овладѣли его вершиною и проникли за баррикаду. Первый гренадеръ, достигнувшій вершины, поднялъ свою медвѣжью шапку; съ крикомъ «vive l'empereur!» взбирались на верхъ за нимъ его товарищи и въ нѣсколько минутъ овладѣли позиціей. Непріятель бѣжалъ по желѣзному мосту, ведущему черезъ каналъ; гренадеры преслѣдовали его такъ горячо, что человѣкъ, которому поручено было взорвать мину подъ мостомъ, былъ заколотъ штыками. Пока одни лили воду на порохъ въ каморѣ мины, другіе устремились впередъ, чтобы овладѣть сводомъ, черезъ который желѣзная дорога выходитъ на террасу; тотчасъ же послѣ того было послано два батальона направо и налѣво для прикрытія фланга, а третій батальонъ остался стеречь занятую позицію. Этотъ успѣхъ принудилъ непріятеля оставить высоты и передъ насыпью шоссе, по которой приближались зуавы. Не имѣя времени взорвать моста, непріятель отступилъ въ группу домовъ, стоящихъ за мостомъ и служившихъ таможнею и караульными для австрійцевъ занялъ также и виноградники, опоясывающіе обѣ дороги въ этомъ мѣстѣ. Виноградныя лозы были густо переплетены по рѣшеткамъ и образовали прекрасное прикрытіе для стрѣлковъ, а пушки, поставленныя австрійцами нѣсколько далѣе къ Маджентѣ, обстрѣливали обѣ дороги. Положеніе было чрезвычайно критическое: французы занимали теперь позицію почти столь же сильную, какъ прежде занимали австрійцы, но они оставались безъ подкрѣпленія, а непріятель началъ появляться густыми массами со всѣхъ сторонъ. Колонны его, подошедшія изъ Робекко, усиливались взять позицію въ лѣвый флангъ и въ тылъ, гдѣ также были поставлены пушки, громившія ряды гренадеровъ, которые рѣдѣли съ каждою минутою. Съ фронта показывалось все больше и больше непріятельскихъ войскъ, а слѣва изъ группы домовъ сыпался градъ пуль, такъ что съ каждою минутою труднѣе было французамъ удерживать за собою позицію въ этомъ направленіи. Чтобы избавиться, во что бы то ни стало, отъ этого урона, приказано было зуавамъ взять группу домовъ; три роты зуавовъ были посланы подкрѣпить гренадеровъ и обойти дома съ тыла; остальныя роты зуавовъ бросились на непріятельскіе дома въ штыки, выгнали защитниковъ, сами утвердились въ этой группѣ домовъ и даже очистили мѣстность передъ ними, проникнувъ до фермы, лежащей нѣсколько правѣе.

«Было уже около часа, а горсть храбрецовъ оставалась еще безъ поддержки. У непріятеля было довольно силъ останавливать Макъ-Магона, который кромѣ того задерживался въ дорогѣ сломанными мостами, такъ что его диверсія не производила предполагаемаго дѣйствія. Колонны, двинутыя на Буффалору, нашли мостъ черезъ каналъ разрушеннымъ, а войска, посланныя въ подкрѣпленіе изъ второй линіи, еще не успѣли прійти на помощь гренадерамъ и зуавамъ. Между тѣмъ непріятель готовился самъ аттаковать ихъ, чтобы отбить потерянную позицію. Все новые и новые батальоны, подвозимые по желѣзной дорогѣ поѣздами, свистъ которыхъ былъ слышенъ, начали двигаться въ аттаку на французовъ. Оставить позицію, столь дорого

купленную, значило бы не только признать себя побѣжденными, но и сдѣлать почти невозможнымъ возобновленіе французскаго наступленія съ фронта. Непріятель имѣлъ бы время взорвать мостъ, и такимъ образомъ сдѣлать позицію почти неприступной, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ успѣлъ бы и подвести большее число своихъ войскъ для защиты этой позиціи.

«Потому все заставляло эти два полка, изъ которыхъ каждый при началѣ битвы имѣлъ 1500—1600 солдатъ, держаться въ занятой позиціи до послѣдняго человѣка. И они держались въ ней, какъ слѣдуетъ настоящимъ воинамъ, противу всѣхъ массъ, посылаемыхъ на нихъ непріятелемъ. Австрійцы много разъ ходили въ аттаку, но каждый разъ напрасно: штуцера зуавовъ и гренадеровъ ослабляли ихъ ряды, потомъ французы бросались на нихъ въ штыки и отбивали назадъ, покрывая поле сотнями ихъ труповъ. Виноградники, насажденные передъ группою домовъ, и шоссе, и желѣзная дорога, и ферма на правомъ концѣ площади боя,—всѣ эти мѣста еще завалены австрійскими трупами, хотя уже похоронены цѣлыя массы ихъ. Напрасны были всѣ усилія непріятеля. Гренадеры и зуавы не только успѣли удержать за собою позицію, но даже бросались нѣсколько разъ впередъ, преслѣдуя оттѣсняемыхъ или на встрѣчу новымъ колоннамъ. При одномъ изъ такихъ случаевъ зуавы на лѣвой сторонѣ, гренадеры на правой доходили до самой деревни. На мѣстности, покрытой деревьями, трудно было идти ровными рядами, и когда двѣ французскія пушки были выдвинуты впередъ, чтобы удержать новую австрійскую колонну, она успѣла увезти ихъ. Одна была потомъ отбита назадъ въ деревнѣ Мадлжентѣ, но другая осталась у непріятеля. Наоборотъ, гренадеры, несмотря на свою малочисленность, успѣли еще до прибытія подкрѣпленій взять у непріятеля одну пушку и одну гаубицу.

«Такое положеніе дѣла длилось до 2 часовъ дня; и уже приближалось время, когда горсть французовъ, при всемъ своемъ геройствѣ, принуждена была бы уступить. Она потерпѣла страшный уронъ, зарядовъ оставалось мало и физической силы въ людяхъ послѣ двухчасоваго гигантскаго боя съ постоянно возрастающими силами противника. Въ эту минуту облако пыли явившееся сзади на шоссе, показало прибытіе давно ожидаемыхъ подкрѣпленій и увидѣли, что подходитъ дивизія Рено. Какъ только она приблизилась, 8-ой егерскій полкъ былъ посланъ направо, къ деревнѣ Робекко, 23-й линейный—на центръ позиціи, а 90-й линейный оставленъ въ резервѣ. Около того же времени корпусъ Макъ-Магона преодолѣлъ затруднительность пути по неудобнымъ мѣстностямъ и напалъ на Мадженту. Скоро сзади, отъ Тичино, сталъ подходить батальонъ за батальономъ, и нѣсколько дивизій было послано въ обходъ, чтобы окружить и задавить австрійцевъ. Эти силы тѣснили непріятеля на всѣхъ пунктахъ и принудили его къ такому поспѣшному отступленію, что болѣе 5,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 73 офицера, достались въ руки союзниковъ. Кромѣ двухъ пушекъ, которыя взяли гренадеры и которыя видѣлъ я самъ, взято много другихъ,—по инымъ разсказамъ до 36 [1]). Я самъ не видѣлъ ихъ и потому не ручаюсь за достовѣрность разсказа; но если бы столько пушекъ и не было взято, все-таки битва была славною побѣдою для союзниковъ. Изъ числа плѣнниковъ я самъ видѣлъ толпу офицеровъ, числомъ до 50 человѣкъ, и 3,200 человѣкъ солдатъ въ одной массѣ. кромѣ нѣсколькихъ другихъ отрядовъ.

«6 іюня, 11 часовъ утра.

«По разсказамъ плѣнныхъ теперь несомнѣнно, что непріятель дался въ обманъ и сосредоточилъ всѣ свои силы, чтобы защищать По у Кандіи. Кандія стоитъ по дорогѣ къ Валенцѣ и Піаченцѣ. Всѣ войска его, бывшія при Ponte di Magenta, пришли туда убійственно форсированными маршами. Они введены были въ битву голодныя и изнуренныя,—нѣкоторые изъ плѣнныхъ говорятъ, что не ѣли цѣлыя сутки; это странная несообразность съ огромными реквизиціями австрійцевъ; да и пришли

[1]) Читатель знаетъ, что это оказалось хвастовствомъ французовъ.

они на мѣсто битвы не всѣ вдругъ, а подходили постепенно, отрядъ за отрядомъ, такъ что многіе явились только за тѣмъ, чтобы увеличить собою число плѣнныхъ. Потери въ австрійскихъ полкахъ, бывшихъ въ дѣлѣ съ самаго начала, ужасны. Особенно много убито офицеровъ, которые исполняли свою обязанность, какъ говорятъ, превосходно. Солдаты тоже дрались храбро, но изнуренные маршами и голодомъ, они, разумѣется, вовсе не могли устоять противъ союзниковъ, войска которыхъ находятся въ прекраснѣйшемъ состояніи.

«Кромѣ того, и австрійскіе командиры не умѣли, кажется, воспользоваться числительнымъ превосходствомъ своимъ въ началѣ битвы, и подумали объ этомъ тогда, какъ было уже поздно.

«Маджента, іюня 7.

«Подробности о битвѣ при Ponte di Magenta въ моемъ прошедшемъ письмѣ касались сраженія только на одной части поля битвы, именно у моста, ведущаго черезъ каналъ Naviglio Grande по маджентской дорогѣ, и очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы я не разсказалъ вамъ, что происходило съ другой стороны поля битвы, у самой деревни Мадженты. Я уже говорилъ, что когда дивизія гвардейскихъ зуавовъ и гренадеровъ аттаковала фронтъ позиціи при Ponte di Magenta и Буффалорѣ, генералъ Макъ-Магонъ, нынѣ герцогъ маджентскій и маршалъ Франціи, получилъ приказаніе двинуться изъ Турбиго съ дивизіями Эспинаса, ла-Моттружа и дивизіею гвардейскихъ пѣшихъ стрѣлковъ и егерей, чтобы атаковать австрійцевъ, расположенныхъ у Мадженты, съ ихъ праваго фланга и съ тыла. Сардинская армія, нѣсколько дивизій которой уже тогда перешли Тичино у Турбиго, должна была поддерживать этотъ отрядъ. Отъ Турбиго до Мадженты по ближайшей дорогѣ разстояніе не менѣе 12 миль (около 20 верстъ). Эта проселочная дорога, выходящая отъ шоссе, въ большей части мѣстъ такая узкая, что едва могутъ разъѣхаться по ней двѣ телѣги. Мѣстность по обѣ стороны гораздо лѣсистѣе, чѣмъ на сардинской сторонѣ Тичино и кругомъ множество виноградниковъ. Обращаю ваше вниманіе на это, чтобы показать, какъ трудно было солдатамъ Макъ-Магона, корпусу отъ 27 до 30,000 человѣкъ, пройти 12 миль до поля битвы по такой дорогѣ. Вы поймете эту трудность, когда я скажу, что гвардейскіе егеря и стрѣлки, составлявшіе резервъ, пошли изъ Турбиго въ 7 часовъ вечера, а въ сраженіе могли вступить не раньше 4 часовъ вечера, а авангардъ сардинской арміи, дивизія Фанти, достигла поля битвы не ранѣе 7 часовъ вечера, такъ что не могла уже принять никакого участія въ дѣлѣ. Только около полудня подошло достаточное число войскъ, чтобы начать бой. Вы знаете, что нападеніе съ другой стороны на Ponte di Magenta и Буффалору велѣно было начать въ 10 часовъ, потомъ отложить его до 12 часовъ, когда услышаны были пушечные выстрѣлы съ лѣваго фланга (союзниковъ), со стороны Марчелло.

«Я говорилъ съ однимъ раненымъ плѣннымъ австрійскимъ офицеромъ, игравшимъ значительную роль въ дѣлѣ. По его словамъ, австрійцы никакъ не предполагали нападенія на ихъ правый флангъ отъ Турбиго. Вообще, во всю кампанію, большимъ неудобствомъ для нихъ былъ недостатокъ свѣдѣній о движеніяхъ союзниковъ. Ни деньгами, ни угрозами не могли они заставить поселянъ разсказать что нибудь; а съ другой стороны бдительность союзниковъ была такъ велика, что шпіоны не приносили почти никакой пользы. Поэтому-то они никакъ не могли открыть, гдѣ главныя силы союзниковъ и насколько готовы они къ дѣйствію. Этимъ также объясняется смутная неопредѣленность австрійскихъ движеній, такъ изумлявшая Европу. У нихъ не было данныхъ для соображенія плановъ; они принуждены были, подобно слѣпымъ, ощупывать дорогу, сначала къ Турину, потомъ на правомъ берегу По. Результатомъ было, что они толковали о смѣшной бездѣйственности союзниковъ, между тѣмъ, какъ союзники сосредоточивали свои силы на сѣверѣ, и что австрійцы узнали, откуда грозитъ опасность, только тогда, какъ увидѣли союзниковъ вступающими въ Новару и являющимися на Тичино. Тутъ имъ уже было поздно противиться. Правда, они со всевозможной поспѣшностью оставили свои позиціи, очистили Мортару и оставили линію рѣки По; но они уже не успѣли сосредоточить свою армію для защиты линіи

Тичино и ломбардской границы. Торопливо собрали они войска, какія только могли, и поставили ихъ въ Мадженте и на канале, образующемъ вторую линію, едва ли не более крепкую, чемъ самъ Тичино. Но хотя они всячески спешили, хотя заморили своихъ солдатъ маршами, все таки они успели собрать только части перваго корпуса (Кламъ-Галласа), третьяго корпуса (Шварценберга), втораго (Лихтенштейна) и седьмаго (Цобеля). Какъ велики были эти силы, съ достоверностью определить невозможно. Здесь (въ главной французской квартире) считаютъ ихъ въ 100 т. человекъ; и действительно, судя по числу полковъ, солдаты которыхъ есть между пленными, надобно полагать, что около Мадженты было отъ 70 до 80 т. Командовалъ ими генералъ Кламъ-Галласъ, корпусъ котораго на дняхъ пришелъ изъ Богеміи, но при Мадженте былъ далеко не весь; напримеръ, изъ 72 пушекъ, которыя онъ долженъ иметь, было тутъ всего только 18,— впрочемъ, малочисленность орудій была обстоятельствомъ не слишкомъ важнымъ, потому что характеръ местности допускаетъ действіе артиллеріи только въ очень ограниченномъ размере. Была у австрійцевъ и дивизія кавалеріи, но она не являлась въ боевой линіи. И Гіулай, и Гессъ были при арміи, но оба они не командовали въ сраженіи. Торопливость, съ которою подводились войска, не позволяла хорошенько позаботиться объ нихъ, такъ что, не говоря уже объ усталости, они должны были голодать, что было новою причиною ихъ слабости. Этому последнему обстоятельству надобно приписывать сильнейшее вліяніе, потому что относительно утомленія походомъ, надобно сказать, что французско-сардинскія войска въ последніе десять дней делали еще более сильные марши, и напримеръ, хотя корпусъ герцога маджентскаго долженъ былъ сделать долгій переходъ подъ знойнымъ солнцемъ прежде, чемъ явился на поле битвы.

«Совершенно не зная о движеніяхъ непріятеля и будучи вдвойне обмануты его бездействіемъ со стороны Турбиго и демонстраціей на Буффалору, австрійцы приготовились отражать нападеніе въ этомъ последнемъ направленіи. Въ решительную минуту они увидели, что предмостное укрепленіе (tête de pont), построенное ими на сардинской стороне Тичино въ Санъ-Мартино, сооружено очень плохо, такъ что защищать его просто значило бы отдать на жертву поставленныя въ немъ войска; потому они решились покинуть его и взорвать каменный мостъ у Буффалоры. Пять батальоновъ, занимавшіе предмостное укрепленіе, были выведены въ ночь съ перваго на второе число и сделана была попытка взорвать мостъ, оказавшаяся, какъ вы знаете, неудачной. Въ неудаче надобно, кажется, винить не столько инженеровъ, сколько общее управленіе всемъ походомъ. Австрійцы, повидимому, были такъ уверены въ успехе, что не подумали объ отступленіи и не приготовились на случай надобности взрывать мосты. Миннаго пороха у нихъ вовсе не было подъ руками, а лишняго пушечнаго пороха было такъ мало, что еслибы собрать весь запасъ его изъ зарядныхъ ящиковъ, то не набралось бы и шести центнеровъ (20 пудовъ). Главнокомандующій требовалъ по телеграфу изъ Милана, чтобы ему прислали миннаго пороха, но ему отвечали, что и въ Милане его нетъ. Вотъ причина, что каменный мостъ черезъ Тичино австрійцы могли только пошатнуть, а два моста черезъ каналъ у Ponte Nuovo di Magenta остались совершенно невредимы. Минныя каморы были приготовлены, но не было пороху, чтобы положить въ нихъ.

Позиція передъ мостами черезъ каналъ была очень сильна, потому австрійцы решились защищать ее, и не воображая, что нападутъ на ихъ правое крыло, расположили свою позицію отъ Буффалоры черезъ Ponte di Magenta къ Робекко, т. е. какъ можно параллельнее съ Тичино и съ каналомъ, а резервы поставили въ деревне Мадженте. Со стороны дороги изъ Турбиго не было никакихъ войскъ кроме одного батальона, занимавшаго одну изъ большихъ уединенныхъ фермъ направо отъ дороги за деревнею Марчелло; да и этотъ батальонъ былъ поставленъ более для наблюденія, чемъ съ мыслью, что прійдется защищать этотъ пунктъ. Наступленіе гренадеровъ изъ Ponte di Buffalora въ 10 часовъ, т. е. двумя часами раньше появленія колонны Макъ-Магона на дороге изъ Турбиго, было расчитано на то, чтобы утвердить австрійцевъ въ ихъ заблужденіи и они сосредоточили свои войска, чтобы задавить французовъ, двинувшихся отъ Ponte di Buffalora. Показавшись австрійцамъ, этотъ отрядъ,

какъ вы помните, получилъ приказаніе остановиться, чтобы дать Макъ-Магону время подойти съ другой стороны, и началъ рѣшительное наступленіе, только услышавъ выстрѣлы Макъ-Магона.

«При всей своей геройской храбрости французскіе гренадеры и зуавы едва ли успѣли бы овладѣть страшною позиціею на канавѣ, если бы приближеніе Макъ-Магона, пошедшаго въ обходъ, не заставило австрійцевъ обратиться противъ этого неожиданнаго непріятеля. Они должны были отвести назадъ свое правое крыло, такъ что послѣ этой перемѣны фронта лѣвое крыло ихъ осталось въ Робекко, деревня Маджента сдѣлалась центромъ ихъ позиціи, а Корбетто правымъ флангомъ. Войска, выдвинутыя впередъ защищать позицію на канавѣ, были отведены назадъ, чтобы стать передъ деревнею Маджентою и направо отъ нея.

«Чтобы имѣть ясное понятіе объ этомъ новомъ расположеніи австрійцевъ, вы должны помнить направленіе трехъ дорогъ: одна изъ Буффалоры въ Мадженту идетъ почти прямо на востокъ; во вторыхъ, главное шоссе, ведущее въ Миланъ, идетъ изъ Ponte Nuovo di Magenta въ Мадженту и наконецъ линія желѣзной дороги, перешедши черезъ каналъ, поворачиваетъ налѣво, пересѣкаетъ двѣ другія дороги и потомъ проходитъ по западной сторонѣ деревни Мадженты. Линія желѣзной дороги въ этой части сраженія играетъ роль еще болѣе важную, чѣмъ въ битвѣ на каналѣ; на этой линіи австрійцы встрѣтили атаку Макъ-Магона. Обширное зданіе станціи и сама деревня служили опорою австрійскаго центра, который протягивался по желѣзной дорогѣ до точки ея пересѣченія съ шоссе. Правое крыло опиралось на выдвинутый пунктъ той фермы, направо отъ дороги изъ Турбиго, о которой я упоминалъ.

«Какъ только подошелъ корпусъ Макъ-Магона, онъ построился въ боевую линію насколько позволяла мѣстность. Поставивъ первую дивизію налѣво, вторую направо, а нѣсколько пушекъ на узкой дорогѣ и гвардейскихъ егерей и стрѣлковъ въ резервѣ, онъ отважно двинулся на непріятельскую позицію. Пѣхота, какъ только подошла на видъ къ непріятелю, должна была развертываться по полямъ и виноградникамъ. Мѣстность такъ наполнена виноградниками и деревьями, что линія не могла подвигаться плотнымъ строемъ, а принуждена была принять болѣе растянутое построеніе, среднее между разсыпнымъ стрѣлковымъ строемъ и развернутымъ строемъ линейной пѣхоты. Ферма, образовавшая выдвинутый впередъ пунктъ, сдѣлалась предметомъ кровопролитнаго боя. Непріятель сосредоточилъ около нея и въ ней значительную массу войскъ и противъ нихъ былъ посланъ второй полкъ иностраннаго легіона, произведшій атаку съ большою стремительностью. Непріятель, видя опасность потерять этотъ ключъ позиціи своего праваго крыла, послалъ колонну направо обойти во флангъ аттакующихъ и, если можно, отрѣзать ихъ. На лѣвомъ крылѣ Макъ-Магона должны были находиться австрійцы, чтобы служить резервомъ и охранять его отъ подобнаго движенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы пытаться обойти австрійцевъ съ праваго фланга и съ тыла и отрѣзать имъ отступленіе. По затруднительности узкой дороги, они не могли прійти во-время и результатомъ было, что 2-й полкъ иностраннаго легіона сильно потерпѣлъ, но былъ наконецъ избавленъ изъ этого положенія приближеніемъ резерва. Какъ только резервъ подошелъ, вся линія двинулась впередъ, шагъ за шагомъ оттѣсняя врага. По всей длинѣ линій шелъ рукопашный бой на ружьяхъ и штыкахъ. Артиллеріи негдѣ было поставить, кромѣ дороги. Но французы имѣли нѣсколько ракетныхъ батарей, которыми успѣшно дѣйствовали противъ врага. Въ такомъ бою обнаружилось превосходство штуцера надъ простымъ ружьемъ, которымъ были вооружены австрійцы. Надобно прибавить, что защищавшія позицію войска держались по возможности тѣснымъ строемъ, такъ что каждый выстрѣлъ ихъ противниковъ находилъ себѣ цѣль. Вы никогда не видывали такой страшной рѣзни, какая происходила на всемъ этомъ пространствѣ, которое австрійцы защищали шагъ за шагомъ, но напослѣдокъ должны были уступить. Это мѣсто походитъ теперь на то, какъ будто былъ тутъ большой базаръ тряпья. Кэски, ранцы, ружья, мундиры, бѣлье, сапоги покрываютъ поле, и все это изломано, изорвано, все покрыто кровью и до сихъ поръ свидѣтельствуетъ объ упорствѣ сопротивленія, хотя большая часть раненыхъ уже убрана и почти всѣ убитые похоронены. Сколько драмъ геройства и сви-

рѣпости, сколько трагедій страданія и погибели должно было происходить здѣсь! Но самый отчаянный бой былъ далѣе, на желѣзной дорогѣ, у станціи, стоящей за ней, и въ деревнѣ, подлѣ нея. Оттѣсняемые по всей линіи австрійцы сосредоточили здѣсь всѣ свои усилія отбиться отъ врага. Противъ станціи и нѣсколько протягиваясь на обѣ стороны отъ нея, передъ линіею рельсовъ идетъ широкій длинный ровъ, образовавшійся отъ вынимапія земли для насыпи полотна. Гдѣ кончается ровъ, тамъ идетъ съ того и другого конца довольно длинною линіею крѣпкая деревянная рѣшетка, выкрашенная желтою краскою и служившая къ тому, чтобы нельзя было переходить черезъ желѣзную дорогу. Кромѣ того, само полотно желѣзной дороги, составляя довольно высокую насыпь, образуетъ родъ естественнаго бруствера, нѣсколько прикрывавшаго обороняющихся. Станція, сосѣднія строенія и крѣпкая колокольня были наполнены стрѣлками, а линейныя войска стали густою массою передъ ними. Тутъ были выдвинуты австрійцами впередъ свѣжіе отряды, пришедшіе на смѣну утомленныхъ товарищей. Гвардейскіе егеря и стрѣлки были посланы взять эту крѣпкую позицію. Они ринулись впередъ, сбили враговъ и гнали ихъ до рѣшетки, которая остановила ихъ стремительное движеніе. Нѣсколькими пушечными выстрѣлами легко было бы свалить рѣшетку, но не было мѣста, откуда бы можно было стрѣлять по ней; потому оставалось употребить только саперовъ съ топорами. Они срубили рѣшетку и колонна вошла въ деревню. Тутъ каждый домъ обратился въ цитадель, защищаемую отчаяннымъ гарнизономъ; только правильною битвою можно было взять его, и цѣлый рядъ писемъ легко было бы наполнить эпизодами, которыхъ были исполнены эти отдѣльныя битвы. Надобно признаться, что австрійцы отчаянно продолжали сражаться и тогда, какъ все было уже потеряно; ихъ офицеровъ было тутъ убито и ранено невѣроятно много, и солдаты остались безъ всякаго руководства въ этихъ изолированныхъ позиціяхъ, изъ которыхъ не было отступленія. Имъ было сказано прежде, что пощады не должны они ждать, что у союзниковъ есть правило убивать всѣхъ плѣнныхъ и раненыхъ, потому они дрались съ мечтательною непреклонностью, считая себя погибшими людьми. Раненые залѣзали въ погреба и прятались, гдѣ только могли, чтобы не попасться въ руки свирѣпаго врага, и умирали жалкимъ образомъ. Множество ихъ найдено было спрятавшимися; одни были мертвы, другіе такъ истощены, что едва ли могутъ поправиться. Еще и теперь, черезъ три дня послѣ битвы, находятъ очень многихъ и несутъ ихъ или въ госпиталь, или въ могилу. Я самъ нынѣ поутру видѣлъ, какъ вытащили изъ погреба станціи двухъ несчастныхъ, тирольскаго стрѣлка, легко раненаго, и линейнаго солдата, полумертваго отъ страха и истощенія. Они въ своемъ убѣжищѣ слышали на верху выстрѣлы изъ ружей, находимыхъ заряженными на полѣ битвы, и, вѣроятно, думали, что это разстрѣливаютъ ихъ товарищей. Но вовсе не такова ихъ судьба. Къ плѣнникамъ французы едва ли даже не сострадательнѣе, чѣмъ къ своимъ солдатамъ. Они ухаживаютъ за ранеными австрійцами, какъ за дѣтьми, съ материнскою заботливостью, и дѣлаютъ все, что только могутъ, для облегченія ихъ страданій.

«Но воротимся къ сраженію. Въ 8 часовъ Макъ-Магонъ исполнилъ свое дѣло: Маджента была взята. Какъ начало его атаки на эту деревню спасло полки, нападавшіе на Ponte Nuovo di Magenta, такъ наступленіе этой колонны, подкрѣпленной сильными резервами, содѣйствовало довершенію его побѣды и увеличенію числа плѣнныхъ. Почти нѣтъ возможности опредѣлить цифру ихъ, потому что ежеминутно приводятъ новыхъ,—но всего ихъ должно быть не менѣе 8,000; число убитыхъ и раненыхъ во всемъ сраженіи должно полагать тысячъ въ 10, потому что французы сами признаютъ свою потерю въ 4,000 человѣкъ.

«Что побѣда была блистательная и рѣшительная, это несомнѣнно. Взяты знамена двухъ австрійскихъ полковъ и три пушки въ этой части сраженія. Почему такъ мало взято пушекъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что австрійцы немногимъ больше и могли выставить ихъ противъ непріятеля, да и выставляли ихъ съ большою осторожностью, какъ будто предвидѣли несчастье.

«Лучшимъ доказательствомъ великости побѣды служитъ ея результатъ: австрійцы въ ту же ночь оставили Миланъ, бросивъ 100,000 лиръ и 3,000 ружей въ цита-

дели. Ихъ отступленіе было такъ поспѣшно, что они не успѣли даже испортить желѣзную дорогу или увезти локомотивы,—на слѣдующее утро миланцы прислали поѣздъ за ранеными въ Мадженту, которая служитъ послѣднею станцію по желѣзной дорогѣ къ Тичино».

Слѣдующее письмо нашъ корреспондентъ Times'а посвящаетъ Милану. Мы переводимъ почти вполнѣ и этотъ разсказъ.

Миланъ, 8 іюля.

«Если бы кто сказалъ мнѣ, что на девятый день по моемъ пріѣздѣ въ лагерь при Верчелли я пріѣду по желѣзной дорогѣ въ Миланъ, я назвалъ бы его просто сумашедшимъ. А между тѣмъ такъ случилось. Тотчасъ по уходѣ австрійцевъ миланцы, какъ я говорилъ вамъ въ прежнемъ письмѣ, прислали поѣздъ за ранеными. Двѣ роты 1-го егерскаго гвардейскаго полка, подбиравшія раненыхъ, приносили ихъ на станцію; тамъ собрались доктора, и, сдѣлавъ первую перевязку, отправляли ихъ въ Миланъ. Поѣзды безпрестанно приходили и уходили. Они состояли исключительно изъ вагоновъ 3-го класса, частью закрытыхъ, частью открытыхъ. Легко раненые, которые могли ходить, отправлялись въ пассажирскихъ вагонахъ; тяжело раненыхъ клали въ товарные вагоны, которымъ было придано возможное по обстоятельствамъ удобство настилкою соломы и сѣна. Туда приносили несчастныхъ, мучительно страдавшихъ отъ движенія. Подлѣ нихъ стоялъ боченокъ съ прохлаждающимъ питьемъ изъ воды и сиропа и другой боченокъ съ виномъ, для утоленія палящей жажды, возбуждаемой ранами.

«Станція и самые поѣзды представляли потрясающія сцены, ужаснѣе которыхъ ничего невозможно вообразить; это было темною стороною блестящей побѣды, взглядомъ за кулисы при дневномъ свѣтѣ. Раненые, находившіеся во всѣхъ степеняхъ страданія и агоніи, полуодѣтые, въ изорванномъ платье, запыленные, лежали облиты собственною кровью. Священники ходили между нихъ съ св. дарами, причащая умирающихъ. Оледенѣлый взоръ смерти въ глазахъ одного показывалъ, что онъ пересталъ страдать; безпокойно вращающіеся глаза другаго и колѣнопреклоненный передъ нимъ священникъ показывали, что стоны его скоро прекратятся; подлѣ него лежалъ третій, котораго вы почли бы умершимъ, если бы не слабое подергиванье его руки или ноги судорогами. Вы невольно умолкали, входя въ эти мѣста, и снимали шляпу при видѣ такого страданія. Даже неугомонные французскіе солдаты, прислуживавшіе этимъ бѣднымъ страдальцамъ, стали задумчивы, и мертвое молчаніе перерывалось по временамъ только торжественными словами священника, слабымъ вздохомъ, пронзительнымъ крикомъ боли. Вы почти забывали о побѣдѣ, искупающей эту мрачную сцену, вы думали, что эти люди, которые мирно занимались бы своими промыслами, были призваны подвергнуться такимъ ужасамъ на защиту дѣла, которое не касается ихъ, котораго они не знаютъ, о которомъ никогда не думали. Да, тяжела такая судьба.

«Но рѣшительно невозможно передать тѣхъ минутъ, когда раненые переносились въ вагоны. Какіе крики, какія блѣдныя лица, искаженныя страданіемъ, какіе изувѣченные члены, Солдаты, переносившіе ихъ, казалось, забывали обо всемъ на свѣтѣ кромѣ заботы облегчить мученія страдальцевъ. Филантропа растрогала бы такая сострадательность, а циникъ улыбнулся бы отъ мысли, что тѣ самые люди, которые нанесли раны, стараются теперь исцѣлить ихъ, чтобы потомъ стараться наносить ихъ вновь. Передъ тѣмъ, какъ поѣздъ двинулся, вновь разнесли раненымъ прохладительное питье, котораго они жаждали. Наконецъ поѣздъ его тронулся, шумъ его заглушилъ всѣ другіе звуки и въ нѣсколько поворотовъ колеса унесли насъ изъ виду станціи. Когда мы пріѣхали въ Миланъ. тамъ уже насъ ждали женщины, добровольно явившіяся ухаживать за ранеными; онѣ подали имъ лимонадъ для утоленія жгучей жажды послѣ переѣзда, продолжавшагося болѣе часа.

«Вы прыгаете изъ вагона и нѣсколько шаговъ переносятъ васъ въ совершенно иной міръ, отъ сценъ ужаса къ сценамъ счастья, отъ блѣдныхъ лицъ къ смѣющимся, отъ нѣсколькихъ страдальцевъ къ цѣлому народу, упоенному радостью, отъ вагоновъ, наполненныхъ изувѣченными, въ обширный городъ, разукрашенный по праздничному:

окна убраны коврами, французскими и итальянскими флагами, балконы наполнены красавицами, привѣтствующими каждый новый мундиръ, проходящій мимо ихъ, бросающими цвѣты на всѣхъ солдатъ безъ различія; улицы наводнены народомъ, онъ кричитъ «evviva» и апплодируетъ каждому солдату или офицеру, на всѣхъ итальянскія кокарды, съ прибавкою синей полоски изъ французской кокарды. Въ толпѣ вы видите французскихъ солдатъ,—каждаго изъ нихъ окружаютъ, провожаютъ его съ тріумфомъ нѣсколько горожанъ; въ каретахъ сидятъ новые гости вмѣстѣ съ хозяевами: идутъ люди въ статскомъ платьѣ съ кокардами на груди, съ ружьями на плечахъ, съ бумагою, пришитою къ шляпѣ,—на ней слова «порядокъ и безопасность», Ordine e sicurezza. Это новая муниципальная гвардія изъ волонтеровъ, вооружившихся ружьями, найденными въ цитадели, и взявшихся охранять полицейскій порядокъ.

«Словомъ, Миланъ торжествовалъ удаленіе австрійцевъ и вступленіе французовъ, вошедшихъ сюда нынѣ по утру (8 іюня—27 мая).

«Нынѣ австрійцы очистили Миланъ не такъ, какъ въ 1848 году: тогда продолжалась пять дней борьба, а теперь они ушли изъ города среди молчанія ночи. По опыту 1848 года австрійцы знали, что нельзя имъ удержаться въ Миланѣ, имѣя передъ собою союзниковъ, и одинъ изъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ при Маджентѣ, уже нѣсколько дней назадъ говорилъ мнѣ, что они ожидали революціи въ Миланѣ еще до ухода ихъ къ Маджентѣ. Побѣда эта избавила городъ отъ нужды въ революціи, и австрійцы умно рѣшились оставить ненавидящій ихъ городъ. Еще до полученія извѣстій о пораженіи австрійцевъ, наружность ихъ солдатъ, возвращающихся изъ битвы, показала горожанамъ, что австрійскія дѣла плохи. Возвращавшіеся австрійцы значительно измѣнили свою прежнюю господскую осанку, и по суетливому ихъ движенію было видно, что они готовятся къ выступленію. Правда, они еще водили по улицамъ семь человѣкъ зуавовъ, которыхъ взяли въ битвѣ, но вошедши въ одни ворота, они черезъ цитадель вышли въ другія ворота. Вмѣстѣ съ ними удалился миланскій подеста,—по своей непопулярности, онъ не могъ остаться въ городѣ безъ нихъ. По утру, увидѣвъ, что австрійцы ушли, муниципальный совѣтъ взялъ на себя управленіе дѣлами и принялъ мѣры для предупрежденія безпорядковъ. Три тысячи ружей были розданы надежнымъ молодымъ людямъ, которые стали стеречь всѣ общественныя зданія и ходить патрулями по городу. Это было достаточно для сохраненія тишины, и не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Сначала толпа, вспоминая 1848 годъ, вздумала ломать мостовую для постройки баррикадъ; но ее тотчасъ же остановили, и народъ держалъ себя самымъ спокойнымъ образомъ, точно также, какъ и въ Тосканѣ. Это показываетъ, что итальянцы, если только оставить имъ свободу, прекрасно умѣли бы управлять своими дѣлами.

«Съ учрежденіемъ временнаго правительства, если можно такъ назвать новую администрацію, исчезъ весь механизмъ стѣсненія: полицейское господство и т. п., водворилась свобода мысли и жизни, но не было ничего похожаго на буйныя столпленія. Совѣтъ обнародовалъ прокламацію о преобразованіи прежней національной гвардіи; другая приглашаетъ жителей сдѣлать хорошій пріемъ арміи; третья объявляетъ о прибытіи императора и короля; радость отъ полученія давно желанной свободы и встрѣча освободителей—этими фактами затмевается все остальное въ Миланѣ. Городъ упоенный восторгомъ—вотъ нынѣшній характеръ Милана. Со вчерашняго утра, когда пришли французы, миланцы до сихъ поръ не могутъ опомниться отъ восхищенія. Меня не было въ городѣ при первой встрѣчѣ, но какова она была, можно судить по тому, что видишь и теперь: повсюду сыплются на французовъ букеты, раздаются апплодисменты, крики и evviva,—миланцы превосходятъ по этой части всѣхъ итальянцевъ, которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ. Карнавалъ продолжался до поздней ночи, и жители импровизировали иллюминацію, выставивъ на балконы всѣ свѣчи, бывшія въ комнатахъ.

«Эффектъ былъ поразителенъ, потому что весь городъ освѣтился въ одинъ мигъ, разомъ, безъ всякихъ предувѣдомленій, такъ что это внезапное согласіе лучше всего показывало, какимъ единодушіемъ проникнуты миланцы, по крайней мѣрѣ въ эту минуту».

Послѣ этого корреспондентъ подробно описываетъ въѣздъ императора французовъ и короля сардинскаго въ Миланъ; мы думаемъ, что читатели не нуждаются въ переводѣ этой части письма,— всѣ подробности, ею сообщаемыя, легко могутъ быть угаданы соображеніемъ.

Послѣ пораженія подъ Маджентою, австрійцы поспѣшно отступали назадъ, бросая всѣ свои крѣпости, запасы, думая только о томъ, чтобъ безъ новыхъ пораженій добраться до Минчіо и своихъ крѣпостей, отъ которыхъ грозили отрѣзать ихъ быстро наступавшіе враги. До самаго сраженія при Сольферино (24—12 іюня), цѣлыя три недѣли всѣ извѣстія съ театра войны ограничивались только новостями о томъ, какъ французско-сардинскія войска переходятъ безпрепятственно одну рѣку за другою, занимаютъ одинъ городъ за другимъ. Единственнымъ сколько нибудь замѣтнымъ исключеніемъ изъ этой монотонной исторіи уступокъ и завоеваній безъ боя служило сраженіе при Меленьяно, 8 іюня, на дорогѣ отъ Милана къ тому пространству, по которому австрійцы должны были отступать отъ Мадженты къ Мантуѣ. На первый разъ союзникамъ показалось, что корпусъ Бенедека, встрѣченный ими у Меленьяно, былъ поставленъ тутъ съ цѣлію, чтобы задержать наступленіе союзниковъ, чтобы дать другимъ австрійскимъ корпусамъ время отступить. Но ничего подобнаго этому разсчету или какому бы то ни было разумному плану со стороны австрійцевъ не оказывается по точнѣйшимъ извѣстіямъ: австрійцамъ пришлось сразиться у Меленьяно единственно только по той же безтолковой нелѣпости всѣхъ ихъ дѣйствій въ нынѣшнемъ походѣ, которая была причиною ихъ столкновеній съ союзниками и пораженій при Монтебелло, Палестро и Маджентѣ. Въ доказательство приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'а:

«Долго никто здѣсь не могъ понять, зачѣмъ Бенедекъ, стоявшій въ Ломелло, когда союзники переходили Тичино, очутился въ Меленьяно, между Миланомъ и Лоди [1]). Наконецъ тайна эта разъяснилась. 4-го числа [2]) графъ Гіулай послалъ Бенедеку приказъ идти со всевозможною поспѣшностью на помощь ему, Гіулаю, къ Маджентѣ [3]). Получивъ приказаніе, Бенедекъ, никогда не манкирующій исполненіемъ обязанности, пошелъ форсированнымъ маршемъ къ мѣсту дѣйствія. Но еще не дошелъ онъ до него, какъ Гіулай, увидѣвъ 5 числа, что не можетъ удержаться въ своей позиціи у Мадженты, началъ отступать на Павіо [4]). Гіулай, надобно думать, забылъ сообщить Бенедеку о своемъ отступленіи къ Аддѣ, и вотъ Бенедекъ 6 числа явился у окрестности Аббіате-Грассо [5]). Не извѣстно, какъ успѣлъ онъ пройдти отъ этого мѣста до Меленьяно [6]), но этотъ переходъ вѣроятно былъ чрезвычайно труденъ, потому что многіе солдаты его падали отъ изнуренія и, покидаемые на дорогѣ, были подбираемы преслѣдующимъ его непріятелемъ. По французскимъ извѣстіямъ, союзники взяли 1,200 плѣнныхъ—безъ всякаго сомнѣнія, это были изнемогшіе и отставшіе отъ корпуса солдаты».

---

[1]) То есть очень далеко на сѣверъ отъ той дороги, по которой слѣдовало бы ему отступать.

[2]) То есть въ тѣ минуты, когда шла битва при Маджентѣ.

[3]) То есть на сѣверъ отъ Ломелло.

[4]) То есть по дорогѣ отъ Мадженты прямо на югъ, такъ что Бенедекъ остался на сѣверо-западѣ отъ него, продолжая идти къ мѣстамъ, оставленнымъ австрійцами и уже занятымъ союзниками.

[5]) Тамъ, гдѣ 4 іюня была главная квартира Гіулая, и откуда Гіулай уже давно ушелъ; вмѣсто своего стана, онъ нашелъ непріятельскій лагерь.

[6]) То есть избѣжалъ враговъ, въ средину которыхъ попалъ по непростительной небрежности Гіулая, оставившаго его безъ извѣстій о своемъ отступленіи

Австрійскіе солдаты, по признанію самихъ враговъ очень храбро дрались во всѣхъ сраженіяхъ, но благодаря совершенно оригинальному способу распоряженій ихъ предводителей, всѣ сраженія были устроены такъ мило, что союзная армія по совѣсти едва ли даже можетъ хвалиться своими побѣдами, несмотря на храбрость непріятельскихъ солдатъ и крѣпость занятыхъ ими позицій: пусть позиціи были страшны, но главныя силы непріятеля бродили около нихъ безъ всякаго толку и смыслу, оставляя безъ поддержки тѣ свои отряды, которые защищали позицію, а эти отряды были поставлены на позицію изнуренные форсированнымъ маршемъ, и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, полутора, даже двухъ сутокъ оставались безъ всякой пищи, да и въ битвѣ стояли также не имѣя ни куска хлѣба для подкрѣпленія изнуренныхъ силъ. При каждой битвѣ мы слышимъ объ австрійскихъ солдатахъ одну и туже исторію, которую разсказываетъ вѣнскій корреспондентъ Times'а о битвѣ при Маджентѣ:

«Солдаты, не имѣвшіе времени поѣсть, падали на землю совершенно истощенные зноемъ, голодомъ и жаждою. Медикъ, находящійся при арміи, говоритъ мнѣ, что раненые, приносимые въ госпитали, прежде всего просятъ, чтобы ихъ накормили и напоили».

Каковы бы ни были солдаты, выставляемые на битву въ подобномъ состояніи, побѣда надъ ними должна быть такъ несомнѣнна, что побѣдители едва ли могутъ и гордиться ею. Прибавимъ къ этому нелѣпость распоряженій и стратегическихъ и тактическихъ, и мы убѣдимся, что за свои побѣды союзники должны благодарить не столько самихъ себя, сколько своихъ противниковъ.

Нелѣпость плановъ, по которымъ австрійцы наступали и отступали, сражались и оставляли безъ боя свои позиціи, всего яснѣе выказывается сраженіемъ при Сольферино, которое затмило своею громадностью и самую битву при Маджентѣ,—сраженьемъ, подобнаго которому по числу войскъ не бывало со времени битвы подъ Лейпцигомъ. У австрійцевъ была чрезвычайно крѣпкая позиція на Минчіо; другую, передъ нею, тоже довольно крѣпкую, представляла рѣка Кіэзе, текущая параллельно съ Минчіо, верстахъ въ 20—25 отъ него на западъ. Всѣ военные люди въ одинъ голосъ говорили, что австрійцы могутъ защищаться на Кіэзе и непремѣнно должны защищаться на Минчіо,—австрійцы почли полезнымъ доказать на фактѣ, что они гораздо выше всѣхъ соображеній, представляемыхъ здравымъ смысломъ, который, какъ извѣстно, не имѣетъ оффиціальнаго значенія въ австрійскомъ государствѣ. Они перепустили непріятеля безъ боя черезъ Кіэзе, и отступили на восточный берегъ Минчіо, какъ будто собираясь всѣми силами защищать переправу черезъ эту рѣку. Всѣ того и ожидали, что австрійцы остановятъ непріятеля на этой рѣкѣ. Но австрійцы вдругъ, ни съ того, ни съ сего, обратно перешли Минчіо, чтобы встрѣтить врага между Кіэзе и этою рѣкою,—зачѣмъ же было отступать, зачѣмъ дѣлать лишніе переходы, изнурявшіе солдатъ и разстроивавшіе аммуниціонный обозъ передъ рѣшительнымъ сраженіемъ? Такимъ-то манеромъ, 24 (12) іюня сочинили они битву въ такой позиціи, которую сами бросили за два дня передъ этимъ. Разумѣется, исходъ сраженія совершенно соотвѣтствовалъ обдуманности ихъ дѣйствій. Чтобы подробнѣе познакомить читателя

съ этою битвою, самою колоссальною изъ всѣхъ сраженій нынѣшней войны, мы прибѣгаемъ опять къ разсказу корреспондента „Times'a", находящагося при главной квартирѣ союзной арміи. Мы переводимъ всѣ его письма, относящіяся къ битвѣ при Сольферино. Въ первомъ, сдѣланномъ наскоро, описаніи вкрались у него ошибки, которыя исправляетъ онъ самъ въ слѣдующихъ письмахъ, и есть у него нѣсколько повтореній, которыхъ можно было избѣжать, передѣлавъ его письма въ одинъ непрерывный разсказъ; но мы не рѣшаемся передѣлывать этихъ писемъ, не желая жертвовать свѣжестью и точностью сообщаемыхъ ими свѣдѣній, для приданія имъ внѣшняго единства. Начинаемъ переводъ отрывкомъ письма, въ которомъ онъ, за нѣсколько дней передъ сраженіемъ, изображаетъ мѣстность, гдѣ потомъ произошло оно. Читатель знаетъ, что краеугольными камнями австрійскаго военнаго господства въ сѣверной Италіи служатъ огромныя крѣпости Верона и Мантуа съ двумя меньшими крѣпостями, Пескьерою и Леньяно; что эти крѣпости составляютъ четыреугольникъ; что западную сторону его образуетъ рѣка Минчіо, на сѣверномъ концѣ которой лежитъ Пескьера, а на южномъ Мантуа. Минчіо вытекаетъ изъ юго-восточнаго угла Гардскаго озера. Полемъ сраженія была мѣстность на югъ и на югъ-западъ отъ Пескьеры и Гардскаго озера. Вотъ подробности о ея характерѣ:

«Брешія. Іюня 19 (7).

«Южные берега Гардскаго озера опоясаны рядомъ невысокихъ холмовъ, начинающимся у Гавардо на Кіэзе и идущимъ на югъ къ Лонато и Кастильйоне [1]); потомъ эти холмы поворачиваютъ на юго-востокъ къ Вольтѣ [2]), далѣе оборачиваются на сѣверъ черезъ Валеджіо и Соммакомпанья [3]), и доходятъ до Адидже у Буссоленго [4]). Почти каждое изъ этихъ именъ напоминаетъ о какомъ нибудь сраженіи, а въ серединѣ треугольника, между этими его окраинами и Гардскимъ озеромъ, почти нѣтъ деревни, которая не бывала бы театромъ боя въ прежнихъ войнахъ новаго времени. Это потому, что холмы, идущіе на югъ отъ Гардскаго озера, охраняютъ пути къ Минчіо и переходы черезъ него, такъ сказать, и составляютъ передовое укрѣпленіе знаменитаго четыреугольника австрійскихъ крѣпостей.

---

[1]) Лонато—верстахъ въ 4 на западъ отъ юго-западнаго конца Гардскаго озера; Кастильйоне—верстахъ въ 8 прямо на югъ отъ Лонато.

[2]) Вольта верстахъ въ 15 по прямой линіи отъ Кастильйоне, на юго-востокъ; она почти прямо на югѣ отъ Пескьеры и юго-восточнаго конца Гардскаго озера, верстахъ въ 4 отъ Минчіо на западъ.

[3]) Валеджіо лежитъ верстахъ въ 6 отъ Вольты на сѣверо-востокъ, уже на восточномъ берегу Минчіо. Соммакомпанья еще далѣе на сѣверо-востокъ отъ Вольты, верстахъ въ 10. Вольта, Валеджіо и Соммакомпанья образуютъ прямую линію, длина которой верстъ 15.

[4]) Буссоленго лежитъ на 8 верст. прямо на сѣверъ отъ Соммакомпаньи, на юго-западномъ берегу Адидже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ съ сѣвера на востокъ. Адидже течетъ сначала почти параллельно восточному берегу Гардскаго озера и поворачиваетъ почти прямо на востокъ съ небольшимъ уклоненіемъ къ югу, нѣсколько не доходя параллели южнаго берега Гардскаго озера. Такимъ образомъ, основаніе холмистаго треугольника (сѣверную сторону его) составляетъ линія отъ Лонато на западѣ до Буссоленго на востокѣ; эта линія имѣетъ около 25 верстъ длины, и въ средней части своей идетъ по южному берегу Гардскаго озера. Южный конецъ треугольника—Вольта, лежитъ верстахъ въ 20 отъ Лонато (юго-западнаго угла) и верстахъ въ 22 отъ Буссоленго (юго-восточнаго конца). Минчіо сѣвернымъ теченіемъ своимъ проходитъ по этому треугольнику, который большею половиною своею лежитъ на западъ отъ рѣки, а небольшимъ кускомъ на востокъ отъ нея.

«Черезъ Минчіо ведутъ три большія дороги. Одна на югѣ изъ Павіи въ Мантую идетъ вдоль По и входитъ прямо въ крѣпость. Двѣ другія на сѣверѣ; обѣ выходятъ изъ Брешіи. Та, которая идетъ сѣвернѣе, проходитъ прямою линіею черезъ Лонато, извивается по холмамъ вдоль южнаго края Гардскаго озера, переходитъ черезъ Минчіо въ Пескьерѣ, гдѣ рѣка эта вытекаетъ изъ озера, и потомъ ведетъ въ Верону. Другая дорога, идущая южнѣе, переходитъ черезъ Кіэзе у Монтекьяро, и входитъ въ холмистый треугольникъ у Кастильйоне, потомъ ведетъ на юго-востокъ до Гоито, гдѣ переходитъ черезъ Минчіо. Кромѣ этихъ главныхъ путей, есть двѣ или три проселочныя дороги черезъ Минчіо; онѣ выходятъ изъ Лонато или Кастильйоне и переходятъ рѣку у Валеджіо, Монцамбано и Саліонцо [1]).

«Я такъ подробно разсказывалъ вамъ объ этихъ дорогахъ потому, что онѣ составляютъ значительный элементъ въ оборонительной системѣ крѣпостного четыреугольника; онѣ устроены съ такимъ характеромъ, чтобы ограничить доступы къ нему по возможности немногими пунктами. Природа мѣстности очень благопріятствовала осуществленію такого плана. Начать съ того, что болѣе половины Минчіо,—вся нижняя часть его отъ Гоито до устья, такъ окружена болотами, что для устройства перехода нужны тутъ колоссальныя сооруженія. Въ центрѣ этой части теченія лежитъ крѣпость Мантуа, составляющая единственный пунктъ переправы.

«На сѣверѣ всѣ большія дороги сосредоточены въ Брешіи и оттуда къ Минчіо проложены по холмистому округу, описанному мною. Армія, желающая достичь рѣки, не можетъ миновать этой гористой мѣстности. Холмы эти настолько круты, что даютъ опору обороняющемуся, но не такъ утесисты, чтобы затруднять его собственныя движенія,—словомъ сказать, это мѣстность самая выгодная для обороны. Пока заняты холмы, и въ особенности край западнаго ряда ихъ у Лонато и Кастильйоне, непріятель не можетъ идти къ Минчіо, не подвергая чрезвычайной опасности своего тыла. Но даже и потерявъ эти двѣ крайнія позиціи, храбрый защитникъ въ холмистой мѣстности по обѣ стороны Минчіо почти на каждомъ шагу находитъ новыя позиціи, въ которыхъ можетъ задерживать непріятеля съ фронта и съ фланга. Если помните, въ 1848 году всѣ упорнѣйшія битвы австрійцевъ съ піэмонтцами происходили тутъ. И прежде и послѣ того эта мѣстность была любимымъ мѣстомъ австрійскихъ маневровъ при ежегодномъ лагерномъ сборѣ ихъ войскъ въ началѣ осени. Сообразивъ это все, натурально было бы ждать, что австрійцы встрѣтятъ насъ при Лонато и Кастильйоне главными силами, выдвинувъ свой авангардъ къ Монтекьяро на Кіэзе».

Австрійцы два раза покидали эту позицію, уходили за Минчіо и потомъ опять возвращались; въ первый разъ такой странный оборотъ сдѣлали они около 19 (7) іюня, во второй разъ перешли на западную сторону Минчіо 23 (11) іюня, чтобы рано поутру напасть на врага, котораго предполагали застать врасплохъ—предположеніе, нелѣпость котораго должна была являться ясною каждому въ ихъ лагерѣ, имѣвшему понятіе о томъ, какъ осторожно двигаются впередъ союзники. По какой причинѣ австрійцы возвращались назадъ послѣ перваго отступленія, мы не знаемъ хорошенько; но кажется, что тутъ странный маневръ этотъ былъ произведенъ только отдѣльнымъ корпусомъ, и имѣлъ характеръ сильной рекогносцировки. Второе, рѣшительное движеніе впередъ всѣми силами было, какъ теперь извѣстно, слѣдствіемъ мысли самого

[1]) Саліонцо лежитъ на Минчіо, верстахъ въ 4 ниже (южнѣе) Пескьеры; Монцамбано еще версты на 3 далѣе къ югу; Валеджіо еще южнѣе версты на 4. Отъ Пескьеры до Мантуи по прямому направленію всего верстъ 30 (по извилинамъ рѣки, конечно, болѣе). Проселочныя дороги всѣ три переходятъ рѣку въ верхней части, и самая южная изъ нихъ (у Валеджіо) не далѣе 10 верстъ отъ Пескьеры по прямому направленію. Изъ трехъ большихъ дорогъ двѣ переходятъ рѣку въ крѣпостяхъ Пескьерѣ и Мантуѣ, а третій путь, черезъ Гоито, находится отъ Мантуи верстахъ въ 10, а отъ Пескьеры верстахъ въ 20.

Франца Іосифа, который увлекся личнымъ соперничествомъ съ Наполеономъ III и хотѣлъ показать, что умѣетъ быть главнокомандующимъ не хуже императора французовъ. Начинаемъ снова переводить разсказъ корреспондента „Times'a“.

«Кавріана, 25 (13) іюня, 4 часа вечера.

«Еще новое имя прибавилось къ числу мѣстностей маленькаго треугольника между Кіэзе и Минчіо, прославленныхъ военными событіями. Сольферино—названіе, еще вчера неизвѣстное никому, кромѣ антикваріевъ, имѣетъ нынѣ значеніе во всемірной исторіи: оно соотвѣтствуетъ одной изъ величайшихъ битвъ нашего вѣка. Тутъ въ первый разъ встрѣтились полными силами двѣ великія арміи, борьбою которыхъ рѣшается судьба Италіи. Во всѣхъ прежнихъ битвахъ онѣ выставляли въ поле или по крайней мѣрѣ вводили въ дѣло только часть своихъ силъ; вчера обѣ онѣ ввели въ битву всѣ силы, какія только могли. Стало быть, тутъ былъ первый случай судить объ ихъ сравнительномъ достоинствѣ и могуществѣ. Оба императора были во главѣ войскъ, окруженные всѣми опытнѣйшими своими совѣтниками.

«Каковъ будетъ непосредственный результатъ этого гигантскаго состязанія, вы давно уже будете знать по телеграфическимъ депешамъ, когда прійдетъ къ вамъ мое письмо. Каково бываетъ вліяніе великой битвы на общую судьбу похода, разъясняется тотчасъ по окончаніи сраженія только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда одна изъ армій совершенно разсѣяна; а сраженіе при Сольферино не принадлежитъ къ числу такихъ битвъ, хотя составляетъ великую и рѣшительную побѣду. Австрійцы были разбиты, оттѣснены съ одной позиціи за другою,—но могутъ ли они противостать намъ еще разъ въ открытомъ полѣ, или нѣтъ, этого мы теперь еще не знаемъ.

«Въ австрійскихъ военныхъ планахъ есть какой то элементъ, непостижимый для насъ и придающій дѣйствіямъ ихъ въ нынѣшнемъ второмъ періодѣ похода такую же сбивчивость и шаткость, какою отличался и первый періодъ кампаніи. Въ понедѣльникъ (20—8 іюня) они находятся въ полномъ отступленіи за Минчіо, а въ четвергъ опять выступаютъ впередъ всѣми своими силами, занимаютъ позиціи, укрѣпляютъ ихъ, приготовляются встрѣчать насъ. Не предположить ли, что отступленіе было уловкой? Но если такъ, они считали своего непріятеля слишкомъ довѣрчивымъ, думая спрятать отъ него 180 или 200 тысячную армію. Все повидимому показывало, что австрійцы хотятъ уйти за Минчіо, не принимая бытвы на западной сторонѣ его, а думая всѣми своими силами защищать переходъ черезъ эту рѣку; но мы все-таки двигались впередъ съ такою осторожностью, какъ будто бы ежеминутно ожидали встрѣтить врага. Отряды правильно подвигались съ позиціи на позицію, одинъ заступалъ мѣсто, оставленное другимъ, на право и на лѣво посылались партіи для развѣдыванія непріятеля.

«Когда союзники, перешедши Кіэзе, приблизились къ той мѣстности, гдѣ скорѣе всего можно было ждать отпора, если готовился отпоръ, они стали подвигаться точно въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы шли на поле битвы. Каждый корпусъ занималъ положеніе, которое слѣдовало бы ему занимать въ сраженіи. Это было видно при объѣздѣ по линіи союзныхъ войскъ наканунѣ битвы: тутъ, какъ и во все время наступленія, лѣвое крыло было нѣсколько впереди праваго, а на крайнемъ правомъ крылѣ былъ отдѣльный корпусъ, шедшій въ тылу для прикрытія этого фланга, но такъ близко къ передовой линіи, что при случаѣ битвы можно было ввести его въ боевую линію.

«Наканунѣ сраженія позиція союзниковъ протягивалась отъ Дезенцано на берегу Гардскаго озера [1]) вдоль по западному краю холмистаго треугольника, черезъ Лонато до Кастильйоне, потомъ линія расположенія поворачивала назадъ къ Карпенедоло, гдѣ касалась рѣки Кіэзе. Самъ императоръ съ гвардіею, составлявшею ре-

---

[1]) Дезенцано лежитъ на юго-западномъ углу Гардскаго озера, верстахъ въ 4 отъ Лонато, которое находится на юго-западѣ отъ озера.

зервъ, былъ въ Монтекьяро, а штабъ-квартира сардинскаго короля находилась въ Лонато [1]).

«Въ этотъ день (23) была сдѣлана рекогносцировка къ Сольферино [2]) и наткнулись на австрійскіе аванпосты; это показало, что Сольферино занято австрійцами, но не разъяснило, отдѣльный ли тутъ отрядъ ихъ, оставленный для наблюденія за союзниками, или авангардъ всей австрійской арміи. Дѣло показалось подозрительно. По всей окрестности было то глубокое молчаніе, которое почти всегда замѣчается въ подобныхъ обстоятельствахъ; единственными признаками жизни и движенія служили облака пыли по направленію къ переходамъ черезъ Минчіо у Гонто и Мантуи. Вечеромъ воздухоплаватель Годдаръ долженъ былъ подняться на аэростатѣ съ одного изъ холмовъ, находящихся позади Кастильйоне [3]). Мнѣ нужно было уѣхать въ Кастильйоне до начала этой операціи, потому не умѣю вамъ сказать, удалась ли она и разъяснила ли положеніе непріятеля. Какъ бы то ни было, вечеромъ въ Кастильйоне все еще оставалось неподвижно—и гвардія, и императорская квартира.

«Наконецъ, вчера въ 5 часовъ утра громъ пушекъ показалъ, что положеніе непріятеля извѣстно: сильная рекогносцировка со стороны союзниковъ обнаружила его силы. Менѣе нежели въ часъ гвардія построилась и выступила. Еще не прошелъ другой часъ, уже готова была диспозиція къ атакѣ. Не знаю, была ли эта диспозиція составлена по вдохновенію минуты, или императоръ заранѣе зналъ, на какую позицію прійдутъ австрійцы защищать переходъ черезъ Минчіо; но судя по видимому, казалось, что весь планъ атаки составили экспромтомъ, и приказанія были отданы уже въ самыя послѣднія минуты.

«Прежде чѣмъ говорить объ этихъ диспозиціяхъ, постараюсь дать вамъ понятіе о расположеніи австрійской арміи.

«Минчіо, выходя изъ Гардскаго озера, течетъ прямо на югъ, а гряды холмовъ на обоихъ берегахъ идутъ почти перпендикулярно къ нему. На правомъ (западномъ) берегу, который одинъ для насъ нуженъ, холмы идутъ съ сѣверо запада на югъ до Кастильйоне, потомъ, дѣлая поворотъ, упираются въ Минчіо по направленію на юго-востокъ. Такимъ образомъ гористая мѣстность тутъ образуетъ довольно правильный параллелограммъ, направленный отъ сѣверо-востока на юго-западъ; четырьмя углами его служатъ Лонато, Пескьера, Вольта и Кастильйоне [4]); длиною этотъ параллелограммъ холмовъ около 12 миль (18 верстъ), а широта—около 9 миль (14 верстъ) [5]) и почти по самой срединѣ раздѣленъ рѣчкою, текущею въ Минчіо. Холмы поднимаются легкими возвышеніями отъ береговъ озера, достигаютъ самой большой высоты своей около источника этой рѣчки, потомъ опять понижаются къ Минчіо. Источникъ рѣчки почти въ самомъ центрѣ параллелограмма; налѣво отъ нея (на сѣверъ) лежатъ Рондолетто и Поццоленго, а налѣво (на югъ)—Сольферино, Монте-Оливето и Кавріана.

---

[1]) Читатель помнитъ, что союзники вообще подвигались лѣвымъ крыломъ нѣсколько впередъ; сардинцы были на лѣвомъ крылѣ. Лонато отъ Кіэзе находится верстахъ въ 6 на востокъ (впередъ къ непріятелю); Кастильйоне, какъ мы говорили, верстахъ въ 8 прямо на югъ отъ Лонато; Карпенедоло верстахъ въ 5 на юго-западъ отъ Кастильйоне; эта деревня (Кастенедоло) лежитъ около $1^1/_2$ версты на востокъ отъ Кіэзе. Прямое разстояніе между Дезенцано и Карпенедоло верстъ 13. Монтекьяро лежитъ на Кіэзе, верстахъ въ 7 на западъ отъ Кастильйоне и занимаетъ центръ дуги, образуемой Лонато, Кастильйоне и Карпенедоло.

[2]) Верстахъ въ шести на востокѣ отъ Кастильйоне.

[3]) Этотъ извѣстный воздухоплаватель, находящійся при главной квартирѣ императора французовъ, очень помогалъ своими восхожденіями полученіями свѣдѣній о расположеніи непріятельскихъ силъ; по крайней мѣрѣ, такъ увѣряютъ корреспонденты французскихъ газетъ. Читатель помнитъ, что еще въ концѣ прошлаго вѣка генералы французской республики пытались воспользоваться этимъ новымъ тогда открытіемъ для обозрѣванія непріятельскихъ позицій.

[4]) Лонато на сѣверномъ, Кастильйоне на южномъ углу западной (союзнической) стороны; Пескьера на сѣверномъ, Вольта на южномъ концѣ восточной (австрійской) стороны.

[5]) Длина тутъ считается по направленію отъ Лонато къ Пескьерѣ, а широта по восточной и западной сторонамъ.

Эти пункты австрійцы выбрали ключами своей позиціи; позиція ихъ тянулась отъ Пескьеры, на которую они опирались правымъ флангомъ, черезъ этотъ крѣпкій центръ въ равнину рѣки Минчіо, пересѣкаемую шоссе, идущимъ въ Гоито. Вся длина ихъ позиціи имѣла не менѣе 12 миль (18 верстъ). Центромъ этой линіи была Кавріана, гдѣ императоръ австрійскій расположилъ свою главную квартиру, а Сольферино былъ ключъ всей позиціи [1]). Такою позиціею прикрывались всѣ доступы къ Минчіо; но именно мысль о необходимости прикрыть всѣ дороги, ведущія къ этой рѣкѣ, заставила австрійцевъ растянуть свою позицію на такое огромное пространство и позиція была ослаблена своею излишнею длиною. Надобно притомъ замѣтить, что чѣмъ далѣе отступать къ востоку, тѣмъ болѣе возрастаетъ эта ослабляющая длина позиціи, потому что главный путь черезъ Минчіо, шоссе, ведущее въ Гоито, идетъ изъ Кастильйоне къ рѣкѣ съ большимъ отклоненіемъ на югъ.

«Эту слабость позиціи союзники замѣтили и составили свой планъ сообразно съ нею. Вмѣсто того, чтобы брать позицію съ фронта, откуда она страшно крѣпка, вся сила атаки была устремлена на фланги, съ тѣмъ чтобы, если возможно, прорвать австрійскую линію и овладѣть однимъ изъ доступовъ къ Минчіо или, по крайней мѣрѣ, заставить непріятеля покинуть крѣпкую позицію на холмахъ.

«Поэтому четвертый корпусъ, генерала (нынѣ маршала) Ніэля, подкрѣпленный частью резерва и артиллеріею, получилъ приказаніе оперировать въ равнинѣ, по направленію къ Гоито [2]). Первый корпусъ маршала Бараге д'Илье долженъ былъ идти по дорогѣ, ведущей изъ Кастильйоне вдоль холмовъ у ихъ подошвы, мимо деревушки Гроле, на Сольферино. Одна изъ дивизій корпуса герцога маджентскаго (Макъ-Магона; его корпусъ второй) должна была атаковать Сольферино по горной дорогѣ, съ фронта, а другая совершенно съ тыла, отъ деревни Санъ-Кассіано [3]). 3-й корпусъ, маршала Канробера, не былъ поставленъ въ первой линіи, — онъ оставался нѣсколько назади, по направленію къ Кастель-Овзаго [4]), а сардинской арміи назначено было совершить на лѣвомъ (сѣверномъ) крылѣ фланговое движеніе, соотвѣтственное подобному движенію на правомъ крылѣ (то есть движенію 4-го корпуса) и стараться прорвать линію между Пескьерою и Поццоленго, чтобы овладѣть одною изъ дорогъ на Минчіо, находящихся въ этомъ направленіи. Гвардія оставалась въ резервѣ, подъ личнымъ начальствомъ императора, управлявшаго всѣмъ наступленіемъ.

«Холмистый видъ мѣстности довольно благопріятенъ для наблюдателя, но линія была такъ растянута, что не было возможности обозрѣвать всю ее, а одновременность наступленія на многихъ пунктахъ отнимала возможность слѣдить за подробностями въ каждой отдѣльной мѣстности. Потому ограничусь только главными чертами, насколько я самъ видѣлъ дѣло или успѣлъ разузнать о немъ.

«Аттака началась почти одновременно на правомъ крылѣ и въ центрѣ: въ то самое время, какъ ружейный огонь и наступленіе колоннъ къ Сольферино показали, что битва завязалась въ центрѣ, послышался громъ піэмонтскихъ пушекъ съ лѣваго фланга и Ніэлевой артиллеріи съ праваго, со стороны Санъ-Виджиліо и Медоле [5]).

«Холмъ, около котораго построена деревня Сольферино, — самый возвышенный пунктъ во всей окрестности. Онъ имѣетъ форму конуса, а на вершинѣ его стоитъ высокая четырехъугольная башня, называющаяся Spia d'Italia (Шпіонка Италіи), потому что съ верху ея видна вся равнина Верхней Италіи отъ Альпъ до По. Этотъ холмъ стоитъ отдѣльно отъ остальнаго хребта и отъ него идутъ три возвышенныя террасы: одна къ озеру, другая въ долину, третья къ деревнѣ Кавріанѣ. Такимъ образомъ, онъ составляетъ какъ будто цитадель съ тремя бастіонами, и всѣ дороги,

---

[1]) Кавріана лежитъ верстахъ въ трехъ на юго-востокъ за Сольферино.

[2]) Читатель помнитъ, что дорога въ Гоито лежала на лѣвомъ флангѣ австрійской позиціи.

[3]) Санъ-Кассіано лежитъ на юго-востокъ отъ Сольферино, на версту съ небольшимъ.

[4]) На сѣверо-западъ отъ Сольферино.

[5]) Эти деревни лежатъ верстахъ въ 4 и въ 7 на югъ (направо по французскому фронту) отъ Кастильйоне; Санъ-Кассіано, куда Ніэль долженъ былъ двинуться, чтобы атаковать Сольферино съ тыла, лежитъ между Медоле и Сольферино.

ведущія къ нему, идутъ по ущельямъ между террасами. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной обращенной въ равнину, террасы очень круты, и сами дороги всходятъ по такому крутому возвышенію, что называются «лѣстницами», Scale di Solferino. Съ равнины подъемъ на холмъ не крутъ до первыхъ домовъ селенія, но тутъ получаетъ такую же обрывистую крутизну, какъ подъемы съ другихъ сторонъ. Этотъ подъемъ со стороны равнины и былъ выбранъ пунктомъ аттаки. Австрійцы ждали того и приготовились къ встрѣчѣ противниковъ. Обѣ стороны дороги до самаго села покрыты виноградниками; въ нихъ были введены густыя массы пѣхоты; мѣстность по своему характеру давала ихъ стрѣлкамъ прикрытіе и свободу дѣйствія. Артиллерію они также приготовили: поставили пушки не только на дорогѣ, но и по обѣ стороны ея на разныхъ возвышенныхъ пунктахъ, которыхъ много въ верхней половинѣ дороги, близъ деревни. Бой начался почти съ самой равнины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ Кастильйоне поворачиваетъ на гору къ деревнѣ и пересѣкаетъ другую дорогу, ведущую изъ деревни на гоитское шоссе. Двѣ дивизіи перваго корпуса (дивизіи Форе и Базена) должны были выбивать непріятеля съ позиціи; дивизія втораго корпуса должна была напасть на деревню съ тыла, отъ Санъ-Кассіано. Австрійскіе стрѣлки были прогнаны; двѣ дивизіи 2-го корпуса двинулись впередъ и послѣ жаркой перестрѣлки успѣли оттѣснить непріятеля къ деревнѣ. Но настоящій бой именно только въ деревнѣ и начался. Входъ въ нее былъ загороженъ баррикадами, и въ высокихъ стѣнахъ садовъ, идущихъ по обѣ стороны, были продѣланы бойницы для ружей, а съ возвышенія направо осыпала дорогу картечью батарея. Входъ въ деревню сдѣлался мѣстомъ отчаяннѣйшей битвы: наконецъ французы пробились черезъ него, и тогда началось одно изъ тѣхъ сраженій въ улицахъ, которыя составляютъ отличительную черту нынѣшней кампаніи: въ каждомъ домѣ были сдѣланы бойницы, каждый былъ занятъ непріятелемъ. Въ домахъ этихъ нѣтъ на дворахъ выходовъ съ задней стороны, потому въ каждомъ засѣвшіе въ него солдаты должны были драться до послѣдняго человѣка или сдаваться. Первая дивизія 1-го корпуса два раза успѣвала прорываться до церкви, ограда которой находится у самой подошвы большаго коническаго холма, и два раза принуждена была отступать передъ резервами, подводимыми непріятелемъ Бой длился болѣе двухъ часовъ, и силы солдатъ начали изнемогать. Въ эту минуту, около 8 часовъ утра, гвардейскіе вольтижеры и егеря получили приказаніе смѣнить ихъ. Въ то же время дивизія 2-го корпуса съ тюрками или алжирскими туземными стрѣлками успѣшно произвела аттаку отъ Санъ-Кассіано, а другая дивизія 1-го корпуса достигла высотъ налѣво отъ дороги. Менѣе, чѣмъ въ полчаса непріятель былъ выбитъ изъ своей крѣпости и отступилъ, оставивъ 12 пушекъ побѣдителямъ. Онъ удалялся къ Кавріанѣ, но шагъ за шагомъ. Смотря съ Сольферино къ Кавріанѣ, видишь рядъ холмовъ, безпрестанныхъ подъемовъ и спусковъ, изъ которыхъ каждый былъ мѣстомъ новой схватки.

«По взятіи Сольферино бой получилъ характеръ правильнаго сраженія, въ которомъ стало играть роль тактическое искусство,—взятіе Сольферино было болѣе дѣломъ храбрости, нежели искусства. Сраженіе часто сравниваютъ съ шахматною игрою. Вѣрность этого сравненія никогда не поражала меня такъ, какъ вчера при видѣ наступленія отъ Сольферино къ Кавріанѣ, когда одинъ нашъ отрядъ выдвигался за другимъ, а непріятель шагъ за шагомъ уступалъ. Въ этомъ боѣ особенно обнаружилось превосходство новой французской нарѣзной пушки. Легкость орудій этихъ такова, что ихъ можно было поднимать на холмы, на которые по крутизнѣ ихъ даже пѣхотѣ трудно было взбираться. А между тѣмъ далекость и вѣрность ихъ стрѣльбы почти невѣроятны. Видно было, какъ ихъ бомбы лопаются среди непріятельскихъ батарей и пѣхоты, между тѣмъ какъ ядра австрійскихъ пушекъ, бросаемыхъ подъ самымъ большимъ угломъ возвышенія, не долетали или лопались въ воздухѣ. Аттака на этотъ рядъ позицій, занимаемыхъ одна за другою, произведена была одновременно и съ высотъ и изъ долины; общею цѣлью нападенія было взять высоты Кавріаны, бывшей центромъ австрійской позиціи. Между тѣмъ какъ одна колонна подымалась по дорогѣ, ведущей вдоль подошвы холмовъ къ Кавріанѣ, главныя силы шли поперекъ горъ и ложбинъ, къ Кавріанской башнѣ, по мѣстности почти непроходимой,

Въ то время, какъ совершалась такимъ образомъ атака на мѣстѣ, которое сдѣлалось теперь центромъ позиціи, развивалась и атака производимая 4-мъ корпусомъ въ равнинѣ на правомъ крылѣ. Близь Кастильйоне направо и налѣво отъ дороги мѣстность покрыта виноградниками и тутовниками,—лозы и деревья насаждены не очень густо, но такъ, что все-таки составляютъ достаточное прикрытіе для движеній кавалеріи и артиллеріи. Мили черезъ двѣ, деревья по обѣ стороны отходятъ отъ дороги, и отъ подножья холмовъ, чрезъ шоссе до окрестностей Медоле, простирается почти обнаженная отъ деревьевъ равнина, отчасти обращенная въ лугъ, отчасти засѣянная хлѣбомъ. Эта равнина, протягивающаяся до Кавріаны, Гвидиццоло и Черезоле [1]), стала сценою самаго горячаго кавалерійскаго и артиллерійскаго боя, очень смертоноснаго, какъ видно было въ телескопъ съ высотъ. Пѣхота участвовала въ немъ только на правомъ краю равнины, у Медоле и Черезоле, занимая лежащіе у входа въ равнину виноградники, откуда непріятельская пѣхота была выгнана. Какъ только генералъ Ніэль могъ дебушировать въ равнину съ правой стороны, побѣда была рѣшена, потому что безмѣрное превосходство французской артиллеріи заставило уступить австрійскихъ артиллеристовъ, которые, надобно признаться, дрались очень храбро. Это было около 4 часовъ вечера. Центръ дошелъ до кавріанскихъ холмовъ и пока одна колонна взлѣзала на обрывистый гребень, подъ которымъ идетъ дорога, другая была послана по дорогѣ въ деревню. По быстротѣ, съ которою подвигались колонны, было видно, что австрійцы покинули мысль продолжать сопротивленіе въ этой позиціи и думали только о томъ, чтобы совершить отступленіе въ порядкѣ. На кавріанской позиціи, которая почти также страшна, какъ сольферинская, они держались только до той поры, пока могли увести другія свои войска, и она была наконецъ взята съ незначительною потерею. Въ равнинѣ австрійская артиллерія очень хорошо отступала эшелонами, а кавалерія ихъ была выслана впередъ задерживать союзниковъ. Тутъ африканскіе егеря (chasseurs d'Afrique) сдѣлали нѣсколько блестящихъ атакъ, но непріятель все-таки удержалъ за собою дорогу въ Гоито. Къ 5 часамъ въ центрѣ и на правомъ крылѣ было почти все кончено. Окончаніе было ускорено проливнымъ дождемъ, который пошелъ около этого времени.

«Разсказъ о томъ, что происходило на лѣвомъ крылѣ, я долженъ оставить до другаго письма, потому что не могъ наблюдать за сраженіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, и не имѣлъ еще времени ни разспросить о подробностяхъ, ни осмотрѣть поля битвы. Но когда битва на правомъ флангѣ кончилась, началась сильная канонада на лѣвомъ; это, вѣроятно, было или возобновленіе атаки для овладѣнія Ponte di Monzambane или нападеніе на часть австрійской арміи, отступавшую къ Пескьерѣ. Было, кажется, сдѣлано нѣсколько залповъ изъ этой крѣпости; судя по звуку, нѣкоторые выстрѣлы должны были быть изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій.

«Результатъ побѣды — то, что австрійцы прогнаны съ позиціи, которую они сами выбрали и всячески укрѣпили, такъ, что сдѣлали ее почти неприступною. Это такое доказательство превосходства французовъ, сильнѣе котораго не можетъ и быть.

«Поццоленго, 26 іюня.

«Я почти жалѣю, что писалъ вамъ вчера по первому впечатлѣнію битвы; эта поспѣшность могла придать извѣстный мѣстный колоритъ разсказу, но была во вредъ его точности. Въ маленькомъ сраженіи, гдѣ вы сами можете наблюдать каждое движеніе и каждый фазисъ дѣла, записывать свои первыя впечатлѣнія, конечно,—лучшій методъ; въ такой большой битвѣ, какая была 24 іюня, приходится собирать подробности постепенно, и только познакомившись съ ними всѣми, начинаешь понимать истинный видъ сраженія и становишься способнымъ вѣрно изобразить его. О дѣлахъ, подобныхъ сольферинскому сраженію, отдавать отчетъ въ первую же минуту—почти опрометчивость; потому что самъ главнокомандующій затруднился бы пересказать факты такого сраженія. Черезъ пять часовъ по его окончаніи, онъ самъ еще не

[1]) То есть, верстъ на 9 на югъ отъ Сольферино.

зналъ бы ихъ хорошенько. Я вижу однако, что мое первое впечатлѣніе было справедливо, и что съ нашей стороны не ожидали сраженія. Извѣстно было, что аррьергардъ австрійской арміи, корпусъ Бенедека (8-й корпусъ), сражавшійся у Меленьяно и потомъ прикрывавшій отступленіе остальной арміи, воротился на эту сторону Минчіо 19 числа. Онъ получилъ приказаніе остановиться въ Кастильйоне и приготовиться къ оборонѣ этой деревни; но едва началъ онъ исполнять предписаніе, какъ получилъ противное приказаніе, отзывавшее его опять за Минчіо. Потому онъ перешелъ рѣку у Монцамбано, оставивъ только малочисленные аванпосты за собою. Итакъ, очевидно, что австрійцы въ это время думали довольствоваться только обороною линіи Минчіо. Между 19 и 22 числомъ ихъ планъ измѣнился — это, можетъ быть, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Гіулай только 22 числа простился съ арміею. Прощаніе состояло въ очень лаконическомъ приказѣ по арміи, говорившемъ только, что императоръ далъ ему другое назначеніе, и что потому онъ уѣзжаетъ. На мѣсто его начальникомъ штаба итальянской арміи былъ назначенъ генералъ Шликъ, бывшій прежде гусаромъ и составившій себѣ имя въ венгерской войнѣ 1848 — 49 годовъ. Главную команду надъ арміею лично принялъ императоръ. Судя по всему, кажется, что слишкомъ много было мастеровъ при вареніи этой браги, потому что очень много соперничества между австрійскими генералами, изъ которыхъ каждый воображаетъ себя имѣющимъ право быть главнокомандующимъ. Напримѣръ, генерала Бенедека, который считается,—по крайней мѣрѣ въ своемъ корпусѣ,—способнѣйшимъ командовать, Гіулай обвиняетъ за то, что онъ пришелъ на манджентское поле позднѣе, чѣмъ слѣдовало, хотя вѣроятнѣе то, что будучи на другой сторонѣ По, онъ не имѣлъ времени прійти ко времени битвы.

«Какъ бы то ни было, императоръ лично принялъ команду для того, чтобы прекратить всѣ эти раздоры, на которыя очень досадуетъ армія. Это было 22 числа. 23-го армія получила приказаніе быть готовою къ выступленію въ 7 часовъ утра, и все громадное войско, состоявшее изъ 1-го, 2-го, 3-го, 5-го, 7-го, 8-го и 9-го корпусовъ, перешло въ этотъ день Минчіо и до наступленія вечера всѣ отряды его заняли назначенныя позиціи. Эта масса, къ которой надобно прибавить 12 лучшихъ кавалерійскихъ полковъ (отъ ихъ дѣйствія на равнинѣ медольскаго поля ожидали многаго) не могли имѣть менѣе, какъ 180—200 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, двинутъ былъ за рѣку сильный паркъ тяжелыхъ орудій.

«Подумавъ о томъ, что такая масса въ одинъ день успѣла перейти рѣку и прійти на позиціи, изъ которыхъ иныя находились въ 10—12 миляхъ (15—18 верстъ) отъ берега, невозможно не удивиться обнаруженной тутъ дѣятельности, и невозможно удержаться отъ заключенія, что австрійскій главнокомандующій не умѣлъ воспользоваться качествами своей арміи въ началѣ компаніи.

«Эта огромная армія собралась не столько для того, чтобы защищать позиціи на холмахъ, сколько за тѣмъ, чтобы напасть на союзныя арміи и прогнать ихъ изъ Ломбардіи. Увѣренность въ этомъ была, надобно думать, велика, потому что занятіе Брешіи и Милана стало обыкновеннымъ разговоромъ офицеровъ. Императоръ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ и рано на слѣдующее утро осмотрѣлъ сольферинскую позицію.

«Возвращеніе австрійцевъ было такъ внезапно, что извѣстіе о немъ не дошло до союзной арміи. По причинамъ, о которыхъ я теперь не могу говорить, союзники преднамѣренно шли впередъ медленно и не старались заходить слишкомъ далеко, чтобы не вести дѣла поспѣшнѣе, нежели какъ нужно было для ихъ цѣли. Вы, конечно, замѣтили это по короткимъ переходамъ и долгимъ остановкамъ въ движеніи союзниковъ за Брешіею. 24 числа они вовсе не хотѣли двигаться впередъ. Весь планъ этого дня состоялъ у нихъ въ томъ, чтобы піэмонтцы, линія которыхъ шла отъ Дезенцано на берегу озера по краю холмовъ до Эзенты [1], послали два отряда для рекогносцировки: одинъ къ Пескьерѣ, а другой къ Поццоленго, по дорогѣ къ Саліонцскому мосту, а 1-й французскій корпусъ (Бараге д'Илье), занимавшій остальную половину дороги къ Кастильйоне, также долженъ былъ послать два отряда для рекогносцировки: къ Madonna del Monte, по дорогѣ изъ Кастильйоне къ Поццоленго и другой къ Сольферино.

«Вы помните, мнѣ представлялось, что битва завязалась отъ встрѣчи этихъ рекогносцировочныхъ отрядовъ съ непріятелемъ. Относительно піэмонтцевъ это такъ, но не вѣрно относительно французовъ: еще до выступленія изъ отрядовъ на рекогносцировку, линія ихъ аванпостовъ была уже атакована въ равнинѣ отъ Медоле къ Санъ-Кассіано. Планъ непріятеля состоялъ, кажется, въ томъ, чтобы, отставая правымъ крыломъ, нанести рѣшительный ударъ лѣвымъ, чтобы подвергнуть опасности или совсѣмъ отрѣзать линію отступленія союзникамъ. Съ этою цѣлью 8-й корпусъ (Бенедека), перешедшій Минчіо, былъ поставленъ на высотахъ у Пуццоленго, а остальная армія была собрана между Сольферино и Медоле, Кавріаною и Черезоле. Это движеніе въ обходъ праваго фланга союзниковъ было возможно только подъ условіемъ удержать за собою высоты Сольферино: потерявъ ихъ, армія, если бы продолжала держаться въ равнинѣ, подвергалась опасности быть разрѣзанною на двое и потерять одинъ изъ переходовъ черезъ Минчіо или даже два.

«Императоръ, прибывшій, какъ вы помните, черезъ часъ послѣ первыхъ выстрѣловъ, тотчасъ же увидѣлъ эту опасность и необходимость овладѣть ключемъ позиціи. Существенною задачею было: задержать непріятельскія силы, направленныя на наше правое крыло, и оттѣснять его къ равнинѣ, пока ключъ позиціи будетъ взятъ. Для этого 1-й корпусъ получилъ приказаніе идти по дорогамъ, опоясывающимъ холмы со стороны равнины; 2-й корпусъ сталъ на право отъ 1-го, а еще правѣе 1-го былъ поставленъ 4-й корпусъ; 3-й былъ оставленъ назади, по направленію къ краю праваго крыла, чтобы служить резервомъ 4-му въ случаѣ надобности, предотвратить всякое фланговое движеніе непріятеля и атаковать его лѣвый флангъ, если онъ покусится на фланговое движеніе. Гвардейская пѣхота была поставлена резервомъ для 1-го и 2-го корпусовъ, а вся кавалерія находилась въ готовности двинуться впередъ, какъ только непріятель будетъ оттѣсненъ въ открытую равнину Campo di Medole. Упорство австрійцевъ удержать Сольферинскія высоты равнялось только стремительности, съ которою усиливались они сбить наше правое крыло и, если возможно, обойти его.

«Я описывалъ вамъ сольферинскую позицію. Увѣряю васъ, она принадлежитъ къ тѣмъ, о которыхъ можно вполнѣ сказать: «чѣмъ долѣе всматриваешься, тѣмъ неправдоподобнѣе становится». Невозможно вообразить себѣ ничего крѣпче этого форта на холмѣ съ его высокими утесистыми бастіонами и дорогою, идущею по ущельямъ, которыя фланкированы маленькими террасами, именно такой высоты и на такомъ разстояніи, какъ нужно для дѣйствія артиллеріи. Австрійцы, знавшіе каждый дюймъ этой любимой мѣстности своихъ маневровъ, отлично воспользовались всѣми ея выгодами. Но особенно позаботились они о томъ, чтобы всевозможно укрѣпить входы въ село и домы. Домы построены на спускѣ крутаго холма, потому они и ихъ сады стоятъ какъ будто на высокихъ насыпяхъ, а ихъ заборы образуютъ родъ крѣпостной стѣны вокругъ села. Въ каждомъ заборѣ были устроены бойницы, за каждою бойницею стояло по одному и по два хорошихъ стрѣлка, вооруженныхъ штуцерами, и солдаты, стоявшіе позади стрѣлковъ, постоянно подавали имъ новые заряженные штуцера. Врываясь въ деревню французы понесли большую потерю. Мѣстность передъ нею была совершенно очищена, такъ что штурмующіе были безъ всякаго прикрытія отъ огня. Лѣстницъ у нихъ не было, а ворота такъ высоки, что нельзя было просто перелѣзть ихъ; потому 1-й полкъ зуавовъ (отличавшійся и въ сраженіи при Меленьяно) составилъ пирамиду изъ людей, и ставшіе въ нижнемъ ряду подверглись убійственному непрерывному огню, чтобы дать перелѣзть стѣну своимъ товарищамъ. Но самая страшная бойня была, по обыкновенію, около церквей (ихъ двѣ; одна стоитъ какъ разъ подлѣ высокой квадратной башни, Spia d'Italia, о которой я такъ часто говорилъ, а другая на одномъ изъ отроговъ, выходящихъ отъ горы къ озеру) и наконецъ около самой Spia d'Italia. Эта квадратная башня и разрушенная стѣна вокругъ нея построена, какъ я говорилъ вамъ, на высокой конусообразной горѣ, пускающей три отрога: на равнину, къ Кастильйоне и къ озеру. Идущій въ равнину—наименѣе крутой и самый широкій, на

---

[1]) На половинѣ дороги между Лонато и Кастильйоне.

его вершинѣ стоитъ большая церковь съ оригинальнымъ куполомъ, а обширный дворъ ея обнесенъ высокими стѣнами. Одна изъ дорогъ спускается отсюда въ равнину по довольно крутой улицѣ, но по выходѣ изъ деревни спускъ становится отлогимъ. Слѣва эта дорога фланкирована высокою отдѣльною террасою, а справа господствуетъ надъ нею длинный отрогъ съ плоскою вершиною, идущій отъ башни къ Кастильйоне и образующій главную черту этого пейзажа, благодаря двумъ-тремъ десяткамъ высокихъ тополей, посаженныхъ на немъ въ рядъ. Третій отрогъ, ниже двухъ первыхъ, вознаграждаетъ свою невысокость своею утесистою крутизною. Церковь, построенная на краю его, также составляетъ одну изъ главныхъ чертъ картины. По самому соединенію этого отрога съ горою очень круто спускается дорога, ведущая въ Кастильйоне. Часть деревни, построенная въ этихъ мѣстахъ, называется верхнею деревнею. Съ Кавріанской стороны гора имѣетъ очень обрывистый спускъ и у подошвы ея построена тутъ нижняя деревня, дорога къ которой ведетъ черезъ Санъ-Кассіано.

«Всѣ дороги идутъ между этими отрогами горы, такъ что каждая изъ нихъ составляетъ дефиле. Потому главныя усилія штурмующихъ были обращены на взятіе высотъ, господствующихъ надъ дорогами. Почти всѣ эти отроги въ своей верхней части такъ круты, что очень трудно взобраться на нихъ даже человѣку необремененному никакою тяжестью; послѣ этого можете вообразить себѣ, каково было достичь вершинъ французскимъ солдатамъ въ аммуниціи, съ ранцами на плечахъ. Австрійцы, стоявшіе на верху, сложили съ себя ранцы и ждали непріятеля, облегчивъ себя такимъ образомъ. Ко всѣмъ этимъ трудностямъ прибавьте палящее іюньское солнце, нѣсколько непріятельскихъ батарей, осыпающихъ картечью, и густую массу австрійской пѣхоты, стрѣляющей съ верху изъ штуцеровъ. Только послѣ полудня успѣли французы взойти на высоты. Двѣ бригады,—одна изъ 1-ой, другая изъ 2-ой дивизіи 1-го корпуса, напрягали всѣ свои усилія, чтобы овладѣть высотами, но были оттѣснены назадъ. Тогда-то императоръ, управлявшій движеніями съ одного изъ малыхъ холмовъ, сказалъ, какъ говорятъ: «Надобно взять этотъ пунктъ; онъ ключъ позиціи. Прикажите двинуться впередъ гвардейскимъ гренадерамъ»,—потомъ, какъ будто вспоминая, что они уже отбыли свой чередъ подъ Мадджентою, сказалъ: «Нѣтъ, пошлите 1-ую бригаду вольтижеровъ». Пришли гвардейскіе егеря и 1-е батальоны 1-го и 2-го вольтижерскихъ полковъ, и съ разбѣга взяли высоты съ 12 пушками, стоявшими на нихъ. Ихъ стремительная атака была такъ великолѣпна, что императоръ и за нимъ весь штабъ сняли шляпы и закричали: «Bravo, les voltigeurs!»

«Я прибылъ на эту позицію вскорѣ послѣ ея взятія и долженъ признаться, что никогда не видѣлъ столькихъ труповъ на такомъ тѣсномъ пространствѣ. Можно было понять, чего стоилъ бой обѣимъ сторонамъ, посмотрѣвъ на число и на лица людей въ полкахъ, дравшихся тутъ. Но удивительно для меня все-таки то, какъ французы могли взять эту позицію. Австрійцы, охранявшіе деревню у подошвы горы, были взяты въ плѣнъ: они имѣли приказаніе защищать это мѣсто до послѣдняго человѣка.

«Атака втораго корпуса, какъ вы помните, происходила направо отъ мѣста атаки перваго корпуса. Второму корпусу было поручено очистить равнину налѣво отъ гоитской дороги, у подножія холмовъ; ему пришлось одолѣть не меньшія трудности, хотя другаго рода. По природѣ эта мѣстность ровна, какъ столъ, но пересѣчена дорогами, изгородями, рядами деревъ, рвами и насыпями. Каждая изъ этихъ искусственныхъ преградъ становилась для непріятеля новымъ средствомъ сопротивленія; ему чрезвычайно благопріятствовало множество отдѣльныхъ фермъ, которыми наполнена равнина и каждая изъ которыхъ стала теперь маленькою цитаделью, требовавшею приступа.

Четвертый корпусъ точно также дѣйствовалъ направо отъ гоитской дороги. Часть его была послана исполнить фланговое движеніе отъ Медоле и дебушировать къ Гвидиццоло, около кавріанскихъ высотъ. Бой былъ чрезвычайно упоренъ, особенно въ фермахъ, потому что австрійцы, видя себя въ опасности потерять гоитскую дорогу и быть отброшенными къ холмамъ, не щадили никакихъ усилій для задержанія четвертаго корпуса. Несмотря на то, обѣ колонны вечеромъ дебушировали на ме-

дольскую поляну (Campo di Medole). Безъ сомнѣнія, взятіе Сольферино много помогло французамъ на этомъ флангѣ, потому что австрійцы послѣ того сражались только для прикрытія своего отступленія. Очевидецъ, бывшій въ томъ дѣлѣ, гдѣ находился императоръ австрійскій, разсказываетъ, что когда Францъ Іосифъ увидѣлъ отступленіе своихъ войскъ съ Кавріанской башни, у него показались слезы на глазахъ.

«Пока дѣла шли такимъ образомъ на правомъ флангѣ (союзниковъ), піэмонтцы, по условію, двинули отряды на рекогносцировку. Одна бригада пятой дивизіи съ 12 пушками пошла къ Пескьерѣ, и одна бригада третьей дивизіи, съ 4 пушками, къ Поццоленго. Первая шла полемъ прямо къ Пескьерѣ, вторая сначала по желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Дезенцано въ Пескьеру, а дошедши до пересѣченія желѣзной дороги съ шоссе, повернула къ Поццоленго.

«Мѣстность на югъ отъ Серміонскаго полуострова [1]), идетъ легкимъ возвышеніемъ къ холмамъ на югѣ, образуя какъ будто бассейнъ между озеромъ и треугольникомъ холмовъ. Она густо усажена деревьями и неудобна для обзора. Сардинцы, не подозрѣвая близости непріятеля, дошли въ своей рекогносцировкѣ до Санъ-Мартино [2]), стоящаго на возвышенности, обрывисто поднимающейся надъ низменною окрестностью. Эта обрывистая терраса имѣетъ нѣсколько тысячъ квадратныхъ футовъ и у ея подошвы разсѣяно между деревьями множество фермъ. Офицеру генеральнаго штаба, бывшему при рекогносцирующемъ отрядѣ, показалось, что онъ видитъ фигуры, двигающіяся къ противоположной сторонѣ въ одно время съ піэмонтцами, но онъ думалъ, что это поселяне. Потому колонна продолжала идти мимо террасы, пославъ на нее нѣсколько застрѣльщиковъ; они были встрѣчены штуцерными пулями изъ домовъ у подошвы террасы. Колонна повернулась и, поставивъ свои пушки по направленію къ деревьямъ, пошла къ террасѣ. Она успѣла овладѣть возвышенностью, хотя не безъ большихъ потерь, пославъ извѣстіе слѣдующей бригадѣ, чтобы она спѣшила на подкрѣпленіе къ ней; но вторая бригада еще не успѣла подойти, какъ австрійцы уже подвели свѣжія войска и піэмонтцы были вытѣснены изъ взятой ими позиціи. Когда подошла къ нимъ новая бригада, они сдѣлали вторую попытку овладѣть высотами, но она не удалась, и піэмонтцы отступили, чтобы перестроить свои ряды и подождать новыхъ подкрѣпленій. Эти подкрѣпленія, двѣ бригады, Аосты и Каму, пришли около четырехъ часовъ вечера, и тогда произведена была новая атака. Всѣ пушки были соединены въ одну большую батарею для разрушенія домовъ у подошвы террасы, и построены были для атаки три колонны. Несмотря на чрезвычайное изнуреніе отъ поспѣшнаго марша, они взобрались на высоты, и не только удержались окончательно въ этой позиціи, но и преслѣдовали непріятеля до самаго Поццоленго. Потеря ихъ была очень велика, до 4.000 убитыми и ранеными. Они имѣли противъ себя весь восьмой корпусъ (Венедека), то есть страшное превосходство въ силахъ у непріятеля. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба для нихъ была бы еще тяжелѣе, если бы не успѣхъ французовъ у Сольферино и Кавріаны, необходимо заставлявшій австрійцевъ отступить и правымъ крыломъ. Двое изъ піэмонскихъ генераловъ были тутъ ранены.

Пока еще продолжался бой, было получено съ другаго крыла требованіе послать одну дивизію къ Сольферино на подкрѣпленіе войскамъ, бывшимъ тамъ.

«На этомъ мѣстѣ я долженъ остановится въ своемъ разсказѣ, потому что отходитъ почта. Продолженіе до завтра.

«Кавріана 27 іюня.

«Сколько помнится, мой вчерашній разсказъ остановился на описаніи боя на лѣвомъ крылѣ союзниковъ, между піэмонтцами и корпусомъ генерала Венедека. Съ

---

[1]) Южный, широкій конецъ Гардскаго озера разрѣзанъ по срединѣ своего протяженія (нѣсколько ближе къ западной сторонѣ) узкимъ и длиннымъ полуостровомъ, на углу котораго, вдающемся въ озера, лежитъ Серміоне.

[2]) На половинѣ дороги между озеромъ и Поццоленго, верстахъ въ трехъ на сѣверъ отъ Поццоленго и на югъ отъ общей линіи южнаго берега, прямо на югъ отъ Серміонскаго полуострова, глубоко врѣзывающагося въ озеро къ сѣверу.

нашей стороны дѣло при Санъ-Мартино надобно считать совершенно отдѣльною битвою не входящею въ общій планъ сраженія. Только около полудня, незадолго передъ взятіемъ Сольферино, было, какъ я сказалъ, потребовано содѣйствіе съ нашего лѣваго фланга другимъ пунктамъ. Имѣя двѣ съ половиною дивизіи уже сражающимися противъ непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ, и предвидя наступленіе еще другихъ, свѣжихъ австрійскихъ войскъ отъ Пескьеры, сардинцы не имѣли возможности сдѣлать требуемаго движенія къ Сольферино.

«Съ австрійской стороны, напротивъ, битва по всему протяженію ихъ линіи имѣла общій планъ. Но великимъ затрудненіемъ для нихъ было давать необходимую связь движеніямъ на пространствѣ отъ 12 до 16 миль (около 20 верстъ) въ длину. Пока могли прибыть приказанія изъ Кавріаны, положеніе дѣлъ часто совершенно измѣнялось, а выбрать для движенія благопріятную минуту—это составляетъ одно изъ самыхъ важнѣйшихъ условій для успѣха битвы. При страшной растянутости линіи правое крыло австрійцевъ въ Поццоленго находилось совершенно отдѣльно отъ остальной арміи, да и движеніями на лѣвомъ крылѣ несовсѣмъ удобно было распоряжаться изъ средины позиціи. Растянутость линіи затрудняла также употребленіе резервовъ, и вообще производила разрозненность. которая могла бы сдѣлаться еще болѣе гибельна для австрійцевъ, если бъ они не стали очень заблаговременно думать объ отступленіи. Всѣ эти важныя ошибки отчасти вознаграждались моогочисленностью линій отступленія, бывшихъ у австрійцевъ; но эта выгода была важна только въ концѣ, когда она спасла ихъ отъ участи быть совершенно пораженными. Въ продолженіе битвы любопытно было наблюдать послѣдствія слишкомъ большаго протяженія ихъ линіи и возникавшей изъ того слабости ея. Французы, съ тою стремительностью, какую всегда имѣютъ въ первомъ нападеніи, повсюду успѣвали прорвать или отбить назадъ ту часть линіи, которую атаковали, и прежде чѣмъ приходили резервы къ австрійцамъ, они обыкновенно успѣвали зайти во флангъ тѣмъ отрядамъ, которые еще сохраняли свою позицію и такимъ образомъ принуждали ихъ отступать. Несмотря на общее свое числительное превосходство, австрійцы почти вездѣ оказывались слишкомъ малочисленными въ рѣшительномъ пунктѣ и въ рѣшительную минуту, такимъ образомъ они были оттѣсняемы шагъ за шагомъ. Чѣмъ далѣе они отступали, тѣмъ длиннѣе становилась растянутость ихъ линіи и происходящая изъ того невыгода, потому что дорога въ Гоито, составлявшая линію отступленія ихъ лѣваго крыла и въ тоже время имѣвшая жизненную важность какъ одинъ изъ главныхъ путей черезъ Минчіо, идетъ подъ косымъ угломъ къ рѣкѣ, все болѣе отходя на югъ. Отвратить эту невыгоду, разумѣется, было не въ ихъ власти, но очевидно не должны были они выбирать боевой линіи, имѣвшей такое неудобство. Они имѣли шесть переправъ черезъ Минчіо: въ Пескьерѣ, Саліонцо, Монцамбано, Боргетто, Валеджіо и Гоито; они должны были защищать всѣ эти шесть переходовъ. Подобно курицѣ съ многочисленными цыплятами, они растянули свои крылья, чтобы прикрыть всѣхъ ихъ. Они по всей вѣроятности были очень увѣрены въ успѣхѣ, и разсчитывали, что чѣмъ далѣе будутъ подвигаться впередъ, тѣмъ короче будетъ становиться ихъ линія. Это совершенно вѣрно, потому что Лонато и Кастильйоне, изъ которыхъ выходятъ всѣ пути, ведущіе къ Минчіо, находятся не далѣе какъ въ 4 или 5 миляхъ (верстахъ въ 7) другъ отъ друга, и оттѣсняя непріятеля, они могли надѣяться обойти его съ праваго фланга (съ юга) своимъ лѣвымъ крыломъ. Таковъ очевидно былъ ихъ разсчетъ, оказавшійся ошибочнымъ. Если армія достовѣрно полагается на побѣду, она можетъ занимать такую боевую позицію, которая дѣлала бы побѣду наиболѣе рѣшительной, а пораженіе врага наиболѣе полнымъ; но всѣ предшествовавшія событія этого похода были таковы, что едва ли оправдывали несомнѣнный разсчетъ австрійцевъ на побѣду, даже при численномъ превосходствѣ; потому благоразуміе требовало бы отъ нихъ большей умѣренности въ предположеніяхъ.

«Стараясь забрать слишкомъ много, они ослабили свои силы въ рѣшительномъ пунктѣ, и стараясь дѣйствовать наступательно, своимъ лѣвымъ крыломъ, они потеряли Сольферино, ключъ своей позиціи. Правда, можно извинить имъ то, что при тогдашнихъ своихъ укрѣпленіяхъ и силѣ поставленнаго въ немъ отряда, Сольферино казалось

имъ непобѣдимою позиціею; но въ войнѣ существуетъ только большая или меньшая вѣроятность, а не абсолютная достовѣрность.

«Потерявъ Сольферино, имъ не оставалось ничего больше, какъ думать объ отступленіи. Удержаться въ равнинѣ, по которой идетъ дорога въ Гоито, не стало уже возможности, потому что ее можно было взять во флангъ съ отроговъ холмистаго хребта, и если бы они стали слишкомъ долго отстаивать ее, они подверглись бы опасности быть взятыми во флангъ также и отъ Медоле и потерять отступленіе на Гаито. Центръ нхъ не могъ поддержать ихъ здѣсь, потому что, подаваясь направо, онъ терялъ бы свою собственную линію отступленія,—дорогу на Валеджіо.

«При такомъ положеніи дѣлъ, линію отступленія на Гоито можно было удержать за собою только съ величайшими пожертвованіями, и по справедливости надобно сказать, что австрійцы нѣсколько загладили ошибки, которыхъ надѣлали въ своемъ наступленіи, мастерствомъ, съ которымъ совершили свое отступленіе при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Я уже говорилъ о медольской полянѣ (Campo di Medole), но долженъ возвратиться къ ея описанію, потому что она играла главную роль при отступленіи австрійскаго лѣваго крыла.

«Эта поляна—открытая мѣстность, совершенно лишенная деревьевъ. Она образуетъ почти правильный параллелограммъ, четырьмя углами которому служатъ: Санъ-Кассіано, подошва Кавріанскихъ холмовъ, Медоле и Піуре; четыреугольникъ этотъ имѣетъ мили $2^1/_2$ (версты 4) въ длину и мили 2 (версты 3) въ ширину и по ширинѣ своей перерѣзанъ гоитскою дорогою, проходящею черезъ Гвидиццоло; она, въ свою очередь, пересѣкается дорогою изъ Медоле въ Санъ-Кассіано, идущею у самаго начала поляны [1]). Эта открытая мѣстность почти вся занята скудными хлѣбными нивами, еще не созрѣвшими. Края поляны усажены рядами виноградныхъ лозъ и множествомъ шелковичныхъ деревьевъ.

«Когда австрійцамъ пришлось отступать съ первой позиціи, они стали не доходя края этой поляны, передъ деревнею Гвидиццоло, которая лежитъ на одну треть мили (на полверсты) отъ поляны. Они стояли по обѣ стороны гоитской дороги. Тутъ они должны были выдерживать, съ 2 часовъ дня до сумерекъ, страшнѣйшія концентрированныя атаки. 1-й и 2-й корпуса и гвардія начали около 2 часовъ всходить на кавріаскія высоты и подвигаться по нижнимъ отрогамъ холмовъ къ полянѣ; 4-й корпусъ (Ніэля), не участвовавшій въ наступленіи до взятія Сольферино, началъ дебушировать изъ лѣсовъ съ кастильйонской стороны поляны и проселочной дороги, ведущей изъ Піуре въ Гвидиццоло. Гвардейская кавалерія и нѣсколько полковъ африканскихъ егерей (chasseurs d'Afrique) выходили по шоссе, ведущему изъ Кастильйоне въ Гоито. Такимъ образомъ, австрійская позиція была атакована съ трехъ сторонъ. Нигдѣ не принесло такъ много пользы превосходство французской артиллеріи, какъ здѣсь. Дальность и вѣрность ея стрѣльбы были изумительны: видно было, что каждая бомба, каждый штрапнель нарѣзныхъ орудій ударяются и разрываются среди рядовъ непріятельской пѣхоты и среди его батарей, между тѣмъ, какъ непріятельская артиллерія не могла наносить французамъ почти никакого вреда. Эта разница была особенно поразительна въ началѣ боя, когда разстояніе между враждебными линіями оставалось еще велико. Австрійскія ядра и бомбы не долетали; бомбы, пущенныя подъ очень большимъ угломъ вызвышенія, лопались въ воздухѣ, не достигая французскихъ рядовъ. Не смотря на эту невыгоду, австрійцы ставили на позицію одну пушку за другою, и интересно было смотрѣть, съ какою быстротою французы заставляли молчать почти каждую изъ нихъ. Я дивился тому, что австрійцы не старались вознаградить числомъ орудій слабость ихъ въ дальности и прицѣльности стрѣльбы. У нихъ никогда не выставлялось разомъ больше трехъ или четырехъ орудій, да и тѣ ставили они почти только на шоссе, хотя открытая поляна благопріятствовала маневрированію артиллеріи. Можно предположить развѣ то, что они жалѣли потерять пушки и отправили заранѣе свою артиллерію къ Минчіо, оставивъ только необходимѣйшее число орудій,—по моему, это экономія фальшивая, потому что они понесли въ людяхъ потерю, отъ которой сбере-

[1]) То есть, по западному краю ея.

гали пушки. Поле по обѣ стороны дороги передъ Гвидиццоло было усѣяно убитыми и ранеными. Требуетъ разъясненія еще другое обстоятельство: почему они не воспользовались огромною массою кавалеріи (12 полковъ), которую перевели черезъ Минчіо и которая, будучи искусно направляема, могла бы принести значительную пользу прикрываніемъ ихъ отступленія. Причина ея бездѣйствія была тоже повидимому бережливость,—иначе можно развѣ предположить, что они не могли вывести всю свою кавалерію на дорогу, загроможденную отступающими войсками. Какъ бы то ни было, я не видѣлъ на полѣ битвы ничего похожаго на 12 кавалерійскихъ полковъ, изъ которыхъ каждый долженъ имѣть въ походѣ болѣе 1,000 лошадей. Были только двѣ небольшія атаки, произведенныя нѣсколькими эскадронами уланъ противъ африканскихъ конныхъ егерей. Схватки эти имѣли очень воинственный видъ, но не принесли значительной пользы ни той, ни другой сторонѣ. Всю тяжесть нападеній должна была выносить австрійская пѣхота, ея отпоръ нельзя не назвать твердымъ.

«Если я успѣлъ довольно ясно изобразить расположеніе обѣихъ армій, то вы видите, что съ нашей стороны,—піэмонтскую битву я оставляю безъ вниманія, потому что она не имѣла никакой связи съ операціями на этомъ пунктѣ,—вы видите, что съ нашей стороны все нападеніе было произведено двумя большими колоннами: лѣвая состояла изъ 1-го и 2-го корпуса и гвардейской пѣхоты; правая—изъ 4-го корпуса, поддерживаемаго 3-мъ корпусомъ и оставленными на-право отъ него эшелонами. Обѣ эти колонны двинулись съ равнины, и цѣлью своихъ операцій имѣли Кавріану, бывшую центромъ австрійской позиціи. Этого пункта должны были онѣ достичь двумя большими фланговыми движеніями, чтобы проникнуть на хребетъ холмовъ съ лѣва и, прорвавъ австрійскую линію, отрѣзать центръ, стоявшій въ Кавріанѣ, отъ лѣваго крыла, стоявшаго у Гвидиццоло и Черезоле. Для того 1-й корпусъ, бывшій на лѣво и поддерживаемый гвардіею, прошелъ впередъ, вдоль подошвы холмовъ до Сольферинской дороги, потомъ оборотился налѣво и взялъ эту позицію. Сдѣлавъ это, онъ опять принялъ прежнее направленіе и дошелъ по грядѣ холмовъ до Кавріаны. 2-й корпусъ, бывшій направо отъ нея, шелъ впередъ, очищая равнину и спуски холмовъ до Санъ-Кассіано, потомъ также оборотился налѣво и пошелъ на высоты, которыя одновременно съ нимъ атаковала лѣвая колонна, уже взошедшая на холмы.

«Четвертый корпусъ не отклонялся отъ своего первоначальнаго направленія по лѣвой сторонѣ гоитской дороги, пока поровнялся съ Гвидиццоло. Онъ сталъ грозить крайнему лѣвому крылу непріятеля и пути отступленія этого крыла изъ Медоле, а потомъ также направился къ холмамъ, чтобы врѣзаться между центромъ и лѣвымъ крыломъ непріятельской арміи.

«Взятіе Сольферино и это движеніе нашей правой колонны (4-го корпуса), направленное къ тому, чтобы отрѣзать лѣвое крыло непріятеля отъ центра—это двѣ главныя черты битвы. До 5 часовъ вечера этотъ второй фазисъ боя оставался еще нерѣшеннымъ. Въ это самое время разразилась сильная гроза, продолжавшаяся болѣе получаса и бывшая временемъ поворота въ ходѣ сраженія. Между тѣмъ, какъ 4-ый корпусъ продолжалъ свою атаку на Гвидиццоло, придвинута была дивизія 3-го корпуса и, обошедши позади 4-го корпуса, вдвинулась промежду Кавріанскихъ холмовъ и Гвидиццоло. Въ то же время артиллерія дѣйствовала во флангъ австрійцамъ, съ послѣднихъ отроговъ Кавріанскихъ холмовъ. Этимъ рѣшилось дѣло и скоро австрійская линія была прорвана.

«Матеріальными результатами побѣды были, какъ вы знаете по реляціямъ, нѣсколько пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ; но это еще не важно въ сравненіи съ нравственнымъ результатомъ ея. Стратегическій выигрышъ состоитъ въ томъ, что мы овладѣли линіею Минчіо. Но, по несчастію, невозможно было въ тотъ же день захватить какого нибудь перехода черезъ рѣку. Правда, непріятель былъ разбитъ, но, опасаясь за свою линію отступленія, онъ началъ отступать очень заблаговременно и въ довольно хорошемъ порядкѣ. Была уже совершенная ночь, когда успѣли его вытѣснить изъ Гвидиццоло и Кавріаны. Отъ этихъ мѣстъ до Минчіо около 10 миль (15 верстъ), а войска были на ногахъ и сражались не ѣвши съ самаго разсвѣта. Даже

и тѣ отряды, которые не входили въ бой, были изнурены усталостью, голодомъ и жаромъ. Идти въ Минчіо значило бы убивать ихъ чрезмѣрнымъ усиліемъ».

Послѣ сраженія при Сольферино, австрійцы отступили до самого Адидже и сосредоточились около него, уступивъ безъ обороны переправу черезъ Минчіо и оставивъ только гарнизоны въ Пескьерѣ и Мантуѣ. Изгнаніе ихъ изъ Италіи уже не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію: берега Адидже съ Вероною и Леньяно составляютъ послѣднюю оборонительную линію ихъ передъ врагомъ, наступающимъ съ запада. Области, лежащія на востокъ отъ Адидже, между Вероною, Леньяно и Венеціею, лишены всякихъ крѣпкихъ позицій и безъ боя переходятъ въ руки того, кто владѣетъ линіею Адидже. А то, что союзники скоро и даже безъ особенныхъ трудовъ прогонятъ австрійцевъ съ Адидже, было ясно. Если бы нападеніе на эту линію ограничивалось одною атакою съ фронта (съ запада) и тутъ австрійцы не могли бы долго удержаться въ полѣ,—ихъ армія, разстроенная и деморализированная, уже не способна была дать новую битву,—она должна была или отступить на сѣверъ, вонъ изъ Италіи, или запереться въ Веронѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ нѣсколько дней вся страна между Минчіо и Венеціею очищалась отъ прежнихъ поработителей, и союзникамъ оставалось только взять Мантую и Пескьеру, Верону и Леньяно, чтобы ни одного австрійца не оставалось въ Италіи. Изъ этихъ четырехъ крѣпостей двѣ, Пескьера и Леньяно, не имѣютъ сами по себѣ большой силы; Мантуя очень крѣпка противъ штурма, но за то и не стѣснительна для непріятеля; расположенная на островѣ рѣки Минчіо въ ея нижней части, она окружена на далекое пространство непроходимыми гнилыми болотами, такъ что возможный входъ въ нее или выходъ изъ нея ограничивается тремя или четырьмя чрезвычайно длинными и узкими плотинами. Если осаждающему трудно проникнуть въ крѣпость, за то очень легко даже съ малыми силами запереть въ ней какой угодно сильный гарнизонъ, которому останется только неподвижно ждать смерти отъ заразительныхъ испареній своего болотнаго убѣжища. Итакъ, Мантуя не была неизбѣжною остановкою для дальнѣйшаго развитія наступательныхъ дѣйствій: нужно было только блокировать ее небольшимъ корпусомъ и дорога къ Веронѣ становилась безопасна.

Верона—дѣло иное; она могла казаться новымъ Севастополемъ по обширности подъема, представляющаго съ своими многочисленными отдѣльными фортами не столько крѣпость въ тѣсномъ смыслѣ слова, сколько укрѣпленный лагерь для громаднѣйшей арміи, пожалуй хотя для 200,000 человѣкъ. Но дѣло въ томъ, что укрѣплена она своими фортами и стѣнами по расчету дальности дѣйствія прежнихъ простыхъ пушекъ, а теперь, когда нарѣзная система, введенная во французскую артиллерію, дала возможность обстрѣливать предметъ съ батарей, стоящихъ на 2 или даже на 3 версты далѣе, чѣмъ надобно было ставить прежнія простыя орудія, около большей части крѣпостей находятся пункты, нимало не защищенные, оставленные въ распоряженіе осаждающаго врага и между тѣмъ при постановкѣ на нихъ нарѣзныхъ батарей господствующіе надъ укрѣпленіями, которыя, если вооружены только простыми орудіями, должны молча подвергаться огню нарѣзныхъ

орудій, осыпающихъ ихъ бомбами сверху и съ дистанціи недостижимой для ихъ ядеръ. Когда союзники начали осаду Пескьеры, такихъ пунктовъ нашлось около крѣпости много. Какая нибудь гора въ трехъ верстахъ отъ крѣпости была прежде, при простыхъ орудіяхъ у осаждающаго, совершенно безвредна для нея. Теперь эта гора, занимаемая французскими нарѣзными пушками, становится къ крѣпости въ такое же отношеніе, какъ цитадель къ городу, лежащему подъ нею. Съ первыхъ рекогносцировокъ союзники увидѣли, что при помощи нарѣзныхъ орудій ничего не будетъ стоить имъ взять Пескьеру, хотя она и очень много укрѣплена была по сравненію съ 1848 годомъ, когда взялъ ее послѣ трудной осады Карлъ Альбертъ. То же самое неминуемо должно было оказаться и при осадѣ Вероны: эта крѣпость, представлявшая страшную твердыню противъ простыхъ пушекъ, должна была явиться очень слаба передъ нарѣзными батареями, для которыхъ нашлись бы вокругъ нея позиціи, господствующія надъ укрѣпленіями.

Кромѣ этого залога вѣрной побѣды надъ крѣпостью, прежде столь сильною, было еще другое обстоятельство, чрезвычайно облегчавшее задачу. Главнымъ источникомъ силы Севастополя было то, что онъ черезъ свою сѣверную сторону оставался совершенно открытъ всѣмъ подвозамъ и подкрѣпленіямъ. Это была не осада крѣпости, а борьба противъ колоссальнаго редута, за которымъ стояли всѣ силы русской арміи, остававшейся во владѣніи путями сообщенія съ своимъ государствомъ и всѣми его продовольственными и боевыми средствами. Въ этомъ должна была состоять и главная сила Вероны. Вся неодолимость ея основывалась на томъ обстоятельствѣ, что непріятель, подходящій къ ней съ запада, не можетъ обложить ее войсками своими по обширности круга ея укрѣпленій,—а пока остается свободна восточная сторона крѣпости, она черезъ венеціанскія области продолжаетъ имѣть безпрепятственныя сообщенія съ Австріею и можетъ получать постоянно свѣжія войска, новые запасы оружія, боевыхъ снарядовъ и продовольствія. Въ нынѣшней войнѣ эта главная выгода обороны не должна была существовать. Господствуя на морѣ, французы могли высадить сколько имъ угодно войска на венеціанскомъ берегу, и почти безпрепятственно овладѣвъ всѣми землями на востокъ отъ Вероны, гдѣ австрійскіе отряды были очень слабы, отрѣзать Верону съ востока отъ сообщеній съ Австріею. Подобно Антею, оторванная отъ родной земли австрійская крѣпость становилась жертвою врага.

Надобно вспомнить еще и о томъ, что слава знаменитаго четыреугольника крѣпостей происходитъ отъ предположенія о взаимной поддержкѣ ихъ и о томъ, что въ центрѣ ихъ будетъ стоять австрійская армія, которая, опираясь то на ту, то на другую, будетъ отбивать непріятеля, съ какой бы стороны ни захотѣлъ онъ вторгнуться въ четыреугольникъ, бастіонами которому служатъ четыре крѣпости. Благодаря удачнымъ своимъ распоряженіямъ, австрійцы безъ боя потеряли эту выгоду центральнаго положенія между четырьмя крѣпостями: союзники безпрепятственно перешли Минчіо и врагъ явился въ томъ центрѣ, который слѣдовало занимать защитникамъ. Четыре крѣпости были отрѣзаны одна отъ другой; австрійская армія отступила за крайнюю изъ нихъ на сѣверо-востокѣ. Взаимная связь твердынь не существовала, а австрійская армія, бросившая три изъ числа четырехъ своихъ опоръ, ли-

шилась той свободы маневрированія между ними, которая составляла главную надежду ея на возможность задержать наступающаго врага передъ Адидже.

Такимъ образомъ быстрое паденіе Вероны было достовѣрно; нужно было едва ли нѣсколько недѣль, чтобы овладѣть этою крѣпостью, оттѣснить австрійскую армію за сѣверную границу Италіи. Занимая центръ знаменитаго четыреугольника, главная союзная армія уже начала осаду Пескьера своимъ лѣвымъ (сѣвернымъ) крыломъ, а массою силъ своихъ подвигалась на Верону, предоставивъ блокированіе сильной, но безвредной Мантуи корпусу принца Наполеона, послѣ долгаго бездѣйствія въОсканѣ подошедшему наконецъ въ началѣ іюля съ юга къ театру войны. У венеціанскаго берега уже явился французскій флотъ съ сильнымъ десантомъ, который готовъ былъ безпрепятственно сойти на берегъ и въ нѣсколько дней отрѣзать Верону отъ сообщенія съ внутренними австрійскими владѣніями черезъ венеціянскія земли.

Не только выгодность стратегическаго положенія ручалась союзникамъ за скорое достиженіе цѣли, объявленной для войны прокламаціями императора французовъ: союзники уже знали по опыту, что каждое столкновеніе ихъ съ врагомъ, каковъ бы ни былъ боевой исходъ его, имѣетъ на ходъ войны точно такое же вліяніе, какъ бы австрійская армія была разбита на голову. Да, самая рѣзкая черта компаніи заключалась въ томъ, что союзники вовсе не нуждались въ побѣдахъ, чтобы гнать непріятеля и отнимать у него область за областью, одну линію обороны за другою: австрійцы вели войну такъ, что казалось, будто они даютъ сраженія собственно только для формы, въ угожденіе военному обычаю, напередъ рѣшившись отдавать свои позиціи и области, хотя бы непріятель и не могъ отнять ихъ силою, а главное, рѣшившись не дѣлать ничего такого, что могло бы вести къ побѣдѣ надъ врагомъ. Дѣйствительно, оба главныя сраженія,—при Маджентѣ и при Сольферино,—разстраивали армію союзниковъ такъ, что она долго, 24 часа, 48 часовъ послѣ битвы, оставалась рѣшительно обезсиленною не могла ничего сдѣлать отступала или стояла неподвижно, — а у австрійцевъ находилось много свѣжихъ войскъ подъ рукою, и стоило имъ двинуть эти войска, чтобы обратить нерѣшительную битву, нѣсколько склонявшуюся къ выгодѣ союзниковъ, въ совершенное пораженіе союзниковъ; но австрійцы отступали безъ оглядки, хотя имѣли полную возможность сами гнать врага. Послѣ сраженія при Маджентѣ союзники отступили за Тичино; къ австрійцамъ подошло больше свѣжихъ, нежели сколько войскъ было въ битвѣ,—стоило двинуть свѣжія войска на непріятеля, и онъ былъ бы пораженъ,—австрійцы сами разсудили удаляться отъ отступавшаго врага, и онъ, нечего дѣлать, пошелъ себѣ впередъ, какъ будто побѣдитель. По окончаніи битвы при Сольферино повторилась та же самая исторія. Не говоримъ уже о томъ, что битвы давались со стороны австрійцевъ самымъ нелѣпымъ образомъ: они какъ будто нарочно заботились, чтобы войска ихъ являлись въ сраженіе изнуренныя голодомъ, не имѣли пищи для поддержанія своихъ силъ во время боя и чтобы непріятель имѣлъ полный, безпрепятственный просторъ совершить маневры, нужные для раздробленія ихъ арміи, для отрѣзанія корпу-

*

совъ, защищающихъ ключъ позиціи, отъ резервовъ. Это особенно хорошо видно изъ отчетовъ самихъ австрійцевъ и корреспондентовъ, находившихся при ихъ главной квартирѣ. Переведенныя нами письма корреспондента „Times'a", бывшаго въ главной квартирѣ союзниковъ, придаютъ ходу дѣлъ колоритъ совершенно вѣрный относительно результатовъ, какіе слѣдовали за каждымъ сраженіемъ; въ этомъ отношеніи, каждая битва дѣйствительно равнялась для союзниковъ полнѣйшей побѣдѣ. Но такой характеръ придавался ей только дѣйствіями австрійцевъ по ея окончаніи, то есть тѣмъ, что австрійцы шли потомъ очень далеко назадъ, какъ будто лишенные всякой возможности продолжать сопротивленіе. А сами по себѣ, битвы были вовсе не таковы: черезъ четверть часа по прекращеніи боя можно было сказать, что побѣда перейдетъ въ руки австрійцевъ, если только они захотятъ возобновить битву. Это видно, если вникнуть и въ подробности писемъ, помѣщенныхъ нами въ текстѣ, но совершенно ясно изъ писемъ тѣхъ корреспондентовъ, которые, находясь въ австрійской главной квартирѣ, ближе видѣли количество и расположеніе австрійскихъ силъ. Чтобы читатель могъ самъ провѣрить это впечатлѣніе, мы помѣщаемъ въ приложеніи отчетъ о битвѣ при Маджентѣ, составленный другимъ корреспондентомъ той же газеты „Times", находившимся въ главной квартирѣ австрійцевъ. Читатель увидитъ, какъ не далеки были отъ побѣды австрійцы въ этомъ сраженіи, оставшемся для нихъ равносильнымъ самому безнадежному пораженію.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ странны были диспозиціи австрійскихъ войскъ во всѣхъ битвахъ, какъ вообще неудачно выбиралось время для битвъ. Напримѣръ, при переходѣ союзниковъ черезъ Тичино, разсѣянные корпуса австрійской арміи могли сосредоточиться 5 іюня; но австрійцы дали битву 4 іюня, когда на поле битвы успѣло къ началу ея прійти лишь нѣсколько одинокихъ отрядовъ, потомъ одинъ за другимъ подходили опять одинокіе отряды, и французы постепенно били ихъ, одинъ за другимъ. Сраженіе при Сольферино было устроено такъ удачно, что цѣлые два корпуса пропадали Богъ знаетъ гдѣ во время битвы. За сутки передъ тѣмъ, армія была сосредоточена,—вмѣсто того, чтобы ждать врага, отдыхая въ сосредоточенномъ положеніи, она была двинута ему на встрѣчу и раздробилась по разнымъ дорогамъ.

Эти странныя качества, выказывавшіяся австрійцами неизмѣнно во все продолженіе похода, во всѣхъ сраженіяхъ, не были какими нибудь случайными явленіями, зависѣвшими отъ временнымъ обстоятельствъ. Нѣтъ, причины всѣхъ недостатковъ, уничтожавшихъ всякую пользу отъ храбрости войска, лежатъ въ самой организаціи австрійской арміи. Говоря о ея характерѣ, мы прежде всего приведемъ отрывокъ изъ того же самаго корреспондента „Times'a", письмами котораго уже такъ много пользовались.

«Никто изъ знавшихъ воюющія арміи не сомнѣвался въ превосходствѣ французскихъ и сардинскихъ войскъ надъ австрійскими и тогда, когда оно еще не было засвидѣтельствовано результатами сраженій. Племена, изъ которыхъ состоитъ австрійская армія, не уступаетъ французамъ и піэмонтцамъ физическою крѣпостью, и не разъ доказывали, что не уступаютъ имъ мужествомъ; но разница въ томъ, что французскія и сардинскія войска—національныя войска, а австрійская армія только произведеніе

искусной военной организаціи. Французская или піэмонтская армія подобна цѣльному камню, вырѣзанному изъ сердца скалы, австрійская—груда кусковъ, плохо связанныхъ цементомъ.

«Надобно видѣть доказательство великаго таланта организированія у австрійскаго правительства въ томъ, что оно сумѣло хотя какъ нибудь связать въ одно цѣлое тѣ разнородные элементы, изъ которыхъ состоитъ его армія. Австрія обязана этимъ сословію своихъ офицеровъ, которое удивительно по чрезвычайной силѣ корпоративнаго духа. Австрійскій офицеръ, какого бы ни былъ онъ племени, прежде всего и болѣе всего—австрійскій офицеръ. На австрійскомъ офицерѣ черно-желтая кокарда составляетъ какъ будто талисманъ, подъ которымъ сглаживаются всѣ различія, подъ которымъ умираютъ всѣ чувства, кромѣ служебной обязанности быть вѣрнымъ императору. Никогда привязанность вассала къ феодальному сюзерену не превосходила преданности австрійскаго офицера императору,—она безгранична и готова на всякія пожертвованія.

«Объясненіемъ этого качества служитъ то, что австрійскій офицеръ, изъ какого бы класса онъ ни происходилъ, становится привиллегированнымъ существомъ съ той минуты, какъ надѣваетъ эполеты. Онъ составляетъ часть отдѣльной корпораціи, и принадлежитъ къ могущественному въ государствѣ цѣлому. Онъ становится въ обществѣ равенъ дворянину, а въ государствѣ съ исключительно-аристократическими тенденціями это крѣпчайшія узы, какія только могутъ существовать. Сыновьямъ офицеровъ всячески облегчается удобство слѣдовать примѣру своихъ отцовъ, и потому ни въ какой странѣ нѣтъ такого множества военныхъ родовъ, какъ въ Австріи,—они считаютъ почти своимъ правомъ принадлежать къ арміи. Они пріобрѣтаютъ, можно сказать, особенную физіономію и ихъ легко узнаешь уже по виду.

«Преданнымъ классомъ офицеровъ австрійское правительство связываетъ разнородные элементы, составляющіе его армію. Чтобы увеличить разстояніе между офицеромъ и солдатомъ, чтобы не допустить въ солдатѣ родиться мысли, будто онъ можетъ что нибудь значить безъ офицера, принято за правило, какъ можно рѣже помѣщать офицера въ полки изъ людей одной націи съ нимъ. Такимъ образомъ солдатъ вдвойнѣ отдѣленъ отъ офицера: исключительнымъ положеніемъ офицера и его національностью. Въ этомъ заключается и главный источникъ слабости всей системы Все идетъ превосходно, пока войско въ казармахъ и на плацъ-парадѣ, гдѣ солдатъ учится механически исполнять извѣстныя движенія при звукѣ извѣстныхъ словъ; но когда дѣло переходитъ на поле битвы, никакой примѣръ самоотверженія со стороны офицеровъ, никакая выучка не въ состояніи сдѣлать солдатъ одушевленными. Солдатъ чувствуетъ себя одинокимъ и безпомощнымъ, видя передъ собою людей, съ которыми связываетъ его только команда и наказаніе. Напрасно истощаетъ свои усилія офицеръ: онъ не можетъ одушевить безжизненную массу.

«Вотъ причина превосходства союзныхъ армій; оно останется за нами, пока нынѣшняя военная организація будетъ существовать въ Австріи. Теперь австрійскіе солдаты могутъ подъ гнетомъ дисциплины стоять на мѣстѣ, но никогда не могутъ поровняться съ союзниками въ бою».

Намъ кажется, что тутъ есть только одна ошибка или скорѣе неточность выраженія: говоря о томъ, что разнородные элементы австрійской арміи соединяются въ одно цѣлое корпусомъ офицеровъ, который воодушевленъ совершенно особеннымъ духомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мыслями разноплеменныхъ народовъ Австрійской имперіи, писатель, которымъ мы пользуемся, представляетъ, какъ будто бы нѣчто дѣйствительно выгодное для арміи—этотъ странный духъ касты, уничтожающій въ австрійскихъ офицерахъ всякія чувства, кромѣ привязанности къ отвлеченному понятію знамени и мундира. Но изъ его же собственныхъ словъ мы видимъ далѣе, что дисциплинарнымъ духомъ касты уничтожается всякая энергія въ массѣ солдатъ:

они исполняютъ маневры, они стоятъ на мѣстѣ, куда ихъ поставили, но они неспособны сражаться съ тѣмъ увлеченіемъ, безъ котораго невозможно устоять противъ непріятеля, одушевленнаго энтузіазмомъ. Вся организація австрійской арміи направлена только къ тому, чтобы выдрессировать солдатъ для механическаго исполненія начальственныхъ требованій. Какъ бы ни были храбры племена, составляющія такое войско, оно всегда будетъ побѣждаемо непріятелемъ, солдаты котораго не мертвыя машины, а живыя существа.

Организація австрійской арміи, дѣлающая сословіе офицеровъ особенною привилегированною кастою, которая имѣетъ къ солдату только одно отношеніе —отдаваніе механическихъ приказаній, наблюденіе за исполненіемъ формалистики, наказываніе за проступки противъ правилъ военной механики, эта организація служитъ примѣненіемъ къ военному быту того начала, на которомъ одномъ построено все государственное зданіе, которое одно пользуется привилегіею быть законнымъ основаніемъ и единственною рамкою гражданской жизни въ Австріи,—мы говоримъ о бюрократіи. Другія бюрократическія государства успѣли до нѣкоторой степени охранить отъ этого мертвящаго своего принципа по-крайней мѣрѣ армію; они какъ будто понимали, что должны оставить нѣкоторый просторъ жизни, то есть нѣкоторый залогъ внутренней силы, хотя въ этомъ учрежденіи, служащемъ опорою ихъ мертвому формалистическому существованію. Въ Австріи, бюрократія не есть прихоть нелѣпаго произвола, размѣры которой могутъ по произволу ограничиваться тѣмъ же самымъ произволомъ; нѣтъ, бюрократія въ Австріи составляетъ дѣйствительную необходимость для поддержки государства, которое распалось бы отъ предоставленія простора внутренней жизни принадлежащаго ей разноплеменнаго населенія; потому австрійское правительство не въ силахъ устроить ни одной своей отрасли иначе, какъ по бюрократическому принципу, по началу мертвой формалистики, все подчиняющей холодному механизму, сосредоточивающей всю жизнь въ рукахъ чиновной касты, убивающей всякую индивидуальность, всякое развитіе личности, стало быть и живаго соображенія. Австрія не могла устроить и свою армію на болѣе живомъ основаніи, и безсиліе, которымъ такъ страшно отличалась ея громадная, превосходная со стороны формалистики армія, можетъ служить новымъ примѣромъ—если только нужны на это новые примѣры,—къ убѣжденію насъ въ томъ, что бюрократія приводитъ лишь къ одному результату: къ полнѣйшему внутреннему разслабленію того самаго механизма, которому приноситъ она въ жертву все.

Изъ бюрократическаго принципа, на которомъ основано устройство австрійской арміи, дѣйствительно происходитъ совершенное разстройство всѣхъ существенныхъ частей военнаго механизма ея подъ фальшивымъ лоскомъ наружной исправности. Мы возьмемъ въ примѣръ только одну сторону военнаго быта, продовольственную часть. На бумагѣ, государство въ изобиліи снабжаетъ солдата всѣмъ нужнымъ; на бумагѣ, все выдается ему своевременно, повсюду огромные запасы всего нужнаго. Что же оказывается на дѣлѣ? при огромныхъ запасахъ, солдаты въ каждое сраженіе являлись голодными. Мы уже приводили нѣсколько свидѣтельствъ тому. Представимъ еще одно подлинными словами очевидца, чтобы нельзя было подозрѣвать

насъ въ преувеличеніи фактовъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ о сраженіи при Маджентѣ:

«Если вы узнаете, что двѣ трети бывшихъ въ этомъ дѣлѣ солдатъ были очень утомлены длинными форсированными маршами, и не ѣли въ продолженіе 36 или даже 48 часовъ, то вы признаетесь, что мужество, съ которымъ они дрались, было изумительно».

Да, мы совершенно согласны изумляться мужеству бѣднаго австрійскаго солдата,—то есть славянскаго, венгерскаго или нѣмецкаго простолюдина, который, будучи насильно одѣтъ въ австрійскій мундиръ, сражается самъ не знаетъ за что, сражается голодный, измученный, оборванный. Но мы думаемъ, послѣ приведенной нами выписки, что напрасны были всѣ предшествовавшіе подробные разсказы о войнѣ. Всю ее, со всѣми ея битвами, можно было разсказать въ двухъ словахъ: „союзники имѣли противъ себя несчастныхъ, обворованныхъ, умирающихъ съ голоду солдатъ, которыхъ начальники воодушевляли къ битвѣ только страхомъ наказаній; не стоитъ и говорить о томъ, что такое войско было принуждено быстро покидать всѣ тѣ области, завоевать которыя находилась охота у союзниковъ“. Да; намъ нѣтъ надобности долго говорить о томъ, какъ и почему оказывается безплоднымъ геройское мужество забитаго машинальною дрессировкою и обворованнаго солдата,—это исторія хорошо извѣстная каждому.

Но мы не можемъ пропустить безъ вниманія еще одной черты австрійскаго веденія войны. Мы уже такъ часто указывали на нелѣпость всѣхъ стратегическихъ и тактическихъ австрійскихъ распоряженій въ нынѣшнемъ походѣ, что нѣтъ надобности перечислять здѣсь вновь эти нелѣпости;—да и какъ перечислять ихъ? Каждая битва представляется рядомъ ошибокъ отъ расположенія войскъ передъ началомъ ея и выбора минуты для ней до постыднаго отсутствія резервовъ въ рѣшительную минуту въ рѣшительномъ пунктѣ и тупоумнаго неумѣнья двинуть въ дѣло свѣжія войска, которыхъ оказывается потомъ огромное множество по окончаніи битвы. Думали сначала, что въ этомъ виноватъ былъ собственно Гіулай; мы сами, грѣшные люди, вѣрили, что онъ особенно плохъ. Но его удалили—и дѣло не пошло ни на волосъ лучше; значитъ, и другіе были не лучше Гіулая, то есть были тоже образцами совершеннѣйшей бездарности. Дѣйствительно, человѣкъ сколько нибудь даровитый составляетъ между австрійскими командирами странное исключеніе; онъ, можно сказать, неумѣстенъ, не соотвѣтствуетъ своей обстановкѣ сверху и снизу, потому на него косятся, да и онъ не въ состояніи сдѣлать ничего путнаго,—во-первыхъ, не выпроситъ разрѣшенія сверху, во-вторыхъ, не найдетъ порядочныхъ исполнителей въ непосредственныхъ своихъ помощникахъ. Разумѣется, эта бездарность командировъ также въ значительной степени производится бюрократическимъ порядкомъ. Человѣкъ состоитъ на бумагѣ въ извѣстномъ чинѣ, удовлетворяетъ на бумагѣ и на парадахъ формальнымъ условіямъ хорошаго офицера, постепенно повышается по заведенному бумажному порядку, и если онъ обладаетъ умѣньемъ пользоваться бюрократическими пружинами повышенія, есть притомъ у него деньжонки, собранныя соблюденіемъ строгой бумажной отчетности, да связишки,

то почему же ему не дойти и до командованія корпусомъ или даже цѣлою арміею, когда Богъ продлилъ жизнь для выслуги числа лѣтъ, нужнаго для прохода по всѣмъ степенямъ бумажнаго производства въ чины? Благодаря этому бумажному порядку выслуги и повышеній, австрійская армія представила въ началѣ нынѣшняго похода фактъ, неимовѣрно милый: главнокомандующимъ ея былъ человѣкъ, никогда не бывавшій въ походахъ, не только въ сраженіяхъ! Да, графъ Гіулаи дослужился до главнокомандующаго, будучи знакомъ съ дѣйствительною военною службою столько же, какъ вы, читатель, знакомы съ кохинхинскимъ языкомъ.

Но бюрократія служитъ только однимъ источникомъ подобныхъ феноменовъ, являющихся командирами австрійскихъ бригадъ, корпусовъ и армій; другимъ источникомъ того же служитъ аристократія. Есть мнѣніе, будто бюрократія враждебна аристократіи; оно можетъ быть и основательно по какой-нибудь идеальной теоріи того или другого принципа; но въ дѣйствительности оба они уживаются вмѣстѣ превосходно, по правилу: рука руку моетъ. Такъ напримѣръ, нѣтъ государства, въ которомъ все такъ исключительно подведено было бы подъ бюрократію, какъ въ Австріи; съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ государства, которому Австрія уступала бы своею аристократичностью. Не знаемъ, возможно ли такое примиреніе бюрократическаго устройства съ аристократическимъ по возвышеннымъ теоріямъ объ идеальномъ значеніи бюрократіи, но въ дѣйствительности оно существуетъ очень удобно, напримѣръ, въ Австріи, и основывается на слѣдующемъ очень простомъ правилѣ: каждый аристократъ, если угодно ему поступить на службу, имѣетъ по своему роду, родству и связямъ неотъемлемое право занять важную должность въ бюрократическомъ механизмѣ, и почти всѣ важныя должности заняты аристократами; а если какой нибудь человѣкъ незнатнаго рода, благодаря своей ловкости, богатству или покровительству сильнаго аристократа, добьется до полученія важнаго мѣста въ бюрократическомъ механизмѣ, онъ уже имѣетъ право считаться полуаристократомъ, хотя бы не имѣлъ приличныхъ высшему кругу манеръ; если же имѣетъ ихъ — хорошо говоритъ по французски, и т. д., — то онъ уже считается почти настоящимъ аристократомъ, а дѣти его во всякомъ случаѣ уже истинные аристократы. Такому порядку дѣлъ подчинена и армія. Командиры корпусовъ ея, какъ видимъ, князь Лихтенштейнъ, князь Шварценбергъ и т. д.—это наслѣдственные полководцы. О ихъ способности для командованія войсками нечего спрашивать: отрицать ее значило бы, по австрійскимъ понятіямъ, отрицать наслѣдство, быть врагомъ общественнаго спокойствія, человѣкомъ достойнымъ Шпильберга.

Таковы-то причины безсилія австрійской арміи: онѣ выше всякой случайности лицъ и обстоятельствъ, онѣ лежатъ въ самомъ устройствѣ государственнаго организма,—въ бюрократическо-аристократическомъ характерѣ всего управленія. Онѣ выше даже побѣдъ и пораженій: трудно побѣдить австрійскому войску, но если бы оно и одержало какую нибудь побѣду, отъ этого нимало не перемѣнился бы ходъ войны: солдаты и послѣ побѣды все-таки остались бы тѣ же солдаты, изнуренные необдуманными маршами, забитые муштрованіемъ, голодные, безсильные поддержать борьбу на завтра; командиры остались бы тѣ же бездарные люди, неумѣющіе ничѣмъ распорядиться,

неспособные воспользоваться побѣдою, случайно имъ доставшейся, какъ постоянно не умѣютъ пользоваться никакими благопріятными обстоятельствами. Подъ Маджентою французы были скорѣе побѣжденными, нежели побѣдителями, а все-таки черезъ четыре дня вступили въ Миланъ; и если бы они были разбиты при Сольферино, все-таки черезъ недѣлю осадили бы они Мантую и Пескьеру.

Но мало того, что австрійская армія была безсильна выдерживать борьбу по характеру своей организаціи: уже развивались внутри Австрійской имперіи факты, которые уничтожили бы эту армію безъ усилій со стороны французовъ; уже раскрывались бездны, которыя поглотили бы всю эту массу и истощили бы всѣ источники для ея возсозданія. Намъ нечего распространяться о глубокомъ страшномъ негодованіи на австрійскія притѣсненія во всѣхъ славянскихъ областяхъ имперіи: онѣ всѣ ждутъ только первой возможности, чтобы своими возстаніями разрушить весь составъ нынѣшней Австрійской имперіи и создать на ея мѣстѣ нѣчто совершенно новое, непохожее на Австрію, которая Прагѣ и Загребу столь же ненавистна, какъ Милану. Въ 1848 году австрійское правительство спаслось враждою между славянами и венграми: теперь едва ли повторилась бы со стороны венгровъ ошибка, возстановившая противъ нихъ славянъ, и со стороны славянъ ошибка, предавшая ихъ движеніе въ руки австрійцевъ. Уже въ концѣ венгерской войны венгры хлопотали о примиреніи съ славянами, предлагали имъ условія, которыми они могли совершенно удовлетвориться. Уже тогда было время, что въ Прагѣ ждали появленія венгерскихъ войскъ съ восторгомъ. Можно полагать, что съ того времени десятилѣтній тяжелый опытъ развилъ понятіе о необходимости взаимнаго согласія для преодолѣнія врага, который равно безпощаденъ оказался и къ обманутымъ славянамъ, ему предавшимся, и къ побѣжденнымъ венграмъ. Но все равно, успѣли ли бы славяне и венгры поладить между собою,—этотъ вопросъ важенъ только для исхода ихъ собственныхъ дѣлъ, а не для судьбы австрійской арміи въ Италіи: въ согласіи между собою или нѣтъ возстали бы славяне и венгры,—все равно, они возстали бы противъ вѣнскаго правительства, все равно оно должно было бы обратить свои войска на борьбу съ ними, и все равно солдаты этихъ войскъ разошлись бы изъ-подъ австрійскихъ знаменъ каждый подъ свое родное знамя. Это время было уже очень близко: Венгрія уже начинала волноваться, уже со дня на день ждала Кошута, у котораго уже былъ готовъ легіонъ венгерскихъ волонтеровъ,—еще двѣ-три недѣли, и Венгрія охватывалась возстаніемъ, и за нею не замедлили бы послѣдовать тѣмъ же путемъ славянскія области. Въ газетахъ было напечатано письмо какого-то венгерца, увѣряющаго, что возстановленіе старинной конституціи, существовавшей до 1848 года, удовлетворило бы Венгрію, и что Кошутъ вовсе не любимецъ венгерскаго народа. Другіе говорили, что венгерскіе поселяне вовсе не имѣютъ ненависти къ Австріи. Авторы такихъ смѣлыхъ свидѣтельствъ о смиреніи и миролюбіи венгровъ достойны удивленія современниковъ и потомства за наглость, съ какою утверждаютъ невозможную небывальщину. Такіе факты, какъ возстаніе 1848 года, славныя побѣды надъ австрійцами, свирѣпыя казни, слѣдовавшія за подавленіемъ возстанія,—такіе факты не забываются

народомъ не только въ десять, не забываются и въ пятьдесятъ лѣтъ. Если вы хотите судить о томъ, какую встрѣчу нашелъ бы Кошутъ между соотечественниками, можете предугадывать это по восторгу, съ которымъ встрѣчали его даже чужеземцы. Вся Франція готовилась привѣтствовать его такъ, чтобы отъ границы до границы ея путь венгерскаго правителя былъ непрерывнымъ тріумфальнымъ шествіемъ. Разумѣется, этого не дозволили. Но вотъ народный трибунъ Венгріи достигъ Италіи, гдѣ по недавности своего пребыванія, французскіе освободители еще не успѣли довести надзоръ за общественнымъ порядкомъ до того образцоваго совершенства, какъ во Франціи,— вотъ Кошутъ явился въ Италію, и хотите знать, какъ онъ былъ встрѣченъ? Мы только переведемъ разсказъ „холоднаго" англичанина изъ Weekly Times, да и то пропуская самыя яркія мѣста.

«Съ той минуты (говоритъ англійская газета), какъ нога Кошута ступила на итальянскую землю, его встрѣчаетъ восторгъ и торжество повсюду, гдѣ онъ ни является. По всей дорогѣ, на каждой станціи, толпы итальянцевъ собирались привѣтствовать его. Разъ встрѣтился ему конвой венгерцевъ, взятыхъ въ плѣнъ;—узнавши великаго вождя своей родины, они привѣтствовали его виватами, eljen, eljen. Въ другомъ мѣстѣ пробился сквозь толпу раненый италіанецъ: въ 1848 году онъ принадлежалъ къ итальянскому легіону Монти въ Венгріи и хотѣлъ выразить свой восторгъ, что видитъ знамена Италіи и Венгріи снова соединенными. Въ Астѣ самъ военный комендантъ былъ предводителемъ толпы, привѣтствовавшей Кошута восторженными криками. Въ Алессандріи Кошутъ долженъ былъ произнести итальянскую рѣчь собравшемуся народу. Послѣ двухъ долгихъ свиданій съ Кавуромъ въ Туринѣ, венгерскій изгнанникъ отправился съ повѣреннымъ другомъ сардинскаго министра въ Парму, главную квартиру принца Наполеона. До самой Страделлы, гдѣ кончается желѣзная дорога, повторялись тѣ же сцены энтузіазма, какъ по дорогѣ до Турина. Но за Страделлою итальянцы, разумѣется, потеряли слѣдъ Кошута. Прибывши вечеромъ въ Піаченцу, онъ успѣлъ спокойно проѣхать въ отель, не будучи узнанъ. Но во время завтрака служитель принесъ книгу, гдѣ останавливающіеся въ гостинницѣ записываютъ свои имена, и, увидѣвъ имя «Кошутъ», бросился изъ комнаты, какъ сумасшедшій. Не прошло пяти минутъ, и всѣ 30,000 жителей Піаченцы знали, кто ихъ гость, и какъ будто по звуку набата сбѣжались подъ его окна съ восторженнѣйшими криками «evviva». Подеста (мэръ) города со всѣмъ муниципальнымъ начальствомъ явился въ его комнату съ привѣтствіями и предложеніями услугъ.

«Парма была празднично разукрашена въ ожиданіи пріѣзда принца Наполеона. Спутникъ Кошута былъ узнанъ однимъ итальянцемъ, стоявшимъ передъ отелью; онъ спросилъ его: «Это графъ Кавуръ?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Кошутъ, — вдругъ глаза итальянца засверкали, и онъ закричалъ: «Кошутъ! evviva Кошутъ!» Въ нѣсколько минутъ весь городъ взволновался отъ этой вѣсти; толпы собрались передъ отелемъ; посѣтители наводнили комнату, и почетный караулъ былъ поставленъ у дверей».

Кто имѣетъ хотя нѣкоторое понятіе о венгерскихъ событіяхъ 1848—1849 года и тяготѣющей съ тѣхъ поръ надъ Венгріею реакціи, тотъ не можетъ сомнѣваться, что появленіе Кошута хотя бы только съ нѣсколькими стами человѣкъ на границѣ Венгріи должно было стать сигналомъ общаго поголовнаго возстанія между мадярами,—такого возстанія, сладить съ которымъ едва ли могло бы австрійское правительство и при полной безопасности за всѣ другія провинціи. А, повторяемъ, славянскія области имѣютъ слишкомъ основательныя причины питать къ австрійскому правительству тѣже самыя чувства, какъ мадьяры, и не замедлили бы послѣдовать ихъ примѣру. Но

что говорить о славянахъ и мадьярахъ, когда даже нѣмецкія области смотрятъ на австрійское правительство, какъ на врага, которому не могутъ желать побѣды? Если читатель не вѣритъ этому, пусть онъ прочтетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма, присланнаго въ Times ея вѣнскимъ корреспондентомъ отъ 25 іюня.

«Жители Вѣны ожидаютъ, что австрійская армія одержитъ преимущество надъ союзниками, но очень многіе изъ нихъ думаютъ, что дурно бы было для государства, если бы она одержала рѣшительную побѣду. Если французы будутъ разбиты, высокомѣріе австрійскаго правительства, конечно, станетъ еще больше, нежели каково было до начала войны, и оно опять станетъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Теперь когда правительство терпитъ несчастье, всѣ члены его сознаются, что нынѣшняя система не хороша; но опытъ доказалъ, что языкъ огромнаго большинства австрійскихъ сановниковъ измѣняется съ обстоятельствами. Состояніе общественнаго мнѣнія почти во всѣхъ провинціяхъ очень дурно и должно остаться такимъ, потому что не сдѣлано никакихъ улучшеній для удовлетворенія ему. По письмамъ изъ Тироля, мы знаемъ, что сильное неудовольствіе господствуетъ въ этой вѣрнѣйшей изъ австрійскихъ земель, и что народъ не показываетъ ни малѣйшаго желанія браться за оружіе для защиты страны».

Въ Западной Европѣ покажется ненатуральнымъ и невѣроятнымъ, чтобы даже австрійскіе нѣмцы считали несчастіемъ для государства тотъ случай, когда ихъ правительство одержало бы побѣду, и надѣялись добра только отъ пораженій своей арміи. Но мы совершенно понимаемъ это чувство.

Итакъ, вотъ каково было положеніе вещей около 5 іюня новаго стиля: австрійская армія въ Италіи была такъ сокрушена ужасными битвами, а еще больше голодомъ, которому подвергала ее безпорядочность администраціи, и безнадежностью, въ которую повергалась она бездарностью и безтолковостью команды,—она была такъ разслаблена этими бѣдствіями, что неспособна была держаться противъ непріятеля въ открытомъ полѣ, и могла надѣяться нѣсколько замедлить его наступленіе, только оставаясь подъ прикрытіемъ знаменитыхъ австрійскихъ крѣпостей. Но нелѣпость команды отдала въ руки врагу центръ четыреугольника, и была уже разорвана всякая связь крѣпостей, составлявшая главный источникъ ихъ силы, и австрійская армія была оттѣснена изъ крѣпкой позиціи между крѣпостями за восточную границу ихъ. Такимъ образомъ, Мантуя осталась окружена союзниками, стала безсильнымъ болотнымъ убѣжищемъ гарнизона, который принужденъ былъ бездѣйственно ждать времени, когда зараза и голодъ принудятъ его сдаться спокойно стерегущему его врагу; Пескьера и Леньяно оказывались слабы противъ новой страшной артиллеріи, противъ которой не была разсчитана система ихъ укрѣпленій. Остановкою для союзниковъ оставалась только одна Верона, да и та не могла долго противиться нарѣзнымъ орудіямъ, тѣмъ болѣе, что лишившись одного источника своей силы—связи съ Мантуею и Пескьерою, она должна была черезъ какую нибудь недѣлю лишиться и другаго источника грозности—французы готовились подойти къ ней съ востока и отрѣзать ее отъ сообщеній съ внутреннею Австріею. Скорое паденіе Вероны не подлежало сомнѣнію, и австрійская армія близко уже видѣла необходимость идти за итальянскую границу. Австрійское правительство было безсильно бороться съ однимъ вра-

гомъ, а теперь предстояло ей имѣть другихъ враговъ еще болѣе страшныхъ,— венгры готовились возстать, славяне послѣдовать ихъ примѣру,—ихъ соотечественники въ австрійской арміи ждали только перваго случая сорвать австрійское знамя въ своихъ полкахъ, замѣнить его своимъ національнымъ знаменемъ и присоединиться къ своимъ возставшимъ соотечественникамъ для низверженія австрійской тиранніи. Да, еще нѣсколько недѣль, и австрійская армія не только очистила бы Италію,—она не существовала бы, распалась бы на свои составныя части, изъ которыхъ каждая столь же враждебна австрійскому игу, какъ ломбардцы и венеціане. И не оставалось бы у австрійскихъ притѣснителей нигдѣ опоры,—ни даже въ нѣмецкихъ провинціяхъ ихъ имперіи, потому что самая Вѣна ждала облегченія своей судьбы отъ несчастій, постигающихъ австрійское правительство.

Да, правы были благородные довѣрчивые люди, предсказывавшіе, что нынѣшняя война должна привести угнетенныя національности Австрійской имперіи къ освобожденію отъ тяжелаго, ненавистнаго ига, должна имѣть своимъ результатомъ распаденіе Австріи. Скорѣе, нежели могли надѣяться самые пылкіе изъ нихъ, дошла война до этого фазиса: черезъ два мѣсяца по открытіи военныхъ дѣйствій настала уже минута кризиса, и союзникамъ не нужно было никакихъ новыхъ усилій,—имъ нужно было только простоять еще мѣсяцъ, много полтора мѣсяца, простоять это недолгое время хотя бы сложа руки, и австрійская армія исчезала, и освобождалась не только Италія,— освобождалась и Венгрія, и всѣ австрійскія провинціи.

Но именно въ эту минуту и былъ заключенъ миръ. Воля, отъ которой требовалось не какое нибудь новое усиліе, не какія нибудь новыя жертвы, требовалось только бездѣйственное согласіе, чтобы освободились десятки милліоновъ людей, — она поспѣшила остановить погибель угнетенія и спасла Австрію отъ разрушенія. Она такъ спѣшила спасти уничтожавшагося врага, что дала ему условія мира, не удовлетворявшія собственнымъ увѣреніямъ этой воли о цѣляхъ войны, не соотвѣтствовавшія величины пріобрѣтеннаго превосходства надъ врагомъ.

Миръ состоялся такъ быстро, что намъ не было и времени поговорить о близости его и представить читателю еще новый примѣръ той, къ сожалѣнію, слишкомъ легкой способности предугадывать неизбѣжное, которая почерпается изъ невысокаго мнѣнія о людяхъ и принципахъ, давно оказавшихся недостойными довѣрія и сочувствія,—этой предусмотрительности, которой мы,—пусть проститъ намъ читатель,— несмотря на ея чрезвычайную легкость, мы гордились съ какимъ-то негодующимъ самодовольствомъ, потому что видимъ, какъ люди, быть можетъ превосходящіе насъ умомъ и знаніемъ и всѣми лестными качествами, оказываются лишены этой, можно сказать, пошлой способности—предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло, выставляющее себя прекраснымъ и благимъ, и постоянно оказываются обманутыми въ своей благородной довѣрчивости, между тѣмъ какъ мы съ насмѣшкою, въ которой слышатся стоны, имѣемъ право говорить имъ: вотъ, вы не изволили соглашаться съ нами, а теперь видите, вышло точно такъ, какъ мы предрекали съ самаго начала.

Да, жаль, что миръ не повременилъ хотя бы недѣли,—мы уже наби-

рали громадную массу доказательствъ въ дополненіе къ прежнимъ нашимъ словамъ о томъ, чѣмъ кончится эта война. Кому только угодно было не закрывать глазъ, тотъ могъ видѣть съ каждымъ днемъ больше и больше фактовъ, показывавшихъ, каковы будутъ условія мира. Уже давно было извѣстно, что сардинскій король и его министръ находятся въ немилости у своего союзника за то, что обнаруживаютъ наклонность понимать цѣль войны нѣсколько серьезнѣе, нежели онъ, и принимать мѣры къ дѣйствительному освобожденію Италіи отъ австрійцевъ; уже давно стало ясно, что сбылись опасенія, по которымъ мы предполагали въ прошломъ мѣсяцѣ, что графъ Кавуръ началъ видѣть себя обманутымъ и сталъ раскаяваться; уже давно было ясно, что сардинское правительство принуждено повиноваться политикѣ, исполнять распоряженія, служить планамъ, которые противны его собственнымъ желаніямъ. Теперь мы считаемъ уже напраснымъ перечислять эти признаки, указывавшіе исходъ войны, потому что совершился тотъ роковой фактъ, приближеніе котораго они предвѣщали. Займемся исключительно имъ, этимъ миромъ, по которому Италія, не освобождаясь отъ австрійцевъ, подчиняется еще новому игу, французскому, и по которому уничтожается самостоятельность единственнаго государства, которое пользовалось въ Италіи самостоятельностью и свободою.

Зачѣмъ заключенъ миръ? О, Боже мой, прокламація императора французовъ передъ началомъ войны, эта прокламація, на которой довѣрчивымъ людямъ угодно было основывать свою вѣру въ освобожденіе Италіи, уже указывала причину, по которой не можетъ быть допущено изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи: „Мы идемъ въ Италію (говорила прокламація, объявлявшая о войнѣ съ Австріею) не покровительствовать безпорядкамъ, не колебать престолъ папы“. Мы тогда же говорили, какой выводъ указывается этими словами. Скоро явились факты, подтверждавшіе заключеніе, и безъ того, впрочемъ, слишкомъ ясное. Когда Жюль-Фавръ спрашивалъ, будутъ ли возстановлены великій герцогъ тосканскій и герцогиня пармская, — его вопросъ оставленъ былъ безъ отвѣта, хотя онъ говорилъ, что неполученіе отвѣта онъ сочтетъ равносильнымъ подтвержденію его опасеній за характеръ войны. Потомъ въ оффиціальныхъ газетахъ явились статьи, говорившія, что война, которую Франція ведетъ съ Австріей, не имѣетъ ничего общаго съ революціонными движеніями, какія обнаруживаются въ разныхъ областяхъ Италіи, незанятыхъ французскими войсками, что Франція вездѣ, гдѣ только можетъ, препятствуетъ такимъ безпорядкамъ. Эти слова не имѣли бы особеннаго вѣса, если бы не подтверждались фактами; но французское правительство дѣйствительно вездѣ, гдѣ имѣло войска, поддерживало такую же образцовую тишину, какъ австрійцы въ занятыхъ ими областяхъ. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ образъ дѣйствій генерала Гойона въ Римѣ. Мы уже говорили объ этомъ. Вотъ еще новый случай того же рода, — онъ произошелъ, когда римляне хотѣли поздравить французовъ съ побѣдою при Сольферино. Переводимъ изъ „Times'а“:

«Каждое воскресенье римская молодежь собирается у дверей церкви S. Luigi dei Francesi, и ставши въ два ряда, съ поклонами и другими молчаливыми знаками симпатіи провожаетъ генерала Гойона до его коляски послѣ военной миссы. Въ субботу

(25 іюня) депутація этихъ молодыхъ людей явилась къ генералу предупредить его, что завтра собраніе будетъ многочисленнѣе обыкновеннаго и что онъ не долженъ удивляться, если демонстрація будетъ сопровождаться криками «viva l'Italia, viva l'imperatore dei Francesi e Vittorio Emmanuele!» и если даже будутъ развѣваться итальянскія знамена. «Господа, сказалъ генералъ, если такъ, мы выходимъ за границы мирной демонстраціи. Я не могу допустить этого,—я долженъ запретить это и предупрежу это во что бы то ни стало». На слѣдующее утро генералъ Гойонъ наполнилъ площадь передъ церковью огромнымъ количествомъ войска, загородилъ горожанамъ всѣ входы на площадь и, садясь въ карету, тихо сказалъ своимъ офицерамъ: «Мы въ Римѣ среди трехъ партій: первая состоитъ изъ честныхъ либераловъ, которые убѣждены, что Франція хочетъ добра этой странѣ—ихъ мы должны любить; вторая партія—приверженцы Австріи; ихъ, пока они остаются въ справедливыхъ границахъ мнѣнія, которое свободно, мы должны уважать; третья партія состоитъ изъ маццинистовъ—ихъ должно задавить, il faut écraser»,—и пожавъ руки полковникамъ и другимъ штабнымъ офицерамъ, генералъ уѣхалъ съ площади».

Поддерживая безмятежную тишину въ занятыхъ ими мѣстахъ, французы старались по возможности удержать отъ возстаній и всѣ другія части Италіи; а гдѣ, несмотря на ихъ старанія, населеніе возставало, они устраивали такъ, что жители лишались возможности организовать военную силу для борьбы съ австрійцами. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что главной заботою французской политики было воспрепятствовать образованію самостоятельныхъ итальянскихъ войскъ, которыя помѣшали бы императору французовъ остановить войну, когда ему будетъ угодно, и помириться съ австрійцами, на какихъ будетъ ему угодно условіяхъ. Въ этомъ отношеніи усилія французовъ увѣнчались самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Тосканскія войска, напримѣръ, совершенно были лишены возможности видѣть врага и были доведены до разслабленія преднамѣренною деморализаціею. Въ другихъ областяхъ не дано было и устроиться военной силѣ. Одному только Гарибальди не успѣли помѣшать составить отрядъ волонтеровъ, да то единственно оттого, что отрядъ былъ уже готовъ, когда французы явились въ Италію. За то отняты были у этого отряда средства усиливаться, и способъ къ тому нашелся самый простой: волонтеровъ оставили безъ оружія.

Такимъ образомъ волонтеры Гарибальди могли только удивлять Европу отважностью своихъ подвиговъ, но не могли усилиться на столько чтобы Италія имѣла черезъ нихъ хотя какой нибудь голосъ при рѣшеніи своей судьбы. Мы не можемъ теперь и говорить здѣсь объ этомъ отрядѣ, оставшемся безъ всякаго вліянія на ходъ событій,—но вѣроятно читатели сочувствуютъ этимъ героямъ и хотѣли бы знать о нихъ, какъ можно больше; потому помѣщаемъ въ приложеніи письмо одного изъ волонтеровъ, помѣщенное въ Pensiero ed Azione--оно имѣетъ совершенно оригинальный характеръ, напоминающій народныя эпопеи, гомеровы рапсодіи, сербскія пѣсни: этотъ отрядъ—не безразличная толпа людей, слитыхъ въ одну бездушную боевую машину,—нѣтъ, каждый боецъ имѣетъ имя, извѣстное и дорогое его соотечественникамъ, каждый знаменитъ своими подвигами, каждый долженъ въ благодарной памяти многихъ составлять предметъ гордости своего родного города или села. Посмотрите, какое тутъ множество людей, дѣйствительно замѣчательныхъ: знаменитые ученые, отличные медики, адвокаты, богатые куп-

цы—всѣ они стали въ ряды простыми солдатами. Отрядъ героевъ и людей честныхъ, ты одинъ могъ бы служить вѣрною надеждою родины, но за то тебя и оставили не имѣющимъ ни палатокъ, ни плащей, не дали тебѣ оружія, отняли у тебя средства усилиться, выдали тебя безпомощнымъ врагу—ты побѣдилъ его, прославилъ себя и Италію, и не твоя была вина, если ты не успѣлъ спасти свою родину.

Дивная энергія, выказанная волонтерами Гарибальди, была выраженіемъ народныхъ силъ Италіи. Несмотря на всѣ страшныя препятствія и отъ враговъ и отъ союзниковъ, итальянцы начинали выступать на сцену дѣйствія. Въ Тосканѣ, въ Пармѣ, въ Моденѣ національная партія, требующая единства, начинала торжествовать надъ интригами, устроенными за тѣмъ, чтобы эти земли, по окончаніи войны, могли быть возвращены къ прежнему положенію. Въ римскихъ областяхъ одинъ городъ за другимъ вооружался на защиту національнаго дѣла. Перуджія пострадала за него, но по всей Италіи пронесся крикъ мести, и жители Болоньи, Анконы, Феррары готовились наказать злодѣевъ, виновныхъ въ гибели Перуджіи. Подходило время, когда уже невозможно было бы остановить развитіе народныхъ силъ Италіи. Потому то и поспѣшили заключенімъ мира.

Читатель знаетъ, какъ онъ былъ заключенъ. Среди побѣдъ, при несомнѣнной увѣренности въ легкомъ изгнаніи австрійцевъ изъ Италіи, императоръ французовъ подложилъ австрійскому императору перемиріе, съ тѣмъ вмѣстѣ предлагая ему условія мира гораздо болѣе выгодныя, нежели какъ могъ ожидать Францъ Іосифъ. Разумѣется, предложеніе было принято съ благодарностью, и тогда Наполеонъ пригласилъ Франца Іосифа пріѣхать на личное свиданіе съ нимъ для порѣшенія вопроса объ окончательномъ мирѣ. 11 іюля (29 іюня) на этомъ свиданіи, безъ всякаго участія сардинскаго короля или его министровъ, былъ заключенъ миръ. Читатель знаетъ его условія: Австрія сохраняетъ Венецію и крѣпости на Минчіо и Адидже; но уступаетъ Ломбардію Франціи, которая передаетъ ее по своей милости во владѣніе сардинскому королю. Такимъ образомъ Сардинія получаетъ увеличеніе владѣній въ такой формѣ, которая уже сама по себѣ ясно указываетъ, что отнынѣ сардинскій король долженъ быть вассаломъ Наполеона III. Кавуръ, видя всѣ свои планы разрушенными, вышелъ въ отставку, и тѣмъ окончательно разъяснилось значеніе мира для людей, все еще не хотѣвшихъ разстаться съ мечтами. Во всей остальной Италіи все должно остаться по старому, какъ было до войны, и гдѣ произведены были „безпорядки", напримѣръ, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ, тамъ возстановляется законный порядокъ, нарушившійся во время войны. Мы говоримъ, что все должно остаться по старому; конечно, въ условіяхъ мира есть фразы объ учрежденіи итальянской федераціи, также и о внутреннихъ реформахъ. Но состоится ли итальянская федерація на дѣлѣ, или останется только „желаніемъ высокихъ примирившихся державъ" это еще неизвѣстно, а если состоится она, то будетъ служить только органомъ для французскаго и австрійскаго господства надъ итальянскими государствами. Что же касается до внутреннихъ реформъ, то десятилѣтнее владычество французовъ въ Римѣ и ходъ дѣлъ въ Неаполѣ, находящемся нынѣ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціею, должны служить

ручательствомъ за то, что Францiя не станетъ принуждать папу и неаполитанское правительство къ проведенiю реформъ, а будетъ спокойно ждать, пока они добровольно проникнутся стремленiемъ къ реформированiю, а сама до той поры будетъ ограничиваться только выраженiемъ „желанiй", которыя, впрочемъ, выражены Наполеономъ III еще въ 1849 году въ знаменитомъ письмѣ его. Къ сожалѣнiю, они вотъ уже десять лѣтъ остаются „желанiями", хотя французы всѣ эти десять лѣтъ господствовали въ Римѣ.

Впрочемъ, устройство итальянской конфедерацiи и внутреннiя реформы— не болѣе какъ второстепенныя подробности, опредѣленiе которыхъ будетъ идти обыкновеннымъ дипломатическимъ порядкомъ; стало быть намъ представится еще много случаевъ разсуждать объ этихъ прекрасныхъ вещахъ, осуществленiе которыхъ теперь несомнѣнно, благодаря столь поспѣшно заключенному между Францiею и Австрiею мира.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Битва при Маджентѣ по разсказу корреспондента Times'а, находящагося при австрійской главной квартирѣ.

Бинаско, 5 іюня.

«Услышавъ вчера въ Маджентѣ перестрѣлку между аванпостами, я никакъ не думалъ, что буду свидѣтелемъ одной изъ упорнѣйшихъ битвъ нашего столѣтія: я зналъ, что австрійцы слишкомъ утомлены, такъ что не захотятъ нападать, а что французы имѣютъ уже достаточныя силы для нападенія, я вовсе не зналъ. А между тѣмъ, наканунѣ они овладѣли широкимъ каменнымъ мостомъ черезъ Тичино, между Санъ-Мартино и Буффалорою, который остался почти неповрежденъ отъ минъ, взорванныхъ въ немъ австрійцами, и навели кромѣ того два понтонныхъ моста, такъ что могли вчера по утру собрать на восточной сторонѣ рѣки до 60,000 пѣхоты и большую массу артиллеріи; съ этими силами поспѣшили они напасть на утомленныхъ и раздробленныхъ австрійцевъ. Тѣмъ менѣе колебались они напасть, что имѣли большіе резервы въ Трекате, часахъ въ двухъ пути отъ поля битвы. Австрійскіе корпуса были на нѣсколько часовъ задержаны въ своемъ движеніи къ назначеннымъ позиціямъ совѣщаніемъ между графомъ Гіулаемъ и генераломъ Гессомъ, и потому не дошли до опредѣленныхъ имъ мѣстъ. Такимъ образомъ, три бригады корпуса Клама и три бригады корпуса Лихтенштейна были единственными войсками, дѣйствительно сосредоточенными для сопротивленія французамъ, шедшимъ отъ Турбиго и Трекате. Они стояли въ Буффалорѣ и Маджентѣ. Корпусъ Цобеля (четыре бригады) былъ въ Кастеллотто, близь Аббіате Грассо, корпусъ Шварценберга—въ Аббіате Грассо, а Стадіона (пять бригадъ) въ Фаллавеккіа Бенедекъ былъ такъ далеко, что его нельзя брать и въ разсчетъ, а Урбанъ, стоявшій въ Каларате, не былъ призванъ въ битву. Одинъ только корпусъ Цобеля двинулся вчера до начала битвы; онъ шелъ на Корбетту. Генералъ Кламъ не могъ знать, что мина, подложенная подъ мостомъ, совершенно не подѣйствовала: еслибъ онъ зналъ это, онъ огородился бы окопами и укрѣпился бы другими способами въ Буффалорѣ и разрушилъ бы мосты черезъ большой каналъ, проходящій мимо этого села, почти параллельно Тичино. Этихъ мостовъ пять: 1) у Бернаты, 2) у Буффалоры, 3) на шоссе изъ Милана въ Новару, 4) на желѣзной дорогѣ, 5) старый мостъ у деревни, которая называется *Ponte di Magenta.* Эти мосты были чрезвычайно полезны для французовъ. Ниже по каналу былъ еще одинъ мостъ у Робекко, оказавшійся полезнымъ для австрійцевъ.

«Битва началась въ 11 часовъ тѣмъ, что французы взяли Буффалору, четыре первые моста изъ перечисленныхъ мною и деревню *Ponte di Magenta,* въ которой тотчасъ же окопались. Немедленно послѣ того они двинулись далѣе, къ Маджентѣ, потому что австрійцы поставили батарею у станціи желѣзной дороги, зная, что главнымъ предметомъ усилій непріятеля будетъ овладѣть желѣзною дорогою, и французы

были отбиты съ большимъ урономъ отъ Мадженты. Отрядъ корпуса Клама въ 6 или 7 тысячъ человѣкъ, былъ оттѣсненъ ими къ сѣверу отъ Буффалоры и почти отрѣзанъ, но генералъ-маіоръ Лебцельтернъ пришелъ изъ Корбетты съ своею бригадою (корпуса Цобеля) и отбилъ у французовъ Буффалору съ ближайшимъ къ ней мостомъ. Самъ Лебцельтернъ сошелъ съ лошади, лично водилъ свои войска въ атаку и былъ тяжело раненъ. Графъ Гіулай пріѣхалъ въ Мадженту въ ту самую минуту, какъ вносили туда Лебцельтерна. «*Es lebe der Kaiser*! сказалъ раненый генералъ: рапортую вашему высокопревосходительству, что моя бригада отбила Буффалору, но не можетъ удержаться въ ней, если не будетъ подкрѣплена. Я немного оцарапанъ», прибавилъ онъ, падая въ обморокѣ на землю.

«Но подкрѣпленій готовыхъ не было: генералъ-лейтенантъ Рейбахъ посланъ былъ атаковать *Ponte di Magenta* со всѣми войсками, какія нашлись въ Маджентѣ, одна изъ дивизій корпуса Цобеля была оставлена въ Корбеттѣ охранять путь отступленія на случай несчастія; одна изъ бригадъ корпуса Лихтенштейна (бригада генералъ-майора Кинцеля съ итальянскимъ пѣхотнымъ полкомъ эрцгерцога Сигизмунда) была должна занимать Робекко, за мостомъ,—на этомъ пунктѣ ожидали черезъ часъ или два увидѣть корпусъ Шварценберга, которому уже послали приказаніе двинуться изъ Аббіате Грассо.

«Графъ Гіулай послалъ одного изъ своихъ любимыхъ адъютантовъ, молодаго англичанина Невилля, просить князя Шварценберга пріѣхать къ нему, и самъ съ своимъ штабомъ поѣхалъ въ Робекко ждать его. Едва онъ въѣхалъ въ деревню, какъ прискакалъ офицеръ и поднесъ ему пушечный патронъ изъ заряднаго ящика, взятаго въ *Ponte di Magenta* генераломъ Рейбахомъ, вмѣстѣ съ нарѣзною французскою пушкою; онъ рапортовалъ, что *Ponte di Magenta* отбита у непріятеля, но бѣдный Рейбахъ, самъ водившій свою пѣхоту въ атаку, тяжело раненъ, Шварценбергъ еще не прибылъ, но Гіулай послалъ полкъ эргерцога Сигизмунда по западной сторонѣ канала напасть на французовъ во флангъ между *Ponte di Magenta* и Тичино.

«Тутъ я взошелъ на колокольню Робеккской церкви—оттуда было хорошо видно поле битвы. Я видѣлъ, что дивизія Рейбаха уже вытѣснена изъ Мадженты; головы корпуса Шварценберга вступали въ Робекко; арріергардъ его, разумѣется, еще не двигался. На сѣверо-западѣ шелъ впередъ полкъ Сигизмунда, но далѣе простымъ глазомъ было можно различить, какъ батальонъ за батальономъ идутъ французы навстрѣчу ему. По желѣзной дорогѣ до самаго Трекате и по Новарской дорогѣ облака пыли показывали, что идутъ подкрѣпленія къ нимъ. Судьба Сигизмундова полка не подлежала сомнѣнію—онъ не имѣлъ подкрѣпленій. Скоро подвергся онъ страшной потерѣ, но своею атакою на французскій флангъ отбилъ назадъ войска, вступавшія въ Мадженту.

«Корпусъ Шварценберга занялъ позицію во время сильной грозы. Бригада Рамминга была у канала, по восточному его берегу, бригада Дунфельда по западному, бригада Гартунга ближе къ Тичино; всѣ три онѣ атаковали *Ponte di Magenta*, ключъ французской позиціи. Пять разъ эта деревня переходила изъ рукъ въ руки. Одинъ только гессенскій полкъ (бригады Гартунга) ходилъ въ атаку девять разъ; князь Шварценбергъ, сошедши съ лошади, самъ водилъ его, съ своимъ адъютантомъ, Сеченымъ, у котораго плащъ весь былъ пробитъ пулями, но самъ Сеченый остался невредимъ. Послѣ трехчасоваго отчаяннаго боя французы отступили на всѣхъ пунктахъ и 10,000 свѣжихъ австрійцевъ довершили бы рѣшительную побѣду. Но не было ни одного человѣка въ резервѣ, потому что 4-ая бригада корпуса Шварценберга была услана атаковать французовъ съ тыла, отъ Тичино. 5-й корпусъ, графа Стадіона, шелъ изъ Фаллавеккіи, но еще и половина его не прошла Аббіате Грассо. Дорога тутъ была только одна, потому онъ растянулся такъ, что авангардъ его былъ на нѣсколько миль отъ арріергарда. Между тѣмъ и съ сѣвера и съ запада подходили свѣжія французскія войска и линія боя снова подвигалась къ востоку, и снова французы взяли *Ponte di Magenta* и шли на Робекко. Въ эту минуту, когда все казалось потеряннымъ, эскадронъ гусарскаго короля прусскаго полка попросилъ дозволенія идти въ атаку и, получивъ его, бросился на зуавовъ съ такою стремительностью, что раз-

сѣялъ ихъ и отбросилъ въ деревню; за нимъ вошелъ гессенскій пѣхотный полкъ. Эта атака тѣмъ болѣе удивительна, что произведена была черезъ виноградники. Передъ самыми сумерками я видѣлъ, что многочисленныя французскія войска отступаютъ по желѣзной дорогѣ и когда въ сумерки сошелъ я съ своего высокаго наблюдательнаго поста и сталъ говорить съ офицерами генеральнаго штаба, стоявшими подъ колокольнею, то намъ всѣмъ казалось, что битва кончается успѣшно, и что имѣя свѣжія корпуса Бенедека и Стадіона и дивизію Урбана, мы не можемъ сомнѣваться, что побѣда останется за нами. Дивизія Паумгартена (изъ корпуса Стадіона) начинала тогда проходить Робекко; но было уже слишкомъ поздно. Французы продолжали бой до 9 часовъ вечера и кончили тѣмъ, что удержали за собою *Ponte di Magenta.* Весь корпусъ Шварценберга,—то есть, остатки его,—былъ отозванъ назадъ въ Робекко, чтобы занять позицію для битвы, которой ожидали на слѣдующій день. Войска Стадіона, по мѣрѣ того какъ подходили, также становились въ позицію для ожидаемой битвы; остатки корпусовъ Клама и Лихтенштейна собрались въ Корбеттѣ. Въ Мадчентѣ австрійцы держались до 10 часовъ вечера, когда отправили послѣдній поѣздъ раненыхъ по желѣзной дорогѣ въ Миланъ.

«Но надеждамъ австрійцевъ не суждено было исполниться. Видно было, что французы отступали съ позицій своихъ по фронту,—ихъ огонь имѣлъ характеръ перестрѣлки, производимой арріергардомъ при отступленіи. У австрійцевъ, по всей вѣроятности, было наготовѣ больше свѣжихъ войскъ, нежели у французовъ. Но лично изслѣдовавъ и осмотрѣвъ положеніе дѣлъ, графъ Гіулай долженъ былъ признать справедливость рапорта Клама, что часть его корпуса, бывшая въ дѣлѣ, перестала быть дисциплинированнымъ войскомъ. Былъ такой батальонъ, въ которомъ не осталось ни одного офицера; другой былъ такъ раздробленъ, что вовсе никуда не годился: часть его была оттѣснена на югъ, другая на сѣверъ. Корпусъ Лихтенштейна былъ почти въ такомъ же состояніи, корпусъ Шварценберга едва ли въ лучшемъ. Необходимо было день или два, чтобы оправиться имъ. Графу Гіулаю приходилось рѣшать, давать ли битву нынѣ, или нѣтъ. Изъ четырехъ три шанса было, что мы побѣдимъ, но пораженіе было бы совершенною погибелью всей арміи, потому что отступленіе на Верону съ разбитыми войсками среди враждебнаго населенія было бы невозможно. Потому Гіулай рѣшился на отступленіе и оставилъ одну изъ бригадъ корпуса Шварценберга прикрывать его. Въ половинѣ 5-го часа нынѣ поутру (5 іюня) эта бригада,—опять гессенскій полкъ,—атаковала *Ponte di Magenta,* овладѣла деревнею и увидѣла, что у французовъ остался на этой сторонѣ Тичино только арріергардъ: они также отступили! Да, ночью обѣ арміи отступили въ совершенномъ изнуреніи силъ.

«Вероланова, 12-го іюня (31-го мая).

«Французская реляція о битвѣ при Мадчентѣ дошла до насъ. Французы говорятъ, что они побѣдили при Трафальгарѣ, потому не слѣдуетъ удивляться, что по случаю Мадчентскаго сраженія они сдѣлали иллюминацію въ Парижѣ. Но остается тотъ фактъ, что они отступили за Тичино, «чтобы дать отдохнуть арміи и реорганизировать ее». Австрійскіе отчеты о числѣ убитыхъ и раненыхъ еще не готовы, но включая въ это число взятыхъ въ плѣнъ и пропавшихъ безъ вѣсти, я думаю, что потеря у нихъ не менѣе 10,000 человѣкъ. Французы брали и теряли главныя позиціи ровно столько же разъ, какъ австрійцы, потому трудно вѣрить ихъ словамъ, будто бы у нихъ потеря меньше. Наполеонъ можетъ благодарить судьбу за совѣщаніе между Гіулаемъ и Гессомъ въ Берегуардо наканунѣ битвы, это совѣщаніе спасло его отъ совершеннаго пораженія; потому что въ теченіе цѣлыхъ четырехъ часовъ, пока оно тянулось, войска были остановлены въ своемъ движеніи и такимъ образомъ очень поздно пришли на ночевку, стало быть запоздали и пришли болѣе утомленными на другой день на поле сраженія. Французы говорятъ, что австрійцевъ было 120,000 человѣкъ,—это для того, чтобы оправдать свою потерю, которая больше, чѣмъ хочется имъ показать полученною отъ сраженія съ 25 или 30 тысячнымъ непріятелемъ; но я положительно знаю, что на полѣ битвы никогда не бывало одновременно болѣе

30,000 австрійцевъ. Надобно сказать, что со стороны австрійцевъ было большою ошибкою принимать битву, имѣя войска столь разбросанныя. Исторія о томъ, почему Буффалорскій мостъ остался не разрушенъ, сколько извѣстно, состоитъ вотъ въ чемъ: Вѣнскій инженерный департаментъ прислалъ въ армію подробные рисунки минъ, которыя слѣдуетъ устроить, и разсчеты о количествѣ пороха, нужнаго на нихъ. Артиллерійское депо, бывшее въ Павіи, доставило назначенное количество пороха, и мины были устроены въ точности по рисункамъ. Но 3-го числа инженерный офицеръ, распоряжавшійся въ Буффалорѣ, получилъ приказаніе взорвать два или три малыхъ моста черезъ каналъ, и употребилъ на это часть полученнаго пороха, думая, что получитъ новую партію его изъ Милана къ тому времени, когда будетъ нужно. Онъ напрасно ждалъ нѣсколько часовъ этой присылки, но не получилъ ничего, и когда вечеромъ въ тотъ же день приказали ему взорвать Буффалорскій мостъ, пороху у него не достало».

В. Письмо о дѣйствіяхъ Гарибальди.

«Получивъ прибавленіе къ № 17 *Pensiero ed Azione*, объявляющее о возобновленіи правильныхъ выпусковъ этой газеты, посылаю вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о блистательной и смѣлой экспедиціи отряда Гарибальди, потому что, сколько знаю, ни въ одной изъ итальянскихъ или иностранныхъ газетъ не было еще помѣщено связнаго разсказа объ этомъ походѣ. Отрядъ первоначально состоялъ изъ 4,500 человѣкъ. Сардинскій министръ обѣщалъ Гарибальди 10,000 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, съ батареею артиллеріи и эскадрономъ конницы, но заблагоразсудилъ измѣнить своему слову, прекративъ наборъ волонтеровъ, оставивъ Гарибальди безъ пушекъ и безъ конницы, кромѣ нѣсколькихъ конныхъ проводниковъ. Отрядъ раздѣленъ на четыре части или полка. 1-мъ полкомъ командуетъ полковникъ Энрико Козенцъ, воспитанникъ военной неаполитанской школы, чрезвычайно искусный и храбрый артиллерійскій офицеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ защитниковъ Венеціи въ 1849 году; 2-мъ командуетъ полковникъ Джакомо Медичи, знаменитый защитою позиціи *Vascello* въ Римѣ, осажденномъ французами; 3-мъ—полковникъ Никола Ардоино, старый офицеръ испанской междоусобной войны; 4-мъ—полковникъ Камилло Больдони, уважаемый артиллерійскій офицеръ, товарищъ Козенца по защитѣ Венеціи. Другіе штабъ-офицеры: Сакки, Липари, Черони, Биксіо, Фриджеріо и Форести. Лѣта солдатъ вообще отъ 20 до 30. Каждая итальянская область имѣетъ тутъ своихъ представителей. Есть у насъ нѣсколько десятковъ калабрійцевъ, прошедшихъ большую часть своего пути къ соединенію съ другими волонтерами по Аппенинскому хребту. Ломбардскій и тосканскій элементы составляютъ большинство. Есть тутъ и взводъ генуэскихъ карабинеровъ,—всѣ они члены «Общества національной стрѣльбы», вооруженные на собственный счетъ превосходными штуцерами и удивительные стрѣлки. Къ нимъ присоединился англійскій джентльменъ, зрѣлыхъ лѣтъ, молчаливый, рѣшительный и неутомимый. Вообще отрядъ плохо экипированъ и имѣетъ посредственныя ружья. Солдаты одѣты въ легкій зеленый казакинъ (*casacca*), безъ верхняго платья, носятъ беретки (*berettino*) съ козырькомъ; есть у нихъ ранцы и патронташи, но нѣтъ ни плащей, ни шерстянаго платья, ни палатокъ. Офицеры, начиная съ генерала, носятъ сардинскій мундиръ. Около четвертой части солдатъ принадлежатъ къ зажиточному и образованному сословію: между ними есть богатые владѣльцы, медики, инженеры, адвокаты, студенты, негоціанты, артисты. Изъ медиковъ и хирурговъ, пошедшихъ волонтерами въ этотъ отрядъ, извѣстнѣйшіе: Агостино Бертани, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ операторовъ Италіи, бывшій военнымъ штабъ-хирургомъ во время защиты Рима; Піэтро Ринари, который также во время защиты Рима былъ хирургомъ при легіонѣ Гарибальди; какъ безтрепетно умѣетъ онъ стоять передъ врагомъ, также непреклонно вынесъ онъ семь лѣтъ заключенія въ папской тюрьмѣ въ Паліано, изъ которой вышелъ съ сѣдыми волосами; Мадриліо Мароцци, который былъ при защитѣ Венеціи; Піэтро Маэстри, знаменитый писатель, членъ миланскаго комитета обороны въ 1848 году; Акилле Сакки, храбрый офицеръ, еще

страдающій отъ жестокой раны въ лѣвомъ плечѣ, которую получилъ въ одной изъ битвъ подъ Римомъ.

Гарибальди съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ, называющимся альпійскими егерями, не могъ открыть себѣ прохода между австрійцами, вторгнувшимися въ Піэмонтъ линіею, которая простиралась отъ Піаченцы до Лаго-Маджіоре; но 17 мая искусно вышедши изъ Біэллы и форсированными маршами обошедши вдоль Ортскаго озера (*Lago d'Orta*), въ ночь съ 20 на 21 мая онъ перешелъ Тичино у Сесто Календе, взявъ въ плѣнъ 40 австрійскихъ солдатъ, и вступилъ въ Комскую область. Капитанъ Карло де-Кристофорисъ былъ оставленъ охранять Сесто Календе съ двумя ротами; 23 мая на него напали 800 австрійцевъ, хотѣвшихъ овладѣть этою переправою. Отрядъ де-Кристофориса, имѣвшій около 225 человѣкъ, храбро встрѣтилъ ихъ такимъ живымъ огнемъ, что обратилъ ихъ въ бѣгство и взялъ 20 плѣнниковъ.

«Гарибальди 25 числа занялъ Варезе, городъ, имѣющій 5000 жителей. Оттуда коммиссаръ сардинскаго короля. Эмиліо Висконти Веноста пригласилъ верхнюю Ломбардію возстать, провозглашая королемъ своимъ Виктора Эммануила. 26 числа фельдмаршалъ Урбанъ, командовавшій румунскими волонтерами противъ венгровъ въ 1848 году, приблизился къ Варезе съ 6,000 пѣхоты, эскадрономъ кавалеріи и четырьмя пушками. Гарибальди построилъ въ Варезе баррикады, вооружилъ горожанъ и оставилъ съ ними для защиты города 200 своихъ стрѣлковъ. Они стали у воротъ. Бой начался и продолжался четыре часа, а пока городъ защищался, Гарибальди вдругъ напалъ на Урбана и разбилъ его. Взводъ генуэскихъ стрѣлковъ дѣлалъ тутъ чудеса храбрости. Генералъ собралъ ихъ на городской площади и въ присутствіи жителей провозгласилъ храбрецами. У насъ былъ убитъ Роллеро, молодой студентъ, котораго по свѣдѣніямъ, характеру и храбрости считали товарищи предназначеннымъ къ блестящей будущности; Бурландо, молодой негоціантъ, былъ раненъ въ голову; графъ Бельджійозо убитъ. Камилло Сталло, основатель общества генуэскихъ стрѣлковъ и самъ превосходнѣйшій стрѣлокъ, видя, что выстрѣлы нѣкоторыхъ штуцерниковъ, направленные на канонировъ австрійской батареи, не попадаютъ въ цѣль, поставилъ пятерыхъ изъ нихъ подлѣ себя, сказавъ, чтобы они только заряжали и подавали ему штуцера, а что онъ одинъ берется очистить батарею; онъ сдѣлалъ пять выстрѣловъ, и пять артиллеристовъ упали; при пятомъ выстрѣлѣ остальные канониры вскочили на лошадей и ускакали съ пушками. Пѣхота, прикрывавшая батереи, была въ ту же минуту аттакована нашими въ штыки и бѣжала въ безпорядкѣ. Сталло былъ сдѣланъ офицеромъ на полѣ сраженія.

«27 числа Гарибальди настигаетъ врага по дорогѣ въ Комо, выбиваетъ его изъ Бинаго, потомъ сходитъ съ большой дороги, беретъ дорогу налѣво, по горамъ, и 28 числа неожиданно является передъ Комо. Непріятель, усилившійся до 8,000 человѣкъ съ 8 орудіями, занималъ высоты передъ Комо, отъ Санъ-Феруно до Камерлаты, станціи на желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Комо въ Монцу и Миланъ. Волонтеры стремительно напали на высокій холмъ Санъ-Фермо, защищаемый двумя батальонами. «Мы,—разсказывалъ Карло Монно, двадцатилѣтній студентъ,—мы, генуэзцы, были впереди и я съ 28 стрѣлками зашелъ далеко впередъ остальнаго отряда; жаръ боя какъ будто опьянилъ насъ и мы гнали снизу вверхъ австрійцевъ. Вѣроятно, и направо и налѣво отъ насъ были стрѣлки и другія наши колонны, но мы этого не знали, потому что по горѣ въ разныхъ мѣстахъ есть кустарники, и полагали, что мы одни противъ всей этой массы. Однакоже у насъ горѣла душа побѣдить ихъ, и мы гнали ихъ изъ ущелья въ ущелье, указывая ихъ другъ другу криками, какъ будто на охотѣ за зайцами: «вотъ ихъ трое въ этой рытвинѣ»;—«вотъ, смотрите, двое на лѣво; вы берите себѣ того длиннаго, а я буду стрѣлять въ другаго». И такимъ манеромъ, дальше и дальше, дошли мы до самой вершины, а потомъ погнались за ними и по спуску до самой равнины къ городу. Батальонъ стоялъ въ долинѣ *Pra Pasque* загораживая дорогу въ городъ. Не теряя времени на перестрѣлку, стрѣлки взялись за штыки, и батальонъ отступилъ до предмѣстья Вико, гдѣ остановился, получивъ подкрѣпленія. Выгнанный и отсюда, непріятель отступилъ въ Камерлату; оттуда отряды его, сбитые съ своихъ позицій, собрались къ станціи, чтобы имѣть путь отступленія

на Миланъ. Тутъ начался новый бой, и опять на штыкахъ. Наконецъ, не будучи въ состояніи удержаться ни въ одной позиціи, Урбанъ приказалъ отступать къ Маріано. Волонтеры, которые съ 17 числа безъ отдыху шли, а съ 26 шли и сражались, могли вечеромъ отдохнуть въ Комо. Комо—городъ съ 20,000 воинственнаго населенія, которое въ 1848 году возстало, билось четыре дня, взяло штурмомъ три казармы и захватило въ плѣнъ 1,500 австрійцевъ,—Комо,—такое дѣйствіе произвели воззванія партіи умѣренныхъ къ благоразумію,—не шевельнулся во все то время, пока шелъ бой у его воротъ: волонтеры были предоставлены однѣмъ своимъ силамъ во время штурма, и Комо оживился только тогда, какъ непріятель бѣжалъ. Тогда начались иллюминаціи, крики evviva, посыпались цвѣты и проч. Въ ночь съ 28 на 29, и поутру 29 Гарибальди провозгласилъ королемъ Виктора Эммануила, учредилъ національную гвардію, организовалъ муниципальную власть, отправилъ на озеро пароходы для набиранія волонтеровъ и къ вечеру выступилъ изъ Комо.

«Онъ выступилъ изъ Комо 29 мая, и 2 іюня опять вернулся туда. Еще неизвѣстно хорошенько, зачѣмъ онъ уходилъ изъ Комо, гдѣ былъ и что съ нимъ было въ это время. Извѣстно только, что онъ съ двумя ротами штурмовалъ фортъ Лавено на Лаго-Маджоре, занятый 500 человѣкъ гарнизона съ артиллеріею, и что по чрезвычайному неравенству силъ штурмъ не удался.

«Урбанъ снова занялъ Варезе и Комо. Три или четыре дня считали отрядъ Гарибальди погибшимъ, истребленнымъ или принужденнымъ бѣжать въ Швейцарію. Уже говорили, что, убѣдивъ его стать въ это фальшивое положеніе обѣщаніемъ поддержать его другими войсками и измѣнивъ своему слову, хотѣли просто погубить человѣка, который могъ сдѣлаться опаснымъ, убить въ общественномъ мнѣніи репутацію волонтеровъ, такимъ образомъ отнять у націи увѣренность, что она можетъ побѣждать врага сама, своимъ оружіемъ. Пораженіе корпуса Гарибальди надолго уничтожило бы возможность національной войны. Уже вспоминали о тосканцахъ, выданныхъ на смерть при Куртаноне, и разсказывали, что въ главной французской квартирѣ съ удовольствіемъ говорятъ о погибели этого отборнаго отряда патріотовъ. Разсматривая дѣло только съ военной точки зрѣнія, кажется, что одной изъ піэмонтскихъ дивизій слѣдовало бы соединиться съ Гарибальди: тогда лѣвое крыло союзниковъ подвинулось бы на столько, что стало бы серьезно угрожать непріятелю и принудило бы его ослабить центръ и лѣвое свое крыло посылкою подкрѣпленій на правое (сѣверное), такъ что съ увѣренностью можно было бы напасть на него у Піаченцы и Валенцы; а если бы непріятель не захотѣлъ измѣнять расположенія лѣваго союзнаго крыла, то можно бы обратить фальшивую атаку въ настоящую и совершить 1 и 2 іюня тотъ переходъ массою черезъ Тичино, который былъ совершенъ только 4-го. Вѣроятно, что посылку подкрѣпленій къ Гарибальди замедлило движеніе Гіулая на Палестро 31 числа, и Гарибальди, предоставленный собственнымъ силамъ, подвергся бы большей опасности, если бы Гіулай, предвидя близость большаго сраженія, не собралъ въ боевую линію всѣ силы, которыми могъ располагать.

«Гарибальди послалъ къ озеру Изео отрядъ съ полковникомъ Турби и майоромъ Камоцци поднять комскія долины и овладѣть австрійскими пароходами на озерѣ. Эти два офицера дѣйствительно успѣли выйти на дорогу къ Брешіи съ нѣсколькими сотнями тамошнихъ поселянъ. Самъ Гарибальди 9 іюня разбилъ въ Палаццуоло 2,000 австрійцевъ, шедшихъ изъ Брешіи и не воображавшихъ, что Бергамо уже въ рукахъ волонтеровъ. Потомъ онъ сдѣлалъ чрезвычайно искусный маневръ и, совершенно скрывъ свои слѣды отъ непріятеля, перешелъ въ Романо, а оттуда бросился на Брешію необыкновенно быстрымъ и долгимъ переходомъ, въ то время, какъ австрійцы, еще бывшіе въ Брешіи, полагали, что Бергамо находится въ ихъ рукахъ. Въ Брешіи альпійскіе егеря были приняты съ величайшимъ энтузіазмомъ.

«Заслуживая энтузіазма, съ которымъ смотрятъ на него соотечественники, Гарибальди служитъ ужасомъ для непріятеля. *Bund* гризонская газета, разсказываетъ, что въ Тауферсѣ (въ нѣмецкомъ Тиролѣ, на сѣверъ отъ дефиле Стельвіо) увидѣли ночью сосѣднихъ гризонскихъ горцевъ изъ Валь-Монастеріо, бродившихъ ночью съ факелами,—вѣроятно они искали какую нибудь заблудившуюся корову,—нѣмцы вообра-

зили, что это отрядъ Гарибальди и начали бить въ набатъ. Тауферсъ навѣрное будетъ въ 200 миляхъ отъ Бергамо. Вотъ случай, еще интереснѣйшій: 8 іюня начальникъ инспрукскаго округа (Инспрукъ, столица Тироля, еще дальше отъ Бергамо, нежели Тауферсъ) обнародовалъ прокламацію, изъ которой представляю отрывокъ въ переводѣ: «Волонтеры Гарибальди, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, угрожаютъ границамъ нашего любезнаго отечества. Со дня на день можетъ явиться Гарибальди, принося ужасы войны въ наши мирныя долины. Въ виду такой опасности должны умолкнуть всѣ другія заботы и всякая медлительность должна уступить мѣсто живѣйшей дѣятельности. Соединитесь въ стрѣлковыя роты и спѣшите на границу, и врагъ побѣжитъ, ужаснувшись вашего грознаго появленія. Докажите императору и Германіи, что вы достойные сыны вашихъ мужественныхъ отцовъ. Коммиссаръ инспрукскаго оборонительнаго комитета, Бартъ».

«Въ сраженіи при Комо были убиты: капитанъ де-Кристофорисъ, офицеры Батталья, Каироли, Педотти и Ферррини. Де-Кристофорисъ былъ убитъ сабельнымъ ударомъ въ голову. Онъ поручилъ своему другу Корти передать саблю его его матери, а кольцо съ руки передать его милой. У Каироли было въ войскѣ три брата,— они дѣти знаменитаго хирурга Каироли.

«Зачѣмъ вы не остались въ госпиталѣ? спрашивали у Бурландо, который съ раненою, перевязанною головою сталъ въ ряды, чтобы идти съ другими изъ Комо въ Лекко.

«— Я нахожу себя безопаснѣе въ полѣ, чѣмъ въ госпиталѣ. Я уже вижу, что умно поступилъ, не послушавшись хирурга, который тоже хотѣлъ удержать меня въ госпиталѣ въ Варезѣ: если бы я его послушался, австрійцы, когда воротились въ Варезе, взяли бы меня въ постели».

«При штурмѣ Лавено, генуэзецъ Мосто, видя торчащіе изъ бойницъ въ стѣнѣ концы австрійскихъ штуцеровъ, схватился за одинъ изъ нихъ, чтобы по нему взобраться на стѣну. Онъ долженъ былъ бросить эту мысль, по приказанію офицера.

«Одинъ изъ волонтеровъ, взятый въ плѣнъ, былъ спрошенъ генераломъ Урбаномъ о дѣйствительной силѣ своего отряда. «2,000 человѣкъ», отвѣчалъ онъ, и, оборотившись къ горожанамъ, прибавилъ на мѣстномъ нарѣчіи: «вотъ оселъ австріецъ! думаетъ, что я скажу ему правду!»

Августъ 1859.

Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французовъ за Вилафранкскій миръ. Рѣчь императора въ Сенъ-Клу. Негодованіе во Франціи и Италіи. Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ. Урокъ для либераловъ.

Въ государствахъ, имѣющихъ судопроизводство съ адвокатами, когда дѣло какого нибудь господина, подлежащее судебному рѣшенію, слишкомъ неблаговидно, ни одинъ адвокатъ не соглашается защищать его; „никто не долженъ оставаться безъ защитника", потому назначается въ этихъ случаяхъ самимъ президентомъ суда defenseur d'office, „защитникъ по предписанію". Ни онъ самъ, ни одинъ человѣкъ изъ публики не надѣется, чтобы его старанія увѣнчались оправданіемъ обвиненнаго, но все-таки онъ усердно исполняетъ свою неблагодарную обязанность, и общество тѣмъ выше чтитъ его самоотверженные труды, чѣмъ очевиднѣе ихъ напрасность.

На какое же глубокое уваженіе имѣемъ право разсчитывать мы, добровольно, безъ всякаго приказанія, даже наперекоръ многочисленнымъ предостереженіямъ холодныхъ, благоразумныхъ людей, взявшіе на себя обязанность быть постояннымъ defenseur d'office всѣхъ дѣлъ, единогласно признающихся неимѣющими извиненія! Сколько намъ помнится, примѣровъ такого гражданскаго геройства не видѣлъ міръ съ той поры, когда г. Гречъ защищалъ г. Булгарина противъ Пушкина, злонамѣренно отрицавшаго правдивое увѣреніе г. Булгарина, что лучшія мѣста въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ" заимствованы изъ „Ивана Выжигина". Но и самъ г. Гречъ только однажды въ свою долголѣтнюю жизнь отважился совершить такой подвигъ, да и то больше по дружбѣ; а мы въ теченіе какого нибудь полугода совершили ихъ уже десятки. Кого и чего только не защищали мы изъ безвозвратно всѣми осуждавшихся лицъ и дѣлъ! Мы защищали многое и многихъ, даже повара, поселяющаго раздоры между мужемъ и женою за обѣденнымъ столомъ, и наконецъ,—что требовало наибольшей дозы мужества,—защищали австрійцевъ in natura, цѣликомъ, гуртомъ, безъ всякой очистки исключеній....

Зная такое наше самоотверженное геройствованіе, читатель предугадываетъ, что теперь мы должны покинуть на время всѣхъ этихъ мелкихъ кліентовъ, чтобы посвятить всѣ наши способности защитѣ лица, далеко превосходящаго ихъ всѣхъ вмѣстѣ вліяніемъ на ходъ событій въ такъ называе-

момъ цивилизованномъ мірѣ. Все просвѣщенное человѣчество жестоко порицаетъ теперь императора французовъ за миръ, заключенный съ австрійцами будто бы слишкомъ преждевременно и будто бы неоправдывающій надеждъ, несоотвѣтствующій цѣлямъ, для которыхъ была начата война. Въ прошедшій разъ мы лишь слегка коснулись этого предмета и, къ сожалѣнію, сами выразили нѣкоторое неудовольство.... Что дѣлать?—всѣ люди, всѣ могутъ заблуждаться; но сознаніемъ ошибки искупается половина ея, а другая половина ея можетъ быть легко намъ извинена въ томъ соображеніи, что и самъ императоръ французовъ на первый разъ былъ смущенъ всеобщностью возбужденнаго имъ неудовольствія. Возвращаясь изъ Италіи, онъ не хотѣлъ въѣзжать въ Парижъ: онъ зналъ, какой холодный пріемъ найдетъ онъ въ своей столицѣ,—онъ укрылся отъ публики въ Сенъ-Клу, и рѣчь, произнесенная имъ въ отвѣтъ на поздравленія «великихъ государственныхъ корпорацій», лишена самодовольства, которымъ отличались всѣ прежнія рѣчи его; онъ оправдывается, онъ извиняется. «Я прекратилъ войну, говоритъ онъ, потому что она становилась слишкомъ затруднительна. Приходилось осаждать Мантую и Верону,—это предпріятіе трудное; но трудность предпріятія не поколебала бы моей рѣшимости и не остановила бы стремленіе моей арміи (продолжаетъ императоръ французовъ), если бы средства не были непропорціональны съ результатами, которыхъ предстояло достичь. Надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ Надобно было повсюду открыто подкрѣпляться пособіемъ революціи. Итакъ, я остановился не по утомленію или изнуренію, и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить, но потому, что въ моемъ сердцѣ говорило нѣчто еще высшее,—интересъ Франціи. Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ удержать пылкость солдатъ, экзальтированныхъ побѣдою, сильнѣйшимъ желаніемъ которыхъ было—идти впередъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ формально, передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адріатическимъ моремъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ видѣть, что разрушаются въ честныхъ сердцахъ благородныя иллюзіи, исчезаютъ патріотическія надежды? Служа дѣлу итальянской независимости, я велъ войну противъ желанія Европы; но едва настала минута, когда судьбы моей страны могли быть въ опасности, я заключилъ миръ".

Читатель, привыкшій къ дипломатической манерѣ, легко переведетъ эти фразы на обыкновенный языкъ. „Средства были непропорціональны съ результатомъ"—это значитъ: „я увидѣлъ, что не въ силахъ исполнить своего обѣщанія". — „Надобно было принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ"—это значитъ: противъ Франціи составлялась коалиція, то есть исполнялось предсказаніе орлеанистовъ-республиканцевъ, высказавшихъ еще до начала войны черезъ „Journal des Débats" и черезъ Жюля Фавра, что Европа возстанетъ противъ Франціи, и императорская Франція должна будетъ отступить передъ коалиціею. „Я остановился не по изнуренію и не потому, чтобы покинуть благородное дѣло, которому хотѣлъ служить" — это значитъ: „я не могу не сознаться, что почти всѣ думаютъ иначе". — „Хо-

тѣлъ служить“—эта фраза доказываетъ невозможность просто сказать „служилъ“, то есть, самъ императоръ французовъ не отважился сказать, что дѣйствительно оказалъ услуги дѣлу итальянской независимости. „Развѣ не тяжело было мнѣ удерживать пылкость солдатъ“ и т. д.—это признаніе въ томъ, что армія была не довольна миромъ. — „Развѣ не тяжело было мнѣ передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адріатическимъ моремъ?“—это значитъ: „вся Европа говоритъ, что Италія не удовлетворена мною“.—Какое же извиненіе представляется всему этому? — „Судьбы моей страны могли быть въ опасности“ — это значитъ: „Франція подверглась бы вторженію иностранцевъ; то есть, самъ императоръ французовъ опять подтверждаетъ мысль Жюля Фавра, что императорская Франція была безсильна передъ опасностями, сопряженными съ итальянскою войною“.

„Скажите, развѣ не тяжело мнѣ было“ — три раза повторяетъ Луи-Наполеонъ въ порывѣ чувства. Дѣйствительно, тяжело было ему, до сихъ поръ говорившему только о своей безошибочности и полномъ достиженіи своихъ цѣлей, сознаваться въ томъ, что онъ принужденъ былъ отступить, что Европа видѣла его отказывающимся отъ своей программы; еще тяжелѣе было признаваться, что въ арміи пробуждено недовольство; еще затруднительнѣе была необходимость говорить народу, столь гордому своею силою, какъ французы, что они должны бояться иностраннаго вторженія. Неловкость такихъ признаній и вразумленій очевидна; что же могло заставить императора французовъ говорить вещи, столь невыгодныя для него самого?

Отвѣтъ одинъ: негодованіе, овладѣвшее Франціею, Италіею и всею Европою при извѣстіи объ условіяхъ Виллафранкскаго мира, было такъ сильно, что даже Наполеонъ III смутился, и въ смущеніи хватался за всякія мысли, которыя могли быть представлены въ извиненіе миру, не разбирая того, какъ подѣйствуютъ эти мысли на гордость французской націи. Конечно, онъ не предвидѣлъ, что негодованіе будетъ такъ сильно; заключая миръ, онъ надѣялся, что ему можно будетъ говорить: „Виллафранкскій трактатъ освободилъ Италію“, и объяснить свою предшествовавшую войнѣ прокламацію въ томъ самомъ смыслѣ, какой мы при самомъ ея появленіи читали въ ней между строкъ, наполненныхъ сильными обѣщаніями (См. „Современникъ“, № V), такъ, чтобы она представлялась совершенно и даже съ излишкомъ выполненною условіями мира. Но неразумные люди, неумѣющіе, подобно намъ, понимать красотъ дипломатическаго языка, имѣли неосторожность принять въ буквальномъ смыслѣ фразу прокламаціи: „Италія должна быть свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря“ и даже имѣли безумство забыть изъ-за этой одной фразы обо всемъ остальномъ содержаніи прокламаціи; потомъ, когда фраза эта не исполнилась по условіямъ мира въ грубомъ матеріальномъ смыслѣ, какой они ей придавали, они подняли съ нею такой крикъ, котораго ничѣмъ невозможно было заглушить: „Италія должна была освободиться до Адріатическаго моря! Вы сами это говорили! До Адріатическаго моря, припомните ваши обѣщанія! Они не сдержаны!“ и т. д.—Вотъ этотъ оглушительный крикъ незнакомыхъ съ дипломатическимъ языкомъ людей, нелѣпо вообразившихъ себя обманутыми, — вотъ онъ-то и смутилъ Луи-Наполеона,

неждавшаго такой неблагодарности. Въ смущеніи онъ, какъ мы видѣли, думалъ лишь о томъ, какъ бы набрать побольше извиненій... Но слова, произносимыя человѣкомъ смущеннымъ, не всегда могутъ быть вполнѣ удачны, и мы принимаемъ рѣчь императора французовъ только какъ свидѣтельство о состояніи духа, въ которое повергнутъ былъ онъ неудовольствіемъ неразсудительныхъ лѣдей, а вовсе не какъ изложеніе фактовъ, выдерживающее повѣрку. Дѣйствительно, Луи-Наполеонъ въ своемъ разстроенномъ расположеніи духа сказалъ много такого, чего самъ не захотѣлъ бы признать, не только сказать въ спокойномъ состояніи души. Мы попробуемъ исправить эти ошибки, отстраненіе которыхъ нужно для исполненія задачи, взятой нами на себя, для оправданія императора французовъ, неосновательно осуждаемаго теперь людьми, одобрявшими его за три или четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Когда обвиняемый скажетъ по неосторожности или взволнованности что нибудь невыгодное для самого себя, обязанность адвоката требуетъ доказать судьямъ, что этихъ словъ не должно слушать, не должно основывать на нихъ никакихъ заключеній къ невыгодѣ обвиняемаго, потому что онъ ошибся, говоря ихъ. Такъ обязаны поступить и мы.

Война становилась трудна, говоритъ Наполеонъ III: „мнѣ приходилось атаковать съ фронта непріятеля, ставшаго въ окопахъ, за великими крѣпостями, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ нейтральностью территорій, окружавшихъ его; и начиная долгую и безплодную войну осадъ, я находилъ передъ собою вооруженную Европу, готовую оспаривать наши успѣхи или усугублять наши неудачи“. Далѣе опять: „надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями, и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ“.

Адвокатъ не можетъ оставить судей въ неблагопріятномъ для обвиняемаго заблужденіи, производимомъ этими словами. Въ нихъ больше неосторожной заботливости о многочисленности извиненій, нежели хладнокровной обдуманности.

„Атаковатъ съ фронта непріятеля, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ“;—если бы и такъ, остается кромѣ фланговъ еще тылъ, ровно ничѣмъ не защищенный; и мы говорили въ прошедшій разъ, что уже готовилась высадка на венеціанскомъ берегу для атаки съ тыла. Это рѣдкое счастье давало полководцамъ возможность занять его, а Наполеонъ III имѣлъ полную свободу пользоваться имъ. Да и выраженіе „съ фланговъ“ опять неточно: съ праваго своего фланга австрійцы были дѣйствительно защищены тѣмъ, что нужно было бы тутъ проходить черезъ ихъ области, принадлежащія къ нынѣшнему союзу, который могъ обидѣться этимъ; но съ лѣваго, горнаго фланга чѣмъ они были защищены? Нейтральностью папскихъ владѣній? Неужели Европа серьезно увидѣла бы нѣчто особенное въ проходѣ французскихъ войскъ по этимъ землямъ, по которымъ съ полною свободою расхаживали австрійцы во время войны? Область, открытая войскамъ одного изъ противниковъ, открытая войскамъ другаго,—сердиться на это никто не можетъ. Притомъ, развѣ и французы уже давнымъ-давно не занимали войсками папскихъ владѣній? Итакъ о нейтральности этихъ земель нечего говорить: она не служила препятствіемъ. Такимъ образомъ непріятель защищенъ былъ только съ одного фланга, а не „съ фланговъ“; нападать на него можно было не съ одного фронта,

а съ фронта, съ лѣваго фланга и съ тыла—какое великолѣпное положеніе для атакующаго! Ни одному изъ великихъ полководцевъ новаго времени не давалась такая громадная выгода, доставашаяся Наполеону III. До тѣхъ поръ, союзники тѣснили непріятеля только съ фронта; теперь могли тѣснить его съ трехъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи, война становилась для нихъ не труднѣе, а гораздо легче прежняго.

„Приходилось атаковать непріятеля, ставшаго за великими крѣпостями,—начинать долгую и безплодную войну осадъ“. Во-первыхъ, замѣтимъ повтореніе прежней неточности въ употребленіи единственнаго и множественнаго чиселъ: „войну осадъ“ (guerre de siéges),—„за великими крѣпостями“. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что дѣйствительную важность представляла только *одна* осада только *одной* крѣпости, Вероны. Пескьера и Леньяно вовсе не важны, и лишались всякой силы, будучи уже отрѣзаны одна отъ другой и отъ Мантуи, а Мантую не было надобности ни брать, ни осаждать: довольно было блокировать отдѣльнымъ обсерваціоннымъ корпусомъ это болотное логовище, выйти изъ котораго такъ же трудно, какъ и войти въ него. Итакъ, надобно было говорить не объ „осадахъ“, а объ „осадѣ“, не о „крѣпостяхъ“, а о „крѣпости“. Пусть бы только числа смѣшивались; но имена прилагательныя также навлекаютъ на себя упрекъ за неправильность: „мнѣ слѣдовало начинать долгую и безплодную войну осадъ“.—Почему же „долгую и „безплодную“ (stérile)? Мы видѣли въ прошлый разъ, что осада Вероны (объ остальныхъ трехъ крѣпостяхъ не станемъ говорить) не могла быть продолжительна: какимъ образомъ укрѣпленія, разсчитанныя для обороны противъ слабаго дѣйствія прежнихъ орудій, могли бы долго противиться страшнымъ нарѣзнымъ пушкамъ, которыя въ осадѣ, въ разрушеніи стѣнъ находятъ самое блистательное употребленіе себѣ? Онѣ стрѣляли бы съ такихъ дистанцій, до которыхъ не беретъ крѣпостная артиллерія, и она должна была бы молчать, стѣны являлись бы все равно, что лишенными орудій; нарѣзныя батареи стрѣляли бы по этимъ безотвѣтнымъ стѣнамъ съ пунктовъ, господствующихъ надъ крѣпостью,—какъ же тутъ могла быть осада „долгою“? На какомъ основаніи она могла быть „безплодна“,—это ужь рѣшительно непонятно. Быстрое отнятіе у непріятеля пунктовъ, на которыхъ опирается его стратегическое значеніе въ Италіи, конечно было бы дѣйствіе не безплодное, а самое богатое послѣдствіями, въ тысячу разъ болѣе важное, нежели всѣ побѣды при Маджентѣ и Сольферино.

Но пусть осада Вероны была бы „долга“ и „безплодна“,—неужели полководецъ, выказавшій умѣнье пользоваться новыми идеями науки, могъ не знать, что со временъ его дяди крѣпости перестали считаться неизбѣжными остановками на пути арміи, побѣдившей въ открытомъ полѣ? Нынѣ крѣпость осаждаютъ только тогда, если не хотятъ заняться ничѣмъ инымъ, кромѣ ея осады; а если армія имѣетъ какое нибудь другое назначеніе, она идетъ мимо крѣпости, оставляя только корпусъ для наблюденія за нею.

„Я находилъ передъ собою вооруженную Европу“; далѣе: „надобно было принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ“.—„Европу“,—но развѣ вся Европа готовилась воевать съ Франціею? Россія была далека отъ этой мысли. Англія дѣйствительно вооружалась; но каждому извѣстно, что

она думала только о собственной защитѣ и никогда не хотѣла вмѣшиваться въ войну, если не принудитъ ея къ тому сама Франція. Нынѣшнее министерство было очень далеко отъ сочувствія австрійцамъ. Первымъ дѣломъ его было пріостановить вооруженія, производившіяся торійскимъ министерствомъ; не только само оно не хотѣло вступаться за Австрію,—оно сильнѣйшимъ образомъ совѣтовало и Пруссіи не ввязываться въ это дѣло. Итакъ, вмѣсто громкаго слова „Европа" надобно поставить только „Германія". Германія дѣйствительно вооружалась. Но во-первыхъ, что было причиною вооруженій, предназначавшихся ею противъ Франціи? Никакъ не собственная охота, а только распоряженія самого императора французовъ. Зачѣмъ онъ первый составилъ „восточную армію", явно угрожавшую Германіи? Зачѣмъ онъ, назначивъ командиромъ этой арміи знаменитѣйшаго изъ французскихъ генераловъ, маршала Пелиссье, заставилъ Германію и всю Европу думать, что войну въ Италіи хочетъ сдѣлать только предлогомъ, началомъ, диверсіею для войны на Рейнѣ? Если Германія вооружалась, это было только отвѣтомъ на произвольныя угрозы самой Франціи. Но все равно, кѣмъ бы ни была принуждена Германія къ вооруженіямъ. Извѣстно, что Германія безъ Пруссіи ровно ничего не значитъ, а Пруссія до послѣдней минуты вовсе не имѣла охоты помогать австрійцамъ. Даже въ то время, когда ея предполагаемое вмѣшательство послужило императору французовъ предлогомъ къ заключенію мира, она предлагала Австріи помириться съ Франціею на условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ для Италіи, нежели каковы условія, составленныя самимъ императоромъ французовъ. По всему было очевидно, что Пруссія вооружается противъ собственной воли, принуждаемая къ тому только желаніями мелкихъ юго-западныхъ нѣмецкихъ государствъ, что вооруженія служатъ только маскою для ихъ успокоенія, что она рѣшилась до послѣдней крайности удерживаться отъ войны, а если бы когда (когда,—еще не было и видно, такъ далека была возможность войны) и начала ее, то безъ всякаго усердія, только для формы, въ родѣ того, какъ въ 1812 году она и Австрія вели войну противъ Россіи, или Россія въ 1809 году противъ Австріи. Такіе враги, выставляющіе войско только для формы, а въ душѣ нимало не желающіе помогать своему мнимому союзнику, котораго ненавидятъ, пораженія которому желаютъ, вовсе не опасны. Но все равно,—положимъ, что Германія начала бы воевать серьезно, а не только для соблюденія формы. Ея вооруженія въ началѣ іюля были еще такъ неполны, что она могла начать войну не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Чего нельзя было сдѣлать въ эти мѣсяцы! Можно было не только взять цѣлый десятокъ Веронъ, можно было взять самую Вѣну,—и если дѣйствительно грозила война на Рейнѣ, то уже никакъ не одновременно съ войною на Аддидже. Австрійцы были бы давно прогнаны далеко за Тальяменто, пожалуй, за Дунай, къ тому времени, какъ нѣмцы собрались бы воевать на Рейнѣ. Но пусть успѣхи противъ австрійцевъ были бы и не такъ быстры, какъ слѣдовало ожидать, а нѣмцы начали бы войну раньше, чѣмъ казалось вѣроятнымъ, пусть бы даже и не взята была Верона, все-таки Франціи уже не было надобности бороться въ одно время противъ двухъ враговъ: если бы открылась война на Рейнѣ, она могла передвинуть туда всѣ свои силы, предоставивъ Аддидже

и Верону однимъ итальянцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если итальянцы въ апрѣлѣ были слишкомъ слабы, чтобы устоять противъ австрійцевъ, въ августѣ они легко могли считать у себя больше силъ, нежели у враговъ, если бы имъ хотя только за двѣ, за три недѣли дано было отъ союзника позволеніе развивать свои силы безпрепятственно. Сардинская армія имѣла 100,000; Ломбардія давала ей по крайней мѣрѣ 50,000; Тоскана имѣла 20,000 и хотѣла имѣть болѣе 30,000; Гарибальди требовалъ только ружей, чтобы имѣть столько же, если не больше; Парма и Модена давали 10,000; Легатства имѣли 20,000,—итого, 240,000 человѣкъ чисто итальянскаго войска было наготовѣ. Австрійцы не могли имѣть въ Италіи больше, и, какъ мы говорили въ прошлый разъ, уже приближалось время, когда съ каждымъ днемъ тысячи изъ этихъ солдатъ должны были уходить изъ-подъ австрійскихъ знаменъ подъ свои родныя, венгерскія или славянскія знамена враждебныя австрійцамъ. А итальянскія силы быстро увеличивались бы, росли бы съ каждымъ днемъ. Итакъ вопросъ разрѣшался очень легко; если нужны Франціи войска на Рейнѣ, она выводитъ всѣ свои изъ Италіи,—итальянцы и одни уже могли выдерживать борьбу съ австрійцами на первый мѣсяцъ, на второй были сильнѣе ихъ, а на третій австрійская армія въ Италіи исчезала!..

Къ чему же говорить о необходимости французамъ выдерживать войну на Аддидже и Рейнѣ, когда они могли спокойно оставить Италію защитѣ самихъ итальянцевъ, и сосредоточить свои силы исключительно на Рейнѣ? Зачѣмъ же было пугаться войны съ Германіею, если бы даже эта война въ самомъ дѣлѣ была близка,—чего еще не было,—и серьезна,—чего никакъ не слѣдовало предполагать? Неужели Франція не въ силахъ защитить свои границы отъ нѣмцевъ? Это что-то неслыханное. Неужели Ганноверъ и Баварія могутъ завоевать Францію? Ганноверъ и Баварія, говоримъ мы, потому что Пруссія, даже въ случаѣ начатія войны, никакъ не хотѣла вести войну наступательную. Зачѣмъ обманывать себя страшными призраками? Развѣ не было извѣстно, какой характеръ должна была имѣть война на Рейнѣ по непремѣнному плану Пруссіи (если только Пруссія не успѣла бы удержать Германію отъ войны)? Нѣмецкій Союзъ выставлялъ бы армію для защиты Рейна, и только всего; если бы французы не захотѣли нападать, армія эта не тронула бы ихъ волоскомъ. Какая же „опасность“ грозила „судьбамъ Франціи“, какая „несоразмѣрность“ могла существовать „между ея средствами и результатами“, стремленіе къ которымъ было провозглашено при началѣ войны?

Мы были обязаны разсѣять неблагопріятный для императора французовъ взглядъ на положеніе дѣлъ, предшествовавшее миру, и для достиженія этой цѣли должны были обнаружить неточности, находившіяся въ его рѣчи. Теперь читатель знаетъ, что продолженіе войны не угрожало ровно никакими опасностями для „судебъ Франціи“, стало быть не существовало и причины, которою извинялось бы согласіе императора на неудовлетворительныя условія; а изъ этого надобно заключать, что условія мира были очень удовлетворительны—иначе онъ не согласился бы на нихъ. Именно такъ и говоритъ президентъ законодательнаго корпуса, Морни. Послушайте, какою славою покрываетъ императора французовъ этотъ миръ:

«Государь,

«Въ три мѣсяца сколько чудесъ!

«Когда война была объявлена, мы не имѣли ни одного солдата въ Италіи. Австрія тамъ обладала многочисленною арміею въ страшныхъ позиціяхъ, давно ею изученныхъ. Ея притязательное вліяніе тяготѣло надъ всѣми итальянскими правительствами. Черезъ нѣсколько дней, пять побѣдъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, прибавили славнѣйшую страницу къ нашей военной исторіи, и политическая цѣль, вами предположенная, была достигнута.

«Но прекраснѣйшая изъ всѣхъ побѣдъ—та, которую вы одержали надъ самимъ собою. Въ упоеніи торжества вы явились непріятелемъ столь же великодушнымъ, сколь вѣрнымъ и безкорыстнымъ союзникомъ; окруженный побѣдоносными и воспламененными солдатами, вы думали только о сохраненіи драгоцѣнной ихъ крови. Вы возвратили Италіи истинную свободу, освободивъ ее отъ деспотизма и воспретивъ ей революціонные пути.

«Я знаю, государь, что выражая эти чувства я служу органомъ законодательнаго корпуса.»

Вотъ человѣкъ, понимающій, что и какъ надобно говорить. Мы охотно отдаемъ его взгляду на характеръ мира предпочтеніе передъ понятіемъ самого Наполеона. „Политическая цѣль, вами предположенная, государь, достигнута“—говоритъ онъ. Да, вполнѣ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, что было цѣлью войны?—Освобожденіе Италіи. Ну-съ, Италія теперь получила свободу, по словамъ того же Морни, — даже нѣчто лучшее, нежели просто свободу: она получила „истинную свободу“. Прекрасно, мы этому вполнѣ вѣримъ и очень рады.

Безъ всякаго сомнѣнія, самъ императоръ французовъ, когда успокоится отъ первоначальнаго смущенія, увидитъ, что онъ заблуждался, признаваясь, будто измѣнилъ своей программѣ и не освободилъ Италіи, и что Морни былъ совершенно правъ, называя его основателемъ „истинной свободы“ въ Италіи. Трудно не согласиться съ Морни,—такъ правдивы всѣ его слова. Особенно удачно выраженіе: „вы явили себя вѣрнымъ союзникомъ“. Правда, миръ съ Австріею былъ заключенъ отдѣльно, безъ участія Сардиніи, безъ воли или лучше противъ воли сардинскаго короля и его министра,—но что жь за важность? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, императоръ французовъ обязанъ церемониться съ такимъ небольшимъ государствомъ, какъ Сардинія?

Ободряемые мужественными словами Морни,—„мужественными“, говоримъ мы, потому что нуженъ совершенно особенный, такъ сказать, спартанскій закалъ души для изреченія раздраженной Европѣ столь упорно отвергаемыхъ ею истинъ о характерѣ Виллафранкскаго мира,—ободряемые мужественнымъ примѣромъ Морни, столь извѣстнаго непоколебимою приверженностью къ правдѣ, мы осмѣлимся изложить теперь читателю, безъ всякой утайки, нашъ взглядъ на характеръ послѣдней войны и связанныхъ съ нею событій. До сихъ поръ мы высказывали его только на-половину, боясь слишкомъ раздражить людей съ „благородными иллюзіями“, по выраженію императора французовъ. Теперь, подъ щитомъ благороднаго Морни, мы становимся отважнѣе. Надѣемся, что читатель, если согласится съ этимъ взглядомъ, перестанетъ винить императора французовъ и признается, что онъ не могъ дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовалъ.

Нынѣ очень много говорятъ о національностяхъ. Но какъ ни сильны

симпатіи и антипатіи, возникающія изъ нихъ, еще сильнѣе чувства, внушаемыя каждому его личными выгодами и потребностями. По выгодамъ, все европейское общество раздѣлено на двѣ половины: одна живетъ чужимъ трудомъ, другая своимъ собственнымъ; первая благоденствуетъ, вторая терпитъ нужду. Это раздѣленіе общества, основанное на матеріальныхъ интересахъ, отражается и въ политической дѣятельности. Есть люди, въ которыхъ умственное и нравственное развитіе достигаетъ такой силы, что видъ несправедливости и беззаконія мучитъ ихъ; они желаютъ преобразованій, но потребность эта, ощущаемая и массою народа—только въ матеріальномъ примѣненіи къ вопросу о распредѣленіи продуктовъ труда и средствъ къ производительному труду (земля, капиталъ), сознается ими въ размѣрѣ болѣе обширномъ. Они находятъ, что для поддержки справедливыхъ отношеній по имуществу, нужны разныя гарантіи въ гражданскихъ правахъ. Само собою разумѣется, что сами по себѣ такіе люди не очень сильны: ихъ мало; но они желаютъ того, что нужно для благосостоянія массы, и естественно стараются опереться на нее, растолковать ей, какимъ образомъ можетъ она пріобрѣсти то, чего ищетъ. Но реформы, нужныя для массы, противны выгодамъ людей, благосостояніе которыхъ связано съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Они понимаютъ, что поддержать его можно только отнятіемъ у реформаторовъ возможности дѣйствовать на массу. Такимъ образомъ, консерваторы принуждены обращаться въ реакціонеровъ и обскурантовъ, чтобы охранить свои выгоды отъ гибельнаго для нихъ союза реформаторовъ съ массою. При такомъ положеніи дѣлъ, реформаторы, смотря по различію темпераментовъ, привязанности къ своимъ идеямъ и проницательности, раздѣляются на двѣ партіи. Одни, видя, что горсть людей, пользующихся нынѣшнимъ положеніемъ вещей, задерживаетъ всѣ ихъ усилія, и сама имѣетъ силу управлять общественными дѣлами, какъ ей угодно, думаютъ, что надобно убѣдить этихъ людей дѣйствовать иначе и содѣйствовать тѣмъ цѣлямъ, какія имѣютъ въ виду они, реформаторы. Къ этому разряду въ обыкновенныя времена принадлежитъ огромное большинство реформаторовъ. Другіе находятъ, что краснорѣчіе и правда безсильны надъ человѣкомъ, когда противны его выгодамъ, и потому объявляютъ, что никакими доводами нельзя людей, находящихъ свою выгоду въ реакціи и обскурантизмѣ, обратить въ друзей прогресса, и что прогрессисты должны стоять къ такимъ людямъ въ одномъ неизмѣнномъ отношеніи, въ отношеніи непримиримой вражды; это революціонеры. Реформаторы, надѣящіеся обратить реакціонеровъ въ прогрессистовъ, думаютъ, что именно только вражда революціонеровъ, а не инстинктъ собственныхъ выгодъ возстановляетъ реакціонеровъ противъ реформъ, и за то преслѣдуютъ революціонеровъ, какъ людей вредныхъ дѣлу реформы. Этихъ реформаторовъ, проповѣдующихъ вражду противъ революціонеровъ, назовемъ хоть модерантистами, по выраженію конца XVIII вѣка.

Читатель вѣроятно будетъ такъ деликатенъ, что не станетъ спрашивать, какая изъ этихъ трехъ партій болѣе нравится намъ,—а если бы онъ сталъ требовать отвѣта на такой вопросъ, мы были бы поставлены въ самое щекотливое положеніе, потому что отвѣтъ нашъ очень компрометировалъ бы нашу репутацію „въ настоящее время, когда“...—Въ настоящее время, когда

каждый стыдится называть себя человѣкомъ нелиберальнымъ, врагомъ реформы и прогресса, мы принуждены были бы сказать, что всего выгоднѣе намъ съ вами обоимъ, читатель, примкнуть къ партіи реакціонеровъ и обскурантовъ: они люди самые надежные и основательные. Да и какое мнѣ дѣло до пользы другихъ? Было бы мнѣ тепло, и чужой голодъ не ощущается моимъ желудкомъ. Что же касается такъ называемыхъ высшихъ стремленій и благородныхъ безкорыстныхъ потребностей, — самое вѣрное дѣло: не вѣрить серьезности ихъ ни въ другихъ, ни въ самомъ себѣ, а смотрѣть на нихъ, какъ па праздную игру въ слова, бросаемую при первомъ столкновеніи съ положительными личными выгодами!

А впрочемъ, какъ хотите. Бываютъ на свѣтѣ люди, служащіе исключеніемъ изъ общаго правила,—люди, которымъ чужое горе щемитъ сердце такъ же мучительно, какъ свое личное горе; люди, которые не могутъ чувствовать себя счастливыми, когда знаютъ, что другіе несчастны. Быть можетъ, вы изъ такихъ людей; ну, тогда поступайте, какъ велитъ вамъ ваша честная натура. Но во всякомъ случаѣ, не забывайте одного: одной честности мало для того, чтобы быть правымъ и полезнымъ; нужна также послѣдовательность въ идеяхъ.—Если вы приняли принципъ, не отступайте передъ его послѣдствіями; нужна прежде всего разсудительность во взглядѣ на стремленія другихъ, иначе васъ обманутъ и употребятъ орудіемъ на совершеніе самыхъ нечистыхъ дѣлъ, хотя бы вы были чистѣйшимъ человѣкомъ. Эта разсудительность первымъ своимъ правиломъ ставитъ: словъ не слушай, а смотри на дѣла и на то, въ чемъ состоятъ потребности человѣка, и ввѣряйся только тому, который смотритъ на міръ такими же глазами, какъ ты, только тому, у котораго потребности одинаковы съ твоими. Довѣрчивость ко всякому чаще всего губила доброе дѣло.

Но все это отступленіе, какъ мы теперь замѣчаемъ, совершенно лишнее. Кому нужно наше мнѣніе? Мы обязаны только излагать факты, предоставляя читателю самому судить о фактахъ, какъ ему угодно.

Итакъ, мы сказали, что по всему материку Западной Европы общество въ тѣсномъ смыслѣ слова,—сословія, участвующія до нѣкоторой степени въ просвѣщеніи и благосостояніи, — распадается на три партіи: реакціонеровъ, модерантистовъ и революціонеровъ. Каждый примыкаетъ къ той или другой, партіи, смотря по своимъ личнымъ потребностямъ; такимъ образомъ, связь по принадлежности къ одной и той же партіи гораздо крѣпче, нежели связь по національности, а вражда по различію партій - выше недовѣрія, внушаемаго иноземцами. По всему материку Западной Европы реакціонеры составляютъ нѣчто въ родѣ стариннаго Мальтійскаго ордена, въ которомъ были люди всѣхъ національностей и всѣ стояли другъ за друга, и всѣ стояли за свой орденъ. Точно тоже и модерантисты, и революціонеры. Кавуръ, напримѣръ, бывшій представителемъ итальянскихъ модерантистовъ возбуждалъ въ сердцѣ каждаго французскаго модерантиста, (напримѣръ, орлеаниста) гораздо больше симпатіи, нежели французъ реакціонеръ, и случись, напримѣръ, столкновеніе между Кавуромъ и Морни (реакціонеромъ), каждый орлеанистъ пожелалъ бы побѣды Кавуру и сталъ бы помогать ей всѣми средствами, ка-

кія можетъ принять. Наоборотъ, Кавуръ и Маццини были другъ отъ друга гораздо дальше, нежели, напримѣръ, Кавуръ отъ французскихъ орлеанистовъ или Маццини отъ французскихъ революціонеровъ.

Партій, мы сказали, три. Но борьба требуетъ только двухъ лагерей: собственно борьбу ведутъ между собою только двѣ изъ трехъ партій, болѣе сильныя, а третья должна примыкать къ одной изъ нихъ на то время, пока онѣ вмѣстѣ одолѣютъ третью, чтобы уже потомъ раздѣлаться между собою. Изъ шести возможныхъ тутъ сочетаній, каждое случилось въ дѣйствительности. Напримѣръ, легитимисты (реакціонеры) во Франціи при Луи-Филиппѣ поддерживали республиканцевъ; въ первой половинѣ 1848 года они поддерживали партію умѣренныхъ противъ ультра-республиканцевъ. Модерантисты (орлеанисты) поддерживали во Франціи въ 1849 году реакціонеровъ (бонапартистовъ), а теперь поддерживаютъ революціонеровъ. Революціонеры въ Испаніи при Наполеонѣ поддерживали реакціонеровъ въ борьбѣ противъ „офранцузившихся“ (afrancesados) или умѣренныхъ прогрессистовъ; теперь въ Бельгіи, (гдѣ впрочемъ революціонеры очень малочисленны, благодаря тому обстоятельству, что король Леопольдъ—человѣкъ и честный и вмѣстѣ съ тѣмъ умный), они поддерживаютъ конституціоналистовъ.

Какіе изъ этихъ многочисленныхъ сочетаній между разнородными партіями могутъ быть названы соотвѣтствующими логикѣ идей, какіе союзы могутъ не имѣть своимъ слѣдствіемъ раскаянія? Пока остаешься въ сферѣ отвлеченныхъ идей, вопросъ очень ясенъ. Реакціонеры съ одной стороны, модерантисты и революціонеры съ другой—различаются между собою существенною противоположностью цѣлей: реакціонеры хотятъ застоя, и для того чтобы сохранить нынѣшній порядокъ отъ прогрессивныхъ реформъ, принуждены тянуть ходъ исторіи назадъ; модерантисты и революціонеры одинаково хотятъ прогрессивныхъ реформъ и разнятся между собою только въ понятіи о средствахъ къ успѣшнѣйшему ихъ осуществленію. Изъ такого отношенія понятій необходимо слѣдуетъ, что если модерантисты или революціонеры становятся союзниками реакціонеровъ, они помогаютъ дѣлу, существенно-противоположному ихъ собственнымъ стремленіямъ, и въ результатѣ увидятъ себя обманувшимися. Напротивъ, реформы, которыхъ желаютъ модерантисты и революціонеры, въ сущности факта одинаковы, и разнятся между собою только процессомъ своего осуществленія; стало быть, результатомъ союза между модерантистами и революціонерами бываетъ произведеніе измѣненій, одинаково нужныхъ обоимъ союзникамъ, и споръ о способѣ осуществленія самъ собою исчезаетъ, когда дѣло исполнено тѣмъ или другимъ способомъ.

Таково естественное отношеніе партій по существеннымъ ихъ стремленіямъ. Только одинъ союзъ между модерантистами и революціонерами можетъ быть названъ существенно удовлетворительнымъ для обѣихъ соединяющихся партій. Напротивъ того, если модерантисты или революціонеры будутъ помогать реакціонерамъ, они въ результатѣ непремѣнно найдутъ разочарованіе или, по выраженію императора французовъ, „разрушеніе иллюзій“, которыми вовлеклись въ противоестественный союзъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, намъ легко видѣть, что отношенія партій въ Италіи были совершенно неправильныя, несогласныя не только съ логикой понятій, но и съ первымъ элементарнымъ условіемъ сколько нибудь правильнаго хода борьбы. Сардинія была центромъ, изъ котораго вышло движеніе послѣдней войны, и потому обратимъ главное вниманіе на нее.

Не надобно думать, чтобы сардинскіе реакціонеры (клерикальная партія, или правая сторона палаты депутатовъ, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Соларо делла Маргариту) измѣнили общему принципу, по которому иноземцы одного и того же политическаго направленія милѣе соотечественниковъ, держащихся противнаго направленія. Они продолжали, и до войны, и во время войны, сочувствовать австрійцамъ, вѣрнѣйшимъ приверженцамъ реакціи. Въ этомъ клерикальная партія была совершенно логична, и какъ бы ни судили мы о ея стремленіяхъ, надобно признать въ ея образѣ дѣйствій ловкость и вѣрность разсчета. Революціонеры также выдержали вѣрность принципу во время войны; они говорили, что не могутъ присоединиться къ дѣлу, въ которомъ главною силою, дѣйствующею противъ австрійцевъ, является бонапартизмъ, который имѣетъ тѣ же самыя стремленія, какъ и австрійская политика; но модерантисты,—или, по итальянскому своему названію, конституціонная или піемонтская партія, имѣвшая своимъ предводителемъ графа Кавура, — дѣйствовали иначе. Они противъ Австріи, то есть реакціи, вздумали опереться на бонапартизмъ, то есть на ту же самую реакцію, и пренебрегли основнымъ правиломъ политической тактики, по которому одинаковыя партіи во всѣхъ странахъ взаимно поддерживаютъ другъ друга и, несмотря ни на какія случайныя столкновенія, не могутъ желать вреда одна другой. По этому правилу, бонапартизмъ никакъ не можетъ сдѣлать вреда Австріи, чего хотѣла піемонтская партія. Онъ могъ на время, по случайнымъ своимъ надобностямъ, стать съ Австріею въ формальную вражду, но и во время этой формальной борьбы не могъ забыть, что въ сущности дѣло Австріи есть его собственное дѣло, что подрывая австрійскую, то есть реакціонную силу онъ вредилъ бы самому себѣ. Потому война между бонапартизмомъ и Австріею, по существенному характеру и интересу обоихъ противниковъ, никакъ не могла имѣть иной натуры, какъ натуры турнира, рыцарскаго состязанія, при которомъ дерутся вовсе не съ намѣреніемъ повредить другъ другу, а только съ безвредною для противника мыслью поспорить о томъ, кто кого сильнѣе, кто долженъ занять первое мѣсто за дружескимъ пиромъ, за который сядутъ благородные противники тотчасъ по окончаніи боя. Пренебреженіе этимъ неизбѣжнымъ фактомъ было бы неизвинительно въ піемонтской партіи, если бы мы не знали, что за союзъ съ бонапартизмомъ она схватилась только въ крайности. Первоначально она старалась дѣйствовать сообразно правилу политической тактики и не щадила никакихъ пожертвованій, чтобы найти себѣ опору въ Англіи, т. е. также въ партіи конституціоннаго модерантизма. Для этого она, въ угоду англичанамъ, послала войска въ Крымъ, принесла въ жертву нѣсколько тысячъ солдатъ и нѣсколько десятковъ милліоновъ денегъ. Но на парижскомъ конгрессѣ Англія нелѣпымъ образомъ сблизилась съ Австріею, и

тогда бѣдная піемонтская партія, покинутая своею естественною союзницею, приняла предложенія, дѣлавшіяся ей бонапартизмомъ. Если бы въ политической борьбѣ возможна была та хладнокровность, съ какою ведется шахматная игра, то надобно было бы сказать, что лучше, нежели принимать такую помощь, было повременить, выжидая той поры, когда Англія увидитъ свою ошибку если во Франціи возьметъ верхъ партія прогресса. Но положеніе Италіи было такъ тяжело, что трудно произнесть надъ піемонтскою партіею за эту ошибку приговоръ съ тою строгостью, какой требуетъ грубость ошибки и великость вреда, ею принесеннаго. Но какъ бы то ни было, извинителенъ или неизвинителенъ былъ союзъ піемонтской партіи съ бонапартизмомъ, онъ отнялъ у республиканской партіи возможность соединиться въ рѣшительную минуту съ конституціоналистами. Обыкновенно говорятъ, что Маццини, въ своемъ фанатизмѣ, не хочетъ признавать ничего хорошаго въ людяхъ иначе, какъ на томъ условіи, чтобы они совершенно приняли его идеи. Но кто хотя нѣсколько знакомъ съ исторіею этого агитатора, тотъ знаетъ, что постоянно, повсюду онъ искалъ союзниковъ, не останавливаясь никакими разногласіями, лишь бы нашлось соотвѣтствіе въ одномъ,—въ желаніи освободить Италію. Онъ обращался съ этою надеждою и къ папѣ, и къ Карлу Альберту, и наконецъ онъ сталъ удерживать свою партію отъ подобныхъ надеждъ и союзовъ только потому, что увидѣлъ ошибочность своей собственной прежней мысли о пользѣ ихъ для дѣйствительнаго освобожденія Италіи.

Такимъ образомъ, въ Италіи даже не успѣли образоваться два лагеря,—осталось цѣлыхъ три враждебныхъ лагеря, по невозможности соединенія маццинистовъ, не вѣрившихъ бонапартизму, съ піемонтскою партіею, основавшею на немъ свои надежды.

Теперь графъ Кавуръ палъ и тѣ люди, мнѣніе которыхъ измѣняется сообразно съ успѣхомъ или неудачею, конечно находятъ теперь большую легкость порицать ошибки этого государственнаго дѣятеля, которому недавно поклонялись. Мы не восхищались политикою графа Кавура, когда счастье было повидимому на его сторонѣ, за то теперь не станемъ осыпать его упреками. Напротивъ мы скажемъ въ оправданіе ему, что слишкомъ легко было ему, человѣку замѣчательнаго ума, разсчитывать на свое умственное превосходство надъ союзникомъ... Онъ могъ вообразить, что будетъ держать этого человѣка въ рукахъ, сдѣлать его орудіемъ своихъ цѣлей. Это было очень натурально. Не въ упрекъ Кавуру, а въ объясненіе факта, мы замѣтимъ, что онъ тутъ забылъ только одно: инстинктъ эгоизма такъ ловокъ и разсчетливъ, что человѣкъ, руководящійся исключительно имъ, можетъ перехитрить какого угодно геніальнаго министра...

Съ самаго начала Кавуръ холодностью и молчаливостью своего союзника былъ введенъ въ ту ошибку, что вообразилъ, будто бы только онъ нуждается въ Наполеонѣ III, между тѣмъ, какъ въ сущности, самъ императоръ французовъ гораздо больше нуждался въ немъ. Въ началѣ года, когда шли въ газетахъ толки о конгрессѣ и разныхъ дипломатическихъ посредничествахъ, отъ которыхъ ожидали предотвращенія войны, мы нѣсколько разъ по-

дробно излагали факты, дѣлавшіе для императора французовъ войну необходимостью. Желающіе могутъ найти ихъ въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ.

Война въ Италіи, безотлагательная война, потому что каждая ночь, каждый день до ея объявленія грозитъ опасностями,—такова была потребность Наполеона III. Но онъ не говорилъ объ этомъ, держалъ себя холодно; потому Кавуръ сталъ думать, что нужно всяческими уступками склонять его къ войнѣ. Въ сущности, Кавуръ могъ диктовать условія союза, потому что Франція не могла провозгласить намѣренія освобождать Италію отъ австрійцевъ, иначе, какъ опираясь на Сардинію. Положимъ, Кавуру также была нужна война, но у него не было необходимости начинать ее тотчасъ же, непремѣнно въ нынѣшнюю весну: онъ могъ подождать и годъ, и два, какъ ждалъ шесть или семь лѣтъ. Для Наполеона отсрочка была невозможна. Но Кавуръ въ горячности своего патріотизма думалъ, что союзникъ оказываетъ Сардиніи великодушную помощь, склоняемый краснорѣчіемъ и умомъ его, Кавура, къ дѣлу, въ которомъ самъ не имѣетъ надобности. Такимъ образомъ Сардинія бросилась въ войну, не гарантировавъ ничѣмъ свободы своихъ дѣйствій подлѣ союзника, подавлявшаго ее громадностью своихъ силъ.

Но какими же способами можно было гарантировать независимость сардинской политики? Развѣ неизвѣстно, что никакія обѣщанія не гарантируютъ противъ превосходства силы? Такъ, обѣщанія ненадежны, и въ томъ именно и заключалась ошибка, что Сардинія ограничилась ими. Нужно было принять другія мѣры для огражденія своей самостоятельности. Во-первыхъ, французскимъ войскамъ надобно было назначить театръ дѣйствій, различный отъ театра дѣйствій сардинской арміи, такъ чтобы она составляла совершенно отдѣльное цѣлое; во-вторыхъ, нужно было оговорить, что внутренніе вопросы въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Легатствахъ не должны нимало относиться до французовъ. То и другое, и все что угодно, Наполеонъ принялъ бы: Кавуръ могъ тогда предложить ему какія-угодно условія союза. А онъ напротивъ, считалъ себя облагодѣтельствованнымъ, принимая помощь безъ всякихъ гарантій. Ему гарантіи казались невозможны, потому что онъ не замѣчалъ, что война Наполеону III нужнѣе, нежели ему самому; онѣ казались ему не нужны, потому что онъ считалъ помощь слѣдствіемъ великодушія Наполеона III и своего вліянія на него, то есть дѣломъ, которое Наполеонъ будетъ и по доброй волѣ вести сообразно его видамъ: онѣ казались ему излишни, потому что онъ, надѣясь на свое умственное превосходство, воображалъ, что будетъ управлять Наполеономъ III.

При такомъ безусловномъ ввѣреніи хода и характера войны Наполеону III, при отдачѣ сардинской арміи въ распоряженіе Наполеона III, война необходима должна была имѣть конецъ въ томъ родѣ, какой дѣйствительно получила. Это было съ самаго начала ясно для всѣхъ проницательныхъ публицистовъ, и мы тогда же передавали ихъ предсказанія читателю. Спрашивается, кто былъ причиною безусловно-владычествующаго положенія, занятаго въ ней Наполеономъ III? Кто призвалъ его въ Италію? Кто отдалъ ему въ команду сардинскую армію и всѣ другія итальянскія войска? Кто не принялъ никакихъ предосторожностей для доставленія итальянцамъ вліянія на рѣшеніе ихъ судьбы? Піемонтская партія, модерантисты, и глава ихъ—графъ Кавуръ.

Наполеонъ III только воспользовался даннымъ ему отъ нихъ положеніемъ сообразно съ своими видами: — что тутъ особеннаго, если человѣкъ заботится о своихъ выгодахъ, и за что тутъ винить его? „Смотри, кому въ руки отдаешься“, и „не сваливай свою вину на другаго“, сказали бы мы графу Кавуру и его приверженцамъ, если бы они, бѣдные, не заслуживали теперь скорѣе состраданія, чѣмъ гнѣва.

А гнѣва они заслуживали своею непредусмотрительностью, которая отозвалась теперь, по выраженію Наполеона III, „разрушеніемъ благородныхъ надеждъ“. „Но, скажетъ иной читатель, кто же могъ предполагать такую измѣну? Кто могъ ожидать, что союзникъ соединится съ врагами противъ друзей?“

Послѣ предъидущихъ объясненій намъ легко отвѣчать на это возраженіе, основывающееся только на запутанности понятій, истинное отношеніе которыхъ мы старались показать. Да, только изъ запутанности понятій проистекали всѣ обвиненія Наполеона III въ измѣнѣ друзьямъ. Кто смотритъ на вещи правильно, тотъ не станетъ винить въ такихъ пустякахъ императора французовъ, а напротивъ—скажетъ, что онъ поступилъ совершенно такъ, какъ ему слѣдовало поступить по тѣмъ принципамъ, постояннымъ защитникомъ которыхъ онъ былъ.

Припомнимъ раздѣленіе общества на три партіи и взглянемъ на то, къ какимъ изъ нихъ принадлежатъ императоръ французовъ, австрійское правительство и графъ Кавуръ.

Владычество бонапартизма во Франціи основано на реакціи. Австрія также представительница реакціи. Изъ этого ясно, что существенные интересы бонапартизма и Австріи одинаковы, что эти силы должны поддерживать одна другую, что ослабленіе одной изъ нихъ грозитъ опасностью и для другой. Конечно, и между самыми родственными элементами могутъ возникать случайныя столкновенія, но взаимный интересъ требуетъ, какъ можно скорѣе, прекращать ихъ, чтобы дружно противиться общему врагу.

Кто не упускалъ изъ виду этого основнаго факта,—одинаковости между существенными интересами бонапартизма и Австріи, тотъ очень хорошо видѣлъ, что считать Наполеона III врагомъ Австріи значило совершенно не понимать его. Такимъ образомъ, оказывается клеветою та часть обвиненія, которая возникаетъ изъ расположенія Наполеона какъ можно скорѣе заключить миръ съ Австріею, и притомъ на самыхъ выгоднѣйшихъ для нея условіяхъ.

Остается другая часть обвиненія: „онъ измѣнилъ выгодамъ своихъ друзей, сардинцевъ“;—читатель видитъ, что тутъ слово „друзья“ такъ же несправедливо, какъ и слово „враги“ относительно австрійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой былъ Кавуръ, на чемъ была основана его сила, къ чему стремилась его партія? Партія, вошедшая въ союзъ съ Наполеономъ черезъ Кавура была, какъ всѣмъ извѣстно, партія приверженцевъ конституціоннаго устройства. Теперь спрашивается, кому не извѣстны отношенія Наполеона III къ конституціонному принципу? Конституціоналисты—злѣйшіе враги бонапартизма; онъ держится только подавленіемъ ихъ. Какимъ же образомъ злѣйшихъ враговъ называть друзьями? Прискорбная необходимость могла заставить Наполеона III принять на время содѣйствіе, предлагавшееся ему италь-

янскими конституціоналистами; но коренная, непримиримая враждебность этихъ двухъ элементовъ оставалась неизгладима, и Наполеонъ III былъ бы просто неразсчетливъ, если бы забылъ о ней. Онъ хорошо чувствовалъ, что служить Кавуру значило бы усиливать конституціонную партію въ Италіи, а усиливать ее въ Италіи значило бы оживлять ее во Франціи, то есть вредить самому себѣ. Такого безразсудства не слѣдовало и ожидать отъ человѣка, хорошо понимающаго свое положеніе и умѣющаго соблюдать свои выгоды. Потому-то проницательные публицисты съ самаго начала и говорили, что цѣли Кавура не могутъ быть цѣлями Луи-Наполеона. Просимъ читателя припомнить выписки изъ англійскихъ рѣчей и статей въ прежнихъ нашихъ обзорахъ.

После этого нѣтъ нужды распространяться о совершенной неумѣстности неблаговиднаго термина „измѣнникъ“, которымъ многіе характеризуютъ тотъ очень натуральный фактъ, что Наполеонъ III заключилъ отдѣльный миръ съ съ Австріею, противъ выгоды и воли Сардинцевъ. „Измѣна“, „предательство“—какія грубыя, несвѣтскія понятія! Понятіе „предательства“ не должно существовать въ умѣ свѣтскаго человѣка, а тѣмъ болѣе въ умѣ дипломата, и кто позволяетъ себѣ жаловаться на предательство, тотъ обнаруживаетъ только собственную неприготовительность къ веденію важныхъ дѣлъ. На самомъ дѣлѣ исторія была самая невинная. Положимъ, напримѣръ, что вы хотите ѣхать изъ Рязани въ Петербургъ, а я въ Москву; вамъ извѣстно, что дальше Москвы я не поѣду; но вамъ угодно было имѣть меня своимъ спутникомъ. Теперь спрашиваю васъ: если, доѣхавъ до Москвы, я останусь тамъ и предоставлю вамъ продолжать путь, какъ вы сами знаете, или остаться въ Москвѣ, когда вы не можете ѣхать одни,—если я сдѣлаю это, неужели вы имѣете право называть меня измѣнникомъ? У васъ, быть можетъ, наивныя понятія; быть можетъ, вы, зная что мнѣ нужно быть только въ Москвѣ, вынудили у меня какое нибудь двусмысленное слово, что я охотно побывалъ бы и въ Петербургѣ, и повѣрили этому слову,—ну, что жь мнѣ изъ того? Какой же практическій человѣкъ вѣритъ словамъ? Мало ли что говорятъ, такъ вотъ всему вы и станете вѣрить! Вы должны разсчеты ваши основывать на томъ что̀ мнѣ нужно, а не томъ, что̀ я говорю; иначе вы на каждомъ шагу будете оставаться въ проигрышѣ...—Но, повѣрьте мнѣ,—никого вы не называйте за это измѣнникомъ, а называйте только сами себя слишкомъ наивнымъ простякомъ, а лучше всего, постарайтесь отучиться отъ вашей плебейской наивности.

Луи-Наполеонъ не притворялся какимъ нибудь конституціоналистомъ; онъ не скрывалъ своего принципа, принципа реакціи; онъ не скрывалъ своей непримиримой враждебности къ конституціонализму. Теперь,—итальянскимъ конституціоналистамъ было угодно вручить ему свою судьбу. Я спрашиваю состояніе открытой вражды, въ которой онъ находится съ конституціонистами, не уполномочивало ли его воспользоваться ослѣпленіемъ враговъ, чтобы запутать ихъ въ ихъ собственныя сѣти? Да, Кавуръ всегда былъ врагомъ ему, потому что былъ конституціоннымъ министромъ, главою партіи, единомышленники которой во Франціи—смертельные ненавистники Луи-Наполеона. Съ какой же поры военная ловкость, пользующаяся ошибками непріятеля, стала называться измѣною? Повѣрьте,—вѣдь не даромъ же говорятъ у французовъ: à la guerre—comme à la guerre, на войнѣ по военному и дѣлается.

Не знаемъ, до какой степени удалось намъ убѣдить читателя, что императоръ французовъ поступилъ очень естественно, заключивъ отдѣльный миръ съ Австріею на самыхъ выгодныхъ для нея и самыхъ невыгодныхъ для Италіи условіяхъ, и что винить его тутъ ровно не за что. Намъ кажется, что логика нашего оправданія неопровержима. Вотъ оно вкратцѣ!

Итальянская независимость составляетъ предметъ желанія для итальянскихъ революціонеровъ (Маццини) и конституціоналистовъ или модерантистовъ (графъ Кавуръ и піемонтская партія). Партія итальянскихъ реакціонеровъ смертельно боится освобожденія Италіи. Австрія—представительница принципа реакціи. Бонапартизмъ держится реакціею. Элементы реакціи, модерантизма и революціи разлиты по всѣмъ странамъ Западной Европы, и паденіе или усиленіе какого нибудь изъ этихъ элементовъ въ одной странѣ непремѣнно облегчаетъ подобную перемѣну во всѣхъ другихъ странахъ. Поэтому усиленіе конституціонной партіи въ Италіи,—а исполнить ея желаніе, освободить Италію, значило бы усилить ее,—необходимо вело къ усиленію конституціонной партіи въ самой Франціи. Ослабленіе Австріи также вело бы къ ослабленію реакціи во Франціи. То и другое было бы равнозначительно погибели бонапартизма. Итакъ, ясно было, что Наполеонъ III, принужденный вести войну въ Италіи, долженъ употребить всѣ свои усилія на то, чтобы покончить эту войну такимъ миромъ, который не освобождалъ бы Италію, не былъ бы вреденъ могуществу австрійцевъ, съ которыми прочные и существенные интересы у него одинаковы, и не принесъ бы пользы итальянскимъ конституціоналистамъ, помощью которыхъ онъ могъ воспользоваться на минуту, по одному случайному дѣлу, но партія которыхъ находится по своей натурѣ въ смертельномъ противорѣчіи съ условіями его собственнаго существованія.

Кажется, это просто и неопровержимо. А если дѣйствительно такъ, то надобно сознаться, что всѣ обвиненія противъ Наполеона III за Виллафранкскій миръ—пустыя фразы, порождаемыя только непониманіемъ сущности бонапартизма. Наполеонъ III поступилъ сообразно требованію своего жизненнаго принципа, пожертвовавъ своими врагами сардинцами своимъ друзьямъ австрійцамъ.

Но если мы находимъ, что дѣйствительно война, въ которой главнымъ дѣятелемъ былъ Наполеонъ III, не могла привести ни къ чему иному, кромѣ Виллафранкскаго мира, и если императоръ французовъ поступилъ, при заключеніи этого мира, совершенно послѣдовательно и основательно съ своей точки зрѣнія, то само собою разумѣется, что мы вовсе не намѣрены скрывать неудовольствія, пробужденнаго условіями этого мира въ людяхъ и партіяхъ, имѣющихъ принципы не одинаковые съ бонапартизмомъ. Напротивъ, именно съ того мы и начали, что упомянули объ этомъ недовольствѣ, объясняя имъ неточности въ изложеніи фактовъ и побужденій, склонившихъ къ миру императора французовъ, по его словамъ. Нашедши теперь истинную причину выгодныхъ для Австріи условій договора, мы подробнѣе займемся впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ въ различныхъ странахъ.

Англичанъ упрекали въ холодности къ итальянскому вопросу за ту недовѣрчивость, съ которою они смотрѣли на войну. Дѣйствительно, война была

непріятна имъ, потому что не обѣщала ничего, кромѣ побѣдъ Наполеона III, то есть увеличенія его могущества, и утвержденія его въ мысли, что онъ можетъ счастливо приводить къ концу какую угодно войну. Они думаютъ, что все это можетъ приблизить минуту, когда онъ вздумаетъ объявить, что долженъ отомстить Англіи за своего дядю. Но негодованіе, овладѣвшее англійскою публикою при извѣстіи о Виллафранкскомъ мирѣ, показало, какъ велико сочувствіе англичанъ къ дѣлу итальянской независимости (просимъ читателя не забывать, что мы говоримъ объ англійской публикѣ, а не объ англійскомъ правительствѣ,—эти два понятія далеко не одинаковыя даже и въ приложеніи къ Англіи). Сожалѣніе о бѣдной Италіи пересилило въ нихъ даже радость о томъ, что уменьшилась опасность для нихъ самихъ быть запутанными въ разорительную войну. Въ примѣръ мы приводимъ статью, которою встрѣтилъ извѣстіе о мирѣ Times [1]).

«Миръ послѣдовалъ за перемиріемъ быстрѣе, нежели даже можно было предполагать. Великій волшебникъ нашего вѣка далъ три битвы и поговорилъ часъ времени съ побѣжденною Австріею, и вотъ, въ концѣ этой короткой конференціи, Ломбардія вдругъ уступлена Франціи, и Италія становится конфедераціею подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Перемѣны такъ быстры, что рябили въ глазахъ. Не успѣли мы уловить черты картины, представляющейся нашему зрѣнію, а предметъ уже исчезъ и на мѣстѣ его явился другой. Нѣсколько недѣль тому назадъ мы разсуждали о конгрессѣ для предотвращенія войны. Недѣлю тому назадъ, свѣтъ толковалъ о шансахъ для Австріи успѣшно бороться противъ Франціи. Періодъ битвъ прошелъ. Грозный четыреугольникъ крѣпостей поглотилъ собою всѣ мысли. Но вчера исчезли всѣ размышленія и догадки объ арміяхъ, всякое вниманіе къ пушкамъ, и явились на свѣтъ два новыя государства, созданныя въ нѣсколько часовъ, вошедшія въ знакомство съ публикою сотрясеніемъ телеграфной проволоки. «Императоръ австрійскій уступаетъ королевство Ломбардское императору французовъ». Итакъ, Австрія совершенно выбита изъ колеи своего стариннаго упорства. Пескьера и Верона, Мантуя и Леньяно, линія Аддидже и венеціанскія лагуны—все покинуто, все уступлено... Францъ-Іосифъ немедленно уходитъ изъ Италіи съ 300,000 своихъ солдатъ, и Италія, освобожденная отъ этого давленія, преобразуется въ независимое государство. Какъ мы покажемся теперь свѣту съ такими новостями на нашихъ широкихъ листахъ? Что теперь скажетъ Times въ защиту своихъ неблагородныхъ подозрѣній? Какъ намъ извиняться передъ столь жестоко оклеветаннымъ императоромъ французовъ? Съ какимъ лицомъ встрѣтить намъ теперь торжество и презрѣніе друзей свободы, предостерегать которыхъ имѣли мы малодушіе? Униженное отреченіе одно только остается намъ. Соединимся же съ радикалами Англіи, карбонари Италіи и великимъ политическимъ оракуломъ Венгріи въ воспѣваніи славы Наполеона III! [2]) Забудемъ мы, послѣдніе изъ прозелитовъ и

---

[1]) Просимъ читателей не приписывать намъ нѣсколько саркастическаго тона, какимъ англійская газета отзывается о Наполеонѣ III; наше мнѣніе о дѣйствіяхъ французскаго императора мы высказали достаточно выше, а настоящую статейку переводимъ только для показанія, какое впечатлѣніе произвелъ въ Англіи Виллафранкскій миръ.

[2]) Здѣсь сарказмъ *Times'а* невѣренъ. Англійскіе радикалы не ожидали ничего хорошаго отъ войны. Читатель можетъ вспомнить рѣчь Робека и отчетъ самаго *Times'а* о митингѣ по итальянскому вопросу въ Гайдъ Паркѣ (Соврем. № V). Мацциниcты также не одобряли Кавура за союзъ съ Наполеономъ III и говорили, что поспѣшное образованіе народныхъ войскъ, независимыхъ ни отъ Франціи, ни отъ Кавура, одно можетъ спасти Италію, судьбу которой предрекали. Кошутъ не выхвалялъ Наполеона III и долго, упорно не соглашался на его предложеніе содѣйствовать венгерскому возстанію, и когда наконецъ рѣшился на это, то полагался не на его увѣренія, а на то, что австрійскихъ войскъ въ

едва ли достойные назваться прозелитами,—забудемъ со стыдомъ всѣ наши неблагородныя опасенія, и возрадуемся теперь, когда Италія, и не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ стала свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря!

Но—погодите! Въ этомъ потокѣ телеграфическихъ депешъ, въ этомъ сонмѣ быстрыхъ извѣстій, приносящихся со всѣхъ сторонъ свѣта и соединяющихъ въ себѣ отголоски всѣхъ европейскихъ столицъ, есть звуки, дисгармонирующіе съ всеобщею радостью. Что значитъ это новое извѣстіе? Что это за горькая капля, отъ которой пропадаетъ пѣнистое кипѣніе энтузіазма, охлаждаются наши теплыя симпатіи? Италія должна быть свободна, потому что такъ говоритъ императоръ французовъ,—а кто, кромѣ невѣрующаго, неблагороднаго Times'а колеблется вѣрить императору?—Но это воцареніе папы, это возстановленіе великаго герцога Тосканскаго, это оставленіе Венеціи и Минчіо за Австріею,—всѣмъ этимъ видоизмѣняется первое извѣстіе, пришедшее отъ императора французовъ. Да, Италія свободна, но она свободна не въ демократическомъ, не въ конституціонномъ, не въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ Наполеоновскомъ смыслѣ слова. Свобода—слово, принимаемое въ разныхъ значеніяхъ, и часто цвѣтъ его заимствуется отъ оттѣнка интересовъ человѣка, его употребляющаго. Свобода въ Спартѣ не значила того, чтобы илоты не были убиваемы, когда становились слишкомъ многочисленны или безпокойны. Свобода въ Италіи не значитъ, чтобы жители Италіи имѣли какой-нибудь голосъ въ своемъ управленіи. Италія свободна, но свободна на французско-императорскихъ условіяхъ: Ломбардія, завоеванная Франціею, отдается королю сардинскому. Никто не можетъ сказать, что Ломбардія не свободна. Она могла имѣть свои понятія о возстановленіи прежняго герцогства, какъ самостоятельнаго государства, и Миланъ можетъ имѣть возраженія противъ того, чтобы стать удѣломъ Турина; но съ нынѣшняго времени Ломбардіи лучше молчать объ этихъ сумасбродствахъ. Она свободна и должна быть довольна. Венеція также свободна. Она свободна подъ австрійскимъ господствомъ. Чего же больше можетъ она хотѣть? Навѣрное, она не имѣетъ сумасбродства мечтать о временахъ Дандоло! Или Венеція недовольна? Такъ она не знаетъ что такое свобода, какъ понимаетъ ее Наполеонъ. Но пусть она потише говоритъ о своемъ безумномъ недовольствѣ. Только кусокъ Ломбардіи переданъ Сардиніи: «Ломбардія до линіи Минчіо». Между «линіею» Минчіо и Венеціею текутъ двѣ большія рѣки въ По, и земля, орошаемая этими рѣками, усѣяна первоклассными крѣпостями. Это старинныя австрійскія желѣзныя ворота, черезъ которыя Австрія входила въ Италію, когда хотѣла. Это кровъ австрійскаго деспотизма, подъ которымъ становится онъ каждый разъ, когда была опасность въ равнинахъ. Отсюда онъ могъ высылать десятки тысячъ своихъ солдатъ для подавленія каждаго признака недовольства въ самомъ зародышѣ. Вы, свободные сардинскіе ломбардцы, наслаждающіеся свободою подъ тѣнью западныхъ стѣнъ этихъ великихъ крѣпостей, и вы, освобожденные венеціанцы, которые можете, обрабатывая свои земли на матерпкѣ, любоваться на пушки, смотрящія съ ихъ восточныхъ бастіоновъ, не ведите слишкомъ громко своихъ свободныхъ рѣчей. Эта земля также свободна. Она лежитъ между Альпами и Адріатическимъ моремъ, стало-быть непремѣнно она свободна. Она раздѣляетъ съ Венеціею честь быть свободной подъ австрійскимъ господствомъ. Но она свободна, какъ чисто австрійское владѣніе, какъ аванпостъ Тироль, подобно ножу врѣзывающійся въ тѣло сѣверной Италіи. Она попрежнему наполнена войсками и оружіемъ, и изъ нея арміи могутъ быть посланы по желѣзнымъ дорогамъ и въ нѣсколько часовъ быть въ Миланѣ или Венеціи. Австрія еще владѣетъ и по трактату будетъ продолжать владѣть

Венгріи оставалось мало. Читатель вспомнитъ его слова (Совр. № VI). „Венгрія такъ далека отъ Франціи, что ее нельзя обратить во французскіе департаменты":—кажется, это выраженіе мало свидѣтельствуетъ о вѣрѣ въ императора французовъ. Мадзини, Кошутъ и англійскіе радикалы говорили только одно: Англія не должна вступаться за Австрію. *Times*, у которой были иногда порывы воинственности,—впрочемъ, не изъ любви къ Австріи,—а изъ опасенія замысловъ Наполеона противъ Германіи и самой Англіи, сердится на всѣхъ этихъ людей за противорѣчіе ея воззваніямъ о необходимости самыхъ энергическихъ вооруженій, которыя неминуемо вовлекли бы Англію въ войну, если бы война продлилась хоть до слѣдующей весны.

этимъ страшнымъ четырехъ-угольникомъ. Потому въ этихъ городахъ лучше потише говорить о новопріобрѣтенной свободѣ и шопотомъ поздравлять другъ друга съ достославнымъ совершеніемъ обѣщанія освободить ее отъ Альповъ до Адріатическаго моря. Тоскана и Модена также свободны. Онѣ свободны собственнымъ своимъ дѣломъ, потому что изгнали своихъ герцоговъ и послали къ императору Наполеону половину своихъ молодыхъ людей волонтерами. Свободные граждане Тосканы и Модены сражались противъ своихъ изгнанныхъ государей при Сольферино и помогали императору Наполеону побѣдить ихъ. Это было ошибкою съ обѣихъ сторонъ. Истинная свобода, за которую сражались тосканцы и моденцы, состоитъ въ томъ, чтобы принять обратно своихъ прежнихъ правителей, и если бы герцоги понимали свою настоящую выгоду, они были бы не въ лагерѣ австрійскаго императора, а во французскомъ лагерѣ. Гиппіасъ возвращается въ Аѳины,—свобода Аѳинъ нуждается въ его возстановленіи.

«Гуэтли [1]) утверждаетъ, что половина ссоръ на свѣтѣ проистекаетъ отъ невниманія къ законамъ логики: люди не думаютъ объ опредѣленіяхъ». Въ этомъ причина разнорѣчія, раздѣлявшаго насъ съ людьми, сочувствовавшими итальянской войнѣ. Если бы они опредѣлили, что такое разумѣли подъ свободою Италіи, и опредѣлили въ томъ смыслѣ, какой мы видимъ нынѣ, мы никогда не усомнились бы въ намѣреніи Луи-Наполеона дать свободу Италіи. Не доходя до чрезвычайности въ нашей симпатіи къ Италіи, мы должны однакоже признаться, что если бы мы послали лорда Страффорда или лорда Кларендона на конгрессъ—сдѣлать для Италіи, что можетъ сдѣлать для нея Англія, и если бы лордъ Страффордъ или лордъ Кларендонъ возвратился, размахивая шляпою и восклицая «Италія свободна!», и оказалось бы, что онъ оставилъ австрійцевъ въ Пескьерѣ, въ Мантуѣ и въ Венеціи и силою возвратилъ герцоговъ въ Тоскану и Модену, и что это называетъ онъ свободою Италіи,—мы почувствовали бы большое искушеніе громко потребовать, чтобы лордъ Страффордъ или лордъ Кларендонъ былъ преданъ суду, какъ измѣнникъ. Если бы мы знали, что таковы были желанія г. Кошута и бирмингэмскихъ джентльменовъ [2]) и другихъ поклонниковъ императора Наполеона, то мы, кажется, могли бы вытребовать у Австріи исполненіе ихъ желаній, не усѣивая Италію трупами и не наполняя госпиталей бѣдными изуродованными солдатами. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было выпудить у Австріи силою дипломаціи. Все это не можетъ оскорблять ея гордости и значительно увеличиваетъ ея силу. Она избавлена отъ хлопотъ управлять безпокойною и убыточною провинціею и удерживаетъ силу опустошать ее, когда только захочетъ. Она теперь стоитъ въ Италіи, какъ мечъ-рыба подлѣ кита. Австрія—вся покрыта оружіемъ, Италія вся—добыча ей. Австрія уступила только то, что можетъ, когда ей угодно, взять назадъ, чего вѣроятно не захочетъ она и брать назадъ. Сардинія пріобрѣла провинцію, которую можетъ сохранять только по милости Австріи и которую, въ случаѣ нападенія, не можетъ защитить. Когда австрійскіе сатрапы будутъ возстановлены въ Тосканѣ и Моденѣ, сама Австрія будетъ стоять вооруженная съ ногъ до головы, непреодолимо господствующая въ итальянской конфедераціи. Австрія будетъ въ Италіи такъ сильна, какъ никогда еще не была. Если бы Англія имѣла безстыдство предложить ей такія условія до начала войны, Австрія не могла бы отказать въ нихъ, и тогда 100,000 человѣкъ остались бы живы, а Италія не меньше нынѣшняго была бы «свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря». Таковы бываютъ послѣдствія, когда люди не согласятся между собою въ смыслѣ словъ, ими употребляемыхъ. Но мы въ оправданіе себя должны замѣтить, что мы не одни ошибались. Тотъ человѣкъ, который лучше всѣхъ въ Европѣ долженъ былъ бы понимать императора Наполеона, тотъ человѣкъ, который лучше всѣхъ знаетъ итальянскій вопросъ, тотъ человѣкъ, котораго Италія прославляла, какъ лучшаго своего государственнаго дѣятеля, какъ лучшаго своего защитника,—графъ Кавуръ,—подобно намъ,

---

[1]) Авторъ знаменитыхъ изслѣдованій о законахъ мышленія.

[2]) То есть Брайта и манчестерской школы. Читатель припомнитъ, что говорили мы въ прежнемъ примѣчаніи о ихъ довѣріи къ намѣреніямъ Наполеона: они только требовали, чтобы Англія не помогала Австріи.

ошибался. Свободная Италія, о которой думалъ онъ, была ни мало не похожа на ту свободную Италію, которую изобрѣлъ императоръ французовъ съ императоромъ австрійскимъ,—и съ гнѣвомъ онъ удалился съ высокаго поста, который столь долго занималъ, не находя въ себѣ силъ выдерживать укоризны тѣхъ, надежды которыхъ возбудилъ и негодованія которыхъ такъ справедливо долженъ опасаться».

Если съ такою силою охватило негодованіе англичанъ, людей называемыхъ холодными и во всякомъ случаѣ бывшихъ посторонними этому дѣлу, то легко представить себѣ, какъ закипѣли злобою французы, именемъ и оружіемъ которыхъ такъ жестоко воспользовались для подобнаго мира. Взрывъ чувства былъ такъ силенъ, что даже между газетами нашлись нѣкоторыя, отважившіяся, подъ прикрытіемъ общаго говора, выразить свое мнѣніе нѣсколько внятнымъ голосомъ. Особенно ѣдкую форму придалъ своему протесту Siècle, газета умѣренныхъ республиканцевъ, служившая органомъ тѣмъ близорукимъ надеждамъ, которыя были, столь внезапно для легковѣрныхъ, разрушены условіями мира. Въ тотъ день, когда пришла въ Парижъ телеграфическая депеша о мирѣ, Siècle помѣстилъ горячую статью, которая перечисляла, какъ неправдоподобные слухи, всѣ дѣйствительныя условія мира, и послѣ каждаго изъ нихъ прибавляла: „нѣтъ, такого условія не будетъ, потому что оно было бы безстыдно, безславно, безчестно“.—За тѣмъ слѣдовалъ пробѣлъ, а за пробѣломъ короткія и холодныя слова: „предъидущая статья была уже написана, когда телеграфическая депеша извѣстила насъ объ условіяхъ мира; вотъ они“—и читатель видѣлъ, что миръ имѣетъ всѣ тѣ условія, которыя за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ были объявлены невозможными по безпримѣрной безчестности. Даже изъ полуоффиціальныхъ газетъ, состоящихъ на подкупѣ у правительства, не всѣ отважились на первый разъ вымолвить обязанное свое слово въ похвалу мирному договору.

Въ парижскомъ населеніи условія мира вызвали сцены, напомнившія о временахъ давно запрещенныхъ. По улицамъ стояли толпы народа, громко выражая свое негодованіе. Въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ блузники подняли страшный шумъ, такъ что потребовалось вмѣшательство полиціи. Объявленія, содержавшія телеграфическую депешу объ условіяхъ трактата, были срываемы со стѣнъ, сожигаемы на позорныхъ кострахъ. И не одно парижское населеніе, не одни безоружные, охраняемые артиллеріею фортовъ и казармъ блузники были раздражены: что гораздо хуже, это чувство волновало и армію, подвиги которой послужили къ тому, чтобы подвергнуть Италію такой судьбѣ. Солдаты ходили съ ругательствами по лагерю, офицеры ломали шпаги, говоря, что онѣ обезчещены....

Иной либералъ, привыкшій принимать свои желанія за факты, и два мѣсяца тому назадъ предвидѣвшій неизбѣжность освобожденія Италіи Наполеономъ III, теперь, пожалуй, вообразитъ, что это неудовольствіе опасно для власти Наполеона III и, назвавъ его предателемъ, прибавитъ съ сладкою увѣренностію, что близко наказаніе ему за предательство. Мы никакъ не можемъ назвать основательнымъ и этого предсказанія. Мало ли чѣмъ, мало ли сколько разъ бываютъ недовольны!... Противъ Наполеона III сильное неудовольствіе существуетъ уже много лѣтъ, а онъ все-таки продолжаетъ держаться на своемъ мѣстѣ и если можно сказать, что съ каждымъ годомъ не-

удовольствіе ростетъ, то нельзя еще сказать навѣрное, чтобы невозможно было ему длиться и рости еще довольно долго, не производя никакого внѣшняго результата; и если развязка итальянской войны Виллафранкскимъ миромъ придала новую значительную дозу гнѣва къ прежнимъ причинамъ неудовольствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нельзя было Наполеону III пріискать и новыхъ клапановъ для выпуска паровъ, грозящихъ его системѣ. Уже говорятъ, что онъ готовится къ войнѣ на Рейнѣ—едва ли это достовѣрно, по крайней мѣрѣ относительно настоящей минуты; но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не замедлитъ пріискать новыя дипломатическія разногласія и потомъ выведетъ изъ нихъ новыя какія нибудь военныя столкновенія, для того, чтобы снова отвлечь вниманіе французовъ отъ вопросовъ о внутреннихъ правительственныхъ формахъ.

Точно тоже надобно сказать и о надеждахъ на исправленіе условій Виллафранкскаго мира силою негодованія самихъ итальянцевъ. Само собою разумѣется, что въ Италіи неудовольствіе еще во сто разъ жарче, нежели во Франціи, — но что жь изъ того? Читатель уже могъ убѣдиться фактами, какимъ забавнымъ самообольщеніемъ были слухи, разнесшіеся въ первые дни по заключеніи мира, будто бы Гарибальди не хочетъ слагать оружія, будто бы король сардинскій хочетъ не покоряться трактату, столь убійственному для него по содержанію, столь оскорбительному по презрѣнію къ Сардиніи, которое ознаменовало форму его заключенія. Надѣемся, читатель понимаетъ, что не меньше, нежели въ этихъ слухахъ, находится забавнаго, ребяческаго простодушія и въ надеждѣ на силу тѣхъ фактовъ неудовольствія и волненія, которые совершились въ разныхъ итальянскихъ городахъ при полученіи извѣстій о заключеніи мира. Безъ всякаго сомнѣнія, король сардинскій глубоко оскорбленъ. Не спросясь его, заключили миръ, какъ будто онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности. Вмѣсто всей Ломбардіи, Венеціи, Тосканы, Пармы и Модены, которыя были у него уже, можно сказать, въ рукахъ, ему позволили пріобрѣсти только часть Ломбардіи, да и ту дали ему такимъ унизительнымъ образомъ, что, кажется, лучше онъ согласился бы вовсе не брать этого милостиваго подарка отъ великодушнаго союзника, если бы только могъ отважиться на отказъ. Но что жь изъ того? Именно въ томъ и дѣло, что король сардинскій, 100.000 солдатъ котораго раздроблены между 300.000 солдатъ императора французовъ, не смѣетъ и подумать о непослушаніи великодушному и, что гораздо важнѣе, слишкомъ могущественному союзнику. Гарибальди, конечно, раздраженъ еще гораздо глубже, нежели король сардинскій. Но у Гарибальди только 10.000 солдатъ, и хотя каждый изъ нихъ стоитъ пятерыхъ, все-таки сопротивленіе было бы гибельнымъ сумасбродствомъ. А если Гарибальди и самъ король сардинскій не могутъ не повиноваться необходимости, выражаемой цифрою 300.000 французскихъ штыковъ, то смѣшно и говорить о той возможности поддержать свои желанія, противныя условіямъ мира, какую имѣютъ жители Тосканы, Модены и Легатствъ. Они могутъ кипѣть какимъ угодно негодованіемъ, могутъ принимать какія имъ угодно рѣшенія,—на это имъ полная воля въ тѣ немногіе дни, какіе нужны для передвиженія французскихъ войскъ съ бывшаго театра войны къ ихъ областямъ. А когда войска подойдутъ, они должны будутъ, во-

лею или неволею, успокоиться. Никакой разсчетъ не дозволяетъ имъ и дѣлать попытку къ сопротивленію; а если благородный патріотизмъ заставитъ ихъ жертвовать жизнью въ безнадежномъ сопротивленіи для охраненія чести, это будетъ имѣть своимъ результатомъ только погибель отважныхъ защитниковъ, преданныхъ итальянской независимости. Мы надѣемся, что не найдется между нашими читателями такого неопытнаго въ житейскихъ дѣлахъ, который захотѣлъ бы повторять вопросъ разныхъ газетъ: „Но кто же будетъ усмирять итальянцевъ, если они въ Тосканѣ, въ Моденѣ, въ Легатствахъ скажутъ, что оружіемъ готовы защищать пріобрѣтенную независимость? Неужели дозволятъ австрійцамъ въ Италіи снова подавлять вооруженною рукою всѣ попытки къ реформѣ въ областяхъ, куда они не имѣютъ права входить? Неужели французы, черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ называли себя защитниками итальянской свободы, рѣшатся штыками усмирять тѣхъ итальянцевъ, которые повѣрили имъ?“—Какое наивное „неужели“!—Безъ всякаго сомнѣнія, если французы найдутъ нужнымъ, они не только дозволятъ, но и прямо поручатъ австрійцамъ усмирять Легатства и другія папскія области. Безъ всякаго сомнѣнія, они сами усмирятъ штыками тосканцевъ и моденцевъ, если эти несчастные вздумаютъ дѣйствительно противиться возстановленію того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ до начала войны. А можетъ быть, — это еще лучше, — французы прикажутъ сардинцамъ исполнить за нихъ эту обязанность, и если вздумаютъ приказать, вы увидите, что сардинцы должны будутъ исполнить приказаніе.

Такимъ образомъ негодованіе, овладѣвшее всѣми итальянцами, и приготовленія ихъ противиться исполненію условій Виллафранкскаго мира въ тѣхъ странахъ, которыя должны утратить свободу, пріобрѣтенную въ то время, пока освободители Италіи, французы, были заняты войною въ долинѣ По,— эти приготовленія могутъ имѣть только одно значеніе,—значеніе свидѣтельства, что патріотизмъ и благородство обязываетъ иногда людей жертвовать своею жизнью для спасенія, если не свободы, то по крайней мѣрѣ для спасенія чести и славы своего мужества. Съ грустнымъ чувствомъ, какъ смотрѣли мы на подвиги волонтеровъ Гарибальди, смотримъ мы теперь на приготовленія жителей Тосканы, Модены и Легатствъ противиться исполненію судьбы, предназначенной для нихъ Виллафранкскимъ трактатомъ. Мы изложимъ здѣсь то, что извѣстно до сихъ поръ о благородныхъ и единодушныхъ усиліяхъ итальянскихъ патріотовъ отстоять свою независимость, — усиліяхъ, которымъ, безъ сомнѣнія, не суждено увѣнчаться успѣхомъ.

Тоскана, Модена и Парма, услышавъ о томъ, что рѣшено относительно ихъ судьбы въ Виллафранкѣ, встрепенулись: исчезли всѣ мелкія несогласія въ ихъ населеніи, исчезли всѣ слишкомъ справедливыя ихъ неудовольствія противъ легковѣрной и слабой политики сардинскаго министерства, давшаго связать себя необдуманнымъ союзомъ; какъ одинъ человѣкъ, жители Тосканы и Модены рѣшили принять всѣ, какія только могутъ, мѣры для того, чтобы отстоять хотя первый шагъ къ созданію итальянскаго единства, отстоять хотя свое соединеніе съ Сардиніею, которая выдавала ихъ въ то время, пока можно было еще сдѣлать что нибудь съ успѣхомъ. Тосканцы послали приказаніе своимъ войскамъ, уведеннымъ французами въ Сѣверную Италію,—

какъ можно скорѣе возвратиться для защиты родины отъ французовъ и возстановляемаго ими великаго герцога; они объявили, что они присоединяются къ Сардинiи; они назначили какъ можно скорѣе произвесть выборы конституцiоннаго тосканскаго собранiя, которое облекло бы эту волю тосканскаго народа въ правильную форму.

Тосканскiй „Монитеръ", призывая тосканцевъ къ выборамъ, говорилъ, между прочимъ: „ничего не можетъ быть важнѣе этихъ выборовъ для народа. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы сказать Европѣ: мы не хотимъ, мы не можемъ болѣе хотѣть австрiйской династiи; мы не хотимъ ея, потому что она противна итальянской нацiональности, за которую мы бились при Сольферино; мы не можемъ хотѣть ея, потому что если бы она возвратилась, обагренная кровью Сольферинской, то могла бы только составить вѣчное несчастiе наше и возмутить навсегда миръ всей Италiи. Итакъ вы видите, какое важное значенiе имѣетъ голосъ, который вы теперь должны подать! Кто поступитъ при этомъ легкомысленно, тотъ—или глупецъ, или предатель".

Въ тоже время обнародована была прокламацiя къ войскамъ тосканскимъ, которымъ поручалась теперь „защита священнѣйшаго права Тосканы,—права свободно выразить свои желанiя относительно нацiональной независимости и конституцiоннаго устройства". Тосканцы объявили, что будутъ защищать это право, во что бы то ни стало. Въ сильной статьѣ, помѣщенной въ Тосканскомъ Монитерѣ противъ великаго герцога Леопольда, говорилось между прочимъ: „да, Тоскана вооружается и она должна вооружиться, потому что ей предстоитъ прогнать злѣйшаго врага своего, побѣжденнаго при Сольферино, если бы онъ захотѣлъ снова взойти на тосканскiй престолъ. Но *вооруженiе* еще не значитъ *возмущенiе*, какъ хотятъ представить тайные агенты низверженной династiи: безъ всякаго возстанiя, Тоскана имѣетъ уже противъ этого врага вооруженныхъ солдатъ; у ней есть войско; скоро будетъ и нацiональная гвардiя.—Города должны вооружаться, и когда ударитъ тревога, жители деревень также должны будутъ вооружаться всѣмъ, что только найдется подъ рукою во всемъ населенiи, которое съ презрѣнiемъ отвергаетъ побитаго при Сольферино. Пусть знаетъ Европа, что образованный народъ, каковъ народъ тосканскiй, не можетъ потерпѣть безчестiя имѣть своимъ монархомъ того, кто, не далѣе какъ вчера, сражался въ лагерѣ австрiйскаго императора, противъ итальянскихъ войскъ".

Вслѣдствiе такихъ энергическихъ рѣшенiй, муниципальный совѣтъ Флоренцiи выразилъ формальнымъ образомъ слѣдующее желанiе нацiи:

«Муниципалитетъ выражаетъ желанiе, чтобы Тоскана могла составить часть большого итальянскаго государства подъ властью короля Виктора-Эммануила II, сохранивши административныя различiя, которыя наиболѣе согласны съ интересами этой страны.

«Въ случаѣ же, если высшiя политическiя соображенiя воспрепятствуютъ исполненiю этого желанiя, муниципалитетъ, настаивая на непремѣнномъ исключенiи династiи лотарингской, равно какъ и бурбонской, выражаетъ желанiе призвать къ управленiю страною принца изъ савойскаго дома».

Это рѣшеніе положено повергнуть на усмотрѣніе короля сардинскаго и императора французскаго, на согласіе котораго тосканцы еще надѣялись. Тѣмъ не менѣе они продолжали свое дѣло: сокративши всѣ, установленные закономъ сроки, они назначили совѣщанія народнаго собранія, а между тѣмъ собирали мнѣнія городскихъ общинъ. 24-го іюля, изъ 141 города, въ числѣ которыхъ находятся Флоренція, Ливорно и другіе большіе города Тосканы, получено выраженіе желанія присоединиться къ Сардиніи, большинствомъ 809 голосовъ противъ 15. Рѣшенія эти, тотчасъ же представленныя черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Рикazоли, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Тосканѣ, выражали интересы и желанія 1.135.863 жителей. „Нѣкоторые города, прибавлено въ тосканскомъ журналѣ, помѣстившемъ это извѣстіе,— ожидаютъ еще составленія особеннаго собранія для произнесенія своего рѣшенія; но можно предсказать, что они утвердятъ рѣшеніе остальныхъ, и что желанія Тосканы выразятся единодушно. И нѣтъ сомнѣнія, что желанія страны, такимъ образомъ выраженныя и утвержденныя національнымъ собраніемъ, будутъ приняты во вниманіе державами, которыя должны опредѣлить новое устройство Италіи“.

Эти надежды на то, что голосъ націи будетъ уваженъ, продолжались довольно долго, и у нѣкоторыхъ продолжаются до сихъ поръ. Сначала онѣ были съ особенною силою поддержаны извѣстіемъ, что императоръ Наполеонъ обѣщалъ положительнымъ образомъ,—что не употребитъ военнаго насилія для возстановленія низверженныхъ государей Италіи. Но потомъ стали ходить другіе слухи, которые однако же не смутили тосканцевъ, объявившихъ, что они „не побоятся никакого рода вмѣшательства и не отстанутъ отъ своего рѣшенія“. Назначены были общіе выборы народнаго собранія 7-го августа (26-го іюля), долженствовавшіе окончательно утвердить рѣшеніе городскихъ общинъ. Между тѣмъ, за недѣлю до начала этихъ выборовъ, разнесся слухъ, вскорѣ оказавшійся справедливымъ,—что Леопольдъ II отказался отъ престола въ пользу своего сына. Извѣстіе это принято было многими очень благопріятно, какъ облегчавшее развязку итальянскаго вопроса. Надѣялись, что тосканцы, имѣвшіе достаточныя причины лично ненавидѣть стараго герцога не будутъ столь несговорчивы въ отношеніи къ его сыну. Предположеніе это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что молодой герцогъ, какъ слышно было, намѣревался войти въ свои владѣнія не иначе, какъ предшествуемый конституціею, весьма либеральною. Но тосканцы не поддались и на это: отреченіе Леопольда ни въ чемъ не измѣнило ихъ рѣшенія относительно лотарингской династіи. Во время выборовъ, стѣны домовъ во Флоренціи покрыты были объявленіями съ надписью: „да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ, нашъ король“. Энтузіазмъ къ народному дѣлу не уменьшался, несмотря на то, что Сардинія вела себя въ этомъ дѣлѣ слишкомъ осторожно и даже робко. Предъ началомъ выборовъ, сардинскій чрезвычайный комиссаръ Бонкомпаніи былъ отозванъ изъ Флоренціи, чтобы не подать повода къ подозрѣнію въ тайномъ вліяніи Сардиніи на рѣшеніе тосканской націи. Временное правительство осталось въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ Рикazоли. По послѣднимъ извѣстіямъ, національное собраніе уже открыто, въ присутствіи уполномоченныхъ отъ Англіи, Франціи, Россіи и Пруссіи; президентомъ собранія избранъ

Тито Коппи. Это избраніе считаютъ доказательствомъ умѣренности собранія, потому что Коппи не принималъ никакого участія въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ. Несмотря на эту умѣренность, первымъ дѣломъ собранія, по предложенію депутата Джинори, было—провозгласить, что Лотарингская династія отнынѣ невозможна въ Тосканѣ. Предложеніе это было принято единодушно, всѣми 168 голосами собранія, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики Вторымъ предложеніемъ, принятымъ въ собраніи, было: „тосканская нація твердо рѣшилась—составить часть одного сильнаго итальянскаго государства, подъ конституціоннымъ направленіемъ короля Виктора Эммануила".

Но къ чему можетъ повести все это единодушіе, вся эта рѣшимость, кромѣ доставленія новыхъ жертвъ дѣлу итальянскаго единства, и такъ уже имѣвшему столько жертвъ?

Не въ видахъ французской политики—допустить образованіе итальянскаго государства, на широкихъ основаніяхъ національной свободы. Теперь уже нѣтъ нужды дѣлать предположенія о видахъ французскаго императора: посольство графа Резе достаточно объяснило ихъ. Изъ дѣйствій этого посланника видно, что если не возвращеніе прежняго герцога, то по крайней мѣрѣ всевозможное противодѣйствіе дѣлу итальянской независимости рѣшено непоколебимо въ умѣ Луи-Наполеона. Г. Резе началъ съ того, что увѣрялъ всѣ итальянскіе города, низвергнувшіе своихъ владѣтелей, въ истинномъ расположеніи императора и въ его дружеской заботливости о судьбѣ народа. Между тѣмъ въ то же время во французскомъ Монитерѣ появилась статья, въ которой и Леопольду и Фердинанду придавался титулъ великаго герцога тосканскаго. Это принято было за нѣчто въ родѣ avertissement'а, адресованнаго къ тосканцамъ. Вслѣдъ затѣмъ сдѣлались извѣстны требованія, предложенныя г. Резе королю сардинскому. Онъ требовалъ: 1) чтобы сардинскій комиссаръ былъ отозванъ изъ Пармы, такъ какъ отозваны уже комиссары изъ Флоренціи, Модены и Болоньи; 2) чтобы затѣмъ Сардинія не имѣла никакого, ни прямого, ни косвеннаго вліянія на населеніе этихъ областей и предоставила имъ самимъ выразить ихъ желанія; 3) чтобы сардинское правительство оказало свое содѣйствіе къ возстановленію изгнанныхъ принцевъ. — Надобно замѣтить, что не задолго передъ тѣмъ почти не сомнѣвались относительно оставленія Пармы за Піемонтомъ. Сардинское правительство полагало, что такъ какъ Парма не была включена въ условія Виллафранкскаго договора, то о возстановленіи герцогини не должно быть и рѣчи. Но вышло не то: умолчаніе Виллафранкскаго трактата ни мало не стѣснило императора французовъ, когда дѣло пошло о торжествѣ порядка надъ произволомъ народнымъ. Сардинія должна была согласиться, и графу Пальяри, сардинскому чрезвычайному комиссару въ Пармѣ, немедленно посланъ былъ приказъ возвратиться въ Туринъ. Пармскіе жители были очень огорчены этимъ и рѣшились представить императору свои желанія относительно присоединенія къ Сардиніи: пармскій подеста Линати отправился въ Парижъ, чтобы поднести императору постановленія пармскихъ общинъ, требующихъ присоединенія къ Сардиніи.

Второе требованіе Резе было также принято Сардиніею безпрекословно. Да впрочемъ оно отзывается даже отчасти придиркою: Сардинія еще ранѣе

этого, сама по себѣ (по крайней мѣрѣ такъ увѣряли оффиціально...) отказалась отъ всякаго вліянія на выборы; а теперь этого отказа требуетъ отъ нея французскій посланникъ!

Но третье предложеніе встрѣтило пока сильное сопротивленіе въ Сардиніи. Говорятъ, что Викторъ-Эммануилъ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи — не мѣшать дѣлу итальянской независимости, и отвѣчалъ графу Резе, съ нѣкоторымъ одушевленіемъ: „я могу не противиться тѣмъ распоряженіямъ, которыя вамъ поручено произвести въ итальянскихъ государствахъ, уже признавшихъ мою власть; я могу оставить собственнымъ силамъ народы, которымъ обѣщался покровительствовать; но никогда въ жизни я не протяну руки для того, чтобы помочь войти въ Италію врагамъ народа". Если эти слова дѣйствительно были сказаны, они очень хорошо изображаютъ положеніе сардинскаго правительства въ виду требованій своего союзника и благодѣтеля.

Впрочемъ, если Сардинія и не согласится участвовать въ возстановленіи изгнанныхъ герцоговъ, положеніе дѣла мало отъ того измѣнится. Луи-Наполеонъ рѣшилъ, что итальянскому независимому государству не бывать, и онъ найдетъ средства достигнуть своей цѣли. Французскіе солдаты, бывшіе въ Италіи, не всѣ еще возвратились... Близь Ливорно давно уже явилась французская эскадра, которая въ случаѣ надобности можетъ бомбардировать этотъ городъ, служащій Тосканѣ однимъ изъ главныхъ центровъ энтузіазма къ дѣлу итальянскаго единства. Рѣшеніе оставить въ Италіи 50-тысячную армію уже обнародовано въ Монитерѣ. А въ одно время съ извѣстіемъ объ открытіи національнаго собранія въ Тосканѣ, сдѣлалось извѣстнымъ распоряженіе императора объ остановкѣ возвращенія французскихъ войскъ изъ Италіи.

Какъ бы въ видѣ поясненія этихъ мѣръ, графъ Резе положительно объявилъ Тосканѣ, что о присоединеніи ея къ Сардиніи не можетъ быть и рѣчи. Но въ видѣ милости, онъ прибавилъ, что всякое другое желаніе націи, выраженное въ національномъ собраніи, можетъ быть принято во вниманіе при рѣшеніи судьбы Италіи.

Что тутъ дѣлать тосканцамъ? Говорятъ, что они склоняются къ мысли предложить власть принцу Наполеону. Въ этомъ избраніи находятъ средство примирить враждебные интересы французско-сардинскіе, такъ какъ принцъ Наполеонъ, будучи кузеномъ императора, въ то же время, по женѣ своей, близокъ и къ сардинской династіи. Притомъ же, говорятъ въ утѣшеніе себѣ нѣкоторые тосканцы, фамилія Бонапартовъ имѣетъ нѣкоторое притязаніе на флорентинское происхожденіе!..

Вслѣдствіе ли такихъ соображеній, или скорѣе отъ очевидной безвыходности своего положенія, тосканцы начали писать на стѣнахъ домовъ во Флоренціи: „viva Napoleone-Jerolamo, re d' Etruria" (да здравствуетъ Іеронимъ-Наполеонъ, царь Этруріи). Нѣкоторыя газеты увѣряютъ, что императоръ Наполеонъ и самъ принцъ не согласятся на такое избраніе, какъ весьма деликатные и совѣстливые люди. Но съ другой стороны нельзя не вспомнить, что еще до окончанія войны говорили о замыслѣ французскаго правительства— устроить для принца Наполеона какой нибудь престолъ въ Италіи... Во вся-

комъ случаѣ любопытно и то, что народный энтузіазмъ принужденъ уже склоняться къ результатамъ, столь пріятнымъ для Франціи...

Послѣ Тосканы, едва ли нужно много распространяться о положеніи Модены, Пармы и Болоньи. Энтузіазмъ и тамъ проявился не менѣе сильно и рѣшительно, чѣмъ въ Тосканѣ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о мирѣ, въ Пармѣ сдѣлана была общая демонстрація въ пользу присоединенія къ Піемонту; демонстрація эта принята была очень благосклонно піемонтскимъ губернаторомъ въ Пармѣ, объявившимъ, что король будетъ ею очень доволенъ, и что относительно присоединенія Пармы къ Сардиніи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но прошло двѣ недѣли, и Парма оставлена Сардиніею; выѣздъ сардинскаго комиссара произвелъ весьма непріятное впечатлѣніе въ Пармѣ; впрочемъ она не отказалась отъ своихъ требованій и отправила адресъ за подписью, говорятъ, 20,000 человѣкъ, для заявленія своихъ желаній...

Въ Моденѣ немедленно послѣ того, какъ узнали о мирѣ, рѣшено было составить корпусъ національной гвардіи для защиты страны. Кромѣ того, объявлено было о формированіи корпуса волонтеровъ, которое тотчасъ же и началось съ большимъ успѣхомъ. Въ то же время произведена была народная демонстрація въ пользу Виктора-Эммануила и противъ возстановленія Франциска V. Составилось множество адресовъ, подписанныхъ тысячами лицъ разныхъ сословій, и вмѣстѣ съ тѣмъ издана прокламація, приглашавшая гражданъ оставаться спокойными и доказать Европѣ, что ихъ рѣшеніе серьезно и благоразумно, и вовсе не походитъ на какое нибудь безпорядочное движеніе. И дѣйствительно, энтузіазмъ моденцевъ былъ твердъ и спокоенъ; вотъ что, напримѣръ, писалъ о немъ одинъ изъ итальянскихъ корреспондентовъ „Indépendance Belge“ Болонецъ, пріѣзжавшій въ Модену на одинъ день.

«Болонья, 22 іюля.

«Я хотѣлъ воспользоваться открытіемъ желѣзной дороги, которая теперь соединяетъ насъ съ Моденой, чтобы побывать въ этомъ городѣ. Я провелъ тамъ вчерашній вечеръ и ночь. Только-что возвратившись въ Болонью, я берусь за перо, спѣша разсказать вамъ впечатлѣнія моего путешествія.

«Какой энтузіазмъ, какая манифестація, какой духъ народности, какое единодушіе въ чувствованіяхъ, и въ особенности какое непоколебимое рѣшеніе—скорѣе умереть, нежели допустить возвращеніе герцога! Сколько разъ я ни заговаривалъ, въ различныхъ мѣстахъ, о возвращеніи Франциска V, я постоянно слышалъ въ отвѣтъ: piuttosto morire (лучше умереть!), и въ тонѣ этихъ словъ слышалось столько истины...

«Говоря безъ всякихъ прикрасъ, я долженъ вамъ сказать, что, проведши нѣсколько часовъ въ Моденѣ, я убѣдился въ нравственной невозможности возвращенія герцога,—развѣ только онъ будетъ возстановленъ сильною арміею (если подобный образъ дѣйствій требуется видами европейскихъ державъ). Но упроченіе его на тронѣ все-таки невозможно, какъ только эта армія выйдетъ изъ Италіи.

«Предметомъ всѣхъ разговоровъ въ кафе, на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ частныхъ собраніяхъ служитъ здѣсь уже не возвращеніе герцога:—здѣсь всѣ мужчины, женщины и дѣти давно рѣшили, что всѣ пойдутъ на смерть, чтобы только воспрепятствовать этому;—предметъ общихъ разговоровъ составляетъ присоединеніе къ Сардиніи, котораго желаетъ единодушно вся нація. Если это соединеніе не состоится, жители считаютъ возможною одну только мѣру—повальное переселеніе въ Сардинію.

«Но оставляя въ сторонѣ выраженія воли народной, протестаціи и адресы,

безпрерывно возобновляемые, я скажу вамъ объ одномъ дѣлѣ, поднятомъ временнымъ правительствомъ. Дѣло идетъ объ открытіи нѣкотораго рода процесса съ Францискомъ V. Особая комиссія будетъ наряжена для разысканія въ архивахъ доказательствъ злоупотребленій власти, совершенныхъ Францисками IV и V, послѣдними принцами изъ дома Эстовъ. Эти слѣдственныя разысканія будутъ служить основаніемъ для обвинительнаго акта герцога предъ европейскими державами».

Герцогъ однако же не потерялъ присутствія духа. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, онъ намѣренъ возвратиться въ Модену силою. У него въ распоряженіи находилось, по извѣстію въ „Patrie“, до 5,000 человѣкъ. По другому извѣстію, герцогъ моденскій, не имѣющій недостатка въ деньгахъ, навербовалъ себѣ до 7,000 наемниковъ, которыхъ называетъ „арміей Эстовъ“. Въ Моденѣ считается хорошо вооруженныхъ людей до 10,000, и они твердо рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности.

27-го (15 іюля) Фарини, бывшій чрезвычайнымъ комиссаромъ сардинскимъ въ Моденѣ, сложилъ съ себя это званіе, и вслѣдъ затѣмъ избранъ былъ диктаторомъ. Принявши это избраніе, Фарини немедленно объявилъ, что онъ намѣренъ приступить къ непосредственному созванію народныхъ комицій для разсужденій объ установленіи правительства, а между тѣмъ обѣщалъ заботиться объ усиленіи вооруженій и вообще военныхъ силъ страны.

Вскорѣ потомъ обнародованы и правила выборовъ: избирателями признаны всѣ граждане, достигшіе 21 года и умѣющіе читать и писать; число депутатовъ—73.

16-го августа и въ Моденѣ открылись засѣданія національнаго собранія, и Фарини сложилъ съ себя диктатуру.—Тоже самое и въ Легатствахъ. Они рѣшили, какъ можно поспѣшнѣе формировать свою армію, которая могла бы защитить ихъ отъ возстановленія папскаго владычества французскими или швейцарскими штыками.—Быть можетъ, они и устояли бы противъ однихъ швейцарцевъ, но швейцарцамъ въ случаѣ надобности помогутъ французы или пошлютъ помогать австрійцевъ.

Вообще папскимъ владѣніямъ угрожаетъ еще большая опасность со стороны всѣхъ друзей *порядка*, нежели остальнымъ герцогствамъ. Вопросъ жизни и смерти для Легатствъ—избавленіе отъ власти папы, а не присоединеніе къ Сардиніи; такъ ли, иначе ли ихъ бы устроили,—лишь бы отдѣлили отъ папы—они были бы довольны. Но именно этого-то и не хочетъ освободитель Италіи, держащій судьбы ея въ своихъ рукахъ... Онъ такъ почитаетъ Пія IX, такъ давно защищаетъ его отъ самовольства его подданныхъ, такъ недавно создалъ для него новую политическую роль—предсѣдателя итальянскаго союза!... Потерпитъ ли онъ отложеніе нѣкоторыхъ областей отъ намѣстника св. Петра, допуститъ ли онъ такіе безпорядки!... И дѣйствительно, на всякое обнаруженіе народной воли въ Легатствахъ смотрятъ, какъ на *безпорядки*. А между тѣмъ неудовольствіе здѣсь сильно и нерѣдко выражается такими манифестаціями, которыя папское правительство и французскіе агенты рѣшительно называютъ мятежными. Вообще, ничего нѣтъ легче и удобнѣе теперь, какъ исказить характеръ народнаго движенія, передавая извѣстія о событіяхъ въ Италіи. Недавно распространился же слухъ, что въ Пармѣ провозглашена красная республика, подъ вліяніемъ маццинистовъ,

и подеста Линати долженъ былъ особымъ объясненіемъ разувѣрять Европу въ этихъ слухахъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатано даже было, что есть агенты, нарочно подстрекающіе итальянцевъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, къ буйствамъ, для того, чтобы потомъ Франція или Австрія имѣли предлогъ употребить противъ нихъ вооруженную силу. Нельзя опредѣлить, въ какой степени достовѣрны эти извѣстія; но что они не лишены основанія, это доказывается той настойчивостью, съ которою временныя правительства въ Италіи убѣждаютъ гражданъ вести себя спокойно и серьезно... Въ нѣкоторыхъ изъ итальянскихъ прокламацій попадается выраженіе: „чтобы не подать Европѣ повода къ недовѣрію.“ Само собою разумѣется, что подъ Европою тутъ нужно понимать собственно Францію...

Неудовольствіе обнаружилось въ папскихъ областяхъ, какъ и во всей Италіи, непосредственно послѣ заключенія мира. Но здѣсь оно было сильнѣе потому что имѣло еще нѣкоторыя особенныя причины. Одна изъ нихъ состояла въ томъ, что амнистію, названную въ условіяхъ мира *всеобщею*, папа объявилъ подлежащею многимъ ограниченіямъ и измѣненіямъ. Это произвело въ Римѣ такое волненіе, что генералъ Гойонъ испугался и счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры на случай возстанія. При этомъ произошли, разумѣется, арестаціи, продолжавшіяся и потомъ нѣсколько времени. Между прочимъ взяты подъ стражу въ Римѣ два капуцинскіе монаха, давно уже производившіе сношенія съ главами революціонной партіи; у нихъ найдено письмо Мациини... Подобнаго рода тайное движеніе замѣчено было въ Анконѣ; вслѣдствіе чего съ начала іюня тамъ и водворены папскія войска разныхъ корпусовъ, занимающіяся безпрерывными арестаціями. Дошло до того, что запретили ходить по улицамъ двумъ человѣкамъ рядомъ, и хватали всякаго, кто поздно возвращался домой.

Относительно же Романьи, отложившейся отъ папы во время войны, подъ покровительствомъ сардинцевъ, прежде всего произошло любопытное объясненіе папскаго правительства съ императорскимъ. Папа жаловался, что сардинскія войска вошли въ его владѣнія, что Викторъ Эммануилъ послалъ своего комиссара Массимо-д'Азеліо—въ Болонью, что берсальеры и часть бригады Нави рѣшились даже оказать сопротивленіе папскимъ войскамъ, высланнымъ для надлежащаго наказанія мятежниковъ. Въ отвѣтъ на эту жалобу, Луи-Наполеонъ поручилъ своему посланнику, г. Грамонну—оправдать предъ папою сардинскаго короля и объяснить, что принимая военную диктатуру, и посылая войска въ Церковную область, Викторъ Эммануилъ имѣлъ въ виду только направить силы Романьи противъ Австріи и „предупредить внутреннія столкновенія, которыя легко могли возникнуть, особенно послѣ происшествій въ Перуджіи“... Папа долженъ былъ остаться доволенъ такимъ объясненіемъ, которымъ императоръ французовъ еще разъ доказалъ ту послѣдовательность своего образа дѣйствій, которую мы такъ подробно защищали.

Но и о Легатствахъ, относительно образа проявленія ихъ стремленій, надо сказать тоже, что о герцогствахъ: они постарались о всевозможной осторожности и скромности въ выраженіи своего энтузіазма къ дѣлу національной свободы. Болонья—центръ защитниковъ народнаго дѣла—показала въ этомъ случаѣ примѣръ благоразумія. Во все время, пока въ ней суще-

ствуетъ временное правленіе, спокойствіе ни разу не было нарушено, хотя и представлялись къ тому нѣкоторые поводы. Ни заключеніе мира, ни сущность его условій, ни внезапное удаленіе д'Азеліо, отозваннаго въ Туринъ, — ничто не вывело болонцевъ изъ границъ, предписываемыхъ благоразуміемъ. Все было спокойно и шло путемъ законности. По отъѣздѣ Азеліо, власть осталась въ рукахъ полковника Филикона, который издалъ декретъ объ учрежденіи въ Легатствахъ государственнаго совѣта изъ 15 членовъ, подъ предсѣдательствомъ чрезвычайнаго комиссара сардинскаго. Вскорѣ потомъ Филиконъ передалъ правленіе этому совѣту, который избралъ главою временнаго правленія полковника Чипріани, и пригласилъ гражданъ составить національное собраніе, которое бы въ законной формѣ выразило желанія націи относительно постояннаго правительства. Энергія и дѣятельность Чипріани оживили ходъ дѣлъ въ Болоньи: въ ожиданіи національнаго собранія, послѣдовали одинъ за другимъ адресы противъ папскаго правительства, организовались военныя силы, устроился національный заемъ, на сумму трехъ милліоновъ франковъ.

Между тѣмъ какъ составлялись національныя собранія,—и военный энтузіазмъ съ одинаковою силою поддерживался въ Италіи. Въ концѣ іюля генералъ Меццокапо, съ частію тосканскихъ войскъ, перешелъ пограничную линію Легатствъ. Оставивши часть своихъ силъ Римини, онъ 1-го августа перешелъ въ Форли, каждый день увеличивая свои войска новыми волонтерами. По извѣстіямъ изъ Болоньи, въ теченіе одной недѣли, отъ 27 іюля до 4-го августа, армія его возрасла отъ 11,000 до 16,000. Часть войскъ Меццокапо должна была направиться къ Урбино, а другая къ Анконѣ, чтобы черезъ Абруцскія горы перенести революцію въ Неаполь. По послѣднимъ извѣстіямъ, Гарибальди вышелъ изъ сардинской службы и принимаетъ начальство надъ войсками средней Италіи. Патріоты основываютъ на этомъ большія надежды. Но благоразумнѣйшіе изъ нихъ уже и теперь не скрываютъ, что дѣло ихъ независимости болѣе нежели сомнительно. Надежды на мирное разрѣшеніе дѣла почти исчезли. Неизвѣстно, на чемъ порѣшилъ императоръ французовъ съ папою; но извѣстно, что папа, прежде принятія почетнаго предсѣдательства въ итальянскомъ союзѣ, требовалъ возвращенія себѣ Легатствъ; извѣстно и то, что Наполеонъ еще прежде обѣщалъ папѣ неприкосновенность его владѣній...

Послѣдняя надежда для итальянскихъ патріотовъ осталась въ непоколебимомъ единодушіи и вѣрности общему дѣлу, и послѣднія извѣстія все болѣе и болѣе подтверждаютъ слухи о сближеніи между собою всѣхъ возставшихъ областей. Первое извѣстіе о выраженіи сочувствія городовъ другъ другу было около 25 іюля, изъ Пармы. Вотъ что писалъ объ этомъ корреспондентъ „Independance Belge“:

Парма, 25 іюля.

«Нѣсколько дней тому назадъ, намъ объявили, что многіе сосѣдніе съ нами города, какъ-то Піаченца, Модена, Реджіо, Болонья,—предполагали прислать къ намъ депутаціи, для засвидѣтельствованія намъ ихъ сочувствія. Нечего говорить, что мысль эта принята была здѣсь съ восторгомъ, и что мы считали истиннымъ праздникомъ

для себя это посѣщеніе, долженствовавшее соединить за однимъ столомъ членовъ единаго семейства, такъ давно разрозненныхъ.

«Вчера, въ воскресенье, съ самаго утра весь городъ былъ на ногахъ, готовясь достойно встрѣтить своихъ гостей. Случилось, можетъ быть не безъ умысла, что всѣ они явились въ одно время, съ разныхъ концовъ, и вступили въ городъ, въ числѣ 1,200 человѣкъ. Тотчасъ начались объятія, съ повторенными криками: «Viva l'Italia!»

«Я не въ состояніи описать того глубокаго впечатлѣнія, какое произведено было въ сердцахъ всѣхъ этимъ первымъ національнымъ торжествомъ.

«Члены городскаго совѣта, дворянство, высшіе чиновники и самъ губернаторъ пармскій, графъ Пальери—всѣ сошлись на площади Общины, и здѣсь опять начались объятія, при восторженныхъ кликахъ: «да зравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ! Сардинская армія! Франція! Сольферино!»

«Каждый пармскій житель овладѣлъ тогда однимъ изъ гостей, чтобы угостить его. Весь городъ превратился какъ будто бы въ одинъ большой домъ: двери каждаго дома, равно какъ и всѣ общественныя и частныя заведенія, были открыты для всякаго.

«Публичный садъ назначенъ былъ мѣстомъ для обѣда. Но число нашихъ гостей не позволяло усадить ихъ за одинъ столъ, какъ думали сначала; должны были удовольствоваться устройствомъ двадцати столовъ, на 100 человѣкъ каждый. Но и этого не хватило, потому что явились еще новые гости, въ числѣ которыхъ находились солдаты тосканскіе, сардинскіе и французскіе; ихъ присутствіе придавало еще болѣе торжественности и трогательности этому празднику. Въ числѣ этихъ солдатъ оказалось много раненыхъ, и они сдѣлались особеннымъ предметомъ самыхъ предупредительныхъ попеченій со стороны прекраснаго пола. Я видѣлъ, что дамы, принадлежащія къ высшей пармской аристократіи, разговаривали съ неизвѣстными солдатами такъ дружелюбно, какъ будто это были ихъ братья или сыновья.

«Множество знаменъ итальянскихъ и французскихъ украшало городъ; патріотическіе тосты раздавались безпрерывно; послѣ обѣда, продолжавшагося пять часовъ, былъ устроенъ импровизированный балъ; городъ былъ блистательно иллюминованъ... Гости отправились отъ насъ только на другой день, утромъ.

«За обѣдомъ читана была энергическая протестація Піаченцы противъ герцогскаго правительства. Тутъ же предложены были листы, и можно сказать навѣрное, что на нихъ подписались всѣ граждане Пармы, громко протестовавшіе противъ возвращенія герцогини и ея сына».

Таково было одно изъ публичныхъ проявленій взаимнаго сочувствія итальянскихъ городовъ. Вскорѣ обнаружились отношенія болѣе серьезныя. Отъ 31-го іюля изъ Флоренціи сообщали о предполагаемомъ союзѣ между Тосканою и Моденою, съ цѣлію общими силами отстаивать независимость страны противъ прежнихъ владѣтелей, ежели они рѣшатся вступить въ страну съ вооруженной силой. Къ этому союзу приглашалась и Болонья; но ея рѣшеніе сдѣлалось извѣстно только позже. По этому поводу корреспондентъ „Indépendance Belge“ сообщаетъ слѣдующіе факты.

Болонья, 8-го августа.

Въ нашей флорентинской корреспонденціи упомянуто было недавно о проэктѣ военнаго союза между Тосканою, Моденою и Легатствами. Это извѣстіе совершенно вѣрно; основанія этого проэкта были предметомъ долгихъ разсужденій; теперь если мои свѣдѣнія вѣрны, эти основанія приняты всѣми правительствами, заинтересованными въ дѣлѣ, и предположенный союзъ близокъ къ осуществленію, благодаря энергіи нашего теперешняго правителя—полковника Чипріани.

«Дѣло идетъ объ общемъ дѣйствіи армій трехъ странъ, для отпора внѣшнему

нападенію, съ какой бы стороны оно ни произошло. Такимъ образомъ силы Италіи возвысятся до 40,000 войска, и это число будетъ еще въ скоромъ времени увеличено поступленіемъ въ армію во Флоренціи и особенно въ Болоньѣ всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, возвращающихся изъ Ломбардіи. Эта армія могла бы составить четыре дивизіи, въ каждой съ особой кавалеріей и артиллеріей, такъ чтобы каждая могла дѣйствовать отдѣльно вездѣ, гдѣ случится надобность.

«Мнѣ извѣстно, что главное начальство надъ этими арміями предложено генералу Гарибальди, и уже принято имъ; его же усмотрѣнію представленъ и планъ организаціи войска, сейчасъ упомянутый мною.

«Кстати прибавлю, что виды правительства относительно сосредоточенія начальства надъ войсками въ рукахъ Гарибальду, были, кажется, непріятны сначала генералу Мецдокапо, и онъ даже просилъ отставки. Но полковникъ Чипріани, въ длинномъ разговорѣ, нисколько не стѣсняя доброй воли генерала касательно отставки, умѣлъ разсѣять его нерасположеніе и пріобрѣлъ въ немъ себѣ друга и дѣятельнаг помощника. Генералъ Мецдокапо останется начальникомъ войскъ въ Лагатствахъ.

Изъ всѣхъ этихъ приготовленій ясно, что итальянцы уже начинаютъ понимать свое положеніе и догадываются, чего имъ слѣдуетъ ждать отъ Франціи. Они ничего не говорятъ еще; но самое предположеніе о возвращеніи низверженныхъ владѣтелей съ вооруженною силою—показываетъ, что Италія надѣется въ своихъ сосѣдяхъ найти скорѣе враговъ, нежели защитниковъ ея національнаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ —съ чьей же силой возвратится Леопольдъ, или Фердинандъ, или Францискъ? Конечно, съ французской или съ австрійской, —не иначе, Италія понимаетъ это, но все еще не хочетъ покориться своей тяжелой участи и готовится къ борьбѣ...

Такимъ образомъ, вся средняя Италія рѣшилась противиться исполненію Виллафранкскаго трактата; но при всемъ своемъ энтузіазмѣ, что могли бы сдѣлать эти небольшія области съ 4 милліонами населенія, лишенныя готовыхъ войскъ, какъ Легатства, или потерпѣвшія, благодаря французской предусмотрительности, дезерганизацію въ своихъ войскахъ, какъ Тоскана? Что могли бы сдѣлать противъ безчисленной французской арміи эти области, лишенныя всѣхъ средствъ къ оборонѣ, которая по страшному неравенству силъ, не могла бы быть успѣшна и при самой полной организаціи?

Исполненіе тѣхъ условій Виллафранкскаго трактата, которыя относятся къ возстановленію прежняго порядка дѣлъ въ инсуррекціонныхъ областяхъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: оно опирается на французскіе отряды...

Такимъ образомъ, въ Италіи должно возстановиться прежнее состояніе дѣлъ, кромѣ одной той перемѣны, что восточная часть Ломбардіи передана императоромъ французовъ сардинскому королю. Посмотримъ же теперь, какой смыслъ можетъ имѣть эта перемѣна и каковы тѣ итальянскія правительства, которыя спасены отъ погибели, возвращены къ новой болѣе самоувѣренной жизни трактатомъ, за который наивные легковѣры, очаровавшіеся войною, обвиняютъ теперь императора французовъ, столь полно и основательно защищеннаго нами отъ всѣхъ порицаній за это дѣло.

Въ судьбѣ восточной Ломбардіи, уступленной императоромъ французовъ королю сардинскому, мы видимъ новое доказательство въ пользу оправдываемаго нами дѣла императора Наполеона III: если мы захотимъ узнать, сколько выиграла эта часть Ломбардіи отъ присоединенія къ Сардиніи, то убѣдимся, что

остальная часть Ломбардіи и Венеціи не имѣютъ слишкомъ сильныхъ причинъ завидовать перемѣнѣ, которая миновала ихъ.

Если читатель не принадлежитъ къ счастливцамъ, у которыхъ денегъ „куры не клюютъ", къ счастливцамъ, которые могутъ постоянно носиться душою въ возвышенныхъ сферахъ чисто идеальныхъ созерцаній о прекрасномъ всякаго рода, отъ трюфлей до составленія собственныхъ картинныхъ галлерей, будучи избавлены хорошимъ наслѣдствомъ отъ презрѣнныхъ мыслей о прокормленіи семейства,—то читатель знаетъ по опыту, что презрѣнные матеріальные разсчеты о кускѣ хлѣба, о тяжести налоговъ и тому подобныхъ пошлостяхъ сильно примѣшиваются къ самымъ возвышеннымъ чувствамъ, и, напримѣръ, съ понятіемъ національной независимости у итальянцевъ должна была соединяться мысль, что національное правительство не будетъ давить ихъ такими ужасными поборами, какъ давили иноземные властители. Мы положительно увѣрены, и имѣемъ на то несомнѣнныя доказательства, что главнымъ источникомъ ненависти къ австрійцамъ въ Ломбардіи служили не политическія преслѣдованія, а обременительность ихъ управленія въ отношеніи налоговъ и поборовъ всякаго рода. Эти фискальныя тягости справедливо казались раззорительными, невыносимыми. Что же теперь сдѣлало сардинское правительство въ этомъ отношеніи съ доставшеюся ему частью Ломбардіи?—Ровно ничего; всѣ тяжести, мучившія ломбардцевъ при австрійцахъ, попрежнему лежатъ на ломбардцахъ. Мы не хотимъ сами говорить объ этомъ,—представляемъ просто выписку изъ „Indépendance Belge", которую нельзя упрекнуть въ нерасположеніи къ сардинской политикѣ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ „Indépendance Belge" въ Италіи о той системѣ управленія, которая учреждена теперь сардинскимъ правительствомъ въ Ломбардіи:

«Изъ текста декрета о новомъ правительственномъ устройствѣ Ломбардіи. посланнаго вчера мною, вы могли видѣть, что въ администраціи не измѣнено по возможности ничего; забота была не о томъ, чтобы придумать возможно-наилучшую администрацію, а только о томъ, чтобы немедленно имѣть готовую администрацію. Потому-то только ту перемѣну и сдѣлали, что удалили множество иностранцевъ (т. е. не итальянцевъ), занимавшихъ должности при австрійскомъ правительствѣ и сосредоточили управленіе въ рукахъ отвѣтственныхъ лицъ съ значительною властью, вмѣсто коллегіальныхъ административныхъ мѣстъ, бывшихъ такимъ вреднымъ недостаткомъ при австрійскомъ управленіи.

«Въ финансовой организаціи страны послѣдовали той же самой системѣ, какъ въ политической. Вотъ два декрета, относящіеся къ финансовому устройству:

«Викторъ Эммануилъ и проч. и проч. и проч.

«Сообразно нашему декрету отъ 8-го числа настоящаго мѣсяца, принимая въ уваженіе потребности національной войны и въ силу чрезвычайной власти, данной намъ закономъ 25-го апрѣля текущаго года, по предложенію нашего совѣта министровъ, мы повелѣли и повелѣваемъ нижеслѣдующее:

«1) Прямые и косвенные налоги, существующіе нынѣ въ ломбардскихъ провинціяхъ, впредь до послѣдующихъ распоряженій удерживаются, исключая постановляемаго слѣдующею статьею измѣненія.

«2) Относящіяся до продажи товаровъ, принадлежащихъ къ регаліямъ (Regia privativa) [1], до почтъ, телеграфовъ, и таможень, пошлины, законы и правила, дѣй-

[1]) Правительственныя монополіи: соль, табакъ, порохъ и проч.

ствующіе нынѣ въ другихъ частяхъ королевскихъ владѣній, будутъ примѣнены къ Ломбардіи по особеннымъ распоряженіямъ губернатора.

«По совершеніи этого уподобленія, таможенная линія между Ломбардіею и другими провинціями будетъ уничтожена.

«Другой декретъ опредѣляетъ, что во время войны пограничныя и городскія таможни не должны взимать никакихъ пошлинъ съ товаровъ, идущихъ на употребленіе арміи.

Такимъ образомъ, съ очень небольшими исключеніями, Ломбардія будетъ управляться нынѣ по тѣмъ же самымъ формамъ, какія существовали прежде; ломбардцы будутъ платить тѣже самые налоги, какъ прежде,—и вы увидите странное зрѣлище, что вещи, бывшія несносными при австрійскомъ правительствѣ, будутъ выноситься (и уже выносятся) съ охотою при правительствѣ, которое сами себѣ избрали. Каждому кажется это натурально, и если понадобятся и большія жертвы, они также перенесутъ ихъ съ готовностью».

Итакъ, для облегченія тѣхъ сословій, которыя чувствовали тягость австрійскихъ наборовъ въ Ломбардіи, не сдѣлано ровно ничего. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что когда нибудь будутъ произведены сардинскимъ правительствомъ облегченія налоговъ въ Ломбардіи, какъ будутъ конечно произведены и въ самой Сардиніи, гдѣ налоги также доведены до чрезвычайной обременительности для поддержанія давнишней воинственности.... Мы не сомнѣваемся, что сардинскій правительственный принципъ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, при всѣхъ современныхъ уклоненіяхъ отъ заботы объ облегченіи матеріальной участи народа, все-таки въ милліонъ—разъ лучше австрійскаго, который по натурѣ своей соединенъ съ угнетеніемъ народа и въ матеріальномъ отношеніи, какъ основанъ на угнетеніи его въ нравственномъ, и умственномъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ сардинскій принципъ существенно принужденъ обращаться къ улучшенію народнаго быта, хотя бы по временамъ и уклонялся отъ этой обязанности по случайнымъ обстоятельствамъ. Мы только хотимъ сказать, что нынѣшняя война была соединена съ однимъ изъ такихъ временныхъ забвеній объ облегченіи народныхъ бѣдствій, что сардинская политика въ то время, когда пріобрѣла Ломбардію, была такъ же недальновидна по финансовой части, такъ и по дипломатической.

Мы уже говорили, что поселяне сѣверной Италіи далеко не раздѣляли энтузіазма, съ которымъ желали изгнанія австрійцевъ горожане и высшія сословія. Мы говорили, что причина этой холодности поселянъ къ національному дѣлу заключается въ поземельныхъ отношеніяхъ, по которымъ поселянинъ, зависимый не прямо отъ правительства, а отъ богатаго землевладѣльца, останавливаетъ на этомъ ближайшемъ посредникѣ своей бѣдности чувство нелюбви, которое уже не доходитъ до отдаленнѣйшей и коренной виновницы бѣдствій—до правительственной системы, принуждающей землевладѣльца обирать поселянина для уплаты налоговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ защищающей землевладѣльца въ его господствѣ надъ поселяниномъ. Поселянинъ знаетъ, что онъ много отдаетъ землевладѣльцу;—о томъ, что землевладѣлецъ много изъ этой добычи долженъ отдавать правительству, онъ не знаетъ, не знаетъ и того, что оно не даетъ возможности ни землевладѣльцу уменьшить повинности, лежащія на мужикѣ, ни мужику возвыситься до не-

зависимости въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ и въ Ломбардіи поселяне умѣютъ только нелюбить землевладѣльцевъ, не понимая, что должны были бы за все винить австрійское правительство, которое не имѣло съ ними непосредственнаго дѣла, а угнетало ихъ только черезъ посредство землевладѣльцевъ. Вотъ подробности объ этомъ положеніи вещей, найденныя нами у того же корреспондента Times'а, которому мы были обязаны описаніемъ войны:

«Справедливость требуетъ сказать, что поселянамъ (въ Ломбардіи) нечего было жаловаться на австрійское правительство: въ самомъ дѣлѣ, вы удивитесь, если я скажу, что, за исключеніемъ косвенныхъ налоговъ по монополіямъ соли, табаку, по гербовой бумагѣ и по таможеннымъ пошлинамъ, поселянинъ не платитъ здѣсь ничего, и прямыхъ налоговъ никакихъ на немъ не лежало. Всѣ налоги лежатъ на землевладѣльцѣ. Большая часть этого округа (сѣверо-восточная часть Ломбардіи) состоитъ изъ большихъ имѣній, владѣльцы которыхъ почти всѣ живутъ въ городахъ, только осенью пріѣзжая на нѣсколько недѣль въ свои помѣстья. Мелкой поземельной собственности, которая обработывается самими владѣльцами, здѣсь чрезвычайно немного, и почти всѣ поселяне просто фермеры или работники. Имѣющіе четырехъ и больше воловъ бываютъ фермерами; фермеръ получаетъ, сообразно съ своими рабочими силами, извѣстный участокъ земли съ домомъ, который содержится землевладѣльцемъ. Фермеръ дѣлаетъ посѣвъ изъ своихъ сѣмянъ и обработываетъ землю; изъ произведеній ему принадлежатъ двѣ трети, а третья часть отдается владѣльцу, который, какъ собственникъ, долженъ изъ этой трети уплачивать тяжелый поземельный налогъ (prediale). Неимѣющіе скота нанимаются въ годовые работники. Они получаютъ готовый домъ со всѣмъ обзаведеніемъ, извѣстное число воловъ, сообразно пространству отдаваемой имъ въ обработку земли, соразмѣрному съ числомъ работниковъ въ семьѣ. Весь сборъ произведеній поступаетъ къ землевладѣльцу, который даетъ извѣстную плату деньгами, хлѣбомъ, рисомъ, сѣномъ, виномъ, дровами и проч. этимъ своимъ работникамъ (bovarii). Едва ли нужно говорить, что и тутъ поземельный налогъ уплачивается землевладѣльцемъ.

«Шелководство совсѣмъ особое дѣло. Землевладѣлецъ составляетъ такъ называемое «общество», società. Каждому семейству даетъ онъ извѣстное количество сѣмени шелковичнаго червя и для прокормленія червей назначаетъ соотвѣтствующее число шелковичныхъ деревъ. Онъ даетъ семьѣ также домъ, если она не получила уже дома по фермерству или найму въ земледѣльческую работу у него. Продуктъ дѣлится по-ровну между землевладѣльцемъ и его компаньономъ. Налогъ платитъ опять землевладѣлецъ, какъ собственникъ шелковичныхъ деревъ. Но это еще не все: онъ долженъ нести и весь рискъ, а въ послѣдніе годы рискъ въ шелководствѣ былъ великъ. «И знаете, что бываетъ? — говоритъ человѣкъ, сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія, простодушный, но умный приходскій священникъ, — компаньонъ приходитъ къ владѣльцу и говоритъ: падроне (или по здѣшнему выговору парронъ) мнѣ нужно поленты, чтобы кормить мою семью.—Вотъ вамъ полента, говоритъ владѣлецъ.—Приходитъ другой и говоритъ: парронъ, мнѣ нужно дровъ, потому что погода холодная, и черви перемрутъ, если не топить для нихъ.—Вотъ вамъ дрова, говоритъ владѣлецъ.—Опять приходитъ третій и проситъ денегъ заплатить людямъ, которые обрываютъ и переносятъ къ червямъ листья съ деревъ, и получаетъ одну или двѣ мѣдныхъ монеты отъ владѣльца. Такъ все и идетъ, и владѣлецъ долженъ нести самъ всѣ издержки производства. Приходитъ galette, сборъ коконовъ,—и вотъ тебѣ! — коконы не сотканы червями: владѣлецъ—мало того, что не получилъ шелку, онъ долженъ еще платить подати, а въ придачу пропали даромъ и дрова, и полента, и деньги».

«Этотъ очеркъ нѣсколько объясняетъ расположеніе умовъ ломбардскаго сельскаго населенія, и показываетъ, почему поселяне въ равнинахъ до сихъ поръ оставались довольно равнодушны къ дѣлу удаленія австрійцевъ. Они только поставляли

рекрутъ, да платили косвенные налоги на соли и табакѣ, а кромѣ того не платили ничего. Подобно сельскому населенію въ другихъ странахъ, они не поднялись до идей выше мыслей о ѣдѣ, питьѣ, пріумноженіи человѣческаго рода и смерти. Смѣшно было бы ожидать отъ нихъ энтузіазма безъ предложенія имъ какихъ нибудь матеріальныхъ выгодъ. Съ этою цѣлью новое правительство рѣшило сдѣлать значительное пониженіе въ цѣнѣ соли, надѣясь, и быть можетъ не безъ основанія, пріобрѣсти расположеніе сельскаго населенія въ равнинахъ. Въ горахъ, гдѣ больше мелкихъ собственниковъ и гдѣ стало-быть карманъ народа страдаетъ отъ тяжелой поземельной подати, наложенной австрійскимъ правительствомъ, поселянинъ такъ же сильно желаетъ низверженія австрійскаго правительства, какъ по всей Ломбардіи желаютъ этого высшіе классы горожанъ».

Такимъ образомъ, мы теперь знаемъ слѣдующіе факты: поселяне въ Ломбардіи не понимали, что австрійцы поддерживали невыгодныя для нихъ поземельныя отношенія, и обременяя землевладѣльцевъ налогами, служили истинными виновниками ихъ бѣдности; но они жили бѣдно, будучи въ совершенной зависимости отъ землевладѣльцевъ, и если желали перемѣнъ, то не въ правительствѣ, а въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Сардинское правительство ничего не сдѣлало и по этому вопросу. Итакъ поселяне, не понимавшіе, что должны винить за свою бѣдность австрійцевъ, не получили причинъ быть расположенными къ сардинцамъ больше, нежели къ австрійцамъ. Высшіе классы и горожане, чувствовавшіе австрійское угнетеніе, не получили облегченій отъ Сардиніи; поселяне, не имѣвшіе ненависти къ австрійцамъ, оставлены въ прежнемъ положеніи.

Теперь читатель видитъ, почему мы, сказавъ въ началѣ статьи, что въ каждой западно-европейской націи существуютъ двѣ основы раздѣленія на партіи,—матеріальныя отношенія и политическія потребности, говорили потомъ только о трехъ партіяхъ, возникающихъ изъ разногласія въ политическихъ стремленіяхъ, не упоминая о четвертомъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ массы народа, которая равнодушна къ понятіямъ реакціи, модерантизма и политическаго революціонерства, и носитъ въ себѣ только недовольство чисто матеріальными отношеніями извѣстнаго порядка вещей. Эта темная, почти нѣмая, почти мертвая въ обыкновенныя времена масса не играетъ роли въ нынѣшнихъ итальянскихъ событіяхъ, какъ не играетъ и въ большей части другихъ политическихъ дѣлъ Западной Европы. Глухія, нѣмыя стремленія этой массы такъ не похожи на историческія стремленія друзей реформы въ образованныхъ сословіяхъ, что модерантисты никогда, и даже революціонеры очень рѣдко отваживаются прямо опираться на удовлетвореніе этимъ стремленіямъ, и масса, не находя въ ихъ программахъ соотвѣтствія съ своими мыслями, остается обыкновенно равнодушна къ реформаторамъ; мало того, она даже обыкновенно имѣетъ расположеніе проникаться нелюбовью къ нимъ, досадою на нихъ за то, что въ общественной тишинѣ, доставляющей ежедневное скудное пропитаніе массѣ, реформаторскія партіи производятъ нарушеніе для цѣлей, не кажущихся достаточно благотворными для массы. Оставаясь равнодушна къ реформаторамъ, не видя въ ихъ дѣлѣ своего дѣла, масса даже предается въ руки реакціонеровъ, которые по крайней мѣрѣ обѣщаются охранять внѣшній порядокъ, дающій массѣ насущный скудный хлѣбъ ежедневнымъ трудомъ....

Такъ было и въ Италіи. Сардинія, Ломбардія, Венеція, Тоскана, Парма и Модена, Легатства,—эти земли вмѣстѣ имѣютъ болѣе 15 милліоновъ населенія; какая армія въ состояніи бороться противъ 15 милліоновъ людей? Пошлите противъ нихъ хотя милліонъ солдатъ, и тысячи человѣкъ изъ этого милліона не возвратятся на родину.... Но гдѣ же въ Италіи было участіе массы? Дѣйствовали образованныя сословія да нѣкоторые классы горожанъ, то есть горсть людей, только сотни тысячъ, а остальные четырнадцать съ половиною милліоновъ, покинутые безъ вниманія къ ихъ потребностямъ предводителями движенія, равнодушно смотрѣли на это движеніе къ цѣлямъ, не затрогивавшихъ бѣдныхъ потребностей бѣдной массы— ихъ поселянъ и городскихъ простолюдиновъ, и говорили: „пусть раздѣлываются между собою, какъ знаютъ, это не наше дѣло: о насъ никто не заботится, намъ никто не желаетъ пользы, — что же намъ-то хлопотать о нихъ?“...

Да, — это мы видимъ теперь, — страшная судьба ждетъ патріотовъ Италіи. Каковы бы ни были правительста, ими низвергнутыя, прежнія гоненія будутъ ничтожны передъ мщеніемъ, которому подвергнутся образованные классы отъ реставраціи. Тоскана, Парма, Модена долго будутъ доставлять газетамъ матеріалы для пошлыхъ, глупыхъ филиппикъ противъ жестокостей реакціи, какъ будто бы реакція можетъ обходиться безъ крутыхъ средствъ!.. Что будетъ въ Италіи дѣлаться возстановленными правительствами, можемъ мы знать по примѣру, который дало папское правительство въ Перуджіи.

Мы не возьмемъ на себя обязанности разсказывать перуджіанское дѣло, происходившее передъ сольферинскою битвою; ограничимся выпискою изъ газеты, которую никто не заподозритъ въ преувеличеніи фактовъ съ неблагонамѣренною цѣлью, и переводомъ письма, присланнаго въ „Times“ американцемъ, который самъ былъ очевидцемъ подвиговъ торжествующей реакціи. Вотъ это письмо, изъ котораго Европа впервые узнала о томъ, какъ возстановленъ былъ порядокъ въ Перуджіи, увлекшейся нечестивыми либеральными наклонностями:

«Флоренція, 25 іюня».

«Считаю обязанностью очевидца извѣстить васъ о свирѣпостяхъ, совершенныхъ папскимъ правительствомъ въ Перуджіи 20 (8) числа нынѣшняго мѣсяца (іюня), когда швейцарскія войска послѣ форсированнаго марша успѣли вступить въ этотъ городъ, одолѣвъ храброе сопротивленіе жителей, которые въ предъидущій вторникъ (14—2 іюля) мирно, но твердо и единодушно возстали противъ легата и принудили его съ немногочисленными папскими солдатами, бывшими въ Перуджіи, оставить ихъ городъ.

«Во всю эту недѣлю были слухи, что правительство послало изъ Рима два полка; но телеграфъ молчалъ. Горожане составили изъ себя національную гвардію, собрали оружіе и загородили ворота св. Петра, находящіяся въ концѣ той улицы, гдѣ стоитъ Hôtel de France, въ которомъ жилъ я съ моимъ семействомъ.

«Насъ увѣряли, что мы будемъ за нѣсколько часовъ предупреждены о приближеніи войскъ; но они шли день и ночь проселочными дорогами, не проходя ни черезъ одинъ городъ, стоящій на обыкновенной дорогѣ, такъ что совершенно неожиданно явились подъ стѣнами города и перелѣзли черезъ нихъ.

«Они требовали покорности, но горожане, страдавшіе отъ несправедливостей, о которыхъ вы такъ часто и хорошо говорили Европѣ, отвѣчали съ твердостью, какую давала имъ великая надежда, что ихъ груди будутъ вторымъ оплотомъ противъ войскъ.

«Тогда была сдѣлана самая бѣшеная и, разумѣется, успѣшная атака на иррегулярное и необученное войско горожанъ; полтора часа непрерывно продолжалась перестрѣлка у воротъ.

«Солдатъ гнали къ Перуджіи день и ночь, выдавая имъ очень мало пищи; пятеро или шестеро изъ нихъ умерли на дорогѣ. Прибывши въ маленькую деревню близь Santa Maria degli Angeli (около города Ассизи), гдѣ они, вѣроятно, въ первый разъ выступили на большую дорогу, они вошли въ дома и принудили жителей отдать имъ все вино, какое было въ деревнѣ, такъ что къ Перуджіи пришли они пьяные, обезумѣвшіе отъ вина и усталости... Какъ прискорбно, что швейцарцы, могутъ наниматься на совершеніе такихъ злодѣйствъ,—злодѣйствъ, говорю я, потому что, вошедши въ городъ, они стали дѣйствовать, какъ убійцы. Они входили въ дома, стрѣляли направо и налѣво въ лавки и въ дома, и часа черезъ два, послѣ начала атаки, мы услышали, что они выламываютъ двери нашего отеля, потомъ услышали мы выстрѣлы въ домѣ, хотя хозяинъ отеля былъ безоруженъ, оставался нейтральнымъ и не оказывалъ никакого сопротивленія. У дверей они застрѣлили двухъ служителей, кричавшихъ имъ, что это гостинница. По свирѣпымъ крикамъ и выстрѣламъ узнавъ, что намъ грозитъ большая опасность, всѣ мы ушли въ заднюю комнату во второмъ этажѣ; когда бѣшеные солдаты стали приближаться къ ней, мы спрятались въ длинный, узкій чуланъ, въ концѣ котораго поставили хозяйку дома, ея мать и одну изъ служанокъ. Наше семейство состояло изъ одного мужчины, четырехъ женщинъ и съ нами было двое слугъ, такъ что всего 10 человѣкъ забились въ эту клѣтку, имѣвшую не болѣе двухъ футовъ ширины. Мы приготовлялись къ смерти. Прошло десять минутъ мучительной неизвѣстности, и солдаты вошли въ комнату; отворивъ дверь чулана, они направили въ нее штыки; три раза они грозили намъ; они походили на дикихъ звѣрей. Мы всѣ кричали по-итальянски: «мы американцы, иностранцы...» Одна изъ дамъ упала на колѣни и штыкъ былъ устремленъ на нее, когда сердце одного изъ швейцарцевъ смягчилось: онъ бросился впередъ съ крикомъ: «стыдно убивать женщинъ», сталъ между нами и своими товарищами, помогъ намъ укротить ихъ, увѣряя, что мы отдадимъ все, что у насъ есть. Взявъ наши часы и бывшія съ нами деньги, они ушли изъ комнаты. Добрый солдатъ, Конрадъ, сказалъ, что будетъ защищать насъ и что его товарищи обезумѣли отъ вина, утомленія и голода. Полчаса прошло спокойно; потомъ мы услышали, что бѣгаетъ по дому другая толпа; въ ту самую минуту, когда они были готовы ворваться въ нашу комнату, добрый солдатъ, которому мы были обязаны жизнью, вбѣжалъ въ другую дверь, съ крикомъ: «прячьтесь, прячьтесь! въ чуланъ, въ чуланъ!»—и опять мы спрятались на цѣлый часъ.

«Солдаты совершенно опустошили домъ. Они убили хозяина дома (человѣка безоружнаго, старавшагося успокоить ихъ) передъ тою комнатою, гдѣ мы были, и убили его самымъ жестокимъ образомъ. Въ цѣломъ городѣ совершались убійства. Одному изъ солдатъ помѣшалъ заколоть штыкомъ двухъ женщинъ его товарищъ, который боролся съ нимъ, пока женщины убѣжали къ намъ.

«Два раза мы должны были возвращаться въ нашъ чуланъ. До 9 часовъ солдатамъ было дано грабить и опустошать городъ. Между прочимъ, они убили бѣднаго малютку за то, что на него была надѣта его матерью итальянская кокарда. Они убили семь женщинъ... Многіе изъ жителей разорены. Въ нашемъ отелѣ (Hotel de France) не осталось ни одной цѣлой вещи: столы, стулья, зеркала,—все изломано и разбито въ мелкіе куски. Наши чемоданы были разломаны и все изъ нихъ взято. Потерявши все, мы едва спасли свою жизнь, благодаря нашимъ паспортамъ, которые по счастію были у меня въ карманѣ: намъ было дозволено уѣхать изъ города,—города смерти, по улицамъ котораго, когда мы уѣзжали на другой день поутру, лежали трупы».

А вотъ и выписка изъ „Journal des Débats“, который, какъ извѣстно, вовсе не расположенъ чернить охранителей порядка:

«Извѣстно, что вся Романья, многіе города маркграфства и нѣкоторые города Умбріи объявили себя въ пользу войны за независимость. Движеніе повсюду имѣло одинаковый характеръ. Граждане, самые почтенные по знатности, богатству или личнымъ достоинствамъ, объявляли легату или делегату, что лучше будетъ ему удалиться, потому что городъ рѣшился помогать своими деньгами и силою своихъ молодыхъ людей войнѣ, которую ведутъ союзники противъ австрійцевъ. Повсюду делегаты удалились безъ сопротивленія.

«Юнты, составлявшіяся изъ самыхъ почетныхъ людей въ каждомъ городѣ, немедленно учреждались и первымъ ихъ дѣломъ было посылать депутатовъ въ монастыри, коллегіумы, воспитательные домы іезуитовъ и другихъ орденовъ—увѣрить эти корпораціи, что всѣ онѣ могутъ быть совершенно спокойны за свое существованіе и свою собственность, что движеніе имѣло исключительно народный итальянскій характеръ а вовсе не характеръ революціи.

«Перуджія—самый близкій къ Риму изъ городовъ, въ которыхъ обнаружилось это движеніе. Правительство рѣшилось возвратить ее къ повиновенію. «Римская газета», три дня тому назадъ (21 іюня новаго стиля), извѣстила насъ, что городъ покоренъ и г. полковникъ Шмидтъ произведенъ въ генералы за услуги, оказанныя при этомъ дѣлѣ. Намъ очень непріятно, но мы должны сообщить подробности этого покоренія. Было послано 1,000 человѣкъ тѣхъ наемныхъ солдатъ, которые называются швейцарцами, но въ сущности состоятъ изъ людей всякихъ націй, особенно изъ нѣмцевъ; къ нимъ въ Фулиньи присоединилось нѣсколько карабинеровъ,—этотъ корпусъ назначенъ быть жандармами, но состоитъ изъ грабителей. Присоединили къ нимъ еще нѣсколько ротъ обыкновеннаго папскаго войска, и полковникъ Шмидтъ, набравъ такимъ образомъ до 2,500 человѣкъ солдатъ, явился передъ Перуджіею.

На требованіе сдаться, муниципальная юнта отвѣчала просьбою дать ей нѣсколько часовъ времени для успокоенія особенно горячихъ людей и принятія нужныхъ мѣръ. Поста, секретарь юнты, пошелъ въ лагерь просить этой отсрочки, передъ нимъ несли бѣлое парламентское знамя. Едва только вышедши за городскія ворота, онъ упалъ пораженный шестью пулями. Потомъ были убиты четыре сына его, и мы слышали, что мать ихъ сошла съ ума. Въ одну минуту ядра разбили ворота, и войска ворвались въ предмѣстье св. Петра. Тутъ было убито 70 человѣкъ, множество другихъ ранено, начался грабежъ, и солдаты зажгли городъ. Изъ монастыря Бенедиктинцевъ было взято 14,000 скуди (21,000 р.). Въ семействахъ Темперини, Самитаремси, Таббакони, Бельцуни почти всѣ были перерѣзаны, даже маленькія дѣти. Изъ комнатъ, гдѣ хотѣли укрыться эти несчастные, всѣ дорогія вещи и все серебро взяли солдаты.

«Магдалена Темперини, богатая и уважаемая дама, была убита въ своей спальнѣ. Ирена Джоя Полидори, модистка, была убита. Въ Hotel de France, американецъ, жившій съ своимъ семействомъ.... (слѣдуютъ подробности, которыя мы уже знали изъ его письма).

«Послѣ такой побѣды, городъ немедленно былъ подвергнутъ всей строгости жесточайшихъ военныхъ законовъ, и было велѣно два дня иллюминовать его. Солдаты были роскошно угощаемы на счетъ города и стали получать по три паоли въ день; на городскую общину была наложена контрибуція въ 231,000 франковъ и на одного изъ членовъ юнты, г. Гуардабали, штрафъ въ 107,000 франковъ.

«У инсургентовъ было только 80 ружей.

«Вчера (23 іюня н. с.) было здѣсь (въ Римѣ) большое торжество»

Вотъ еще отрывокъ изъ письма корреспондента „Indépendance Belge“:

«Списокъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ Перуджіи, слишкомъ длиненъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«У модистки Серри, солдаты ранили или убили восемь дѣвушекъ и ребенка, которые на колѣняхъ умоляли о пощадѣ.

«Въ домѣ г. Лагарини убиты его жена, теща и ребенокъ.

«Въ домѣ табачнаго купца Франчески, убита штыками въ постели больная женщина.

«У г. Темперини взято 2,000 скуди.

«Въ домѣ г. Сальватори убиты два служителя.

«Привожу только немногіе факты. Не могу упомянуть объ одномъ совершенно оригинальномъ.

«Между разными монастырями, существуетъ вражда. Доминиканскіе монахи, помогавшіе солдатамъ войти въ городъ, обратили ихъ ярость на монастырь св. Петра, который называли пристанищемъ мацциниcтовъ. Солдаты убили одного изъ монаховъ и ранили нѣсколькихъ другихъ.»

Само собою разумѣется, что всѣми наивными людьми, никакъ не понимающими условій и натуры реакцій, овладѣло странное негодованіе при такихъ извѣстіяхъ, но папское правительство, пославъ свое благословеніе храбрымъ побѣдителямъ Перуджіи (защитники которой, какъ мы видѣли, имѣли только 80 ружей) и наградивъ генеральскимъ чиномъ ихъ командира, очень основательно объявило въ „Римской Газетѣ“, что очень глупо поступаютъ люди, удивляющіеся совершившимся въ Перуджіи фактамъ, какъ чему-то необыкновеному, что напротивъ, иначе никогда не бываетъ и не можетъ быть. Мы не судимъ о томъ, до какой степени хорошо или дурно рѣзать дѣвушекъ, дѣтей и больныхъ женщинъ, но должны признаться, что папское правительство понимаетъ характеръ своего положенія и неизбѣжные способы своего дѣйствія гораздо вѣрнѣе нежели тѣ наивные люди, которые удивляются перуджіанскимъ событіямъ и въ своемъ простодушіи даже требуютъ, чтобы подобныхъ вещей не совершалось. Напротивъ, мы совершенно убѣждены, что „иначе не бываетъ и быть не можетъ“, и что участь, постигнувшая Перуджію, служитъ только указаніемъ на судьбу всѣхъ остальныхъ возстававшихъ протикъ законнаго правительства городовъ въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ и Легатствахъ.

Неужели же въ самомъ дѣлѣ невозможно избѣжать подобной судьбы итальянскимъ патріотамъ? спроситъ иной простодушный челоаѣкъ. Теперь — нѣтъ, невозможно, потому что дѣло уже кончено, судьба ихъ была рѣшена съ той минуты, какъ итальянскіе либералы, вмѣсто того чтобы искать единственной вѣрной опоры себѣ въ массѣ своихъ соотечественниковъ, предали себя во власть иноземному реакціонному союзнику. Но они, если захотятъ, могутъ извлечь изъ нынѣшнихъ событій урокъ, воспользовавшись которымъ могутъ предохранить себя отъ неудачъ на слѣдующее время. Нашъ выводъ, само собою разумѣется, относится только къ итальянцамь и ни къ кому другому. Вотъ онъ:

Либералы (разумѣется, въ Италіи) безсильны противъ реакціонеровъ, если остаются съ однѣми своими силами, потому что либерализмъ понятенъ только образованнымъ людямъ, стало быть имѣетъ своими приверженцами только горсть людей по сравненію съ массою населенія. Эта масса имѣетъ стремленія, въ сущности одинаковыя съ желаніями послѣдовательныхъ либераловъ, у которыхъ либерализмъ состоитъ не въ однихъ словахъ, а въ стремленіи къ важнымъ реформамъ, и которые могутъ сообразить, чего хотятъ, а не повторяютъ пустыя звонкія фразы безъ понятій въ ихъ смыслѣ.

Но то, чего хочетъ масса, гораздо обширнѣе реформъ, которыми могли бы удовлетвориться сами по себѣ образованныя сословія (просимъ не забывать, что мы говоримъ собственно только объ Италіи). Масса хочетъ коренныхъ измѣненій въ своемъ матеріальномъ бытѣ. Обыкновенно либералы забываютъ объ этой потребности (модерантисты забываютъ всегда, или если помнятъ, то враждебны ей; революціонеры очень часто также упускаютъ изъ виду матеріальную сторону вопроса, слишкомъ занимаясь идеальною или политическою стороною) и потому масса остается холодна къ нимъ и продолжаетъ по своей апатіи давать реакціонерамъ средства къ подавленію либераловъ (въ Италіи). Итакъ, разъ навсегда, либералы, должны разсудить: въ состояніи ли они сочувствовать потребностямъ массы принять эти потребности въ свою программу безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, въ той самой формѣ, въ какой можетъ удовлетвориться перемѣнами масса. Если нѣтъ, если потребности массы (въ Италіи, коренное измѣненіе отношеній труда къ капиталу и въ особенности поземельныхъ отношеній) кажутся либераламъ несправедливыми или неудобоудовлетворяемыми, то пусть либералы сидятъ тихо и молча, потому что безъ возбужденія энтузіазма къ движенію въ массѣ движеніе не можетъ кончиться ничѣмъ инымъ, кромѣ гибели либераловъ отъ торжествующей и мстительной реакціи (въ Италіи, само собою разумѣется).

Сентябрь 1859.

Дѣла центральной Италіи. — Реформы въ Австріи. — Движеніе въ пользу единства Германіи.

12-го сентября.

Два мѣсяца тому назадъ, значеніе трактата, заключеннаго въ Виллафранкѣ, казалось ясно для всѣхъ. Съ перваго же взгляда на условія, принятыя побѣдоноснымъ императоромъ французовъ отъ побѣжденнаго австрійскаго императора [1]), каждый видѣлъ, что цѣлью императора французовъ было явиться милостивымъ покровителемъ Австріи, спасителемъ ея отъ разрушителей, въ добычу которымъ онъ могъ предать ее, — каждый видѣлъ, что своею великодушною готовностью на миръ, слишкомъ выгодный для Австріи, онъ хотѣлъ пріобрѣсти себѣ дружбу этой державы, чтобы въ дальнѣйшихъ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ опираться на тѣсный союзъ съ нею. Это казалось ясно для всѣхъ. Но вотъ, теперь многіе возвращаются къ мнѣнію, совершенно было исчезнувшему изъ всѣхъ умовъ въ первые дни послѣ Виллафранкскаго мира, къ мнѣнію, что цѣлью войны со стороны императора французовъ не было простое желаніе заставить Австрію смириться передъ его могуществомъ и быть послушною союзницею его. Многимъ изъ людей, думавшихъ нѣкогда, что война начата имъ для пріобрѣтенія независимости итальянцамъ, снова представляется теперь, что Наполеонъ III дѣйствительно хотѣлъ и хочетъ быть покровителемъ итальянской независимости. Это новое колебаніе общественнаго мнѣнія произведено неожиданнымъ развитіемъ дѣлъ въ центральной Италіи. Оптимисты увѣрены теперь, что Тоскана, Модена и Парма успѣютъ осуществить свое желаніе присоединиться къ Піэмонту; они надѣются даже, что подобное присоединеніе будетъ дозволено и римскимъ легатствамъ, и такимъ образомъ возникнетъ въ сѣверной Италіи довольно могущественное государство, которое, имѣя около 14.000,000 жителей, въ состояніи будетъ служить самостоятельнымъ и

[1]) Теперь извѣстно, что императоръ французовъ не только предложилъ первый императору австрійскому заключить миръ, но и простеръ свою снисходительность до того, что согласился принять тѣ условія мира, которыя были составлены австрійцами, нимало не оскорбившись тѣмъ, что они два раза отвергали условія, предлагавшіяся имъ отъ него.

прочнымъ оплотомъ Италіи отъ иноземнаго господства. Не сомнѣваясь въ такомъ исходѣ дѣла, оптимисты предполагаютъ, что онъ не чуждъ намѣреніямъ императора французовъ, который, по ихъ мнѣнію, предвидѣлъ его при заключеніи Виллафранкскаго мира, содѣйствовалъ потомъ подъ рукою развитію національнаго движенія въ центральной Италіи и, когда будетъ нужно, объявитъ себя защитникомъ желаній Тосканы, Модены, Пармы и римскихъ легатствъ противъ всякаго вмѣшательства Австріи и какихъ бы то ни было другихъ державъ, не столь расположенныхъ къ упроченію итальянской независимости, какъ онъ, ея великодушный основатель.

Не находя до сихъ поръ, что запутанныя отношенія, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о судьбѣ центральной Италіи, достигли такого развитія, чтобы можно было съ достовѣрностью предвидѣть исходъ дѣла, мы не отваживаемся утверждать, чтобы надежды оптимистовъ были основательны и не беремся, подобно этимъ благороднымъ людямъ, столько разъ уже обманывавшимся, предсказывать будущее прекрасное и радостное. Мы рѣшительно еще не знаемъ, чѣмъ кончится дѣло, и ограничимся пока только изложеніемъ фактовъ, не дѣлая предвѣщаній о томъ, къ чему приведутъ они. Но уже и теперь мы имѣемъ доказательства тому, что нѣкоторыя изъ гипотезъ, внушающихъ свѣтлыя надежды оптимистамъ, совершенно неосновательны.

Во-первыхъ, они полагаютъ, что при заключеніи Виллафранкскаго мира императоръ французовъ предвидѣлъ тотъ оборотъ, какой приняли теперь дѣла въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ и Легатствахъ. Такое мнѣніе можетъ основываться только на незнакомствѣ съ положеніемъ этихъ странъ около времени когда былъ заключенъ миръ. Было бы, слишкомъ долго припоминать исторію движенія во всѣхъ этихъ четырехъ областяхъ до начала іюля, и довольно будетъ обратить вниманіе читателя только на состояніе, какое представляли тогда легатства и Тоскана: Модена и Парма такъ незначительны сами по себѣ, что ходъ дѣлъ въ нихъ совершенно зависѣлъ отъ опоры, какую могли находить онѣ въ Легатствахъ и Тосканѣ.

Тоскана въ концѣ апрѣля возстала съ мыслью о единомъ итальянскомъ государствѣ, въ жертву которому хотѣла принести свою самостоятельность. Но съ перваго же разу Кавуръ принужденъ былъ отвергнуть ея просьбу о присоединеніи къ Піэмонту; это поколебало въ тосканцахъ мысль о томъ, что союзникъ, господствовавшій надъ сардинскою политикою, дозволитъ Сардиніи и Тосканѣ слиться въ одно государство. Энтузіазмъ охладѣлъ съ ослабленіемъ надежды, и въ Тосканѣ сталъ быстро воскресать партикуляризмъ, на время умолкавшій передъ порывомъ патріотизма. Многія обстоятельства, произведенныя вліяніемъ французской политики, содѣйствовали оживленію этого стариннаго стремленія сохранить свою самостоятельность. Укажемъ только на присылку въ Тоскану принца Наполеона,—его появленіе было принято за предвѣстіе намѣренія превратить западную часть центральной Италіи въ отдѣльное королевство; укажемъ также на то, что правительственная власть надъ Тосканою была передана людямъ, оказавшимся представителями партикуляризма. Такимъ образомъ въ концѣ іюня, около времени Сольферинской битвы, партія національнаго единства, желавшая присоединенія къ Піэмонту,

была въ Тосканѣ и устранена отъ вліянія на дѣла и убита духомъ. Надобно прибавить, что временное правительство отличалось отсутствіемъ всякой энергіи, не принимало никакихъ мѣръ для образованія силы, на которую могло бы опереться, если бы вздумало противиться иностранному вліянію, и даже допустило уже существовавшимъ войскамъ терять всякую энергію отъ праздности и распущенности. Тосканская армія разслабѣла, деморализировалась. Мало того: временное правительство даже отдало все свое войско въ руки французовъ, которые увели его далеко за границы Тосканы. Обо всемъ этомъ мы подробно говорили много разъ. Такимъ образомъ, во время заключенія Виллафранкскаго мира Тоскана казалась доведенною до того, что не могла энергически потребовать присоединенія къ Піэмонту,—напротивъ казалось, что она очень рада будетъ сохранить свою отдѣльность, а во всякомъ случаѣ она была совершенно лишена всякихъ силъ къ сопротивленію иностраннымъ приказаніямъ, оставшись рѣшительно безъ всякаго войска и имѣя такое правительство, которое лишено было способности къ энергическимъ мѣрамъ. Каждый, знавшій тогдашнее положеніе Тосканы, былъ увѣренъ, что она безмолвно покорится судьбѣ, какая будетъ ей предписана волею другихъ.

Еще меньше можно было разсчитывать на силу національныхъ стремленій въ Легатствахъ. Возстаніе тамъ только еще начиналось; въ началѣ іюля оно еще лишено было всякаго единства, всякой организаціи, представлялось только рядомъ слабыхъ попытокъ, лишенныхъ прочной связи между собою. Войскъ эти города рѣшительно не имѣли тогда никакихъ. Примѣръ Перуджіи, которая не имѣла для своей защиты ни одного солдата и защитники которой нашли только 80 ружей для борьбы противъ папскихъ наемниковъ,—примѣръ Перуджіи слишкомъ хорошо показывалъ, какъ велика сила сопротивленія, которою располагали Легатства въ началѣ іюля.

Словомъ сказать, вся центральная Италія при заключеніи Виллафранкскаго мира представлялась страною, совершенно лишенною всякихъ залоговъ энергическаго сопротивленія чужимъ предписаніямъ. Въ однихъ областяхъ ея возстаніе еще не имѣло времени организироваться, въ другихъ было уже разслаблено вліяніемъ политики, поддерживавшей партикуляризмъ и мѣшавшей развитію надеждъ на присоединеніе къ Піэмонту. Нечего и говорить о томъ, что четыре области, которыя по Виллафранкскимъ условіямъ должны были возвратиться къ повиновенію прежнимъ правительствамъ, не успѣли еще установить никакой связи между собою: Парма, Модена, Тоскана, Легатства— каждое изъ этихъ владѣній оставалось предоставлено только собственнымъ силамъ, не находилось еще ни въ какомъ союзѣ съ другими.

Послѣ этого, человѣкъ положительный, каковъ императоръ французовъ, могъ ли ожидать, чтобы области центральной Италіи выказали какую нибудь самостоятельность, лишившись всякой посторонней опоры? Нѣтъ, онъ ожидалъ, что онѣ, слишкомъ хорошо сознавая свое безсиліе, спокойно примутъ ту участь, которая была подготовлена для нихъ Виллафранкскимъ миромъ. Дѣйствительно, упрямство ихъ представлялось безумствомъ, невозможностью; нельзя было не ожидать, что низвергнутыя правительства возстановятся безъ всякаго затрудненія. Самая форма, въ которой выражено было согласіе императора французовъ на это желаніе императора австрійскаго при составленіи Виллафранкскаго

трактата, свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи въ легкости дѣла: трактатъ просто говорилъ: „великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій возвращаются въ свои владѣнія“,—тогда не считали нужнымъ и опредѣлять средствъ, которыми должно быть произведено ихъ возвращеніе: казалось, что оно совершится само собою, одною силою словеснаго распоряженія со стороны Франціи и Австріи.

И положеніе дѣлъ въ инсурректировавшихъ странахъ, и легкость съ какою предполагали примиряющіеся императоры возстановить низвергнутыя правительства, свидѣтельствуетъ объ ошибочности той гипотезы оптимистовъ, по которой представляется, будто бы императоръ французовъ при заключеніи Виллафранкскихъ условій предусматривалъ оборотъ, какой приняли послѣ того дѣла центральной Италіи. Послѣ этого сама собою должна оказываться лишенною всякаго основанія и та гипотеза, по которой онъ будто бы хотѣлъ тогда быть защитникомъ этихъ земель отъ иноземнаго вмѣшательства: Виллафранкскій договоръ своимъ молчаніемъ объ этомъ вопросѣ слишкомъ ясно показываетъ, что въ то время объ немъ и не думали; казалось достаточнымъ, что императоръ французовъ повелѣвалъ инсурректировавшимъ областямъ возвратиться къ повиновенію: Тоскана, Модена, Парма были окружены французскими войсками; войска эти должны были проходить черезъ нихъ для своего возвращенія во Францію; нѣсколько дивизій должны были остановиться въ нихъ на довольно долгое время. Эти распоряженія, слишкомъ хорошо показывавшія инсургентамъ необходимость исполнить волю могущественнаго союзника, считались очень достаточными залогами безпрекословнаго возстановленія низвергнутыхъ провинцій.

Мы излагаемъ факты, изъ которыхъ съ положительною достовѣрностью можно заключать о намѣреніяхъ, какія имѣлъ императоръ французовъ относительно центральной Италіи при заключеніи Виллафранкскаго мира,—можно видѣть, что онъ не хотѣлъ тогда коварствовать относительно австрійскаго своего союзника, напротивъ поступалъ съ нимъ искренно и давалъ ему обѣщанія добросовѣстно, имѣя въ виду не обманывать его фальшивыми обязательствами, а дѣйствительно пріобрѣсть солидныя права на его дружбу исполнененіемъ его желаній. Факты очевидно доказываютъ это; но есть доказательство, еще болѣе прямое—это собственное свидѣтельство императора французовъ, данное при такихъ обстоятельствахъ, которыя отнимаютъ всякую возможность заподозривать его искренность. Черезъ два мѣсяца по заключеніи Виллафранкскаго мира, когда стало очевидно, что безъ иноземнаго вооруженнаго вмѣшательства низвергнутыя правительства центральной Италіи не могутъ быть возстановлены, когда итальянскіе и французскіе либералы стали утверждать, что императоръ французовъ предвидѣлъ это и обманулъ Австрію, когда они, въ своемъ либеральномъ увлеченіи забывая о правилахъ политической добросовѣстности, стали превозносить его за этотъ предполагаемый макіавеллизмъ,—императоръ французовъ торжественно отвергъ ихъ похвалы и подробно объяснилъ, что поступалъ съ Австріею искренно, какъ слѣдуетъ истинному другу. Статья объ этомъ предметѣ, присланная лично имъ самимъ въ Монитеръ (9 сентября н. ст.), не оставляетъ никакой возможности сомнѣваться въ искренности его согласія на возстановленіе низвергнутыхъ пра-

вительствъ, при заключеніи Виллафранкскаго договора. Во-первыхъ, какъ мы сказали, она отвергаетъ похвалы, которыми его превозносили неосновательные люди, и конечно, ничто, кромѣ потребности высказать истину, не могло бы заставить императора французовъ отказаться отъ славнаго ореола изумительной предусмотрительности и геніальной дипломатической ловкости, которымъ его начали было снова окружать либералы. Во-вторыхъ, самое содержаніе торжественнаго объясненія своихъ тогдашнихъ намѣреній, имъ обнародованное теперь, носитъ на себѣ печать внутренней несомнѣнной достовѣрности: все въ этомъ объясненіи такъ естественно, такъ сообразно съ извѣстными публикѣ фактами, что не видѣть безусловной правдивости его можетъ развѣ тотъ, кто не слѣдилъ за подробностями событій, ознаменовавшихъ собою заключеніе Виллафранкскихъ условій. Мы приведемъ вполнѣ этотъ драгоцѣнный документъ, являющійся въ нашихъ глазахъ прекраснѣйшимъ примѣромъ рѣдкой въ дипломатическихъ актахъ правдивости. Читатель, слѣдившій за нашими прежними статьями, самъ увидитъ, какъ прекрасно подтверждаются увѣренія имперттора Наполеона всѣми фактами, какіе сообщали мы прежде. Просимъ только читателя не забывать, что мы хвалимъ статью Монитера собственно какъ изложеніе мыслей императора французовъ, а не какъ историческій разсказъ о внѣшнихъ фактахъ. Читатель знаетъ, что на факты можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія, и мы теперь говоримъ не о томъ, справедлива ли была точка зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на нихъ императоръ французовъ, а только о томъ, что его точка зрѣнія изложена въ этой статьѣ съ чрезвычайною искренностью. Мы пользуемся, съ немногими исправленіями, переводомъ, который представленъ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“.

«Когда факты говорятъ сами за себя, то съ перваго взгляда кажется безполезнымъ объяснять ихъ. Однако, если страсть или интрига искажаютъ самыя простыя вещи, то бываетъ необходимо возстановить ихъ характеръ, для того, чтобы каждый могъ съ знаніемъ дѣла оцѣнить ходъ событій».

Уже это вступленіе предвѣщаетъ, что хитросплетенныя гипотезы либеральныхъ оптимистовъ лишены всякаго основанія: „страсть или интрига искажаютъ самыя простыя вещи“—итакъ, образъ дѣйствій императора французовъ можетъ быть вѣрно объясненъ только самымъ простымъ образомъ; а простѣйшее объясненіе уже извѣстно нашимъ читателямъ: императору Наполеону справедливо казалось, что дружба съ Австріею болѣе соотвѣтствуетъ его политическимъ принципамъ и гораздо выгоднѣе для него, нежели дружба съ графомъ Кавуромъ и тому подобными либералами, съ мечтателями и революціонерами; потому онъ заключилъ Виллафранкскій миръ, чтобы избавиться отъ союза съ опасными либеральными принципами и пріобрѣсть дружбу государства, политическія потребности котораго сходны съ его собственными.

«Въ минувшемъ іюлѣ, когда франко-сардинская и австрійская арміи стояли одна противъ другой между Аддидже и Минчіо, вѣроятности успѣха были съ обѣихъ сторонъ почти равны; ибо если на сторонѣ франко-сардинской арміи было нравственное вліяніе достигнутыхъ успѣховъ, то австрійская армія была сильнѣе въ числительномъ отношеніи и опиралась не только на страшныя крѣпости, но и на всю Германію, готовую

по первому сигналу, принять ея сторону. Въ случаѣ, еслибъ такое предположеніе осуществилось, императоръ Наполеонъ былъ бы вынужденъ отозвать войска свои съ береговъ Аддидже и направивить ихъ къ Рейну, а тогда итальянское дѣло, ради котораго была предпринята война, если не погибло бы, то по крайней мѣрѣ, подверглось бы большой опасности».

Этотъ параграфъ, показывающій точку зрѣнія, съ которой императоръ французовъ оправдываетъ вообще заключеніе Виллафранкскаго мира, не имѣетъ особенной важности, потому что тѣ же самыя мысли были уже изложены имъ въ рѣчи, которою онъ отвѣчалъ въ Сенъ-Клу на привѣтствія великихъ государственныхъ учрежденій. Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы подробно разбирали степень фактической достовѣрности этого воззрѣнія, и не находимъ надобности повторять здѣсь то, о чемъ довольно обширно говорили еще такъ недавно; тѣмъ менѣе нужды въ подобномъ повтореніи, что теперь насъ занимаютъ вовсе не факты, а только намѣренія императора французовъ относительно центральной Италіи, изложенныя самимъ императоромъ въ слѣдующихъ параграфахъ:

«Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, императоръ призналъ выгоднымъ, во-первыхъ для Франціи, а во-вторыхъ и для Италіи, заключить миръ, лишь бы только условія его были сообразны съ программой, которую онъ себѣ предначерталъ, и полезны дѣлу, которому онъ хотѣлъ служить».

Здѣсь для насъ очень пріятно видѣть, что императоръ Наполеонъ уже убѣдился, какъ мы предсказывали, въ сообразности условій Виллафранкскаго мира съ его программою. „Призналъ выгоднымъ заключить миръ, лишь бы только условія его были сообразны съ программою“ и т. д.—это выраженіе опредѣлительно, тутъ нѣтъ оговорокъ объ отступленіи отъ программы, которыя были въ Сенъ-Клудской рѣчи; итакъ, теперь Наполеонъ, согласно съ нашимъ предсказаніемъ, самъ увидѣлъ, что напрасны были сомнѣнія относительно своей вѣрности своимъ обѣщаніямъ, которыя овладѣли было имъ въ первые дни по заключеніи Виллафранкскаго мира, подъ вліяніемъ ропота со стороны либераловъ,—ропота, который мы тогда же называли совершенно неосновательнымъ. Теперь, какъ мы видимъ, Наполеонъ III, успокоившись духомъ, согласился съ графомъ Морни, что условія мира совершенно выполняютъ его программу, и что ему не за что упрекать себя. Но далѣе начинается существенная часть объясненія, то есть изложеніе намѣреній самого автора статьи „Монитера“:

«Прежде всего необходимо было знать, уступитъ ли Австрія, на основаніи трактата, завоеванную землю, а во-вторыхъ, откажется ли она открыто отъ преобладанія, пріобрѣтеннаго ею на всемъ полуостровѣ, признаетъ ли начало итальянской народности, допуститъ федеративную систему, наконецъ, согласится ли даровать Венеціанской Области учрежденія, которыя бы сдѣлали изъ нея настоящую итальянскую провинцію.

«По первому пункту, австрійскій императоръ уступилъ безъ сопротивленія завоеванную землю, а по второму онъ обѣщалъ самыя значительныя уступки для Венеціанской Области, допустивъ при будущемъ ея устройствѣ положеніе Люксембурга въ отношеніи къ Германскому Союзу; но непремѣннымъ условіемъ этихъ уступокъ онъ призналъ возвращеніе въ свои владѣніи эрцгерцоговъ».

Итакъ, во-первыхъ, при переговорахъ не было сдѣлано даже и попытки требовать независимости для Венеціи, — рѣчь шла только о томъ, чтобы императоръ австрійскій измѣнилъ нѣкоторыя черты управленія этою областью. Во-вторыхъ, самъ Наполеонъ III уподобляетъ итальянскую конфедерацію, которую хотѣлъ основать, Германскому Союзу,—точно такъ мы и опредѣляли характеръ этой идеи при полученіи первыхъ извѣстій о Виллафранкскомъ мирѣ.

«Итакъ, вопросъ былъ опредѣленъ въ Виллафранкѣ весьма ясно: или императоръ не долженъ былъ ничего выговаривать для Венеціанской области и ограничиться преимуществами, какія пріобрѣлъ своимъ оружіемъ, или, для достиженія важныхъ уступокъ и признанія начала народности, онъ вынужденъ былъ согласиться на возвращеніе эрцгерцоговъ. Образъ дѣйствій указывался ему здравымъ смысломъ, ибо дѣло шло о возвращеніи эрцгерцоговъ не при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, а, напротивъ того, съ серьезными гарантіями, вслѣдствіе свободной воли населеній, которымъ бы дали понять, какъ согласно это возвращеніе съ интересами великой итальянской отчизны».

Такимъ образомъ, мы положительно видимъ изъ словъ самого императора французовъ, что при заключеніи Виллафранкскаго мира онъ ожидалъ, что жители Тосканы и Модены безпрекословно примутъ своихъ прежнихъ герцоговъ, безъ противорѣчія подчинятся согласному требованію Франціи и Австріи. Тогда не предполагалось, чтобы эти области отважились готовиться къ вооруженному сопротивленію; реставрація представлялась дѣломъ легкимъ.

«Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, точное изложеніе виллафранкскихъ переговоровъ. и для всякаго безпристрастнаго человѣка очевидно, что императовъ Наполеонъ добился мирнымъ трактатомъ того же и, быть можетъ, больше, чѣмъ завоевалъ оружіемъ».

Итакъ, императоръ французовъ долженъ былъ ожидать, что Виллафранкскій миръ пробудитъ въ итальянцахъ столько же, если еще не больше, восторга, сколько маджентская и сольферинская побѣды: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь по его мнѣнію „для всякаго безпристрастнаго человѣка“ должно было казаться „очевидно“, что виллафранкскими переговорами доставлено Италіи столько же, если не больше, выгодъ, сколько и самыми побѣдами.

«Должно сознаться притомъ, что императоръ Наполеонъ не безъ глубокаго сочувствія увидѣлъ, какъ откровенно и рѣшительно императоръ Францъ-Іосифъ отказался, въ интересахъ европейскаго мира и изъ желанія возстановить добрыя сношенія съ Франціей, не только отъ одной изъ лучшихъ своихъ провинцій, но и отъ опасной, быть можетъ, но во всякомъ случаѣ нелишенной славы политики, обезпечивавшей за Австріей владычество въ Италіи».

Итакъ, прекращеніе австрійскаго преобладанія въ Италіи представлялось императору французовъ не слѣдствіемъ необходимости, не неизбѣжнымъ результатомъ пораженій, которымъ подверглись австрійскія арміи, не цѣлью войны, а просто слѣдствіемъ великодушной уступчивости австрійскаго императора. Дѣйствительно, по этому и предшествующимъ параграфамъ, условія Виллафранкскаго договора являются не какъ неминуемыя послѣдствія историческихъ фактовъ, а просто какъ результаты дружелюбнаго расположенія австрійскаго

и французскаго императоровъ, которые изъ любезности другъ къ другу соглашаются на взаимныя пріятныя одолженія: „Вамъ было бы пріятно, чтобы я согласился на возстановленіе великаго герцога моденскаго“, говоритъ Наполеонъ III Францу-Іосифу:—„извольте, для васъ я готовъ сдѣлать это“.— „Вамъ было бы пріятно передать Ломбардію королю сардинскому“, говоритъ Францъ-Іосифъ Наполеону III:—„извольте, для васъ я готовъ на эту уступку; для васъ я готовъ также замѣнить прежнюю австрійскую политику въ Италіи новою политикою доброжелательства“.

«Дѣйствительно, еслибъ трактатъ былъ въ точности исполненъ, то Австрія переставала быть для полуострова враждебной и страшной державой, противодѣйствующей всѣмъ народнымъ стремленіямъ, отъ Пармы до Рима и отъ Флоренціи до Неаполя,— а дѣлалась, напротивъ того, державой дружественной, ибо она добровольно соглашалась не быть болѣе германскимъ государствомъ по сю сторону Альпійскихъ горъ, и сама развивать итальянскую народность до береговъ Адріатическаго моря».

Итакъ, Италія не должна была послѣ Виллафранкскаго трактата опасаться австрійскаго могущества—австрійцы въ Италіи обѣщались быть итальянцами; они хотѣли покровительствовать упроченію итальянской независимости. Условія Виллафранкскаго трактата совершенно измѣняли натуру австрійцевъ, нужно было только исполниться этимъ условіямъ, и Италія имѣла бы въ австрійцахъ самыхъ полезныхъ друзей и покровителей всѣмъ своимъ стремленіямъ.

«Судя по всему вышеизложенному, нетрудно понять, что еслибъ, послѣ мира Италія была ввѣрена людямъ, болѣе занятымъ будущностью общей отчизны, чѣмъ мелочными частными успѣхами, то цѣлью ихъ усилій было бы развивать, а не преграждать послѣдствія Виллафранскаго трактата. Дѣйствительно, самымъ простымъ и патріотическимъ образомъ дѣйствій было бы сказать Австріи: Вы желаете возвращенія эрцгерцоговъ? Хорошо; но въ такомъ случаѣ исполните добросовѣстно обѣщанія ваши относительно Венеціанской области: пусть она пріобрѣтетъ собственную жизнь, пріобрѣтетъ итальянское управленіе и итальянскую армію; однимъ словомъ, пусть австрійскій императоръ будетъ по сю сторону Альпійскихъ горъ только великимъ герцогомъ венеціанскимъ, какъ нидерландскій король есть для Германіи не что иное, какъ великій герцогъ люксембургскій.

«Быть-можетъ даже, открытыми и дружественными переговорами удалось бы склонить императора австрійскаго принять комбинаціи, болѣе сообразныя съ желаніями, какія выразили герцогства Моденское и Пармское.

«Послѣ всего случившагося, императоръ Наполеонъ долженъ былъ разсчитывать на здравомысліе и патріотизмъ Италіи и думать, что она пойметъ побудительную причину его политики, выражающейся въ слѣдующихъ словахъ: «вмѣсто того, чтобы рисковать европейской войной, а слѣдовательно и независимостью страны своей, вмѣсто того, чтобы издержать еще 300 мильйоновъ и пролить кровь 50,000 солдатъ своихъ, императоръ Наполеонъ принялъ миръ, который въ первый разъ въ теченіе вѣковъ утверждаетъ народность полуострова. Піэмонтъ, служащій въ особенности представителемъ итальянскаго дѣла, получилъ значительное увеличеніе своего могущества, а если устроится итальянская конфедерація, то онъ будетъ играть въ ней главную роль. Но всѣ эти выгоды сопряжены съ однимъ условіемъ — возвратомъ въ свои владѣнія прежнихъ владѣтельныхъ домовъ».

Итакъ, итальянцы вообще виновны передъ императоромъ французовъ въ неблагодарности. Италія, неоцѣнившая по достоинству условій Виллафранкскаго мира, вообще показала недостатокъ „здравомыслія и патріотизма“, а

люди, дѣйствовавшіе въ центральныхъ областяхъ ея, въ особенности обнаружили, что „мелочные частные успѣхи“ для нихъ дороже, нежели „будущность общей отчизны“. Итальянцы неблагодарны, неблагоразумны, непатріотичны и не хотятъ успѣховъ дѣлу единства и независимости своей родины.

«Этотъ языкъ, мы еще надѣемся, будетъ понятъ здравомыслящей частью націи; ибо иначе что случится? Французское правительство объявило уже, что эрцгерцоги не будутъ возвращены въ свои владѣнія иностранной силой; но такъ-какъ одна часть условій Виллафранкскаго мира не будетъ исполнена, то императоръ австрійскій найдетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи къ Венеціанской области. Тревожимый враждебными демонстраціями на правомъ берегу р. По, онъ останется въ военномъ положеніи на лѣвомъ, и вмѣсто политики примиренія и мира возродится политика недовѣрія и вражды, которая причинитъ новыя волненія и новыя бѣдствія».

Откровенныя указанія этого параграфа также не требуютъ длинныхъ комментарій. Если тосканцы, моденцы и т. д. не возстановятъ добровольно своихъ правительствъ, они должны считаться губителями Венеціи, которой императоръ австрійскій отмститъ за ихъ упрямство. Этого мало: онъ соберетъ противъ нихъ свои войска, и начнетъ войну съ ними. Франція объявила, что низвергнутыя правительства не будутъ возстановлены иностранной силой, но она давала это обѣщаніе въ предположеніи, что условія Виллафранкскаго мира будутъ исполнены жителями центральной Италіи (т. е., что они добровольно возстановятъ свои прежнія правительства); а если они не исполнятъ ихъ, то императоръ австрійскій конечно будетъ воленъ искать предлоговъ къ войнѣ противъ упрямцевъ.

«Повидимому, много надѣются на европейскій конгрессъ; мы сами горячо желаемъ его, но сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы конгрессъ добился лучшихъ для Италіи условій. Конгрессъ потребуетъ только того, что справедливо; а справедливо ли было бы требовать отъ великой державы важныхъ уступокъ, не предлагая ей, въ замѣнъ того, правомѣрныхъ вознагражденій? Единственнымъ средствомъ была бы война; но да пойметъ это Италія: есть въ Европѣ только одна держава, готовая вести войну *за идею*,— это Франція, а Франція свое дѣло уже исполнила».

Итакъ, ясно: Европа не можетъ требовать отъ Австріи для Италіи условій лучше тѣхъ, какія даны Виллафранкскимъ миромъ, потому что это было бы несправедливо. Европа не можетъ требовать чтобы Австрія отступалась отъ своихъ требованій, потому что эти требованія справедливы, и если Австрія начнетъ съ непокорною Италіею войну, Италія не должна ожидать себѣ защиты отъ Франціи.

Мы привели всю эту статью вполнѣ, потому что каждому человѣку со вкусомъ она должна очень понравиться откровенностью, съ какою излагается въ ней политика императора французовъ относительно Италіи. Франція, по словамъ этого объясненія, сдѣлала для Италіи все, что могла; условія Виллафранкскаго мира были совершенно сообразны съ программою, обѣщавшею „освободить Италію отъ Альповъ до Адріатическаго моря“, и были чрезвычайно выгодны для Италіи. Австрія становилась истинною доброжелательницею Италіи, покровительницею независимости ея. Итальянцы обнаружили недоста-

токъ понятливости и патріотизма, оставшись недовольны прекраснымъ Виллафранкскимъ договоромъ, и заслуживаютъ названія неблагодарныхъ людей. Сверхъ того, жители центральной Италіи провинились въ измѣнѣ своимъ собратамъ, венеціанцамъ, не захотѣвъ имъ добра, своимъ эгоистическимъ упрямствомъ лишивъ ихъ благодѣяній, какими готовъ былъ осыпать ихъ австрійскій императоръ. Австрійскій императоръ въ справедливомъ гнѣвѣ на упрямство неблагодарныхъ тосканцевъ, моденцевъ и пармезанцевъ долженъ будетъ наказать за ихъ непокорство Венецію отнятіемъ у нея своего милостиваго расположенія, а всю Италію смирить вооруженною рукою, и Франція, обиженная неблагодарностію итальянцевъ, признающая законность требованій Австріи, не будетъ останавливать ея справедливаго мщенія.

Заслуживая величайшей похвалы за свою откровенность, статья Монитора для насъ вдвойнѣ пріятна тѣмъ, что вполнѣ подтверждаетъ наши прежнія понятія о характерѣ политики императора Наполеона III относительно Италіи.

Чтоже теперь будетъ съ центральною Италіею? Ея судьба зависитъ отъ степени энергіи, которую выкажетъ она. Съ самаго начала войны, мы старались доказать, что Италія не должна для осуществленія своихъ желаній разсчитывать ни на чьи силы, кромѣ своихъ собственныхъ. Теперь, какъ видимъ, самъ императоръ французовъ подтверждаетъ справедливость этого нашего взгляда, подвергавшагося столь многимъ порицаніямъ со стороны людей, которые принимали свои собственныя желанія и мечты за его намѣренія. Да, Италія должна разсчитывать только сама на себя, и ни на кого больше. Посмотримъ же, что сдѣлали для осуществленія своихъ желаній тѣ области Италіи, которыя теперь пользуются самостоятельностію и на которыхъ потому лежитъ отвѣтственность за судьбу національныхъ стремленій.

Вопросъ идетъ теперь, какъ мы знаемъ, ближайшимъ образомъ объ участи центральной Италіи; потому и посмотримъ сначала, что сдѣлала она для пріобрѣтенія и охраненія желанной независимости.

Въ прошедшій разъ мы изложили первыя дѣйствія временныхъ правительствъ центральной Италіи послѣ полученія извѣстій о Виллафранкскомъ мирѣ. Они объявили, что возстановленіе прежнихъ правительствъ несогласно съ желаніями тосканскаго, пармскаго, моденскаго и романскаго населенія, которое хочетъ присоединенія къ Піэмонту, и въ каждой изъ четырехъ областей были немедленно назначены выборы для составленія національнаго собранія, которое дало бы законное выраженіе общему желанію. Выборы повсюду произведены были самымъ спокойнымъ, достойнымъ образомъ; депутатами повсюду были избраны самые почтенные люди;—знатнѣйшіе и богатѣйшіе аристократы повсюду явились предводителями народа въ выраженіи національнаго желанія, и напримѣръ въ Тосканѣ цѣлую половину всего числа депутатовъ составляли лица изъ титулованнаго дворянства. Поочередно открылись національныя собранія въ Тосканѣ, Моденѣ, Романьѣ и Пармѣ, и ходъ дѣлъ повсюду былъ совершенно одинаковъ: тотчасъ же по открытіи совѣщаній кто нибудь изъ самыхъ знаменитыхъ и уважаемыхъ людей дѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы объявить низвергнутую династію низложенной волею націи; когда президентъ собранія спрашивалъ, кто поддерживаетъ это предложеніе, вставали всѣ члены собранія; пренія о предло-

женіи не бывали продолжительны, — они кончались въ одно засѣданіе, и когда сосчитывались голоса, подаваемые посредствомъ баллотировки, оказывалось, что предложеніе принято единодушно, всѣми безъ исключенія присутствующими членами: ни одного голоса не оказывалось противнаго общему національному желанію. Потомъ дѣлалось другое предложеніе: объявивъ низложеннымъ прежнее правительство, область выражаетъ желаніе присоединиться къ Піэмонту,—и опять ходъ дѣла былъ прежній, и опять предложеніе принималось всѣми депутатами единодушно, и послѣ того національному собранію оставалось только назначить членовъ депутаціи, которая должна явиться къ „славному представителю идеи національнаго единства и независимости, Виктору Эммануилу“ и объявить ему, что страна, приславшая эту депутацію, хочетъ составить часть государства, признающаго его своимъ государемъ.

Само собою разумѣется, что всѣ акты этой драмы,—и выборы депутатовъ въ національное собраніе, и открытіе засѣданій собранія, и рѣшеніе собранія о низложеніи прежней династіи, и рѣшеніе его о присоединеніи къ Піэмонту, и отправленіе депутаціи въ Туринъ для сообщенія Виктору Эммануилу объ этомъ рѣшеніи,—каждая изъ этихъ сценъ происходила среди восторженнаго ликованія всей массы того народа, который имѣлъ физическую возможность окружить своихъ депутатовъ, столь вѣрно выполнившихъ его волю. Мы не разсказываемъ подробно ни этихъ сценъ, ни совѣщаній національныхъ собраній, потому что, при всей своей возвышенности, эти эпизоды не имѣютъ важнаго историческаго значенія. Либеральныя газеты очень толкуютъ о нихъ, какъ о безспорныхъ доказательствахъ сильнаго стремленія итальянцевъ къ національному единству; но, по нашему мнѣнію, существованіе такого простого, такого естественнаго чувства никогда не должно было подлежать сомнѣнію, и тѣ публицисты, которые нуждались въ свидѣтельствѣ послѣднихъ событій, чтобы увѣровать въ національное чувство итальянцевъ, выказывали только свою крайнюю непроницательность своею прежнею полемикою противъ людей, давно говорившихъ, что Италія готова забыть всѣ прежнія областныя свои подраздѣленія при первой возможности къ соединенію въ одно государство. Если уже нужны доказательства на то, что какой нибудь народъ хочетъ быть однимъ цѣлымъ, хочетъ избавиться отъ разрозненности, въ которую повергло его иностранное насиліе, то итальянцы представили эти доказательства еще въ 1848 г., когда не только центральная Италія, но и отдаленнѣйшія провинціи Неаполитанскаго королевства волновались для вспоможенія ломбардцамъ въ борьбѣ съ австрійцами. Непредвидѣнное, новое въ рѣшеніяхъ народа центральной Италіи о присоединеніи своемъ къ Піэмонту только развѣ то впечатлѣніе, какое производятъ эти рѣшенія на такъ называемыхъ умѣренныхъ либераловъ Европы: эти бѣдные люди не замѣчаютъ, что центральная Италія нынѣшнимъ выраженіемъ своихъ желаній снова подтверждаетъ теорію Маццини о томъ, что Италія хочетъ не просто свободы, а понимаетъ невозможность свободы безъ основанія одного могущественнаго національнаго государства и что всѣ итальянскія области готовы пожертвовать своею самостоятельностью для основанія такого государства. Намъ кажется забавно, что публицисты,

объявлявшіе идеи Маццини безумными и гибельными, теперь восхищаются фактами, соотвѣтствующими теоріи Маццини и опровергающими мнѣніе его противниковъ о недостаткѣ въ итальянцахъ стремленія къ соединенію въ одно государство.

Итакъ, мы находимъ, что рѣшенія національныхъ собраній центральной Италіи не представляютъ рѣшительно ничего новаго въ исторіи чувства итальянскаго единства. Не имѣя значенія теоретической новизны, они еще меньше имѣютъ практическаго значенія. Что итальянцы хотятъ національнаго единства, это мы знали и безъ національныхъ собраній Тосканы, Романьи и т. д.; а будетъ ли ихъ желаніе исполнено, по крайней мѣрѣ по отношенію къ центральной Италіи, или по прежнему останется только неосуществленнымъ желаніемъ, это зависитъ вовсе не оттого, выражено ли національное желаніе итальянцевъ и хорошимъ ли, законнымъ ли, почетнымъ ли образомъ выражено,—осуществленіе всѣхъ подобныхъ вещей зависитъ отъ элементовъ совершенно иного рода. Нужна сила, которая могла бы привести въ исполненіе рѣшенія національныхъ собраній центральной Италіи, могла бы отстоять выраженное ими стремленіе противъ насилія могущественной державы, которую только физическая сила можетъ остановить отъ низверженія всѣхъ временныхъ правительствъ и національныхъ собраній центральной Италіи и отъ введенія прежняго порядка вещей въ этихъ областяхъ. На какую же силу можетъ разсчитывать центральная Италія для осуществленія своего національнаго стремленія, въ противность желанію Австріи?

До послѣдняго времени, люди, руководящіе итальянскимъ движеніемъ, питаютъ или по крайней мѣрѣ высказываютъ увѣренность, что Франція благопріятствуетъ ихъ желанію и не допуститъ Австрію совершить возстановленіе прежнихъ правительствъ вооруженною рукою. Даже статья „Монитера", переведенная нами, не заставила ихъ отказаться отъ надежды на покровительство Франціи. Въ самой Франціи, въ Германіи, въ Англіи, повсюду объясненіе „Монитера" было понято въ прямомъ и ясномъ своемъ смыслѣ: императоръ французовъ называетъ итальянцевъ неблагодарными, говоритъ, что избавленъ ихъ неблагодарностью отъ всякихъ обязанностей относительно Италіи, и не будетъ защищать ее противъ австрійцевъ. Итальянцамъ было угодно перетолковывать это положительное и очень ясное объявленіе въ смыслѣ, совершенно противномъ: они вздумали увѣрять себя, будто все содержаніе статьи „Монитера" состоитъ въ томъ, что Франція не допуститъ вооруженнаго вмѣшательства Австріи въ итальянскія дѣла. Какимъ образомъ они отыскали въ „Монитерѣ" такое увѣреніе, остается ихъ тайною, и такое странное открытіе окажется еще изумительнѣе, если мы припомнимъ многочисленные факты, которыми обнаруживались истинныя отношенія Франціи къ Италіи со времени Виллафранкскаго мира.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы уже говорили о посольствѣ графа Резе, который былъ отправленъ императоромъ французовъ въ Піэмонтъ, въ Тоскану и т. д. убѣждать непокорныхъ жителей центральной Италіи подчиниться опредѣленію Виллафранкскаго договора о возстановленіи прежнихъ ихъ правительствъ. Мы знаемъ, что его посольство не имѣло успѣха. Тогда императоръ французовъ отправилъ въ Италію другаго чрезвычайнаго посланника,

графа Понятовскаго, который подобно Резе, старался запугать итальянцевъ страхомъ австрійскаго вторженія и увѣреніями, что Наполеонъ III не найдетъ возможности въ такомъ случаѣ подать помощи итальянцамъ. Выставляя безразсудство мысли о сопротивленіи австрійцамъ, опирающимся на одобреніе Франціи, Резе и Понятовскій старались съ другой стороны доказать итальянцамъ, что возстановленіе изгнанныхъ династій не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій, не будетъ сопровождаться никакою реакціею, что напротивъ того возвращаемые владѣтели будутъ отличаться чрезвычайнымъ либерализмомъ и самою усердною преданностью къ развитію итальянской національности, введутъ въ свои владѣнія самыя свободныя учрежденія и т. д. Краснорѣчіе посланниковъ доходило до того, что они выставляли даже недостатки рекомендуемыхъ ими герцоговъ вѣрными ручательствами за то, что подданные ихъ будутъ пользоваться чуть не республиканскою свободою. Такъ, напримѣръ, тосканцамъ говорили, что для нихъ вовсе не будетъ опасенъ Фердинандъ IV, которому передалъ свои права бывшій великій герцогъ Леопольдъ, отецъ его, отказавшійся отъ престола: молодой великій герцогъ, по словамъ Резе и Понятовскаго, думаетъ только о пирушкахъ, красавицахъ, картахъ, и вовсе не знакомъ и не хочетъ знакомиться съ государственными дѣлами; такимъ образомъ, продолжали французскіе агенты, при немъ Тоскана станетъ пользоваться совершенною свободою: занятый своими веселостями, онъ вовсе не станетъ вмѣшиваться въ управленіе.

Посольство графовъ Резе и Понятовскаго показываетъ, какъ добросовѣстно старался императоръ французовъ о выполненіи той статьи Виллафранкскаго мира, по которой согласился на возстановленіе эрцгерцоговъ. Не менѣе яснымъ свидѣтельствомъ увѣренности австрійцевъ въ добромъ его расположеніи служили Цюрихскія конференціи, столь знаменательно завершившіяся поѣздкою князя Меттерниха (сынъ покойнаго всемогущаго министра) для личнаго соглашенія съ Наполеономъ III.

Надобно начать съ того, что самое возникновеніе Цюрихскихъ конференцій было слѣдствіемъ доброжелательной готовности императора французовъ дѣлать все возможное въ угоду австрійцамъ. Читатель знаетъ, что въ Виллафранкѣ былъ заключенъ не окончательный, подробный трактатъ, а только предварительный мирный договоръ, ограничивавшійся лишь самыми общими опредѣленіями основныхъ условій мира. Притомъ и этотъ предварительный трактатъ былъ подписанъ только Австріею и Франціею: Сардинія не подписывала его, оставаясь только въ перемиріи съ австрійцами. Для заключенія окончательнаго мирнаго трактата, въ которомъ участвовала бы и Сардинія, необходимы были новые переговоры; они могли происходить въ формѣ конференцій исключительно только между тремя державами, воевавшими между собою; но можно было также составить конгрессъ, въ которомъ участвовали бы всѣ европейскія державы.

Повидимому, естественнѣе всего было бы выбрать форму общаго европейскаго конгресса. Виллафранкскій миръ, передавая Ломбардію отъ Австріи Піэмонту, измѣнялъ одно изъ главныхъ постановленій Вѣнскаго конгресса, потому дипломатическій обычай требовалъ, чтобы на совѣщаніе объ этой

уступкѣ были приглашены всѣ державы, участвовавшія въ составленіи Вѣнскаго трактата. Кромѣ этой формальной причины, была и существенная надобность въ приглашеніи всѣхъ первостепенныхъ европейскихъ державъ къ участію въ переговорахъ: перемѣна столь важная, какъ переходъ большой и богатой области отъ одной державы къ другой, при нынѣшнемъ состояніи европейской дипломатики, нуждается въ согласіи всѣхъ державъ, имѣющихъ сильное вліяніе на дѣла нашей части свѣта. Но Австрія не хотѣла европейскаго конгресса, отчасти потому, что опасалась отъ него нѣкоторыхъ измѣненій въ условіяхъ Виллафранкскаго мира въ невыгодномъ для нея смыслѣ; отчасти потому, что вовсе не хотѣла упроченія этихъ условій, каковы бы ни были они, ручательствомъ всѣхъ европейскихъ державъ. Дѣйствительно, Наполеонъ III говорилъ совершенную истину, объявляя, что далъ императору австрійскому миръ на условіяхъ болѣе выгодныхъ для Австріи, чѣмъ тѣ условія, какія предлагались державами, готовившимися принять на себя посредничество между Австріею и Франціею. Надобно было ожидать, что и на конгрессѣ нѣкоторыя державы будутъ менѣе, нежели Франція, благопріятствовать сохраненію австрійскаго могущества въ Италіи. Объ Англіи положительно было извѣстно, что она будетъ стараться измѣнить Виллафранкскія условія такъ, чтобы независимость Италіи была хотя сколько нибудь ограждена. Натурально, что австрійцы уже по одной этой причинѣ опасались конгресса. Еще важнѣе была другая причина, по которой они отклоняли его. Если уступка ломбардскихъ земель Піэмонту будетъ утверждена согласіемъ всѣхъ европейскихъ державъ, Австрія возстановитъ противъ себя всѣ эти державы, когда вздумаетъ возвратить себѣ Ломбардію; а она почти открыто признается, что имѣетъ эту цѣль и хочетъ воспользоваться первымъ случаемъ для отнятія у Піэмонта пріобрѣтенной имъ области; потому для нея очень полезно устроить дѣло такъ, чтобы переходъ Ломбардіи къ Піэмонту былъ утвержденъ согласіемъ только одной Франціи: тогда и для оправданія своихъ будущихъ попытокъ завоевать Ломбардію Австрія нуждалась бы въ согласіи на то одной только Франціи, имѣла бы право отвѣчать на протестъ каждой иной державы противъ такой попытки: „вамъ какое дѣло? вы не участвовали въ сдѣлкахъ, которыми опредѣлено положеніе Ломбардіи, стало быть не слѣдуетъ вамъ заниматься и перемѣнами въ этомъ положеніи“.

Само собою разумѣется, что эти невыгоды конгресса для Австріи не болѣе какъ невыгоды чисто формальныя, значительныя только съ дипломатической точки зрѣнія, но не могущія имѣть никакого дѣйствительнаго значенія. Читатель очень хорошо долженъ знать изъ исторіи, что условія мира зависятъ отъ воли побѣдителя, и никакая держава не можетъ произвесть въ нихъ чувствительныхъ измѣненій, если не возьмется сама за оружіе,—стало быть и европейскій конгрессъ не могъ бы сдѣлать ничего важнаго въ пользу Италіи. Читатель также очень хорошо долженъ знать, что дипломатическія гарантіи всегда оказываются или совершенно излишними, или совершенно не дѣйствительными: если какая нибудь могущественная держава во время нарушенія условій, данныхъ слабому государству сильнымъ, найдетъ выгоду вступиться за права слабаго, она вступится за нихъ, хотя бы вовсе не гарантировала ихъ; а если не будетъ находить въ томъ выгоды для себя, то

ни мало не заступится, хотя бы они гарантированы ею самымъ положительнымъ образомъ, потому что всегда найдется благовидный предлогъ уклониться отъ невыгодныхъ обязанностей. Но должно помнить, что послѣ Виллафранкскаго мира отношенія Италіи, Австріи и Франціи получили дипломатическій характеръ; а въ дипломатическомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, невыгоды европейскаго конгресса для Австріи представлялись очень значительными.

Но выгоды Піэмонта и Италіи противоположны выгодамъ Австріи; потому натуральнымъ образомъ Піэмонтъ желалъ европейскаго конгресса. Итакъ, съ одной стороны было желаніе Піэмонта и всей Италіи, дипломатическій обычай и отчасти даже дѣйствительная потребность по правиламъ международныхъ европейскихъ отношеній, съ другой—нежеланіе Австріи. Сардинія, дипломатическій обычай и европейское право требовали созванія конгресса для окончательнаго рѣшенія судьбы Италіи; для Австріи пріятно было рѣшить дѣло, такъ сказать, домашнимъ образомъ, безъ участія постороннихъ державъ, частными конференціями между тремя примиряющимися державами.

Таковъ былъ смыслъ вопроса о конгрессѣ или конференціяхъ, поднятаго тотчасъ по заключеніи Виллафранкскихъ условій. Какъ и всѣ событія съ самаго начала приготовленій къ войнѣ,—это дѣло зависѣло отъ воли императора французовъ: если бы онъ не захотѣлъ уступить желанію Австріи, Австрія была бы въ необходимости согласиться на конгрессъ, потому что иначе она явилась бы сама виновницею разрыва Виллафранкскихъ условій, а каждый, слѣдившій за ходомъ войны и дипломатическихъ отношеній, знаетъ, что она никакъ не могла рѣшиться на такое неблаговидное безразсудство.

Поставленный рѣшителемъ спора между Сардиніею—представительницею Италіи, и Австріею, императоръ французовъ почелъ удобнѣйшимъ для себѣ оказать истинно дружеское покровительство желанію Австріи, и открылись конференціи въ Цюрихѣ.

Если самое открытіе конференцій было выраженіемъ доброжелательства императора французовъ къ Австріи, то еще яснѣе обнаружилось это отношеніе формою конференцій и ходомъ совѣщаній на нихъ.

Читатель знаетъ, какимъ обиднымъ для Піэмонта образомъ Австрія вела дѣло о перемиріи и объ уступкѣ Ломбардіи. Она не хотѣла удостоивать Сардинію чести прямыхъ сношеній съ нею, и уступила Ломбардію не ей, а императору французовъ, который уже лично отъ себя передалъ эту область Виктору-Эммануэлю. Той же самой системы презрѣнія держалась Австрія и на Цюрихскихъ конференціяхъ. Переговоры происходили не прямо между уполномоченными всѣхъ трехъ державъ: австрійскіе уполномоченные сообщали свои мысли французскимъ, и уже французскіе передавали требованія сардинцамъ, потомъ сообщали мысли сардинскихъ уполномоченныхъ австрійскимъ. Не только не хотѣли австрійцы сноситься прямо съ сардинцами, но и вообще уклонялись отъ веденія дѣла на конференціяхъ, какъ будто находили унизительнымъ для себя опредѣлять свои отношенія къ Италіи въ такихъ совѣщаніяхъ, на которыхъ получили право присутствовать, какъ равные съ ними, уполномоченные Піэмонта: австрійское неудовольствіе не смягчалось даже тѣмъ, что это формальное право было,

какъ мы сейчасъ говорили, уничтожено введеніемъ отдѣльныхъ совѣщаній между Австріею и Франціею. Засѣданія конференціи безпрестанно перерывались на нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ австрійцы вели переговоры въ Сенъ-Клу, въ Парижѣ или Сенъ-Соверѣ, непосредственно съ императоромъ французовъ, и Цюрихская конференція должна была только принимать результаты, полученные австрійцами посредствомъ совѣщаній, изъ которыхъ уже совершенно исключена была Сардинія. Такая очевидная снисходительность императора французовъ къ желаніямъ Австріи, разумѣется, производила въ австрійцахъ чрезвычайную требовательность: Австрія хотѣла, чтобы Сардинія во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ отказывалась отъ своихъ интересовъ, правъ и притязаній, а сама не отступала ни въ чемъ ни отъ одной изъ своихъ претензій. Такимъ образомъ, Цюрихскія конференціи оказались еще болѣе безсильными, чѣмъ можно было ожидать. Результаты Цюрихскихъ совѣщаній, разумѣется, сохраняются подъ строжайшимъ дипломатическимъ секретомъ, и хранить этотъ секретъ тѣмъ легче, что, собственно говоря, нечему изъ него и обнаруживаться: несмотря на всѣ заботы уполномоченныхъ показать видъ, будто они совершаютъ важныя дѣла, для всей Европы очевидно, что они не могутъ ничего сдѣлать, по чрезвычайной требовательности Австріи.

До какой степени доходила на Цюрихскихъ конференціяхъ эта требовательность, можно судить по одному, чисто формальному предмету раздоровъ. Австрійскіе уполномоченные вздумали спросить, какой титулъ намѣренъ принять Викторъ-Эммануэль теперь, по пріобрѣтеніи Ломбардіи? Сардинцы отвѣчали, что онъ думаетъ назвать свою державу „королевствомъ Верхней Италіи“. Австрійцы объявили, что не согласятся на такой опасный титулъ, и что держава Виктора-Эммануэля должна довольствоваться именемъ „королевства Сардинскаго и Ломбардскаго“. Изъ этого возникли безконечные споры; чѣмъ кончились они, мы, признаемся, не полюбопытствовали узнать; но читатель можетъ судить, какова была неуступчивость Австріи во всѣхъ существенныхъ вопросахъ, если она ухитрилась поднять споръ по дѣлу, не имѣющему ровно никакого дѣйствительнаго значенія.

Теперь обнаружилось, что Цюрихскія конференціи не могутъ ничего порѣшить, и что для окончанія дѣла надобно прибѣгнуть къ какимъ нибудь другимъ средствамъ. Съ новою силою возникло требованіе конгресса со стороны Сардиніи; но Австрія по прежнему не хочетъ его, и Франція, изъ любезности къ ней, теперь придумываетъ новыя дипломатическія формы, по которымъ дѣло могло бы рѣшиться соглашеніемъ только между Австріею и Франціею, безъ участія другихъ первокласныхъ державъ. Говорятъ, что такою формою избрано личное свиданіе Франца Іосифа съ Наполеономъ III, и газеты наполнены извѣстіями о томъ, что въ Арененбургѣ, замкѣ принадлежащемъ императору французовъ въ Швейцаріи, дѣлаются приготовленія къ посѣщенію высокихъ друзей. Не имѣя никакой наклонности проникать въ дипломатическія тайны, мы мало жалѣемъ о томъ, что не можемъ положительно объявить читателю, должно ли дѣйствительно состояться такое свиданіе, и можетъ ли итальянское дѣло быть покончено безъ созванія европейскаго конгресса: для насъ очень достаточно и того, что существуетъ предположеніе о

разрѣшеніи итальянскихъ недоразумѣній личнымъ свиданіемъ двухъ императоровъ,—для насъ довольно этого новаго свидѣтельства о дружелюбіи между ними. Зная наклонности и предположенія двухъ императоровъ, уже можно предугадывать, какъ будетъ рѣшено дѣло центральной Италіи, если будетъ зависѣть только отъ воли Наполеона III и Франца Іосифа. А будетъ ли оно зависѣть только отъ ихъ воли, или явятся обстоятельства и пріобрѣтутъ вліяніе элементы, несогласные съ ихъ намѣреніями, этого не знаютъ еще и дипломаты.

Изъ элементовъ, которые могли бы своимъ энергическимъ вліяніемъ повести вопросъ къ рѣшенію, различному отъ того, какое предопредѣляется ему дружелюбными отношеніями Австріи и Франціи, прежде всего представляется уму каждаго рѣшимость Сардиніи отражать силу силою. Если бы Викторъ-Эммануэль положительно сказалъ, что принимаетъ земли центральной Италіи въ составъ своего королевства, и быстро исполнилъ это присоединеніе, то, по всей вѣроятности, такое самостоятельное дѣйствованіе пробудило бы горячія дипломатическія протестаціи, — со стороны Австріи открытыя, со стороны Франціи секретныя, — но уничтожило бы всякую мысль о вооруженномъ подавленіи желаній центральной Италіи. Сардинская армія, усилившись ломбардскими солдатами, имѣетъ теперь до 120,000 человѣкъ; принявъ быстрыя мѣры къ увеличенію военныхъ силъ центральной Италіи, легко было бы въ двѣ недѣли довести цифру войскъ Виктора-Эммануэля до 200,000. Противъ такого числа защитниковъ, Австрійцамъ понадобилось бы послать не менѣе 250,000 человѣкъ, начинать войну въ серьезныхъ размѣрахъ,—а на это Австрія, при нынѣшнемъ изнуреніи, никакъ не рѣшилась бы. Но нынѣшнее сардинское правительство держитъ себя въ чрезвычайной зависимости отъ Франціи. Оно думаетъ, что должно искать себѣ опоры не въ смѣломъ удовлетвореніи національнымъ стремленіямъ, а въ милостивомъ покровительствѣ императора французовъ. Потому, когда явилась въ Туринъ депутація тосканцевъ съ предложеніемъ присоединить ихъ землю къ Сардиніи, отвѣтъ имъ былъ данъ совершенно неопредѣлительный и совершенно несообразный съ потребностями положенія. Надобно было прямо сказать: „Да, принимаю ваше предложеніе“ и быстро декретировать мѣры къ энергической оборонѣ и къ осуществленію соединенія, — тогда отвратилась бы опасность вооруженнаго вмѣшательства Австріи, и осуществленіе патріотическихъ желаній было бы обезпечено; или прямо сказать: „нѣтъ, не могу принять“—тогда тосканцы знали бы, что должны покориться и могли бы избѣжать ужасовъ открытаго завоеванія — согласіемъ на возвращеніе прежнихъ династій или избраніемъ въ свои правители принца Наполеона. Но сардинское правительство не сказало ни того, ни другаго. Викторъ-Эммануэль отвѣчалъ тосканцамъ, что онъ благодаритъ ихъ, и очень радъ былъ бы поступить по ихъ желанію, но что исполненіе этого желанія зависитъ не отъ него, а отъ согласія Европы, и что онъ будетъ ходатайствовать за нихъ передъ европейскими державами и передъ великодушнымъ своимъ покровителемъ, императоромъ французовъ. Точно такой же отвѣтъ былъ данъ и депутаціямъ остальныхъ земель центральной Италіи. Нѣтъ надобности объяснять, что подобная политика оставляетъ центральную Ита-

лію въ прежней тяжелой неизвѣстности о томъ, должна ли она надѣяться на помощь сардинской арміи, или предоставляется исключительно собственнымъ силамъ. Впрочемъ, если мы говоримъ о неизвѣстности, мы опредѣляемъ этимъ только впечатлѣніе, произведенное отвѣтомъ сардинскаго короля на центральную Италію, а для посторонняго наблюдателя, хладнокровно взвѣшивающаго дипломатическія выраженія, очень ясно, что отвѣтъ Виктора-Эммануэля заключаетъ отказъ въ вооруженной помощи противъ австрійскаго нападенія: король сардинскій говоритъ о „ходатайствѣ передъ европейскими державами", а не упоминаетъ о „защитѣ отъ насилія", — на дипломатическомъ языкѣ такое умолчаніе равносильно положительному объявленію, что Сардинія не отваживается оборонять центральную Италію отъ вторженія австрійцевъ.

Итакъ, центральная Италія остается предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Посмотримъ же, какія средства приготовила она для того, чтобы воспротивиться насильственному возстановленію низложенныхъ правительствъ. Вотъ подробное изложеніе этого вопроса, сдѣланное флорентійскимъ корреспондентомъ „Times'a". Надобно предварительно замѣтить, что этотъ корреспондентъ самъ итальянецъ и вполнѣ сочувствуетъ дѣлу итальянскаго единства.

«Флоренція, 21 іюля».

«Эти люди, столь спокойные и разсудительные въ своихъ дѣйствіяхъ, столь единодушные и рѣшительные въ окончательномъ своемъ опредѣленіи, готовы ли подвергаться лишеніямъ, выдерживать опасности, которыя влечетъ за собою ихъ рѣшеніе? Будутъ ли дѣла ихъ соотвѣтствовать мужественнымъ словамъ? Будетъ ли ихъ твердость равняться ихъ благоразумію, и на полѣ битвы окажутся ли они столь же непоколебимыми, какъ въ залѣ собранія? Увы! Человѣческая храбрость непремѣнно основывается на сознаніи своей силы, на увѣренности въ ней, а этого, я боюсь, очень мало найдется въ тосканскихъ патріотахъ. Люди въ Тосканѣ благородны, благоразумны, возвышенны въ своихъ чувствахъ, но вовсе не герои. Примѣровъ нравственнаго мужества можно ожидать отъ нихъ, но едва ли можно ожидать многочисленныхъ примѣровъ физической храбрости. Какъ ни прекрасны ихъ намѣренія, но я не знаю, найдется ли десятокъ такихъ патріотовъ, которыхъ можно заставить сдѣлать переходъ въ три мили въ знойное время на встрѣчу даже самому слабому врагу. Слабость и изнѣженность тосканцевъ, особенно флорентинцевъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ послѣдніе три вѣка у нихъ были такіе нравы и обычаи, которые совершенно разслабили это племя, бывшее и въ самое энергическое свое время болѣе способнымъ на гражданскіе споры, нежели на перенесеніе трудностей похода. У этого народа, любящаго спокойствіе, нѣтъ ничего похожаго на мужественныя игры, на атлетическія забавы. Лошади у нихъ есть, они даже любятъ лошадей, но, за исключеніемъ кавалерійскихъ офицеровъ, едва ли вы увидите какого нибудь тосканскаго джентльмена на сѣдлѣ. Да и офицеры, и даже простые солдаты завладѣли всѣми извощичьими экипажами и кажется лишены всякихъ средствъ къ передвиженію, кромѣ какъ на машинахъ съ колесами и рессорами. Въ послѣдніе два мѣсяца тосканцы сформировали эскадронъ волонтеровъ-гусаръ; вооружившихся и экипировавшихся на свой счетъ. Эти гусары цѣлый день разъѣзжаютъ по улицамъ въ экипажахъ — это я вижу постоянно, но еще не имѣлъ счастья видѣть хотя одного изъ нихъ, верхомъ на лошади.

«У нихъ любимая отговорка та, что достоинство солдата — нравственная, а не физическая энергія и что каждый гражданинъ, одушевленный благороднымъ принципомъ, мгновенно можетъ стать превосходнѣйшимъ боевымъ солдатомъ. Но я видѣлъ ихъ волонтеровъ и ихъ регулярныя войска на походѣ въ Ломбардію, подъ командою

*

Уллоа, и хотя многіе изъ ихъ недостатковъ надобно приписать дурной командѣ и очень дурному комиссаріату, но должно сказать и то, что въ цѣлой дивизіи едва ли было три человѣка, имѣвшихъ силу сдѣлать дневной переходъ приличнымъ солдату образомъ. Они всѣ могли оказаться героями на полѣ битвы, до которой, къ несчастію, не допустили ихъ, но со стороны походной дисциплины они представляли жалкій видъ.

«Съ такими-то оборонительными силами Тоскана готовится отстаивать свои желанія противъ Австріи и, быть можетъ, Франціи. Швейцарія, имѣющая населеніе немногимъ больше, нежели Тоскана, два года тому назадъ могла грозно возстать, вызывая на борьбу съ собою громадныя силы самой воинственной изъ европейскихъ державъ. Но швейцарскіе люди достойны называться мужчинами. Несправедливо было бы винить тосканцевъ за изнѣженность, которая развита въ нихъ прежними правительствами; но должно было бы нынѣшнему правительству постараться объ исправленіи этого недостатка. Можно было бы желать, чтобы оно учредило стрѣлковые отряды, организовало артиллерію, постаралось сдѣлать молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій солдатами болѣе серьезными, чѣмъ волонтеры-гусары, занялось національной гвардіею, которая хороша, но малочисленна и мало обучена. Въ Англіи, гдѣ каждый занятъ полезнымъ дѣломъ, нельзя отрывать отъ него людей, чтобы дѣлать ихъ рекрутами. Но въ Италіи, гдѣ изъ десяти человѣкъ высшаго и средняго сословій девятеро ничего не дѣлаютъ, записывать молодыхъ людей въ пѣшіе или конные отряды значитъ отрывать ихъ отъ праздности. Изъ флорентинскихъ кофейныхъ можно было бы набрать нѣсколько батальоновъ здоровыхъ рекрутъ».

«Флоренція, 2 сентября».

«Даже подъ страхомъ получить имя алармиста, я долженъ возвратиться къ непріятному вопросу о вооруженіяхъ центральной Италіи. Я думаю, что мое предостереженіе будетъ еще своевременно и полезно для итальянцевъ.

«Всѣ газеты съ увѣренностью говорили, что силы революціонизированныхъ государствъ центральной Италіи простираются до 40 или 50.000 человѣкъ. Я самъ часто повторялъ это увѣреніе. Но теперь я долженъ прибавить, что эта цифра достигнута только на бумагѣ. Силу войскъ, которыя теперь могли бы быть выведены въ поле, никакъ нельзя положить болѣе, 20, или со всѣми натяжками болѣе 22.000 человѣкъ. Число тосканцевъ, находящихся подъ командою Гарибальди и составляющихъ средину между регулярными войсками и волонтерами, можно полагать въ 10.000. Этотъ храбрый и добрый человѣкъ, въ письмѣ отъ 30 августа, опровергаетъ слова тѣхъ газетъ, которыя, утверждали, что тосканскія войска были деморализированы и дезорганизированы своимъ прежнимъ командиромъ [1]). Гарибальди говоритъ, что «судя по ихъ нынѣшнему духу, дисциплинѣ и воинственному виду, онъ думаетъ, что эти солдаты съ честью могли сражаться подлѣ Маджентскихъ и Сольферинскихъ побѣдителей». Но, сколько я знаю, никто и не питалъ сомнѣнія о ихъ мужествѣ и воинственномъ видѣ. Всѣ жалобы относились къ разслабленію дисциплины и къ недостаточной приготовленности ихъ переносить трудности долгихъ переходовъ и лишеній походной жизни. Я знаю, что теперь они въ лучшихъ рукахъ и скоро будутъ способны очистить себя отъ всѣхъ невыгодныхъ сужденій. Но все-таки они неопытные солдаты, и невозможно, чтобы они держали себя, какъ ветераны. Маленькая тосканская армія въ нынѣшнемъ своемъ видѣ—не созданіе новаго времени. Съ небольшими перемѣнами, она—наслѣдство, доставшееся новому правительству отъ прежняго герцога.

«Фарини организовалъ моденскую бригаду, реджіосскую бригаду и теперь занимается организованіемъ пармской бригады. Но приготовить регулярныя войска къ полевымъ дѣйствіямъ гораздо труднѣе, чѣмъ проэктировать ихъ въ декретахъ. Роман-

---

1) Генераломъ Уллоа, котораго осуждаютъ за то, что онъ, слишкомъ подчиняясь принцу Наполеону и вообще французской политикѣ, оставлялъ тосканскія войска въ бездѣйствіи.

ская дивизія Меццокапо не была еще готова цѣлыхъ два мѣсяца послѣ того, какъ начался наборъ ея, и усердіе итальянскихъ волонтеровъ неизбѣжно было охлаждено Виллафранкскимъ миромъ. По послѣднимъ и вѣрнымъ извѣстіямъ изъ Пармы я знаю, что въ этомъ городѣ не болѣе 500 волонтеровъ, да и то большею частію люди, отпущенные изъ піэмонтской арміи и привлеченные подъ знамена нелѣпо огромнымъ жалованьемъ, которое назначено какъ будто для того, чтобы сдѣлать ихъ пьяною и безпорядочною толпою. Я не думаю, чтобы не таково же было состояніе моденской и реджіосской бригадъ. Безспорно, Гарибальди такой человѣкъ, что можетъ совершать чудеса съ самыми жалкими средствами. Рекруты, поведенные имъ въ Ломбардію, подъ именемъ альпійскихъ стрѣлковъ, мгновенно были превращены его вліяніемъ въ легіонъ героевъ,—но то дѣлалось въ энтузіазмѣ безотлагательнаго боя и постоянныхъ успѣховъ. Мнѣ кажется страшною для итальянцевъ не открытая война, а долгая, утомительная праздность и разслабляющая жизнь въ городахъ. Я увѣренъ, что Гарибальди, не хуже меня, понимаетъ опасность своего капуанскаго отдыха и постарается держать свои моденскія и другія войска въ непрерывной дѣятельности, необходимость которой для тосканскихъ войскъ онъ уже замѣтилъ. Но какъ бы то ни было, я не вижу возможности говорить теперь о моденскихъ и пармскихъ войскахъ, какъ о дѣйствительно существующихъ уже въ настоящемъ. Всѣ декреты говорятъ о нихъ въ будущемъ времени; я нахожу, что теперь устроены пока только еще зародыши и кадры трехъ этихъ бригадъ, и я не увѣренъ, чтобы во всѣхъ трехъ бригадахъ нашлось готовыми къ выступленію много сотенъ солдатъ.

«Въ Романьи организація дивизіи Меццокапо встрѣчала много затрудненій. Два вновь формируемые корпуса генерала Росселли и полковника Пинелли отняли много волонтеровъ у этого первоначальнаго отряда, потерявшаго много солдатъ и черезъ отпускъ тѣхъ волонтеровъ, которые не хотѣли продолжать службу, такъ что высшая цифра, какою опредѣляютъ численность войскъ подъ командою Меццокапо, не превышаетъ 8,000 человѣкъ. Къ нимъ должно прибавить отрядъ Росселли, простирающійся, быть можетъ, до 3,000 чел. Вся эта масса моденскихъ и романскихъ войскъ состоитъ изъ людей, большинство которыхъ ни разу не были въ огнѣ. Тосканцы, кажется, имѣютъ четыре съ половиною батареи, по восьми орудій каждая; въ Романьи артиллерія состоитъ изъ 12 пушекъ. Въ Тосканѣ, кромѣ 10,000 человѣкъ, находящихся теперь въ лагерѣ, есть еще резервъ, который простирается, быть можетъ, до 10,000 человѣкъ; въ это число входятъ 2,400 человѣкъ жандармовъ и солдатъ таможенной и прибрежной стражи,—эти солдаты превосходные, но, разумѣется, ихъ нельзя выводить за границу; остальные—рекруты. Если время позволитъ довершить обученіе рекрутъ и если будутъ деньги, то нынѣшнее число дѣйствительно годныхъ въ дѣло солдатъ центральной Италіи,—22,000 человѣкъ,—безспорно можетъ быть удвоено.

«Тоскана, Парма, Модена и Романья имѣютъ отъ 4 до 5 милліоновъ жителей. Когда нынѣшнія распоряженія о наборѣ войскъ будутъ всѣ исполнены, эти земли будутъ имѣть до 50,000 войска, то есть по одному солдату на 100 человѣкъ жителей,—пропорція не дурная для государства, находящагося внѣ всякой опасности и пользующагося глубокимъ миромъ.

«Но мнѣ кажется, что центральная Италія не находится внѣ всякой опасности и не можетъ надѣяться на глубокій миръ.

«Въ герцогствахъ Пармскомъ и Моденскомъ выказывается сильная, но не очень практичная ревность къ поголовному вооруженію народа. Низшія сословія имѣютъ оружіе, но правительство, по крайней мѣрѣ въ Пармѣ, почти боится дозволять имъ обучаться обращенію съ оружіемъ. Въ Тосканѣ «благоразумные» люди говорили мнѣ: «много мы надѣлали великихъ глупостей, но избѣжали по крайней мѣрѣ одной,—учрежденія національной гвардіи». Дѣйствительно, до Виллафранкскаго мира не было ничего похожаго на національную гвардію. Теперь есть до 500 молодыхъ людей изъ средняго сословія, начавшихъ учиться военному дѣлу. Но національная гвардія не была бы «великою глупостью» для страны, которая нуждается въ защитникахъ. Каждый мужчина здѣсь долженъ былъ бы имѣть ружье и учиться стрѣльбѣ изъ него.

Нѣтъ на землѣ ничего удивительнѣе итальянской лѣни. Я могъ бы цѣлые сутки безъ перерыва говорить на эту грустную тему. Итальянцы предавались лѣни при своихъ прежнихъ абсолютныхъ правительствахъ, потому что «суровость тѣхъ временъ подавляла всякую энергію». Они предаются лѣни—предаются ей, если только можно, больше прежняго, при нынѣшнемъ положеніи вещей, потому что «сильныя ощущенія отъ изумительныхъ событій не даютъ подумать ни о какомъ дѣлѣ». Ихъ праздность могла бы обратиться на великую пользу имъ, если бы они захотѣли употребить свое праздное время на то, чтобы обратиться къ военному дѣлу. Я слышалъ, что въ герцогствѣ Пармскомъ устроены галлереи для стрѣльбы, и что народъ охотно посѣщаетъ ихъ. Но въ Тосканѣ ничье ухо не тревожится звуками выстрѣловъ, ничего подобнаго не устроено, ни о чемъ подобномъ и не думаютъ. Праздность тосканской разслабляющей жизни въ кофейныхъ только усилилась въ эти тревожныя времена освобожденія. Нескончаемо идетъ въ кофейныхъ болтовня, остающаяся пустою болтовнею. Молодежь, безконечные часы толковавшая прежде въ кофейныхъ о новой танцовщицѣ, также безконечно толкуетъ теперь о вѣроятности того, что Наполеонъ III скорѣе заступится за Тоскану, чѣмъ станетъ помогать австрійцамъ, о томъ, что Англія, или Пруссія, или китайскій императоръ явится на защиту итальянскаго дѣла. И никто въ этой изнѣженной толпѣ не встаетъ напомнить своимъ товарищамъ эпикурейцамъ, что мужчины должны быть мужчинами, что объ итальянскомъ дѣлѣ должны заботиться итальянцы, что каждый человѣкъ съ здоровыми руками и ногами бездѣйственно сидящій теперь въ кофейной есть измѣнникъ родинѣ. Я не разъ писалъ вамъ, что правительство хотѣло набрать эскадронъ гусаръ, числомъ въ 150 человѣкъ, изъ хорошихъ фамилій. Во время войны набралось до 60 человѣкъ такихъ гусаровъ; послѣ Виллафранкскаго мира число ихъ уменьшилось до 25,—какова послѣ этого надежда на то, что люди хорошихъ фамилій будутъ готовы рисковать жизнью за независимость отечества? Эти 25, ничего не дѣлающихъ гусаровъ по прежнему гуляютъ пѣшкомъ, а чаще въ экипажахъ по улицамъ Флоренціи, оставаться въ которой вовсе не слѣдовало бъ имъ. У насъ здѣсь множество людей въ раззолоченныхъ мундирахъ, людей надѣвшихъ мундиры потому, что мундиръ, по ихъ мнѣнію, придаетъ имъ красу; они съ большимъ удовольствіемъ носятъ тяжелыя, слишкомъ тяжелыя сабли, которыя гремятъ и звенятъ, волочась за ними,—но ихъ никогда не позовутъ на дѣйствительную службу, и, что еще хуже, они не услышатъ, если ихъ позовутъ.

«Я представилъ картину не очень лестную. Но я вовсе не хочу, чтобы эту преступную бездѣйственность итальянцевъ приписывали недостатку храбрости, нежеланію идти на опасность и смерть въ случаѣ нужды. Пороки итальянцевъ должны быть приписываемы состоянію, въ какомъ находилось ихъ отечество столько вѣковъ. Каковы бы ни были итальянцы, должно сказать, что они безконечно лучше того, чѣмъ можно было бы ожидать. У нихъ живыя чувства и облагородные инстинкты, надобно только дѣйствовать на нихъ во-время. Когда первые слухи о войнѣ электризовали страну четыре мѣсяца тому назадъ, было бы легко вывести сотни тысячъ итальянцевъ изъ этихъ кофейныхъ, замѣняющихъ имъ домъ. Въ апрѣлѣ въ Піэмонтъ являлось столько волонтеровъ, что не находилось мѣста для нихъ всѣхъ. Даже теперь, если Гарибальди пройдетъ по тосканскимъ городамъ, призывая молодежь къ оружію, за нимъ пойдутъ десятки тысячъ волонтеровъ. Битвъ итальянцы не боятся, они не отступятъ передъ огнемъ и сталью, когда кровь ихъ разгорячена. Но они не любятъ военнаго обученія и маршировки. Они не любятъ солдатчины, если не видятъ необходимости въ ней. Послѣ Виллафранкскаго мира они впали въ оцѣпенѣніе, которое происходитъ на половину отъ увѣренности въ защитѣ, на половину отъ отчаянія. Императоръ французовъ даетъ имъ увѣренія, что никакое вооруженное вмѣшательство иностранцевъ не грозитъ имъ. Всѣ итальянскія, французскія и англійскія газеты повторяютъ, что Европа не позволитъ никому пальцемъ тронуть народъ, который держитъ себя съ такимъ примѣрнымъ достоинствомъ, благоразуміемъ, единодушіемъ. А если Франція и Австрія оставятъ ихъ въ покоѣ, то «за чѣмъ же,—говорятъ они,—намъ получать мигрени и мозоли отъ долгихъ напрасныхъ маршей? Противъ нашихъ герцоговъ и папы слишкомъ довольно будетъ и тѣхъ солдатъ, которыхъ мы уже набрали; а если

Франція не сдержитъ своего слова,—если она или Австрія, или она и Австрія вмѣстѣ нападутъ на насъ, къ чему приведутъ всѣ наши воинственныя приготовленія? Къ тому, чтобы умереть съ оружіемъ въ рукахъ и облагородить нашу погибель подвигами отчаянія! Но храбрость отчаянія не нуждается ни въ оружіи, ни въ солдатскомъ обученіи. Флоренція храбро сражалась противъ Карла V въ 1529 году, хотя имѣла только необученныхъ военному дѣлу гражданъ подъ начальствомъ Франческо Ферруччіо, противъ ветерановъ испанской и нѣмецкой армій. Римъ и Венеція въ 1849 дорого продали побѣду французамъ и австрійцамъ, хотя едва ли кто изъ этихъ волонтеровъ зналъ—правою или лѣвою ногою надобно выступать впередъ».

«Трудно спорить съ людьми, которые такъ легко смотрятъ на обязанности гражданина. Тосканское правительство, хорошо знающее свой народъ, по временамъ издаетъ изящныя, краснорѣчивыя, чувствительныя патріотическія увѣщанія, приглашающія прежнихъ и новыхъ волонтеровъ становиться въ ряды арміи. Принуждать ихъ къ этому, или набирать солдатъ посредствомъ конскрипціи, кажется дѣломъ превышающимъ власть или рѣшимость правительства. Оно не отваживается на такія неудобоисполнимыя вещи, и его чрезвычайная заботливость о сохраненіи порядка дѣлаетъ его до крайности подозрительнымъ противъ каждаго, кто хотѣлъ бы изустно или печатно сдѣлать болѣе сильное воззваніе къ патріотическимъ чувствамъ массы. Быть можетъ, правительство поступаетъ благоразумно, держась такой системы,—быть можетъ, обстоятельства расположатся такъ, что тосканцы будутъ избавлены судьбою отъ испытанія отчаянной обороны. Быть можетъ, ихъ желанія будутъ уважены и присоединеніе Тосканы къ Піэмонту совершится безъ борьбы. Они поручаютъ рѣшенію великихъ державъ справедливость своего дѣла, но не приготовились противопоставить отчаянное сопротивленіе окончательному ихъ рѣшенію».

Итакъ, говоря коротко и прямо, центральная Италія остается беззащитна,—покрайней мѣрѣ была беззащитна въ половинѣ сентября, Силы, которыя она приготовила, достаточны для отраженія двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ, которыхъ могъ бы привести съ собою герцогъ моденскій; быть можетъ достаточны для отраженія папскихъ войскъ; но вторженію какого нибудь, даже одного австрійскаго, корпуса онѣ не могли бы представить успѣшнаго сопротивленія. Странная, изумительная безпечность!—и чтобы объяснить ее, мы должны высказать факты, за раскрытіе которыхъ передъ нашими читателями опять могли бы сердиться на насъ западно-европейскіе либералы, еслибъ «Современникъ» могъ быть имъ извѣстенъ.

Будемъ говорить откровенно. Какова цѣль, которую поставили себѣ правительства центральной Италіи, и кто такіе люди, въ рукахъ которыхъ находится теперь управленіе этими областями? Въ Тосканѣ и въ легатствахъ правительство составляютъ люди, принадлежащіе къ такъ называемой умѣренной либеральной партіи. Она до послѣдняго времени не считала возможнымъ думать о соединеніи центральной Италіи съ Піэмонтомъ—такая мысль представлялась ей преждевременною, слишкомъ смѣлою. Она считала возможнымъ стремиться только къ тому, чтобы прежнія правительства, низверженія которыхъ она не надѣялась, покинули свою реакціонную политику, начали подражать либерализму Піэмонта и замѣнили прежній свой союзъ съ Австріею—союзомъ съ Піэмонтомъ. Учрежденіе федераціи между итальянскими государствами казалось ей крайней степенью прогресса, возможною для настоящаго времени. Достичь этой цѣли она думала не силою самого народа центральной Италіи,—эта опора представлялась ей слишкомъ слабою,—а дипломатическимъ заступничествомъ великихъ европейскихъ державъ. Она жестоко преслѣдовала,

какъ вредныхъ мечтателей, послѣдователей Маццини, которые говорили, что надобно стремиться къ слiянiю итальянскихъ государствъ не въ союзъ, а просто въ одно государство, и что произвести эту перемѣну должны сами итальянцы своими собственными силами. Въ какомъ же положенiи находятся теперь умѣренные либералы, управляющiе дѣлами центральной Италiи? Обстоятельства повернулись такъ, что ихъ собственная программа совершенно устранена, и вопросъ идетъ объ осуществленiи программы, которую защищали маццинисты. Прежнiя правительства были низвергнуты, чего не надѣялись умѣренные либералы. Выборъ остался только между двумя крайностями: или возвращаются низложенные правители, съ удвоенною враждою къ нацiональнымъ стремленiямъ, и будутъ крѣпче прежняго держаться австрiйской политики,—или области центральной Италiи составляютъ одно государство съ Пiэмонтомъ. Чтобы избѣжать реакцiи, чтобы осуществить нацiональныя стремленiя, надобно опираться не на дипломатическое заступничество иноземцевъ, а исключительно на свои собственныя силы. Такимъ образомъ, умѣренные либералы поставлены въ необходимость исполнять программу Маццини. Этимъ объясняется слабость, медлительность ихъ дѣйствiй. Они находятся въ фальшивомъ положенiи. Имъ пришлось направлять отечество къ цѣли, которую издавна привыкли они считать недостижимою, пользоваться для этого средствами, которыя привыкли они считать недостаточными или опасными. Они должны вооружать народъ—но развѣ они не думали всегда, что народъ безсиленъ?—развѣ они не думали всегда, что его содѣйствiе опасно, потому что онъ слишкомъ легко готовъ предпочитать маццинистовъ умѣреннымъ либераламъ? И вотъ, они принуждены преслѣдовать каждаго, кто хотѣлъ бы вооружить массу, одушевить ее, пробудить въ ней горячую энергiю. Каждый агитаторъ представляется для нихъ опаснымъ маццинистомъ, а всѣхъ маццинистовъ они считаютъ нужнымъ арестовать или высылать за границу. Они боятся, что европейскiе дипломаты обвинятъ ихъ въ революцiонерствѣ, они хотятъ сохранить репутацiю людей смирныхъ, послушныхъ дипломатическимъ обычаямъ,—а между тѣмъ поставлены въ революцiонное положенiе, не имѣютъ въ своемъ распоряженiи никакихъ другихъ силъ, кромѣ революцiонныхъ,—вотъ объясненiе тому, что они остаются бездѣйственны и оставляютъ центральную Италiю до сихъ поръ безъ средствъ къ оборонѣ.

Чѣмъ разрѣшится такое фальшивое положенiе дѣлъ? Уступятъ ли умѣренныя правительства центральной Италiи необходимости обстоятельствъ, и отважутся ли наконецъ прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ для приведенiя страны въ возможность защищаться? Отважится ли Сардинiя открыто явиться защитницею центральной Италiи?—Мы боимся, что оба эти рѣшенiя будутъ приняты уже тогда, когда поздно будетъ защищаться. Время идетъ, и съ каждымъ днемъ опасность иноземнаго вторженiя приближается, а Сардинiя все еще остается въ своей робости, и правительства центральной Италiи все еще бездѣйствуютъ. Мы боимся, что время свободы, оставленное для нихъ дипломатическими переговорами объ исполненiи Виллафранкскаго мира,—это краткое время свободы, которымъ они должны были бы воспользоваться для приготовленiя къ оборонѣ и которое протекаетъ безполезно по нерѣшительности Сардинiи, по безсилiю правительствъ центральной Италiи,—по-

служитъ только къ тому, чтобы приготовить болѣе жертвъ для реакціи.

Но если Австрія твердо рѣшилась на вторженіе въ центральную Италію для возстановленія прежнихъ правительствъ (она уже собрала 200,000 войска въ Венеціанской области), и если Франція, какъ теперь очевидно, не хочетъ жертвовать своими войсками, чтобы во второй разъ защищать Италію, то зачѣмъ же столько времени медлитъ Австрія? Это промедленіе, конечно, зависитъ не отъ нея,—она можетъ вторгнуться въ Италію только тогда, когда императоръ французовъ найдетъ удобнымъ для себя сказать „теперь пора“; а онъ по необходимости долженъ былъ нѣсколько времени помедлить такимъ разрѣшеніемъ.

Императоръ французовъ никакъ не ожидалъ, чтобы Виллафранкскій договоръ произвелъ на Францію такое невыгодное впечатлѣніе; онъ надѣялся, что Франція и вся Европа назоветъ его освободителемъ Италіи, согласится съ нимъ, что онъ сдѣлалъ для итальянцевъ все, что могъ, и доставилъ дѣйствительную гарантію ихъ независимости и единству учрежденіемъ итальянской конфедераціи. Потому онъ полагалъ, что можетъ удобно совершить и возстановленіе эрцгерцоговъ, что эта небольшая непріятность будетъ заглушена въ европейскихъ либералахъ восторгомъ отъ присоединенія Ломбардіи къ Піэмонту и учрежденія итальянскаго союза. Притомъ, какъ мы говорили, онъ надѣялся, что встрѣтитъ въ центральной Италіи безусловную покорность, и что возстановленіе эрцгерцоговъ будетъ произведено почти безъ всякаго шума. Въ той и въ другой надеждѣ онъ обманулся. Опрометчивые французскіе либералы, увлекавшіеся нелѣпымъ довѣріемъ во время войны, были разочарованы въ своихъ неосновательныхъ надеждахъ условіями Виллафранкскаго мира, и вознегодовали; почти вся Франція раздѣляла прежде ихъ ошибку и теперь стала раздѣлять ихъ чувство. Изъ всѣхъ виллафранкскихъ условій возстановленіе эрцгерцоговъ было самымъ щекотливымъ, самымъ непопулярнымъ; притомъ, мы говорили, оказалось, что нельзя исполнить его такъ тихо, незамѣтно, какъ надѣялся императоръ французовъ: тосканцы и моденцы, вмѣсто того, чтобы молча покориться, поспѣшили высказать, что возстановленіе эрцгерцоговъ можетъ быть совершено только вооруженною силою и рѣшительно противно ихъ желанію. Этими двумя непредвидѣнными обстоятельствами—непопулярностью Виллафранкскаго мира во Франціи и непокорностью центральной Италіи достаточно, по нашему мнѣнію, объясняется медлительность императора французовъ, отсрочившая до сихъ поръ принятіе мѣръ къ возстановленію въ центральной Италіи прежняго порядка вещей. Многіе производятъ его политику въ этомъ вопросѣ изъ другаго побужденія: говорятъ, будто Наполеонъ III хочетъ создать изъ центральной Италіи особенное королевство для своего двоюроднаго брата, принца Наполеона, и думаютъ, что его систему должно объяснять слѣдующимъ образомъ: пусть Тоскана, Модена и Романья получатъ довольно времени, чтобы безвозвратно компрометировать себя передъ своими прежними династіями; когда эти земли доведутъ дѣла до такой крайности, что не будутъ въ состояніи ожидать отъ возстановленія прежнихъ правительствъ ничего, кромѣ ужаснаго мщенія, тогда имъ будетъ объявлено, что соединеніе съ Піэмонтомъ невозможно. Не имѣя возможности возвратиться назадъ, къ

прежнимъ правительствамъ, центральная Италія будетъ рада всякому средству избавиться отъ своего отчаяннаго положенія, отвратить отъ себя мщеніе австрійцевъ и эрцгерцоговъ, возвращеніе которыхъ будетъ неизбѣжно грозить ей, когда она увидитъ себя оставляемою безъ защиты и сардинцами и французами. Тогда агенты принца Наполеона объявятъ ей, что остается одинъ только путь избавиться отъ страшной реакціи,—надобно провозгласить королемъ центральной Италіи принца Наполеона, который, будучи зятемъ короля сардинскаго, можетъ даже не считаться въ Италіи чужестранцемъ, стало-быть тосканцы, моденцы и жители Романьи, избравъ его своимъ властителемъ, могутъ утѣшаться мыслью, что не подверглись иноземному господству. Въ прежнихъ нашихъ обозрѣніяхъ приведено довольно фактовъ, могущихъ подтверждать такой способъ объясненія политики императора французовъ. Теперь мы прибавимъ, что есть въ Тосканѣ агитаторы, убѣждающіе своихъ соотечественниковъ, что принцъ Наполеонъ одинъ можетъ спасти ихъ отъ австрійскаго мщенія и порабощенія. Говорятъ, что Меттернихъ ѣздилъ къ Наполеону III въ Сенъ-Совёръ болѣе всего для соглашенія по этому предположенію, и увѣряютъ, будто онъ передалъ императору французовъ, что Австрія готова не противиться учрежденію въ центральной Италіи королевства для принца Наполеона, лишь бы оно было создано волею двухъ императоровъ, а не основывалось формально на принципѣ верховной власти народовъ располагать своею судьбою. До какой степени вѣренъ этотъ слухъ, мы не знаемъ; но само собою разумѣется, что императору французовъ было бы пріятнѣе превращеніе центральной Италіи въ особенное королевство подъ властью его родственника, нежели ея присоединеніе къ Піэмонту, который въ такомъ случаѣ слишкомъ усилился бы. Это несомнѣнно; напротивъ того, трудно рѣшить, составляетъ ли учрежденіе такого королевства положительную цѣль его политики, или просто только остается его желаніемъ, осуществленіе котораго предоставляетъ онъ стеченію обстоятельствъ, не находя удобнымъ жертвовать для него болѣе близкими потребностями своего положенія. Намъ кажется, что эти потребности были въ теченіе нынѣшняго лѣта очень настоятельны, и что забота объ удовлетвореніи ихъ заставляла императора французовъ въ политикѣ относительно центральной Италіи руководиться интересами болѣе близкими, нежели учрежденіе королевства для принца Наполеона. По крайней мѣрѣ факты, въ родѣ посольствъ графа Резе и графа Понятовскаго, показываютъ, что до послѣдняго времени императоръ французовъ имѣлъ въ виду не пріобрѣсти королевскій санъ своему родственнику, а просто возстановить эрцгерцоговъ. (Разумѣется, обстоятельства съ каждымъ днемъ могутъ перемѣниться, и открыть Наполеону III возможность измѣнить свою политику). Статья „Монитера“ также свидѣтельствуетъ объ этомъ, да и вообще медлительность политики Наполеона III относительно Тосканы, Модены и Романьи достаточно объясняется, какъ мы уже говорили, двумя обстоятельствами: непопулярностью Виллафранкскаго мира и непокорностью центральной Италіи.

Противъ ожиданія увидѣвъ, что Виллафранкскій миръ произвелъ на Францію очень неблагопріятное впечатлѣніе, Наполеонъ III былъ долженъ доказать, что условія его не такъ дурны, какъ показалось французамъ, и потому онъ отложилъ исполненіе самаго непопулярнаго изъ этихъ условій,— возстановленіе эрцгерцоговъ, до той поры, когда неудовольствіе французовъ

остынетъ и вниманіе ихъ будетъ отвлечено отъ Италіи новыми вопросами. Для смягченія невыгоднаго впечатлѣнія, оказалось нужнымъ прибавить и объясненіе, что онъ соглашался на возстановленіе только въ предположеніи, что оно будетъ произведено съ согласія самихъ тосканцевъ и моденцевъ. Чтобы показать французамъ ошибочность въ ихъ мнѣніи, будто онъ не расположенъ въ пользу итальянскаго единства, онъ очень милостиво принималъ итальянцевъ, являвшихся къ нему съ разными адресами. Съ тою же цѣлью французскому посланнику въ Римѣ, герцогу Граммону, было поручено возобновить старинныя требованія о введеніи въ Римскихъ владѣніяхъ свѣтскаго управленія и наполеоновскаго кодекса и даже предложить папѣ, чтобы онъ призналъ возставшія провинціи самостоятельнымъ намѣстничествомъ, которое было бы независимо отъ Рима по своимъ внутреннимъ дѣламъ, уплачивая только извѣстную ежегодную подать для покрытія издержекъ Римскаго Двора. Разумѣется, всѣ эти дѣйствія Наполеона III надобно считать только слѣдствіемъ непріятной, но вѣроятно непродолжительной надобности заставить французовъ измѣнить мнѣніе о характерѣ его итальянской политики. Должно думать, что эта надобность минуетъ, когда остынетъ во Франціи первоначальная энергія неудовольствія, произведеннаго Виллафранкскимъ миромъ, и что тогда императоръ французовъ возвратится къ болѣе открытой консервативной политикѣ.

Несоотвѣтственность сужденій французовъ о Виллафранкскомъ мирѣ съ ожиданіями Наполеона III была причиною нѣкоторыхъ дѣйствій, не соотвѣтствующихъ принципамъ его, и во внутренней политикѣ. Надобно было заставить чѣмъ нибудь французовъ измѣнить порицаніе въ похвалу, и потому 17-го августа обнародована была амнистія всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, ссыльнымъ и заключеннымъ, или, по выраженію декрета объ амнистіи, преступникамъ. Во французскихъ газетахъ амнистія вызвала горячія похвалы, и вѣроятно многіе изъ изгнанниковъ воспользуются ею. Но главнѣйшіе изъ нихъ одинъ за другимъ обнародовали протестаціи противъ этого акта. Протесты были написаны разумѣется въ духѣ совершенно противномъ правительству Наполеона III; но тѣмъ не менѣе газеты, издающіяся во Франціи, получили разрѣшеніе перепечатать ихъ. Вообще правительство видѣло необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки для смягченія общественнаго мнѣнія, и разнеслись слухи, что приготовляется новый законъ о книгопечатаніи, дающій гораздо большую свободу журналистикѣ. Будетъ онъ изданъ или нѣтъ,—мы не знаемъ, но строгость, съ которою правительство слѣдило за непріязненными ему газетами, на время значительно уменьшилась, и въ журналистикѣ начали говорить о внутреннихъ дѣлахъ языкомъ болѣе смѣлымъ. Явились даже прямыя требованія свободы печатнаго слова; даже осторожный „Journal des Débats“ почелъ безопаснымъ напечатать статью, въ которой подробно показываетъ вредъ, происходящій для государства отъ стѣсненій, которымъ подвергается свобода печатнаго слова.

Но всѣ эти мѣры и уступки для отвлеченія общественнаго мнѣнія отъ неудовольствія, овладѣвшаго Франціею послѣ Виллафранкскаго мира, оказывались недостаточны, и потому давно уже стали говорить, что Наполеонъ III хочетъ загладить непопулярность, бывшую слѣдствіемъ мира, начатіемъ новой войны,—или съ Германіею, то есть собственно съ Пруссіею, или съ Англіею;—

предполагается, что та и другая война были бы пріятны для французовъ,— одна льстила бы имъ надеждою на завоеваніе земель до Рейна, другая льстила бы враждебному предубѣжденію противъ англичанъ, до сихъ поръ остающемуся въ толпѣ реакціонеровъ и невѣжественныхъ простяковъ.

Мы не знаемъ, до какой степени вѣрны были эти предположенія: въ войнѣ съ Пруссіею и Германіею не такъ легко можно было бы пріобрѣсти лавры, какъ въ сраженіяхъ съ австрійцами, а война противъ Англіи еще гораздо опаснѣе. Скорѣе всего надобно думать, что эти слухи, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, не предназначались къ исполненію, а были возбуждаемы только затѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ Виллафранкскаго мира. Война необходима для императора французовъ, но кажется, что нужно еще довольно много времени для устройства дипломатическихъ отношеній, которыя дозволяли бы начать войну съ Пруссіею или Англіею удобнымъ для него образомъ. Однакоже, какъ бы то ни было, съ серьезною мыслью о войнѣ, или только для занятія французовъ толками о вѣроятности или невѣроятности новой войны, начинались уже приготовленія къ ссорамъ съ Англіею. Полуоффиціальныя газеты получили приказаніе гремѣть угрозами противъ Англіи. Была уже пріискана и причина для разрыва съ нею: она заключалась опять-таки въ итальянскомъ вопросѣ. Англія говорила, что не хочетъ вооруженнаго вмѣшательства въ центральной Италіи для возстановленія эрцгерцоговъ, или учрежденія новаго королевства въ пользу принца Наполеона; она требовала, чтобы тосканцамъ и моденцамъ было дозволено осуществить ихъ желаніе присоединиться къ Піэмонту. Французская политика, находившая невыгоднымъ для себя допустить такое усиленіе Піэмонта, естественно находилась въ противорѣчіи съ англійскою. Это разногласіе и угрозы французскихъ газетъ, служащихъ обыкновенно органами французскаго правительства, заставили англичанъ серьезно подумать о средствахъ борьбы, въ случаѣ войны съ Франціею: англійскіе арсеналы и военныя верфи кипѣли дѣятельностью; парламентъ даже назначилъ комиссію для обозрѣнія береговъ Англіи, съ цѣлью усилить укрѣпленія тѣхъ пунктовъ, которые окажутся недостаточно защищенными. Тревога эта, поднятая Франціею, была однако, по всей вѣроятности, только средствомъ придуманнымъ для развлеченія французовъ, безъ серьезнаго намѣренія начать войну въ скоромъ времени. Кромѣ общихъ основаній для такого мнѣнія, находимыхъ нами въ томъ, что война съ Англіею очень трудна для Франціи и очень опасна для самой прочности власти императора французовъ, положительное подтвержденіе нашему мнѣнію мы видимъ въ чрезвычайной поспѣшности, съ какою французское правительство воспользовалось первымъ случаемъ прекратить свои угрозы противъ Англіи, замѣнивъ ихъ другимъ непредвидѣнно представившимся средствомъ развлечь вниманіе своей націи.

Случай этотъ дали китайцы. Читателямъ извѣстно, что, по послѣднему договору, Англія и Франція, которыя вели войну съ Китаемъ общими силами, получили право прислать своихъ уполномоченныхъ въ Пекинъ для размѣна ратификованныхъ списковъ трактата. Въ іюнѣ посланники дѣйствительно отправились туда съ этою цѣлью, въ сопровожденіи англійской эскадры и нѣсколькихъ французскихъ судовъ, и 17-го іюня дошли до устья Пейхо,

укрѣпленія котораго были разрушены англичанами въ предъидущую войну. Теперь эти укрѣпленія оказались возстановленными, но ни батарей, ни солдатъ на нихъ не было видно. Нѣсколько дней прошли въ переговорахъ, потому что китайцы не хотѣли впустить эскадру, требуя, чтобы уполномоченные отправились въ Пекинъ сухимъ путемъ. Видя ихъ упрямство, посланники рѣшились наконецъ пройти черезъ устье, не слушая возраженій. Но когда англійскія суда (25-го іюня) подошли къ укрѣпленіямъ, вдругъ на нихъ демаскировались очень сильныя батареи, а на берегу явилось многочисленное войско. Произошла битва, и неприготовившіеся къ ней англичане принуждены были отступить, потерявъ 464 человѣка убитыми и ранеными изъ 1,300 человѣкъ экипажа. Французы, которые почти не участвовали въ сраженіи, потеряли только 14 человѣкъ. Французское правительство съ величайшею горячностью стало говорить о необходимости самымъ сильнымъ образомъ отмстить за оскорбленіе французскаго флага и немедленно вступило въ самые дружескіе переговоры съ англійскимъ о содѣйствіи англійскому флоту въ Китаѣ. Оно изъявило готовность послать на войну съ китайцами корпусъ въ 12.000 человѣкъ, и, благодаря китайцамъ, прежнія угрозы противъ англичанъ вдругъ замѣнились живѣйшимъ усердіемъ помогать имъ противъ китайцевъ. Дѣйствительно, если можно достичь цѣли,— то есть развлечь французовъ — легкою и эффектною войною на далекомъ востокѣ, то къ чему продолжать опасныя ссоры съ англичанами?

О внутреннихъ дѣлахъ самой Англіи мы очень давно не говорили, потому что въ ней до послѣдняго времени все было заглушено толками объ итальянской войнѣ. Почти безъ шума упало министерство Дерби,—его судьба была рѣшена, когда независимые либералы согласились поддерживать Пальмерстона и Росселя. Почти ничего не было сдѣлано въ краткую сессію новаго парламента, который ограничился только тѣмъ, что низвергъ Дерби (въ чемъ никто не сомнѣвался) и принялъ бюджетъ, представленный новымъ министерствомъ (въ чемъ также не было никакого сомнѣнія). По принятіи бюджета, парламентъ разошелся, отложивъ до обыкновенной сессіи всѣ важныя дѣла. Только теперь, когда ослабѣли опасенія войны, возобновляются заботы о внутреннихъ вопросахъ. Больше всего общественное внибыло занято въ послѣднее время колоссальною распрею между лондонскими строительными подрядчиками и ихъ рабочими, которые требовали сокращенія работы съ десяти часовъ въ день на девять часовъ (Nine hours mouwement). Теперь этотъ величественный эпизодъ борьбы между капиталомъ и трудомъ приближается къ окончанію, и въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ мы представимъ отдѣльную статью о немъ. Реформитское движеніе, оттѣснявшееся на второй планъ войною, теперь возобновляется, и въ слѣдующей книжкѣ намъ придется, вѣроятно, говорить о немъ. А теперь мы должны сказать хотя нѣсколько словъ о вліяніи, оказанномъ итальянскою войною на дѣла другихъ западно-европейскихъ государствъ. Газеты наполнены извѣстіями объ улучшеніяхъ внутренняго управленія, полученныхъ или получаемыхъ Австріею, и объ агитаціи для достиженія національнаго единства, овладѣвшей Германіею. Много говорить объ этихъ вещахъ не стоитъ,

но надобно сказать столько, чтобы читатель могъ убѣдиться, что подробнѣе говорить о нихъ не стоило.

Австрійскіе либералы (либералы есть и въ Австріи, притомъ даже въ очень значительномъ количествѣ) основываютъ теперь великія надежды на расположеніи своего правительства „къ исправленію недостатковъ законодательства, искорененію злоупотребленій, введенію просвѣщеннаго направленія въ администраціи“ и т. д. Читатель быть можетъ не вѣритъ, чтобы подобная вещь могла находить себѣ мѣсто въ Австріи? Онъ ошибается: надежды либераловъ опираются на доказательствѣ самомъ несомнѣнномъ,—на словахъ, которыми заканчивается манифестъ Австрійскаго императора о заключеніи мира. Кто можетъ не вѣрить офиціальному обѣщанію? Покажите намъ такого скептика, — нѣтъ, вы его не отыщете, по крайней мѣрѣ между либералами, отличительными чертами которыхъ и въ Австріи, какъ повсюду, служатъ два качества: вѣрить и восхищаться. Содержаніе манифеста, внушившаго имъ восторгъ, въ сущности таково: „насъ поколотили, у насъ отняли часть нашихъ земель; думать о новой войнѣ теперь пока намъ нѣтъ возможности, потому что нѣтъ у насъ и десяти гульденовъ звонкой монеты, а на бумажныя деньги войну вести трудно. Итакъ, мы проникаемся миролюбивыми чувствами и постараемся развитіемъ внутреннихъ силъ вознаградить потерю во внѣшнемъ могуществѣ“. Прекрасно. Но изъ этого ясно, что только военныя неудачи заставили австрійское правительство подумать о внутреннихъ улучшеніяхъ, а изъ этого ясно, что когда позабудется стыдъ пораженій, когда остынетъ народное неудовольствіе, возбужденное ими, пройдетъ и забота объ улучшеніяхъ. А къ сожалѣнію, Австрію побили слишкомъ еще мало. Если бы у нея отняли Тироль или Богемію, если бы побѣдоносный непріятель дошелъ до Вѣны, быть можетъ впечатлѣніе о неудовлетворительности прежней системы осталось бы въ правительствѣ довольно сильно и прочно. Но теперь мѣста пораженій арміи были такъ отдалены, что скоро явится—и отчасти явилась уже,—возможность приняться за прежнее самохвальство. Дѣйствительно, мы уже видимъ въ офиціальныхъ австрійскихъ газетахъ увѣренія, что австрійская армія покрыла себя славою въ итальянскую войну. Возвращеніе самодовольства предвѣщаетъ скорое паденіе реформаціонныхъ намѣреній правительства, и мы скоро увидимъ, что почти всѣ обѣщанія свои оно оставитъ невыполненными, рѣшительно возвратится къ реакціонной политикѣ, которой слѣдовало до войны. Да и въ чемъ состоятъ обѣщанныя реформы? Касаются ли онѣ основной причины зла? Обѣщано ли прекратить безправіе гражданъ передъ правительствомъ? Нѣтъ, нынѣшній правительственный принципъ не только не намѣренъ, а даже и не обѣщалъ отказаться отъ своего произвола, ограничить себя законами, которые давали бы гражданамъ участіе въ правительствѣ. Дѣло ограничилось офиціальнымъ признаніемъ надобности измѣнить низшую администрацію и прекратить стѣсненія, которымъ подвергались въ пользу католичества другія исповѣданія. Кто, кромѣ либераловъ, по природѣ своей расположенныхъ восхищаться и надѣяться, могъ находить какую нибудь существенную важность въ этихъ реформахъ, которыя могли бы имѣть дѣйствительное значеніе только тогда, если бы являлись лишь второстепенными чертами въ общемъ

преобразованіи государственныхъ учрежденій, во всей системѣ своей проникнутыхъ духомъ угнетенія?—Исправить низшую, городскую и сельскую администрацію! Да возможно ли, чтобы она исправилась отъ какихъ бы то ни было уставовъ, если остается въ прежнемъ видѣ областная и общая государственная администрація? Что значитъ какой нибудь окружный начальникъ или городской бургомистръ, когда правитель провинціи и министръ, повелѣвающіе ему, продолжаютъ дѣйствовать по прежней системѣ? Могутъ ли иновѣрцы почувствовать дѣйствительное облегченіе отъ какихъ бы то ни было частныхъ постановленій, относящихся къ нимъ, когда вся администрація по прежнему остается подчинена принципу обскурантизма, и свобода мысли по прежнему преслѣдуется, какъ преступленіе? Неужели можно сказать, что правительство вступаетъ на новый путь, если оно имѣетъ упрямство ограничивать реформы такими мелочами, какъ постановленія о низшихъ чиновникахъ и какихъ нибудь инспекторахъ протестантскихъ школъ? Но либеральные оптимисты ничего не разбираютъ. Какъ юношамъ необходимо быть въ состояніи влюбленности, такъ имъ необходимо быть въ состояніи благонадежности, и какъ юноши готовы влюбляться въ каждаго урода, лишь только послышатъ шорохъ шелковаго платья, такъ и они восторгаются при одномъ звукѣ словъ „либерализмъ, реформа, улучшеніе". Не знаемъ, начали ли они разочаровываться теперь, но фактовъ уже слишкомъ довольно, чтобы разочароваться. Вотъ уже три мѣсяца прошло съ того времени, какъ даны были обѣщанія, а для выполненія ихъ ровно ничего еще не сдѣлано, кромѣ только того, что подъ громкимъ названіемъ устава объ отвращеніи притѣсненій, которымъ подвергались иновѣрцы, изданъ законъ, въ которомъ самое важное правило то, что протестантскія школы отнынѣ будутъ имѣть ревизорами только протестантовъ. Да и это необыкновенно важное облегченіе дано пока только еще протестантамъ венгерскихъ областей,—о томъ, можно ли дать такія же громадныя привиллегіи протестантамъ другихъ провинцій, австрійское правительство еще думаетъ. Будемъ надѣяться, что и онѣ получатъ такія же прочныя гарантіи своей религіозной свободы. Да, великая реформа! Можно послѣ этого ожидать, что и обѣщаніе о преобразованіи низшаго управленія будетъ выполнено: дѣлать реформы въ подобномъ размѣрѣ вовсе не обременительно для правительства. Конкордатъ, по которому іезуитизмъ вмѣшивается во всѣ дѣла, контролируетъ всю жизнь каждаго австрійца, остается во всей своей неприкосновенности,—почему же не дать протестантскимъ школамъ протестантскихъ ревизоровъ? Вѣдь ихъ будутъ назначать люди, находящіеся подъ вліяніемъ іезуитовъ, стало быть выберутъ такихъ протестантовъ, которые будутъ служить іезуитству усерднѣе всякаго католика. Будемъ же увѣрены, что Австрія вступила на новый путь, что реакція и обскурантизмъ замѣняются въ ея правительствѣ просвѣщеннымъ и свободнымъ направленіемъ. Если намъ кто нибудь скажетъ, что всѣ учрежденія и принципы, отъ которыхъ зависѣлъ нынѣшній порядокъ дѣлъ въ Австріи, остаются невредимы, мы будемъ отвѣчать ему, что онъ тупоумный спектикъ, не понимающій величія совершаемыхъ австрійскимъ правительствомъ преобразованій. Онъ быть можетъ скажетъ, что вѣнское правительство по прежнему сохраняетъ безотчетную власть надъ всею государствен-

ною жизнію, можетъ по произволу сажать въ Шпильбергъ кого только вздумаетъ, назначать правителей по придворнымъ и бюрократическимъ интригамъ, издавать какія ему вздумается распоряженія, отъ нелѣпости и обскуратизма которыхъ, ничѣмъ не ограждены австрійцы; онъ скажетъ, что Вѣнское правительство по прежнему опирается только на вооруженной силѣ и жертвуетъ всѣмъ для поддержанія своего военнаго деспотизма, что оно преслѣдуетъ всякую свободную мысль, управляетъ посредствомъ ржавыхъ бюрократическихъ пружинъ; онъ скажетъ, что народъ по прежнему обремененъ налогами, что финансы по прежнему истощаются расходами на армію и на роскошь двора. Мы будемъ отвѣчать такому скептику, что все это пустяки, что всѣ недостатки и бѣдствія австрійской жизни уничтожаются учрежденіемъ протестантскихъ ревизоровъ въ протестантскихъ школахъ: чего же вамъ еще, въ самомъ дѣлѣ? не ясное ли это доказательство просвѣщенности и свободолюбія въ австрійскомъ правительствѣ?

Еще меньше сомнѣній представляетъ движеніе въ пользу германскаго единства, обнаружившееся во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ со времени войны. Опасность, которая, по мнѣнію нѣмцевъ, грозила имъ со стороны Франціи, пробудила въ апатической массѣ мысль о томъ, какъ беззащитна Германія при своей раздробленности; распри между разными нѣмецкими правительствами, не прекращавшіяся и въ то время, когда почти всѣ ожидали нападенія иностранцевъ, заставила массу живо почувствовать вредъ, приносимый общимъ выгодамъ и потребностямъ націи мелкими соперничествами разныхъ ея государствъ; унизительная снисходительность, съ какою полуофиціальныя французскія газеты увѣряли нѣмцевъ, что императоръ французовъ хочетъ быть не врагомъ, а милостивымъ покровителемъ Германіи, напомнила массѣ о томъ, какое жалкое положеніе занимаетъ великая нѣмецкая нація среди другихъ народовъ, по своей разрозненности между множествомъ правительствъ. Пользуясь этими впечатлѣніями, умѣренная либеральная партія возобновила свои требованія, чтобы устройство нѣмецкаго союза было преобразовано для приданія единства нѣмецкому народу. Вмѣстѣ съ требованіемъ большаго единства возникло и неразрывно соединенное съ нимъ въ Германіи требованіе большей политической свободы. Палаты нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ приняли адресы, которыми просили свои правительства позаботиться о достиженіи такого результата. Начали составляться разныя собранія политическихъ людей для представленія или частнымъ правительствамъ, или франкфуртскому сейму адресовъ въ томъ же смыслѣ. Многіе города, черезъ своихъ муниципальныхъ правителей, выразили такое же желаніе. Если бы мы захотѣли перечислять всѣ эти адресы, собранія и просьбы, списокъ вышелъ бы чрезвычайно длинный; если бы мы вздумали выбирать изъ адресовъ и просьбъ всѣ черты патріотизма и либерализма, очеркъ національнаго движенія въ Германіи составился бы очень краснорѣчивый. Но въ чемъ же состоитъ сущность дѣла, и можно ли ожидать какихъ нибудь результатовъ отъ этого движенія? Нѣмецкіе патріоты и либералы, подававшіе адресы и требованія, всѣ свои надежды возлагаютъ на патріотизмъ и мудрость нѣмецкихъ правительствъ, особенно прусскаго. Прекрасно. Спрашивается только, могутъ ли нѣмецкія правительства добровольно

взяться за исполненіе желанія нѣмецкихъ патріотовъ? Единство Германіи— это значитъ, что правительства второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ должны отказаться отъ своей самостоятельности—но кому же охота добровольно уменьшать свою власть, добровольно жертвовать своими правами? Итакъ, ни Баварское, ни Саксонское, ни Ганноверское, ни какое другое изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ правительствъ не можетъ желать единства Германіи. А если такъ, можно ли ожидать, чтобы прусское правительство принялось за осуществленіе такого дѣла? Неужели оно можетъ для удовлетворенія либераловъ начать смертельную вражду съ другими нѣмецкими правительствами, которыя основаны на тѣхъ же самыхъ принципахъ, какъ и оно? Революціонныя средства не могутъ быть приняты консервативнымъ правительствомъ, а единство Германіи, при нерасположеніи къ нему всѣхъ второстепенныхъ правительствъ, не можетъ быть осуществлено иначе, какъ революціонными средствами. Стало быть, напрасно и думать, чтобы прусское правительство взялось за дѣло, противное всѣмъ его принципамъ. Но, говорятъ, для прусскаго правительства это дѣло выгодно, потому что обѣщаетъ ему чрезвычайное увеличеніе могущества. Теперь Пруссія располагаетъ только собственными силами,—силами 17,000,000 своихъ подданныхъ; по превращеніи Германіи въ одно государство, Пруссія располагала бы силами по крайней мѣрѣ 35,000,000 нѣмецкаго населенія, и, занимая центральное положеніе въ Европѣ, стала бы сильнѣйшимъ государствомъ западнаго материка. Правда, перспектива эта была бы очень соблазнительна, если бы, соединивъ Германію въ одно государство, прусское правительство могло надѣяться быть къ нему точно въ такомъ же отношеніи, какъ теперь находится къ населенію своихъ областей. Извѣстно, что конституціонная форма правленія въ Пруссіи остается пока еще только формою, не имѣющею дѣйствительнаго значенія. Но почти всѣ земли западной Германіи уже привыкли къ свободнымъ учрежденіямъ; если бы ихъ представители вошли въ парламентъ, съ которымъ имѣетъ дѣло прусское министерство, они внесли бы въ парламентъ истинно-конституціонный духъ, нынѣ еще неизвѣстный большинству прусскихъ депутатовъ. Нынѣшнее полновластіе прусскаго правительства исчезло бы. Что же за радость ему жертвовать своими правами, добровольно снисходить на степень какого нибудь англійскаго правительства? Лучше управлять небольшою державою, но чувствовать себя въ ней полнымъ господиномъ, нежели называться главою великаго государства, но зависѣть отъ парламента, зависѣть отъ журналистовъ, адвокатовъ, учителей, купцовъ и тому подобной „сволочи". Кто захочетъ добровольно промѣнять положеніе господина на положеніе слуги? Таковъ простой взглядъ на вопросъ о нѣмецкомъ единствѣ; скажите же, какого успѣха могутъ ожидать люди, обращающіеся теперь къ нѣмецкимъ правительствамъ съ просьбою, столь странною? По нашему мнѣнію, пока движеніе въ пользу нѣмецкаго единства будетъ сохранять свой нынѣшній характеръ, оно останется не болѣе, какъ патріотически-либеральнымъ пустословіемъ.

Октябрь 1859.

Пармская сцена 5-го октября.—Бездѣйствіе Сардиніи.—Возникновеніе нѣкоторой энергіи въ правительствахъ центральной Италіи.—Приближеніе вооруженной реакціи.—Очеркъ положенія дѣлъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи.—Заговоръ въ Турціи.

Временныя правительства центральной Италіи имѣли передъ собою двѣ дороги: они могли стремиться къ достиженію своей цѣли, къ соединенію съ Піэмонтомъ, опираясь на энтузіазмъ народа, отважно возбуждая патріотизмъ въ массахъ и быстро набирая какъ можно больше войска, для того, чтобы собственною силою защищать желанія центральной Италіи противъ австрійцевъ, противъ папы и другихъ враговъ, которые вздумали бы вооруженною рукою помѣшать осуществленію національнаго стремленія. Но мы видѣли, что подобная отважность и самоувѣренность не соотвѣтствовала духу и положенію людей, руководящихъ дѣлами центральной Италіи. Гораздо безопаснѣйшимъ казался для нихъ другой способъ дѣйствованія: они хотѣли показать европейскимъ правительствамъ, что не имѣютъ ничего общаго съ какими нибудь бурными демагогами, и что національное движеніе сохраняетъ подъ ихъ руководствомъ характеръ безукоризненной законности; они надѣялись доказать, что дѣло центральной Италіи не заключаетъ въ себѣ никакихъ революціонныхъ тенденцій, такъ что самыя консервативныя правительства могутъ оставаться имъ довольны и своею дипломатическою помощью защищать его отъ австрійцевъ. Само собою разумѣется, что такая политика заключала въ себѣ два очевидныя заблужденія. Правители центральной Италіи совершенно напрасно воображали, что какими бы то ни были усиліями могутъ придать себѣ законный характеръ въ глазахъ правительствъ континентальной Европы. Какъ бы консервативно ни держали себя тосканскій диктаторъ Рикасоли и романьольскій диктаторъ Чиприани, все-таки и происхожденіе и стремленіе ихъ власти придавало ей неизгладимую печать революціонности. Временныя правительства центральной Италіи были основаны возмущеніемъ противъ легитимной власти и стремятся они къ тому, чтобы предотвратить возстановленіе законныхъ владѣтелей, чтобы замѣнить государей, имѣющихъ право владычествовать надъ своими землями по легитимному принципу, такимъ государемъ, какого само населеніе центральной Италіи вздумало выбрать себѣ безъ всякаго уваженія къ династическому принципу и правамъ освящен-

наго трактатами, Благопріятствовать этимъ правительствамъ, по своему ихъ происхожденію, могли только державы, признающія верховную власть народа, но никакъ не могли правительства, основанныя на легитимности. Еще ошибочнѣе была ихъ надежда до такой степени предотвратить всякія народныя волненія, чтобы не дать своимъ противникамъ никакого предлога обвинить національное движеніе центральной Италіи въ связи съ демагогическими тенденціями. Одно изъ главныхъ различій легитимнаго правительства, освященныхъ древностью, отъ правительства, вчера возникшаго изъ политическаго кризиса, заключается въ томъ, что народъ, недавно учредившій правительство по своему выбору, никакъ не можетъ имѣть той привычки всѣ свои чувства подчинять его рѣшенію, какая господствуетъ въ народѣ подъ властью стариннаго и легитимнаго правительства. Потому, какъ бы ни старалось новое, возникшее изъ политическаго переворота правительство предотвратить шумныя уличныя сцены, столь противныя натуральному чувству легитимныхъ правительствъ, оно не можетъ совершенне устранить подобныхъ событій: такъ или иначе, но все-таки произойдетъ что нибудь несообразное съ обычными требованіями системы безмятежнаго спокойствія, потому что населеніе уже имѣетъ мысль дѣйствовать самостоятельно и считать себя высшей правительственной властью. Изъ этого надобно выводить, что если временныя правительства центральной Италіи хотѣли удержать общественную жизнь и событія своихъ областей въ томъ спокойствіи, безъ котораго не могли эти правительства называть себя чистыми отъ революціонныхъ безпорядковъ, то имъ оставалось только стараться о возстановленіи законныхъ правительствъ и спѣшить какъ можно скорѣе передать свою власть—въ Романьи папскому правительству, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ —представителямъ законныхъ династій. Только быстрѣйшее возстановленіе прежнихъ правительствъ могло предупредить революціонныя сцены, и только отреченіе отъ своей власти въ пользу законныхъ династій могло отчасти загладить въ глазахъ легитимности преступность революціоннаго происхожденія нынѣшнихъ временныхъ правительствъ центральной Италіи. Но, по обыкновенному самообольщенію либераловъ, люди, управляющіе нынѣ дѣлами этихъ областей, никакъ не понимаютъ, что они не могутъ не казаться преступными революціонерами въ глазахъ легитимности, и что не въ силахъ они предотвратить революціонныхъ сценъ. Почти не натуральнымъ явленіемъ надобно было назвать то, что около пяти мѣсяцевъ центральная Италія провела подъ властью временныхъ правительствъ безъ такихъ сценъ. Это объясняется только тѣмъ, что до половины іюля военное одушевленіе отнимало у народа охоту ко вспышкамъ со всякою другою мыслью; а по заключеніи мира, почти до половины сентября, населеніе центральныхъ итальянскихъ областей думало, что ихъ присоединеніе къ Піэмонту дѣло уже рѣшенное, исполненіе котораго не требуетъ никакихъ усилій, не подлежитъ никакимъ опасеніямъ, что сардинскій король не колеблется принять ихъ въ составъ своего государства, а Франція благопріятствуетъ такой развязкѣ. Когда съ половины сентября сталъ разъясняться для массы фактъ, съ самаго начала бывшій очевиднымъ для лучшихъ публицистовъ западной Европы,— когда населеніе центральной Италіи увидѣло, что само должно энергически хлопотать объ исполненіи своего желанія, которое подвержено великимъ опас-

ностямъ, что не только Франція, но даже и Сардинія не намѣрены жертвовать своими дипломатическими отношеніями для избавленія центральной Италіи отъ необходимости защищать свое дѣло своими собственными силами,— словомъ сказать, какъ только пробудились въ массахъ усыпленныя на время мысли, заботы и опасенія, свойственныя періодамъ политическихъ кризисовъ, съ каждымъ днемъ надобно стало ожидать, что произойдетъ въ томъ или другомъ городѣ какая нибудь изъ уличныхъ сценъ, неразлучныхъ съ революціоннымъ состояніемъ. Надобно приписать мягкости итальянскаго характера то, что почти цѣлый мѣсяцъ, до 5 октября, замедлилось появленіе первой изъ этихъ неизбѣжныхъ вспышекъ. Либеральныя газеты наполнены очень возвышенными разсужденіями о томъ, что убійство графа Анвити въ Пармѣ не должно быть поставляемо въ вину, ни временнымъ правительствамъ центральной Италіи, ни національному движенію, которымъ взялись руководить эти правительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ расточаютъ цѣлые потоки еще болѣе краснорѣчивыхъ фразъ о преступности и гнусности этой самоуправной казни. Намъ кажется, что либеральныя газеты совершенно ошибаются. Само собою разумѣется, что ни Фарини, пармскій диктаторъ, ни одинъ изъ чиновниковъ пармскаго управленія не имѣлъ намѣренія убивать Анвити; но что жь изъ этого слѣдуетъ? Изъ тѣхъ людей, которые поразили Анвити своими кинжалами, навѣрное также ни одинъ, за полчаса до убійства, не поколебался бы сказать, что убивать какого бы то ни было преступника самоуправнымъ образомъ вовсе не слѣдуетъ, а надобно предать его правильному суду. На другой день послѣ этого событія почти каждый изъ участвовавшихъ въ убійствѣ также навѣрное готовъ былъ бы согласиться, что этотъ поступокъ былъ великимъ неблагоразуміемъ, тѣмъ болѣе излишнимъ, что Анвити не избѣжалъ бы наказанія и по приговору правильнаго суда, имѣя противъ себя улики въ дѣйствіяхъ, наказываемыхъ уголовными законами. Убійство было слѣдствіемъ мгновеннаго увлеченія, которому въ совершившихъ его вовсе не предшествовала преднамѣренность и за которымъ навѣрное послѣдовало въ нихъ сожалѣніе о вредномъ для итальянскаго дѣла поступкѣ. Въ чемъ же состоятъ существенныя черты поведенія этихъ людей? Они увлеклись порывомъ чувства. Но если этотъ порывъ ставится теперь въ характеристику имъ и если они называются людьми запятнавшими себя преступленіемъ, то какимъ же образомъ не будетъ характеристика эта относиться и къ движенію, неминуемо соединенному съ порывами, подобными самоуправной казни графа Анвити? Если этотъ фактъ служитъ пятномъ для людей, къ жизни которыхъ принадлежитъ, то мы не видимъ, какимъ образомъ можетъ быть очищено отъ него и то движеніе, къ которому онъ принадлежитъ. Идемъ далѣе. Могутъ ли быть освобождены отъ отвѣтственности за него и люди, руководящіе итальянскимъ движеніемъ? Передъ уголовнымъ судомъ, конечно—да; но передъ исторіею и инстинктивнымъ здравымъ смысломъ массы—нѣтъ. Кто берется за дѣло, тотъ долженъ знать, къ чему поведетъ оно; и если не хочетъ онъ неизбѣжныхъ его принадлежностей, онъ не долженъ хотѣть и самаго дѣла. Политическіе перевороты никогда не совершались безъ фактовъ самоуправства, нарушавшаго формы той юридической справедливости, какая соблюдается въ спокойныя времена. Перевороты волнуютъ народное чувство, взволнованное

чувство забываетъ о формахъ. Кто не знаетъ этого, тотъ не понимаетъ характера силъ, которыми движется исторія, не знаетъ человѣческаго сердца. Человѣкъ, который принимаетъ участіе въ политическомъ переворотѣ, воображая, что не будутъ при немъ много разъ нарушаться юридическіе принципы спокойныхъ временъ, долженъ быть названъ идеалистомъ. Для руководителей нынѣшняго движенія центральной Италіи только и существуетъ это одно извиненіе въ избавленіе имъ отъ прямой отвѣтственности за смерть Анвити. Они могутъ сказать, что не предполагали неизбѣжности такихъ эпизодовъ въ дѣлѣ, за которое брались. Мы совершенно вѣримъ искренности этого извиненія, но, снимая съ нихъ прямую юридическую отвѣтственность, оно налагаетъ на нихъ тѣмъ болѣе тяжелую вину передъ исторіей. Человѣкъ бываетъ виновенъ передъ исторіею, когда берется за дѣло, характера котораго не понимаетъ. Онъ виновенъ потому, что своими ошибками приноситъ слишкомъ много вреда и дѣлу и всѣмъ, кого оно касается. Мы теперь говоримъ вообще о всѣхъ руководителяхъ движенія въ центральной Италіи. Что касается въ частности Фарини, пармскаго диктатора, то мы увидимъ, что онъ передъ исторіею виновенъ меньше всѣхъ другихъ правителей центральной Италіи. Если движеніе было ведено не такъ, какъ слѣдовало идти ему, то не отъ Фарини, по крайней мѣрѣ, происходилъ этотъ вредъ; напротивъ онъ дѣлалъ все что могъ для избѣжанія ошибокъ и своимъ вліяніемъ успѣвалъ исправлять нѣкоторыя изъ нихъ. Осудить его можно развѣ за то, что онъ согласился стать въ положеніе, связывающее его зависимостью отъ людей, системы которыхъ онъ не можетъ одобрять. Но и за это порицать его трудно: диктаторъ самой маленькой части союза, онъ не могъ принять болѣе рѣшительнаго тона, не могъ требовать, чтобы Тоскана и Романья поставили свою политику въ зависимость отъ политики Пармы и Модены; стало быть довольно и того, что онъ успѣлъ убѣдить ихъ сдѣлать хоть что нибудь.

Къ чему говорили мы все это? Къ тому ли, чтобы осуждать итальянское движеніе, или къ тому, чтобы защищать пармскую сцену 5 октября? Ни то, ни другое. Читатель давно долженъ былъ замѣтить, что мы вообще стараемся не брать на себя претензіи хвалить и порицать, а стараемся только разсказывать факты и объяснять связь между ними: читатель не ребенокъ, онъ можетъ самъ видѣть, что хорошо, что дурно, какое дѣло заслуживаетъ сочувствія, какое заслуживаетъ вражды. По всей вѣроятности, читатель и безъ нашихъ разсужденій знаетъ, что убійство не есть дѣло хорошее. Очень можетъ быть, что онъ также самъ понимаетъ хорошо или дурно дѣлаетъ нація, стремясь избавиться отъ иноземнаго ига. Стало быть, можно намъ положиться на его собственное чувство въ выборѣ между итальянцами и австрійцами; мы почли бы обидою для читателя внушать ему, какъ ребенку, что дурное—дурно, а хорошее—хорошо. Мы имѣемъ въ виду совершенно иной вопросъ, и постараемся изложить его какъ можно яснѣе.

Зло и добро такъ тѣсно смѣшаны въ мірѣ, что нѣтъ добраго дѣла, въ которомъ не было бы сторонъ дурныхъ, нѣтъ дурнаго дѣла, въ которомъ не было бы сторонъ хорошихъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя итальянское національное движеніе. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ дурнымъ,—но нельзя вамъ не признаться, что одна сторона его, стремленіе на-

ціи къ сверженію иноземнаго ига, хороша. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ хорошимъ,—но нельзя вамъ не признаться, что принадлежащій къ нему эпизодъ убійства Анвити—дуренъ. Таже исторія во всемъ и всегда. Что жъ тутъ остается дѣлать? Надобно взвѣсить добро и зло, и если вамъ кажется, что въ сущности дѣло хорошо, не смущайтесь тѣмъ, что есть въ немъ стороны дурныя; если кажется, что въ сущности дѣло дурно, не обольщайтесь тѣмъ, что въ немъ есть стороны хорошія. Колебаться изъ-за этихъ разногласій между разными сторонами нечего. Да, или нѣтъ, какъ вамъ угодно, но во всякомъ случаѣ будьте тверды. Надобно быть человѣкомъ, а не флюгеромъ. Это важная вещь, это быть можетъ важнѣйшая вещь въ исторіи. Ничѣмъ такъ не задерживаются успѣхи ея, какъ жалкою наклонностью большинства людей говорить нынѣ — да, завтра — нѣтъ, поддаваясь только минутнымъ впечатлѣніямъ быстро смѣняющихся фазисовъ дѣла.

Но само собою разумѣется, что для этого надобно не скрывать отъ себя ни одной изъ сторонъ, неизбѣжно принадлежащихъ дѣлу. Надобно знать, къ чему по необходимости ведетъ оно, какія явленія неизбѣжно вызоветъ. Надобно быть готову къ нимъ, иначе прійдется играть недостойную человѣка роль флюгера. Положимъ, напримѣръ, что вы жили въ 1848 году въ Германіи, и что вамъ надоѣли безплодныя смуты, и вы желали возстановленія порядка,—вы должны были знать, что возстановленіе порядка повлечетъ за собою продолжительное господство реакціи съ политическими преслѣдованіями. Вы должны были быть готовы безъ ропота, безъ разочарованія, видѣть ихъ, если хотѣли возстановленія порядка. Но чаще всего мы видимъ, что нынѣ кричатъ: „возстановляется порядокъ, ахъ, какъ мы рады!" а завтра кричатъ; „владычествуетъ реакція, ахъ, какъ насъ это огорчаетъ!" Это ребячество. Если вы чувствуете, что будете недовольны владычествомъ реакціи, не восхищайтесь возстановленіемъ порядка; а если чувствуете невыносимыя для васъ политическія смуты, въ такомъ случаѣ не жалуйтесь и не играйте роли либераловъ, когда придетъ реакція. Всѣ эти разсужденія сводятся, какъ видимъ, къ извѣстному выраженію Чичикова: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ".

Большинство, увлекающееся минутными впечатлѣніями, обнаруживаетъ этою непослѣдовательностью вредное вліяніе на ходъ дѣла обыкновенно уже тогда, когда дѣло очень сильно развилось: едва начинаетъ оно приносить свои плоды, какъ расположеніе къ нему въ массѣ исчезаетъ; оно лишается поддержки общественнаго мнѣнія, переходящаго на противоположную сторону, потому что въ числѣ плодовъ какого бы то ни было дѣла всегда бываетъ довольно много горькихъ на вкусъ для того самаго большинства, которому нравились цвѣтки. Оттого самыя успѣшныя дѣла въ исторіи остаются недоконченными. Возьмемъ ли мы исторію реакцій или исторію революціонныхъ движеній, мы одинаково увидимъ, что даже самыя сильныя изъ нихъ рѣдко достигали своей цѣли. Французская революція, напримѣръ, не успѣла совершенно искоренить во Франціи стараго порядка вещей: онъ воскресъ при Наполеонѣ и оказался очень сильнымъ при реставраціи; съ другой стороны и реакція, начавшаяся еще до Наполеона и почти безпрерывно господствовавшая во Франціи до сихъ поръ, не успѣла искоренить ни революціонной тенденціи, ни даже зако-

новъ ею произведенныхъ въ краткій періодъ шести лѣтъ отъ 1789 до 1795: каждый разъ, какъ только начинала она дѣйствовать успѣшно, большинство легкомысленно переходило на сторону революціи, которую также легкомысленно покидало, едва революція появлялась на горизонтѣ. Мы опять не говоримъ, какое изъ двухъ стремленій надобно считать справедливымъ и полезнымъ: стремленіе ли устроить порядокъ дѣлъ, сообразный съ новыми потребностями общества, или стремленіе возстановить старину; мы говоримъ только, что какое изъ этихъ стремленій ни назовете вы хорошимъ, все-таки неумѣнье большинства понять неразлучность нѣкоторыхъ тяжелыхъ испытаній или оскорбительныхъ для чувства явленій съ исполненіемъ предпочитаемаго вами дѣла, на сторонѣ котораго и большинство становилось по нѣскольку разъ, было причиною того, что дѣло это оставалось недоконченнымъ и, слѣдовательно, все равно, реакціонеръ вы или прогрессистъ, вы должны быть недовольны этимъ легкомысліемъ большинства. Потому-то мы говоримъ: если человѣкъ имѣетъ потребность распространять свои убѣжденія между другими людьми, то еще важнѣе забота вообще внушать людямъ, что они должны быть тверды въ своихъ убѣжденіяхъ,—пусть имѣютъ какія хотятъ убѣжденія. О томъ, что истина привлечетъ на свою сторону большинство, безпокоиться нечего: это неизбѣжно. Но должно позаботиться о томъ, чтобы люди приготовились, понявъ истину, не отступиться отъ нея легкомысленно изъ-за мелкихъ непріятностей, отъ которыхъ не свободно никакое дѣло.

Но если большинство бываетъ виновно въ томъ, что историческія дѣла бросаются обыкновенно, не будучи додѣланы какъ слѣдуетъ, то предводители большинства еще чаще бываютъ виновны въ томъ, что дѣло подавляется въ самомъ своемъ зародышѣ гораздо прежде, чѣмъ большинство успѣло бы охладѣть къ нему. Великіе люди едва ли не потому только и бываютъ великими людьми, что спѣшатъ ковать желѣзо, пока оно горячо; умѣютъ не терять дней, пока обстоятельства благопріятствуютъ дѣлу. Но извѣстно, что не можетъ ковать желѣза тотъ, кто боится потревожить сонныхъ людей стукомъ. Только энергія можетъ вести къ успѣху, хотя бы къ половинному, если полнаго успѣха почти никогда не даетъ исторія; а энергія состоитъ въ томъ, чтобы, не колеблясь, принимать такія мѣры, какія нужны для успѣха. И Суворовъ, и Наполеонъ, да и всѣ великіе полководцы, начиная съ Александра Македонскаго, о которомъ такъ пылко говорилъ уѣздный учитель у Гоголя извѣстны тѣмъ, что не жалѣли жертвъ для одержанія побѣды: ихъ сраженія были вообще страшно кровопролитны. Мы не хотимъ рѣшать, хорошая ли вещь военныя побѣды; но рѣшайтесь, прежде чѣмъ начнете войну, не жалѣть людей; а если хотите жалѣть ихъ, то не слѣдуетъ вамъ и начинать войны. Что о войнѣ, тоже самое надобно сказать и о всѣхъ историческихъ дѣлахъ: если вы боитесь или отвращаетесь тѣхъ мѣръ, которыхъ потребуетъ дѣло, то и не принимайтесь за него и не берите на себя отвѣтственности руководить имъ, потому что вы только испортите дѣло. Нѣтъ ничего хуже, какъ если человѣкъ, принимающій на себя руководство дѣломъ, поддается самообольщенію относительно средствъ, требуемыхъ этимъ дѣломъ, и явленій, какія могутъ вызываться этими средствами. Хуже этого развѣ только то, когда онъ не понимаетъ даже и качествъ дѣла, за которое борется. Просимъ читателя помнить,

что мы не говоримъ о томъ, хорошо или худо какое дѣло, а только о томъ, какъ должны дѣйствовать люди, считающіе его хорошимъ. Напримѣръ, Наполеонъ I поставилъ себѣ задачею подавить революцію во Франціи. Хороша или дурна была его цѣль, мы не знаемъ; но онъ считалъ ее хорошею, и нельзя не признаться, что онъ дѣйствовалъ, какъ слѣдовало ему дѣйствовать по натурѣ дѣла, за которое онъ взялся. Въ парламентскихъ формахъ крылся тогда революціонный духъ,—онъ уничтожилъ эти формы; революціонеры вздумали противиться ему, — онъ казнилъ или сослалъ въ ссылку революціонеровъ; правильный судъ находилъ, что для ихъ истребленія нѣтъ юридическихъ основаній,—онъ отстранилъ правильный судъ и замѣнилъ его во всѣхъ нужныхъ для дѣла случаяхъ военно-судными коммиссіями; во время мира разные либералы, революціонеры и роялисты мѣшали ему, раздѣляли съ нимъ вниманіе націи, пріобрѣтали вліяніе надъ общественнымъ мнѣніемъ,—онъ рѣшилъ, что Франція не должна имѣть мира, и велъ непрерывныя войны.

Какъ не рѣшаемъ мы, хорошо или дурно было дѣло, которое велъ Наполеонъ, а говоримъ только, что онъ умѣлъ вести его сообразно его сущности, точно также мы не говоримъ, хорошо или дурно дѣло, которое взялись вести правители центральной Италіи, а говоримъ только, что они не умѣютъ вести его, какъ слѣдуетъ, потому что не понимаютъ его сущности и боятся тѣхъ мѣръ, которыхъ оно требуетъ. Ихъ дѣло революціонное, а они воображаютъ придать ему характеръ законности; принципъ, осуществленія котораго они хотятъ—принципъ верховной власти народа—смертельно враждебенъ принципу легитимности, а они хотятъ пріобрѣсти помощь континентальной дипломатіи, которая держится договорнаго права и династическаго принципа; наконецъ, ихъ цѣль есть цѣль народныхъ стремленій, стало быть должна достигаться энтузіазмомъ массы, а они хотятъ, чтобы масса не волновалась. Быть можетъ средства, требуемыя этимъ дѣломъ, дурны, этого мы не знаемъ; но если они дурны, въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и приниматься за дѣло. Кто не хочетъ средствъ, тотъ долженъ отвергать и дѣло, которое не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденіе дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только одушевленіе массы.

Свойство фальшивыхъ положеній таково, что они вовсе не избавляютъ отъ тѣхъ бѣдъ, для избѣжанія которыхъ человѣкъ мѣняетъ открытое, прямое положеніе на фальшивое. Правители центральной Италіи не хотѣли свое революціонное дѣло вести революціоннымъ путемъ для того, чтобы избѣжать революціонныхъ сценъ. Смерть Анвити показала, что этихъ сценъ итальянское движеніе все-таки не избѣгаетъ. Но пора намъ, бросивъ разсужденія, перейдти къ изложенію этого факта. Подробнѣйшій и, кажется, самый точный разсказъ о немъ написанъ итальянскимъ корреспондентомъ Times'а. Кромѣ его письма мы переведемъ еще письмо корреспондента Daily News, чтобы читатель могъ, сличивъ ихъ, видѣть достовѣрность тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, зависитъ характеръ сцены, возбудившей такое сильное негодованіе во всѣхъ газетахъ.

Вотъ письмо корреспондента Times'а:

«Парма, 9 октября.

«Я пріѣхалъ въ Парму вчера вечеромъ и нашелъ городъ еще погруженнымъ въ глубочайшее отчаяніе отъ одного изъ тѣхъ дикихъ дѣлъ народнаго мщенія, которыя предусматривались и предсказывались проницательными людьми, но отъ которыхъ по чрезвычайному счастію былъ до сихъ поръ избавленъ этотъ городъ, избавлена и вся центральная Италія.

«Передаю вамъ подробности вполнѣ, потому что руководящіе люди въ Италіи вообще полагаютъ, будто дѣйствуютъ сообразно съ благомъ своей страны, стараясь показаться иностраннымъ державамъ лучшими, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ; а я твердо убѣжденъ, что никогда никакое дѣло не выигрываетъ отъ скрыванія истины. Многіе факты основаны тутъ на однихъ народныхъ слухахъ; но я былъ чрезвычайно заботливъ и строгъ въ своихъ розысканіяхъ, потому надѣюсь, что я не прибавляю и не убавляю, а разсказываю этотъ случай, просто, какъ онъ произошелъ.

«Луиджи Анвити былъ родомъ изъ Піаченцы и принадлежалъ къ фамиліи, имѣвшей нѣкоторыя претензіи на знатность и носившей графскій титулъ. Онъ и его братъ уже умершій, много лѣтъ жили въ Пармѣ, какъ scrocch и balossi по ремеслу, т. е. какъ плуты и воры, мошенники и надуватели. Луиджи, бывшій младшимъ братомъ, вступилъ въ военную службу и въ 1848 году былъ капитаномъ; тогда, по его извѣстной дурной репутаціи, ему не позволили вступить ни въ число волонтеровъ, ни въ отрядъ регулярныхъ войскъ, посылавшихся Пармою для участія въ національной войнѣ. При востановленіи герцога Карла III, этотъ безумный правитель, выбиравшій самыхъ худшихъ людей, какихъ только можно было найдти, для организованія своей нелѣпо большой арміи, быстро возвысилъ Анвити до чина полковника. Анвити, исполненный зложелательства къ либеральной партіи, которая справедливо отвергла его, сталъ однимъ изъ главныхъ орудій сумасшедшихъ и жестокихъ подвиговъ герцога, особенно въ исполненіи тѣлесныхъ наказаній за политическія преступленія, составлявшихъ источникъ самаго сильнаго неудовольствія пармезанцевъ противъ герцога и стоившихъ наконецъ герцогу жизни, которой онъ лишился 25 марта 1854. При регенствѣ герцогини Луизы, Анвити прославился участіемъ во всѣхъ жестокихъ мѣрахъ, принятыхъ противъ предполагаемаго убійцы герцога и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ той систематической рѣзни 22 іюля 1854, которую никогда не могли простить пармезанскіе простолюдины. 13 апрѣля 1855 г. Анвити, предметъ всеобщихъ проклятій, подвергся выстрѣлу изъ пистолета у дверей своего дома, когда возвращался домой въ сумерки. Пуля не попала въ него, онъ остался невредимъ и общая молва была, что это мнимое покушеніе на его жизнь было его собственнымъ дѣломъ, придуманнымъ для произведенія новыхъ свирѣпостей. Дѣйствительно, онъ обвинилъ въ покушеніи на убійство отставного рядового солдата Карпни, предалъ его военному суду, судилъ, приговорилъ къ смерти и разстрѣлялъ, хотя говорятъ, что несчастный положительнѣйшимъ образомъ доказалъ, что во время выстрѣла находился совершенно въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, Анвити арестовалъ бѣднаго цирульника Маріо Феррари единственно за то, что онъ свидѣтельствовалъ въ пользу Карпни, и цирульникъ былъ найденъ повѣшеннымъ въ своей тюрьмѣ; тѣло его висѣло, говорятъ, въ такомъ положеніи, которое никакъ не допускало мысли, что онъ удавился самъ.

«Ненависть всего населенія къ Анвити стала такъ сильна, что даже правительство почло нужнымъ удалить его изъ Пармы и послать его сначала въ Понтремоли, потомъ въ Піаченцу, гдѣ его карьера была также ознаменована гнусными свирѣпостями. При паденіи правительства герцогини въ маѣ нынѣшняго года, Анвити исчезъ и съ тѣхъ поръ не было о немъ слышно.

«Я считалъ нужнымъ предварительно сообщить эти факты, чтобы читатель могъ имѣть ясныя понятія о характерѣ этого человѣка и о свойствахъ правительства, при которомъ такія чудовища пользовались властью.

«Въ пятницу, 5 числа, Анвити переодѣтый поселяниномъ, ѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Болоньи въ Піаченцу. У него былъ паспортъ отъ папскаго правительства, и невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ ѣхалъ по какимъ нибудь тайнымъ сноше-

ніямъ между папскими войсками и войсками герцоговъ моденскаго и пармскаго, собравшимися теперь въ Мантуѣ. Паспорта отъ нынѣшнихъ правительствъ у него не было, за то была медаль, служившая, какъ предполагаютъ, довѣрительнымъ знакомъ для него въ разныхъ лагеряхъ и доказательствомъ, что онъ дѣйствительно тотъ, кого ждали. Прибавляютъ—но я не удостовѣрился въ этомъ положительнымъ образомъ,—что въ его сакѣ было 15,000 франковъ банковыми билетами. Подлѣ моста черезъ Энцу, въ пяти миляхъ отъ Пармы, Анвити былъ узнанъ пармезанскимъ волонтеромъ, по ремеслу сѣдельникомъ, Камоцци, который, говорятъ, получалъ отъ него обиды и однажды былъ арестованъ просто по той причинѣ, что не нравился полковнику. Этотъ человѣкъ подошелъ къ нему и назвалъ его по имени, но, получивъ рѣзкій и надменный отвѣтъ замолчалъ, и молчалъ, пока поѣздъ прибылъ на Пармскую станцію, въ 5 часовъ вечера. Тутъ онъ сказалъ объ Анвити нѣсколькимъ своимъ пріятелямъ волонтерамъ. Они его арестовали и отвели въ казарму жандармовъ (карабинеровъ) близь porta San Barnaba, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ воротъ и станціи. Едва только помѣстили они Анвити въ караульной комнатѣ, какъ простонародье, между которымъ слухъ объ его арестѣ распространился съ быстротою молніи, собралось передъ главною дверью казармы, требуя смерти ненавистнаго эксъ-полковника. Въ центральной Италіи, какъ я вамъ говорилъ, почти нѣтъ вооруженныхъ силъ, и въ казармахъ было всего только 6 или 7 карабинеровъ. Они поспѣшно затворили, заперли и загородили задвижкою главную дверь, а изъ оконъ старались успокоить толпу, убѣждая, что преступникъ не ускользнетъ изъ ихъ рукъ и что судить его надобно законнымъ порядкомъ. Толпа отвѣчала, что въ послѣдніе три мѣсяца она часто отдавала подобныхъ преступниковъ въ руки законныхъ властей и что они всѣ были выпускаемы на свободу; но что теперь она захватила злѣйшаго атамана всей шайки и не хочетъ, чтобы опять его скрыли отъ справедливаго мщенія. Пока предводители вели эти переговоры, толпа раздраженныхъ простолюдиновъ, и въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ изъ самаго низкаго рязряда черни, нашла входъ въ казарму черезъ маленькую боковую дверь, которая по неосторожности была оставлена незапертой. Она ворвалась въ караульную комнату и нашла тамъ Анвити, который малодушно залѣзъ подъ одну изъ лавокъ, служащихъ постелями для жандармовъ, отправляющихъ караулъ. Его вытащили оттуда, не обращая вниманія на его крики и мольбы; вывели его изъ казармы, и тутъ, на улицѣ, началось демонское мученіе, которое продолжалось и надъ его трупомъ. Его протащили по всей улицѣ San Barnaba, потомъ черезъ Дворцовую площадь (Piazza del Corte), мимо герцогскаго дворца, гдѣ стоялъ караулъ изъ нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, потомъ черезъ Quattro mal cantoni и Bassa dei Magnani, черезъ Piazza grande (главную площадь), гдѣ стоялъ другой караулъ національной гвардіи, и остановились только у швейцарской кофейной въ улицѣ San Michele, по которой въ это время гуляло, по обыкновенію, множество порядочно одѣтыхъ людей. Тутъ, велѣвъ подать лимонаду своей почти безжизненной жертвѣ и насытивъ свою ненависть самымъ жестокимъ образомъ, они наконецъ повалили Анвити на одну изъ мраморныхъ ступеней и отрубили голову ему саблею. Тѣло, какъ мнѣ говорили, еще затрепетало подъ этимъ ударомъ. Прибавляютъ, и, кажется, справедливо, что одинъ изъ каннибаловъ отрубилъ пальцы рукъ у трупа и сосалъ кровь, которая потекла изъ перерезанныхъ жилъ; что нѣсколько уличныхъ мальчишекъ плясали надъ обезглавленнымъ трупомъ. Толпа вышла изъ кофейной и ходила почти по всѣмъ улицамъ и частямъ города. Нѣкоторые несли голову, воткнутую на саблю, другіе тащили трупъ по пыли; наконецъ воротились на главную площадь послѣ этой безумной оргіи, продолжавшейся два часа, и, остановившись передъ Colonna della Piazza—колонною безъ капители, служащею и памятникомъ и центральнымъ столбомъ, отъ котораго считаются мили, положили голову на вершину колонны и, заставивъ оркестръ слѣпыхъ скрипачей играть, начали плясать карманьйолу вокругъ ужаснаго трофея.

«Было 9 часовъ. Толпа, насытившаяся кровавою сценою, утомленная крикомъ и бѣшенствомъ, начала расходиться, хотя поклялась, что голова останется выставлена на колоннѣ три дня. Нѣсколько ротъ піэмонтскихъ солдатъ, еще стоявшихъ въ городѣ, отважились войти въ толпу и разогнали ее. Голова и страшно искаженный

трупъ были отнесены въ городской госпиталь и оттуда тайкомъ перенесены для христіанскаго погребенія. При осмотрѣ изувѣченнаго тѣла нашлось на одномъ туловищѣ 23 раны отъ острыхъ орудій и одна рана пулею.

«Событіе, разсказанное мною со всею возможною для меня точностью и обстоятельностью, конечно ужасно; но точно того же можно бы ожидать отъ дурныхъ классовъ черни въ какомъ угодно городѣ какой угодно другой страны. Гораздо печальнѣе этого неистовства кажется мнѣ то, какъ держали себя хорошіе классы жителей и правительство до кроваваго дѣла и послѣ него. Я слышалъ только объ одномъ хорошо одѣтомъ человѣкѣ, который пытался вступиться за Анвити у швейцарской кофейной и убѣждалъ толпу, что теперь, когда Анвити уже мертвъ, они должны по крайней мѣрѣ не подвергать трупа напрасному поруганію. Но онъ долженъ былъ замолчать, потому что грозили «расправиться» съ нимъ такимъ же образомъ. Въ убѣжденіяхъ и робкихъ упрекахъ недостатка не было, но я не слышалъ, чтобы карабинеры въ казармахъ или караулы національныхъ гвардейцевъ на двухъ площадяхъ, или какой нибудь солдатъ или гражданинъ нанесъ или получилъ ударъ, защищая,—не говорю злодѣя,—но законъ. Толпа цѣлыхъ три часа владычествовала въ городѣ; она могла бы господствовать и три дня, еслибъ захотѣла, потому что, какъ я говорилъ, въ послѣдніе мѣсяцы вооруженной политической силы почти не было и нѣтъ въ центральной Италіи.»

Вотъ разсказъ корреспондента Daily News:

«Парма, 6 октября.

«Полковникъ графъ Анвити имѣлъ 48 лѣтъ отъ роду, происходилъ изъ Піаченцы и былъ потомкомъ древней фамиліи, Въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ въ армію Маріи-Луизы и скоро сталъ извѣстенъ пармскому народу своею ненавистью къ либеральной партіи въ герцогствѣ. При возстановленіи Карла III полковникъ Анвити сталъ близкимъ другомъ его и исполнителемъ тѣхъ дѣлъ, которыя были причиною смерти молодаго герцога. Жестокость полковника была такъ велика, жертвы его звѣрства были такъ многочисленны, что при смерти герцога онъ былъ уже предметомъ всеобщихъ проклятій. Почти каждый день наказывались палками люди по его распоряженію; старики посылались въ тюрьму безъ суда и слѣдствія единственно подъ предлогомъ, что они либералы. Не разъ онъ выбѣгалъ, какъ бѣшеный, изъ кофейной и тащилъ какого нибудь горожанина въ цирульню, чтобы тамъ обрить ему бороду, потому что борода, по его мнѣнію, была признакомъ революціонныхъ замысловъ. Его неистовства были такъ многочисленны, что въ 1855 году былъ сдѣланъ по немъ выстрѣлъ изъ пистолета, когда онъ переходилъ черезъ улицу Santa Lucia. Предполагаемые виновники этого покушенія были осуждены и одинъ изъ нихъ, Андреа Карини, былъ разстрѣлянъ, несмотря на ходатайство о помилованіи, представленное герцогинѣ предсѣдателемъ военной коммиссіи которая судила его. Я имѣлъ случай разсматривать документы этого постыднаго процесса и вынесъ изъ разбора ихъ убѣжденіе, что не было и тѣни юридическаго доказательства въ оправданіе казни Карини. Изъ предполагаемыхъ соучастниковъ этого несчастнаго человѣка одинъ, Франческо Паницца, былъ осужденъ на заключеніе въ тюрьму на всю жизнь, а другой, Изола Джузеппе, на двадцать лѣтъ такого же наказанія. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ противъ цирульной, которую содержалъ нѣкто Маріо Феррари. При самомъ началѣ слѣдствія, показаніе этого человѣка служило доказательствомъ невинности Карини и другихъ обвиненныхъ съ нимъ; потому несчастный Феррари былъ брошенъ въ тюрьму и черезъ два дня нашли его повѣшеннымъ на рѣшоткѣ тюремнаго окна. Общее мнѣніе говорило, что полковникъ Анвити тайно велѣлъ задушить цирульника, чтобы сбыть съ рукъ единственнаго свидѣтеля, который могъ спасти предполагаемаго преступника. Карини былъ отцомъ многочисленнаго семейства и имѣлъ двухъ братьевъ, которые по ремеслу своему мясники. Я не безъ намѣренія дѣлаю это замѣчаніе, потому что, по слухамъ, родственники Карини играли главную роль въ кровавой сценѣ вчерашняго дня. По отъѣздѣ герцогинѣ, пармское правительство получило юридическое доказа-

тельство невинности Карини, потому что человѣкъ, который выстрѣлилъ въ полковника, сознался въ винѣ.

«При самомъ началѣ національнаго движенія, Анвити бѣжалъ въ Церковную область. Но вотъ у него родилось намѣреніе возвратиться въ свой родной городъ, чтобы составить заговоръ противъ новаго правительства. Вчера онъ выѣхалъ изъ Болоньи съ поѣздомъ желѣзной дороги, отправляющимся въ часъ по полудни. Онъ одѣлся въ платье фермера. Поѣздка шла удачно до той самой минуты, какъ поѣздъ прибылъ къ рѣчкѣ Энцѣ, передъ которой вагоны теперь принуждены останавливаться, потому что мостъ сломанъ; пассажировъ перевозятъ на другой берегъ въ омнибусахъ. Какъ только полковникъ Анвити сѣлъ въ одинъ изъ этихъ омнибусовъ, онъ, хотя и былъ переодѣтъ, былъ узнанъ человѣкомъ, котораго прежде наказалъ палками. Потому, когда поѣздъ пришелъ на пармскую станцію, несчастному полковнику не дали продолжать его пути въ Піаченцу. Человѣкъ, узнавшій его, вытащилъ его изъ кареты и повелъ въ городъ среди проклятій толпы. Ярость народа была такъ велика, что нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, случайно бывшихъ на станціи, только съ величайшимъ трудомъ могли удержать это раздраженіе. Когда толпа дошла до городскихъ воротъ, съ нею встрѣтился полковникъ Дода, который, узнавши въ чемъ дѣло, поѣхалъ подлѣ арестованнаго, чтобы защищать его. По близости попалась карабинерская казарма, у которой стояли часовые; Анвити былъ переданъ подъ стражу имъ и толпа разошлась. Но извѣстіе о томъ, что схваченъ Анвити, дошло до дома, въ которомъ жена, братья и дѣти Карини еще скорбѣли о казни своего невиннаго родственника. Имя графа быстро пробудило чувство мщенія, и въ нѣсколько минутъ собралась у карабинерской казармы толпа, жаждавшая крови. При первомъ приливѣ народной волны, карабинеры (ихъ было всего шесть человѣкъ) заперли дверь казармы, но дверь была выломлена толпою, которая ворвалась въ домъ и стала обыскивать комнаты. «Онъ не уйдетъ отъ насъ», — слышалось со всѣхъ сторонъ: «Правительство теперь не обманетъ народъ; ему не удастся спасти Анвити, какъ спасло оно другихъ злодѣевъ» (Надобно сказать, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ два агента герцогскаго правительства были счастливо спасены отъ народнаго гнѣва). Обыскали первый, второй, третій этажъ казармы, обыскали чердакъ — Анвити нигдѣ не было. Раздраженная толпа обращала уже свою ярость противъ карабинеровъ, когда страшный крикъ послышался изъ подвальнаго этажа. Одинъ изъ искавшихъ нашелъ несчастнаго плѣнника и Анвити погибъ. Тѣло его потащили по улицѣ Св Барнабы; голова трупа была отрѣзана и положена на верхъ мраморнаго памятника, поставленнаго Бурбонами въ память Іосифа I. Вся эта сцена продолжалась не болѣе четверти часа, не болѣе того времени, сколько нужно было для присылки вооруженной силы. Барабаны національной гвардіи собрали вооружившихся гражданъ, регулярныя войска поспѣшили присоединиться къ нимъ, и въ половинѣ седьмого толпа была разсѣяна, отрѣзанная голова снята съ памятника и трупъ жертвы отнесенъ въ домъ, гдѣ ставятся покойники передъ похоронами. Пармское правительство сдѣлало все, что зависѣло отъ человѣческой предусмотрительности, для предотвращенія этого великаго преступленія, но оно совершилось такъ быстро, что нельзя было предотвратить его. Прибывъ сюда вечеромъ, я нашелъ Парму въ ужасѣ отъ воспоминанія о кровавой сценѣ, осквернившей ея улицы. Было уже сдѣлано много арестовъ, но говорятъ, что истинные виновники преступленія уже скрылись изъ города».

Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ письма, напечатаннаго въ Siècle:

«Полковникъ Анвити, хотя и носилъ графскій титулъ, былъ человѣкъ безъ всякаго образованія. Будучи главнокомандующимъ маленькой пармской арміи и генералъ-директоромъ полиціи, онъ имѣлъ безграничную власть, которою пользовался для совершенія всевозможныхъ жестокостей. Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы присутствовать при наказаніяхъ и оскорблять свои жертвы въ ту минуту, когда палачъ билъ ихъ. По очень сильнымъ уликамъ его обвиняютъ въ томъ, что онъ повѣсилъ въ тюрьмѣ нѣсколькихъ человѣкъ безъ всякаго суда надъ ними».

Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ Opinione.

«Анвити на Пармской станціи былъ узнанъ человѣкомъ, который, какъ говорятъ, былъ подвергнутъ имъ тѣлесному наказанію; присутствуя при наказаніи, полковникъ ругался надъ нимъ во все продолженіе наказанія».—«Кофейная, въ которую народъ притащилъ полумертваго Анвити изъ казармы, была та самая, гдѣ въ прежнія времена любилъ онъ сидѣть, хвалясь тѣлесными наказаніями и другими жестокостями, которыя дѣлалъ». — «При возстановленіи порядка, нѣсколько человѣкъ изъ толпы было ранено. Тотъ, который держалъ отрѣзанную голову, не отдавалъ ея, пока самъ получилъ семь ранъ. Его ярость объясняется тѣмъ, что онъ подвергался тѣлесному наказанію въ присутствіи Анвити, который всегда присутствовалъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ и при каждомъ ударѣ ругался надъ своими жертвами, приговаривая: вотъ тебѣ за viva l'Italia! вотъ тебѣ за слова: прочь австрійцевъ! и т. д.».

Не останавливаясь на нравственныхъ качествахъ Анвити, мы соберемъ изъ этихъ разсказовъ только тѣ черты, которыя прямо относятся къ сценѣ 5 октября. Но прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Тѣлесное наказаніе въ Италіи имѣетъ значеніе, какого не имѣетъ даже во Франціи. Итальянецъ даже самаго низкаго званія чувствуетъ обидность удара точно также, какъ въ другихъ странахъ человѣкъ свѣтскаго общества. Онъ считаетъ, что ударъ на всю жизнь обезчестилъ его, и что эта обида можетъ быть омыта только кровью оскорбителя, какъ у насъ ударъ по щекѣ. Надобно также вспомнить, что прежняя безпредѣльная увѣренность жителей Пармы, Модены и проч. въ легкости присоединенія къ Піэмонту въ послѣднее время смѣнилась столь же безпокойными опасеніями: они видятъ опасности со всѣхъ сторонъ, повсюду подозрѣваютъ злоумышленія и заговоры. Вспомнимъ также вспыльчивость итальянскаго характера и то, что носить при себѣ кинжалъ между итальянцами не такая рѣдкость, какъ у другихъ европейцевъ.

На Пармской станціи Анвити попалъ въ толпу людей, родственниковъ, которыхъ онъ безъ суда казнилъ, и которыхъ самихъ онъ подвергалъ тѣлесному наказанію, ругаясь при томъ надъ ними. Дѣйствительно, узнанъ былъ онъ однимъ изъ такихъ людей; главную роль въ толпѣ, поражавшей его кинжалами, играли братья Карини, мясники, ремесло которыхъ не располагаетъ къ кротости, братъ которыхъ былъ казненъ Анвити, и одинъ изъ которыхъ также подвергался отъ него тѣлесному наказанію; его голова была тоже въ рукахъ человѣка, котораго подвергалъ онъ тѣлесному наказанію. Главнымъ мѣстомъ дѣйствія была кофейная, извѣстная тѣмъ, что онъ хвалился въ ней тѣлесными наказаніями, которыя производилъ. Толпа думала, что онъ пріѣхалъ въ Парму устраивать заговоръ для возстановленія правительства, при которомъ пользовался безотчетною властью. Толпа думала, что если она выпуститъ его изъ рукъ, передавъ на судъ правительства, правительство тайно освободитъ его, какъ освобождало другихъ подобныхъ ему агентовъ прежняго правительства. Кинжалы были подъ руками,—все, что происходило далѣе, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ опьяненія, въ которое впадаетъ каждое многочисленное общество, разъ увлекшись страстью.

Но само собою разумѣется, что пармское правительство должно было смотрѣть на самоуправную казнь Анвити, какъ на преступленіе. Немедленно

приняты были мѣры для отысканія участниковъ этой сцены. Корреспондентъ Daily Newes, пріѣхавшій въ Парму на другой день послѣ нея, нашелъ уже многихъ людей арестованными. Однакоже Фарини, который къ несчастью былъ 5 октября въ Моденѣ и присутствіе котораго, вѣроятно, значительно смягчило бы кровавую сцену, возвратившись въ Парму, нашелъ нужнымъ придать еще болѣе строгости преслѣдованію, отрѣшилъ отъ должности многихъ чиновниковъ, чтобы замѣстить ихъ болѣе энергическими, и издалъ прокламацію, написанную съ пламеннымъ гнѣвомъ. Онъ говорилъ жителямъ Пармы: „Вашъ городъ оскверненъ ужаснымъ преступленіемъ. Наша добрая слава поражена, свобода профанирована, Италія оскорблена“ и т. д. Мы не увѣрены въ томъ, что Фарини говорилъ это по собственному убѣжденію, а не для того только, чтобы удовлетворить консервативныя силы на континентѣ Европы. По всей вѣроятности, ему казалось, что смерть Анвити—просто несчастный случай, слишкомъ достаточно объясняемый прежними отношеніями убитаго къ людямъ, бросившимся на него, и что всѣ послѣдующія подробности бѣшенства, выразившагося на его трупѣ, какъ ни возмутительны сами по себѣ, происходили не отъ преднамѣренной свирѣпости, а только отъ натуральнаго опьяненія разгорѣвшейся страсти, въ которой, конечно, раскаявались черезъ нѣсколько часовъ люди, поддавшіеся внезапному порыву ея. Мы полагаемъ, что говоря о характерѣ этого случая иначе, онъ только уступалъ необходимости отнять у враговъ Италіи предлогъ къ обвиненію временныхъ итальянскихъ правительствъ въ покровительствѣ революціоннымъ сценамъ или безсиліе наказывать ихъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что мы и ошибаемся. Смерть Анвити могла дѣйствительно поразить Фарини, подобно другимъ либераламъ воображавшаго, что политическіе перевороты могутъ совершаться безъ всякихъ случаевъ нарушенія уличной тишины; продолжительное поруганіе толпы надъ тѣломъ убитаго могло возмутить пармскаго диктатора, по обыкновенію либераловъ идеалистически державшаго въ головѣ двѣ равно мечтательныя мысли, противорѣчащія одна другой: народъ—свирѣпый звѣрь, котораго нельзя выпускать изъ клѣтки; народъ—способенъ къ невозмутимой кротости и неотступному соблюденію всѣхъ прекрасныхъ формъ. Люди, подобные правителямъ центральной Италіи, никакъ не могутъ дойти до понятія, что народъ – просто собраніе такихъ же людей, какъ и всякіе другіе люди, то есть людей способныхъ, подъ вліяніемъ страсти, увлекаться до крайности и въ хорошую и въ дурную сторону, людей, въ жизни которыхъ неизбѣжны и натуральны случаи поочередныхъ увлеченій въ обѣ эти крайности. Никакъ это не понимая, они сами безпрестанно приходятъ въ экстазъ,—то въ экстазъ восторга, когда народъ сдѣлаетъ что нибудь энергическое въ хорошемъ смыслѣ, — таково было состояніе духа правителей центральной Италіи до 5 октября, чрезвычайно удивлявшихся патріотизму народа,—то въ экстазъ негодованія, если народъ увлечется какимъ нибудь неблаговиднымъ порывомъ, какъ 5 октября въ Пармѣ: они не умѣли предвидѣть ни того, ни другаго, не предполагали въ народѣ той смѣси хорошаго съ дурнымъ, изъ которой составляется жизнь каждаго человѣка. Подумавъ хорошенько, мы убѣждаемся, что Фарини не могъ взглянуть на дѣло хладно-

кровно: онъ былъ изумленъ, пораженъ, потому дѣйствительно долженъ былъ вознегодовать.

Впрочемъ, все равно, показываетъ ли Фарини только видъ, что не понимаетъ сущности дѣла, или въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ негодованіе и ужасъ. Какъ напрасны оказались мечтательныя усилія временныхъ правительствъ центральной Италіи предотвратить появленіе всякихъ революціонныхъ сценъ въ революціонномъ дѣлѣ, точно также напрасны останутся и всѣ ихъ усилія освободиться отъ упрека со стороны консерваторовъ за смерть Анвити. Чтобы ни говорилъ и ни дѣлалъ Фарини, консерваторы все-таки будутъ утверждать, что нынѣшнее пармское правительство потворствовало страстямъ, убившимъ Анвити; что по крайней мѣрѣ его существованіе благопріятствовало развитію этихъ страстей; что революціонное движеніе неизбѣжно ведетъ къ подобнымъ происшествіямъ. Что бы ни дѣлали временныя правительства центральной Италіи, они останутся революціонными и анархичными въ глазахъ консерваторовъ. Сказать ли правду?—въ сущности мнѣніе консерваторовъ будетъ основательно.

Мы останавливались такъ долго на пармской сценѣ 5 октября только потому, что она уже служитъ для враговъ итальянскаго единства поводомъ, сильнѣе прежняго выставлять революціонный характеръ этого движенія и несовмѣстность его съ консервативными принципами, которымъ слѣдуютъ континентальныя правительства Западной Европы. Толпа такъ называемыхъ порядочныхъ людей, голосъ которой составляетъ общественное мнѣніе, и которая всегда слѣдуетъ минутнымъ впечатлѣніямъ и поверхностнымъ выводамъ, неминуемо поддастся вліянію этого факта и другихъ ему подобныхъ революціонныхъ сценъ, которыя не замедлятъ послѣдовать за нимъ, какъ только центральныя области Италіи увидятъ себя въ дѣйствительной опасности отъ заговоровъ и вмѣшательствъ для возстановленія прежняго порядка вещей. Прежде толпа вслѣдъ за либералами твердила объ удивительныхъ качествахъ итальянскаго движенія, столь умѣреннаго и не имѣющаго будто бы никакихъ наклонностей къ отвратительному революціонерству. Скоро она будетъ повторять вслѣдъ за консерваторами, что итальянское дѣло запятнано кровью Анвити и другими революціонными сценами, которыхъ надобно ждать, лишь только вопросъ пріиметъ серьезный оборотъ. Впрочемъ, и сами либералы, какъ мы говорили, съ негодованіемъ разсуждаютъ о гнусности убійства, совершеннаго кровожадными извергами въ Пармѣ. Намъ кажется, что безъ такого отношенія къ общественному мнѣнію весь этотъ случай былъ бы совершенно ничтоженъ. Перестанемъ же наконецъ заниматься имъ.

И теперь, при разсужденіяхъ о немъ, а еще больше въ прежнихъ нашихъ обзорахъ, мы очень много говорили о томъ, что правительства центральной Италіи не понимаютъ своего положенія и не умѣютъ дѣйствовать сообразно съ своими цѣлями. Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ потеряли они совершенно понапрасну. Читатель помнитъ, что мы не говоримъ о томъ, хороша или дурна цѣль, къ которой они хотятъ привести Италію. Мы не хотимъ ни доказывать справедливости ихъ дѣла, подобно либераламъ, ни говорить о его святотатственности, подобнаго консерваторамъ. Съ одной стороны мы видимъ, и каждый читатель видитъ самъ, династическія права,

освященныя трактатами и всѣми правительствнными преданіями континентальной Европы. Съ другой стороны находится, какъ тоже знаетъ каждый читатель, стремленіе итальянскаго народа къ единству для достиженія независимости отъ иностранцевъ. На которой сторонѣ должно быть сочувствіе читателя, онъ самъ долженъ знать и безъ насъ. Мы говоримъ только о томъ, что каково бы ни было дѣло центральной Италіи, хорошо или дурно, временныя правительства не умѣли вести его тѣмъ способомъ, какого оно требовало. Но должно сказать въ ихъ извиненіе, что тому же самому упреку подлежитъ и сардинское правительство, которое, будучи болѣе твердымъ и сильнымъ, должно было бы выказывать больше энергіи и ободрять своихъ слабыхъ союзниковъ. Когда Кавуръ управлялъ Сардиніею и былъ предметомъ всеобщихъ похвалъ, мы не раздѣляли господствовавшаго мнѣнія о мудрости его политики. Мы говорили еще до начала войны, что онъ запутываетъ Сардинію въ такія отношенія, при которыхъ она утратитъ свою самостоятельность, и что, несмотря на всю свою дипломатическую тонкость, сардинскій министръ вовлечетъ въ обманъ, подвергнетъ горькому разочарованію и себя и сардинскій народъ. Теперь, когда графъ Кавуръ, видя себя обманутымъ, видя Піэмонтъ попавшимъ подъ зависимость отъ Франціи, удалился отъ дѣлъ, приходится жалѣть о томъ, что не онъ управляетъ дѣлами государства, которое введено въ такое затрудненіе его же собственною непроницательностью. Положеніе дѣлъ въ Сардиніи таково, что власть перешла къ людямъ, въ сравненіи съ которыми графъ Кавуръ заслуживалъ бы полнаго сочувствія. Онъ хотя что нибудь дѣлалъ-бы; у него по крайней мѣрѣ есть энергія и смѣлость. Нынѣшній первый министръ, генералъ де ла-Мармора, бывшій при Кавурѣ военнымъ министромъ, оказывается человѣкомъ лишеннымъ и этихъ качествъ, которыя теперь были бы нужнѣе всего. Центральная Италія требуетъ помощи и руководства отъ Піэмонта, а Піэмонтъ обнаруживаетъ полнѣйшее безсиліе и самую жалкую робость. Мы любимъ пользоваться чужими свидѣтельствами при изложеніи фактовъ, изъ которыхъ дѣлаемъ выводы: потому просто переведемъ два письма итальянскаго корреспондента Times'а, написанныя изъ Турина.

«Туринъ, 28 сентября.

«Піэмонтъ смѣло выступилъ бойцомъ за единство и независимость Италіи; два раза въ десять лѣтъ онъ рисковалъ самымъ существованіемъ своимъ для осуществленія этой цѣли. Честолюбіе или патріотизмъ былъ причиною такой политики, все равно, результатъ ея былъ ясенъ. Маленькое королевство стало во главѣ итальянскаго движенія, и всѣ земли, гдѣ говорятъ на итальянскомъ языкѣ, признавали Сардинію своею предводительницею въ національномъ дѣлѣ. Къ изумленію скептическихъ дипломатовъ, казался исчезнувшимъ духъ узкаго провинціализма, на которомъ было построено столько гипотезъ. Ни одна область не хотѣла отстать отъ другихъ и каждая изъ освобождавшихся отъ угнетенія итальянскихъ земель, какъ только становилась госпожею своей судьбы, спѣшила соединить свою участь съ участью земли и династіи, которыя отважились сдѣлать первый и опаснѣйшій шагъ.

«Почетнымъ положеніемъ для маленькаго государства была такая диктатура, такое супрематство. Но это супрематство имѣло свои опасности. Еслибъ императорская программа даже вполнѣ осуществилась, еслибъ Италія освободилась отъ Альпъ до Адріатики и царственный благодѣтель, съ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, удалился

съ своими легіонами за Альпы, все-таки было бы геркулесовскимъ подвигомъ соединить и организовать земли, до сихъ поръ бывшія разрозненными, сохранить на будущее время итальянскою силою то, что было пріобрѣтено силою иноземцевъ. Еще гораздо труднѣе, но за то и еще гораздо славнѣе сдѣлалась эта задача послѣ Виллафранкскаго мира. Онъ далъ итальянцамъ только возможность испытать шансы войны, если они дѣйствительно имѣли рѣшимость на попытку своими силами сдѣлать то, чего неразсудительно ждали отъ другихъ. Ихъ руки были развязаны, и самъ императоръ, во второй своей миланской прокламаціи, сказалъ имъ, что остальное должны они сдѣлать сами.

«Два мѣсяца прошло съ той поры,—два мѣсяца драгоцѣннаго времени, и какъ же воспользовались этими двумя мѣсяцами? Цюрихская конференція влачила въ это время свое безполезное существованіе, какъ будто вызывая Италію дѣйствовать и приготовиться къ дѣлу. Теперь была для Піэмонта минута показать себя предводителемъ итальянцевъ; національная партія обращала свои взоры на Туринъ.

«А Туринъ спитъ, или какъ будто находится въ сомнабулизмѣ; онъ неподвиженъ или повинуется жестамъ великаго магнетизера. Какъ будто всякая дѣятельность и рѣшимость покинула правительство вмѣстѣ съ Кавуромъ. Прочтите отвѣты, данные депутаціямъ Тосканы, герцогствъ и Романьи, и вы угадаете все по этимъ отвѣтамъ. Во всемъ та же апатія и нерѣшимость, та же робость и малодушіе. Разумѣется, каждому понятна щекотливость положенія, въ какое Сардинія поставила себя относительно своего могущественнаго союзника, которому она столь многимъ обязана, котораго не можетъ она раздражать безъ величайшей опасности для себя. Но именно въ подобныхъ положеніяхъ, смѣлость неизмѣнно бываетъ лучшею политикою; она укрѣпляетъ довѣріе друзей и внушаетъ страхъ врагамъ, а противоположная система ободряетъ враговъ и отнимаетъ мужество у друзей. Но смѣлость этого рода требуетъ рѣшимости поддерживать дѣлами и жертвами то, что сказано словами. При энтузіазмѣ, какой показало населеніе Верхней Италіи, Сардинія могла бы въ эти два мѣсяца составить армію, по крайней мѣрѣ, въ 150.000 человѣкъ. Она тутъ не встрѣтила бы недостатка ни въ деньгахъ, ни въ людяхъ; и если бы теперь она объявила, что согласна на присоединеніе государствъ центральной Италіи, чѣмъ она рисковала бы? Даже и такой могущественный человѣкъ, какъ императоръ Наполеонъ, не отважился бы настолько презрѣть общественное мнѣніе Европы, чтобы обратить свои легіоны противъ своей союзницы. Все, что могло бы случиться,—развѣ только то, что онъ отозвалъ бы ихъ, и оставилъ бы на волю судьбы итальянцевъ, которые теперь плотнѣе соединены и сильнѣе, чѣмъ когда нибудь.

«Но положимъ, что Сардинія и центральная Италія не имѣютъ достаточной самоувѣренности, чтобы быть отважными въ своей политикѣ; самое простое благоразуміе должно было бы совѣтовать имъ не щадить никакихъ усилій для развитія своихъ военныхъ силъ, чтобы имѣть въ будущемъ возможность воспользоваться первымъ представляющимся благопріятнымъ случаемъ, и непостижимая апатія въ этомъ отношеніи болѣе всего подняла во всей центральной Италіи ропотъ противъ нынѣшняго сардинскаго министерства и особенно противъ главы его, генерала де-ла-Марморы. Неудовольствіе владычествуетъ во всѣхъ и въ каждомъ; каждый, съ кѣмъ бы вы ни заговорили, жалуется, и газеты повторяютъ жалобу.

«Съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который руководитъ въ критическія времена мыслями массы, какъ инстинктъ руководитъ животную натуру, всѣ вопросы внутренней политики здѣсь отброшены; никто не думаетъ о палатахъ и парламентскихъ преніяхъ, никто не заботится о медленности, какая видна въ окончательной организаціи Ломбардіи; каждый чувствуетъ, что есть нѣчто болѣе важное для общей цѣли, для единства и независимости Италіи, что важнѣйшее дѣло—организація военныхъ силъ. Даже не принимая присоединеніе земель центральной Италіи, Сардинія должна была употребить всѣ усилія для ихъ военнаго устройства; этого ожидали всѣ. Вашъ тосканскій корреспондентъ разсказалъ вамъ, каковы успѣхи этого дѣла, и мнѣ нечего прибавить къ его словамъ, кромѣ того, что я долженъ передать вамъ всеобщее впечатлѣніе, приписывающее истинную причину жалкаго положенія военныхъ силъ центральной

Италіи, апатіи, чтобы не сказать нерасположенію, піэмонтскаго правительства. Всѣ земли на югъ отъ По ждали отъ сардинскаго правительства руководства въ этомъ дѣлѣ; руководить ими было бы не только легко, это было бы обязанностью Піэмонта, по всеобщему убѣжденію. Само правительство почти признало это, пославъ въ центральную Италію генерала Фанти. Но если бы кто сталъ приводить политическія соображенія и опасенія по дѣлу военной организаціи земель центральной Италіи, то, конечно, уже нѣтъ никакихъ извиненій относительно Ломбардіи. Три мѣсяца прошло съ той поры, какъ Ломбардія освободилась отъ Тичино до Минчіо, и ни одинъ солдатъ не прибавленъ къ національнымъ силамъ. Единственная вещь, которую сдѣлали, состояла въ томъ, что пять полковъ ломбардскихъ волонтеровъ, которыхъ набралъ Гарибальди, уменьшили въ два полка и послали двухъ піэмонтскихъ офицеровъ командовать ими. Даже тѣ 10.500 ломбардскихъ солдатъ, которыхъ возвратила Австрія, были разосланы по домамъ [1]). Не дѣлая никакого прибавленія къ войску изъ новой провинціи, министерство значительно уменьшило даже существовавшую сардинскую армію, отпустивъ резервы, созванные во время войны; такъ что теперь, по присоединеніи Ломбардіи и при готовности герцогствъ, Тосканы и Романьи, помогать общему дѣлу, Сардинія едва ли можетъ выставить въ поле двѣ трети того числа войскъ, какое имѣла при началѣ послѣдней войны. А между тѣмъ, замѣтьте, Австрія имѣетъ 250.000 войска въ Венеціанской области, и столь многіе вопросы еще не разрѣшены. Какимъ образомъ это произошло, объяснить не трудно. Короля никто не осуждаетъ; онъ популяренъ по прежнему, если не больше прежняго, и между прежними и между новыми своими подданными; но очень многіе имѣли случай изучить странныя понятія перваго министра, которыми объясняется все. Представьте себѣ Дармштатскаго или Гессенъ-Кассельскаго министра, сдѣлавшагося первымъ министромъ достигшей единства Германіи: по всей вѣроятности онъ захочетъ всю Германію обратить въ Дармштатъ или Гессенъ-Кассель.

«Еще во время войны храбрый генералъ и его партія, которая, впрочемъ, очень малочисленна даже въ арміи, дѣлали всевозможныя затрудненія устройству національныхъ силъ. «Будьте піэмонтцами, или намъ васъ не нужно»,—таковъ былъ ихъ девизъ, и, благодаря этому девизу военнаго министра, Гарибальди вступилъ въ Ломбардію съ солдатами, у которыхъ не было ни обуви, ни платья. Къ счастію, ломбардскіе города думали иначе и снабдили храбрый отрядъ всѣмъ нужнымъ. Пока былъ министромъ Кавуръ, онъ всячески старался противодѣйствовать этой узкой и нелѣпой политикѣ, но не могъ совершенно преодолѣвать ее, и потому вмѣсто 20 или 30,000 человѣкъ у Гарибальди, даже въ лучшія времена, не было больше 5,000. Теперь Кавуръ живетъ въ деревнѣ, а де-ла-Мармора первый министръ. Боязнь, чтобы піэмонтская армія не обратилась въ національную армію, заставила потерять два съ половиною мѣсяца, заставила уничтожить легіонъ Гарибальди, заставила отстранить самого Гарибальди, призываемаго общественнымъ мнѣніемъ Италіи организовать войска центральной Италіи; эта же боязнь замедляетъ военную организацію Ломбардіи. Дѣло дошло до того, что королю представлена изъ Милана просьба, требующая поспѣшить устройствомъ ломбардскихъ военныхъ силъ».

«Туринъ, 30 сентября.

«Если бы мѣстныя политическія новости должны были составлять предметъ моихъ писемъ, я могъ бы посылать вамъ бѣлые листы, потому что такого продукта, какъ мѣстныя политическія новости, здѣсь въ настоящее время не находится. По дѣлу о рѣшеніи итальянскаго вопроса можно сообщить много извѣстій изъ Парижа или Вѣны, можно довольно много извѣстій сообщить изъ Тосканы и всякой другой средней и южной Итальянской области, не исключая даже маленькихъ герцогствъ Пармскаго и Моденскаго; но ровно нечего сообщить объ этомъ изъ столицы народа,

[1]) Австрія возвратила въ Ломбардію тѣхъ солдатъ своей арміи, которые были родомъ изъ этой области.

который выступилъ передовымъ бойцомъ итальянской независимости. Это можетъ казаться страннымъ, но это такъ. Въ самую критическую эпоху борьбы, Піэмонтъ совершенно исчезъ, или, лучше сказать, принудилъ себя исчезнуть со сцены. Всѣ играютъ роль въ этомъ дѣлѣ: императоръ Наполеонъ, отъ котораго ждутъ рѣшенія; императоръ австрійскій, дѣлающій предложеніе за предложеніемъ; нейтральныя державы, предлагающія совѣты; папское правительство, приготовляющееся занять Романью при первомъ удобномъ случаѣ; даже маленькія герцогства, отважившіяся выразить желанье и, по мѣрѣ своихъ силъ, дѣлающія все для его исполненія. Одинъ Піэмонтъ, боецъ итальянской независимости, не только не принялъ твердаго и достойнаго положенія, но даже не осмѣливается сдѣлать и того, чего не поколебались сдѣлать маленькія герцогства,—не осмѣливается выразить ни мнѣнія, ни желанія; онъ только осмѣливается предоставлять все рѣшенію другихъ. Золотое яблоко, предметъ его давнихъ желаній, само дается ему въ руки, а онъ надѣется своимъ смиреніемъ и умѣренностью тронуть сердца императоровъ. Иначе нельзя объяснить этой непростительной апатіи, этой робости, этого совершеннаго подчиненія чужому рѣшенію.

«Все это было бы чрезвычайно похвально, если бы Сардинія хотѣла получить не первенство въ Италіи, а Монтіоновскую премію въ Парижѣ. Но, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, каково должно быть впечатлѣніе, производимое такою политикою на умы остальныхъ итальянцевъ, привыкшихъ надѣяться на Сардинію? Это значитъ покидать ихъ въ кризисѣ, который былъ вызванъ въ значительной степени самою Сардиніею. Это значитъ ронять Сардинію во мнѣніи итальянцевъ и ободрять всѣ силы, враждебныя итальянской національной идеѣ. Надобно помнить, что единодушіе, съ которымъ верхняя и средняя Италія захотѣла примкнуть къ Сардиніи, происходило не отъ страстной любви къ самой Сардиніи или къ ея учрежденіямъ, не отъ восторженнаго желанія сдѣлаться непремѣнно піэмонтцами; оно основывалось на мысли, что Піэмонтъ будетъ служить центромъ, вокругъ котораго могъ бы соединиться народъ, говорящій итальянскимъ языкомъ и имѣющій итальянскія тенденціи. Постояннымъ аргументомъ людей, противившихся соединенію Италіи, было то, что Піэмонтъ едва можетъ считаться итальянскимъ государствомъ и во многихъ отношеніяхъ отсталъ отъ другихъ итальянскихъ земель, и что потому присоединеніе къ Сардиніи было бы для Италіи скорѣе потерею, чѣмъ выигрышемъ. Да и народы сѣверной Италіи не имѣли иллюзій относительно Піэмонта. Но стремленіе къ національному единству было такъ горячо, что для него все другое забывалось. Теперь найдутся люди, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ напомнятъ итальянцамъ, что такое Піэмонтъ.

«Чувство массъ всегда наклонно переходить отъ одной крайности къ другой и переходъ совершается у него быстро. Отреченіе отъ мѣстныхъ и провинціальныхъ преданій, стремленіе къ соединенію со всѣми возможными пожертвованіями было такъ внезапно и пылко, что необходимо должна послѣдовать за нимъ реакція, если оно не будетъ поддержано до самой поры своего осуществленія. Сардинія, становясь во главѣ движенія, принимала на себя обязанность поддерживать его. Пока продолжалась война, это было легко; каждая побѣда надъ австрійцами служила новымъ ободреніемъ желаній остальной Италіи, каждый дюймъ итальянской земли, отнимаемой у австрійцевъ, служилъ для Сардиніи новымъ правомъ на супрематство. Пока слышался громъ пушекъ, онъ заглушалъ всѣ другіе звуки. Всѣ мелкіе сардинскіе недостатки искупались имъ. Задача единства исполнялась, какъ всѣ думали, самымъ дѣйствительнымъ способомъ. Французскія и сардинскія войска освобождали Италію, потому могла быть терпима отсрочка въ составленіи національной арміи. Необходимость политической и административной организаціи не чувствовалась, пока дѣйствовали другіе и Италія не призывалась сама исполнять свое дѣло.

«Теперь все это перемѣнилось. Итальянскіе патріоты призваны исполнить обѣщаніе, которое произносили такъ часто: l'Italia farà da se,—«Италія устроится безъ чужой помощи». Убѣжденіе въ этомъ быстро распространяется, и таковъ страхъ видѣть всѣ надежды разрушившимися въ послѣднюю минуту, что господствуетъ почти всеобщее расположеніе слѣдовать за кѣмъ бы то ни было, лишь бы онъ взялъ на

себя инициативу. Италія ищетъ предводителя; въ комъ нашла бы она его, не было бы и сомнѣнія, если бы піэмонтское правительство, принявшее власть послѣ Виллафранкскаго трактата, исполнило свою обязанность.

«Несчастьемъ не для одного Піэмонта, но и для всей Италіи было то, что Кавуръ удалился въ эту, самую критическую минуту, потому что съ нимъ въ эту минуту потеряла силу партія, понимавшая, что Піэмонтъ, для исполненія своего предназначенія въ Италіи, долженъ расширить свои владѣнія, чтобы они вмѣстили новый элементъ,—понимавшая, что Піэмонтъ долженъ сдѣлаться предводителемъ Италіи. Нынѣшнее министерство, или, лучше сказать, глава его, вмѣсто того, чтобы расширить піэмонтскія учрежденія, хотѣло бы втѣснить всю Италію въ Піэмонтъ. Нынѣшній первый министръ служитъ представителемъ узкаго піэмонтскаго провинціализма. Въ правительствѣ есть люди, видящіе безразсудство такого стремленія,—напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ (Ратацци); но сила перваго министра такова, что его взглядъ пересиливаетъ идеи всѣхъ его товарищей. Онъ остался непоколебимъ послѣ Виллафранкскаго трактата и не устрашился трудностей. Это вмѣняется ему въ большую заслугу, и, конечно, заслуживало бы большаго уваженія, если бъ, оставшись въ министерствѣ, онъ продолжалъ идти прежней дорогой; но этого не слѣдовало бы и ожидать: это значило бы требовать, чтобы обыкновенный человѣкъ совершалъ геркулесовскіе подвиги.

«Результатъ этого—жаркіе споры, не подвигающіе дѣла впередъ. Никогда не было столь благопріятнаго случая доказать свѣту, что Піэмонтъ понимаетъ свое назначеніе быть предводителемъ и организаторомъ итальянскаго движенія. Ломбардія была окончательно присоединена и никакія политическія соображенія не мѣшали заняться ея политическимъ и военнымъ устройствомъ. Но вотъ прошло уже три мѣсяца, и Ломбардія все еще остается въ томъ неустроенномъ положеніи, какъ была при началѣ движенія. Ни одинъ ломбардскій полкъ не прибавился къ національному войску, кромѣ легіоновъ Гарибальди; а по внутренней организаціи только и было сдѣлано, что попытка ввести сардинскую систему налоговъ, сардинскіе уголовные законы и сардинскую систему первоначальнаго обученія; но эту попытку надобно было бросить, потому что она не нашла сочувствія въ Ломбардіи. Натуральнымъ образомъ, нужны были итальянскія, а не піэмонтскія учрежденія. Новыя обстоятельства требовали новыхъ учрежденій, новыхъ законовъ на болѣе широкомъ основаніи. Кажется, даже правительство чувствовало эту потребность, потому что министръ внутреннихъ дѣлъ формально выразилъ ее при вступленіи въ должность и учредилъ комитеты для составленія новыхъ законовъ. Но до сихъ поръ нѣтъ никакого слѣда дѣятельности этихъ комитетовъ, и все остается въ прежнемъ видѣ.

«Къ счастію, не весь Піэмонтъ раздѣляетъ мнѣнія или апатію правительства, и если вверху летаргія, то внизу есть жизнь, и жизнь здоровая. Кажется, какъ будто дѣятельность, прежде исключительно принадлежавшая правительству, перешла къ журналистикѣ. Въ Туринѣ явилось множество дешевыхъ газетъ: онѣ продаются въ большомъ количествѣ, находятся въ рукахъ каждаго; это показываетъ, что начинаетъ пробуждаться интересъ къ свободному обсужденію дѣлъ. Не только число газетъ возрасло, но и характеръ ихъ чрезвычайно улучшился. Каждый, кто помнитъ высокопарную декламацію и нелѣпую полемику, составлявшую характеръ сардинской журналистики до войны и во время войны, замѣчаетъ чрезвычайную перемѣну. Это несомнѣнно служитъ началомъ здороваго выраженія общественнаго мнѣнія, котораго до сихъ поръ почти не было въ Сардиніи. Нынѣ въ газетахъ господствуетъ серьезность, показывающая, что въ Піэмонтѣ есть люди, понимающіе важность настоящей минуты. Тонъ газетъ сталъ гораздо спокойнѣе прежняго; въ нихъ стало меньше цвѣтистой фразеологіи, политическія идеи стали формироваться.

«Замѣтимъ же, что всѣ газеты, почти безъ всякихъ исключеній, стали въ оппозицію правительству и требуютъ, чтобы оно пробудилось отъ своей летаргіи. Но еще отраднѣе этой оппозиціи то, что многіе изъ нихъ поняли, что такое нужно для прекращенія летаргіи правительства, поняли, что для этого нужно созвать парламентъ. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ нумерѣ своемъ Diritto, газета, стоящая въ главѣ

этого движенія, оканчивая прекрасную статью о внутренней реформѣ, спрашиваетъ, имѣетъ ли министерство власть составлять новые законы безъ согласія парламента, потому что эта исключительная власть была дана ему только на время войны. Статья могла бы идти дальше и сказать, что нынѣшнее министерство не получило права существовать, потому что власть его не была утверждена палатами, которыя еще не собирались со времени войны.

Нельзя не согласиться съ авторомъ этихъ писемъ, что сардинское правительство рѣшительно не исполняло до сихъ поръ своей обязанности въ дѣлѣ итальянскаго единства. Правда, велики затрудненія и страшны опасности, отнимавшія у него прежнюю смѣлость и рѣшимость. Послѣдняя война поставила Піэмонтъ въ великую нравственную зависимость отъ Франціи. Мало того, 50,000 французскаго войска остаются въ Ломбардіи, чтобы обезпечивать со стороны сардинскаго правительства исполненіе обязанностей повиновенія, возлагаемыхъ на него, по мнѣнію императора французовъ, благодарностью за помощь въ войнѣ. Австрія обнаруживаетъ замыслъ возобновить войну, какъ только убѣдится, что Франція не станетъ вновь защищать Италію. Но какъ ни велики опасности, все-таки слѣдовало дѣлать по крайней мѣрѣ то, въ чемъ не было риска. И еслибъ это было сдѣлано, теперь Сардинія могла бы уже не бояться никакого риска за себя и за остальную Италію. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ помѣшать Сардиніи усиливать свою собственную армію, кто могъ помѣшать ей помогать своими совѣтами временнымъ правительствамъ центральной Италіи, руководить ихъ дѣйствіями и послѣ каждой новой мѣры, принятой ими въ пользу единства, принимать соотвѣтственную мѣру въ собственныхъ владѣніяхъ? Сардинія могла бы говорить, что вынуждена къ такой политикѣ общественнымъ мнѣніемъ, слѣдуетъ ей только изъ опасенія пробудить революціонные безпорядки своимъ бездѣйствіемъ. Если бы она поступала хотя такимъ образомъ, она имѣла бы теперь 150,000 собственнаго войска и 100,000 войска въ центральной Италіи. Съ такими силами она не нуждалась бы ни въ чьей защитѣ отъ австрійцевъ. Что же касается до французскихъ войскъ, остающихся въ Ломбардіи, событія давно доказали, что императоръ французовъ колеблется употреблять ихъ даже противъ революціонныхъ правительствъ средней Италіи, не имѣющихъ арміи; тѣмъ менѣе могъ онъ до сихъ поръ употребить ихъ противъ законнаго правительства союзной съ нимъ державы. Но напрасны были всѣ внушенія разсчета, всѣ требованія сардинскаго народа, всѣ просьбы и усилія остальныхъ итальянцевъ: сардинское правительство руководилось исключительно угодливостью передъ Франціей и, оставляя само себя беззащитнымъ противъ австрійцевъ, оставляло безпомощной центральную Италію.

Такая жалкая политика Піэмонта въ значительной степени извиняетъ медлительность и слабость, которую обнаруживаютъ правительства центральной Италіи до послѣдняго времени, хотя все-таки нельзя не сказать, что они измѣняютъ обязанности, лежащей на правительствахъ въ критическія времена, оставаясь позади народныхъ требованій, вмѣсто того, чтобы руководить ими и идти впереди народа. Они допустили ослабнуть народному довѣрію къ нимъ и этимъ объясняется пармская сцена 5 октября: толпа прямо говорила, что хочетъ расправиться сама съ графомъ Анвити потому,

что не надѣется на правительство. Въ послѣднее время правительства центральной Италіи начали, кажется, понимать свою ошибку; по крайней мѣрѣ стали они съ половины сентября повиноваться общему голосу, требовавшему отъ нихъ большей рѣшительности. Мы знаемъ, что въ послѣднія недѣли диктаторы герцогствъ, Тосканы и Романьи, декретировали много мѣръ, клонящихся къ установленію фактическаго единства между ихъ областями и Піэмонтомъ: они постановили, что офиціальныя дѣйствія сардинскихъ властей должны быть признаваемы и въ центральной Италіи, напримѣръ полиція Тосканы или Романьи обязана исполнять рѣшенія сардинскихъ судовъ, если лица или имущества, которыхъ касается рѣшеніе, находятся въ этихъ земляхъ; они постановили также, что ученыя степени, даваемыя сардинскими университетами, признаются и въ центральной Италіи; они ввели сардинскій уголовный кодексъ, провозгласили, что центральная Италія принимаетъ сардинскую конституцію; они рѣшили, что должно быть установлено единство мѣръ и вѣса между Сардиніей и центральной Италіей и введена сардинская монетная система; объявили, что въ ихъ земляхъ не нужны особенные паспорты или визы для путешественниковъ, имѣющихъ паспортъ или визу отъ Сардиніи и уничтожили таможни между Сардиніею и центральной Италіей; наконецъ, для всѣхъ офиціальныхъ актовъ они приняли формулу, показывающую расширеніе власти сардинскаго правительства на центральную Италію: „Въ царствованіе Виктора Эммануила, избраннаго короля“; приняли сардинскій гербъ и флагъ. Постыдно сказать, что во всѣхъ этихъ мѣрахъ они не получили ободренія со стороны сардинскаго правительства,—мало того, сардинское правительство до сихъ поръ не выразило даже, согласно ли оно на эти мѣры хотя тогда, когда онѣ уже исполнены. Изъ правителей центральной Италіи пармскій и моденскій диктаторъ Фарини, съ самого начала дѣйствовавшій рѣшительнѣе тосканскаго своего товарища Риказоли и романьольскаго Чипріани, раньше ихъ понялъ и необходимость въ этихъ мѣрахъ для осуществленія народныхъ требованій. Его вліянію и примѣру надобно главнымъ образомъ приписать то, что два другіе диктатора начали хотя отчасти исполнять свою обязанность. Въ послѣднія недѣли гораздо дѣятельнѣе прежняго занялись правительства центральной Италіи и устройствомъ военныхъ силъ. Говорятъ, что Фанти, назначенный наконецъ главнокомандующимъ центральной итальянской арміи, надѣется скоро имѣть 60,000 войска вмѣсто прежнихъ 20,000. Кажется, что дано нѣсколько больше свободы энергическому Гарибальди, которому прежде самымъ тѣснымъ образомъ связаны были руки.

Все это прекрасно, хотя слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ теперь, тосканскому и романскому правительствамъ рѣшительнѣе отбросить апатію и медлительность, остатки которой все еще слишкомъ замѣтны въ ихъ дѣйствіяхъ, какъ будто бы только противъ воли вынуждаемыхъ у нихъ только требованіями народа и вліяніемъ Фарини. Но мы боимся, не окажется ли въ результатѣ, что не вознаградима потеря долгихъ мѣсяцевъ, пропавшихъ въ бездѣйствіи,—не окажется ли при наступленіи рѣшительной минуты, что прежняя апатія правительствъ центральной Италіи и продолжающееся малодушіе сардинскаго правительства безвозвратно повредили дѣлу итальянскаго

единства. Мы боимся, не застанутъ ли центральную Италію все еще не приготовившуюся къ оборонѣ тѣ попытки къ возстановленію прежняго порядка вещей, слухи о которыхъ усиливаются съ каждою недѣлею, и когда настанутъ дни борьбы, не пропуститъ ли сардинское правительство, по своему малодушію, тѣхъ минутъ, въ которыя помощь его могла бы спасти центральную Италію [1]).

Давно извѣстно, что въ Мантуѣ собираются такъ называемыя войска герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, т. е. наряжаются въ моденскіе и тосканскіе мундиры австрійскіе солдаты. Масса прежнихъ тосканскихъ и моденскихъ войскъ осталась на родинѣ, чтобы служить національному дѣлу, но было въ той и другой землѣ по нѣскольку сотъ человѣкъ преторіанцевъ, которые удалились въ австрійскій лагерь съ своими государями. Тотчасъ же по заключеніи Виллафранскаго мира эти немногіе дезертиры были обращены въ кадры для принятія въ свои ряды гораздо многочисленнѣйшихъ товарищей изъ австрійской арміи. Благодаря этой простой системѣ переодѣванія, отряды, называющіеся теперь арміями герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, стали довольно многочисленны и теперь достовѣрно во-первыхъ то, что они предназначаются къ вторженію въ Модену и Тоскану, а во-вторыхъ, что въ связи съ этимъ вторженіемъ приготовляется нападеніе на непокорныя земли съ противоположной стороны: папскія войска давно уже стоятъ на границахъ Романьи. Если бы подъ командою Кальберматтена, начальника такъ называемой папской арміи, находились только прежніе солдаты Пія IX, они не представляли бы большой опасности для Романьи. Но и тутъ производится тотъ же фокусъ, какъ съ мнимыми корпусами герцоговъ моденскаго и тосканскаго. Каждый день присылаются въ лагерь Кальберматтена партіи переодѣтыхъ австрійскихъ солдатъ подъ именемъ рекрутовъ, навербованныхъ въ Церковной области. Мѣсяца два тому назадъ, количество кальберматтеновыхъ войскъ не увеличивалось отъ этихъ присылокъ, потому что настоящіе урожденцы Церковной области уходили изъ арміи цѣлыми толпами, не желая сражаться противъ соотечественниковъ, дѣлу которыхъ сочувствуютъ. Но, разумѣется, когда всѣ они ушли, а австрійцы все продолжаютъ приходить, то сила арміи возрастаетъ. Она значительно увеличилась также черезъ поступленіе нѣсколькихъ тысячъ швейцарцевъ, ушедшихъ или удаленныхъ изъ Неаполя. Читатель знаетъ, что старинные договоры швейцарскихъ правительствъ о службѣ швейцарцевъ иностраннымъ державамъ или такъ называемыя капитуляціи, не возобновляются съ той поры, какъ демократическая партія въ Швейцаріи окончательно взяла верхъ надъ патриціями, продававшими своихъ соотечественниковъ реакціоннымъ правительствамъ Италіи, нуждающимися въ иностранныхъ войскахъ для поддержанія своей непопулярной политики. Лѣтомъ нынѣшняго года кончался срокъ швейцарскимъ ка-

[1]) Письмо изъ Флоренціи, напечатанное въ этой книжкѣ, изображаетъ вещи въ свѣтѣ, гораздо болѣе отрадномъ, нежели въ какомъ представляются онѣ намъ. Мы понимаемъ, что трудно очевидцу воскресенія народа не очароваться, не забыть на минуту о грозѣ, собирающейся надъ свѣтлымъ праздникомъ. А если не имѣть въ виду опасностей, то, разумѣется, легко осудить тѣхъ людей, которыхъ порицаетъ нашъ корреспондентъ. Мы боимся того, что когда увидятъ нужду обратиться къ этимъ людямъ, будетъ уже поздно.

питуляціямъ въ Неаполѣ. Неаполитанское правительство объявило, что оно оставитъ швейцарскіе полки на своей службѣ, но что они должны называться уже не швейцарскими, а неаполитанскими, и вмѣсто своихъ кантональныхъ знаменъ имѣть неаполитанскія. Это показалось обидно швейцарскимъ солдатамъ, которые, разумѣется, презирали неаполитанское войско; а еще важнѣе то, что съ переименованіемъ въ неаполитанскихъ солдатъ, они опасались потерять высокое жалованье, которое получали до той поры, и быть сравнены въ денежномъ отношеніи съ неаполитанскими, получающими денегъ меньше ихъ. Въ одномъ изъ ихъ полковъ вспыхнулъ мятежъ, солдаты безпорядочною толпою бросились на дворцовую площадь, объявляя, что требуютъ возвращенія своихъ знаменъ или отставки. Въ сущности, они были правы, и если въ опрометчивости нарушили дисциплину или даже совершили преступленіе, убивъ и переранивъ нѣсколькихъ офицеровъ, останавливавшихъ движеніе, слѣдовало разобрать дѣло судебнымъ порядкомъ и наказать виновныхъ, не подвергая всѣхъ безъ разбора убійству. Но въ Неаполѣ господствуютъ иныя понятія и правила: по толпѣ солдатъ, собравшихся на площади и ограничивавшихся просьбами, пустили картечь, потомъ ударили на нихъ въ штыки. Послѣ того, разумѣется, нельзя было терпѣть въ Неаполѣ и другихъ швейцарскихъ полковъ, раздраженныхъ предательскимъ истребленіемъ своихъ товарищей. Швейцарцы получили отставку, то есть дано было имъ всѣмъ то самое, чего нѣкоторые просили до рѣзни; для чего же было стрѣлять картечью и колоть штыками?— спроситъ читатель. Подобные вопросы неумѣстны относительно Неаполя. Тамъ все дѣлается не потому, чтобы могло быть нужно или полезно, а просто потому, что такъ вздумалось поступить. Но мы ведемъ рѣчь объ источникахъ усиленія папской арміи, а не о принципахъ, по которымъ ведутся дѣла въ Неаполѣ. Большая часть швейцарцевъ, удаленныхъ изъ Неаполя, поступила въ папскую армію, стоящую на границахъ Романьи. Благодаря этому и переодѣтымъ австрійцамъ, армія получила солдатъ, пригодныхъ не для одного грабежа, какъ прежде, но и для грабежа и для сраженій. Съ недѣли на недѣлю ждутъ столкновеній между нею и корпусомъ инсургентовъ, давно стоящимъ противъ нея подъ командою Гарибальди. Нѣсколько разъ уже разносились слухи о схваткахъ, впрочемъ, еще преждевременные; но Гарибальди на дняхъ отдалъ по своему корпусу приказъ, говорящій о близости рѣшительныхъ дѣйствій. Понятно, почему папскія войска медлятъ нападеніемъ: кардиналы со дня на день ждутъ, что императоръ французовъ формально выразитъ намѣреніе вступиться за нихъ, или позволитъ австрійцамъ прислать для усмиренія Романьи корпусъ уже безъ переодѣванья. Кромѣ австрійцевъ, есть у папы другіе помощники. Давно уже извѣстно, что король Неаполитанскій готовъ послать свои войска для усмиренія Романьи; они уже придвинуты къ папскимъ границамъ, и свиданіе короля съ папою въ Кастель-Гандольфо положительно имѣетъ цѣлью переговоры объ этомъ пособіи. Не одно только сходство принциповъ между папскимъ и неаполитанскимъ управленіемъ, не одна только преданность неаполитанскаго правительства интересамъ папы возбуждаетъ въ королѣ усердіе помочь усмиренію Романьи: есть у него и прямая собственная надобность постараться объ этомъ дѣлѣ. Неаполь наполненъ слухами, будто бы Гарибальди хочетъ вступить въ

Неаполитанскія владѣнія, чтобы его корпусъ послужилъ точкою опоры для возстанія, на которое готовы жители всѣхъ неаполитанскихъ провинцій, отъ одного конца королевства до другаго. При всей неправдоподобности такого движенія, неаполитанское правительство серьёзно боится его, слишкомъ хорошо зная, какъ легко оно могло бы воспламенить все населеніе королевства. Говоря о вступленіи на престолъ новаго короля, мы замѣчали, что пока можно еще и не сообщать никакихъ подробностей объ этой перемѣнѣ въ системѣ неаполитанскаго управленія. Дѣйствительно, до сихъ поръ все остается въ этомъ королевствѣ по прежнему, стало быть не уменьшилось, а напротивъ, увеличилось общее недовольство, господствовавшее въ Неаполѣ при Фердинандѣ II, усилившись и ожесточившись отъ разочарованія въ надеждѣ на реформы, которыхъ ожидали отъ новаго короля.

Такимъ образомъ, съ одной стороны собираются при первомъ разрѣшеніи отъ Наполеона вторгнуться въ центральную Италію австрійцы въ мундирахъ солдатъ герцога Моденскаго и великаго герцога Тосканскаго, съ другой стороны собираются вторгнуться въ мундирахъ папскихъ солдатъ тѣже австрійцы, съ примѣсью дѣйствительныхъ папскихъ солдатъ. Въ случаѣ надобности, они будутъ подкрѣплены войсками короля неаполитанскаго. Могутъ получить они подкрѣпленіе и отъ Испаніи,—давно уже ходятъ слухи, что Испанія претендуетъ на право вступиться за герцога пармскаго, принца испанской династіи, предлагаетъ свои услуги и папѣ, по своему усердію къ католичеству, а больше для того, чтобы этою услугою превратить въ милость досаду кардиналовъ, которые сердятся на Испанію съ той поры, какъ во время послѣдней революціи конфискованы тамъ огромныя владѣнія монастырей. Испанія готовитъ теперь очень большое войско, — отъ 30 до 50 тысячъ,—для экспедиціи противъ нѣкоторыхъ марокскихъ разбойничьихъ племенъ, безпокоящихъ ея владѣнія на африканскомъ берегу. Марокскіе разбойники, конечно, достойны наказанія; но почему же, если будетъ разрѣшеніе отъ Франціи и просьба отъ папы, не обратить хотя часть этихъ силъ и на усмиреніе инсургентовъ Романьи, которые хуже всякихъ разбойниковъ въ глазахъ каждаго порядочнаго консерватора? Вотъ, мы уже насчитали довольно силъ для нападенія на инсургентовъ; но австрійцы со дня на день ждутъ, что Франція позволитъ имъ войти въ непокорныя области въ собственныхъ мундирахъ, — а у нихъ войска въ собственныхъ мундирахъ въ Венеціи сосредоточено, говорятъ, до 250,000 человѣкъ. Притомъ, почему знать?—могутъ и французы, оставленные въ Ломбардіи, пособить дѣлу укрощенія гнусныхъ убійцъ Анвити и еще болѣе гнусныхъ для консерватора либераловъ, непокорство которыхъ довело дѣла до того, что Анвити, вмѣсто того, чтобы вѣшать другихъ, самъ подвергся смерти.

Мы все говоримъ о фактахъ, о солдатахъ, а до сихъ поръ еще не упомянули о томъ, въ какомъ положеніи находится итальянскій вопросъ по дипломатическимъ переговорамъ, извѣстія о которыхъ занимаютъ всего больше мѣста въ газетахъ. Читатели знаютъ, какъ мало значенія мы придаемъ этой сторонѣ дѣла. Осмѣлимся даже признаться, что съ тѣхъ поръ, какъ мы пишемъ эти обзоры, мы не прочли до конца ни одной изъ тысячъ напечатанныхъ по итальянскому и другимъ дѣламъ депешъ, которыя для мно-

гихъ кажутся столь важными, а иногда даже и очень интересными. Послѣ такого признанія, мы уже очень смѣло можемъ прибавить, что ходъ цюрихскихъ конференцій, опечалившихъ своею ничтожностью даже терпѣливѣйшихъ любителей этого рода совѣщаній, очень мало интересовалъ насъ. Кажется, конференціи покончились, — мы не поручимся впрочемъ, вѣрно ли мы запомнили извѣстіе, слишкомъ бѣгло прочитанное нами, — быть можетъ, оно говорило только, что цюрихскія конференціи скоро кончатся,—а быть можетъ, говорилось въ немъ и совершенно противное, именно, что конференціи еще не скоро кончатся. Читатель, надѣемся, проститъ нашу невнимательность и забывчивость. А впрочемъ, нѣтъ, мы не ошиблись: должно полагать, что цюрихскія конференціи кончились, потому что подписанъ въ Цюрихѣ трактатъ, подтверждающій всѣ условія Виллафранкскаго мира, — но, впрочемъ, подтверждающій ихъ по какой-то странности очень недостаточно, такъ что для достаточнаго подтвержденія нужно созвать европейскій конгрессъ. Опять измѣнила дрянная память: трактатъ не подписанъ еще, а только подписывается. Но, впрочемъ, бѣда не велика, подписанъ ли онъ, или еще только подписывается; это не составляетъ большой разницы. Во всякомъ случаѣ, консерваторы и мы вмѣстѣ съ консерваторами, которыхъ обыкновенно защищаемъ противъ либеральнаго легкомыслія, были очень утѣшены извѣстіемъ,— какого, впрочемъ, всегда и ожидали,—что подписываемый или подписанный въ Цюрихѣ трактатъ дѣйствительно подтверждаетъ всѣ Виллафранкскія условія. Зато опечалены дѣйствительно подтвержденіемъ также постояннаго нашего ожиданія, что хотя трактатъ и подписанъ, и Виллафранкскія условія подтверждены, но конференціи съ трактатомъ своимъ не могли рѣшить ни одного изъ вопросовъ, опредѣляемыхъ этими условіями, кромѣ только одной передачи Ломбардіи, то есть уже совершившагося факта, о которомъ не было никакихъ споровъ, слѣдовательно не нужно было и никакихъ переговоровъ. Что касается остальныхъ вопросовъ, особенно возстановленія низвергнутыхъ правительствъ центральной Италіи, то эти вопросы передаются на рѣшеніе конгресса, потому что не рѣшены хотя въ тоже время и рѣшены, и напримѣръ положено, что низвергнутыя правительства должны быть возстановлены.

Какъ постичь всю эту тонкость и рѣшенную нерѣшенность или нерѣшенную рѣшенность, мы, къ сожалѣнію, рѣшительно не рѣшаемся и отгадывать. Но если забыть о ней, какъ будто бы и не было нами прочитано ни одного извѣстія о цюрихскихъ конференціяхъ, и просто, безъ помощи всякихъ дипломатическихъ сообщеній и объясненій, сообразить, чѣмъ должны были кончиться цюрихскія конференціи по извѣстному всѣмъ положенію фактовъ, тогда можно будетъ понять, въ чемъ должно состоять дѣло. Франція покровительствуетъ Австріи; потому Австрія несговорчива и подняла такія страшныя притязанія, что Сардинія не могла согласиться ни въ чемъ, кромѣ того, что согласна принять Ломбардію, которую давно приняла. Затѣмъ, Франція и Австрія подтвердили, что остаются при Виллафранкскихъ условіяхъ, то есть Франція обязывается по мѣрѣ возможности поддерживать на европейскомъ конгрессѣ австрійскія требованія, на которыя уже согласилась въ Виллафранкѣ, — обѣщаніе, кажется, совершенно лишнее. Сардинія осталась къ

Австріи въ прежнихъ отношеніяхъ, и упрямство это принуждаетъ Францію и Австрію передать дѣло европейскому конгрессу. Да, мы забыли, что въ извѣстіяхъ о результатѣ цюрихскихъ трудовъ есть двѣ вещи, которыхъ можно было и не ожидать: во-первыхъ, кромѣ того, что Сардинія обязана принять на себя часть австрійскаго государственнаго долга, соразмѣрную населенію провинціи, отошедшей отъ Австріи,—и лучше сказать не соразмѣрную, а гораздо большую,—кромѣ этого, Сардинія обязана еще уплатить Австріи вознагражденіе за уступку Ломбардіи; говорятъ, что величина этого платежа опредѣлена въ 40 мильоновъ гульденовъ (26 мильоновъ р. сер.). Это хорошо. Во-вторыхъ оказывается, что Франція должна также получить отъ Сардиніи вознагражденіе за свою помощь,—имя вознагражденія замѣняется, впрочемъ, названіемъ простой уплаты за продовольствіе и аммуницію, которыми сардинскія войска пользовались изъ французскихъ магазиновъ; говорятъ, что эта уплата не превышаетъ 60 мильоновъ франковъ,—мы полагаемъ что она можетъ оказаться и болѣе значительною. Прибавляютъ, что по затруднительности такого платежа для сардинскихъ финансовъ, разстраиваемыхъ уплатою вознагражденія Австріи, можетъ поступить въ замѣнъ его Савоія. Читатель помнитъ, что передъ войною ходилъ слухъ, будто Кавуръ купилъ помощь Франціи и надежду на пріобрѣтеніе Ломбардіи, Венеціи и центральной Италіи—согласіемъ на присоединеніе Савоіи къ Франціи. Потомъ и во время войны, и особенно по ея прекращеніи постоянно происходили и продолжаются въ Савоіи попытки поднять агитацію для выраженія жителями ея желанія присоединиться къ Франціи. Но дѣло представляетъ много затрудненій, потому что расширеніе французскихъ границъ возбудило бы слишкомъ сильное неудовольствіе въ другихъ державахъ. На этомъ основаніи, мы безъ доказательствъ болѣе несомнѣнныхъ не будемъ предполагать во французскомъ правительствѣ стремленія къ обмѣну денежнаго требованія съ Сардиніи на уступку Савоіи. Но какъ бы то ни было, мы видимъ, что сардинцы и ломбардцы должны расплатиться за свое соединеніе дороже, чѣмъ ожидали.

Итакъ, война не рѣшила итальянскаго вопроса; не рѣшили его и цюрихскія конференціи; теперь возлагается надежда на европейскій конгрессъ. Какъ сильна должна быть надежда на удовлетворительное устройство итальянскихъ дѣлъ конгрессомъ, будетъ намъ время поговорить тогда, когда онъ соберется, а теперь пока идетъ рѣчь еще о томъ, собирется ли онъ. Англійское правительство говоритъ, что можетъ принять участіе въ устройствѣ судьбы Италіи только въ такомъ случаѣ, если основаніемъ ему будетъ принята свободная воля самихъ итальянцевъ; Morning Post, органъ нынѣшняго министерства, объявляетъ, что низложеніе прежнихъ династій и выраженіе желанія присоединиться къ Піэмонту англійское правительство признаетъ фактомъ не только совершившимся, но и законнымъ, и не можетъ одобрить никакого дѣйствія или рѣшенія, которое вело бы къ его нарушенію. А между тѣмъ, по цюрихскому трактату Франція съ Австріею подтверждаютъ свое прежнее рѣшеніе о возтановленіи низложенныхъ династій. Итакъ, надобно еще подождать, какимъ способомъ успѣютъ склонить Англію къ согласію на участіе въ конгрессѣ.

Но читатель, конечно, знаетъ, что уже придуманъ способъ согласить обяза-

тельство, принятое Франціею, съ „свободнымъ желаніемъ“ населенія центральной Италіи. Этого легко достичь черезъ возстановленіе низложенныхъ династій. Изъ разныхъ возможныхъ передѣлокъ, Франція и Австрія остановились пока на слѣдующей. Часть Пармскаго герцогства присоединяется къ Піэмонту—итакъ, Піэмонтъ не можетъ жаловаться. Другая часть этой земли присоединяется къ герцогству Моденскому, и все это вмѣстѣ отдается бывшему герцогу пармскому. Великій герцогъ тосканскій получаетъ обратно свои прежнія владѣнія. Предварительно, герцогъ и великій герцогъ объявляютъ, что каждый изъ нихъ даетъ отдаваемой ему странѣ „либеральную конституцію“. Эти конституціи составляются по общему согласію Франціею и Австріею, впрочемъ будутъ походить болѣе на французскую, чѣмъ на австрійскую, во-первыхъ, сообразно тому, что Франція теперь сильнѣе, стало быть и понятія ея имѣютъ перевѣсъ надъ австрійскими въ общихъ совѣщаніяхъ, во-вторыхъ и потому, что австрійская конституція не такъ либеральна, какъ французская, а тутъ нуженъ либерализмъ. Послѣ этого объявленія, предлагается жителямъ Модены (и части Пармской области) и Тосканы, хотятъ ли принять герцога и великаго герцога, дающихъ имъ такія либеральныя конституціи. Но читатель помнитъ, что мнѣніе должно быть выражено жителями свободно; для этого предварительно принимаются мѣры для освобожденія ихъ отъ происковъ и нравственнаго принужденія со стороны Сардиніи, потому что по отчетамъ графа Резе и графа Понятовскаго, бывшихъ въ той части Италія по порученію французскаго правительства. Сардинія терроризируетъ Парму, Модену, Тоскану и рѣшеніе этихъ странъ о присоединеніи къ Піэмонту было вынужденное. Какія именно мѣры нужно будетъ принять для освобожденія ихъ отъ Піэмонтскаго угнетенія, будетъ зависѣть отъ удобства обстоятельствъ: быть можетъ, удобно будетъ ввести въ эти области французскія войска; быть можетъ, найдутся средства иначе обезпечить свободу жителямъ при выраженіи согласія на покорность герцогу и великому герцогу. Но въ томъ парижскій политическій кругъ не сомнѣвается, что при надлежащемъ обезпеченіи свободы выраженія мнѣній въ Тосканѣ и Моденѣ съ прибавляемой къ ней частью Пармы, большинство голосовъ будетъ подано въ пользу герцога и великаго герцога. Такимъ образомъ, условія Виллафранкскаго мира относительно этихъ странъ исполнятся по свободному желанію самихъ жителей.

Герцогъ моденскій взамѣнъ своего герцогства, передаваемаго герцогу пармскому, получаетъ денежное вознагражденіе.

Само собою разумѣется, что подробности этого плана могутъ измѣниться, но для насъ важна сущность его.

Излагая его, мы не говоримъ о Романьѣ,—это потому, что судьба ея рѣшена Франціею гораздо опредѣлительнѣе, нежели участь Тосканы и герцогствъ. Положительно и достовѣрно извѣстно, что Франція рѣшилась возстановить въ ней власть папы. Этого требуетъ отъ Наполеона необходимость. Онъ не хочетъ слишкомъ раздражать ультрамонтанскую партію, а она не простила бы согласія на присоединеніе Романьи къ Пьемонту. По всей католической Европѣ уже поднята агитація въ этомъ духѣ. Французскіе епископы принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Въ бордосской рѣчи императоръ выразилъ порицаніе волненію, которое они производятъ своими „пастырскими

посланіями“ (mandements),—но въ той же рѣчи онъ сказалъ, что не захочетъ отнятія провинцій у папы. Ультрамонтанскимъ газетамъ запрещено печатать „пастырскія посланія“, но Univers, главная изъ нихъ, объявила своей публикѣ объ этомъ запрещеніи твердымъ и гордымъ тономъ, съ угрозами, выражающими сознаніе, что правительство не можетъ не уступить требованіямъ ультрамонтанской партіи. А, между тѣмъ, именно въ Романьѣ возстановленіе прежняго порядка потребуетъ наибольшихъ усилій, потому что раздраженіе противъ него тамъ глубже укоренилось въ массѣ, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи. Мы приведемъ одно изъ писемъ итальянскаго корреспондента Times'а, показывающее и силу и причины этого чувства.

«Феррара, 7 октября».

«Вчера обѣдалъ я въ общей залѣ гостинницы св. Марка, въ Луго. За разными столами сидѣли люди почти изъ всѣхъ частей Романьи. Обмѣнъ словъ отъ одного стола къ другому скоро произвелъ общій разговоръ, благодаря сообщительности итальянскаго характера. Луго торговый городъ, и его ярмарка знаменита по всѣмъ легатствамъ. Большинство обѣдавшихъ были фермеры и мелкіе купцы, но нѣкоторые изъ присутствовавшихъ принадлежали къ сословію, болѣе образованному. Послѣ нѣсколькихъ мелочныхъ замѣчаній, разговоръ обратился къ общему предмету разговоровъ по всей Италіи,—къ политикѣ. Увѣренность этихъ людей въ томъ, что они избавились отъ монашескаго управленія, равнялась твердостью своею только силѣ ненависти, съ которою всѣ они говорили о немъ. Мнѣ вздумалось, что можно теперь испытать ихъ, и я сказалъ, что «во всякомъ случаѣ» легатства навѣрное останутся подъ отдѣльнымъ свѣтскимъ управленіемъ, «если бы даже» они снова признали верховную власть папы. Въ ихъ отвѣтѣ не было досады, не было неудовольствія на мое неблагопріятное для нихъ предположеніе. Они отвѣчали спокойнымъ тономъ желѣзной, непоколебимой рѣшимости. Не будетъ моего «если бы даже» и «во всякомъ случаѣ». Они говорили, что ихъ освобожденіе отъ монаховъ дѣло конченное, безвозвратное, независимое ни отъ какихъ случайностей.

«Вы знаете,—сказалъ студентъ изъ Форли,—что жителей въ четырехъ легатствахъ болѣе милліона. Половина этого числа погибла бы, прежде чѣмъ какая бы то ни была человѣческая сила успѣла возстановить папское владычество надъ другою половиною. Описываютъ очень мрачными красками ужасы войны, но что значитъ всякая другая война по сравненію съ междоусобною? Страсти нашего народа сдерживаются святою надеждою, что ему будетъ оказана справедливость. Но пусть Австрія или какая-нибудь другая большая держава попробуетъ усмирить насъ, и вы увидите, что ярость вспыхнетъ. Я не дамъ тогда двухъ байоковъ за жизнь монаха въ нашей землѣ. Образъ дѣйствій монаховъ подвергаетъ наше терпѣніе самому трудному испытанію. Одного изъ нихъ заставили служить Te Deum спокойнымъ, но положительнымъ объясненіемъ, что иначе его жизнь будетъ въ опасности. Въ Форли мы, міряне, отслужили Te Deum сами. Во многихъ городахъ въ это воскресенье не служили миссы. Въ однихъ духовенство не хотѣло служить ее, въ другихъ мы не допустили ее служить. Между монахами и нами смертельная вражда, и она вспыхнетъ дикою, кровавою, открытою войною, если какая-нибудь могущественная держава приметъ ихъ сторону противъ насъ. Въ нашемъ видимомъ спокойствіи, въ этомъ удивительномъ порядкѣ, соблюдать который мы обѣщались другъ другу, есть расчетливость и система. Мы всѣ единодушны. Мы не сдѣлаемъ ни шагу безъ совершеннѣйшаго согласія и взаимнаго обязательства. Мы теперь какъ стая собакъ на сворѣ. Горе тѣмъ, которые заставятъ насъ сорваться со своры! Пусть Европа судитъ о нашей непоколебимой твердости по нынѣшней нашей умѣренности, по силѣ, съ которою мы сдерживаемъ себя»!

«Подлѣ меня сидѣлъ мелкій торговецъ изъ Ponte Lago Scuro, лежащаго близь

Феррары. Онъ кивалъ головою въ подтвержденіе каждому слову форлійскаго студента, и когда студентъ кончилъ, онъ продолжалъ:

«Чего мы не дѣлали для примиренія, для дружелюбнаго соглашенія? Поѣзжайте по нашей области, на каждомъ шагу вы увидите арки и другіе памятники, построенные для встрѣчи Пія IX, когда онъ въ послѣдній разъ путешествовалъ по нашей провинціи, два года тому назадъ. Мы готовы были позабыть послѣднія десять лѣтъ и привѣтствовать кроткаго первосвященника, который началъ свое правленіе святымъ восклицаніемъ: Benedite, o Dio, all'Italia,—«Боже, благослови Италію!» Мы были готовы отказаться отъ Мацциніевыхъ демагоговъ, лишившихъ его престола; извинить многое тѣмъ страхомъ, которому онъ подвергался, дурными иноземными вліяніями, подъ которыми произошло возстановленіе его трона. Мы готовы были,—Богъ тому свидѣтель!—сложить все порицаніе за его дурное управленіе съ него на его недобросовѣстныхъ совѣтниковъ. Мы были убѣждены, что ему нужно только пріѣхать къ намъ, увидѣть и услышать насъ, чтобы разсудить между нами и нашими притѣснителями. Папа пріѣхалъ, видѣлъ насъ,—что же онъ сказалъ намъ, что сдѣлалъ для насъ? Всѣ его политическія дѣйствія ограничились прощеніемъ плута, дѣлавшаго фальшивую монету. Кромѣ этого, онъ далъ намъ только свое благословеніе, а какую пользу принесло намъ это благословеніе? На слѣдующую зиму вода въ По замерзла на нѣсколько футовъ,—случай, котораго не бывало цѣлыя пятьсотъ лѣтъ,—и вся наша торговля, всѣ сношенія остановились, судоходство прекратилось, мельницы замерзли. А на слѣдующую осень наводненіе опустошило наши нивы. Да, такова польза благословеній, получаемыхъ нами отъ этихъ монаховъ. Вся ихъ цѣль въ томъ, чтобы дѣлать насъ бѣдными и невѣжественными. Когда у насъ нѣтъ никакой промышленности, никакого образованія, они любятъ это. Чѣмъ ближе вы будете подъѣзжать къ Риму, тѣмъ яснѣе вы увидите положеніе народа, которое нравится папскому правительству, какъ идеалъ христіанской націи. Имъ нужно, чтобы у насъ въ легатствахъ третья часть людей таскались по міру, собирая милостыню, какъ въ Римѣ. Но, слава Богу, мы еще не доставили имъ этого удовольствія, и не доставимъ его никогда. Мы хотимъ быть образованными и трудящимися людьми. Посмотрите на эти благодатныя долины, самыя плодоносныя въ цѣломъ божьемъ свѣтѣ,—мы создали эти нивы изъ болотъ. Наши феррарскія долины, гдѣ были прежде болота, покрыты хлѣбомъ и рисомъ. Нашимъ землямъ не нужно удобренія, ихъ нужно только осушать и уравнивать, это мы дѣлали и дѣлаемъ, въ потѣ нашего лица, а не по милости папы. Намъ нужны только улучшенія въ земледѣліи. Намъ нужны желѣзныя дороги и проселочныя дороги, свободныя сношенія съ болѣе образованными націями и сбытъ для нашихъ продуктовъ. Могутъ ли намъ дать это папа и его монахи? Можемъ ли мы это получить себѣ подъ ихъ ярмомъ? Посмотрите, первая желѣзная дорога изъ Піаченцы въ Болонью открыта только вчера, по удаленіи монаховъ. Какъ только они удалились, мы стали быстро строить желѣзныя дороги изъ Болоньи въ Равенну, Римини и Феррару, хотя находимся среди военныхъ затрудненій. Посмотрите, что десятилѣтняя свобода сдѣлала для Піэмонта. Въ 1848 году Піэмонтъ не имѣлъ и 4 миль желѣзныхъ дорогъ, а теперь онъ соперничаетъ ими съ Франціею, Бельгіею, Германіею, и линіи, устроенныя и содержимыя правительствомъ, даютъ 20 или 30 милліоновъ казнѣ. Кто не захочетъ быть піэмонтцемъ? Друзья и сенаторы! прочь монаховъ, и да здравствуетъ Италія и нашъ король, Викторъ-Эммануилъ!

«Невозможно было устоять противъ простого, убѣдительнаго краснорѣчія добраго купца, и я присоединилъ свой голосъ къ общему громкому ура. Мы разстались поздно вечеромъ большими друзьями, и я заснулъ съ твердой вѣрой въ пробужденіе этого народа, который такъ давно былъ угнетаемъ».

Романья, какъ видимъ, говоритъ объ отчаянномъ сопротивленіи; но извѣстно, что противъ регулярныхъ войскъ не можетъ удержаться ополченіе, не усвоившее себѣ прочной организаціи, которая бы равняла его съ дисциплинированною арміею. Потому-то мы и опасаемся, что каждый упущенный

для организаціи волонтеровъ день гибельно отзовется на судьбѣ земель центральной Италіи. Безъ борьбы онѣ не сдадутся, но должно бояться того, что стройные батальоны подавятъ всякое сопротивленіе.

Теперь очевидно, что ждутъ только предлоговъ къ вооруженному вмѣшательству. Смерть Анвити уже представила одинъ такой предлогъ. Въ переведенномъ нами письмѣ читатель видѣлъ, что подобныхъ сценъ будетъ не мало, когда опасенія въ массѣ усилятся. Газеты стали со дня на день больше говорить о томъ, что приверженцы стараго порядка, ободряемые слухами о близости вооруженной помощи, становятся отважнѣе прежняго и составляютъ заговоры. Само собою разумѣется, это станетъ пробуждать революціонныя страсти въ массѣ и революціонныя движенія. Итакъ, предлоговъ къ вооруженному скоро будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь.

Итальянскій вопросъ до сихъ поръ исключительно занимаетъ собою вниманіе Европы. Во Франціи пробуждали нѣкоторый интересъ только тѣ явленія, которыя были прямыми или косвенными его послѣдствіями,—напримѣръ, ультрамонтанская агитація въ пользу папскаго свѣтскаго владычества, о которой мы уже упоминали, и полемика газетъ противъ стѣсненій, которымъ онѣ подлежатъ. Она составляетъ предметъ отдѣльной статьи въ этой книжкѣ „Современника“, и мы здѣсь замѣтимъ только, что требованія, начавшія высказываться съ такою силою, не могутъ долго оставаться безъ вліянія на положеніе дѣлъ: надобно ожидать, что они или вынудятъ реформу, или заставятъ принять мѣры стѣсненія, болѣе прежняго сильныя. Во всякомъ случаѣ, полемика эта свидѣтельствуетъ, что общественное мнѣніе, на время отвлеченное отъ внутреннихъ вопросовъ войною, возвращается къ нимъ съ усиленнымъ интересомъ. По нашему правилу, излагать подробно только тѣ событія, которыя или особенно интересуютъ цѣлую Европу, или имѣютъ внутреннюю великую важность, мы конечно не станемъ утомлять читателя разсказами о томъ, что на Алжирской границѣ началась у французовъ война съ марокксniми племенами, которая по всей вѣроятности кончится тѣмъ, что французы нѣсколько раздвинутъ границы своихъ африканскихъ владѣній на западъ. Мы не будемъ говорить и о томъ, что французскія войска въ Кохинхинѣ изнемогли отъ болѣзней и потому отказываются отъ мыслей объ обширныхъ завоеваніяхъ въ этой странѣ,—какое дѣло не только намъ, но и самой Франціи до завоеваній въ Азіи, когда въ самой Франціи надобно было бы производить еще много завоеваній надъ бѣдностью и невѣжествомъ?

Объ Англіи ничего не приходится намъ говорить въ этотъ разъ. Національнымъ событіемъ было то, что „большой корабль“, the big ship, то есть, „Восточный великанъ“, Great Eastern, уже началъ свои прогулки по морю, и несмотря на неосторожность въ одной изъ техническихъ подробностей при устройствѣ трубъ, проводившихъ воду въ паровики, неосторожность, которая произвела взрывъ одной изъ этихъ трубъ, онъ оказался совершенно соотвѣтствующимъ надеждѣ, какую имѣли на его достоинства. Онъ легко ходитъ по 25 верстъ въ часъ подъ неполными парами; онъ остается

непоколебимъ при волненіи, производящемъ сильную качку въ самыхъ большихъ изъ прежнихъ кораблей, и развѣ только въ бурю будетъ подвергать своихъ пассажировъ морской болѣзни. Самый взрывъ засвидѣтельствовалъ чрезвычайную крѣпость его: онъ не потерпѣлъ никакого вреда отъ этого потрясенія, которое разрушило бы, говорятъ, даже линейный корабль. Но Great Eastern—не политическій фактъ, и мы здѣсь должны ограничиться этими немногими словами о немъ. Сентябрь и октябрь мѣсяцы—время совершеннаго затишья въ государственной жизни Англіи. Но въ ноябрѣ, когда по старому обычаю начинаются приготовленія общественнаго мнѣнія къ приближающейся парламентской сессіи, съ удвоенною силою должна возобновиться агитація въ пользу парламентской реформы, съ которою соединится агитація въ пользу финансовой реформы. Читатель знаетъ, что люди, бывшіе главными дѣятелями въ лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, по ихъ отмѣненіи образовали лигу въ пользу финансовой реформы вообще. Они находятъ, что теперь наступила пора сильно поднять въ парламентѣ вопросъ о преобразованіи системы англійскихъ налоговъ. Кобденъ и Брайтъ согласны съ этимъ, и надобно ожидать, что митинги въ концѣ нынѣшняго года будутъ очень оживлены, а парламентская сессія слѣдующаго года пройдетъ не такъ безплодно, какъ сессія нынѣшняго, — разумѣется, если не возникнетъ опять опасеній какой нибудь войны со стороны Франціи. Разрывъ между хозяевами и работниками по строительной промышленности (Builders' Strike), о которомъ упоминали мы въ предъидущемъ обозрѣніи, все еще продолжается вотъ уже почти три мѣсяца, и до сихъ поръ еще неизвѣстно, когда и какъ онъ кончится.

Въ Германіи продолжаютъ толковать объ агитаціи въ пользу единства. Дѣло это приняло оборотъ, который для человѣка, незнакомаго съ характеромъ германскаго сейма, можетъ казаться подающимъ надежды, но въ сущности ведетъ только къ нескончаемой и совершенно безплодной дипломатической перепискѣ. Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ правительствъ Германіи, чтобы избавиться отъ упрековъ за отсутствіе патріотизма, вздумали предложить сейму заняться пересмотромъ союзнаго акта. Исторія всѣхъ реформъ, которыя предполагалось совершить посредствомъ сейма, доказываетъ полнѣйшее безсиліе сейма сдѣлать что нибудь въ духѣ улучшенія; да и какія существенныя улучшенія могутъ быть предложены тѣми, которые должны потерять отъ всякаго дѣйствительнаго улучшенія? Если читатель вспомнитъ, что говорили мы въ прошлый разъ объ этомъ, онъ согласится, что сейму предложены будутъ реформы ничтожныя, да и тѣ сеймъ, послѣ долгихъ и очень скучныхъ споровъ, найдетъ невозможными, если само населеніе Германіи не потрудится разъяснить ему, что не только предложенныя реформы возможны, но необходимы еще другія, болѣе важныя.

Въ Австріи прежнія надежды на замѣненіе реакціонной системы болѣе свободною уступили мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, горькому разочарованію. Венгерскіе протестанты, столь осчастливленные великою реформою, касавшеюся инспекторовъ школъ, имѣютъ неблагодарность объявлять, что подобныя реформы просто комедія, насмѣшка. Министры отвѣчаютъ, что они сами знаютъ это, но реформъ иного характера производить не могутъ. Они

говорятъ правду. Ихъ безсиліе на добро дѣйствительно стало очевидно для всѣхъ.

Но самымъ занимательнымъ, послѣ итальянскаго вопроса, случаемъ въ европейскомъ политическимъ мірѣ было открытіе колоссальнаго заговора въ Турціи, всего только за нѣсколько дней до срока, назначеннаго къ его исполненію. Заговоръ этотъ очень интересенъ какъ фактъ, опровергающій распространенное по Европѣ предубѣжденіе, будто турецкое правительство идетъ въ главѣ реформы, постепенно распространяющей въ Турціи цивилизацію, и будто бы оно дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ вяло и плохо только потому, что нѣтъ въ турецкомъ обществѣ элементовъ, на которые могло бы оно опереться, нѣтъ многочисленной партіи, которая хотѣла бы видѣть Турцію цивилизованнымъ государствомъ. Характеръ открытаго теперь заговора доказываетъ противное. Не говоря уже о христіанскомъ населеніи Европейской Турціи, которое, разумѣется, только того и желаетъ, чтобы правительство шло путемъ реформъ, мы видимъ теперь, что даже въ турецкомъ племени есть много людей, которые были бы рады очистить Турцію отъ азіатскаго деспотизма и фанатизма и помогать осуществленію всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя требуются отъ него европейскими державами, и которыхъ оно не дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, или не дѣлаетъ вовсе.

Само собою разумѣется, что турецкое правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыть истинныя намѣренія заговорщиковъ и выставить ихъ фанатиками, хотѣвшими истребить христіанъ, и т. д., кровопійцами, хотѣвшими зарѣзать султана, и т. д. Но мужество, съ которымъ заговорщики держали себя на допросахъ, одно уже могло бы свидѣтельствовать противъ такихъ обвиненій. Люди, замыслы которыхъ дурны, не были бы такъ безтрепетны предъ лицомъ смерти. Они смѣло говорили министрамъ, своимъ судьямъ, о дурномъ управленіи, которое губитъ Турцію, о произволѣ администраціи, расточительности двора. Мы подождемъ, пока болѣе разъяснится правда, затемненная теперь офиціальными клеветами, и приведемъ нынѣ только отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'а (3 октября).

Натурально было бы предполагать, что заговоръ, въ которомъ большая часть руководителей — азіатскіе турки, въ которомъ замѣшаны очень многіе мусульманскіе духовные, отчасти вызванъ мѣрами, принятыми въ послѣдніе годы въ пользу христіанъ. Но это предположеніе несправедливо. Я нигдѣ не нахожу ему подтвержденій а очень длинное, подробное и интересное письмо, помѣщенное въ Presse, которая ручается за вѣрность его извѣстій, положительно опровергаетъ это. Оно говоритъ:

«Заговорщики думали о впечатлѣніи, какое произведетъ на Европу приготовляемый ими переворотъ. Увѣряютъ, что у нихъ былъ составленъ манифестъ для сообщенія европейскимъ державамъ. Въ этомъ актѣ излагались причины неудовольствія націи на Абдулъ-Меджида и его министровъ: представлялись свѣдѣнія о дворцовыхъ издержкахъ и суммахъ, получаемыхъ министрами. Далѣе, объявлялось, что переворотъ не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго прогрессу, цивилизаціи, а въ особенности, ничего опаснаго для христіанъ».

«Каждый народъ имѣетъ свой методъ идти къ своимъ цѣлямъ. Турецкій заговоръ бы повидимому нѣчто соотвѣтствующее нашей англійской лигѣ въ пользу финансовой реформы, только вмѣсто собиранія колоссальныхъ митинговъ, мирной агитаціи и краснорѣчія Кобдена и Брайта, у нашей муфти и улемовъ были тайныя собра-

нія въ домѣ одного изъ ихъ товарищей, близъ мечети султана Баязета, и замыселъ арестовать султана и его министровъ. Письмо помѣщенное въ Presse продолжаетъ:

«Мѣсяца три тому назадъ составилось тайное общество съ смѣлымъ намѣреніемъ арестовать султана и измѣнить форму правленія. Главное лицо общества, Шейхъ-Ахмедъ, курдъ, родомъ изъ Сулейманіе, жилъ въ медресе (училищѣ) при мечети султана Баязета. Онъ человѣкъ просвѣщенный, чуждый фанатизма, уважаемый богословъ и философъ и извѣстенъ непоколебимою честностью. Подобно почти всѣмъ туркамъ, Шейхъ-Ахмедъ печалился тѣмъ, какъ дурно ведутся государственныя дѣла, возрастающею слабостью имперіи, административными злоупотребленіями, финансовыми безпорядками, безмѣрными дворцовыми издержками. Онъ строго осуждалъ дѣйствія министровъ и слабость султана. Его слушали съ почтеніемъ, и слова его получали великую силу отъ нравственнаго авторитета, которымъ онъ пользовался. Ежедневно повторяющіеся факты подтверждали эти слова и увеличивали народное неудовольствіе. Около шейха собрались люди, раздѣлявшіе его мысли; у нихъ часто происходили совѣщанія. Это были судьи, духовные, военные, люди средняго сословія и чиновники».

«Въ числѣ друзей шейха находился черкесъ Гуссейнъ-Паша, человѣкъ горячаго и рѣшительнаго характера, получившій извѣстность въ карскую компанію 1855 года. Онъ былъ тогда командиромъ перваго арабистанскаго полка, отличился при отраженіи русскаго штурма и за это произведенъ былъ въ генералы. Въ прошломъ году онъ былъ менѣе счастливъ въ войнѣ съ черногорцами, гдѣ корпусъ его сильно пострадалъ; подъ нимъ самимъ было убито двѣ лошади и самъ онъ едва спасся отъ смерти. Его удалили отъ командованія. Возвратившись въ Константинополь, онъ требовалъ военнаго суда, но ему отказали въ этомъ. Оставшись безъ должности и считая себя обиженнымъ, онъ питалъ неудовольствіе на правительство. Познакомившись съ Шейхомъ-Ахмедомъ, онъ охотно присоединился къ его замыслу. Мѣсяца два тому назадъ, его опредѣлили въ штабъ румелійской арміи. Онъ отказался, но потомъ согласился и уѣхалъ. Говорятъ, что въ его отсутствіе руководителемъ движенія положили сдѣлать артиллерійскаго генерала Гассана-Пашу, командовавшаго батареями и караулами на Босфорѣ. Въ числѣ заговорщиковъ былъ также Джаферъ-Паша, албанецъ знатнаго рода, нѣкогда боровшійся противъ Порты, но во время дунайской компаніи присоединившійся къ арміи султана съ 200 своихъ соотечественниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ на его счетъ. Послѣ войны ему давали много обѣщаній, но ни одного не исполнили. Ему даже не дозволили возвратиться на родину, а принудили остаться въ Константинополѣ, давая ему около 7 фунтовъ (45 р. с.) въ мѣсяцъ. Были и другіе значительные люди въ числѣ заговорщиковъ; офицеровъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, считая не менѣе 850 человѣкъ. Общество имѣло правильную организацію и члены его раздѣлялись на два класса, руководителей и простыхъ членовъ.

«Только руководители знали другъ друга. Простые члены знали только своихъ руководителей, изъ которыхъ у каждаго было подъ руководствомъ отъ 100 до 150 человѣкъ. Надобно полагать, что число членовъ заговора было не менѣе 15 или 18-ти тысячъ. Планъ заговорщиковъ былъ таковъ: при возвращеніи султана изъ мечети или изъ дворца Топхане съ обыкновенною свитою, они хотѣли ждать его въ самомъ узкомъ мѣстѣ той улицы, которая параллельно Босфору ведетъ изъ Топхане въ Дольма-Бакши, гдѣ стоитъ кабуташскій караулъ. Офицеры и солдаты этого караула должны были арестовать султана; всѣ они были на сторонѣ заговорщиковъ. Послѣ арестованія султана хотѣли пустить съ кабуташскаго крыльца ракеты, чтобы дать сигналъ полку, расположенному въ Кулали, на другой сторонѣ Босфора. Отряды этого полка должны были идти, чтобы арестовать военнаго министра Риза-Пашу, великаго визиря Аали-Пашу и министра иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-Пашу».

«Другихъ министровъ, президентовъ и членовъ совѣтовъ также хотѣли арестовать и подобно султану держать подъ стражей. Говорятъ, что Гассанъ-Паша, сдѣлавшій доносъ на заговорщиковъ, утверждаетъ, будто бы измѣнилъ имъ, узнавъ, что они хотятъ убить всѣхъ арестованныхъ и самаго Абдулъ-Меджида; но общее мнѣніе въ Константинополѣ таково, что у заговорщиковъ не было намѣренія убивать кого бы то ни было и что Гассанъ выдумалъ эту исторію для своего извиненія. Заговорщики на-

значили уважаемыхъ людей для замѣщенія низложенныхъ сановниковъ, не спрашивая впрочемъ согласія у избранныхъ ими кандидатовъ. Они хотѣли объявить султану низложеннымъ и возвести на престолъ его брата или старшаго сына. Все было готово; исполненіе заговора было назначено въ субботу 17 (5) сентября, но въ среду 14 (2), вечеромъ, Гассанъ явился къ Риза-Пашѣ и разсказалъ ему все. Быстро приняты были мѣры. Въ четвергъ, въ пятницу и субботу множество людей было арестовано: они содержатся въ Кулали, въ Скутари и въ другихъ мѣстахъ. Письмо продолжаетъ:

«Въ числѣ заговорщиковъ, арестованныхъ въ пятницу, былъ Джаферъ-Паша; его посадили на большой каикъ подъ стражею 10 солдатъ, чтобы отвести въ Кулали. На дорогѣ онъ растегнулъ пуговицы широкаго пальто, которое было на немъ. Въ ту минуту, когда каикъ вошелъ въ быстрое теченіе, онъ вскочилъ и прыгнулъ въ воду; солдаты схватили его за пальто, но онъ вынулъ руки изъ рукавовъ, нырнулъ и исчезъ. Это было въ половинѣ восьмого, вечеромъ. Приближалась ночь, и Джаферъ-Пашу не нашли; только его феска всплыла черезъ нѣсколько минутъ на поверхность, тѣла его не отыскали. Многіе говорятъ, что паша умѣлъ чрезвычайно хорошо плавать и что онъ можетъ быть спасся».

Выбирая достовѣрнѣйшія черты изъ другихъ извѣстій, мы видимъ, что цѣлью заговора было прекратить безпорядки управленія и дворцовой расточительности введеніемъ въ Турцію болѣе правильной администраціи и лучшихъ законовъ, въ томъ числѣ уравненіемъ правъ христіанскаго населенія съ мусульманскимъ.

Ноябрь 1859.

Европейскія дѣла.—Сѣверо-Американскіе штаты и Браунъ.

Четыре мѣсяца тому назадъ, соединеніе центральной Италіи въ одно государство съ сѣверною, почти для всѣхъ казалось дѣломъ конченнымъ; три мѣсяца тому назадъ, вы пріобрѣтали имя желчнаго скептика, если отваживались говорить, что прежній порядокъ дѣлъ въ Романьѣ и Тосканѣ будетъ возстановленъ. Теперь всѣ видятъ близость реставраціи. Дѣло тянется двигателями реставраціи, повидимому, съ необыкновенной медлительностью, а между тѣмъ, идетъ къ концу очень быстро. Такова натура вещей, что нужно только бездѣйствовать и вынуждать къ бездѣйствію другихъ, чтобы возрастить зло, между тѣмъ, какъ основаніе чего нибудь хорошаго требуетъ страшныхъ, конвульсивныхъ усилій. Реакція не сдѣлала, кажется, ровно ничего: еще не одинъ солдатъ не двинулся въ Романью или Тоскану для низверженія новаго порядка вещей; а онъ уже близокъ къ паденію. Въ прошедшій мѣсяцъ не было сдѣлано реакціею ничего энергическаго, а торжество ея съ каждымъ днемъ становится несомнѣннѣе. Въ самомъ дѣлѣ, что новаго произведено надъ Италіею? Ровно ничего. Подписаны два остальные изъ трехъ цюрихскихъ трактатовъ, именно договоры между Сардиніею и Франціею, между Сардиніею и Австріею; но ихъ подписаніе было дѣломъ чистой формальности, послѣ того какъ подписанъ былъ первый изъ трехъ договоровъ—трактатъ между Австріею и Франціею; а мы еще въ прошломъ мѣсяцѣ сообщали извѣстіе объ этомъ. Явилось письмо Наполеона къ королю сардинскому объ устройствѣ итальянскихъ дѣлъ; но оно буквально излагаетъ ту самую программу, которую мы сообщили также въ прошломъ мѣсяцѣ, недѣли за три до появленія письма. Король сардинскій отказался отъ власти, которую предлагала ему центральная Италія, и запретилъ принимать ее своему родственнику, герцогу Кариньянскому, — но еще въ прошломъ мѣсяцѣ, и даже два и три мѣсяца тому назадъ, можно было предугадывать, что онъ такъ поступитъ, и мы нѣсколько разъ говорили это. Созывается конгрессъ, но Англія, Пруссія, Россія еще не выразили своего согласія участвовать въ немъ, — точно тоже положеніе было мѣсяцъ тому назадъ. Что же новаго? Рѣшительно ничего, кромѣ того, что прибавилось довольно много новообращенныхъ къ людямъ, не ожидающимъ хорошей развязки итальянскаго дѣла.

Что же говорить объ этомъ дѣлѣ подробно? Довольно будетъ самымъ краткимъ образомъ перечислить мелкія происшествія, которыми ограничивались итальянскія новости въ прошломъ мѣсяцѣ.

Обнародованіе условій Цюрихскаго трактата навело въ Италіи уныніе на людей, питавшихъ до той поры маниловскія надежды. Мы не понимаемъ, отчего было унывать, когда Цюрихскій трактатъ былъ просто подтвержденіемъ Виллафранкскихъ условій, и императоръ французовъ постоянно повторялъ, что не можетъ отступить отъ этихъ условій. Надобно отдать ему справедливость: онъ въ этомъ дѣлѣ не хитрилъ, не обманывалъ, не скрывалъ своихъ намѣреній. Вольно же было энтузіастамъ не вѣрить его словамъ, совершенно явнымъ и твердымъ. Его письмо къ королю сардинскому навело на итальянцевъ новое, еще сильнѣйшее уныніе; и опять-таки не было имъ причинъ унывать больше прежняго, потому что письмо было только десятымъ или двадцатымъ повтореніемъ того самаго, что говорилъ онъ при каждомъ случаѣ четыре мѣсяца сряду. Не находя въ этомъ письмѣ ничего новаго, мы не можемъ привести его здѣсь; но любители репетицій, понимающіе сущность дѣла только при десятомъ его повтореніи, стали бы упрекать насъ, если бы вовсе лишили ихъ возможности прочесть вновь то самое, что излагалось у насъ много разъ; потому мы печатаемъ въ приложеніи переводъ письма, заимствуя его изъ „Санкт-Петербургскихъ Вѣдомостей“, съ нѣкоторыми исправленіями по подлиннику. Здѣсь мы замѣтимъ только, что планъ устройства итальянскихъ дѣлъ, излагаемый императоромъ Наполеономъ, раздѣляется на двѣ части по отношеніямъ осуществленія разныхъ его надобностей къ волѣ различныхъ державъ. Во-первыхъ, есть вещи, исполненіе которыхъ зависитъ единственно отъ согласія императора французовъ; это возстановленіе прежнихъ правительствъ въ Тосканѣ и герцогствахъ и подчиненіе Романьи папскому владычеству. Императоръ Наполеонъ хочетъ этихъ вещей, стало быть онѣ исполнятся; это реальная часть письма. Другія вещи могутъ быть исполнены только по согласію Австріи или итальянскихъ правительствъ,—именно объявленіе Мантуи и Вероны союзными крѣпостями, независимое устройство Венеціанской области, дарованіе благодѣтельныхъ реформъ папской области и введеніе представительнаго правленія въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Венеціи и такъ далѣе; объ этихъ вещахъ впередъ извѣстно, что на нихъ не согласятся правительства, воля которыхъ нужна для ихъ осуществленія; этимъ желаніямъ императора Наполеона суждено остаться прекрасными желаніями, подобно давнишнему его желанію о преобразованіяхъ въ папскомъ правительствѣ; эту часть письма мы можемъ назвать поэтической. Поэзія не составляетъ предмета нашихъ обозрѣній; оставляя ее въ сторонѣ, мы обращаемъ вниманіе читателя только на прозаическую часть письма, и если онъ потрудится сличить ее съ нашимъ изложеніемъ французской программы итальянскаго вопроса въ прошломъ мѣсяцѣ, онъ увидитъ буквальную вѣрность изложенныхъ нами тогда извѣстій.

Цюрихскій миръ и письмо императора Наполеона показали правительствамъ центральной Италіи надобность принять новыя мѣры. Были вновь созваны конституціонныя собранія въ герцогствахъ, въ Тосканѣ и въ Романьи для назначенія регентства. Всѣ собранія единогласно избрали общимъ регентомъ

центральной Италіи принца Кариньянскаго, ближайшаго изъ взрослыхъ родственниковъ короля Сардинскаго. Императоръ Наполеонъ выразилъ королю Сардинскому желаніе, чтобы принцъ Кариньянскій не принималъ предлагаемой ему власти; король Сардинскій и принцъ Кариньянскій повиновались, и депутація центральной Италіи, повергнувшая къ стопамъ ихъ единодушное рѣшеніе четырехъ областей, получила отказъ. Само собою разумѣется, что принята была депутація очень любезно и милостиво, какъ принимались и всѣ прежнія депутаціи, отправлявшіяся къ королю Сардинскому или къ императору французовъ. Принцъ Кариньянскій былъ такъ милостивъ, что изложивъ причины, по которымъ долженъ былъ отказаться отъ предложенія, указалъ депутаціи на человѣка, который можетъ занять мѣсто регента и собственной властью передалъ ему это званіе. Конечно, центральная Италія, давая принцу Кариньянскому власть регента, ни мало не думала, что предоставляетъ ему власть передать это званіе кому угодно безъ ея вѣдома. Но особенно странно то, что избранникомъ принца Кариньянскаго былъ Буонкомпаньи, котораго называютъ человѣкомъ очень пріятнымъ въ обществѣ, но который показалъ себя лишеннымъ всякой энергіи и сообразительности, когда управлялъ отъ имени Сардинскаго короля Тосканою во время войны. Вмѣсто того, чтобы готовить войско, онъ занимался тогда идиллическими упражненіями: строилъ оранжереи, устраивалъ цвѣточныя выставки, учреждалъ преміи для архитекторовъ за проэкты какихъ-то изящныхъ зданій, и для поэтовъ за хорошія драматическія произведенія. Благодаря такому аркадскому управленію, тосканская армія совершенно разстроилась при немъ въ одинъ мѣсяцъ, такъ что не годилась уже ровно никуда, и Гарибальди долженъ былъ заводить войско въ Тосканѣ съизнова, какъ будто Тоскана лежала въ архипелагѣ Дружбы и Согласія, а не въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мантуи. По послѣднимъ извѣстіямъ Буонкомпаньи поѣхалъ управлять центральною Италіею, и надобно только ждать извѣстія о томъ, приметъ ли она такого регента. Намъ кажется ясна цѣль, съ которою назначенъ регентомъ такой человѣкъ.

Что жь дѣлаютъ межь тѣмъ правительства центральной Италіи? Казалось, будто бы они хотятъ наконецъ стать энергичнѣе прежняго. Давно жаловались на неспособность диктатора Романьи, полковника Чипріани; онъ отказался отъ этого сана и тогда передали диктатуру Романьи пармскому и моденскому диктатору Фарини, который энергичнѣе всѣхъ остальныхъ правителей. Носились слухи, будто бы предоставляютъ больше простора Гарибальди, который прежде былъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Но по послѣднимъ телеграфическимъ депешамъ, Гарибальди выходитъ въ отставку и хочетъ удалиться изъ Италіи. Какой смыслъ придавать этому извѣстію, мы еще не знаемъ; значитъ ли оно, что Гарибальди увидѣлъ невозможность не только побѣдить, но и защищаться съ честью? или его отставка значитъ только то, что онъ хочетъ разорвать всякія связи съ нерѣшительными людьми, поставить жителямъ центральной Италіи вопросъ о выборѣ между нимъ и между ними, хочетъ получить власть надъ войсками прямо отъ народа, а не отъ робкихъ правителей, чтобы начать дѣйствовать сообразно своему характеру и положенію дѣлъ? Когда читатель будетъ просматривать эту страницу, смыслъ просьбы Гарибальди объ отставкѣ уже будетъ извѣстенъ, а теперь мы можемъ

сказать одно: въ тѣ дни, когда мы пишемъ это, въ центральной Италіи вѣроятно уже совершается перемѣна въ личностяхъ и характерѣ правителей, близость которой мы указывали въ прошедшемъ обозрѣніи; власть или перешла или переходитъ въ руки людей рѣшительныхъ, безстрашныхъ; но перемѣна эта по всей вѣроятности уже запоздала. Теперь дѣла будутъ идти такимъ образомъ: всѣми людьми, неимѣющими твердаго характера, то есть огромнымъ большинствомъ людей, овладѣетъ уныніе; ошибочность вялой и робкой политики, которой слѣдовали до сихъ поръ, обнаружится для всѣхъ; горсть людей, которые давно были готовы жертвовать жизнью за національное дѣло, даже безъ надежды на успѣхъ его, возьметъ въ свои руки власть, покинутую людьми слабыми или отнятую у нихъ народнымъ негодованіемъ. Эти новые правители,— кто они будутъ, Гарибальди, Маццини, Саффи, Фарини или другіе, все равно,— начнутъ самымъ энергическимъ образомъ готовиться къ вооруженной защитѣ. Но, по всей вѣроятности, не будутъ уже имѣть времени приготовиться къ ней. Когда явятся враги, энтузіазмъ народа вспыхнетъ и совершится много славныхъ, но уже безполезныхъ подвиговъ.

Теперь уже ясно выраженъ въ письмѣ императора французовъ и другихъ оффиціальныхъ документахъ планъ, по которому хотятъ произвести реставрацію: подъ рукою будутъ помогать реакціонерамъ будутъ изнурять терпѣніе и силы народа отнятіемъ у него всякой возможности установить прочное положеніе дѣлъ (это выразилось запрещеніемъ королю Сардинскому принимать королевскую власть надъ центральной Италіей и запрещеніемъ принцу Кариньянскому принимать регентство), будутъ производить заговоры и безпорядки (во Флоренціи уже открытъ заговоръ реакціонеровъ, а Фарини долженъ былъ удалить изъ Пармы предводителей реакціонной партіи, начавшихъ интриговать слишкомъ явно); этими безпорядками воспользуются, чтобы ввести иностранныя войска въ мундирахъ папы, герцога Моденскаго, эрцгерцога Тосканскаго, или и въ собственныхъ мундирахъ: тогда это уже не будетъ называться „иностраннымъ вмѣшательствомъ,“—это будетъ только „помощь“, оказанная мирному населенію, просившему защиты отъ злодѣевъ и анархистовъ“.

Въ остальныхъ итальянскихъ государствахъ все продолжается по прежнему. Въ Римѣ, напримѣръ, французскій посланникъ продолжаетъ дѣлать папѣ представленія о необходимости реформъ, папа сердится за это по прежнему и въ досадѣ забываетъ иногда правила учтивости,—дипломатическій міръ былъ очень скандализированъ, услышавъ, что Пій IX однажды, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, повернулся спиною къ герцогу Граммону, когда герцогъ твердилъ ему свои наставленія. Французскія полуофиціальныя газеты однакожъ увѣряютъ, что папа готовъ дать требуемыя реформы; важнѣйшимъ доказательствомъ готовности служитъ то, что однажды онъ сказалъ Граммону: „перестанемъ говорить объ этомъ; я подумаю и посмотрю“. Разумѣется, впрочемъ, что когда будетъ происходить покореніе Романьи, будутъ для формы обнародованы какія нибудь новыя постановленія или хотя обѣщанія,—ручательствомъ за это служитъ совѣтъ, данный Австріею. Реформы или обѣщанія будутъ, конечно, таковы же, какъ знаменитое „удаленіе кардинала Антонелли, мѣшающаго благотворнымъ рефор-

мамъ своею гибельною властью надъ умомъ папы". Кардиналъ носилъ два главныхъ титула: во-первыхъ, министра, во-вторыхъ, президента государственнаго совѣта, который никогда не собирается и потому ничѣмъ не занимается. Министромъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ папы Антонелли остался, но отъ предсѣдательства въ совѣтѣ уволенъ. Такимъ образомъ, можно было сказать, что папа удовлетворилъ требованію объ отставкѣ Антонелли. Точно таково же будетъ удовлетвореніе и требованію реформъ, и все-таки можно будетъ сказать, что даны новые законы. Надобно думать, требуемыя реформы очень важны и либеральны, если ихъ требуютъ Австрія и Франція.

Въ Неаполѣ давно носились слухи о подготовляющихся возстаніяхъ. Но если пропущено благопріятное для нихъ время войны и надеждъ, то какой успѣхъ могли бы имѣть возстанія теперь, когда реакція готова овладѣть и тѣми областями, въ которыхъ успѣло одержать перевѣсъ прогрессивное движеніе? Попытка нѣсколькихъ энтузіастовъ въ Палермо была несвоевременна, и правительство безъ труда подавило ее. Движеній болѣе сильныхъ можно ждать развѣ въ томъ случаѣ, если въ центральной Италіи вспыхнетъ народная война противъ иноземнаго вмѣшательства и на первый разъ инсургентамъ удастся одержать какіе нибудь успѣхи, — также, если Гарибальди, ставъ неограниченнымъ распорядителемъ военныхъ силъ, вторгнется въ папскія и неаполитанскія владѣнія, какъ уже грозилъ передъ своею отставкою. Иначе, неаполитанскіе либералы напрасно пожертвовали бы собою, если бы вздумали начать какое нибудь движеніе.

Въ Германіи праздновали столѣтній юбилей рожденія Шиллера, во всѣхъ большихъ городахъ Европы также совершалось это торжество великолѣпнымъ образомъ. Затѣмъ, ничего замѣчательнаго не было въ Германіи. Движеніе въ пользу единства продолжалось въ прежнемъ, пока совершенно безсильномъ и праздномъ направленіи.

Война съ марокккскими племенами по западной границѣ Алжира доставила французамъ лавры, какъ и должно быть; но въ экспедиціонномъ корпусѣ явилась холера, пожравшая уже не одну тысячу людей, такъ что лавры куплены нѣсколько дорого, какъ тоже и должно быть. Испанія начинаетъ военныя дѣйствія противъ Марокко съ другой стороны.

Въ Англіи начинается агитація въ пользу реформы парламентской и финансовой, но пока еще были только приготовительные митинги, а настоящія дѣйствія начнутся съ 1 декабря. Мы не говорили въ прошлый разъ о дипломатическомъ столкновеніи Англіи съ Соединенными Штатами, по поводу занятія острова Санъ-Хуана отрядомъ сѣверо - американскихъ войскъ, потому что изъ такой ничтожной причины не можетъ произойти никакихъ важныхъ послѣдствій, и подобные толки годятся только для наполненія газетныхъ столбцовъ. Мы не упомянули бы объ этомъ спорѣ изъ-за маленькаго, почти пустаго и никому собственно ненужнаго островка, если бы не пришлось кстати припомнить о немъ при надобности говорить о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ по другому случаю, о которомъ въ европейскихъ газетахъ было говорено несравненно меньше, но который очень многозначителенъ.

Въ маленькомъ городкѣ или селѣ Гарперсъ-Ферри, лежащемъ въ одномъ

изъ невольническихъ штатовъ, близъ границы между свободными и невольничьими штатами, явилось нѣсколько человѣкъ аболиціонистовъ; они врасплохъ овладѣли арсеналомъ, находящимся тутъ, и стали провозглашать освобожденіе негровъ. Черезъ нѣсколько часовъ пришла милиція изъ сосѣднихъ невольничьихъ городовъ, аболиціонисты не положили передъ нею оружія, милиція стала усмирять ихъ силою, они отчаянно оборонялись, большая часть ихъ была убита на мѣстѣ, остальные переранены, взяты въ плѣнъ и преданы суду, который, конечно, приговоритъ ихъ къ смерти „за убійство", если не за возстаніе. По своему размѣру, случай этотъ вовсе не важенъ; но онъ очень многозначителенъ, какъ первый въ своемъ родѣ. До сихъ поръ наступательнымъ образомъ дѣйствовала партія защитниковъ невольничества; аболиціонисты, дѣйствуя словомъ, фактически держались въ оборонительномъ положеніи. Теперь, какъ видимъ, ихъ энтузіазмъ такъ раздраженъ постоянными обидами отъ защитниковъ рабства, и увѣренность въ своихъ силахъ такъ возросла у нихъ, что являются стремленія дѣйствовать наступательно. Первая попытка была неудачна, какъ почти всегда бываютъ первыя попытки; ближайшимъ слѣдствіемъ ея будетъ усиленіе партіи защитниковъ рабства всѣми робкими людьми, боящимися крутыхъ мѣръ. Но безъ всякаго сомнѣнія, борьба станетъ постепенно принимать новый характеръ, и аболиціонисты черезъ нѣсколько времени отмстятъ за первыхъ своихъ мучениковъ, Брауна, предводителя горсти людей, геройски сражавшихся въ Гарперсъ-Ферри, и его неустрашимыхъ товарищей. Сѣверные и западные штаты будутъ постепенно проникаться мыслью о постыдности давать въ обиду своихъ политическихъ друзей, и границы рабства, до сихъ поръ расширявшіяся, начнутъ стѣсняться подъ напоромъ свободныхъ людей сѣвера и запада. Мы приводимъ здѣсь отрывокъ изъ помѣщеннаго въ Times'ѣ письма о личности Брауна, предводителя первыхъ мучениковъ за дѣло негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ приложеніи помѣщаемъ извлеченіе изъ устава общества, которое предполагалъ учредить Браунъ. Уставъ этотъ былъ найденъ въ числѣ бумагъ, найденныхъ у него. Неукротимая энергія и глубокое, строгое нравственное чувство придаютъ этому уставу чрезвычайную оригинальность. Онъ интересенъ для знакомства съ понятіями людей, составляющихъ крайнюю аболиціонистскую партію. Вотъ письмо о личности Брауна:

„Браунъ, извѣстный въ Соединныхъ Штатахъ подъ именемъ старика капитана Брауна, жестоко пострадалъ при началѣ волненій въ Канзасѣ, пять лѣтъ тому назадъ. Онъ жилъ еще не принимая никакого участія въ борьбѣ, начинавшейся тогда между приверженцами и противниками рабства въ Канзасѣ; въ его домъ ворвалась ночью шайка головорѣзовъ, пришедшихъ изъ Миссури: они разграбили и унесли все, что было цѣннаго въ небольшомъ имуществѣ, которое онъ пріобрѣлъ долгими годами скромнаго труда, сожгли домъ и нивы его и безъ всякой надобности убили одного изъ его дѣтей. Жена его скоро умерла отъ печали. Браунъ впалъ въ мономанію, холодную, необыкновенно проницательную, терпѣливую и отчаянно храбрую. Онъ собралъ небольшой отрядъ, въ которомъ рѣдко бывало десятка два человѣкъ; почти всѣ они были родомъ изъ штатовъ Новой Англіи. Обстоятельства превратили этихъ мирныхъ, можно сказать малодушныхъ, земледѣльцевъ

и мастеровыхъ въ отчаянныхъ партизановъ. Въ числѣ ихъ были два сына Брауна. Много разъ этотъ отрядъ проникалъ далеко во внутренность Миссури, освобождалъ изъ тюремъ людей, схваченныхъ по подозрѣнію въ томъ, что помогали бѣгству невольниковъ, уводилъ съ собою на свободу цѣлыя семейства невольниковъ, разорялъ домы людей, извѣстныхъ своимъ участіемъ въ попыткахъ ввести въ Канзасъ рабство и предавалъ ихъ самихъ казни. Когда эти попытки оказались неудачны и возстановилось спокойствіе, Браунъ опять сталъ земледѣльцемъ и мирнымъ гражданиномъ. Но черезъ нѣсколько времени шайка миссурійцевъ, гнавшаяся за бѣжавшимъ невольникомъ, явилась въ Канзасѣ, обыскивала безъ всякаго законнаго права домы жителей, и производила буйства тамъ, гдѣ встрѣчала сопротивленіе. Едва успѣли миссурійцы воротиться домой, какъ Браунъ съ своими сыновьями былъ уже въ ихъ землѣ, жегъ ихъ домы, нивы, уводилъ негровъ. За его голову была назначена награда; большая партія миссурійцевъ гонялась за нимъ, и послѣдній слухъ о немъ, дошедшій до меня, говорилъ, что онъ, будучи окруженъ преслѣдователями, бросился прямо на нихъ, безвредно пробился со всѣми своими товарищами и ночью скрылъ отъ нихъ свои слѣды“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо императора французовъ къ королю сардинскому

(изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей).

«Любезный братъ, я пишу вамъ сегодня съ цѣлью изложить вашему величеству нынѣшнее положеніе дѣлъ, напомнить вамъ прошедшее и опредѣлить вмѣстѣ съ вами путь, которому должно слѣдовать на будущее время. Обстоятельства важны: необходимо устранить обольщенія и безплодныя сожалѣнія, и заботливо обсудить дѣйствительное положеніе вещей. Такъ теперь вопросъ не въ томъ, хорошо или худо я сдѣлалъ, заключивъ Виллафранкскій миръ, а въ необходимости извлечь изъ этого трактата результаты, наиболѣе — благопріятныя для умиренія Италіи и спокойствія Европы. Прежде, чѣмъ идти дальше въ обсужденіи этого вопроса, я хочу напомнить еще разъ вашему величеству препятствія, которыя такъ затрудняли всякіе окончательные переговоры и заключеніе всякаго трактата. Война далеко не такъ сложна, какъ миръ. Въ первомъ случаѣ мы видимъ только борьбу двухъ интересовъ: нападенія и обороны. Во второмъ, напротивъ—того, надобно примирять множество интересовъ, нерѣдко противоположнаго характера. Это-то именно и случилось при заключеніи мира. Необходимо было получить трактатъ, который бы какъ можно лучше обезпечилъ независимость Италіи, удовлетворилъ Пьемонтъ и желаніе населеній, нисколько не оскорбляя, притомъ, католическаго чувства или правъ государей, которыми интересуется Европа. Итакъ я полагалъ, что если австрійскій императоръ пожелаетъ откровенно вступить со мною въ соглашеніе, съ цѣлью достигнуть этихъ важныхъ результатовъ, то причины антагонизма, раздѣлявшаго въ теченіе вѣковъ мою и его имперіи, исчезнутъ, и возрожденіе Италіи можетъ осуществиться по взаимному согласію и безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Вотъ каковы, по моему мнѣнію, существенныя условія этого возрожденія:

«Италія должна состоять изъ нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, связанныхъ союзной лигой.

«Каждое изъ этихъ государствъ приметъ представительную систему и спасительныя реформы.

«Конфедерація должна утвердить начала итальянской народности, у которой будетъ одно знамя и одна таможенная система.

«Руководящій центръ въ Римѣ будетъ состоять изъ представителей, назначенныхъ государями на основаніи списка, приготовленнаго палатами, такъ чтобы въ этомъ нѣкотораго рода сеймѣ вліяніе владѣтельныхъ фамилій, подозрѣваемыхъ въ наклонности къ Австріи, было уравновѣшиваемо элементами, порожденными избраніемъ.

«Обезпеченіе за папой почетнаго предсѣдательства въ конфедераціи удовлетво-

ритъ религіознымъ чувствамъ католической Европы, нравственное вліяніе папы усилится во всей Италіи и позволитъ ему сдѣлать уступки, сообразныя съ законными желаніями населеній. Планъ, составленный мною въ минуту заключенія мира, можетъ еще осуществиться, если вашему величеству угодно будетъ благопріятствовать ему вашимъ вліяніемъ. Притомъ, на этомъ пути уже сдѣланъ значительный шагъ впередъ.

«Уступка Ломбардіи, съ опредѣленнымъ долгомъ, составляетъ свершившійся фактъ.

«Австрія отказалась отъ права содержать гарнизоны въ крѣпостяхъ Піаченцы, Феррары и Коммакіо.

«Права государей, правда, гарантированы, но независимость центральной Италіи также обезпечена формальнымъ устраненіемъ всякой мысли объ иноземномъ вмѣшательствѣ: наконецъ, Венеціянская область должна сдѣлаться провинціей чисто-итальянской.

«Дѣйствительный интересъ вашего величества и Полуострова состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать намъ въ развитіи этого плана, для достиженія наилучшихъ результатовъ, ибо ваше величество не можете забыть, что я связанъ трактатомъ, и не могу въ имѣющемъ собраться конгрессѣ уклониться отъ моихъ обязательствъ. Роль Франціи начертана заранѣе.

«Мы требуемъ, чтобы Парма и Піаченца были присоединены къ Пьемонту, потому что эти владѣнія необходимы ему съ стратегической точки зрѣнія.

«Мы требуемъ, чтобы герцогиня пармская была призвана къ управленію Моденой.

«Чтобы Тоскана, предѣлы которой, быть можетъ, расширятся, была возвращена великому герцогу Фердинанду; чтобы во всѣхъ итальянскихъ государствахъ была принята система благоразумной свободы;

«Чтобы Австрія открыто освободилась отъ постоянной причины затрудненій въ будущемъ, согласившись укрѣпить венеціанскую народность не только отдѣльнымъ представительствомъ и управленіемъ, но и итальянской арміей.

«Мы требуемъ, чтобы крѣпости Мантуа и Пескьера были признаны союзными крѣпостями;

«Наконецъ, чтобы конфедерація, основанная на дѣйствительныхъ потребностяхъ, а равно и на преданіяхъ Полуострова, за исключеніемъ всякаго иноземнаго вліянія, упрочила независимость Италіи.

«Я не пренебрегу ничѣмъ для достиженія этого великаго результата. Будьте увѣрены, ваше величество, что чувства мои не измѣнятся и что, насколько тому не будутъ противиться интересы Франціи, я всегда съ радостью буду служить дѣлу, за которое мы вмѣстѣ сражались. Дворецъ Сенъ-Клу, 20-го октября 1859 г.».

II.

Временная конституція и постановленія для народа Соединенныхъ Штатовъ.

(то есть, уставъ военнаго общества для освобожденія невольниковъ).

«По соображенію, что рабство во всемъ своемъ существованіи въ Соединенныхъ Штатахъ есть ничто иное, какъ самая варварская, безпричинная и неизвинительная война одной части гражданъ противъ другой части, въ которой единственными условіями служатъ постоянное тюремное заключеніе и безнадежное порабощеніе или совершенное истребленіе, въ совершенную противность и оскорбленіе вѣчнымъ и очевиднымъ истинамъ, изложеннымъ въ актѣ провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ;

«Мы, граждане Соединенныхъ Штатовъ и угнетенный народъ, который по недавнему рѣшенію верховнаго суда объявленъ не имѣющимъ никакихъ правъ, ненарушимыхъ для бѣлаго человѣка, вмѣстѣ со всѣми другими людьми, униженными вслѣдствіе

такихъ законовъ, опредѣляемъ и постановляемъ себѣ для настоящаго времени слѣдующія временныя конституцію и постановленія къ лучшему охраненію нашего народа, собственности, жизни и свободы и для руководства нашими дѣйствіями:

«Статья 1. Кто имѣетъ право быть членами нашего общества. Всѣ лица совершеннаго возраста безъ различія того, будутъ ли они угнетенными и порабощенными гражданами, или будутъ происходить изъ угнетенныхъ и порабощенныхъ племенъ Соединенныхъ Штатовъ, согласные поддерживать и защищать временную конституцію съ органическими постановленіями, имѣютъ полное право вмѣстѣ съ своими малолѣтними дѣтьми на покровительство этой конституціи.

Статья 2 говоритъ, что временное правительство организуемаго общества имѣетъ три отдѣла: законодательный, исполнительный и судебный.

«Статья 3. Власть законодательная. Законодательную власть долженъ составлять конгрессъ или палата представителей, имѣющая не менѣе пяти и не болѣе десяти членовъ, избирающихся всѣми совершеннолѣтними гражданами, принадлежащими къ обществу, и остающихся въ должности три года.

«Статья 4. Исполнительную власть составляютъ президентъ и вице-президентъ, избираемые всѣми членами общества, также на три года.

«Статья 5. Судебную власть составляетъ верховный судья и четыре другихъ судьи верховнаго суда, избираемые такимъ же образомъ.

«Слѣдующія статьи опредѣляютъ порядокъ суда надъ президентомъ и другими сановниками, въ случаѣ нарушенія ими обязанностей, кругъ власти этихъ сановниковъ, ихъ жалованье и т. д., также организацію военныхъ силъ общества.

«Статья 28. Собственность. Вся, взятая въ добычу или конфискованная собственность и вся собственность, производимая трудомъ членовъ обществъ и ихъ семействъ, должна считаться собственностью всего общества безразлично и можетъ быть употребляема на общую пользу. Каждое лицо, которое противозаконно удержитъ, утаитъ, употребитъ или безъ нужды израсходуетъ такую собственность или собственность конфискованную у непріятеля, считается виновнымъ и по уликѣ наказывается.

«Статья 29 опредѣляетъ, что монета и драгоцѣнныя вещи, конфискуемыя у непріятеля, должны составлять особенный фондъ, спеціально назначенный для военныхъ расходовъ; слѣдующія двѣ статьи опредѣляютъ порядокъ распоряженія этимъ фондомъ.

Статья 32 говоритъ, что съ плѣнниками должно поступать человѣколюбиво: «обязанность всѣхъ лицъ обоего пола, принадлежащихъ обществу, требуетъ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ обращаться съ плѣнниками, соблюдая всевозможную уважительность и кротость и внушать такое уваженіе всѣмъ другимъ, ради страха имени всемогущаго Бога, промыслу и защитѣ котораго мы вручаемъ наше дѣло.

«Статья 33. Добровольные. Всѣ лица, которые добровольно освободятъ своихъ рабовъ и внесутъ свои имена въ книги этого общества, должны, пока будутъ сохранять тишину, пользоваться полнѣйшимъ покровительствомъ своей личности и собственности, хотя бы не поступили въ составъ общества, и съ ними должно поступать какъ съ друзьями, а не просто какъ съ лицами нейтральными.

«Статья 34. Нейтральные. Личность и собственность всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ рабовъ и остаются безусловно нейтральными, должна быть уважаема на сколько возможно, хотя общество не обязано защищать ихъ.

Статья 35 говоритъ, что произвольное разрушеніе какой бы то ни было собственности должно быть наказываемо.

«Статья 36. Конфискуемая собственность. Вся движимая и недвижимая собственность всѣхъ лицъ, прямо или косвенно дѣйствующихъ съ врагомъ или въ пользу его, или упорно держащихъ у себя рабовъ, должна быть конфискуема всегда и повсюду.

«Статья 37. Дезертирство. Лица, уличенные по безпристрастному суду въ дезертирствѣ къ врагу, послѣ того какъ были членами общества или измѣннически отдавшіе ему собственность, оружіе, военные или съѣстные запасы, дороги, мосты, укрѣпленія или предавшіе ему людей, подвергаются смертной казни, и вся ихъ собственность конфискуется.

Слѣдующія статьи опредѣляютъ наказанія за безнравственные поступки.

«Статья 42. Бракъ, училища, воскресенье. Брачныя узы должны быть всегда уважаемы. Школы и церкви должны быть учреждаемы со всевозможной быстротой для религіознаго и другаго образованія, и первый день недѣли долженъ быть днемъ отдыха, посвященнымъ нравственному и религіозному просвѣщенію и усовершенствованію, вспоможенію страждущимъ, обученію дѣтей и непросвѣщенныхъ и распространенію внѣшней опрятности.

«Статья 43. Открытое ношеніе оружія. Всѣ лица безпорочнаго поведенія, здраваго ума и надлежащаго возраста обоего пола, находящіеся въ этомъ обществѣ, поощряются къ открытому ношенію оружія.

«Статья 44. Запрещеніе носить скрытое оружіе. Никто въ границахъ завоеванной земли, кромѣ должностныхъ лицъ, и то при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не можетъ носить скрытаго оружія, и каждый подозрѣваемый въ томъ можетъ быть арестуемъ и обыскиваемъ.

Статья 45 опредѣляетъ случаи арестованія другихъ подозрительныхъ лицъ.

«Статья 46. Эти статьи не имѣютъ цѣлью низверженіе правительства. Предъидущія статьи не должны быть истолковываемы въ смыслѣ, возбуждающемъ къ низверженію правительства какого-нибудь отдѣльнаго штата или общаго правительства Соединенныхъ Штатовъ, и клонятся не къ разрушенію союза, а только къ его исправленію, и нашимъ знаменемъ будетъ знамя, подъ которымъ наши отцы сражались за независимость».

Декабрь 1859 г.

Ходъ дѣлъ въ центральной Италіи.—Отставка Гарибальди.—Конгрессъ.—Прочность австрійскаго порядка.—Безопасность венгерскаго движенія, общаго неудовольствія и финансоваго разстройства.—Отношенія Франціи къ Англіи.

Chi va piano, va sano—„кто идетъ по тихоньку, навѣрное дойдетъ". По этой итальянской поговоркѣ ведется итальянское дѣло къ тому, чтобы Италія не пріобрѣла политической самостоятельности. Вотъ уже почти полгода послѣ Виллафранкскаго мира и никакихъ рѣзкихъ мѣръ не было еще употреблено въ Италіи. Французскія войска продолжаютъ занимать Ломбардію, но этотъ фактъ не имѣетъ ничего рѣзкаго: натурально, что могущественный союзникъ оставлялъ часть своей арміи въ завоеванной землѣ для защиты слабаго союзника, пока Сардинія не подписала окончательнаго мира съ Австріей. А если французскія войска простояли въ Ломбардіи болѣе четырехъ мѣсяцевъ, то почему же не пробыть имъ на прежнихъ квартирахъ еще нѣсколько времени, тѣмъ болѣе, что поздней осенью и зимой передвигать ихъ обременительно. Потому о французскихъ войскахъ въ Италіи нельзя говорить никому раздражительнымъ тономъ. Кромѣ этого, никакихъ насилій не было. Все ведено было тихо, и, благодаря этой тихости, дѣло подводится все ближе и ближе къ потребной цѣли. Области центральной Италіи, успѣвшія возмутиться противъ законныхъ правительствъ, воображали, что ихъ присоединеніе къ Піэмонту рѣшено тайными условіями Виллафранкскаго договора. Но король Сардинскій бездѣйствовалъ и онѣ увидѣли надобность сами принять иниціативу; на это король Сардинскій отвѣчалъ, что принять предлагаемой ему власти не можетъ. Они думали, что Сардинія рѣшится хотя послать къ нимъ регента; Сардинія не рѣшилась и на это. Потомъ они просили, чтобы правитель, назначенный для нихъ безъ ихъ согласія, служилъ покрайней мѣрѣ коммиссаромъ сардинскаго короля. Сардинія объявила, что не можетъ давать ему этого качества и что онъ ѣдетъ въ центральную Италію просто, какъ г. Буонкампаньи, а не какъ повѣренный Сардинскаго правительства. Онѣ согласились и на это. Было у нихъ войско и былъ генералъ, которымъ держалось войско. Сардинское правительство объявило генералу, что онъ служитъ препятствіемъ для успѣшнаго хода дипломатическихъ отношеній; онъ вышелъ въ отставку и войско центральной Италіи теперь ослабѣваетъ. Участь ея

положено поставить въ зависимость не отъ ея стремленій, не отъ итальянскаго чувства, а отъ рѣшеній конгресса. Сначала думали итальянцы, что кромѣ пяти великихъ державъ на конгрессѣ будетъ только Сардинія, ихъ защитница, плохая или хорошая, но все таки защитница; потомъ они увидѣли, что будутъ приглашены также рѣшать ихъ судьбу Римъ и Неаполь, мнѣніе которыхъ очень хорошо извѣстно. Послѣ этого стало очевидно даже для итальянцевъ, на какой сторонѣ будетъ большинство голосовъ. Но итальянцы надѣялись, что рѣшенія конгресса будутъ имѣть только нравственное значеніе совѣтовъ и указаній; скоро стали говорить имъ, что конгрессъ можетъ опредѣлить нѣкоторые случаи вооруженнаго вмѣшательства для исполненія своихъ рѣшеній. Въ послѣднее время начали опредѣлять, въ чемъ должны состоять эти случаи. Во внутреннюю администрацію иностранцы не должны вмѣшиваться, но интересы Европейскаго равновѣсія требуютъ возстановленія извѣстныхъ разграниченій между государствами; потому конгрессъ можетъ послать войска для предотвращенія перемѣнъ въ распредѣленіи итальянскихъ государствъ. Такимъ образомъ итальянское дѣло очень опредѣлительно принимаетъ тотъ характеръ, какой и слѣдовало принять ему, судя по всѣмъ соображеніямъ. Мы давно уже говорили, что пора публикѣ перестать интересоваться имъ, какъ перестаешь интересоваться дюжиннымъ романомъ, съ первыхъ страницъ котораго виденъ весь ходъ интриги и предугадывается развязка, дающая торжество добродѣтели и наказывающая порокъ. Читатель знаетъ, что мы любимъ становиться на точку зрѣнія людей, ведущихъ дѣло и потому мы безъ сомнѣнія должны называть здѣсь порокомъ тѣ стремленія, представителями которыхъ служатъ теперь Буонкомпаньи и Риказоли, а прежде служилъ графъ Кавуръ. Сущность этихъ стремленій состоитъ въ томъ чтобы, достигнуть упроченія итальянской національности не силами самого итальянскаго народа, а помощью союзовъ и дипломатическихъ тонкостей. Графъ Кавуръ наказанъ за такую мечту и не замедлятъ быть наказаны его продолжатели въ центральной Италіи.

Дѣло становится безнадежнымъ, люди расчетливые охладѣваютъ къ нему, и оставляемое ими вліяніе начинаетъ переходить къ людямъ болѣе твердымъ, но получающимъ власть слишкомъ поздно. Фарини, бывшій самымъ энергичнымъ изъ трехъ диктаторовъ, соединилъ теперь въ своихъ рукахъ управленіе Романьею съ прежнею своею властью надъ Пармой и Моденой. Когда былъ выбранъ національнымъ собраніемъ Романьи въ регенты центральной Италіи принцъ Кариньянскій, отказался отъ диктатуры надъ Романьею полковникъ Чипріани, который очень долго былъ итальянскимъ патріотомъ, служа агентомъ французскаго вліянія. Онъ думалъ, что принцъ Кариньянскій приметъ регентство; но очевидно, что французскій кабинетъ оставилъ его при такомъ ожиданіи только для того, чтобы его удаленіе служило яснымъ предостереженіемъ для Турина. Сардинское правительство видѣло, что при одной мысли о регентствѣ принца Кариньянскаго отказываются отъ дѣлъ люди, находящіеся въ хорошихъ отношеніяхъ къ французскому двору: изъ этого оно должно было заключать о серьезности неудовольствія со стороны Франціи, которому подвергалось бы оно допущеніемъ принца Кариньянскаго къ регентству. Жители Романьи, покинутые прежнимъ диктаторомъ, должны были обратиться къ Фарини. Новый диктаторъ

принялъ разныя мѣры къ тѣснѣйшему соединенію герцогствъ съ Романьею. Но ничего важнаго сдѣлать онъ не могъ, потому что, несмотря на всѣ разочарованія, большинство такъ-называемыхъ либеральныхъ людей въ центральной Италіи все еще ждетъ отъ конгресса исполненія своихъ желаній, никакъ не вразумляясь о ихъ незаконности съ легитимной точки зрѣнія. Вотъ письмо Флорентинскаго корреспондента Times'а, показывающее, какая способность къ самоослѣпленію оставалась въ итальянскихъ либералахъ даже тогда, когда они узнали, что Франція запретила принцу Кариньянскому быть регентомъ.

«Флоренція, ноября 14».

«Противъ моего искренняго убѣжденія я послалъ вамъ въ прошлый четвергъ, 10 числа, двѣ строки, содержавшія важное извѣстіе, что выборъ принца Кариньянскаго регентомъ будетъ благопріятно принятъ въ Туринѣ. Это извѣстіе было получено мной изъ самаго высшаго офиціальнаго источника; оно разрушало всѣ доказательства, которыми я въ письмѣ, отправленномъ къ вамъ за минуту передъ этимъ, подтверждалъ свою мысль о невозможности того, чтобы Франція позволила Сардиніи послать регента безъ согласія Франціи. Но я тотчасъ же послалъ къ вамъ по телеграфу радостную вѣсть, довольный тѣмъ, что мои мрачныя соображенія опровергаются офиціальнымъ образомъ.

Теперь, продолжаетъ корреспондентъ, эта офиціальная увѣренность опровергнута фактами: Сардинія по внушенію Франціи отказалась послать принца Кариньянскаго и полуофиціальная Туринская газета Opinione принуждена объявить, что «представились этому дѣлу затрудненія, которыхъ нельзя было предусматривать».

«Но, говоритъ корреспондентъ, и Opinione, и Independente, и Corriere Mercantile довольно страннымъ образомъ утверждаютъ, что препятствіе дѣлу, столь благотворному для Италіи, безъ всякаго сомнѣнія не происходятъ отъ Франціи,—они утверждаютъ это, имѣя подъ глазами Монитёръ, объявляющій, что «должно сожалѣть о рѣшеніи, которымъ собранія центральной Италіи предложили регентство принцу Кариньянскому». Эти неисправимые обольстители общественнаго мнѣнія рѣшились повидимому ослѣплять себя до конца. Виллафранкскій миръ по ихъ словамъ былъ «не такъ дуренъ» для Италіи; Цюрихскій миръ былъ «лучше Виллафранкскаго»; письмо императора къ Виктору Эммануэлю было «доброжелательной мыслью»; и теперь они говорятъ, что Монитеръ «только сожалѣетъ, но вовсе не протестуетъ». Это только проблескъ молніи, а не настоящая гроза; они протрутъ глаза, немножко встрепенутся и черезъ минуту ихъ надежда попрежнему свѣжа.

«Въ этомъ вѣчномъ самообольщеніи итальянцевъ нѣтъ ни чувства собственнаго достоинства, ни истиннаго благоразумія. Я не осуждаю бѣдняка, который хватается за соломенку. Но 12 милліоновъ народа, имѣющихъ въ полѣ 150,000 солдатъ, съ королемъ готовымъ исполнить свою обязанность или умереть, и съ мечемъ Гарибальди, не должны были бы вѣчно ждать чужихъ разрѣшеній или запрещеній. Я увѣренъ, что если бы король Сардинскій отважно отказалъ въ согласіи на Виллафранкскія условія, онъ оказался бы сильнѣе обоихъ императоровъ, своего друга и своего врага, потому что французскій императоръ все-таки не былъ въ этомъ дѣлѣ всею Франціею, не былъ даже французскою арміею. Я самъ своими глазами видѣлъ, какъ французскіе офицеры въ Миланѣ ломали свои шпаги, прочитавъ депешу о Виллафранкскомъ перемиріи.

«Отважность, которая могла бы тогда спасти Піэмонтъ и Италію, остается и теперь единственнымъ спасеніемъ для Италіи и Піэмонта. Богу извѣстно, что дѣло Виктора-Эммануэля и Италіи ясно и чисто передъ всѣмъ свѣтомъ. Пусть онъ воскликнетъ: Dieu et mon droit! Итальянцы должны наконецъ понять, что имъ надобно полагаться на самихъ себя, и только на самихъ себя. Въ ту минуту, когда они выступятъ съ отвагою передъ лицомъ Европы, Европа будетъ на ихъ сторонѣ. Правда, ни Франція, ни Англія не будутъ сражаться за нихъ; но ихъ отвага внушитъ къ нимъ симпатію и удивленіе и французской и англійской націи; императоръ французовъ увидитъ тогда, что не всесиленъ даже во Франціи, даже въ рядахъ своихъ солдатъ. Несмотря на свою долгую робость, на свое напрасное дипломатизированье, итальянцы

имѣютъ больше друзей, чѣмъ враговъ за Альпами,—друзей въ Англіи и Франціи, друзей въ Германіи и самой Австріи. Пусть они смѣлыми, рѣшительными дѣлами превратятъ въ энтузіазмъ эту благорасположенность къ нимъ. Пусть они вспомнятъ, что сдѣлала Швейцарія встарину, что сдѣлала Греція недавно. Истинная храбрость возбуждаетъ уваженіе и приходитъ къ тому, что пріобрѣтаетъ помощь и содѣйствіе, которыхъ не ждала и не просила.

Безъ всякаго сомнѣнія итальянцы когда-нибудь убѣдятся въ справедливости размышленій, представляемымъ этимъ отрывкомъ. Но до сихъ поръ, какъ видно, то большинство людей, въ которыхъ честность соединяется съ недальновидностью, продолжаетъ еще надѣяться не на свои силы, а на чужое доброжелательство. Иначе не вышелъ бы въ отставку Гарибальди. Когда мы заканчивали прошедшій обзоръ, только-что было получено телеграфическое извѣстіе объ отставкѣ Гарибальди, безъ всякихъ объясненій этого факта. Кажется, легко можно бы намъ сообразить, что этотъ фактъ можетъ имѣть только одинъ смыслъ,—нѣтъ, съ наивностью достойною золотого вѣка,—съ наивностью, надъ которою такъ часто смѣемся, мы умудрились видѣть въ немъ признакъ хотя слабой возможности къ осуществленію стремленій, погибель которыхъ такъ ясно предсказывается здравымъ смысломъ. Мы сказали себѣ, быть можетъ Гарибальди увидѣлъ невозможность спасти итальянское дѣло съ людьми, губящими его своимъ легковѣріемъ. Быть можетъ, своимъ выходомъ въ отставку онъ говоритъ итальянцамъ: выбирайте между ними и между мною, пока я могу еще приготовить васъ къ оборонѣ отъ враговъ. Какая наивность, какое ребячество! Гарибальди просто былъ упрошенъ удалиться, какъ человѣкъ вредный; быть можетъ, онъ и не считалъ себя вреднымъ; но что же было ему дѣлать, когда его увѣряли въ томъ люди, уважать мнѣнія которыхъ онъ имѣетъ слабость. Слѣдующее письмо, переводимое нами по обыкновенію изъ Times'а, объясняетъ начало дѣла.

«Когда война кончилась и услуги Гарибальди стали не нужны Ломбардіи, онъ сталъ искать новаго поля для своего патріотизма и дѣятельности, и нашелъ его въ центральной Италіи, гдѣ съ радостью былъ встрѣченъ всѣми, въ томъ числѣ и правительствами. Едва стало извѣстно его новое положеніе, какъ молодежь Ломбардіи, Венеціи и итальянскаго Тироля стала сходиться къ его знамени. Альпійскіе стрѣлки послѣдовали за своимъ предводителемъ; изъ 7.000, составлявшихъ этотъ корпусъ, едва ли 600 или 700 человѣкъ остались въ сардинской службѣ. Да и тѣ стали лишь тѣнью того, чѣмъ были прежде. Нравственное вліяніе ихъ прежняго генерала было таково, что онъ обходился безъ наказаній и не было ни одной жалобы на нарушеніе дисциплины. Съ переходомъ команды въ новыя руки, какъ будто измѣнилась натура Альпійскихъ стрѣлковъ и стало нужно прибѣгать къ самымъ жестокимъ военнымъ наказаніямъ для сохраненія какого нибудь порядка. Едва ли надобно говорить, что піэмонтскіе командиры приписывали это печальное дѣло отсутствію дисциплины, въ которомъ стрѣлки привыкли жить при Гарибальдѣ, а для каждаго другаго было очевидно, что бѣда произошла отъ желанія піэмонтскихъ командировъ, не имѣвшихъ права на уваженіе своихъ солдатъ, примѣнять педантическія правила, годныя для конскриптовъ, къ отряду волонтеровъ.

«Альпійскіе стрѣлки, послѣдовавшіе за своимъ предводителемъ въ центральную Италію, составили зерно арміи герцогствъ и около нихъ группировались волонтеры, сходившіеся отовсюду. Такимъ образомъ армія герцогствъ была, можно сказать, арміею Гарибальди, а онъ самъ центромъ народныхъ овацій и симпатій. Это было слѣдствіемъ самой сущности дѣла, а не происковъ Гарибальди: даже противники его сознаются, что ни въ комъ нѣтъ такъ мало охоты блистать, какъ въ немъ. Натурально было, что правительства центральной Италіи, столь замѣчательныя своею благонамѣренною

вялостью, стали недовольны такимъ нравственнымъ превосходствомъ, совершенно затмѣвавшимъ ихъ. Они не могли признаваться въ своемъ чувствѣ, но положеніе было для нихъ чрезвычайно непріятное. Чтобы избавиться отъ своей досады, они вздумали выпросить организатора для арміи изъ Піэмонта. Предлогомъ было, что новый главнокомандующій будетъ новымъ звеномъ связи съ Піэмонтомъ, и кромѣ того будетъ помощникомъ для Гарибальди, о которомъ они распространяли слухъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ онъ «вовсе не администраторъ»; но особенно распространяли слухъ, что необходимость новаго назначенія производится наклонностью Гарибальди поднять въ южной Италіи возстаніе, которое можетъ компрометировать центральную Италію и привести къ вооруженному вмѣшательству.

«Гарибальди, всегда готовый приносить свое личное положеніе въ жертву для общаго дѣла, согласился на эту уступку и неусомнился подтвердить своимъ молчаніемъ мысль, будто бы передача главной команды генералу Фанти была его собственнымъ желаніемъ. Вначалѣ не было особенныхъ столкновеній, но скоро оказалось, что фальшиваго положенія нельзя исправить приданіемъ ему еще большей фальшивости. Армія герцогствъ, состоявшая изъ волонтеровъ, было учрежденіе народное, требовавшее не такого характера команды, какъ армія, составленная изъ конскриптовъ. Генералъ Фанти, служившій послѣднія десять лѣтъ въ Піэмонтѣ, такъ пропитался духомъ піэмонтской военной организаціи, что повидимому не замѣчалъ этой разницы. Дѣло состояло въ томъ чтобы пользоваться всѣми пригодными матеріалами для быстраго составленія національнаго войска, а не въ томъ, чтобы соблюдать педантическія правила, замедлившія формированіе новыхъ силъ. Прямѣе говоря, Фанти совершенно пренебрегалъ важнымъ элементомъ, который въ подобныхъ случаяхъ долженъ вознаграждать недостаточность другихъ условій. Этотъ элементъ—народный энтузіазмъ; надобно было организовать его, а не подавлять формальностями похвальной рутины. Когда приходили волонтеры со всѣхъ сторонъ, ихъ не спрашивали о томъ, не нужно ли ихъ покормить, если у нихъ на ногахъ сапоги,—ихъ просто ставили подъ мѣрку, и если они не подходили подъ нее, имъ говорили, что они не могутъ быть приняты. Спрашивали, сколько имъ лѣтъ, и если волонтеру было 17 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, вмѣсто предписанныхъ 18 лѣтъ, ему говорили, что онъ не годится, и можетъ идти куда ему угодно. Организатору не было дѣла до того, что волонтеръ пришелъ издалека и не можетъ возвратиться на родину; не было организатору дѣла и до того, что черезъ три мѣсяца волонтеру исполнилось бы 18 лѣтъ; не думалъ онъ и того, чтобы человѣкъ могъ стать хорошимъ солдатомъ, хотя имѣетъ роста только 5 футовъ $4^1/_2$ дюйма, вмѣсто 5 футовъ 5 дюймовъ.

«Гарибальди, не бывшій десять лѣтъ піэмонтскимъ генераломъ, натурально смотрѣлъ на дѣло иначе и всячески старался прекратить это педантство: его усилія были напрасны, потому что упорность организатора въ педантизмѣ укрѣплялась побужденіями самолюбія. По имени, Гарибальди былъ вторымъ въ командѣ, но въ сущности сохранялъ преобладаніе надъ умами. По обыкновенію, нашлись люди постаравшіеся раздуть несогласіе и нуженъ былъ только поводъ къ произведенію кризиса. Поводъ былъ поданъ сближеніемъ романьольской арміи съ папскою, приблизившеюся къ границамъ. Есть въ центральной Италіи неаполитанскіе офицеры, сильно подозрѣваемые въ сообщничествѣ съ тайными французскими агентами. Эти люди почти всѣ были замѣшаны въ замыслы мюратистовъ. Они заслужили расположеніе правительствъ центральной Италіи, всего болѣе тѣмъ, что стали въ оппозицію съ Гарибальди. Самого Гарибальди предполагали находившимся въ сношеніяхъ съ республиканскою партіею.

«Когда папскія и національныя войска сошлись близко, былъ составленъ планъ, чтобы Гарибальди посадилъ нѣсколько человѣкъ на мелкія суда и сдѣлалъ высадку въ Анконѣ, гдѣ должно было произойти возстаніе. Французское правительство, узнавъ объ этомъ планѣ, грозило занять Болонью, если произойдетъ что нибудь подобное. Планъ былъ оставленъ; французскому правительству и всей Европѣ было говорено, что это намѣреніе принадлежало Гарибальди, что онъ по внушенію республиканцевъ хотѣлъ поднять возстаніе въ южной Италіи. Но я положительнѣйшимъ образомъ говорю вамъ, что эта мысль происходила не отъ Гарибальди, а отъ правительствъ центральной Италіи; когда они увидѣли неудовольствіе Франціи, они свалили этотъ замыселъ на

*

Гарибальди. Факты были искажены и онъ былъ выставленъ человѣкомъ, желающимъ смутъ. Къ нему обратились съ требованіемъ, чтобы онъ не начиналъ военныхъ дѣйствій; и онъ далъ честное слово не дѣлать ничего для поднятія возстанія въ южной Италіи; но въ тоже время объявилъ, что не будетъ подражать генералу Мецакапо, который стоялъ съ своими войсками неподвижно, когда Кальберматтенъ рѣзалъ людей въ Перуджіи».

Мы видимъ, какія причины заставляли правительства центральной Италіи дѣлать Гарибальди непріятности, понуждавшія его выйдти въ отставку: мелкая зависть посредственныхъ людей къ человѣку, затмѣвавшему ихъ своею популярностью; досада педантовъ на правителя, желающаго мѣръ сообразныхъ съ обстоятельствами: всегдашняя ненависть умѣренныхъ людей къ человѣку подозрѣваемому въ образѣ мыслей болѣе опредѣлительныхъ. Для Сардинскаго правительства Гарибальди былъ помѣхою въ другомъ отношеніи. Онъ былъ непріятенъ для Франціи, которая находила, что онъ готовитъ для центральной Италіи средства воспротивиться ея намѣренію. Она говорила Сардиніи, что не можетъ довѣрять ей, пока она не разорветъ своихъ двусмысленныхъ отношеній къ людямъ непокорнымъ французской политикѣ, не употребитъ своего вліянія для удаленія Гарибальди, служащаго опорою такимъ людямъ. Это фактъ очевидный. Но очень правдоподобно, что сардинское правительство, и помимо требованій Франціи, имѣло свои собственныя причины желать удаленія популярнаго генерала. Когда послѣ несчастнаго дѣла о регентствѣ обнаружилось, что Сардинія не рѣшается соединять свое дѣло съ дѣломъ центральной Италіи, патріоты стали думать, что должны избрать какого нибудь другого общаго правителя, если Сардинская династія отказывается отъ этого положенія. Разумѣется, уму всѣхъ представилось имя Гарибальди. Не только въ центральной Италіи, но и во всей Европѣ явилась эта мысль у людей желавшихъ добра возставшимъ областямъ. Лордъ Элленборо напечаталъ письмо, въ которомъ совѣтовалъ Тосканѣ, Романьѣ и герцогствамъ передать Гарибальди верховную власть, отвергнутую Викторомъ-Эммануэлемъ и принцемъ Кариньянскимъ. Times, служащая органомъ для мнѣній, господствующихъ въ англійской публикѣ, повторила этотъ совѣтъ. „Если Наполеонъ III, говорила она, не дозволяетъ центральной Италіи имѣть правителемъ Виктора-Эммануэля или принца Кариньянскаго, то еще нельзя быть увѣреннымъ, что она будетъ приведена къ согласію на возвращеніе Австрійскихъ эрцгерцоговъ. Быть можетъ она подумаетъ наконецъ о томъ, нѣтъ-ли между сынами ея человѣка вашингтоновской закалки и обратитъ свои взоры на Гарибальди“. Легко представить себѣ, какія чувства пробуждались въ сардинскихъ дипломатахъ такою мыслью. Они все еще надѣятся, что если центральная Италія и не будетъ присоединена къ Піэмонту милостью императора французовъ, то конгрессъ согласится образовать изъ нея королевство, владѣтель котораго будетъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Сардинскому королю и которое черезъ нѣсколько времени перейдетъ къ Сардиніи по праву династическаго наслѣдства. Они льстятъ себя мыслью, что королевство это можетъ получить принцъ Кариньянскій въ награду за почтительность къ Франціи и къ Европейскому конгрессу; а если нѣтъ, то остается принцъ Наполеонъ, зять Виктора-Эммануэля: извѣстно, что назначить его королемъ центральной Италіи было бы пріятно императору французовъ. Но если бы власть надъ центральной Италіей перешла къ Гари-

бальди, эти надежды сильно страдали бы. Очень можетъ быть, что жители центральной Италіи не захотѣли бы мѣнять такого президента или диктатора ни на принца Кариньянскаго, ни на принца Наполеона, и Сардинская династія осталась бы въ проигрышѣ. Предположеніе, что сардинскіе политики могли желать отставки Гарибальди по этому разсчету, только наша догадка; но читатель согласится, что оно очень правдоподобно. Какъ бы то ни было, были ли настоянія центрально итальянскихъ правительствъ и требованія Франціи единственными причинами, по которымъ сардинское министерство хотѣло удалить Гарибальди, или къ этимъ побужденіямъ присоединялся въ Туринѣ и собственный разсчетъ, но достовѣрно то, что сардинскій кабинетъ рѣшился избавиться отъ Гарибальди. Орудіемъ въ этомъ дѣлѣ былъ избранъ Викторъ-Эммануэль, къ которому Гарибальди чувствуетъ личную пріязнь за его храбрость и за его честность, съ которой онъ, подобно самому Гарибальди, готовъ пожертвовать жизнью для уничтоженія иностраннаго господства надъ Италіей. По всѣмъ извѣстіямъ надобно думать, что Викторъ-Эммануэль дѣйствительно человѣкъ очень почтенный; но онъ не беретъ на себя рѣшеніе политическихъ вопросовъ и слушаетъ во всемъ совѣта государственныхъ людей, составляющихъ его кабинетъ: онъ полагаетъ, что они знаютъ дѣла лучше, нежели онъ. Гарибальди былъ приглашенъ въ Туринъ и король, слѣдуя желанію своихъ министровъ, просилъ его удалиться изъ центральной Италіи для блага общаго дѣла, ходъ котораго затрудняется присутствіемъ генерала, внушающаго недовѣріе императору французовъ и европейскимъ дипломатамъ.

Съ удаленіемъ Гарибальди не только прекратилось развитіе военныхъ силъ въ центральной Италіи, но и существующее войско стало разстраиваться. Много разъ только личное вліяніе Гарибальди успокоивало волонтеровъ, поставленныхъ въ нелѣпое положеніе жить въ лагерѣ безъ всякаго дѣла. Теперь случаи нарушенія дисциплины станутъ серьезны, и мы не замедлимъ услышать о разстрѣливаніи непокорныхъ генералу Фанти. Нѣсколько человѣкъ уже разстрѣляно. Такія отношенія не могутъ превлекать новыхъ волонтеровъ. Говорятъ, что и старые обнаруживаютъ желаніе разойтись; но оставшееся начальство успокоиваетъ итальянцевъ тѣмъ фактомъ, что съ волонтеровъ при поступленіи было взято обязательство прослужить не менѣе полутора года, и кто уйдетъ изъ лагеря раньше этого срока, будетъ разстрѣлянъ, какъ дезертиръ. Зная причины, по которымъ Гарибальди ссорился съ Фанти, можно предвидѣть, много-ли даровитыхъ офицеровъ останутся въ арміи или сохранятъ свое вліяніе, лишившись главной опоры, которая защищала армію отъ плацъ-парадной формалистики. Гарибальди убѣждалъ своихъ сподвижниковъ не удаляться вслѣдъ за нимъ; они сами хотѣли продолжать служить пока могутъ. Но вотъ мы уже читаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ выходятъ въ отставку, объявляя, что невозможно служить при новыхъ порядкахъ, взявшихъ перевѣсъ по удаленіи Гарибальди.

Повторяемъ то, что говорили уже нѣсколько разъ: при появленіи явной опасности народный духъ въ центральной Италіи оживится, и когда погибель будетъ неизбѣжна, явится энтузіазмъ, и даровитые люди поведутъ героевъ умирать въ безнадежной борьбѣ. Но время идетъ, а все не принимается надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы доставить патріотамъ средства начать

борьбу съ какими нибудь шансами успѣха, когда она станетъ неизбѣжной. Напротивъ съ каждымъ мѣсяцемъ производятся перемѣны, ведущія къ разслабленію и тѣхъ приготовленій, какія существовали. Исполненіе рѣшеній конгресса облегчается съ каждымъ мѣсяцемъ правителями самой Сардиніи и центральной Италіи. Отставка Гарибальди важнѣйшій изъ этихъ фактовъ. Назначеніе Буонкампаньи общимъ правителемъ центральной Италіи должно производить дѣйствіе въ томъ же смыслѣ.

Мы уже говорили, что Буонкампаньи, человѣкъ очень почтенный, до сихъ поръ выказывалъ себя не имѣющимъ ни распорядительности, ни энергіи. Судя по всему, что онъ дѣлалъ прежде въ Тосканѣ, во время войны, надобно думать, что онъ неспособенъ дѣлать ничего, что нужно дѣлать правителю въ трудныхъ обстоятельствахъ. Безхарактерность и неспособность вновь выказалась имъ уже при дѣлѣ о его новомъ назначеніи. Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ центральную Италію, какую власть будетъ имѣть въ ней?— Онъ будетъ общимъ правителемъ; но частные правители, Риказоли въ Тосканѣ, Фарини въ Романьѣ и въ герцогствахъ, сохраняютъ свою власть. Такимъ образомъ Буонкампаньи будетъ представлять собою только лишнюю правительственную инстанцію, которая можетъ только мѣшать и задерживать, но не можетъ ничего дѣлать. Его назначеніе производитъ одинъ результатъ: оно усложняетъ и запутываетъ существовавшія отношенія. Тосканскій правитель Риказоли долго не хотѣлъ признавать этой новой власти; послѣ переговоровъ, ни мало разъяснившихъ дѣла, онъ уступилъ. Могъ ли человѣкъ съ характеромъ принять положеніе, которымъ явно недоволенъ одинъ изъ двухъ людей, называющихся прямыми помощниками общаго правителя? По всей вѣроятности Буонкампаньи будетъ служить, противъ собственныхъ намѣреній, лучшимъ орудіемъ для приведенія центральной Италіи къ тому порядку дѣлъ, который рѣшатъ ввести въ нее Франція и конгрессъ.

Роль Франціи на конгрессѣ достаточно опредѣлена всѣми офиціальными объявленіями французскаго правительства и характеромъ его дѣйствій на цюрихскихъ конференціяхъ. Чтобы напомнить читателю объ отношеніяхъ Франціи къ австрійской и сардинской политикѣ со времени Виллафранкскаго перемирія, мы приведемъ изъ Times'а письмо о французской политикѣ на цюрихскихъ конференціяхъ.

«Ходитъ много разсказовъ о статьяхъ трактата, невыгодныхъ для Сардиніи. Передаю вамъ нѣкоторые изъ нихъ. Не ручаясь за каждую подробность, могу васъ увѣрить, что главныя черты ихъ справедливы.

«Во первыхъ, назначеніе г. де-Буркене уполномоченнымъ само по себѣ считалось уже признакомъ намѣренія императора Наполеона благопріятствовать Австріи на цюрихскихъ конференціяхъ. Де-Буркене извѣстенъ своими австрійскими симпатіями; сильныя выраженія принца Наполеона противъ ультра-австрійскихъ стремленій французскаго уполномоченнаго приводятся въ доказательство, что правительство, его назначившее, хорошо знало направленіе человѣка, которому поручало власть надъ переговорами. По всеобщимъ разсказамъ, де-Буркене вполнѣ оправдалъ свою репутацію австрійскаго приверженца и на всѣхъ совѣщаніяхъ защищалъ интересы Австріи съ такою твердостью, какъ будто былъ австрійскимъ уполномоченнымъ; говорятъ, что сардинскій уполномоченный встрѣчалъ въ немъ едва ли не болѣе сопротивленія, чѣмъ въ австрійскомъ.

«Переговоры о Пескьерѣ приводятся, какъ поразительное доказательство тому; ихъ излагаютъ въ слѣдующемъ видѣ: когда начались споры о томъ, какъ великъ

долженъ быть районъ, принадлежащій къ крѣпости по Виллафранкскому условію, сардинскій уполномоченный предложилъ опредѣлить его въ 1,200 метровъ,—радіусъ соотвѣтствующій дальности вѣрнаго выстрѣла изъ 24-хъ фунтовой осадной пушки. Австрійскій уполномоченный отвѣчалъ требованіемъ радіуса въ 5,000 метровъ, говоря, что такова дальность выстрѣла изъ новой нарѣзной пушки, которая теперь должна считаться основаніемъ для разрѣшенія такихъ вопросовъ. Съ общаго согласія было положено выбрать какого нибудь генерала, пользующагося авторитетомъ, чтобы онъ, какъ третейскій судья, опредѣлилъ истинный смыслъ термина «районъ крѣпости». Согласились выбрать маршала Вальяна, извѣстнаго знатока артиллерійской части, составляющей его спеціальность. Нельзя было опасаться, что онъ будетъ пристрастенъ въ пользу итальянцевъ: извѣстно, что онъ былъ противъ итальянской войны и его нерасположеніе заниматься приготовленіями къ ней заставило императора уволить его отъ должности военнаго министра. Маршалъ отвѣчалъ, что подъ райономъ крѣпости понимается гласисъ и такъ называемая «servitude militaire» крѣпости, то есть чистое мѣсто, оставляемое вокругъ нея. Ширина этого мѣста обыкновенно принимается въ 500 или 600 метровъ. Такимъ образомъ, рѣшеніе посредника на половину сокращало районъ, предлагаемый Піэмонтомъ. Обѣ стороны предварительно согласились подчиниться рѣшенію посредника и положеніе Сардиніи становилось выгоднѣе, чѣмъ сама она ожидала. Французскій уполномоченный помогъ Австріи, предложивъ районъ въ 3,500 метровъ, и Сардинія принуждена была уступить. Если бы районъ былъ принятъ въ нѣсколько сотъ метровъ, холмы окружающіе Пескьеру остались бы за Сардиніею, и Пескьера осталась бы, какъ теперь, маленькою, слабою крѣпостью, надъ которой съ трехъ сторонъ господствуютъ непринадлежащія ей высоты. Но если эти высоты принадлежатъ Австріи, она можетъ обратить Пескьеру въ обширный укрѣпленный лагерь, владычествующій надъ Ломбардской долиной. Районъ въ 3,500 метровъ, уступленный австрійцамъ, обнимаетъ всѣ эти высоты и, благодаря тому, Пескьера остается плацъ-дармомъ, изъ котораго австрійцы могутъ дебушировать въ Ломбардію.

«Жалуются также на рѣшеніе денежнаго вопроса. 40 мильоновъ флориновъ, прибавленныхъ къ собственно Ломбардскому долгу и уплачиваемыхъ теперь Австріи Піэмонтомъ, даны Австріи дружбою г. де-Буркене.

«Я думаю, что слухи, приписывающіе такое сильное вліяніе мыслямъ этого дипломата, преувеличены. Я вѣрю, что г. де-Буркене любитъ австрійцевъ больше, чѣмъ сардинцевъ: такое настроеніе мыслей не рѣдкость между французскими государственными людьми. Но я не думаю, чтобы императоръ французовъ оставлялъ своего уполномоченнаго безъ очень точныхъ указаній по каждому случаю.

«Теперь называютъ слѣдствіемъ ошибки то, что по Виллафранкскимъ условіямъ были оставлены за Австріей три округа Мантуанской провинціи, лежащіе на правомъ берегу По. Но императоръ, который провелъ много лѣтъ своей жизни въ Италіи долженъ былъ очень хорошо знать, что Боргофорте, Гонзаго и Сермиде лежатъ на правомъ берегу По: тѣмъ удивительнѣе было бы ему не знать положенія этихъ мѣстностей, что они находятся близъ Мантуи, осаждать которую готовились французы. «Ошибка», по которой эти округи на правомъ берегу По были оставлены за австрійцами, даетъ Австріи на По и на Минчіо просторъ наступать на Ломбардію».

Хорошимъ указаніемъ на то, каковы будутъ рѣшенія конгресса, надобно также считать выборъ перваго уполномоченнаго, котораго будетъ имѣть на немъ Англія. Читатель знаетъ, что составленіе конгресса замедлялось больше всего разногласіемъ между Франціею и Англіею во взглядѣ на права конгресса относительно жителей центральной Италіи. Англія говорила, что державы, составляющія конгрессъ, однимъ изъ основаній для его совѣщаній должны признать право итальянцевъ располагать своею политическою судьбою, какъ имъ самимъ угодно. Франція говорила, что признать за ними этого права нельзя, что конгрессъ можетъ опредѣлить ихъ судьбу по своимъ соображеніямъ, не стѣсняясь тѣмъ, согласны или нѣтъ эти соображенія съ же-

ланіемъ самихъ итальянцевъ. Какъ и чѣмъ кончилось это разногласіе по формѣ, мы не умѣемъ сказать: подлинные документы еще не обнародованы; но каковы бы ни были выраженія, на которыхъ Англія согласилась съ Франціей по спорному вопросу, и было ли устроено соглашеніе въ немъ, это все равно, потому что сущность дѣла хорошо видна изъ фактовъ. Они показываютъ, что Англія отказалась отъ мысли привести конгрессъ къ принятію своего воззрѣнія, и что конгрессъ удерживаетъ за собою право руководиться своими собственными соображеніями, а не намѣреніями жителей центральной Италіи. Такой характеръ дѣла обнаруживается, во-первыхъ, тѣмъ, что передъ самымъ временемъ когда англійское министерство согласилось на участіе въ конгрессѣ, англійскія газеты говорили, что Англія не должна въ немъ участвовать; изъ этого видимъ, что англійское министерство не имѣло тогда возможности провести свой взглядъ. Когда Англія объявила, что участвуетъ въ конгрессѣ, англійскія газеты стали требовать, чтобы уполномоченнымъ поѣхалъ лордъ Пальмерстонъ, пользующійся репутаціею самаго искуснаго дипломата; тогда мы будемъ знать, говорили онѣ, что если онъ будетъ принужденъ удалиться изъ конгресса по несогласію съ его направленіемъ, то уже дѣйствительно никакое дипломатическое искусство не могло придать дѣлу другого оборота и охранить Италію отъ вооруженнаго вмѣшательства. Но министерство назначило первымъ уполномоченнымъ не Пальмерстона и не лорда Джона Росселя, министра иностранныхъ дѣлъ, и даже не лорда Кларендона, который послѣ нихъ пользуется наибольшимъ значеніемъ въ иностранной политикѣ, а только лорда Коули, англійскаго посланника въ Парижѣ, дипломата второстепеннаго. Офиціально приводились благовидныя объясненія такому выбору: лордъ Пальмерстонъ—первый министръ, а до сихъ поръ не бывало примѣровъ, чтобы первый министръ уѣзжалъ за границу; лордъ Россель занятъ приготовленіемъ билля о парламентской реформѣ, долженъ внести его въ парламентъ и защищать въ то самое время, когда соберется конгрессъ. Однако даже въ офиціальныхъ объясненіяхъ есть намекъ на дѣйствительную причину неудобства посылать въ Парижъ одного изъ главныхъ государственныхъ людей: лордъ Россель, говорятъ полуофиціальныя англійскія газеты, выражалъ свое мнѣніе о правѣ итальянцевъ независимо располагать своею судьбою, съ такою рѣзкостью, которая дѣлала бы неловкимъ его положеніе на конгрессѣ. Но всѣмъ въ Лондонѣ извѣстно, что было у министерства и другое соображеніе, которое еще прямѣе обнаруживаетъ, что Англія отказалась отъ надежды удержать конгрессъ отъ дипломатическаго распоряженія участью центральной Италіи. Министерство руководилось желаніемъ произвести какъ можно меньше напраснаго шума въ случаѣ удаленія Англіи изъ совѣщаній конгресса, и желаніемъ по возможности ослабить дипломатическую важность самаго конгресса. Величественность его болѣе всего зависитъ отъ того, какъ смотритъ на него Англія, потому что она одна изъ великихъ державъ открыто расходится въ итальянскомъ дѣлѣ съ Франціею, такъ что конгрессъ устраивается, можно сказать, собственно для нея. Назначая своимъ уполномоченнымъ такого второстепеннаго дипломата, какъ лордъ Коули, она показываетъ, что не придаетъ конгрессу высокой важности и низводитъ его почти до степени простыхъ конференцій. Кромѣ того лордъ Коули постоянно живетъ въ Парижѣ,

гдѣ долженъ происходить конгрессъ, потому Англія можетъ говорить, что присутствіе его на конгрессѣ вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы она сколько нибудь интересовалась конгрессомъ; ея уполномоченный, какъ будто просто дѣлаетъ визиты своимъ товарищамъ по дипломатическому корпусу, когда является въ ихъ собраніе, а когда онъ перестанетъ участвовать въ конгрессѣ, это просто будетъ имѣть такой видъ, какъ будто онъ случайнымъ образомъ не имѣлъ времени или охоты продолжать визиты. которые дѣлалъ прежде, имѣя больше досуга. Словомъ сказать, назначеніе лорда Коули первымъ уполномоченнымъ имѣло тотъ характеръ, что Англія хочетъ принимать въ конгрессѣ наименьшее возможное участіе и придавать ему наименьшее возможное значеніе. Конечно, она прибѣгла къ этой системѣ только потому, что не имѣетъ никакой надежды провести на немъ свой взглядъ. Дѣйствительно, до начала совѣщаній конгресса еще далеко, а намъ объясняютъ, что онъ не только намѣренъ располагать судьбою Италіи по своему усмотрѣнію, но и почтетъ себя имѣющимъ право исполнять свои рѣшенія посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства.

Впрочемъ не надобно сомнѣваться въ томъ, что онъ будетъ рекомендовать итальянскимъ правительствамъ проведеніе тѣхъ благотворныхъ реформъ, которыя будутъ согласны съ сохраненіемъ власти законныхъ правительствъ. Стѣснять правительства въ этомъ случаѣ, конечно, было бы нарушеніемъ должнаго уваженія къ нимъ, и исполненіе совѣтовъ будетъ представлено рѣшенію ихъ собственной просвѣщенности и заботливости о благѣ подданныхъ. Къ сожалѣнію, часто оказывается въ подобныхъ случаяхъ, что самыя дружественныя иностранныя правительства не могутъ обсуживать положенія дѣлъ въ государствѣ, къ которому относятся ихъ совѣты, такъ хорошо, какъ правительство, получающее совѣты. Оно часто принуждено бываетъ отвѣчать совѣтникамъ, что предполагаемая ими надобность въ реформахъ не существуетъ, или предлагаемая реформа не сообразна съ благотворными принципами, которыхъ оно держится. Въ настоящемъ случаѣ совѣты будутъ обращены къ Неаполитанскому, а главнымъ образомъ, къ Римскому правительству. Римское правительство уже заранѣе объяснилось передъ Европою объ этомъ дѣлѣ. Валевскій, министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, написалъ циркуляръ къ французскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, излагая совѣты, которые вотъ уже 11 лѣтъ даетъ французское правительство папскому и которые, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ повторены конгрессомъ. Изъ этого возникли слухи, что Римское правительство рѣшилось произвести требуемыя Франціею реформы. Тогда въ оффиціальной римской газетѣ явилось краткое извѣщеніе о неосновательности такихъ слуховъ, а во французской газетѣ „l'Univers", служащей органомъ римскаго двора, была напечатана статья, замѣчательная по своей откровенности. Мы приводимъ переводъ ея, потому что правдивость вообще намъ нравится, хотя бы содержаніе правдивыхъ объясненій и не соотвѣтствовало нашимъ понятіямъ.

«Ничто не можетъ (говоритъ l'Univers) внушить вѣрующимъ столь живаго порыва любви къ святѣйшему отцу, какъ мысль о скорби, которая должна была обнять его при чтеніи циркуляра г. министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 5 ноября, къ французскимъ дипломатическимъ агентамъ. Всѣ европейскія газеты перепечатали этотъ актъ,

который, говоря о реформахъ, предположенныхъ святѣйшимъ отцемъ къ дарованію его подданнымъ *въ удобное время*, прибавляетъ, что эти реформы «будутъ имѣть слѣдствіемъ предоставленіе жителямъ *свѣтскаго управленія*, дарованіе имъ гарантій *лучшаго правосудія и контроля надъ финансовымъ управленіемъ* посредствомъ избирательнаго собранія.» Жосткость этой фразы поразила всѣхъ.

«Можно было бы написать, что есть въ городахъ римскаго государства небольшое число адвокатовъ, мелкихъ купцовъ, лекарей, лавочниковъ и празднопатающихся которые требуютъ не *лучшихъ*, но болѣе сообразныхъ съ учрежденіями другихъ странъ или мечтами этого меньшинства, учрежденій, въ администраціи, юстиціи и финансовомъ управленіи; но прилично ли и полезно ли было напередъ говорить, что учрежденія, еще не существующія, будутъ *лучше* существующихъ и подвергать такимъ образомъ святѣйшаго отца упреку столь суровому, столь прямому, столь незаслуженному?

«Католики думаютъ, что духовныя лица всегда судили, судятъ и будутъ судить справедливѣе, нежели судилъ, судитъ и когда либо будетъ судить ихъ свѣтъ.

«Говоря о реформахъ, которыя должны быть введены въ управленіе святѣйшаго отца, обыкновенно произносятъ слова: Наполеоновскій кодексъ, свѣтская администрація и проч. Я не буду входить въ подробности о томъ, какія измѣненія возможны въ настоящемъ управленіи; все возможное рѣшено сдѣлать. Но я говорю, что Наполеоновскій кодексъ написанъ въ духѣ совершенно противуположномъ сущности римскаго управленія, написанъ для системы нравовъ, идей, потребностей діаметрально противуположныхъ ему. Управленіе святѣйшаго отца есть управленіе особеннаго рода. Не уничтожившись, оно не можетъ быть соглашено съ условіями французскаго гражданскаго кодекса.

«Принципы французскихъ законовъ, объявляющихъ католическую религію не государственною религіею, а только религіею большинства французовъ, провозглашающихъ свободу другихъ исповѣданій, объявляющихъ бракъ гражданскимъ учрежденіемъ, не могутъ быть примѣнены къ Риму. Высокопреосвященнѣйшіе кардиналы Барнабо, Марини, Антонелли, Бофонди и Мертель, которымъ святѣйшій отецъ предварительно поручилъ положить основаніе общей кодификаціи гражданскихъ законовъ, соединяютъ съ обширнѣйшими юридическими знаніями возвышеннѣйшее чувство христіанскаго достоинства, и потому тщательно сохранятъ всѣ элементы, насажденные въ римскихъ нравахъ мудростью католической церкви. Неужели необходимо для блага народа, чтобы они были подчинены уровню одинаковыхъ законовъ, и красота ихъ совокупности развѣ не происходитъ отъ различія въ ихъ обычаяхъ?

«Что касается секуляризаціи, она никогда не можетъ достичь до совершеннаго уничтоженія духовнаго элемента въ управленіи, какъ требуютъ реформаторы. Духовному элементу принадлежитъ престолъ въ Римѣ. Его двойственная власть раздѣляется на двѣ части только въ отвлеченной теоріи; на фактѣ обѣ части составляютъ одно. Это тоже самое, какъ въ обыкновенномъ королѣ не могутъ быть раздѣлены власть гражданская и власть военная. Въ 1856 году число чиновниковъ духовнаго званія было 124, а свѣтскихъ 6,854. Въ послѣдніе три года эта цифра, 124, еще уменьшилась; въ удобное время она будетъ еще уменьшена. Можно ли не понимать намѣренія людей, утверждающихъ, что этимъ нельзя удовольствоваться?»

Римскій дворъ обвиняютъ въ коварствѣ. Намъ кажется, что послѣ подобныхъ объясненій съ его стороны, говорить о его недобросовѣстности значитъ только показывать свое неумѣнье отрѣшаться отъ собственныхъ самообольщеній. По нашему мнѣнію, въ итальянскомъ вопросѣ, — и Франція, и Австрія, и Римъ, и Неаполь нимало не скрывали своихъ намѣреній, и кому угодно будетъ находить, что развязка дѣла, —когда дѣло развяжется, — оказалась несоотвѣтственной его ожиданіямъ, тотъ самъ обманывалъ себя, а не былъ обманутъ другими.

Мы скажемъ это не только объ итальянскомъ вопросѣ, но также и объ австрійскихъ дѣлахъ, которыми довольно сильно интересовалась Европа въ

послѣдніе два мѣсяца. Такъ называемые просвѣщенные и благонамѣренные люди въ западной Европѣ въ одинъ голосъ твердятъ теперь, что Австрія очень скоро должна подвергнуться коренному преобразованію, которое произойдетъ путемъ неправильнымъ, если австрійское правительство не поспѣшитъ произвести его путемъ законнымъ. Намъ кажется, что такое мнѣніе ошибочно.

Многочисленные друзья, которыхъ имѣетъ у насъ Австрія, очень смущены извѣстіемъ, будто бы этому примѣрному государству угрожаетъ распаденіе. Газеты наполнены предвѣщаніями очень тревожными для австромановъ: онѣ увѣряютъ, что во всѣхъ провинціяхъ имперіи владычествуетъ недовольство, что Венгрія не-ныньче-завтра возстанетъ, что даже Тироль, до сихъ поръ столь вѣрный, ропщетъ, что сама Вѣна стала непріязненна. Все это было бы еще не такъ важно съ австрійской точки зрѣнія, если бы въ казнѣ были деньги: тогда было бы можно набрать побольше войска и усмирять непокорныхъ; но главная бѣда въ томъ, что денегъ не хватаетъ даже на содержаніе войска, и говорятъ, будто бы неоткуда достать ихъ, потому что кредитъ Австріи совершенно упалъ. При всемъ нашемъ пристрастіи къ прекрасному австрійскому порядку мы не будемъ скрывать отъ читателя этихъ прискорбныхъ фактовъ, но смѣло скажемъ въ свое утѣшеніе, что порицатели Австріи напрасно выводятъ изъ нихъ убійственное для нашихъ чувствъ заключеніе, будто бы Австріи въ самомъ дѣлѣ угрожаетъ паденіе. Мы не видимъ, какое основаніе имѣютъ они для столь зловѣщаго предвѣщанія. Во всѣхъ провинціяхъ имперіи владычествуетъ неудовольствіе,—но что жь тутъ необыкновеннаго? Оно повсюду владычествовало въ Австріи съ давнихъ поръ. Денегъ нѣтъ? государству грозитъ банкротство? — И это не новость. Денегъ никогда не было у австрійскаго правительства, банкротству подвергалось оно нѣсколько разъ и все-таки, какъ видимъ, продолжаетъ себѣ существовать на перекоръ всеобщему неудовольствію и собственному безденежью. Вотъ что одинъ изъ русскихъ дипломатовъ писалъ объ Австріи еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, незадолго передъ войною 1805 года: „Съ перваго же взгляда видно, что астрійская имперія совершенно распадается: министры ея бездарны, финансы находятся въ величайшей запутанности, армія лишена всякаго довѣрія къ своимъ генераламъ и офицерамъ, потому и къ себѣ самой. Аристократы необразованы, не имѣютъ никакой благородной мысли, никакой нравственной силы. Талантливыхъ людей совершенно нѣтъ“. Можно было бы привести много такихъ отзывовъ объ Австріи, сдѣланныхъ пятнадцать, тридцать, пятьдесятъ и, если угодно, сто лѣтъ тому назадъ. Австрія всегда казалась умирающею, готовою разрушиться, однако же просуществовала до сихъ поръ, и нѣтъ причины ей не пережить еще много и много лѣтъ, несмотря на всѣ признаки скорой смерти. Мы послѣ изложимъ соображенія, внушающія намъ эту отрадную надежду, а теперь перечислимъ факты, повидимому, противорѣчащіе ей. Мы не ждемъ отъ нихъ скораго паденія Австріи, и они интересны для насъ только въ томъ отношеніи, что нынѣшніе газетные толки и нихъ представляютъ довольно забавный контрастъ съ довѣріемъ, какое годъ тому назадъ имѣли тѣ же самыя газеты къ австрійскому самохвальству о благодѣтельныхъ реформахъ, будто бы произведенныхъ австрійскимъ правительствомъ послѣ 1849 года.

Мы начнемъ именно съ этого самохвальства. Благодаря отчасти славя-

нофиламъ, отчасти людямъ, которые интересуются судьбою славянскихъ племенъ не будучи славянофилами, наша публика знала объ австрійскомъ деспотизмѣ въ славянскихъ областяхъ; притомъ разныя политическія столкновенія по турецкимъ и другимъ дѣламъ пріучали насъ смотрѣть на Австрію, какъ на недоброжелательницу Россіи, потому австрійское самохвальство находило въ насъ меньше готовности вѣрить, чѣмъ въ западныхъ народахъ. Но и у насъ до итальянской войны постоянно говорили о финансовой мудрости знаменитаго Брука, о быстромъ развитіи промышленныхъ и всякихъ другихъ силъ Австріи, благодаря мудрой политикѣ правительства. Въ Западной Европѣ всему этому вѣрили больше насъ, и австрійское правительство считалось благоразумнымъ, просвѣщеннымъ, прогрессивнымъ. Либералы говорили, что подъ деспотическою формою лежитъ забота о замѣненіи отжившихъ и вредныхъ средневѣковыхъ учрежденій новыми, сообразными духу времени. Въ примѣръ тому, какимъ вещамъ вѣрила Европа, мы приведемъ нѣсколько словъ съ первыхъ страницъ книги чрезвычайно основательной, набитой офиціальными актами и статистическими данными; она принадлежитъ знаменитому австрійскому ученому, барону Чорнигу, „оказавшему безсмертныя услуги статистикѣ и этнографіи", и называется Oesterreich's Neugestaltung, 1848—58. Почтенный авторъ начинаетъ свою основательную книгу слѣдующимъ очеркомъ:

«Сильное потрясеніе, произведенное фазисомъ европейскаго развитія въ 1848 и 1849 годахъ и подвергнувшее организмъ Австрійской имперіи огненному испытанію, имѣло своимъ послѣдствіемъ очищеніе и преобразованіе всѣхъ общественныхъ отношеній.

«Прежнее устройство Австрійской имперіи приносило великія выгоды существованію имперіи, во всѣхъ политическихъ кризисахъ являясь прочною опорою короны; но оно ослабляло матеріальное развитіе имперіи и затрудняло монарху верховное управленіе дѣлами. Ленное устройство, на которомъ основывался прежній порядокъ, давно отжило свой вѣкъ, потому и форма соединявшая австрійскія области пережила свое время. Неудержимо распространяющіяся идеи вѣка подкопали основу этого порядка дѣлъ и въ сферѣ теоретическаго изслѣдованія и въ области практическихъ преобразованій, когда форма разрушилась, какъ бы отъ одного дуновенія. Учрежденія, побѣдоносно выдержавшія вѣковую борьбу, не упали бы мгновенно подъ едва замѣтнымъ плесканіемъ волнъ прилива, если бы корни ихъ не засохли. Но отпаденіе измѣнчивой оболочки не коснулось существеннаго зерна: оно возникаетъ въ свѣжихъ силахъ изъ великой реформы государственнаго преобразованія.

«Исторія желѣзнымъ рѣзцомъ начертала событія на своихъ скрижаляхъ; много было разочарованій; изъ многихъ ранъ еще струится кровь. Уже окрѣпшая государственная сила отнимаетъ у нарушителей спокойствія надежду на исполненіе ихъ плановъ и внушаетъ желающему спокойствія и порядка гражданину твердую надежду въ прочность порядка. Но въ массѣ народа должно распространиться убѣжденіе, что его нравственныя блага: языкъ, литература, наука и искусство, также какъ и матеріальныя блага, лучше охраняются и развиваются упроченіемъ общественнаго порядка при нынѣшнихъ соотвѣтствующихъ духу вѣка учрежденіяхъ, нежели въ хаосѣ политическаго волненія или подъ олигархическимъ владычествомъ слабыхъ республикъ; должно распространиться убѣжденіе, что эти блага находятся не въ противорѣчіи, а въ тѣснѣйшей связи съ стремленіями всѣхъ монархическихъ правительствъ».

Изъ этого видно, какой характеръ приписывало себѣ австрійское правительство въ послѣдніе годы: оно говорило, что борется противъ остатковъ феодальнаго порядка вещей, хочетъ привести учрежденія Австрійской имперіи въ соотвѣтствіе съ духомъ вѣка. Ропотъ провинцій возникалъ единственно

отъ людей слѣпо привязанныхъ къ рутинѣ и неумѣвшихъ понимать, что истребленіе средневѣковыхъ формъ вовсе не враждебно развитію національностей, а напротивъ должно послужить для нихъ источникомъ безопасности и укрѣпленія.

Стоитъ только пересмотрѣть книгу Чорнига, чтобы найти сотни фактовъ, побѣдоносно разрушающихъ всякое возраженіе противъ благонамѣренности или просвѣщенности австрійскаго правительства. Мы возьмемъ на пробу одинъ вопросъ. Враги Австріи утверждали, будто бы ея правительство враждебно просвѣщенію. Это совершенная клевета, судя по фактамъ, приведеннымъ у Чорнига. Начать съ того, что послѣ 1849 года было учреждено особенное министерство народнаго просвѣщенія, — „что показывало сознаніе необходимости полнаго преобразованія по этой части; дѣятельности и благоразумію министра графа Туна удалось въ нѣсколько лѣтъ придать всему новую жизнь“. Прежде, по словамъ Чорнига, университеты находились въ дурномъ положеніи; они преобразованы по образцу лучшихъ нѣмецкихъ; сословію профессоровъ теперь дано почетное и независимое положеніе, введена свобода преподаванія, усиленъ вообще научный элементъ; учреждены при университетахъ институты для образованія преподавателей. Для обширной Венгріи было недостаточно одного университета, существовавшаго въ Пештѣ; потому были возведены на степень высшихъ учебныхъ заведеній, увеличены въ размѣрѣ и получили щедрые штаты прежнія ничтожныя академіи въ Пресбургѣ, Раабѣ, Кашау, Гросвардейнѣ, Дебречинѣ, Аграмѣ и Германштатѣ. Для того, чтобы государство имѣло просвѣщенныхъ чиновниковъ, учреждены при университетахъ коммиссіи, подвергающія экзамену людей, желающихъ поступать на службу. „Благодаря преобразованію университетовъ, неусыпной заботѣ о пріобрѣтеніи хорошихъ профессоровъ и приглашенію ученыхъ знаменитостей изъ другихъ нѣмецкихъ земель,—говоритъ Чорнигъ,—умственная жизнь получила новое развитіе,—это фактъ, не подлежащій спору“. Точно также усилены были средства ученыхъ академій, дѣятельность которыхъ въ послѣднее время стала очень плодотворна. „Особенно должно сказать это объ императорской вѣнской академіи наукъ, основанной въ 1847 году и съ 1848 года развившей свою дѣятельность плодотворнымъ образомъ“. Въ 1851 году былъ учрежденъ при ней центральный метеорологическій институтъ. „Гимназическое преподаваніе (продолжаетъ Чорнигъ) было преобразовано, какъ и университетское. Оно получило болѣе основательности, такъ что требованія отъ учащихся сдѣлались строже и гимназіи стали въ уровень съ потребностями общаго научнаго образованія“. Были составлены хорошіе учебники, пріобрѣтены хорошіе преподаватели учрежденіемъ институтовъ и особенныхъ испытаній. Для техническаго образованія учреждены реальныя школы. Въ концѣ 1857 года считалось уже 24 высшихъ и 142 низшихъ реальныхъ школы. Улучшены были и первоначальныя училища, составлены для нихъ лучшіе учебники, увеличено жалованье ихъ учителямъ. Словомъ сказать, куда ни посмотришь, вездѣ многочисленныя улучшенія. Особенную заботу правительства, по словамъ Чорнига, составляетъ въ дѣлѣ преподаванія охраненіе права національностей. За каждымъ племенемъ признано право требовать, чтобы его дѣти получили общее образованіе на собственномъ языкѣ. Потому въ каждомъ мѣстѣ элементарное преподаваніе производится на томъ

языкѣ, которымъ говоритъ большинство жителей. Въ гимназіяхъ также оно производится на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Есть гимназіи чешскія, словацкія, польскія, сербо-кроатскія, мадярскія и руссинскія. Какой обширный размѣръ получило народное образованіе въ Австріи, можно видѣть по числу учебниковъ, требуемыхъ первоначальными училищами. Тѣ же цифры могутъ показать, какъ правительство помогаетъ развитію національностей. Въ 1856 г. экспедиція учебниковъ продала 2,534,000 учебныхъ книгъ для первоначальныхъ школъ. Въ томъ числѣ было 1,076,000 на нѣмецкомъ языкѣ, 706,000 на славянскомъ, 545,000 на итальянскомъ, 23,000 на восточно-румынскомъ, 184,000 на мадярскомъ языкѣ. О томъ, какъ покровительствуется въ Австріи литература и какъ быстро она развивается, можно судить по громадному количеству ежегодно выходящихъ книгъ. Кромѣ 455 журналовъ и газетъ, въ 1855 году въ Австріи было издано 6,244 книги, имѣвшія въ сложности 85,952 печатныхъ листа. Въ томъ числѣ было: на нѣмецкомъ языкѣ 1806, на итальянскомъ 1497, на мадярскомъ 640, на чешскомъ 208, на латинскомъ 187, на польскомъ 116, на сербо-кроатскомъ 60, на словенскомъ 41, по 30 на еврейскомъ и французскомъ, на румынскомъ 25, на рутенскомъ 13, на армянскомъ 9, на старо-славянскомъ 5, на англійскомъ 4 и по одной на греческомъ и испанскомъ языкахъ.

Какой отрадный отчетъ! А между тѣмъ дѣло просвѣщенія еще самая отсталая часть государственной австрійской жизни. Каковы же должны быть усовершенствованія въ другихъ частяхъ? И дѣйствительно, читая книгу Чорнига, испытываешь то чувство, которое такъ хорошо выражаетъ у Гоголя одно изъ дѣйствующихъ лицъ словами: „душа радуется, духъ торжествуетъ“. Огромное большинство просвѣщенныхъ людей въ западной Европѣ, при обыкновенной своей наклонности вѣрить такъ называемымъ документамъ и оффиціальнымъ цифрамъ, до послѣдняго времени восхищалось новымъ развитіемъ Австріи, и даже у насъ, какъ мы замѣтили, слышались похвалы финансовой мудрости Брука. Чтобы вѣрить и восхищаться, нужно было только забыть о существенномъ характерѣ австрійскаго правительства.

Кто помнилъ его характеръ, всегда зналъ очень хорошо, можетъ ли быть хоть капля правды въ его похвалахъ себѣ, можетъ ли оно сдѣлать какое бы то ни было дѣйствительное улучшеніе, можетъ ли оно управлять хотя такъ, чтобы положеніе дѣлъ не становилось годъ отъ году хуже. Вспомнимъ происхожденіе нынѣшней Австріи. Она возникла черезъ подавленіе возстаній почти во всѣхъ своихъ провинціяхъ. Прежде всего была бомбардирована Прага и объявлена въ осадномъ положеніи Богемія; потомъ Радецкій возстановилъ австрійское господство въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Виндишгрецъ, прославившійся отличнымъ исполненіемъ бомбардированія Праги, былъ избранъ для совершенія того же процесса надъ Вѣной, и эрцгерцогство австрійское было подвергнуто осадному положенію, по примѣру Богеміи, Ломбардіи и Венеціи. Тоже было въ Галиціи; потомъ дошла очередь до Венгріи. Усмирить Венгрію помогали южные славяне; а когда Венгрія была побѣждена, приняты были мѣры для подавленія непріятныхъ стремленій и у южныхъ славянъ. Итакъ австрійское правительство должно было держаться исключительно военнымъ деспотизмомъ. И вдругъ

намъ стали говорить, что неудовольствіе въ побѣжденныхъ областяхъ ослабѣло или уничтожилось. Можно ли было этому вѣрить? Когда военный деспотизмъ имѣлъ даръ вливать довольство въ недовольные умы, замѣнять ненависть любовью? Намъ стали говорить, что произведены мудрыя реформы. Но всякая реформа, заслуживающая своего названія, основывается на расширеніи свободы или ведетъ къ ней. Возможно ли, чтобы военный деспотизмъ допустилъ расширеніе свободы, когда онъ существуетъ именно только для ея подавленія и посредствомъ ея подавленія? Изъ этого можно было съ достовѣрностью заключать, что всѣ такъ называемыя австрійскія реформы по необходимости были пародіями на реформы или прикрывали именемъ реформъ введеніе реакціонныхъ мѣръ; можно было видѣть, что если когда нибудь австрійскому правительству хотѣлось сдѣлать что нибудь дѣйствительно доброе, оно не имѣло силы сдѣлать то, чего хотѣло, будучи противоположно съ основнымъ условіемъ всякаго дѣйствительнаго добра. Можно было видѣть, что даже подобныя безсильныя попытки по необходимости играли слишкомъ ничтожную роль среди безчисленныхъ распоряженій, вызываемыхъ прямо потребностью военнаго деспотизма. Намъ стали говорить, что приняты прекрасныя мѣры для введенія порядка въ австрійскихъ финансахъ. Но могутъ ли быть приведены въ порядокъ финансы при военномъ деспотизмѣ, когда первая забота должна по необходимости состоять въ содержаніи возможно большаго количества войскъ, когда нужно думать только о томъ, чтобы набрать какъ можно больше денегъ и всѣ собираемыя деньги тратить на военные расходы, не знающіе никакихъ предѣловъ? Изъ всего этого естественно возникло такое понятіе о ходѣ австрійскихъ дѣлъ въ последніе годы: ни одна изъ потребностей, неудовлетворенность которыхъ произвела волненіе 1848 г., не могла быть удовлетворена; люди съ либеральнымъ образомъ мыслей, будучи предметомъ подозрѣнія и преслѣдованія, должны были питать къ австрійскому правительсту и личную ненависть за свои непріятности и несчастія, и гражданскую ненависть за его реакціонный деспотизмъ; люди съ консервативными желаніями были раздражаемы безчисленными перемѣнами, отъ которыхъ разрушались прежнія учрежденія и привычки, замѣняемыя новымъ порядкомъ, при которомъ было еще меньше мѣста свободѣ, нежели при прежнемъ; консерваторы и прогрессисты одинаково страдали отъ чрезмѣрнаго увеличенія податей, изнурявшихъ всю массу населенія; такимъ образомъ, недовольство и разстройство должны были рости съ каждымъ годомъ.

Для человѣка мыслящаго это всегда должно было казаться несомнѣннымъ фактомъ; послѣдняя война обнаружила его для всей Европы. Ободренные внѣшними неудачами, недовольные отважились говорить нѣсколько громче прежняго, и ропотъ заглушилъ прежнее самохвальство. Австрія увѣряла, что даже венгерскія провинціи примиряются съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей; вмѣсто того оказалось, что даже вѣрнѣйшая изъ нѣмецкихъ областей—Тироль, негодуетъ на притѣсненія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, англичанинъ, посѣтившій Тироль въ августѣ и сентябрѣ нынѣшняго года:

«Въ послѣднюю свою поѣздку по Тиролю я замѣтилъ въ народѣ чувства, которыя сильно удивили меня. Будучи хорошо знакомъ съ нравами и обычаями страны и

съ областнымъ нарѣчіемъ, я могъ узнать состояніе страны лучше, нежели обыкновенные путешественники. Я старался познакомиться съ общественнымъ и политическимъ состояніемъ этой важной области австрійской имперіи послѣ великихъ событій послѣдней итальянской войны, и потому сближался съ людьми, отъ которыхъ можно было получить нужныя свѣдѣнія,—съ приходскими священниками, съ лицами городскаго начальства, съ бюргерами и т. д. (дворянства въ Тиролѣ нѣтъ).

«Въ противоположность фанатической ненависти къ Франціи, какая господствуетъ въ Баваріи и мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, здѣсь я нашелъ очень вѣрныя сужденія о той пользѣ, которую принесла Австріи война, и многіе прямо выражали мнѣ свое сожалѣніе о томъ, что не были побиты гораздо больше.

«Къ нынѣшнему правительству нѣтъ ни въ комъ ни малѣйшаго довѣрія. Правительство, вѣроятно, сдѣлаетъ большія обѣщанія и по обыкновенію не сдержитъ ихъ или постарается обмануть народъ полумѣрами,—вотъ чего «надѣятся» въ Тиролѣ. Когда одинъ офицеръ сказалъ мнѣ это, и когда я спросилъ его, почему же такія мысли называются надеждой, онъ отвѣчалъ мнѣ: «потому, что если такъ будетъ, не пройдетъ пяти лѣтъ, какъ народъ самъ возьметъ себѣ то, чего проситъ теперь». Страшное состояніе австрійскихъ финансовъ деморализируетъ всѣ сословія общества, и въ Австріи происходитъ броженіе, подобное тому, какое предшествовало первой французской революціи,—и повѣрьте мнѣ, когда вспыхнетъ въ Австріи революція, она также будетъ имѣть кровавые эпизоды. На армію нельзя нисколько полагаться: солдаты раздражены презрѣннѣйшею нераспорядительностью во время итальянскаго похода и дурнымъ обращеніемъ съ ними. Я посѣщалъ въ Инспрукѣ раненыхъ и слышалъ отъ нихъ страшные разсказы о небрежности администраціи относительно ихъ. Послѣ Сольферинской битвы, въ Веронѣ было приготовлено только тысяча кроватей для раненыхъ и одинъ солдатъ увѣрялъ меня, что чувство недовольства было такъ сильно, что будь еще другая такая битва, вспыхнула бы военная революція. Эти факты поразительны, и меня увѣряютъ, что точно такое же чувство господствуетъ во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ; что всѣ ждутъ раньше или позже страшнаго взрыва, который истребитъ безчисленныя злоупотребленія, пожирающія всю жизненную силу этихъ прекрасныхъ странъ. Къ удивленію, я нашелъ, что приходское духовенство имѣетъ очень прогрессивные и даже демократическіе принципы,—фактъ необыкновенно-важный при громадномъ вліяніи, которымъ пользуется оно въ простомъ народѣ.

«Въ простомъ народѣ неудовольствіе еще больше. Поселянинъ обложенъ податями, несоразмѣрными его средствамъ. Результатъ этого дурного управленія—страшная бѣдность, безъ надежды на облегченіе, и знаменитая вѣрность тирольскихъ поселянъ подвергнута правительствомъ слишкомъ сильному испытанію. Очень трудно было собрать стрѣлковъ для защиты тирольскихъ границъ во время войны; когда ихъ стали собирать, они долго не хотѣли идти. Повсюду съ громкимъ ропотомъ говорятъ о томъ, что надобно созвать представителей Тироля, которому такъ давно было обѣщано представительное собраніе».

Мы хотѣли сначала исчислить всѣ признаки распаденія, которое будто бы угрожаетъ Австріи и потомъ уже сказать, почему не выводимъ изъ этихъ фактовъ зловѣщихъ предсказаній, которыя дѣлаются многими. Но тонъ переведеннаго нами письма такъ силенъ, что мы не удерживаемся отъ желанія теперь же высказать часть оговорокъ, которыя хотѣли отложить до конца. Мы охотно вѣримъ всему, что сообщаетъ англійскій корреспондентъ; мы уже говорили, что иного положенія дѣлъ невозможно и предполагать. Положимъ, что недовольно духовенство, недовольны горожане и поселяне, недовольны всѣ сословія; предположимъ, что опаснѣе всего, существованіе величайшаго недовольства въ самой арміи,—но что жь тутъ важнаго? Если поселяне и горожане захотятъ возмутиться, противъ нихъ пошлютъ войска, разгонятъ толпы—вотъ и все. Но сами войска возмутятся?—Ну, это не

такъ правдоподобно, какъ войска думаютъ. Военная дисциплина даетъ такую силу надъ руками выстроенныхъ въ ряды людей, что лишь оставались бы вѣрны главные командиры и хотя немногіе офицеры,—всѣ недовольные офицеры, сколько бы ихъ ни было, будутъ арестованы тѣми самыми солдатами, въ пользу которыхъ хотѣли бы они дѣйствовать, и батальоны пойдутъ противъ инсургентовъ, хотя бы каждый человѣкъ въ этихъ батальонахъ выражалъ прежде сочувствіе инсургентамъ и обѣщался не употреблять противъ нихъ своего штыка. Если бы даже нѣкоторые полки успѣли возмутиться, они будутъ усмирены другими. Это не разъ бывало и не разъ повторится. Но бывали же, скажутъ намъ, примѣры удачныхъ возстаній? Бывали, но такъ рѣдко, что нужно разсудительному человѣку слишкомъ и слишкомъ много фактовъ и кромѣ того нужно возникновеніе совершенно особенныхъ обстоятельствъ для пробужденія въ немъ ожиданій подобнаго событія. Вотъ иное дѣло, еслибъ итальянская война протянулась еще нѣсколько мѣсяцевъ,—тогда, разумѣется, вспыхнуло бы возстаніе въ Венгріи, распространилось бы, вѣроятно, и по другимъ провинціямъ; а теперь не стоитъ и толковать о такихъ пустякахъ. Горючій матеріалъ есть—какъ не быть ему; но погода вообще такая сырая, что пламя вспыхнуть никакъ не можетъ, а только идетъ въ промокшей массѣ медленное гніеніе. Возвратимся же къ симптомамъ этого гніенія, которые многими принимаются за предвѣстіе пожара, между тѣмъ какъ мы думаемъ, что прекращеніемъ итальянской войны опасность пожара и для Австріи и для нѣкоторыхъ другихъ земель Западной Европы отсрочена, впредь до какого нибудь другого экстреннаго случая.

Во время итальянской войны опасность возстанія ближе всего была въ Венгріи: еще лишь нѣсколько недѣль, и Кошутъ снова грозилъ бы Вѣнѣ или, лучше сказать, вѣнскому правительству, а самая Вѣна съ нетерпѣніемъ ждала бы венгровъ, которые явились бы къ ней, быть можетъ, вмѣстѣ съ южными славянами, погубившими и венгровъ и самихъ себя въ 1848 году тѣмъ, что понадѣялись тогда на обѣщанія австрійскаго правительства; а какъ скоро миръ былъ заключенъ, опасность венгерскаго возстанія миновала. Мы уже говорили читателямъ, что разсматриваемъ австрійскія дѣла со стороны ихъ забавности, если можетъ быть забавна нелѣпость, которая разоряетъ, держитъ въ порабощеніи, нищетѣ и невѣжествѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ людей. Но дѣла на свѣтѣ идутъ такъ дико (впрочемъ совершенно натурально), что надобно умереть съ досады, если не помирать со смѣху. Мы совѣтуемъ читателю избрать послѣднее: оно гораздо лучше оправдываетъ апатію.—„Почему вы ничего не дѣлаете?—Помилуйте, какъ же я стану дѣлать что нибудь, если дѣло кажется мнѣ мелочно смѣшнымъ",—это прекрасный отвѣтъ. Итакъ, будемъ же смотрѣть со смѣхомъ на все то, чего передѣлать или уничтожить не можемъ. Смотря такимъ образомъ на австрійскія дѣла, мы находимъ едва ли не самою забавною чертою ихъ то, что глубокомысленные люди начали разсуждать о страшномъ недовольствѣ венгровъ будто нарочно съ той самой минуты, когда оно перестало быть страшнымъ. Во время войны благоразумные люди называли Кошута фантазеромъ за то, что онъ указывалъ на готовность венгровъ возстать противъ австрійскаго

ига: „помилуйте, венгры довольны нынѣшнимъ положеніемъ, говорили благоразумные люди:—они не пойдутъ за Кошутомъ“. Оно и натурально было думать такъ: шумъ войны заглушалъ все, потому не слышно было ничего изъ Венгріи, стало быть и казалось, что Венгрія тиха и довольна. Но вотъ война прекратилась, скучныя цюрихскія конференціи, робкія дѣйствія временныхъ правительствъ центральной Италіи и споры о томъ, какъ составится конгрессъ, не могутъ достаточно занять собой празднаго вниманія; всѣ начали присматриваться, не найдется ли гдѣ нибудь какого нибудь развлеченія отъ скуки, и вдругъ—о удивленіе! о радость людямъ благороднаго образа мыслей!—открывается, что Венгрія недовольна, что она говоритъ о возстаніи. Въ восторгѣ отъ такой находки не потрудились даже разобрать, что громкій ропотъ ея нынѣ составляетъ лишь затихающій постепенно отголосокъ грозныхъ ея приготовленій подняться при появленіи Кошута. Всѣ начали толковать о Венгріи въ то время, когда исчезла для нея возможность стать дѣйствительно опасной для австрійскаго правительства. Чтобы не отстать отъ другихъ, поговоримъ и мы о венгерскихъ дѣлахъ теперь, когда собственно не стоитъ говорить о нихъ.

Читатели знаютъ, какъ облагодѣтельствованы были венгерскіе протестанты новыми льготами, и какъ они неблагодарно объявили, что такихъ льготъ не хотятъ и принимать. Имъ наконецъ запрещено было собираться и протестовать; но они продолжаютъ дѣлать то и другое. Въ адресѣ одного изъ протестантскихъ собраній были недавно употреблены даже слова, что подписавшіеся „готовы жертвовать жизнью и кровью (Leben und Blut) за возвращеніе полной свободы своему исповѣданію“. Не менѣе шума надѣлала просьба студентовъ Пештскаго университета о томъ, чтобы лекціи въ немъ читались не на нѣмецкомъ, а на венгерскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что за такую дерзость студенты наказываются, какъ и слѣдовало. Протестація нѣсколькихъ лютеранскихъ священниковъ и просьба нѣсколькихъ студентовъ—событія, какъ видимъ, достойныя занимать собою Европу. Что далѣе? Далѣе, венгерцы, видя, что Германія собирается праздновать столѣтнюю годовщину рожденія Шиллера, вздумали отпраздновать такую же столѣтнюю годовщину рожденія одного изъ своихъ поэтовъ. Это еще не все. Венгерскіе магнаты, изъ которыхъ иные жили въ Вѣнѣ, иные въ помѣстьяхъ, вздумали, что надобно возвысить значеніе національной венгерской столицы и начали переселяться въ Пештъ, чтобы оживить его померкнувшій блескъ своею пышностью. Факты тоже необыкновенно значительные. Далѣе, было нѣсколько обѣдовъ по разнымъ случаямъ,—по случаю юбилея католическаго примаса Венгріи, по случаю открытія музея въ Клаузенбургѣ и т. д. Обѣдавшіе, очень знатные и почтенные люди, пили на этихъ обѣдахъ за здоровье Франца Іосифа „короля Венгерскаго,“ — то есть, намекали, что желаютъ возстановленія независимости Венгерскаго королевства. Факты, которые тоже необыкновенно важны. Что далѣе? Далѣе ничего другого замѣчательнаго не случилось. Но читатель видитъ, что и такъ уже набралось довольно фактовъ, чтобы привлечь на Венгрію вниманіе Европы. Европа нашла, что венгры очень раздражены противъ Австріи. Мы объ этомъ распространяться не будемъ, а лучше обратимъ вниманіе на фактъ, который, быть можетъ, из-

вѣстенъ не всѣмъ нашимъ читателямъ, и который одинъ представляетъ собою нѣкоторое ручательство за лучшую будущность земель, составляющихъ нынѣ восточную половину австрійской имперіи. Славяне, населяющіе южную полосу ихъ и своею враждою съ венграми въ 1848 году навлекшіе на себя и на венгровъ австрійское иго, начинаютъ понимать, что только союзъ съ венграми можетъ спасти ихъ. Вотъ отрывокъ изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'а:

«Лица, недавно посѣщавшія Сербскую Воеводину, Трансильванію, Славонію и Кроацію, говорятъ, что жители этихъ провинцій почти столь же недовольны, какъ венгры. Покойный банъ Еллачичь торжественно обѣщалъ южнымъ австрійскимъ славянамъ, что они будутъ награждены за свою вѣрность въ 1848 и 49 годахъ; но баронъ Бахъ дѣлалъ невозможнымъ исполненіе этого обѣщанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Еллачичь говорилъ мнѣ, что Австрійская имперія «пойдетъ къ чорту (wird zum Teufel gehen), если Баху дадутъ продолжать свои гадости». Главная причина неудовольствія южныхъ славянъ та, что они принуждены теперь платить больше податей, чѣмъ до 1849 года, когда Кроація, Славонія, Банатъ и Сербская Воеводина были соединены съ Венгріей. Способъ собиранія податей сильно увеличиваетъ неудовольствіе славянъ и венгровъ, горько жалующихся на произволъ и придирчивость финансовыхъ чиновниковъ.

Въ просьбѣ студентовъ Пештскаго университета также есть черта, свидѣтельствующая объ ослабленіи національной вражды между славянами и и венграми: эту просьбу о замѣненіи нѣмецкаго языка венгерскимъ подписали, вмѣстѣ съ молодыми людьми венгерскаго происхожденія, множество молодыхъ людей изъ славянъ. По этому поводу корреспондентъ Times'а сообщаетъ еще одинъ любопытный фактъ. Когда послѣ войны австрійское правительство стало прислушиваться къ народному ропоту во всѣхъ областяхъ, то, разумѣется, оказалось, что повсюду хотятъ введенія представительной власти въ правительство. Такое нелѣпое желаніе, конечно, не могло быть исполнено; но австрійскіе министры придумали средство „доставить обществу надлежащее участіе въ законодательныхъ совѣщаніяхъ“, не заражая Австрію тлетворнымъ парламентаризмомъ: теперь составляется проэктъ новаго городского и сельскаго управленія, и въ каждой области министры выбрали по нѣскольку благонадежныхъ людей, которыхъ и приписали къ комиссіямъ, составляющимъ проэктъ. Эти „повѣренные“ или „благонадежные люди“ (Vertrauensmänner), конечно, были взяты изъ лицъ самыхъ благонадежныхъ для австрійскаго правительства. Но даже и они, люди самые отсталые въ цѣломъ обществѣ, выражаютъ желанія, ни мало не пріятныя для австрійской системы, и между прочимъ, повѣренные изъ южныхъ австрійскихъ провинцій выражаютъ, что при венгерскомъ правительствѣ было для нихъ лучше, чѣмъ при австрійскомъ. Вотъ отрывокъ изъ Times'а.

«Одинъ изъ повѣренныхъ, выбранныхъ самимъ правительствомъ для разсмотрѣнія новаго общиннаго закона, именно представитель Воеводины, провинціи, оторванной въ 1849 г. отъ Венгріи, прямо выразилъ требованіе, чтобы эта область была присоединена обратно къ Венгріи. Другой повѣренный, родомъ изъ города Сабатки, въ 1848 и 49 годахъ выказывавшаго величайшую ревность въ сербскомъ движеніи противъ венгровъ, также сказалъ, что его городъ поручилъ ему требовать того же сама-

*

го. Можетъ ли правительство долго упорствовать въ поддержаніи такого порядка дѣлъ, противъ котораго энергически протестуютъ даже тѣ люди, въ пользу которыхъ, по словамъ правительства, устроенъ этотъ порядокъ? (Посмѣемся надъ англійскимъ тупоуміемъ. Почему же не можетъ, пока имѣетъ войска для усмиренія протестующихъ?) Мы знаемъ, что divide et impera было всегда девизомъ вѣнскаго кабинета, что раздробленіе Венгерскаго королевства въ 1849 году имѣло существенною цѣлью только ослабленіе Венгріи, и что удовлетвореніе, которое будто бы давалось этимъ раздробленіемъ желанію не-венгерскихъ національностей, было только предлогомъ, болѣе или менѣе ловкимъ. Но если это принужденное раздѣленіе само содѣйствуетъ нравственному соединенію областей, между которыми правительство хочетъ поддерживать антагонизмъ, то очевидно, что политика правительства столь же неловка, какъ и несправедлива».

Въ первое время послѣ постыдныхъ итальянскихъ пораженій, австрійское правительство проникло, какъ извѣстно читателямъ, самыми либеральнѣйшими (по крайней мѣрѣ по его собственному увѣренію) тенденціями, иначе сказать, нашло, что пока зарастутъ прорѣхи, надѣланныя французскимъ штыкомъ въ его волчьей кожѣ, надобно прикрывать ихъ овечьей шкурою. Для этого даны восхитительныя льготы протестантамъ, обѣщано новое муниципальное управленіе и т. д., для этого же былъ отставленъ отъ должности министра баронъ Бахъ, считавшійся самымъ яростнымъ приверженцемъ обскурантизма, и сдѣланъ министромъ Гюбнеръ, либерализмъ котораго достаточно свидѣтельствовался уже тѣмъ фактомъ, что до послѣдней войны онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ, разумѣется, долженъ былъ проникнуться свободолюбіемъ нынѣшней французской системы. Дѣйствительно, баронъ Гюбнеръ оказался нестерпимо либераленъ для австрійскаго кабинета и теперь уже получилъ отставку, прослуживъ министромъ ровно сколько же времени, столько Бельтовъ служилъ канцелярскимъ чиновникомъ. Главнымъ преступленіемъ его было желаніе сдѣлать что нибудь для смягченія ненависти венгровъ. Вотъ разсказъ объ этомъ дѣлѣ, присланный въ Times изъ Пешта.

«Со времени подчиненія нашей страны нынѣшнему управленію, въ первый разъ австрійскій министръ явился между нами въ лицѣ г. Гюбнера, бывшаго министра полиціи. Его посѣщеніе не принесло ему счастья: по общему мнѣнію, онъ вышелъ или, вѣрнѣе сказать, удаленъ въ отставку за венгерскія дѣла. Нѣсколько времени тому назадъ, наши газеты, столь молчаливыя о всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, начали увѣрять насъ, что правительство серьезно и почти исключительно занято Венгріею, что примиреніе съ нею должно служить введеніемъ къ дарованію другимъ провинціямъ либеральныхъ учрежденій, обѣщанныхъ императорскою прокламаціею 15 іюля. Молва говоритъ, что баронъ Гюбнеръ поѣхалъ, какъ депутатъ отъ своихъ товарищей, познакомиться съ истиннымъ положеніемъ общественнаго мнѣнія въ нашей странѣ. Не долго ему нужно было жить здѣсь, чтобы увидѣть, какъ мало довѣряютъ венгры вѣнскимъ обѣщаніямъ и какъ мало важности придаютъ имъ. Но г. Гюбнеръ не отчаялся. Онъ обратился къ партіи, которая до 1848 года называлась у насъ консервативной и была привязана, или, по крайней мѣрѣ, очень легко могла быть привязана къ нынѣшнему правительству; онъ выразилъ желаніе узнать требованія венгровъ или, по крайней мѣрѣ, то, чѣмъ ограничиваетъ требованія венгровъ эта партія, какъ самая умѣренная. Въ Тотъ Медерѣ, помѣстьи графа Людовика Кароли, съѣхалось около 30 членовъ консервативной партіи. Г. Гюбнеръ сообщилъ имъ намѣренія правительства относительно Венгріи, которыя казались ему очень способными удовлетворить націю, и просилъ ихъ откровенно высказать свое мнѣніе. Эти аристократы единодушно объявили, что императору

австрійскому, королю венгерскому, остается только одинъ способъ удовлетворить венгерскій народъ, и способъ этотъ заключается въ томъ, чтобы возстановить то самое положеніе, какое было до 1848 года, возвратить Венгріи прежнюю независимость и конституцію, насильственно отнятую у ней десять лѣтъ тому назадъ; что Венгрія не желаетъ полнаго уподобленія съ остальными австрійскими провинціями и что такъ называемыя прогрессивныя уступки, предлагаемыя ей, не удовлетворятъ никого. «По отношенію къ правительству, сказали они барону Гюбнеру, въ Венгріи нѣтъ партій. Въ этомъ отношеніи мы всѣ соединены одинаковымъ желаніемъ,—мы всѣ требуемъ сохраненія нашей національности, съ независимостью, необходимою для ея развитія, независимостью, которая была плодомъ восьми-вѣковой борьбы. Мы хотимъ остаться венграми и не хотимъ дѣлаться австрійцами. Половинныя уступки, которыя расположенъ сдѣлать вѣнскій кабинетъ, могутъ заставить замолчать нѣсколькихъ робкихъ людей, но на массу населенія не произведутъ никакого дѣйствія».

«Этотъ опытъ, къ которому баронъ Гюбнеръ прибѣгъ для исполненія своего порученія, долженъ былъ убѣдить его, что дѣйствительно существуетъ только одинъ способъ примирить Венгрію съ императорскою династіею. Говорятъ, что онъ имѣлъ мужество открыто выразить свои убѣжденія передъ императоромъ, и результатомъ было, что черезъ нѣсколько дней по своемъ возвращеніи въ Вѣну онъ былъ принужденъ выйти въ отставку. Единственною ли причиною этой вынужденной отставки были венгерскія дѣла? Этого я не могу сказать положительнымъ образомъ; но достовѣрно то, что немногіе люди, по легковѣрію или по робости имѣвшіе расположеніе вѣрить въ перемѣну системы со стороны правительства и начинавшіе радоваться этой предполагаемой перемѣнѣ, потеряли послѣднюю надежду, и теперь венгерцы болѣе, чѣмъ когда нибудь, убѣждены, что единственное спасеніе для нихъ состоитъ въ томъ, отъ чего и должна ждать себѣ единственнаго спасенія нація, бывшая свободною нѣсколько вѣковъ,—состоитъ въ единодушіи и мужествѣ».

Вотъ другое письмо того же корреспондента, служащее продолженіемъ перваго.

«Вотъ уже около двухъ недѣль прошло послѣ отставки барона Гюбнера, но здѣсь все еще продолжаютъ говорить о его неожиданномъ удаленіи изъ кабинета. Такое продолжительное вниманіе должно назваться феноменомъ въ нашу эпоху, когда все такъ скоро забывается. Но еще любопытнѣе то, что о Гюбнерѣ серьезно жалѣютъ,—эта честь не оказывалась еще ни одному изъ императорскихъ министровъ съ 1849 года. Гюбнеръ былъ министромъ очень недолго, въ сношеніяхъ съ нами былъ еще меньше времени, а между тѣмъ, видя сожалѣніе о его отставкѣ, можно почти сказать, что онъ успѣлъ пріобрѣсти популярность въ Венгріи. Вотъ какимъ путемъ онъ достигъ этой quasi-популярности. Во-первыхъ, онъ строго держался въ границахъ закона и уважалъ то положеніе вещей, которое создано эдиктами и постановленіями системы Баха и Шварценберга. Эта система не очень удовлетворительна, эти эдикты и постановленія заслужили мало симпатіи въ Венгріи; но все таки администрація, считающая себя обязанной соблюдать хотя ихъ, лучше такой, которая поступаетъ совершенно произвольно, по капризу министровъ и другихъ лицъ. Во-вторыхъ, Гюбнеръ отстраняя обманчивыхъ и тунеядныхъ посредниковъ, хотѣлъ видѣть все своими глазами, и, что еще важнѣе, не закрывалъ и не отворачивалъ глазъ отъ фактовъ, несогласныхъ съ понятіями, которыя угодно имѣть вѣнскому правительству. Благодаря такому образу дѣйствій, онъ сталъ въ Венгріи менѣе непопуляренъ, чѣмъ его предшественники и товарищи. Особенно оцѣнили въ Венгріи то, что онъ самъ старался вникать въ вещи, потому что Венгрія убѣждена, и по моему мнѣнію справедливо, что еслибы вѣнское правительство захотѣло ясно видѣть отрицательныя или положительно-дурныя послѣдствія, произведенныя здѣсь его насильственной централизующей политикой въ послѣднія десять лѣтъ, то оно рѣшилось бы для соблюденія собственной выгоды покинуть эту политику и удовлетворить справедливымъ требованіямъ страны, которыя выражаются съ постоянно-возрастающей энергіей.

«Политическое и національное движеніе, обнаруживающееся теперь въ Венгріи и произведенное преимущественно итальянской войной и императорскимъ манифестомъ 15 іюля, не должно, кажется, ослабѣть отъ неуспѣха тотъ-медерскаго свиданія и отставки Гюбнера. Напротивъ того, съ каждымъ днемъ представляются новыя доказательства серьезности этого движенія и его распространенія по всѣмъ классамъ общества. Оно обнаруживается особенно тѣмъ фактомъ, что прежніе политическіе люди, систематически державшіе себя въ полномъ бездѣйствіи, начинаютъ видѣть, что они сдѣлали важную ошибку, что напрасно унывали духомъ, что чѣмъ менѣе равенства въ оружіи, тѣмъ славнѣе сражаться. Очевиднымъ доказательствомъ того, что венгры хотятъ покинуть политику безучастія, служитъ записка, поданная четырьмя очень уважаемыми магнатами императору для ознакомленія его съ причинами неудовольствія и съ желаніями націи. Чувство, внушившее эту записку, раздѣляется огромнымъ большинствомъ дворянства».

Изъ письма вѣнскаго корреспондента Times'а мы беремъ изложеніе требованій, выражаемыхъ четырьмя магнатами въ запискѣ, поданной императору.

«Можно сказать положительно, что уже недалека минута, когда австрійское правительство увидитъ себя принужденнымъ уступить требованіямъ Венгріи. Поэтому, будетъ не лишнимъ, если я подробнѣе разскажу вамъ содержаніе записки, представленной кабинету предводителями старой консервативной партіи. Вотъ извлеченіе изъ нея:

«Венгерцы требуютъ своей конституціи и муниципальныхъ законовъ, въ томъ видѣ, какъ постановилъ сеймъ 1848 года, и требуютъ возстановленія Венгерскаго королевства «въ его древней и законной цѣлости». Предлагаютъ назначить придворнаго канцлера (Hofkanzler), съ правомъ голоса въ кобинетѣ. Ему должна быть поручена организація венгерской придворной канцеляріи. Предлагаютъ назначить королевскаго намѣстника, который «вмѣстѣ съ придворной канцеляріей и баномъ кроатскимъ организуетъ венгерское королевство, вмѣсто существующихъ теперь венгерскихъ округовъ[1]) баната и кроатскихъ намѣстническихъ отдѣленій (Stadthalterei—Abtheilungen)» Далѣе, венгерцы требуютъ: назначенія намѣстниковъ или правителей въ каждый комитетъ и королевскихъ комиссаровъ въ вольные города; возстановленія королевскаго «стола» (высшаго судилища) и «септемвирата»; преобразованія венгерской «придворной камеры» (казначейства); замѣны провинціальнаго финансоваго управленія (Finanz Landes-Direction) и прокураторовъ (чиновниковъ, завѣдующихъ доходами)—прежними финансовыми учрежденіями; возвращенія церковныхъ, академическихъ и университетскихъ фондовъ подъ начальство намѣстника и духовной комиссіи (Commissio Ecclesiastica) и возвращенія Пештскому университету терезіанскихъ привилегій; предоставленія всѣмъ чиновникамъ и судьямъ права вести дѣла на венгерскомъ языкѣ; введенія этого языка во всѣ школы, кромѣ тѣхъ, которыя учреждены для другихъ національностей; наконецъ, возстановленія корпуса королевской венгерской (дворянской) гвардіи.

«Составители записки говорятъ, что если императорское правительство захочетъ принять эти предложенія, то «въ одной Венгріи» расходы скоро сократятся на тридцать или сорокъ мильоновъ флориновъ. Эти четыре магната, графы: Майлатъ, Дешевфи, Сеченъ (не Сечени) и баронъ Іошика предлагаютъ также созвать въ Будѣ провинціальную комиссію, для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ: 1) о средствахъ предупредить на будущее время столкновенія между націей и королемъ; 2) объ установленіи отношеній между верхней и нижней палатами венгерскаго сейма «на основаніи общественныхъ и политическихъ перемѣнъ, произведенныхъ мартовскими законами 1848 года»; 3) о преобразованіи муниципальнаго управленія; 4) о планѣ учрежденія венгерскаго закладнаго банка; 5) о томъ, какую часть существующаго государственнаго

---

[1]) Собственная Венгрія теперь раздѣлена на пять „административныхъ округовъ", Буда-Пештскій, Пресбургскій, Эденбургскій, Кашаускій и Гросвардейнскій.

долга должна принять на себя Венгрія; 6) о приведеніи въ гармонію венгерскихъ и австрійскихъ законовъ. По рѣшеніи этихъ вопросовъ, будетъ уже возможно созвать сеймъ, короновать императора королемъ венгерскимъ и выбрать палатина.

«Записка оканчивается слѣдующими словами:

«Послѣдствія покажутъ, что конституціонная и федеративная связь между Венгріею, учрежденная прагматическою санкціею, дастъ имперіи болѣе внѣшняго могущества и внутренняго благоденствія, чѣмъ система централизаціи».

Изъ этого мы видимъ, что венгерцы самой умѣренной партіи требуютъ возстановленія отношеній, въ которыя стало ихъ отечество къ Австріи въ мартѣ 1848 года, когда Венгрія была провозглашена совершенно независимымъ отъ Австріи государствомъ, соединеннымъ съ другими австрійскими землями только единствомъ царствующаго лица, въ томъ родѣ, какъ Норвегія соединена со Швеціей. До 1848 года требованія консервативной партіи были умѣреннѣе. Относительно внутренняго устройства, принятаго Венгріею въ мартѣ 1848, замѣтимъ, что оно давало демократическому элементу перевѣсъ надъ аристократическимъ, господствовавшимъ до той поры, и было построено на самыхъ свободныхъ основаніяхъ. Само собою разумѣется, что вѣнское правительство никогда не можетъ согласиться ни на что подобное; а если таковы требованія самыхъ отсталыхъ людей самой консервативной партіи, не принимавшей участія въ венгерскомъ возстаніи и заслужившей тогда общую ненависть крайнимъ недостаткомъ либерализма и патріотизма, то легко можно заключить, что желанія громаднаго большинства венгерской націи идутъ гораздо далѣе и что габсбургская династія ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ примирить съ собою Венгрію.

Австрійское правительство говоритъ, что за потерю политическихъ правъ оно съ избыткомъ вознаградило Венгрію заботливостью своею о развитіи матеріальныхъ ея интересовъ. Но вотъ письмо Пештскаго корреспондента газеты Times.

«Органы австрійскаго правительства напрасно говорятъ, что нынѣшняя система была благопріятна развитію матеріальныхъ средствъ Венгріи. Матеріальные успѣхи, сдѣланные ею въ послѣднія десять лѣтъ, произведены не австрійскимъ правительствомъ, а просто тѣмъ общимъ европейскимъ прогрессомъ, который отразился и на Венгріи; а еще болѣе обязана своимъ развитіемъ Венгрія своему сейму 1848 года, который освободилъ крестьянъ. провозгласилъ равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и принялъ другія либеральныя мѣры. Матеріальное развитіе Венгріи было бы гораздо быстрѣе, если бы австрійское правительство не считало нужнымъ всячески задерживать его. Это правительство, напримѣръ, болѣе чѣмъ удвоило величину налоговъ въ послѣднія 10 лѣтъ; поземельная подать теперьтакъ тяжела, что большіе и малые собственники бросаютъ воздѣлываніе земли, по той простой причинѣ, что доходъ съ нея не окупаетъ налагаемой подати. Безпорядочное финансовое управленіе обременило Венгрію долгомъ, котораго не имѣла она десять лѣтъ тому назадъ, и лишило ее всей звонкой монеты, которая замѣнена упавшими въ цѣнѣ бумажными деньгами; отъ этого торговый балансъ очень не выгоденъ, а внутренній кредитъ совершенно разстроенъ. Словомъ сказать, Венгрія подверглась хищничеству во всѣхъ отношеніяхъ: въ національномъ, территоріальномъ, политическомъ и денежномъ; а между тѣмъ полуофиціальные органы вѣнскаго кабинета въ Прагѣ, въ Аграмѣ и въ другихъ городахъ отваживаются говорить о выгодахъ, доставленныхъ Венгріи австрійскимъ владычествомъ и даже—о Господи, твоя воля!—требовать благодарности отъ венгерцевъ».

Слова эти примѣняются и ко всѣмъ другимъ провинціямъ Австрійской имперіи: повсюду въ послѣднія 10 лѣтъ налоги удвоились или утроились, и все-таки доходовъ далеко не достаетъ на расходы. Разстройство финансовъ служитъ однимъ изъ главныхъ основаній предсказывать близкій переворотъ въ имперіи.

Читатель согласится, что теперь было бы поздно разсуждать о тѣхъ недавно еще хваленныхъ мѣрахъ, которыми вѣнское правительство думало поправить свои денежныя дѣла. Теперь каждый говоритъ, что всѣ эти похвалы чистый вздоръ. Съ 1848 г. расходы среднимъ числомъ были почти вдвое болѣе доходовъ. Вотъ общая таблица суммы доходовъ и расходовъ за восемь лѣтъ, съ начала 1848 до конца 1855, сообщаемая Чорнигомъ.

Всего получено доходовъ за эти 8 л.	1,652,565,419	флориновъ.
Обыкновенныхъ расходовъ за эти 8 лѣтъ было	2,005,137,304	„
Такимъ образомъ на покрытіе обыкновенныхъ расходовъ недоставало	352,571,885	„
Кромѣ обыкновенныхъ расходовъ было чрезвычайныхъ расходовъ на военныя и другія издержки .	977,908,240	„
Итого, весь дефицитъ за 8 лѣтъ .	1,330,480,125	„

Этотъ дефицитъ покрывался займами, заключаемыми на самыхъ разорительныхъ условіяхъ, выпускомъ бумажныхъ денегъ, вытѣснившихъ изъ обращенія звонкую монету, и разумѣется, упавшихъ въ курсѣ, продажею государственныхъ имуществъ по самой невыгодной цѣнѣ и назначеніемъ произвольныхъ поборовъ, подъ именемъ національныхъ займовъ. Изъ этихъ произвольныхъ поборовъ особенную знаменитость пріобрѣлъ въ послѣдніе мѣсяцы такъ называемый національный заемъ 1854 года, сущность котораго превосходно характеризуется одною фразою офиціальной книги Чорнига: „Его императорско-королевское величество повелѣлъ *наложеніе добровольнаго* займа (verordnete Seine k. k. Majestät die Auflegung eines freiwilligen Anlehens) въ размѣрѣ не менѣе 350 и не болѣе 500 мильоновъ флориновъ“. Дѣйствительно, сущность дѣла состояла въ томъ, что каждому общественному учрежденію и каждому частному лицу, имѣвшему деньги или предполагавшемуся имѣвшимъ деньги, было приказано добровольно взять приходившееся на него по раскладкѣ количество облигацій и уплатить за нихъ деньги. По австрійскимъ понятіямъ это совершенно въ порядкѣ вещей, и мы совершенно сходимся въ этихъ понятіяхъ съ австрійцами. Но что же обнаружилось нынѣ осенью? Вмѣсто 500 мил., показывавшихся по отчетамъ, было взято 611 мил., то есть взято добровольныхъ пожертвованій цѣлыми 111 мильонами больше, чѣмъ слѣдовало взять по самому предписанію о добровольномъ займѣ. Европейскія биржи ужаснулись и начали говорить, что теперь нельзя уже имѣть ровно никакого довѣрія къ австрійскимъ финансамъ, потому что финансовыя операціи производятся фальшивымъ образомъ и въ отчетахъ выставляются

фальшивыя цифры. Мы не понимаемъ хорошенько, для чего горячиться изъ-за невѣрности цифръ въ такихъ документахъ, которые составляются совершенно произвольнымъ образомъ. Если вѣнское правительство можетъ налагать какія ему угодно подати, если оно можетъ расходовать деньги какъ ему угодно, то разумѣется можетъ и говорить объ этихъ доходахъ и расходахъ, какъ ему угодно: произволъ въ словахъ вещь совершенно ничтожная по сравненію съ произволомъ въ поступкахъ. Министръ финансовъ, говорятъ европейскія биржи, обманулъ Австрію и Европу на 111 мильоновъ; но велика ли тутъ важность, когда вѣнское правительство въ восемь лѣтъ израсходовало 1,300 мильоновъ, которыхъ не имѣло, стало быть, по настоящему, и не могло расходовать? Къ чему кричать о какой нибудь разницѣ въ одновременномъ поборѣ на 111 мильоновъ, когда, благодаря всему характеру австрійскаго хозяйства, ежегодные расходы по платежу процентовъ государственнаго долга въ десять лѣтъ увеличились на 63 мильона? Дѣйствительно, въ 1848 году проценты австрійскаго долга составляли 33 мильона, а въ 1858 году 96 мильоновъ; сумма долга, къ 1848 г. составлявшая 666 мильоновъ, къ 1858 г. простиралась до 1,733 мильоновъ. Намъ кажется, что при такомъ хозяйствѣ, при которомъ въ десять лѣтъ долгъ возрастаетъ въ два съ половиною раза, нечего уже толковать ни о какихъ фальшахъ и обманахъ.

Но банкиры, конечно по ограниченности своихъ понятій, судятъ иначе, и вслѣдъ за ними вся австрійская публика возопила, что Брука совершилъ неслыханно безчестное дѣло, когда обнаружилось, мѣсяца два тому назадъ, что онъ пять лѣтъ обманывалъ Австрію и Европу на 111 мильоновъ. Всѣ заговорили, что такого обманщика нельзя терпѣть въ должности министра. Нѣсколько времени были увѣрены, что Брукъ получитъ отставку. Но онъ не получалъ никакихъ намековъ о томъ, что ему грозитъ немилость. Для очищенія совѣсти, онъ самъ подалъ въ отставку,—но его просьба не была принята; напротивъ, императоръ сказалъ, что его довѣріе къ Бруку сохраняется неизмѣннымъ. Брукъ остался.

Конечно такое „торжество порока“ еще усилило общіе крики о безнадежности и безнравственности положенія, въ которомъ держитъ себя австрійское правительство. Но полуофиціальные органы австрійскаго правительства находятъ прекрасныя извиненія для поступка, столь жестоко осуждаемаго биржами и публикою. Франкфуртскій „Акціонеръ“ говоритъ, что когда государство и Вѣнскій банкъ сводили свои счеты въ 1855 году, часть національнаго займа 1854 г. была предназначена для выкупа бумажныхъ денегъ. „Когда начался выкупъ ихъ, оказалось, что одинъ изъ разрядовъ бумажныхъ денегъ остался пропущенъ въ расчетахъ. Сумма эта простиралась до 60.000,000 и необходимо было собрать ее, чтобы банкъ возобновилъ платежи. Сдѣлать тогда новый заемъ не оказалось возможности, потому министръ финансовъ прибѣгъ къ отчаянному средству получить деньги тайнымъ увеличеніемъ національнаго займа. Излишекъ его облигацій, выпущенный тайно, былъ передaнъ иностраннымъ капиталистамъ, у которыхъ баронъ Брукъ предполагалъ постепенно выкупить ихъ. Но когда война разстроила этотъ планъ, онъ объявилъ публикѣ истинное положеніе дѣлъ. Ошибка, изъ которой возникла необходимость тайнаго займа, была сдѣлана чиновникомъ, который прежде оказалъ

такія великія услуги государству, что баронъ Брукъ почелъ обязанностью чести принять порицаніе на себя“. Финансовые люди говорятъ, что это оправданіе сочинено неправдоподобнымъ образомъ; что порядокъ, по которому составляются смѣты и расчеты, не допускаетъ возможности подобныхъ пропусковъ при вычисленіи количества выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. „Аугсбургская газета“ представила другое оправданіе: она не говоритъ ни о пропускѣ въ смѣтѣ, ни о выкупѣ бумажныхъ денегъ, а просто говоритъ, что понадобилось больше денегъ на расходы, чѣмъ предполагали при наложеніи національнаго займа, что заключать иностранный заемъ было бы невыгодно, и тайнымъ расширеніемъ принужденнаго займа баронъ Брукъ оказалъ государству великую услугу, доставивъ ему деньги на условіяхъ болѣе выгодныхъ. Вѣнскія газеты прибавляютъ, что этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи Австріи: если вмѣсто 500 мильоновъ, говорятъ онѣ, можно было взять взять болѣе 600 мильоновъ, это служитъ поразительнѣйшимъ доказательствомъ того, какъ много денегъ въ Австріи, и ручательствомъ того, что правительство можетъ брать ихъ сколько ему понадобится, стало быть, не страшны ему никакіе дефициты. Съ этимъ нельзя не согласиться. Пока у австрійскихъ подданныхъ есть товары, дома, земли, разумѣется, можно брать съ нихъ деньги, и пока правительство будетъ безбоязненно брать у подданныхъ столько денегъ, сколько захочетъ, оно, конечно можетъ расходовать вдвое противъ своихъ правильныхъ доходовъ. Такимъ образомъ самое дѣло свидѣтельствуетъ въ пользу австрійскаго благоденствія. Остается только защитить личный характеръ министра. Это можно сдѣлать въ двухъ словахъ: увеличивъ тайнымъ образомъ заемъ, онъ поступилъ не по собственной волѣ, а по требованію и положительному разрѣшенію императора.

Ставъ на такую точку зрѣнія, мы ни мало не смутимся перспективой, которая предстоитъ австрійскимъ финансамъ при нынѣшней системѣ. Перспектива эта превосходно объяснена статьею, которая помѣщена въ „Аугсбургской газетѣ“ и очевидно прислана полуофиціальнымъ образомъ отъ австрійскаго правительства. Она доказываетъ, что расходы никакъ не могутъ быть уменьшены, но что Австрія богата и не должна бояться дефицитовъ, безъ которыхъ обойтись нельзя. Дѣйствительно, дефициты съ каждымъ годомъ возрастаютъ, и теперь австрійскій государственный долгъ по предположеніямъ банкировъ долженъ быть цѣлою третью выше того, чѣмъ былъ два года назадъ: въ 1858 году онъ считался, какъ мы говорили, въ 1733 мильона; къ нимъ надобно прибавить недавно открывшіеся 111 мильоновъ тайнаго займа, всего около 1850 мильоновъ. Въ два послѣдніе года должно было прибавиться къ нему еще 600 мильоновъ. Новаго тутъ ничего нѣтъ: мы видѣли, что и въ прежніе годы дефициты среднимъ числомъ были около 200 мильоновъ ежегодно. Если такой порядокъ могъ держаться вотъ уже цѣлыхъ 11 лѣтъ, то почему же онъ не можетъ держаться еще 11, или 20, или 30 лѣтъ? У австрійскихъ подданныхъ есть имущество, слѣдовательно у казны есть источникъ для добыванія денегъ, лишь была бы охота брать ихъ, а въ охотѣ брать деньги недостатка нѣтъ.

Послѣ этого не нужно будетъ огорчаться намъ и другимъ друзьямъ Австріи если окажется безсиліе австрійскаго правительства провести дѣло,

за которое оно взялось, будучи встревожено ропотомъ при открытіи тайнаго займа. Императоръ австрійскій приказалъ назначить новую комиссію по финансовымъ дѣламъ и приказалъ, чтобы на слѣдующій финансовый годъ эта комиссія составила бюджетъ, въ которомъ не было бы дефицита. Благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ въ государственномъ счетоводствѣ, составленіе такого бюджета самая легкая вещь. Нужно только отдѣлить весь излишекъ расходовъ противъ доходовъ и не вносить этого излишка въ бюджетъ, назвавъ всѣ эти лишніе расходы экстренными, не входящими въ разсчетъ обыкновенныхъ расходовъ. Тогда, подъ названіемъ обыкновенныхъ расходовъ, останется въ бюджетѣ такая сумма, которая будетъ покрываться доходами.

Общее отношеніе правительства къ странѣ характеризуется его отношеніемъ къ печатному выраженію мнѣній. Свобода, которою пользуется публицистика, бываетъ соразмѣрна съ увѣренностью правительства въ томъ, что коренныя учрежденія государства соотвѣтствуютъ желаніямъ населенія. Стѣснительныя мѣры противъ журналистики служатъ выраженіемъ того, что правительство чувствуетъ шаткость основаній, на которыхъ держится. Потому австрійская журналистика всегда находилась въ стѣсненномъ положеніи. Послѣ войны австрійскій кабинетъ, вынужденный къ нѣкоторымъ наружнымъ уступкамъ для смягченія общаго ропота, долженъ былъ допустить газеты къ обсужденію нѣкоторыхъ предметовъ, споры о которыхъ не дозволялись прежде. Теперь, оправившись отъ перваго смущенія, онъ не захотѣлъ отнять у газетъ ту гомеопатическую дозу свободы, которой онѣ пользовались недолгое время. 29-го ноября явилось министерское распоряженіе въ дополненіе къ закону 1852 года, относительно политическихъ газетъ. Оно состоитъ изъ четырехъ параграфовъ: два первые содержатъ въ себѣ неопредѣленныя фразы, имѣющія нѣкоторый оттѣнокъ либерализма и служащія прикрытіемъ для другихъ двухъ параграфовъ, въ которыхъ находится истинное содержаніе новаго постановленія. Третій и четвертый параграфы говорятъ о наказаніяхъ за напечатаніе недостовѣрныхъ извѣстій или свѣдѣній, составляющихъ правительственную тайну, или словъ, могущихъ быть оскорбительными для правительственныхъ или частныхъ лицъ. Эти правила составлены такъ, что каждое сужденіе и каждое извѣстіе можетъ быть подведено подъ нихъ. Изъ писемъ вѣнскаго корреспондента „Times'а“ мы беремъ извѣстія о дѣйствіи, произведенномъ на публику этимъ постановленіемъ.

«Вѣна, 30 ноября».

«Третій и четвертый параграфы напечатаннаго вчера министерскаго распоряженія произвели чрезвычайно дурное впечатлѣніе въ публикѣ, которая открыто говоритъ теперь, что ея правители «неисправимы». Венгерцы, живущіе въ Вѣнѣ, радуются тому, что правительство приняло такую мѣру, значительно увеличивающую его непопулярность въ Австріи и отвращающую отъ него симпатію въ Германіи. Когда графъ Рехбергъ вступилъ въ должность, онъ представлялся человѣкомъ проницательнымъ, но теперь, повидимому, сталъ глухъ и слѣпъ ко всему, что происходитъ вокругъ него. Какое впечатлѣніе произведено въ вѣнской журналистикѣ новымъ распоряженіемъ, можно судить по статьямъ, напечатаннымъ нынѣ въ «Wanderer» и «Presse». «Presse» спрашиваетъ, возможно ли существовать газетамъ при такихъ стѣсненіяхъ, говоритъ,

что онѣ должны потерять всякую самостоятельность и продолжаетъ: «правительство, обѣщавшее соблюдать законность въ отношеніи газетъ, не можетъ приводить въ исполненіе такихъ распоряженій». «Wanderer» говоритъ тоже самое.

Вотъ отрывокъ изъ слѣдующаго письма того же корреспондента.

«Вѣна. 2 декабря.

«Министерское распоряженіе, служащее дополненіемъ къ закону о тисненіи 1852 года, продолжаетъ сильно занимать вѣнскую публику, которая открыто объявляетъ, что ничего хорошаго нельзя ожидать отъ людей, издающихъ такія нелиберальныя и іезуитскія постановленія. Уважаемые юристы утверждаютъ, что это постановленіе противорѣчитъ уголовному кодексу и потому не можетъ быть исполняемо. Но судьи въ Австріи теперь менѣе независимы, чѣмъ прежде, и можно ожидать, что нѣкоторые изъ нихъ пожертвуютъ строгою законностью, чтобы избѣжать опасности лишиться мѣста. Но говорятъ, что судьи были бы правы, если бы объявили новое министерское распоряженіе противозаконнымъ. Всѣ газеты громко жалуются на него. Люди, желающіе извинять поступокъ министерства, говорятъ, что правительство будетъ «законнымъ порядкомъ» преслѣдовать нарушителей новаго распоряженія: но они забываютъ недавній случай, бывшій въ Прагѣ. Судъ, состоявшій изъ четырехъ или пяти членовъ, рѣшилъ одно дѣло не по желанію министра фонъ-Баха—и судьи были отставлены. Впрочемъ, это возбудило въ судейскомъ мірѣ такое всеобщее негодованіе, что правительство скоро было принуждено возвратить должности судьямъ, отрѣшеннымъ за соблюденіе справедливости. Правительство продолжаетъ думать, что приняло хорошую мѣру, но оно скоро почувствуетъ, что сдѣлало страшную ошибку: оно дало сильное оружіе своимъ врагамъ, которые не замедлятъ имъ воспользоваться. Австрійскія газеты такъ негодуютъ на новое распоряженіе, что конечно не станутъ поддерживать ни одной изъ будущихъ мѣръ правительства».

«Графъ Рехбергъ и баронъ Тьерри, министръ полиціи (продолжаетъ тотъ же корреспондентъ въ письмѣ 5 декабря), должны знать, что время теперь очень неблагопріятно для ссоръ съ газетами; но они подчинены требованіямъ двора и іезуитской партіи. Когда соберется конгрессъ, Австріи будетъ очень нужна помощь ея газетъ, но она не будетъ имѣть отъ нихъ помощи: публицисты рѣшились доказать графу Рехбергу и его товарищамъ, что они не простыя машины. Правительство воображаетъ, что подчинило журналистику своей власти; но оно скоро увидитъ, что ошибается. У правительственныхъ лицъ на языкѣ постоянно патріотизмъ и они постоянно жалуются на то, что находятъ его въ Австріи такъ мало; они должны были бы знать, что жители многихъ провинцій открыто и публично объявляютъ, что устали терпѣть нынѣшній порядокъ дѣлъ и желаютъ перемѣны. Люди, посѣщающіе кофейныя и трактиры столицы, говорятъ, что трудно рѣшить, военные или статскіе сильнѣе бранятъ правительство. Знатные и простолюдины, богатые и бѣдные, всѣ ропщутъ, и господствующее впечатлѣніе то, «что Австрія разваливается»,—я употребляю выраженіе, сказанное мнѣ однимъ изъ богатыхъ и очень уважаемыхъ людей».

«Министерское распоряженіе относительно журналистики (продолжаетъ тотъ же корреспондентъ въ письмѣ отъ 6 декабря) произвело чрезвычайно дурное впечатлѣніе въ Германіи, и нѣмецкія газеты уже выразили, что не могутъ имѣть ни малѣйшаго довѣрія къ кабинету, который доказалъ, что превосходитъ своею реакціонностью даже кабинетъ ему предшествовавшій. Можетъ быть, что онъ произведетъ нѣсколько неважныхъ реформъ; но нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности, чтобы онъ произвелъ какую нибудь важную перемѣну въ прежней системѣ, если не произойдетъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ событій. Непопулярность правительства чрезвычайно велика и публика говоритъ такимъ языкомъ, что мнѣ кажется, будто народъ, отчаявшись въ улучшеніяхъ желаетъ насильственнаго расторженія имперіи. Прежде никогда нельзя было услышать враждебнаго слова противъ династіи, но теперь выражаются о ней такимъ языкомъ,

котораго я не хочу повторять. Требованія венгровъ возрастаютъ и нѣкоторые изъ ихъ предводителей говорятъ теперь, что возстановленіе конституціи будетъ недостаточно «безъ гарантіи другихъ державъ».

Всеобщее неудовольствіе во всѣхъ областяхъ, волненіе въ земляхъ бывшаго венгерскаго королевства, страшное финансовое положеніе, поправить котораго нѣтъ возможности,—вотъ факты, которыхъ мы ни мало не отрицаемъ; прибавимъ даже, что не находимъ никакой возможности устранить ихъ при нынѣшней системѣ. Венгрія не примирится съ австрійскимъ порядкомъ никогда. Въ другихъ провинціяхъ будутъ съ каждымъ годомъ распространяться чувства, господствующія нынѣ въ Венгріи; съ каждымъ годомъ нынѣшній порядокъ дѣлъ будетъ все исключительнѣе поддерживаться только вооруженною силою; военный деспотизмъ и беззаконное управленіе съ каждымъ годомъ будутъ все увеличивать дефициты и изнурять всѣ области. Но что жь изъ того? Развѣ въ массахъ распространилось ясное убѣжденіе, что подобный порядокъ дѣлъ неизбѣженъ при существованіи Габсбургскаго дома? Вовсе нѣтъ. Правда, въ одномъ изъ переведенныхъ нами писемъ говорится, что теперь не рѣдкость услышать въ Вѣнѣ враждебныя выраженія о династіи. Но во-первыхъ, въ какомъ кругу они слышатся? Въ какомъ нибудь такъ называемомъ образованномъ обществѣ, которое составляетъ незамѣтную каплю въ морѣ населенія. Во-вторыхъ, даже изъ этой горсти людей, очень не многіе произносятъ свои слова съ прямымъ и твердымъ убѣжденіемъ, а почти всѣ другіе только такъ-себѣ, болтаютъ на досугѣ, вовсе не будучи непоколебимы въ такихъ мысляхъ; напротивъ, оставаясь въ душѣ вѣрными подданными. Людей, которыхъ династія могла бы дѣйствительно считать своими врагами, въ Австріи очень мало. Мы уже не говоримъ о Тиролѣ и о другихъ нѣмецкихъ областяхъ, не говоримъ о южныхъ австрійскихъ славянахъ, которые обвиняютъ во всемъ только министровъ и генераловъ, совѣтниковъ и исполнителей.. Обратимъ вниманіе на темныя чувства или предразсудки огромнаго большинства населенія даже въ тѣхъ областяхъ, которыя называются наиболѣе враждебными австрійскому правительству. Возьмемъ въ примѣръ Богемію и Венгрію. Чего хотятъ чехи? Быть отдѣльнымъ королевствомъ, находящимся въ федеративномъ отношеніи къ другимъ австрійскимъ областямъ, имѣя только то общее съ ними, что король чешскій въ то же время будетъ королемъ венгерскимъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ, королемъ далматскимъ, и прочее. Того же хочетъ и Венгрія. Что жь изъ этого слѣдуетъ? Власть оставалась бы все-таки въ тѣхъ же рукахъ, какъ теперь. Династія не могла бы примириться съ униженіемъ, которому подвергало бы ее федеративное и конституціонное устройство. Имѣя въ своемъ распоряженіи войско и администрацію, она не замедлила бы возстановить нынѣшній порядокъ вещей болѣе выгодный для нея. Потому мы думаемъ, что существенной перемѣны въ положеніи австрійскихъ земель нельзя ожидать раньше того очень продолжительнаго срока, пока въ массахъ созрѣютъ и упрочатся привычкой совершенно новыя убѣжденія о нынѣшней австрійской династіи. При ней невозможенъ никакой иной порядокъ вещей, кромѣ нынѣшняго. „Ничто не вѣчно подъ луной“, потому и Австрія когда нибудь разрушится, мы даже положительно убѣждены, что это неизбѣжно. Но

продолжительность времени, нужная для перемѣны укоренившихся предубѣжденій, внушаетъ намъ отрадную увѣренность, что на нашъ вѣкъ еще продолжится нынѣшнее австрійское хозяйничанье и благополучно переживетъ тѣ опасности, какимъ можетъ подвергнуться въ болѣе или менѣе скоромъ времени: вѣдь, пережила же Австрія наполеоновскій разгромъ, пережила 1848 годъ; будемъ надѣяться, что жизненной силы нынѣшнихъ предубѣжденій достанетъ на перенесеніе еще нѣсколькихъ подобныхъ пароксизмовъ. Но само собою разумѣется, что послѣ каждаго пароксизма предубѣжденія ослабѣваютъ и раньше или позже ослабѣютъ до такой степени, что явится возможность прочно утвердиться новому лучшему порядку вещей.

Противоположность между англійскою и французскою политикою въ итальянскомъ вопросѣ послужила для французскихъ правительственныхъ газетъ формальнымъ предлогомъ къ нападеніямъ на Англію, которыми усилились постоянныя опасенія англичанъ, что императоръ французовъ думаетъ начать войну съ Англіею. Печатный ходъ этого дѣла соотвѣтствуетъ обыкновенному способу, которымъ императоръ французовъ подготовляетъ свою націю къ дѣламъ, нужнымъ по его соображенію. Читатель знаетъ, что когда приготовленія требуютъ долгаго времени, можно провесть его слѣдующимъ образомъ: сначала выставить причины къ неудовольствію, онѣ дадутъ право дѣлать вооруженія; но для успокоенія противника черезъ нѣсколько времени можно показать въ словахъ уступчивость и прекратить полемику; это не помѣшаетъ продолжать вооруженія. Такая смѣна угрозъ и мягкости можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вооруженія будутъ кончены и наступитъ удобное время дѣйствовать рѣшительно. Теперь отношенія Франціи къ Англіи находятся въ періодѣ мягкости, которая была введена въ нихъ, главнымъ образомъ, статьею Times'а, требовавшею объясненія враждебнаго тона, принятаго французскими правительственными газетами. Французское правительство отвѣчало на это раскрытіе его намѣреній циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ къ французскимъ префектамъ, которымъ предписывалось увѣдомить зависящія отъ нихъ газеты, чтобы онѣ остановили свою полемику противъ Англіи. Это было въ половинѣ ноября новаго стиля, и послѣ того до сихъ поръ продолжается затишье. Но мы не можемъ примѣнять тона и содержанія своихъ ежемѣсячныхъ обозрѣній къ ежедневнымъ перемѣнамъ тона въ газетахъ, и по необходимости должны болѣе держаться общаго, довольно медленнаго развитія въ характерѣ отношеній. Читатель знаетъ, что въ послѣдніе два года общею чертою ихъ было непрерывное усиленіе морскихъ вооруженій Франціи и увѣренности, что они имѣютъ цѣлью войну съ Англіей. Потому, не увлекаясь кратковременнымъ и наружнымъ прекращеніемъ недовѣрчивости, мы скажемъ нѣсколько словъ о фактахъ, изъ которыхъ выводятъ заключеніе о намѣреніи императора французовъ воевать съ англичанами. Прежде всего, мы приведемъ извлеченіе изъ статьи, помѣщенной въ Révue Indépendante. Этотъ журналъ служитъ органомъ орлеанистовъ, которые не одобряютъ никакихъ ссоръ съ Англіею.

«Неизбѣжность войны съ Англіею служитъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ во Франціи, всѣ говорятъ, что она была бы очень популярна. А еслибъ она и не была теперь популярна, легко было бы принять средства, чтобы дать ей популярность.

Несмотря на сорока-пяти-лѣтній миръ, старая національная вражда еще не погасла во французахъ. Особенно сохраняетъ она полную свою силу по всему прибрежью отъ Дюнкирхена до Байонны, и считается патріотическою добродѣтелью. Это очевидно изъ тона статей противъ Англіи. въ газетахъ, руководимыхъ правительствомъ. Люди, близко знакомые съ берегами ла-Манша, Нормандіи и Бретани говорятъ, что ожесточенныя нападенія на Англію въ правительственныхъ газетахъ симпатично принимались прибрежнымъ населеніемъ. Тоже самое въ Парижѣ. Вражда противъ Англіи, пробуждаемая тайными поощреніями, усиливается съ каждымъ днемъ, и англичане, пріѣзжающіе по дѣламъ въ Парижъ, говорятъ, что не находятъ такого пріема тамъ, какъ прежде. Въ высшихъ административныхъ кругахъ, въ арміи, во флотѣ, между работниками и торговцами постоянно идутъ объ этомъ толки, и всѣ согласны, что если война съ Англіею будетъ отложена, то единственно по неоконченности приготовленій и по необходимости выбрать время. Содѣйствіе французовъ англичанамъ въ Китайской войнѣ, по общему мнѣнію, служитъ только къ замаскированію плана, и чѣмъ сильнѣе говорятъ объ этомъ содѣйствіи, тѣмъ лучше достигается эта цѣль.

«Желаніе войны съ Англіею очень понятно. Не говоря уже о чувствахъ особенной вражды къ Англіи, громадная армія изъ 600,000 или 700,000 человѣкъ, упоенныхъ ласкательствомъ и жаждущихъ повышенія, натурально хочетъ имѣть дѣло. Но отъ рядового до генерала, все войско желаетъ войны именно съ Англіею. Какъ о чрезвычайномъ исключеніи, говорятъ о словахъ одного генерала, который имѣлъ мужество объявить, что въ случаѣ войны съ Англіею, онъ выйдетъ въ отставку. Но общее чувство арміи восхищается мыслью о высадкѣ въ Англію,—объ этомъ дѣлѣ, которое «не удалось первой имперіи, но должно быть исполнено второю». 20 августа былъ данъ въ Версали обѣдъ 6,500 императорскихъ гвардейцевъ. Столы были разставлены въ оранжереѣ, и каждый солдатъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, подъ командою своего офицера. Въ концѣ обѣда, публикѣ позволили войти въ толпы солдатъ и разговаривать съ ними. Одинъ изъ числа публики подошелъ къ зуаву, съ огромнымъ шрамомъ на лицѣ, и сказалъ: «Мой другъ, вы можете гордиться своею раною, и она не портитъ вашего вида, хотя вы потеряли отъ нея глазъ. Вы довольно уже сражались на свой вѣкъ».—«Довольно? Нѣтъ; если мѣсяца черезъ четыре, какъ мы надѣемся, насъ поведутъ въ Англію, я попрошу, чтобы меня поставили первымъ». Разсказываютъ много такихъ разговоровъ. Другой зуавъ удивилъ даму, подлѣ которой сидѣлъ въ вагонѣ, объявивъ ей, что французская армія опять будетъ въ дѣлѣ на слѣдующую весну.—«Мы идемъ въ Англію».—«Въ Англію»! воскликнула изумленная дама.—«Да, madame, въ Англію, на слѣдующую весну».—«Зачѣмъ же»?—«Отмстить за себя, отмстить»!—«За что же отмстить? Франція и Англія въ союзѣ. Онѣ не могутъ воевать».—Будутъ воевать, madame. Я знаю англичанъ. Они хорошіе солдаты. Мы ихъ уважемъ, но ненавидимъ. Безъ войны нельзя».—«Но за что же будетъ война? Я не понимаю».—«А вотъ за что, madame. Мы побили Австрію за то, что она притѣсняла бѣдную Италію; теперь надобно побить Англію, за то, что притѣсняетъ Индію и несчастную Ирландію».—«Въ Англію перейдти не легко».—«Да, не легко, но все равно, мы перейдемъ, и я, вашъ покорнѣйшій слуга, первый, прошу, чтобы насъ повели туда. Надѣюсь, этого хочу не я одинъ».—«Разумѣется, не вы одинъ, подтвердилъ стрѣлковый сержантъ, сидѣвшій подлѣ;—всѣ хотятъ идти въ Англію». Вотъ образецъ солдатскихъ разговоровъ. Армія единодушно хочетъ войны; флотъ также: у него есть на это собственныя причины. Въ войнахъ первой имперіи, французскій флотъ терпѣлъ сильнѣйшія пораженія, и жажда мщенія въ немъ имѣетъ двойную силу. Матросы съ восторгомъ говорятъ, какъ они перевезутъ войско въ Англію. Но хладнокровнѣйшіе изъ нихъ замѣчаютъ, что Франція не можетъ начать войну ранѣе 1861 года, потому что нужно не менѣе полутора года для заготовленія каменнаго угля. Брестъ, годичный запасъ котораго простирался прежде только до 5,000 тоннъ, имѣетъ теперь до 50,000 тоннъ каменнаго угля; въ Шербургѣ также собранъ большой запасъ, но эти количества считаются недостаточными.

«Духовенство не уступаетъ своею ревностью флоту и арміи. Univers приходитъ въ бѣшенство при одномъ имени Англіи, а эта газета служитъ вѣрнымъ органомъ

клерикальной партіи. Крестовый походъ противъ протестантовъ-англичанъ восхитилъ бы ее. Теперь французское духовенство раздражено тѣмъ, что правительство медлитъ возвратить подъ властъ папы возмутившуюся Романью. Война съ Англіею самое лучшее средство вновь пріобрѣсти поддержку отъ ультрамонтанцевъ. Тогда миссіонеры станутъ въ ряды зуавовъ. Общественное мнѣніе сначала сильно было противъ Итальянской войны, и даже по совершенномъ измѣненіи его, множество набожныхъ людей остались враждебны политикѣ императора. Такой оппозиціи не будетъ при войнѣ съ Англіею; когда духовенство и армія соединяются, ихъ желаніе неодолимо.

«Говорятъ, что даже тѣ классы, которые считаются непримиримо враждебными императору, одобряютъ эту войну. Легитимисты ненавидятъ Англію, такъ что за войну съ нею готовы примириться съ императоромъ; это будетъ патріотическимъ поводомъ войти въ милость къ нему, котораго они давно ждутъ.

«Такимъ образомъ, императоръ французовъ можетъ удовлетворить армію и флотъ, принести удовольствіе духовенству, привлечь къ себѣ легитимистовъ и получить единодушное одобреніе народа. Эта цѣль такъ искусительна, что нельзя не придавать важности словамъ и дѣйствіямъ императора, соотвѣтствующимъ ей. Рядъ этихъ признаковъ начинается словами, которыя Луи Наполеонъ произнесъ передъ палатою пэровъ, судившею его при Луи-Филиппѣ за намѣреніе произвести возмущеніе во Франціи Я «представитель пораженія, которое должно быть отомщено. Это пораженіе—Ватерлоо». Будучи президентомъ республики, Луи-Наполеонъ не разъ и не одному человѣку говорилъ, что возстановленіе имперіи можетъ имѣть одну цѣль: отмщеніе за Ватерлоо и за святую Елену. По возстановленіи имперіи, учрежденіе медали св. Елены служило несомнѣннымъ признакомъ намѣреній его. Зачѣмъ было выбирать такое имя для напоминанія о славѣ первой имперіи, учрежденной его дядею? Что напоминается этимъ именемъ? Оно говоритъ о пораженіи Франціи, о побѣдѣ Англіи, объ униженіи Наполеона I. Зачѣмъ напоминать о такомъ фактѣ, если не имѣть намѣренія воспользоваться имъ? Это намѣреніе состоитъ въ возбужденіи вражды противъ Англіи, въ подготовленіи націи къ войнѣ. Раздоръ съ Англіею въ началѣ прошлаго года, когда Наполеонъ III требовалъ усиленія наказаній противъ заговорщиковъ (Conspiracy Bill) присоединилъ къ политическимъ причинамъ вражды личное неудовольствіе. Послѣ покушенія Орсини онъ окончательно рѣшился воевать съ Англіею, которая служитъ убѣжищемъ для его враговъ. Послѣ того, когда онъ упоминалъ о союзѣ съ Англіею, онъ горько жаловался на то, что этотъ союзъ принуждаетъ его приносить слишкомъ большія жертвы. Съ той поры приготовленія къ войнѣ съ Англіею идутъ безостановочно».

Людей, желающихъ непрерывнаго мира съ Англіей, во Франціи очень много; и англичане справедливо думаютъ, что всегда будутъ имѣть за себя, т. е. за сохраненіе мира, значительную партію въ самой Франціи. Но національные предразсудки и во Франціи, какъ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, такъ еще сильны, что по ложному понятію о національной славѣ, будто бы пріобрѣтаемой побѣдою, и будто бы помрачаемой военными неудачами, готовы поддерживать враговъ Англіи множество французовъ, которые по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, никакъ не должны были бы дѣлать этого. Любопытнымъ примѣромъ тому явился Журденъ, одинъ изъ сотрудниковъ газеты Siècle. Онъ также вздумалъ неистовствовать противъ англичанъ. Его сотрудники по газетѣ почли неприличнымъ и вреднымъ соглашаться на эту патріотическую фантазію, и потому Журденъ излилъ свои чувства въ особенной брошюрѣ, которую назвалъ „Война англичанину!“— la guerre à l'Anglais. Самъ по себѣ его памфлетъ не замѣчателенъ и подвергся такому блестящему опроверженію отъ его пріятеля Пейра, въ газетѣ Presse, что самъ Журденъ устыдился своей дикой выходки и сталъ извиняться въ ней. Но мы приведемъ изъ его брошюры одинъ отрывокъ, который

можетъ служить свидѣтельствомъ, что, несмотря на всѣ жалобы французскихъ писателей, публицистика пользуется во Франціи значительною степенью свободы Журденъ сравниваетъ Францію съ Англіей въ разныхъ отношеніяхъ и во всемъ находитъ преимущество на сторонѣ своей родины. По своему республиканскому образу мыслей, онъ съ особенною любовью останавливается на томъ, что во Франціи болѣе равенства, нежели въ Англіи; но въ одномъ отношеніи онъ принужденъ отдать преимущество Англіи; и вотъ изъ его памфлета отрывокъ, служащій заключеніемъ этого отдѣла:

«Англія имѣетъ надъ нами (французами) только одно дѣйствительное, несомнѣнное, безспорное преимущество. Она имѣетъ свободу въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова,— свободу печати, свободу политическихъ собраній и союзовъ. Этому пріобрѣтенію она обязана своимъ могуществомъ. Свобода и равенство въ арсеналѣ нравственной силы то же самое, что нарѣзныя пушки и паръ въ арсеналѣ матеріальной силы.

«Равенство пріобрѣтено нашими отцами. Оно вошло въ наши нравы, наши учрежденія, наши законы, и не можетъ быть искоренено. Англія имѣетъ свободу—почему же и мы не должны имѣть ея? Зачѣмъ намъ оставаться лишенными такой наступательной и оборонительной силы? Англія не замедлила заимствовать у насъ наши нарѣзныя пушки; почему же намъ не заимствовать у нея оружія въ тысячу разъ болѣе вѣрнаго и полезнаго, оружія, которое творитъ, а не истребляетъ, которое созидаетъ, а не разрушаетъ?

«Какъ можемъ мы оставлять союзнику, который завтра можетъ стать врагомъ, исключительное обладаніе благомъ, которое мы можемъ принять и пользованіе которымъ привычно намъ?

«Мы говорили, что Англія имѣетъ только одно преимущество надъ нами; но оно таково, что въ данный день можетъ оказать сокрушительную силу. Можемъ ли имѣть его, можемъ ли пользоваться имъ? Да, потому что оно представляетъ непобѣдимую силу.

«Мы должны обладать свободою, должны вписать ее въ наши кодексы, потому что она столь могущественное оружіе. Англійское правительство думаетъ, что въ случаѣ столкновенія будетъ сильнѣе насъ и всей Европы, потому что видитъ Европу лишенной столь сильнаго оружія. Облечемся же въ это оружіе».

Многіе полагаютъ, что англичане боятся исхода войны, когда постоянно высказываютъ такое сильное безпокойство относительно намѣреній императора французовъ. Это совершенно несправедливо. Они очень хорошо чувствуютъ, что какъ бы сильна ни была армія, высадившаяся на ихъ берега, черезъ мѣсяцъ не останется въ Англіи ни одного непріятеля. Они опасаются высадки только потому, что какъ бы малъ ни былъ округъ, которымъ непріятель успѣетъ овладѣть на нѣсколько дней, онъ разореніемъ этого округа нанесетъ націи громадный убытокъ: опустошеніе одного англійскаго графства, говорятъ они, будетъ стоить націи дороже, нежели вся индійская война.

Мы не считаемъ нужнымъ подробно разсказывать о томъ, какъ четыре Ливерпульскіе купца прибѣгли къ странному способу узнать степень основательности общихъ опасеній; какъ они отправили къ императору Наполеону письмо съ вопросомъ, дѣйствительно ли думаетъ онъ сдѣлать высадку, и какъ секретарь Наполеона, Моккаръ, отвѣчалъ имъ, что такого намѣренія никогда не было у императора французовъ. Разумѣется, нелѣпый поступокъ былъ всѣми осмѣянъ и отвѣтъ Моккара не измѣнилъ мыслей ни въ комъ. Принуждаемая примѣромъ Франціи, Англія дѣятельно усиливаетъ свой флотъ и свои укрѣпленія. Чита-

тель знаетъ, что въ послѣднее время опредѣлено англійскимъ правительствомъ усилить регулярное войско 30 новыми батальонами и приняты разныя мѣры для образованія огромнаго резерва матросовъ, которымъ Англія могла бы располагать въ случаѣ войны. Но еще больше этихъ мѣръ будетъ способствовать возвышенію военныхъ силъ Англіи реформа, которая равно хороша и для войны и для мира.

Духъ войска, главное условіе его силы, возвышается соразмѣрно чувству собственнаго достоинства въ солдатѣ. До сихъ поръ въ англійской арміи сохранялось тѣлесное наказаніе, столь противное здравому смыслу и политической расчетливости, не говоря уже о гуманныхъ принципахъ. Правда, оно употреблялось рѣдко, назначалось не иначе какъ по суду и ограничивалось числомъ ударовъ, ничтожнымъ по сравненію съ кодексами другихъ армій, сохраняющихъ это неблагоразумное средство наказанія. Но все-таки англійскій солдатъ, поступая въ ряды войска, зналъ, что первый проступокъ можетъ подвергнуть его безчестному наказанію. Это гибельнымъ образомъ дѣйствовало на нравственное достоинство солдатъ и уменьшало военныя ихъ силы. Правительство поняло наконецъ, что вредитъ и государству, и арміи, и самому себѣ, оставаясь при такой неумѣстной рутинѣ. Оно не можетъ вычеркнуть тѣлеснаго наказанія изъ военныхъ законовъ безъ разрѣшенія парламента и потому теперь, до собранія парламента, измѣнены только правила, по которымъ назначается тѣлесное наказаніе. Вотъ эти правила:

За первый проступокъ или за первое преступленіе, какого бы рода оно ни было, солдатъ не можетъ быть подвергаемъ тѣлесному наказанію. Ему могутъ подлежать только тѣ солдаты, которые уже подвергались прежде другимъ нанаказаніямъ за разные тяжкіе проступки. Дезертирство и воровство,—вотъ почти единственныя преступленія, за которыя солдатъ отдѣляется отъ общей массы своихъ товарищей, не подлежащихъ тѣлесному наказанію ни въ какомъ случаѣ, и записывается въ разрядъ штрафованныхъ, которые за новое преступленіе могутъ быть подвергнуты тѣлесному наказанію. Но онъ понижается въ этотъ разрядъ только на одинъ годъ, и если проведетъ его, не сдѣлавъ новаго преступленія, то его прежнее право быть изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія возвращается ему. Приказъ главнокомандующаго, производящій эту реформу, заключается словами, чтобы военные суды старались назначать тѣлесное наказаніе какъ можно рѣже. Если даже извѣстный солдатъ, попавшій за прежнее преступленіе въ штрафной разрядъ, совершитъ до истеченія года, т. е. до возстановленія своихъ правъ, новое преступленіе, за которое можетъ подвергнуться тѣлесному наказанію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, говоритъ приказъ англійскаго главнокомандующаго, чтобы военно-судная комиссія должна была дѣйствительно приговорить его къ такому наказанію: она должна дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ дѣла, и назначать тѣлесное наказаніе только въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Эти правила предписаны только какъ временная мѣра до той поры, когда парламентъ совершенно отмѣнитъ тѣлесное наказаніе въ арміи. Билль объ этомъ приготовляется министерствомъ. Точно также приготовляетъ оно билль объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ англійскомъ флотѣ, въ которомъ между тѣмъ ограничено тѣлесное наказаніе новыми правилами, точно такими

же, какія введены въ арміи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти реформы, возвысивъ духъ солдатъ и матросовъ, принесутъ Англіи больше пользы и значительнѣе увеличатъ силу ея войскъ, нежели увеличилась бы она чрезъ прибавку цѣлыхъ десятковъ батальоновъ и кораблей.

Другое очень важное явленіе въ военной жизни Англіи составляетъ „волонтерское стрѣлковое движеніе". Читатель знаетъ, что оно началось нынѣшнею весною; съ той поры, подъ вліяніемъ опасеній войны со стороны Франціи, оно постоянно и быстро развивается. Нѣкоторые изъ радикаловъ, именно Брайтъ съ манчестерскою школою, не сочувствуютъ этому движенію,— во-первыхъ потому, что оно воинственно, а они держатся миролюбивой политики, во-вторыхъ потому, что оно развлекаетъ націю отъ мыслей о внутреннихъ реформахъ; въ-третьихъ потому, что оно развивается подъ руководствомъ лендлордовъ, то есть торійской партіи. Мы думаемъ, что Брайтъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ошибку; если движеніе достигнетъ своей цѣли, упрочитъ въ Англіи существованіе громаднаго ландвера, котораго невозможно употреблять на заграничную войну, но который дѣлаетъ невозможнымъ вторженіе въ Англію,—если англичане, благодаря этому, пріобрѣтутъ сами и внушатъ другимъ націямъ увѣренность, что высадка въ Англію—просто безумство, то освободившись отъ своихъ нынѣшнихъ опасеній они будутъ менѣе развлекаться заботами объ иностранныхъ замыслахъ и не будутъ торопиться объявленіемъ войны, какъ дѣлали иногда прежде, съ единственною цѣлью предупредить сборы противника; при ихъ разсудительности, усиленіе оборонительныхъ средствъ сдѣлаетъ ихъ еще болѣе миролюбивыми. А торійское вліяніе на волонтерское движеніе надобно считать явленіемъ временнымъ: чѣмъ больше расширяться и укореняться въ народѣ будетъ новое учрежденіе, тѣмъ болѣе будетъ оно проникаться народнымъ духомъ и не замедлитъ перейти подъ вліяніе радикаловъ, если только сами они захотятъ того. Число волонтеровъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается; въ половинѣ декабря ихъ считали до 75,000 человѣкъ. Судя по силѣ движенія, надобно полагать, что скоро число это превзойдетъ цифру волонтеровъ, который имѣла Англія въ 1804 году, когда Наполеонъ I грозилъ ей булонскимъ лагеремъ. Тогда, при населеніи вдвое меньшемъ, Англія имѣла 379,943 человѣкъ волонтеровъ. Нынѣшніе волонтеры всѣ вооружаются штуцерами и учатся стрѣлять очень успѣшно, такъ что масса уже состоитъ изъ хорошихъ стрѣлковъ.

Агитація въ пользу парламентской и финансовой реформы началась. Были уже два большіе приготовительные митинга, одинъ въ Ливерпулѣ, другой въ Лондонѣ. Главнымъ руководителемъ движенія остается Брайтъ, какъ въ прошломъ году. Но объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить.

Январь 1859 [1]).

Характеръ историческаго прогресса.—Обзоръ состоянія Западной Европы.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Парламентская реформа въ Англіи.

Послѣднее десятилѣтіе было очень тяжело для друзей свѣта и прогресса въ Западной Европѣ. Но чтоже тутъ удивительнаго, что рѣдкаго? Въ какомъ же вѣкѣ не бывало въ двадцать разъ больше мрачныхъ лѣтъ, нежели свѣтлыхъ? Людямъ нашего поколѣнія въ Западной Европѣ пришлось перенести очень много тяжелыхъ испытаній; но въ какомъ же поколѣніи жизнь людей, желавшихъ добра, не отравлялась почти постоянно испытаніями, быть можетъ, еще болѣе тяжелыми? Исторія любить прикрашивать прошедшее, какъ старыя кокетки любятъ говорить, что нѣкогда наслаждались непрерывнымъ рядомъ сладкихъ побѣдъ; но люди, бывшіе свидѣтелями ихъ прошедшаго, слушаютъ этотъ вздоръ съ улыбкой, думая про себя: „однакоже самохвальство очень легкое дѣло; мы помнимъ, что никогда вы не были такъ хороши, какъ воображаете“. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же въ прошедшемъ какой бы то ни было страны Западной Европы найдутся десятилѣтія хорошаго времени? Припомнимъ хотя послѣднія полтора столѣтія. О Германіи, Италіи, Испаніи нечего и говорить: ихъ исторія за все это время очень незавидна, и счастливыхъ годовъ онѣ могутъ искать развѣ въ будущихъ годахъ XIX столѣтія, а никакъ не въ прошедшихъ его годахъ и не въ XVIII вѣкѣ. Припомнимъ судьбы двухъ народовъ, жизнь которыхъ до сихъ поръ была удачнѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ; кстати же, исторія Франціи и Англіи нѣсколько знакомѣе намъ, Русскимъ, и дѣло будетъ понятно безъ длинныхъ разсужденій. Попробуемъ подводить итоги для жизни каждаго поколѣнія этихъ племенъ, начиная съ людей, бывшихъ прадѣдами дѣдамъ нашихъ современниковъ.

Что видѣлъ вокругъ себя въ свою жизнь французъ, бывшій старикомъ въ 1730 году, молодымъ человѣкомъ въ 1700? Прежде всего онъ видѣлъ страшное истощеніе Франціи предшествовавшими войнами, которыя по разсказамъ его отцевъ были славны для французскаго оружія, но какъ онъ замѣчаетъ самъ, не принесли Франціи ровно никакой пользы, кромѣ чести разориться самой для опустошенія Нидерландовъ и Западной Германіи; потомъ онъ видитъ пораженіе французскихъ войскъ въ современныхъ ему битвахъ Евгеніемъ Савойскимъ и герцогомъ Марльборо, видитъ постыдный для Франціи

---

[1]) *Примѣчаніе издателя.* Въ виду встрѣтившейся невозможности провѣрить своевременно эту статью по рукописи, пришлось, чтобы не задерживать печатаніе настоящаго тома, помѣстить ея по необходимости въ концѣ книги.

Утрехтскій миръ и предшествовавшее ему униженіе французскаго короля передъ какимъ нибудь Гейнзіусомъ. Престарѣлымъ королемъ овладѣли іезуиты, можно свободно кощунствовать надъ всѣмъ святымъ, попирать ногами всѣ нравственные законы, надобно только льстить іезуитамъ,—и будешь могущественъ, богатъ, всѣми уважаемъ. Ему говорятъ, будто бы прежде было лучше, но онъ вспоминаетъ, что первымъ впечатлѣніемъ его дѣтства было: отмѣненіе Нантскаго эдикта, казни несчастныхъ гугенотовъ, между которыми благословляли судьбу тѣ, которые могли бѣжать изъ любимой родины. Теперь драгоннады продолжаются, къ нимъ присоединилось преслѣдованіе янсенистовъ, и человѣкъ, который исповѣдуется предъ смертью не у іезуита, не будетъ похороненъ по христіанскому обычаю. Все государство предано произволу кровопійцъ, называющихся откупщиками, интендантами; министры заботятся только о томъ, чтобы угодить госпожѣ Ментенонъ; народъ изнемогаетъ подъ бременемъ невыносимыхъ налоговъ, а въ казнѣ все также нѣтъ ни копѣйки денегъ и съ каждымъ годомъ растутъ долги. Хорошо было при Людовикѣ XIV, еще лучше сдѣлалось при герцогѣ-регентѣ. Пріятное тридцатилѣтіе! Но все-таки оно лучше слѣдующихъ тридцати лѣтъ, а эти тридцать лѣтъ, кончающіеся позорнымъ пораженіемъ при Росбахѣ, все-таки лучше слѣдующихъ пятнадцати лѣтъ на столько же, на сколько маркиза Помпадуръ была лучше графини дю-Барри. Но если первая половина жизни третьяго поколѣнія была еще тяжелѣе, нежели жизнь втораго, которая въ свою очередь была еще несчастнѣе жизни перваго поколѣнія, то вотъ является надежда, что послѣдніе пятнадцать лѣтъ будутъ для внуковъ лучше, нежели первые: новый король человѣкъ добрый, желающій блага народу. Кто же является при немъ всесильнымъ министромъ? Старый весельчакъ графъ Морепа, который былъ слишкомъ дуренъ даже для прежнихъ временъ. Хороши надежды! „Но сила общественнаго мнѣнія поддержитъ добраго короля въ его благихъ намѣреніяхъ". Дѣйствительно, потребности, высказываемыя общественнымъ мнѣніемъ, даютъ такую сильную опору честнымъ людямъ, что Тюрго и Мальзербъ едва могутъ удержаться въ министерствѣ нѣсколько мѣсяцевъ и удаляются, не успѣвъ сдѣлать почти ровно ничего. Далѣе ходъ событій извѣстенъ; вѣроятно онъ былъ хорошъ, если какъ разъ подъ конецъ третьяго тридцатилѣтія привелъ къ ужасному взрыву. О слѣдующихъ четырехъ или пяти годахъ мы не будемъ говорить; но вѣроятно и они были не очень счастливы, если кончились возникновеніемъ позорной Директоріи съ ея безстыднымъ Баррассомъ, промѣнять котораго на Наполеона-Бонапарте казалось уже огромнымъ выигрышемъ. При Наполеонѣ громъ побѣдъ долго тѣшилъ хвастуновъ; но, озираясь вокругъ себя, разсудительный человѣкъ видѣлъ, что во Франціи уже не оставалось молодыхъ людей, которые всѣ, кромѣ калѣкъ и уродовъ, забраны конскрипціею. Всякая мысль, не только свободная, но и рѣшительно всякая, преслѣдовалась во Франціи; всѣ права были отняты у гражданъ; надъ всею страною тяготѣлъ деспотизмъ. Побѣды были такъ удачны, что кончились вторженіемъ враговъ во Францію. Изнуренная страна не имѣла силъ защищаться и правленіе Наполеона было вообще такъ хорошо, что французы привѣтствовали своихъ завоевателей, какъ освободителей. Наполеона смѣнили Бурбоны, которые заставили Францію

жалѣть о немъ. Деспотъ, избавителями отъ котораго были чужеземцы, явился избавителемъ отъ Бурбоновъ и былъ встрѣченъ съ такимъ же восторгомъ, какимъ за годъ встрѣчены были враги, освобождавшіе отъ него. Затѣмъ послѣдовало новое завоеваніе Франціи, которая, при всемъ страшномъ своемъ изнуреніи, принуждена была заплатить огромную контрибуцію и содержать иностранныя арміи. Въ этомъ положеніи застаетъ Францію 1820 годъ, которымъ кончается четвертое тридцатилѣтіе. Человѣку, желавшему добра, легче ли было жить въ это время, нежели какъ было его отцу, дѣду, прадѣду и прапрадѣду? Бурбоны съ самаго начала заставили жалѣть о Наполеонѣ, освободиться отъ котораго было пріятно для Франціи даже цѣною своего завоеванія иноземцами; но каково бы ни было сначала правленіе Бурбоновъ, все-таки полнаго своего совершенства оно достигло именно съ 1820 года, которымъ начинается жизнь новаго поколѣнія: до той поры реставрація колебалась между крайними фанатиками и людьми, которые назывались умѣренными по сравненію съ ними. Теперь умѣренные (дѣйствовавшіе впрочемъ такъ, что ужасался и совѣстился даже самъ Фуше, человѣкъ извѣстной репутаціи) были совершенно оттѣснены тою партіею, которая своею яростью набрасывала на нихъ видъ умѣренности. Что говорилось и дѣлалось въ это время, съ 1820 до 1830 года, то было въ рѣдкость, даже при Людовикѣ XV. А для того, чтобы оцѣнить слѣдующіе 18 лѣтъ, довольно сказать, что по общему мнѣнію людей, содѣйствовавшихъ перевороту 1830 года, Франція едва ли много выиграла черезъ него; а многіе изъ самыхъ либеральныхъ людей находили, что прежде было едва ли не лучше. Да и то сказать, можно ли похвалить такое положеніе, отъ котораго въ 30 лѣтъ происходятъ двѣ революціи? Чѣмъ же для пяти предшествующихъ поколѣній французовъ жизнь была лучше, нежели для нынѣшнихъ?

„Но что же вы говорите о Франціи? замѣтятъ многіе изъ читателей:— французская исторія дѣйствительно представляетъ очень мало отраднаго: тамъ вѣчныя смѣны угнетенія и анархіи, приводящей къ другому угнетенію. Во Франціи дѣйствительно никогда не было легко жить, тутъ не нужно никакихъ доказательствъ. Вотъ другое дѣло Англія,—въ ней порядокъ, въ ней свобода, въ ней непрерывный прогрессъ, столь же быстрый какъ и мирный“. Мы рады слушать утѣшенія. Очень пріятно, если англійская исторія окажется отраднѣе французской. Но только жаль, что очень многіе увѣряютъ совершенно въ противномъ: они утверждаютъ, будто бы въ Англіи массѣ народа всегда было тяжелѣе жить, нежели во Франціи. Быть можетъ они ошибаются, но самое существованіе ихъ мнѣнія уже доказываетъ, что слишкомъ большаго превосходства надъ французской жизнью англійская не имѣетъ, иначе ошибка ихъ была бы невозможна: вѣдь можно спорить развѣ о томъ, въ чемъ больше горечи, въ полыни или въ горчицѣ; если бы полынь сравнивалась съ сахаромъ, никто бы и спорить не сталъ. Посмотримъ же на исторію этой Англіи, столько хвалимой одними, столько ненавистной другимъ.

Что видитъ вокругъ себя англичанинъ, начинающій самостоятельную дѣятельность въ 1700 году? (Мы уже не говоримъ, что видитъ ирландецъ,—пусть рѣчь идетъ только объ англичанинѣ, для котораго ирландецъ

тогда былъ хуже собаки). Первая пріятность для человѣка, хотя съ нѣкоторымъ чувствомъ справедливости и доброжелательства, состоитъ въ томъ, что гораздо болѣе, нежели девять десятыхъ частей націи совершенно лишены всякой недвижимой собственности и могутъ быть уподоблены тому греческому мудрецу, изрѣченіе котораго извѣстно всѣмъ намъ въ латинскомъ переводѣ: omnia mea mecum porto. Впрочемъ это удовольствіе вовсе не составляетъ привилегіи человѣка, жизнью котораго мы начинаемъ нашъ очеркъ: тоже самое удовольствіе доставляетъ зрѣлище родины и его сыну, и внуку, и правнуку, и праправнуку. Итакъ вопросъ о положеніи массы простолюдиновъ отбросимъ въ сторону: вѣроятно оно для Англіи такъ и слѣдуетъ быть, если искони вѣковъ до нашего времени такъ остается. Посмотримъ на то, какъ удовлетворяются нравственныя потребности образованнаго сословія. Нашъ англичанинъ 1700—1730 годовъ читалъ между прочимъ Локка, а можетъ быть и Мильтона; оба они растолковали ему, что свобода совѣсти дѣло священное, что когда одна секта присвоиваетъ себѣ всѣ государственныя права, то хорошаго ничего нельзя ожидать. А между тѣмъ не только нашему англичанину, но и его сыну, и его внуку, и даже правнуку не удастся видѣть признанія политическихъ правъ за людьми несогласными съ оксфордскимъ изувѣрствомъ: этотъ гостинецъ англійская исторія бережетъ только уже для второй четверти XIX столѣтія.

Значитъ, и объ этомъ толковать нечего: вѣроятно стѣсненіе иновѣрцевъ не должно возмущать англичанина съ гуманнымъ образомъ мыслей. Притомъ же надобно полагать, что онъ утѣшится очаровательнымъ зрѣлищемъ свободнаго парламентскаго правленія. Въ самомъ дѣлѣ, умилительно и подумать объ англійскомъ парламентѣ: собираются представители націи, на ихъ мудрое и благонамѣренное обсужденіе предоставляются всѣ дѣла,—превосходно, но только и тутъ есть для нашего англичанина 1700—1730 годовъ небольшое огорченіе. Въ палатѣ общинъ изъ десяти членовъ девятеро назначаются вовсе не націею, а нѣсколькими лордами, и обязаны подаватъ голоса, какъ прикажутъ имъ хозяева. Притомъ ни министры королевы Анны, ни министры Георга I, не хотятъ подчиняться парламенту, а напротивъ, или подкупаютъ его, или, если не удастся подкупить, просто-на-просто не слушаютъ его и распоряжаются государственными дѣлами, какъ сами хотятъ; и великолѣпный спектакль парламентскаго правленія почти постоянно оказывается чистою комедіею, смыслъ которой — полнѣйшій произволъ придворнаго управленія, не только въ это, но и въ слѣдующее тридцатилѣтіе, такъ что сыну при Георгѣ II такъ же мало отрады, какъ и отцу при Аннѣ и Георгѣ I. Но вотъ въ молодые годы внука начинается правленіе Георга III. Хотя теперь не обратится ли парламентская комедія въ серьезное дѣло? Вотъ нарушены коренные законы Англіи въ дѣлѣ Вилькса. Много лѣтъ волнуется Лондонъ, волнуется все государство въ негодованіи на преступныхъ министровъ; гремятъ ораторы въ парламентѣ; письма страшнаго Юніуса разятъ преступниковъ, какъ частые удары молніи; а преступные министры, ненавидимые націею, улыбаются и преспокойно себѣ управляютъ Англіей. Мало того, что они нарушаютъ законы въ Англіи, они хотятъ обратить въ рабовъ американцевъ, чтобы при помощи этихъ рабовъ, по знаменитому выраженію лорда

Четема, обратить потомъ въ рабство и самую Англію. Вся Англія негодуетъ сильнѣе прежняго, вся сочувствуетъ обижаемымъ американцамъ; а министры все-таки продолжаютъ свое дѣло, улыбаясь въ отвѣтъ на проклятія народа, раздающіяся по улицамъ и грозныя рѣчи великихъ ораторовъ, гремящія въ парламентѣ. Министры таки сдѣлали свое дѣло, довели американцевъ до возстанія: братья рѣжутъ братьевъ, и европейскіе братья въ добавокъ нанимаютъ краснокожихъ, чтобы они скальпировали американскихъ братьевъ. Тутъ зрѣлище становится еще отраднѣе: тѣ самые англичане, которые негодовали на угнетеніе американцевъ и поощряли ихъ къ сопротивленію, теперь одушевлены уже враждою къ нимъ за то, что они не дали поработить себя и не захотѣли быть орудіемъ порабощенія для Англіи. Среди этихъ сценъ проходитъ жизнь внука. При правнукѣ онѣ продолжаются въ болѣе широкихъ размѣрахъ и растягиваются еще на большее число лѣтъ. Исторія, бывшая съ американцами, повторяется относительно французовъ: начинается слишкомъ двадцатилѣтняя война съ Франціею за то, что французы, наслушавшись англійскихъ рѣчей о свободѣ, произвели у себя революцію, къ которой ободряли ихъ сами же англичане: видите ли, Англія погибнетъ, если не будутъ возстановлены Бурбоны, которыхъ Англія имѣла непримиримыми своими врагами до самой минуты ихъ паденія. Льется двадцать лѣтъ англійская кровь въ Испаніи, въ Голландіи, во Франціи, обагряются ею всѣ моря, Англія облагаетъ себя двойной тяжестью податей, увеличиваетъ до баснословной цифры свой долгъ, чтобы возстановить Бурбоновъ, которые всегда были и опять будутъ ея врагами. Занятымъ войною англичанамъ уже не до того, чтобы думать о внутреннихъ улучшеніяхъ. Мало того, что некогда думать объ улучшеніяхъ, —подъ вліяніемъ односторонняго напряженія силъ на внѣшнюю войну, внутреннія учрежденія Англіи едва ли не ослабѣваютъ; по крайней мѣрѣ послѣ войны, когда вниманіе снова обращается къ внутреннимъ дѣламъ, Англія видитъ въ своемъ правительствѣ рѣшительное стремленіе къ подавленію правъ, которыми пользовалась нація. Въ 1820 году, праправнукъ, начинающій жить, находитъ свою родину во власти обскурантовъ и реакціонеровъ, давно уже господствующихъ въ ней. Наконецъ избытокъ угнетенія пробуждаетъ націю отъ долгой политической дремоты и возникаетъ стремленіе къ реформамъ. Есть народы, которые могутъ завидовать англичанамъ во второй четверти нашего вѣка; но для самихъ англичанъ мало утѣшенія въ томъ, что у другихъ хуже, нежели у нихъ: какъ бѣдны и узки достигаемыя ими реформы, и какихъ долгихъ хлопотъ стоитъ каждая изъ нихъ! Нѣсколько десятковъ лѣтъ нужно волноваться цѣлому государству, чтобы добиться отмѣны злоупотребленія, и потомъ оказывается, что злоупотребленіе осталось почти во всей своей силѣ. Великимъ дѣломъ въ жизни поколѣнія 1820—1850 годовъ была парламентская реформа, необходимость которой чувствовалась по крайней мѣрѣ уже лѣтъ сорокъ, да и та была произведена въ такомъ жалкомъ размѣрѣ, что осталось почти неприкосновеннымъ зло, противъ котораго она была направлена. Палата общинъ попрежнему осталась представительницею почти одного только аристократическаго интереса; не только простолюдины не пріобрѣли доступа въ нее своимъ депутатамъ, но и среднее сословіе,

которое въ Англіи богаче, просвѣщеннѣе и многочисленнѣе, нежели гдѣ нибудь, почти не имѣло въ ней голоса до 1850 года. Реформа была такъ узка и бѣдна, что ни мало не удовлетворила требованіямъ проницательныхъ людей, которые потомъ почти 30 лѣтъ напрасно выбивались изъ силъ, чтобы дополнить ее. Она была произведена такъ неудовлетворительно, что первымъ результатомъ ея было доставленіе господства той самой партіи, которая противилась ей. Другимъ важнымъ дѣломъ было отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ; оно составляетъ до сихъ поръ предметъ пышныхъ похвалъ; но нашъ англичанинъ 1820—1850 годовъ только подъ конецъ своей жизни дождался этой реформы, которая требовалась еще его отцемъ; стало быть свою жизнь провелъ онъ въ тяжеломъ ожиданіи, да и подъ конецъ жизни чѣмъ онъ былъ утѣшенъ?—тѣмъ, что славу улучшенія похитилъ человѣкъ, всѣми силами противившійся ему до послѣдней минуты, а люди, которые были истинными виновниками улучшенія, остались попрежнему предметомъ презрѣнія обѣихъ господствующихъ партій. Да, мы забыли еще одну пріятность для англичанина 1820—1850 годовъ. При немъ Англія сдѣлалась самостоятельною державою, а до тѣхъ поръ, съ самаго начала прошлаго вѣка, вся ея политика подчинялась надобностямъ ганноверскаго курфирста, который постоянно жертвовалъ интересами Англіи интересамъ своей нѣмецкой области. Хорошо состояніе государства, 120 лѣтъ терпящаго такую обременительную нелѣпицу. Мы знаемъ, что такой отзывъ о развитіи англійскихъ учрежденій въ 1820—1850 годахъ несогласенъ съ господствующимъ мнѣніемъ; но онъ покажется менѣе страннымъ, когда намъ представится случай ближе всмотрѣться въ исторію Англіи за послѣднія 40 лѣтъ. Да и теперь читатель можетъ быть не осудитъ его, если подумаетъ о томъ, что реформа 1832 года оставила палату общинъ, попрежнему, во власти виговъ и тори, и что только нынѣ начинаетъ возникать въ ней независимая отъ этихъ узкихъ котерій партія, служащая представительницею средняго сословія; также если вспомнитъ, что Робертъ Пиль, отмѣняя хлѣбные законы, только воспользовался чужими трудами, которымъ до тѣхъ поръ всячески противился; а Кобденъ, которому Англія дѣйствительно обязана этимъ великимъ дѣломъ, до сихъ поръ не удостоился имѣть никакого участія въ правительствѣ. Хорошъ порядокъ дѣлъ, когда лучшій министръ вынуждается къ согласію на отмѣну вопіющихъ злоупотребленій только страхомъ революціи!

„Къ чему же ведетъ этотъ очеркъ? Неужели вы хотите доказать, что въ исторіи Англіи 1820—1850 годовъ не было ничего хорошаго?“ Напротивъ, хорошаго было сдѣлано очень много и въ это время, и въ прежніе періоды, не только въ Англіи, не только во Франціи, но даже и въ Неаполѣ, и въ Португаліи, и въ самой Турціи. Мы вовсе не отвергаемъ прогресса, а только хотимъ показать, что нашему поколѣнію жить ни чуть не тяжелѣе, нежели какому бы то ни было изъ предъидущихъ поколѣній; и что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ мыслящіе люди были ровно настолько же довольны ходомъ и характеромъ событій, во все продолженіе ихъ жизни, насколько могутъ быть довольны теперь; что и въ прежнія времена удачи для нихъ были очень рѣдки и давались имъ судьбою въ очень урѣзанномъ видѣ; что прогрессъ всегда и вездѣ происхо-

дилъ очень медленно, сопровождаясь цѣлою тучею самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и случаевъ, безпрестанно перерываясь видимымъ господствомъ реакціи, или по крайней мѣрѣ застоемъ.

А прогресса мы не только не думаемъ отрицать, напротивъ, даже не понимаемъ, какъ можно сомнѣваться въ его неизбѣжности при какихъ бы то ни было задержкахъ и неудачахъ. Законъ прогресса—ни больше ни меньше, какъ чисто физическая необходимость, въ родѣ необходимости скаламъ понемногу вывѣтриваться, рѣкамъ стекать съ горныхъ возвышенностей въ низменности, водянымъ парамъ подниматься вверхъ, дождю падать внизъ. Прогрессъ — просто законъ наростанія. Ничто не остается безъ слѣда; послѣ каждаго процесса образуются какія нибудь остатки, при помощи которыхъ или бываетъ легче повторяться тому же процессу, или открывается возможность для другаго процесса, которому нельзя было бы произойти безъ помощи этого удобренія, и который слѣдовательно принадлежитъ уже къ высшему порядку, нежели прежній. Элементы и процессы въ исторіи общества гораздо сложнѣе, нежели въ исторіи природы, и поэтому слѣдить за ихъ законами гораздо труднѣе; но во всѣхъ сферахъ жизни законы одинаковы. Отвергать прогрессъ—такая же нелѣпость, какъ отвергать силу тяготѣнія, или силу химическаго сродства.

Историческій прогрессъ совершается медленно и тяжело,—вотъ все, что мы хотимъ сказать; такъ медленно, что если мы будемъ ограничиваться слишкомъ короткими періодами, то колебанія, производимыя въ поступательномъ ходѣ исторіи случайностями обстоятельствъ, могутъ затемнить въ нашихъ глазахъ дѣйствіе общаго закона. Чтобы убѣдиться въ его неизмѣнности, надобно сообразить ходъ событій за довольно продолжительное время, и именно съ этой цѣлью мы припоминали главныя черты исторіи двухъ передовыхъ народовъ Европы за цѣлыя полтораста лѣтъ. Сравните состояніе общественныхъ учрежденій и законовъ Франціи въ 1700 году и нынѣ,—разница чрезвычайная, и вся она въ выгоду настоящаго; а между тѣмъ почти всѣ эти полтора вѣка были очень тяжелы и мрачны. Тоже самое и въ Англіи. Откуда же разница? Она постоянно подготовлялась тѣмъ, что лучшіе люди каждаго поколѣнія находили жизнь своего времени чрезвычайно тяжелою; мало по малу хотя немногія изъ ихъ желаній становились понятны обществу, и потомъ, когда нибудь, чрезъ много лѣтъ, при счастливомъ случаѣ, общество полгода, годъ, много три или четыре года, работало надъ исполненіемъ хотя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ немногихъ желаній, которыя проникли въ него отъ лучшихъ людей. Работа никогда не была успѣшна: на половинѣ дѣла уже истощалось усердіе, изнемогала сила общества и снова практическая жизнь общества впадала въ долгій застой, и попрежнему лучшіе люди, если переживали внушенную ими работу, видѣли свои желанія далеко не осуществленными и попрежнему должны были скорбѣть о тяжести жизни. Но въ короткій періодъ благороднаго порыва многое было передѣлано. Конечно, переработка шла наскоро, не было времени думать объ изяществѣ новыхъ пристроекъ, которыя оставались неотдѣланы начисто, некогда было заботиться о субтильныхъ требованіяхъ архитектурной гармоніи новыхъ частей съ уцѣлѣвшими остатками, и періодъ застоя принималъ перестроенное зданіе со множествомъ мелкихъ несообразностей и некрасивостей. Но этому

лѣнивому времени былъ досугъ внимательно всматриваться въ каждую мелочь, и такъ какъ исправленіе не нравившихся ему мелочей не требовало особенныхъ усилій, то понемногу онѣ исправлялись; а пока изнеможенное общество занималось мелочами, лучшіе люди говорили, что перестройка не докончена, доказывали, что старыя части зданія все больше и больше ветшаютъ, доказывали необходимость вновь приняться за дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Сначала ихъ голосъ отвергался уставшимъ обществомъ, какъ безпокойный крикъ, мѣшающій отдыху; потомъ, по возстановленіи своихъ силъ, общество начинало все больше и больше прислушиваться къ мнѣнію, на которое негодовало прежде, понемногу убѣждалось, что въ немъ есть доля правды, съ каждымъ годомъ признавало эту долю все въ большемъ размѣрѣ, наконецъ готово было согласиться съ передовыми людьми въ необходимости новой перестройки, и при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ съ новымъ жаромъ принималось за работу, и опять бросало ее не кончивъ, и опять дремало, и потомъ опять работало.

Прогрессъ совершается чрезвычайно медленно, въ томъ нѣтъ спора; но все-таки девять десятыхъ частей того, въ чемъ состоитъ прогрессъ, совершается во время краткихъ періодовъ усиленной работы. Исторія движется медленно, но все-таки почти все свое движеніе производитъ скачекъ за скачкомъ, будто молоденькій воробушекъ, еще не оперившійся для полета, еще не получившій крѣпости въ ногахъ, такъ что послѣ каждаго скачка падаетъ, бѣдняжка, и долго копошится, чтобы снова стать на ноги, и снова прыгнуть,—чтобы опять-таки упасть. Смѣшно, если хотите, и жалко, если хотите, смотрѣть на слабую птичку. Но не забудьте, что все-таки каждымъ прыжкомъ она учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки она растетъ и крѣпнетъ, и со временемъ будетъ прыгать прекрасно, скачекъ быстро за скачкомъ, безъ всякой замѣтной остановки между ними. А еще со временемъ, птичка и вовсе оперится, и будетъ легко и плавно летать съ веселою пѣснею. Правда и то, что, судя по нынѣшнему, не слишкомъ еще скоро прійдетъ ей время летать; а все-таки прійдетъ, сомнѣваться тутъ нечего.

За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, принуждающая къ бездѣйственному отдыху; во время отдыха востановляются силы; бездѣйствіе, сначала столь отрадное, мало по малу становится скучнымъ и возвращается жажда дѣятельности, покинутой на время отъ изнеможенія; воскресаютъ прежнія стремленія, и съ свѣжими силами, умудренный прежнимъ опытомъ, человѣкъ горячо берется за продолженіе дѣла, къ которому на время охладѣвалъ. Таковъ общій видъ исторіи: ускоренное движеніе и вслѣдствіе его застой, и во время застоя возрожденіе неудобствъ, къ отвращенію которыхъ была направлена дѣятельность, но съ тѣмъ вмѣстѣ и укрѣпленіе силъ для новаго движенія, и за новымъ движеніемъ новый застой и потомъ опять движеніе, и такая очередь до безконечности. Кто въ состояніи держаться на этой точкѣ зрѣнія, тотъ не обольщается излишними надеждами въ свѣтлыя эпохи одушевленной исторической работы: онъ знаетъ, что минуты творчества непродолжительны и влекутъ за собою временный упадокъ силъ. Но за то, не унываетъ онъ и въ тяжелые періоды реакціи: онъ знаетъ, что изъ реакціи

по необходимости возникаетъ движеніе впередъ, что самая реакція приготовляетъ и потребность и средства для движенія. Онъ не мечтаетъ о вѣчномъ продолженіи дня, когда поля облиты радостнымъ, теплымъ свѣтомъ солнца. Но когда охватитъ ихъ мрачная, сырая и холодная ночь, онъ съ твердой увѣренностью ждетъ новаго разсвѣта и, спокойно всматриваясь въ положеніе созвѣздій, считаетъ, сколько именно часовъ осталось до появленія зари.

Не годъ и не два года продолжается тяжелый застой въ исторіи Западной Европы; но несомнѣнные признаки показываютъ, что полночь уже прошла и до новаго дня осталось меньше времени, нежели сколько пережито отъ заката солнца въ предъидущій день. Всѣ примѣты, которыя были передъ прошлымъ утромъ, появляются вновь и происходятъ факты, соотвѣтствующіе тѣмъ, какіе мы видѣли около пятнадцати или двадцати лѣтъ тому назадъ. Какъ тогда, и теперь правительственный духъ, въ большей части второстепенныхъ государствъ Западной Европы, отъ крайней реакціи начинаетъ нѣсколько склоняться къ слабому либерализму. Читатели знаютъ, что учрежденіе регенства въ Пруссіи было побѣдою надъ крайними реакціонерами и сопровождалось обѣщаніемъ либеральнаго направленія. Въ большей или меньшей степени подобныя перемѣны начинаютъ происходить и во многихъ другихъ второстепенныхъ государствахъ. Измѣненіе тутъ въ сущности не велико, но все-таки оно произведено общественнымъ мнѣніемъ и указываетъ на возобновленіе политической жизни въ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Испаніи, произошли перевороты, также замѣнившіе прежнихъ крайнихъ реакціонеровъ людьми, которые сравнительно съ ними считаются либеральными, и напримѣръ Санъ-Луисъ смѣнился О'Доннелемъ. Итальянская революціонная партія въ послѣдніе два-три года нѣсколько разъ возобновляла старинныя попытки на Неаполь и Сицилію. Наконецъ, носятся слухи объ опасностяхъ для австрійскаго владычества въ Ломбардіи, какъ носились въ 1846 и 1847 годахъ, когда европейскій переворотъ начался именно такими же столкновеніями въ Сѣверной Италіи; и снова Сардинія провозглашаетъ себя защитницею Италіи отъ австрійцевъ. Не надобно приписывать большаго значенія происшедшимъ перемѣнамъ, не надобно ожидать происхожденія новыхъ перемѣнъ именно отъ тѣхъ столкновеній, какія уже видимъ теперь въ Италіи. Ломбардія и Сардинія сами по себѣ были бы слишкомъ слабы для побѣды надъ Австріею, а Франція, чтобы она ни говорила, остается въ сущности пока при намѣреніи не переступать за границы дипломатическихъ дѣйствій. Да если бы и дѣйствительно происшедшія перемѣны были важны, а предсказываемые газетными слухами перевороты осуществились, то всѣ они имѣли бы только мѣстное значеніе, относясь къ такимъ государствамъ Западной Европы, исторія которыхъ не имѣетъ рѣшительнаго вліянія на общій ходъ европейскихъ дѣлъ. Чтобы видѣть, чего надобно ожидать для цѣлой Западной Европы въ ближайшіе годы, надобно обратить вниманіе на состояніе Англіи и Франціи, каждая значительная перемѣна въ которыхъ отзывается соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ цѣлой европейской политикѣ.

Движеніе къ парламентской реформѣ, овладѣвающее теперь Англіею,

мы подробнѣе разсмотримъ ниже. Теперь обратимъ вниманіе только на отношеніе этого движенія къ состоянію умовъ въ цѣлой Западной Европѣ. Со времени паденія Наполеона, два раза Западная Европа подвергалась общему потрясенію, и въ оба раза переворотъ на материкѣ совпадалъ съ великою реформою въ англійскихъ учрежденіяхъ. Революціи 1830 года соотвѣтствуетъ агитація въ Англіи для парламентской реформы; революціи 1848 года соотвѣтствуетъ отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ. Оба раза промежутокъ между континентальнымъ переворотомъ и англійскою реформою, или слѣдовавшею за нимъ или предшествовавшею ему, имѣлъ менѣе двухъ лѣтъ. Эта близость по времени вовсе не дѣло случая. Состояніе общественнаго мнѣнія въ Англіи имѣетъ такую громадную силу надъ общественнымъ мнѣніемъ континента, что горячее настроеніе англійской жизни къ радикальнымъ перемѣнамъ служитъ значительнымъ подкрѣпленіемъ для такихъ же стремленій на материкѣ; и, наоборотъ, Англія теперь такъ тѣсно связана съ континентомъ, что господствующее на немъ стремленіе отражается и на англичанахъ. Но еще важнѣе этого взаимодѣйствія то обстоятельство, что свои собственныя, мѣстныя причины къ возрожденію преобразовательныхъ стремленій начинаютъ усиленно дѣйствовать въ Англіи и на континентѣ почти въ одно и тоже время. Исходною точкою новой исторіи были и для Англіи и для континента одни и тѣ же годы, 1813, 1814 и 1815, одно и тоже событіе—низверженіе Наполеона и прекращеніе войнъ, послѣдовавшихъ за большою французскою революціею. Каждый отдѣльный человѣкъ изнашивается событіями, въ которыхъ участвовалъ; образъ его мыслей и размѣръ его желаній складывается въ неизмѣнную форму пятнадцатью или двадцатью, первыми годами его общественной жизни. Такимъ образомъ, когда завершился извѣстный циклъ событій, извѣстный періодъ государственнаго порядка, почти все общество состоитъ изъ людей, сформировавшихся прежними стремленіями, не стремящихся, или неотваживающихся стремиться ни къ чему новому сверхъ того результата, который произведенъ прежнимъ порядкомъ вещей и характеромъ идей ихъ молодости. Чтобы совершилось въ обществѣ что нибудь важное, новое, нужно большинству общества составиться изъ новыхъ людей, силы которыхъ не изнурены участіемъ въ прежнихъ событіяхъ, мысли которыхъ сложились уже на основаніи достигнутаго ихъ предшественниками результата, надежды которыхъ еще не обрѣзаны опытомъ. Чтобы составъ общества обновился такимъ образомъ, нужно бываетъ около пятнадцати лѣтъ, по простому ариѳметическому закону физической смѣны поколѣній: въ пятнадцать лѣтъ большинство людей, бывшихъ взрослыми при началѣ срока, вымираетъ или дряхлѣетъ и замѣняется новымъ большинствомъ, составившимся изъ людей, бывшихъ при началѣ періода юношами или дѣтьми. Эти новые люди могутъ обнаружить рѣшительное вліяніе на ходъ событій нѣсколько раньше средняго срока, напримѣръ, лѣтъ черезъ десять, если обстоятельства благопріятствуютъ ускоренію перемѣны, или нѣсколько позднѣе, напримѣръ, лѣтъ черезъ двадцать, если обстоятельства неблагопріятны ея быстротѣ. Но все-таки существуетъ средній срокъ для осуществленія новыхъ идей и нельзя не замѣтить, что крайнія колебанія и предѣлы разныхъ эпохъ, то растягиваясь, то сокращаясь, колеблются около средней цифры, пятнадцати или

шестнадцати лѣтъ. Эта періодичность замѣчена всѣми въ событіяхъ новой французской исторіи, но она также видна во всѣхъ тѣхъ вѣкахъ и странахъ, которые особенно важны были для прогресса.

Въ самомъ дѣлѣ, съ 1789 до 1848 года прошло 59 лѣтъ. Въ эти 59 лѣтъ Франція пережила четыре смѣны внутренней жизни: революцію, имперію Наполеона I, реставрацію и Орлеанскую монархію. Въ эти 59 лѣтъ отжили свой вѣкъ два поколѣнія и четыре раза смѣнялось большинство взрослыхъ людей. Періодъ, соотвѣтствующій силѣ каждаго большинства, приблизительно соотвѣтствуетъ одному изъ четырехъ періодовъ государственной жизни.

1789	Большая революція.	11 лѣтъ
1800	Наполеонъ I	14 —
1814	Бурбоны.	16 —
1830	Орлеанская монархія (до 1848) . .	18 —
	4 періода государственной жизни въ. .	59 —

Эти цифры, замѣченныя всѣми, служили обыкновенно только для каббалистической игры празднымъ острякамъ, не понимавшимъ ихъ зависимости отъ физіологіи и психологіи. Но онѣ пріобрѣтаютъ смыслъ, когда мы сообразимъ ихъ связь съ физическимъ закономъ смѣныпоколѣній. Такая же періодичность легко замѣчается и въ другихъ странахъ и въ другія времена, которыя важны въ исторіи прогресса. Мы говорили о новой англійской исторіи. Просмотримъ ея хронологію.

Черезъ 17 лѣтъ послѣ окончанія революціонныхъ войнъ (1815), произошла парламентская реформа (1832), черезъ 14 лѣтъ послѣ того отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ (1846). Теперь всѣ видятъ, что не дальше какъ въ слѣдующемъ году, а по всей вѣроятности въ нынѣшнемъ, совершится новая парламентская реформа, и можно уже опредѣлить продолжительность періода, доживаемаго теперь Англіею, государственная жизнь которой измѣнится съ исполненіемъ дѣла, руководимаго Брайтомъ:

1815	Окончаніе революціонныхъ войнъ.	17 лѣтъ
1832	Парламентская реформа	14 —
1846	Отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ (до 1859 или 1860)	13 или 14 —
	3 періода государственной жизни въ	44 или 45 —

Опять видимъ тотъ же средній срокъ, около 15 лѣтъ, для смѣны одного характера государственной жизни другимъ, срокъ, въ который прежнее большинство общества замѣняется другимъ большинствомъ изъ новаго поколѣнія.

Началомъ новѣйшей исторіи для Англіи, какъ для Франціи и для остальнаго континента Западной Европы, были почти одни и тѣ же годы: 1813 годъ для Германіи (освобожденіе отъ французовъ, возстановленіе стараго порядка вещей); 1814 для Италіи, Испаніи и Франціи (низверженіе Наполеоновской власти, возстановленіе старинныхъ монархій); 1815 для

Англіи (окончаніе революціонныхъ войнъ); продолжительность времени, нужнаго для достиженія человѣкомъ физической и нравственной возмужалости, и срокъ для смѣны одного большинства взрослыхъ людей новымъ большинствомъ, одинаковы у всѣхъ народовъ, населяющихъ Европу. Изъ этого натурально слѣдуетъ, что возникновеніе новыхъ эпохъ въ разныхъ государствахъ Западной Европы происходило бы довольно одновременно даже тогда, когда народы Западной Европы не были бы такъ тѣсно связаны одинъ съ другимъ и рѣшительныя перемѣны въ жизни сильнѣйшихъ между ними не имѣли бы прямаго вліянія на судьбу другихъ. Изъ этого мы видимъ, что реформаціонное движеніе, охватившее теперь Англію, должно служить указаніемъ на близость времени для подобныхъ движеній и у остальныхъ народовъ Западной Европы.

Но мало того, что есть въ жизни одного изъ двухъ господствующихъ народовъ Запада симптомъ, ясно указывающій приближеніе новой эпохи на континентѣ Западной Европы. Въ жизни другаго господствующаго народа, который каждымъ измѣненіемъ въ характерѣ своей исторіи прямо возбуждаетъ или придавливаетъ политическую энергію другихъ западныхъ обществъ, замѣчаются признаки, свидѣтельствующіе о томъ, что приближается для французскихъ учрежденій новый кризисъ.

Волненія, раздиравшія Францію въ первой половинѣ 1848 года, были такъ тяжелы, что президентство Луи-Наполеона показалось отдыхомъ, успокоеніемъ для утомленной націи. Мѣры, посредствомъ которыхъ Кавеньякъ и его партія почли нужнымъ поддержать порядокъ, были такъ ужасны, что Луи-Наполеонъ послѣ Кавеньяка представлялся кроткимъ и легкимъ правителемъ. Реакціонеры, легитимисты и орлеанисты, господствовавшіе въ Національномъ Собраніи 1849 года, были такъ ожесточены противъ новыхъ учрежденій и идей, что дѣйствительно Луи-Наполеону не было никакой надобности самому принимать какія нибудь стѣснительныя мѣры во время своего президентства: все, что могло казаться ему нужнымъ для окончательнаго подавленія пораженной въ іюнѣ 1848 года революціи, съ великимъ рвеніемъ и опрометчивою поспѣшностью дѣлало само Національное Собраніе, не дожидаясь его желанія. Ему оставалось только смотрѣть, какъ усердно работаютъ другіе. Національное Собраніе доходило до такихъ крайностей, которыя даже превышали мѣру собственной надобности реакціонеровъ, и Луи-Наполеонъ могъ безвредно для своихъ цѣлей противиться нѣкоторымъ намѣреніямъ ихъ, безъ пользы раздражавшимъ народъ. Этимъ онъ пріобрѣталъ себѣ оттѣнокъ демократизма.

Особенно помогъ ему въ этомъ отношеніи знаменитый законъ, разными условіями отнимавшій у значительной части простолюдиновъ право быть избирателями. Эта мѣра противъ тогдашнихъ знаменитыхъ фантомовъ красной республики и соціализма была совершенно неумѣстна въ 1850 и 1851 годахъ, потому что работники, противъ которыхъ она была направлена, и безъ того надолго перестали быть опасными, потерявъ всѣхъ энергическихъ своихъ товарищей въ іюньской битвѣ и лишившись всѣхъ значительныхъ людей близкихъ къ нимъ партіи по Буржскому и Версальскому процессамъ. Притомъ же Луи-Наполеонъ думалъ, сдѣлавшись безусловнымъ господиномъ

надъ Франціею, обратить выборы въ чистую формальность. Слѣдовательно ему легко было выставлять себя защитникомъ народнаго права, которому онъ не хотѣлъ оставлять серьезнаго значенія. Именно этотъ маневръ, раздоръ съ Національнымъ Собраніемъ для возстановленія suffrage universel во всей его обширности, и послужилъ Луи-Наполеону предлогомъ къ закрытію Національнаго Собранія, пробудившаго противъ себя сильную ненависть въ массахъ стремленіемъ возстановить прежнюю монархію, представители которой, Генрихъ V и принцъ Немурскій (ему слѣдовало быть регентомъ малолѣтняго Орлеанскаго претендента), не пользовались популярностью. Напротивъ того Луи-Наполеонъ умѣлъ возбудить въ массахъ надежду, что займется общественными преобразованіями для улучшенія матеріальнаго быта. Правда, въ цѣлые три года своего президентства онъ ничего не сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ, но онъ постоянно сваливалъ вину своего бездѣйствія на Національное Собраніе, совершенно связывавшее будто бы ему руки своею враждою. Дѣйствительно Національное Собраніе враждовало съ президентомъ; съ тѣмъ вмѣстѣ оно враждовало и противъ низшихъ классовъ. Натурально, масса пришла къ тому убѣжденію, что, имѣя тѣхъ же враговъ, какъ и президентъ, должна смотрѣть на него какъ на своего друга. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ не вѣрить наивный и честный человѣкъ тому, что президентъ желалъ бы водворить во Франціи новый порядокъ гражданскихъ отношеній, благопріятный для низшихъ классовъ? Вѣдь Луи-Наполеонъ, когда былъ еще изгнанникомъ или плѣнникомъ, написалъ множество горячихъ сочиненій, въ которыхъ являлся приверженцемъ новыхъ соціальныхъ теорій и доказывалъ, что династія Бонапарте вѣрнѣйшая представительница демократическаго принципа. Правда, будучи президентомъ, онъ часто говорилъ противъ опасныхъ мечтателей, прибѣгающихъ къ оружію для измѣненія гражданскаго быта. Но вѣдь онъ говорилъ только противъ безразсудныхъ мѣръ, противъ кровавыхъ возстаній и уличныхъ смутъ,—тутъ нѣтъ еще ничего противнаго народному интересу. Вѣдь народъ испыталъ, въ іюнѣ 1848 года, что возстаніе обращается на погибель ему самому; а черезъ годъ, въ іюнѣ 1849 года, онъ видѣлъ, что люди, противъ которыхъ возстаетъ иногда Луи-Наполеонъ, приглашаютъ простолюдиновъ къ возстанію, ничѣмъ не обезпечивъ его успѣха, не сообразивъ, благопріятствуютъ ли обстоятельства ихъ замыслу. Чтожь, Луи-Наполеонъ правъ: они въ самомъ дѣлѣ люди не практичные, опасные мечтатели. А противъ идей, которыми они пріобрѣли нѣкогда довѣріе народа, Луи-Наполеонъ ничего не говоритъ; онъ не отказывается отъ своихъ прежнихъ мыслей, напротивъ постоянно твердитъ, что призванъ судьбою осуществить ихъ, но только осуществить практичнымъ образомъ, въ предѣлахъ благоразумія, путемъ порядка. Стало быть вся разница между нимъ и красными республиканцами или соціалистами въ томъ, что тѣ люди опрометчивые и непрактичные, а онъ практиченъ и благоразуменъ: нельзя сказать, чтобы разница не была въ его пользу. Народъ уже испыталъ плоды мечтательности и понимаетъ цѣну благоразумія. Такъ думала значительная часть народной массы, пока продолжалось президентство Луи-Наполеона, и очень многіе простолюдины съ большими надеждами встрѣтили 2-е декабря; но, разумѣется, главнымъ обстоятельствомъ надобно тутъ считать то, что Націо-

нальное Собраніе, противъ котораго направился ударъ, состояло изъ реакціонеровъ, представителей ненавистной буржуазіи, на которой лежало проклятіе простолюдиновъ за іюньскія свирѣпости, за множество придуманныхъ ею потомъ стѣснительныхъ мѣръ, за явное стремленіе къ возстановленію стараго порядка.

Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ съ половиною лѣтъ, Луи-Наполеонъ умѣлъ поддерживать мнѣніе о себѣ, какъ о другѣ народа, призванномъ осуществить соціальныя теоріи, призванномъ незыблемо утвердить во Франціи владычество демократіи и преобразовать къ лучшему матеріальное положеніе массы. На этомъ былъ основанъ его успѣхъ 2 декабря, а на успѣхѣ 2 декабря основалась репутація его геніальности. Дѣйствительно нельзя не признать его чрезвычайно замѣчательнымъ человѣкомъ со стороны умѣнья пользоваться обстоятельствами для своихъ видовъ, для устройства своихъ дѣлъ. Это качество сильнѣе всего развивается постояннымъ и исключительнымъ положеніемъ думать единственно о себѣ. Но для того, чтобы быть хорошимъ правителемъ нужно другое качество, именно способность думать о выгодахъ ближняго, о пользахъ общества, о благѣ націи. Дѣло частнаго человѣка, прокладывающаго себѣ дорогу впередъ, совершенно не таково, какъ дѣло правителя, задача котораго состоитъ въ удовлетвореніи потребностямъ общества. Очень часто бываетъ, что чрезмѣрное сосредоточеніе мысли на первомъ предметѣ лишаетъ человѣка и охоты и возможности приготовиться къ занятію вторымъ предметомъ, а безъ приготовленія и охоты никогда не будетъ и умѣнья. Въ исторіи много примѣровъ тому, что люди, съ чрезвычайнымъ искусствомъ доходившіе до полученія власти, лишены были способности пользоваться ею. Всѣ министры Людовика XV, всѣ министры Іакова II и королевы Анны принадлежали къ людямъ такого типа. Надобно перечитать исторію этихъ эпохъ, и для насъ совершенно объяснится различіе между Луи-Наполеономъ, стремящимся къ президентству и потомъ къ императорству, и между Луи-Наполеономъ, управляющимъ Франціею подъ именемъ Наполеона III.

Факты о внутреннемъ управленіи Наполеона III со времени возстановленія имперіи изложены въ статьѣ, которую читатель найдетъ въ этой книжкѣ. Неизвѣстный авторъ статьи, заимствованной нами изъ Англійскаго журнала, находитъ Луи-Наполеона замѣчательнымъ правителемъ только въ сношеніяхъ съ другими державами; и мы замѣтимъ что этотъ фактъ подтверждаетъ нашу мысль объ исключительномъ источникѣ талантовъ, приписываемыхъ Наполеону III. Въ иностранныхъ дѣлахъ цѣль обыкновенно та, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше вліянія и могущества. Ясно, что тутъ для Наполеона III, правителя, продолжается тоже самое дѣло, которымъ занимался онъ во Франціи до возстановленія имперіи. Только сфера дѣйствія обширнѣе, а интересъ дѣятельности тотъ же самый, чисто личный интересъ. Понять, какого союза выгоднѣе держаться, какими столкновеніями какъ воспользоваться для извлеченія себѣ выгодъ, до какой поры поддерживать или вражду съ кѣмъ нибудь, кому и какую услугу надобно оказать, кого и какъ уколоть или обойти,—все это принадлежитъ къ той заботѣ, которая

исключительно занимаетъ Наполеона III, и потому онъ можетъ мастерски вести дипломатическія дѣла.

Но совершенно не таковы задачи внутренней политики, тутъ личное дѣло уже доведено возстановленіемъ имперіи до полнѣйшаго окончанія: нечего болѣе желать, не къ чему болѣе стремиться, кромѣ только упроченія своего настоящаго положенія. Власть пріобрѣтена уже такая безпредѣльная, такая произвольная, что дальнѣйшаго расширенія для нея не существуетъ, надобно только употреблять ее. На что же употреблять? Обязанность правителя требуетъ осуществленія извѣстныхъ убѣжденій, удовлетворяющихъ по его мнѣнію нуждамъ общества. Но есть характеры, неспособные имѣть никакихъ убѣжденій, или потому что вовсе лишены всякой энергіи, или потому что умъ, занявшись какимъ нибудь однимъ спеціальнымъ, такъ сказать техническимъ дѣломъ, теряетъ всякій интересъ къ общимъ идеямъ, ко всему тому, что выходитъ за границы личныхъ заботъ и изъ чего возникаютъ убѣжденія. Въ недостаткѣ твердой воли Наполеона III нельзя подозрѣвать, но все таки онъ не имѣетъ никакихъ твердыхъ убѣжденій кромѣ одного, что правительственный механизмъ, придуманный его дядей, чрезвычайно хорошъ. Да и эта мысль держится въ немъ твердо единственно потому, что дѣйствительно механизмъ первой имперіи дѣйствительно самый лучшій, лучшій для доставленія безграничнаго произвола лицу, держащему его въ рукахъ. Словомъ сказать и тутъ опять исключительно субъективная мысль, никакъ не замѣняющая совершеннаго недостатка убѣжденій.

Правда, Наполеонъ высказывалъ разныя убѣжденія. До той поры какъ сдѣлался кандидатомъ въ президенты, онъ утверждалъ что любитъ первую имперію за ея революціонное происхожденіе, что самъ онъ революціонеръ и хочетъ войти на императорскій престолъ революціоннымъ путемъ, чтобы быть на немъ послушнымъ исполнителемъ требованій соціализма. Сдѣлавшись кандидатомъ въ президенты, онъ сталъ утверждать что первая имперія была хорошею формою для своего времени, а теперь была бы совершенно неумѣстна и дурна; что республика, дѣйствительно лучшая форма правленія, и что онъ искреннѣйшій республиканецъ, но что революціонный путь гнусенъ и гибеленъ; что революціонерство было у него пагубнымъ влеченіемъ молодости; что Луи-Филиппъ поступилъ совершенно хорошо, посадивъ его въ Гамскую крѣпость; что онъ дѣйствительно былъ преступникомъ, когда являлся въ Страсбургѣ и Булони; что онъ раскаивается въ этомъ, и т. п. Послѣ 2 Декабря онъ снова находитъ, что республика чистѣйшая нелѣпость, но уже молчитъ о соціалистическихъ разсужденіяхъ своихъ, писанныхъ въ Гамской крѣпости, утверждая, что всякое преобразованіе въ общественныхъ отношеніяхъ было бы нарушеніемъ общественнаго порядка. Къ такому разнообразію въ словахъ надобно прибавить, что его дѣйствія постоянно не имѣли никакого отношенія къ словамъ, которыя всегда служили только средствомъ заявить себя приверженцемъ такой партіи, расположеніе которой казалось ему полезнымъ. Они удовлетворяли этой цѣли пока не было у него власти, или пока могъ онъ утверждать что власть его стѣснена сопротивленіемъ національнаго собранія. Но когда не стало этого оправданія для бездѣйствія, то открылось, что за

словами не было ничего, кромѣ желанія достигнуть безграничной власти. Что дѣлать съ ней, на что употребить свое безграничное могущество, онъ не зналъ и не знаетъ до сихъ поръ. Въ статьѣ нами переведенной, доказано фактами, какъ шатки были всѣ его намѣренія произвести ту или другую реформу, какую слабость и робость обнаруживалъ онъ во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя не внушались ему интересомъ самоохраненія, какъ неловко брался онъ за дѣло и какъ торопливо покидалъ его при первомъ неудовольствіи. Онъ зналъ что надобно сдѣлать что нибудь для пользы общества, но что именно и какъ онъ не зналъ. Затруднительность его положенія можетъ быть понята тѣми изъ насъ, которые рѣшительно лишены вкуса, напримѣръ въ музыкѣ, живописи, поэзіи или скульптурѣ. Смотритъ, напримѣръ, на картину, и что подумать объ ней, похвалить или осудить ее, рѣшительно не знаетъ, надобно однако же сказать что нибудь для поддержанія своей репутаціи, и скажетъ что картина хороша. Помилуйте, она дурна, возразитъ сосѣдъ. Онъ пробуетъ защитить свое мнѣніе, но съ нѣсколькихъ словъ его разбили и онъ поспѣшно перерываетъ споръ, заводя рѣчь о другомъ предметѣ. А можетъ быть картина и въ самомъ дѣлѣ не дурна, но какъ ему знать это, на чемъ опереться, когда онъ самъ чувствуетъ, что картина не производитъ на него ровно никакого впечатлѣнія.

Мы уже говорили, что люди, всѣ мысли и заботы которыхъ сосредоточены на личныхъ дѣлахъ, не могутъ вѣрно судить о предметахъ общаго интереса, потому что не способны принимать къ сердцу чужіе интересы. Все что не освѣщено для нихъ разсчетомъ ихъ собственной выгоды навсегда остается для нихъ темнымъ. Не имѣя чувства истины, они дѣйствуютъ только наудачу тамъ, гдѣ не говоритъ инстинктъ личной пользы и потому дѣйствуютъ слабо, робко, безсвязно и безплодно.

А между тѣмъ могущество пріобрѣтено страшное, энергія воли чрезвычайно сильна и нѣтъ могуществу и характеру никакого занятія, кромѣ охраненія собственныхъ интересовъ. Понятно, съ какою напряженностью обращается сила на единственный предметъ для нея занимательный. Понятно, также, какъ неизбѣжна чрезвычайная подозрительность въ человѣкѣ, чувствующемъ свою неспособность къ исполненію принятой на себя обязанности и какъ усиливается подозрительностью напряженіе заботъ о самоохраненіи. Отсюда объясняются всѣ тѣ многочисленныя стѣснительныя мѣры, рядъ которыхъ наполняетъ всю исторію внутренняго управленія при Наполеонѣ III.

Само собою разумѣется что при подобномъ характерѣ внутренней политики, прежнія чувства массы должны были скоро смѣниться неудовольствіемъ, „какъ много для себя, какъ сильно и успѣшно все для себя и какъ мало для общества; и какая же намъ польза? что мы выигрываемъ чрезъ 2 Декабря?“ думалъ каждый. Появленіе неудовольствія заставило прибѣгнуть къ мѣрамъ еще болѣе стѣснительнымъ, отъ нихъ неудовольствіе только расло быстрѣе и быстрѣе. Надобно было чѣмъ нибудь отвлечь вниманіе общества отъ внутренней политики и найдено было къ тому средство въ искусственномъ возбужденіи биржевыхъ спекуляцій. Но скоро и этого стало мало: съ небольшимъ черезъ годъ послѣ 2 Декабря пришлось начать войну, совершенно ненужную для Франціи. Успѣхъ этихъ средствъ извѣстенъ: войну пришлось

прекратить чтобы не повредить самому себѣ ея продолженіемъ: прежній союзникъ былъ раздраженъ, бюджетъ разстроился хуже прежняго, положительныхъ выгодъ государству война не успѣла доставить никакихъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по ея окончаніи убѣдились въ ея ненужности и безполезности для Франціи даже тѣ, которые на минуту были ослѣплены батарейнымъ фейерверкомъ, и всѣ убѣдились что война была просто слѣдствіемъ личнаго разсчета. Къ тому же времени началъ съ довольно смраднымъ запахомъ гаснуть и другой фейерверкъ, отвлекавшій вниманіе толпы отъ внутренней политики. Чрезмѣрно-возбужденныя спекуляціи истощили запасъ капитала и запасъ довѣрія публики. Биржевые курсы стали падать и напрасны были всѣ усилія поддержать фонды, а колоссальныя компаніи, ослѣплявшія всѣхъ фальшивыми дивидендами, увидѣли свои акціи упавшими до половины и еще ниже противъ прежней цѣны. Въ это время произошло покушеніе Орсини на жизнь Наполеона III. Послѣдствія этого случая извѣстны. Мѣры предосторожности, принятыя Наполеономъ, были такъ ужасны, что до крайности увеличили общее неудовольствіе, и менѣе нежели черезъ полгода онъ принужденъ былъ отказаться отъ терроризма, которымъ думалъ ограждать себя. Покушеніе 14 Января послужило поводомъ и къ первому поразительному неуспѣху Луи-Наполеона во внѣшней политикѣ. Онъ раздражилъ англичанъ нападеніями на ихъ учрежденія, появлявшимися въ газетахъ правительственной партіи; онъ оскорбилъ ихъ угрозами вторженія въ Англію и неосторожнымъ требованіемъ измѣнить коренной законъ Англіи. Негодующая нація низвергла министерство, подчинившееся французскому вліянію и общественное мнѣніе произнесло приговоръ черезъ присланныхъ одному изъ участниковъ въ замыслѣ Орсини. Сначала Наполеонъ думалъ запугать разсердившихся англичанъ и послалъ въ Лондонъ Пелиссье, который бы заговорилъ съ англичанами языкомъ лагерныхъ приказаній. Но едва дошли въ Англію слухи о назначеніи новаго посланника съ такимъ значеніемъ, какъ раздались насмѣшки, показавшія безсиліе угрозъ и пришлось истолковать грозное назначеніе въ смиренномъ смыслѣ, будто бы Пелиссье выбранъ именно для того, чтобы напомнить англичанамъ объ идиллическихъ временахъ нѣжной ихъ дружбы съ французами подъ Севастополемъ, и объяснить что бомба вовсе не начинена порохомъ, а наполнена конфектами. Потомъ почтено было нужнымъ чтобы важнѣйшій между наперстниками императора, Персиньи сказалъ въ собраніи одного изъ департаментскихъ совѣтовъ рѣчь, которая служила бы извиненіемъ передъ Англіею. Эти нѣжности не смягчили англичанъ, но за то послужили прикрытіемъ полнаго дипломатическаго пораженія. Едва кончилась несчастная исторія съ Англіей, какъ было употреблено въ дѣло новое средство отклонить вниманіе націи отъ внутреннихъ вопросовъ. Начались слухи о войнѣ съ Австріею для освобожденія сѣверной Италіи. Въ этомъ спектаклѣ надобно было бы ожидать успѣховъ. Но до сихъ поръ нѣтъ еще доказательствъ что угрозы осуществятся; онѣ останутся одними словами, какъ въ раздорѣ съ неаполитанскимъ королемъ. Если война дѣйствительно начнется, она будетъ имѣть результаты, объясненные въ статьѣ, переведенной нами изъ Вестминстерскаго Обозрѣнія: на нѣсколько времени она задержитъ

опасность, грозящую французскому правительству; но еще больше разстроитъ финансы, и каждый мѣсяцъ отсрочки будетъ купленъ двойнымъ приближеніемъ неизбѣжнаго финансоваго кризиса.

Дипломатическое пораженіе разрушило ореолъ всемогущества надъ Европою, которымъ украшался Наполеонъ III во мнѣніи французовъ. Необходимость отставить Эспинаса, министра террориста, и противъ собственной воли смѣнить внутреннюю администрацію, была первою побѣдою общественнаго мнѣнія надъ кореннымъ принципомъ Наполеоновой системы. До той поры императоръ отступалъ передъ оппозиціею множество разъ, но только въ такихъ дѣлахъ, которыя не относились къ его личнымъ интересамъ; теперь онъ отмѣнилъ мѣру, прямо выходившую изъ его заботы о самомъ себѣ, изъ его единственнаго убѣжденія. Онъ призналъ, что даже и свой принципъ, въ которомъ прежде былъ непреклоненъ, теперь не въ силахъ уже онъ поддержать противъ оппозиціи. Вся Франція, самые приверженцы его увидѣли и даже самъ онъ призналъ, что принявъ слишкомъ произвольныя мѣры послѣ покушенія Орсини, онъ выказалъ опрометчивость, потерялъ разсудительность въ единственномъ вопросѣ, который велъ до той поры непогрѣшительно, въ вопросѣ о собственныхъ выгодахъ. Въ первый разъ онъ растерялся тутъ и надѣлалъ вреда самъ себѣ, прибѣгнувъ къ средству совершенно несоотвѣтствовавшему цѣли. Несостоятельность его поддерживать далѣе принципъ безграничнаго произвола, раскрылась такъ ясно для всѣхъ, что надобно было вывести нѣкоторыя изъ правительственныхъ газетъ на совершенно новую для нихъ дорогу уступокъ общественному мнѣнію. Онѣ заговорили о томъ что стѣсненіе свободы не есть коренная черта Наполеоновской системы, а только временная мѣра, которая нужна была въ первые годы новаго правленія, пока нація не привыкла къ нему; что теперь правительство думаетъ отказаться отъ стѣсненій и совѣтовали ему поскорѣе „довершить конституцію“, дарованіемъ журналистикѣ широкой свободы. Показалось мало этихъ совѣтовъ, почли нужнымъ, чтобы ближайшіе оффиціальные совѣтники императора высказали ту же мысль не только какъ желаніе нѣкоторыхъ частныхъ людей, пользующихся благосклонностью правительства, но и прямо какъ положительное намѣреніе самого императора. Морни и Персиньи, назначенные президентами двухъ департаментскихъ совѣтовъ, воспользовались открытіемъ ихъ для произнесенія рѣчей о томъ что имперія примиряется со свободою; что напрасно думаютъ, будто между этими двумя принципами есть несовмѣстность, что напротивъ правительство нуждается въ совѣтахъ независимаго общественнаго мнѣнія. И этого всего показалось еще мало. Императоръ почелъ нужнымъ примириться съ своимъ кузеномъ, принцемъ Наполеономъ, котораго прежде держалъ въ немилости, какъ вреднаго демократа. Много ли серьезности въ демократизмѣ принца Наполеона, этого намъ не нужно разбирать; довольно того, что онъ слыветъ въ реакціонныхъ кругахъ краснымъ, чуть ли не республиканцемъ, и чуть ли даже не соціалистомъ. За эту репутацію, до сихъ поръ мѣшавшую его земному преуспѣянію, теперь увидѣли въ немъ полезнаго правительству человѣка и сочинили для него новый министерскій департаментъ — Алжиріи и колоній. Собственно говоря, новый департаментъ не былъ нуженъ для администра-

ціи и служитъ только для увеличенія безпорядицы въ Алжирскихъ дѣлахъ, потому что новый министръ лишнее звено въ механизмѣ, при существованіи Алжирскаго генералъ-губернатора. Но драгоцѣнно было то, чтобы доставить принцу Наполеону мѣсто въ совѣтѣ министровъ, оффиціальное участіе въ правительствѣ; черезъ это, правительство, по выраженію покровительствуемыхъ имъ газетъ, „обновлялось погруженіемъ въ демократическій элементъ и укрѣплялось въ либеральномъ направленіи мудрыми совѣтами принца Наполеона, извѣстнаго своею преданностью дѣлу свободы". Мудры ли совѣты принца Наполеона, способенъ ли онъ давать ихъ и способенъ ли его кузенъ слушать ихъ, разобрать это уже дѣло самихъ французовъ, а для насъ интересенъ только тотъ фактъ что имперія принуждена дѣлать, хотя на словахъ, уступки либеральнымъ партіямъ и признавать несовмѣстность прежней своей внутренней политики съ требованіями общественнаго мнѣнія. Цѣлымъ рядомъ обѣщаній она старается смягчить его, но все напрасно: уже обнаружилось для всѣхъ безсиліе прежней системы и воодушевляются гражданскимъ мужествомъ даже тѣ безцвѣтные люди, которые семь лѣтъ не смѣли пикнуть ни слова. Какое нибудь Revue des deux Mondes, два, три мѣсяца тому назадъ наполнявшее свою политическую хронику разборами французскаго перевода книги Маколея, исторіи Піэмонта, написанной на Итальянскомъ языкѣ Кіалою, мемуаровъ графа Міо-де-Мерито, драмы въ стихахъ „Персты Феи", написанной господами Скрибомъ и Легуве, и другихъ столь же политическихъ предметовъ,—это Revue des deux Mondes съ іюля мѣсяца прошлаго года отваживается возвышать голосъ, требуетъ свободы для политическихъ преній въ журналистикѣ и не боится даже подозрѣній въ несогласіи своихъ желаній съ Наполеоновскою конституціею, безъ страха называя своихъ противниковъ абсолютистами, а ихъ мнѣнія анахронизмами. Послушайте, какъ разсуждаетъ политическая хроника Revue des deux Mondes 1-го августа: „Мы неуклонно будемъ возвращаться къ великимъ вопросамъ, недавно предъявленнымъ. На наши прежніе совѣты о необходимости либеральныхъ уступокъ намъ отвѣчали истинными анахронизмами. Насъ выставляютъ защитниками парламентаризма, противниками нынѣшней системы. Слишкомъ много чести для насъ, милостивые государи. Мы не имѣемъ претензіи разбирать нынѣшнюю конституцію; даже въ нынѣшнюю лѣтнюю пору мы не имѣемъ охоты пускаться въ эту мерзлую область. Мы не хотимъ даже заглядывать подъ вуаль конституціи, мы не позволяемъ себѣ такихъ фамильярностей съ нею; мы довольствуемся тѣмъ, что вѣримъ на слово привилегированнымъ счастливцамъ, которые водятъ ее подъ руку. Что̀ говорили они? Они говорили, что политическое движеніе нынѣшней Франціи имѣетъ два рычага: иниціативу верховной власти и самодержавное общественное мнѣніе, всегда одерживающее послѣднюю побѣду. Они говорили серьёзно, мы хотѣли и хотимъ вѣрить этому серьёзно. Результатомъ того было наше требованіе, чтобы самодержавіе общественнаго мнѣнія было избавлено отъ опеки. Мы требуемъ перемѣны въ законахъ, которымъ нынѣ подчинена журналистика". Одною половиною своихъ газетныхъ органовъ правительство было принуждено одобрять эти требованія, но другая половина полуоффиціальныхъ газетъ защищала прежнюю политическую си-

стему. Но было уже поздно: уступки только вели къ усиленію требованій. Черезъ два мѣсяца, 1 ноября, хроника Revue des deux Mondes говорила еще нѣсколькими тонами выше, уже прямо обвиняя въ злонамѣренности и безумствѣ людей, прибѣгавшихъ къ разнымъ изворотамъ для защиты прежней системы, которую уже не смѣютъ они защищать открыто. „Мы не побоимся (провозглашала хроника) прямо сказать, что только люди дурнаго ума могутъ приписывать мелочному раздраженію выражаемую нами потребность въ свободѣ политическихъ преній. Интересы, съ которыми связано во Франціи дѣло либерализма, такъ высоки и велики, что разумѣется должны возбуждать искреннее и горячее безпокойство въ людяхъ, приверженныхъ къ другому образу мыслей. Дѣло либерализма связано, по нашему мнѣнію, съ дѣломъ народной чести и общественнаго спокойствія. Отъ свободы для Франціи зависитъ честь, потому что самымъ оскорбительнымъ униженіемъ для нашей родины было бы, если бы она дала увѣрить себя, что она дѣйствительно не способна принимать участіе въ управленіи своими дѣлами, посредствомъ непрерывнаго и полнаго пользованія политическими правами. Точно также, по нашему мнѣнію, отъ свободы зависитъ и общественная безопасность: степенью способности народа управлять самимъ собою измѣряется степень его безопасности. Какъ ни преувеличивайте раболѣпную лесть, а все-таки ваши великіе люди зависятъ отъ націи, которою повидимому руководятъ. Этимъ всегда кончается дѣло: въ исторіи самыхъ порабощенныхъ и послушныхъ народовъ бываютъ минуты, когда общественная власть изнемогаетъ, и возстановить ее можно только совокупными силами цѣлой націи. Не ясно ли, что лучшимъ приготовленіемъ къ такому критическому положенію служитъ для народа свободы? Да и не говоря уже о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, мы живемъ въ такіе времена, когда участіе общественнаго мнѣнія въ правительственныхъ дѣлахъ представляется практическою необходимостью. Нынѣ всѣ смотрятъ на правительство, просто какъ на дирекцію коммерческой компаніи, акціонеры въ которой всѣ мы; и какъ бы ни были искусны директоры, акціонеры иногда лучше ихъ знаютъ, какъ надобно вести дѣла компаніи. Власть лежитъ нынѣ во всѣхъ насъ, происходитъ изъ насъ; та власть, которую имѣетъ правительство, только вручена ему нами, какъ нашему повѣренному въ дѣлахъ. Итакъ мы сохраняемъ относительно правительства всѣ тѣ права контролировать его, и въ случаѣ надобности брать иниціативу въ свои руки, — всѣ тѣ права, которыя имѣетъ довѣритель надъ своимъ повѣреннымъ. Эти права на государственномъ языкѣ называются политическою свободою: она состоитъ въ свободѣ тисненія, въ свободѣ и публичности преній совѣщательныхъ корпорацій государства. Народъ, не пользующійся этими правами, не изучающій своихъ выгодъ, не ведущій надзора за своими дѣлами, не подающій правительству совѣтовъ и внушеній, которыя правительство можетъ получать только отъ него, — такой народъ не замедлитъ понести наказаніе за это забвеніе своихъ обязанностей: онъ подвергается долгимъ и бѣдственнымъ волненіямъ. Мы опасаемся, что стѣсненіе, наложенное на нѣкоторыя наши права, приведетъ къ такимъ послѣдствіямъ, если продлится сверхъ мѣры. Наши революціи

свидѣтельствуютъ о томъ, и своими настоятельными требованіями мы хотимъ предупредить новыя опасности". Каковъ языкъ?—и отъ кого же? Вы подумаете, что читаете Руссо, или по крайней мѣрѣ Ледрю-Роллена, – нѣтъ, вы читаете смиренное Revue des deux Mondes, которое „всегда было другомъ порядка и повиновенія существующимъ законамъ". О вашей конституціи, говоритъ оно, мы и толковать не хотимъ; пусть занимаются ею тѣ, кому охота хвалить это мерзкое существо. Вы утверждаете, что наше желаніе противорѣчитъ конституціи,—такой отвѣтъ чистый анахронизмъ: мы уже сказали, что намъ нѣтъ дѣла до вашей конституціи. Мы требуемъ свободы. Вы противорѣчите намъ,—что же за важность: изъ этого видно только, что вы люди дурнаго ума. Два мѣсяца тому назадъ, мы требовали только измѣненія законовъ о книгопечатаніи, вы не соглашались,—такъ теперь намъ этого уже мало: мы требуемъ теперь свободы тисненія и парламентской формы правленія. Вѣдь вы—небольше какъ только наши повѣренные въ дѣлахъ, и мы имѣемъ право полнаго контроля надъ вами, и въ случаѣ надобности, право взять власть изъ вашихъ рукъ въ свои. Пожалуйста же поторопитесь исполнить наше требованіе, а не то будетъ революція. — Каковъ языкъ! И хоть бы отъ демократовъ, отъ какихъ нибудь красныхъ, или хоть бы просто отъ республиканцевъ,—нѣтъ, отъ Revue des deux Mondes, которое за нѣсколько мѣсяцевъ держало себя застѣнчивѣе скромной дѣвушки, отъ буржуазіи, которая, годъ тому назадъ, была тише воды, ниже травы: вода забурлила и бурлитъ безнаказанно.

Да что ужь Revue des deux Mondes! Оно хотя и трусило, и молчало, но по крайней мѣрѣ не рвалось прежде въ переднюю. А вотъ даже и графъ Монталамберъ, который такъ усердно терся въ передней, и тотъ уже бравируетъ господина, которому присягалъ не въ примѣръ прочимъ. „Франція порабощена, пишетъ онъ:—намъ нужны англійскія учрежденія, мы не хотимъ быть рабами". Отдавать или не отдавать подъ судъ непокорнаго служителя? И то и другое представляется опаснымъ. Наконецъ рѣшаются отдать подъ судъ. Половина Франціи хохочетъ скандалу между прежними друзьями, другая негодуетъ на строгость и безтактность правительства. Судъ приговариваетъ виновнаго къ наказанію, смягченному до послѣдней крайности. Негодованіе усиливается. Наполеонъ III спѣшитъ замять дѣло помилованіемъ осужденнаго. Осужденный храбрится пуще прежняго. „Не принимаю прощенія. Оно не законно. Вы не имѣли права давать его. Я подалъ апелляцію. Вы не смѣете прерывать хода правосудія вашими произвольными прощеніями, въ которыхъ никто не нуждается. Пусть меня судитъ законъ". Опять новыя безпокойства въ правительствѣ: можетъ ли судъ пересматривать дѣло, конченное помилованіемъ? Вѣдь это значило бы соглашаться съ Монталамберомъ, что императоръ поступилъ незаконно, преждевременно вмѣшавшись въ дѣло. Оно можетъ быть и такъ, но все-таки судъ принимаетъ просьбу и пересматриваетъ дѣло, какъ будто бы помилованія и не существовало. Онъ произноситъ новый приговоръ. Давно ли было время, когда такая самостоятельность была бы объявлена непризнаваніемъ императорскихъ правъ, несоблюденіемъ конституціи? Но теперь уже не до того, и власть, получившая столько

оскорбленій, считаетъ нужнымъ снова заминать дѣло новымъ помилованіемъ. „Пустите меня въ тюрьму! кричитъ Монталамберъ—я не хочу имѣть съ вами никакихъ сдѣлокъ!“ и ломится въ тюрьму. Его упрашиваютъ пощадить правительство отъ дальнѣйшихъ скандаловъ и остаться свободнымъ. Какая комедія! Но была ли бы она возможна за годъ или за два? Система ослабѣла до того, что даже прежніе служители нагло отвергаютъ ея милости и вызываютъ ее на бой съ дерзкимъ крикомъ: попробуй ударить, если смѣешь! и она не смѣетъ ударить.

Луи-Наполеонъ чувствуетъ невозможность остановить возрастающую смѣлость террористическими мѣрами и видитъ необходимость прибѣгнуть къ тому средству, которое разъ уже употреблялъ съ такимъ успѣхомъ для отвлеченія вниманія націи отъ домашнихъ дѣлъ. Распущены слухи о войнѣ Франціи съ Австріей. Фраза, сказанная Австрійскому посланнику на новый годъ, подтвердила общую молву. „Я скорблю, что наши отношенія къ вашему правительству не такъ хороши, какъ прежде“. Итакъ война. Но Англійское правительство не одобрило сильную фразу, и въ оффиціальныхъ французскихъ газетахъ объясняетъ, что напрасно придавали ей воинственный смыслъ, что она сказана была доброжелательно, дружескимъ тономъ; а въ разговорѣ значеніе словъ зависитъ отъ тона, которымъ они говорятся; да и самыя слова, даже и безъ всякаго тона, какъ слѣдовало бы принять? Сожалѣть о вещи значитъ жалѣть, что ея нѣтъ и желать, чтобы она была, потому я сожалѣю объ ослабленіи дружбы съ вами, просто значитъ: я желаю, чтобы дружба наша возстановилась. Императоръ просто хотѣлъ выразить, что постарается прекратить всякія неудовольствія съ Австріей. Вольно же было понимать его слова въ другомъ смыслѣ.

Послѣ такихъ объясненій, разумѣется, трудно, сказать, миромъ или войною кончатся дипломатическія столкновенія Франціи съ Австріей. Видно только, что французскому правительству хотѣлось бы начать войну, но оно пока еще боится прибѣгать къ этому послѣднему средству для выхода изъ опасностей, которыя расли постоянно съ самаго окончанія русской войны и особенно быстро стали развиваться вслѣдствіе опрометчивости, овладѣвшей имъ послѣ покушенія 14 января.

Англія отъ опрометчивыхъ угрозъ по дѣлу Орсини пріобрѣла кромѣ случая выказать увѣренность въ превосходствѣ своихъ силъ надъ силами нынѣшняго французскаго правительства, существенную выгоду: излишняя податливость Пальмерстона убила въ общественномъ мнѣніи этого стараго шутника, популярность котораго была уже нѣсколько лѣтъ самымъ вреднымъ препятствіемъ для внутреннихъ улучшеній. Теперь трудно Пальмерстону сдѣлаться главою министерства, а не дальше какъ за годъ нельзя было и предвидѣть, когда кончится его министерство, отнимавшее возможность всякихъ улучшеній для внутреннихъ учрежденій Англіи и отвлекавшее вниманіе націи отъ всѣхъ серьёзныхъ вопросовъ государственнаго благосостоянія дипломатическими фокусами, совершавшимися обыкновенно на маленькихъ государствахъ, самая слабость которыхъ должна была бы служить защитою имъ отъ пошлыхъ обидъ. У насъ во время войны писали

много дурнаго о лордѣ Пальмерстонѣ, считая его истиннымъ виновникомъ страшнаго кровопролитія; но теперь забыта тогдашняя досада, и Пальмерстонъ снова принимается многими за серьёзнаго государственнаго человѣка. Да и прежнія порицанія ему большею частью приходились невпопадъ, потому что его, бѣдняжку, совершенно напрасно винили въ русской войнѣ: куда бы ему было рѣшиться на войну съ сильной державой! Онъ удовольствовался бы бумажною перестрѣлкою, да шуточками въ парламентѣ. Грецiя,—это иное дѣло; а отъ Россiи постарался бы отдѣлаться безъ пушечнаго выстрѣла этотъ, по выраженiю Диккенса, „старый фарсеръ, лучшiй виртуозъ фокусъ-покусовъ и превращенiй“.

Въ молодости лордъ Пальмерстонъ былъ фешенеблемъ перваго сорта и знаменитымъ Донъ-Жуаномъ. Тотъ же блескъ и ту же любовь къ легкимъ побѣдамъ перенесъ онъ въ свою политическую дѣятельность. Но извѣстно, что франты вообще не любятъ серьёзныхъ занятiй. Для реформъ нужно серьёзное изученiе внутренняго быта страны во всѣхъ подробностяхъ, и лордъ Пальмерстонъ былъ всегда врагомъ реформы, — и тогда, когда былъ тори, и тогда, когда обратился къ вигизму. Но какъ же онъ обратился къ вигизму? Очень просто, Донъ-Жуаны всегда предпочитаютъ тѣ гостиныя, въ которыхъ можно имѣть больше успѣха. Во время наполеоновскихъ войнъ, въ 1807 году, когда началась политическая карьера Пальмерстона, владычествовали тори; владычествовали они уже давно и сильно укрѣпились въ министерскихъ и парламентскихъ позицiяхъ, такъ что должны были удержаться въ нихъ еще очень надолго; потому и лордъ Пальмерстонъ былъ тори, а въ награду за свой торизмъ былъ военнымъ министромъ. Надобно замѣтить, что онъ изъ фамилiи Тэмплей, къ которой принадлежатъ герцоги Бокингемы и Чендосы, стало быть имѣлъ наслѣдственное право на министерскiй санъ. Лордъ Веллингтонъ побѣждалъ французовъ въ Испанiи, потомъ въ Бельгiи, стало быть военному министру хорошо было говорить въ парламентѣ надлежащiя рѣчи. Потомъ министерства смѣнялись, потому что различные политическiе принципы поочередно брали вверхъ одинъ надъ другимъ, а лордъ Пальмерстонъ, при всѣхъ перемѣнахъ, оставался на своемъ мѣстѣ, потому что для него были равны всякiе принципы. Такимъ образомъ дожилъ онъ до министерства Веллингтона и по наслѣдству отъ прежнихъ достался и этому. Но Веллингтонъ былъ человѣкъ суровый относительно принциповъ: по его мнѣнiю, если уже называться тори, то и не надобно отступаться отъ торiйскихъ правилъ; черезъ нѣсколько времени онъ отнялъ должность у своего товарища. Тогда разумѣется надобно было перейти въ оппозицiю: нельзя же не сердиться, потерявши мѣсто, на которомъ сидѣлъ 20 лѣтъ. Оппозицiею были виги,—какъ же не сдѣлаться вигомъ?

Тутъ подоспѣла iюльская революцiя; отголоскомъ этого потрясенiя были низвергнуты тори, вошли въ министерство виги, съ ними и Пальмерстонъ. Виги предложили парламентскую реформу. Пальмерстонъ 20 лѣтъ противился всякимъ реформамъ, но теперь противиться реформѣ значило бъ — надолго потерять министерское мѣсто. Кто себѣ врагъ? Пальмерстонъ не противорѣчилъ реформѣ и остался министромъ еще на десять лѣтъ. Съ этой поры,

съ 1830 года онъ руководилъ иностранною политикою Англіи до прошедшаго года за исключеніемъ только двухъ періодовъ: министерства Пиля (около 5 лѣтъ) и недолгаго министерства Дерби (передъ русскою войною). Управляя иностранною политикою, онъ много геройствовалъ надъ маленькими государствами, какъ напримѣръ надъ Греціею, которую чуть не бомбардировалъ по дѣлу Пачифико. Кромѣ того онъ имѣлъ привычку дѣлать непріятности и сильнымъ державамъ, но только такъ, чтобы дѣло не доходило до войны. Изъ этой невинной наклонности ободрялъ онъ къ волненію сициліанцевъ, ломбардо-венеціанцевъ и венгровъ, обѣщая имъ покровительство Англіи. Но когда волненія обращались въ вооруженныя возстанія, и для исполненія обѣщаній пришлось бы объявить войну Австріи и Неаполю, Пальмерстонъ разсудилъ, что это значило бы заводить штуку за предѣлы благоразумія, и покинутые инсургенты были подавляемы. А быть можетъ они и не взялись бы за оружіе, если бъ не получили увѣреній въ покровительствѣ отъ лорда Пальмерстона. Гдѣ жь было такому человѣку, дерзкому надъ слабыми, робкому передъ сильными, начать войну противъ Россіи? Но онъ любилъ шумѣть, пока дѣло не представляло опасности, и говорить въ парламентѣ язвительныя рѣчи. Масса, не знавшая его дѣлъ (онъ отличался чрезвычайнымъ искусствомъ очень долго скрывать отъ парламента дипломатическіе документы, на всѣ требованія отвѣчая, что переговоры еще не кончены, и обнародованіе депешъ имѣло бы невыгодное вліяніе на ходъ ихъ), принимала слова за дѣла, полагала, что онъ на самомъ дѣлѣ поступаетъ въ переговорахъ такъ же храбро, какъ въ парламентскихъ рѣчахъ, и воображала Пальмерстона героемъ иностранной политики. На этомъ основалась его громадная популярность и никто не полагалъ, чтобы храбрецъ былъ храбрецомъ только до первой угрозы, произнесенной сильнымъ голосомъ. Это обнаружилось, когда онъ на угрозы Наполеона, на крики оффиціальныхъ французскихъ газетъ, что надобно истребить Англію,—притонъ убійцъ и заговорщиковъ,—отвѣчалъ предложеніемъ англійскому парламенту измѣнить англійскій законъ въ угодность Франціи. Тутъ въ одинъ мигъ разсѣялись многолѣтнія заблужденія и какъ дымъ исчезла вся популярность Пальмерстона. Онъ палъ, и если когда нибудь вновь сдѣлается министромъ, то уже никакъ не по собственной силѣ, а развѣ по родственнымъ связямъ. Да и то пока остается неправдоподобнымъ.

Англійская нація чрезвычайно много выиграла, освободившись отъ пристрастія къ лорду Пальмерстону, потому что съ паденіемъ его прекратилась помѣха къ улучшенію внутреннихъ учрежденій. Нынѣшнее торійское министерство, не имѣя большинства въ Палатѣ Общинъ своею собственною партіею, принуждено искать опоры въ томъ отдѣлѣ либеральной партіи, который недоволенъ чистыми вигами (Пальмерстоновскими и Росселевскими), какъ людьми отсталыми, держащимися слишкомъ узкихъ границъ въ реформахъ. Въ первый разъ этотъ отдѣлъ выступилъ самостоятельною партіею по дѣлу о предложеніи подвергнуть порицанію торійскій кабинетъ за знаменитую депешу, посланную лордомъ Элленборо къ Остъ-индскому генералъ-губернатору. Но прежде нежели начались пренія, открылось, что лордъ Элленборо дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ безъ согласія своихъ товарищей, которые и

заставили его выйти въ отставку. Этимъ фактически было уже уничтожено значеніе депеши, и за предложеніемъ подвергнуть порицанію министерство оставался уже одинъ тотъ смыслъ, чтобы низвергнуть торійскій кабинетъ. Но въ такомъ случаѣ образовалось бы вигистское министерство Росселя или Пальмерстона, или обоихъ вмѣстѣ. Члены, желающіе широкихъ реформъ, рѣшились сосчитать свои силы, чтобы увидѣть —дѣйствительно ли отъ нихъ зависитъ дать большинство вигамъ или тори, и въ случаѣ, если бы оказалось это, дѣйствовать самостоятельно, поддерживать тори или виговъ, смотря потому, которая изъ двухъ аристократическихъ партій готова будетъ сдѣлать имъ больше уступокъ.

И вотъ собрались, чтобы сосчитать своихъ членовъ, разные отдѣлы реформаторской партіи: люди манчестерской школы, радикалы и тѣ немногіе хартисты, которые засѣдаютъ въ парламентѣ; они увидѣли, что составляютъ пятую часть всего числа членовъ Палаты Общинъ. Остальные члены почти по-ровну раздѣлены на виговъ и тори; слѣдовательно и тѣ и другіе въ нынѣшней Палатѣ Общинъ пріобрѣтаютъ или теряютъ большинство, смотря потому, за нихъ или противъ нихъ будутъ члены, желающіе широкихъ реформъ. Тогда эти члены, соединившись въ одну партію „независимыхъ либераловъ“, то есть либераловъ недовольныхъ отсталыми понятіями чистыхъ виговъ, потребовали отъ министерства рѣшимости дѣйствовать либеральнѣе чистыхъ виговъ. Лордъ Дерби долженъ былъ согласиться, потому что иначе подвергся бы пораженію. Независимые либералы подали голосъ за министерство: оно было спасено и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилась неизбѣжность парламентской реформы, какъ единственной цѣны, которою можетъ быть куплена необходимая торійскому министерству поддержка независимыхъ либераловъ.

Съ этой минуты агитація въ пользу парламентской реформы приняла огромные размѣры, какъ дѣло о вопросѣ, достигшемъ практическаго значенія. Руководителемъ агитаціи былъ избранъ по предложенію самого Робака, главы радикаловъ, бывшій сподвижникъ Кобдена по отмѣненію хлѣбныхъ законовъ, Джонъ Брайтъ, въ настоящее время едва ли не первый по таланту между всѣми англійскими ораторами, одинъ изъ честнѣйшихъ людей въ Европѣ. Читатель конечно видѣлъ въ газетахъ извлеченія изъ его рѣчей въ главныхъ городахъ Великобританіи на митингахъ, собиравшихся для изъявленія сочувствія къ дѣлу парламентской реформы. Мы должны будемъ много разъ возвращаться къ этому предмету и тогда изложимъ его подробнѣе, а теперь скажемъ лишь нѣсколько словъ о личности государственнаго человѣка, ставшаго во главѣ реформирующей партіи, о смыслѣ движенія, избравшаго своимъ ораторомъ этого честнаго квакера, и о тѣхъ шансахъ, какіе теперь имѣетъ дѣло парламентской реформы.

Брайтъ—одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, для которыхъ еще недавно не существовало возможности въ Англіи. Почти до конца второй четверти нынѣшняго вѣка вся государственная власть была тамъ захвачена двумя аристократическими партіями, потому что и виги, предводители которыхъ всегда были аристократами по происхожденію, давно уже сдѣлались узкими аристократами также и по своимъ политическимъ принципамъ. Пер-

вымъ примѣромъ сильнаго государственнаго человѣка, давшаго парламентскимъ рѣшеніямъ направленіе независимое отъ аристократическихъ разсчетовъ, явился Робертъ Пиль въ 1846 году, когда принудилъ значительную часть торійской партіи подать голосъ за отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ. Но при этомъ случаѣ онъ только воспользовался могущественнымъ положеніемъ, которое занималъ; а этого могущественнаго положенія онъ достигъ только тѣмъ, что совершенно примкнулъ къ тори и много лѣтъ былъ послушнымъ ихъ органомъ Безъ своего торизма онъ былъ бы ничѣмъ. Послѣ отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, аристократическія партіи начинаютъ по немногу дряхлѣть, при могущественномъ напорѣ новыхъ идей; отъ нихъ начинаютъ отдѣляться люди съ болѣе свѣтлыми головами, отъ торійской партіи пилиты, отъ виговъ манчестерская школа и радикалы. Когда нибудь мы разскажемъ весь ходъ этого измѣненія, а здѣсь замѣтимъ только одно: до половины послѣдняго года разложеніе прежнихъ аристократическихъ партій не достигло еще такихъ размѣровъ, и новыхъ людей съ независимыми понятіями въ Палатѣ Общинъ было еще не такъ много, чтобы характеръ Палаты Общинъ существенно измѣнился. Правда, пилиты пріобрѣтали по временамъ довольно важное участіе въ составѣ того или другого кабинета; правда, по предложеніямъ радикаловъ Робака и Мильнера-Джибсона, принимались иногда довольно важныя рѣшенія; но все это бывали только счастливою случайностью, неизмѣнявшею общаго хода дѣлъ. Верховное руководство государственными дѣлами никогда не выходило изъ рукъ аристократовъ или, если не аристократовъ по происхожденію, то послушныхъ представителей той или другой аристократической партіи. Если не тори, то виги, если не виги, то тори—другой альтернативы не было. Если не лордъ Дерби съ своимъ помощникомъ Д'Израэли, то лордъ Пальмерстонъ, или оба вмѣстѣ,—другихъ правителей Англія не могла имѣть. Всего только полгода тому назадъ люди, не принадлежащіе къ аристократическимъ партіямъ, нашли себя въ Палатѣ Общинъ достаточно многочисленными для того, чтобы составить новую, независимую партію и свергнуть съ себя зависимость отъ виговъ. Главныя лица этой новой партіи: Кобденъ, Робакъ и Брайтъ. Не знаемъ, кто изъ нихъ будетъ постояннымъ ея предводителемъ, но по дѣлу парламентской реформы она избрала своимъ предводителимъ Брайта.

Джонъ Брайтъ, сынъ Джемса Брайта, ланкаширскаго фабриканта, родился въ 1811 году, слѣдовательно теперь ему около 47 лѣтъ. Отецъ его былъ квакеръ, и онъ воспитанъ въ правилахъ этого исповѣданія, изъ которыхъ неуклонно слѣдовалъ всегда двумъ основнымъ: говори всегда правду, хотя бы прошлое житейское благоразуміе предписывало молчать о ней, и считай преступленіемъ войну, какъ убійство. Знаменитость его началась чрезвычайно энергическимъ и блистательнымъ содѣйствіемъ Кобдену въ агитаціи для отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Рѣчами на митингахъ по этому вопросу онъ пріобрѣлъ такую извѣстность, что въ 1843 году могъ явиться кандидатомъ въ Дёргемѣ, гдѣ протекціонисты были чрезвычайно сильны. Его соперникъ лордъ Денгеннонъ одержалъ верхъ, но только посредствомъ подкупа; это было доказано и парламентъ объявилъ выборъ не дѣйствительнымъ. Тогда Брайтъ снова явился кандидатомъ и былъ выбранъ въ члены парламента.

Дѣятельность его въ парламентѣ и на митингахъ съ каждымъ годомъ увеличивала его славу, и въ 1847 году Манчестеръ, центръ агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, единогласно избралъ своимъ представителемъ его вмѣстѣ съ Кобденомъ. Въ парламентѣ онъ, разумѣется, энергически поддерживалъ всѣ либеральныя предложенія и популярность его возрастала до самой той поры, когда поднялся въ Англіи фанатическій вопль противъ папизма, по случаю оффиціальнаго назначенія папою католическаго архіепископа (кардинала Уайзмена) и нѣсколькихъ католическихъ епископовъ для Англіи. Брайтъ не могъ для сохраненія популярности пожертвовать убѣжденіемъ въ обязанности каждому просвѣщенному человѣку защищать свободу совѣсти, и возсталъ противъ нетерпимости. Это нѣсколько повредило ему въ общемъ мнѣніи. Но онъ все-таки пользовался любовью; и при новыхъ выборахъ, въ 1852 году, Манчестеръ остался ему вѣренъ. Но вотъ началась Русская война, Брайтъ всячески старался предупредить ее, доказывалъ ея ненужность, указывалъ средства избѣжать ея; на него стали смотрѣть очень косо.

Война началась, судьба англійской арміи была печальна, національная гордость англичанъ жестоко страдала и потому ихъ раздраженіе было безгранично. Общій крикъ: „надобно, какъ можно энергичнѣе продолжать войну, чтобы загладить первыя неудачи и ошибки, чтобы разсѣять въ иностранцахъ и въ насъ самихъ сомнѣніе о нашимъ могуществѣ“ заглушалъ всѣ другія рѣчи, подавлялъ всѣ другія чувства. Страшно было противорѣчить безграничному увлеченію; замолчали почти всѣ неодобрявшіе войну. Брайтъ не отступилъ отъ исполненія того, что считалъ своею обязанностью. Громче прежняго онъ доказывалъ ненужность войны. Всѣ закричали, что онъ измѣнникъ отечества, что онъ сумасшедшій негодяй. Вся популярность его изчезла, онъ подвергся презрѣнію и ненависти націи. Но не отступилъ онъ отъ обязанности говорить ей то, что считалъ правдою. Во время войны у насъ было переводимо множество отрывковъ изъ его удивительныхъ рѣчей; но выборъ дѣлался обыкновенно очень одностороннимъ образомъ, такъ что публикѣ не легко было отгадать существенный смыслъ сопротивленія Брайта войнѣ. Многіе полагали у насъ, что Брайтъ осуждаетъ войну изъ пристрастія къ Россіи; другіе думали, что онъ проклинаетъ ее только какъ филантропъ, какъ сантиментальный мечтатель, или какъ сектантъ, единственно изъ теоретическихъ или религіозныхъ убѣжденій о грѣхѣ проливать человѣческую кровь. Нѣтъ, онъ доказывалъ ненужность войны съ чисто-англійской точки зрѣнія, имѣя въ виду интересы не Россіи, а своей родины, и доказывалъ это соображеніями чисто практическими, говорилъ какъ государственный человѣкъ, а не какъ идеалистъ. Онъ доказывалъ, что могущество Россіи не до такой степени безмѣрно, чтобы цивилизованнымъ странамъ Западной Европы можно было серьезно страшиться его. Онъ доказывалъ, что Россія едва ли хотѣла и едва ли могла овладѣть Константинополемъ, если бы даже западныя державы и не подавали помощи Турціи. Во всякомъ случаѣ, говорилъ онъ, Турція такъ нелѣпа и разстроена, что не можетъ служить оплотомъ Западной Европѣ противъ Россіи, и если не можетъ охраниться отъ Россіи своими Балканами, пустынями и болотами, то лучше и не поддержи-

вать ее, потому что поддержка будетъ стоить гораздо дороже, нежели стоило бы прямое столкновеніе съ Россіею на западно-европейской почвѣ. Онъ говорилъ, что излишнее расширеніе границъ не усиливаетъ, а ослабляетъ государство, и если бы Россія завоевала Турцію, то не укрѣпилась бы, а изнурилась бы присоединеніемъ болѣзненнаго нароста къ своему организму. Наконецъ онъ доказывалъ, и это было главнѣйшимъ его основаніемъ, что могущество государства зависитъ гораздо больше отъ его богатства и умственнаго развитія, нежели отъ его обширности и числа его жителей. Потому, говорилъ онъ, пусть Россія дѣлаетъ что хочетъ, лишь бы не мѣшала вашимъ домашнимъ дѣламъ. Если она кажется вамъ опасною своимъ могуществомъ, если вы находите нужнымъ принять какія нибудь усиленныя мѣры, чтобы взять перевѣсъ надъ нею, эти мѣры должны состоять въ усиленной заботливости англійскаго правительства о развитіи англійской промышленности, о распространеніи просвѣщенія въ Англіи и болѣе всего о возвышеніи благосостоянія бѣдныхъ классовъ англійскаго народа. Послѣдняя забота важнѣе всѣхъ, какъ потому что благосостояніе массы само по себѣ главнѣйшій источникъ государственнаго моущества, такъ и потому, что оно служитъ необходимымъ условіемъ для развитія двухъ другихъ условій государственной силы, для развитія промышленности и просвѣщенія. Если вы пойдете по этому пути быстрѣе, нежели Россія, съ каждымъ годомъ вы будете становиться сильнѣе ея; а если она хочетъ идти другимъ путемъ, путемъ войны, завоеваній и насилія, она быстро будетъ терять и прежнюю свою силу. Но я не желаю вреда никакому народу, хотя больше всего желаю пользы своему. Я не радовался бы, если бы Россія дѣйствительно хотѣла губить себя войнами и завоеваніями. Я хочу думать, что нынѣшнее столкновеніе ея съ Турціей было только слѣдствіемъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя скоро минуются; и во всякомъ случаѣ нельзя не предвидѣть, что очень скоро она обратитъ свои силы вмѣсто завоеваній на развитіе истинныхъ источниковъ могущества, на заботу о своей промышленности, своемъ просвѣщеніи, о благосостояніи своихъ простолюдиновъ, и какъ вы, если будете благоразумны, быстро станете усиливаться, такъ будетъ возрастать и ея истинное могущество. Пусть возрастаетъ: мы должны желать ей того, какъ надобно желать и всякому другому народу, потому что такое могущество даетъ только счастье и безопасность самой державѣ, имъ владѣющей, а не представляется опасностью для другихъ державъ: вѣдь оно основано на промышленности, образованности, на благосостояніи массы народа; а чѣмъ промышленнѣе и образованнѣе государство, тѣмъ меньше ищетъ оно войны, и чѣмъ благосостоятельнѣе масса народа, тѣмъ усерднѣе народъ станетъ, въ случаѣ надобности, защищать свои границы, но тѣмъ меньше будетъ у него охоты нападать на другихъ. — Такова была сущность мыслей, которыми Брайтъ доказывалъ ненужность и вредъ войны съ Россіею для самой Англіи. Въ тѣ времена, раздраженные, ослѣпленные англичане вознегодовали на него за такія рѣчи; онъ сдѣлался предметомъ самихъ позорныхъ ругательствъ и проклятій, самой нелѣпой клеветы. Онъ безумецъ, онъ измѣнникъ родинѣ, онъ защитникъ деспотизма, онъ подкупленъ Россіею, онъ рабъ русскаго царя, кричали про него всѣ. Онъ

остался вѣренъ своей обязанности говорить правду, но ненависть и гнѣвъ народа, который онъ такъ любилъ, тяжело подѣйствовали на него, такъ что его здоровье разстроилось, и по окончаніи парламентской сессіи 1855 года, онъ, изнуренный борьбою, для поправленія здоровья уѣхалъ въ Италію. Разумѣется, къ прежнимъ клеветамъ тотчасъ же прибавилось новое истолкованіе: прежде его называли гнуснымъ измѣнникомъ, теперь дополнили его характеристику помѣшательствомъ. Озлобленіе противъ него было такъ упорно, что при выборахъ, въ мартѣ 1857 года, Манчестеръ лишилъ Брайта (вмѣстѣ съ Кобденомъ, который дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и подвергся той же ненависти, какъ Брайтъ) званія своего представителя. Но тутъ начинается новый переворотъ въ общественномъ мнѣніи относительно Брайта и его товарищей. Исключеніе изъ парламента людей столь замѣчательныхъ было несправедливостью уже слишкомъ рѣзкою, и нація вдругъ вспомнила о ихъ прежнихъ заслугахъ по отмѣненію хлѣбныхъ законовъ. Да и притомъ, кто будетъ разбирать въ Палатѣ Общинъ промышленные вопросы съ глубокимъ знаніемъ дѣла, съ совершенною проницательностью, если не будетъ въ ней представителей манчестерской школы? Они необходимы для Палаты, и при дополнительныхъ выборахъ они введены были въ парламентъ. Брайта выбралъ Бирмингемъ. Скоро послѣ того нація разочаровалась въ Пальмерстонѣ, въ жертву которому принесла Брайта и его товарищей. Воинственный жаръ успѣлъ остыть, послѣдствія войны подтвердили фактами справедливость мнѣній Брайта. Всѣ убѣдились, что Турція не стоила потраченныхъ на нее силъ. Россія по окончаніи войны предалась новому направленію, неизбѣжность и пользу котораго предсказывалъ Брайтъ, и, занявшись благодѣтельными внутренними преобразованіями, фактически доказала, что не хочетъ страшить Европу съ вредомъ для себя, а заботится о дѣйствительномъ своемъ благѣ, съ пользою и для самой Европы. Непопулярность Брайта изчезла въ нѣсколько недѣль, замѣнившись прежнею или еще большею любовью націи. Масса народа въ Англіи, какъ и повсюду, прямодушна и расположена цѣнить прямоту характера чуть ли не выше всего. Англичане поняли, какая рѣдкая честность нужна была Брайту, чтобы не замолчать во время войны предъ раздраженною націею о ненавистной тогда истинѣ; какую чрезвычайную преданность общему благу доказали онъ и его товарищи, не колеблясь жертвовавшіе собою для отклоненія націи отъ разорительной ошибки Съ уваженіемъ къ нему, какъ къ великому оратору, съ возвращеніемъ наклонности къ признаванію правды въ его убѣжденіяхъ, соединилось чрезвычайное почтеніе къ удивительной прямотѣ и честной твердости его характера. Въ это время возродилось стремленіе къ парламентской реформѣ, на время подавленное войною, и Брайтъ, явившійся самымъ блистательнымъ ораторомъ на митингахъ въ пользу этого вопроса, былъ избранъ отъ всей партіи реформаторовъ, по предложенію самого Робака, который одинъ могъ имѣть притязаніе на соперничество съ нимъ, главою реформаціоннаго движенія. Какое участіе принимаетъ онъ въ немъ, мы разскажемъ послѣ, а теперь мы хотѣли только сказать, каковъ человѣкъ, избранный англійскою націею въ руководители такого дѣла, передъ которымъ ничтожны всѣ другія дѣла, занимающія теперь Англію.

Сравните Брайта съ Пальмерстономъ, и вы поймете, какъ будетъ отличаться отъ прежней англійской политики новая: когда партія, одушевленная понятіями, производящими нынѣ реформу, станетъ сильнѣе двухъ прежнихъ партій, тогда будутъ невозможны государственные дѣятели, подобные лорду Пальмерстону. Дурные люди останутся, но принуждены будутъ руководиться въ своихъ государственныхъ дѣйствіяхъ мнѣніями честныхъ людей. Очень вѣроятно, что часто будутъ управлять государствомъ по прежнему тори или виги, но они должны будутъ, чтобы удержаться въ министерствѣ, поступать сообразно съ требованіями новыхъ людей, понимающихъ государственное благо вѣрнѣе ихъ. Начало этому новому періоду англійской исторіи мы видимъ уже теперь, когда лордъ Дерби (этотъ идолъ Крыловской басни, изрекающій мудрые отвѣты, потому что въ немъ сидитъ жрецъ очень тонкаго ума, д'Израэли), этотъ наслѣдникъ людоѣдовъ, подобныхъ лорду Лондондерри, является уже гуманнымъ и просвѣщеннымъ правителемъ, потому что независимые либералы накинули довольно крѣпкую узду на него и его товарищей. Съ теченіемъ времени узда будетъ становиться крѣпче и крѣпче, т. е. и въ вигахъ и въ тори будетъ еще больше хорошаго, вкладываемаго въ ихъ дѣйствія если не внушеніями собственнаго сердца, то внѣшнею необходимостью. Съ этой стороны, со стороны уступокъ требованіямъ просвѣщенныхъ людей средняго сословія, доселѣ остающихся въ Англіи защитниками интересовъ и простого народа, исторія министерства лорда Дерби чрезвычайно занимательна. Мы теперь коснемся смысла главнѣйшаго изъ ея эпизодовъ, смысла подготовляемой агитаціею парламентской реформы. Чего хотятъ люди, избравшіе своимъ предводителемъ Брайта? Чѣмъ не довольны они въ нынѣшнемъ устройствѣ парламента, и каковъ былъ бы результатъ требуемыхъ ими перемѣнъ? Въ слѣдующемъ изложеніи мы будетъ отчасти пользоваться статьею Файдера, помѣщенною въ Indépendance Belge 8 и 9 декабря прошлаго года.

Первое измѣненіе, требуемое реформаціонною партіею, относится къ продолжительности срока, на который избираются члены Палаты Общинъ по распущеніи прежняго парламента.

По старинпымъ законамъ, продолжительность одного и того же парламента не была ограничена никакимъ срокомъ и зависѣла единственно отъ воли короля. Онъ могъ сохранять одинъ и тотъ же парламентъ во все продолженіе своего царствованія, если находилъ то удобнымъ для себя и полагалъ, что новые выборы будутъ ему менѣе благопріятны, нежели выборы, произведенные при его восшествіи на престолъ. Такимъ образомъ одинъ изъ парламентовъ, бывшихъ при Карлѣ II, продолжался цѣлыхъ семнадцать лѣтъ. По закону, парламентъ не могъ пережить только кончины того короля, по грамматамъ которагo произведены были выборы. Смертью короля распускался его парламентъ, и новый король долженъ былъ назначать новые выборы.

По изгнаніи Стюартовъ, при Вильгельмѣ III, почли нужнымъ ограничить прежній произволъ и обезпечить для націи средства чаще приводить въ соотвѣтствіе съ господствующимъ мнѣніемъ корпорацію, представляющую голосъ націи. По статуту, называющемуся трехгодичнымъ закономъ (Triennal act), было постановлено, что одинъ и тотъ же парламентъ не можетъ продолжаться долѣе трехъ лѣтъ и общіе выборы производятся на этотъ срокъ.

Черезъ двадцать два года, при Георгѣ I, срокъ этотъ былъ продленъ на семь лѣтъ по семигодичному закону (Septennial act); измѣненіе предложено было вигами и нашло сопротивленіе въ торійскихъ абсолютистахъ и реакціонерахъ. Лордъ Сомерсъ, одинъ изъ самыхъ честныхъ и свободномыслящихъ людей тогдашней Англіи, лежавшій при смерти, сказалъ одному изъ своихъ друзей виговъ, пришедшему посовѣтоваться съ нимъ объ этомъ намѣреніи: „Я никогда не одобрялъ трехгодичнаго билля и всегда думалъ, что на самомъ дѣлѣ онъ производитъ результатъ, противный тому, какого хотѣли мы достичь. Вы имѣете сердечное мое сочувствіе въ этомъ дѣлѣ и я думаю, что оно будетъ самою твердою опорою для свободы Англіи“. Теперь напротивъ, прогрессисты требуютъ сокращенія срока. Откуда такая разница въ желаніяхъ людей сходнаго образа мыслей? Въ началѣ XVIII вѣка назначеніе огромнаго большинства членовъ Палаты Общинъ зависѣло отъ лордовъ и частая смѣна парламентовъ неблагопріятствовала самосостоятельности депутатовъ, которые только долгимъ срокомъ выборовъ избавлялись отъ произвола своихъ патроновъ. Подобное положеніе вещей продолжалось до самой реформы 1832 года, которая, увеличивъ число депутатовъ, назначаемыхъ большими городами, ввела въ Палату Общинъ значительное число представителей средняго сословія независимыхъ отъ патронатства. Но все еще большинство депутатовъ избирается подъ сильнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, или даже просто по ихъ назначенію. Новая реформа намѣрена положить конецъ этому введеніемъ тайной баллотировки и другими измѣненіями, о которыхъ скажемъ ниже. Тогда большинство Палаты Общинъ будетъ состоять изъ людей истинно независимыхъ, и болѣе частые выборы будутъ принуждать ихъ соображаться не съ желаніями какихъ-нибудь патроновъ, какъ было прежде, а съ потребностями ихъ избирателей, также дѣлающихся независимыми отъ патронатства, т. е. быть вѣрными представителями общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ съ перемѣною обстоятельствъ одинъ и тотъ же законъ изъ либеральнаго становится реакціоннымъ или наоборотъ; и прогрессисты находятъ нынѣ пользу въ сокращеніи срока, между тѣмъ какъ прежде продолжительный срокъ былъ нуженъ для того, чтобы Палата Общинъ хотя нѣсколько повиновалась общественному мнѣнію.

Теорія различныхъ оттѣнковъ реформаціонной партіи почти единодушна по этому вопросу. Могущественное общество „Друзей всенароднаго выбора“ (Comples de suffragistes), радикалы и прогрессивные либералы подобно хартистамъ, которыхъ очень мало въ парламентѣ, но къ которымъ по прежнему принадлежитъ большинство простолюдиновъ, желаютъ ежегодныхъ выборовъ, которые были однимъ изъ шести пунктовъ знаменитой „народной партіи“ (People's Charter), представленной въ 1839 году Палатѣ Общинъ въ формѣ просьбы съ 1,200,000 подписей и вновь представленной въ 1848 году съ такимъ же числомъ подписей.

Если семилѣтній срокъ не удержится, то виги и тори вѣроятно будутъ отстаивать трехлѣтній срокъ, бывшій въ концѣ XVII вѣка. Мы говоримъ,—вѣроятно, потому что ни виги, ни тори еще невысказывали своихъ программъ по вопросу о реформѣ; и только по открытіи парламентскихъ за-

сѣданій, около половины февраля, когда лордъ Дерби и лордъ Россель (быть можетъ и лордъ Пальмерстонъ отдѣльно отъ Росселя) представятъ свои собственные билли въ соперничество съ Брайтовымъ, можно будетъ съ достовѣрностію опредѣлить, какую мѣру уступокъ предлагаютъ отъ себя та и другая изъ старыхъ партій. Еще неизвѣстно, какой срокъ сочтетъ практичнымъ для настоящаго времени и реформаціонная партія.

Другое коренное измѣненіе относится къ составу Палаты Общинъ. Реформаціонная партія требуетъ новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ между деревнями, или, какъ называютъ въ Англіи, графствами, и городами.

Въ настоящее время Палата Общинъ состоитъ изъ 658 человѣкъ; но избирательные округи назначаютъ извѣстное число депутатовъ, вовсе не по пропорціи къ числу своего населенія, какъ во всѣхъ Европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ, а просто—каждый округъ извѣстнаго класса выбираетъ извѣстное число депутатовъ, одно и тоже въ самыхъ маленькихъ и въ самыхъ большихъ округахъ этого класса.

Во-первыхъ пользуются правомъ назначать депутатовъ въ парламентъ три университета: Оксфордскій, Кембриджскій и Дублинскій Св. Троицы, каждый по два депутата.

Второй разрядъ избирательныхъ округовъ составляютъ деревни; ихъ депутаты называются, какъ мы знаемъ, депутатами графствъ. Число всѣхъ такихъ депутатовъ въ Палатѣ Общинъ простирается до 253. Тутъ избиратели — немногочисленные землевладѣльцы и толпа фермеровъ, совершенно зависящихъ отъ землевладѣльцевъ, которые нарочно не соглашаются на заключеніе съ ними срочныхъ контрактовъ, а ограничиваются контрактами безсрочными (at will), которые могутъ быть уничтожены во всякое время произволомъ каждаго изъ двухъ контрагентовъ. Выборы происходятъ въ Англіи посредствомъ записи въ книгу, за какого кандидата какой избиратель подаетъ голосъ. Такимъ образомъ землевладѣлецъ можетъ прогнать съ фермы фермера, который не послушается его приказанія и не поддержитъ своимъ голосомъ кандидата, пользующагося покровительствомъ землевладѣльца. Почти вся земля въ Англіи сосредоточена, какъ извѣстно, въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ аристократовъ, и эти немногочисленные богатые землевладѣльцы назначаютъ всѣхъ такъ называемыхъ депутатовъ графствъ, то есть почти двѣ пятыхъ части всего числа депутатовъ, составляющихъ Палату Общинъ.

Остальные 399 депутатовъ избираются городами или, чтобы вѣрнѣе передать смыслъ англійскаго термина—замками или цитаделями (borough). Въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда всѣ города были крѣпостями, и городскую корпорацію составляли только граждане, жившіе въ собственно такъ называемомъ укрѣпленномъ городѣ, а жители предмѣстій были исключены отъ участія въ ихъ правахъ. Мало по малу все это измѣнилось, стѣны разрушились, жители предмѣстій сравнялись въ правахъ съ жителями стараго города; но въ избирательномъ смыслѣ городъ по прежнему называется не просто городомъ (city), а укрѣпленнымъ городомъ или замкомъ (borough). Средневѣковое начало осталось не въ одномъ имени, но и въ чрезвычайной неравномѣрности пропорцій между числомъ жителей или даже избирателей и числомъ назначаемыхъ

ими депутатовъ. Землевладѣльческіе или деревенскіе округи по крайней мѣрѣ всѣ довольно велики; но въ числѣ городовъ, назначающихъ каждый по стольку же депутатовъ, какъ Ливерпуль, Манчестеръ, Глэзго, Лидсъ или Бирмингемъ, находится множество маленькихъ и ничтожныхъ мѣстечекъ, болѣе похожихъ на деревушки, нежели на города. Количество этихъ запустѣвшихъ городовъ (rotten boroughs), составляющихъ каждый по отдѣльному избирательному округу, уменьшено на половину реформою 1832 года, но все-таки ихъ остается еще чрезвычайно много; между прочимъ насчитывается 59 такихъ городовъ, которые имѣютъ каждый менѣе 500 избирателей. Всѣ вмѣстѣ эти 59 городовъ, имѣя только 20,076 избирателей и всего населенія не болѣе 373,000, посылаютъ въ парламентъ 89 депутатовъ, между тѣмъ какъ Ливерпуль, одинъ имѣющій большее число жителей и избирателей, нежели всѣ они вмѣстѣ, назначаетъ только двухъ депутатовъ.

Въ числѣ многочисленныхъ маленькихъ городковъ, имѣющихъ избирательную привилегію, находится много такихъ, въ которыхъ всѣ жители совершенно зависятъ отъ одного землевладѣльца, какъ будто въ деревнѣ; поэтому не будетъ преувеличеніемъ сказать, что до сихъ поръ большинство Палаты Общинъ назначалось нѣсколькими сотнями богатыхъ землевладѣльцевъ, а весь остальной милліонъ избирателей Англіи назначалъ только меньшую половину депутатовъ, составляющихъ Палату Общинъ.

Измѣненіе въ распредѣленіи избирательныхъ округовъ, требуемое реформаціонною партіею, имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ уменьшить зависимость Палаты Общинъ отъ аристократическихъ землевладѣльцевъ, и безъ того уже имѣющихъ слишкомъ значительную долю въ законодательной власти по своему званію членовъ Палаты Лордовъ. Во-вторыхъ уничтожить страшную неравномѣрность числа депутатовъ съ числомъ населенія въ разныхъ избирательныхъ округахъ.

Въ теоріи тутъ и манчестерская школа и радикалы опять согласны съ хартистами: они считаютъ наилучшимъ тотъ принципъ, какой введенъ во всѣхъ новыхъ конституціонныхъ государствахъ Западной Европы, именно распредѣленіе страны на избирательные округи безъ различія городовъ отъ деревень, и каждому избирательному округу предоставленіе числа представителей прямо соразмѣрнаго его населенію. Тогда, напримѣръ, Манчестеръ составлялъ бы одинъ избирательный округъ съ окрестными мѣстечками и деревнями или, пожалуй, и цѣлое Ланкастерское графство, то есть и Манчестеръ и Ливерпуль и другіе города со всѣми деревнями Ланкастерскаго графства составляло бы одинъ округъ. И напримѣръ въ первомъ случаѣ, если Манчестерскій избирательный округъ имѣлъ бы 500,000 жителей, между тѣмъ какъ все Великобританское Королевство съ Ирландіею 28,000,000, и въ Палатѣ Общинъ по прежнему будутъ находиться 658 членовъ, то на долю Манчестерскаго округа пропорціонально числу его жителей пришлось бы выбирать 11 или 12 представителей.

Такова теорія реформистовъ. До какой степени возможнымъ сочтутъ они измѣнить въ настоящее время распредѣленіе избирательныхъ округовъ на практикѣ, мы скоро узнаемъ.

Третье измѣненіе относится къ условіямъ, которыя до сихъ поръ были

нужны человѣку для того, чтобы онъ могъ явиться кандидатомъ на парламентскіе выборы. До сихъ поръ могъ быть членомъ парламента отъ графства только владѣтель участка земли, дающаго не менѣе 600 фун. стерл. (немного менѣе 4,000 р. серебромъ) годоваго дохода, а представителемъ отъ города только человѣкъ имѣющій собственность, приносящую не менѣе 300 фун. стерл. (около 2,000 руб.) ежегоднаго дохода. Исключеніе изъ этого допускалось одно, и то въ пользу аристократіи: старшіе сыновья перовъ Англіи могутъ быть избираемы депутатами отъ графствъ, хотя бы не имѣли никакого самостоятельнаго дохода.

Вся реформаціонная партія согласна въ теоретическомъ желаніи, чтобы это и нѣкоторыя другія стѣснительныя условія кандидатства были отмѣнены, и депутатомъ могъ быть каждый англичанинъ, котораго почтутъ своимъ довѣріемъ избиратели.

И теперь есть и прежде были въ числѣ членовъ Палаты Общинъ люди безъ всякаго состоянія; но они вступали въ парламентъ какъ кліенты могущественныхъ аристократовъ, которые, сообщивъ имъ право называться владѣльцами нужной для кандидатства собственности посредствомъ какого нибудь фиктивнаго акта, доставляли имъ для безбѣдной жизни какую нибудь синекуру или просто давали содержаніе отъ себя. Если другія перемѣны, требуемыя реформаціонною партіею, осуществятся въ надлежащемъ размѣрѣ, то въ Палату Общинъ войдетъ множество людей безъ состоянія, но дорожащихъ своею независимостью,—такихъ людей, которые не захотятъ принимать синекуръ, а тѣмъ менѣе позволятъ кому нибудь предложить имъ содержаніе. Но обязанность члена Палаты Общинъ, дѣйствительно исполняющаго свой долгъ, отнимаетъ чрезвычайно много времени. Въ теченіе всей парламентской сессіи одно присутствіе въ засѣданіи отнимаетъ у него почти половину дня. Если же онъ будетъ говорить рѣчи, то ему понадобится еще много времени на статистическія, историческія, юридическія и другія ученыя занятія. Притомъ жизнь въ Лондонѣ гораздо дороже, нежели въ провинціальныхъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ деревняхъ. Человѣкъ не богатый не можетъ быть отвлекаемъ такъ сильно отъ своихъ частныхъ дѣлъ и переселяться въ столицу безъ вознагражденія. Потому необходимымъ дополненіемъ къ другимъ преобразованіямъ является назначеніе жалованья членамъ Палаты Общинъ. Народная Хартія опредѣляла его въ 500 фунтовъ (нѣсколько болѣе 3,000 руб. сер.) въ годъ.

Въ Соединенномъ Королевствѣ Великобританіи Ирландіи считается около 7,000,000 взрослыхъ мужчинъ. Изъ нихъ до сихъ поръ только одна шестая часть, не многимъ болѣе 1,000,000 человѣкъ, пользовалась правомъ подавать голосъ на парламентскихъ выборахъ. Въ графствахъ это право предоставлено теперь только владѣльцамъ независимыхъ участковъ земли, freeholders, дающихъ не менѣе 10 фунт. дохода и фермерамъ, платящимъ за наемъ фермы землевладѣльцу не менѣе 50 фунтовъ; а въ городахъ лицамъ, занимающимъ квартиры цѣною не менѣе 10 фунтовъ. Такимъ образомъ даже и среднее сословіе не все пользуется избирательнымъ правомъ, а изъ простолюдиновъ недоступно оно, можно сказать, никому.

Хартисты, радикалы и манчестерская школа согласны въ томъ, что слѣ-

довало бы желать, чтобы каждый взрослый англичанинъ, безъ всякаго различія состояній, сдѣлался избирателемъ. Въ теоріи вся реформаціонная партія принимаетъ suffrage universel. Какими условіями надобно ограничить его, чтобы реформа могла пройти черезъ нынѣшнюю Палату Общинъ, огромное большинство которой принадлежитъ къ стариннымъ аристократическимъ партіямъ,—это другой вопросъ; и теперь еще неизвѣстно, какія именно основанія для расширенія числа избирателей приметъ Брайтъ въ своемъ биллѣ, по совѣщанію съ депутатами главнѣйшихъ реформаціонныхъ обществъ, покрывающихъ теперь всю Англію своими комитетами. Изъ его рѣчей на митингахъ извѣстно только что онъ считаетъ для настоящаго времени практичнымъ основаніемъ такое расширеніе избирательнаго права, чтобы участвовалъ въ парламентскихъ выборахъ каждый, участвующій въ выборахъ лицъ, завѣдующихъ сборами на неимущихъ, то есть, каждый глава семейства или человѣкъ, живущій самостоятельнымъ хозяйствомъ.

Остановится ли онъ на этомъ основаніи или, по совѣщанію съ важнѣйшими представителями реформаціонной партіи, найдетъ практичнымъ измѣнить его,—пока еще неизвѣстно. Но этотъ вопросъ представляется наименѣе сомнительнымъ изъ всѣхъ составныхъ пунктовъ реформы относительно своего дѣйствительнаго осуществленія. Старинныя партіи вѣроятно будутъ противиться введенію баллотировки и пропорціональнаго распредѣленія депутатовъ по числу населенія избирательныхъ округовъ; но кромѣ немногихъ слишкомъ упорныхъ тори, думающихъ отдѣлиться отъ лорда Дерби и остальныхъ тори, чтобы безусловно отвергать реформу, всѣ оттѣнки парламентскихъ партій согласны въ томъ, что избирательное право должно быть расширено въ очень значительной степени; и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что реформа введетъ въ число избирателей половину совершеннолѣтнихъ англичанъ, такъ чтобы пониженіе ценса обняло значительную часть простолюдиновъ.

Но предоставленіе правъ бѣдной части средняго сословія и простолюдиновъ дастъ ихъ потребностямъ дѣйствительное вліяніе на составъ Палаты Общинъ только тогда, когда независимость избирателей будетъ ограждена введеніемъ тайной баллотировки (ballot) на выборахъ. Эта гарантія въ Англіи необходимѣе, нежели гдѣ нибудь. Во Франціи, въ Бельгіи, въ Германіи есть очень много простолюдиновъ, владѣющихъ землею, слѣдовательно независимыхъ отъ чужаго произвола; многіе ремесленники также занимаются въ этихъ странахъ своими промыслами, какъ самостоятельные хозяева. Въ Англіи ни тотъ, ни другой разрядъ самостоятельныхъ простолюдиновъ почти не существуетъ. Простолюдины-земледѣльцы тамъ не болѣе, какъ наемные работники, подчиненные произволу фермеровъ, которые въ свою очередь также подчинены произволу землевладѣльцевъ. Ремесленные промыслы гораздо въ сильнѣйшей степени, нежели на континентѣ, сосредоточены въ обширныхъ мастерскихъ, и ремесленники такъ же, какъ и земледѣльцы, почти всѣ обратились въ наемныхъ работниковъ;—о фабричныхъ работникахъ нечего и говорить. Потому введеніе тайной баллотировки реформаціонною партіею требуется съ такою же настойчивостью, какъ расширеніе избирательнаго права. Но изъ всѣхъ пунктовъ Брайтова билля баллотировка встрѣтитъ самое сильное сопротивленіе со стороны старинныхъ партій, сознающихъ, что именно въ этомъ вопросѣ заклю-

чается вопросъ о продолженіи или паденіи прежней ихъ силы. Пройдетъ ли это требованіе реформаціонной партіи черезъ Палату Общинъ, трудно сказать прежде, нежели разъясняться мнѣнія той части виговъ, которая отвергла Пальмерстона и возвратилась къ прежнему главѣ всей вигистской партіи, лорду Росселю.

Мы изложили требованія реформаціонной партіи и смыслъ ихъ.

Народная Хартія также ограничивалась шестью пунктами, составляющими теперь програму всѣхъ независимыхъ либераловъ. Ея знаменитыя требованія были:

1) Всеобщее право избирательства; избирателемъ долженъ быть каждый совершеннолѣтній человѣкъ, находящійся въ здравомъ разсудкѣ и не осужденный за уголовное преступленіе.

2) Ежегодные парламентскіе выборы.

3) Жалованье членамъ Палаты Общинъ, чтобы и люди безъ состоянія могли принимать на себя званіе депутатовъ.

4) Выборы посредствомъ тайной баллотировки, чтобы оградить независимость избирателей.

5) Новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ, чтобы число депутатовъ отъ каждаго округа было соразмѣрно его населенію.

6) Отмѣненіе ценса для кандидатовъ, чтобы нація могла избирать своихъ депутатовъ безъ различія между богатыми и бѣдными.

Въ 1839 году, и даже не дальше, какъ въ 1848 году, Народная Хартія называлась безуміемъ, выставлялась гибелью для Англіи. Теперь мы видимъ, что честнѣйшіе и наиболѣе практичные изъ государственныхъ людей Англіи, такіе люди какъ Брайтъ и Кобденъ, своею дѣятельностью въ Лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ доказавшіе, что они вовсе не похожи на сантиментальныхъ идеалистовъ, принимаютъ всѣ шесть пунктовъ Народной Хартіи; и если билль Брайта допуститъ нѣкоторыя ограниченія въ изложенной нами программѣ, то эти измѣненія явятся только временною уступкою для пріобрѣтенія большаго числа союзниковъ въ нынѣшней Палатѣ Общинъ, только слѣдствіемъ парламентской тактики, принимающей компромиссы, взаимныя уступки или сдѣлки въ подробностяхъ, для доставленія скорѣйшаго торжества основнымъ принципамъ. Въ мірѣ нравственномъ, также какъ и въ матеріальномъ то, что сначала казалось невозможностью, часто является необходимостью, и то, что казалось безуміемъ, признается мудростью черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ послѣ того, какъ было отвергаемо, осмѣиваемо или проклинаемо.

Вопросъ объ исполненіи требованій, выставляемыхъ всею реформарціонною партіею, сталъ теперь вопросомъ только о времени. Не нынѣ, завтра, нѣсколькими годами раньше, нѣсколькими годами позднѣе, всѣ они должны быть приняты парламентомъ. Вопросъ о парламентской реформѣ вообще не допускаетъ и такой отсрочки; она должна быть произведена непозже какъ въ слѣдующую сессію, если не будетъ произведена въ сессію нынѣшняго года, что гораздо вѣроятнѣе для насъ и представляется несомнѣннымъ для всѣхъ Англійскихъ газетъ. Но спрашивается теперь, въ какой степени именно нынѣшнею реформою будутъ удовлетворены требованія реформаціонной партіи. Мы уже говорили, что это должно разъясниться не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ,

вскорѣ по открытіи парламентской сессіи. Теперь еще неизвѣстно, всѣ ли шесть пунктовъ будетъ обнимать билль Брайта, или реформаціонная партія найдетъ практичнымъ взяться на первый разъ за проведеніе только трехъ основныхъ пунктовъ (расширеніе избирательства, передѣлъ округовъ и баллотировка). Неизвѣстно также, какой именно тактикѣ захотятъ слѣдовать три оттѣнка старыхъ аристократическихъ партій, заключающихъ въ себѣ четыре пятыхъ частей всего состава нынѣшней Палаты Общинъ. Они еще и сами не рѣшили въ точности, какъ будутъ дѣйствовать: подобныя рѣшенія, вынуждаемыя необходимостью, подчиняются обстоятельствамъ, измѣняющимся каждый день, и потому окончательно принимаются только наканунѣ самаго дѣйствія. Мы перечислимъ различные шансы, указывая на тѣ, которые нынѣ представляются правдоподобнѣйшими, но которые могутъ смѣниться другими въ промежутокъ, отдѣляющій нынѣшній день отъ преній въ Палатѣ Общинъ о реформѣ.

Само собою разумѣется, мы не имѣемъ претензіи предсказывать, какъ именно и что именно случится: очень можетъ быть, что вмѣсто комбинацій, излагаемыхъ нами, явятся вслѣдствіе непредвидимыхъ обстоятельствъ другія комбинаціи. Мы только хотимъ перечислить случаи, представляющіеся вѣроятнѣйшими теперь, чтобы читатель могъ легче соображать значеніе отрывочныхъ газетныхъ извѣстій о тѣхъ парламентскихъ движеніяхъ, которыя болѣе или менѣе подходили бы къ тому или другому изъ сочетаній, объясненныхъ нами.

Въ настоящее время Палата Общинъ распадается, какъ извѣстно, на четыре большія партіи: тори, пальмерстоновскіе виги, росселевскіе виги и реформисты. Они должны слиться въ двѣ партіи, покрайней мѣрѣ по важнѣйшимъ вопросамъ, именно по вопросамъ о тайной баллотировкѣ, передѣлѣ округовъ и степени расширенія избирательнаго права. Будутъ сначала представлены три главные билля: торійскій билль Дерби, билль Росселя и билль Брайта. Представитъ ли Пальмерстонъ свой особенный билль—еще неизвѣстно, да и неважно знать это, потому что онъ незнатокъ въ подобныхъ дѣлахъ и будетъ не болѣе, какъ компиляторомъ. Быть можетъ, и пилиты представятъ особенный билль; но они малочисленны и имѣютъ важность только тѣмъ, что могутъ служить посредниками для сближенія Брайта съ Росселемъ или съ Дерби, или Росселя съ Дерби. Изъ этихъ трехъ, четырехъ или пяти биллей только два, имѣющіе наиболѣе надежды соединить большинство голосовъ, послужатъ серьезнымъ предметомъ преній; другіе будутъ представлены собственно только для формы, для очищенія совѣсти той или другой партіи, чтобы не сказали, будто она не имѣла собственнаго рѣшенія поднятому вопросу. Чьи же это два билля, которые будутъ серьезнѣйшими соперниками? По всей вѣроятности, билль Дерби и билль Росселя. Партія Дерби такъ многочисленна, что не можетъ примкнуть къ другой партіи, а можетъ только дѣлать уступки, чтобы къ ней примкнула какая нибудь другая партія. Пальмерстонъ, изнемогающій подъ непопулярностью, и малочисленные пилиты не могутъ быть серьезными соперниками Дерби. Билль Брайта не можетъ пріобрѣсти голосовъ ни массы тори, ни массы виговъ; онъ будетъ слишкомъ прогрессивенъ для нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это отдѣлить въ свою пользу по двадцати или тридцати прогрессивнѣйшихъ людей изъ того и другаго

лагеря, то есть ни въ какомъ случаѣ не могъ бы онъ имѣть у себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ имѣть гораздо меньше, можетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для большинства нужно болѣе 300 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ служить, такъ сказать, только запросомъ, только средствомъ поднять цѣну согласія, со стороны независимыхъ либераловъ, на поддержку билля какой нибудь другой партіи. Итакъ серьезнымъ соперникомъ биллю Дерби вѣроятно останется только билль Росселя. Который же изъ нихъ восторжествуетъ? Это зависитъ отъ двухъ шансовъ.

Во-первыхъ, на что рѣшатся пальмерстоновскіе виги. Присоединившись къ Дерби, они едва ли дадутъ ему большинство, но сдѣлаютъ невозможнымъ его сближеніе съ реформаціонною партіею. Присоединившись къ Росселю, они заставятъ Дерби сдѣлать всевозможныя уступки для пріобрѣтенія помощи реформистовъ, безъ которой тогда ему не будетъ спасенья.

Но быть можетъ реформисты сдѣлаютъ выборъ между Дерби и Росселемъ раньше, нежели исполнятъ свой маневръ пальмерстоновскіе виги. Въ такомъ случаѣ побѣда скоро будетъ рѣшена: она по всей вѣроятности останется за тою стороною, къ которой присоединятся реформисты.

Къ какой же сторонѣ присоединятся они? Надобно думать, что это зависитъ не столько отъ Дерби, сколько отъ Росселя. Онъ и его часть виговъ—настоящіе господа нынѣшняго положенія вещей, на сколько оно обрисовалось до сихъ поръ. Какъ бы ѣдко ни говорили реформисты о вигахъ, сколько бы услугъ ни оказали они до сихъ поръ лорду Дерби, все-таки у нихъ гораздо больше расположенія къ союзу съ Росселемъ, нежели съ Дерби: они сами вышли изъ виговъ, у нихъ множество общихъ воспоминаній съ партіею Росселя, и Россель все-таки гораздо лучшій прогрессистъ, нежели Дерби, хотя оба они довольно плохіе прогрессисты. Да и Дерби поддерживали они нѣкоторое время только для того, чтобы вынудить больше уступокъ у Росселя. Что касается до принциповъ, Росселю уступки, нужныя для сближенія съ реформистами, были бы вовсе не такъ тяжелы какъ Дерби; но тутъ примѣшивается другое обстоятельство, отнимающее возможность достовѣрно предвидѣть рѣшеніе Росселя. Уступки въ отвлеченныхъ принципахъ мало. Если билль Росселя восторжествуетъ, министерство Дерби падаетъ и образуется новый кабинетъ, кабинетъ Росселя. Если онъ будетъ обязанъ побѣдою реформистамъ, приличіе требуетъ дать имъ нѣкоторые изъ министерскихъ портфелей, или, какъ говорятъ въ Англіи, печатей. Но для этого надобно было бы отказаться отъ постояннаго правила предводителей вигистской партіи, которые всегда берегли министерскія мѣста исключительно для членовъ пяти или шести главныхъ вигистскихъ фамилій; именно эта уступка—допущеніе въ кабинетъ людей средняго рода (употребляемъ удачное выраженіе одного изъ нашихъ соотечественниковъ: оно какъ нельзя лучше характеризуетъ понятія владычествующихъ въ Англіи фамилій) по всей вѣроятности будетъ для Росселя и его товарищей тяжелѣе, нежели для Дерби и торійской партіи, которая такъ обветшала и оскудѣла умственными силами, что давно уже видитъ себя въ необходимости подкрѣплять свои кабинеты людьми средняго рода, терпѣла уже униженіе своему суздальскому чувству (прибѣгаемъ опять къ удачному выраженію того же соотечественника: только подобныя

выраженія и могутъ объяснять русскому читателю, почему Англія, при многихъ великихъ сторонахъ несомнѣннаго превосходства, не пользовалась до сихъ поръ популярностью на континентѣ), повинуясь Роберту Пилю, а теперь слушаясь д'Израэли, и уже притерпѣлась къ этой бѣдѣ.

Чтобы привлечь къ себѣ реформистовъ, Россель долженъ ввести въ свой билль тайную баллотировку,—введетъ ли онъ ее? Тяжело взять въ товарищи себѣ людей средняго рода; тяжело и подкопать основу аристократическаго господства надъ Палатою Общинъ. Но съ другой стороны, какъ же уступить Пальмерстону, ненавистнѣйшему сопернику, какъ не превзойти его въ либерализмѣ? А вѣдь приверженцы Пальмерстона уже соглашались на расширеніе избирательнаго права до какой угодно степени, хотя бы даже до всенароднаго избирательства. Стало быть превзойти ихъ въ этомъ пунктѣ нельзя, и остается только вопросъ о тайной баллотировкѣ. Что же касается до ослабленія зависимости выборовъ отъ аристократическаго вліянія, тутъ опять съ нѣкоторой непріятностью соединено и сильное удовольствіе, да и большая выгода. Почти всѣ большіе землевладѣльцы заклятые тори; уничтожить вліяніе лендлордовъ на выборы значитъ—подорвать въ самомъ корнѣ могущество торійской партіи: партія виговъ на четыре пятыхъ выходитъ изъ независимыхъ выборовъ, стало быть потеряетъ очень мало, потерявъ членовъ, даваемыхъ ей несвободными выборами, за то пріобрѣтаетъ множество новыхъ членовъ отъ выборовъ, которые выйдутъ изъ-подъ власти тори. А партія тори, вся до послѣдняго человѣка, входитъ въ Палату Общинъ только черезъ аристократическое вліяніе. Выражаясь терминами употребительными на континентѣ, тайная баллотировка имѣла бы такое вліяніе на составъ Палаты Общинъ: нынѣ правая сторона (Дерби) имѣетъ двѣ пятыхъ части голосовъ; центръ (Россель) также двѣ пятыхъ части; лѣвая сторона (Кобденъ, Брайтъ, Робакъ) одну пятую часть; чрезъ введеніе тайной баллотировки, отъ нынѣшней правой стороны уцѣлѣетъ развѣ четвертая часть; остальные ея голоса пополамъ раздѣлятся между двумя остающимися партіями. Такимъ образомъ нынѣшній центръ, нѣсколько подвинувшись направо, займетъ всю правую сторону и будетъ имѣть три пятыхъ части всѣхъ голосовъ, т. е. располагать рѣшительнымъ большинствомъ и господствовать, не нуждаясь уже ни въ какихъ союзахъ и уступкахъ. Выгоды для Росселя тутъ очевидныя. Потому многіе полагаютъ, что онъ введетъ въ свой билль тайную баллотировку. Отважится ли онъ на такое отступленіе отъ своихъ прежнихъ биллей, мы не знаемъ; но если отважится— побѣда его неподлежитъ сомнѣнію, покрайней мѣрѣ при нынѣшнемъ положеніи обстоятельствъ. Правда, пальмерстоновскіе виги могутъ тогда отшатнуться отъ него, но и вмѣстѣ съ тори едва ли составятъ они большинство.

Въ такомъ случаѣ правдоподобнѣйшій ходъ дѣлъ былъ бы слѣдующій: билль лорда Дерби отвергается (пренія, вѣроятно, начнутся съ него); это значитъ, что Палата предпочитаетъ билль Росселя. По парламентскимъ правиламъ, лордъ Дерби и его товарищи немедленно подаютъ въ отставку. Королева поручаетъ Росселю составить министерство. Обычай обязываетъ его взять своими товарищами въ министерство нѣсколько человѣкъ изъ реформистовъ, содѣйствовавшихъ паденію прежняго министерства. Но онъ можетъ не сдѣлать этого, и

для составленія большинства ввести въ министерство пальмерстоновскихъ виговъ и пилитовъ. По окончаніи преній и по утвержденіи Росселева билля парламентъ будетъ распущенъ и назначены выборы на основаніи новаго закона. Они, по всей вѣроятности, дадутъ Росселю такое большинство, что онъ будетъ въ состояніи освободиться отъ всякихъ союзниковъ, сколько нибудь стѣснительныхъ, и тогда реформисты будутъ составлять оппозицію вигистскому министерству.

Довольно вѣроятнымъ представляется и другой случай. Если Россель не введетъ въ свой билль тайную баллотировку, реформисты будутъ поддерживать билль Дерби, который въ расширеніи права избирательства можетъ не пожалѣть уступокъ, чтобы превзойти Росселя либерализмомъ. Тогда билль Дерби проходитъ и торійское министерство назначаетъ новые выборы по утвержденіи своего билля королевой. Но только до этой поры и простирается разница между двумя случаями, о которыхъ мы говоримъ: результатъ новыхъ выборовъ всегда будетъ одинъ и тотъ же. Въ новомъ парламентѣ тори будутъ слабы, большинство пріобрѣтутъ виги, а реформисты, усилившись вдвое противъ нынѣшняго, будутъ составлять оппозицію.

Наконецъ можетъ представиться третій случай, который по нынѣшнему положенію дѣлъ вѣроятенъ не менѣе двухъ другихъ: упорство виговъ противъ коренной реформы можетъ взять такую силу надъ ихъ чувствами, что они захотятъ соединиться съ тори своими давнишними соперниками, лишь бы только дать какъ можно менѣе простора преобразованію. Тогда Дерби, Пальмерстонъ и Россель, или Дерби и Россель станутъ поддерживать одинъ и тотъ же билль, составленный изъ соединенія торійскаго съ вигистскимъ. Тогда изъ виговъ очень многіе отдѣлятся отъ своихъ прежнихъ предводителей и присоединятся къ реформистамъ. Но все-таки за массою остальныхъ виговъ вмѣстѣ съ тори будетъ очень сильное большинство. Они будутъ вынуждаться тогда къ уступкамъ уже не парламентскою необходимостью, а только вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которое въ этомъ случаѣ получитъ наименьшее возможное удовлетвореніе. Возникнетъ коалиціонное министерство Росселя и Дерби или Росселя, Пальмерстона и Дерби; но и оно опять таки приходитъ къ тому же концу; послѣ новыхъ выборовъ виги получаютъ большинство и остаются одни полными господами въ кабинетѣ. Тогда въ новомъ парламентѣ тори сохранятъ нѣсколько больше голосовъ, хотя все-таки ослабѣютъ. Это сбереженіе нѣкоторой силы произойдетъ насчетъ виговъ, большинство которыхъ не будетъ такъ значительно, какъ въ двухъ другихъ случаяхъ.

Вотъ различные шансы для хода событій, и одинъ изъ трехъ, представленныхъ нами случаевъ, непремѣнно долженъ осуществиться, если не произойдетъ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ теперь политическихъ событій на континентѣ въ недолгій промежутокъ, отдѣляющій насъ отъ преній о реформѣ. Мы видимъ, что каковы бы ни были политическіе маневры партій, дѣло все-таки должно придти къ одному и тому же концу послѣ новыхъ выборовъ: въ новомъ парламентѣ тори ослабѣютъ, виги пріобрѣтутъ большинство и войдутъ въ министерство на мѣсто тори; реформисты усилятся до того, что будутъ составлять оппозицію, между тѣмъ

какъ до сихъ поръ оппозиціею бывали поочередно только или виги или тори, для которыхъ реформисты служили не болѣе, какъ союзниками.

Отъ хода событій, отъ передачи кабинета однѣми партіями другимъ, обратимся къ соображенію о томъ, какое вліяніе обнаружитъ парламентская реформа на общій характеръ англійской политики. Если читатель хотя нѣсколько сочувствуетъ тѣмъ понятіямъ о ходѣ исторіи, которые выражены нами въ началѣ этого очерка, онъ не будетъ увлекаться блистательными надеждами и одобритъ наше правило: предполагать всегда наименѣе благопріятную для прогресса развязку каждаго кризиса. Вся исторія человѣчества внушаетъ скромность ожиданій отъ настоящаго. Да оно и лучше, когда не надѣешься ничего особенно выгоднаго или радостнаго: по крайней мѣрѣ избавляешься отъ разочарованій. За то когда надежды приведены къ наименьшему размѣру, какой только допускается здравымъ смысломъ, можно быть увѣреннымъ, что то немногое и малое, на что расчитываешь, уже неизбѣжно случится. А если противъ ожиданій обстоятельства повернутся нѣсколько благопріятнѣй, нежели могли бы повернуться въ наихудшемъ случаѣ, тогда принимаешь каждую данную ими прибавку, какъ сюрпризъ судьбы. Будемте предполагать, что намъ прійдется носить шубы до самаго іюня, а если теплая погода начнется раньше, тѣмъ лучше.

Мы возьмемъ самый худшій случай, какой возможенъ. Предположимъ, что виги и тори, забывая прежнее соперничество, соединяются для сопротивленія опасности, дѣйствительно грозящей одинаково и тѣмъ и другимъ. Вѣдь широкая реформа подорвала бы могущество не только тори, но и виговъ: виги усилились бы только на короткое время, и реформисты съ каждыми новыми выборами стали бы захватывать на ихъ счетъ все больше и больше депутатскихъ мѣстъ. Если пріятность временнаго торжества не возьметъ верха надъ желаніемъ упрочить свою нынѣшнюю силу, виги соединятся съ тори теперь же для сопротивленія реформистамъ. Тогда реформа будетъ имѣть наименьшій размѣръ. Пусть будетъ отвергнуто сокращеніе срока парламента, и жалованье депутатамъ, и тайная баллотировка и уничтоженіе ценса для кандидатовъ. Все-таки остаются еще два пункта, въ которыхъ старыя партіи не могутъ не сдѣлать уступокъ общественному мнѣнію, въ которыхъ онѣ уже рѣшились на уступки. Эти два пункта: измѣненіе избирательныхъ округовъ и расширеніе избирательства. И Дерби, и Пальмерстонъ, и Россель, всѣ уже сказали, что этихъ двухъ вещей нельзя не сдѣлать. Пусть и въ нихъ уступка будетъ сдѣлана самая меньшая, хотя бы даже ничтожная, хотя бы даже на первое время чисто формальная и вздорная. Пусть останется очень рѣзкая непропорціональность между числомъ депутатовъ и населеніемъ округовъ. Пусть основою для расширенія избирательнаго права будетъ принята не самостоятельность и какое бы то ни было участіе въ платежѣ прямыхъ мѣстныхъ податей, а только пониженіе ценса, которое давно уже предлагаютъ и Дерби, и Пальмерстонъ, и Россель. Все-таки въ городахъ избирателями сдѣлаются довольно многіе простолюдины и слѣдовательно отъ тѣхъ большихъ городовъ, гдѣ выборы имѣютъ уже и теперь независимость, депутатами въ парламентъ будутъ назначаться люди, служащіе болѣе точными представителями національныхъ потребностей,

нежели теперь; и все-таки въ нѣкоторыхъ изъ маленькихъ городовъ, не имѣющихъ независимости, будетъ взято нѣсколько депутатовъ и передано большимъ независимымъ городамъ. Въ результатѣ число депутатовъ, дѣйствительно представляющихъ въ парламентѣ національныя потребности, все таки значительно увеличится и качество ихъ, если можно такъ выразиться, степень соотвѣтственности ихъ голосовъ съ голосомъ націи, улучшится. Ихъ будетъ больше, это значитъ, усилится ихъ вліяніе на парламентскія пренія; смыслъ ихъ рѣчей улучшится, это значитъ, что съ большею противъ прежняго силою они будутъ требовать отъ парламента для блага націи, больше, нежели могли требовать до сихъ поръ. Словомъ сказать, пусть реформа будетъ обрѣзана старыми партіями до послѣдней крайности,—все же она усилитъ въ парламентѣ людей, заботящихся о благѣ націи, т. е. хотя нѣсколько облегчитъ дальнѣйшій путь къ болѣе полнымъ реформамъ, а до той поры, до осуществленія болѣе полныхъ реформъ, все-таки принудитъ парламентъ хотя на одну каплю болѣе думать объ истинныхъ потребностяхъ націи, нежели какъ было до сихъ поръ. Этого мы не „надѣемся“ отъ реформы,—„надѣяться“ тутъ выраженіе неумѣстное: развѣ говорится: я надѣюсь, что 20 января солнце взойдетъ нѣсколько раньше и закатится нѣсколько позже, чѣмъ 19? Развѣ говорится: „я надѣюсь, что февраль будетъ нѣсколько теплѣе января?“ Нѣтъ, говорится просто: я знаю это,—какъ и мы скажемъ просто: мы знаемъ, что реформа дастъ англійской націи больше силы надъ веденіемъ англійской политики, нежели сколько нація имѣла силы до сихъ поръ.

Англійская нація не совсѣмъ похожа на лорда Пальмерстона и ему подобныхъ буяновъ надъ слабыми, трусовъ передъ сильными. Она, какъ и всѣ европейскія націи, живетъ своимъ трудомъ, стало быть не имѣетъ ни времени, ни охоты безъ нужды вмѣшиваться въ чужія дѣла, а хочетъ только заботиться о своемъ благосостояніи, искренно желаетъ добра и другимъ. Она, какъ и всѣ трудящіеся люди, хотѣла бы только того, чтобы лучшимъ устройствомъ ея домашнихъ отношеній было облегчено ея существованіе, и каждому изъ ея трудящихся членовъ дана возможность, послѣ тяжелой дневной работы, отдохнуть вечеромъ у домашняго очага, дана возможность имѣть нѣсколько досуга, при которомъ человѣкъ изъ чернорабочей машины мало по малу становится дѣйствительно человѣкомъ.

Но мы забыли еще одинъ шансъ. Если не вспыхнетъ какая нибудь неправдоподобная война въ два три слѣдующіе мѣсяца и не отвлечетъ бѣдную націю, жертву чужаго честолюбія и легкомыслія, отъ заботы о своихъ дѣлахъ, то билль о реформѣ будетъ принятъ Палатою Общинъ въ нынѣшнюю сессію, т. е. никакъ не дальше половины нынѣшняго года. Но вѣдь этимъ еще не кончается дѣло: билль, прошедши черезъ Палату Общинъ, нуждается потомъ въ согласіи Палаты Лордовъ, и только прошедши черезъ нее, получаетъ утвержденіе королевы. Что, если Палата Лордовъ отвергнетъ билль? Едва ли. Въ подобныхъ вопросахъ не допускается сопротивленіе Палатѣ Общинъ. Это не какой нибудь вопросъ о допущеніи евреевъ въ парламентъ; это не какія нибудь дрязги, въ которыхъ Палата Общинъ можетъ перенести отказъ: тутъ отказъ повлекъ бы за собою принятіе рѣшительныхъ мѣръ для уничтоженія самой возможности сопротивленія; дѣло можетъ коснуться состава Палаты Лордовъ. Но еслибъ и въ са-

момъ дѣлѣ палата лордовъ отвергла билль, этимъ она произвела бы развѣ отсрочку на одинъ годъ, и въ этотъ годъ агитація приняла бы такіе размѣры, что никто не могъ бы уже и подумать о дальнѣйшемъ сопротивленіи; да и самыя требованія сильно возвысились бы и билль слѣдующаго года былъ бы гораздо радикальнѣе нынѣшняго, каковъ бы ни былъ нынѣшній; слѣдовательно, отказъ Палаты Лордовъ послужилъ бы только въ пользу реформѣ.

Мы успѣли представить очеркъ только двухъ вопросовъ изъ всего безчисленнаго множества дѣлъ, занимающихъ Западную Европу. Въ числѣ этихъ дѣлъ есть довольно важныя; напр. въ Англіи вопросъ объ Іоническихъ островахъ; во Франціи, Австріи и Сардиніи, вопросъ о Ломбардо-Венеціанскихъ земляхъ; въ Турціи и Австріи, отчасти Франціи и Англіи—вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ и Сербіи; вопросъ о направленіи новаго правительства въ Пруссіи; есть кромѣ того вѣчные вопросы о Шлезвигъ-Гольштейнѣ, о Кубѣ, о Центральной Америкѣ и Богъ знаетъ еще сколько другихъ исторій, дающихъ занятіе дипломатамъ и газетамъ. Кромѣ всего этого, еще тянется война въ Остъ-Индіи, дѣлаютъ что-то европейцы въ Кохинхинѣ, проникаютъ въ Китай и Японію. Обо всемъ этомъ до слѣдующихъ книжекъ.

P. S. *15 января 1859.* Когда наша статья уже печаталась, мы получили газеты съ извѣстіемъ о митингѣ 17 января въ Бредфордѣ, гдѣ Брайтъ довольно полно изложилъ главныя основанія своего билля. Смыслъ этихъ основаній и шансы, которые указываются ими для реформаціонной партіи, объяснять теперь было бы слишкомъ долго. Замѣтимъ только два обстоятельства: билль составленъ въ духѣ чрезвычайно умѣренномъ и очевидно произвелъ въ обществѣ очень благопріятное впечатлѣніе, потому что газеты, враждовавшія противъ Брайта (и во главѣ ихъ Times) почли нужнымъ хвалить его билль, хотя и продолжаютъ возставать противъ его личности. Кромѣ того, есть въ рѣчи Брайта нѣсколько выраженій, по которымъ надобно заключать, что предводители одной изъ старыхъ аристократическихъ партій вступили съ нимъ въ переговоры. Онъ говоритъ о „могущественныхъ людяхъ, симпатія которыхъ съ нимъ которые наблюдаютъ признаки времени и ждутъ извѣстій о митингахъ подобныхъ настоящему для опредѣленія своего пути“. Кого надобно разумѣть подъ этими словами, виговъ или тори? Судя по тому, что Брайтъ сильно настаиваетъ на передачѣ большимъ городамъ почти всѣхъ депутатскихъ мѣстъ, отнимаемыхъ у мелкихъ, несамостоятелныхъ городовъ, и никакъ не соглашается уступить ихъ земледѣльческимъ графствамъ, можно предполагать, что онъ сходится съ вигами: тори никогда не согласились бы въ этомъ отношеніи на уступки, а виги сами держатся того же плана, какъ Брайтъ. Но эта догадка—не болѣе, какъ наша догадка. Да и самые переговоры, съ кѣмъ бы ни велись они, могутъ разстроиться: посмотримъ, согласится ли Россель на баллотировку,—отъ этого зависитъ очень многое.

193 г.

Страницы все

5/III 39 г. [illegible]